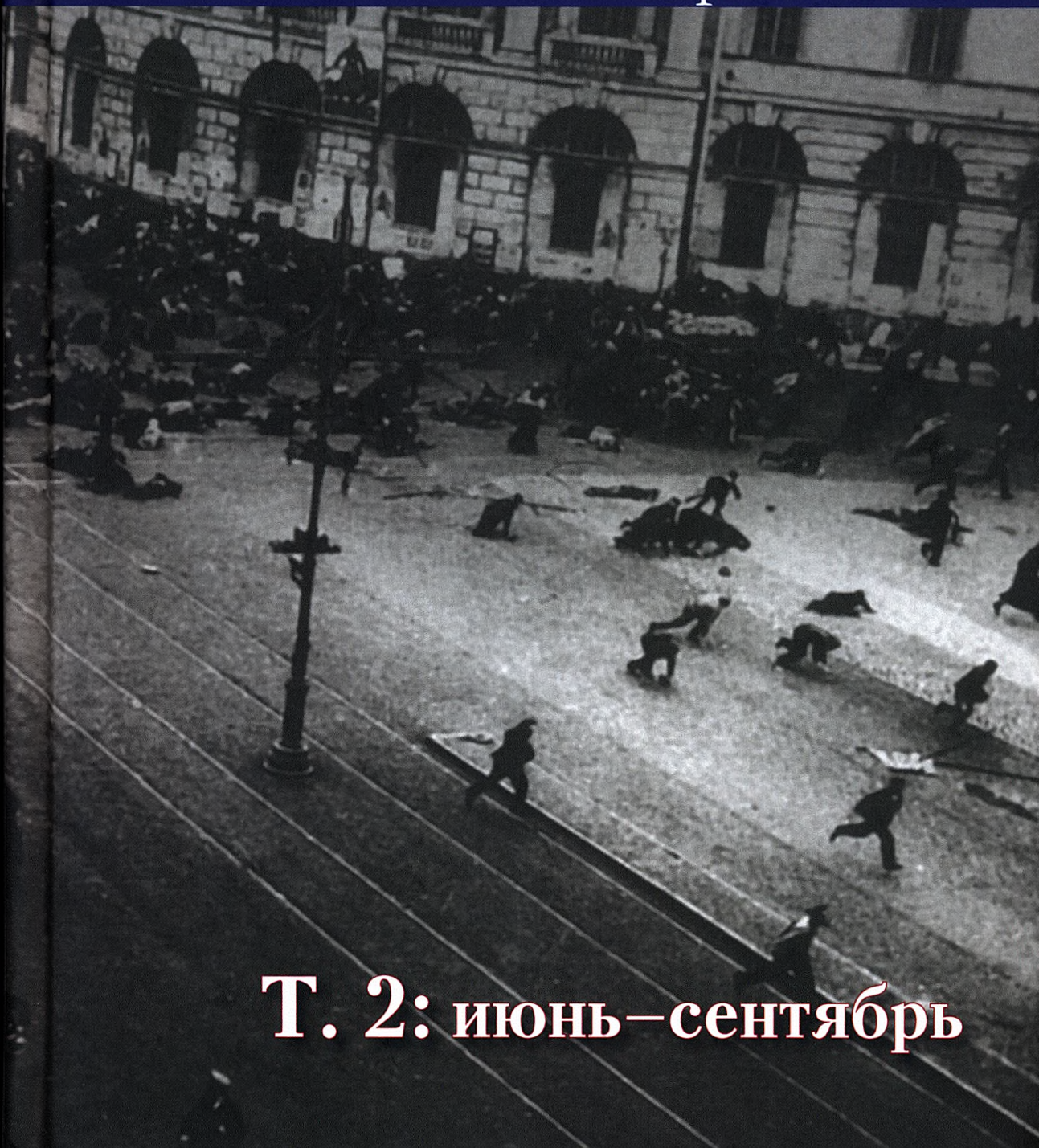

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА глазами современников

в трех томах

Т. 2: июнь–сентябрь

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА глазами современников

в трех томах

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

В. В. Журавлев
А. П. Ненароков
К. А. Соловьев
А. К. Сорокин
В. В. Шелохаев

РОССПЭН
Москва
2017

ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА глазами современников

Т. 2: июнь—сентябрь

Редактор-составитель
А. П. Ненароков

РОССПЭН
Москва
2017

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)6
Р32

*Публикация подготовлена при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 15-31-12014*

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований,
проект № 15-31-10121*

*Редактор-составитель
А. П. Ненароков*

Рабочая группа:

*М. А. Бабкин, Р. М. Гайнуллина, Н. И. Канищева, А. П. Ненароков,
И. С. Розенталь, Д. И. Рублев, П. Ю. Савельев, Н. Б. Хайлова*

Революция 1917 года глазами современников : в 3 т. – М. :
Р32 Политическая энциклопедия, 2017.

ISBN 978-5-8243-2138-8

Т. 2 : Июнь–сентябрь / ред.-сост. А. П. Ненароков ; [предисл. В. В. Шелохаева ; коммент. А. П. Ненарокова, М. А. Бапкина, Р. М. Гайнуллиной, Н. И. Канищевой, И. С. Розенталя, Д. И. Рублева, П. Ю. Савельева, Н. Б. Хайловой]. – 590 с.

ISBN 978-5-8243-2142-5

В сборнике представлены публикации из ведущих изданий революционной России — газет и журналов, принадлежавших к различным направлениям общественной мысли того времени. Они отражали точку зрения консерваторов, либералов, анархистов, эсеров, меньшевиков, большевиков, участников национального движения на окраинах страны. В статьях рассматривается весь комплекс проблем, который был в центре внимания читающей публики: причины падения монархии, характер революционного движения, параметры будущей политической системы, предпочтительная избирательная модель, отношение к войне, национальный вопрос, экономическое положение, направления внешней политики и др. Периодическая печать — пока недостаточно изученный источник, который позволяет проследить динамику настроений в обществе в течение 1917 года, понять, что в действительности волновало Россию, как менялось восприятие одних и тех же явлений в различных партийных кругах — иными словами, взглянуть на события того бурного года глазами современника, который мог лишь догадываться об их результате.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-8243-2142-5 (т. 2)
ISBN 978-5-8243-2138-8

© Шелохаев В. В., предисловие, 2017
© Ненароков А. П., Бабкин М. А., Гайнуллина Р. М.,
Канищева Н. И., Розенталь И. С., Рублев Д. И.,
Савельев П. Ю., Хайлова Н. Б., составление,
комментарии, 2017
© Гайнуллина Р. М., указатели, 2017
© Политическая энциклопедия, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	9
-------------------	---

ИЮНЬ

<i>Герасимов П.В.</i> «Самобытное»	14
<i>Струженцов М.И.</i> Об отношении к переживаемым событиям. Тезисы доклада на Всероссийском съезде православного духовенства и мирян 2 июня.	16
<i>Николаевский Б.И.</i> Знаменательная дата. 1907 г. – 3 июня – 1917 г.	17
<i>Мякотин В.А.</i> Очередная задача	19
<i>Канторович Я.А.</i> Принудительный социализм.	20
<i>Шульгин В.В.</i> «Пусти, я сам!»	24
<i>Оболенский В.А.</i> Буржуазия и «буржуи»	27
<i>Смирнов Е. (Гуревич Э.Л.).</i> Не по пути	28
<i>Троцкий Л.Д.</i> Двоебезвластие. К характеристике современного момента	31
<i>Ленин В.И.</i> Третьеиюньские зубры за немедленное наступление	37
<i>Плеханов Г.В.</i> Революционная демократия и война	38
<i>Изгоев А.С.</i> Письма о свободе. Письмо первое	41
<i>Мстиславский С.Д.</i> На повороте, к подъему	43
<i>Гриневич А.В.</i> Внутренняя политика Временного правительства	47
<i>Соколов В.А.</i> Церковь и государство.	50
<i>Цаликов А.Т.</i> Шалости реакции	52
<i>Горький М.</i> *«Объективная ценность культуры и обаятельная прелесть ее»: Несвоевременные мысли.	54
<i>Мартов Ю.О.</i> Лозунг «Вся власть Советам».	56
<i>Набоков В.Д.</i> Об Учредительном собрании	60
<i>Мякотин В.А.</i> Накануне демонстрации	62
<i>Сталин И.В.</i> Демонстрация протеста.	63
<i>Рысс П.Я.</i> Торжественный провал.	65
<i>Череванин Н. (Липкин Ф.А.)</i> Уроки манифестации 18 июня	68
<i>Чернов В.М.</i> Анархистствующий бланкизм	69
<i>Николаевский Б.И.</i> К делу Малиновского.	73
<i>Троцкий Л.Д.</i> Наступление и наступленцы.	79
<i>Семковский С.Ю.</i> Наступление или перемирие	81
<i>Шульгин В.В.</i> Этап	85
<i>Ерманский А.О.</i> Кронштадтская смута.	90
<i>Протопопов Д.Д.</i> Кронштадт, Финляндия и Украина	94
<i>Ефремов С.А.</i> Заклик до творчої роботи	96

<i>Плеханов Г.В.</i> Да здравствует автономная Украина!	98
<i>Ленин В.И.</i> Украина	100
<i>Чернов В.М.</i> Ложный вывод из правильной предпосылки	102
<i>Винниченко В.К.</i> Братання чи просто вже братерство?	105
<i>Прохоров Г.В.</i> *Церковь и социализм: о социализме вообще и социализме христианском	107
<i>Струве П.Б.</i> Иллюзии русских социалистов	111
<i>Вишняк М.В.</i> Русская свобода и П.Б. Струве	114

ИЮЛЬ

<i>Бенуа А.Н.</i> О памятниках	119
<i>Смирнов Е. (Гуревич Э.Л.)</i> Анархия или государственное строительство?	125
<i>Рыс П.Я.</i> Запоздалая истина	127
<i>Нольде Б.Э.</i> Договор с Радой	130
<i>Вольский С. (Соколов А.В.)</i> Два универсала	132
<i>Парфаньяк П.А.</i> К украинскому вопросу	134
<i>Брюллова-Шаскольская Н.В.</i> *«Демократия Украины сама выработает законы своей страны и внесет их на согласование [...] в Учредительное собрание»	140
<i>Гревс И.М.</i> Русским-украинцам	143
<i>Кикодзе Г.Д.</i> Политический момент. Доклад на Учредительной конференции Национально-демократической партии Грузии 4 июля	151
<i>Кускова Е.Д.</i> Три линии	156
<i>Троцкий Л.Д.</i> Дни испытания	157
<i>Горький М.</i> *«Драма 4 июля»: Несвоевременные мысли	159
<i>Постников С.П.</i> Итоги	161
<i>Суханов Н.Н.</i> В порядке дня	163
<i>Ган М. (Ганфман М.И.)</i> О революционной власти	165
<i>Мельгунов С.П.</i> «Мы, слава Богу, марксисты»	167
<i>Ленин В.И., Зиновьев Г.Е., Каменев Л.Б.</i> Письмо в редакцию «Новой Жизни»	169
<i>Кубиков Ив. (Дементьев И.Н.)</i> «Непримиримое противоречие»	170
<i>Мартов Ю.О.</i> Что же теперь?	171
<i>Сталин И.В.</i> Победа контрреволюции	175
<i>Петрищев А.Б.</i> Завершение первого периода	176
<i>Ленин В.И.</i> Три кризиса	184
<i>Базаров В.А.</i> Конфликт с Финляндией	187
<i>Гревс И.М.</i> Культ революции	188
Церковь как общественная сила. Редакционная статья «Всероссийского Церковно-Общественного Вестника»	197
<i>Бердяев Н.А.</i> Контрреволюция	199
<i>Брешко-Брешковская Е.К.</i> Контрреволюции нет места	204
<i>Авилов Б.В.</i> «Обвинительный акт» о большевиках	206
<i>Ленин В.И.</i> Политическое настроение	209
<i>Мартов Ю.О.</i> О рыцарской тактике	210
<i>Горький М.</i> *«Три года по горло в крови»: Несвоевременные мысли	214
<i>Засулич В.И.</i> Верность союзникам	215

АВГУСТ

<i>Сталь Л.Н.</i> Кризис власти	217
Съезду, созванному ЦК РСДРП. Письмо Центрального Бюро меньшевиков-интернационалистов	219
<i>Титлинов Б.В.</i> Политические партии в свете христианства	220
<i>Рябушинский П.П.</i> *«К сожалению, мы все испортили своими собственными руками». Речь на втором Всероссийском торгово-промышленном съезде	226
<i>Ефремов С.А.</i> На поворотці	232
<i>Мельгунов С.П.</i> Трагедия русской революции	239
<i>Канторович В.А.</i> Больная общественность	242
<i>Гарви П.А.</i> Ленинцы и Московское совещание	243
<i>Затонский М.П.</i> В чем опасность?	245
<i>Мартов Ю.О.</i> Переходный момент	247
<i>Раевский М. (Фишелев Л.И.)</i> Новый лозунг большевиков	249
<i>Тыркова А.В.</i> Перед лицом страны	252
<i>Осоргин М.А.</i> Летопись внутренней жизни	255
<i>Рысс П.Я.</i> Покаяние	264
<i>Спиридонова М.А.</i> О задачах революции	267
<i>Касрадзе Д.И.</i> Наши надежды и российские реалии	273
<i>Ленин В.И.</i> За деревьями не видят леса	275
<i>Короленко В.Г.</i> *«Война, отечество и человечество». Из писем о вопросах нашего времени в газету «Русские Ведомости». Письмо X. «Русский мирный призыв. Мир без аннексий и контрибуций»	279
<i>Погодин А.Л.</i> Церковный собор. Впечатления участника	282
<i>Череванин Н. (Липкин Ф.А.)</i> Два полюса	287
<i>Чернов В.М.</i> *Час настал! Воззвание в связи с выступлением генерала Л.Г. Корнилова	289
<i>Зиновьев Г.Е.</i> Два пути	290
<i>Заславский Д.И.</i> Корнилов	292
<i>Плеханов Г.В.</i> И.Г. Церетели	294
<i>Рысс П.Я.</i> Юбилей	296
<i>Троцкий Л.Д.</i> Кровью и железом... ..	298
<i>Слонимский Л.З.</i> *«Печальные дела русской революции и их политические последствия»	302

СЕНТЯБРЬ

<i>Горев Б.И.</i> Заколдованный круг	310
Патриотический порыв. Редакционная статья «Всероссийского Церковно-Общественного Вестника»	311
<i>Ленин В.И.</i> О компромиссах	313
<i>Дан Ф.И.</i> Линия Советов	317
<i>Набоков В.Д.</i> Провозглашение республики	319
<i>Бердяев Н.А.</i> Демократия и иерархия	321
<i>Троцкий Л.Д.</i> На чистую воду!	326
<i>Ежов В. (Цедербаум С.О.)</i> В чем дело?	329

<i>Нольде Б.Э.</i> Мир	331
<i>Куделли П.Ф.</i> Дети и война	333
<i>Ростовцев М.И.</i> Наука и революция	336
<i>Сталин И.В.</i> Вторая волна	349
<i>Саликовский А.Ф.</i> Съезд народностей	352
<i>Вишняк М.В.</i> Ленин и новая революция	355
<i>Зиновьев Г.Е.</i> Наша победа и наши задачи	358
<i>Ленин В.И.</i> Один из коренных вопросов революции	362
<i>Набоков В.Д.</i> Безнадежный эксперимент	367
<i>Кливанский С.А.</i> Честная коалиция на деловой программе	368
<i>Миров В. (Иков В.К.).</i> Кооперация на совещании (На кооперативном съезде)	371
<i>Иванович Ст. (Португейс С.О.)</i> Умопостигаемая коалиция	372
<i>Пешехонов А.В.</i> Предпарламент	374
<i>Шингарев А.И.</i> По наклонной плоскости	377
<i>Плеханов Г.В.</i> Ленин и Церетели	380
<i>Шапиро А.М.</i> Опасные иллюзии	383
<i>Ган М. (Ганфман М.И.)</i> Историческое заседание (*Из впечатлений на Демократическом совещании)	384
<i>Ленин В.И.</i> О героях подлога	387
<i>Мартынов (Пиккер) А.С.</i> Коалиционная политика и Демократическое совещание	393
<i>Левицкий (Цедербаум) В.О.</i> Две демократии. К итогам Демократического совещания	395
<i>Кикодзе Г.Д.</i> Пример Финляндии	397
<i>Дан Ф.И.</i> Очередные задачи демократии	399
<i>Каминка А.И.</i> Экономические заметки	401
<i>Арзубьев П.Ф.</i> Снова о нем	405
<i>Петрищев А.Б.</i> О разочарованиях и распаде	407
Комментарии	411
Краткие сведения об авторах	527
Именной указатель	559
Указатель литературы, источников, периодических изданий.	568

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вошедшие в том материалы периодической печати отражают процесс обвального нарастания конфликтов, затронувших все сферы жизнедеятельности и жизнеобеспечения революционной России в июне–сентябре 1917 г. Наиболее остро и бескомпромиссно они проявились в области политики. По сути, в эти месяцы Временное правительство находилось в состоянии перманентного кризиса; это выражалось, с одной стороны, в неоднократных перетрясках состава кабинета министров, что влекло за собой изменения в соотношении сил либералов и социалистов, а с другой – в корректировках политического курса правительства, который становился более радикальным. После демонстративного выхода из состава правительства его главы – либерала князя Г.Е. Львова и утверждения на посту премьер-министра социалиста А.Ф. Керенского Временное правительство явно демонстрировало свое желание сотрудничать с Советом рабочих и солдатских депутатов. В свою очередь, умеренные лидеры Совета рабочих и солдатских депутатов, чутко улавливающие тенденции к дальнейшему углублению революционного процесса, все более нарастающее нетерпение масс, их стремление к удовлетворению своих завышенных ожиданий, были также вынуждены выдвигать все более левые лозунги с еще большей настойчивостью предъявлять правительству все более радикальные требования. Тем не менее умеренные социалистические лидеры, несмотря на критическое отношение к многим акциям Временного правительства, не решались идти с ним на разрыв, следуя своей установке о длительности этапа становления демократических институтов и структур и осуществления в их рамках объективно назревших преобразований. Умеренные социалистические лидеры были убеждены в том, что пока правительство действует, исходя из «мартовских соглашений» и не отказывается от созыва всенародно избранного Учредительного собрания, которому предстоит принять новую конституцию и сформировать полноценные властные структуры, принять судьбоносные решения о мире и земле, на разрыв с ним идти не следует. Эта исходная идеологическая установка умеренных социалистов создавала неразрешимую ситуацию, при которой Временное правительство и Совет рабочих и солдатских депутатов – по мере обострения политической ситуации в стране – все прочнее увязали в порочном кругу взаимных компромиссов и одновременно претензий друг другу.

Как известно, Временное правительство коалиционного состава получило поддержку и одобрение Совета рабочих и солдатских депутатов, в том числе

и в лице его 1 Всероссийского съезда, на такие действия, как июньская военная наступательная операция, ужесточение мер как против дезертиров (введение смертной казни) на фронте, так и против экстремистов и саботажников в тылу. Наряду с поддержкой правительственных мобилизационных мероприятий и его превентивных репрессивных акций против большевиков и анархистов (особенно после июльских событий в Петрограде) умеренные социалистические лидеры все чаще координировали политику собственных партий с политическим правительственным курсом.

Углубление революционного процесса в летние месяцы 1917 г., а также вовлечение в него новых слоев населения, в том числе и маргиналов, самым непосредственным образом сказалось и на состоянии российской многопартийности. В стране возросли как количество общероссийских и национальных политических партий, так и численность их рядов. Одновременно внутри политических партий шла интенсивная дифференциация на «правых», «центристов» и «левых». Более того, из традиционных общероссийских партий (социалистов-революционеров и меньшевиков) выделились самостоятельные партийные объединения (левых социалистов-революционеров, левых меньшевиков-интернационалистов). На множество группировок раздробились и многочисленные объединения анархистов. Процесс размежевания затронул и большевиков. Внутри партии возникло несколько группировок, которые по-разному видели перспективы российской и мировой революции, текущую политическую ситуацию в стране, давали неоднозначные оценки политике Временного правительства и Совета рабочих и солдатских депутатов.

Следует подчеркнуть, что в данный период развития революционного процесса в стране активизировался процесс формирования политических партий и общественно-политических движений в национальных окраинах империи. Определенная часть национальных партий традиционно связывала свою судьбу с однопартийными общероссийскими партиями и организациями. Однако другие (и их число росло по мере обострения политической обстановки в России) не желали идти в одном фарватере с общероссийскими партиями, предпочитая вести самостоятельную линию. Стремительный рост многопартийности в центральных и национальных регионах России способствовал не только ужесточению межпартийной и внутрипартийной борьбы, но и дальнейшей дезориентации массового сознания. Межпартийная борьба в этот период с предельной ясностью выявила наличие глубинных, непреодолимых противоречий в российской интеллектуальной элите, которая в экстремальной политической ситуации оказалась неспособной объединиться перед лицом надвигающейся национальной катастрофы, найти рациональные пути к взаимному компромиссу и примирению.

В условиях нарастающей деструкции Временное правительство не раз пыталось найти и обеспечить себе более широкую опору в российском обществе (Московское Государственное совещание, Демократическое совещание, Предпарламент, Совет республики). Периодически производя перетасовку военного командования, Временное правительство стремилось получить

поддержку и в армии. Не случайно эти правительственные акции критически воспринимались в рядах революционной демократии, осознававшей, что Временным правительством руководит желание упрочить собственное положение и проводить самостоятельную политику, независимую от Совета рабочих и солдатских депутатов. В связи с этим в рассматриваемом в данном томе периоде между Временным правительством и умеренными лидерами Совета рабочих и солдатских депутатов все чаще возникали конфликты, усугублявшие и без того напряженную политическую ситуацию. Напомним, что нарастание политического конфликта происходило на фоне обострения социальных проблем (прежде всего аграрного вопроса, нарастания противостояния между рабочими и предпринимателями), экономических (дезорганизация производства и транспорта) и финансовых (инфляция). В это время набирали силу и размах национальные движения на окраинах империи, где национальные партии и организации взяли курс на самоопределение своих народностей, на создание самостоятельных независимых государств. Центробежные тенденции имели место и в сфере конфессиональных отношений (Поместный собор). Все это вместе взятое способствовало предельному обострению идейно-политической и межпартийной борьбы, которая в этот период (особенно после июльских событий) достигла, образно говоря, точки кипения.

Публикуемые в томе материалы отражают новый этап идейной и политической борьбы, накал которой ярко отражает лексика прессы. После кровавых июльских событий в Петрограде не только правительственная, но большая часть партийных печатных изданий в буквальном смысле слова обрушилась на «коварных большевиков», попытавшихся «солдатскими и матросскими штыками» испытать «силу правительства» и втянуть «подлинную революционную демократию» в авантюру, которая с логической неизбежностью привела бы к поражению «завоеваний революции» и национальной катастрофе. Лидеров большевиков объявили «агентами кайзера Вильгельма», якобы пользующимися «неограниченными субсидиями» германского правительства и немецкого Генерального штаба. В качестве повода для инвектив в адрес лидера большевиков – В.И. Ленина – в печати широко был использован и «казус Малиновского». В ответ большевистские и анархистские издания «в пух и прах» разоблачали «буржуев-кадетов», под «сурдинку» которых продолжало действовать правительство Керенского. В свою очередь, умеренных лидеры эсеров и меньшевиков обвинялись в «предательстве идеалов социализма», в попытках «свернуть революцию», направив ее в реформистское русло. Такие формы и методы лобового противостояния, распространяемые со страниц периодической печати, объективно способствовали деструкции массового сознания, возрастанию агрессивных форм и методов борьбы в городах и сельской местности.

Итак, летние месяцы 1917 г. можно по праву считать переломными в развитии революционного процесса в России. В это время в партийной печати все реже стали вспоминать о «общенациональной» и «бескровной» мартовской революции. Увеличилось число публикаций, в которых содержалась попытка

трактовать ее более вариативно, стремление «разложить» «единый революционный процесс» на несколько разнопорядковых по своему характеру революций (интеллигентскую, рабочую, аграрную, национальную). Одновременно в консервативной печати мартовская революция изображалась в качестве фактора морально-нравственной деструкции традиционного интеллигентского сознания, ведущей к распаду России.

По сути, в это время начался процесс «второго прочтения», а следовательно, и «осмысления» революции 1917 г. В результате получалось, что каждое общественно-политическое течение в России (консервативное, либеральное, социалистическое) – причем в каждом из них было множество вариаций – по-разному воспринимало и оценивало совершившуюся в России революцию, по-разному представляло перспективу дальнейшего развития страны. Все это свидетельствовало о том, что в российской интеллектуальной среде царил идейный разброд, не позволяющий выработать ни единых критериев в оценке происходящих в России революционных перемен, ни дать реалистический прогноз возможного развития ситуации.

Наряду с этим (по крайней мере, на интуитивном уровне) приходило осознание, что постоянная стрессовая ситуация чревата вполне реальной национальной катастрофой. Не случайно, что в этот период активизировались представители имущих классов, мобилизация которых выразилась в создании собственных внепартийных структур (Союзы земельных собственников, Союзы промышленников и предпринимателей, сельских хуторян, представителей бизнеса и офицерского корпуса). Эти структуры все более настойчиво и решительно стали требовать от Временного правительства «наведения порядка», применения «репрессивных мер» к максималистам и экстремистам разных направлений и мастей. Такая позиция предельно четко обозначилась на августовском Государственном совещании в Москве. Однако попытка «правового реванша», предпринятая генералом Л.Г. Корниловым, не была поддержана А.Ф. Керенским, который, по крайней мере на словах, намеревался лично навести «порядок в стране» и внести соответствующие «поправки» в правительственный курс, что, по его мнению, могло бы канализировать революционную стихию, направив ее в русло демократических преобразований.

Генеральский путч был той гранью, которая стала разделительной линией внутри российской демократии как целого. Вынужденные в силу идеологических догм поддерживать Временное правительство, лидеры умеренных социалистов после июльских событий стали стремительно терять доверие в широких массах. Это, в частности, выразилось в росте влияния в Советах леворадикальных партий, которые выразили готовность выдвинуть лозунг «Вся власть Советам». Фактически это означало расширение фронта борьбы с Временным правительством, что, безусловно, было на руку большевикам. Вместе с тем большевики сделали следующий по сравнению со своим апрельским лозунгом «Вся власть Советам» шаг, подчеркивая, что власть необходимо передать не данному составу Совета рабочих и солдатских депутатов, который «связал себе руки», поддерживая политику правительства Керенского,

а реформированным Советам. В июле–сентябре 1917 г. ленинское требование «большевизации Советов» стал лозунгом практического действия. Процесс «большевизации» Советов (Петроградского и Московского) не мог не способствовать усилению влияния большевиков в массовых организациях, которые все чаще и все активнее выражали недоверие не только Временному правительству, но и лидерам умеренных социалистических партий.

Вошедшие в данный том материалы шаг за шагом представляют диалектически сложную картину трансформации представлений всех основных теоретиков и политиков российских политических партий в июне–сентябре 1917 г., степень коррекции их оценок и прогнозов дальнейшего развития революционного процесса в России, изменение их программных и тактических установок, рост/сужение каналов их влияния на массовое сознание. Все это вместе взятое свидетельствовало об одном: осенью 1917 г. Россия оказалась на пороге судьбоносных событий, а политическим лидерам разных идейно-политических направлений предстояло сделать непростой выбор.

В выявлении корпуса материалов и их комментировании приняли участие: доктор исторических наук А.П. Ненароков, доктор исторических наук М.А. Бабкин, Р.М. Гайнуллина, кандидат исторических наук Н.И. Канищева, доктор исторических наук И.С. Розенталь, кандидат исторических наук Д.И. Рублев, кандидат исторических наук П.Ю. Савельев, кандидат исторических наук Н.Б. Хайлова. Статьи из украинской и грузинской прессы подобрали и прокомментировали доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент НАН Украины Солдатенко В.Ф. (Институт политических и этнонациональных исследований им. И.Ф. Кураса), доктор исторических наук, директор парламентского архива Грузии Якобашвили И.П.

Особую признательность хотелось бы выразить сотрудникам Центра социально-политической истории Государственной публичной исторической библиотеки России, оказавшим неоценимую помощь в подготовке сборника.

Доктор исторических наук, профессор В.В. Шелохаев

Герасимов П.В.

«САМОБЫТНОЕ»

Не находите ли вы, что все мы живем и действуем немножко с повышенной температурой? Пощупайте вашу голову, – не слишком ли она горяча? Посмотрите ваш пульс, – не слишком ли он часто и тревожно бьется? И, решив, что признаки лихорадки налицо, не поставим ли мы для самих себя вопрос: что делать? Продолжать ли оставаться на посту, нести свою долю общественной заботы, хлопотать и суетиться, созидать и разрушать, или на время уйти от докучной политики, сказаться больным, лечь в постель и наглухо прикрыться одеялом?..

Напрасная надежда! Шумы жизни сейчас так велики, что все равно они дойдут до вас и через плотную ткань. Краски жизни так ослепительно яркие, что они будут слепить вас через зажмуренные веки. Действительность назойлива и бесцеремонна. Она не станет ждать, живо стянет одеяло, поставит вас на ноги и вытолкнет на улицу, на эту удивительную улицу русской свободы, где все сейчас бурлит, волнуется, слишком сильно любит и ненавидит, слишком бурно верит и неистово подозревает...

Больное время, больные люди! Таковы свойства и последствия каждой революции, и с этой, именно с этой точки зрения нам, тоже захваченным эпидемией революционной путаницы и сумятицы, и надо оценивать все очередные нелепости и опасные приключения и происшествия сегодняшнего политического дня.

Будем только стараться не впадать в болезненные крайности. Начитавшись историй разных революций мира, не станем впадать в уныние и отчаяние от этой зловещей повторяемости увлечений и ошибок глупого человечества. Не станем с безнадежностью повторять, что мы, как все, неминуемо свалимся в пропасть реакции, порожденной крайностями и ошибками революции. Безнадежность ведь плохой сотрудник в общественной и политической деятельности. Без надежды работать и бороться нельзя. Но нельзя вдаваться и в другую крайность. Нельзя верить, что у нас все иначе, чем в истории других стран. Нельзя слепо надеяться на то, что то самое, что загубило свободу наших западных соседей и предшественников, пойдет, наоборот, на пользу нашей российской революции.

Согласимся с тем, кто говорит, что у нас есть свои, чисто русские особенности и постараемся пристальнее взглянуть, в чем же эти особенности заключаются и как влияют они на образование наших домашних настроений. Это

очень важно. Нам, маленьким современникам больших событий, не суждено, быть может, разорвать смыкающийся круг железного предначертания истории. Но то, что от нас самих, – это ведь в наших руках. Здесь, быть может, можно еще кое-что сделать, кой с чем справиться, кое-что изменить и направить в желательную для нас сторону.

Не станем скрывать от себя, что наше русское, наше самобытное мы получили в качестве не очень-то благополучного наследия. Кто он, этот наследодатель, не успевший написать духовное завещание, чьи запутанные дела и не подсчитанные богатства должны были мы принять в качестве законных наследников? Ведь это же наш старый знакомец, трижды проклятый и насквозь прогнивший старый режим, в отравленной атмосфере которого мы получали наше общественное и гражданское воспитание! Так будем ли мы удивляться тому, что у нас такой успех имеет антигосударственная шумиха Ленина и других более бессовестных и не менее задорных политических спекулянтов! Разве для нас, только что вылезших из болота полурабского существования, не неизбежно неумение наше подняться до высоты чисто государственного понимания, нежелание наше в ответственную пору русской истории больше думать об интересах России, чем об интересах собственного своего не совсем даже голодного желудка и не очень уж обездоленного карманного интереса? А эта подчас даже трогательная по крайнему своему легкомыслию доверчивость так называемых широких масс ко всякого рода весьма звучным и вместе с тем и весьма дешевым обещаниям? Проявления бесшабашной удали и своеволия в расхрабренной провинции, освободившейся от начальственного гнета городского? Эти упрощенные способы политической борьбы, где все инакомыслящие объявляются под бойкотом и зачисляются в разряд презренных буржуев, контрреволюционеров, капиталистов, империалистов и т. д. и т. д.? Разве все это не оттуда, не от прошлого, не от Щегловитовых, Штурмеров и Протопоповых?..

Да, нам надо основательно подчиститься и обновиться, не только внешне, но и внутренне. Сделать это не так уж трудно, так как, что ни говори, а мы уже не в затхлой и душной тюрьме, а на свежем воздухе, где нас обвеивает вольный и живительный ветер свободы. Но не будем вообще неблагодарными к старому режиму. Кроме порочного наследия, о котором речь выше, и груды неоплаченных векселей, о которых скажем при случае особо, он наделил нас и кой-чем положительным, это в нынешнее время может нам очень пригодиться.

Мы, например, в самом деле, больны, нас бьет революционная лихорадка и это так досадно мешает плодотворной работе нового государственного строительства. Но разве это состояние повышенной температуры нам непривычно? Разве старая власть не создавала для нас таких условий, которыми непрерывно болела и терзалась русская общественность? Так нам ли бояться этого теперь, когда приходится вновь выходить на работу с потрепанными нервами и воспаленной головой!..

Мы – люди привычные и закаленные. Не свалили нас на больничную койку лютые метели самодержавия. Так не будем же мы проситься в отпуск по болезни теперь под буйным натиском охмелевшего от свободы революционного урагана!..

Свободный Народ. 1917, 1 июня. № 1.

Струженцов М.И.

ОБ ОТНОШЕНИИ К ПЕРЕЖИВАЕМЫМ СОБЫТИЯМ

Тезисы доклада на Всероссийском съезде православного духовенства и мирян 2 июня

1. *Царское самодержавие и демократический строй государства.* Царское самодержавие, как исполнившее в истории свое назначение внешнего собирания Руси, должно отойти в прошлое. Возврата ему нет, так как а) оно оказалось бессильным устроить внутреннюю жизнь входящих в состав государства народов и племен соответственно их общечеловеческому и национальному правосознанию, б) поработало Церковь, наложив руку на ее каноническое устройство, внутреннюю жизнь, богослужение, почему падение его есть и раскрепощение Церкви. Хотя христианство может существовать при всякой форме государственного устройства, но возведенному христианством понятию о человеческой личности и церковному началу соборности более соответствует демократический строй государства.

2. *Отношение к Временному правительству.* Полнота верховной власти перешла к народу, управление же страной до созыва Учредительного собрания принадлежит Временному правительству, подчинение которому необходимо во избежание губительного, особенно в переживаемое время, безначалия.

3. *Отношение к национальным, классовым и партийным организациям.* Для каждого православного христианина возможно участие во всех не враждебных христианству национальных, классовых и партийных организациях, причем он всюду должен приносить с собой христианские понятия и располагать сочленов к содействию Церкви в осуществлении ее задач. В Учредительное собрание он должен проводить от организации, действуя словом убеждения, лиц, наиболее к Церкви расположенных.

4. *Учредительное собрание* должно быть созвано на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, лишь только это окажется возможным по обстоятельствам военного времени. В обеспечении для каждого полной свободы подачи голоса все должны содействовать Правительству на местах во время производства выборов. Подчинение решениям Учредительного собрания есть общегосударственный долг.

5. *Всероссийский церковный собор* должен быть созван ранее Учредительного собрания или одновременно с ним. Необходимо готовиться к нему в частных, приходских, епархиальных и всероссийских собраниях.

6. *Отношение к войне и внутренней розни.* Как ни прискорбна с христианской точки зрения война, но ее необходимо продолжать до такого исхода, который обеспечил бы государственную целостность России, свободу ее политического и церковного самоуправления, равно долгий и прочный мир. Нужно, чтобы в православном духовенстве ожил дух св. Сергия, святителя Гермогена, Авраамия Палицына, Дионисия и других, вышедших из рядов нашего папштыства, крепких стоятелей за русскую землю и миротворцев во дни бед и разделений. Настал час, когда из мирян вновь должны явиться Минины и Пожарские. Нужен повсеместный горячий призыв к немедленному прекращению классово и партийной розни и собрание всех сил страны для отпора врагу на рубежах, как вернейшее средство к приближению желанного, особенно для христиан, мира.

*Всероссийский Церковно-Общественный Вестник. 1917, 6 июня. № 42;
Московский Церковный Голос. 1917, 29 июня. № 16.*

Николаевский Б.И.

ЗНАМЕНАТЕЛЬНАЯ ДАТА

1907 г. – 3 ИЮНЯ – 1917 г.

Ровно десять лет тому назад обнаглевшим правительством Столыпина-вешателя нанесен был последний удар революции 1905 г.

Чтобы самым легким образом разделаться со 2-й Думой, этой Думой «народного гнева», чтобы окончательно избавиться от ненавистной царскому правительству социал-демократической фракции этой Думы, революционный голос которой гулким эхом раздавался по всей стране, – затеян был гнусный провокаторский маневр.

На основании подложных, выработанных охранкой документов вся с[оциал]-д[емократическая] фракция была обвинена в покушении устроить военный заговор. После исторического заседания Госуд[арственной] думы, во время которого кадетские вожди трусливо и малодушно торговались со Столыпиным, а вождь с[оциал]-д[емократической] фракции И.Г. Церетели с мужеством умирающего льва отстаивал достоинство и честь народного представительства, отстаивал последние остатки русской свободы, после этого заседания, 2 июня все члены фракции, не пожелавшие скрыться, были арестованы. 3 июня Дума была распущена, и изменен избирательный закон. Основные законы, торжественно провозглашенные Николаем II, были нагло попораны, свершился «переворот 3 июня», воцарился печальной памяти «3-е июньский режим».

Правительство знало, что делало, – работало уверенной рукой. Страна молча перенесла и переворот, и арест ее лучших сынов, лучших борцов за светлое будущее. И лишь в день суда над с[оциал]-д[емократической] фракцией,

когда в Таврическом дворце уже собиралась черносотенно-октябристская 3-я Дума – любимое детище Столыпина, – лишь в этот день последним прощальным аккордом задушенной революции прозвучала забастовка-протест петербургского пролетариата.

Наступила мрачная эпоха реакции. Организации рабочего класса были раздавлены. Каторжные приговоры, административные высылки борцам революции сыпались в несчетном числе. На каторге и в ссылке томились члены с[оциал]-д[емократической] фракции при злобном смехе новых господ положения.

С самого же начала не выдержали каторжного режима и погибли от чахотки второй вождь думской фракции Джапаридзе, а за ним Джугели. Уже незадолго до революции от полученной в тюрьме чахотки в Саратовской богадельне умер Ломтатидзе, умер в Америке бежавший из Сибири Белоусов. Они умерли во время кровавой международной бойни, влившей столько горечи и разочарований в сердца всех истинных представителей пролетариата, всех борцов за свободу и социализм.

Они умерли, не видя еще той зари новой жизни, которая уже загоралась над Россией. Не слыша тех глухих подземных ударов, которым суждено было с волшебной быстротой разрушить вековое царство деспотизма, вызвать ответные толчки и потрясения во всем капиталистическом мире, выпрямить согбенную войной усталую душу международного пролетариата, зажечь в ней новую веру и новую надежду.

И ни на чем, может быть, не сказалась так ярко волшебная быстрота и глубина Российской революции, как на судьбе осужденных депутатов с[оциал]-д[емократической] фракции 2-й Гос[ударственной] думы. Десять лет тому назад И.Г. Церетели был кандидатом на каторгу; всего три месяца тому назад он был лишенным всех прав ссыльнопоселенцем. А теперь он министр правительства революции, который и на этом посту так же стойко стоит на страже интересов пролетариата, так же пламенно ведет борьбу за свободу, за социализм, за международное братство рабочих, как он это делал всю свою жизнь.

И сегодня, в день открытия Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, победоносная демократия со стоящим во главе ее пролетариатом будут приветствовать того самого Церетели, который в этот самый день десять лет тому назад пал в неравной борьбе со всеми силами нашего мрачного прошлого.

Не розами усеян путь русской революции. Тяжелыми тучами покрыт небосклон. Но когда вспоминаешь 3 июня 1907 года, когда пробежишь умственным взором это замечательное десятилетие, то нынешний день кажется нам днем торжества самых заветных наших стремлений и идеалов, днем искупления за все те бесчисленные муки и жертвы, которые достались на долю российского пролетариата и его вождей с 1905 года.

Мякотин В.А.

ОЧЕРЕДНАЯ ЗАДАЧА

Революция в опасности, революция стоит на краю пропасти... Все чаще и чаще раздаются в последние недели эти слова, все громче и громче звучат они. И нельзя не чувствовать, что в них есть немалая доля правды.

Так легко и просто, так величаво просто, казалось, совершилась февральская революция, и такие светлые и радостные перспективы открывала она. Но вот прошло три месяца, и все завоевания революции как будто поставлены на карту.

Революция провозгласила свободу слова и собраний, провозгласила неприкосновенность личности всех граждан России. Но и сейчас в революционной России есть такие местности, где газеты закрываются за «вредное направление», где запрещаются и разгоняются собрания граждан, где, наконец, граждане, отстаивающие свободу слова, рискуют поплатиться, а подчас и действительно платятся за такое отстаивание жизнью. И неприкосновенность личности безнаказанно нарушается и сейчас в целом ряде местностей русского государства, не исключая самой его столицы. Революция провозгласила отмену смертной казни. Но сейчас смертная казнь творится и в деревнях, и в городах России. Правда, эту казнь творят не власти, а народные толпы. Но это обстоятельство несколько не меняет того факта, что смертная казнь, отмененная революционной властью, на деле осталась в нашей жизни.

Осталось в ней и многое другое, что, казалось, должна была уничтожить революция. Последняя не справилась пока с тяжелым наследством старого порядка – с глубокой хозяйственной разрухой и тяжелым продовольственным кризисом. Больше того, хозяйственная разруха и продовольственный кризис приняли сейчас еще более грозный характер, чем тот, какой они имели в начале революции. А кроме того, к хозяйственной разрухе присоединилась еще одна разруха – общественная и политическая. В политической жизни, как и в жизни хозяйственной, интересы отдельных групп, отдельных классов и отдельных местностей как будто вытеснили сознание интересов целого. И на этой почве в последнее время складываются такие явления, как «отложение» Кронштадта, как поддерживаемое угрозами требование команд отдельных судов флота о переводе бывшего царя в Кронштадт, как образование в различных местностях России самостоятельных «республик». Эти явления все ширятся и растут, и вместе с ними ширится и растет опасность распыления ее в ряд анархических вспышек, неизбежно долженствующих повлечь за собою контрреволюционное движение.

С этой опасностью, день ото дня принимающей все более реальные очертания, необходимо энергично бороться, и путь такой борьбы, в сущности, ясен. Нашу историю творят сейчас народные массы. От их поведения зависит настоящее и будущее России, зависит победа или гибель революции. В массах, так долго томившихся в атмосфере полного бесправия, так долго и старательно устранявшихся от всякой политической жизни, есть, конечно, немало эле-

ментов, способных увлекаться разрушительными тенденциями. Но наряду с этим народным массам все же присущ здоровый государственный инстинкт. И на обязанности всех партий и групп, отстаивающих интересы этих масс и не идущих по пути демагогии, лежит работа над развитием такого инстинкта в здравый государственный разум.

Наша февральская революция, разрушив старую власть, не успела сразу создать в государстве новую власть, достаточно прочно опирающуюся на народное доверие, чтобы быть энергичной и сильной властью. Между тем революция для своего успеха нуждается именно в энергичной власти – власти, олицетворяющей народные стремления и отвечающей перед народом за все свои действия, но вместе с тем способной подчинить все частные воли и все частные стремления обширной воле. Только такая власть, богатая энергией и инициативой, сможет помочь народу в разрешении великих политических и социальных задач, поставленных перед ним революцией, только такая власть сможет достаточно быстро осуществить в жизни те формы народовластия, без которых народная воля не может получить яркого и полного выражения. С той поры как во Временное правительство вошли представители трудовой демократии в лице вождей социалистических партий, их первую обязанностью является работа над созданием такой власти. И вся созидательная демократия должна помочь им в этом деле, должна оказать Временному правительству, установленному вождями социалистических партий, самую энергичную поддержку, должна способствовать созданию вокруг него стены несокрушимого народного доверия. Если это будет сделано, дело революции будет выиграно. Но с этим надо торопиться, – слишком велика надвигающаяся опасность, чтобы ею можно было долго пренебрегать.

Народное Слово. 1917, 4 (17) июня. № 1.

Канторович Я.А.

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ СОЦИАЛИЗМ

Радостный праздник в медовые дни революции сменился революционными буднями, полными тревоги и тоски. Это потому, что всякая революция состоит из двух моментов – кратковременного момента разрушения ненавистного старого и длительного момента созидания неизвестного нового. Революция, как акт разрушения, объединяет всю страну в общем чувстве ненависти к формам старого строя, ненависти, выстраданной поколениями, вынесенной в душе каждого, ясно осознанной и понятой в каждом, даже аполитическом, уме. Оттого этот момент проникнут общим чувством солидарности всех граждан, оттого он поднимает общий народный энтузиазм, в котором растворяются и покрываются отдельные политические взгляды, отдельные личные и классовые интересы и способен вызывать проявления самоограничения и акты героизма.

В этот момент Родзянко делается бунтовщиком и Шульгин – республиканцем. И, может быть, эти люди должны были пройти через глубокие, полные истинного драматизма, душевные переживания, прежде чем расстаться навсегда со своими политическими традициями, которые заложены в них наследственностью, воспитанием и социальным положением. Расстаться, чтобы во имя спасения и обновления родины соединиться со всем народом в разрушительных действиях против общего для всех источника зла.

В эти великие разрушительные дни не было разницы между простолюдином и аристократом, демократом и буржуем, пролетарием и капиталистом – все были граждане, радостно творившие одно общее дело – разрушение векового зла и объединенные одним общим чувством – экстазом освобождения от этого зла, энтузиазмом единого великого народа, добывшего себе это освобождение.

Но вот за этим кратким моментом разрушения наступает момент созидания – длительные дни революционных стремлений к осуществлению идеалов, ожидаемых от нового строя. Все живые творческие силы страны стремятся, несомненно, к общему благу.

Но что такое общее благо?

Чувство ненависти к царизму, чувство мести к его органам, волевые импульсы к их искоренению и уничтожению – простые, несложные эмоции и понятия, доступны всем и каждому, неграмотному чернорабочему, как профессору государственного права. Но понятие общего блага – понятие очень сложное, очень неопределенное, которому отдельные члены общества, отдельные классы и части его дают различное содержание, соответственно своему пониманию, в зависимости от своих классовых интересов и социальных навыков и вожделений, под влиянием индивидуалистических инстинктов и наклонностей.

Каждый молодой человек из Совета рабочих и солдатских депутатов может по-своему понимать, как надо устраивать Россию, чтобы получилось общее благо, и считать всех инакопонимающих врагами демократии и свободы.

Вожди каждой из социалистических партий имеют свои готовые доктрины и формулы, доморощенные или вывезенные из швейцарских эмигрантских гнезд. И с самоуверенностью жрецов думают, что они одни обладают истинной, а те, кто приписываются к партиям («запись в члены партии принимается там-то»), принимают эти формулы как религиозные догматы, с чистой верой прихожан сектантской молельни.

Сколько социалистических партий, столько сект, и эти секты еще различаются между собою отдельными толками, разграничениями, разделениями. Меньшевики и большевики не могут соединить себя на одной общей социал-демократической платформе. Социал-демократы и социалисты-революционеры противопоставляют себя друг другу на совершенно неопределенном и неверном признаке «народничества». От социалистов-революционеров почему-то отделяются народные социалисты, хотя их программа народническая, а трудовики, считая себя социалистами, почему-то не сливаются ни с со-

циал-демократами, ни с социалистами-революционерами или народными социалистами, называясь даже не партией, а «группой». Отдельно стоят чистые анархисты, также с подразделениями.

Все эти партии, несмотря на общность социалистических идеалов, так упорствуют каждая в своем догматическом и тактическом обособлении, что не считают возможным объединиться (блокироваться) даже для такого скромного, чисто местного хозяйственного дела, как выборы в районные думы. Так важна для каждой партии ее партийная фирма, что она не хочет смешиваться с другими партиями.

Но все эти социалистические партии вместе со всеми номинально приписанными к ним членами и теми, кто неопределенно сочувствуют социалистическим идеям исключительно из-за отрицательного отношения к «буржуазным» партиям, – все они составляют каплю в море российского населения. Никто, конечно, не сомневается в том, что в составе 170-миллионного населения России социалисты – партийные члены или своим сочувствием к ним примыкающие – составляют ничтожное количество в сравнении с массой людей, ни к каким социалистическим партиям не принадлежащих, и не примыкающих.

Среди них имеется огромное число людей сознательно не разделяющих социалистические идеи – потому ли, что вообще, по своим философско-психологическим воззрениям и исходя из данных исторического опыта не обладают необходимой верой в высокое совершенство человеческой природы, да и в возможную неистребимость заложенных в ней эгоистических инстинктов, чтобы считать осуществление социалистического строя спасительным и достижимым на нашей грешной земле. На которой даже такие простые, ясные истины морали, как истины христианства, не могут, безнадежно не могут получить осуществления, даже в пределах программы-минимум. Несмотря на такую колоссальную пропаганду этих истин и постоянную, непрерывную в течение 2000 лет агитацию в их пользу проповедями, символами и чудесами, на какую, конечно, не могут рассчитывать социалисты никаким количеством партийной литературы, митингов и красных плакатов.

Эти люди исповедуют идею демократизма, а не социализма. Ибо демократические принципы являются великими принципами разумной государственной политики, практического государственного строительства, оздоравливая общественную жизнь идеей равенства граждан, оплодотворяя ее живыми соками народного творчества и тем расширяя и углубляя русло, по которому направляется развитие государственного организма.

Социалистические же идеалы никоим образом не могут претендовать на значение лозунгов практической текущей государственной политики. Потому что, поскольку они основаны на предпосылке добровольного труда индивидуума на общую пользу коллектива и всеобщей солидарности, поглощающей отдельные эгоизмы, они могут быть осуществлены не иначе и не ранее как в результате далекой эволюции морально-интеллектуального чувства. И только при определенных условиях технически-промышленного прогресса. А до

тех пор социализм – не политическая программа, а доктрина. Не юридический институт, который можно декретировать в принудительном законодательном порядке «по указу Его Величества Пролетариата». Или – еще менее революционный факт, который можно создать в порядке захватном, как этого желают крайние течения большевизма, а только идея. Одна из прогрессивно-демократических идей, проникающих [в] политическую мысль нашего времени и направляющих стремления современной жизни к достижению, путем социальных улучшений, справедливого, равномерного распределения между людьми тягот тяжелого труда по добыванию средств к существованию, на который обречено человечество.

Отношение социалистических партий к несоциалистической России – отношение ничтожного меньшинства к огромному большинству. Если и верно утверждение, что за теорией антисоциализма, исповедуемой кучкой интеллигентов, стоит огромная масса аполитических слоев населения, и ею покрываются своекорыстные классовые интересы буржуазных слоев, то ведь, и с другой стороны, верно, что за кучкой социалистов-доктринеров стоит огромная аморфная масса темных слоев населения, в которой социалистические лозунги будят лишь смутные инстинкты, лишь анархические вожелания захватов и присвоений. Тоже собою покрывая своего рода «классовые» интересы – своекорыстные эгоистические интересы неимущих классов.

Революционная идеология социалистов граничит с изумительною фантастикой. Они думают, что в революционном горниле можно выковать по заготовленному штампу самую усовершенствованную форму социально-экономического строя. Что силою революционного натиска можно сразу изменить индивидуалистическую «коллективную психику, искоренить вековые навыки и устои социальной жизни и внезапным превращением создать в стране, ксеноющей во тьме невежества, с рабскими антиобщественными и антигосударственными навыками и анархическими инстинктами, светлый социалистический рай.

Робеспьер, с отличавшей его тупою прямолинейностью доктринера-революционера, думал декретом конвента отменить в старой католической Франции католицизм и заменить его религиею разума по установленному им ритуалу. Наши социалисты, опьяненные внешними успехами революции и в слепом самообольщении властью среди общего безвластия, считают все возможным, все достижимым, стоит только сломить сопротивление реакционных буржуазных сил и сделать усилия к устранению последних препятствий на пути победоносной революции.

Но революционный угар пройдет. И вместе с ним исчезнут многие иллюзии. И прежде всего исчезнет иллюзия власти, которой у социалистических партий в действительности нет, ибо демагогия не есть власть в государственном смысле, и анархические элементы населения и солдаты-дезертиры – не опора для государственного управления. И тогда обнаружится бессилие революции для удержания и закрепления ее завоеваний...

Шульгин В.В.

«ПУСТИ, Я САМ!»

Если бы удалось на время забыть о болезненных ожогах современности, подняться на известную высоту, мысленно отойти куда-то дальше от страшной трагедии, в которой мы участвуем, словом, если бы найти в себе силы отнестись философски ко всему тому, что происходит, то, вероятно, можно было бы сделать некоторые выводы.

Представим себе концертный зал, в котором скрипач и публика.

Если публика имеет право только слушать и ничем не выражать своего одобрения или неодобрения, то это есть нечто вроде самодержавия.

Если же публика имеет право аплодировать музыканту или свистеть и тем самым или понуждать его играть дальше, или же уходить с эстрады, то это... правильный демократически строй.

Но если публика не ограничивается аплодисментами или свистом, а сама лезет на сцену, если толпа учит музыканта, если сопилочные меломаны вырывают скрипку и пытаются водить смычком по струнам, извлекая из благородного инструмента кошачьи завывания, то это... тот строй, который у нас теперь.

Каков бы ни был скрипач, даровит или бездарен, все же он неизмеримо выше в отношении музыки тех людей, которые никогда скрипку в руках не держали. Но при самодержавии людям этим разрешалось только слушать, и нельзя было выражать своего протеста даже тогда, когда играли плохо и не то, что нравилось. Удивительно ли, что когда им дали свободу выражать свое мнение, они этим не ограничились и захотели играть более активную роль.

Беда именно в том, что разволновавшихся людей сейчас нельзя убедить в том, чтобы они сели на свои места и слушали. Но через некоторое время, разумеется, им надоеет и опротивеет раздражающий концерт невежд, они рассядутся и потребуют музыкантов.

Когда о Константинополе и проливах рассуждают люди, никогда в глаза не видевшие географической карты, а таких в Российской державе шестьдесят процентов; когда о международных договорах говорят неграмотные в буквальном, а не в переносном смысле этого слова; когда об исторических задачах трактуют ученые, которые из истории России знают только то, что отрекшийся император назывался Николаем и что при нем был «старый прижим». Когда о государственном устройстве распространяются грамотеи, которые, на худой конец, допускают «республику с царем», – то чем это отличается от того положения, когда самого плохонького скрипача будет обучать игре на скрипке субъект, который не уверен, чем надо водить по струнам: волосом или деревом.

Даже в самых образованных странах массы недостаточно развиты, чтобы понимать сложнейшие и труднейшие вопросы, с которыми связано управление государством. Однако в этих культурных странах существует разумное уважение к образованию, к уму, к знанию, к опыту. Поэтому мы видим, что

массы выбирают для управления своей страной людей, находящихся на вершине человеческого развития, людей, неизмеримо превосходящих в умственном и моральном отношении тех, кто их выбирает.

В России сейчас не так. Я видел одного маленького мальчика, который любил хвататься за непосильные для него дела и кричал при этом: «Пусти, я сам!» Доказать ему, что он не может сделать «сам», нельзя было. Но когда он «сам» убеждался, что дело ему не по силам, он начинал плакать и тогда хныкал: «Ах, я же не могу!»

Сейчас русский народ подобен этому ребенку. Ему долго не давали ничего делать, и вот, получив свободу, он за все хватается и кричит: «Пусти, я сам!» Он «сам» хочет решать вопросы войны и мира в каждой роте и полку. Он «сам» хочет править, понимая под этим, что каждая курица имеет право сместь всероссийского министра. Он «сам» хочет творить «самосуд» на площадях и базарах. Он «сам» казнит воров и убийц собственными руками.

Скоро люди, не ведающие четырех действий, «сами» будут решать, достоин ли такой-то ученый степени доктора математики, или ему еще надо поучиться. Но пройдет некоторое время, народ увидит, что «сам» ничего не может сделать. Он снова поймет то, что он временно забыл, именно, что учение – свет, а неучение – тьма. Страшно запутавши все дела, превратив страну в дикую беспорядочную толкучку, где будут чувствовать себя хорошо лишь воры да грабители, среди бед и разрушений народ горько заплачет и скажет: «Ах, я же не могу!»

Это сознание дастся только опытом. Убедившись в своем бессилии, народ будет искать тех, кто умнее, образованнее лучше и сильнее, чем серая масса, ибо только эти лучшие способны понять всю сложность вопроса и направить жизнь так, чтобы все могли существовать.

Подобное тому, что произошло в армии, происходит сейчас и во всем народе. В чем, собственно, виноваты офицеры? Да только в том, что они офицеры. Многие из них еще недавно вышли из серых рядов солдат и произведены в офицеры или же за отчаянную храбрость, или потому, что прошли школу прапорщиков и получили некоторое военное образование. Это те же солдаты, только отборные. Почему же их ненавидят, почему их оскорбляют? Да потому, что сейчас забыто, что «ученье – свет». Никаких образованных, никаких отборных не нужно, каждый солдат кричит: «Пусти, я сам!» Он считает, что он сам может решать стратегические вопросы, решать наступать, отступать и даже заключать мир. На что ему офицеры? Вот если русскому солдату придется столкнуться с германской армией, которую ведут офицеры, тогда только он поймет, что стоит войско, где каждый рядовой хочет иметь власть главнокомандующего.

Решительно то же самое происходит в отношении всей интеллигенции. Если присмотреться к тому, что происходит, то станет совершенно очевидно, что почти всякий образованный человек в нынешнее время обзывается презрительно «буржуем». А всякий темный человек, безграмотный человек полу-

чает дружественную кличку «товарищ». И они действительно товарищи по несчастью, товарищи по темноте.

«Товарищи» ненавидят и презирают «буржуев». Необразованные люди презирают образованных. За что? Да именно за то, что они образованные. Очевидно, они полагают, что образованные, т. е. отборные люди, не нужны или даже вредны.

Несомненно, что на русской интеллигенции есть грех. То, что Россия была неподготовлена к войне, и то, что она дурно вела эту войну, — вина за это падает на культурный русский класс в широком смысле этого слова. В неподготовленности к этой войне виновата вся интеллигенция — и «правительственная», и «оппозиционная», ибо ни та, ни другая войны не предвидела и приближение ее проспала. В том, что война велась дурно, оппозиционная интеллигенция виновата гораздо меньше, а правительственная больше. Во всяком случае, руководство войной не было и не могло быть в руках простого народа, а, следовательно, он-то, во всяком случае, не виноват. Даже, можно сказать, больше. До революции простой народ исполнял свой долг, и колоссальные потери людьми, которые понесла Россия, — этому живой свидетель.

Однако, если культурный класс страны во многом виноват, то это вовсе не значит, что его можно заменить некультурным.

Но эта истина еще не так скоро будет усвоена. Сейчас народ, в общем, забраковал буржуев, отстраняет интеллигенцию и все хочет делать «сам». Через некоторое время он поймет, что без развитых людей обойтись нельзя. Тогда он вернет интеллигенцию на ее место. Но не надо себе закрывать глаза в том отношении, что только опыт, только собственное бессилие, ясно сознание и доказанное, заставит выйти на естественную дорогу. «Призвание варягов», несомненно, произойдет. Народ придет к интеллигенции и будет упрашивать ее помочь ему выйти из беды. Однако надо иметь известное терпение, а главное, не забывать следующего основного правила.

Ни один класс не может и не должен защищать себя, так сказать, ради самого себя. Если интеллигенция нужна (а это ясно без слов), то ее отстранение будет иметь роковые последствия. Обязанность интеллигенции предупреждать об этом, об этих роковых последствиях отстранения культурных сил. Но если предупреждений не послушают, бороться за себя *ради самих себя*, назойливо доказывая «полезность буржуев» или же еще какими-нибудь хитроумными комбинациями, не имеет смысла. Когда народ кричит: «Пусти, я сам!», лучшее средство — дать ему попробовать, по плечам ли ему то дело, за которое он берется. Если по плечу, если он его одолеет, — слава богу! Не одолеет, то — беспомощно заплачет: «Ах, я же не могу!» Тогда нужно будет ему помочь, и к этому надо готовиться. Надо думать о том, какие указать пути в ту минуту; когда дурно понятое народоправство обанкротится. Однако все эти рассуждения были бы хороши, если бы мы не были в состоянии войны. Но как быть теперь, когда ослабление государства так опасно?

Можно ли спокойно выжидать, или надо быть активными? Вот где, быть может, самый мучительный вопрос наших дней.

Оболенский В.А.

БУРЖУАЗИЯ И «БУРЖУИ»

Из иностранных слов, которые в таком изобилии произносятся теперь везде и всюду – на шумных митингах, в хлебных хвостах, в трамваях, – слова буржуазия, буржуазный, буржуа или в переделке на русский лад – «буржуй», – являются едва ли не самыми распространенными. В этом отношении с «буржуями» могут поспорить, пожалуй, только знаменитые «аннексии и контрибуции». Но далеко не все произносящие эти иностранные слова ясно представляют их смысл и значение. И путаница в словах и понятиях порождает невероятную и притом опасную путаницу мыслей.

Прислушайтесь к разговорам в толпе о «буржуях». Это слово почти ругательное. Говорят, что «буржуи» затеяли войну и, как закоренелые «империалисты» (тоже иностранное слово, употребляемое часто без достаточного понимания), хотят продолжать кровопролитие до бесконечности из-за каких-то корыстных расчетов.

Кто же такие эти страшные люди, эти кровожадные «буржуи»? Слово «буржуа» в обычном употреблении означает человека, обладающего имуществом, доходами, с которого он живет. Противоположность «буржуа» – «пролетарий» – человек, живущий исключительно своим заработком.

К числу пролетариев принадлежит значительная часть рабочих, но и любой министр, если он ничего, кроме жалованья, не имеет, тоже пролетарий. Всякий фабрикант – буржуа, но и крестьянин, живущий доходом от своей земли – тоже буржуа.

Но слово «буржуа» или, вернее, прилагательное от этого слова – «буржуазный» – употребляется не только для обозначения имущественного класса, к которому принадлежат те или иные люди, но и для характеристики политических идей, которые эти люди исповедуют. Здесь, в области политики, обыкновенно буржуазные партии противопоставляются социалистическим. Всякая партия, которая не ставит своей конечной целью достижение социалистического строя, называется партией буржуазной.

Из этого, конечно, не следует, что всякая буржуазная партия состоит из капиталистов и «буржуев», как это часто изображается на митингах. Точно так же не всякий социалист непременно пролетарий. Есть среди социалистов очень богатые люди.

Для примера возьмем двух наших министров – Скобелева и Шингарева.

Скобелев по рождению принадлежит к богатой кавказской буржуазии, а Шингарев, всю свою жизнь живший своим трудом, – несомненный пролетарий. Но с другой стороны, Скобелев социал-демократ, а Шингарев член партии Народной Свободы, которую, как партию несоциалистическую, называют буржуазной.

Кто же их этих двух министров «буржуй»? С одной стороны подойдешь – Скобелев буржуй, с другой подойдешь – Шингарев буржуй.

Но слово «буржуазный» употребляется еще в одном смысле. Говорят о людях с «буржуазной» душой, «буржуазными» чувствами, о людях, ведущих «буржуазный» образ жизни. Это люди, думающие только о своем личном благополучии, о наживе, об удовольствиях.

Для этих людей не существует ни интересов родины, ни идеалов свободы – справедливости и братства народов. Иногда они говорят пышные фразы, одни о патриотизме, другие о социализме и об интернационале, но сбросьте пелену этих звонких фраз и под ней вы увидите оскаленные зубы крупных и мелких хищников.

В старых демократических странах война совершила глубокий переворот в «буржуазных душах». Проснулась горячая любовь к родине, люди самые средние стали героями, способными к величайшим жертвам. Приближение к идеалам социальной справедливости внутри государств и дружного сожительства народов, принадлежащих к разным государствам, стало на очередь дня как неизбежное последствие победоносной войны. И у нас в России была минута такого порыва... Но этот порыв был скоро задавлен тяжелым прессом самодержавия. Вспыхнувший патриотизм заглох, идеалы померкли. Исчез русский народ, исчезло русское государство. Каждый за себя, каждый для себя! Все, кто имел возможность обогащаться, обогащался. Чиновники обогащались взятками, промышленники – военными заказами, помещики и крестьяне – вздутыми ценами на хлеб. «Буржуазные души» заполнили Россию.

Революция снова объединила эту рассыпавшуюся человеческую пыль в одном общем всенародном порыве. Но разврат старого строя глубоко проник в широкие массы населения. Страна стала демократической. Но дух наживы, обуявший при самодержавии буржуазные слои населения, проник в демократию. Началась погоня за большими окладами, за несуразной заработной платой. Прежде «буржуи» вербовались только из рядов буржуазии, теперь «буржуйным» духом заражены рабочие, и как раз зараженные этим «буржуйным» духом больше всего кричат против угнетающих народ «буржуев».

И от войны «буржуев», собирающихся урвать, против «буржуев», уже урвавших, дело социализма не только не выиграет, но проиграет постольку, поскольку может пострадать в таком междоусобии только что завоеванная свобода. Люди же сознательные и любящие родину, буржуа и пролетарии, должны объединиться и объявить войну этой разъедающей свободу внутренней войне.

Свободный Народ, 1917, 2 июня. № 2.

Смирнов Е. (Гуревич Э.Л.)

НЕ ПО ПУТИ

По поводу предстоящего открытия Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов усилилась, как и следовало ожидать, борьба между различными социалистическими фракциями, стремящимися привлечь съезд

на свою сторону. В жарких схватках, происходящих на этой почве, выясняется и окончательно определяется отношение этих фракций ко всем сложным вопросам «текущего момента», и в том числе к центральному вопросу – об отношении к войне.

Такое выяснение позиций можно, разумеется, только приветствовать: и революционная демократия, и вся страна будут, по крайней мере, знать, на путь каких гибельных авантюр зовут все эти «антиоборонцы» – от ленинцев-большевиков до меньшевиков-«интернационалистов».

Наиболее последовательными и решительными оказываются, конечно, ленинцы. Пред Лениным, как и в день его возвращения в Россию, стоит одна непосредственная задача: провозглашение «мировой пролетарской революции». При этом его нисколько не смущает то обстоятельство, что ни в одной стране мира пролетариат отнюдь не собирается сейчас устраивать пролетарскую революцию. Пусть русский пролетариат только поднимет знамя всемирной революции: остальное приложится. Для этого нужно лишь, чтобы Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов захватил власть. «Потребовал немедленного открытия мирных переговоров». Отменил все распоряжения Керенского, клонящиеся к восстановлению порядка в армии. Потребовал «от армии напрячь все свои силы для решительной самоорганизации и установления революционной дисциплины» и, в случае надобности, двинул эту «мощную» армию против всего мира.

Ясно и просто. И не думайте, что вы хоть сколько-нибудь смутите Ленина вопросом: а не кончится ли все это скандальным крахом? Он вам ответит, как он ответил в первый день: «Мы, может быть, потерпим поражение, но это будет полезный урок, как полезным уроком была Парижская Коммуна, тоже потерпевшая поражение».

Когда человек с таким легким сердцем ставит на карту судьбу революции, судьбы России на много десятков лет вперед, от него можно только отвернуться, пожав плечами, предоставив ему свободно строить свои карточные домики: здравый смысл демократии оценить эти «революционные» планы по достоинству.

Ленину нужно, однако, отдать справедливость: он доводит свои фантастические построения до логического конца.

Зато похвальным мужеством мысли отнюдь не могут похвастать так называемые «интернационалисты». Разделяя, в сущности, все предпосылки Ленина, они не имеют смелости додумать свои мысли до конца и прячутся за ублюдочными лозунгами, которые способны были бы вызвать только веселый смех, если бы положение России и всего мира не было полно такого глубокого исторического трагизма.

Вот Мартынов. Он, видите ли, делает то открытие, что войну желательнее и нужно ликвидировать как можно скорее. С этим все согласны; не знают только, как это сделать? У Мартынова рецепт есть: клином врезаться между западноевропейским пролетариатом и его империалистическими правительствами. Вы недоумеваете: что это значит? А вот что: нужно, во-первых, унич-

тожить договоры с союзниками, и, во-вторых, объявить немедленное всеобщее перемирие.

Какое глубокомыслие! Мартынов упустил из виду, что фактически мы и договора уничтожили, и перемирие объявили. И, однако, война продолжается, и не только продолжается, но грозит затянуться еще дольше, именно в виду таких наших действий. Мартынов просто забыл спросить, согласны ли французские, английские, бельгийские, американские и пр. социалисты (о правительствах я уж не говорю) на «немедленное всеобщее перемирие».

Вот Луначарский. Как бывший ученик Ленина, он решителен, но не слишком. Его решительность простирается лишь до того, что готов... умыть руки и остаться в стороне.

У него рецепт такой:

– Мы должны предъявить представителям Франции и Англии ультиматум в течение определенного срока присоединиться к нашей формуле мира. Одновременно мы должны обратиться к народам союзных и воюющих стран с призывом оказать давление на свои правительства всеми доступными средствами. И если союзные правительства в течение определенного срока не примут нашего ультиматума, мы умываем руки. Мы не заключим сепаратного мира с Германией, но мы должны заключить перемирие на всем нашем фронте.

Все эти прожектеры забывают, что если к голосу русской революции очень внимательно прислушивались раньше, то теперь, когда мы с каждым днем все более демонстрируем перед Европой свое бессилие и свою неспособность к какой бы то ни было активной и решительной политике, – к нам просто начинают поворачиваться спиной.

Все «требования» уже предъявлены, все ответы уже даны. Никаких других ответов мы не получим. От нас мир ждет действий, а не слов. А мы собираемся еще только новые «обращения» писать, новые «требования» предъявлять нашей судьбе. И мы получим то, что мы сами себе приготовляем.

Мы вот было почти наладили Стокгольмскую конференцию. Но если бы восторжествовали планы Мартыновых и Луначарских, то с какой стати европейские социалисты стали бы терять время на поездку в Стокгольм?

Остается одна лишь надежда на здравый смысл русской демократии. Хочется верить, что Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов скажет всем этим прожектерам: нам нужно Россию спасать, нужно закрепить и организовать завоеванную свободу, нужно уберечь европейскую демократию и международный социализм от нависшей над нами угрозы мрачной реакции. Не до ваших фантазий теперь. Не по пути нам с вами!

Власть Народа. 1917, 3 июня. № 31.

Троцкий Л.Д.

ДВОЕБЕЗВЛАСТИЕ

К характеристике современного момента

Условия войны отклоняют и затмевают действие внутренних сил революции. Но тем не менее ход революции будет определяться именно этими внутренними силами, т. е. классами.

Война сперва прервала нараставшую с 1912 года революцию, а затем придала ей – благодаря героическому вмешательству ожесточенной армии – небывало быстрый темп наступления. Сила сопротивления старого строя была окончательно подкопана ходом войны. Политические партии, которые могли бы выступить в качестве посредниц между монархией и народом, сразу повисли, благодаря победоносному натиску снизу, над бездной и оказались вынуждены в самый последний момент совершить рискованный прыжок на берег революции. Это придало революции временную видимость полного национального единения. Буржуазный либерализм в первый раз за всю свою историю почувствовал себя «связанным» с массами, и это должно было сейчас же внушить ему мысль об использовании «общенационального» революционного подъема в интересах войны.

Условия, участники и цели войны оставались те же. Гучков и Милюков, наиболее яркие империалисты в политическом масштабе старого режима, оказались вершителями судеб революционной России. Таким образом, та же самая по существу война, что при царизме – при тех же врагах, союзниках и международных обязательствах – превратилась в «войну за революцию». Для капиталистических классов задача сводилась к тому, чтобы мобилизовать революцию – пробужденные ею силы и страсти – в интересах империализма. Милюковы великодушно соглашались назвать «красную тряпку» священной хоругвью, – только бы рабочие массы обнаружили готовность восторженно умирать под этой красной тряпкой за Константинополь и проливы.

Но империалистическое копыто Милюкова слишком явно торчало наружу. Для того чтобы овладеть пробужденными массами и отвлечь их революционную энергию в русло наступления по внешнему фронту, необходимы были более сложные приемы, а главное – нужны были другие партии, с еще неskomпрометированными программами, и другие люди, с еще незапятнанными репутациями.

Они нашлись. За годы контрреволюции и особенно в период последнего промышленного подъема, капитал экономически подчинил себе и духовно приручил многие тысячи революционеров 1905 г., нимало не заботясь об их национальных и марксистских «предрассудках». В составе «социалистической» интеллигенции имелись, таким образом, достаточно широкие кадры политических деятелей, у которых давно чесались руки по части обуздания классовой борьбы и патриотического дисциплинирования рабочих масс. Рука об руку с этой интеллигенцией шли выдвинувшиеся в контрреволюционную эпоху ра-

бочие ликвидаторы, навсегда запуганные крушением революции 1905 года и развившие в себе один талант – всестороннего приспособленчества.

Оппозиция буржуазных классов против царизма – на империалистической основе – создала уже до революции условия для более тесного сближения социалистических оппортунистов с имущими классами. Керенский и Чхеидзе пристраивали в Думе свою политику к прогрессивному блоку, Гвоздевы и Богдановы сближались с Гучковыми в военно-промышленных комитетах. Но существование царизма затрудняло открытый переход на «государственно»-патриотическую точку зрения. Революция устранила на этот счет всякие препятствия. Капитуляция перед капиталистическими партиями получила теперь имя «единства демократии», дисциплина буржуазного государства сразу превратилась в «революционную дисциплину», наконец, участие в капиталистической войне стало называться защитой революции от внешнего разгрома.

Эта «государственная» интеллигенция, которую Струве провидел, призывал и воспитывал в своих «Вехах», нашла неожиданно широкую опору в беспомощности наиболее отсталых народных масс, принудительно организованных в армии.

Только потому, что революция разыгралась во время войны, крестьянские и обывательски-мелкобуржуазные элементы уже в первый момент революции представляли собою автоматически организованную силу и получили возможность оказывать на состав Советов рабочих и солдатских депутатов такое влияние, какое было бы совершенно не по плечу этим распыленным и отсталым классам в невоенное время. Меншевицки-народническая интеллигенция нашла в этой провинциальной, захолустной, в большинстве своем только что пробужденной массе совершенно естественную на первых порах поддержку. Увлекая мелкобуржуазные слои на путь соглашения с капиталистическим либерализмом, который снова оказался совершенно неспособен самостоятельно вести за собою народные массы, меньшевицки-народническая интеллигенция давлением этих масс завоевала себе известное положение и в чисто пролетарских слоях, временно оттиснутых на второй план массовидностью армии.

На первых порах могло казаться, что все классовые противоречия исчезли, что все социальные щели законопачены обрывками народнически-меньшевицкой идеологии и что национальное единство осуществлено наконец творческими усилиями Керенского, Чхеидзе и Дана. Отсюда неожиданное изумление при виде того, как возрождается самостоятельная пролетарская политика, и дикое, поистине отвратительное улюлюканье против революционных социалистов как нарушителей вселенской гармонии.

* * *

Мелкобуржуазная интеллигенция, поднятая на неожиданную для нее самую высоту образованием Совета рабочих и солдатских депутатов, больше всего испугалась ответственности и поэтому почтительно предоставила власть капиталистически-помещичьему правительству, вышедшему из недр

третьеиюньской Думы. Органический страх мелкого обывателя перед святыней государственной власти, весьма откровенно проступавший у народников, прикрывался у меньшевиков-оборонцев доктринерскими рассуждениями о недопустимости для социалистов брать на себя бремя власти в буржуазной революции.

Так сложилось «двоевластие», которое вернее бы назвать *двоебезвластием*. Капиталистическая буржуазия взяла в руки власть во имя порядка и войны до победы; но помимо Совета депутатов, она править не могла, а этот последний относился к правительству с почтительным полудоверием и в то же время боялся, как бы революционный пролетариат не опрокинул неосторожным жестом всей механики.

Цинически-провокационная внешняя политика Милюкова вызвала кризис. Оценив всю силу паники мелкобуржуазных вождей Совета перед проблемой власти, буржуазные партии стали заниматься на этой почве прямым вымогательством: угрожая правительственной забастовкой, т. е. своим отказом от участия во власти, они потребовали от Совета выдачи им нескольких заложников-социалистов, участие которых в коалиционном министерстве должно было закрепить за правительством в целом доверие массы и упразднить, таким образом, «двоевластие».

Под дулом ультиматума меньшевики-оборонцы поторопились стряхнуть с себя последние остатки своих марксистских предубеждений против участия в буржуазном правительстве и увлекли на тот же путь народнических «вождей» Совета, вообще не отягощенных принципиальными предубеждениями. Последнее ярче всего сказалось на Чернове, который приехал из «Циммервальда-Кинталя», где отлучал от социализма Вандервельда, Геда и Самба, только затем, чтобы войти в министерство кн. Львова и Шингарева. Правда, меньшевики-оборонцы доказывали, что русский министриализм не имеет ничего общего с французским и бельгийским, являясь продуктом совершенно исключительных обстоятельств, предусмотренных в амстердамской резолюции. Но и тут они лишь повторяли аргументацию бельгийского и французского министриализма, неизменно ссылавшихся на ту же «исключительность обстоятельств». Керенский, под утомительной театральностью которого заложено некоторое чутье действительности, совершенно правильно поставил русский министриализм в один ряд с западноевропейским и в своей гельсингфорсской речи поставил на вид, что благодаря его, Керенского, примеру русские социалисты в два месяца совершили тот путь, на преодоление которого западным социалистам понадобились десятилетия. Недаром же Маркс называл революцию локомотивом истории.

* * *

Коалиционное правительство было осуждено историей прежде, чем оно успело сложиться. Если б оно было образовано немедленно после низвержения царизма как выражение «революционного единства нации», оно могло бы еще, может быть, сдерживать в течение известного времени внутреннюю борь-

бу сил революции. Но первое правительство было гучковско-милюковским. Ему было предоставлено существовать ровно столько, чтобы обнаружить всю ложь «национального единства» и пробудить революционный отпор пролетариата против стремления буржуазии немедленно же обокрасть революцию в империалистических целях. Сшитое белыми нитками коалиционное министерство не могло в этих условиях помочь беде, ему суждено было самому стать центральным вопросом расхождения и раскола в рядах «революционной демократии». Его политическое существование – об его «деятельности» почти не приходится говорить – представляет собою только прикрытую многословием агонию.

Для борьбы с экономической, и в частности с продовольственной, разрухой экономический отдел Исполнительного Комитета Совета рабочих и солдатских депутатов выработал план широкой системы государственного руководства важнейшими отраслями хозяйства. Члены экономического отдела отличаются от официальных руководителей Совета не столько политическим направлением, сколько серьезным знакомством с хозяйственным положением страны. Именно поэтому она пришли к практическим выводам глубоко-революционного характера. Чего не хватает их построению – это приводного ремня революционной политики. Капиталистическое в своем большинстве правительство не может воплощать в жизнь систему, целиком направленную против своекорыстия имущих классов. Если этого не понимал министр труда Скобелев со своими уже вошедшими в пословицу «100 процентами», то это прекрасно понял серьезный и деловой представитель торгово-промышленных сфер Коновалов.

Его выход в отставку нанес неисцелимую рану коалиционному министерству. Это дала недвумысленно понять вся буржуазная пресса. Снова началась игра на панической психологии нынешних вождей Совета: буржуазия грозила подкинуть им власть. В ответ на это «вожди» притворились, что ничего особенного не произошло. Ушел ответственный представитель капитала, – пригласим... г. Бурышкина. Но и Бурышкин демонстративно отказался участвовать в хирургических экспериментах над частной собственностью. Тогда начались поиски «независимого» министра торговли и промышленности, т. е. такого, за которым никто и ничто не стоят, и который мог бы выполнять роль почтового ящика для встречных исков труда и капитала.

Между тем экономический развал идет своим чередом, и деятельность правительства выражается по-прежнему преимущественно в печатании ассигнаций.

Имея своими старшими коллегами гг. Львова и Шингарева, Чернов оказался лишенным возможности развернуть в области аграрного вопроса хотя бы словесный радикализм, столь отличающий вообще этого типичнейшего деятеля мелкой буржуазии. В сознании отведенной ему роли, Чернов сам себя отрекомендовал обществу не как министра аграрной революции, а как министра... аграрной переписи. Согласно либерально-буржуазной конструкции, усвоенной и социалистическими министрами, революция на низах приоста-

навливается в пассивном ожидании Учредительного собрания, и с момента вхождения социалиста-революционера в министерство помещиков и заводчиков натиск крестьян на помещичье землевладение получает наименование анархии.

В сфере международной политики крушение возведенной коалиционным правительством «программы мира» наступило скорее и катастрофичнее, чем можно было ожидать. Г-н Рибо, главный министр Франции, не только категорически и без уловок отверг русскую формулу мира, торжественно подтвердив необходимость продолжать войну до «полной победы», но и отказал оборонческим французским социалистам в паспортах на Стокгольмскую конференцию, организуемую при участии союзников и коллег г. Рибо, русских социалистических министров. Итальянское правительство, колониально-захватная политика которого отличалась всегда бесстыдством «священного эгоизма», ответило на формулу «мира без аннексий» сепаратной аннексией Албании. Президент Соединенных Штатов Вильсон возразил на русскую ноту пространном посланием в свойственном ему ханжески-квакерском тоне – на тему о том, что аннексии, которые могли бы быть совершены союзниками после победы над Германией при бескорыстном участии его, Вильсона, суть не аннексии, а гарантии мира и справедливости. Временное правительство, а значит, и социалистические министры в течение двух недель задерживали опубликование союзнических ответов, очевидно, рассчитывая при помощи таких мелких приемов продлить агонию своей политики. В итоге вопрос о международном положении России, т. е. *вопрос о том, за что именно должен сражаться и умирать русский солдат*, стоит сейчас еще острее, чем в тот день, когда из рук Милюкова был выбит портфель министра иностранных дел.

В военно-морском ведомстве, поглощающем сейчас львиную долю общенародных сил и средств, неограниченно царит политика жеста и фразы. Материальные и психологические причины нынешнего состояния армии слишком глубоки, чтоб их можно было устранить министерскими стихотворениями в прозе. Смена генерала Алексева генералом Брусиловым меняет положение этих двух генералов, но не армии. Будоража общественное мнение страны и армии лозунгом наступления, а затем внезапно покидая этот лозунг для менее оформленного лозунга подготовки к наступлению, военно-морское министерство так же мало способно приблизить страну к победе, как ведомство г. Терещенки – к миру.

Эта картина бессилия Временного правительства находит свое завершение в работе министерства внутренних дел, которое даже, по словам резолюции лояльнейшего Совета крестьянских депутатов, «односторонне» пополнило кадры местной администрации господами помещиками. Усилия активных слоев населения обеспечить за собою местное самоуправление мерами захватного права, не дожидаясь Учредительного собрания, получают немедленно же на государственно-полицейском языке Данов имя анархии и вызывают неожиданно энергический отпор со стороны Правительства, которое самым своим составом застраховано от энергических мер *творческого* характера.

В последние дни эта политика всесторонней несостоятельности нашла свое наиболее отталкивающее выражение в кронштадтском инциденте. Подлая, насквозь отравленная кампания буржуазной печати против Кронштадта как символа революционного интернационализма и недоверия к правительственной коалиции, как знамени самостоятельной политики народных низов, не только подчинила себе правительство и вождей Совета, но сделала Церетели и Скобелева прямыми застрельщиками постыднейшей травли против кронштадтских матросов, солдат и рабочих.

В то время как революционный интернационализм систематически вытесняет оборончество на фабриках, заводах и в передовых полках, министры-социалисты, повинувшись своим новым хозяевам, делают азартную попытку опрокинуть одним ударом революционный пролетарский авангард и подготовить таким путем «психологический» момент для заседаний Всероссийского съезда Советов. *Сплотить крестьянско-мелкобуржуазную демократию вокруг буржуазного либерализма*, союзника и пленника англо-французской и американской биржи, *политически изолировать и «дисциплинировать» пролетариат* – такова сейчас основная задача, на разрешение которой расходуются все силы правительственного блока меньшевиков и социалистов-революционеров. Составной частью этой политики являются наглые угрозы кровавыми репрессиями и провокация открытых столкновений. И эти люди так неистово спешили в течение всего мая, как если бы они твердо решили подготовиться к... «июньским дням».

Агония коалиционного министерства началась в день его рождения. Революционный социализм должен сделать со своей стороны все, чтоб не дать этой агонии закончиться судорогой гражданской войны. Единственный путь к этому – неуступчивость и неуклончивость, которые только разжигают аппетиты свежееиспеченных государственных людей, а, наоборот, наступление по всей линии. Нужно не позволить им изолировать себя, – нужно изолировать их. Нужно на жалком и плачевном опыте Коалиционного правительства раскрыть перед самыми темными рабочими массами смысл того противонародного союза, который сейчас выступает от имени революции. В продовольственном, промышленном, аграрном, военном вопросах нужно противопоставить пролетарские методы методам имущих классов и их меньшевистски-эсеровского хвоста. Только таким путем можно изолировать либерализм и обеспечить руководящее влияние революционного пролетариата на городские и сельские низы. Неизбежный крах нынешнего правительства будет вместе с тем крахом нынешних вождей Совета рабочих и солдатских депутатов. Спасти авторитет Совета как представительства революции и обеспечить за ним дальнейшую руководящую роль может только нынешнее меньшинство Совета. Это будет становиться яснее с каждым новым днем. Период *двоебезвластия*, когда правительство не может, а Совет не смеет, неизбежно завершится кризисом неслыханной остроты. Наше дело копить к этому моменту силы, чтобы поставить проблему власти во весь рост.

Ленин В.И.

ТРЕТЬЕИЮНЬСКИЕ ЗУБРЫ ЗА НЕМЕДЛЕННОЕ НАСТУПЛЕНИЕ

Господа третьеиюнцы, – те, которые помогали Николаю Романову после 1905 года залить кровью нашу страну, душить революционеров, восстанавливать всевластие помещиков и капиталистов, собрались на свои совещания одновременно с съездом Советов.

В то время как Церетели, попав в положение пленника буржуазии, тысячами уверток пытался замаять насущность, важность, злободневность политического вопроса о немедленном наступлении, третьеиюньские зубры, соратники Николая Кровавого и Столыпина-Вешателя, помещики и капиталисты, не побоялись поставить вопрос прямо, открыто. Вот последняя – и самая существенная, – принятая ими *единогласно* резолюция о наступлении:

«Гос[ударственная] дума (??) признает, что только в немедленном наступлении, в тесном общении с союзниками, кроется залог скорого достижения окончания войны и закрепления навсегда завоеванных народом свобод».

Вот это ясно.

Вот это – политики, люди дела, верные слуги своего класса, помещиков и капиталистов.

А как служат *своему* классу Церетели, Чернов и К^о? Они отделиваются добренькими пожеланиями на словах, поддержкой капиталистов на деле.

Церетели уверял, что вопроса о *немедленном* наступлении нельзя даже ставить, ибо знай он, министр Церетели, о «немедленном» наступлении, он, министр, никому не сказал бы об этом. Говоря это, Церетели не подозревал (о наивность!), что его *опровергли* третьеиюньские зубры, опровергли *делом*, ибо нисколько не побоялись даже в резолюции, во всеуслышание, сказать не о наступлении вообще, а именно о *немедленном* наступлении. И они были правы, ибо это вопрос политический, вопрос судеб всей нашей революции.

Тут середины нет: «немедленное наступление», за или против; тут воздержаться нельзя; тут уклоняться ссылками или намеками на военную тайну прямо было бы недостойно ответственного политика.

За немедленное наступление – это значит за продолжение империалистской войны, за избиение русских рабочих и крестьян в интересах удушения Персии, Греции, Галиции, балканских народов и прочее, за оживление и укрепление контрреволюции, за окончательное сведение на нет фраз о «мире без аннексий», за войну *ради* аннексий.

Против немедленного наступления – это значит за переход всей власти к Советам, за пробуждение революционного почина угнетенных классов, за *немедленное* предложение угнетенными классами *всех* стран «мира без аннексий», мира на точных условиях свержения ига капитала и освобождения всех без изъятия колоний, *всех* без изъятия угнетенных или неполноправных народностей.

Первый путь – вместе с капиталистами, в интересах капиталистов, ради достижения целей капиталистов, путь доверия капиталистам, третий год обещающим все на свете и многое сверх того под условием «продолжения» войны «до победы».

Второй путь – путь разрыва с капиталистами, недоверия к ним, обуздания их грязной корысти и наживы сотен миллионов на поставках, путь доверия к угнетенным классам и прежде всего к рабочим *всех* стран, путь доверия к международной *рабочей революции против капитала*, путь всемерной поддержки ее.

Выбор есть только между этими двумя путями. Церетели, Чернов и К° любители средних путей. В этом пункте среднего быть не может, и, если они будут колебаться или отделяться фразами, они, Церетели, Чернов и К°, окончательно скатятся к роли орудия в руках контрреволюционной буржуазии.

Правда. 1917, 19 июня (6 июня ст. ст.). № 74.

Плеханов Г.В.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ДЕМОКРАТИЯ И ВОЙНА

Всероссийский съезд р[абочих] и с[олдатских] депутатов огромным большинством голосов принял резолюцию о войне, предложенную с[оциал]-д[емократами] меньшевиками и социалистами-революционерами. Кто вдумывается в резолюции, принимаемые съездами, тот, конечно, заметил, что далеко не всегда отличаются они полной определенностью своего идейного содержания. А кто сам участвовал в работах съездов, тот знает, как объясняется недостаточная определенность их резолюций. Чаще всего резолюции эти являются плодом соглашения между преобладающими на съезде труппами. Разумеется, не обошлось без соглашения и в данном случае. И это обстоятельство не осталось без влияния на резолюцию о войне, принятую на съезде нашей революционной демократии. Но в интересах справедливости необходимо заметить, что политические группы, влиянию которых обязаны мы принятием этой резолюции, мало расходятся между собою во взгляде на характер нынешней войны и на средства, могущие вести к восстановлению мира. Поэтому им легко было прийти к соглашению без больших взаимных уступок.

Но если им нетрудно было столковаться между собою, то из этого отнюдь не следует, что все положения, вошедшие в их резолюцию, безупречны с точки зрения объективной истины.

Возьмем хотя бы то коренное положение, на котором она основывается и которым в весьма значительной степени определяется ее дальнейшее идейное содержание. Положение это гласит: «Настоящая война возникла на почве империалистических стремлений господствующих классов всех стран, направленных к захвату новых рынков и подчинению своему влиянию мелких и отсталых стран».

Далее говорится о крайне вредных последствиях этой войны. Она приводит к полному экономическому истощению всех стран, ставит на край гибели русскую революцию и т. д. Мы скоро увидим, что это справедливо, хотя нуждается в некоторых пояснениях. Теперь же я скажу, что приведенное мною основное положение резолюции совершенно неудовлетворительно в том виде, какой ему в ней придан.

Сначала мы слышим, что война вызвана империалистическими стремлениями господствующих классов *«всех стран»*. А потом нам, — в этом же самом периоде, — сообщают, что господствующие классы *«всех стран»* стремятся захватить новые рынки и подчинить своему экономическому и политическому влиянию *«мелкие и отсталые страны»*. Выходит, что *мелкие и отсталые страны* к числу *всех стран* не принадлежат.

Читатель недоумевает, впервые встретившись с тем утверждением, что, кроме *«всех стран»*, существуют еще *«страны мелкие и отсталые»*. Спрашивается: зачем понадобилось ставить его лицом к лицу с этим, по меньшей мере сомнительным, утверждением?

Авторы резолюции возразят мне: «это пустяки; мы просто плохо выразились». А я отвечу им новым вопросом: зачем же вы *плохо* выразились там, где вы *обязаны* были выразиться *хорошо*?

Лассаль говорил когда-то, что писать для народа несравненно труднее, чем для того или иного ученого собрания. Это верно. Но верно только в применении к тем писателям, которые, обращаясь к народной массе, во-первых, считают непозволительным выражаться небрежно, а во-вторых, прилагают большую заботу к приведению в строгий порядок своих собственных мыслей. Что же касается разбираемой резолюции, то я, к величайшему своему сожалению, не вижу большого порядка в мыслях, совокупность которых составляет ее теоретическую основу.

Россия принадлежит к числу *«всех стран»*. В этом не может усомниться даже и самый неисправимый скептик. Но принадлежит ли она к числу *«мелких»* стран? Нет, очевидно, не принадлежит. А можно ли назвать ее *«отсталой»* страной? Не только можно, но и должно, по крайней мере *в экономическом отношении*. Всякий, даже не обучавшийся в семинарии, знает, что производительные силы нашей страны очень малоразвиты в сравнении с передовыми странами Запада. Что же из этого следует? Вот что.

Если читатель серьезно вдумается в основное положение резолюции, то у него неизбежно возникнет вопрос: не принадлежит ли и русский народ к числу тех народов, на которые стремятся наложить иго эксплуатации империалисты *«всех стран»*? Это очень серьезный вопрос. Ибо если империалисты *«всех стран»* стремятся эксплуатировать русский народ, хотя бы только в *экономическом* отношении, то совершенно ясно, что ему надо защищаться. И если даже невозможно ему совершенно оградить себя от эксплуатации со стороны империалистов *«всех стран»*, то все-таки ему очень важно выяснить себе, какие именно империалисты опаснее для него в настоящее время: те, которые идут на него с *дубьем* (германско-австрийские), или которые собираются

действовать пока что лишь *рублем* (скажем: английские или американские)? Однако на этот вопрос резолюция не дает никакого ответа. Ее основное положение выступает перед нами в том теоретическом полумраке, в котором *все кошки серы*, а «*все страны*» одинаково виноваты в нынешней войне.

Зачем понадобился этот полумрак? Неужели авторы резолюции до сих пор держатся того убеждения, что в империалистических войнах сам квартальный не разберет, кто кого задрал? Как видно – держатся. Это большая беда для нас. Но этой беде легко могло бы помочь знакомство с тем, что говорили об ответственности за нынешнюю войну, например, немецкие и австрийские социал-демократы не далее как за несколько дней до ее начала. Лицам, серьезно интересующимся этим вопросом, я рекомендую поучительную работу Эд. Бернштейна «*Die International der Arbeiterklasse und der Europäische Krieg*». Из нее они увидят, что еще накануне войны социал-демократические партии центральных империй прямо и решительно называли свои правительства главными виновниками надвигающейся на цивилизованный мир катастрофы. Русский пролетариат должен быть осведомленным об этом.

Не мешало бы осведомить его и о том, что, когда катастрофа разразилась, тогда оппортунистическое большинство германской социал-демократической партии решило использовать ее для получения пролетариатом некоторых уступок от правительства и высших классов.

С этой целью оно стало поддерживать политику своих империалистов. И за ним пошло в том же направлении, по крайней мере, большинство германских профессиональных союзов. Это – факт. Умалчивать о нем, отворачиваться от него – значит предпочитать горькой истине нас возвышающий обман. Но на самом деле «обман» никогда не возвышал никого, и мы, социалисты, мы, руководители трудящейся массы должны избегать его, как величайшего зла.

Ввиду того неоспоримого факта, что германское социал-демократическое большинство перешло на сторону империалистов, мы не имеем права утверждать, что ответственность за нынешнюю войну падает только на «господствующие классы всех стран». Нет, в известной мере она падает также и на указанные мною выше элементы рабочего населения Германии. Зачем умалчивать об этом перед русским пролетариатом? Зачем скрывать от него истину, хотя бы и весьма горькую?

Далее. Совершенно справедливо, что война истощает все страны и народы. Но чем беднее данная страна, тем более она истощается войною. Россия принадлежит к числу очень бедных стран. Ей гораздо труднее будет вынести экономические последствия нынешней войны, чем Англии, Франции, Германии и Соединенным Штатам Северной Америки. Поэтому сознательные представители ее рабочего класса должны прежде и больше всего думать о том, как бы поскорее прекратить войну, совершенно ее изнуряющую в экономическом смысле и к тому же не ею начатую (в доказательство я опять сошлюсь на указанную выше работу Эд. Бернштейна). А между тем резолюция озабочена преимущественно вопросом о том, как бы перевести демократию всего мира на точку зрения Циммервальдской секты. Если бы русский пролетариат проник-

ся духом этой резолюции в своей международной политике, то он рисковал бы наделать много ошибок и поставить непреодолимые препятствия на пути дальнейшего экономического развития своей страны. А ведь экономическое развитие – главная пружина всего общественного движения: *не сознание определяет собою бытие, а бытие определяет собою сознание*. Стало быть, ошибочная иностранная политика русского пролетариата и крестьянства принесла бы непоправимый вред всему нашему культурному будущему, т. е., *между прочим, и будущему нашей революции*.

Не может быть такой войны, целью которой не был бы мир. Весьма естественно, поэтому, что резолюция занимается вопросом об условиях мира. Тут мы имеем дело со старыми формулами: «мир без аннексий» и проч. Но страна, вынужденная вести войну, не может ограничиться мечтою о желательных для нее условиях мира. Ей следует ясно начертать тот, который ведет к осуществлению ее мечты. А по этой части резолюция отличается молчаливостью. Правда, она указывает, напр., на необходимость обновления личного состава министерства иностранных дел. Но что касается *наступления*, мы находим лишь следующие краткие строки:

«В частности, съезд полагает, что вопрос о наступлении должен быть решаем исключительно с точки зрения военных и стратегических соображений».

Это просто-напросто неправильно, потому что вопрос о наступлении имеет также и политическое значение. Ведь мы не одни ведем войну; ведь у нас есть союзники, которых затрудняет бездействие нашей армии. Это всем известно.

Впрочем, если каждый закон можно толковать *расширительно*, то каждую резолюцию можно толковать *исправительно*. Будем надеяться, что так и станут толковать ее сознательные представители нашей революционной демократии.

P.S. Статья эта была уже написана, когда вечерние газеты принесли мне известие о том, что за исправительное толкование резолюции взялась сама жизнь, правда, не русская, а немецкая. *Немцы начали наступление на наш фронт.*

Единство. 1917, 14 июня. № 64.

Изгоев А.С.

ПИСЬМА О СВОБОДЕ

Письмо первое

Когда говоришь или пишешь о свободе, нельзя не вспомнить тех слов, с которыми в 1793 году взойшла на эшафот знаменитая французская революционерка г-жа Ролан: «Свобода, сколько преступлений совершается во имя твое!»

Но кроме преступлений, т. е. действий сознательных, сколько происходит еще страшных и неотвратимых несчастий оттого, что люди не понимают сво-

боды, не могут отличить ее от анархии и в бессознательности своей несут гибель себе и своим близким.

Свобода, говорит иной рабочий, теперь никто не может командовать мною, никто не может запретить мне курить, когда я хочу. И когда по озорству или глупости закуривает папироску возле гремучей ртути или пороха, собственной гибелью, гибелью десятков и сотен своих товарищей платит за такое понимание свободы.

Нынче свобода, говорит солдат, хочу – пойду в окопы, хочу – нет. От такой «свободы» расстраивается армия, слабеет караульная служба. Несколько дней проходит как будто в полном спокойствии: враг ничего не предпринимает. Но он высмотрел все, что ему надо, и когда опьяненные неправильно понятой свободой люди совсем забыли о враге, он тогда-то и появится и одним ударом уничтожит всю русскую силу, сокрушит все наше сопротивление.

Но из окопов вернемся в мирную обстановку большого города, хотя бы Петрограда. Свобода понята тут как возможность гадить улицы плевыми, окурками, семечками и не чистить улиц. Начальства нет. Никто не запрещает плевать на тротуары, как, например, в немецких городах, где за это людей штрафуют. Никто не заставляет поливать улицы, счищать навоз, вывозить его в указанные места на свалки. Захочет дворник – побрызгает из кишки, а нет – кто ему прикажет, милиционеры – не начальство. В результате такой «свободы» станет умирать людей двумя-тремя десятками больше на тысячу, разовьются заразные болезни, и у того же самого дворника или рабочего, заплевывающего семечками тротуары, умрут горячо любимые дети.

И если хоть тогда он задумается над вопросом, почему в нашей столице и теперь, когда наши рабочие получают жалованья больше, чем французские и немецкие генералы, а работают и производят вдвое и втрое меньше, чем иностранные рабочие, смертность куда больше, чем в Париже или Берлине, он, может быть, сообразит, что отчасти это происходит и от неправильного понимания свободы.

Свобода – величайшее благо. Без свободы не может развиваться государство. Но свобода вовсе не означает того, что каждый имеет право делать все, что ему взбредет в голову, хотя бы это грозило гибелью множеству людей.

Такой свободы нет и не может быть.

Свобода требует самого строгого подчинения закону, подчинения за совесть, по убеждению. Но так как не все люди еще настолько развиты, чтобы понять необходимость такого подчинения, то общество может и должно заставить непонимающих подчиниться закону. Свобода не означает отсутствия законов. Свобода подразумевает существование хороших законов, таких законов, которые изданы с согласия большинства населения. В каждом обществе есть люди, по-разному думающие. Одни находят, что так будет лучше, другие, что иначе. Но пока эти люди живут вместе, и меньшинство и большинство обязательно должны подчиняться закону, который выражает волю большинства.

Меньшинство имеет полное право проповедовать, что этот закон плох, неудачен, его надо заменить другим, но пока закон определенным, заранее указанным порядком не отменен, все, в том числе и это меньшинство, обязаны

неотмененному закону подчиняться. А правительство, исполняющее волю большинства, должно заставить меньшинство исполнять неотмененные законы. Это не будет нарушением свободы. Вот если правительство запретит кому-нибудь доказывать и говорить, что такой-то закон плох и его надо в законном порядке изменить, если правительство запретит высказывать такие мысли, то оно поступит неправильно и нарушит свободу.

Возьмем, например, пропаганду большевиков и посмотрим, что в ней подходит под понятие свободы, а что ей противоречит.

Когда большевики-ленинцы говорят, что постоянных армий не должно быть, что надо издать закон, который бы их отменил, они не выходят за пределы законной свободы. Но когда те же ленинцы, не считаясь с существующим законом об армии, говорят солдату: не слушайся своих офицеров, братайся с немцами, если даже начальство это запрещает, не признавай назначенных офицеров, а выбирай своих, когда ленинцы говорят все это, они совершают тяжкое преступление и должны быть преданы суду. Тут они уже не пользуются свободой, а совершают преступление, и таких преступников суд должен карать. Нельзя ограничиваться тут одними словесными убеждениями да уговариваниями: товарищ, вы неправильно рассуждаете, вы не имеете права призывать к неповиновению законам, пока законы в надлежащем порядке не отменены. Нет, в этом случае надо разговаривать прямо и решительно: за то, что вы призываете к неповиновению действующим законам, вы подлежите заключению в тюрьме по судебному приговору.

Вот такой язык для всех них будет понятен.

Только такой твердый язык установит в обществе ясное сознание того, что такое свобода и чем она отличается от анархии. Можно критиковать, находить неправильным каждое распоряжение власти и каждый закон. Но нельзя, критикуя, призывать к противодействию неотмененным законам и распоряжениям, которые не признаны незаконными.

Каждый гражданин должен иметь право обжаловать постановление власти, которое ему кажется незаконным. Но пока его жалоба не признана правильной и распоряжение не отменено, он обязан ему подчиняться, если оно входит в законную силу немедленно.

Этим свобода отличается от анархии, когда каждый присваивает себе право исполнять только те законы и распоряжения, которые ему нравятся.

Свободный Народ. 1917, 3 июня. № 3.

Мстиславский С.Д.

НА ПОВОРОТЕ, К ПОДЪЕМУ

С нескрываемой тревогой ждет буржуазная печать, каким окажется «лицо» собирающегося и уже приступившего к работам Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов. С нескрываемой тревогой, ибо

без преувеличения можно сказать, что с момента, когда сложится, «получит плоть» этот съезд, в его руки фактически перейдут судьбы революционной России и его решениями определится весь дальнейший ход событий.

Определится, так как в итоге его работ должен будет сложиться не только «курс внешней и внутренней нашей политики», но и тот «центр власти», власти твердой, признанной, непререкаемой, необходимость которой так ясно ощущалась в расшатывавших революцию под самый корень политических колебаниях трех первых месяцев. Центр власти народной, который даст, наконец, твердый упор и исполнительной власти российской революции – ее Временному правительству.

Нам незачем указывать, поскольку решающим является этот момент для буржуазии. Успех социалистических партий, их признанное руководство массами народными злило буржуазных политиков, но они утешали себя мыслью (которую вчера с полной откровенностью высказала, наконец, «Речь»), что власть социалистов призрачная. «Революционный угар пройдет, и вместе с ним исчезнут многие иллюзии. И прежде всего [исчезнет] иллюзия власти, которой у социалистических партий в действительности нет, ибо демагогия не есть власть в государственном смысле, и анархические элементы населения и солдаты-дезертиры – не опора для государственного управления».

И в этом отношении идеологи и политики нашей буржуазии совершенно твердо убеждены, что крушение социалистической власти над массами – явление предопределенное, неотвратимое, коренящееся в самом существовании революционного социализма.

«Русский революционный социализм утратил свою власть над человеческой душой», – констатирует со страниц еженедельника «Русская Свобода», член Центрального Комитета партии «народной» свободы г-н Изгоев.

«Явственно обнаружилось, что разрушать он может, а созидать – бессилен... он оказался нереальным, фантастическим призраком, способным лишь породить смуту и междоусобную войну... Русский революционный социализм позорно гибнет потому, что он отказался от идеи отечества, что он счел возможным обойтись без нее. В результате вместо строительства он дает анархию, вместо человеческого счастья – нищету, кровь и горе, вместо светлой радости и чистоты – господство самых худших, своекорыстных инстинктов человека, освободившего себя от всяких внешних и внутренних сдержек. Русский революционный социализм показал, что как социализм он не существует и действительной силой не обладает. Он существует и действует только как анархизм, как результат развала самодержавной машины...»

И так как, по словам того же Изгоева, повторяющим, как эхо, такие же слова, каждодневно звучащие со страниц буржуазной печати, «революция летит под уклон» – придет скоро час, в который, на смену «безыдейных насильников, своекорыстных и тупых невежд, ругающихся над Россией и ее прошлым, на *крайнем правом фланге* появятся мученики за идею, за любовь к России, за служение ей...» Тогда придет время «принять бразды» единственным в России достойным власти рукам – рукам либеральной и просто черносотенной буржуазии...

Надо только выждать. Лучше отряхнуть прах от ног своих, как сделал Гучков, или просто затаиться, как делают другие политики их же лагеря, чем растрачивать силы на борьбу с нынешним социалистическим «хаосом»: он перебродит, он смирится, он сам запросит «властной руки». И лучше, если рука призвана будет «волей народа», чем, если она возьмет власть с бою, в отчаянной политической борьбе...

Надо выждать...

Я не буду касаться вопроса о том, поскольку «выжидание» это соответствует тем кликам об опасности, угрожающей отечеству, которыми оглашает воздух буржуазная печать. Ибо, казалось бы, чем яснее сознание опасности, тем напряженнее должно бы проявиться участие «сознающего» в борьбе с этой надвигающейся, надвинувшейся опасностью... И недостойной должна быть признана тактика тех, кто, отойдя в сторону, отмежевавшись от «хаоса», злобно следит за нарастанием его, способствуя этому нарастанию по мере сил пронзительными криками об «анархии».

Я не в суд или осуждение это говорю, ибо такое отношение для буржуазии традиционно. Но – не ей упрекать нас... И отметить это характерное «выжидание» было необходимо, так как из сказанного выше ясно, что длиться оно могло лишь постольку, поскольку творчеством новым не преображался созданный революционным переворотом «хаос». Первые же признаки перехода революции к творчеству и, стало быть, к созданию тех *твердых* революционных органов, которые могли бы не только удовлетворить неотложным нуждам момента, но перейти к планомерной, систематической, *созидательной* работе, должны были неизбежно вывести силы буржуазии из ее «выжидательного» положения и бросить их «на переимы» этой организационной работе. Ибо, если в характеристике власти социалистических *лозунгов* над массами (именно лозунгов, не *партий*, ибо *партии* сами еще находятся в периоде внутреннего строительства и не представляют еще прочной, воистину руководящей силы), «могильщики революции» не совсем не правы, – над «серыми миллионами», конечно, зыбка еще эта власть, – то перед организованной, на созидательной работе стоящей силой, в прах должны, естественно, рассыпаться все мрачные предсказания кадетских политических волхвов.

Вот почему такую энергию развила организованная буржуазия на выборах в петроградские районные думы, как ни «мелка» – в масштабе переживаемых нами событий – предстоящая им муниципальная работа. Не за ней гнались в борьбе на выборах кадеты и иже с ними: за это ручается прошлый опыт пребывания либералов у кормила городской власти, – они не сделали ничего, так как у них прежде всего не было никакого интереса к городскому «обыденному», малому делу. Не больше интереса к этому делу в них и теперь. И если они с таким ожесточением боролись всюду, где возможно, вплоть до подворотен, с социалистическим блоком, то потому лишь, что они сознавали слишком ясно опасность перехода муниципалитета в социалистические руки. «Принимая» районные думы, социалисты получали жизненный твердый упор: их организации, из организаций «программных» становились организациями живого, пусть небольшого (опять-таки в *масштабе* современных событий), но нуж-

ного, необходимо нужного дела: и не связь лозунга, но связь рабочая, твердая связь устанавливалась между *партиями* и *массами* на этой муниципальной работе. Связь, естественным результатом которой должно явиться утверждение не только *морального*, не только *идейного* авторитета партий, но и авторитета делового. Но только на основе такого всестороннего, полного авторитета и строится действительная власть.

Вот почему так напряженна была муниципальная предвыборная борьба. И не на тех ли самых основаниях ведется теми же буржуазными элементами упорнейшая борьба «на местах» – по всем городам и весям России, где гнется под напором демократии цензовая разноименная «власть», – против перехода местных органов в руки революционной демократии.

Если с такой, вполне основательной нервностью относятся «господствовавшие» к выходу демократии на созидательную работу «на низах», путем вхождения в местные органы самоуправления, с тем большей настороженностью, естественно, должны были они отнестись к созданию того «революционного предпарламента», основу которого призван ныне заложить собравшийся Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Ибо в связи с работой социалистов на местах «предпарламент» этот – если он сложится, как можно по всем данным ожидать, твердо и спаянно – разгонит всякие мечтания «выжидающих» о неизбежном «кризисе призрачной социалистической власти». Она станет фактом, и тогда политикам и идеологам буржуазии останется только поглубже забиться в свои «выжидательные» углы... В решениях жизни они останутся «без голоса».

Мы должны поэтому ждать, что *решающим* будет момент организации всероссийского революционного «предпарламента»: буржуазия попытается оказать сопротивление этому важнейшему организационному акту демократии теми силами, которыми она еще располагает. И многозначительно звучит поэтому письмо Родзянки членам Государственной думы, опубликованное сегодня в газетах: «Политические события текущего времени требуют, чтобы господа члены Государственной думы были наготове, на месте, так как когда и в какой момент их деятельность может оказаться совершенно необходимой, – установить невозможно. Эти обстоятельства могут наступить внезапно, и вопрос о вызове членов Госуд[арственной] думы с мест в таком случае представится весьма затруднительным в порядке спешного разрешения, а самое прибытие их к месту будет, несомненно, со значительным опозданием».

«Ввиду этого я позволяю себе обратиться к господам членам Гос[ударственной] думы с покорнейшей просьбой выезжать из Петрограда в исключительных случаях, а отсутствующим – принять меры к возвращению в Петроград».

В военном ведомстве такие приказы отдаются тогда, когда с часу на час ожидается «выступление в поход». И мы вправе видеть в нем один из признаков идущей «мобилизации».

И не случайно, конечно, многозначительно напоминает во вчерашней передовой «Русская Воля» слова Н.В. Некрасова: «Наступает самый грозный

момент русской революции. Мы пришли к поворотному пункту. В течение ближайших двух недель должен окончательно выясниться не только вопрос о судьбе власти, но и судьбе России».

Революционной демократии придется, таким образом, в ходе работ съезда выдержать удар с тех же самых двух фронтов, против которых ей приходится выступать каждый раз, когда дело идет о выходе ее на созидательную работу: с мобилизующегося «буржуазного фронта», которому успешное завершение предстоящих съездов работ грозит «ликвидацией», и с фронта «дезорганизаторов», анархизирующих, которым закрепление власти демократии, в лице революционного предпарламента, грозит в конечном счете тем же, чем и «буржуазному фронту», т. е. ликвидацией.

Борьбу на эти два фронта съезду придется вынести как вне стен заседаний депутатов, так и на самих заседаниях. Мы твердо уверены, однако, что революционная демократия выйдет и на этот раз победно из труднейшего испытания, и начавшиеся работы пройдут, отменяя всякую шумиху слов и фракционных переколов, с той деловитостью, с той вдумчивостью, которой требует воистину великая ответственность предстоящих решений.

Дело Народа. 1917, 4 июня. № 66.

Гриневич А.В.

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Противники коалиционного министерства в числе доводов против вступления социалистов в состав правительства приводили следующее: социалистические министры будут меньшинством. Их влияние на политику правительства будет ограничено. Им и партиям их пославшим придется нести ответственность и за недостаточно энергичное проведение демократических преобразований, и за меры по охране буржуазного порядка, неизбежные для буржуазного правительства даже в момент революции. Демократия, если не официально, то фактически останется в оппозиции. С другой стороны, министерство с участием социалистов не сможет вести достаточно твердой в буржуазном смысле политики, и поэтому в оппозиции будут и недемократические слои населения.

Действительность, по-видимому, оправдывает эти предсказания. Уже сейчас и либеральная буржуазия, и демократия — недовольны, не говоря уже о крайних полюсах, явных контрреволюционерах и элементах, настроенных по-анархистски. И если всмотреться в работу нового правительства, то оснований для недовольства найдется более чем достаточно.

Нас интересуют, понятно, те стороны деятельности правительства, которые являются отрицательными с точки зрения демократии, особенно рабочего класса.

Прежде всего, надо отметить крайнюю нерешительность и медленность в проведении мер, необходимых для закрепления завоеваний революции, для обезвреживания реакции и для обеспечения интересов демократии.

Начнем с центральных вопросов. Правительство обязалось ускорить созыв Учредительного собрания. И это крайне необходимо. Только добравшись до Учредительного собрания, мы сможем сказать, что дело революции обеспечено.

Что же сделано правительством?

Вскоре после вступления во власть оно созвало совещание по выработке закона об Учредительном собрании. Но как это совещание работает? Медленно, тягуче, как будто бы ему поручено составить один из очередных законопроектов мирной эпохи государственной жизни. И правительство ничего не предпринимает для того, чтобы его подогнать. Наоборот, как раз его представители в совещании затягивают работу. Ярче всего это выразилось, пожалуй, в том первоначальном проекте, который был внесен правительственной комиссией. Он был составлен настолько недемократично, что оказалось нужным подвергнуть его коренной переработке.

Наконец, под давлением ясно выразившегося на съезде Советов недовольства, издан на днях и декрет о сроке выборов и созыва Учредительного собрания. Однако полной уверенности в том, что эти сроки будут соблюдены, нет. Совещание еще далеко не закончило своих работ и продолжает их с прежней медленностью. Демократические органы местного самоуправления, на которые возложено составление избирательных списков и вообще все дело проведения выборов, еще не образованы, и к ускорению их образования энергичных мер не принимается.

В этой медлительности, как и во всем, о чем дальше будет идти речь, виновато, правда, не одно правительство.

Виновата и сама революционная демократия, которая, к сожалению, надо это сказать прямо, не проявляет сплоченности и энергии, так властно требуемых переживаемым моментом.

А между тем силы реакции не дремлют. Они собираются, они готовятся. Вот Государственная дума, 3-июньская Дума. Она официально не заседает, но устраиваются частные совещания депутатов. Правда, Марков II и его сподвижники в заседаниях этих не участвуют. Но их роль с успехом исполняют другие думские партии: националисты, октябристы, кадеты. Тут брюзжат против революции; тут источают яд против Советов раб[очих] и солд[атских] депутатов, против правительства, против рабочих и крестьян. Эти господа не хотят признать Думу умершей. Наоборот, устами своего председателя они готовятся к тому, чтобы в нужный момент выступить на сцену как решающая сила, может быть, взять правительственную власть в свои руки. Если это им удастся, они не только скажут революции: довольно! Они повернут страну назад, они не дадут собраться Учредительному собранию. А сзади, в резерве у Думы еще есть Государственный Совет!

Что же делает Правительство? Оно проявляет самое непростительное попустительство. Ему указывают на опасность. От него требуют, чтобы оно официально ликвидировало и Думу, и Совет, которые политически перестали, ка-

залось бы, существовать еще 27 февраля. Но правительство отказывается. Оно продолжает признавать и Думу, и даже выборную часть Совета. Оно выплачивает их членам содержание. И даже министры-социалисты на Всероссийском съезде Советов на прямо поставленный вопрос: когда же вы издадите декрет о роспуске законодательных учреждений старого режима? – отвечают, что это несущественно.

Демократия же не может не сознавать, что это не только существенно – это необходимо и неотложно. Угроза революции должна быть устранена немедленно. Если Правительство не положит конца существованию Думы и Совета, оно не исполнит своего долга обеспечить интересы революции.

А на местах? Врем[енное] правительство первого созыва назначило агентами власти на местах сплошь представителей крупных цензовиков, в большинстве случаев чистокровных реакционеров. Правительство новое обещало их заменить другими комиссарами, угодными демократии. Но вот оно уже два месяца у власти, а до сих пор еще чуть не половина старых комиссаров на своих местах. Министр Церетели на съезде обещал, что комиссары *будут впредь* назначаться только по соглашению с местными общественными комитетами. Но это отнюдь не может нас удовлетворить.

Во-первых, сейчас больше, чем когда-либо, промедление времени смерти подобно. Не обещания нужны, а быстрые и решительные действия.

Во-вторых, далеко не благополучно обстоит дело с самими местными комитетами. К сожалению, революцию совершил Петербург, провинция ее только приняла. Образовавшиеся мирным путем «комитеты общественных организаций», «комитеты народной власти» и т. п. нередко составлялись сплошь или в большей части из цензовых элементов, некоторые обнаружили определенно выраженное реакционное лицо. Кое-где, но отнюдь не везде, демократии удалось добиться в дальнейшем преобразования этих органов. Но мы не видели со стороны Врем. правительства первого состава, не видим, к сожалению, и сейчас каких-либо мер из центра к демократизации местных комитетов.

В области местного самоуправления Временное правительство также не оказалось на высоте требований, предъявляемых демократией. Уже четыре месяца прошло со времени свержения старого строя, а правильно избранных органов местного самоуправления почти нигде еще нет. С большим опозданием издан был закон о городских выборах, закон при этом далеко не удовлетворительный с демократической точки зрения (напр., двухмесячный ценз оседлости). Для скорейшего же проведения его в жизнь ничего не делается. Но хуже того – кое-где демократия не сочла возможным ждать и самочинно создала, на основах более или менее демократических, новые представительные органы вместо старых Дум и Земств. И правительство почему-то не желает признавать этих новых Дум, становясь определенно на сторону Дум старого состава, когда они не желают уступать своего места избранныкам населения. Так было не только при Временном правительстве первого призыва. Министерство внутренних дел, несмотря на присутствие социалистов в правительстве, продолжает вести ту же политику и сейчас и вызывает конфликты на этой почве до самых последних дней (Ново-Николаевск, Пенза и др.).

Наконец, политика правительства по отношению к отдельным группам населения. В последнем пункте своей декларации коалиционное министерство обещало бороться и с контрреволюцией, и с анархией самыми решительными мерами. Мы уже тогда указывали на крайнюю двусмысленность этой части декларации. Что же оказалось на деле? Мы видим, что контрреволюционные элементы организуются на всех парах и во всяких видах. Тут и казачьи съезды, и лиги личного примера, и съезды землевладельцев и пр. и пр. Выступило ли правительство против них делом или хотя бы только словом? Пока мы еще не видели ничего подобного. Быть может, нам возразят, что у правительства нет достаточной силы власти. Отчасти это верно. Но вот в последние дни оно уже начинает власть проявлять, начинает показывать зубы, однако *только* влево, *только* против «анархии». Тут и властный язык, и решительные меры. При этом понятие «анархия» толкуется весьма распространительно. Мы не видим, чтобы принимались какие-либо меры против контрреволюционной и империалистической пропаганды в армии и гражданском населении, которая за последнее время принимает угрожающие размеры и наглет день ото дня. Но ведется самая энергичная борьба с «слишком левой» агитацией и с нарушениями дисциплины. Мы вовсе не сторонники дезорганизации и считаем, что ей надо противодействовать. Но нельзя не протестовать против лишения дезертиров избирательных прав без суда, против лишения пайка их, ни в чем не повинных семей (ведь это Романовская мера), против угрозы каторгой за «братание» и т. п. Наконец, появились известия о восстановлении 129 и 131 статей Уголовного Уложения, карающих за призыв к неповиновению властям. Это было опровергнуто, но теперь мы опять узнаем, что разрабатывается проект нового декрета в этом же духе. Возможность появления таких проектов вызывает самые серьезные опасения за демократические вольности и права народа.

В критический момент, переживаемый революцией, власть должна быть сильной *революционной* властью. Она должна вести страну твердой рукой к завершению и укреплению завоеваний демократии. Она должна охранять революцию от *всяких* посягательств, но должна это делать так, чтобы не ликвидировать свободы и самостоятельности демократических масс. Задача пролетариата добиться этого; он должен оказать в этом направлении давление на нынешнее правительство.

Летучий Листок меньшевиков-интернационалистов.
1917. № 2. С. 10–12.

Соколов В.А.

ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО

Прошло две недели с тех пор, как московский съезд так решительно и ясно высказал свое отношение к вопросу о взаимоотношениях между церковью и государством. Казалось бы, что это решение, столь резко расходящееся с модными теориями и партийными программами, явится предметом живейшего

обсуждения в печати. На деле оказалось иное: ни одним словом не обмолвился пока ни один орган социалистический, даже не отметив этого постановления съезда. Дело, конечно, не в том, что съезд прошел незамеченным. Съезд представителей от свыше чем стомиллионной церкви не мог быть не замечен. Кроме тех, кто хочет самодержавно править народом слева, тот съезд не может не представляться значительною величиною. И ясно, что его решение, столь резкое и определенное, должно учитываться в будущем Учредительном собрании. Между тем оно окружено молчанием.

Что это значит?

Учредительное собрание скоро будет созвано. Народные избранники придут на него с определенными народными желаниями касательно земли, прав, формы правления. Но если церковный вопрос будет замолчан, то и Учредительное собрание будет решать его по воле народных представителей, а не по воле народной. Молчание о церковном вопросе будет иметь своим последствием то, что народ не выскажется касательно церкви, а факты из его отношений к духовенству, к отдельным, уже отживающим формам старой церковности, будут использованы в желательном направлении. Когда в Предсоборном совете члены совета делились своими впечатлениями, то единогласно ими было подчеркнуто, что при всех случаях розни между духовенством и мирянами в вопросах практического характера вопросы собственно религиозные встречали полное единогласие, принимались положительно всеми. Значит, народ имеет определенное отношение к Церкви и отличает ее от ее случайных наростов, от временных болезненных явлений в ней.

Поэтому чрезвычайно важно, чтобы церковно-государственный вопрос получил такое же широкое распространение, так же популяризовался, как и вопросы земельный, о форме правления и т. д. Дело в том, что партии наши, особенно социалистические, слишком теоретичны. Выросши в Западной Европе, они слепо ведут жизнь в рамки своих программ, забывая, что у каждого народа есть своя история, свои особенности, в эти рамки не укладывающиеся. Немало среди партийных работников и таких фанатиков теории, которые готовы уродовать и ломать жизнь, чтобы только осуществить программу. Социалистические программы давно объявили религию частным делом, и отделение церкви от государства для них — непреложный догмат. Но так ли посмотрит на дело народ? Возьмем земельный вопрос. Социализм требует передачи земли в руки государства. Но в России земледелец не уступит своего куска, как бы мал он ни был, и решение аграрной проблемы становится у нас чрезвычайно сложным и требующим внепрограммных решений. Точно также и вопрос об отношении государства к церкви. Разумеется, дело не в гонении на другие исповедания. Свобода совести, культа — признаны и московским съездом³, сами собою подразумеваются в идее свободного государства. Но церковь слишком значительный и по общественной роли, и количественно институт, чтоб не быть учитываемой государством. Подобно тому, как частная инициатива у нас всегда получала государственное признание в деле народного образования (в смысле прав, обеспечения и т. д.), так и церковь имеет полное право

рассчитывать, что ее общественное значение будет учтено государством. Но общественное значение церкви создается входящим в нее реально народом. Вот почему народный голос, народное отношение к ней также настоятельно требуют выяснения, как и вопрос земельный. Бог и земля – вот жизненные думы народа и, кажется, эти лозунги в глазах деревни важнее свободы, сознание которой еще не вполне для нее проявлено.

Что народ понимает значение своего голоса в этом деле, показывают следующие слова одного крестьянина на киевском съезде:

– Говорят, що не дадут грошей духовенству. А я кажу: хто не даст? Говорят: государство. А я кажу: хто государство? Чи воно не мы, не народ, не громадяне? Государство – мы. И як мы скажемо, що треба грошив духовенству дати, хто ж не даст, як мы схочемо?

И чрезвычайно важно, чтобы народ высказал свою волю, чтобы не партийная теория, а народ решил этот сложный и давний больной вопрос.

Среди всех моральных обязанностей, лежащих в настоящее время на культурных и церковных силах, первое место должно занимать это распространение среди народа самой проблемы взаимоотношений церкви и государства. Дело не в том, чтобы подсказывать народу известный ответ, но прежде всего – в том, чтобы народ понял, что и этот вопрос будет решаться Учредительным собранием, чтобы он отнесся к этому вопросу с вниманием, оценил его значение, его смысл и учитывал его в своих директивах избранникам. Тактика умолчания, какую ведет по всей линии социализм, в этом отношении крайне опасна. Конечно, никто не завинит его в программной неясности. Но одно дело – партийная формула, другое – жизнь. И если свободный народ должен высказаться сам, как должна быть устроена новая жизнь, то и столь важный церковный вопрос должен быть представлен на суд народа, как на его суд отданы другие вопросы. Крестьянские съезды на Украине явно показали свое отношение к своей церкви. Исторически она так связалась с народным духом, что народ ни на миг не усомнился в ее ценности для государства. Пусть же и духовенство, и верующая интеллигенция примут на себя это чрезвычайно важное дело пропаганды в народе вопроса о церкви, чтобы народ понял и оценил его значение, чтобы Учредительное собрание знало народный голос и могло считаться с ним в своем решении судеб церкви.

*Всероссийский Церковно-Общественный Вестник.
1917, 25 июня. № 56.*

Цаликов А.Т.

ШАЛОСТИ РЕАКЦИИ

Кроты контрреволюции усиленно заняты своей работой. Это почти незаметная работа. Те, кто были оглушены первое время громом российской революции и в испуге замерли, ожидая справедливого возмездия за все причи-

ненное стране зло, постепенно приходят в себя и пытаются ориентироваться. Они нащупывают под собой почву. Стягивая свои силы, они протягивают щупальца в разные стороны и бесшумно создают опорные пункты для будущих активных действий. Оправдываются предостерегающие слова: «деятели реакции не краснобаи».

Революционной демократии приходится смотреть в оба. Пока были отмечены две силы, на которые хотят опереться реакционеры в своих контрреволюционных замыслах, это казаки и старообрядцы. Своеобразие бытовых и общественно-экономических условий одних и религиозно-политические идеалы других – вот предполагаемые исходные пункты для деятельности в сторону отторжения этих сил от общедемократического движения в стране. Теперь щупальца реакции протягиваются еще в одну сторону – предполагают использовать: «здоровый консерватизм» мусульман России. Известно, что даже В.М. Пуришкевич в свое время выдавал мусульманам России, не в пример прочим инородцам, аттестат «лояльности». Миллион мусульманских штыков в рядах русской армии и 25–30-ти миллионное мусульманское население – это возможное поле для реакционных воздействий. Но как воспользоваться этой силой? Деятели реакции знают, как можно подойти к мусульманам. Через духовенство. Роль духовенства в жизни мусульман и до сих пор почти исключительная. Объясняется это тем, что в течение многих десятков лет муллы являлись единственными носителями культуры, они были не только пастырями, но и судьями, советчиками во всяких затруднительных положениях, знатоками всяких вопросов.

В прошлом это духовенство русская реакция не раз использовала в целях борьбы с прогрессивными течениями среди мусульман. Есть, очевидно, намерение сделать его орудием реакционной борьбы и в настоящее время. Пользуясь малой осведомленностью русского общества в мусульманских делах, под шумок кем-то на постпомощника военного ахуна Петроградского военного округа назначается Сафа Баязитов, бывший Оренбургский муфтий, арестованный в первые же дни революции. Правда, его вскоре выпустили на свободу, но «освободили» также и от заведывания муфтиатом.

Не удивительно ли, что в революционном Петрограде при военном министре социалисте, на пост помощника военного ахуна попадает яркий черносотенец, человек, всю жизнь боровшийся со всякими прогрессивными течениями в мусульманском мире? И человек этот становится в непосредственное общение с воинами мусульманами, будет истолковывать им в стране события и направлять их волю в ту или иную сторону.

Сафа Баязитов – это мрачное воспоминание о прошлом.

В свое время он возбудил общую ненависть прогрессивных мусульман попыткой организовать консервативную монархическую мусульманскую организацию «Сыратыл Мустахим», нечто вроде союза истинно русских людей на мусульманской почве. Но даже во времена царизма общее негодование у населения вырвалось с такой силой против этого начинания, что Баязитову свою затею пришлось оставить.

Консервативный образ мыслей и преданность идеям монархизма сослужили Сафе Баязитову ту службу, что он был удостоен «высочайшей милости» и назначен на самый высокий духовный пост оренбургского муфтия. Занимая этот пост муфтия, вопреки воле населения, Баязитов подвергся бойкоту прогрессивной части мусульман, но эта ненависть прогрессистов укрепляла его положение в Департаменте духовных дел.

Казалось бы, что с торжеством революции деятельность этого лица должна была бы окончиться, но реакция шевелится и мобилизует свои силы, и темный деятель мусульманской реакции тоже кому-то понадобился.

Назначение С. Баязитова приобретает еще особое значение потому, что нынешний военный ахун Петроградского округа – ставленник Баязитова. И, естественно, «рука руку моет»... Фактически военным ахуном будет С. Баязитов. Интересно, где та невидимая рука, которая замешана во всей этой истории?

Кому нужно, чтобы господа Баязитовы, заняв ответственные посты, начали шептать своей пастве о том, что «хуриет» («свобода») ведет к разным нарушениям «шариата». А ведь подобного рода нашептывания, под непосредственным воздействием русских reactionеров, уже обнаружены в разных концах многомиллионного мусульманского мира России.

История с Сафой Баязитовым весьма поучительна. Она заключает в себе мораль, которая должна быть немедленно же усвоена революционной демократией. Мораль общего значения: необходима немедленная полная очистка наших департаментов духовных и всяких других дел от деятелей старого режима. Из глубин департаментских кабинетов протягиваются бюрократические щупальца притаившихся на первое время бывших царских чиновников, готовых каждую минуту сбросить с себя надетый против воли на голову красный фригийский колпак, чтобы нацепить полицейскую кокарду «доброего старого времени».

Надо действовать, пока не поздно.

Новая Жизнь. 1917, 21 июня (4 июля). № 54.

Горький М.

***«ОБЪЕКТИВНАЯ ЦЕННОСТЬ КУЛЬТУРЫ И ОБАЯТЕЛЬНАЯ ПРЕЛЕСТЬ ЕЕ»: НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ**

«Довлеет дневи злоба его», – это естественно, это законно; однако у текущего дня две злобы: борьба партий за власть и культурное строительство. Я знаю, что политическая борьба – необходимое дело, но принимаю это дело как неизбежное зло. Ибо не могу не видеть, что в условиях данного момента и при наличии некоторых особенностей русской психики политическая борьба делает строительство культуры почти совершенно невозможным.

Задача культуры – развитие и укрепление в человеке социальной совести, социальной морали, разработка и организация всех способностей, всех талантов личности, выполнима ли эта задача во дни всеобщего озверения?

Подумайте, что творится вокруг нас: каждая газета, имея свой район влияния, ежедневно вводит в души читателей самые позорные чувства – злость, ложь, лицемерие, цинизм и все прочее этого порядка.

У одних возбуждают страх пред человеком и ненависть к нему, у других – презрение и месть, утомляя третьих однообразием клеветы, заражая их равнодушием отчаяния. Эта деятельность людей, которые заболели воспалением темных инстинктов, не только не имеет ничего общего с проповедью культуры, но резко враждебна ее целям. А ведь революция совершена в интересах культуры, и вызвал ее к жизни именно рост культурных сил, культурных запросов.

* * *

Русский человек, видя свой старый быт до основания потрясенным войною и революцией, орет на все голоса о культурной помощи ему, орет, обращаясь именно «в газету» и требуя от нее решений по самым разнообразным вопросам.

Вот, например, группа солдат «Кавказской армии» пишет:

«Учащаются случаи зверской расправы солдат с изменившими им женами. Хлопочите, пожалуйста, чтоб сознательные люди и социальная печать выступили на борьбу с эпидемическим явлением и разъяснили, что бабы не виноваты. Мы, пишущие, знаем, кто виноват, и женщин не обвиняем, потому что всякий человек обязан своей природе и хочет назначенного природой ему».

Вот еще сообщение на эту тему:

«Пишу в поезде, выслушав рассказ солдата, который со злобными слезами поведал, что он дезертир с фронта и убежал для устройства двух детишек, брошенных стервой женой. Клянется, что расправится с ней. Из-за женщин дезертиров сотни и тысячи. Как тут быть?»

В Ростове-на-Дону солдаты водили по улицам голую распутницу с распущенными волосами с выкриками о ее похабстве и били за ней по разбитому ведру. Организаторы безобразия – муж ее и ее же любовник, фельдфебель. Позвольте заметить, что страх перед позором не укротит инстинкта, а, между прочим, эти гадости лицезреют дети. Что же молчит пресса?»

А вот письмо, переносящее «женский вопрос» уже в другую плоскость:

«Прошу сообщить заказным письмом или подробно в газете, как надо понимать объявленное равноправие с нами для женщины, и что она теперь будет делать.

Нижеподписанные крестьяне встревожены законом, от которого может усииться беззаконие, а теперь деревня держится бабой. Семья отменяется из-за этого, и пойдет разрушение хозяйства».

Далее:

«Объявляю тебе, друг людей, что по деревням происходит чепуха, потому что солдаткам наделяют землю, что похуже и негодно, и они ревмя ревут. Воротятся с войны мужья их, так из этого будет драка, сделайте одолжение. Надобно разъяснить мужикам, чтобы делали по правде».

И снова:

«Пришлите книжку о правах женских».

Не все письма на эту тему использованы мною, но есть тема, еще более часто повторяемая в письмах, — это требование книг по разным вопросам.

Пишут об отношении к попам, спрашивают, «будут ли изменены переселенческие законы», просят рассказать «об американском государстве», о том, как надо лечить сифилис, и нет ли закона «о свозке увечных в одно место», присылают «прошения» о том, чтобы солдатам в окопы отправлять лук, — он «очень хорош против цинги».

Все эти «прошения», «сообщения» «запросы» не находят места на страницах газет, занятых желчной и злобной грызнёй. Руководители газет как будто забывают, что за кругом их влияния остаются десятки миллионов людей, у которых инстинкт борьбы за власть еще дремлет, но уже проснулось стремление к строительству новых форм быта.

И видя, каким целям служит «свободное слово», эти миллионы легко могут почувствовать пагубное презрение к нему, а это будет ошибка роковая и надолго непоправимая.

Нельзя ли уделять поменьше места языкоблудию и побольше живым интересам демократии? Не заинтересованы ли все мы в том, чтоб люди почувствовали объективную ценность культуры и обаятельную прелесть ее?

Новая Жизнь. 1917, 9 (22) июня. № 44.

Мартов Ю.О.

ЛОЗУНГ «ВСЯ ВЛАСТЬ СОВЕТАМ»

Либеральная буржуазия и революционный пролетариат были в течение десятилетия 1904–1914 гг. единственными активными силами, постоянно остававшимися на политической арене, не прекращавшими ни своей борьбы с царизмом, ни взаимной борьбы между собой. Мелкая буржуазия, крестьянская и городская, лишь временами выходила на арену политической борьбы, наскоро спланиваясь и организуясь, чтобы затем снова возвращаться в политически распыленное состояние.

Война, мобилизовав многие миллионы крестьян и сосредоточив их в городах, содействовала тому, чтобы втянуть их в круг политических интересов и подготовить их к той роли, которую они стали играть с первых дней революции. Рядом с буржуазией и пролетариатом в марте 1917 года оказалась на арене политической жизни громадная рать крестьянско-солдатской демократии,

быстро организующейся и выявляющей свой собственный классовый облик. Тем самым вторая российская революция приобрела сразу ту широкую организационную базу, которой не было в октябре 1905 года у первой российской революции, и которую она тщетно пыталась себе создать в дни первой и второй Думы.

Столь быстрый процесс организационного сплочения демократических масс естественно должен был опережать процесс их политического самоопределения: классовое сознание солдатско-крестьянской демократии сильно отстает от роста ее организованности.

Благодаря этому солдатско-крестьянская демократия, объединившаяся с пролетариатом, оказывает на государственную власть гораздо меньшее влияние, чем того можно было ожидать от ее численности и от того обстоятельства, что в ее руках находится вся вооруженная сила государства. Несмотря на наличие сознания противоречия между интересами всех трудящихся классов и интересами капиталистической буржуазии, мелкобуржуазная демократия еще не поднялась до самостоятельного ответа на поставленные историей жгучие вопросы. И прежде всего на основной вопрос русской революции – о прекращении войны – она способна давать лишь половинчатый ответ, объявляя свой разрыв с империализмом и в то же время принимая позицию оборончества, отдающую ее в плен именно империалистам. Провозглашая полную демократизацию государства, она оказывается неспособной провести ее в жизнь вопреки противодействию капиталистических классов.

Признавая, в принципе, необходимость самых радикальных финансовых и социально-экономических мероприятий, она неизменно отступает при первом сопротивлении крупной буржуазии. А неизбежно вызываемые революцией и экономической разрухой явления анархии в среде пролетариата и самих мелкобуржуазных масс слишком легко вызывают в демократии жажду «порядка», которая во все времена вела к компромиссам с консервативными имущими классами.

Заседания Всероссийского съезда Советов солдат и рабочих депутатов должны были показать всякому беспристрастному и внимательному наблюдателю эту внутреннюю противоречивость политической позиции мелкобуржуазной российской демократии, лучшие люди, которые съехались в Петроград. Разумеется, это состояние демократии есть лишь момент в ее развитии: дальнейшее обострение классовых противоречий должно будет отшлифовать ее сознание, пробудить более отчетливое понимание антагонизма между ее интересами и интересами капиталистических классов, закалить ее революционную волю.

Задачей правильно понятой политики социалистического пролетариата и должно быть содействие этому процессу путем прежде всего организации революционного давления мелкобуржуазной демократии на буржуазную власть. После того как представители самого пролетариата вместе с представителями народнической мелкой буржуазии вступили в коалиционное министерство, эта задача стала для социал-демократии почти невыполнимой.

В качестве правительственной партии, обязавшейся оказывать абсолютное доверие министерству общенационального единения, социал-демократия, в лице меньшевистской фракции, осудила себя на постоянное торможение пробуждающейся в крестьянско-солдатской массе политической самостоятельности, на удерживание Советов от попыток активно влиять на ход правительственной политики.

Вместо того чтобы содействовать развитию классового самосознания солдатско-крестьянской демократии, партия пролетариата своей ложной политикой парализует процесс освобождения сознания этой демократии от налипших на нем либеральных и национальных иллюзий. Вместо того чтобы на работе толкания вперед мелкобуржуазных масс укреплять в пролетариате сознание его особого положения в общедемократическом революционном блоке, как отдельного класса, меньшевистская социал-демократия всю свою деятельность приспособила к эсэровской теории единого «трудового народа». И она это делает до такой степени всерьез, что лидер ее товарищ Церетели, даже будучи разбужен от сна, не обмолвится терминами «социал-демократия», «пролетариат», «классовая борьба»; а будет неизменно говорить только о «революционной демократии», о «нации», о «борьбе с контрреволюцией и анархией».

Тормозя процесс классового самоопределения крестьянско-солдатской демократии, меньшевики и эсеры неизбежно способствовали тому, что нарастающее благодаря затягивающейся войне, созданной ею разрухе и неспособности освободившейся от давления низов буржуазии глухое недовольство пролетарских и даже части крестьянско-солдатских масс бросило их в объятия ленинизма. Ибо ленинизм бросил в эти массы лозунг «Вся власть Советам!» – лозунг, апеллирующий к возросшему у народных масс с февральских дней чувству уверенности в своей политической силе. Видя с изумлением, что три месяца революции еще не дали им заметного улучшения жизни, массы склонны искать выхода в устранении от власти представителей враждебных им капиталистических классов.

И они были бы правы, если бы все дело или, по крайней мере главное дело, заключалось в нежелании и неспособности буржуазных либералов проводить революционно-демократическую программу. Но это далеко не так. Обладая громадной организованной силой Советов, демократия имеет возможность проводить свою волю в области внешней, внутренней и экономической политики гораздо полнее, чем она это делает до сих пор. Если это не имеет места, то главным образом потому, что воля самой демократии еще не определилась, что ее авангард еще инстинктивно льнет к соглашению, к компромиссу с буржуазным либерализмом; что вместо революционного давления на буржуазию демократия осуществляет «безусловную поддержку» ее.

При таких условиях звать пролетариат к свержению временного правительства во имя «всей власти Советам», значит переворачивать на голову все политические отношения и пытаться, совершенно искусственно, ускорить процесс развития внутренних противоречий революции. Ближайшим обра-

зом попытки свалить коалиционное правительство во имя перехода власти к Советам ведут к результату, прямо противоположному тому, что имеется в виду; вместо отделения мелкобуржуазной демократии от либерализма получается (уже получилось!) теснейшее сплочение их против «противников слева».

Если бы же, благодаря накоплению в стране элементов недовольства, нынешняя правительственная комбинация была свалена смелым натиском слева, то образовавшееся на ее развалинах правительство мелкобуржуазной демократии, отражая всю неподготовленность ее к власти, всю незаконченность ее политического самоопределения, также мало справилось бы с поставленными перед русской революцией задачами, как и опирающееся ныне на нее правительство коалиционное. Ни к чему другому, как к реакции в пользу империалистических элементов буржуазии – быть может, после кратковременного эпизода «диктатуры пролетариата» – такое положение не привело бы. Это могло бы еще не означать полного краха российской революции, но уж, во всяком случае, не пролетариат заинтересован в том, чтобы этой революции пришлось снова начинать «от печки» – от правительства Родзянки и Милюкова.

Переход революционной власти в руки мелкобуржуазной демократии станет в процессе развития революции, рано или поздно, политической необходимостью. Быть может, уже в первые дни Учредительного собрания, этот момент будет означать собой крупную победу революции, важный этап в деле упрочения ее завоеваний. Но он станет возможным лишь после того, как мелкобуржуазная демократия сама значительно поднимется над нынешним уровнем своей политической зрелости и станет способной как удерживать власть в своих руках, так и пользоваться ею в своих интересах. Пока этого нет, политика толкания ее к власти во что бы то ни стало остается политической авантюрой. И эта авантюристская политика мешает социал-демократии делать свое неотложное дело – содействовать развитию политической самостоятельности мелкобуржуазной демократии путем ее освобождения из-под власти либеральной политики и идеологии.

Не «Вся власть Советам!», а завоевание Советами политической независимости, завоевание ими роли организованного авангарда демократической революции, вот лозунг дня. И лишь в борьбе за осуществление этого лозунга произойдет то отмежевание революционно-пролетарской политики от приспособляющегося к сознанию мелкой буржуазии оппортунизма, без которого немисливо выполнение российским пролетариатом роли самостоятельного фактора революции.

Летучий Листок меньшевиков-интернационалистов. 1917. № 2. С. 4–6.

Набоков В.Д.

ОБ УЧРЕДИТЕЛЬНОМ СОБРАНИИ

В конце прошлого месяца начались работы особого совещания, созванного для выработки закона о выборах в Учредительное собрание. Если совещанию удастся к началу июля закончить свою работу, если не затянется рассмотрение Временным правительством того проекта, который будет ему представлен, если внешние и внутренние события не создадут неожиданных и непреодолимых преград, то можно рассчитывать, что в октябре соберется первое Учредительное собрание Российского государства.

Во всемирной истории еще не было такого опыта организации верховной воли народной, который мог бы по грандиозности задачи и ее трудности идти в сравнении с тем, что предстоит выполнить России.

Оставим в стороне все политические условия переживаемой эпохи, забудем на минуту картину теперешнего положения России, не станем думать и о предстоящих опасностях и потрясениях. Если бы их и не было, если бы не было войны и связанной с нею разрухи, и если бы в борьбе с разрушительной анархией правительство чувствовало себя сильным и прочным, то и тогда созыв Учредительного собрания на основе всеобщего избирательного права потребовал бы от государства и от общества величайшего напряжения сил.

Возможно, конечно, что созидательная работа Учредительного собрания окажется непрочной и недолговечной. Пу и истории неисповедимы. Но, приступая к своим задачам, Учредительное собрание должно поднять их на высоту, по существу им свойственную, и само подняться до их уровня.

Приходится установить самые основы и на них воздвигнуть законченное здание нового Российского государства. Место для этой постройки – абсолютно чистое. Никаких пригодных материалов от старого рухнувшего здания не осталось, нет ни одной живой традиции, ни одной творческой идеи, которую бы можно было вынести неприкосновенной из-под развалин монархии. Русский монарх, русские представительные учреждения, несовершенные, с ограниченными правами, плоды компромиссов и неохотных уступок, целиком и без остатка сошли со сцены. Правда, четвертая Государственная дума, принявшая на свои плечи в решительную историческую минуту всю тяжесть революционного подвига, завоевала себе в народном сознании и великий авторитет, и право на признательность всей страны. Но никому, конечно, не приходит в голову предположение, чтобы в будущем государственном строе России сохранились следы дореволюционного прошлого, воплощенного в созданиях Витте и Столыпина. Нет, повторяем, все придется строить с основания.

Предпосылкой строительства является, конечно, разрешение вопроса о форме правления.

Все, что совершалось в стране за минувшие три месяца с половиной, с достаточной убедительностью свидетельствует о безнадежности всяких попыток к восстановлению в настоящее время монархического принципа. Было бы, быть может, преждевременно рассчитывать на то, что монархическая идея по-

хоронена насовсем. Всякие предсказания в этой области гадательны. Но одно несомненно: к династии Романовых возврата нет. Живое воплощение идеи монархизма исчезло. Если бы на одну минуту представить себе, что станет возможной пропаганда восстановления монархии, разумеется, в строго конституционных рамках, и что такая пропаганда окажется успешной, то все же решающим доводом для людей нашего времени останется факт бесповоротного крушения династии. Призыв же новой династии – в условиях современной жизни – все-таки представляется чем-то фантастическим. Выбирать нового царя – кто отважится призывать к такому опасному и ненужному опыту. Без всякой натяжки можно сказать, что монархия в России умерла естественной смертью, исчерпав все свои жизненные силы. Последние ее действия фактически ускорили этот конец, но именно безболезненный и мгновенный характер этого конца доказывает, что разложение коснулось самых корней монархического принципа. Насаждать его вновь, задача ни для кого не привлекательная. Трудно себе представить, во имя каких разумных целей мог бы быть принят подобный опыт, заранее обреченный на неудачу и чреватый всякими осложнениями.

Само собой разумеется, высказываясь в таком смысле, мы предполагаем, что фактически установившийся у нас республиканский строй не приведет страну к состоянию глубокого разочарования. Правда, есть огромная разница между современным положением и правильно и последовательно организованной республикой, в которой исполнительная власть находится в руках министерства, ответственного перед народным представительством. Трудность задач, лежащих на Временном правительстве, в огромной степени зависит от того, что оно не опирается на народное представительство. То обстоятельство, что часть членов Временного правительства считает себя ответственной перед демократическими организациями, не устраняет этих трудностей. Напротив, оно их может иногда усугублять. Отсюда следует, что даже возможные неудачи и пагубные ошибки Временного правительства сами по себе не должны бы были подрывать республиканской идеи. Но народ не станет разбираться в этих тонкостях. Он будет судить по результатам. И всем тем, кто теперь с такой злостной бессовестностью или с таким фанатическим ослеплением кладет Временному правительству палки в колеса, кто стремится подорвать его авторитет и помешать его работе, всем им следует помнить одно: если их безумная деятельность окажется успешной, первым ее последствием будет возрождение и укрепление антиреспубликанских настроений.

Нет ничего красноречивее практических уроков. И в политике о дереве хотят судить по плодам его!..

Разрешив основной вопрос – республике или монархии – и ответив на него в смысле признания республики, Учредительному собранию придется установить все дальнейшие коренные начала республиканского строя. Кто будет стоять во главе исполнительной власти: коллегия (как в настоящий промежуточный период – Временное правительство), ответственная перед палатой народных представителей, или одно лицо (президент), само безответственное,

но назначающее министерство, ответственное перед палатой? Кто избирает президента и на какой срок? Устанавливаются ли две палаты или одна? Как разрешаются сложные вопросы о местных автономиях? Вот примерная схема первых существеннейших вопросов, подлежащих решению. Из них вытекает целый ряд других, входящих в ту же область чисто-учредительного характера. Когда все эти вопросы получают исчерпывающие ответы, мы будем иметь конституцию Российского государства.

А затем Учредительному собранию придется обратиться к тем возможным задачам законодательства, которые в настоящее время не могут быть выполнены одним Временным правительством. На первом месте среди них стоит земельный вопрос. Конечно, можно себе представить, что по ряду других вопросов Учредительное собрание само не будет законодательствовать, что оно передаст эти вопросы созданным им законодательным учреждениям. Но едва ли можно допустить, что Учредительное собрание разойдется, не приняв земельного закона, не освятив своим высшим авторитетом тех решений, которые в этой области будут предложены.

Свободный Народ. 1917, 16 июня. № 14.

Мякотин В.А.

НАКАНУНЕ ДЕМОНСТРАЦИИ

На воскресенье 18 июня Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов назначил мирную демонстрацию, которая должна показать силу и единство революционной демократии Петрограда. Сила ее должна проявиться в факте массового выхода ее на улицы, единство – в лозунгах, определяющих цели и смысл демонстрации.

Каковы же эти лозунги? Большинство съезда зовет демонстрантов проявить свою готовность к борьбе с контрреволюцией и к борьбе за «мир без аннексий и контрибуций, на основе самоопределения народов». Но в подготовке демонстрации участвуют и большевики, являющиеся на съезде лишь ничтожным меньшинством. И они собираются участвовать в демонстрации не с общими лозунгами, а с своими собственными, с которыми они собирались выступить 10 июня, когда их выступление было предотвращено усилиями съезда и Временного правительства. Долой Временное правительство, вся власть Советам рабочих и солдатских депутатов – таков главный из этих лозунгов. Но есть еще и самостоятельные участники демонстрации, собирающиеся выступить в ней со своими отдельными лозунгами, Комитет петроградской организации социал-демократической рабочей партии – меньшевистская организация, не признающая, однако, для себя решений Всероссийской конференции меньшевиков, – опубликовал в «Рабочей Газете» воззвание, призывающее к участию в демонстрации 18 июня. Авторы этого воззвания, в свою очередь, зовут к борьбе с контрреволюцией. «Контрреволюция, – уверяют они, – поднимает голову», и «главное свое орудие видит в затягивании

войны». «Пролетарии Европы, – продолжают авторы воззвания, – услышат нас, ибо чутко ухо разоряемых и истязуемых народов к кличу свободы. Воюют не они, а их правительства». И авторы воззвания зовут пролетариат и революционную демократию, объединится под лозунгом: “Да здравствует немедленное перемирие на всех фронтах!”».

Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов обещал свою поддержку Временному правительству. Большевики зовут к низвержению Временного правительства и передаче всей власти Советам рабочих и солдатских депутатов. Съезд, высказавшись за «мир без аннексий и контрибуций, на основе самоопределения народов», не зовет, однако, к немедленному перемирию, – Петроградский комитет социал-демократов меньшевиков зовет к такому перемирию. И все эти лозунги объединяются в одной и той же демократии.

В чем же, однако, проявится в этих условиях единство революционной демократии? И не проявится ли скорее на устраиваемой таким образом демонстрации рознь в среде революционной демократии, – рознь, могущая повести к самым прискорбным последствиям. Будем надеяться, что мирная демонстрация, являясь внутренне противоречивой, останется все-таки мирной. Но нельзя же закрывать глаза на то, что демонстрация, проходящая под противоречивыми лозунгами, может повести и к столкновениям масс, руководящихся этими противоречивыми лозунгами.

Участников демонстрации, правда, как будто объединяет и одна общая задача – задача борьбы с контрреволюцией. Но, в сущности, ведь всем ясно, что контрреволюции сейчас нет, но она может быть. И опять-таки всем ясно, что именно те, кто создает рознь в рядах революционной демократии и бросает в ее среду самые крайние лозунги, создавая распыление ее сил, именно те щедро разбрасывают семена контрреволюции. И не их вина будет, если этот посев не даст обильного урожая. Но зачем же те, кто знает все это, кто все это говорит, объединяют свои силы с людьми, работающими на контрреволюцию?

Народное Слово. 1917, 17 (30) июня. № 12.

Сталин И.В.

ДЕМОНСТРАЦИЯ ПРОТЕСТА

Ясный солнечный день. Бесконечная лента демонстрантов. Шествие идет к Марсову полю с утра до вечера. Бесконечный лес знамен. Закрыты все предприятия и заведения. Движение приостановлено. Мимо могил демонстранты проходят с наклоненными знаменами. «Марсельезу» и «Интернационал» сменяет «Вы жертвою пали». От возгласов в воздухе стоит гул. То и дело раздаются: «Долой десять министров-капиталистов», «Вся власть – Совету рабочих и солдатских депутатов»! В ответ со всех сторон несется громкое одобрительное «ура!»...

* * *

Бегство буржуазии. Первое, что бросается в глаза при обзоре демонстрации, это отсутствие буржуазии и попутчиков. В отличие от манифестации в день похорон, когда рабочие терялись в море обывателей и мелких буржуа, демонстрация 18 июня была демонстрацией чисто пролетарской, ибо главными ее участниками были рабочие и солдаты. Кадеты еще накануне демонстрации объявили бойкот, заявив через свой Центральный Комитет о необходимости «воздержаться» от участия в демонстрации. И действительно, буржуа не только не участвовали, они буквально спрятались. Невский проспект, обычно многолюдный и шумливый, в этот день был абсолютно чист от буржуазных завсегдатаев. А обыватель, запуганный, должно быть, трагикомическими призывами «военной лиги», предпочел издали следить за демонстрацией.

Короче: это была действительно пролетарская демонстрация, демонстрация революционных рабочих, ведущих за собой революционных солдат. Союз рабочих и солдат *против* сбежавших буржуа при нейтралитете обывателя – таков внешний вид шествия 18 июня.

* * *

Не манифестация, а демонстрация. Шествие 18 июня не было простой прогулкой, манифестацией-парадом, каковым, безусловно, являлась манифестация в день похорон. Это была демонстрация протеста, демонстрация живых сил революции, рассчитанная на перемены в соотношении сил. Крайне характерно, что демонстранты не ограничились одним лишь провозглашением своей воли, а потребовали немедленного освобождения т. Хаустова, бывшего сотрудника «Окопной Правды». Мы говорим о «Всероссийской конференции военных организаций» нашей партии, участнице демонстрации, потребовавшей от Исполнительного Комитета, в лице Чхеидзе, освобождения т. Хаустова, причем Чхеидзе обещал принять все меры к освобождению «сегодня же»...

Весь характер лозунгов, выражающих протест против «приказов» Временного правительства, против всей его политики, с несомненностью говорит о том, что «мирная манифестация», из которой хотели сделать невинную прогулку, превратилась в могучую демонстрацию давления на существующее правительство.

* * *

Недоверие Временному правительству. Бьющая в глаза особенность: ни один завод, ни одна фабрика, ни один полк не выставили лозунга: «Доверие Временному правительству». Даже меньшевики и эсеры *забыли* (скорее не решились!) выставить этот лозунг. Было у них все, что угодно: «Долой раскол», «За единство», «Поддержка Совету», «За всеобщее обучение» (не любо, не слушай!) – не было только главного – не было *доверия* Временному правительству, хотя бы с хитрой оговоркой «постольку-поскольку». Только три группы решились выставить лозунг доверия, но и те должны были раскаться. Это группа казаков, группа Бунда и группа плехановского «Единства». «Святая

троица» – острили рабочие на Марсовом поле. Двух из них рабочие и солдаты заставили свернуть знамя (Бунд и «Единство») при криках «долой», у казаков, не согласившихся свернуть знамя, изорвали последнее. А одно безымянное знамя с доверием, протянутое «на воздухе» поперек «входа» в Марсово поле, было уничтожено группой солдат и рабочих при одобрительных замечаниях публики: «Доверие Временному правительству повисло в воздухе»...

Короче: недоверия правительству со стороны громадного большинства демонстрантов, при явной трусости меньшевиков и эсеров выступить «против течения» – таков общий тон демонстрации.

* * *

Крах политики соглашения. Из всех лозунгов наиболее популярными были: «Вся власть Совету», «Долой десять министров-капиталистов», «Ни сепаратного мира с Вильгельмом, ни тайных договоров с англо-французскими капиталистами», «Да здравствует контроль и организация производства», «Долой Думу и Гос[ударственный] Совет», «Отменить “приказы” против солдат», «Объявите справедливые условия мира» и пр. Громадное большинство демонстрантов оказалось солидарным с нашей партией. Даже такие полки, как Волынцы, Кексгольмцы вышли под лозунгом: «Вся власть Совету рабочих и солдатских депутатов!». Члены большинства Исполнительного Комитета, имеющие дело не с массой солдат, а с полковыми комитетами последних, были искренно поражены этой неожиданностью.

Короче: громадное большинство демонстрантов (всех участников 400–500 тыс.) выразило прямое недоверие политике соглашения с буржуазией, демонстрация прошла под революционными лозунгами нашей партии.

Сомнения невозможны: сказка о «заговоре» большевиков разоблачена вконец. Партия, пользующаяся доверием огромного большинства рабочих и солдат столицы, не нуждается в «заговорах». Только нечистая совесть или политическая безграмотность могли продиктовать «творцам высшей политики» «идею» о большевистском «заговоре».

Правда. 1917, 3 июля (20 июня ст. ст.). № 86.

Рысс П.Я.

ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ПРОВАЛ

Что, собственно, хотел демонстрировать Совет рабочих депутатов и всецело примыкающие к нему партии? На этот вопрос вряд ли сумеют ответить главари Совета. Ибо они пошли за манифестацией *вынужденно*. А раз так – лозунги не могли не быть искусственными, наспех изобретенными. И потому фиаско манифестации являлось предрешенным.

История отомстила и отомстила жестоко. Ибо большевики и к ним примыкающие в полной мере используют тактику Совета за апрель. Именно тогда

идея *всенародной* революционной власти была в корне подорвана лозунгами *классовой* власти. Именно тогда Скобелев, Чернов и их единомышленники агитировали против «буржуазного» правительства. Против «капиталистов» и «империалистов», возглавляемых... профессорами. Преобразование кабинета с вхождением в него Церетели, Чернова, Скобелева уже не могло помочь делу. Не разбирающиеся в исторических явлениях массы, которым упорно твердили о классово-буржуазном правительстве, могли и должны были считать последнее буржуазным, раз в нем большинство не их, пролетариев. Более того, логика подсказывала, что социалисты, идущие в такое министерство, суть сторонники соглашения с буржуазией. А отсюда – один шаг до обвинения их в том, что они «продались» буржуазии.

Большевики так и аргументировали. Они до конца довели первоначальную мысль меньшевиков, заострили ее и бросили в толпу, как боевой клич. И потому они совершенно последовательны, требуя чистого социалистического правительства. Тезе противопоставлена антитеза, буржуазии – пролетариат. Разве формальная логика не за большевиками? Синтез придет в свое время, но теперь не о том речь.

Совет рабочих депутатов не имел мужества апрельскую свою тактику продолжать в мае и в июне. Взяв линию «борьбы классов», он испугался и остановился. Но семя было брошено. Всходы показались, и теперь урожай собирают большевики.

Что же происходит?

Манифестируя против «10 министров-капиталистов», большевики лозунг *классовой* борьбы проводят на практике. Пусть это неграмотно и противоречит азбуке социализма. Но ведь эта неграмотность была введена в принцип 19–20–21 апреля, ее развивали две недели кряду, она приобрела силу непогрешимости в глазах темных людей, которых тем легче увлекать, чем примитивнее и прямолинейнее лозунги.

Желая выйти на улицу 10 июня, большевики погубили свое дело формой, в которую облакали мысль. Но 18 июня и форма была соблюдена. И тогда Совет рабочих депутатов и примыкающие к нему партии оказались в самом двусмысленном положении. Если бы он хотел парировать – смело и откровенно – лозунг «долой 10 министров-капиталистов», ему оставалось бы выбросить противоположный лозунг: «Да здравствует Временное правительство». Но тем самым Совет поддерживал бы «капиталистов» и мог бы обречь себя на потерю доверия со стороны рабочих. И тогда-то вместо правдивого лозунга явились спутанные, затушевывающие существо спора лозунги. Предлагалось требовать мира без аннексий и контрибуций, борьбы с контрреволюцией, поддержки Совета рабочих депутатов.

С какой контрреволюцией?

Где она?

В «Маленькой Газете»?

В чем *практически* она выражается, и *что есть* контрреволюция для данного момента?

Большевики имеют по этим вопросам определенное мнение. Мнения Совета рабочих депутатов никто не знает. Как же можно было выступать с таким двусмысленным лозунгом?

Поддержка Совета! Но как поддерживать орган, который боится открыто заявить, что он требует доверия Временному правительству? К чему такая неясность в этом первостепенной важности вопросе? Совет боялся улицы и спрятал голову в песок.

И потому манифестация проходила в обстановке, определенно слагавшейся против Совета. Да, для него требовалась «поддержка», ему оказывается «доверие», но огромнейшая часть знамен была с надписями «Долой 10 министров-капиталистов», и эти надписи уничтожали доверие Совету, который поддерживает правительство «10 капиталистов».

Из массы знамен с требованием «немедленного опубликования тайных договоров» является тоже поддержкой правительства и, следовательно, Совета?

Так по принуждению манифестировавший Совет оказался в плену у собственной недоговоренности, из боязни проштрафиться перед большевиками и их непримиримой классовой позицией. Выдуманный на скорую руку лозунг борьбы с контрреволюцией оказался мертворожденной затеей, никого не интересовавшей. Ибо все понимали, что центр тяжести не в «контрреволюции», а в борьбе за власть: быть ей «пролетарской» или «капиталистической».

Провал манифестации был громадный. В ней не было экстаза, силы, ясности, улыбки или гнева. В ней была казенщина, сухая и ненужная. Толпы не манифестировали, они *шли*, как идут по определенному направлению.

Был порядок шествия, но не было окрыленного движения. Какая исполинская разница по сравнению с манифестациями 23 марта (похороны жертв революции) и 18 апреля (1 мая). Там – проявление чувств народа, здесь – холод противоречивых настроений.

Были толпы, наблюдавшие, но не принимавшие участия в манифестации. И настроение их тоже совсем иное, нежели 23 марта и 18 апреля. Тогда было *единство*. Манифестанты и зрители составляли одно целое. Вчера между ними чувствовалась *разобщенность*. Пусть утешаются желающие, будто зрители – это «буржуазия». Нет, среди них «буржуа» было очень мало, большинство состояло из людей того же круга, что и манифестанты. И эти зрители определенно говорили о недопустимости эгоизма одного класса. Выражалась эта мысль, конечно, не в таких словах, но такова была мысль.

Контрреволюция не там, где ее ищут люди, возглавляющие себя «вождями» пролетариата. Контрреволюция в общей психологии, созданной деяниями, диктуемыми классовым эгоизмом. И в том ужас, что контрреволюция перепрыгнет через большевиков, меньшевиков и прочих фракционных, нефракционных и межфракционных социал-демократов. И где оседет контрреволюция, того не знает никто. Но задуматься над этим вопросом необходимо. Уйти от контрреволюции надо. Но манифестации с двусмысленными лозунгами образумят неизвестно кого. Нет! Иным путем да поведут за собой рабочих их признанные и непризнанные вожди!..

Череванин Н. (Липкин Ф.А)

УРОК МАНИФЕСТАЦИИ 18 ИЮНЯ

С внешней стороны манифестация 18 июня производила удручающее впечатление. Казалось, что революционный Петроград разошелся с Всероссийским съездом Советов. Несколько дней только тому назад съезд выразил доверие Временному правительству. 18 июня революционный Петроград как будто выразил тому же Временному правительству свое полное недоверие.

На знаменах, на очень многих знаменах 18 июня красовались лозунги, требовавшие удаления большинства министров из Временного правительства и содержавшие осуждение политики Временного правительства.

Лозунгов поддержки Временному правительству почти не было, были только лозунги, не противоречащие ленинским лозунгам. «Вся власть Советам» красовалась на большевистских знаменах. «Доверие или поддержка» Советам говорили другие, не большевистские знамена.

Значит ли это, что Петроград пошел за ленинцами?

Конечно, нет. *Недавние выборы* в районные думы показали, что за ленинцами идет в Петрограде только незначительное меньшинство.

Нет никаких оснований также думать, что и большинство революционной демократии Петрограда, большинство рабочих и солдат идет за ленинцами.

Прежде всего, на манифестации 18 июня было только меньшинство того революционного народа Петрограда, который манифестировал 23 марта и 18 апреля. Большинство революционной демократии отнеслось равнодушно к манифестации 18 июня, на нее просто не пошли. Затем и относительно того меньшинства рабочих и солдат, которые были на манифестации, нет никаких оснований утверждать, что оно шло за большевистскими знаменами. По количеству заготовленных заранее и пущенных в ход во время манифестации знамен нельзя судить о степени влияния среди манифестантов лозунгов, красовавшихся на знаменах.

Каждая большевистская кучка имела знамя и даже несколько знамен, а за одним каким-нибудь не большевистским знаменем шли сотни меньшевиков и эсеров.

Воля петроградского населения и петроградской революционной демократии была, таким образом, явно фальсифицирована, и этой фальсификацией создан теперь опорный пункт для самой решительной демагогической агитации ленинцев. О, они с успехом используют этот опорный пункт. «Революционная демократия Петрограда выразила недоверие Временному правительству, его политике и политике поддерживающего его съезда Советов», – будут теперь при каждом удобном случае кричать большевики. Они сделают из этого самое широкое употребление, они бросят это повсюду в народные массы.

А если та же внешняя победа окажется и в ряде других крупных центров России?

Тогда это чрезвычайно усилит позицию ленинцев. Мы ни в каком случае не должны были дать им возможность одержать эту победу. Это не подлежит никакому сомнению.

Мы считаем необходимым поддерживать Временное правительство, — и мы не могли, не должны были отдать улицы Петрограда в распоряжение партии, стремящейся низвергнуть Временное правительство.

Раз на улицу высыпали люди с знаменами, выражающими недоверие Правительству, должны были отовсюду появиться знамена с доверием ему.

Это совершенно несомненно.

Каким же образом мы могли сделать эту ошибку?

Мы хотели заострить манифестацию только в одном направлении, в направлении того, что объединяет всю революционную демократию в ее борьбе за мир, в ее борьбе с контрреволюцией, в ее борьбе за осуществление основных революционных лозунгов.

Мы хотели 18 июня продемонстрировать единство революционной демократии, а не ее раздоры и разногласия. Мы надеялись, что на призыв к революционному единству откликнется огромное большинство революционной демократии, и что среди наших знамен, зовущих к этому единству, потонут ленинские знамена, стремящиеся это единство разрушить. И поэтому мы звали к доверию и поддержке Советам и не говорили ничего о Временном правительстве. Но революционная демократия не оценила серьезности момента, в своем большинстве она не явилась совсем на манифестацию, а в остальном сыграла большую роль организованность ленинцев. И в итоге получилась *видимое* единство революционного Петрограда в том направлении, в котором мы должны были колебать его самым решительным, самым беспощадным образом. Манифестация 18 июня превратилась в манифестацию недоверия Временному правительству.

Конечно, желательно было избежать всеми силами уличного столкновения противоположных манифестаций, но не такой ценой!

Лучше было, пожалуй, совсем не устраивать общей манифестации, лучше было предоставить ленинцам устроить исключительно свою манифестацию, но нельзя было оказывать всем своим весом, всем своим влиянием фактическую поддержку ленинцам в их лозунгах.

Это была несомненная ошибка, которую всей своей дальнейшей тактикой мы должны исправить и исправить, возможно, скорее.

Рабочая Газета. 1917, 20 июня. № 85.

Чернов В.М.

АНАРХИСТВУЮЩИЙ БЛАНКИЗМ

«Невероятно, но факт». Вся история с демонстрацией-выкидышем 10-го июня может быть резюмирована в немногих словах: большевизм на подмогу к анархизму.

Казалось бы, что общего между ними? И разве можно, принципиально рассуждая, придумать два понятия до такой степени противоположные, как большевизм и анархизм?

Большевизм есть русская разновидность бланкизма с резко выраженным стремлением к явочно-захватным, но преимущественно *политическим* методам действий: к захвату *власти*, к установлению *диктатуры*. Весь пафос большевизма – это «экзальтация идеи» сильной власти, идеи железной, дисциплинированной организации. Вся внутренняя фракционная жизнь большевизма, вся его история ведь также была историей организационной концентрации и централизации.

Анархизм, наоборот, есть крайняя экзальтация противоположной идеи: групповой, кружковой и порой даже индивидуальной самочинности. Анархизм ненавидит больше всего именно диктатуру, именно твердую, централизованную власть. Всякая дисциплина ему непереносна. «Захватное» начало мило анархизму, но только тогда, когда оно аполитично, проявляется преимущественно в области экономической и обходит издали всякую власть, чураясь ее, как чумы, как заразы.

Сближение анархизма и большевизма есть поэтому сближение совершенно противоестественное. И оно не могло привести ни к чему иному, кроме выкидыша.

Как оно состоялось? Конечно, на почве совершенно *негативной* – на почве общей оппозиции к «третьему лицу». Не объединяясь ничем положительным, большевики и анархисты в Совете р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов] толкались друг к другу одинаковостью вражды. Вместе пробуя атаковать позиции большинства и обвиняя последнее в «угашении» святого духа революции, вместе они терпели и поражения. А, быть может, ничто так крепко не спаивает, как сообща понесенное поражение и как поражением порожденная одинаковая жажда реванша. Здесь молчаливое «блокирование», здесь безмолвное, но выразительное «соглашение» поддерживать друг друга и помнить, что «враг нашего врага нам поневоле друг», входило в свои права с силой непреодолимой.

Эта внутренняя объективная логика самой жизни, эта стихийная логика борьбы оказалась сильнее всякой субъективной логики, всяких теорий, всяких доводов *разума*.

Конечно, для большевиков – настоящих, убежденных большевиков – есть какой-то логический «знак препинания» в том, что в своем выступлении они как будто подхватили дело, начатое анархистами. Недаром «Правда» конфузливо заявляет, что для них «случай с выселением анархистов из дачи Дурново был только *случайным внешним поводом*». Однако «случайно» именно в цитадели большевизма – Выборгском районе – этот «случайный внешний повод» привел к беспорядочной вспышке ряда частичных стачек.

И большевистская газета сама сознается, что ее организация попыталась было противостать движению, но безуспешно. «Наша организация обратилась к рабочим не начинать вразброд этих стачек. *Однако* вести о *нарастающем* движении продолжали приходить отовсюду». И когда выяснилось, что «на фоне увеличивающейся экономической разрухи, роста дороговизны, экономического конфликта у железнодорожников и т. д. общее стихийное, беспредметное недовольство и нервность могут вовлечь в движение гораздо

более широкие круги, чем только большевистские», организация большевиков решила сделать тактический поворот в 180° – «подавляющее большинство высказалось за неизбежность демонстрации и за необходимость направить движение в русло» – в русло того, что большевистские газеты со столь остроумной и очаровательной «игрой ума» наименовали «мирной демонстрацией»... мирной – с винтовками и пулеметами.

Быстрота тактической приспособляемости большевиков была поистине изумительна. Перебить, перехватить из-под носу у анархистов массу, «обскакавши» их и объединив ряд беспорядочных частичных стачек-вспышек в одно широко задуманное движение, с лозунгом перехода власти к съезду Советов раб[очих] и солд[атских] депутатов – такова была наскоро подsunутая будущей демонстрации концепция. В основе, конечно, уверенность в возможности совершить быстро, одним натиском такой «подмен» лозунгов и методов показывает лишь, что большевики, быть может, сами не отдавая себе достаточного отчета в этом, глядели на охваченные беспредметным, безотчетным недовольством и нервностью низы, просто как на «студень», как на киселеобразную массу, которую нетрудно вдеть в любую форму.

Анархизм принципиально придерживался дробности и самочинности действий. Анархизм шел по линии распыления революционной энергии. Большевизм, напротив, поставил целью все «слить», все «направить в одно русло», всем «овладеть» и «использовать». Кто кого на деле смог бы использовать – другой вопрос. И вряд ли может быть какое-нибудь сомнение в том, что большевики оказались бы абсолютно неспособны удержать движение в каких-нибудь заранее намеченных границах. Вряд ли может быть какое-нибудь сомнение в том, что демонстрация 10 числа, если бы она состоялась, была бы, как никакая иная, богата самыми авантюристскими предприятиями отдельных кучек и ватаг, давно не имевших удобного случая «себя показать» и томящихся по этому отсутствию. Движение, начатое разбродно, распыленно, анархически, сохранило бы этот «первородный грех», полученный при рождении, невзирая на приклеенный к нему *post factum* большевистский ярлычок. Ведь самый факт наследственного перехода (вернее, перехвата) движения из одних рук в другие так выразителен и так чреват последствиями.

* * *

Переменив во мгновение ока свою тактику, большевики лихорадочно принялись за работу. Было упущено слишком много времени в первых попытках туго закрутить тормоз. Была утрачена часть популярности, зиждившейся на грубой лести и поддакивании раз приведенным в движение, порою достаточно темным и дезорганизованным, массам. Все это надо было наквятать. Время было дорого. Действовать приходилось «в порядке спешности».

Отсюда – тот характер неожиданности, сюрпризности, который приобрела большевистская демонстрация. Многим она показалась злонамеренной попыткой самого настоящего заговора, подготовленного в тиши, нарочито рассчитанного на то, чтобы поразить своей внезапностью С[овет] р[абочих]

и с[олдатских] д[епутатов] и заставить его, как и Временное правительство, врасплох.

И действительно, по своему *объективному* значению событие это являлось заговором, подготовленным за спиной Всероссийского съезда. Но по *субъективному* происхождению это было – таково мое глубокое убеждение – вовсе не холодно и спокойно обдуманное намерение, а просто неуравновешенный волевой импульс людей, очертя голову пустившихся по течению.

Отсюда и та растерянность, которая охватила вдруг творцов будущей грандиозной демонстрации, когда их захватили *en flagrant délit* их лихорадочно ведомых приготовлений и когда им был поставлен категорический и бесповоротный ультиматум съезда.

«Je ne sais pas, où je vais, mais j'y vais résolument». «Я не знаю сам, куда я иду, но я иду туда решительно». Эту старую фразу новые организаторы демонстрации могли с полным правом применить к самим себе.

Конечно, когда большевизм идет на поводу у анархизма и на подмогу ему, невольно приходится помнить слова: «не ведают бо, что творят». Но это – прямое последствие того, что большевизм был не верен сам себе. И это исключительно потому, что большевизм оказался в слабом и жалком меньшинстве в тот самый критический, переходный революционный момент, мыслью о котором он жил и к которому готовился.

Все свои типические черты большевизм мог бы обнаружить и развернуть, лишь овладевши властью, лишь создавши диктатуру. Только себя он считал на это способным, только себя – до революции – он считал единственным истинным и законным представителем пролетариата. И вдруг оказалось, что он объединяет лишь самую незначительную часть этого пролетариата, что он осужден быть вовсе не ответственным творцом народной революционной власти, а лишь безответственным зрителем чужого творчества.

Это для большевизма было непереносно. И вот он стал действовать – неизбежно вопреки всему своему духу всей своей программе. Он, распинавшийся всегда за твердую власть, за диктатуру во время революционного периода, начал систематически только и делать, что подрывать эту власть. Он, который должен был бы прочно связывать и дисциплинировать массы, должен был поддерживать накаливание атмосферы, превращавшее массы в тревожное, беспокойное, бесформенное целое, которое все время «ходенем ходит». Он, принципиальный сторонник централизации, должен был опираться на все децентрализаторские и дезорганизаторские попытки провозглашения локальной автономии обособленных революционных республик. Словом, он, в атмосфере всероссийской разрухи, делал все то, на что он – будь власть в его собственных руках – ответил бы, согласно традициям якобинства и бланкизма, самыми решительными и крутыми революционными репрессиями.

Эта позиция глубоко антипринципиальна. Она узко своекорыстна. От нее веет властолюбием фанатиков, слепо убежденных в чудодейственной спасительности власти, когда она попадает в «настоящие», т. е. их собственные, руки. Эта политика ультрафракционна, проникнута упрямым групповым эго-

измом и чувством безответственности. Бездна, потому что не систематическим подрыванием чужой созидательной деятельности докажешь в такой трагический момент собственную способность к ней, она обречена на бесплодие, на голое отрицание, на разрушение. И это в то самое время, когда в России процессы «собираения земли» так еще отстают от процессов развала и распада, угрожая затопить всю революцию в каком-то первозданном хаосе! Вот почему вся деятельность, вся тактика большевизма, вопреки его собственной теоретической природе, оказалась тактикой глубоко анархизирующей. И не случайность поэтому то совпадение, по которому начатое анархистами движение столь легко и просто наследуется большевиками, не случайность – их взаимная поддержка, не случайность – и тот «экзосмос и эндосмос», который наблюдается все чаще и чаще между кадрами анархизма и кадрами большевизма. Нет, это – не случайность. Это – историческое *reductio ad absurdum*. Это – Немезида истории.

Дело Народа. 1917, 13 июня. № 73.

Николаевский Б.И.

К ДЕЛУ МАЛИНОВСКОГО

Опубликованное вчера в ряде газет сообщение Врем[енного] прав[ительства] по делу Малиновского, несомненно, должно привлечь к себе внимание многих. Нам еще придется к нему вернуться. Пока же мы не можем не остановиться на одном моменте – роли г-на Родзянко в этом деле.

Оказывается, что Родзянко в 1914 году после знаменитой обструкции узнал от Джунковского про провокаторскую роль Малиновского и добился его удаления из Гос[ударственной] думы. Последнее, конечно, хорошо.

Но какое имел право г. Родзянко скрыть самый факт провокаторства Малиновского от Гос[ударственной] думы? От общества? А ведь он не только скрыл, он на ребром поставленный ему двумя представителями фракции с[оциал]-д[емократов] и трудовиков вопрос категорически заявил, что о провокаторстве Малиновского он ничего не знает.

Мы понимаем, что мотивы такого поведения г-на Родзянко были, конечно, вполне честными: он не хотел бросать тень на Гос[ударственную] думу. Но все же не можем не признать, что так поступать он не имел права; это значило становиться укрывателем провокатора.

Ведь подобный путь может завести очень далеко: Родзянко укрывает провокатора во имя репутации думы; какой-нибудь вождь партии – вздумает укрывать во имя репутации партии; дальше будут укрывать во имя репутации семьи, друзей. Это, конечно, недопустимо, и такой-то, недопустимый для общественного деятеля поступок совершил г-н Родзянко.

Как он мог брать на себя ответственность за укрывательство? Где у него было гарантии, что тот не вернется вновь к своей работе в полиции, б[ыть]

м[ожет], при другом директоре департамента? Г-н Родзянко такую ответственность взял, и он ее несет за деятельность Малиновского в течение последних 3 лет и, в частности, за его работу в Германии, среди военнопленных.

Рабочая Газета. 1917, 17 июня. № 83.

* * *

Когда около месяца тому назад «Рабоч[ая] Газета» подняла вопрос о необходимости назначения особой следственной комиссией из представителей социал[истических] партий для расследования во всей полноте дела Малиновского с его общественно-политической стороны, то единственным возражением против этого требования было указание на ненужность специального расследования, так как дело все равно расследуется Чрезвычайной следственной комиссией при Врем[енном] прав[ительстве].

Других доводов против следственной комиссии из представителей социалистических партий не было, да и быть не могло, ибо всем ясно, что расследование такого кошмарного дела, как дело Малиновского, необходимо во что бы то ни стало.

Теперь отпал и этот последний довод. Опубликованное 16 июня в «Вестн[ике] Врем[енного] прав[ительства]» постановление Чрезв[ычайной] след[ственной] комиссии о предании следствию бывшего мин[истра] вн[утренних] дел Макарова, бывш[его] директора департамента полиции Белецкого и др. по делу Малиновского, знакомя с постановкой вопроса в Чрезв[ычайной] следств[енной] комиссии, показывает, что необходимой полноты расследования эта комиссия не дает.

Это объясняется самим характером подхода Чрезв[ычайной] следств[енной] ком[иссии] к ее работе. Как заявил Н.К. Муравьев на съезде Советов р[абочих] и с[олдатских] деп[утатов], комиссия эта решила бить сановников старого строя их же оружием, т. е. отыскивать совершенные ими преступления против ими же написанных законов.

Мы не станем здесь касаться вопроса о том, насколько правильна подобная постановка вопроса. У ней есть, несомненно, и свои сильные, и свои слабые стороны. Для нас теперь важно другое – установить, что при такой постановке дела вопрос о Малиновском не может быть освещен во всей полноте. И яркое доказательство тому – указанный документ о предании суду. В нем центром тяжести обвинения руководителей Малиновского из Деп[артамента] пол[иции] является укрывательство Деп[артаментом] пол[иции] факта уголовной судимости Малиновского при избрании последнего в Гос[ударственную] думу.

Этот пункт освещен всесторонне, но для нас, с точки зрения политического значения дела, эта мелочь – случайная деталь, отнюдь не характерная для дела, отнюдь не имеющая такого первостепенного значения. Зато главное, с нашей точки зрения, – роль Департ[амента] полиции в направлении полит[ической] деятельности определенной партийной группы – Чрезв[ычайной] следств[енной] комиссией освещается совершенно слабо; настолько сла-

бо, что даже с точки зрения Чрезв[ычайной] следств[енной] комиссии, по нашему мнению, этим освещением удовлетвориться нельзя.

Возьмем хотя бы такой яркий пример. Известно, что речи Малиновского в Гос[ударственной] думе редактировались Белецким. Известно также, что черновики этих речей с поправками Белецкого сохранились до наших дней. (Сохранилась, напр[имер], речь Малиновского при первой декларации с[оциал]-д[емократической] фракции IV Гос[ударственной] думы). И тем не менее Чрезвычайная следственная комиссия совершенно не останавливается на характере поправок. Как будто бы с точки зрения общественно-политической характер этих поправок не является во много раз более важным и интересным, чем факт служебного преступления, выразившегося в сокрытии уголовной судимости!

Если так плохо обстоит дело с выяснением политических директив департамента полиции своим агентам-provokatorам, то вполне естественно, что во много раз хуже обстоит дело с выяснением внутрипартийных отношений и роли в них провокации. Затем совершенно невыясненным остается, каким образом provokatorство Малиновского могло остаться нераскрытым до 1917 года, хотя настойчивые слухи о нем ходили еще в 1910–1911 гг.

Здесь мы наталкиваемся на почти невероятный, но тем не менее имеющийся налицо недочет следствия. Из лиц, могущих рассказать многое по делу Малиновского, остались недопрошенными все те, кто в свое время выдвигал требование расследования этого дела; так, не допрошен никто из редакции «Наш[ей] Раб[очей] Газ[еты]» 1914 года, ведшей в свое время известную кампанию; не допрошены товарищи Л. Мартов и Ф. Дан, за свои настойчивые выступления, получившие в свое время от Ленина и Зиновьева звание «известных клеветников»; не допрошены те большевики, которые выдвигали обвинение против Малиновского еще до его бегства из Гос[ударственной] думы, в частности бывш[ий] член ленинского ЦК – Трояновский; не допрошены все те рабочие, которые первыми выдвинули подозрения против Малиновского в Москве. Совершенно необследованным остался вопрос и о предупреждениях, исходивших от анонимов.

Причины этих недочетов, конечно, тоже можно понять. Если речь идет об обвинении Белецкого в превышении власти, то совершенно неважно, почему Ленин, Зиновьев и Ганецкий объявили Мартова и Дана клеветниками, уклонившись от суда и не узнав даже, какие данные имеются у Мартова и Дана.

Но отношение демократии и в первую очередь отношение рабочих таким быть не может. Для них знать причины подобного поведения вождей одного из течений с[оциал]-д[емократической] партии в вопросе о разоблачении провокации своего коллеги по Центральн[ому] Комитету во много раз важнее, чем даже знать все подлоги всех директоров департамента полиции.

А раз так, то ясен в вывод: Чрезв[ычайная] след[ственная] комиссия Н.К. Муравьева не может удовлетворить тем задачам в деле расследования провокации, которые несомненны для всех деятелей социалист[ического] движения. Эта сторона дела должна быть расследована особой комиссией из

представителей социалистических партий. Задачами этой комиссии должно явиться, с одной стороны, выяснение роли департам[ента] полиции в партийной жизни (влияние его на полит[ическую] линию поведения, борьба за раскол партии и т. д.), и с другой – выяснение роли вождей большевистского центра в деле расследования центральной провокации.

Без этой комиссии не обойтись. Без нее мы не узнаем всей правды по делу Малиновского. В создании ее заинтересованы все, кто эту правду хочет знать, кто дорожит честью партии.

Рабочая Газета. 1917, 19 июня. № 85.

* * *

В Чрезвычайной следственной комиссии по делу Малиновского допрошены, между прочим, в качестве свидетелей двое из судей этого провокатора, вынесших ему в 1914 г. оправдательный приговор, Ленин и Зиновьев. Из их показаний пока опубликовано очень мало, только отдельные обрывки. Поэтому будет еще преждевременно пытаться давать полную картину взаимоотношений Малиновского и большевистского центра под углом зрения представителей последнего.

Однако на одном моменте показаний Н. Ленина мы не можем не остановить внимания читателей: слишком яркий свет бросает оно на поведение этого вождя большевизма, так упорно, так настойчиво боровшегося против мысли о возможности существования предателей в рядах его ближайших сподвижников.

– Я не верил, – заявляет теперь Ленин, объясняя малопонятное для свежего человека отсутствие с его стороны критического отношения к Малиновскому во время пресловутого суда над последним, – в провокаторство здесь потому, что будь Малиновский провокатор, *от этого охранка не выиграла бы так, как выиграла наша партия от «Правды» и легального аппарата.* («Вестн[ик] Врем[енного] Прав[ительства] от 16 июня.)

Это очень ценное признание, и оно весьма характерно для Н. Ленина и тех, кто с ним. Из него мы узнаем, что, когда встал вопрос о провокаторстве Малиновского (кстати, по нашему мнению, необходимо точно установить, когда дошли до большевистского центра первые слухи о предательстве Малиновского), Ленин, отвергая подозрения, исходил преимущественно из общего соображения о выгодности работы Малиновского для «нашей партии» Н. Ленина.

Конечно, он разбирал и улики. Но разбирал их под определенным углом зрения, мешавшим ему понять их вескость; эта предвзятость вела даже к тому, что он порой отклонял возможность разобрать улики, выслушать показания свидетелей (весь пресловутый суд над Малиновским прошел без выслушивания свидетелей, – по крайней мере, это верно по отношению к свидетелям-меньшевикам).

Ленин рассуждал просто и убедительно, со своей точки зрения. Он доказывал, б[ыть] м[ожет], путем излюбленных статистических выкладок, что работа

Малиновского для партии большевиков выгодна. Столько-то денег собрано на «Правду». Столько-то собраний проведено, резолюций вынесено и т. д. «Наша» партия растет. «Наша» газета крепнет. «Наши» берут верх... Разве не ясно, что Деп[артаменту] пол[иции] невыгодно держать своим агентом одну из главных движущих сил этого успеха – Малиновского?

Не трудно заметить, что это тот же самый ход мыслей, который заставлял эсеровских центровиков и боевиков не верить в предательство Азефа. Вспомним доводы тех: Азеф, организовавший казнь Плеве, Сергея Александровича и др., готовивший казнь Николая II, знавший так много нераскрытых партийных тайн, не мог быть провокатором, так как его работа была выгодна не полиции, а – революции. Это общее соображение заставляло эсеров с негодованием отбрасывать все улики и все указания на провокацию Азефа. И все же... Азеф оказался провокатором.

После Азефа повторение подобного ослепления казалось невозможным. Но оно было повторено, – повторено теми, кто теперь заявляет, что дело Азефа их научило ничему не удивляться. И притом повторено в более грубой форме: с[оциалисты]-р[еволюционеры] все время рассуждали, формально исходя из интересов революции. Деятельность Азефа они считали полезной для революции. А потому не верили в его службу полиции. Тут было ошибочное представление о роли террора в революц[ионном] движении; нежелание допустить возможность авантюризма в среде известных руководителей Департ[амента] полиции и т. д., но не было формальной погрешности против логики.

У Ленина есть именно такая погрешность, логический скачок.

Для того чтобы не верить предательству Малиновского, он должен был интересы революции отождествить с интересами своей партии. *Работа* Малиновского выгодна «нашей партии», – значит, она выгодна для революции. Ленину, по-видимому, даже не приходила в голову мысль, что именно для борьбы с революцией Деп[артаменту] пол[иции] на известной стадии и до известных пределов может быть выгодно покровительствовать определенной революционной партии.

Между тем положение было именно таково. Деп[артамент] пол[иции] считал для себя выгодным покровительствовать в известных пределах партии, к которой принадлежал Малиновский. И мы знаем, почему он считал это выгодным: потому, что считал полезным для дела борьбы с революцией раскалывать рабочее движение. Тот факт, что раскол с этой стороны велся во имя формально более революц[ионной] тактики, дела не менял: практика русского и европейского политического сыска показывает, что полиция не боится ни крайних слов, ни крайних жестов, хотя бы даже с бомбами, если это ведет к дроблению фронта идущих в борьбу революционных масс.

И надо было быть действительно узким, ослепленным фанатиком своей группки, чтобы не допускать самой возможности предательства данного лица, потому что это лицо выгодно для этой группки.

Таким, мы это знаем теперь из его собственных показаний, – был Н. Ленин. За успехами «Правды» он не видел распыления революционного движения,

не видел, что та революционная сила, которая должна была рвать крышку с котла со свистом, выходила в щели и отдушины фракционной борьбы.

Белецкий – директор Департ[амента] полиции – иначе оценивал «ситуацию». Тоже не Бог весть какой дальнзоркий, он мечтал, натравив одну часть рабочих против другой, расколов силы революции, надолго отбросить революционное движение назад.

Конечно, он ошибся в расчетах. Верно учтя роль раскола для того момента, когда его так усердно и единодушно, хотя и во имя разных целей, проводили Ленин и Виссарионов, руководители Малиновского из Деп[артамента] полиции забыли, что имеют дело с массовым движением, которое перешагнет через все ошибки и промахи. Вожди могут ошибаться, сбиваться с пути, – рабочий же класс, поскольку он выходит на арену как масса, найдет рано или поздно правильный путь.

И, действительно, партия тех лет показала, как рабочее движение перерастало раскольническую тактику, как борьба со старым строем все больше и больше оттирала борьбу фракций.

Война не дала нам увидеть итогов той волны движения, которая связана с периодом предательства Малиновского, мы не знаем поэтому, к чему она привела бы. Но мы видели, как она в своем ходе смела жалкие потуги Белецких и Малиновских. Не Джунковский, не Родзянко прогнали Малиновского из Гос[ударственной] думы, – его изгнал рабочий класс своей революц[ионной] борьбой, показавший бессмысленность полицейских мечтаний руками провокатора, хотя бы самого крупного, надеть узду на стихию массового движения. И не случайно, что изгнание Малиновского связано с моментом апрельской обструкции – обструкции, заставившей весь пролетариат столицы, без различия фракций, сплотиться вокруг с.-д. депутатов, объединившихся для обструкции, несмотря на раскол. Стоило ли Джунковскому держать Малиновского, если раскол был бессилён помешать пролетариату вместе идти и вместе бить – и больно бить, – когда это нужно для дела революции?

Белецкие играли с огнем и обожглись. Они, конечно, жалки и смешны. Но вся эта история, весь этот эпос провокации – не смешны. Мы должны изучать его и на ошибках и преступлениях прошлого учиться побеждать в будущем...

P.S. «Правда» в ответ на наши настойчивые указания о необходимости расследования дела о провокации Малиновского с его общественно-политической стороны пытается прибегнуть к тому самому приему, который ей удался в 1914 году и, б[ыть] м[ожет], благодаря которому Малиновский не был разоблачен еще тогда. В ответ на наше указание о необходимости расследования фактов, она отвечает требованием предъявить определенные обвинения к лицам. Надеемся, что теперь, после опыта 1914 года, этот прием заранее осужден на неудачу. Следствие необходимо, оно будет, и уж оно установит, виновен ли кто персонально и насколько.

Троцкий Л.Д.

НАСТУПЛЕНИЕ И НАСТУПЛЕНЦЫ

Наступление началось. Продолжается ли оно? Продолжится ли? Об этом мы в настоящую минуту ничего не знаем. Но оно началось, – как раз в день манифестации петроградских рабочих и солдат *против* политики наступления – и министры-социалисты получили возможность к концу Всероссийского съезда «под занавес» возвестить о «поворотном моменте» в русской революции.

Насколько наступление было подготовлено с материальной стороны, мы не знаем. С духовной стороны оно было подготовлено резолюцией съезда Советов о войне. И в этой резолюции вся фальшь и двойственность позиции партий правительственного социализма нашла свое законченное выражение. По существу, дело шло о том, чтобы дать г. Керенскому право сказать солдатам: «Приказываю вам – вперед!» Своей резолюцией меньшевики и эсеры заранее и полностью освящали страшные жертвы, связанные с наступлением. Но кто требует от народа таких жертв, тот должен говорить решительным, твердым, ясным языком. Ничего подобного нет в резолюции съезда. Она уклончива в своем пацифистском многословии, которое служит ей только для того, чтоб прикрыть свой «наступательный» конец; но именно этот конец и только он имел реальное значение, ибо дал возможность Керенскому провозгласить на его эсеровски-министерско-театральном языке: «Приказываю вам – вперед!» Армия пошла вперед после каких-то внутренних трений, о которых упоминают официальные сообщения. Что это за трения, каковы их размеры и острота, мы не знаем. Но зато мы твердо знаем, что Временное правительство сделало все, что было в силах его, для того, чтобы подготовить эти трения, расширить и углубить их. Оно поставило – в форме бессильной лицемерно-дипломатической риторики – вопрос о целях войны и пересмотре старых договоров; этим оно окончательно подkopало веру солдат в те старые цели, сражаться за которые они призваны теперь именем так называемой «революционной демократии». И если – после трехлетнего опыта войны и четырехмесячного опыта революции – не все солдаты окажутся убежденными уклончиво-осторожной резолюцией съезда или дешевым ораторским фанфаронством полусоциалистических полуминистров, у благочестивой печати всегда остается в распоряжении испытанное средство: призвать «общество» к крестовому походу против революционных социалистов вообще и большевиков в особенности.

«Наступление было продиктовано необходимостью, – объяснял самый кинтальский из министров г. Чернов. – Русская армия не могла пассивно дожидаться наступления Гинденбурга». Правда, авторитеты разъясняли нам в течение этих трех лет не раз, что при траншейной войне оборона дает несравненно больше шансов, чем наступление. Правда, на французском фронте мы наблюдали – без всякого ущерба для армии – застой в течение долгого ряда месяцев. Но все равно: допустим, что г. Чернов прав. Что это значило бы? Только то, что из политики Временного правительства – политики хо-

зайственной, политической и дипломатической прострации – выход один: стратегическое наступление. Но то, что является объективной «необходимостью» для буржуазного правительства вместе с его полусоциалистическими полуминистрами, вовсе еще не является политической необходимостью для действительно революционной демократии. Она не могла брать и не взяла на себя ответственности за наступление 18 июня.

Г-н Церетели, политическая ограниченность которого делает его наиболее способным к прямолинейности, заявил на съезде Советов, что наступление является могущественным ударом империализму русскому, союзному и германскому, и в качестве такового должно приветствоваться всеми интернационалистами, в том числе и немецкими. Этот «государственный человек» консервативного мещанства и не подозревал, по-видимому, что повторял только пошлые фразы, которые были в ходу на политическом рынке Франции в первую эпоху войны. Когда ренегат Бриан утверждал, что солдаты Франции борются за свободу и демократию, мы спрашивали: каким же образом они делают это рука об руку с армией царя? И когда «циммервальдец» Церетели сообщает, что русские войска борются против... империализма, мы спрашиваем: каким же образом они делают это рука об руку с империалистическими правительствами Англии, Америки, Италии и Франции? Во всяком случае Ллойд-Джордж, Рибо, Вильсон, которых до сих пор никто не считал заклятыми врагами империализма, горячо приветствовали русское наступление, отнюдь не догадываясь, что оно направлено... против них. Вся русская реакция – нововременцы, «республиканский центр», разные черносотенные «лиги», кадетская пресса – откровенно приветствовали «антиимпериалистическое» наступление как начало конца революции. Патриотические манифестации, те самые, что избивали социалистов, несли перед собою трехцветные знамена с прикрепленным к ним портретом Керенского. Что это: недоразумение? И вражда петроградского авангарда революции к политике Керенского – тоже недоразумение? Не проще ли сказать, что недоразумением является революционная фразеология полусоциалистических полуминистров, которые на деле служат чужим целям.

Наступление ли было приурочено к демонстрации, или же демонстрация была сознательно назначена Советом на день ожидавшегося наступления – все равно: связь стратегии ген. Брусилова с внутренней стратегией Львова – Церетели слишком ясна. И здесь тоже нет ничего оригинального. Только недавно, например, после массовых антимилитаристских первомайских манифестаций в Милане и других местах итальянское правительство ощутило острую потребность в наступлении. Вот как об этом рассказывает корреспондент «Новой Жизни»:

«Немедленно после миланских демонстраций пришли в движение интервентистские (оборонческие или, вернее, “наступленские”) группы, требовавшие политики “сильной власти” по отношению к внутренним врагам. Одновременно Биссолати (итальянский Церетели-Керенский) отправился на фронт, и через некоторое время началось наступление в большом стиле: надо

было победой “поднять дух”. Победу приурочили ко 2-й годовщине войны, но фейерверк быстро потух: австрийские контратаки почти свели на нет стоившие огромных жертв завоевания».

Мы еще ничего не знаем об австро-германских контратаках на нашем фронте, как ничего не знаем о дальнейшей судьбе брусилковского наступления. Но для нас уже и сейчас несомненно, что революционное «наступленчество» будет самой короткой главой в истории иллюзий русских народных масс и, прежде всего, самой армии. Наступление поставило все вопросы ребром. Мы не боимся того ответа, какой дадут на них рабочие и с ними вместе армия.

Вперед. 1917, 11 июля (28 июня). № 5. С. 1–2.

Семковский С.Ю.

НАСТУПЛЕНИЕ ИЛИ ПЕРЕМИРИЕ

Борьба за мир, большевики и оборонцы

Грозно растет всеобщая разруха и подтачивает революцию. Разруху питает война. Все видят, что вне скорого мира нет спасения революции. Но все также видят, что дело мира почему-то не удается сдвинуть с мертвой точки. Три с половиной месяца прошло с победы революции, а мир все так же за горами. Крики о наступлении начинают уже заглушать самые разговоры о мире. И, чего доброго, мы скоро будем готовиться к новой зимней кампании, а в утешение нам будут говорить, что это уже зато «последняя кампания» – совсем так, как утешали нас прошлым летом и позапрошлым.

В сущности, это печальное положение признают и сами *оборонцы*. На Всероссийском съезде Советов раб[очих] и солд[атских] деп[утатов] они заявили устами одного из своих вождей: «Карта, которую мы поставили на пробуждение революции на Западе, была бита». Но битой ведь оказалась и та вторая карта, которую оборонцы поставили на дипломатические переговоры с союзниками. И есть прямая опасность – все это чувствуют, – что и третья, и последняя карта, поставленная теперь на международную конференцию в Стокгольме, может так же скоро оказаться битой.

Надо прямо сказать: ни к чему иному, как только к битым картам, и не могла привести борьба за мир, как она велась до сих пор революционной Россией. Собственно говоря, настоящей борьбы за мир у нас вовсе не было. У *большевиков* она была поглощена борьбой за захват власти. Более того, большевики выставляют неперменным условием мира не просто отказ от новых захватов в этой войне, но и отмену всех когда-либо, на протяжении веков, произведенных захватов в прежних войнах. А заключение такого мира, ясное дело, станет возможным лишь после того, как власть во всех странах перейдет к пролетариату. Так большевики борьбу за мир попросту потопили в общем лозунге социализма и оттеснили на задний план пред борьбой за захват власти. Для них основная задача момента не прекращение войны, а превращение ее в войну

пролетарски-освободительную, которая понесет – на остриях штыков – свободу и социализм всем народам. Не мир, стало быть, а революционная война.

Но еще меньше действительную борьбу за мир вели *оборонцы*. Лучшие из них проводят «двуединую тактику», то есть левой рукой работают над воссозданием Интернационала, а правой, более сильной рукой сами тут же вытаскивают камень за камнем из здания, которое строят. И при этом удивляются, что тактика их приводит к топтанию на месте, что она совершенно бессильна двинуть вперед дело борьбы за мир.

Стратегия и политика

Что означает на деле «двуединая тактика» революционного оборончества, показал наглядно тот факт, что она уперлась теперь в лозунг *наступления*. Наступление – как раз в тот момент, когда союзные империалисты нагло отвергли предложение революционной России отказаться от захватных целей войны. Наступление – как раз в тот момент, когда лозунг этот начертали на своем щите и третьеиюньская Дума, и казачий съезд, и вся организуемая при поддержке союзников либеральная контрреволюция, и все возрождающиеся под республиканским соусом черносотенные организации.

Контрреволюция справедливо видит в затягивании войны лучшее средство захлестнуть мертвую петлю на шее революции. Контрреволюционерам будет даже на руку, если «немедленное наступление» приведет к кровавому поражению. Ибо поражение одним ударом подорвало бы доверие к демократии и революции. Оно вызвало бы жажду мести и тот угар воинствующего национализма, при котором Родзянки, Гучковы, Милюковы и Колчаки могли бы снова стать вождями народа. И уже, во всяком случае, чем бы ни кончилось наступление, оно подорвало бы во всех странах борьбу пролетариата за мир, оно моральным авторитетом русской революции поддержало бы союзных империалистов в глазах их собственных народов, оно опасностью нашествия отбросило бы немецких и австрийских рабочих обратно к союзу со своими империалистами.

Вполне в порядке вещей, что контрреволюционеры, кровно заинтересованные в затягивании войны, требуют наступления, чтобы положить конец «позорным разговорам о мире». Но как могли вожди революции выставить этот враждебный миру лозунг наступления?

Когда Керенскому поставили в Совете этот вопрос, он попытался просто заткнуть рот критикам ссылкой на *стратегию*. Вопрос о наступлении есть, мол, *не политический, а стратегический*. А ежели стратегический, то и рассуждать нечего: генералы рассудят. И с легкой руки Керенского Всероссийский съезд Советов также укрылся в своей резолюции за формулу «стратегическое наступление».

Да, когда стратеги отдадут армии приказ о наступлении, солдатам будет, конечно, поздно разбираться в том, правильный это лозунг или нет. Но именно поэтому революционная армия и вся страна вправе заранее выяснить вопрос о наступлении со всех сторон, не давая ничем затуманить его.

И прежде всего, чтобы устранить все нарочитые недоговоренности, мы должны спросить: о *какой* стратегии идет речь при решении вопроса о наступлении? О стратегии русского фронта или о стратегии «единого фронта» с союзниками, которые требуют настойчиво, чтобы русская армия во имя союза и договоров перешла сейчас в наступление.

Империалистские правительства Англии, Франции и Италии отказались принять нашу программу мира. Они хотят не мира без аннексий, а продолжения войны «до победы» в захватных целях. Что же, наше наступление должно служить этой грабительской политике союзников, требующих от нас «уплаты по договору»?

И как могут солдаты с воодушевлением идти в наступление, когда у них нет и не может быть уверенности, что их не будут посылать на смерть во имя стратегии «единого фронта», во имя чуждых демократии целей союзников. Пока нет такой уверенности, лозунг наступления вместо того, чтобы организовать армию, лишь хуже дезорганизует и раскалывает ее на наших глазах.

Что же делать?

Русская революция должна, наконец, заговорить языком, достойным революции. Она должна открыто, пред лицом всей мировой демократии сказать союзникам:

Мы требуем, чтобы вы отказались от захватных целей войны. Мы не хотим сепаратного мира с Германией. Не потому, что нас связывают договоры. Эти грабительские договоры, заключенные тайком от народов империалистскими хищниками Запада с русским царизмом, не могут иметь для нас силы. Но мы против сепаратного мира потому, что не хотим позволить германским империалистам вас разгромить и осуществить свои столь же грабительские планы.

Мы не можем, однако, позволить, чтобы из этого нашего отказа от сепаратного мира вы, империалисты Франции и Англии, сделали петлю на нашу шею. Либо откажитесь от захватных целей и примите вместе с нами справедливую программу мира, либо продолжайте вашу грабительскую войну, но одни – без нас. Ибо русское революционное правительство не вправе пролить кровь хотя бы одного орловского мужика за то, чтобы Англия могла захватить Месопотамию и Аравию, Франция – Сирию, Италия – Албанию и т. д.

Вы говорите, что на русском фронте фактически установилось «сепаратное перемирие» и, пользуясь этим, немцы перебрасывают войска на западный фронт. Но тогда – откажитесь же от захватных целей войны и вместо наступления, лишь затягивающего войну, потребуем все вместе от немцев немедленного *общего перемирия на всех фронтах* и приступа к переговорам об общем мире на основе самоопределения народов, без земельных и денежных захватов.

Пусть немецкие империалисты посмеют отказаться от такого мира и от общего перемирия, ведущего к нему. Тогда немецкому народу станет ясно, что гибельная война ведется не для обороны и спасения страны, а для насыщения

волчьих appetитов немецких империалистов. Тогда неизбежна революция в Германии против авантюристских затягивателей войны.

Но если вы сами, прикрываясь красивыми словами, на деле будете цепляться за захватную программу и за «войну до конца», если вы отвергнете нашу справедливую программу мира и наше требование немедленного общего перемирия на всех фронтах, тогда пусть вашим народам станет ясно, за что они должны проливать свою кровь. Тогда неизбежна революция изнемогающих от войны масс в Англии и Франции...

Заговори русская революция таким языком с союзниками, поведи она такую решительную политику мира, она живо вызвала бы мощный отклик во всех странах – и союзных, и воюющих. Она притиснула бы к стене империалистов всех стран, поставив их лицом к лицу с их собственными убиваемыми и разоряемыми народами, как раз в том вопросе, на котором империалисты одурачивали народы, – в вопросе о *целях войны*.

Не канительный обмен осторожными, прилизанными и достаточно туманными нотами; не волокита дипломатических расшаркиваний пред союзными империалистами, явно поддерживающими контрреволюцию в России; не такое «давление» на них, при котором их заранее спешат успокоить заверением, что, согласятся они или нет, все равно разрыва с ними не будет, – *а решительная политика мира*. Без такой политики совершенно беспочвенны все расчеты на революцию на Западе и совершенно бесцельна также посылка делегаций за границу для восстановления Интернационала.

Мнимые опасности

Лозунг «стратегического наступления» в глазах всего мира имеет ясный политический смысл. Тот именно смысл, что революционная Россия, говоря хорошие слова о мире, на деле готова по-прежнему участвовать в империалистской войне в коалиции с союзниками. Напротив, требование немедленного общего перемирия и приступа к переговорам об общем мире пробудило бы доверие к русской революции и развязало бы во всех странах и в международном объеме подлинную борьбу за мир.

Но – возражают оборонцы – такая тактика привела бы к разрыву с союзниками. А разрыв с ними угрожает России великими бедствиями. Япония нападет на Сибирь. Англия и Франция лишат нас кредита. И, кроме того, разрыв с союзниками обрекает-де нас на *сепаратный мир*, на то, чтобы мы бросились в объятия Германии, и выйдя из одной империалистской коалиции, продолжали войну в другой.

Все эти страхи свидетельствуют только об одном: о страшной запуганности. Вожди «революционного оборончества» дали запугать себя и теперь, в свою очередь, запугивают нас.

«Япония нападет на нас». Но все знакомые с международной политикой знают, что подготавливая конфликт с Америкой, японский империализм, напротив, ищет дружбы с Россией. Но допустим даже, что Япония на нас напала бы. Тогда мы сплотили бы все силы великой революции, чтобы дать ей отпор. Это была бы не грабительская война, а навязанная революции отпорная

война. Цели ее были бы ясны и народу и армии. Но, повторяем, сама эта угроза японским револьвером – грубый и вздорный маневр, рассчитанный на запуганных обывателей.

А финансовое давление союзников? Если бы дело до этого дошло, тогда и у нас в распоряжении более чем достаточные средства давления. Хотя бы отказ от платежа по многомиллиардным займам, заключенным царизмом, и отмена грабительских концессий, вырванных у нас союзниками до войны и особенно с начала войны. Но может ли, вообще, западноевропейский капитал с таким легким сердцем поставить крест на своих будущих торгово-промышленных связях с великой Россией? Нет, угроза, что союзники могут скрутить нас и держать в кабале, – такой же грубый и вздорный маневр, рассчитанный на запуганных обывателей.

И такой же вздор – запугивание неизбежностью, будто бы сепаратного мира. Мы говорим союзным империалистам: если вы от захватных целей войны откажется не хотите, ведите ее сами, как вашу сепаратную войну. Русская демократия отказывается участвовать дальше в грабительской войне, все равно, в союзе ли с англо-французскими или с австро-германскими империалистами. Она отклоняет участие как в одной, так и в другой империалистской коалиции. Она продолжает держать свою армию на границе для действительной самообороны, как ее держит, скажем, и нейтральная Швейцария. И она протягивает руку к миру всякому, кто согласен на справедливый общий мир без аннексий и контрибуций.

И сейчас русская армия должна стоять на границе. Но сейчас она стоит под знаменем наступления, оставаясь в одном из империалистских лагерей. И это поддерживает дело войны, а не мира. Иное дело – если бы революционная Россия всей своей политикой ясно показала, что руки ее действительно равно свободны по отношению к империалистам обоих лагерей. Тогда, но только тогда, укрепление нашей армии, усиление ее мощи означало бы не угрозу одной стороне и не поддержку империалистов другой, а поддержку революционного движения во всех странах против империалистов, затягивающих войну.

И в этом пробуждении революционного движения против мирового империализма за общий мир русская революция нашла бы лучшую гарантию против всяких покушений извне, с какой бы стороны они ни исходили.

*Летучий Листок меньшевиков-интернационалистов.
1917. № 2. С. 1–4.*

Шульгин В.В.

ЭТАП

Всероссийский Съезд советов солдатских и рабочих депутатов закрылся под возглас председателя: «*Да здравствует великая, свободная и горячо любимая Россия!*» Таким-то образом произошло знаменательное событие: социал-демократ Чхеидзе стал русским националистом.

Как ни странно, но мы этого ждали. Мы давно уже убеждены в том, что путь к социализму лежит через национализм. Мы чувствуем, что это несколько необычное заявление требует пояснения. Мы стараемся его дать.

Однако мы должны оговориться с самого начала, что мы не можем считать социалистами всех тех людей, которые сейчас таковыми объявились. Ибо весь социализм их в требовательности и жадности. Вся эта масса, которая с утра до вечера кричит о «прибавках», закрывая глаза на все остальное, состоит из людей глубоко «антисоциалистических», на наш взгляд. Ибо эти люди думают только о себе. Ими руководит исключительно шкурный интерес. Разве, например, рабочие думают о крестьянах, когда своими требованиями они делают совершенно недоступными для деревни продукты промышленности. И, наоборот, крестьяне будут ли думать о рабочих и вообще о горожанах, когда повысят цену хлеба до невозможных пределов. Людей такого настроения мы не можем считать даже «бессознательными социалистами», ибо основная идея социализма прежде всего – *общий интерес*, стремление найти те формы жизни, при которых материальное положение хотя бы большинства трудящихся было наивысшим. Не об этих людях речь. Мы имеем в виду «действительных» социалистов, людей идеи – людей доктрины. И вот мы убеждены, что эти люди придут к выводу, что их идеалы не могут быть осуществлены в человеческой среде, не прошедшей великой школы национализма.

Ошибка социалистов всех времен состояла в том, что они занимались только одной стороной хозяйственной проблемы, именно распределением. Социалистическая мысль никогда не могла обнять тесной связи между распределением и созиданием ценности. Социалисты думают, что можно распределять как угодно богатство, производимое человечеством, и что при этом количество производимого не изменится. Тут и кроется опаснейшее заблуждение. При современном положении вещей мир производит приблизительно то количество различных ценностей, которое ему необходимо для пропитания и существования. Если резко понизить те побудительные причины, которые заставляют человечество трудиться, нехватка неизбежна. Каковы эти побудительные причины? Для всякого, кто не хочет закрывать глаза на действительность, это ясно: побудительная причина напряженной деятельности человечества это – *человеческий эгоизм*. Человек усиленно работает потому, что его материальная жизнь находится в некотором соответствии с количеством или качеством его труда. Капиталист создает новое предприятие потому, что он будет получать больше дохода и, следовательно, иметь всю ту власть над жизнью, которую дают деньги. Рабочий работает больше и лучше потому, что он выработает несколько лишних рублей и будет лучше питаться и чаще ходить в кинематограф. Можно очень возмущаться тем, что повышенный труд капиталиста будет оплачен сотнями тысяч, а повышенный труд рабочего десятками рублей. Однако, основываясь на инстинкте личного эгоизма, мир все-таки существует, сводит концы с концами, одни живут хуже, другие лучше, но никто не умирает с голоду. Что же получится, если мы эту *пружину эгоизма* выдернем из игры? Если количество и качество труда не будет отражаться на лич-

ном существовании трудящегося? Если, сколько бы человек не работал, как бы ни ухищрялся, на какие выдумки и изобретения ни пускался бы, все равно он получал бы одну и ту же отмеренную порцию «благ» без всякой надежды на ее увеличение? Например, человек получает пятьдесят пудов с десятины, работая лениво. Если он усиленно будет работать, то может получить и сто пудов и сто пятьдесят. Станет ли он усиленно работать, если он твердо знает, что все равно у него хлеб заберут, а ему оставят только «продовольственную норму», которая не увеличится и не уменьшится оттого, сколько он выработает хлеба на своей земле? Какой смысл молодому инженеру просиживать ночи над каким-нибудь изобретением, переживать то, что называется «муки творчества», если его изобретение не дает ему ни одного лишнего гроша, кроме положенного ему жалования? Зачем ему гореть, зачем мучиться, когда гораздо легче, покойнее и приятнее идти по проторенной дорожке, сделанной прежними поколениями. Из сказанного можно заключить, что если остановить действие «пружины эгоизма» и не заменить ее ничем другим, то мир остановится в своем развитии и даже не остановится, а пойдет назад. В конце концов эта пониженная производительность человечества, эта апатия людей, которые не надеются на лучшее, непременно приведет к мировому голоду и мировому краху. Но если мир базируется на эгоизме, то непременным следствием этого положения является неравномерное распределение. Ведь именно благодаря тому, что существует неравномерное распределение, что существуют богатые и бедные, личный эгоизм и оказывает свое действие, ибо у самого бедного не отнята надежда, что в силу своей жизнедеятельности, он станет получать и зарабатывать больше, чем другие такие же бедняки. Этим общим стремлением к обогащению, к увеличению своего заработка или дохода поддерживается энергия человечества. Равномерное же распределение, так называемое «социальное равенство», убьет в корне эту побудительную причину.

Следовательно, люди, которые мечтают все же об этом социальном равенстве, но которые вместе с тем понимают, что ослабление мировой человеческой энергии грозит катастрофой, должны найти какой-то другой стимул, какую-то другую пружину человеческой деятельности вместо личного эгоизма. Надо, чтобы люди работали также энергично, также усердно, хотя бы для них лично такой усиленный труд не давал ясно ощутимых результатов. Другими словами, надо сделать так, чтобы люди *трудились для других* с той же энергией, как они трудятся для себя.

К этой огромной задаче, переработке человеческой природы, нельзя подходить сразу. Нелепо и глупо проповедовать какому-нибудь нашему мужичку, полуголодному и абсолютно неграмотному материалисту, что он потому должен стараться получить с своей десятины не пятьдесят пудов, а сто, что всему миру от этого станет лучше. Безумно предполагать, что такой мужичок станет трудиться вдвое и втрое для того, чтобы его лишних пятьдесят пудов распозлились по всему миру между миллиардным населением человечества, а следовательно, ему, мужичку, от его пятидесяти пудов осталось бы, может быть, ползернышка. Бог с ним, с этим зернышком. Если я от тяжелого моего труда

получу только зернышко, то пусть лучше я буду вырабатывать свою «продовольственную норму», да и больше ничего, какое мне дело до всего мира! Вот реальный, неизбежный ответ, который жизнь дает утопистам.

Перевоспитание человеческой души идет постепенно. Идет от маленькой ячейки к большей. Есть ячейка, где почти все люди не отделяют своего я от других таких же людей. Эта ячейка – семья. Для тесного круга от пяти до десяти лиц, которые составляют семью, человек готов трудиться, как для самого себя. И это есть уже великое завоевание. Это есть первое смягчение человеческого эгоизма, первая школа работать не только для себя, но и для других. Дальнейшие ячейки – это все формы человеческого общежития. Если человек самоотверженно работает на пользу своей деревни, своего уездного земства, своей губернии, своего края – все это последующие формы смягчения личного эгоизма. Чем выше моральная сущность человека, чем больше он поднимается над самим собой, тем менее становится он привязанным к интересам своего личного благосостояния, тем больше его интересует благосостояние более широких ячеек. Для убежденного земца, например, всю жизнь трудившегося в известном направлении, земские дороги, земские больницы, земские школы становятся уже так дороги, как его собственный дом, его собственная квартира. Он получает большее удовлетворение, когда видит, что жизнь его уезда благодаря его труду начинает улучшаться, чем когда за его столом сервировка становится модернистее, а шляпа жены дороже. Личный эгоизм у такого рода людей переходит в патриотизм своего уголка, своей волости, своего уезда, наконец, своего края.

Дальнейший этап на этом пути – это патриотизм государственный, это отождествление своих интересов, надежд, желаний и мечтаний с настоящим и будущим нации. Национализм может быть расовый, племенной или же государственный. Признаки, объединяющие националистов племенных и националистов государственных, не совпадают, тем не менее и тот и другой очень близки. *Национализм*, как племенной, так и государственный, *есть преданность большим человеческим союзам*, включающим в свой состав не только настоящее поколение, но и заветы предков и интересы потомков. Национализм возводит преданность этим человеческим союзам в культ и называет величайшей доблестью верность им до гробовой доски, готовность отдать ради интересов этих человеческих союзов все свое личное, вплоть до жизни близких и родных. Национализм есть высшая школа, до сих пор достигнутая человечеством на пути самозабвения и самопожертвования, школа героизма, школа любви, любви не только к «ближним», а и самым «дальним». К людям, о которых каждый отдельный член национальной семьи не имеет никакого представления, к людям, связанным с данным человеком только принадлежностью к одной и той же нации. Национализм есть единственная реальная школа борьбы с личным эгоизмом, школа огромного масштаба, школа огромных чисел, ибо в порывах национального самозабвения участвуют десятки миллионов людей, участвуют целые народы.

Высшее напряжение альтруистической воли и высшее умение координировать свою личную жизнь с интересами огромных человеческих союзов – вот что дает национализм. Настоящая война ослепительно подчеркнула эту правду. Когда Англия выставила несколько миллионов добровольцев, согласившихся отдать свою жизнь для блага остальных англичан; когда Франция, веселая легкомысленная страна, погрузилась в аскетический режим, забыв об улыбке и помня только о суровом долге всех перед всеми; когда (будем справедливы и к врагам) Германия в течение трех почти лет безропотно переносит муки каждодневного недоедания ради своей армии, борющейся за интересы будущих немецких поколений, – то, что это показывает? Это показывает нам с непререкаемой ясностью нравственную мощь национализма, способность облагораживать целые народы, возможность для масс, воспитанных в национальных чувствах, действовать и работать не только под влиянием личных эгоистических побуждений, а под давлением побуждений иного свойства, в которых личный интерес уступает интересу великих человеческих союзов.

Это сказалось со стихийной силой, и когда разразилась русская революция. Все те, кто раньше презирал национализм, могут теперь убедиться, что только люди, в которых национальное чувство живо, способны быть сейчас опорой идейной революции. Каков долг искреннего, честного революционера сейчас? Долг такого человека – временно совершенно забыть о личных интересах, безропотно переносить всевозможные лишения и даже принять смерть, лишь сохранить «завоевания революции», чтобы оставшиеся в живых и будущие поколения могли жить лучше, чем жили до сих пор. Но кто готов повиноваться этому призыву забыть себя во имя других? Только те, *кто привыкли к мысли*, что есть нечто такое, ради чего они обязаны отдать в жертву все. Только те, для которых есть понятия, есть идеи всесильные, покоряющие до конца, до последней черты. Кто же эти люди в России? Да ведь это те, для которых слово «родина» и «отчизна» – есть высший приказ и высший долг. Это сознательные и бессознательные *националисты*.

И действительно, что мы видим? В то время как те, на кого революция надеялась, как на каменную гору, те, кто считался передовым отрядом социализма, те, кто был гвардией религии будущего, – в то время как эти люди, как только объявилась свобода, с головой, с остервенением бросились устраивать личное благополучие и десятками тысяч жадных рук трясут государственный сундук, вытаскивая из него бумажное богатство, – другая часть народа, о революции не говорившая и о высших идеалах социализма не мечтавшая, отзывалась на призыв Керенского и пошла приносить себя в жертву ради интересов других людей.

Откроем же глаза пошире и постараемся посмотреть, какие же это люди пошли за Керенским.

Это те люди, которые и при старом режиме при всех его отягчающих условиях привыкли *отдавать родине все*.

Это те люди, которые раньше умирали «за Россию», а теперь умирают «за революционную Россию».

Словом, это те люди, которые умеют забывать себя для тех огромных союзов человеческих, которые сложились когда-то в незапамятных складках прошлого, но плывут на неизведанный простор будущего.

Вот эти люди, эта порода людей, имеющая эту школу, эту подготовку – она может служить материалом и для будущих человеческих построений. Можно себе представить, что когда-нибудь через много, много лет государств не будет, а будет общий союз всех людей, борющихся за жизнь.

Можно быть уверенным, что люди, или, вернее, потомки тех людей, которые умели забывать себя, свои личные интересы, свою личную жизнь для того, чтобы хорошо было миллионам англичан, французов, русских, немцев – словом, миллионам своих сограждан, миллионам членов своего национального союза, эти люди способны будут служить верой и правдой и *мировому братству* всех людей земного шара.

Но те, кто еще не дорос до национализма, те, у кого еще нет преданности большим человеческим союзам, называемым нациями или государством, те, у которых в наши роковые дни в голове и сердце только «прибавки», да восьми- шести- и четырехчасовые «рабочие дни», те социалистами еще быть не способны.

Этих *себялюбов* надо еще заставить пройти через школу национализма, надо научить их служить своей собственной стране, прежде чем они станут способны служить человечеству.

И потому для нас совершенно понятен возглас социал-демократа Чхеидзе: «Да здравствует горячо любимая Россия». Мы ждали этого этапа.

Русская Свобода. 1917. № 10–11. С. 21–26.

Ерманский А.О.

КРОНШТАДТСКАЯ СМУТА

История с «Кронштадтской республикой», по-видимому, пришла к концу. Много трагического, печального было во всей этой истории, – но и много преувеличенного, *раздутого* газетами. Тут преувеличения носили отчасти характер нарочитых, умышленных. Это ведь сделалось за последнее время одним из приемов контрреволюции. Ее выразители, ее органы печати жадно подхватывают всякое подобие слуха об «анархии», о насилиях, превращают слух в подлинный факт и придают ему иногда фантастические размеры. Все это они пускают широко в ход изо дня в день в своих целях: скомпрометировать революционную стихию, провести в сознание обывателя идею о необходимости «порядка» и «твердой власти».

Пусть потом, даже очень скоро тот или другой «факт» окажется фантазией, мыльным пузырем, вроде пресловутых «республик» Шлиссельбургской, Новороссийской и др. Это, однако, мало смущает контрреволюционные газе-

ты и нисколько не мешает им на другой день преподнести читателям еще ряд таких же «фактов».

Но это только одна сторона дела. Другая состоит в том, что и сама стихия нашей революции таит в себе много неожиданного. Не надо упускать из виду основную черту великой русской революции: началась она как *рабочая*, но восторжествовала как *солдатская*. В этом и сила, и слабость нашей революции. Сила, ибо единственная массовая народная организация, бросив свою вооруженную силу на чашку весов рабочей борьбы, этим решила судьбу революции и дала *огромный размах* ее демократическим завоеваниям. Слабость, ибо властной, решающей силой в революционной России стала солдатская, т. е. *крестьянская* масса. А ее отличительная черта – не только низкий уровень политической зрелости и искушенности, но и промежуточное положение мелких собственников, умонастроение которых податливо к различным влияниям, особенно – демагогическим, потому и проявляет большую неустойчивость.

В самом деле, не случайность, что в нашей политической смуте выдвинулся именно Кронштадт, находящаяся под боком у Петрограда крепость, в жизни которой такую господствующую роль играет солдатская и матросская масса. К тому же Кронштадт еще *морская* крепость. Этим определяется многое в ходе Кронштадтских событий, в первые дни революции, ознаменовавшиеся здесь кровавыми расправами, и в последующие месяцы.

Нигде ведь жизнь «нижнего чина» при царском строе не была поставлена в такие тяжелые, невыносимые условия, как именно во флоте. Здесь был и особый подбор офицеров, набиравшихся преимущественно из высшего, дворянско-помещичьего класса. Здесь весь строй отношений, вся атмосфера были насыщены кастовой обособленностью, заносчивостью и жестокостью по отношению к матросу, который отвечал своему начальству затаенной враждой, классовой ненавистью и жаждой мести.

Теперь вот очень много внимания уделяли тем казематам, в которых матросы почти три месяца держали арестованных офицеров. Мы уж не говорим о том, что вопли буржуазных газет об истязаниях, которым якобы подвергались арестованные, в общем, оказались фальшивыми: офицеры сами заявили, что обращение с ними тюремной администрации вполне корректно. Но важно тут другое. В этих самых казематах ведь недавно еще те же офицеры держали арестованных матросов не только месяцы, но и *годы*. И ужас этих карцеров-могил, лишенных света и воздуха, характеризует прежние условия жизни матросской массы – условия, накопившие в ней стихийное чувство злобы и мщения.

После того как это чувство излилось в известных расправах в первые дни революции, в матросской массе преобладающими остались революционное настроение и зачаточные, неразвитые, примитивные представления о задачах революции. Трагизм положения – в том, что эти примитивные представления резко не соответствуют тяжелой и сложной обстановке развития революции в условиях мировой войны, развития русской революции в то время, когда

революционная энергия пролетарской демократии в других странах скована той же войною.

Значительная часть примитивной, политически неопытной массы Кронштадта причисляет себя к большевикам, к «последовательным» марксистам. Но где же и когда им было приобрести хотя бы начатки марксистского понимания сложности и внутренней противоречивости общественных явлений, особенно таких, как наша революция? Им малодоступно понимание не только сложности хода революции, но и грозящих ей опасностей. Для примитивной массы все ясно и просто: есть буржуазия, есть рабочий народ, который должен забрать у нее власть, и все устроится по-хорошему.

Таков вообще строй мыслей у массы, только *вновь просыпающейся* к сознательной политической жизни. Весь большевизм ведь и есть не что иное, как *болезнь детства* политической мысли пролетариата и примыкающих к нему трудящихся масс.

Кронштадтским большевикам впервые, благодаря революции приобщающимся к идее классовой политической борьбы, необычайно дорога их преданность тому, что принесла им эта идея, как *откровение*. Тем уголком, который впервые открылся пред ними, целиком поглощены их мысль и воля, этим уголком они вполне удовлетворены. И неизбежно, как покушение на эту их преданность, они воспринимают всякую попытку раскрыть перед ними наличность еще и *других* уголков, других сторон *сложной* политической жизни – тех сторон, которые им недоступны. Их, несомненно, неприятно удивляет, даже раздражает, когда за их преданность их не хвалят, а как будто – наоборот – даже упрекают.

Таким же *бессознательным большевизмом* пропитаны, конечно, не только те элементы массы, которые причисляют себя к большевикам. Любопытно отметить, что с этой стороны проявили себя в Кронштадте социалисты-революционеры. Как известно, первоначально, выработанная 13 мая *Исполнительным комитетом* Кроншт[адтского] Сов[ета] раб[очих] и солд[атских] депутатов резолюция, заявляя, что Совет является единственной властью в городе, устанавливала, что Совет сносится непосредственно с Врем. правительством: его власть, стало быть, *признавалась* тогда. Через три дня, в заседании *Совета* эта резолюция была превращена в другую, где власть Врем[енного] правительства совсем *отрицалась*! И вот это-то превращение было делом не большевиков, а именно *эсеров*: им принадлежала тут инициатива.

Они по численности не уступают в Совете большевикам. Они издают свой малограмотный и обывательски оппортунистичный ежедневный листок – под характерным названием «Труд, земля и море», отражающий всю примитивность и смутность политической мысли крестьянской массы. С точки зрения этой мысли, пожалуй, была бы неудивительна склонность на самом деле признать Кронштадт особой, самостоятельной республикой. Психологии крестьянина ведь еще присуще представление об его селе, как об его *мире*», которым легко ограничивается весь его кругозор, чуждый связи с большими, сложными государственными или мировыми целями.

Но в действительности не подлежит сомнению, что сепаратизм, стремление отложиться от всей России *были чужды* намерениям эсеров и большевиков, принявших резолюцию 16 мая. Когда они в ней заявляли, что Совет раб[очих] и с[олдатских] депутатов представляется единственной властью, то имели, по-видимому, в виду не столько *государственную* власть, сколько власть в пределах деятельности *городского самоуправления*.

Надо вспомнить то, о чем уже приходилось говорить в предыдущем номере: Врем[енное] правительство весьма мало энергии проявило в деле замены старых органов власти на местах новыми демократическими. Еще меньше энергии проявлено было в деле демократизации органов местного самоуправления.

В Кронштадте существовал комиссар Пепеляев, навязанный городу помимо воли населения. И он собственной властью установил своеобразный, чуждый демократическому духу кронштадтцев, способ обновления городской думы. Еще в середине марта, по распоряжению г-на Пепеляева, в дополнение к старым 38 думским гласным, выбрано было населением, еще 65 гласных. При этом население было разбито комиссаром на 13 групп, из которых каждая выбирала по 5 гласных. Таким образом, одни только 4 группы владельцев торгово-промышленных предприятий, домовладельцев, извозопромышленников (хозяев) и рантье (пенсионеров) послали в думу 20 гласных, в то время как от всей массы рабочих, солдат и матросов полагалось избрать всего 10 гласных: 5 от рабочих и 5 от военной секции Совета раб[очих] и с[олдатских] деп[утатов].

Конечно, характерно для мало развитой массы кронштадтцев, что она не против этого протестовала, что она не требовала введения вполне демократической Гор[одской] думы. Во всяком случае, таким способом созданная г-ном Пепеляевым Дума ровно ничем себя не проявила, точно так же, как и ее голова – домовладелец И.И. Записной. Власть Городской думы и ее реальные представления резко не соответствуют тяжелой и сложной обстановке развития революции в условиях мировой войны, развития русской революции в то время, когда революционная энергия пролетарской демократии в других странах скована той же войною.

Конечно, это относится преимущественно к массовым членам Кронштадтского Совета. Что же касается его *руководящих* элементов, то тут, по-видимому, действуют молодые, неопытные, случайно подвернувшиеся лица. Естественно, принаравливаясь к общему духу Кронштадтской «толпы», эти «герои» также упрощенно строили свои схемы и лозунги и быстро усвоили себе всю несложную «философию» «правдизма». А отсюда «глубокие» умы буржуазных публицистов извлекли свое несокрушимо твердое убеждение, будто ленинизм-то и создал Кронштадтскую смуту. Известно: сильнее кошки зверя нет...

На самом деле, даже теория захвата власти Советами раб[очих] и солд[атских] депутатов, теория, с которой в известной связи стоит и провозглашение Кронштадтским Советом себя единственной властью в Кронштадте, тоже является своеобразным отражением факта слабости власти Врем[енного] правительства в умах Кронштадтской массы. Здесь мы имеем в виду, конечно, не

слабость репрессий, а слабость и вялость в деле устранения остатков старого режима на местах, в деле решительной *демократизации* всей политической жизни.

У нас нет сильной, опирающейся на народные массы демократической центральной власти – это чувствуют в Кронштадте и в других местах. Правительство не проявляет сильной власти в отношении крупной буржуазии и других хищнических элементов, увеличивающих разруху. Правительство не сумело даже на местах поставить надежных демократов в качестве представителей центральной власти. Остается нам *самим* сделаться властью – сильной, «единственной» властью.

Таков, приблизительно был ход мыслей Ламанова и других руководящих элементов Кронштадтского Совета – в полном соответствии с настроением руководимой ими крестьянско-солдатской массы.

Кронштадтская смута сейчас ликвидирована. Но, чтобы ликвидировать *общероссийскую* смуту, необходимо более решительный демократический курс Правительства в области политики *внутренней* и *внешней*. А для этого *голос передового пролетариата* должен звучать *громче*, пролетарское уmonoстроение должно влиться *более мощной* струей в общее русло стремлений демократических масс.

Летучий Листок меньшевиков-интернационалистов.
1917. № 2. С. 6–8.

Протопопов Д.Д.

КРОНШТАДТ, ФИНЛЯНДИЯ И УКРАИНА

Мы недаром поставили рядом эти три слова. В них одно из самых ярких выражений разрухи наших дней. Группы людей, которые при старом режиме не смели пикнуть, не смели поднять головы, теперь заявляют о совершенно непонятной немедленной необходимости самостоятельности небольшого портового города, небольшой, вполне автономной области Российского государства и ряда губерний, из которых даже не везде население объединено общностью языка.

Многие склонны видеть в требованиях этих трех единиц чуть ли не конец России. Эта точка зрения крайне преувеличена. Она вызывается страхом, а страх всегда бывает плохим советчиком. Дело в том, что от словесных заявлений до настоящих поступков большой шаг, а особенно теперь, когда есть много охотников говорить громкие и решительные слова, но когда очень мало, кто готов жертвовать чем-либо для приведения в исполнение громких требований и звонких фраз. Чем крепче слова, тем слабее их говорящий.

До сих пор и Кронштадт, и Финляндия, и Украина – это все бумажные резолюции; это что-то вроде тех бумажных драконов, которыми китайцы в былые времена старались запугивать своих врагов; это, в сущности, проявление

того же духа большевизма, который, как мутная пена, всегда образуется после каждого крупного государственного переворота.

Кронштадт – это просто скопление невежественных, озлобленных суровым и подчас жестоким режимом матросов, руководимых кучкой людей, состоящих из искренних фанатиков и неискренних агентов Германии. Рано или поздно вся нелепость и продажность этих людей выплывет наружу, и та грозная анархия, в которую уже погружается Кронштадт, лучше всего вытрезвит его жителей и заставит их отступить от кучки безумцев и изменников. И час этого отрезвления недалек.

Точно так же и в Финляндии рано или поздно должны получить преобладание здоровые течения, которые понимают, что Финляндия самостоятельной быть не может, а может находиться в обладании либо России, либо Германии. Это то же самое, что с Константинополем и проливами. Россия никак не может допустить, чтобы в 30 верстах от границы начинался оплот прусского милитаризма и чтобы северный берег Финского залива находился в обладании тех, кто хочет покорить своему влиянию и близкие, и далекие от них земли. Кроме того, собственный интерес заставит финляндцев держаться России: финляндцам некуда сбывать свои товары, как в Россию – это лучший рынок для их промышленности. Став достоянием Германии, Финляндия будет принуждена быть местом сбора для немецких товаров и, таким образом, попадет в положение полного подчинения немецким капиталистам, которые хорошо умеют выжимать соки из своих покупателей и убивать всякую попытку заводить собственную промышленность. Не нужно забывать и того, что население Финляндии состоит всего из каких-нибудь трех с половиной миллионов жителей, т. е. в ней жителей меньше, чем в Петрограде и Москве вместе взятых; поэтому ясно, что никакой действительной опасности этот небольшой уголок не может представлять.

Более грозным, но тоже более по внешности, является движение, которое сейчас происходит в Киеве. Все эти «универсалы» Украинской Рады, ее резолюции, страстные речи, истерики – все это внешняя театральная сторона. Все это бумага, а бумага одна действовать не может. Но в скором времени должно возникнуть и на Украине движение, противодействующее этим неразумным выкрикам, этому стремлению, во что бы то ни стало, немедленно (на радость немцам) отделиться от России. Много в Малороссии великорусской интеллигенции среди служащих, много русских в числе рабочих (Киев, в сущности, русский город); они являются наиболее деятельной частью населения, и им вовсе не по вкусу травля, поднятая против них только потому, что нет той палки, пред которой все покорно гнуло шею при старом режиме. Но и, кроме того, для широких слоев населения отделение Украины вовсе не является чем-то насущным, нужным немедленно. Во-первых, для широких слоев работающего люда национальные вопросы не играют совсем такой роли, как для пишущей и разговаривающей части населения; им нужны известные лучшие условия существования главным образом экономического. Для них, может быть, важно иметь свою школу, свою газету, но совершенно не существенно, где будет центральное правительство – в Петрограде, Москве, в Киеве или в Полтаве.

Затем прошлое Украины, близость языков великорусского и малорусского, общность религии – все это связывает, а не разъединяет. К этому присоединяется и то, что железные дороги и иные способы сношения, приход и уход рабочих – все это влияет объединяюще.

В этом же смысле действует и всякий прогресс. Вообще, современные государства, как и современные предприятия, стараются объединяться, считая это гораздо более выгодным в очень многих отношениях: – уменьшаются расходы по управлению, усиливается международная мощь, более ускоренным темпом идет культура и т. д. И если мы посмотрим на страны Запада, то увидим, что Германия и Италия ценою величайших усилий под руководством выдающихся государственных людей положили конец губительному разъединению и ввели в разной степени единство законодательства, таможенных мер, денежных знаков, управления войском, почтовых и телеграфных правил и т. д. и т. д. – при сохранении (в Германии) очень многих местных особенностей и свобод. В самих даже Соединенных Штатах замечается все большее стремление к единству. Там существует полное единство языка в смысле делопроизводства правительственных учреждений и обучения в школах, а также единство мер и весов, железнодорожных тарифов и т. д.

Во Франции живут два племени – северное французское и южное французское (провансальское), – и тем не менее никому не приходит в голову сделать Марсель или Тулузу столицей особого государства. Не подымается даже вопроса признания официальных прав за провансальским языком, на котором существует очень богатая литература, беспрепятственно развивающаяся, несмотря на полное единство Франции.

Распадение России и нам не угрожает, но русскому народу нужно быть настороже, ему придется вскоре сказать свое слово и положить предел посягательствам кронштадтцев, финляндцев и киевских «радников» во имя единства и силы России. Много можно делать в мирное время такое, что недопустимо во время войны. Пусть же великороссы тоже организуются, тоже выступают, пусть взывают они к другим народностям, населяющим Россию, напоминая им, что их собственный интерес должен состоять в том, чтобы сохранить Российское государство единым и нераздельным. Конечно, нужно предоставить известным областям весьма значительную долю внутренней свободы и самостоятельности.

Но Россия была, должна быть и будет единой.

Свободный Народ. 1917, 20 июня. № 17.

Ефремов С.А.

ЗАКЛИК ДО ТВОРЧОЇ РОБОТИ

Універсал Української Центральної Ради до українського народу становить надзвичайної ваги момент у нашому національному житті, свого роду поворотний пункт у розвитку новочасного українства. Вперше Центральна

Рада дає, сказати б, звідомлення перед організованими масами про свою роботу в справі відновлення української автономії, вперше розкриває ті плани, які вона має переводити в життя з волі тих мас; вперше, нарешті, говорить до своїх виборців як виборний уряд – тоном власті, що вимагає послуху, дисципліни й солідарної роботи для невинної організації всього життя на Україні.

Раніше чи пізніше це повинно було статися. Події останніх днів, а надто відповідь Тимчасового правительства на українські домагання, тільки прискорили, тільки дали привід до рішучого слова. Центральна Рада, яку висунули на арену життя революція й надзвичайний розмах національного відродження на Україні, з найперших днів свого існування стала справжнім центром українського руху. До неї неслися з усіх боків бажання пробуджених мас, од неї вимагали тих чи інших заходів, на неї покладали національне заступництво в усіх сферах життя.

Справді «волею народу» на Центральну Раду покладено діло великої ваги – надолужити брак власних правительствених органів, вести організацію національного життя, стояти на стороні потреб українського народу. Вага цього діла ще побільшується тим, що Центральна Рада не має офіційної власті, що все її значіння спирається на самому моральному авторитеті і тільки на йому, що низькоокі офіційні круги не тільки не бажали той авторитет використати, але навіть одкидали всякі спроби порозуміння й спільної праці.

Делегація Центральної Ради до Тимчасового правительства детально вияснила справу в петроградських сферах, і можна було сподіватися, що органи правительства нарешті зрозуміють, що так далі бути не може, що в інтересах спокою й організації на Україні треба облишити давню тактику нехтування потреб українського народу, що треба дати нарешті ясну й певну відповідь на питання, що саме життя ставить і владно домагається розв'язання. На жаль, і цим разом ми спинились перед замкненими дверима... І Центральна Рада приневолена була пояснити справу тим громадським кругам, що викликали її до життя й поклали на неї нелегке й відповідальне завдання обороняти права українського народу й виводити волю його до нового ладу.

Цю насамперед потребу і має універсал Центральної Ради задовольнити. Він оповіщає про ті обставини, в яких і доводиться проводити свою роботу, творячи підстави нового ладу на Україні; він виразно становить питання про стосунки до офіційних кругів; він позначає нарешті ті шляхи, якими має Україна здобути своє право.

Шляхи ці – не анархістичні виступи, не поривання давніх державних зв'язків, не розбрат і ворожнеча; а навпаки, чисто організаційна, творча робота, скріплення зв'язків, солідарність і єднання, що можуть поширити й поглибити здобутки революції та справжнього народоправства. І йдучи цим шляхом, ми певні, українці не розхитуватимуть тих здобутків, а нададуть їм тих міцних підвалин, на яких вони тільки й можуть устояти в цей тяжкий час. Це треба зробити, щоб довести Україну, а через неї й Росію, до справжнього нового ладу.

Можна думати, що нерозважні й вороже до українства настроєні люди знов і ще раз ударять на гвалт, побачать тут і дезорганізацію, й замах на революцію, і всі ті страхи, якими лякано широкі круги вже не раз. Але ми певні, що робимо творчу роботу і з раз вибраного шляху не збичимо самі і не дамо збити себе на манівці ні своїм, ні чужим шовіністам.

Україна страшною ціною заплатила за своє воскресіння – не на те, щоб дозволити тим чи іншим способом знов покласти себе в домовину. Це власне й говорить універсал Центральної Ради, закликаючи всіх українців усі сили свої зібрати й направити їх на творчу роботу, організацію й закріплення здобутих основ волі та справжнього народоправства.

Нова Рада. 1917, 13 юнія. № 64.

Плеханов Г.В.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ АВТОНОМНАЯ УКРАИНА!

Центральная Украинская Рада подала Временному правительству и Исполнительному Комитету Совета р[абочих] и с[олдатских] депутатов записку, в которой она говорит о нуждах своего края и об отношении к ним «русского» общества. Отношение это, по словам записки, не отличается глубиной и грозит многими осложнениями делу свободы в России. Даже чисто демократические «русские» слои боятся украинского движения. «Русский» народ хочет господствовать на Украине. Это его стремление привело к тому, что «у председателя Киевского Совета рабочих и солдатских депутатов на совещании социалистических организаций всех национальностей вырвалась угроза разогнать штыками украинский конгресс».

Так говорит записка. Тут, вероятно, какое-нибудь недоразумение: один неясно выразился, другие плохо поняли. Но если бы в самом деле некоторые «русские» члены Киевского Совета р[абочих] и с[олдатских] депутатов были убеждены, что можно отвечать штыковыми ударами на требование малорусского населения Украины, то мы с демократической откровенностью скажем им, что они жестоко заблуждаются.

Только анархо-синдикалисты вроде Роберта Гримма, усвоившего себе «старую манеру» Густава Эрве, могут отрицать правомерность национальной самозащиты. Интернационал, всегда признававший право самоопределения народов, тем самым признавал, что все они имеют право защищать себя от неприятельского нападения. Неужели малорусский народ представляет в этом случае исключение из общего правила? Разумеется, нет!

Подобно всем другим народам, малороссы имеют право на самооборону. А в понятие права самообороны входит, как одна из самых главных составных его частей, понятие права каждого народа устранять со своего пути те препятствия, которые воздвигнуты на нем неправомерными притязаниями других народов.

Теперь спрашивается, не воздвигал ли «русский» народ, в лице своего деспотического правительства, препятствий на пути к культурному развитию малорусского народа? Всякому известно, что воздвигал! В балладе гр. Евд. Ростопчиной «Насильственный брак», жена старого барона, преданная суду вассалов за нелюбовь к мужу, между другими доводами, приводимыми ею в свое оправдание, выставляет такую жалобу:

Он говорить мне запрещает
На языке моем родном.

Современники Ростопчиной думали, – и, по-видимому, с полным основанием, – что под мятежной женой надо понимать Польшу, а под старым бароном – русского царя. Такого мнения был сам Николай I. Но ведь упрек в запрещении говорить на родном языке могла выставить против нашего правительства не одна Польша. Украине тоже запрещали говорить на языке своем родном. Да одно ли это ее право нарушено было «русским» царизмом? Малороссия могла без всякого преувеличения сказать о себе словами мятежной жены:

– Я узница, а не жена.

И вот, когда по лицу Великой, Малой и Белой Руси пронеслась грозная революционная буря, до основания разрушившая безобразное здание нашего старого порядка, , когда каждый униженный, каждый обиженный, с радостной надеждой сказал в сердце своем: «Ныне отпускаеши раба твоего, владыка», мы великорусские сторонники нового, свободного строя будем штыками охранять старые узы наших малорусских братьев и, как прежние министры нашего народного затемнения, станем запрещать им учиться на своем родном языке, устраивать свои собственные дела по своему собственному свободному усмотрению?

Нет, это невозможно!

Чуждые какого бы то ни было намерения угнетать их, мы хотим жить с ними в любви и согласии, как вольные с вольными, как равные с равными. Это одинаково лежит, как в их интересах, так и в наших. Это одинаково необходимо для всей России.

Мы, социал-демократы, в огромном большинстве своем далеко не сторонники крайнего федерализма. Мы хорошо знаем его недостатки. Но в то же время мы решительные враги того допотопного централизма, в основе которого лежит стремление навязать язык и культуру одной части государства всем остальным ее частям. И мы хорошо знаем, что единство целого отнюдь не исключается самоуправлением частей. По-нашему мнению, оно, напротив, подкрепляется им.

В записке Центральной Украинской Рады выставлены некоторые требования, полную правомерность которых теперь же должна признать русская социал-демократия. Таковы требования, заключающиеся в пунктах:

Первом: Временное правительство должно в том или другом акте выразить принципиально-благожелательное отношение к украинской автономии.

Шестом: распространение украинизации начальной школы на школы высшую и среднюю.

Седьмом: замещение ответственных должностей на Украине лицами, пользующимися доверием населения, знающими его язык и знакомыми с его бытом.

Девятым: «необходимо разрешить выезд на родину тем зарубежным украинцам, которые неправомерно выселены из мест своего постоянного жительства, а также облегчить участь пленных украинцев-галичан, разместив их в украинских губерниях».

Есть другие требования, удовлетворить которые может, по нашему мнению, только Учредительное собрание. Таковы требования, помещенные в пунктах: *пятом* (выделение украинцев в отдельные войсковые части) и *восьмом* (предоставление из государственного казначейства в распоряжение Центральной Рады средств, нужных для удовлетворения национально-культурных нужд Малороссии). *Требование третье* (о назначении при Временном правительстве особого комиссара по делам Украйны), могло бы, будучи осуществлено, повести за собою немалые практические неудобства: за комиссаром от Украйны потянулось бы, пожалуй, до 30–40 комиссаров от других местностей России, наконец, *требование второе* (участие на будущей мирной конференции представителей от Малой России; подготовительные шаги по сношению с зарубежной Украйной) может вызвать лишь некоторые частные возражения.

Но все это мелочи в сравнении с общим принципом, лежащим в основе записки. Общий принцип гласит:

Малороссия должна быть автономна!

И его не могут не поддержать «русские» социал-демократы.

Единство. 1917, 2 июня. № 54.

Ленин В.И.

УКРАЙНА

Крах политики нового, коалиционного, Временного правительства вырисовывается все более и более рельефно. Изданный украинской Центральной Радой и принятый 11 июня 1917 года Всеукраинским войсковым съездом «универсальный акт» об устройении Украйны представляет собой прямое разоблачение этой политики и документальное свидетельство ее краха.

«Не отделяясь от всей России, не разрываясь с российским государством, — гласит этот акт, — пусть украинский народ на своей земле имеет право сам распоряжаться своей жизнью... Все законы, которыми должен устанавливаться порядок здесь, на Украине, имеет право издавать только наше украинское собрание; те же законы, которыми будет устанавливаться порядок на про-

тяжении всего Российского государства, должны издаваться всероссийским парламентом».

Это совершенно ясные слова. С полнейшей точностью заявлено в них, что в данное время украинский народ отделяться от России не хочет. Он требует автономии, ничуть не отрицая необходимости и верховной власти «всероссийского парламента». Ни один демократ, не говоря уже о социалисте, не решится отрицать полнейшей законности украинских требований. Ни один демократ не может также отрицать *права* Украины на свободное отделение от России: именно безоговорочное признание этого права одно лишь и дает возможность агитировать за вольный союз украинцев и великороссов, за *добровольное* соединение в одно государство двух народов. Именно безоговорочное признание этого права одно лишь в состоянии разорвать на деле, бесповоротно, до конца, с проклятым царистским прошлым, которое *все* сделало для *взаимоотчуждения* народов, столь близких и по языку, и по месту жительства, и по характеру, и по истории. Проклятый царизм превращал великороссов в палачей украинского народа, всячески вскармливал в нем ненависть к тем, кто запрещал даже украинским детям говорить и учиться на родном языке.

Революционная демократия России, если она хочет быть действительно революционной, действительно демократией, должна порвать с этим прошлым, должна вернуть себе, рабочим и крестьянам России, братское доверие рабочих и крестьян Украины. Этого нельзя сделать без полного признания прав Украины, в том числе *права* на свободное отделение.

Мы не сторонники мелких государств. Мы за теснейший союз рабочих всех стран против капиталистов и «своих», и всех вообще стран. Но именно для того, чтобы этот союз был добровольным, русский рабочий, не доверяя, ни в чем и ни на минуту ни буржуазии русской, ни буржуазии украинской, стоит сейчас за право отделения украинцев, *не навязывая* им своей дружбы, а *завоевая* ее отношением как к равному, как к союзнику и брату в борьбе за социализм.

* * *

Газета озлобленных, полуобезумевших от бешенства, буржуазных контрреволюционеров «Речь» дико обрушивается на украинцев, на их «самовольное» решение. «Поступок украинцев» будто бы «есть прямое преступление против закона, которое вызывает против себя немедленное применение суровых законных кар». Прибавлять что-либо к этому выпадку озверелых буржуазных контрреволюционеров нечего. Долой контрреволюционеров буржуазии! Да здравствует свободный союз вольных крестьян и рабочих вольной Украины с рабочими и крестьянами революционной России!

Правда. 1917, 28 июня (15 июня ст. ст.). № 82.

Чернов В.М.

ЛОЖНЫЙ ВЫВОД ИЗ ПРАВИЛЬНОЙ ПРЕДПОСЫЛКИ

«Не отделяясь от всей России, не разрывая с российским государством, пусть украинский народ на своей земле имеет право сам распоряжаться своей жизнью, пусть порядок и строй в Украине устанавливает избранное всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием всенародное украинское собрание – Сейм.

Все законы, которыми должен устанавливаться порядок здесь, на Украине, – имеет право издавать только наше украинское собрание; те же законы, которыми будет устанавливаться порядок на протяжении всего российского государства, – должны издаваться всероссийским собранием».

Эта программа автономии Украины, при сохранении спаянности ее с Россией, есть и наша программа, программа партии социалистов-революционеров. Наша партия – враг мертвящей государственной централизации. Было бы глубочайшей политической ошибкой, если бы новая Россия удовольствовалась тем, чтобы вместо царского централистического бюрократизма ввести такой же централистический бюрократизм республиканский. Но это невозможно, даже просто немыслимо. Переустройство государственного здания России не ограничится перекладкою крыши. Нет, оно дойдет до самого фундамента. Самое широкое местное самоуправление! Самая широкая децентрализация! Самая широкая самостоятельность и свобода инициативы органов народной власти, ближе всего стоящих к населению! Широкая автономия крупных областей, в особенности имеющих не только хозяйственные и бытовые, но и национально-исторические особенности! Таков наш девиз, – истинный девиз нашей партии, перенятый ею у наших славных исторических предшественников.

Областное начало, начало автономизма, принцип федерализма не может не иметь огромной будущности в такой стране, как Россия. Недаром всегда наши взоры с такой симпатией обращались к государственному строю великой заатлантической республики, в сторону Соединенных Штатов Америки.

Там, на девственной почве, свободной от давящих исторических традиций феодализма и его наследника – «бюродержавия» при королевской власти, – там видели мы рождение настоящей политической свободы, настоящего самоуправления. И мы чувствовали, что наша родная почва, почва России, в известном смысле – столь же нетронутая и девственная. Централизм самодержавия тяготел над нею века, но тяготел внешне, поверхностно, не впитываясь в плоть и кровь населения, не создавая морально-исторических устоев своей власти в душе народной. Извне наложенный, формальный, чужой народу, он имел под собою живую стихию русской жизни, со всеми ее дикорастущими силами, со всей ее непочатостью, которая заставила поэта сказать про нашу родину эти выпуклые, красочные слова: «тысячелетняя моя отроковица...»

Много, очень много общего всякий внимательный наблюдатель открывает между Соединенными Штатами Америки и будущими Соединенными

Штатами России. Есть, конечно, и не менее крупные различия. В частности, многонациональный состав населения Соед[иненные] Шт[аты] Америки характеризуется полным отсутствием *локального* обособления разнонациональных групп. В России дело обстоит иначе. В России поэтому кое-где *областное* начало в организации народной власти совпадает с началом *национальным*. Отсюда – возможность *сепаратистской опасности*, которой нельзя зародиться в местах со смешанным населением, с населением, представляющим собою как бы пестрый сплав разнородных металлов. Но сепаратистская опасность – не возражение против великой централизаторской политики. Напротив того: центробежные силы возникают и растут именно там, где локальная и национальная самобытность слишком долго искусственно подавлялись внешней силой. Центробежные силы – это проявление той реакции против «дурной болезни» централизаторства, которая, здоровая по существу, легко впадает в излишества, легко принимает болезненные формы.

Этих болезненных форм не избежало и украинское движение. Его нынешние руководители не хотят «ждать», не хотят «терпеть». Психологически это так понятно. Украинский народ так долго терпел, так долго ждал.

Выражая эти чувства нетерпения, «Украинская Рада» потребовала от Временного правительства следующего: 1) чтобы оно особым актом провозгласило, что оно – *не* против права украинского народа на автономию; 2) чтобы на Украине был избраный местным населением один представитель центрального российского правительства, и 3) чтобы при центральном российском правительстве состоял такой же, избранный украинским народом, комиссар (или статс-секретарь) по украинским делам. Все это, по видимости, весьма просто и невинно, но на деле чревато целым рядом трудностей. Легко сказать – избранный Украиной комиссар, едущий в Петроград в качестве статс-секретаря по украинским делам! Легко сказать – точно таким же избранный и Временным правительством признанный, перед ним ответственный представитель центральной власти на месте! Но ведь это прежде всего предполагает, что Временное правительство особым актом совершает *территориальное отграничение* Украины от остальной России и, во-вторых, издает для этой территории специальный избирательный закон, организует плебисцит для получения двух необходимых комиссаров, комиссара – статс-секретаря Украины и комиссара – генерал-губернатора. Спрашивается: могло ли Временное правительство присвоить себе такую власть? Не обязано ли оно было подождать с этим до Учредительного собрания? И спрашивается: готовы ли были сами украинцы из Центральной Рады всерьез предоставить Врем[енному] правительству решить вопрос о том, *в каких территориальных границах* вводит эти первые шаги к фактическому осуществлению украинской автономии? Многие украинцы считают свою страну от Карпат до Кубани и Области Войска Донского включительно. И не говоря уже о галицийских землях, включение которых могло бы последовать в порядке почти аннексионном. Есть и в пределах России «спорные» земли. Я не сомневаюсь, что при решении всех «спорных» вопросов в пользу украинцев, они признали бы пол-

ноправную власть Врем[енного] правительства: und der König absolut, wenn er unsere Wille thut. Но что на это сказали хотя бы кубанские и донские казаки – еще неизвестно. Ну а если бы Врем[енное] правительство кое в чем решило вопросы территориальные не так, как желают украинцы? Подчинились бы они этому решению? Я скажу откровенно: сомневаюсь. И удивительно ли, что Врем[енное] правительство отказывается провести в российском государстве своею собственной волею ввести все эти внутренние границы? Ведь совершенно ясно, что сделавши на этом пути первый шаг, сказавши «А», оно должно было сказать и «Б», и так, быть может, перебрать всю азбуку. Возьмем и такие щекотливые вопросы, как границы Белоруссии и Литвы, не говоря уже о Литве и Польше; возьмем Кавказ с его запутанным и сложным переплетом народностей. Все потребовали бы территориального выделения, и в столкновении национальных притязаний Временное правительство оказалось бы в положении суперарбитра, в положении, для него неприемлемом – неприемлемом потому, что в таком громадном деле оно не может чувствовать за собою достаточного авторитета, да и не может рассчитывать на то, чтобы достаточным его признали другие. А потому ангажироваться на этот путь оно не могло.

Теперь Украинская Рада усмотрела в этом акт недоброжелательства Врем[енного] правительства к самому праву украинского народа на автономию. Это недоразумение, думается, будет не так трудно рассеять соответствующею декларациею. Но когда Украинская Рада обещает, что после известной подготовительной организационной работы она приступит к явочным действиям – «мы созовем представителей всех народов земли украинской и создадим для нее те законы, весь строй которых мы подготовим, и Всероссийское Учредительное собрание должно будет утвердить их своим законом», – здесь все отношения перевернуты кверху ногами. Не минуя Учредительное собрание, а лишь решением Учредительного собрания может быть выделена та территория, с которой будут созваны «представители всех народов земли украинской». Ибо кто же иной правомочен начертить на карте эти границы? Неужели читавшего на площади «Универсал» писателя Винниченко вдохновляет старый образ:

Вот в таинственном азарте
Воевода Пальмерстон
Разделяет Русь на карте
Указательным перстом...

Но писатель Винниченко – не воевода Пальмерстон. И ни он, ни Центральная Украинская Рада взять на себя смелость продиктовать России до Учредительного собрания свою волю относительно будущих границ Украины не может, ибо это поистине значило бы брать на себя слишком много и обострить национальную рознь везде, где границы эти неопределенны и спорны. И неужели время, подобное настоящему, подходяще для раздувания такой розни?

Есть и еще один пункт в Универсале, чреватый опасными последствиями. «Поэтому мы, Украинская Центральная Рада, приписываем всем организованным гражданам сел и городов и всем украинским общественным управам установить с 1-го сего июля обложение населения податью на народное дело. Необходимо точно и регулярно пересылать эту подать в кассу Украинской Центральной Рады». Подать обязательная для населения, на территории с неопределенными границами! А если недовольные откажутся ее платить? Центральная Украинская Рада – еще не общепризнанная власть, и отказы платить более чем возможны. Но ведь речь идет не о *сборе*, а о *подати*, о *налоге*, отказ от платежа которого равносителен бунту. Значит ли это, что Украинская Центральная Рада объявит неплательщиков бунтовщиками и будет поступать с ними, как с бунтовщиками?

Надо полагать, что нет; надо полагать, что на деле все это будет много скромнее, чем на словах: «пишется так, а произносится иначе». Ну а если на местах иные начнут усердствовать и буквально применять «предписания» Рады? Ведь это будет сигнал к междоусобию и к гражданской войне!

Поистине, сделать это всего за каких-нибудь три месяца до Учредительного собрания, единственно компетентного разрешать столь бесконечно сложные и запутанные вопросы, сделать это в момент, когда вся Россия окружена извне огненными кольцами войны, а внутри минируется подземными силами хозяйственной разрухи, – не значит обнаружить истинный политический смысл и революционно-социалистическое чутье. Это, скорее, акт людей, надевших на глаза шоры и движущихся к одной, стоящей в поле их суженного зрения точке, без оглядки на все окружающее, на всю тяжелую историческую ситуацию переживаемого момента. Это – акт безответственной политики. Это – *ленинство в национальном вопросе*. Он может бесконечно осложнить и затруднить, само по себе простое и правое, истинно жизненное дело переустройства России на началах децентрализации, автономии, федерализма. Осложнить нетерпеливыми, спазматическими движениями, в которых их инициатор не сам будет владеть диапазоном своего размаха, а сам будет им владеем, когда он будет не господином собственного движения, а невольником их инерции. Это надо понять и соразмерить цели со средствами, намерения с возможными результатами. Ибо, поистине, хаоса и сумятицы в России и так слишком достаточно, для того, чтобы подбавлять его и подбавлять сверх всякой меры.

Дело Народа. 1917, 15 июня. № 75.

Винниченко В.К.

БРАТАННЯ ЧИ ПРОСТО ВЖЕ БРАТЕРСТВО?

Було братання місячної хорошої ночі. Дійсно, було братання. Темні, давні сили роз'єднали демократію Київ (та, може, й цілої України) на два табори, і з кожним днем роз'єднання ставало дужчим, а боротьба гострішою.

Нарешті схаменулись: занадто вже гострою, занадто шкодливою для справи *всякої* (демократії стала та боротьба). І люди, серйозно, щиро занепокоєні тим, зупинились і озирнулись круг себе: чи не можна знайти інших способів залягоження непорозумінь, ніж гризня та ворожнеча?

І, розуміється, зразу знайшли: треба зійтися, мирно простягти одне одному руку й одверто, щиро в'яснити, через що та боротьба, чи потрібна вона, чи не можна якось інакше, достойніше, користніше для всіх улаштувати спільне життя.

Зійшлися, простягли руки, дещо, справді, в'яснили. А особливо в'яснили те, що справжні демократи завжди мають змогу знайти спільну мову, знайти достойні Демократії форми відносин.

І це, очевидно, найбільше радувало майже всіх, найбільше хвилювало й зворушувало тої милої, чудової ночі на Дніпрі.

Але дивна річ: серед всього київського громадянства знайшлося тільки дві групи людей, яких те братання не схвилювало (а, може, й схвилювало, та зовсім інакше), це – «Кієвлянинь» і... «Кієвская Мысль».

Щодо «Кієвлянина», то, розуміється, тут нічого дивного немає. Це просто шакал. Він навіть не був серед людей тої ночі. Він боязко, злісно блукав оддалік і ждав, коли розійдуться люди з бенкету, щоб кинутись на місце їхнього братання і пожитись чим-небудь після них. Це істота, здавна відома тим, що перед дужими падає на спину, скавучить, угинається; а там, де не боїться, стає надзвичайно нахабною, задиракуватою, навіть небезпечною. Така вдача всякого шакала.

Але з «Кієвской Мысли» трохи дивно. Як ні як, а вона все ж таки зачисляє себе до представників людей, демократії, її могло би теж схвилювати таке хороше явище, яке було тої ночі. Але не схвилювало. На другому спільному зібранні тільки співробітник ««Кієвской Мысли» виявляв непримиримість, тільки йому те «братання», те бажання знайти людські способи співжиття було (судячи по тону, по старій мові) неприємне. Багато там було представників ріжних демократичних течій, але тільки «Кієвская Мысль» в особі свого співробітника заняла ту саму позицію, яку займала і раніше, тільки вона та «Кієвлянинь» не поступились ні на ступінь.

Мало того: ці дві групи на ґрунті нашого «братання» просто, здається, побратались. Другий співробітник «Кієвской Мыслі», відомий «прихильник» українства Браз, зробив такий вчинок, який кинув його в обійми «Кієвлянина».

Я не знаю, чи *с в і д о м о* зробив його д. Браз. Лишаю це на його сумлінні. А зробив він негарний вчинок: *трошки* змінив мої слова, які були сказані мною на паракході тої ночі, *трошки*, але з того “*трошки*” вийшло дуже багато поганого.

Я сказав: в руках українських організацій є велика деструктивна сила. Коли б вони, дійсно, хотіли робити дезорганізацію, то могли б наробити великого лиха для всієї Росії й самої України. По одному їхньому слову з фронту могли б піти на Вкраїну мільйони українців-солдатів, щоб боронить свої національні права. І це, додав я, тим легше було б зробити, що для всякого з *ф р о н т у* легше

піти, ніж на фронт. Але ми, не дивлячись на всякі попірання наших прав і домагань, цього не робимо, бо ми хочемо ладу і здоров'я як своєму краєві, так і всій Росії.

Оце я сказав.

А д. Браз переказав мої слова так: що українці побіжать з фронту «не столько из идейных побуждений, сколько из *м а л о д у ш і я*».

«Кієвлянинь» зараз же підбіг, підхопив цю нечистоту, яку кинув д. Браз, і з радісним гарчанням почав наминати її на всі боки, вдячно помахуючи хвостом до «Кієвской Мысли».

Навмисне чи не навмисне так переказав мої слова д. Браз, свідомо чи ні він не переказав інших моїх слів, які б могли самі собою довести, що я не міг того сказати, я цього судити не можу.

Я можу тільки констатувати те, що кидається в очі: з братання демократій української й неукраїнської поки що вийшло тільки *братерство* «Кієвлянина» та «Кієвской Мысли». Раніше у їх було на ґрунті українства тільки братання, а тепер, коли «Кієв[ская] Мысль» іде й далі по такому напрямку, очевидно, доведеться зробити братерський союз. Бо коли неукраїнська демократія Київська не стане на позицію цих двох груп, коли поєднається на людських підвалинах і поєднання прибере братерського співжиття, то цим двом непримиримим групам доведеться теж з'єднатися тісніше. Але з'єднатися вже не на людських, а на шакалячих підвалинах.

Хотілося б, щоб д. Браз і його товариші уважно й щиро подумали над цим. Хотілося б вірити, що люди ніколи не можуть брататися з *ш а к а л а м и*.

Робітнича Газета (Рабочая Газета). 1917, 24 юнія.

Прохоров Г.В.

***ЦЕРКОВЬ И СОЦИАЛИЗМ:**

о социализме вообще и социализме христианском

Социалистическое движение, так быстро развившееся у нас в России в последние годы, не может не привлекать к себе большого внимания. Ведь нельзя закрывать глаза на то, что число социалистов растет в изумительной прогрессии. Нет слова, некоторые присоединились к армии социалистов без достаточной сознательности, и что они повернут вспять, как только столкнутся с такою действительностью, которая покажет им обратную сторону медали. Но сейчас и именно сейчас, когда у нас в составе Временного правительства социалистов-министров такой процент, до которого, кажется, не доходило еще ни одно западноевропейское государство, пастыри Церкви должны отнестись к социализму самым внимательным образом, должны занять в отношении к нему такую позицию, на которую их уполномочивает их христианское сознание.

И, слава Богу, духовенство начинает интересоваться социализмом и даже пытается выяснить свое отношение к социализму. К глубочайшему огорчению, отношение к социализму, намечаемое некоторыми представителями Церкви таково, что оно ни в коем случае не может разделяться людьми, беспристрастно разбирающимися в фактах и отдающими себе отчет в своих заявлениях.

Я уже писал в «В[сероссийском] Ц[ерковно]-О[бщественном] вестнике» по вопросу о социализме. Теперь я дополню и разъясню некоторые из высказанных там положений.

Нужно различать социализм вообще и социализм христианский. Сначала два слова о первом. В современном социализме, по словам проф. Туган-Барановского («Современный социализм в своем историческом развитии», стр. 5), господствует марксистское направление. Марксизм же стоит на почве экономического материализма, отрицающего какие бы то ни было непреходящие духовные ценности. Марксизм – враг всякой идеи и идеологии, враг «психики». Вполне понятно, что даже те идеи равенства, братства и свободы, которые были восприняты социализмом в свой катехизис чрез посредство французской просветительной философии XVIII века, растеряли под разлагающим началом экономического материализма и свой благоуханный аромат, и красоту полевой лилии и живительные соки неусохшего стебля. Равенство... Но какое же равенство там, где идеалом является диктатура одного класса над всеми другими классами государства? Братство... Но какое же братство, если объявляется война всем «буржуйам», из которых многие, кстати сказать, живут беднее «не-буржуев». Какое же это братство, коли, по словам проф. Зомбарта («Социализм и социальное движение», стр. 11), движущим началом в борьбе на пути к «диктатуре пролетариата» для социалистов служит не нужда, а «чувства ненависти, зависти, возмущения». Или: «Только борьба и борьба на ножах. В интересах человеческого прогресса является это *violence prolétaire*, пролетарская политика насилия. Особенно важно поддерживать борьбу в наше время, когда сильно стараются поставить на место социализма социальный мир... Надо способствовать всему, что только может разжечь революционную волю, всему, что укрепляет в пролетариате сознание его классовой розни с буржуазным миром, всему, что питает и растравляет его ненависть к этому миру и его представителям» (там же, стр. 445–446). Какая же там свобода, когда наложена печать молчания на все газеты правого направления, когда насильно занимаются чужие дома, когда пули и камни заменяют слово убеждения, когда уже пролилась братская кровь?

Нет, такому социализму не по пути с Церковью, с христианством, с религиею. «Уничтожение религии, этого призрачного счастья, – писал К. Маркс, – будет началом истинного благополучия». Ему вторит посаженный германским правительством в тюрьму Либкнехт: «Школа должна быть восстановлена против Церкви, учитель против священника. Наука есть враг религии». Но особенно резко высказались против религии анархисты-коммунисты, эти крайние социалисты. «Мы ненавидим религию, потому что она лживыми

сказками усыпляет душу, отнимает бодрость и веру в силы человека, веру в торжество справедливости здесь – на реальной земле, а не на фантастическом небе. Религия все покрывает туманом: реальное зло становится призрачным, а призрачное благо реальным. Она всегда освящала рабство, горе и слезы. И мы объявляем войну всем богам и религиозным басням. Мы атеисты» (Новомирский, «Манифест анархистов-коммунистов», Москва, 1917. стр. 31).

Перехожу теперь к вопросу о христианском социализме. Христианский социализм настолько распространен на Западе, что имеет своих представителей в законодательных палатах. Христианский социализм стремится к сочетанию идей социализма с идеями христианства. Нечего и говорить, насколько это трудная и прямо-таки непосильная работа. Для того чтобы социализм стал христианским, он должен отказаться от своего правового принципа (мое – мое, а твое – твое), от своей конечной цели («диктатура пролетариата»), от своих неприемлемых для христианина методов борьбы (ненависть, зависть, насилие). Но если социализм от этого откажется, то что же от него останется? Здесь не перекрашивание уже, а полное перерождение. Если это так действительно и обстоит, то мы не будем спорить о словах, примем такой христианский социализм и будем всеми силами распространять его идеи.

Но... так ли уж просто обстоит здесь дело. Действительно ли в христианском социализме социализм перерождается, а Церковь ни в чем не изменяет себе, не делает в свою очередь уступок социализму?

Иисус учил: «Ищите прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Мф. 17, 33). Один из наших религиозных писателей сказал, что, к сожалению, эта заповедь, как показывает характер современной нам культуры, исполняется людьми наоборот: ищут материальных благ и думают, что Царство Божие приложится к ним. Которые же идут дальше: они ищут только земного благополучия и не желают знать ни Царства Божия, ни вообще идеальных ценностей. К этим принадлежат и социалисты. По словам проф. Зомбарта (стр. 133), безыдейность социалистического движения начинает тяготить некоторых социалистов, которые стремятся восполнить его идейным содержанием христианства.

Конечно, нет ничего удивительного, если тот или другой отдельный человек идет против Христа, когда исполняет Его заповедь об искании прежде Царства Божия наоборот. Но несчастье, если на этот же путь станет сама Церковь, если она устройство земного благополучия поставит на первом плане, если она унизит вечные цели, если она забудет о том, что Царство Божие есть царство возродившихся и перерожденных нравственно душ, а не царство сытых желудков. Другими словами: без ущерба ли для самой Церкви происходит эта связь ее с социализмом?

Христианский социализм развился главным образом в католической церкви. Нам говорят, что католическая Церковь на Западе расцвела после того, как она сочеталась, законным или незаконным союзом, с социализмом. Ergo: последуем примеру католической Церкви.

Я не буду останавливаться на вопросе о том, действительно ли католическая Церковь расцвела после союза с социализмом, мое внимание устремляется по иному направлению. Не знаю, какое впечатление производят на других слова о том, что православной Церкви нужно последовать примеру католической, но мне от этих слов становится жутко. Предо мною тогда начинает вырисовываться «высокая и прямая фигура девяностолетнего старика с исхудалым лицом, в грубой волосяной рясе», фигура Великого Инквизитора из «Братьев Карамазовых» Достоевского.

Никто, кажется, из русских писателей не заставлял своих читателей спускаться в такие бездны разьедающего скептицизмом, огульного отрицания и хохочущего атеизма, но никто и не возводил их на такие дымящиеся Хоривы, на блистающие вечной белизной снежные вершины гор, на покрытые изумрудной зеленью с самыми красными узорами нежнейших и ароматнейших цветов горные поляны, на купающиеся в золоте и блеске солнца холмы радостной веры во Христа, как Достоевский. Это он сказал, что, если бы ему доказали, что истина вне Христа, он предпочел бы остаться со Христом, а не с истиной. Достоевский много думал и писал о духе и характере современной ему культуры, много размышлял и наблюдал католическую Церковь, и суть своих дум, наблюдений и выводов он изложил в своем предсмертном произведении «Братья Карамазовы», именно в «Легенде о Великом Инквизиторе».

Вот содержание легенды. Вняв многовековой мольбе своих последователей, Христос снова пришел на землю в том самом образе, в котором он приходил на землю пятнадцать веков тому назад. С тихой улыбкою бесконечного сострадания он в Севилье льет кругом на больных и страдающих лучи Своего милосердия: Он исцеляет больных и воскрешает умерших... Не понравилось это Великому Инквизитору, который велит взять и запереть Христа в подземелье Святого Судилища. Ночью Великий Инквизитор приходит к Узнику в темницу и выступает с обвинительной речью против Иисуса. Вот главные мысли этой речи.

«Ты не имел недостатка в предупреждениях и указаниях, но Ты не послушал их и отверг единственный путь, которым можно было устроить людей счастливыми». Инквизитор ставит Христу в вину, что Он отказался от предложений искушителя в пустыне, и прежде всего отказался камни обратить в хлеба, так необходимые для устройства счастья людей. Спаситель отверг и хлебы, отверг и самый принцип привлечения к Себе людей хлебом и чудом, ибо Он не хотел стеснять в этом случае свободную волю человека и обещанием наполнить желудок привлекать людей в Свою Церковь.

Инквизитор считает такой путь ложным. «Ты возжелал свободной любви человека, чтобы свободно пошел он за Тобою, прельщенный и плененный Тобою». Но «Ты судил о людях слишком высоко»; «клянусь, человек слабее и ниже создан, чем Ты о нем думал... Видишь ли сии камни в этой нагой и раскаленной пустыне? Обрати их в хлебы, и за Тобою побежит человечество, как стадо благородное и послушное».

Ты не захотел. «Ты обещал им хлеб небесный, но, повторяю опять, может ли он сравниться в глазах слабого, вечно порочного и вечно неблагодарного людского племени с земным? И если за Тобою, во имя хлеба небесного пойдут тысячи и десятки тысяч, то что станет с миллионами и десятками миллионов существ, которые не в силах будут пренебречь хлебом земным для небесного?..» «Чем виновата слабая душа, что не в силах вместить столь страшных даров?»

И вот Инквизитор ради царства сытых желудков решает исправить дело Христа: делать то, от чего отказался Христос, хотя сам Инквизитор хорошо сознает, что его поправка – ложь.

«Знаешь ли Ты, что пройдут века, и человечество провозгласит устами своей премудрости и науки, что преступления нет, а стало быть, нет и греха, а есть лишь только голодные. «Накорми, тогда и спрашивай с них добродетели!» – вот что напишут на знамени, которое воздвигнуто против Тебя и которым разрушается храм Твой». На место храма люди начнут строить башню Вавилонскую, но не достроят и «к нам же ведь придут они, промучившись тысячу лет со своею башнею... Мы и достроим их башню, ибо достроит тот, кто накормит, а накормим лишь мы во имя Твое, – и солжем, что во имя Твое... Тогда мы дадим им тихое смиренное счастье, счастье слабосильных существ, какими они созданы... Мы разрешим им и грех... Для их же счастья будем манить их наградою небесною и вечною. Ибо если бы и было что на том свете, то уж, конечно, не для таких, как они...»

Так, – заключает Инквизитор, – «мы исправили подвиг Твой...»

Когда Иван Карамазов рассказал эту легенду своему собеседнику – брату Алеше, между ними произошел такой диалог.

Алеша: «Твой Инквизитор просто в Бога не верует».

Иван: «Наконец-то ты догадался».

Всероссийский Церковно-Общественный Вестник. 1917, 2 июня. № 39.

Струве П.Б.

ИЛЛЮЗИИ РУССКИХ СОЦИАЛИСТОВ

Обычная схема, по которой современные русские социалисты мыслят совершающиеся события, сводится к следующему.

В России во время войны восторжествовали проникнутые идеями и духом социализма рабочие и солдаты, и воплотившийся в этих народных массах социализм перекинется на запад, как в союзные, так и во враждебные России страны, и там усилит социализм, быть может, даже приведет его к конечному торжеству.

В основе этой веры лежит ряд грубейших ошибок и плачевнейших иллюзий.

Русская революция, по своему объективному смыслу и реальному значению, есть не торжество социализма, а его поправление и крушение.

Ибо что такое социализм? Прежде всего, это такое упорядочение производства и вообще всей экономической жизни, которому должны подчиняться все групповые и личные интересы. В русской же революции, наоборот, под социализмом разумеется полная свобода и самоопределение в преследовании групповых и личных интересов, совершенно независимо от соображения о том, к чему такое преследование приведет.

Вот почему результатом социалистической пропаганды и активности в России на наших глазах является не упорядочение, хотя бы самое суровое, экономической жизни, а ее полное расстройство, т. н. «разруха».

Это особенно очевидно в условиях войны, которая с непрекращаемой повелительностью навязывала и продолжает навязывать всем народам, ведущим ее, и всем классам, их составляющим, режим военного социализма. Что бы ни говорили об этом военно-социалистическом режиме, здесь осуществляются, правда, в условиях всеобщего оскудения, принципы государственного регулирования и производства и распределения в интересах всего общественного целого, так или иначе понимаемого. С другой стороны, на западе военное регулирование хозяйственной жизни везде сопровождалось повышением производительности труда и общим сокращением потребления. В России же еще до революции мы видели обратные явления. Несмотря на повышение заработной платы или, вернее, благодаря ему, в общем, производственная энергия труда понизилась. Исторически это вполне понятно: тут сказалась та психология «низкой заработной платы», которая держалась, например, в Англии до XVIII века и которая коренится в низком уровне потребностей: раз дана эта психология, при повышении заработной платы нет стимула не только к повышению, но даже к поддержанию на прежнем уровне производительности труда.

Революция лишь обострила и обнажила это положение вещей, которое не только не означает социализма, но, наоборот, знаменует в известном смысле даже удаление от него. Нельзя, конечно, отрицать, что за войну в России произошло повышение потребностей широких слоев населения, явление прогрессивное, по существу. Но прогрессивный характер повышения потребностей даст знать себя только в совершенно другой экономической и политической обстановке, когда повысившийся уровень потребностей, в здоровой атмосфере нормальной жизни, на основе свободы конкуренции, вынудит со стороны трудящихся масс более интенсивный и производительный труд. Сейчас же над русской экономической жизнью господствует сочетание условий военной экономии (огромный спрос на труд, заставляющий государство и предпринимателей соглашаться непрерывно повышать заработную плату!) с полурабьей психологией трудящихся, из которой вытекает низкая производительность труда. Эта комбинация условий не только не приближает Россию к социализму, понимаемому как планомерная организация национального производства. Но объективно ее затрудняет и психологически удаляет от нее, рождая и питая грубейший групповой и личный эгоизм, разнуздывая в массах самые низменные буржуазные инстинкты и страсти, но в тоже время заглушая в них буржуазные добродетели.

И уж теперь для всякого разумного и объективного наблюдателя ясно, что в России та незрелая и отталкивающая форма, в которую облакаются идеи социализма, не может не подготавливать против самой этой идеи глубочайшей реакции чувства и воли. Русские социалисты, живя иллюзией, что они отмеченные перстом истории борцы за социализм, на самом деле компрометируют и губят в своей собственной среде на многие годы социализм как идею.

Но есть еще и другая сторона дела. Это – сторона международная. Герцен когда-то сказал, что Англия с ее крайностями капитализма, совершенно не смягчаемого государственным вмешательством, являет собою «пьяного илота цивилизации», – крайний пример того, до чего может довести угар завоеваниями «либеральной» или «буржуазной» цивилизации. Можно спорить о том, правильно ли оценивал Герцен современную ему Англию в этом отношении. Но когда я размышляю о современном положении и России, и всего мира, мне гвоздят мозг эти слова Герцена, и я думаю: Россия наших дней изображает из себя для всего мира *пьяного илота социализма и классовой борьбы*. И я ясно вижу, что в результате русских опытов, политических и экономических, проводимых под знаком социализма, не может не произойти мирового крушения социализма как идеологии.

Ибо в самом деле, что случится, если в нашей стране восторжествует социализм в реальном образе русских социалистов и тех масс, которые пока следуют их призывам? Для самой России это будет означать полное народнохозяйственное и государственно-хозяйственное банкротство. Такое банкротство выведет Россию из строя воюющих держав, либо фактически (это уже почти и случилось), либо фактически и формально. Тогда возможны следующие исходы: либо победит Германия, либо Германию победит согласие западных держав без России, либо, наконец, западные державы вынуждены будут заключить мир с Германией за счет России. В первом случае русские социалисты в глазах всего англо-саксонско-латинского мира нанесут страшный удар и русскому имени, и русскому социализму, торжество идей и тенденций которого приведет к победе германизма. Россия попадет в опеку Германии и станет объектом ее давлений, экономических, политических и духовных, в мере, еще не виданной в мировой истории.

Во втором и третьем случае получится не тот же общий результат, но такой же урок для России и для всего остального мира. Так, русские социалисты становятся в каком-то непонятном ослеплении могильщиками социализма и величайшими обличителями демократии.

Все, что я говорю сейчас, есть совершенно объективные размышления о том, что совершается на глазах у всех нас. Для меня лично социализм, в который я некогда верил, уже давно является не предметом веры и поклонения, а лишь *одной* из идей, многозначительной и могущественной, исторического развития народов, в своей отвлеченной сущности не представляющей ровно никакой опасности для нормальной политической и экономической эволюции.

Социализм всегда таков, каким его делают конкретные живые деятели, социалисты. В современной России – и это подготовлено всем ее развитием –

самые влиятельные социалистические элементы дискредитируют и губят идею социализма.

Эта идея стала в их руках знаменем для разрушительных, противогосударственных и противокультурных инстинктов, овладевших народными массами. Реакция против плодов, которые несет и принесет с собой такая деятельность социалистов, неотвратима. Как далеко она пойдет, никто не может сейчас сказать. Но есть все основания думать, что в отличие от первой русской революции, которая, несмотря на все ошибки социалистических партий, начавшись пресловутым бойкотом первой Государственной думы, была, поскольку она воплотилась в первой Государственной думе, все-таки революцией глубоко государственной по духу и потому отразилась в целом ряде других стран усилением демократических течений, влияние второй русской революции на остальной мир будет иным. В общем, она окажет устрашающее и отталкивающее действие на более культурные народы. Идея, что Россия, где распространение социалистических идей влечет за собой падение производительности труда и полную утрату народными массами здорового патриотического инстинкта, может вести за собой остальные народы по пути демократии и социализма, есть плод жалкого недомыслия и невежества. Это худший вид, какая-то карикатура национализма, к которой можно с полным правом применить знаменитую формулу, некогда вычekanенную для характеристики отношений между антисемитизмом и социализмом. Это – национализм дураков, практически служащий делу зловреднейшего интернационализма. Это – новая мнимо-демократическая и мнимо-социалистическая погудка на старый «истинно русский» лад: «шапками закидаем».

Ни с подлинным национализмом, ни с подлинным социализмом это противоисторическое и противокультурное народничество не имеет ничего общего.

Русская Свобода. 1917. № 7. С. 3–6.

Вишняк М.В.

РУССКАЯ СВОБОДА И П.Б. СТРУВЕ

Под редакцией П.Б. Струве стал с недавних пор выходить еженедельник «Русская Свобода». Как заявил редактор в своей вступительной статье, «Русская Свобода» является в политическом отношении продолжением «Освобождения» и будет отстаивать те же задачи, которые проводили в 1905–1906 гг. аналогичные еженедельники «Полярная Звезда» и «Свобода и Культура». И действительно, среди постоянных участников еженедельника мы встречаем старых знакомых – давнишних соратников П.Б. Струве и по «Полярной Звезде», и по «Вехам» – Бердяева, Франка, Изгоева. Рядом с ними изредка мелькают и новые светила, например В.В. Шульгин. Но в общем и целом, зная политическую физиономию Струве и направление журнала «Русской Мысли», бесплатным приложением к которой является «Русская

Свобода», не трудно заранее предугадать, какую линию свободы может отстаивать еженедельник П.Б. Струве.

Все очищающая стихия революция в своем победоносном вихре увлекла сердца многих маловеров и скептиков. Больше того, она покорила «под нови своя» недавних недругов и врагов. Дали себя увлечь и искренне увлеклись на время даже те, кто *до* того боролся с революцией и всячески стремился и за страх, и за совесть воспрепятствовать ее прорыву. Можно отметить, почти как общее правило: чем сильнее была ненависть и борьба с революцией *раньше*, тем быстрее и полнее было изъятие любви и преданности к революции *после* того, как революция вспыхнула и победила. Мартовские революционеры приняли революцию как бы всем сердцем и всей душой своей, они отдались ей безотчетно и беззаветно, как бы искупая свое прошлое силой новых чувств. И Петр Струве в № 1 «Русской Свободы» пишет: «Быстрота событий ошеломляет ум; размах событий таков, что почти невозможно их обнять»; «Мы все испытали громадный и спасительный нравственный толчок»; «Мы пережили историческое чудо»; «оно прожгло, очистило и просветило нас самих»...

Так писал Струве в первые дни светозарной революции. Но Струве перестал бы быть Струве, если бы перестал меняться вместе со временем... Струве всегда был *im Werden* и тогда, когда он писал манифест российской соц[иал]-демократической партии, и тогда, когда был идеологом российского марксизма, и когда издавал либеральное «Освобождение», и когда стал идеалистом, и когда перестал им быть, и когда вдохновлял «Вехи», и когда, движимый национальным «Эросом», обнаруживал свое подлинное национальное лицо, подсказывая Столыпину патриотическую идею «Великой России», а русскую интеллигенцию приглашал во имя идеи «личной годности»... сажать капусту.

Прошлое Струве всегда было интереснее его настоящего. Но то, что пишет Струве сегодня, интересно тем, что его писания, как слова Кассандры, предвещают то, что будут говорить партийные единомышленники «Русской Свободы» завтра.

Российская революция зачалась и протекает *под знаком социализма*. В этом – великое отличие российской революции от всех других больших и малых революций мира.

Под знаком социализма – не значит, конечно, что в результате революции Россия перейдет непосредственно и мгновенно к социалистическому строю, не считаясь с объективными и субъективными предпосылками, лежащими внутри и вне России.

Под знаком социализма – значит, прежде всего, что русская революция не может ограничиться размерами «малой», узко буржуазной или общедемократической революции, а силою вещей, имманентным ходом своего развития движется и к широкому, и к глубокому социальным сдвигам.

Революция под знаком социализма – значит, что главным действующим агентом русской революции – и идеологически, и материально – являются те политические партии и те классы русского народа, которые исходят от признания социализма.

Революция под знаком социализма не только разрушает старый порядок, но и закладывает повсеместно и неустанно основы нового общежития, стремится создать предпосылки его нормального развития.

Революция под знаком социализма не анархична или безгосударственна, не отрицает государства или власти, а, наоборот, борется за политическую власть, за укрепление ее авторитета на широком и прочном базисе всенародного признания.

Этим объясняется, почему мартовские друзья революции, исконные враги социализма, чем явственнее обнаруживается «знак социализма», тем определеннее и решительнее откидываются в стан недругов революции, и чем дальше, тем с большей откровенностью обнаруживают свою подлинную противосоциалистическую и тем самым противореволюционную сущность.

Достаточно было двух месяцев революции, чтобы признанный лидер партии народной свободы определенно и публично, на партийном съезде, заявил по образцу маршала Мак-Магона: «J'y suis, j'y reste!»... Доселе – и не дальше! Революция кончилась, и в дальнейшем задача партии – лишь «консервировать» народную свободу, лишь охранять революционные завоевания, а не обеспечить или – избави Бог! – продвигать их дальше. Через два месяца после переворота П.Н. Милюков решительно провозгласил принцип *консерватизма*.

Всегда опережавший своих политических единомышленников в движении назад, П.Б. Струве, месяцем позже, от консерватизма успел уже прийти к *реакции*.

Всего шесть недель прошло со времени выхода № 1 «Русской Свободы». Всего шесть тощих еженедельников отделяют последний № 7 «Русской Свободы» от того момента, когда стихия революции «прожгла, очистила и просветила» Струве, а Струве уже не тот, что прежде, – он полон других, противоположных настроений. Ибо Струве уже увидел в ходе русской революции то, чего не видят, потому что не хотят видеть, другие. Зоркий взгляд бывшего социалиста усмотрел «знак социализма» над русской революцией. И просветленный было лик его исказился... Бывший социалист, как Мефистофель от креста, корчится в гримасах и судороге при виде «знака», которому он некогда поклонялся. Который презрел, и который теперь стал знаком русской революции.

История мстит всем отпавшим от нее.

«Русская революция, по своему объективному смыслу и реальному значению, есть не торжество социализма, а его поправление и крушение», – разоблачает П.Б. Струве «Иллюзии русских социалистов» («Русская Свобода», № 7). «Русские социалисты, живя иллюзией, что они – отмеченные перстом истории борцы за социализм, – печалуются он далее, – на самом деле компрометируют и губят в своей собственной среде на многие годы социализм как идею». «Русские социалисты становятся в каком-то непонятном ослеплении могильщиками социализма и величайшими обличителями демократии». «В современной России – и это подготовлено всем ее развитием – самые влиятельные социалистические элементы дискредитируют и губят идею соци-

ализма. Эта идея стала в их руках знаменем для разрушительных, противогосударственных и противокультурных инстинктов, овладевших народными массами». И т. д. в том же духе все изложение на тех трех страничках, которые Струве посвятил «защите» социализма «как идеи» и разоблачению русских социалистов.

Чтобы сильнее скомпрометировать и очернить нынешнюю революцию, П.Б. Струве готов отказаться от прежней хулы и даже похвалить прошлую революцию, которая, «несмотря на все ошибки социалистических партий, начавшиеся пресловутым бойкотом» Государственной думы, была «все-таки революцией глубоко государственной по духу, и потому отразилась в целом ряде других стран усилением демократических течений». Иное дело – вторая революция, – грозит Струве, – она – «бьяка», нехорошая, «она окажет устрашающее и отталкивающее действие на более культурные народы». «Идея, что Россия... может вести за собой остальные народы по пути демократии и социализма есть плод жалкого недомыслия и невежества. Это – худший вид, какая-то карикатура национализма... Это – национализм дураков, практически служащий делу зловреднейшего интернационализма... «Ни с подлинным национализмом, ни с подлинным социализмом это противоисторическое и противокультурное народничество не имеет ничего общего».

Так кончает свою филиппику вконец рассерженный и утративший всякое чувство меры Струве. И приведенным далеко не исчерпываются все перлы, – есть много других, но помельче, лежащие несколько глубже в той «куче», которую пришлось ворошить.

Inde ira? Откуда же такой гнев? Мы уже указывали, в чем его причина. И сам Струве этого не скрывает: «Для меня лично социализм, в который я некогда верил, уже давно является не предметом веры и поклонения, а лишь *одной* из идей, многозначительной и могущественной, исторического развития народов, в своей отвлеченной сущности, не представляющей ровно никакой опасности для нормальной политической и экономической эволюции».

В этом – весь секрет, здесь – источник гнева. «Отвлеченную сущность социализма, не представляющую ровно никакой опасности», П.Б. Струве готов воспринять и усвоить как «одну из идей», но реальное воплощение социализма или фактическое приближение к нему, – о, нет! – на это либеральный профессор не согласен, это представляет «опасность», к этому не побудит бывшего социалиста никакой «нравственный толчок», как бы «громаден и спасителен» ни казался он ему в первые дни революции. Скорее отвергнет он революцию, станет в оппозицию к ней, нежели приемлет революцию под знаком социализма.

И, убегая от революции, Струве помчался в объятия реакции. Он вызывает реакцию в жизнь, возвещает ее приход: «Реакция против плодов, которые несет и принесет с собой такая (разрушительная, противогосударственная и противокультурная) деятельность социалистов, неотвратима».

Не будем спорить с редактором «Русской Свободы». Наши пути – не его пути. Судьба русской свободы представляется нам совсем не так, как «Русской

Свободе». Как ни высоко расцениваем мы народничество, которое Струве представляется «противоисторическим и противокультурным», мы все же не покрываем русским народничеством всего интернационального социализма. Для нас ясно, что только под *этим* знаком международной солидарности всех трудящихся может победить русская свобода и революция. Мы не вправе сказать, чтобы революционеры поневоле, революционеры со вчерашнего числа *субъективно* желают контрреволюции. Но хотят ли они того или не хотят, *объективно* борьба мартовских революционеров – и справа и слева, национал-либералов и социал-анархистов, – направленная *против социализма*, фатально обращается и *против революции*. Ибо всегда и повсюду даже заведомые враги свободы, драпируясь по нужде в защитные цвета революции, утверждали: «Мы не желаем контрреволюции, а желаем лишь обратного тому, чего хочет революция».

«Nous ne voulons pas la contre-révolution, mais nous voulons le contraire de la révolution!» Эти слова, сказанные маститым французским клерикалом и реставратором сто лет тому назад, вдохновляли поколения и других народностей: один из виднейших немецких реставраторов взял эти слова даже эпиграфом к своей книге. Лавры Жозефа де-Мэстра, Ярке и Адама Мюллера смутили покой Струве. Повернувшись спиной к революции, взалкав о реакции, чье дело делает он, испугавшийся знака социализма.

Дело Народа. 1917, 30 июня. № 88.

Бенуа А.Н.

О ПАМЯТНИКАХ

Еще в самом начале революции основатель «Русской Воли» г-н Амфитеатров разразился «пламенной» статьей против памятника Николаю I, названного им «идолом самодержавия». Во имя революционных идей, во имя борьбы с самодержавием он требовал его свержения или, по крайней мере, его удаления. Теперь он проводит ту же программу на страницах своего «Бича». Сочувствующие ему художники иллюстрируют его идеи о необходимости сдачи этих произведений искусства в музеи и о неуместности сохранения бронзовых кумиров императоров на стогнах революционной России...

Я, впрочем, не возвращался бы больше к этой теме, считая ее настолько ясной, что и тратить время на нее не стоит, да вот на днях мне случилось беседовать с одним молодым и видным деятелем, и я вдруг увидел, что вовсе этот вопрос не так уж ясен для всех. И что раз умные и свежие люди способны мыслить в духе Амфитеатрова, то, следовательно, эти мысли носятся, как зараза в воздухе, и нужно принимать против них какие-то меры. Аргументы у моего собеседника, в котором я не могу видеть случайного встречного, очень близки к аргументам отца «Русской Воли». Бронзовые статуи царей сооружены для поддержания культа царизма. Их нужно теперь убрать, раз идет борьба с царизмом и его идеологией. Если эти памятники художественно хороши, то им место в музее. Если они плохи, то их можно расплавить на вещи полезные. На место же их следует поставить памятники, знаменующие великие события освободительного движения и лики его борцов.

Формулы очень ясные. Да и, казалось бы, трудно было бы что-нибудь про них возразить, ибо действительно против монархического принципа идет борьба, ибо памятники действительно являются апофеозом монархов, ибо следовало бы ознаменовать важнейшие моменты революционной истории, ибо надо надеяться, что «освобожденная Россия» создала бы памятники вполне достойными исповедуемых ею идей. Но вот, к сожалению, в самом начале этой цепи рассуждений приходится указать на два пробела, которые и подтачивают остальное построение, делают его негодным. Вспомнили обо всем, но забыли об искусстве и об истории, а как раз эти два начала требуют величайшей осмотрительности в отношении к себе. Перечисленные формулы эти уже пленили не раз людей революционно настроенных. В дни Великой Французской революции по милости их были низвергнуты и перелиты в пушки сотни шедевров. Среди них конная статуя Генриха IV на Pont-Neuf в Париже – шедевр

Франкавиллы (от которого остались одни фрагменты в Лувре), конная статуя Людовика XV на Place de la Concorde – шедевр Бушердона (от которого остались лишь изображения) и конная статуя Людовика XIV на Place Vendôme шедевр Жирардона (остались лишь модели). Все также читали об актах вандализма Коммуны 1871 года. Среди них особенно прискорбны свержение и продажа за границу Вандомской колонны и сожжение «притона тиранов» Тюильрийского (Tuileries) дворца.

И что же история придумала очень ядовитую месть за поправление ее прав.

Вместо прекрасной статуи Генриха IV Париж все же обладает монументом этого монарха, но уже в виде очень посредственного изделия г-на Лемота, сооруженного при Людовике XVIII.

Вместо прекрасного памятника Людовику XV (сообразно с которым и получила свою архитектурную обработку вся «Площадь Согласия»), высится памятник, не имеющий никакого к ней отношения и знаменующий тирана Фараона XIX египетской династии.

Вместо идола «короля солнца» воздвигнут выкупленный после Коммуны у американцев столп, обожеествляющий корсиканца, «надувшего» революции.

А пустое место вместо Тюильри сохраняет в памяти потомства не те идеалы, во имя которых образовалась коммуна, а те ее грехи, за которые она и до сих пор служит для массы жупелом величайших государственных бедствий.

Если далее мы бы сделали обзор вообще всем памятникам на свете, то увидели бы, что последовательное применение принципа «политической морали» в вопросе об их сохранении или удалении привело бы Европу к ужасающему художественному разорению.

Пришлось бы низвергнуть колонны Траяна и Марка Аврелия в Риме, пришлось бы удалить прекрасные бронзы Джиованни да Болонья, Донателло и Верроккио во Флоренции. Падуе и Венеции пришлось бы убрать «великого курфюрста» Шлютера, «Старого Фритца» Рауха, просвещенного Иосифа II и Христиана IV. Пришлось бы даже удалить и изумительные статуи саксен-тюрингенских князей в соборе Наумбурга и конное изваяние Конрада III на Бамбергском соборе. Все они прославляют «деспотов», кондотьеров-грабителей, «угнетателей», «империалистов», «захватчиков» и т. п.

С другой стороны, кому сейчас какое дело, что был или не был тот или иной из увековеченных в металле и в камне монархов, или тот или иной воитель тираном или мерзавцем. Но обратно всему миру, как недемократическому, так и демократическому *очень большое дело* до того, чтобы великолепная колонна форума Траяна оставалась бы на своем месте вечно, и вещала о далеком пройденном этапе истории, радуя в то же время глаз своими чудесными пропорциями; и столь же важно, чтобы против «Santo» в Падуе, так же как пять веков назад, шагал конь Гаттамелаты и заносился бы жезл оседлавшего его воина. Чтобы все так же гордо гарцевал Коллеоне, оглядывая сказочную площадь против церкви «Zanipolo». Чтобы все так же вырезалась на Бранденбургском мосту пышная масса того, с кого начался роковой для Европы расцвет Пруссии.

И не менее для нас и для всего света важно, чтобы «Медный Всадник» вздымал своего коня над бездной, чтобы «Николай Палкин», караколируя на манежной лошади, глядел из-под прусской каски на «свою» площадь с собором, имеющим тоже вид воина с золотым шоломом, чтобы Екатерина II свешивала свой шлейф на беседу откормленных и ленивых сановников и искусных генералов, и чтобы Александр III встречал прибывающих из глубин России тем упрямым вызовом, который страна в свое время не сумела побороть, и за который ей пришлось так жестоко расплачиваться.

Впрочем, мне необходимо прежде, чем идти дальше, условиться о том, что и я защищаю. Я главным образом защищаю художественно-историческую ценность вещей. Если бы можно было издать закон, навеки изгоняющий с площадей *плохие* памятники, то работы для сносителей памятников сразу получилось бы немало, а мы, люди, любящие искусство, могли бы только радоваться подобной деятельности охранения хорошего вкуса. У нас в одном Петербурге, при всей нашей скудости, нашлось бы несколько случаев приложить свои силы для такой цели. Следовало бы в первую голову убрать игрушечного Петра I в Летнем Саду и двух «Петров для начального образования» на Адмиралтейской набережной – эти печальные свидетельства вкуса Николая II. Далее мы бы убрали срамящий нашу эпоху памятник Глинки у Консерватории, а также срамящий Пушкина памятник на Пушкинской улице, потешного Пржевальского с его верблюдом и все убогие бюсты великих людей в Александровском саду. Еще следовало бы убрать Суворова, Лермонтова, ужасный мавзолей на Кронверкском и т. д. А в Берлине, Париже, Вене и по всем итальянским городам, какое было бы раздолье для такой очистительной деятельности! Какой победой хорошего вкуса был бы день, когда всю Siegesallee, эту ерундовую чепуху, для нас, художников, не оставляющую сомнения в коренной бездарности Вильгельма, свезли бы на городскую свалку камня!

Но вот беда в том, что не во имя красоты вызывают наши цензоры от революции, а во имя революционных идей, и при последовательном осуществлении таких воззваний человечеству грозит лишиться самых прекрасных вещей и как раз сохранить всякую дрянь – за то только, что эта дрянь изображает очень почтенных деятелей.

Впрочем, и Амфитеатров, и мой недавний собеседник предлагали не сносить, а свезти кумиры в какой-то музей. Там-де эти статуи перестанут быть идолами, а станут себе скромненькими нумерами каталога, наравне с «первым шагом» Каменского и всякими Парисами и Амурами. Но, во-первых: если уже «искоренять гнусности», то лучше их уничтожить без остатка, – это, по крайней мере, последовательно; «Николай I» и в амбаре будет казаться внушительным богом военщины, а к Петру I и в музее будут ходить на поклонение (да еще сколько найдется у них новых поклонников только потому, что «их обидели»). Ну, и затем, оставляя эти доказательства от абсурда, нужно же вспомнить, что великое и прекрасное художественное произведение имеет право на то место, для которого оно предназначалось и ввиду которого оно создавалось.

Одно дело Фальконетовский Петр среди строгой декорации Сенатской площади или Растреллиевский Петр на фоне фронтона Михайловского замка, а совсем другое эти статуи будут представлять в залах или хотя бы в садах музея.

Вот этого я никак не могу понять, за что мы будем себя сами обижать и обкрадывать? Зачем мы станем губить ту красоту, которая нам досталась в наследство, а не будем беречь ее, чтобы пользоваться ею? Ведь вся красота и Петербурга, и Москвы, и отчасти Парижа «произведения царизма»; что же во имя прекрасных революционных идей нам нужно начать с того, чтобы по-выбросить всю эту «чужую ветошь», которая недостойна обслуживать народ, добывший себе свободу?

Когда я хожу по Версалью – у меня среди всяких чувств, которые наполняют мое сердце, одно определяется особенно ярко. Это чувство какого-то умиления перед всеобъемлемостью, перед мудрой терпимостью и незлобивостью народного гения. Ведь Версаль был, более чем что-либо на свете, обречен на гибель в качестве искупительной жертвы за все грехи *ancien régime'a*. Вот памятник исполинского размаха, который действительно более создан для того, чтобы каждой своей линией, каждой затеей, любой статуей, малейшей вазой он напоминал о божественности монархической власти, о величии короля-солнца, о незыблемости устоев. А между тем сейчас тот же памятник говорит как раз о чем-то обратном – о божественности искусства, созданного людьми из народа. Он низводит «Луи Картоза» в разряд актера, играющего роль в стильно-аллегорическом празднике. Он убеждает в том, что устои рухнули. *Vita brevis, ars longa*.

И не думайте, чтобы туда ездили на поклон одни сторонники этого старого порядка. Нет. Там или просто гуляют няньки с ребятами и ухаживающие за ними солдаты (самый демократический элемент). Или рыскают туристы, жадные до эстетических наслаждений. Или бродят поэты, для которых все прошлое истории одинаково пленительно. И которые готовы также упиваться грустью перед «хижиной» Марии Антуанетты, как и перед «ванной», в которой был убит Марат. И умная республика ассигнует миллионы на поддержку того, что создано низвергнутыми ею тиранами, и мало того, имеет достаточно вкуса и такта, чтобы гордиться всем этим пантеоном, всем этим храмом «à toutes les gloires de la France».

И еще два слова о «заменах». Зачем и кому нужны эти символические замены? Даже в случае, если они будут удачными, то все же станет досадно, зачем одно хорошее вытеснено другим хорошим. Ведь места свободного под небом достаточно. Ведь хотя бы в Петербурге можно поставить что угодно и против каждой из сторон Исаакия, и на противоположном конце Александровского сада, и на бывшей разводной площадке перед Зимним дворцом (отличное «символическое» место), и на выступе перед Биржей, и на Марсовом поле, и где угодно. Так нет же. Имеются особые любители до того, чтобы, вот, убрать Фальконета и именно на то же место поставить что-то другое. Это касается и зданий. Казалось, и всякое прекрасное здание надо беречь и нечего его пере-

страивать. И опять-таки с особым вкусом во все времена люди занимались вместо строительства, перестроительством, безрассудно опустошая свои собственные кошельки на двойную работу, на ломку старого прекрасного и на сооружение нового, – которое очень часто было уже вовсе не прекрасно.

Ведь никакие и самые даже прекрасные идеи не могут гарантировать, что заменяющее будет равноценно в художественном смысле как заменяемое. Это очень легко сказать: «Неужели русская демократия не найдет в себе сил создать памятники столь же прекрасные, как и памятники, созданные царизмом?» Произнесенная на митинге такая фраза неминуемо сорвет гром энтузиазма, и каждый аплодирующий в эту минуту готов будет схватить лом, чтобы идти сокрушать старое и послужить делу проложения путей для нового. Но, увы, митинговый экстаз и реальная проверка жизни – вовсе не совпадающие вещи, и если довольно простым представляется снос старого, то весьма и весьма трудным проблематичным является воздвижение столь же прекрасного или еще лучшего.

К тому же красоты, созданные при монархии, только кажутся врожденными произволом, на самом же деле в них проявились достижения очень сложной, многовековой культуры; они – результат бесконечной цепи традиций, бесконечного «атавизма идеалов» и именно *идеалов*, а не простого угодничества. Медный Всадник хорош не только потому, что очень искусно передан скачущий на горячем коне всадник (хотя и это могло бы быть радующим чудом искусства), а потому, что авторам удалось во всей посадке, в челе, в глазах, в нервности жеста Петра, в ноздрях, в гриве, в напряжении шеи, в каждом мускуле ног, даже в хвосте коня передать то самое, что больше всего волнует, когда это видишь в жизни: безграничную силу человеческой воли, способную подчинить себе природу, сделать ее своей сотрудницей. Всадник сросся с конем, а конь, несущий всадника, так же «гениален», как всадник. Именно этот обузданный конь дает всаднику предельную мощь, делает его непреодолимым, ведет его к победам, разделяя с ним грозные опасности и рискуя низринуться вместе с ним в пропасть. Для убедительного выражения такой мысли потребовалась, разумеется, не одна прихоть «северной Семирамиды» и даже не удача ее выбора, а то, что Фальконет и г-жа Колло были истинно «лучшими людьми Франции», были из того же теста воспитанных рядом поколений идеалистов, как и те люди, которые спустя немного времени создали революцию. «Медный всадник» – революционный памятник монарху-революционеру.

Да и другие памятники (из тех, которые я защищаю во имя искусства) не могут считаться блажными порождениями прихоти и просто идолами самодержавия. Сейчас, разумеется, довольно затруднительно об этом говорить, ибо мы слишком все нервны и подозрительны. Попробуй-ка я защищать Клодтовского кирасира, и еще выйдет так, что я превозношу самую жуткую личность Николая. Но вот на примере памятника Александра III мы можем отметить даже такой случай, что художник противопоставил свою дерзкую мысль воле заказчика-государя. И вынес столь жестокий приговор царю-миротворцу («автору договоров с союзниками»), что заказчика с самого откры-

тия памятника не покидала мысль отправить его в ссылку в Сибирь, подальше от своих оскорбленных сыновних глаз. И что же, неужели мы, покорно называющие по-прежнему Петербург Петроградом, как того пожелал Николай II, и здесь последуем его вкусу, его произволу: согласимся удалить произведение Трубецкого, мощь которого опять-таки обусловлена не просто удачей мастера, но глубоким проникновением художника в задачу. Александр III на Знаменской площади не просто памятник какому-то монарху, а памятник характерный для монархии, обреченной на гибель. Это уже не легендарный государь-герой, не всадник, мчащийся к простору, а это всадник, который всей своей тяжестью давит своего коня, который пригнул его шею так, что конь ничего более не видит. Это – поистине монумент монарху, поощрявшему маскарад национализма и в то же время презиравшему свой народ настолько, что он считал возможным на все его порывы накладывать узду близорукого, узко-династического упрямства.

Пусть же стоят эти памятники. Пробудить или питать особые симпатии к царизму они не способны. Что умерло, то умерло навсегда и бесповоротно. Но они в одно и то же время – и наше, полное уроков для будущего, и прошлое – способны нам доставлять ту же художественную радость, которую доставляют нам сочинения поэтов и музыкантов. Или мы обречены больше никогда не слышать «Жизни за царя» Глинки, оперу, которую каждый из нас знает наизусть и всегда ненавидел за сюжет? Или мы обречены выбросить выход Екатерины из «Пиковой дамы», запретить главы об Александре I в «Войне и мире», не слушать более Шаляпина в «Годунове»? Но это бессмысленно, это значит создавать соблазны.

Кто скажет, чего только не потребовалось в «алхимии художественного творчества», чтобы родить эти драгоценности, и можно ли думать, что сейчас люди нового миросозерцания найдут сразу эквивалентные по зрелости и прелести достижения? Не так-то просто родить шедевр. Мало для этого высоких лозунгов, нужна еще сложившаяся культура, нужно накопление опыта, нужна проверка, нужны традиции. И начинать с того нового, что уничтожать все старое, это так же необдуманно и прямо глупо, как не выстроив нового дома, поджигать старый.

Как бы не очутиться с одними храбрыми фразами на устах, но и с пустотой в руках перед новым поворотом истории. И как бы не лишиться искусство этой новой эры того бодрящего ощущения, что оно, как и предшествующее искусство, выходит за пределы идеалов данного дня и данных ощущений, и что создается для «вечности».

Будем копить искусство, а не тратить. Этот вид бережливости приличествует демократии. Тратить мы успеем всегда, когда накопим так много, что художественная красота станет в России явлением обыденным. Впрочем, и тогда, можно быть уверенным, что обыденным не станут ни оба Петра Фальконета и Растрелли, ни Александровский столп, ни статуя Трубецкого, ни шедевр Клодта и даже Екатерина II Микешина. Пусть они себе стоят, вырисовывая свои красоты или эффектные массы на фоне неба, соседних зданий, пусть у

подножий их роится толпа, которая уже никогда не встанет ни перед бронзами, ни перед железами на колени.

В заключение я еще раз извиняюсь перед читателями, если им покажется, что я ломлюсь в открытую дверь, а все сказанное просто лишнее. Повторяю, я бы не вернулся к этой, уже раз затронутой теме, если бы меня не побудила это сделать та самая беседа с молодым, даровитым и высокоинтеллигентным деятелем, о котором я упомянул вначале, – беседа, произведшая на меня прямо дикое впечатление. Дай Бог, чтобы моя тревога оказалась просто неосновательной, охотников до уничтожения памятников окажется так мало, что действительно не стоило и говорить о грозящей им опасности. Но ведь вспоминаю еще: могла же при «Союзе деятелей искусства» образоваться целая «комиссия уничтожения памятников», да и вообще, мало ли что ни взбредет нашему вконец расхворавшемуся и обезумевшему времени!

Новая Жизнь. 1917, 2 (15) июля. № 64.

Смирнов Е. (Гуревич Э.Л.)

АНАРХИЯ ИЛИ ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО?

Из Петрограда сообщили по телефону из весьма достоверных источников, что представители кадетов во Временном правительстве подали в отставку на том-де основании, что они недовольны оборотом, какой приняли переговоры правительства с Украинской Радой.

Явный и вздорный предлог! О том, что кадеты собираются вообще отстраниться от дел, имелись вполне определенные сведения еще неделю тому назад. В полном соответствии с этим общим настроением руководящих кадетских кругов и В.А. Маклаков отказался от председательствования в комиссии по пересмотру уголовного уложения. И выдумываются теперь всевозможные затруднения при разрешении вопросов и без того до чрезвычайности трудных и сложных, московские кадеты постановили отказаться от ответственных должностей в будущей городской управе с явной целью усложнить и затруднить и без того трудное и сложное положение.

Политическое значение этого поведения кадетов очевидно. Они желают теперь осуществить то, что они пытались уже сделать в момент образования Временного правительства второго состава. Устраняясь от дел, они хотят во что бы ни стало заставить социалистов взять всю власть в свои руки. Сперва они рассчитывали, что это удастся сделать Ленину и прочим анархистам путем насильственного переворота. Теперь, когда они увидели, что Ленин окончательно провалился со своими захватническими замыслами, они спешат другим путем достигнуть той же цели.

Зачем им это нужно – тоже слишком очевидно. Подобно тому, как они на московских городских выборах, бросив свой клич «бойтесь победы анархии», хотели собрать вокруг своего списка против социалистов все имущие классы,

всю реакцию, что им, как известно, вполне удалось, подобно этому они желают теперь, уже в государственном масштабе, под тем же знаменем борьбы против социализма, напугать все имущие классы, от землевладельческого дворянства до крупной и средней буржуазии, и, напугавши, сплотить их вокруг своей партии.

Гражданская война – вот к чему ведут кадеты. Ведут сознательно и планомерно, ибо они обладают достаточным умом и опытом, чтобы понимать, что переход в настоящий момент всей власти к социалистам, к которым недостаточно дисциплинированные и организованные массы будут предъявлять гораздо большие требования, чем к коалиционному правительству, может, при наличии терроризованной и доведенной до отчаяния буржуазии, привести только к стихийной катастрофе. И то, что не удалось Ленину и чего с такой уверенностью ждали наши враги, будет выполнено партией, которая облыжно утверждает, что она государственная по преимуществу, что на первом плане для нее не партийные и не классовые интересы, а интересы общенациональные, интересы государственные.

И в какой момент решается она стать на этот, повторяем, чудовищно-преступный путь? В тот момент, когда правительству удалось, наконец, сплотить армию и двинуть ее в наступление, сразу значительно улучшить международное положение России и тем приблизить конец войны; в тот момент, когда ленинская анархия терпит крушение по всей линии, а революционная демократия в лице всех ее организованных органов и ее представителей во Временном правительстве твердо и решительно становится на путь положительной государственной работы.

Казалось бы, партия, стоящая на государственной точке зрения, партия, смеющая утверждать, что общие интересы страны для нее выше ее узко партийных и классовых интересов, должна была бы всей душой радоваться этим первым успехам правительства, должна была бы все силы свои призвать к деятельной и безоговорочной поддержке этого правительства. Должна была бы, тем более что страна бьется в смертельных тисках промышленного и продовольственного кризиса, что ей грозят голод и финансовое банкротство.

Но кадеты, ради своих партийных целей, выбирают именно этот момент, чтобы расстроить всю постепенно налаживавшуюся государственную работу, чтобы резко нарушить с таким трудом устанавливавшееся хотя бы некоторое равновесие общественных сил, чтобы бросить страну в мрак стихии и хаоса.

И все это совершается под предлогом несогласия с проектом соглашения между Временным правительством и Центральной Украинской Радой, и совершается в такой момент, когда украинцы сделали уже ряд самых существенных уступок, а в будущем в Учредительном собрании, несомненно, пошли бы и на дальнейшие уступки. Неужели же не очевидно для всякого мало-мальски разумного человека, что центробежные стремления разных национальностей, населяющих Россию, роковым образом могут лишь усиливаться по мере ослабления государственной мощи и государственного порядка в России? Неужели не очевидно, что при сложившихся обстоятельствах единственным

действительным средством закрепить связь этих национальностей с общей родиной – Россией – является усиление мощи России и закрепление ее нового свободного строя? И, наоборот, неужели не ясно, что преступная политика кадетов может лишь усилить сепаратистские стремления как украинцев, так и многих других национальностей, населяющих Россию?

Все это слишком очевидно, как очевидно и то, что было ясно для всех мало-мальски разумных людей с первого дня нашей революции, что вывести страну на светлый и широкий путь организованной свободной жизни (ибо вне организации свобода невозможна) можно лишь путем объединения, согласования усилий всех демократических слоев населения. Четыре месяца революции могли только утвердить и укрепить это убеждение.

Вот почему хочется верить, что если вожаки кадетской партии будут упорствовать в той политике бойкота и анархии, к которой они в последнее время склоняются, – то те демократические элементы, та демократическая интеллигенция, которая остается еще в рядах партии, возмутится, наконец, и либо заставит руководящие органы партии изменить свою политику, либо присоединится к революционной демократии, чтобы совместной борьбой спасти родину и свободу.

И хочется думать, что и наша промышленная буржуазия ужаснется того дела, на которое ее зовут, и, подобно промышленной буржуазии Франции, Англии, Америки, поймет необходимость жертв с ее стороны и необходимость ее деятельной поддержки правительству, изнемогающему в борьбе за обеспечение светлого будущего нашей общей родине-матери.

Но если бы эти надежды не оправдались, если бы политика кадетов восторжествовала в рядах всей буржуазии, социалисты обязаны, с полным сознанием тяжкой ответственности, но бестрепетно взять власть и одними своими силами выполнить то, что можно и должно было выполнить общими силами всех заинтересованных в закреплении завоеваний революции.

Власть Народа. 1917, 4 июля. № 57.

Рысс П.Я.

ЗАПОЗДАЛАЯ ИСТИНА

Как ни различна будет оценка событий настоящих дней гражданской войны, все же некоторые положения самоочевидны для людей, не утеревших способности здраво мыслить. Если отбросить в сторону партийность, если обратиться к фактам и только ими оперировать, мы увидим, что события текущих дней подготовлялись в течение четырех месяцев и логически завершили тот круг, который очерчивался уже в середине марта.

Я очень далек от полемики не только с «Делом Народа», из марксизма усвоившим лишь худшие его стороны. И потому зубоскальство всяких Лункевичей оставляю в стороне, тем паче что зубоскальство это лишено даже

остроумия. Но для ответа «Дню», объявившему мне анафему, только теперь и можно аргументировать от фактов, уже имевших место. С этим не согласны лишь ленинцы. Но кто является двигателем контрреволюции, каковы движущие силы последней? Разве не очевидно для всякого, кто знаком с историей, что в революции обязательны сочетания темперамента, воли и действия. И на страницах «Дня» (1 апреля) я писал, что «ни солдаты, ни рабочие не могут... присваивать решения всех вопросов жизни». Отсюда – идея коалиционной власти революционного правительства. А коалиционные кабинеты – прежде всего кабинеты *самоограничения* каждой из партий, входящих в комбинацию. Только тогда партии, умеряя каждая свою волю, свой темперамент, находят средний путь действия.

Между тем уже в середине марта русская революция пошла иным путем, путем страшных ошибок. Совет рабочих депутатов взял *народную* власть и превратил ее во власть одного *класса*. Революция, произведенная *всей* страной, постепенно превращалась в революцию, совершенную якобы одним классом. Говоря от имени «революционной демократии», титулуя ее «мощной», ей предоставляя исключительное право забот о судьбах революции, – Совет раб[очих] и солд[атских] депутатов выражал мнение только *одного* класса. И этот класс, отстраняя от охраны революции другие классы, и сам постепенно отстранял себя от них. Более того, говоря за страну, без полномочий на то с ее стороны, Совет изолировал Петроград от России, создавал рознь между столицей и Россией. Повторялась история революции 1848 года, со всеми ее ошибками.

Да, история повторяется. Руководители рабочих масс, в уверенности что пролетариату – и только ему – дано вершить судьбы революции, повели беспощадную борьбу с «буржуазией», к которой они причисляли всех, не занимающихся мускульным трудом. Торжествовал примитив социал-демократии, к которой примкнула и значительная часть социалистов-революционеров, забывших основные положения русской социологической школы.

И вот руководящий орган – Совет раб[очих] и солд[атских] деп[утатов] – вполне определенно преобразовался в объединенный орган двух социалистических партий. Выдвигая лозунги партий, он, тем не менее, говорил от лица России, всей ее демократии. Факты подтверждали эти положения, Борьба велась по политическому и социальному фронтам. И массы рабочих сделали единственно правильный вывод: *их* интересы должны быть на первом плане. А если так – рабочий класс имел право делать *свою* политику, ее диктовать всей России.

В условиях страны, прошедшей большую школу гражданственности, такой порядок вещей неизбежно влечет страну к охлократии. В России же, где рабочий класс лишь со вчерашнего дня получил возможность приобретать поверхностные знания, охлократия принимала чудовищные формы.

Предводители могли действовать лишь на социальные инстинкты. И потому лозунги – один другого неосуществимее – выбрасывались с неудержимой быстротой. Разве в памятные апрельские дни Скобелев, Чернов не возглаша-

ли большевистских лозунгов? Разве не Скобелев и Чернов вели яростную пропаганду против «империализма буржуазии», аргументируя не от логики, а от социальных инстинктов?

Так, сужаясь в объеме, революция расширялась в смысле классовых противоречий. Это было искусственное расширение, ибо инстинкт, не сдерживаемый волей разума, всегда приводит к неестественным результатам.

Политику стала делать улица. Инстинкт победно торжествовал над объективной правдой фактов.

Свержение П.Н. Милюкова и вступление в правительство министров-социалистов, как они и сами могли предвидеть, положило начало краху авторитета Совета раб[очих] и солд[атских] депутатов. И в самом деле: являясь ставленником рабочего класса, министры-социалисты *обязаны* были в полной мере удовлетворять требования масс, руководящихся социальным инстинктом. Это – логика, спорить с которой бесполезно. И те же министры-социалисты, оказавшись у власти, убедились, что легче провозглашать лозунги, но невозможно проводить их в жизнь. Уже в начале мая министры-социалисты стали «праветь», в то время как рабочие левели, вернее – углубляли могучий социальный инстинкт. Происходило неизбежное: став у власти, вожаки не могли уже удовлетворить свои армии. И мы могли наблюдать, как массы постепенно уходили от них, как Совет раб[очих] и солд[атских] деп[утатов] терял влияние, как переходило оно к большевикам. Почему? По той причине, что безвластный и безответственный большевизм все еще мог давать обещания, выбрасывать лозунги, заострять классовые противоречия до конца, воздействуя на уже выведенный из равновесия социальный инстинкт.

Разумеется, большевики, оказавшись у власти, через неделю, в свою очередь, были бы далеки от масс, импульсы которых находились бы в подчинении у тех, кто именует себя «анархистами».

Каков же вывод? Он тот, о котором я писал на страницах «Речи» в мае. Революция, которая начинает направляться эгоизмом одного класса, обречена на гибель. Неужели 1848 год недостаточно убедителен? Если тогда еще можно было спорить, если тогда доктринеры думали, что они ведут за собой массы, разве последние недели не доказали, что «вожди» плетутся в хвосте, что ими руководят те люди, в которых теперь так велики импульсы?

Но если таков факт, он является только результатом всех действий Совета раб[очих] и солд[атских] деп[утатов], который, если хотел быть вождем, а не рабом пролетариата, обязан был понимать, что один класс не может вершить революции, ибо революция по природе своей – общенародна и национальна.

Да, лишь вчера Совет уяснил себе эту истину. Соединенное заседание Центрального Комитета Советов солд[атских], раб[очих] и крестьянских депутатов выработало воззвание, в котором есть существенная мысль: «Недостойно вооруженными демонстрациями пытаться волю отдельных частей гарнизона одного города навязать всей России». В противном случае «всаживают нож в спину», делаются «предателями» и пр.

Совершенно верно! Но надобно слово «гарнизон» заменить словом «класс», и тогда мы будем ближе к истине. Ибо тогда окажется, что нельзя «волю отдельного класса навязывать всей России».

Так, по истечении четырех месяцев революции Совет раб[очих] и солд[атских] деп[утатов] принужден громогласно заявить – пусть в скрытой форме – о коренной своей ошибке. Она была кричащей и тогда, когда «отдельные части гарнизона», свергая П.Н. Милюкова, «навязывали всей России свою волю». Она была очевидна в день большевистской демонстрации 18 июня. Она стала трагична на фоне последних дней. Ибо народную революцию превратили в классовый бунт. Часть поглотила целое. Пораженная в сердце, политическая революция заменяется социальной контрреволюцией.

И когда речь идет о пораженцах революции, пусть берушиеся об этом рассуждать припомнят факты и осмыслят их историческое содержание.

Речь. 1917, 6 (19) июля. № 156 (3898).

Нольде Б.Э.

ДОГОВОР С РАДОЙ

Как ни в чем не бывало правительство, возглавляемое энергическим кн. Г.Е. Львовым, исправило ошибку царя Алексея Михайловича и Петра Великого: наспех, между двумя поездами, три русских министра и проф. Грушевский договорились об образовании украинского государства.

В качестве историка Малороссии проф. Грушевский облек договор в старинные исторические формы, которые, надо полагать, были мало сцеплены, привычными к несколько якобинской манере нынешнего Петербурга тремя его контрагентами. Когда Московское, а затем и Петербургское правительство в XVII–XVIII веках сговаривалось с гетманами, оно также давало Украине «статьи» о вольностях, а Украина обещала ему оставаться в составе России «на веки неотступно». Разница с нынешним договором только в том, что посылавшиеся Москвой на Украинскую Раду делегаты весьма зорко и внимательно читали и обсуждали тексты, которые они подписывали, а на этот раз три министра привезли документ, юридическое значение которого они, вероятно, не вполне себе усвоили.

Я хочу, как юрист, сделать попытку отдать себе отчет в том, что случилось.

Ни Украины, ни ее Рады в русском праве до поездки трех министров не существовало. Говорят, что и фактическое бытие их представлялось весьма сомнительным, но на этом не стоит теперь настаивать. Договор, заключенный тремя министрами и оформленный в «декларации» Временного правительства от 2 июля и «Универсале» Рады от 3 июля, не только навязал Раду Украине, но и Украину России.

Размах политического творчества оказался огромным. Неопределенному множеству русских граждан, живущих на неопределенной территории, пред-

писано подчиниться государственной организации, которую они не выбирали и во власть которой их теперь отдали, без всяких, сколько-нибудь серьезных оговорок. Русское правительство не знает даже, кого оно передало в подданство новому политическому образованию. Ведь о территории Украины есть разные мнения, и австрийско-украинская публицистика, с которой, надо думать, близко знакомы деятели Рады и мог бы познакомиться один из трех контрагентов проф. Грушевского по своей должности министра иностранных дел, как известно, отрезывает украинской землею Россию от Черного моря.

Над этими миллионами русских граждан и над этими богатейшими областями русской государственной территории договором трех министров поставлена власть, которой внутреннее устройство и компетенция внушают полное недоумение. Русские юристы привыкли после переворота читать множество правовых актов, которые в первую минуту их поражают своей новизной и смелостью. Но такого акта, как «декларация» с «универсалом», им читать еще не приходилось. Тут уже не новизна и не смелость революционной мысли, а несомненный односторонний акт государственно-правового обмана, в котором, с одной стороны, чувствуется опытная рука старого европейского политического борца, воспитанного в школе тонких политических формул и сложной политической борьбы, а с другой – неопытный и ничем не вышколенный «революционный энтузиазм».

Как устроена новая украинская власть по договору трех министров? Во главе края поставлена – юридически, именно договором созданная – «Центральная Украинская Рада». Рада остается и после договора группой деятелей, пожелавшей присвоить себе указанное наименование, и договор не делает ни малейшей попытки исцелить ее от самозванства. Есть лишь оговорка, что Рада будет «пополнена на справедливых началах представителями других народностей, живущих в Украине, в лице ее демократических организаций». Судьей «справедливости» пополнения остается сама Рада.

Отдавая своих граждан неукраинской народности под власть новой организации, русское правительство не позаботилось о том, чтобы проконтролировать, как эти граждане будут привлечены к участию в Раде. А между тем довольно естественно приходит в голову мысль, что пополнение, проведенное самой Радой, может оказаться, по меньшей мере, «тенденциозным». Рада «из своей среды» выбирает «ответственный перед нею» Генеральный секретариат, который утверждается Временным правительством и будет считаться «носителем высшей краевой власти Временного правительства». Так описывает организацию украинской власти «Универсал», текст которого установлен по соглашению с Временным правительством. Декларация последнего делает попытку несколько затемнить смысл организации, вероятно из чувства некоторой робости перед смелостью преобразования, изображает положение так: «Назначить в качестве высшего органа управления краевыми делами на Украине особый орган – Генеральный секретариат, состав которого будет определен правительством по соглашению с Центральной Украинской Радой...» Но как бы ни маскировать смысл договора по вопросу об устрой-

стве местной власти, совершенно ясно, что власть передана Раде и ее органу – Секретариату, а за русским правительством сохранен лишь «*nudum jus*», утверждения этого секретариата и фикция, что секретариат представляет на Украине «власть Временного правительства». Кроме фикций, русское правительство за собой ничего не сохраняет в деле устройства местной власти.

При определении *объема* власти этих новых органов над Украиной нет даже фикций: договор трех министров просто признает, что Украиной будет управлять Рада и ее Секретариат, как им то заблагорассудится. «Через означенный орган будут осуществляться мероприятия, касающиеся жизни края и его управления», – говорит декларация.

«В органе этом будут сосредоточены все права и средства, чтобы он, как представитель демократии во всей Украине и вместе с тем как высший краевой орган управления, мог выполнить сложную работу организации и устройства жизни всего края, в согласии со всей революционной Россией», гласит Универсал.

Я спрашиваю себя, где права России в Украине; и разве в приведенных положениях не заключается безусловная передача Раде всей совокупности государственно-правовых полномочий, по крайней мере в делах внутренних?

Можно догадываться, что по образцу Финляндского сейма Рада выразит готовность сохранить с Россией общность внешних дел и военного управления. Но какое правовое возражение противопоставит Временное правительство украинской власти, если, ссылаясь на договор, последняя потребует передачи ей почты или телеграфа или поступлений от налогов? Если она устроит земство по-своему? Если она на своей «морской границе», ибо все возможно при неопределенности договора и слабости Временного правительства, заведет свои таможни? Впрочем, даже войско стоит под некоторым сомнением, ибо Раде обещано «без нарушения боеспособности армии» комплектование отдельных частей исключительно украинцами. Таков смысл «договора».

Раздел власти между Россией и Украиной намечен на совершенно неслыханных основаниях полной ликвидации полномочий России. Правда, есть апелляции к Учредительному собранию, которому Временное правительство охотно оставляет в наследие учтенные им и переучтенные векселя. Но надо посоветовать вести им некоторый счет, а то иначе Учредительному собранию нелегко будет, подводя итоги политического творчества русской временной власти, свести концы с концами.

Речь. 1917, 7 (20) июля. № 157 (3899).

Вольский С. (Соколов А.В.)

ДВА УНИВЕРСАЛА

В результате переговоров с представителями Врем[енного] правительства Украинская Рада издала новый Универсал, являющийся отменой предыдущего. Первый Универсал провозглашал право и обязанность украинского на-

селения на политическое самоопределение совершенно независимо от желаний и решений всероссийского Учредительного собрания. По существу дела, Учредительное собрание должно было только подтвердить ту конституцию и те экономические реформы, которые примет и фактически проведет в жизнь Рада или иной полномочный и суверенный представительный орган украинского народа. Мы указывали на неправильность такой постановки вопроса, ибо в ней, по нашему глубокому убеждению, сквозила мысль об экономическом отложении и национальной изоляции Украины, мысль, которая идет наперекор социалистическому сознанию и классовую борьбу подменяет национальной враждой.

Нам казалось, что если социалисты всегда и везде протестовали против национального фанатизма, то протест этот вдвойне необходим в нашу эпоху, когда международное пролетарское движение подрубают один за другим национальные фетиши и выводит рабочий класс на широкую дорогу общемирового строительства. Этот общий социалистический принцип еще ярче подчеркивался условиями нашей российской революции, ибо для всякого было очевидно, что дробление революционной демократии повлечет за собой ослабление ее творческой мощи и в конечном итоге приведет страну к политической реакции и экономическому краху.

Распыление или объединение революционной демократии – вот в чем заключалась суть украинского вопроса. Восторжествует ли разум революции над местными интересами и самочинными выступлениями, или, наоборот, местные интересы и приходская психология разобьют единый поток революции на мелкие и слабые ручейки, – вот какова была тревожная дилемма, поставленная перед Россией Первым украинским Универсалом.

С чувством глубокого удовлетворения мы должны оказать, что новый Универсал разрешает эту дилемму и совершенно устраняет возникшие опасения. Центральная Рада «решительно отвергает попытки самочинного осуществления автономии Украины до всероссийского Учредительного собрания». Таким образом устраняется возможность разрыва внутри общего революционного движения. Центральная Рада определенно заявляет, что никаким самостоятельным законодательством она заниматься не собирается. Она лишь желает «в согласии с национальными меньшинствами готовить проекты законов об автономном устройстве Украины для внесения на утверждение Учредительного собрания». Этим заявлением обеспечивается согласованность действий всей российской демократии в области не только чисто политического, но и экономического законодательства. Мы можем отныне с облегчением сказать, что вопросы аграрный, податный, вопрос об организации промышленности и целый ряд других, не менее важных, будут рассматриваться в Киеве не как вопросы украинские, а как вопросы общероссийские. Орган украинского управления – Генеральный секретариат – «будет представлен на утверждение Временного правительства в качестве носителя высшей краевой власти Врем[енного] правительства на Украине». Внутренняя связь с российской демократией получает, таким образом, и внешнее юридическое выражение.

Таковы деловые пункты нового Универсала. А общий его характер достаточно выясняется следующим положением: «Мы, Центральная Рада, всегда были за то, чтобы не отделять Украины от России, чтобы вместе со всеми народами ее стремиться к благоустройству и развитию всей России и единству ее экономических сил».

Между двумя универсалами – первым и вторым – лежит целая пропасть. После порывов, подсказанных скорее темпераментом, чем ясным политическим сознанием, Центральная Рада приступила, наконец, к практической работе и в процессе ее убедилась, что автономия и отложение – вещи совершенно различные. И в результате этого нового настроения мы имеем перед собой программу, с которой не может не согласиться никакой последовательный демократ. Если бы новый Универсал был исключительно плодом дипломатии двух министров, то к нашей радости примешивался бы некоторый скептицизм: дипломатия может строить тонко, но она всегда строит непрочно. Но в данном случае, по-видимому, произошел перелом и в настроениях самой массы: на полтавских городских выборах украинская партия из 68 мест получила всего 8, в то время как социалистам досталось 39. К этому присоединяются еще и некоторые практические уроки, показывающие неразрывную экономическую связь Украины с остальной Россией: Центральная Рада, напр[имер], должна была телеграфно предложить украинцам-переселенцам, устроившимся в России, не слишком спешить с возвращением на родину.

Возвращение переселенцев в Украину грозило бы ведь безземельем для оставшегося населения. А это невольно заставляет призадуматься тех, кто полагает, что украинский земельный вопрос может и должен быть разрешен самими украинцами вне связи с остальной Россией.

Таких предметных уроков будет, конечно, все больше и больше, и мы уверены, что растущее политическое сознание украинцев сумеет наметить путь, не противоречащий ни задачам российской революции, ни целям социализма. И «Правде», чтобы не остаться в хвосте этого нового движения, придется изобрести для Украины какой-либо новый лозунг. Мы *позволяем* себе надеяться, что после неудачных попыток творить петроградскую историю, по Щедрина, и киевскую, по Гоголю, «Правда» вспомнит наконец кое-что и из Маркса.

Новая Жизнь. 1917, 7 (20) июля. № 68.

Парфаньяк П.А.

К УКРАИНСКОМУ ВОПРОСУ

I.

Среди шума политической борьбы, в процессе созидания новых устоев государственной жизни особое внимание обращает на себя решение Вр[еменного] правительства в ответ на требования Украинской Рады.

Это первый случай, когда русской демократии пришлось вплотную столкнуться с украинством не только как с определенным культурно-национальным движением, а как с ярко выраженным политическим и притом явно сепаратистическим течением. Первая встреча крайне знаменательна и сугубо важна в политическом отношении. От платформы, которую займут в виду этого нового фактора широкие слои русской демократии, зависит не только судьба украинского движения, но, может быть, и всей России.

Для многих украинский вопрос в его новом виде не является неожиданностью. Его предвидели и к разрешению его готовились давно. Но для масс украинство еще до недавнего времени было окутано какой-то таинственностью, которая одних привлекала, других пугала. И едва ли могло быть иначе. Как один из элементов, с особенной силой преследуемый старой властью, украинство скрывалось в подполье и вызывало самые разноречивые толки.

Как все преследуемое, оно снискало себе симпатии широких кругов русской демократии, не доверявшей царскому правительству и принимавшей под свою защиту все жертвы его произвола. Но присмотреться ближе к этому движению русское общество не сумело, да и не имело возможности, так как многие черты украинства и притом самые существенные, скрываясь от преследований, всегда были замаскированы и прикрывались разными флагами.

Однако с падением старого режима запретное табу, как и многое другое, было снято с украинского движения, и перед нашими глазами оно выявило свою истинную природу.

II.

Еще недавно, вскоре после революции, мы были свидетелями грозной опасности, пронесшейся над Россией, когда «Украинская Рада» чуть было не объявила себя «украинским Учредительным собранием» и только вмешательство со стороны Киевского С[овета] р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов] заставило украинцев отказаться от этого рискованного шага. На этот раз конфликт разрешился благополучно, но самая возможность открытого отделения Украины от России глубоко врезалась в сознание русского общества, заставила серьезно призадуматься над некоторыми чертами украинства и отнестись к ним с недоверием.

Эту «потерю доверия» учла «Украинская Рада». Имея в виду, с одной стороны, то обстоятельство, что русская демократия не позволит узурпировать права Учредительного собрания, откуда бы эти посягательства не исходили, и в дальнейшем слабость и незначительность своих сил – украинцы не решились пока на открытый и немедленный разрыв. Но, переменив тактику, принялись за подготовку почвы и укрепления своих сил для этого разрыва.

Та широкая агитационная работа, которую в последнее время развивали украинцы среди местного населения, а главным образом среди солдат, имела своей целью подкрепить требования «Украинской Рады», в случае необходимости – вооруженной силой и таким образом оказать давление на русскую демократию. Был создан Первый Украинский съезд делегатов с фронта, предъ-

явивший Вр[еменному] правительству непосильные требования. «Съезд украинских делегатов с фронта, представляющий более 900 000 штыков», потребовал от Вр[еменного] правительства до созыва Учредительного собрания «образования особых национальных украинских полков» и «особого министра по делам Украины, с правом участия в составе Вр[еменного] правительства».

Как раз в это время происходило образование коалиционного правительства и кампания, открытая «Укр[аинской] Радой», притихла. Наступила некоторая передышка для выяснения изменившейся обстановки и учета соотношения политических сил, после чего Укр[аинская] Рада снова повела наступление.

Несмотря на прямое запрещение военного министра, Укр[аинская] Рада созывает Второй Украинский армейский съезд и предъявляет Вр[еменному] правительству чуть ли не ультиматум, выставляя те же требования – национальной армии, национального дипломатического представительства и т. д., с грозным заявлением Грушевского, «что вскоре наступят решительные события». Вр[еменное] правительство на эти требования ответило, как известно, полным и решительным отказом. Но последствия этого ответа нам еще не известны. Уже сейчас Укр[аинская] Рада, посягая на власть Вр[еменного] правительства, запрещает отдельным полкам отправляться на фронт, пока Вр[еменным] правительством не будут удовлетворены все требования Укр[аинской] Рады. Фанатиками национализма готовится предательский удар в спину русской революции, в самое трудное для нас время, когда враг стоит у сердца отечества и угрожает молодой свободе.

III.

Существует удивительная аналогия между нашими социальными фанатиками – большевиками и не менее фанатичными большевиками национализма – украинцами. И те и другие вынуждены были долго скрываться в подполье, и это подпольное существование породило в них неуверенность в своих собственных силах и крайний фанатизм – неспособность проникнуться интересами общего.

И те и другие, не веря в свои силы и увлекаемые фанатизмом, усвоили тактику захвата и насилия как наиболее отвечающую их слабости и неуверенности в завтрашнем дне. Те же самые психологические предпосылки вселяют в наших социальных и национальных большевиков недоверие к Учредительному собранию как истинному представителю народной воли. Опасения, что Учредительное собрание не пойдет за их голосом, толкают тех и других большевиков на путь скорейшего захвата власти, не дожидаясь решения всего народа.

Эта черта современного украинства была верно подмечена общественным сознанием и заклеямена кличкой национального большевизма. Она вооружила против украинцев даже тех, кто раньше явно им симпатизировал. Украинцы почувствовали эту резкую перемену в психологии широких кругов русской демократии, происшедшую после первых же их выступлений и, не

стесняясь, заявили, что они не доверяют русской демократии и ее благожелательному отношению к украинскому движению. Таким образом, доверие было потеряно, но не только украинцев по отношению к русской демократии, но и русской демократии по отношению к украинцам. Но что более всего нелепо в этом случае, это то, что украинцы добиваются от Вр[еменного] правительства официального заявления о его благожелательном отношении к украинскому движению. Неужели украинцы думают, что, потеряв доверие в широких демократических кругах населения, они получают его из рук запуганного угрозами Вр[еменного] правительства? Да и неужели украинское движение может погибнуть, если не получит санкции и поддержки от Вр[еменного] правительства?

IV.

Каковы же те максималистские требования украинцев, которые вооружили против них почти всю русскую демократию? Здесь нужно строго различать две стороны этих требований. Одни из них касаются права украинцев на свободное и беспрепятственное развитие украинской национальности, и они пользовались и пользуются общим сочувствием и признаются, за немногими исключениями, всеми партиями в России.

И это совершенно понятно. Раз провозглашен Революцией принцип национальной свободы, всякий, кто признавал свою принадлежность к украинской национальности, получил возможность открыто и беспрепятственно развивать и беречь свой национальный язык и культуру. Вр[еменное] правительство пошло навстречу украинскому движению и сразу же удовлетворило все культурно-национальные требования украинцев. Наравне с русским украинский язык специальным актом Вр[еменного] правительства вводится в суд, администрацию и школы, где этого население пожелает. Правительство было озабочено открытием средних и высших учебных заведений, будущих рассадников украинской культуры. Кажется, все это должно было удовлетворить украинцев, как определенное культурно-национальное течение.

Однако ошиблись те, которые считали украинство таковым. Они не заметили той сепаристической тенденции, которая была присуща украинству в самом его возникновении, и, может быть, определило само его возникновение. И здесь именно сказались те черты украинства, которые для многих явились неожиданностью, для других лишь естественной эволюцией украинского движения.

Украинская Рада потребовала (§ 5) выделения украинцев в отдельные войсковые части, т. е. национальной армии, (§ 8) предоставление из Государственного Казначейства в распоряжение Центральной Рады Укр[аины] средств, нужных для удовлетворения Малороссии, т. е. отдельного казначейства, (§ 3) назначения особого министра при Вр[еменном] правительстве по делам Украины и (§ 3) участия в будущей мирной конференции представителей от Украины, другими словами, отдельного дипломатического представительства. Не входя даже в подробное юридическое освещение этих требований, которые, в случае их удовлетворения, привели бы к формальному

отделению Украины от России и расчленению последней на два самостоятельных, почти ничем не связанных, государственных организма, можно было заранее угадать, что они потерпят полную неудачу. И совершенно понятно.

Эти требования не могли быть удовлетворены Вр[еменным] правительством по той простой причине, что удовлетворить их Вр[еменное] правительство не правомочно. Какой бы неограниченной ни казалась власть Вр[еменного] правительства, она все-таки связана и ограничена довольно узкими пределами. Временное правительство приняло от революционного народа власть над свободной и целой Россией и обязано сохранить ее таковой до Учредительного собрания. Поэтому оно не могло взять на себя ответственность за расчленение России, которое, несомненно, наступило бы в случае удовлетворения требований Украинской Рады.

Однако удовлетворение требований Укр[аинской] Рады не только юридически недопустимо, оно и технически неисполнимо. Во время величайшей войны и сильнейшего напряжения всех сил, когда внешний враг угрожает свободе России, «национализация штыка», как с горькой иронией выразился один политический деятель, привела бы нашу армию на долгое время к полной потере боеспособности. В этом и заключается грозная опасность, к которой привела разрушительная работа Украинской Рады.

V.

Таково то неприглядное положение, в котором находится молодая русская демократия, вследствие своей неподготовленности к разрешению украинского вопроса. Ничего, впрочем, удивительного в этом нет. Украинское движение было так искусно замаскировано, что русское общественное представление об украинцах и их тенденциях построено было из заблуждений и иллюзий, которые теперь разрушает и рассеивает суровая действительность.

Лишь немногие до недавнего времени имели мужество пойти против общего убеждения и подвергнуть украинство суровой, но справедливой критике. Они и раскрыли те иллюзии и ошибочные представления об украинцах и укр[аинском] движении, которые господствовали в сознании русского общества. Они ставили себе вопрос: имеем ли мы моральное право на расчленение того культурного коллектива, каким, несомненно, является Россия, и отвечали на этот вопрос отрицательно. Наблюдая попытки украинского движения в Галиции, где оно имело самую благоприятную почву для развития, создать отдельную от русской культуру, они отнеслись скептически к этой украинской культуре как определенному способу повысить культурный уровень масс.

Да и в самом деле, является ли попытка создать новую украинскую культуру целесообразной? При современных весьма усложнившихся социальных и экономических отношениях, когда с особенной силой чувствуется потребность в соединении, всякая попытка расчленения является весьма опасной и грозит непроизводительной затратой сил и энергии, а может быть, и культурной отсталостью в будущем. Кроме того, русская культура не есть для украинцев что-то чужое. Она создана общими усилиями великороссов и малороссов и может считаться настолько же великорусской, насколько и малорусской.

Однако бороться с украинством, покрытым ореолом преследований и гонений, было нелегко. Да и русское общество не поверило этим предостережениям. Только современные события показали всю правильность подобных предположений и рассеяли, нужно думать, раз [и] навсегда, иллюзию безопасности и безвредности украинского движения.

Еще одно из заблуждений русского общества по отношению к украинству суждено было разрушить суровой действительности. Считалось общепризнанным, что украинское движение является результатом проникновения в массы демократических идей, и это именно обманчивое представление больше всего снискало украинству симпатии русской демократии и сделало борьбу с ним почти невозможной. Но и оно лопнуло, наконец, как мыльный пузырь.

Оказывается, что за лозунги, объявленные Украинской Радой, страстнее всех ратуют как раз элементы совершенно не демократические, наоборот, прямо реакционные, как известные «самостийники», пользующиеся в своей человеконенавистнической пропаганде приемами черносотенства. И если можно упрекнуть здесь демократию, то разве только в том, что она, долгое время живя обманом, слишком мало проявляет сейчас энергии в борьбе с этими темными силами.

Еще одна лишняя маска была снята окончательно с украинского движения. Говоря об украинцах, мы привыкли этим именем называть все малорусское население Украины. Это непростительное заблуждение! Нужно же, наконец, открыть глаза и сказать ясно: «Украинцы – это только партия!» Даже Украинская Рада не претендует на большее и считает себя органом только организованной части малорусского населения. Но это последнее заблуждение не ушло от внимания Вр[еменного] правительства, которое свой отказ удовлетворить требования Украинской Рады мотивирует, между прочим, и тем, что Украинская Рада не может представлять волю всего украинского народа, раз она не избрана всеобщим, равным, тайным и непосредственным голосованием всего народа.

VI.

Каковы же перспективы будущего украинского движения? Как отнесется к позиции, занятой Украинской Радой, остальная часть населения Украины? Все это вопросы уже недалекого будущего. Когда будет создано Учредительное собрание, Украина скажет через своих представителей, чего она хочет.

Но разве это может успокоить нас?

Разве мы можем ждать, сложа руки, когда большевики национализма – «самостийники» – ведут жесткую травлю русского, когда идет разрушительная работа со стороны «Украинской Рады», угрожающая гибелью русской революции и расчленением русскому государству и русской культуре?

Нужно организовать общественное мнение Украины уже сейчас же, не ждать, пока еще не поздно, чтобы создать сильный противовес зарвавшимся большевикам национализма. Мы накануне важных событий на Украине...

Уже сейчас население крайне взволновано и возмущено максималистскими требованиями Украинской Рады. Оно лишь ждет окончательной формулировки своей политической и культурно-национальной платформы.

В известном заявлении группы «коренных малороссов-интеллигентов», обращенном к Вр[еменному] правительству, коренные украинцы, любящие украинский язык и бытовые особенности Украины, считают, однако, русскую культуру своей культурой и русский язык своим литературным языком, созданным не только великороссами, но в равной степени и малороссами. И этот факт не единичный. Подобные резолюции выносят многочисленные митинги и съезды в Киеве, Харькове, Полтаве, Одессе и Ростове. Против национально-территориальной автономии Украины выступили политические общества «Русь» и «Союз Югороссов». Такова в общих чертах платформа культурно-политического единства всех русских племен – новой зарождающейся на Украине партии, которая будет иметь несомненный успех у населения, недовольного позицией Украинской Рады. Социальный облик этой партии пока еще не определенный. Но идея культурно-национального и политического единства всех русских племен тем именно и характерна, что она может объединить людей различных социальных положений.

Мы накануне разделения всего населения Украины на две резко отличающиеся по культурно-национальному признаку партии. Социальные различия будут иметь место лишь внутри этих двух культурно-национальных групп. Возникновение и укрепление этой партии с точки зрения русской демократии и революции может быть только желательным. Таким образом можно оздоровить политическую атмосферу на Украине, остановить или, по крайней мере, умерить ту бешенную эпидемию сепаратизма, которая грозит гибелью и русской революции, и русскому государству.

Только идея культурно-национального и политического единства всех русских племен может воодушевить широкие массы на борьбу с сепаратизмом и другими разрушительными темными силами. Эти силы должны же, наконец, уступить место созидательным. Временное ослепление пройдет, и, просветленная и окрепшая, вся русская демократия примется за устроение своей национальной культуры во всем ее многообразии и разносторонности.

Русская Свобода. 1917. № 10–11. С. 11–20.

Брюллова-Шаскольская Н.В.

*** «ДЕМОКРАТИЯ УКРАИНЫ САМА ВЫРАБОТАЕТ ЗАКОНЫ СВОЕЙ СТРАНЫ И ВЫНЕСЕТ ИХ НА СОГЛАСОВАНИЕ [...] В УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ»**

Первый Универсал Украинской Рады, опубликованный 11 июня, вызвал крайне отрицательное к себе отношение. Широкие круги общества и обывательская пресса забили в набат по поводу «распада России», которой грозит

вернуться к участи Московского княжества. Но даже и социалистической прессе стали мерещиться в действиях Рады большевизм и максимализм, действия неорганизованные и разбивающие революционное единство. После этого произошло соглашение, достигнутое министрами Керенским, Терещенко и Церетели, и, как результат его, Второй Универсал 3 июля. Эти два акта были оценены уже не так единодушно. Для кадетов, как известно, они послужили поводом к выходу из министерства; в кадетской печати на них отозвался в очень резкой статье проф. Нольде («Речь», 7 июля). Он иронизирует по поводу «исправления ошибки царей Алексея Михайловича и Петра Великого», над «самозванством» Рады и юридической несостоятельностью тех, кто составлял договор.

Другие органы печати, наоборот, очень доброжелательно относятся ко Второму Универсалу и правительственному договору, но именно потому, что они, по их мнению, так резко отличаются от первого документа. В «Новой Жизни» 7 июля Стан. Вольский подчеркивает, что «между двумя универсалами лежит целая пропасть», что «Рада убедилась, что автономия и отложение – вещи, совершенно различные».

Пишущей эти строки пришлось уже на столбцах «Дела Народа» отстаивать ту точку зрения, что и Первый Универсал не заключал в себе ничего «страшного» и был совсем неправильно оценен. Конечно, ни тот ни другой не являются документами юридическими. Язык их не отточен в строгих и отчетливых выражениях юриспруденции, и законопроектами для устройства Украины они служить не могут. Несомненно, никого не могут удовлетворить такие неточные выражения, как «сосредоточение в Генеральном секретариате всех прав и обязанностей», «пополнение Рады на справедливых основаниях» и т. п. Задача их *чисто декларативная*. И тем не менее правительственное соглашение с радой является, вопреки мнению к[онституционных]-д[емократов], актом высокой политической мудрости, потому что взбаламученное и разливающееся море народного движения оно ввело в организационное русло, оно вернуло этим украинскую демократию к общему с Россией революционному делу, укрепило единый политический фронт.

Есть, правда, одна коренная разница в обоих документах Рады. Это – *их тон*. И он объясняется именно не изменением взглядов самой Рады, а коренной разницей в подходе к Украине со стороны России. Требования и чаяния украинского народа были первоначально встречены и Временным правительством, и Советом депутатов с тем недоверием и недружелюбием ко всяким проявлениям национальности, от которых до сих пор не может избавиться русская демократия. Все еще в понимании республики, хотя и в скрытом виде, пробивается старое якобинское правило «единая и нераздельная», все еще – что пахнет национальными требованиями, то «от лукавого».

И поэтому Первый Универсал звучит обидой и негодованием народа, «руку которого оттолкнули», «требования которого отвергли». Даже принципиального признания права на автономию Вр[еменное] пр[авительство] и С[овет] р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов] не захотели высказать до

Учредительного собрания. Но народное движение, стихийное, массовое, не ждет. «Мы не можем, – писала Рада, – бросить наш край на произвол анархии. Мы должны взять всю работу на себя».

Совершенно иные ноты – во Втором Универсале. «Временное правительство... протягивает руку представителям украинской демократии и Центральной Раде и призывает в согласии с ним творить новую жизнь Украины на благо всей революционной России», и «украинская демократия вместе с революционным Правительством приложит все свои силы, чтобы довести страну и, в частности, Украину до окончательного торжества революции».

В соответствии с этим в тревожные дни 3–7 июля Рада выразила полное доверие и поддержку Вр[еменному] пр[авительству], и это одно, после тех вражды и отчуждения, которые надвигались в июне, должно было бы открыть глаза кадетским догматикам, настаивающим на юридической неправомерности акта.

Да, хорошо было бы, если бы революция могла зарождаться и протекать в полном соответствии со всеми томами свода законов! Да, несомненно, Рада не является учреждением вполне правомочным, избранным всеобщим голосованием, по всем правилам четыреххвостки, хотя и делегирована широкими массовыми организациями. Но, право же, еще менее правомочным был Петроградский С[овет] р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов], и все же подчинение ему было политически необходимым и дальнозорким.

Что же за форма автономии в общих чертах предлагается всеми этими документами, в частности – документом, заставляющим взывать к тени Петра Великого?

При определении форм автономии и федерации мы должны различать два типа. Некоторые области, как например Кан, Канада, Австралия, Эльзас-Лотарингия, обладают широчайшей административной и законодательной автономией; но автономия эта «октроирована», дарована сверху, их конституция есть часть центральной конституции, и сами области не участвуют в ее создании и изменении; иными словами, они не имеют *учредительной* власти.

Иначе обстоит дело в таких государствах, где целое создано путем добровольного соединения частей, путем их *федерирования*, как С[еверо]-А[мериканские] Штаты, Швейцария, Германия. Объем законодательной автономии может быть в Баварии даже уже, чем в Канаде, но происхождение ее иное, и поэтому часть такой федерации (Bundesstaat) имеет права и голос в создании и изменении своей конституции.

При образовании новой России, создающейся не медленно – эволюционно, а общим революционным творчеством ее народов, самой естественной, думается, будет вторая, федеративная форма, и поэтому совершенно нормальным является то, что демократия Украины сама выработает законы своей страны и внесет их на согласование с другими, соседними законопроектами, в Учредительном собрании.

И при этой выработке наиболее серьезными представляются два тесно связанных между собою вопроса: первый – *о границах* Украины, второй – *о правах меньшинств*. При этнографической пестроте края, главная нация имеет право назвать своею только ту территорию, которую заселяет сплошь или, по крайней мере, в пределах 80–90 проц., остальные же земли должны высказаться в референдуме, в общенародном голосовании. Кроме того, надо подчеркнуть, что слабость всякой областной автономии в том, что она составляет меньшинство, и обеспечение их в виде публичных прав языков или даже пропорциональности бюджета недостаточно. К автономии территориальной должна быть внесена поправка – *автономия экстерриториальная* для тех национальных меньшинств (из них на Украине главные – великороссы, поляки и евреи), которые этого захотят.

Дело Народа. 1917, 26 июля. № 110.

Гревс И.М.

РУССКИМ-УКРАИНЦАМ

1

Когда разразилась первая буря нашей февральско-мартовской революции, освободив Россию от царизма, мысль моя сразу и тревожно стала обращаться к Украине, родной и любимой, для моего сознания нераздельной части великой, дорогой Руси.

Это огромное осложнение для организации плодов освобождения на пользу драгоценного дела веков – единой России, что она многоплеменна. И что старая государственная власть умела только разжигать вражду между народами, в нее вошедшими. *Национальная рознь* так же, как междупартийная и межклассовая ненависть, может только разбить, искрошить, уничтожить величественный образ, который должен стать теперь всем близок: снята злая сила, которая поработала в единстве, и оно теперь могло бы расцвести, как вольное целое, как знак приблизившегося сплочения человечества.

С приветом о национальном братстве хотелось тогда же обратиться к украинскому народу. Охватила горячая вера, что там исчезнут сепаратисты – люди «австрийской ориентации», тем более уродливые единицы из украинской интеллигенции, которые зловеще ждали освобождения их страны от победоносного оружия Вильгельма. Я твердо уповал, что вообще «самостийные» течения растают на Украине, как «воск от лица огня», перед взошедшим солнцем общей свободы, которое не может не соединить всех сынов русской земли.

Но быстро развертывавшиеся события, омрачившие лик начальной общей радости, не дали досуга исполнить желание, а потом... такое поползновение уже стало рисоваться беспочвенной сентиментальностью.

От кого говорить, к кому обращаться?

Я хотел сказать: будем вместе, мы, которых природа и история сделали близкими, однофамильцами, родными. Теперь же вижу, как мало проявляют сознания кровного единства своего уже и те, кого называют русскими в узком смысле; сами русские не ощущают своей национальной личности, т. е. теряют себя, пропадают в безличии. А затем сухо и грубо отказываются от связи с Россией руководящие органы украинского движения.

Что же говорить от пустоты к пустоте?

Мрачно пало воодушевление. Даже в минуту черного раздумья над бедой жесткого морального колебания нации появилось известное оправдание украинского сепаратизма. Казалось, националисты там могут сказать: у вас нет патриотизма; пусть же будут вольны от вас все, прежде угнетенные. Предавайтесь немцам, идя на удочку их братания; мы отстоим свою национальную целостность без вас.

Но чувство долга и справедливости звало опять к отрезвлению. Когда затмевается великое чувство родины и единения – тут и надо поднимать голос во имя его, будить померкшее сознание. Винить «русских» в полном отсутствии патриотизма – обида для собственной нации. Немудрено, что в грозном шуме общего крушения и переустройства многое временно мутнеет в душе. Надо это понимать.

Относительно же «украинцев» я всегда был убежден, что в массе народной там нет отвержения от России, нет ощущения себя особым от нее народом. Грушевские и Винниченки рисовались мне с самого начала их выступления не народными вождями, а главарями националистической партии. Это выводил я из личных воспоминаний и наблюдений, из бесед с местными деятелями и из литературы. Вновь окрылялась надежда на возможность объединения и выяснялась опять обязанность к нему звать и звать. Найдутся дружеские отклики среди добрых украинцев.

Помещенная в «Русской Свободе» (№ 9) статья «К украинскому вопросу» подтвердила мне новыми доводами, что и теперь, когда отделиться от России не подвиг борьбы и жертвы, а ловкое, даже коварное использование критического положения нового государства, политика «Центральной Рады» не национальное, а партийное дело.

Тем более надо единиться вместе великороссам и украинцам, почитающим начало идеалистического патриотизма и специально чувствующим общую родину, любящим ее, о ней болеющим.

Кто же не понимает, как возник сепаратизм в украинской интеллигенции?

Это – печальный плод долгих, бессмысленных притеснений, которым подвергались на Украине национальные и местные свойства и права, идеалы и быт от произвола императорского правительства.

Это – подавление своеобразия жизни, языка, печати, школы, литературы, свободы, всего украинского.

Это особенно постыдная, насильственная «русификация» того, что было «русским» и раньше, а в эпоху первоначального соединения себя таковым и ощущало.

Это – правда, которую нельзя не признать; и безнадежная неспособность старого нашего правительства ставить украинский вопрос иначе – ярко доказывается тем, как стали хозяйничать его агенты в «завоеванной» Галичине в 1914–15 гг.

Нельзя не признать известной вины по отношению к украинскому движению и за русским прогрессивным обществом. Оно давало вопросу слишком мало внимания. Занятое собственными (лучше – общими!) тяжкими злобами века, оно не оценило всей его важности и опасности проглядеть и затянуть его разрешение.

Так, ощущая свое одиночество, травимое и теснимое, украинское движение ушло в подполье и здесь-то во всех своих крайних выражениях оно приняло вид сепаратистского большевизма, который и вырвался наружу теперь. Но именно теперь, какое же остается для него морально законное место?

В чем находит опору украинский сепаратизм?

В идее отдельности своей «нации»; в требовании для нее права «самоопределения».

Вполне ли основательно первое?

Благотворно ли второе, если оно приводит к отречению Украины от всей России?

2

Вдумаемся в *первое*.

На чем базируется отдельность нации, расы? На различиях антропологического типа и языка? Но классификация расовых и племенных типов по черепу, скелету, другим чертам физического строения такая спорная, зыбкая научная проблема. Самые типы так смешаны и переплетены. Как здесь размежеваться?

А язык? Есть ли украинская «мова» особый язык, или только малорусское наречие русской речи. Ученые препираются, и титул особого языка дают с особой радостью украинским говорам, кроме местных филологов, те их «общерусские» авторитеты, кто симпатизирует свободе Украины. Вопрос языкознания смешался с политикой.

Не берусь спорить не только по некомпетентности, но и потому, что для меня в этой области не сравнительной антропологии или филологии принадлежит решающий суд; последнее слово должно произнести народное сознание: кем народ себя считает, с кем он хочет быть заодно? Пусть и украинская сепаратистская интеллигенция углубится в правду и не смущает душу своей «нации» (пусть – это нация!) агитацией отделения!

Когда в 1871 году раздавившие Францию «огнем и железом» немцы готовились отторгнуть от нее Эльзас и Лотарингию, великий французский историк-патриот Фюстель де Куланж говорил: Французские или немецкие эти страны? Спросите их жителей, и если они, хоть бы по-немецки, ответят, что они – французы, это будет истина, которую никто не смеет насиловать во имя истории или победы.

Я не сомневаюсь, что украинская масса чувствует себя русскою. Здесь сильны не столько доводы разума, сколько общее ощущение души, сращение единиц и групп, в сложное личное целое, нераздельное органическое сплетение живых людей в живой народ.

«Великороссами» и «Малороссами» столько вместе пережито, что их можно отделить лишь интеллигентским политическим насилием, резать по живому телу, его рассекать и приобщать к окровавленным кускам чужие отростки. Где кончается «Россия», где начинается «Украина»? Как разнять их естественно сплотившиеся члены, не сломав их, не сделав обоюдно негодными?

Для всех органов моей души это ясно как день. Я родился и прожил жизнь детство в деревне как раз в одной из местностей, о которых нельзя сказать – Великороссия это или Украина? В одной улице, по одну сторону церкви обитали «хохлы», в другой, по другую – «кацапы». Они так называли одни других в добродушной шутке, но не питали взаимно враждебных чувств. Жители обеих частей «слободы» вступали между собой в брачные союзы, но сохраняли каждая свой язык, одежду, обычаи, нравы. Было общее единство при частных различиях. Я вырос в сознании этого единства.

Для гимназического образования мне пришлось переселиться в Петербург, и я расстался с Малороссией как постоянным местом жительства навсегда. Но когда приходится бывать в Харькове, Полтаве, Киеве, я чувствую себя в родном краю, как в Москве, Новгороде, Твери, с прибавкою даже так трогательного элемента детских воспоминаний. Разлука не проявила ощущения розни. Сознание только укрепило проникающий все существо властный инстинкт единения, который находит святое (да, святое!) выражение в чувстве совсем произвольной любви к тем и другим. Ярославец и полтавец для меня родные братья. Значит же они родные и между собой.

Приведенный личный пример, для пишущего субъективно особенно убедительный, рисуется мне индивидуальным символом объективно реальной истины.

Каков корень тех и других, великороссов и малороссов, один или различные? Разве малороссы не ближе к великороссам, чем те и другие к полякам или сербам? Ведь малорусский язык великороссы (и обратно) легко понимают, не учившись, а польский надо специально изучать. Обратно, ряд великоросских говоров не менее взаимно непонятны, чем речь полтавца москвичу. Да и гораздо больше, чем языком, национальность часто спланивается историей, многовековым проживитым. Выстраданным или поднимавшим душу.

Украинские публицисты любят колоть глаза великороссам тем, будто все славянское в тех от Украины: из Приднепровья заселялось Поволжье. А дальше великороссы были залиты финской кровью. Не знаю, насколько здесь полная и точная правда. Но хоть бы и так.

Не уничтожаются же общность единого славяно-русского происхождения финскими примесями у одних, половецкими и иными у других. Дело не в этом. Суть в общей долгой традиции.

Отлично, если древнейшие зачатки культуры обоих хранятся в киевской старине. Споры о первенстве здесь бессмысленны. Связь же с оригинальным и сильным прошлым должна быть дорога обоим.

А начиная с VII в. разве не жили «обе нации» единой, общей историей? Вместе шла, соединенными силами, борьба с иноплеменниками; вместе трудились они над богатствами земли; вместе развивали торговлю и промыслы; вместе усваивали формы высшей цивилизованной жизни.

Из Киева в XVII в. пошла в Москву важная струя просвещения. Но знания и идеи, полученные Москвою и Петербургом с запада, и собственными силами добытые и созданные там плоды просвещения текли также обратно в Киев, Чернигов, Полтаву и Харьков. Не питалась ли ими Украина? Не двинулась ли ими вперед? Не участвовала ли и сама в их создании? Сколько сынов Украины училось и учится в северных университетах и призывалась, и призывается там же в ряды ученых, профессоров, учителей русского юношества.

Много замечательных, еще больше просто добросовестных общественных и государственных деятелей русских были родом из Украины и делали вместе с северянами общее благое дело созидания, боролись вместе против общего зла. Также обратно, на Украине сколько жило, трудилось и умерло на пользу страны выходцев из великорусского севера. Не одних официальных русификаторов нагнала Великороссия на Украину. Она дарила ей убежденных работников, и те служили ей, не отделяя ее от отечества, не эксплуатируя, как колонию, сливаясь с нею безраздельно, как с родной землей. А сколько южан и северян прожили по полжизни в одной стороне, по полжизни в другой, равно воодушевленно и деятельно, вспоминают о той и другой половине, как о служении отчизне, благодарят все ту же отчизну сами за полученное тут и там добро.

У нас выросла одна наука, техника, искусство, одна литература. Украина творила ее так же, как Великороссия, и плод созданного – общее достояние и нераздельная связь: переплетение гениев и изобретателей, обоюдное пользование продуктами их творчества. Имя Гоголя, рожденного Украиной, писавшего по-русски, – живой орган создавшегося союза. Некоторые говорят: это была трагедия Гоголя, что он должен был писать не на своем языке, и в такой горькой судьбе виновата Россия.

Не Россия закрыла голос украинской речи: то сделало правительство, которое душило и русское честное, открытое слово. И кто решится сказать, что язык Гоголя, который явился откровением в расцвете русского художественного языка, был для него языком чужим, что он писал по-иностранному, что он не горел любовью к России! Если же и Гоголь испытывал трагедию насилия над правом пользования милой ему украинской «мовой», то не терпел ли здесь участь, общую всем русским, любящим свободу, под царским правительством, – трагедию исковерканья души произволом?

Гнет самодержавия, тяготевший над всеми подданными также, с другой стороны, являлся органом сплочения между двумя половинами великой нации. Украинцы и Великороссы – одинаково страстотерпцы монархии и бю-

рократии. На Украине только угнетение выражалось еще в лишней мрачной форме преследований языка. Но разве можно в этом подозревать сообщничество русских людей? Сколько раз голос русских прогрессивных деятелей поднимался за украинскую литературу. И украинцы, и великороссы одинаково боролись, гибли и поднимались. В общее русло слились их пот и кровь; нераздельно сплотила их общая ненависть к тому, что ныне пало. Неужто же не выросла общая любовь?

Тяжелое общее рабство должно было слить их воедино, в одно тело, один дух. Разве может разделить их общее освобождение? Ведь это безумие, особенно перед лицом общего для обоих врага!

3

Великороссы и Малороссы составляют (такими их сделала природа и история!) единую нацию – *великий русский народ*!¹ Каждые отдельно – только часть²; отделение части – болезнь для целого и сужение жизни для той и для другой. Это – убийство и самоубийство. Этого не будет, я твердо верю.

Какая цель отделиться? Кому от этого будет хорошо? Что никакая благородная идея, моральная, политическая, патриотическая не выражают такого веления, ясно само собой. Но нельзя найти и противоположных интересов. Экономически южная и северная Россия давно срослись в дифференциации и взаимодействии, распадение приведет ту и другую к обеднению. Разобьет оно уродливо и территорию, образующую естественное целое. Возбудится бесконечность острых пограничных и черезполосных конфликтов, порождая пререкания, зависть, алчные распри. Кому это полезно, кому даст радость и удовлетворение?

Но если вождения партии украинских сепаратистов восторжествуют и Украина действительно отсечет себя от остальной России, толчок этот даст толчок для дальнейших центробежных течений. Финляндия идет уже вместе с Украиной теперь. Как тяжело это сердцу, любящему Россию, если украинский – свой народ так изменит единству, как народ чужой, когда это делается как раз в эпоху общего освобождения! Покорались утеснению от действительно порабошавшего правительства. Вzbунтовались против того, которое совершает первые труднейшие шаги для организации в будущем свободного развития всех. Можно представить, что будет, если финляндцы, украинцы, эсты, латыши, литовцы, белорусы и многие другие приобретут отдельность³.

¹ Самое слово – «Украина», приемлемое, даже выдвигаемое сепаратистами, свидетельствует, что она – край другого великого целого. Здесь и далее комментарии авторов.

² Давно пишут в учебниках географии: русское племя распадается на великороссов, малороссов и белорусов. Это и теперь так. Это – правда не только официальная, но и реальная. Ее воплощение можно разрушить лишь политическим насилием. Если не нравятся названия («велико» и «мало»), напоминающие иерархию, пусть будет иначе: североруссы, южноруссы, западноруссы. Пожертвуем здесь историей.

³ Именно – *отдельность*, ибо независимости их никто не угрожает. А в газетах как-то проскользнуло даже известие, будто «Рада» приглашает в Киев собраться представителей

Что же получится?

Россия (остающаяся Россия) окажется отброшенной на восток – от Балтийского моря и от Черного к Ледовитому океану и к Уралу. А с востока еще пойдет сибирский сепаратизм, – во что тогда превратится российское государство? Что ж, это будет месть великорусскому населению за грех, не им совершенный. Кто понесет кару, караемые или каратели? Будет ли это обеспечивать независимость от посягательств сильных чужих? Будет ли это способствовать прогрессу, или явится упадком культуры?

Вожаки украинского сепаратизма утверждают, что они хотят не отделения, а федерации. И я признаю ее, если она не разрушает единства. Но «федерализм» – расплывчатое слово, как и пущенное теперь в обиход безбрежное понятие «самоопределение». Национальная автономия в такое смутное время грозит привести к государственной самостоятельности, к полному уничтожению целого при незрелости сознания в частях. Что мешает выждать, как зовет Временное правительство, для решения трудного вопроса, что скажет голос собравшихся в Учредительное собрание, правильно избранных представителей всего русского народа, всех народов России? Нельзя совершить неосторожно пагубный акт, чреватый огромными последствиями. Чем легче отвергнется сейчас Украина от России, тем легкомысленнее откроет дорогу для дальнейшего расщепления, для распада их на два государства с разделяющей их таможенной и военной границей, с грозящими в будущем разрывами?.. Как ужасно даже вообразить себе Украину, воюющей с Россией! А как далеко время, когда не будет больше войн!

Наконец, отвергиваясь от России, Украина отказывается и от своего просвещения, которое создано было общими усилиями русского народа. Резкий и радикальный переход к делопроизводству, преподаванию, печати на украинском языке может обратиться в контргонение того, который стал общерусским. Замрет живая связь Украины с русской литературой и поэтической, и научной, и публицистической.

Хорошо ли отречься от лучшего общего достояния, отдать, выбросить добрую часть души?

Справедливо ли предоставить русской культуре на Украине такое же место, как всякой «чужеземной»?

Учили украинцев русскому языку часто поневоле. Но неужто для обретения воли надо от него разучиваться? Что же? Пушкин окажется для украинцев иностранным поэтом? Но тогда чужим станет и Гоголь: он писал как бы то ни было на русском языке. Какая ужасающая нелепость!

Россия никогда не откажется от малорусских песен и дум, от Слова о полку Игореве, от Шевченко, от Сковороды, от Антоновича и других носителей украинской мысли. Они – и ее братья, и сыны, дорогие и милые, как дорог и

всех желающих автономии народностей России. Правда ли, что она стремится организовывать все сепаратизмы? (Съезд этот уже состоялся и, конечно, не предвещает ничего хорошего. – *Ред.*).

мил весь там живущий народ, как мила прекрасная почва Украины, красота ее природы, ее яркая история, труд и мечты, быт и идеалы ее обитателей. Это все – свое для русских. Отворачиваясь от общерусской (т. е. и своей) литературы, как национального богатства, ставя ее на одну доску с другими славянскими, а потом с романскими, германскими, Украина отрекается от вековой работы отцов. Это – обречение себя на возврат к варварству, на деление всего сначала, на создание нового просвещения с азов или на долгое подражание.

Не хочу здесь развивать никакой программы устройства Украины на началах широкой областной автономии при сохранении нерушимой связи с русским целым. Для меня важно воззвать к тому, что являет первооснову единства – к общерусскому национальному чувству. Верю крепко, что оно, выкормленное прошлым, живет в крови и в духе обоих, морально неразделимых частей. Я не идолопоклонник национализма¹; но я всей душой ощущаю связь человеческой личности с народным целым, всем сознанием чую святую необходимость такого союза для лучшего будущего.

Своею любовью к Великороссии и к Украине и выше их – к единой великой России я поддерживаю в себе радость и надежду в минуты скорби и уныния. Это часть моей религии – вера в братство мое со всем моим народом. В нас, русских, потрепан патриотизм старым правительством, забывшим национальное служение. Верю, что он, общерусский патриотизм, живой и горячий, естественно проснется в душах вождей украинского сепаратизма, затемненных ослеплением теперь ненужной борьбы... с Россией.

То будет один из путей спасения общей родины. Что это чувство разделяется украинской массой, для меня, повторяю, нет сомнения. Не надо только запутывать ее сознание братоубийственным разжиганием вражды. Любовь к «меньшей» родине одушевляет сердца украинской интеллигенции. Пусть расцветаются они и для любви к «большой».

Я счастлив, что, обращаясь так с честным убеждением к сынам Украины, моим братьям, могу идти по стопам благородного украинца М.П. Драгоманова. Я благодарен судьбе, что она свела меня с ним в личной дружбе, и он был мне учителем одновременно и украинской федеративной автономии, и общерусского единства, политического и духовного. Он всегда звал украинцев к признанию своими русской науки и литературы, звал к неразрывному единению. Голос его, как живой, звучит мне в грозный момент возможной распри.

Михаил Петрович не был поэтом. Но он оставил именно под вдохновением своего чувства украинского и общерусского патриотизма превосходное по мысли стихотворение, которым я закончу свои здесь слова:

¹ Не разделяю в этом смысле выводов г. Муретова о «национальном эросе», который стоит будто бы выше разума и нравственности, которому позволено преступление, но который есть монополия каких-то «великих» народов в ущерб «малым». См. полемику между г. Муретовым и кн. Е.Н. Трубецким на страницах «Русской Мысли», в которой приняли участие П.Б. Струве и Н.А. Бердяев. – Автор сказал нечто верное о природе национального чувства; но относительно его оценки и практических заключений разделяю замечания проф. И.А. Покровского («Юридический Вестник». 1916 г.).

Гей! Не дивуйтесь, добрий люде,
 Що на Вкраїні повстало,
 Що Україна по довгій дрімоті
 Голову славу підняла.
 Гей! Українець просит не много:
 Волі для люду і мови, –
 Но не лишає він до всій Руси
 І к всім Слав'яном любови.
 З північною Руссю не зломим союзу:
 Ми з нею близнята породу,
 Ми віки ділили і радість і горе,
 І вкупе вступаєм в свободу.
 Ти, Русин московський, один из всіх братів
 Велике заложив государство,
 Неси ж свою силу, де треба, на поміч,
 На захист усьому Слав'янству!
 Зберемося, браття, в сім'ю рівноправну,
 І крикнем на братньому пиру:
 «Ми хочем для себе й для цілого світу
 Лишь воли, освіти і миру...»¹

Русская Свобода. 1917. № 20–21. С. 3–11.

Кикодзе Г.Д.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ МОМЕНТ

Доклад на Учредительной конференции Национально-демократической партии Грузии 4 июля

Сегодняшний политический момент описать нелегко: российское государство и вместе с ними наша страна вошла в переходный период: старый строй рушится, однако на его месте пока не утвердился строй новый. Общественная же жизнь перешла привычные границы, и все окружающее нас находится в процессе перемен. Кажется, не осталось ничего твердого и постоянного: ни в экономике, ни в политике, ни в мышлении.

¹ Текст этой пьесы я нашел в истории украинской литературы О. Огановского. Транскрипция с галицийского на наше украинское правописание дана мне одним молодым украинским деятелем. М.П. Драгоманов указывает в своих австро-русских воспоминаниях, что стихи его были напечатаны в львовском журн. «Правда» за 1872 г. с некоторыми поправками, но он поддерживает его основную мысль. – Рад я, что могу рассчитывать, судя по указаниям г. Парфяняка («Русская Свобода», № 9), на сочувственный отклик и среди идейных украинцев. Полагаю, что проповедь развиваемой здесь мысли, – одна из задач обновляемой «Лиги русской культуры».

Находящийся в таком состоянии трезво мыслящий политик должен обладать двумя достоинствами: у него должно быть реалистичное чутье, и он должен обладать широким историческим чутьем. В первую очередь, он должен считаться с взаимодействием реально существующих сил. Далее, он должен руководствоваться уроками истории. В противном случае он бесследно запутается в лабиринте революции.

Наша партия – это партия молодой Грузии, и мы обладаем всеми теми преимуществами, которыми обладает вечная молодость. Одновременно мы справедливо гордимся тем обстоятельством, что в сегодняшнее ответственное время мы смогли проявить предусмотрительность, характерное для пожилых людей, и, если сердце наше иногда опьянено или восторженно стучит, то рассудок наш никогда не одолеют метания страстей.

Вам известно, что события последних месяцев вызвали бурный переполох в мыслях о политике. Появились даже такие люди, которые российскую революцию окрестили революцией социалистической. Иные заявили, что российская революция двоякая – она установит социализм на селе, но в городе разовьет строй капиталистический. Нашлись даже такие, что объявили революцию чем-то мистическим и вверили ей способность обновления всего Мира.

Против такого «русско-бунтарского» и славянофильского мировоззрения, – последователи которой нашлись даже на нашей родине, – мы изначально оценили российскую революцию с точки зрения истории и реализма. Нам было понятно, что она не является «обычной» буржуазной революцией, наподобие той, которая произошла два века тому назад в Англии, затем во Франции, а ближе к нам, уже и всюду на европейском континенте. Российская революция – последнее кольцо этой связки, но никак не начало нового развития.

Нас никак не озадачило то обстоятельство, что в этой революции ведущую роль играют, с одной стороны, городской пролетариат и социалистическая интеллигенция, а с другой – вооруженное крестьянство. Это характерно для всех буржуазных революций, и в этом нет ничего удивительного. Буржуазия редко выходит на улицу, редко вступает на баррикадах: обычно это берут на себя крестьяне в солдатских шинелях и городская демократия.

При характеристике любой революции прежде всего следует выявить ее цели и содержание, но никак не движущие силы.

Какие же цели стремится осуществить российская революция?

А они таковы:

Самовластие должно смениться народовластием.

Должно быть упразднено крупное землевладение, а частная собственность должна полностью очиститься от тормозящих ее развитие остатков крепостничества.

Должны быть узаконены гражданские свободы.

Таково общее содержание.

Такое содержание каждый понимает по-своему.

Наша партия является национально-народнической по сути, и для нас реальная гражданская свобода подразумевает и свободу национальную. Мы верим, что возрождение угнетенных наций должно произойти во временных пределах современного общества и откладывать его «на потом» уже невозможно. Буржуазные войны и буржуазные революции почти во всех странах сокрушили национальные оковы и восстановили в правах все угнетенные и пораженные в своих правах нации. В России это должно стать главным итогом нынешней большой войны и нынешней великой революции.

Некоторые наши сограждане несколько по-другому понимают содержание современной революции: в Грузии можно найти политических деятелей, которые думают, что полное освобождение угнетенных народов возможно только в будущем, при социалистическом обществе. Эти наши сограждане стоят на позиции марксистского мышления. Сам же Карл Маркс еще в 1878 году утверждал, что судьба национальных революций прочно связана с судьбой грядущих социальных преобразований. И «ни венгр, ни поляк, ни итальянец не освободится до тех пор, пока рабочий остается рабом».

После произношения этих слов освободилась и Венгрия, и Италия. Сегодня, на наших глазах, освобождается Польша. И мы полагаем, что вскоре после этого, не откладывая дело до далекой социальной революции, наступит время освобождения и Грузии, и оставшихся других, поработанных народов.

Каким же способом можно добиться сегодня нашего национального освобождения?

По нашему мнению, для реального достижения этого существует лишь один путь. Это путь единения и сплочения всех существующих сегодня в Грузии политических сил. Сегодня право на свободу имеет тот, кто облечен силой и силен уверенностью. К сожалению, надо сказать, что настроение национальных политических объединений и групп пока больше против нас, чем за нами.

Центральная сила российской революции – это Временное правительство. Как вам, очевидно, известно, это само Временное правительство сначала было либерально-демократической, а потом обернулась либерально-социалистической силой. Оба известных на сегодня состава правительства наотрез отказались от широкой творческой деятельности и решения всех важнейших политических и социальных вопросов, отложив их до Учредительного собрания. Среди них – и национальный вопрос.

Легко объяснить, конечно, осторожность и сдержанность нового правительства. Это правительство временное, к власти его подняла столичная революционная волна. Ему явно не хватает ясно выраженного согласия всей страны. Оно не может провозглашать и защищать чьи-либо права, каждый должен сам осуществлять брать их реализацию на себя. Это четко понял рабочий класс и своей революционной инициативой добился осуществления восьмичасового рабочего дня. Это так же четко поняли украинцы и при помощи национальных войск принялись осуществлять свое национальное самоуправление.

Это, конечно, совершенно ясно поняли и мы.

Однако мы гораздо слабее, чем объединенный рабочий класс или много-миллионная Украина.

В решающий момент оказалось, что наш народ все еще разобщен, а нашу страну окружают много врагов и мало друзей. Если бы мы, подобно украинцам, решили бы созвать свое национальное собрание, а и тем более наше Учредительное собрание, то подавляющее большинство грузинского народа не приняло бы никакого участия в выборах, а съезд был бы вынужден сидеть на щетине штыков. Это внесло бы страшную деморализацию в наши ряды и надолго бы обессилило наше национальное движение. Мы против авантюризации политики, мы против завоеваний иллюзорных позиций на словах. Поэтому именно мы отвергли идею собственного Учредительного собрания, хотя эта идея, совершенно здравая и сама по себе справедливая, может быть полезна для нас, однако лишь тогда, когда настроения сил переменятся в нашу пользу.

Изменения же в нашу пользу могут произойти тремя различными способами: во-первых, наши собственные национальные силы удесятерятся, если среди наших политических партий будет достигнуто единство на почве приемлемых для всех принципов местного самоуправления. Во-вторых, если мы сможем договориться и сплотиться с теми угнетенными народами Кавказа и России, чьи национальные интересы также требуют реализации общегосударственной децентрализации.

И, наконец, при разумном и осторожном подходе, мы сможем использовать для себя и некоторые международные факторы, которые противостоят России, все еще проводящей политику поглощения и ущемления малых наций.

Если мы сможем использовать эти три концентрические силы – грузинский, русский и международный, грузинскому Учредительному собранию и идее самоуправления будет создан прочный фундамент. Во всяком случае, надо помнить: нет права без стремления и силы.

В политике Временного правительства, кроме национального вопроса, для нас первостепенно важен вопрос войны и перемирия. Известно, что первый состав правительства, правительство Гучкова и Милюкова, проводило тайную империалистическую политику. Целью этой политики было завоевание Константинополя и проливов. Однако прямой путь от Петрограда в Константинополь проходит через грузинские земли, поэтому русские империалисты лишь в последнюю очередь и под сильным давлением согласятся на грузинское самоуправление. Их победа была бы поражением нашей Родины: они постарались бы отколоть от грузинского населения окраинные морские береговые участки Грузии и заселить на них русских эмигрантов, как они это сделали полвека назад в Черкесии. Именно поэтому мы с радостью встретили поражение империалистического правительства и особенно отставку Милюкова и Гучкова: мы распрощались с лютыми врагами Грузии.

Новый состав Временного правительства признал неоспоримым идею мира без аннексии и контрибуции, идею, которую впервые в России выдвинула социалистическая демократия. Грузины не заинтересованы ни в порабощении

чужого народа, ни в присвоении чужих земель. Они страдают от длительной же войны неимоверно. Именно поэтому идея мира без аннексий и контрибуций, вероятно, не нашла нигде такой горячей поддержки, как в Грузии. Мы поддерживаем эту идею не только с точки зрения демократической, но и по национальным соображениям.

Однако мир без аннексий и контрибуций вовсе не означает, что нынешние границы должны остаться неизменными. Сегодня уже общепризнанной стала идея уточнения старых государственных границ, которые отныне должны совпадать с этническими. Это предполагает реализацию права наций на самоопределение. Мы надеемся, что будущая мирная конференция вернет Грузии провинции Османской Грузии – Лазистан, Испир и Тортум, и таким образом вновь воссоединится разрубленное на куски тело нашей страны.

Вместе с тем на будущей мирной конференции мы потребуем восстановления не только наших территорий, но и восстановления наших прав. К счастью, вопрос Грузии в последнее время уже не является только внутренним вопросом России: он стал вопросом международным. Вспомним еще и то, что обе воюющие стороны энергично разговаривают о правах угнетенных народов. Восстановление Грузии также требует ясно осознанного интереса некоторых европейских стран. С этой точки зрения нет особой разницы между Бельгией, Сербией, Черногорией и Грузией. Следовательно, само собой подразумевается, что наша страна должна будет послать своих представителей на Мирную конференцию.

Путь Временного правительства скоро завершится, его место займет Учредительное собрание. Оно, как выразитель суверенитета народов, будет иметь все права и полное доверие. Оно сможет дать и то, чего не могло, или не хотело Временное правительство. Мы уверены, что Учредительное собрание даст нам максимум гражданских прав.

Это довольно много, но этого недостаточно.

На Учредительном собрании мы должны быть представлены не только как граждане, но и как патриоты, то есть как граждане, влюбленные в свою Родину. Пропорциональный способ голосования дает нам такое право. Есть для этого у нас и свои возможности. Наша партия обязательно будет иметь своих представителей в Учредительном собрании. Там нас ожидают битвы, возможно, и поражения, однако перспектива не должна нас приводить в уныние. Для сильных духом борьба является потребностью, для слабых – полезной школой.

На Учредительном собрании мы вплотную соприкоснемся и с нашими противниками, и с нашими друзьями, и если мы не сможем осуществить наши требования, мы хотя бы попросимся со своими иллюзиями.

Сакартвело. 1917, 7 (20) июля. № 142.

Кускова Е.Д.

ТРИ ЛИНИИ

Сейчас в русской политике вырисовываются три линии: слева – линия ясно выраженной анархии. Эту линию ведут всякого рода анархисты, весьма часто прикрывающие свои деяния именем социализма. Справа – партия народной свободы, явно недовольная ролью, которую отводит ей революция и потому столь же явно ставшая в оппозицию к революции. И, наконец, третья линия – линия ответственной и творческой политики революции. Эту линию пытаются вести социалисты разных оттенков и партий, как в правительстве, так и на других ответственных общественных постах, – отбиваясь от анархии слева и от оппозиции справа.

Самая трудная – линия средняя, линия политики творческой. Трудная потому, что самодержавная Россия усиленно готовила человеческий материал, годный для анархии и для оппозиции, и всячески препятствовала накоплению и воспитанию сил творческих, умеющих учитывать все реальные возможности при проведении своих идеалов и доктрин в жизнь. Людям, выводящим эту линию, приходится иметь дело с непригодным к творчеству материалом, им приходится не только учитывать наличные силы, но и *перемалывать* привычную психику, всем и всегда недовольную, всегда хотящую большего, хотя еще не создано, не достигнуто и самое меньшее... Этот процесс перемалывания берет много времени, он тормозит насущные реформы, он мешает вплести планомерность в хаос растревоженной жизни, он мешает быстротой концентрации сил, на которых должна лежать обязанность регулирования всех частей сложного государственного механизма.

Сложится ли в конце концов эта средняя линия революции, покажет самое ближайшее будущее. Уже сейчас горизонт проясняется: отвращение к анархии охватывает самые широкие общественные круги. Недалек тот час, когда люди, производящие анархию, станут изгоями. Без всяких, даже репрессивных, мер общество вытеснит их одною силою своего к ним презрения.

Гораздо труднее справиться с явной или скрытой оппозицией, оказываемой партией народной свободы и примыкающими к ней широкими слоями буржуазных кругов. Нужно сказать прямо: партия оказалась не на высоте тех задач, которые поставлены перед Россией *фактом революционного переворота*. Она ведет себя так, как будто бы убран только Николай II, т. е. главная помеха ее политики – и больше, ровно ничего не случилось. Иногда кажется, что еще существует 4-я Дума, и скрипка кадетов выводит там те же мелодии, с теми же самыми интонациями и паузами. *Переворота* ка-де партия не учитывает. Она не учитывает того обстоятельства, что произошло не только освобождение партийной политики от связывающих ее пут, а *качественное* изменение всей действительности, требующее *качественного* же изменения самой сути политики, а не только формы ее. Социалисты плохи, совершают ошибки, они доктринеры, они демагоги, они – носители всех смертных грехов, какими только награждал, когда бы то ни было, Бог нашу грешную землю. Партия кадетов

не хочет пачкать рук солидарностью с этого рода демократией. Но с какой же именно демократией она ведет свою политику? Допустим даже, что все ее упреки социалистам – правильны. Значит – таков материал, которым располагает русская жизнь. Где же взять другого? Ехать за ним в Америку или в Англию, или же в горниле действительного огня и активного вмешательства во все решительно процессы жизни *перерабатывать* материал русский?

Кажется, двух ответов на этот вопрос не может быть.

Убран не только Николай II.

Просят места в жизни те самые неумытые демократы, которых так не любит ка-де партия.

Это место должно быть им обеспечено раз и навсегда. Всякое творчество, выкидывающее за борт буржуазию, обречено в России на неудачу. Но еще большая неудача постигнет тех политиков, которые пытаются устроить политический саботаж по отношению к демократии. И не столько даже к демократии, сколько к той, неизбежной сейчас линии демократической политики, которая является результатом переворота и вне которой спасения для России нет. Сейчас для всякого реального политика в России мыслима лишь одна политика: политика для народа и через народ. Кто не пойдет по этому пути, тот должен совсем выйти из строя.

Это – аксиома.

Власть Народа. 1917, 4 июля. № 57.

Троцкий Л.Д.

ДНИ ИСПЫТАНИЯ

На улицах Петрограда пролилась кровь. В русской революции прибавилась трагическая глава. Кто виноват? «Большевики», отвечает обыватель, руководимый своей печатью. Весь итог трагических событий исчерпывается для буржуазии и обслуживающих политиков словами: арестовать вождей, разоружить массы. Цель этих действий – установление «революционного порядка». Социалисты-революционеры и меньшевики, арестовывая и разоружая большевиков, собираются установить «порядок». Вопрос только: какой и для кого?

Революция пробудила в массе великие надежды. В массах Петрограда, игравших в революции руководящую роль, надежды и ожидания отличались особенной остротой. Задачи социал-демократии состояли в том, чтобы эти ожидания и надежды превратить в определенные политические лозунги, направить революционное нетерпение масс на путь планомерного политического действия. Революция ставит ребром вопрос государственной власти. Мы, как и большевистская организация, с самого начала стояли за переход всей власти в руки Центрального Представительства Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Сверху, в том числе и эсерами, и меньшевиками, массы призывались к поддержке правительства Милюкова–Гучкова. До по-

следнего момента, т. е. до часа отставки этих наиболее ярких империалистических фигур первого Временного правительства, обе названные партии солидаризировались с правительством по всей линии. Только после перестройки правительства массы населения узнали из тех же своих газет, что им не говорили всей правды, что их вводили в заблуждение. Затем им объявили, что доверять нужно новому «коалиционному» правительству. Революционная социал-демократия предсказывала, что новое правительство по существу не отличается от старого, что оно не даст ничего революции и снова обманет ожидания масс. Это подтвердилось. После двух месяцев политики бессилия, призывов к «доверию», многословных увещеваний, замазывания действительности правда прорвалась наружу. Массы оказались снова и в еще более острой форме – обмануты в своих ожиданиях. Нетерпение и недоверие нарастали в петроградских рабочих и солдатских массах не по дням, а по часам. Эти настроения, питающиеся затяжной и безвыходной для всех участников войной, хозяйственной дезорганизацией, надвигающейся все ближе приостановкой важнейших отраслей производства, находили свое непосредственное политическое выражение в лозунге: власть – Советам.

Выход кадетов в отставку и окончательное обнаружение в связи с этим внутренней несостоятельности Временного правительства еще более укрепили массу в том, что она была права *против* официальных вождей Совета. Колебания эсеров и меньшевиков подливали масла в огонь. В том же направлении влиял переходивший в травлю натиск на петроградский гарнизон в связи с наступлением. Взрыв становился неизбежным...

Все партии, и в том числе большевики, принимали все меры к тому, чтобы удержать массы от выступления 3 июля. Но массы выступили и притом с оружием в руках. Все агитаторы, все представители районов сообщали вечером 3 июля, что выступление 4 июля – ввиду длящегося кризиса власти – совершенно неизбежно, что никакими призывами удержать массы невозможно. Только поэтому большевистская партия, а вместе с нею и наша организация, решила: не отходить в сторону, не умывать рук, а сделать все, чтоб ввести движение 4 июля в русло мирной массовой демонстрации. Только этот смысл имел призыв 4 июля. Было ясно, что в случае почти неизбежных атак со стороны контрреволюционных банд могут возникнуть кровавые конфликты. Можно было, конечно, политически обезглавить массу, отказать ей в каком бы то ни было руководстве, и предоставить ее собственной участи. Но мы, как рабочая партия, не могли и не хотели проводить политику Пилата. Мы решили быть и оставаться с массой, чтоб внести в ее бурное движение максимум достижимой в этих условиях организованности и тем свести к минимуму возможные жертвы. Факты известны. Кровь пролилась. И теперь «руководящая» пресса буржуазии и пресса, услуживающая ей, пытаются всю тяжесть ответственности за события, т. е. за нищету, истощение, недовольство и возмущение масс, возложить на нас...

И для того чтобы округлить эту работу контрреволюционной мобилизации против партии пролетариата, выступают анонимные, полуанонимные и клей-

меньше прохвосты, чтобы пустить в оборот обвинение в подкупе: кровь лилась по вине большевиков, а большевики действовали под указку Вильгельма.

Мы переживаем сейчас дни испытания. Стойкость массы, ее выдержка, верность ее «друзей», все подвергается сейчас испытанию. Мы пройдем и через это испытание окрепшими и еще более сплоченными, как проходили через все предшествующие. Жизнь с нами и за нас. Новая перестройка власти, продиктованная безвыходностью положения и жалкой половинчатостью руководящих партий, ничего не изменит и не разрешит. Необходимо радикальное изменение всей системы. Нужна революционная власть.

Политика Церетели–Керенского направлена сейчас на разоружение и обессиливание левого фланга революции. Если б им при помощи этих методов удалось установить «порядок», они первыми – после нас – оказались бы его жертвами. Но они не будут иметь успеха. Слишком глубоки противоречия, слишком велики задачи, чтоб можно было справиться с ними посредством полицейских мер.

После дней испытания наступят дни восхождения и победы!

Вперед. 1917, 22 июля (9 июля). № 6. С. 2–3.

Горький М.

*** «ДРАМА 4 ИЮЛЯ»: НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ**

На всю жизнь останутся в памяти отвратительные картины безумия, охватившего Петроград днем 4-го июля.

Вот, оцетинясь винтовками и пулеметами, мчится, точно бешеная свинья, грузовик автомобиль, тесно набитый разношерстными представителями «революционной армии», среди них стоит востропанный юноша и орет истерически:

– Социальная революция, товарищи!

Какие-то люди, не успевшие потерять разум, безоружные, но спокойные, останавливают гремящее чудовище и разоружают его, выдергивая шетину винтовок. Обезоруженные солдаты и матросы смешиваются с толпой, исчезают в ней; нелепая телега, опустев, грузно прыгает по избитой, грязной мостовой и тоже исчезает, точно кошмар.

И ясно, что этот устрашающий выезд «социальной революции» затеян кем-то наспех, необдуманно и что – глупость имя силы, которая вытолкнула на улицу вооруженных до зубов людей.

Вдруг где-то щелкает выстрел, и сотни людей судорожно разлетаются во все стороны, гонимые страхом, как сухие листья вихрем, валятся на землю, сбивая с ног друг друга, визжат и кричат:

Буржуи стреляют!

Стреляли, конечно, не «буржуи», стрелял не страх перед революцией, а страх за революцию. Слишком много у нас этого страха. Он чувствовался

всюду – и в руках солдат, лежащих на рогатках пулеметов, и в дрожащих руках рабочих, державших заряженные винтовки и револьверы, со взведенными предохранителями, и в напряженном взгляде вытаращенных глаз. Было ясно, что эти люди не верят в свою силу да едва ли и понимают, зачем они вышли на улицу с оружием.

Особенно характерна была картина паники на углу Невского и Литейного часа в четыре вечера. Роты две каких-то солдат и несколько сотен публики смиренно стояли около ресторана Палкина и дальше, к Знаменской площади, и вдруг, точно силою какого-то злого, иронического чародея, все эти вооруженные и безоружные люди превратились в оголтелое стадо баранов.

Я не мог уловить, что именно вызвало панику и заставило солдат стрелять в пятый дом от угла Литейного по Невскому, – они начали палить по окнам и колоннам дома не целясь, с лихорадочной торопливостью людей, которые боятся, что вот сейчас у них отнимут ружья. Стреляло человек десять, не более, а остальные, побросав винтовки и знамена на мостовую, начали вместе с публикой ломиться во все двери и окна, выбивая стекла, ломая двери, образуя на тротуаре кучи мяса, обезумевшего от страха.

По мостовой, среди разбросанных винтовок, бегала девочка-подросток и кричала:

– Да это свои стреляют, свои же!

Я поставил ее за столб трамвая, она возмущенно сказала:

– Кричите, что свои...

Но все уже исчезли, убежав на Литейный, Владимирский, забившись в проломанные ими щели, а на мостовой валяются винтовки, шляпы, фуражки и грязные торцы покрыты красными полотнищами знамен.

Я не впервые видел панику толпы, это всегда противно, но – никогда не испытывал я такого удручающего, убийственного впечатления.

Вот это и есть тот самый «свободный» русский народ, который за час перед тем, как испугаться самого себя, «отрекался от старого мира» и отрясал «его прах» с ног своих? Это солдаты революционной армии разбежались от своих же пуль, побросав винтовки и прижимаясь к тротуару?

Этот народ должен много потрудиться для того, чтобы приобрести сознание своей личности, своего человеческого достоинства, этот народ должен быть прокален и очищен от рабства, вскормленного в нем, медленным огнем культуры.

Опять культура?

Да, снова культура.

Я не знаю ничего иного, что может спасти нашу страну от гибели. И я уверен, что если б та часть интеллигенции, которая, боясь ответственности, избегая опасностей, попряталась где-то и бездельничает, услаждаясь критикой происходящего, если б эта интеллигенция с первых же дней свободы попыталась ввести в хаос возбужденных инстинктов иные начала, попробовала возбудить чувства иного порядка, мы все не пережили бы множества тех гадостей, которые переживаем. Если революция не способна тотчас же развить в

стране напряженное культурное строительство, тогда, с моей точки зрения, революция бесплодна, не имеет смысла, а мы – народ, не способный к жизни.

Прочитав вышеизложенное, различные бесстыдники, конечно, не преминут радостно завопить:

– А о роли ленинцев в событиях 4 июля – ни слова не сказано, ага! Вот оно где, лицемерие!

Я – не сыщик, я не знаю, кто из людей наиболее повинен в мерзостной драме. Я не намерен оправдывать авантюристов, мне ненавистны и противны люди, возбуждающие темные инстинкты масс, какие бы имена эти люди ни носили и как бы ни были солидны в прошлом их заслуги перед Россией. Я думаю, что иностранная провокация событий 4 июля – дело возможное, но я должен сказать, что и злая радость, обнаруженная некоторыми людьми после событий 4-го – тоже крайне подозрительна. Есть люди, которые так много говорят о свободе, о революции и о своей любви к ним, что речи их часто напоминают сладкие речи купцов, желающих продать товар возможно выгоднее.

Однако главнейшим возбудителем драмы я считаю не «ленинцев», не немцев, не провокаторов и темных контрреволюционеров, а – более злого, более сильного врага – тяжкую российскую глупость.

В драме 4-го июля больше всех других сил, создавших драму, виновата именно наша глупость, назовите ее некультурностью, отсутствием исторического чутья, – как хотите.

Новая Жизнь. 1917, 14 (27) июля. № 74.

Постников С.П.

ИТОГИ

«Еще одна такая победа, и у меня не будет войска!» – вот известные всем исторические слова.

Мы же, после пережитых двух дней «вооруженного восстания», можем сказать: еще одно такое «восстание» во имя якобы революции, – и мы останемся без революции.

Подготавливавшие это «восстание» ставили себе определенную задачу: свергнуть власть Временного правительства и заставить Совет рабочих и солдатских депутатов взять ее в свои руки.

Вот тот, по мнению большевиков, очередной революционный этап, во имя которого нужна была «мирная» вооруженная демонстрация.

Что же дало революции это «восстание»? Над кем торжествовать победу? Кто понес поражение?

Теперь, на расстоянии определенного промежутка времени, сами «восставшие» могут сказать:

– Противной стороны не было; отсутствовал тот враг, против которого нужно было пустить в ход оружие.

Но, как известно, в атмосфере возбуждения ружья сами стреляют. Достаточно одного шального выстрела, даже против воли стреляющего – от случайного нажима курка, – чтобы в вооруженной, недисциплинированной толпе началась перестрелка.

Так было и в Петрограде в эти дни, как передают очевидцы первых перестрелок.

Но – лиха беда начать. Дальше идет уже само собой. И вот в возбужденной, вооруженной уличной толпе, не знающей, куда и зачем она идет, все смешалось в клубок, в неразбериху, превратилось в хаос.

Стреляют, но не знают, кого же убивать. Разъезжают по городу с пулеметами, держа руку на спуске, и начинают стрельбу при каждом паническом крике.

На поверхностный взгляд, происходившее внешне походило как бы на февральские дни, и, кстати сказать, многим горячим, молодым головам, может быть, это и нравилось и увлекало их.

Но, оставив в стороне эту внешнюю сторону происходившего, какая разница по существу.

Если участники февральской революции знали определенно, кого надо было свергать, то теперь самый частый характерный ответ на улице: не знаю.

А потому неудивительно, что в среду с утра, к поднятому беспредметному движению примазались определенно темные контрреволюционные элементы.

И нужно сказать, что постарались примазаться они и к той и к другой стороне, так как для достижения цели их безразлично, на которой стороне действовать, лишь бы действовать.

С большевистским движением ясно соединилась антисемитическая кампания.

Гласный с[оциалист]-р[еволюционер] Фогельсон арестуется назвавшими себя в комиссариате «большевиками» как «provokator-jid», социал-демократ Громан называется, опять-таки именующими себя «большевиками», «жидом», спрятавшим продовольствие.

На углу Литейного рассказывается, что с колокольни сняли «пулемет и жида».

Кроме того, агитация у Таврического дворца велась против социалистов-министров, тт. Чернова и Церетели не только потому, что они разделяют власть с буржуазными министрами, но и потому, что они вообще у власти.

Также можно сказать, что и к социалистам, боровшимся против анархии, примазались те, кто по-своему скорбит о старой, твердой власти, кто ждет «диктатуры порядка».

В результате контрреволюция, прежде бессильная, сидящая по своим углам, в эти дни получила возможность действия. Прежде боявшаяся даже показаться на свет, теперь свободно, под видом большевика или успокоителя, разгуливала по улицам и в различных направлениях пробовала свою силу.

На темной, бессознательной массе контрреволюция испытывала свои приемы, упражнялась в работе.

Вот «положительные» итоги «мирной» демонстрации.

Суханов Н.Н.

В ПОРЯДКЕ ДНЯ

Революция надорвана... Победоносное движение русской демократии прервано оглушительной катастрофой. Темные силы царистской контрреволюции, германский Генеральный штаб и безумие анархо-авантюристских элементов демократии соединились в одно, чтобы нанести страшный удар революции.

Мы очутились в обстановке первых дней ее, на критической мертвой точке, когда свобода стояла на карте, и колесо истории могло повернуться и в ту, и в другую сторону. Теперь мы снова утратили главное завоевание революции: всенародное сознание незыблемости великой ценности свободы и демократизма. Друзья народа в его глазах снова смешалась с врагами. Это ставит на карту и все остальные завоевания последних месяцев. Этот подрыв доверия к революции аннулирует огромную работу революционной демократии и ставит ее снова перед теми огромными трудностями, какие пришлось ей преодолеть при первых шагах освобожденной России.

На фоне того великого смятения, какое вызвали последние события в среде народных масс, кризис определяется тремя основными факторами: это, во-первых, трудное положение на фронте, грозящее военным поражением, если наши армии немедленно не восстановят свою боеспособность; во-вторых, это опасность возобновления анархо-бланкистских экспериментов над страной, грозящая слева – на радость «друзьям справа»; это, в-третьих, откровенная и уже ничем не прикрытая контрреволюция [противоположных] классов, действующих ныне с развязанными руками, с прямо поставленными целями и с огромным арсеналом разнообразных средств.

В положении исключительной трудности могут спасти лишь экстренные решительные меры. Но какова бы ни была сейчас необходимая программа положительных мероприятий, несомненно одно: для проведения их необходимо революционное правительство, *действительно облеченное всей полнотой власти*. И, принимая во внимание всю чрезвычайность обстановки, требующей не только энергичных мер, но и стремительного выполнения их, нельзя отрицать, в принципе, за революционной властью *чрезвычайных полномочий*.

В ночь на 10-е июля Объединенный Всерос[сийский] Исп[олнительный] Ком[итет] Советов р[абочих], с[олдатских] и кр[естьянских] деп[утатов] постановил объявить Вр[еменное] правительство правительством Спасения Революции и признал за ним «неограниченные полномочия для восстановления организации и дисциплины в армии, решительной борьбы со всякими проявлениями контрреволюции и анархии и для проведения той программы положительных мероприятий, которая намечена в декларации». Обо всей своей деятельности министры-социалисты докладывают объединенному собранию исп[олнительных] комитетов не менее двух раз в неделю.

Такое решение центрального органа русской революционной демократии, в принципе, можно считать рациональным и соответствующим данному, по-

ложению вещей. Но для того чтобы новый революционный порядок действительно оправдал себя, необходимы два условия.

Необходимо, прежде всего, чтобы новая «неограниченная» власть была достаточно демократичной по своей природе, по своему классовому и личному составу. Только в этом может быть гарантия того, что, пользуясь своими полномочиями, она не злоупотребит ими в ущерб революции и демократии. Только в этом случае страна может быть уверена, что нарушения конституционных гарантий, вытекающие из самого существа «неограниченных полномочий», будут допущены лишь в меру действительной необходимости, *лишь в защиту революции и в интересах демократии.*

А затем у новой власти, облакаемой полномочиями, должна быть не только готовность бороться с контрреволюцией, но и некое сознание того, что контрреволюция уже пришла, что она уже действует и грозит поглотить без остатка все, что добыто за месяцы свободы. Необходимо ясное сознание того, что контрреволюция, как показывает опыт последних дней, идет не только от анархии и авантюры слева, но что она свила себе прочные гнезда в недрах самого правительственного механизма. Необходимо безотлагательно выместить контрреволюцию из административного, судебного, а главное военного аппарата. Первые шаги новой власти с полной категоричностью обнаружил ее готовность и ее способность стать на этот путь, необходимый для спасения революции.

Только при этих условиях «неограниченные полномочия» могут быть оправданы и достигнуть цели. И только при этих условиях можно рассчитывать, что мы будем иметь действительно сильную, авторитетную власть, опирающуюся на доверие и поддержку всей революционной демократии и способную неуклонно осуществлять насущные требования страны – во внутренней, внешней и социально-экономической политике.

Смешно и нелепо утверждение, что одними происками слуг Николая и Вильгельма, одним безумием и невежеством некоторых групп демократии были вызваны события последних дней, их корни гораздо глубже: они берут начало в бессилии старого коалиционного кабинета проводить решительную демократическую политику, в зависимости его политики от реакционных сил и империалистских влияний.

Новая власть должна использовать свои диктаторские полномочия не только для восстановления революционного порядка и дисциплины, но и для решительной демократизации всей жизни страны. Только в этом она почерпнет не только свое оправдание, но и свою действительную силу.

Есть ли у демократии гарантии, что будет именно так? Надежды есть, но гарантии может дать только сама новая власть своими практическими шагами.

И дав, в лице своего высшего представительного органа, вотум «неограниченных полномочий» новому кабинету, демократия должна сама создать себе гарантии того, что новое правительство будет действительно Правительством Спасения Революции. В сознании всей исключительной трудности момента, демократия должна приложить всю силу к тому, чтобы, забыв о

[взаимных] счетах, спаять свои ряды и сплотить их вокруг Советов р[абочих], с[олдатских] и кр[естьянских] деп[утатов].

В этом действительные гарантии, в этом верное спасение революции и страны и в этом очередной лозунг, очередная задача момента.

Новая Жизнь. 1917, 11 (24) июля. № 71.

Ган М. (Ганфман М.И.)

О РЕВОЛЮЦИОННОЙ ВЛАСТИ

Нынешний кризис опять остро ставит вопрос о природе революционной власти и об эволюции ее за последние месяцы. Прежде всего, надо раз навсегда условиться, что эпитет «революционный» по отношению к власти имеет значение указания источника ее происхождения, но отнюдь не отменяет и не уничтожает всех тех существенных признаков, которыми государственное властвование отличается от проявлений воли всякого рода партий, организаций и других соединений. Революционная власть лишена, так сказать, формальной санкции в своем происхождении. Она создается фактом переворота и в момент его, но все атрибуты государственной власти после этого должны ей принадлежать не в меньшей степени, чем самой легитимной власти. Момент признания власти, составляющий моральную основу подчинения громадного большинства населения, единство власти, без которого власть теряет суверенность, полное обладание тем принудительным аппаратом, который допускает возможность действительной угрозы и фактического принуждения в случаях неподчинения. Все эти качества, образующие природу государственной власти, должны быть свойственны и революционной власти, если она имеет действительно государственный характер.

Отсюда и вытекает та структура революционной власти, которую она должна получить после переворота.

Момент *признания* требует, чтобы революционное правительство по своему составу и по своей программе было властью народной, чтобы оно, удовлетворяя полностью запросы, вызвавшие революцию, и борясь энергично со всеми контрреволюционными силами, не превратилось в чисто партийную или классовую организацию. Такая явная или скрытая диктатура партии, класса может фактически, если она обладает принудительным аппаратом, проявлять властвование, но она будет лишена момента общенародного признания и, следовательно, будет содержать психологическую основу нового переворота.

Личный партийный состав революционного правительства и его программа и должны базироваться на этом общенародном признании, на активной поддержке всех тех классов и групп, которые были недовольны старой властью и стремились, хотя бы в самых разнообразных формах, к перемене ее. Поэтому революционное правительство в своей программе не может считаться только с интересами класса, который проявил большую революционность

и сыграл решающую роль при перевороте, так как тогда оно лишает себя признания и поддержки других классов. Поэтому крайне важно иметь всегда в виду цель революции и те разнообразные интересы разных классов, которыми она создана и которым она шла навстречу.

Не менее важное значение имеет момент *единства* при устройении государственной власти после переворота. Революционные силы, создавая новую власть и предопределяя в момент образования состав и программу ее, этим самым передают, так сказать, суверенитет революции в руки, созданной революцией власти. Происходит процесс, аналогичный (хотя, формально, весьма отличный) в своей сущности тому, что имеет место при нормальных условиях, когда власть народа передается народному представительству. Государственную власть имеет тогда орган представительства, а партии и группы государственной властью уже не обладают и свое влияние на созданный орган власти проявляют только в форме волеизъявлений общественного мнения, существенно отличных от волеизъявления государственного характера.

Совершенно того же требует единство власти, воплощаемое в революционном правительстве. Именно для того чтобы это правительство было сильно, чтобы оно могло осуществлять дела революции, оно должно иметь единство, тем более существенное в революционный период, когда правительство до конструирования новых учреждений воплощает в себе всю полноту власти. Расщепление революционной власти более опасно, чем обыкновенной, опирающейся и на инерцию, и на традиции. Поэтому партии, группы и организации, которые создали революционную власть, получившую всенародное признание, должны особенно бережно относиться к принципу единства. Если во имя партийных и классовых интересов партия или организация, пользуясь фактической возможностью, присвоит себе те функции, которые могут принадлежать только государственной власти, то этим подрывается основная идея революционной власти, ее верховенство и престиж. Создается двоевластие, многовластие, конкуренция властей; общенародное признание ослабляется, постановления революционной власти теряют свой обязательный характер и население, не зная, какая власть имеет суверенитет, легко поддается воздействию авантюристов, контрреволюционеров, одинаково гибельных для дела революции.

Революционная, как и всякая государственная власть, каким бы всеобщим признанием она ни пользовалась, должна иметь возможность, путем действительной угрозы силой ли применения этой силы, принуждать исполнять свои веления. Не приходится распространяться о том, что *государственное* властвование по самой своей природе всегда предполагает возможность принуждения. Чем выше моральный престиж государства, чем шире общенародное признание, тем реже приходится прибегать к принуждению как фактору власти, но без возможности пустить в ход принуждение власть теряет свою основную черту. Отсюда совершенно ясно, что революционное правительство, получившее право издавать веления, должно поддерживать эти веления

в случаях необходимых силой, принуждением и, следовательно, государственный принудительный аппарат (полиция, армия) должен находиться в полном распоряжении революционного правительства. Если какая-нибудь партия, организация, пользуясь своим фактическим влиянием на принудительный аппарат, ставит его действие в зависимость от своей воли, то революционное правительство перестает быть властью именно в наиболее критические моменты, и двоевластие проявляется в наиболее опасной и губительной для революции форме.

Все эти общие свойства революционной власти едва ли могут оспариваться политическими партиями и группами, признающими государство, как предпосылку всякого культурного и социального прогресса. Для этих партий политическая революция есть только переход от одной формы государства к другой. Изложенные истины должны признаваться и социалистическими партиями, смотрящими на государство как на организацию, тесно связанную с классовым устройством общества. Только анархисты, вообще отрицающие необходимость государственной организации и видящие в революции только желательный распад государственности, имеют право быть последовательными и отрицать эти элементарные требования, которые предъявляются революционной власти как власти вообще.

Речь. 1917, 14 (27) июля. № 163 (3905).

Мельгунов С.П.

«МЫ, СЛАВА БОГУ, МАРКСИСТЫ»

Этим крайне доволен А.Н. Потресов в «Дне», и доволен потому, что, таким образом, оказывается незараженным предрассудками народничества. Дело идет о создавшемся кризисе власти. «Нужно добиваться восстановления коалиции буржуазии и демократии», – заявляет т. Потресов. Вне этого сближения мы не сумеем дойти до Учредительного собрания. Но для того чтобы власть была построена не на песке, надо заставить принять в ней участие подлинных представителей буржуазии, чего и не понимают народники, идеализирующие класс мелкой буржуазии, т. е., конечно, крестьянство по преимуществу.

«Марксистский» рецепт чрезвычайно прост: свет не клином сошелся на кадетях, не очень-де нужны они в коалиционном министерстве! Нужны в действительности истинные представители капитала – купец и пролетарий выведут Россию на путь свободы.

Допишем, однако, рецепт т. Потресова по выводам, которые делают некоторые его московские единомышленники после поражения на московских выборах... Союз с[оциал]-д[емократов] меньшевиков с соц[иалистами]-революционерами, являющимися представителями мелкобуржуазной идеологии, вреден, ибо затуманивает классовое сознание пролетариата... Надо разорвать противоестественный союз, созданный жизнью в первые месяцы ре-

волюции на почве практической работы. К такому полному разрыву и призывает московский орган с[оциал]-д[емократов] объединенцев – «Пролетарий». Потресовский рецепт, не обладающий столь демонстративной смелостью, по выводам почти аналогичен. Он добавляет лишь: разорвите связь с мелкой буржуазией и обратите взоры на буржуазию крупную.

Странно читать социал-демократический трафарет, когда он выливается из-под пера т. Потресова, еще так недавно стоявшего на иной точке зрения, и принимавшего участие в создании московской, как бы общесоциалистической газеты «Власть Народа», которая ставила своею задачей строить программу, объединяющую различные фракции социализма в России.

Надо признать, что людская деятельность не всегда бывает результатом строго продуманной массы. Социологическая схема хороша в кабинетной тиши. События же текут так неудержимо быстро, что за ними не поспевают схемы. Мы говорим о том, что должно быть до Учредительного собрания. О том же, как будто бы, говорит т. Потресов, возвращающийся к изжитой схеме, как к панацее от всех современных зол. Допустим, что марксистский трафарет – научная истина. Но тогда неизбежно реальный вывод будет один, если учесть, хотя бы результат московских выборов: пролетарий – «простой привесок мелкобуржуазного движения». Вывод для социал-демократии незначителен, и придется все наши попечения отложить во имя ненарушимости социологической схемы общественного строительства, пока только о развитии классового сознания пролетариата.

Народническая идеология, говорящая не о диктатуре одного класса, стремящаяся опереться на весь трудовой народ, гораздо более и действенна, и жизненна. Все это очень поучительно для наших товарищей из партии социалистов-революционеров, стремящихся подчас теперь быть в некоторых вопросах более марксистами, чем это требует научный марксизм.

Но все же о практическом рецепте... Социал-демократам кадеты не нужны. Найдутся попутчики из более «демократических» элементов среди буржуазии, может быть, Коновалов, Рябушинский и т. д. Скатертью дорога – заявляет по отношению к кадетам В.М. Чернов, пытавшийся применить, но не совсем удачно, опасный демагогический прием в дни второй петроградской «революции». Нет, мы должны решительно стоять на старых позициях и требовать участия в государственном строительстве *всех* активных сил страны, т. е. должны добиваться коалиции этих сил.

В борьбе с политиканством и предрассудками революционная демократия должна выковывать необходимое теперь единство действия. Без этого единства мы действительно не дойдем до Учредительного собрания, а если и дойдем, то в соотношении сил, ведущих не к выгоде демократии и социализма. Политик обязан быть историком.

Тактика кадетского бойкота может заставить, конечно, социалистов принять на себя целиком тяжелое бремя государственного строительства в стране в период революции. Но это должно быть последним шагом, а революционная демократия сознательно должна идти на самоограничение.

Ленин В.И., Зиновьев Г.Е., Каменев Л.Б.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «НОВОЙ ЖИЗНИ»

Позвольте, товарищи, обратиться к вашему гостеприимству вследствие вынужденной приостановки газеты нашей партии. Газеты известного рода повели бешеную травлю против нас, обвиняя нас в шпионстве или в сношениях с вражеским правительством.

С каким неслыханным... легкомыслием (это – неподходящее, слишком слабое слово) ведется эта травля, показывают следующие простые факты. «Живое Слово» сначала напечатало, что Ленин – шпион, а потом, под видом не меняющей дело «поправки», заявило, что в шпионстве он не обвиняется! Сначала выдвигают показания Ермоленки, потом вынуждены признать, что прямо неловко и стыдно в подобных показаниях подобного человека видеть довод.

Приплетают имя Парвуса, но умалчивают о том, что никто с такой беспощадной резкостью не осудил Парвуса еще в 1915 году, как женеvский «Социал-Демократ», который мы редактировали и который в статье «У последней черты» заклеил Парвуса как «ренегата», «лижущего сапог Гинденбурга» и т. под. Всякий грамотный человек знает или легко может узнать, что ни о каких абсолютно политических или иных отношениях наших к Парвусу не может быть и речи.

Припутывают имя какой-то Суменсон, с которой мы не только никогда дел не имели, но которой никогда и в глаза не видели. Впутывают коммерческие дела Ганецкого и Козловского, не приводя ни одного факта, в чем же именно, где, когда, как коммерция была прикрытием шпионства. А мы не только никогда ни прямого, ни косвенного участия в коммерческих делах не принимали, но и, вообще, ни копейки денег, ни от одного из названных товарищей, ни на себя лично, ни на партию не получали.

Доходят до того, что ставят нам в вину перепечатку телеграмм «Правды» – с искажениями – немецкими газетами, «забывая» упомянуть, что «Правда» выпускает за границей бюллетень по-немецки и по-французски, и что перепечатка из этого бюллетеня вполне свободна!

И все это – при участии или даже по инициативе Алексинского, не допущенного в Совет, признанного, иначе говоря, заведомым клеветником!! Неужели можно не понять, что такой путь против нас есть *юридическое убийство из-за угла*? Обсуждение Ц[ентральным] И[сполнительным] К[омитетом] вопроса об условиях привлечения к суду членов Ц[ентрального] И[сполнительного] К[омитета] вообще вносит, несомненно, элемент упорядочения. Захотят ли партии с[оциалистов]-р[еволюционеров] и меньшевиков участвовать в покушении на юридическое убийство? В предании суду даже без указания на то, в шпионстве или в мятеже мы обвиняемся? – вообще в предании суду без всякой юридически точной квалификации преступления? В явно тенденциозном процессе, могущем помешать кандидатуре в Учр[едительное] собрание лиц, заведомо намечаемых их партиями в кандидаты? Захотят ли эти партии

канун созыва Учр[едительного] собрания в России сделать началом дрейфу-сиады на русской почве?

Недалекое будущее даст ответ на эти вопросы. Открытая постановка их представляется нам долгом свободной печати.

О буржуазной прессе мы не говорим. Разумеется, Милюков столько же верит в наше шпионство или в получение нами немецких денег, сколько Марков и Замысловский верили в то, что евреи пьют детскую кровь.

Но Милюков и компания знают, что делают.

Новая Жизнь. 1917, 11 (24) июля. № 71.

Кубиков Ив. (Дементьев И.Н.)

«НЕПРИМИРИМОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ»

«Дело шло к осуществлению лозунга: “Вся власть Советам!”. Шло потому, что все яснее вскрывалась неспособность всех слоев буржуазии участвовать в разрешении задач, поставленных развитием революции».

Так пишет т. Мартов в № 76 «Новой Жизни». Он полагает, что для осуществления лозунга «Вся власть Советам!» не хватало лишь «сознания громадной массой крестьянской демократии того, что революция может выполнить свои задачи, лишь перешагнув через либеральную буржуазию в целом».

Ошибка Ленина, по мнению т. Мартова, в том, что он яблочку не дал созреть, а взял да и сорвал его зеленым. Но что яблочко «захвата власти» должно было созреть, — в этом Мартов, по-видимому, уверен. Надо было только, по мнению тов. Мартова, не дискредитировать Советы, а завоевывать влияние в них, дабы прийти «к преодолению половинчатости и нерешительности демократии».

Таким образом, Ленин отличается от Мартова только своей стремительностью рубить узлы истории, Мартов же склонен их терпеливо распутывать. В остальном же между ними разницы почти никакой. Диктатура пролетариата и крестьянства только может спасти русскую революцию, — всегда повторял Ленин; «перешагнув либеральную буржуазию в целом», можно спасти революцию, — говорит т. Мартов. Никакой внешней политики, кроме империалистически-захватной, наша буржуазия вести не может, и отсюда ее реакционность, говорит Ленин. И то же самое писал Мартов за 8 месяцев до революции в самарской газете «Наш Голос».

А меньшевизм — если взять официальных представителей его признанного большинства — полагает, что, во-первых, объективные условия таковы, что наша либеральная буржуазия вынуждена отказаться от империалистической политики захвата; во-вторых, что ни пролетариат и крестьянство в отдельности, ни буржуазия без пролетариата спасти революцию не могут; возвратиться же к старому корыту для либеральной буржуазии также интереса не представляет. Отсюда историческая неизбежность революционной коалиции.

И, в-третьих, признав необходимость этой коалиции, буржуазия вынуждена будет признать и те условия соглашения, которые были приняты ею 6 мая.

Но, быть может, пролетариат совместно с крестьянством сделает буржуазную революцию без буржуазии? Нет, это утопия. И с этой нелепостью так хорошо расправился Мартов прежний, когда, оценивая революцию 1905 г., писал в III томе «Общественного движения»: «Поразительная беспомощность либеральной партии и сдача ею “левым” почти без боя всех позиций в *народном* движении создавала возможность той иллюзии, будто на политической арене непосредственно соприкасаются два лагеря: правительственный и социалистический, между которыми лишь путается бессильная кучка буржуазных идеологов».

Как хорошо писал тогда Л. Мартов, и как он прекрасно понимал тогда, что нельзя «перешагнуть либеральную буржуазию в целом». И как он совершенно правильно тогда указывал, что, признавая революцию буржуазной, «большевики вступили в непримиримое противоречие между этим признанием и провозглашением завоевания власти пролетариатом необходимым залогом успешности общественного движения». А теперь сам Л. Мартов завоевание власти пролетариатом считает необходимым залогом успешности революции. Теперь, очевидно, он полагает, что изоляция для пролетариата, опирающегося на крестьянство, не страшна.

Но, быть может, Мартов, как старый марксист, открыл более высокую степень развития производительных сил наших в эту вторую революцию и большую зрелость рабочего класса?

К сожалению, и этого сказать нельзя, ибо в момент великого напряжения в мировой войне наши производительные силы пошли на убыль, а большая зрелость нашего пролетариата в этой второй революции по очень многим причинам, хотя бы по причинам резкого изменения состава рабочих во время войны, подлежит большому сомнению.

Остается, следовательно, признать, что Мартов прежний впадает в «непримиримое противоречие» с Мартовым нынешним.

Рабочая Газета. 1917, 18 июля. № 109.

Мартов Ю.О.

ЧТО ЖЕ ТЕПЕРЬ?

Рабочий класс понес несомненное *поражение*. Фракция социалистов, объединявшая *его* более решительную часть, ухитрилась, следуя ошибочной, авантюристской тактике, нанести ему и самой себе серьезный удар. Идя за стихией, потворствуя ей, и не умея ей своевременно противостоять, она способствовала тому, что в момент, когда начались неудачи на фронте и вся атмосфера в стране стала сгущенной, десятки тысяч петроградских рабочих и солдат сделали

безумную попытку одним смелым ударом разрешить противоречие, которое могло быть изжито лишь в процессе борьбы классов.

Дело шло к осуществлению лозунга: «Вся власть Советам». Шло потому, что все яснее вскрывалась неспособность всех слоев буржуазии участвовать в разрешении задач, поставленных развитием революции. Дабы лозунг осуществился, не хватало лишь одного, но очень существенного момента, — сознания громадной массой крестьянской демократии того, что революция может выполнить свои задачи, лишь перешагнув через либеральную буржуазию в целом. По мере роста этого сознания, рядом революционных битв, власть должна была перейти в руки революционной демократии, если вообще российской революции суждено было развиваться.

Политический авантюризм, с первых дней революции воображавший, что через созданную переворотом дезорганизацию государства, общества, армии может строить свои расчеты не на реальной силе пролетариата, а на временной слабости других, содействовал тому, что предстоящая революции генеральная битва преждевременно произошла в виде инсurreкции нескольких полков. И эта сумбурная инсurreкция вспыхнула в момент, когда не только она не имела шансов победить, но когда ее поражение должно было открыть все шлюзы для мутных потоков контрреволюции. Тем самым мы отброшены назад, далеко назад ко времени, предшествовавшему дням 20–21 апреля.

Хотели «всей власти Советам»? Получили: потерю Советами значительной доли власти, которую они фактически обладали.

Кричали: «Долой 10 министров-капиталистов!»? Достигли того, что громко, не встречая противодействия, раздаются голоса, требующие возвращения власти к ее источнику — «временному комитету» Гос[ударственной] думы.

Стремилась к революционной диктатуре пролетариата и крестьянства. Диктатура создается, но диктатура партий, опирающихся на «всю нацию», то есть на все имущие классы и толкаемых этой «нацией» на путь подавления революционных элементов пролетариата и армии.

Добивались того, чтобы оторвать крестьянскую демократию от буржуазии. А в действительности спаяли ее организованные силы с буржуазными классами в блок, охраняющий «порядок» и спасающий страну от «измены».

Разумеется, последствия большевистских экспериментов могли бы быть иными, если бы во главе крестьянско-солдатской демократии и связанной с нею части пролетариата стоял не тот оборонческий блок меньшевиков и эсеров, который все возможное сделал, чтобы толкать массы к большевикам, и ныне оказывается не способен противодействовать напору контрреволюции.

Но великая ответственность, падающая на блок, несколько не ослабляет ответственности, которую несут большевики. Ибо безусловное, несомненное господство оборонческого оппортунизма в объединенной демократии было фактом, от которого надо было оправляться партии, стремящейся держать курс на поступательное развитие революции.

Не пулеметами первого полка и кронштадтских моряков можно было рассчитывать пробить толщу оппортунистических настроений, сковывавших энергию революционной демократии. Не против нее, а лишь опираясь на нее,

передовая партия могла и может рассчитывать двигать революцию вперед. Не дискредитируя и подрывая созданные ею революционные центры, а завоевывая влияние в них, можно идти к преодолению половинчатости и нерешительности демократии.

Поражение налицо. Попытка перескочить через этапы единственного [возможного] развития революции создала в России громадную «партию порядка», сплотившую все группы реакционеров и консерваторов во временный блок с запуганными и озлобленными слоями демократии. От «Нового Времени» и воскресшей «Маленькой Газеты» до «Дня» и «Воли Народа» тянется эта партия порядка, мнящая спасти Россию путем вытравления из русской революции всего того демократического содержания, которое придало ей всемирно-историческое значение.

Вооружение рабочих, демократизация армии, отмена смертной казни, неограниченная свобода пропаганды, интернациональное credo демократии – все эти великие ценности великой революции уже признаны печальным заблуждением. Завтра очередь будет за свободой национального самоопределения, за широким местным самоуправлением, за самым существованием рабочих, солдатских и крестьянских советов.

Уже не то чтобы «Новое Время» или «Речь», но «День» за подписью члена Исп[олнительного] Комитета Е. Маевского бесстыдно утверждает, что Совет бросал палки в колеса Временному правительству, вторгаясь в область управления. За этими паническими контрреволюционными настроениями демократических масс и их представителей стоит быстро мобилизовавшаяся реальная контрреволюция, «без лишних слов» ставшая во главе попятного движения. Политические проходимцы, отброшенные революцией, организованная политически и экономически буржуазия, кастовое офицерство и все тайные сторонники реставрации старого режима быстро и энергично творят дело реакции. С кадетской партией во главе они ведут систематическую «осаду власти», чтобы забрать правительство в свои руки в то время, как авантюристские элементы этого блока подбирают элементы для контрреволюционных военных заговоров.

В то же время в народных массах почти открыто ведется агитация в пользу Николая Николаевича, в пользу Михаила Романова, против «каторжных министров», против Исполнит[ельного] Комитета, против «насилия жидов и грузин».

Десятки недостойных отречений от большевизма, совершаемых большинством Всерос[сийского] Центр[ального] [Исполнительного] Комитета, не поможет ему оправдаться в глазах этой контрреволюционной рати. Для нее большевики, меньшевики, эсеры – «вместе пойманы, вместе повешены». И если Советы, следуя нагло-повелительным ультиматумам Алексинских и прочих рыцарей политической проституции, выдадут этой черни еще несколько десятков большевиков и «потворствующих им», как деликатно выразился в заседании Ц[И]К-та перепугавшийся Либера, то и тогда они лишь разожгут ее аппетиты и не смоют с себя основного пятна – общего с большевиками родства от международной революции.

Пролетариат потерпел поражение, ибо не нашел в своем большинстве достаточно революционной зрелости, чтобы действительно и своевременно противоборствовать стихии, подстегиваемой авантюристскими группами. Но он проявил бы еще большую незрелость, если бы под влиянием поражения в одной своей части шарахнулся бы в сторону реакции, в сторону участия в травле большевиков или в сторону политического индифферентизма. А в другой своей части, приведенный в отчаяние оргиями контрреволюции, вздумал одним ударом отобрать назад отнятые у него позиции.

Соотношение общественных сил передвинулось в сторону имущих классов. Против этого факта сейчас нельзя идти напролом. Надо от наступления перейти к обороне. Надо отстоять свои классовые позиции, отстоять возможности деятельности и влияния в органах революционной демократии. Надо систематически, шаг за шагом, отбивать нападения контрреволюции; надо снова и снова строить мосты, соединяющие пролетариат и армию, на место тех, которые разрушены событиями 3–5 июля и последующим разгулом контрреволюции.

А для этого надо, прежде всего, создать широкие и прочные формы партийного и профессионального сплочения, углублять пропаганду социализма в широких рабочих и демократических массах, организовать живой и тесный контакт масс с представительными органами революционной демократии.

Революция отброшена назад. Завтра, может быть, Милюковы и Родзянки приобретут снова некоторое влияние на ход государственного корабля. Будут сделаны попытки, под предлогом – о, конечно! – «спасения революции и родины» урезать основные права рабочего класса. Предстоят черные дни. Но судьбы революции этим поворотом не решаются. Ее сила далеко еще не исчерпана даже в национальных пределах. Еще не решена ее основная проблема – о земле. Еще не раздавлены силы старого режима, и как только новейшая буржуазная контрреволюция попытается пожать плоды своих «побед», она почувствует за своей спиной мертвецов штурмеровской Руси, готовых отобрать у нее добычу. Продолжающаяся разруха все острее ставит вопрос о том, за счет ли голодания народных масс или за счет вторжения в права собственности капиталистических классов будет совершаться «спасение революции и родины», и сегодняшние водворители порядка, оборонцы меньшевизма, эсерства и крестьянских Советов, завтра вынуждены будут искать союзников слева. А главное, еще по всей Европе летят искры, раскинутые грандиозным пожаром российской революции, и «не известно ни дня, ни часа», когда в той или иной части Запада возгорится ответное пламя, которое даст отечественной революции новые сильные импульсы.

Свой реванш мы будем иметь. Только бы сейчас дружно и единодушно встретить боевые отряды контрреволюции, если они попытаются, пользуясь временным замешательством, путем дерзкого авантюристского удара сразу овладеть положением. Только бы «продержаться», не поддаваясь ни провокации справа, ни сигналам отчаяния слева, в постоянной готовности снова

выйти из окопов, снова перейти от обороны к наступлению, когда диалектика революционного развития переместит равнодействующую общественных сил.

Новая Жизнь. 1917, 16 (29) июля. № 76.

Сталин И.В.

ПОБЕДА КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

Контрреволюция организовалась. Она растет и наступает по всей линии. Лидеры контрреволюции, гг. кадеты, вчера еще бойкотировавшие правительство, сегодня готовы вернуться к власти для того, чтобы хозяйничать в стране.

«Правящие» партии эсеров и меньшевиков с их правительством «спасения революции» отступают в полном беспорядке. Они готовы на все уступки, они готовы на все, — прикажите только.

Выдать большевиков и их сторонников?

— Пожалуйста, гг. кадеты, берите большевиков.

Выдать балтийскую делегацию и большевиков из Кронштадта?

— К вашим услугам, гг. «контрразведчики», берите делегацию?

Прикрыть неугодные кадетам большевистские, рабочие и солдатские газеты?

— Рады стараться, гг. кадеты, прикроем.

Разоружить революцию, разоружить рабочих и солдат?

— С нашим удовольствием, гг. помещики и капиталисты. Мы разоружим не только питерских, но и сестрорецких рабочих, хотя они и не принимали участия в событиях 3–4 июля.

Ограничить свободу слова и собрания, неприкосновенность личности и жилища, ввести цензуру и охранку?

— Все будет сделано, гг. черные, все до конца.

Восстановить смертную казнь на фронте?

— С нашим удовольствием, гг. ненасытные...

Распустить Финляндский сейм, который стоит на платформе принятой Советом?

— Будет исполнено, гг. помещики и капиталисты.

Изменить правительственную программу?

— Рады стараться, гг. кадеты.

И меньшевики с эсерами готовы уступать и дальше, лишь бы сговориться с кадетами, лишь бы торговаться с ними как-нибудь...

А контрреволюция все наглет, требуя новых жертв, доводя Временное правительство и Исполнительный комитет до постыдного самоотречения. В угоду кадетам предлагают созвать в Москве «чрезвычайное собрание» из членов упраздненной Государственной думы и прочих цензовиков, в общем хоре которых ЦИК остается в самом неприглядном меньшинстве. Министры,

потеряв голову, складывают портфели к ногам Керенского. Под диктовку кадетов составляется список членов правительства.

С помощью царской Думы и предателей-кадетов похоронить кровью добытую свободу – вот до какого позора доводят нас нынешние кормчие нашей политической жизни...

А война все идет, углубляя несчастье на фронте, причем восстановлением смертной казни на фронте думают улучшить положение. Слепые! Не видят, что наступление может рассчитывать на массовое сочувствие лишь тогда, когда цели войны ясны и близки армии, когда армия сознает, что она проливает кровь для своего, родного дела, – не видят, что в демократической России, при митингах и свободных собраниях солдат, массовое наступление немыслимо без такого сознания.

А разруха все идет, угрожая голодом, безработицей и общим разорением, причем полицейскими мерами против революции, думают разрешить хозяйственный кризис. Такова воля контрреволюции. Слепые! Не видят, что без революционных мер против буржуазии невозможно спасти страну от развала.

Гонимые рабочие, разрушенные организации, обойденные крестьяне, арестуемые солдаты и матросы, оклеветанные и оболганные вожди пролетарской партии и наряду с этим торжествующие, клеветующие, обнаглевшие контрреволюционеры – все это под флагом «спасения» революции, – вот до чего довели нас партии эсеров и меньшевиков.

И есть еще на свете люди (см. «Новую Жизнь»), предлагающие нам после всего этого единство с этими господами, «спасающими» революцию путем ее удушения!

За кого же они нас принимают?!

Нет, господа, с предателями революции нам не по дороге!

Рабочие никогда не забудут, что в тяжелые минуты июльских дней, когда разъяренная контрреволюция обстреливала революцию, партия большевиков была единственная, которая не покинула рабочих кварталов.

Рабочие никогда не забудут, что в эти тяжелые минуты «правящие» партии эсеров и меньшевиков были в лагере тех, которые громили и обезоруживали рабочих, солдат и матросов.

Рабочие будут помнить все это и сделают из этого соответствующие выводы.

Рабочий и Солдат. 1917, 23 июля. № 1.

Петрищев А.Б.

ЗАВЕРШЕНИЕ ПЕРВОГО ПЕРИОДА

Одним из первых декретов революционного Временного правительства был декрет об отмене смертной казни. В июле последовал обратный декрет – о восстановлении смертной казни (правда, лишь в районе действующей армии).

Революция ввела свободу печати. В июле она пришла к декрету о предоставлении двум министрам – военному и внутренних дел – права приостанавливать периодические издания административным порядком... Очевидно, революция совершила какой-то цикл, в каком-то смысле вернулась к исходным положениям. Она закончила первый период своего развития. Теперь ей нужно найти новые пути. И ниже мы увидим, почему это нужно.

По-разному можно охарактеризовать оконченный первый период. Потомки с исторических далей увидят в нем, быть может, многое такое, чего мы не замечаем. Современникам трудно отвлечься от конкретностей, уловить общие очертания леса, меж деревьями которого они блуждают. И все-таки современнику событий нужно понять, где их центральный пункт, откуда все исходило и к чему возвращалось. Лично мне таким центральным пунктом заверченного первого периода представляются покушения на диктатуру пролетариата или, по крайней мере, на диктатуру «революционной демократии»... С этого пошло в первые дни после февральского переворота. Этим и кончила «мирная вооруженная демонстрация» в Петербурге, несшая плакаты: «Вся власть Советам рабочих, солдатских, крестьянских (или батрацких) депутатов». Это мирное выступление с оружием было подготовлено в особняке Кшесинской, как «вторая революция». Она обошлась в несколько сот человек убитых и раненых. Временное правительство резонно назвало ее мятежом. И подавило единственно возможным способом – ружьями, пулеметами и пушками. Но провалилась вторая революция вместе с лозунгами, начертанными на ее плакатах, не потому, чтоб против оружия, поднятого ею, было применено более превосходное оружие. Она провалилась по причинам гораздо более глубокого органического порядка. И именно эти глубокие причины позволяют надеяться, что лозунги, которые она пыталась водворить насильственно, не воскреснут.

* * *

Покушения на диктатуру возникли, повторяю, с первых дней после переворота. Принято думать, что те или иные начала государственного строя утверждаются в зависимости от реального соотношения сил. У нас *диктатура* пыталась утвердиться на *основании* реального соотношения бессилий.

Революция создала Временное правительство. Как и всякое правительство, оно может вести политику лишь в соответствии с *оказываемыми* на него влияниями *страны*. Но эта страна – Россия, малограмотная, едва вышедшая из многовекового политического рабства, распыленная, неорганизованная. У нее есть мнения. У нее есть потребности. Но у нее слишком мало организаций, через которые она могла бы влиять на правящую власть, и в которых сама власть находила бы необходимые для нее опорные точки. Так она жила при самодержавии. Таковою вступила и в революцию.

Революция быстро и радикально изменила направление внутренней политики. Столь же быстро и радикально она заменила одни силы, влиявшие на правительство, другими. Но она не могла столь же быстро и столь же радикально изменить систему взаимодействия между страной и правительством.

И в революционных новизнах, если к ним внимательно присмотреться, слышится многое, характерное для самодержавной старины.

Распыленность страны была одной из причин, почему самодержавная власть шла в течение, по крайней мере, своего последнего десятилетия на поводу у объединенного дворянства. Это была самая сильная организация в стране. И стремясь оставаться самой сильной, она ревниво заботилась о том, чтобы не возникло какой-либо другой организации, способной более значительно или хотя бы столь же значительно влиять на правительство.

Объединенное дворянство оставалось самой сильной организацией. Но странная это была сила. Можно спорить, была ли у объединенного дворянства объективная возможность направлять свое влияние к творческим государственным задачам. Но почти нельзя сомневаться, что таких задач эта сословная организация себе не ставила и не имела желания ставить. В ней были разные течения, — были более умеренные примиренческие группы, были более крайние, утопические, склонные превратить всю Россию в дворянскую вотчину, были своеобразные дворянские большевики, сословные люди типа Маркова II, непреклонные в своем намерении установить диктатуру дворянства как переход к возрождению крепостного права. Умеренные группы все время хромали на оба колена, сидели между двумя стульями, колебались между сознанием, что нельзя игнорировать интересы государства, и желанием получить те сословные блага, которых домогался дворянский большевизм. В конечном итоге дворянская масса шла за своими большевиками и максималистами, разжигавшими ее аппетиты. И получался порочный круг: государственная власть шла на поводу у объединенного дворянства, объединенное дворянство шло на поводу у Марковых и Струковых. Распыленная страна бессильно критиковала, бессильно возмущалась... Все это соединение бессилий привело к катастрофе на фронте в 1915 г., к скандалу мясоедовщины, к тяжкой разрухе в тылу... В последние месяцы самодержавия объединенное дворянство перестраивалось. В нем мелькали какие-то смутные сознания о долге перед государством. Организация уходила от Маркова II к Самарину. Но это была агония, минуты просветления перед смертью.

Как только началась революция, мысль о возрождении крепостного права, конечно, исчезла. Явилась новая, в некотором смысле диаметрально противоположная, мысль — о немедленном установлении социализма, о превращении революции в социалистическую. Исчезли и старые лица, — явились как бы антиподы их. Нет Маркова II и Пуришкевича, есть Ленин Нахамкес; нет гр[афа] Бобринского, а есть В.М. Чернов, нет Панчулидзева, есть Церетели; нет совета депутатов дворянских обществ, а есть советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Все по-новому. А все-таки слышится в новизнах старины.

* * *

Все та же распыленная страна. И в ней так же, как и прежде, единственная сильная организация, сильная настолько, чтобы властно влиять на политику правительства и быть для него опорною точкою... Она единственная, прежде

всего и главным образом потому, что вне слишком мало активных и страстно увлеченных революцией организаторских сил...

Вне рабочих, солдатских, крестьянских советов находятся очень разнородные группы и слои. Самое почетное место среди них следует, пожалуй, отнести наиболее образованной, наиболее вдумчивой и наиболее воспитанной политической интеллигенции. Но в России этой интеллигенции не так уж много; она перегружена необходимой текущей повседневной работой.

Слои либеральные и буржуазные, быть может, не бедны организаторскими силами. Но они мало увлечены возможностями, открытыми революцией. Они не очень склонны развивать первый блестящий успех ее, – скорее, у них есть тенденции не допустить «пагубу излишнего движения» (если позволено припомнить это выражение К.П. Победоносцева). Они не холодны к революции, как бывшие объединенные дворяне. Но они и не горячи, как социалисты. Они только теплы. И к ним – к либеральным и буржуазным слоям – может быть отнесено знаменитое выражение Апокалипсиса о тех, которые не горячи и не холодны: «имам тя изbleвати».

«Горячи» социалистические партии. Но не все одинаково приспособлены к первым угарным месяцам революции и к успеху среди масс, малограмотных, не подготовленных к тому, чтобы отличать фантастическое от реально возможного. В первое угарное время, пока масса не обучена горьким опытом жизни, наибольший успех должны иметь те, кто наиболее способен не только обещать молочные реки с кисельными берегами, но и верить в такие реки и такие берега. Заранее не вызывало сомнений, что наиболее приспособлены в этом смысле социалисты-революционеры и социал-демократы, особенно большевистского толка. Наиболее приспособленные и сплотили то, что называется советами рабочих, солдатских, крестьянских депутатов. В этом месте и возникла единственная сильная организация.

Нельзя, однако, скрыть, что она оказалась довольно ревнивой к возникновению других организаций, способных стать соперниками. В этом смысле характерна неприязненная позиция, занятая фактически партийными, социал-революционными Советами крестьянских депутатов по отношению к почвенной организации крестьянского союза; Советы объявляли и устно, и письменно, что союз не нужен и вреден. В таких местах, как, напр[имер], Царицын, где Советы рабочих и солдатских депутатов особенно сильны, возникновение другой более почвенной и сильной организации физически невозможно: население терроризовано, организаторские попытки вне советов, обречены быть более или менее конспиративными, и при переходе в открытое состояние они подвергаются террору и опасности разгрома раньше, чем окрепнут и станут способными дать отпор. В этом смысле между тактикой Советов рабочих, солдатских, крестьянских депутатов и тактикой бывшего объединенного дворянства есть, хоть и не очень глубокое и не совсем близкое, но все-таки достопримечательное сходство.

Есть черты сходства и в другом. В совете дворянских депутатов большинство принадлежало более умеренным и более осторожным *течениям*, а не

тому крайнему, которое с особенной яркостью выражалось Марковым II. Но, во-первых, умеренное и осторожное большинство, было в сильной степени заражено ядом марковщины. Во-вторых, марковский дворянский большевизм всего больше соответствовал чувствам и аппетитам последышей, диких захолустных панов. Этого было достаточно, чтобы политика объединенного дворянства шла не по умеренной, а по большевистской линии.

В Советах рабочих и солдатских депутатов большевики – лишь меньшинство. Большинство принадлежит социалистам-революционерам и социал-демократам меньшевикам. Но, во-первых, среди социалистов-революционеров есть немалое тяготение к максимализму и синдикализму. Во-вторых, и среди социалистов-революционеров, и среди социал-демократов меньшевиков сильны течения новейшего циммервальдовского интернационализма, которому весьма по дороге с большевиками. В-третьих, значительная, наиболее темная, часть рабочих и солдат чрезвычайно доверчива к тем посулам, которые горазд расточать большевизм... И много в деятельности советов шло по большевистской линии. Но, конечно, это была линия не Маркова II, а Ленина...

* * *

Черты сходства, быть может, отдалены. Но они привели к аналогичным до некоторой степени последствиям.

Как и прежде, имеется единственная сильная организация, от которой революционная государственная власть зависима и которая как бы держит эту власть на поводку. Но сила рабочих, солдатских и крестьянских советов обладает довольно болезненными свойствами. Советы оказывались мощными, пока они предлагали что-либо выгодное или приятное массе; в этих случаях массы «слушались», и советы могли говорить, что они опираются на значительные силы демократии. Но когда те же советы требовали чего-либо невыгодного или неприятного, они сами часто убеждались, как слаб их авторитет, до какой степени сомнительно их влияние.

«Известиям Петроградского Совета Рабочих Депутатов» приходилось отмечать это прискорбное обстоятельство. В «Известиях» указывалось, напр[имер], к чему привело решение Советов содействовать успеху «Займа свободы». До этого решения рабочие и крестьяне, внося значительные вклады в государственную сберегательную кассу, очень плохо подписывались на заем. А затем, хоть советы и решили поддерживать, хоть и выпустили по этому поводу воззвания и обращения, но среди рабочего и крестьянского населения не увеличилось сколько-нибудь заметно стремление подписываться на заем, хотя заработки увеличились, и вклады в сберегательные кассы растут. Этот частный случай общего правила в некоторых отношениях особенно характерен. Подписка на заем не есть, в сущности, жертва, это всего лишь выгодное помещение денег. И было интересно, поверят ли рабочие соответственным разъяснениям своих Советов... Оказывается, – увы! – не поверили.

При таком настроении масс самой сильной и влиятельной группой могло быть большевистское меньшинство. Но сила большевиков состояла лишь в

том, что они держались с массами не как вожди, а как потворствующие и услужливые лакеи. Они не требовали ничего неприятного низменному интересу толпы, а предлагали лишь выгодное и приятное.

Все новое, иное, диаметрально противоположное. Но слышится старина. И по-старому получился порочный круг: правительство зависит от советов, советы на поводу у большевиков, а большевики на поводу... У кого?

Дворянский большевизм Маркова начал в пятом году с коленопреклонений перед Вильгельмом и уперся в мясоедовщину, штюрмеровщину, булацеливщину. Плебейский большевизм Ленина свои «революционные» похождения начал путешествием через Германию в запломбированном вагоне, а к началу июня уперся в скандальные разоблачения по делу Роберта Гримма, который приехал в Россию из Швейцарии якобы для «идейной пропаганды» циммервальдизма, а затем оказался уличенным в исполнении поручений германского правительства.

История Роберта Гримма была грозным предостережением. Но она не остановила и не послужила уроком. Петроградский Совет отмолчался от этой неприятности. Правительство выслало Р. Гримма, но не углублялось в исследование корней и нитей. Совет не прекращал, следуя за большевизмом, покушений на диктатуру. Правительство отбивалось, но не давало решительного отпора. Безудержная демагогия большевиков и близких к ним элементов из других партийных групп разжигала настроение темных элементов. Не имея сколько-нибудь твердой опоры вне советов, шедших на поводу у тех же большевиков, правительство было бессильно принять меры против болезни, поражающей государство. Приходилось ограничиваться более или менее платонической словесной «борьбой» против отдельных симптомов болезни – кронштадтских, царицынских, одесских и многих других вспышек.

Некоторое время могло казаться, что болезнь не идет далеко вглубь, не приняла общего характера, захватила лишь отдельные участки, например Финляндию, подпавшую под влияние партий, желающих отложиться от России и поддержанных большевиками резолюцией, Малороссию, увлекаемую аналогичными партиями на тот же путь отложения... Но в начале июля бунтарские вспышки сразу, как по команде, охватили Петербург, Н.-Новгород, Иваново-Вознесенск, Киев, Брянск, целый ряд других центров тыла и значительные участки фронта. На фронте целые полки и даже дивизии бросили позиции и двинулись куда-то на восток – по домам. Неприятель оказался достаточно подготовленным к тому, чтобы использовать этот момент. Бунтарский уход отдельных частей превратился в паническое бегство. Бегущие солдаты бросились грабить ближайший тыл. Другие помогали неприятелю разгромить сопротивляющиеся ему полки, дивизии и корпуса – объясняли расположение русских войск, указывали, где скрыты батареи, где находились склады снарядов... Юго-Западный фронт подвергся общей катастрофе. Попытка парировать этот удар наступлением на западном и северо-западном фронтах разбита тем же бунтарством. Официальные сообщения Ставки и прошедшие через военную цензуру сведения отдельных лиц и частей не оставляют места для

иллюзии. Местами было хуже, чем отказ выполнить распоряжения. Верные долгу батальоны и полки шли в атаку и гибли не только потому, что им не оказывал поддержки резерв, – кое-где бывало так, что стоящие в резерве «солдаты революционной армии» помогали неприятелю расстреливать своих сограждан, идущих в наступление.

С легкой руки А.Ф. Керенского газеты с весны треплют выражение «взбунтовавшиеся рабы». Прилагались эти слова и к июльским катастрофическим событиям. Действительность, разумеется, гораздо сложнее. Нельзя сказать, что на фронте безумствовали рабы. Там были, между прочим, правда, очень малограмотные, правда, очень простодушные, правда, страшно обманутые, но все-таки граждане. Их уверили, что таким способом можно прекратить войну – они уйдут, а немцы против свободной России не пойдут, пролетариат немецкий не позволит против революции идти; стало быть, сам собою установится мир... Не только «рабы» бунтовали и в тылу. Здесь также всякий народ попал в число мятежников. Не упустила случая «примкнуть к движению» уголовная публика. Примкнули остатки черной сотни, со своими обычными призывами бить евреев. В Петербурге 4 июля среди приехавших кронштадтских «большевиков» были мирные, в сущности, обыватели с женами и детьми: они полагали, что будут резать «буржуев», от буржуев останутся квартиры, – почему же в какой-либо из этих квартир не поселиться бедному человеку с семейством? Разная публика была. Но были и люди, увлеченные желанием если не уничтожить, то покорить каких-то врагов народа, затягивающих ненужную войну, мешающих заключить мир, препятствующих установлению действительной свободы, переходу власти из рук «буржуев» в руки народа... В бунтарстве было смутное подобие борьбы за какую-то идею, хотя и шалую, подсказанную либо провокаторами, либо безумцами.

Бессмысленность движения с особенною наглядностью сказалась в Петербурге. Здесь солдаты, матросы и рабочие двинулись, вопреки увещанию Совета рабочих и солдатских депутатов, но с плакатами, на которых было написано: «Вся власть Советам»... И несмотря на эти плакаты, бунтующие оказались склонными подвергнуть исполнительные органы Совета аресту и насилию. Толпа бродила по улицам, явно не находя того врага, против которого она восстала.

Было бессмысленно. Но кое-что имело слишком определенный смысл. В Петербурге такой смысл имели, напр[имер], попытки ворваться в Генеральный штаб, где сосредоточены чрезвычайно секретные документы государственной обороны. И уже в ночь с 4 на 5 июля по улицам Петербурга и в редакциях газет были известны данные, способные удовлетворительно объяснить эти попытки: против некоторых очень видных вождей большевизма, в частности против Ленина и Зиновьева, оказались улики в изменнических связях с германским правительством. Этим замыкался круг: правительство на поводу у Советов, Советы на поводу у большевиков, большевики на поводу у неприятельских шпионов. В этом находила объяснение одновременность бунтарских вспышек в тылу и на фронте. Стала понятнее та энергия, с какою

большевики защищали «братанье» на фронте, поощряли дезертиров, призывали к дезертирству, требовали, чтобы сам народ явочным порядком приступил к перемирию...

Многое другое стало объясняться даже слишком просто. Сложные и стихийные явления жизни людьми, не привыкшими долго раздумывать, легко могут быть относимы в разряд «провокации немецких шпионов». Но именно возможность такого истолкования действий организации, шедшей на поводу у большевиков, закрыло дорогу. Дальнейший путь в прежнем направлении стал невозможен. Надо избрать какое-то другое, новое направление.

* * *

Самодержавие закончилось крахом претензий дворянства, которое было действительно организовано. Революция началась с претензий на диктатуру пролетариата, который, по признанию даже социал-демократической прессы, даже в таком районе, как петербургский, не организован. Под разными влияниями слова о диктатуре пролетариата были заменены словами о диктатуре «революционной демократии». Под последней разумеются рабочие, солдаты и крестьяне. Но все эти группы неорганизованны. И реально речь могла бы идти о диктатуре «депутатов», избранных более или менее случайными собраниями, более или менее митинговым способом.

От крайнего правого заблуждения при самодержавии маятник в начале революции метнулся к крайнему левому заблуждению. Несостоятельность этого левого заблуждения вполне доказана. Но неизвестно, куда метнется теперь маятник. На совещании членов Государственной думы 17 июля нашлись сторонники любопытного взгляда: они полагают, что высшая власть должна перейти к остаткам IV Думы. Говоря иначе, они хотят, чтобы маятник метнулся опять в сторону правых заблуждений, хотя и не таких крайних, как при самодержавии. Не трудно предвидеть, что и диктатура думцев, если бы она осуществилась, быстро потерпит крах. И тогда маятник снова качнется, по логике противоречия, в сторону левых заблуждений.

Пока есть надежды, что бедственных качаний удастся избежать. Советы фактически отrekliсь от притязаний на диктатуру. Они лишь настаивали, чтобы делегированные ими в состав правительства министры-социалисты давали перед советами отчет. Но министры и социалисты, и не социалисты заявили, что передают свои портфели в распоряжение А.Ф. Керенского; он и уполномочен составить правительство. Он, по крайней мере, теоретически, может составить правительство из лиц, которые никакой организацией не делегированы, а стало быть, и обязаны давать отчет не какой-либо отдельной организации, а стране. На этом пути как будто есть возможность построить коалиционную национальную временную власть. Такая власть, если она будет свободна от слишком односторонних влияний, может быть, сумеет организовать государственное управление на началах народовластия, исключаящих претензии каких бы то ни было отдельных групп на диктатуру.

Новый период революции начинается именно попытками найти пути в сторону народовластия. Насколько удадутся эти попытки, – покажет близкое будущее.

Русское Богатство. 1917. № 6–7. С. 270–278.

Ленин В.И.

ТРИ КРИЗИСА

Чем ожесточеннее клеветают и лгут на большевиков в эти дни, тем спокойнее должны мы, опровергая ложь и клеветы, вдумываться в историческую связь событий и в политическое, то есть *классовое*, значение данного хода революции.

В опровержение лжи и клеветы мы должны здесь лишь повторить ссылку на «Листок “Правды”» от 6-го июля и особенно обратить внимание читателей на печатаемую ниже статью, документально доказывающую, что 2-го и 3-го июля (до вечера) большевики агитировали *против* выступления (по признанию газеты партии с[оциалистов]-р[еволюционеров]), что 3-го июля (вечером) настроение масс вылилось через край, и выступление началось вопреки нашим советам, что 4-го июля мы призвали в листке (перепечатанном той же газетой «Дело Народа») к *мирной и организованной* демонстрации, что ночью 4-го июля мы приняли решение прекратить демонстрацию. Клеветайте, клеветники! Вы никогда не опровергнете этих фактов и решающего их значения во всей их связи.

Перейдем к вопросу об исторической связи событий. Когда мы еще в начале апреля высказались против поддержки Временного правительства, на нас напали и с[оциалисты]-р[еволюционер]ы, и меньшевики. А что доказала жизнь? Что доказали три исторические кризиса: 20–21 апреля, 10–18 июня, 3–4 июля?

Они доказали, во-первых, растущее недовольство масс буржуазной политикой буржуазного большинства Временного правительства.

Небезынтересно отметить, что газета правящей партии с[оциалистов]-р[еволюционер]ов «Дело Народа» от 6-го июля, несмотря на всю ее вражду к большевикам, вынуждена признать глубокие экономические и политические причины движения 3–4 июля. Глупая, грубая, гнусная ложь об искусственном вызывании этого движения, об агитации большевиков за выступление, с каждым днем будет разоблачаться больше и больше.

Общая причина, общий источник, общий глубокий корень всех трех названных политических кризисов ясен – особенно, если посмотреть на них в их связи, как повелевает смотреть на политику наука. Нелепо и думать, что три кризиса такого рода могли бы были быть вызваны искусственно.

Во-вторых, поучительно вникнуть в то, что было общего, и в то, что было индивидуального в каждом из этих кризисов.

Общее – выливающееся через край недовольство масс, возбуждение их против буржуазии и *ее* правительства. Кто *эту суть дела* забывает или замалчивает, или умаляет, тот отрекается от азбучных истин социализма относительно классовой борьбы.

Борьба классов в русской революции – пусть подумают об этом называющие себя социалистами люди, кое-что знающие о том, какова была борьба классов в европейских революциях.

Индивидуально в этих кризисах их проявление: во-первых (20–21 апреля) буржуазно-стихийная, совсем не организованная, приведшая к стрельбе черносотенцев против демонстрантов и к неслыханно диким и лживым обвинениям большевиков, демонстрация. После взрыва – политический кризис.

Во втором случае назначение демонстрации большевиками, отмена ее после грозного ультиматума и прямого запрещения со стороны съезда Советов и общая демонстрация 18-го июня, давшая явное преобладание большевистским лозунгам. Политический кризис, по признанию самих с[оциалистов]-р[еволюционеров] и меньшевиков, вечером 18-го июня, разразился бы, наверное, если бы его не покрыло наступление на фронте.

Третий кризис разрастается стихийно 3-го июля, вопреки усилиям большевиков 2-го и 3-го июля удержать его, и, достигнув высшей точки 4-го июля [ведет 5-го и 6-го к апогею контрреволюции]. Колебание у с[оциалистов]-р[еволюционеров] и меньшевиков выражается в том, что Спиридонова и ряд других с[оциалистов]-р[еволюционеров] высказываются за переход власти к Советам, и в том же духе высказываются раньше восстававшие против этого меньшевики-интернационалисты.

Наконец, последний – и, пожалуй, самый поучительный вывод из рассмотрения событий в их связи состоит в том, что *все* три кризиса показывают нам некоторую, новую в истории нашей революции, форму некоей демонстрации более сложного типа. При волнообразном движении, быстром подъеме и крутом спуске, при обострении революции и контрреволюции, при «вымывании», на более или менее продолжительное время, средних элементов.

По форме движение в течение всех этих трех кризисов было *демонстрацией*. Противоправительственная демонстрация – таково было бы, формально, наиболее точное описание событий. Но в том-то и суть, что это не обычная демонстрация, это нечто значительно большее, чем демонстрация, и меньшее, чем революция. Это взрыв революции и контрреволюции *вместе*, это – резкое, иногда почти внезапное «вымывание» средних элементов, в связи с бурным обнаружением пролетарских и буржуазных.

Крайне характерно в этом отношении, что все средние элементы упрекают за *каждое* из этих движений *обе* определенные классовые силы, и пролетарскую и буржуазную. Посмотрите на с[оциалистов]-р[еволюционеров] и меньшевиков: они из кожи лезут, надрываясь и крича, что большевики своими крайностями помогают контрреволюции. И в то же время, постоянно признаваясь, что кадеты, с коими они в блоке (в правительстве), – контрреволюционны. «Отмежеваться, – писало “Дело Народа” вчера, – глубоким рвом

от всех элементов справа, вплоть до воинственно настроившегося «Единства» (с коим, добавим от себя, с[оциалисты]-р[еволюционеры] шли в блоке на выборах) – такова наша неотложная задача».

Сопоставьте с этим сегодняшнее «Единство» (7-го июля), где Плехановская передовица вынуждена констатировать бесспорный факт, именно, что Советы, т. е. с[оциалисты]-р[еволюционеры] и меньшевики взяли себе «две недели на размышление» и что если власть перейдет к Советам, то это «было бы равносильно победе ленинцев».

«Если кадеты не держатся правила: чем хуже, тем лучше... – пишет Плеханов, – то они сами вынуждены будут сознаться, что они сделали...» (уйдя из министерства) «...большую ошибку, облегчив ленинцам их работу».

Разве это не характерно? Средние элементы обвиняют кадетов в том, что они облегчают работу большевикам, а большевиков в том, что они облегчают работу кадетам. Неужели трудно догадаться, что вместо политических наименований нужно подставить классовые, и что мы получаем тогда мечты мелкой буржуазии об исчезновении классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией.

Неужели трудно догадаться, что никакие большевики в мире не в силах были бы «вызвать» не только трех, но даже и одного «народного движения», если бы глубочайшие политические и экономические причины не приводили в движение пролетариат. Что никакие кадеты и монархисты вместе не в силах были вызвать никакого движения «справа», если бы столь же глубокие причины не создавали контрреволюционности буржуазии, как класса.

За движение 20–21 апреля и нас, и кадетов ругали за неуступчивость, за крайность, за обострение. Доходили до того, что большевиков обвиняли (как это ни нелепо) в стрельбе на Невском, – а когда движение кончилось, то те же с[оциалисты]-р[еволюционеры] и меньшевики, в своем объединенном и официальном органе «Известия», писали, что «народное движение» «смело империалистов Милюкова и пр.», т. е. *восхваляли* движение. Разве это не характерно? Разве не показывает это особенно ясно непонимание мелкой буржуазией механизма классовой борьбы пролетариата с буржуазией?

Объективное положение таково: громадное большинство населения страны мелкобуржуазно по своему умеренному положению, еще более по своим идеям. Но в стране царит крупный капитал, через банки и через капиталы в первую голову.

В стране есть городской пролетариат, достаточно развитый, чтобы идти своим путем, но еще не способный сразу привлечь на свою сторону большинство полупролетариев. Из этого основного, классового, факта вытекает неизбежность таких кризисов, как три кризиса, изучаемые нами, а равно и их формы.

Формы кризисов могут в будущем, конечно, перемениться, но суть дела останется, напр[имер], и в том случае, если в октябре соберется с[оциал]-р[еволюционер]ское Учредительное собрание. Эсеры обещали крестьянам 1) отмену частной собственности на землю; 2) передачу земли трудящимся;

3) конфискацию помещичьих земель, передачу их крестьянам без выкупа. Осуществить эти великие преобразования абсолютно невозможно без самых решительных революционнейших мер против буржуазии, мер, которые провести в состоянии *только* присоединение беднейшего крестьянства к пролетариату, *только* национализация банков и синдикатов.

Доверчивые крестьяне, поверившие на время, что можно достигнуть этих прекрасных вещей соглашением с буржуазией, неизбежно будут разочарованы и... «недовольны» (говоря мягко) – острой классовой борьбой пролетариата с буржуазией за осуществление эсеровских обещаний на деле.

Работница. 1917. № 7. С. 3–5.

Базаров В.А.

КОНФЛИКТ С ФИНЛЯДИЕЙ

Вчера ночью получено известие, что «Временное правительство, исчерпав все средства к соглашению с Финляндией и не желая употребить материальную силу, решило апеллировать к финскому народу и распустило Сейм 18-го июля». Пилюля позлащена обещанием доброжелательно отнестись к принятым Сеймом законам о 8-час[овом] дне и общинном самоуправлении, которым придают такое важное значение в Финляндии. Но так как финны склонны считать эти законы вступившими в действие независимо от того или другого отношения к ним Временного правительства, то и сия золотая пилюля вряд ли способна содействовать уврачеванию болезненного конфликта между Россией и Финляндией.

В чем же источник конфликта?

Каковы условия того соглашения, которое предлагалось Временным правительством и было отклонено непокорным Сеймом? Об этом нас, к сожалению, не осведомили. До сих пор мы полагали, что столкновение между Финляндским сеймом и демократическим большинством теперешнего правительства носит чисто формальный характер и отнюдь не вызывается каким-либо существенным разногласием по вопросу о самом содержании той автономии, на которую претендует Финляндия. Напомним, что Сейм установил автономию Финляндии в тех самых пределах и даже в тех самых выражениях, в каких она была очерчена Всероссийским съездом Советов р[абочих] и с[олдатских] депутатов, платформу которого обязаны проводить министры-социалисты. Недоумение последних могло возбудить только то обстоятельство, что Сейм поспешил провозгласить автономию, не дождавшись соответственного декрета Временного правительства, от чего несколько пострадал «престиж» российской власти.

Но неужели же такая мера, как роспуск Сейма, может поднять этот престиж?

Мы не знаем еще, как будут реагировать финны на манифест Временного правительства. Если Сейм *не* признает себя распущенным, то Временному

правительству придется или брать манифест обратно, что отнюдь не будет способствовать усилению его авторитета, или же «употребить материальную силу», что окончательно похоронит его демократический и социалистический престиж. Но если даже финляндцы согласятся на переизбрание Сейма, то и в этом случае получится лишь проволочка, ничуть не улучшающая дела, – ибо, принимая во внимание состояние умов в Финляндии, едва ли можно сомневаться в том, что теперешнее большинство Сейма вернется обратно в усиленном составе и с еще более крепким настроением.

Таким образом, ничего, кроме расширения и углубления конфликта с Финляндией от роспуска Сейма, предвидеть нельзя, еще более отрицательно эта решительная мера нашей твердой власти должна отразиться за границей. Как передают делегаты Исп[олнительного] Ком[итета] Сов[ета] р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов], последние репрессивные мероприятия Временного правительства произвели самое удручающее впечатление на социалистические круги союзных стран, создали впечатление торжества империалистических течений в России чрезвычайно затруднили работу по созыву Стокгольмской конференции и вообще в крайности ослабили международную агитацию за мир, которой наше правительственное большинство придавало до сих пор такое важное значение. Роспуск Сейма будет воспринят как новый тяжелый удар возрождающемуся Интернационалу.

Чем же объяснить столь прискорбное расхождение Вр[еменного] правительства с собственной программой?

Так как никаких сомнений в искренности министров Керенского – Церетели быть не может, то остается допустить, что, отдавая все свои силы тушению революционных «пожаров» и дипломатическим переговорам с «живыми силами» контрреволюционных групп, они не имеют достаточно времени, для того чтобы вдуматься в те меры, которые им предлагают со стороны, и бессознательно подрывают тот сук, на котором сидят.

Новая Жизнь. 1917, 21 июля (3 августа). № 80.

Гревс И.М.

КУЛЬТ РЕВОЛЮЦИИ

1.

У нас на Руси в честных, хороших – пожалуй, лучших – интеллигентских передовых кругах, – и не только молодых и не только самых крайних, слово *революция* издавна окружено необычайным ореолом. Оно как бы всегда закутано густым облаком радужной романтики. Оно вызывает в умах высокую оценку как необходимая принадлежность идеалистического мирозерцания, в сердцах – чувство благородного подъема, в волях благоговение, вырастающее в культ, готовый (с первого раза может казаться) на подвиг. Революция и прогресс представлялись у нас почти всегда нераздельными спутниками.

Быть революционером – становилось почти императивом для общественной и личной этики. Истинность взгляда, поступка мерились его близостью к революционности.

Довольно легко понять, по крайней мере отчасти, почему так сложилось. Наш политический строй слишком застарел, отстал от всякой правды и смысла. Он чересчур резко противоречил благу народному, чересчур грубо стеснял свободу культурного движения. Он особенно шел вразрез с уровнем запросов просвещенных верхов. Он искажал, давил природу и стихию той «образованной и нравственной» его вершины, которая носит имя «интеллигенции», столь прекрасное по существу и так затрепавшееся от злоупотребления. Она выросла на усвоении лучших ярких цветов западноевропейской мысли, и русская серая, ледяная действительность морила ее, вызывала протест и негодование.

Терпеть дальше казалось немислимо и недопустимо. Старый порядок душил всех и все. Он должен быть сметен сразу и без остатка. Строить среди настоящего было бы бесполезно. «Все равно, надо будет потом все переделать». Таково было русское упрощение западного догматического революционаризма, который проникал, например, «Коммунистический манифест» Маркса и Энгельса, отрицавший возможность строительства будущего блага на почве существующего зла. – И такая интеллигентская иллюзия искренно прикрывалась верованьем, что сами массы нетерпеливо требуют задуманной вождами революции. «Нельзя медлить, потому что народ больше ждать не согласен». – Все приходят на память слова героев «Нови», в которой можно почерпнуть ценный, несправедливо пренебреженный материал для изучения психологии русских революционеров. Между тем знания народа и политического опыта не было в членах крайних течений; мало было и беспристрастной мысли, критического наблюдения жизни и общественного чутья, тонкости и гибкости суждения, выдержки характера. Доходило же дело до того, что у предков нынешних народнических партий сложилось убеждение, будто русский народ по идеалам своим нуждается лишь в социальных реформах, но конечных и полных. Политический же строй может остаться хоть самодержавной монархией, только бы осуществлен был революцией (пусть то будет бунт с «царистской» окраской – против «господ») «общинный социализм». Когда же силою вещей выдвинулась неизбежность *политического* переворота как первого шага политической свободы, как двери к социальным реформам, тогда сильнейшие революционеры слепо сгрудились на терроре против «царя» для разрушения «царизма»; все же остальное было забыто в азарте зловещей охоты. Утопизм «народников» выродился в узость «народовольцев» и их конкретный фанатизм.

Медленно достигать улучшений в государственных порядках и в формах народной жизни казалось невозможным и преступным. Вооруженная рука носителей «народной Немезиды» разрушит ненавистную тюрьму. На развалинах ее воздвигнут будет новый храм. Только кровью славных и истреблением бесславных может быть расчищена и удобрена почва. «Прошло время эволюции, настал день для революции»... Так говорили мне друзья мои, ра-

дикальные студенты и курсистки 90-х годов, жалея, что профессор, которому они верили, отставал от их *credo*. Так и сам я еще склонен был думать в начале 80-х годов. «Либерал-постепеновец» стало презренным наименованием, почти хуже, чем консерватор или реакционер. Тургенев, открыто признав себя таковым в воспоминаниях, отвратил прогрессивное юношество еще больше, чем отрицательным изображением революционеров в романах. И нынче кажется необычным, когда слышишь защиту принципов «эволюции», как единого прочного пути строительства, из уст таких испытанных и кристально-искренних старых революционеров, как Н.А. Морозов и Г.В. Плеханов, В.И. Засулич и В.Н. Фигнер. Радостно читать их авторитетные слова; только отрезвят ли они от ослепления, ...когда крайние девизы проповедываются не одною молодежью, но деятелями, казалось бы, умудренными, считающими себя призванными к ответственным постам, мнящими себя носителями народных идеалов?

Крепко держится у нас традиция обоготворения меча революционной борьбы, вера в «святое насилие». Культ революционности питался еще гипнотизирующим действием окружающей революционера тайны, осеняющим его личность нимбом грозящего мученичества. На практически подвиг шли единицы, десятки, но на теоретическое поклонение им бросались множества. И это было естественно. Жилось тяжело для сердец, способных любить доброе. Познать причину зла, выработать идеал и путь для его последовательного искоренения – на это требуется столько труда и надолго откладывается дело. А отдаться пассивно готовым лозунгам, которые манят соблазнительным будущим, было слишком отрадно. Сама собою покорялась благородно настроенная душа. Очень много невинных или только поигравших с огнем захватывалось «колесницею Джаггернаута»; это лишь порождало ожесточение, утверждало в сознании, что революция неизбежна: так жить нельзя!

2.

Само положение вещей подготавливало из русского прогрессиста революционера. Только этого мало для объяснения нашей податливости к радикализации концепций лучшего будущего. Внутренняя духовная наша порода такова, что с трудом понимает сложность человеческой культуры, ее образования, потребностей, факторов прогресса. Нас покоряет отвлеченная цельность, и мы отталкиваем представление о конкретных препятствиях. Мы вдохновляемся чистотою принципиальности, и для нас пугало – слово «умеренный». В частности, мы не способны вразумиться, что всякая политика есть компромисс. Наполеон вообще презирал «идеологию». Тем самым он отвергал самое дорогое, что отличает людей. Но наша идеология такова, что она рассыпается перед реальностью, оказывается жалкою и неможною, а то и опасною перед серьезною жизненною задачею. Мы, наоборот, быстро строя общественный идеал из наскоро собранного пестрого материала, презираем мысль о его осуществимости. Только в науке, по уродливой компенсации, боимся мы полета вверх (свысока обзываем его метафизикой), трусливо держимся за позитивистский *terre à terre*.

Это – очень тяжелая язва духа, тем тяжелее, чем она бессознательнее. Это страшный изъян ума и воли – отсутствие активности. Мы пасуем перед критикой, исканием, хотя славим давно идеал «критически мыслящей личности», любим щеголять словом «творчество». Довольны мы готовым, соблазняемся одноцветным и ослепительным и уж не можем отделаться от поработившего нас человека (героя: и как плохи часто наши герои!). Или идеи (догмата: и как детски элементарны популярнейшие у нас догматы!). *Идеал превращается у нас в идола*. Мы боимся религии, но, в сущности, мы фетишисты, рабы стихии, а не свободно верующие. Так и с революцией. Слово это – часто именно голое слово – для нас Бог и закон, и мы не ощущаем, что оно в нас очень нередко – пусто и бессодержательно¹.

Революция и только! За этим девизом мы идем, как за непреодолимым магнитом. Мы жаждали революции, как манны небесной. В истории нашей страны мы идеализировали безобразные стихийные движения («русский бунт бессмысленный и беспощадный»). В истории других стран мы бросались, прежде всего, на изучение революций. Гракхи, альбигойцы, коммунальные восстания, крестьянские войны, всевозможные перевороты, начиная с XVII в., в Англии, во Франции, Германии и Италии всего больше привлекали внимание даже наших ученых исследователей. О читающей публике и молодежи говорить нечего. Книжному рынку предъявлялся неослабевающий спрос на издания по истории революций. Раскупались переводы таких многотомных, дорогих сочинений, как некогда знаменитая, но давно устаревшая «Histoire de la révolution française» Луи Блана. Переводились и расхватавались всякие книги на подобные темы: солидные труды и летучие брошюры, талантливые изображения и бездарные, рекламные компиляции. Даже направления не очень разбирались. Нравились не только Луи Блан, Олар, Жорес, но и Зибель, Гейссер и Тэн. Лишь бы затрагивалась революция. Для многих политиков-доктринеров (а у нас таковыми кишат все партии) революции являлись предметами не одного идейного размышления, но образцами для подражания, чем-то вроде священных книг, откровения истины. Будто в истории, где мало что повторяется, можно оперировать подражанием. Уроки истории понимались грубо элементарно. Не уразумевали, какое именно свободное, критическое продумывание прошлого ради истолкования творящих сил истории дает политику действительно дорогой опыт мышления о социальных и духовных явлениях. Наблюдение наших практических деятелей, в самом деле, укрепляет скептический вывод М.П. Драгоманова: «История учит только тому, что она ничему не учит».

¹ Я говорю здесь о дефектах нашего *революционаризма*, и это для меня тяжелое признание, ведь именно в революционных движениях столько открывается благородных страниц. Но то же самое пришлось бы повторить и о наших *реакционерах*. Ужас нашей реакции не в одном жестоком своекорыстии ее произвола, но и в безнадежной умственной слепоте и грубости мысли, тупости ее эгоизма. Только об этом сейчас нет речи. Теперь царит ослепление революционностью. Возрождение реакционности – дальнейшая опасность, и она, наверное, приблизится, если мы не прозреем от революционной слепоты.

Наша интеллигенция и на западе слывет идолопоклонницей революций. В долгие пребывания свои за границей мне приходилось это замечать. Помню один характерный случай от начала 90-х годов. В Париже в воскресном салоне знаменитого филолога Гастона Париса, где бывало у симпатичного хозяина множество *sommités* из всяких идейных кругов, встретился я раз с всем известным Тэном и с замечательным, теперь также умершим, знатоком античной культуры Гастоном Буассье. Когда меня представили как русского ученого (я еще тогда не вышел из того, что на западе считается молодостью), они начали меня расспрашивать о России, чаще всего наводя речь на «нигилистов».

«У вас в России (*vous autres, en Russie*) все восхищаются революциями, сурово говорил Тэн: думают, это эпохи благородных идей и самоотверженных актов. Ничуть! Я вам скажу (а я знаю: я не только изучал, я переживал их): революции гораздо чаще – простор для разлива самых грязных страстей и поступков. Меня называют реакционером, но я только правду говорю; нашел ее в памятниках и видел своими глазами». – И он стал рассказывать вереницы фактов, которые рисовали «изнанку революции» (*les saletés de la révolution*: так он говорил на своем желчном языке). Глубокие, острые глаза блестели негодующим огоньком, худощавое лицо морщилось, насупились густые, стариковские брови; но голос звучал молодою энергией¹.

Французы, поклонники истории и культуры, консерваторы дорогого наследия старины, нарочно резко преувеличивали оборотную сторону медали для развенчания в уме собеседника русских иллюзий, русской веры в революцию, о которой они издали слышались. Но это не так легко, и меня они не убедили. Меня интересовали их речи больше психологически, как проявления «французского скептицизма». По шаблону так обыкновенно квалифицировалось у нас, и вряд ли верно, умственное настроение современных мыслителей великой нации, которую мы вслед за немцами готовы были считать вырождающейся.

Мы вообще не видим в революциях изнанки. Картина их раскрывается перед нами всего чаще одною блестящею поверхностью. Из сочинений историков, чужих и наших, мы не усматриваем, что прочными результатами оказывались именно те перемены, которые подготовлены были вековым созидательным трудом, а революционные взрывы только сбрасывали сгнившую оболочку. Мы не чувствуем, что, наоборот, эксцессы насилия, затягивавшиеся революции подтачивали достигнутый прогресс, способствовали оживанию низвергнутого зла. Мы изучаем и не разочаровываемся в культе революционного начала. Должно быть, опыт еще недостаточно открыл глаза. Истомленные царизмом, мы недовольно еще намучились революциями. Сколько же предстоит нам еще их пережить!

¹ «N'est-ce pas, Gaston?» – обращался он за поддержкою к сидевшему рядом со мной Буассье. – «Mais parfaitement, Hypolite, tu as raison. C'est précisément: ça». – И его мягкий, тонкий взор на корректной, тщательно выбритой физиономии с бакенчиками «à la 1830» светски любезно устремлялся на меня.

3.

На страницах газет – даже умеренные («буржуазные»!) не отстают часто от крайних, подчиняясь новому стилю – и в речах на съездах и митингах слово – *революция* звучит ежесекундно, кстати и некстати, так что теряет достоинство, обесцвечивается от повторения. Если это – лучшее слово, берегите его, почитайте, не треплите по улице. Так же, как и другое, доброе слово – *товарищ*. Революционный народ, революционная армия, революционное правительство, революционная демократия, город, школа, деревня, литература, революционный *порядок*¹, но и дальше все до мелочей дублируется этим прилагательным². А *те* понятия, к каким этот признак плохо применяется, как, например, не только монархия или полиция, но и буржуазия, церковь, боюсь (для некоторых) даже наука, религия вообще, – отбрасываются самыми правоверными, как преступные, негодные или подозрительные. Все время страшатся за революцию, воздвигают *правительство спасения революции*.

Революция как бы становится необходимым, постоянным условием правильного и благонадежного существования, а не резким, преходящим потрясением, являющимся порою неизбежным разрешением кризиса. Она санкционируется, как будто бы вечное сопутствие благу: восклицают – «революция продолжается»! А то мечтают о «мировой, перманентной революции». Стращают революцией, как карою, слабые сердца тех, кого подозревают сторонниками старого порядка: смотрят кругом недреманным оком (совсем, как встарь!), указывают обличительным перстом, вопят: «контрреволюционер!» (как прежде кричали – «социалист!»)³.

Нас постигла какая-то мания, одержимость! Рабство понятию – великая беда, особенно когда оно выветривается в слово, теряя глубокий смысл, рея в воздухе, как мираж, вызывая, однако, очень фанатическое чувство.

Коли осмелюсь я сказать, что революция – великое бедствие, коли буду утверждать, что ее нельзя, не должно любить, а следует страшиться, а потому всеми добрыми силами предупреждать; если же не удалось достигнуть желанного мирными средствами, своевременными честными реформами, то надо стремиться всем как можно скорее из нее выйти, – коли я это скажу, слова мои будут обозваны многими реакцией и кощунством. А почему? Может быть, именно в них и только в них – благо и истина! Надо анализировать понятия, которыми орудуешь, как руководящими началами для деятельности.

¹ Одна газета из проповедниц эсеровского большевизма в качестве примера такого пела панегирик послереволюционному режиму, утвердившемуся в Кронштадте!

² В Италии, после осуществления ее новейшего Risorgimento, так же злоупотребляли словом – *национальный*. Не только все учреждения украсились этим эпитетом, и каждый город завел себе «национальные» улицы и площади, но в Риме можно было читать вывеску – «национальный брадобрей» (parrucchiere nazionale)!

³ См. в № 10 «Русской Свободы» статью «Контрреволюция»; в ней Н.А. Бердяев отлично раскрывает безумное насилие, с которым маневрирует теперь левая печать и этим злосчастным словом.

Прогресс – это планомерное движение к идеалу; *эволюция* – это закономерное развитие социальной и духовной культуры; *революция* – это насильственное ниспровержение того, что застарело и давит и не хочет уступать место тому, что приобрело силу и рвется к жизни. Всегда ли последнее хорошо и соответственно прогрессу? Бывают ведь и реакционные революции. Прогресс требует сознательной мысли и свободы воли. Насилие будит страсть, а последняя туманит мысль и порабощает волю. Слово – *революция* формально, а не реально; оно указывает на обличье (таковое же в ней всегда одно – насильственное устранение), а не на содержание (последнее раскрывается, многообразно).

Действие революции может быть только быстро и разрушительно. Она в силах устранить пошатнувшийся, но поддерживаемый инерцией политический порядок. Если этот порядок душит жизнь и не поддается мирному воздействию, такая низвергшая его революция служит прогрессу. Поэтому благотворные революции могут быть только политические, и они должны протекать скоро, не расстраивая жизнь затяжением насилия и террора, уступая путь возрождающему труду. «Социальные революции» невозможны, ибо дело революции – разрушение; зиждательная работа может быть только *эволюционной*, ибо требует долгого спокойного действия сплотившихся общих сил. Она может начаться как результат революции; но она будет подорвана ее продолжением, ибо это окружит жизнь атмосферой злобы, гнева и страха, которая душит, а не творит. С прогрессом длительная революция особенно несовместима, ибо он требует мира и мысли, которые бы растили и закаляли воли, а не войны и страсти, которые питают революцию. Верящие в революцию как в средство освобождения от зла, жертвующие ей жизнь должны уметь отказаться от нее как от негодного орудия для строительства блага, особенно после того, как она успешно сразила общего векового врага.

Революция – сама по себе *зло* (как война зло). Надо сказать правду, и в нынешней несвободной атмосфере приходится для этого собрать мужество. Результаты же ее могут быть *благом*: жизнь людей противоречива и несовершенна, не может обойтись без катастроф и насилий в борьбе за достойное для всех существование. Но чтобы благие плоды укрепились как прочное народное достояние, нужно, чтобы разрушение уступило место созиданию. «Революционное же творчество» – *contradictio in adiecto*. Какая трагедия, что столько безукоризненных людей, могущих стать превосходными деятелями, не хотят этого понять, других вводят в заблуждение, смущают личности и массы.

Революция фатально подавляет разум и свободу. Зрячее сердце не может ее любить; оно может лишь признавать ее, зло, необходимое для избавления от зла еще худшего. Пора и нам, пережившим революцию 1917 г., особенно тем, кто участвовал в ее делании, очнуться от угара; иначе неминуемо все узнится в хаос. Именно от идолопоклонства революции впадаем мы во всякого рода слепой большевизм.

4.

Теперь, если обратиться к самой революции 1917 г., благо или зло? – Она была великим добром для всех «благомыслящих»: она свергла царизм, которого нельзя было больше терпеть, который довел Россию до края гибели, не уступая места способным творить обновление, а сам закрывая ему путь. Такова была необходимость революции. Потому все добрые сыны России ее приветствовали в первые дни братским хором, не рабьею лестью, а душою проникавшею радостью. Казалось, занимается заря, идет весна. Но необходимость эта была трагическая, и никто даже не ждал ужасной глубины трагизма, таившегося в перевороте.

А в настоящий день революция добро или зло? – Доброе дело ее уже в прошлом. А потом она совершила немало и зла; продолжение же ее в формах насилия грозит злом еще горшим. Она должна переродиться в *творческую* эволюцию. Таково будет единственное ее светлое детище.

Легко показать допущенное ею зло, но нелегко о нем говорить. Сердце сжимается стыдом и ужасом. Но, прежде всего, спрошу для предварительного выяснения: не лучше ли было бы, если бы революции 1917 г. вовсе не было, т. е. если бы она не оказалась необходимою, если бы старый строй исчез иначе. Были бы у царя мудрые и честные советники в 1905 г., и сам оказался он вождем, достойным великого народа; удержались бы от эксцессов крайние партии; господствующее классы проявили бы больше социальной справедливости и политической стойкости; будь массы сельские сознательнее, рабочие бескорыстнее и зреее, все – просвещеннее, – Россия перешла бы к новому государственному строю с значительными улучшениями социального уже тогда, без того потрясения, от которого она вся содрогается нынче. – Что возразить? Что это – мечтания? Но здесь ставится теоретический вопрос. – Достигнуто было бы меньше? Т. е. сохранилась бы монархия? Но и на западе монархические формы уживаются с свободой и демократией. – Не было бы поднято так высоко (в самом правительстве) знамя социализма? – Но и теперь этот социализм не есть ли иллюзия, распространяемая для агитации масс, в которую не верят и вожди?

Я стою за республику. Но она требует много разума и много самоотвержения. Найдутся ли они у нас? А анархия, в которую мы впадаем, если она утвердится надолго, ужели не хуже конституционной монархии, если бы она установилась по-настоящему тогда, в 1905 году? Может быть, тогда общими силами удалось бы лучше предотвратить и войну, которою три года терзается все человечество, или с честной добросовестностью к ней подготовиться, мужественно приять ее и довести до победного конца. – Если бы не было войны, не было бы и революции? Но какой неразрешимый, ужасный узел – революция во время войны!

Грозит анархия. А революция открылась под кличем свободы. Одно – противно другому. И теперь – где свобода? Царит беспорядочный, многоголовый произвол. Революция возгласила демократию. Где же равенство? Утесненные прежде массы готовятся утеснить прежние меньшинства. С свободой и равен-

ством классическая революционная формула связывала всегда братство. Где и оно? Разразилась небывалая ненависть между нациями, классами, партиями, лицами... И с нею немногие борются; ее проповедуют как идеал партийные главари. Это делали даже некоторые министры «коалиционного» правительства. Что это? Кошмар или страшная действительность?

Кто-нибудь возразит: страсть – зиждательнейшая сила в человеческой природе. Да, но всякая ли? Ныне свирепствуют страсти, жестоко эгоистические. Они возгораются сами собой и разжигаются намеренно. Насколько можно судить по истории, никогда не было такой материалистической революции, как наша теперешняя. Слабые идеалистические голоса покрываются громкими экономическими девизами. Манят массы обещаниями обогащения и лишения богатства других. Не поднимается волна новой религиозной веры, всенародного морального энтузиазма. Царит алчная жажда неосуществимого земного благополучия. Нет «святого безумия» служения высшему благу всех, нет мысли о вечности.

Проявляется в феноменальных формах трусость и предательство. При царе изменяли министры, генералы, грабили группы отдельных хищников. Теперь развращенные пропагандой диких призывов, будто бы освободительных, бегут целые части «революционной армии», отдавая неприятелю плоды невероятных усилий и жертв, раскрывают вторжению плодородное лоно матери родной земли. Самая идея «родины» топчется глашатаями плохо понятого (а то лицемерного) интернационализма или подкупленными изменниками, которые действуют под маскою революционеров, а уличенные постыдно бегут к врагам. Революция, как и раньше, спуталась с провокацией так, что порою и не различишь.

А как назвать то, что происходит внутри? Нации поднимаются против наций, классы против классов, местности своевольно запираются в угловые интересы. Царит взаимная клевета. Призывы к миру с немцами звучат фальшью при готовности к гражданской войне. Разбои прикрываются мантией анархизма или большевизма. Пал труд, когда страна требует сверхчеловеческого напряжения сил. Целые толпы погружаются в преступную праздность, убивают свет разума и голос совести в потоках митинговых словоизвержений, питаемых бессовестной демагогией самоуверенных подстрекателей. Надвигается жесточайшее общее разорение. А люди грозят другим «кровью и железом», забывая предвидение будущего близоруким самомнением господ момента.

5.

Все, о чем здесь говорится, не исчерпывает, слава Богу, всей нашей жизни теперь; существуют благородные противотечения; растут сознательные противовесы. Пробуждаются и в массах инстинкты правды. Рвутся из богатой почвы могучие победы будущего. Но указанные язвы – зло реальное и страшное. Его надо вскрывать. И это вызванный (либо выявленный) революцией грех и позор. Это, должен сказать, – кто понимает, и оглушенные пусть выслушают без вопля негодования, отрясаясь от притязаний на монополию истины.

Спасать Россию ныне не одно и то же, что спасать революцию. Россия – нечто вечное, и она – цель, а революция – временное средство, и надо опасаться упоения им. Россия приведена царизмом к краю гибели; революция ее еще не спасла. Надо спасать плоды, которые ею достигнуты; но необходимо избавить страну, государство и общество и культуру также от зла, которое несут с собою ее излишества.

От криков ненависти к голосу любви! Первая радость протекла быстро; произошло разложение, и оно вызовет реакцию, которой подчинятся приведенные к усталости, истощенные массы. Крайне левые именуют себя социалистами. Но они обеспложивают самое понятие, вынимая из него всю идеалистическую душу. *Социализм* возможен лишь при способности всех к *солидарности*. Он вырождается (что бы ни говорили!) от классовой борьбы. Соединять эти два понятия – неискоренимое заблуждение революционаризма.

Я верю в русский народ и в русскую интеллигенцию. Оттого и говорю с жестокою болью то, что говорю. Без веры не стоило бы говорить. Нет улады в таких словах. Верю я и в отрезвление революционеров. Не обличаю, зову к единству. Откажитесь от близорукой мании. Выйдите на долгий строительный труд. Оставайтесь верны своим идеалам, но поймите, что они лишь медленно перерождают жизнь. Готовьте учеников, преданных идее, передавайте им накопленное трудом наследие на благо народа. Отвернитесь от обманчивой уверенности, что вы одни знаете и носите всю правду, весь гений человечества. Не отталкивайте союзников, как врагов. Необходимо единение прогрессивных сил всей нации, единая благая работа, общеклассовая, народная. Правда – выше класса, она в нации. Путь к единству человечества – через братство народов, внутренне слившихся каждый в единую личность, а не чрез одноименные классы (интернациональный пролетариат), разделяющие нации, рвущие на части тело и душу народа. Пусть будет наш народ един и силен от внешних врагов, от внутренних междоусобиц. К миру, свету и свободе! Пусть будет жизнь, а не смерть!

Русская Свобода. 1917. № 24–25. С. 19–28.

ЦЕРКОВЬ КАК ОБЩЕСТВЕННАЯ СИЛА

Редакционная статья

«Всероссийского Церковно-Общественного Вестника»

Речи об «аполитизме» церкви давно уже стали привычными и стертыми. С началом революции, однако, и духовенство, и миряне признали необходимым некоторое участие в общественной жизни, хотя в формах последнего и расходятся между собою. И, кажется, доселе остается для многих неясным, что между указанными положениями нет противоречия по существу.

Да, церковь должна быть «аполитичной». Она по природе своей резко расходится с государством, живет в иной области. И когда иерархия наша служила государству, когда, напр[имер], за последнее десятилетие политическая деятельность увлекала ее до забвения пастырского дела, необходимо было призывать к аполитизму. Когда миссионерство, бессильное в своих методах борьбы с врагами церкви словом, опиралось на внешнюю государственную силу, когда верили, что церковь только и может оберегать себя от распада чрез государственную, правовую помощь как деньгами, так и привилегированным положением, необходимо было напоминать, что Царство Христа «не от мира сего».

Дело в средствах, в методах церковно-общественной работы. И никто не станет отрицать, что ни пастырь, ни христианин не могут молчать при виде зла в государственно-общественном строе, что их прямой религиозный долг всеми силами насаждать вокруг себя начала евангельские. Трудно представить себе те доводы, какими можно было бы оправдать безразличие церковного общества к тому, будут ли во главе государства стоять люди христианского настроения. И не менее трудно представить себе большего нарушения евангельского закона, чем отказ от принятия на себя христианином или пастырем общественно-государственного дела. Неужели, напр[имер], было бы нарушением внемирного характера церкви принятие епископом должности директора нар[одных] школ или председателя земства? Это было бы великим торжеством церкви, великою радостью.

Но это церковь может принять лишь как призыв, а не как насилие. И внутри себя она не терпит насилия над обществом, требуя «аксиос» не только от епископов, но и от мирян; так и здесь, только при начале общественности подобное дело будет воистину христианским. Старый строй основывался на насилии, навязывании обществу того, что шло сверху. Этот старый порядок был совершенно непримирим с церковными основами жизни. Иное дело – общественная государственность, то, что называется демократическим строем в точном смысле этого слова. Когда государство видело в гражданах только рабов, церковь ни в каком случае не могла иметь с ним общего дела. Но когда общественность сама творит свою жизнь, когда, след[овательно], общественные формы создаются свободно, исходят из самого общества, церковь является полноправною соотрудицею в общей массе народа. Здесь она может создавать в себе и чисто общественную организацию, которая будет проводить в жизнь христианские начала, которая может выступать, раз позволят ей силы, количество ее членов, и в общественной жизни со своими программами, своими желаниями. Но как церковная, религиозная организация она неизбежно будет заключена в рамки моральной деятельности, т. е. не может по самому существу своему расходиться с основою демократизма – свободой. Она не знает насилия, не может принуждать, как церковная организация, к повиновению всех членов государства. Она сильна настолько, насколько силен ее голос.

Мы сейчас не знаем этой силы. Сейчас творится суд над русскою церковью; официальная ложь сотен лет не позволяла видеть, каковы же живые силы

ее, сколько их; сколько во Израиле «не преклонивших колена пред Ваалом». Несомненно, этот суд будет печальным: немало в церкви сухих, мертвых элементов. Но останется живое, здоровое ядро. И оно будет обязано принимать участие не в иной организации, а в христианской, той, какая наиболее, по сознанию верующего, осуществляет христианские начала жизни.

Позволим привести пример. Пусть Учредительное собрание будет иметь среди своих членов две трети убежденных христиан, представляющих голос 110 миллионов верующего православного народа. Разве в таком случае они не имели ли бы права по своему христианскому сознанию решать вопросы о положении церкви в государстве, о Законе Божиим в школе, повторяем – не выходя из принципов церкви и новой государственности, не произведя насилия над совестью прочего населения России? Разве поддержка культов не имела бы права на всенародное признание, если бы большинство народа чрез свое представительство признало религию огромной общественной силою?

Быть аполитичным – значит только быть чуждым смешения церкви с государственностью, не вносить в христианское дело начала государственного принуждения и внешнего покровительства. Свободное государство, основывающее себя на свободной общественности, дает право и церкви такого же свободного общественного творчества, как каждому обществу, каждой общественной силе. И протестовать против этого можно только нарушая элементарное начало нового строя – свободу совести и слово, впадая в грех против самой церкви, обязывающей не забывать о ближнем. Наша же русская церковь народной легендой о св. Николе Милостивом и Касьяне призывает даже к утрате райской чистоты во имя служения ближнему. И это – глубоко христиански, евангельски: «Кто хочет спасти душу свою, тот погубит ее; и кто потеряет душу свою Меня ради и Евангелия, тот спасет ее в жизнь вечную».

*Всероссийский Церковно-Общественный Вестник.
1917, 19 июля. № 72.*

Бердяев Н.А.

КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ

I

Словом «контрреволюция» сейчас безобразно злоупотребляют. То, как применяют сейчас это слово в левой социалистической печати, на уличных митингах, в частных спорах, нельзя назвать иначе, как нравственным шантажом. Это – легкий способ заткнуть рот противнику и лишить его слова.

Контрреволюционным называется всякое мнение, которое не нравится, не совпадает с той или иной социальной доктриной. Слишком индивидуальная мысль сейчас уже, наверное, будет признана контрреволюционной. Революционными признают лишь трафаретные мысли, лишь стадные мысли.

Контрреволюцией назовут всякое обеспечение свободы и права, всякое закрепление завоеваний революции в новом правовом порядке.

Эпитетом контрреволюции хотят скомпрометировать несогласное или враждебное мнение и вызвать к нему подозрительное отношение. Это – прямое насилие над человеческой личностью, над ее мыслью и совестью, отрицание элементарного уважения к человеческой личности. Злоупотребление словом «контрреволюция» отравило Россию недоверием, подозрительностью и враждой.

Народные массы, которые легко верят первому встречному демагогу или провокатору, уже повергнуты в болезненную стихию мнительности и злобной подозрительности. От этой массовой болезни нелегко будет излечиться.

Нравственный шантаж уже дал свои плоды. Он фактически почти упразднил свободу слова, лишил слово его самоценности. Несчастные русские люди и после своего освобождения начинают утаивать свои мысли, чувствуют затруднение свободного высказывания, не могут дышать воздухом свободы. Атмосфера начинает напоминать ту, которая была перед революцией, в дни оргии реакции. И гнет этот создается не теми, которые хотят сделать контрреволюцию, а теми, которые клеймят контрреволюцией всякое свободное и независимое слово.

Русская революция вот уже несколько месяцев занята розыском несуществующей контрреволюции и одержима манией шпионажа. Так как контрреволюционного объекта не оказалось, то его постепенно начали изобретать, создавать. Контрреволюционная «буржуазия», несомненно, есть создание болезненного, маниакального воображения.

Злоупотребление эпитетом «контрреволюция» нарастает головокружительным темпом. Сфера «контрреволюции» все расширяется и клеймение «контрреволюционностью» захватывает все новые и новые жертвы. Революция в своей фатальной диалектике пожирает своих отцов и детей. Стихия революции не знает благодарности, она никогда не воздает по заслугам. Эту последнюю миссию берет на себя история и историки.

В первые дни русской революции контрреволюционными называли притаившиеся силы старого режима и от них ждали угрозы делу свободы. Но скоро уже контрреволюционными силами были признаны партия народной свободы, все русские либералы, Государственная дума, Земский и Городской союз. Образована была контрреволюционная «буржуазия», в которую вошли и широкие круги интеллигенции. Главой контрреволюции был признан П.Н. Милюков. На этом процесс не остановился.

Мы вступаем в период, когда в контрреволюционных замыслах подозреваются социал-демократы меньшевистского крыла и социалисты-революционеры. Из социалистов первой жертвой этого нравственного шантажа пал Г.В. Плеханов.

Так выяснилось в течение трех послереволюционных месяцев, что большая часть России контрреволюционная по своим тайным или явным настроениям и вождениям. Печальный результат. П.Н. Милюков – глава контрреволюции

онной буржуазии. Г.В. Плеханов продался буржуазии. Министры-социалисты Керенский и Церетели собираются продаться буржуазии, и уже захвачены контрреволюционными веяниями.

Что будет с русской свободой?

Единственной светлой, истинно революционной стихией остаются большевики, которые и хотят устроить новую революцию против большинства, настроенного «буржуазно» и «контрреволюционно». Эти светлые и чистые носители духа революционного и социалистического не останавливаются перед заговорами против собственных товарищей социал-демократов, они и у них открывают контрреволюцию. Русская революция и русская свобода раздираются.

Сфера чистой революционности все суживается и в конце концов отождествляется с небольшой кучкой, рассчитывающей на демагогическое разжигание страстей в темных массах. Пока еще большевики чувствуют себя цельными выразителями революции, всех подозревающими в буржуазной контрреволюционности, но единственными стоящими вне подозрений. Они, бесспорно, не подкуплены буржуазией. Правда, некоторых из них подозревают в том, что они подкуплены Германией, но в этом нет ничего контрреволюционного и буржуазного.

На этом процесс «развития» революции не остановится.

II

Процесс розыска контрреволюции, расширение ее сферы и сужение сферы революции пойдет дальше. Найдутся и такие, которые откроют контрреволюцию у большевиков.

Пока еще большевики находятся в единении с анархистами, но скоро анархисты заметят в большевизме несомненные признаки буржуазной контрреволюционности. Для истинного анархиста всякий социалист – буржуа, и анархист в этом отношении прав. Идеалы социализма – подозрительно буржуазные идеалы. Буржуазная природа всякого социализма не может не сказаться раньше или позже, она сильна в большевизме. По сравнению с ними анархисты должны почувствовать себя отверженцами общества, вечными неудачниками, выразителями душевного склада и интересов пятого сословия. Но последний акт трагикомедии наступит тогда, когда внутри самих анархистов наметится раскол и часть будет отнесена к контрреволюции, другая же часть останется единой, окончательной и последней носительницей революционности. В среде самих анархистов найдутся такие, которые по настроению своему будут большими максималистами, чем остальные. Часть анархистов, несомненно, обнаружит признаки контрреволюционности и вызовет подозрительное отношение со стороны другой части. К этому времени часть большевиков будет отправлена на тот свет, а часть, оставшаяся в живых, представит довольно правое течение. Вся Россия превратится в контрреволюционную и буржуазную. И это будет плодом долгих розысков контрреволюции и нравственного шантажа, связанного с этого рода занятием. Перед нами раскры-

вается плохая бесконечность дробления, отмечающего контрреволюцию и совершающего подбор революционности. Революционная стихия пожирает себя, революционная подозрительность делается силой самоистребляющей. Этот закон известен нам из хода французской революции. Революция истребила своего героя Дантона, открыв в нем контрреволюцию, истребила и самого Робеспьера.

Кто же станет левее анархистов, против всего остального мира как контрреволюционного? Из кого будет состоять тот последний остаток, в котором сосредоточится и воплотится «революционный» дух? Сомнений быть не может. Эти элементы уже намечаются и уже действуют, это – бывшие или будущие уголовные преступники, каторжники, это отбросы общества, это бывшие черносотенники и погромщики, провокаторы и предатели, элементы уже совершенно свободные от всякой «буржуазности». Диалектика завершается, революция в конечной своей точке переходит в свою противоположность, возвращается к исходному. Так всегда бывает. На самой крайней левой оказываются те, которые были и на самой крайней правой. Мы возвращаемся к чистейшему черносотенству, к чистейшему мракобесию, к чистейшей реакции. Настоящая контрреволюция и окажется на крайне левом крыле против всей России, которая будет совсем не контрреволюционной. Крайнее, максималистское крыло русской революции принуждено будет опереться на те же элементы, на которые опиралось и крайнее максималистское крыло русской реакции. Мы придем к подлинной контрреволюции, против которой представится спасительным и освободительным и самый умеренный либерализм. Русский правый максимализм и русский левый максимализм – одной природы, одной стихии, одинаково отрицает всякую норму и закон, одинаково антикультурен и антигосударственен, одинаково не признает права и свободы, одинаково поглощает всякий лик в безликой бездне. Опасность контрреволюции действительно существует, это и есть опасность, грозящая от большевиков и анархистов, от темных инстинктов масс, к которым обращена большевистская и анархистская демагогия. Большевики не только могут вызвать реакцию, как движение против них направленное, нет, большевики сами по себе – реакционеры, мракобесы, люди, вырвавшиеся из хаотических низин мирового прошлого. Реакция же против большевиков и максималистов есть освобождение человека, а не контрреволюция. Большевики, анархисты, максималисты – это остатки самого мрачного, самого рабского прошлого, это – враги творчества новой, свободной жизни.

III

Чтобы ориентироваться в разгулявшейся стихии революции и произвести оценки, нужна свобода духа, свобода от одержимости этой стихией, нужно черпать свои критерии и оценки из большей глубины, из божественного, а не мирского источника. Преклонение перед земной богиней, именуемой революцией, есть рабство духа и идолопоклонства. Такой богини не существует. Поклоняться и служить можно лишь Единому Господу Богу. Богу живому и сущему. Всякий иной бог есть идол, и поклоняющийся ему – раб мира.

Если уж признать революцию существом, персонифицируя ее, то нужно признать ее грешным земным существом, порожденным греховным прошлым человечества. Существо это полно всех слабостей человеческих, всех дурных человеческих страстей. Нельзя из самой стихии революции черпать свои оценки, оценки нужно черпать из высшего божественного источника в себе и налагать их на революцию. И тогда ясно будет, что революция – существо двоящееся, в нем правда перемешана с ложью. На лице существа, именуемого революцией, есть двусмысленная, искривленная улыбка, и она с каждым днем делается все более и более двусмысленной.

Русская революция – провиденциальна, в ней есть очистительная гроза и очистительный огонь, в ней сгорает старая ложь. Но в этой же стихии образуется новая ложь, и многое старое является в новой лишь форме. Свобода – божественная ценность, высшая цель, мечта многих поколений лучших русских людей. Революция же сама по себе не божественна по натуре, по естеству, она – лишь неизбежна. Революция и свобода совсем не тождественны. Революция освобождает скованные силы, но она же слишком часто являет собой и величайшее надругательство над свободой, и истребление свободы.

Силы освобожденные, но не преображенные, направляются против свободы, не любят свободы, не дают дышать воздухом свободы. Вечно двойится природа революции в отношении к свободе. Почему это так? Происходит это потому, что всякая истинная свобода имеет духовную основу, революция же выбрасывает массу человеческую на поверхность и достигает свободы в отрыве от духовных корней. Эпоха революции сама по себе не есть эпоха углубления, не есть эпоха творчества.

Революция дает огромный опыт народу, но опыт этот углубленно и творчески перерабатывается потом, после выздоровления. Ныне русским людям нужна духовная трезвость в отношении к переживаемой буре, нужна духовная аскетика. Нужно преодолеть всякий ужас и страх, порабащающий душу, и также нужно преодолеть всякий розовый оптимизм, всякую социальную мечтательность, всякую лесть народной массе, всякую идеализацию темной стихии и потворство силе сегодняшнего дня.

Это – требование благородства. Нужно всеми силами протестовать против шантажирования со словом «контрреволюция». Это шантажирование порабащает мысль и слово, лишает нас свободы. Мы должны бороться за свободу мысли и слова, это самое минимальное и самое максимальное требование революции, требование духа, а не плоти.

Выкрики о «контрреволюции» должны быть разоблачены в своей истинной природе, в своей нравственной недоброкачественности. Нельзя допустить того порабления мысли, которое ныне совершается. Пора раскрыть, где настоящая контрреволюция, в онтологическом смысле этого слова. Она – там, где клеймят контрреволюцией всякую свободную мысль, свободное слово и свободное творчество. Против такой «революции» должна быть сделана «контрреволюция», т. е. истинная революция должна быть сделана против лжереволюции.

Мы живем в магической власти слов и жестов, которые порабащают русский народ, делают его одержимым. Истинное освобождение, освобождение духа русского народа и тела его от истерических судорог и конвульсий еще впереди.

Русская Свобода. 1917, № 10–11. С. 3–7.

Брешко-Брешковская Е.К.

КОНТРЕВОЛЮЦИИ НЕТ МЕСТА

У нас, в России, контрреволюции действительно места нет. Наша революция носит в себе то огромного значения обстоятельство, какого не носила в себе еще ни одна революция в мире. Наше крестьянство, наш земледелец уже не только мечтает о земле, как о необходимом для него благе, без которого он всегда останется рабом чужого благоденствия, наше крестьянство уже овладело землей и только ждет того часа, когда ввод во владение совершится в законном порядке. Только уверенность крестьянства в том, что *свобода* неминуемо несет ему и землю, дала нам возможность встретить и переживать революцию совершенно спокойно, со стороны многомиллионного крестьянского потока. Известно, что первые два месяца после переворота деревня терпеливо и разумно переживала переходное состояние взаимоотношений земледельцев и землевладельцев, и что только появление в народе злоумышленников извне породило то раздраженное состояние умов в некоторых местах, при котором возможны нехорошие явления, глубоко огорчающие искренних доброжелателей нашего трудового народа. Но когда мы поймем, что раздражение вызывается искусственно, а в иных случаях непониманием положения самих землевладельцев, думающих лишь о том, как бы утилизировать во чтобы то ни стало последние дни своего уходящего в вечность сверхимущества, т. е. того достояния, которое превышает имеющуюся в виду норму землевладения, мы должны признать, что поведение деревни самой по себе заслуживает одобрения со стороны ее друзей и удивления со стороны тех, кто, в неведении своего народа, считал его способным на всевозможные варварства, при отсутствии жесткой руки грозного начальства.

Такое опасение лежало в незнакомстве с крестьянством, этим наиболее разумным слоем населения у нас. Совсем забывали о том, что именно земледелец, т. е. человек, привыкший к порядку и к самостоятельному творчеству, ответственный за каждый шаг в своем хозяйстве и предусматривающий не только чисто атмосферические явления, но и взаимоотношения имущих и неимущих, крупных землевладельцев и безземельных и малоземельных, — забывали о том, что развитие ума и характера крестьянина обусловлены необходимостью жить и действовать *предусмотрительно* и на свой собственный страх, каковой необходимости другие слои населения, живущие в условиях заранее предreshенных, не испытывали.

Крестьянин привык к известному порядку и понимает, что без него невозможно вести самому какое бы то ни было хозяйство.

Крестьянин всегда говорит: «Если я с двумя конями и одной коровой ломаю голову, как прожить год за годом, не голодая, так как же такую махину, как вся Россия, распустить, как попало! Все погибнем!» Между тем как человек, живущий определенной заработной платой или жалованием, «головы себе не ломает» и добивается улучшения лишь повторными ударами по карману работодателя, не отвечая при этом за последствия.

Крестьянин, как человек самостоятельного труда, всегда сознавал, что труд его не может быть плодотворен, не может совершенствоваться при недостатке самой почвы для приложения труда. Это сознание и сознание того, что почва вырвана из-под его ног *несправедливо и насильственно*, никогда в нем не умирало, а по мере своего роста укреплялось и выросло в полную уверенность в том, что земля есть достояние, в одинаковой мере общее для всех на ней живущих и ее обрабатывающих.

Последнее поколение, пережившее «пятый» год, вполне определенно держало при себе мысль, что не сегодня-завтра земля перейдет к крестьянству, и когда теперь провозгласили Россию свободной от старого правительства, крестьяне ни минуты не сомневались в том, что свобода и земля, «Земля и Воля» – двуединое благо, врозь немыслимое.

Осуществилось, наконец, историческое право рабочего люда, завоевавшего сохой и топором четверть земного шара. Наконец стал крестьянин хозяином той почвы, от которой он кормил всю Россию и часть Европы.

Так почувствовал крестьянин, так он определил значение свершившейся революции... И временное право землевладельцев всех сословий терпеливо признавалось потому, что не за горами виднелось Учредительное собрание, долженствующее раз навсегда оформить переход земли от частного к общественному владению.

Эта безусловная уверенность не есть нечто выдуманное или навязанное со стороны. Она есть неизбежное следствие всей экономической и политической истории русского народа, и противиться этому требованию истории было бы напрасно и опасно.

Напрасно потому, что психика нашего народа настолько сроднилась с понятием об обобществлении земли, что исторгнуть из нее это понятие нет реальной возможности, тем более теперь, когда фактически крестьянство уже наложило свою руку на сверхнадельные владения.

Опасно потому, что сопротивление данному историческому требованию, вытекающему из вполне естественных источников сложившейся жизни нашей страны, повлекло бы за собой еще невиданную в России катастрофу, вызвав упорную, я не хочу сказать немилосердную, оппозицию со стороны земледельческого населения.

Вот в случае непонимания положения вопроса о землепользовании – действительно можно опасаться наихудшего. Но по моим наблюдениям первых двух-трех месяцев, и в настроении землевладельцев преобладало мнение о

бесполезности борьбы против почти что совершившегося факта. С их стороны речь шла не о том, чтобы затормозить событие, а о том, чтобы по возможности смягчить неизбежный удар, противопоставив ему вопрос о выкупе и его размерах.

Может быть, события, сопровождавшие пятый месяц нашей революции, ввели земледельческий класс в некоторое заблуждение и породили надежду на возможность сократить требование крестьян на землю, но можно смело утверждать, что такая надежда построена на песке, и что попытка проведения ее в жизнь ничего другого не достигнет как большого обоюдного раздражения, легко переходящего в междоусобие.

И как раз наоборот, добровольное согласие принести жертву и пойти за требованием истории явится действием, знаменующим и политическую зрелость, и гражданское мужество, что не может не вызвать признания и благодарности в сердцах всех, кто дорожит спокойствием и счастьем своей родины.

Только в спокойном состоянии духа народ во всем составе своем сможет перейти к творческой, созидательной работе, начать приводить в порядок расстроенное хозяйство страны и приступить к просветительской работе всего населения, так горячо ожидающего приобщения к знанию.

Да, наш народ твердо решил оставить за собой право на республиканский образ правления и на переход *всей* земли от частной собственности в общественную. Он не расстанется с этим правом, ни при каких условиях, и если возникнут попытки контрреволюции, то это поведет только к кровопролитию, нисколько не обеспечивая торжества врагам народа и его прав. И мы, знающие настроение нашего трудового народа, снова и снова утверждаем, что контрреволюция в России невозможна.

Воля Народа. 1917, 1 августа. № 80.

Авилов Б.В.

«ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТ» О БОЛЬШЕВИКАХ

В газетах опубликовано обширное сообщение прокурора Петрогр[адской] Судебной Палаты о расследовании событий 3–5 июля.

По своему построению этот документ представляет собой обвинительный акт против видных представителей большевиков. Не хватает только заключительной части: «а посему, на основании таких-то статей Устава угол[овного] судопр[оизводства] означенные лица подлежат такому-то суду».

Прежде всего, вызывает полное недоумение, почему вместо объективной картины событий, с указанием вызвавших их обстоятельств, публикуется прямо обвинительный акт. Уже в этом видна какая-то предвзятость. Как будто бы для всех было абсолютно очевидно, что события эти целиком дело рук большевиков и требовалось только конкретизировать обвинение.

В сообщении имеются ссылки на данные, не подлежащие пока опубликованию, на имеющиеся «точные данные», «прямые указания», «достаточные основания» для заключений, но содержание и характер всех этих данных не указывается. Надо было опубликовать все те данные, на которых строится обвинение, либо не выступать с такими ссылками.

Подходя к разбору документа как обвинительного акта, приходится определенно констатировать, что выводы его не соответствуют посылкам.

Ленин и другие обвиняются в «призыве к немедленному отказу от военных против неприятеля действий». Где и когда был высказан такой «призыв» – во всем обвинительном акте не сказано ни слова.

Где доказательство того, что Ленин и другие «вошли с агентами враждебных государств в соглашение содействовать дезорганизации русской армии»? Это слишком тяжкое и слишком определенное обвинение подкрепляется только словами «имеются прямые указания».

Что же это за «указания»?

Документы, свидетельские показания, отобранные судебным следователем с соблюдением всех правил, уголовного судопроизводства, сведения «контрразведки», инсинуация г[оспод] Алексинских, «агентурные сведения» каких-либо добровольных сыщиков? На этот счет приходится только строить предположения.

Какие доказательства получения названными лицами денежных средств от враждебных государств?

– «У германских агентов появились крупные деньги» и «в Россию переведлись крупные суммы».

Но имеется ли хоть одно указание на то, что эти деньги передавались названным лицам?

– Ни одного.

Далее сообщается, что Парвус занимался хлебными спекуляциями и получал жалованье от австрийского и турецкого штабов, с Парвусом был знаком Фюрстенберг (Ганецкий), а с Фюрстенбергом сносились по партийным делам Ленин и другие.

Метод умозаключения примерно таков: у NN имеется знакомый лавочник, который знаком со скупщиком краденого, ergo: господин NN – член воровской шайки.

Есть и еще третье не менее убедительное доказательство. Фюрстенберг и Суменсон занимались коммерческими делами, но «тем не менее, представляется достаточно оснований заключить, что эта переписка прикрывает собой сношение шпионского характера».

Какие это «достаточные основания» – составляет секрет г-на прокурора.

Вообще, вся эта часть обвинительного акта, касающаяся обвинения в измене, представляется настолько двусмысленной и необоснованной, что просто поразительно, как могло лицо «прокурорского надзора» выступить с подобно-го рода обвинением.

Это – прием желтой прессы, а не доводы представителя государственной власти.

Далее, Ленин и другие обвиняются в организации «вооруженного восстания против существующей в государстве верховной власти».

Доказательства?

Имеется прямое указание, что большевики организовали демонстрацию «для выявления своей воли».

Такого рода демонстрация, хотя бы и вооруженная, при всем прокурорском усердии не может быть подведена под понятие «вооруженного восстания против государственной власти». Она может быть квалифицирована лишь как выражение порицания или осуждения власти.

И все призывы, исходившие из дома Кшесинской, от отдельных лиц от военной организации, от ЦК большевиков относились к этой демонстрации, а вовсе не к «вооруженному восстанию».

В «расследовании» нет указаний ни на цели, ни на план и характер вооруженного восстания.

Ленину приписываются слова: «В случае отказа в этом (т. е. в передаче всей власти Советам) следует ждать распоряжений от Центрального Комитета».

Это единственное во всем этом обвинительном акте указание на то, что, кроме призыва к мирной демонстрации, могло последовать какое-либо другое «распоряжение». Но разве можно отсюда заключить, что предполагалось «организовать вооруженное восстание»? Такое заключение было бы, по меньшей мере, простой догадкой, ничем не подтвержденной.

Что же остается от всего этого обвинения?

Ряд не связанных между собой сообщений о выступлениях отдельных воинских частей о речах отдельных ораторов, о коммерческих предприятиях отдельных лиц, о каких-то шпионских организациях. И весь этот материал так перепутан и подобран, что читатель, не привыкший критически разбираться в содержании документов, не всегда сможет различить, что к чему относится, что более или менее обосновано и что совершенно голословно. Все это хитроумное построение рассчитано на то, чтобы произвести определенное впечатление и менее всего может быть названо объективным изложением фактов.

Мы привыкли к «правительственным сообщениям» царского режима, которые никак нельзя было упрекнуть в избытке корректности и обоснованности. Г-н Каринский в своем стремлении во чтобы то ни стало обвинить большевиков, пошел даже дальше этих сообщений. Представитель революционного правительства счел возможным на основании более чем сомнительных данных, простых инсинуаций и голословных предположений обвинить многолетних вождей революционной партии, насчитывающей сотни тысяч сторонников в заговоре и измене.

Мы не знаем, имеются ли в распоряжении правительства другие доказательства, но те, которые представлены, более чем недостаточны. С этой стороны, сообщение г. прокурора немногим отличается от литературных упражнений г[оспод] Алексинского и К^о.

Ленин В.И.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ НАСТРОЕНИЕ

Контрреволюция организовалась, укрепилась и фактически взяла власть в государстве в свои руки.

Полная организация и укрепление контрреволюции состоит в превосходно обдуманном, проведенном уже в жизнь соединении трех главных сил контрреволюции: 1) партия к[онституционных]-д[емокра]тов, т. е. настоящий вождь организованной буржуазии, уйдя из министерства, поставила ему ультиматум, расчистив поле для свержения этого министерства контрреволюцией; 2) генеральный штаб и командные верхи армии с сознательной или полусознательной помощью Керенского, коего даже виднейшие эсеры называли теперь Кавеньяком, захватил в руки фактическую государственную власть, перейдя к расстрелу революционных частей войск на фронте. К разоружению революционных частей войск и рабочих в Питере и в Москве. К арестам большевиков и закрытию их газет не только без суда, но и без постановления правительства. Фактически основная государственная власть в России теперь есть военная диктатура; этот факт затемнен еще рядом революционных на словах, но бессильных на деле учреждений. Но это несомненный факт и настолько коренной, что без понимания его ничего понять в политическом положении нельзя; 3) черносотенно-монархистская и буржуазная пресса, перейдя уже от бешеной травли большевиков к травле Советов, «поджигателя» Чернова и т. д., яснее ясного показала, что настоящая суть политики военной диктатуры, царящей ныне и поддерживаемой кадетами и монархистами, состоит в подготовке разгона Советов. Многие вожди эсеров и меньшевиков, т. е. теперешнего большинства Советов, уже признали и высказали это в эти последние дни, но, как истые мелкие буржуа, они отделяются от этой грозной действительности пустейшим звонким фразерством.

Вожди Советов и партий с[оциалистов]-р[еволюционеров] и меньшевиков, с Церетели и Черновым во главе, окончательно предали дело революции, отдав его в руки контрреволюционерам и превратив себя и свои партии и Советы в фиговый листок контрреволюции.

Этот факт доказан тем, что с[оциалисты]-р[еволюционеры] и мен[ышеви]-ки выдали большевиков и молча утвердили разгром их газет, не посмев даже прямо и открыто сказать народу о том, что они это делают и почему они это делают. Узаконив разоружения рабочих и революционных полков, они отняли у себя всякую реальную власть. Они стали пустейшими говорунами, помогающими реакции «занять» внимание народа, пока она dokonчит свои последние приготовления к разгону Советов.

Не сознавши этого полного и окончательного банкротства партий с[оциалистов]-р[еволюционеров] и мен[ышеви]ков и теперешнего большинства Советов, не сознав полнейшей фиктивности их «директории» и прочих маскараров, нельзя ровно ничего понять во всем теперешнем политическом положении.

Всякие надежды на мирное развитие русской революции исчезли окончательно. Объективное положение: либо победа военной диктатуры до конца, либо победа решительной борьбы рабочих, возможная лишь при совпадении его с глубоким массовым подъемом против правительства и против буржуазии на почве экономической разрухи и затягивания войны.

Лозунг перехода всей власти к Советам был лозунгом мирного развития революции, возможного в апреле, мае, июне, до 5–9 июля, т. е. до перехода фактической власти в руки военной диктатуры. Теперь этот лозунг должен быть пересмотрен, ибо он не считается с этим состоявшимся переходом и с полной изменой эсеров и меньшевиков революции на деле. Не авантюры, не бунты, не сопротивления по частям, не безнадежные попытки по частям противостать реакции могут помочь делу, а только ясное сознание положения, выдержка и стойкость рабочего авангарда, подготовка сил к решительной борьбе, условия победы коего теперь страшно трудны, но возможны все же при совпадении отмеченных в тексте фактов и течений. Никаких конституционных и республиканских иллюзий, никаких иллюзий мирного пути больше, никаких разрозненных действий, не поддаваться теперь провокации черных сотен и казаков, а собрать силы, переорганизовать их и стойко готовить к решительной борьбе, если ход кризиса позволит в действительно массовом, общественном масштабе развернуть борьбу.

Переход земли к крестьянам невозможен теперь без решительной борьбы, ибо контрреволюция, взяв власть, вполне объединилась с помещиками как классом.

Целью борьбы может быть лишь переход власти в руки пролетариата, подержанного беднейшим крестьянством, для осуществления программы рабочей партии.

Партия рабочего класса, не бросая легальности, но и, ни на минуту не преувеличивая ее, должна соединить легальную работу с нелегальной, как в 1912–14 годах.

Ни одной области легальной работы не бросать. Но и конституционным и «мирным» иллюзиям не верить.

Пролетарское Дело. 1917, 20 июля. № 6.

Мартов Ю.О.

О РЫЦАРСКОЙ ТАКТИКЕ

Пальчинский остался. Чернов ушел.

Большого позора для организованной революционной демократии нельзя и придумать.

18 июля г-н Милюков формулирует в бывшей Госуд[арственной] думе требование об устранении министра земледелия. 19-го министр земледелия провозносит с трибуны Всеросс[ийского] Исполн[ительного] Комитета боевую

речь, бросая вызов к[онституционно]-д[емократической] партии, у которой «кто-то отнял разум, желая ее погубить».

На следующий же день после ряда драматических эпизодов, о которых сегодня сообщает пресса и в течение которых чуть ли не все, министерские портфели складывались их владельцами, в том числе и портфель главы «правительства революционной диктатуры», министерство оказалось выкинувшим «балласт» в лице В.М. Чернова. А на утро в статье под названием «Лжецы» советские «Известия» с негодованием сообщили слух, переданный буржуазной печатью, о том, что «партия с[оциалистов]-р[еволюционеров] постановила отозвать В.М. Чернова».

Значит, партия с[оциалистов]-р[еволюционеров] не отзывала? А Всерос[сийские] Исп[олнительные] Комитеты раб[очих] и солд[атских] деп[утатов] тоже не отзывали, – это известно доподлинно. И в течение сегодня, 20 июля, никому из членов Комитетов и в голову не приходило, что В.М. Чернова могут «уйти».

Кто же отзывал?

И кто собственно... «лжецы»?

Было совестно, когда сам В.М. Чернов и за ним Церетели объяснили причины отставки министра, и когда всегда готовый истолковать волю начальства тов. Исув старался убедить собрание, что он все понял и что вполне убежден в правильности этого рокового шага.

Подвергшись той самой инсинуационной травле, от которой он в свое время не счел возможным защитить ни Роберта Гримма, ни Н. Ленина – своих товарищей по Циммервальду, подвергшись ей со стороны той же банды наемников контрреволюционной буржуазии, перед которой он столько раз капитулировал, В.М. Чернов счел необходимым «временно» отстраниться от правительства, чтобы в качестве свободного лица иметь свободными руки для разоблачения клеветников.

Какой вздор!

Как стыдно было слушать Церетели, дающего своим избирателям это объяснение факту из отречения его, Керенского и Скобелева от их коллеги. Не успел трижды пропеть петух из «Единства» после того, как Керенский и Церетели торжественно ответили буржуазной несговорчивой [агапе], что с В.М. Черновым не расстанутся, а уже отреклись от него, как Петр от Иисуса.

Что же? Они раньше не знали, что В.М. Чернов был в Циммервальде? Не знали, что он писал брошюры и статьи, которые бандиты от социал-шовинизма клеймили как «пораженческие»? Не знали, что он участвовал в женевском журнале «На чужбине», предназначенном для русских военнопленных в Германии, Австрии и ведшем, разумеется, не германофильскую, но антицаристскую пропаганду?

Но достаточно было, чтобы Милюков нагнул к луже, в которой совершают свое гражданское служение Бурцев и Алексинский, чтобы В.М. Чернов почувствовал «рыцарское» желание уйти из правительства, ставшего мишенью

ожесточенной классовой атаки, «для того чтобы иметь, в качестве частного лица, свободные руки».

Рыцарем был Жан Жорес, но он не так поступал, когда против него выступили с отравленным оружием клеветы о полученных им якобы немецких деньгах. Он привлекал к суду клеветников, но не слагал доверенного ему мандата.

«Чернов не хотел прикрываться щитом члена правительства», гласит пригнанный за уши аргумент. Какой вздор! В свободной стране, в республике с независимым судом присяжных, все перед судом равны – министр и газетный памфлетист. Никому и в голову не пришло бы, что В.М. Чернов, вызывая на суд частное лицо, находится в привилегированном положении. Довод был слишком неубедителен массе крестьян и солдат соединенных комитетов, и тов. Церетели счел за благо приподнять краешек завесы и дать объяснение.

Отказ представителей буржуазии вступить в министерство, видите ли, явно прикрывал стремление затормозить аграрную реформу. Но это стремление было замаскировано доводами о какой-то политической скомпрометированности Чернова, а потому надо было лишить буржуазию возможности прибегать к этому доводу. Заставить ясно показать, что ее саботаж власти вызван именно борьбой против аграрной реформы. Рыцарский жест, оказывается, был строго рассчитанным тактическим шагом.

Замечательная тактика!

Прихвостни буржуазии ссылаются не на одну лишь «скомпрометированность» Чернова. Свое нежелание участвовать в аграрной революции они прикрывают также зависимостью коалиционного правительства от Советов и требуют, чтобы министры-социалисты были «как птица свободны» от всякой ответственности перед революционной демократией. И А.Ф. Керенский, следуя рыцарской тактике, решил разоблачить, что дело в действительности идет о земле, а потому... обещал в письме к Набокову и К°, что правительство будет ответственно «только перед своей совестью и страной».

Прихвостни буржуазии ссылаются на то, что демократизация армии привела Россию к гибели. Рыцарская тактика отвечает введением военно-полевых судов и смертной казни... конечно, чтобы обезоружить буржуазию и разоблачить истинную подкладку ее саботажа.

Прихвостни буржуазии ссылаются на то, что министры-социалисты попустительствовали большевикам. Рыцарская тактика отвечает преданием Ленина и Коллонтай суду по обвинению в государственной измене и обезоруживает истинных патриотов, поручая ведение следствия ставленникам Щегловитого, судебным следователям Александрову и Серее, из коих последний вел следствие против Керенского со товарищи за их выступление по поводу дела Бейлиса.

Прихвостни буржуазии говорят, что не потерпят со стороны нового правительства «никаких циммервальдских деклараций». Чтобы «разоблачить» буржуазию, рыцарская тактика предписывает издать по случаю Трехлетия войны такую декларацию, от которой разило бы духом Плеханова.

Прихвостни буржуазии обвиняли министров-социалистов, что они «распустили Финляндию». Рыцарская тактика отвечает роспуском социалистического Сейма, чтобы доказать и т. д. и т. д.

Тактика, давно предусмотренная латинской пословицей: ради того, чтобы жить, жертвовать самым смыслом жизни.

Эта-то тактика и привела к тому, что для «разоблачения» похода буржуазии против земельной реформы, буржуазии выдают голову человека, который и в ее глазах, и в глазах крестьянской многомиллионной массы воплощает земельную реформу. Чтобы укрепить «мостик», ведущий к каким-то кругам буржуазии, его люди готовы рубить мосты, соединяющие их с крестьянскими и солдатскими массами, среди которых весть об уходе Чернова будет распространяться вместе с комментариями желтой прессы и черносотенных демагогов: «Земли не дадут!»

И эта самоубийственная политика, политика самооскопления революционной демократии, прикрывается невыносимым фразерством Либера, патетически выкликающего о «жене Цезаря, коей да не коснется подозрение». Жена Цезаря, с апломбом произносящая ходульную фразу и в то же время на виду у всех приводящая в порядок туалет, пришедший в некоторое расстройство на таинственном randevу с буржуазными претендентами на корону. В таком ли виде хочет «правительство спасения революции» предстать перед доверившейся ему демократией в тот день, когда закончится, наконец, этот бесконечно долгий кризис?

* * *

«Что делаешь, делай скорей!»

Положение, тянувшееся вот уже две недели, не может более продолжаться. Страну и армию волнует и деморализует отсутствие правительства в тот самый момент, когда демократией признано неотложным образование сильного правительства, проводящего революционную программу. Если среди представителей буржуазных партий не находится деятелей, готовых на основе этой программы сотрудничать с представителями рабочих и крестьян, эти последние должны поставить перед организациями революционной демократии вопрос о «спасении страны и революции» без буржуазии и против нее. Революционная демократия должна заново мобилизоваться и самой активной планомерной работой поднять престиж революции, увы, поколебленный слишком долгими колебаниями.

Ни в коем случае, однако, недопустимо такое положение, чтобы революционная демократия дала своим уполномоченным мандат – сговориться с кадетскими или иными представителями буржуазии об отказе от «Декларации 8 июля», об изменении программы вправо, в сторону Гос[ударственной] думы. Эта безумная мысль, несомненно, имеет сторонников среди нынешних «правящих» партий.

Мысль безумная, ибо в борьбе классов нет отступления без сражения, без сопротивления. Соотношение классовых сил могло измениться к худшему

для демократии после 3–4 июля, но ее организация осталась не разбитой, и буржуазная контрреволюция вряд ли даже решилась бы сейчас пытаться силой вырвать власть у демократии. И как бы последняя ни цеплялась за всякую действительную возможность коалиционного правительства, способного «спасти страну и революцию», она не сможет – раз предпосылки для такого правительства отсутствуют – попросту сдать без боя находящуюся в ее руках реальную власть своим классовым врагам.

Это было бы не только изменой своему собственному делу, это было бы недостойным водевильным эпилогом исторической драмы. Если есть охотники за спиной революционной демократии, за собственной ответственностью, за ответственностью «перед собственной совестью», отдать власть противникам демократии, пусть делают это – в порядке государственного переворота, не пытаясь прикрыться двусмысленно не определенным мандатом, полученным от самой демократии.

Но тогда пусть отвечают перед народом и историей эти Гамлеты, испрашивающие себе неограниченные полномочия... для совершения политического самоубийства.

Новая Жизнь. 1917, 22 июля. № 81.

Горький М.

*** «ТРИ ГОДА ПО ГОРЛО В КРОВИ»:**

НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

Три года безжалостной, бессмысленной бойни, три года изо дня в день проливается кровь лучших племен земли, истребляется драгоценнейший мозг культурных наций Европы.

Обескровлена Франция, «вождь человечества», истощается Италия, «лучший дар Бога нашей печальной земле», напрягает все свои силы Англия, «спокойно поучающая мир чудесам труда», угрюмо задыхаются в железных тисках войны «трудолюбивые племена Германии».

Уничтожены Бельгия, Сербия, Румыния, Польша; разорена экономически, развращена войною духовно мечтательная, мягкотелая Русь, – страна, еще не жившая, не успевшая показать миру свои скрытые силы. В XX веке, после того как девятнадцать веков Европа проповедовала человечность в церквах, которые она теперь разрушает пушками, в книгах, которые солдаты жгут, как дрова, – в XX веке гуманизм забыт, осмеян, а все, что создано бескорыстной работой науки, схвачено и направлено волею бесстыдных убийц на истребление людей.

Что, в сравнении с этой кошмарной, трехлетней бойней, тридцатилетние и столетние войны прошлого? Где найдем мы оправдание этому небывалому преступлению против планетарной культуры?

Этому отвратительному самоистреблению нет оправдания. Сколько бы ни лгали лицемеры о «великих» целях войны, их ложь не скроет страшной и по-

зорной правды: войну родил Барыш, единственный из богов, которому верят и молятся «реальные политики», убийцы, торгующие жизнью народа.

Людей, которые верят в торжество идеала всемирного братства, негодяи всех стран объявили вредными безумцами, бессердечными мечтателями, у которых нет любви к родине.

Забыто, что среди этих мечтателей Христос, Иоанн Дамаскин, Франциск Ассизский, Лев Толстой, десятки полубогов, которыми гордится человечество. Для тех, кто уничтожает миллионы жизней, чтобы захватить в свои руки несколько сотен верст чужой земли, для них нет ни бога, ни дьявола. Народ для них – дешевле камня, любовь к родине – ряд привычек. Они любят жить так, как живут, и пусть вся земля разлетится прахом во вселенной, они не хотят жить иначе, как привыкли.

Вот они уже три года живут по горло в крови, которую проливают по их воле десятки миллионов людей.

Но когда истощатся силы народных масс или когда единодушно вспыхнет их воля «к жизни чистой, человеческой» и прекратит кровавый кошмар, – люди, истребляющие народ Европы, трусливо закричат:

– Это не наша вина! Не мы изуродовали мир, не мы разрушили и разграбили Европу!

Но мы надеемся, что к той поре «глас народа» воистину будет строгим и справедливым «Гласом Божиим», и он заглушит вопли лжи.

Верующие в победу над бесстыдством и безумием должны стремиться к единению своих сил.

В конце концов – побеждает разум.

Новая Жизнь. 1917, 19 июля (1 августа). № 78.

Засулич В.И.

ВЕРНОСТЬ СОЮЗНИКАМ

Почти три года тому назад нам объявила войну Германия. Если бы тогда наша союзница Франция пожелала изменить нам, она могла бы остаться в стороне. Правда, борьба для нее была бы только отсрочена: покончив с Россией и отдохнув немного, Германия взялась бы и за нее. Но Франция не изменила и вот уже скоро три года отдает все свои силы борьбе с врагом, занявшим ее лучшие провинции. Верной своим обязательствам осталась Бельгия, загородив дорогу шедшим через ее землю завоевателям и... весь мир знает, что с ней за это сделали. Верны друг другу и наши враги: центральные империи с Турцией и Болгарией на пристяжке. Еще не было изменников в этой безмерной войне.

Неужели же мы – русские, только что вызвавшие общее сочувствие своим освобождением от царизма, неужели мы – одни мы во всем мире! – окажемся предателями и сочувствие мира променяем на его презрение! И прежде всех

нас будут презирать те самые германцы, в пользу которых мы губим и силу, и честь своей родины.

Товарищи-солдаты, даже те, кто учит вас не повиноваться командирам, не выходить из окопов, кто внушает вам вражду к нашим верным союзникам и учит брататься с врагами, – даже эти люди говорят, что не желают сепаратного мира. Его никто не желает, все как будто понимают, что он позорен. А делается на нашем фронте нечто не менее вероломное, чем этот мир. Мы молча, без формы заключили на нашем фронте не то мир, не то бессрочное перемирие и, успокоив германцев, отпустили их, отдохнувшие на нашем фронте войска во Францию против утомленных измученных двухмесячными, почти непрерывными боями союзных армий.

Граждане-солдаты, мы делаем ужасное дело, и поплатятся за него не капиталисты, как вас уверяют, а весь русский народ.

Наши союзники и без нас не покорятся германцам, каких бы жертв это им ни стоило. Там за дорогую им родину сражаются граждане, давно привыкшие к свободе и не воображающие, что она состоит в неповиновении командирам.

У нас другое дело. Если наши союзники, истекая кровью в борьбе с германцами, с которыми мы завели такое братское сожительство, порвут с своей стороны тот союз, который мы уже теперь фактически нарушаем, то нас-то без их помощи германцы быстро принудят к покорности, и что станет тогда с нашей свободой, с нашей республикой!

Граждане-солдаты, спасение еще в ваших руках. Наступление необходимо. Россия обязана помочь своим союзникам и сделать это она может только через вас. Чтобы снова почувствовать свою боевую силу, необходимо возобновить дисциплину в ваших рядах. Без нее армия – не армия, а толпы обывателей, праздно проживающих в окопах.

Лишь победоносным наступлением вы можете приблизить и желанный мир на равных условиях. Ведь теперь-то завоеватели-германцы еще держат под своим игом целые государства и обширные провинции, собирая с них все новые контрибуции.

Мы должны остаться верными нашим союзникам, должны вернуть на наш фронт ушедшие против них войска – в этом наш долг и в этом же наше спасение.

Засулич В. Верность союзникам. Пг., 1917.

Сталь Л.Н.

КРИЗИС ВЛАСТИ

Кризис власти не прекращается с самого начала революции. Уходят целые министерства и отдельные лица. Министерство из представителей буржуазии и помещиков было заменено коалиционным. Вместе с буржуазией власть разделяли социалисты-оборонцы, делегированные Советом рабочих и солдатских депутатов. Как мы писали в № 3 «Работницы», коалиционное министерство не могло двигать революцию вперед и было обречено на неудачу. В министерский воз впряглись представители разных классов с противоположными интересами, каждый тянул в разные стороны, поэтому неудивительно, что «воз и ныне там», и что ни одна из задач, поставленных революцией, не разрешена. Но было бы еще с полбеды, если бы воз правительственной власти стоял только на месте: тогда трудящиеся массы населения – рабочие и беднейшее крестьянство – на опыте увидели бы, что сотрудничеством, общей работой с буржуазией нельзя ничего сделать. Нельзя спасти страну от хозяйственной разрухи, нельзя ввести контроль над производством, покончить с войной, грозящей нам голодом и разорением. Беда в том, что воз правительственной власти пошел далеко назад. Беда в том, что большинство Совета уступило на деле по всем пунктам капиталистам и помещикам, которые сознательно расстраивали и расстраивают хозяйственную жизнь страны, останавливают заводы, отвергают справедливые требования рабочих и бросили плохо вооруженную изголодавшуюся армию в наступление. Когда наступление окончилось поражением и кадеты позорно бежали из министерства, возмущенные рабочие и солдаты Петрограда вышли 3–4 июля на улицы, требуя перехода всей власти Совету р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов]. Тогда еще было не поздно *мирно разрешить кризис власти* и спасти революцию. Но Совет поступил иначе, он пошел не по тому пути, на который давно уже его призывала наша партия: он не взял мирно власть, когда вся революционная Россия доверяла ему. Совет не вел энергичной борьбы с контрреволюцией, а шел на соглашательство с буржуазией. Естественно, что Совет увидел главную опасность для революции в революционной социал-демократии, что он не противодействовал проискам контрреволюции и даже согласился на введение смертной казни на фронте и на безответственную, диктаторскую власть Временного правительства.

Керенскому была предоставлена неограниченная власть составить министерство из угодных ему лиц, *не* ответственных перед Советами. Это развязало руки контрреволюции. Цвет революционной демократии наполнил

русские тюрьмы. Ленин и Зиновьев были принуждены скрыться от преследования подобно пролетарским борцам Великой французской революции. Наши газеты разгромлены и закрыты. Нагло и безнаказанно подымает голову контрреволюция.

Торгово-промышленный съезд в Москве заявил в своей резолюции, что опасны не только большевики, но все социалистические партии. Убежденнейший монархист и погромщик Пуришкевич на частном заседании незаконно существующей Государственной думы, заявил, что нужно, чтобы власть стала властью, поставить на свое место и распустить Советы р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов]. Другой член Думы Масленников назвал Исполнительный Комитет «кучкой сумасшедших фанатиков, проходимцев и предателей». Вместе с Пуришкевичем кадеты недовольны, что министр земледелия Чернов позволяет себе вооружать крестьян против дворян и помещиков, батраков – против крестьян своим указом о запрещении земельных сделок. И защитник так называемой «Народной Свободы» Родичев прибавляет: «Можно ли верить этой власти, которая так обращается с *правом собственности?*» *Право собственности* – вот то священное право, для спасения которого буржуазные классы потоками лили пролетарскую кровь. Для защиты собственности кадеты готовы на союз с Пуришкевичем, на восстановление монархии.

«До победы над внутренним врагом порядка в России не будет», – кричит Пуришкевич и зовет восстановить помещичью Госуд[арственную] думу. А Совет раб[очих] и солд[атских] деп[утатов] не только не требует ареста этих заговорщиков и разгона Гос[ударственной] думы, а вручает всю власть представителям этих классов, вошедших теперь в министерство. Пусть не обманывает никого присутствие в нем Чернова. Он будет игрушкой в руках этого правительства, стоящего за продолжение войны и борьбу с революцией. Что это так – видно из передовой статьи газеты «Речь», которая заявляет, что все ее требования приняты: «*усиление власти, оздоровление армии, независимость от самочинных организаций*». (Читай: Сов[ет] р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов].)

Контрреволюция победила, потому что Советы не решились исполнить своего революционного долга, не взяли власти в свои руки. Их тактика соглашения с буржуазией потерпела крушение. Но пусть это будет уроком для тех масс, для рабочих и крестьян, которые шли за с[оциалистами]-р[еволюционерами] и меньшевиками-оборонцами. Тяжелы эти уроки, но они открывают глаза самым отсталым слоям колеблющейся мелкой буржуазии. Они заставят их идти по нашему пути. Нас ждут испытания тяжелой борьбы, но мы полны веры в будущее, в грядущую победу демократии, которую жизнь заставит пойти под лозунгами пролетариата. Теперь же мы зовем к организации, к сплочению наших сил, к единению солдат и рабочих.

СЪЕЗДУ, СОЗВАННОМУ ЦК РСДРП

ПИСЬМО ЦЕНТРАЛЬНОГО БЮРО

МЕНЬШЕВИКОВ-ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТОВ

2 августа

Уважаемые товарищи!

Приветствуем съезд вашей партии, собравшийся в столь тяжелое для нее время, в разгар преследований и травли, которым подвергается представляемое ею течение в русском социализме.

Не сомневаясь в том, что эти преследования и эта травля не смогут поколебать влияние идей интернационализма на организованную под знаменем вашей партии часть российского пролетариата, мы пользуемся случаем, чтобы выразить еще раз наше глубокое возмущение против клеветнической кампании, которое целое течение в русской социал-демократии стремится представить агентурой германского правительства. К сожалению, глубокое расхождение в вопросе о методах рабочего движения и революционной борьбы делает все еще невозможным то объединение всех партийных элементов, оставшихся верными знамени интернационализма, которое само по себе привело бы к удесатерению силы социалистического пролетариата и влияния его на ход революции. Мы надеемся, что работа вашего съезда, совершающаяся в переломном моменте революции, после катастрофы, постигшей в дни 3–5 июля рабочее движение, будет содействовать выяснению спорных между интернационалистами проблем и тем самым сделают возможным хотя бы сотрудничество отдельных интернационалистических течений в деле борьбы с оппортунистическими и националистическими влияниями, проявляющимися в рабочем движении.

Со своей стороны, мы не сомневаемся, что ваш съезд в той мере явится плодотворным для всего русского социалистического движения, в какой его решения будут проникнуты сознанием, что ни временное капитулирование революционной мелкобуржуазной демократии перед контрреволюционным натиском, ни господство в значительной части самого пролетариата оборонческого оппортунизма не должны отвратить социал-демократию от пути борьбы за влияние на рабочий класс и на всю крестьянско-солдатскую демократию, не должны допустить подмены задачи завоевания власти в борьбе с этим большинством и против него. Мы уверены, что уход интернационалистского меньшинства в эту сторону неизбежно привел бы к усилению утопических и анархистских элементов в русском рабочем движении и лишь содействовал бы укреплению влияния оппортунизма на широкие пролетарские массы.

Убежденные в том, что революционная роль крестьянской и солдатской демократии далеко еще не сыграна, и что дальнейшее обострение социальных противоречий неизбежно противопоставит ее враждебно российской буржуазии и мировому империализму, тем самым толкая к борьбе за власть и сближение с пролетариатом, мы считаем необходимым, чтобы самая энергичная

политическая борьба против оборончества и оппортунизма, царящих ныне в органах революционного оппортунизма, ни в коем случае не превращалась в борьбу против этих органов и не приводила к изоляции части пролетариата от революционно-демократических масс.

Да здравствует социалистический Интернационал!

Да здравствует мир, завоеванный революционной борьбой пролетариата!

Новая Жизнь. 1917, 3 августа. № 91.

Титлинов Б.В.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ В СВЕТЕ ХРИСТИАНСТВА

Читатели нашей газеты могли познакомиться на ее страницах с современными политическими программами. Они легко могли заметить, что среди этих программ ныне отпало все, что было раньше правее партии народной свободы. Все течения вправо от последней общественно ликвидировались или, по крайней мере, они не решаются сейчас о себе открыто заявлять. Объясняется это, конечно, общим сдвигом русской жизни влево. Недаром под знамя партии народной свободы стали даже некоторые прежде консервативные газеты, как, например, «Новое Время».

В новой политической группировке, таким образом, партия народной свободы оказалась на правом крыле; центр занимает трудовая группа; а левее — разные социалистические группы, вплоть до большевиков. Но и партия народной свободы теперь значительно полевела по сравнению с прежним: она уже не придерживается конституционно-монархического принципа, а примыкает к требованию демократической республики. При таких условиях не оказывается ни одной серьезной партии с программой, где бы сохранялся монархический строй. Очевидно, идея монархии вышла из сферы общественного сознания и появится ли она вновь — неизвестно.

Это полевение всех наших политических течений в значительной степени сгладило различие их чисто политической программы. Партийные различия сейчас проявляются главным образом в вопросах социального устройства, причем мы знаем, что наиболее смело разрешаются вопросы в партиях социалистических.

Социалистические партии требуют полного преобразования самой основы современного государства и общества. Современное государство есть государство капиталистическое, в котором средства производства принадлежат частным лицам, причем самая важная и значительная часть этих средств сосредоточена в руках немногочисленного класса, между тем как огромное большинство населения состоит из пролетариев и полупролетариев, вынужденных продавать свою рабочую силу капиталистам. (Под средствами производства понимаются все те хозяйственные блага, которые предназначены для производства новых благ, как-то: земля и все капиталы, т. е. фабрики, машины, ору-

дия, полуфабрикаты, сырой материал и т. п.) Такая общественная структура является почвой для развития эксплуатации одних людей другими и создает всю массу несправедливостей существующего общественного строя. По мере развития капитализма, сосредоточения капитала общество все резче распадается на класс эксплуатируемых тружеников, получающих все меньшую и меньшую долю создаваемых их трудом благ, и класс эксплуататоров, овладевших естественными силами природы и общественными средствами производства. По мере роста благосостояния немногих растет обнищание масс и увеличивается тяжесть рабочего труда. Развитие техники, улучшая способы производства, только ухудшает участь рабочего пролетариата, ставя его в большую зависимость от капитала, понижая оценку рабочей силы, так как уменьшается число требуемых рабочих рук, давая возможность предпринимателям все в больших размерах применять труд женщин и детей. Как неизбежный спутник развития капиталистического производства являются также промышленные кризисы и периоды застоя в промышленности, когда рынки переполняются товарами и капиталисты сокращают производство, выбрасывая на улицу десятки тысяч рабочих. Таким образом, технический прогресс, которым так гордится наш век, при капиталистическом строе общества только увеличивает общественное неравенство, создает необеспеченность существования, безработицу и всевозможные лишения для трудящихся масс. В свою очередь, капиталистические отношения со всеми своими последствиями находят для себя поддержку в современном капиталистическом государстве, и поддержку тем большую, чем менее свободны формы политической жизни. В России бюрократический режим являлся усердным покровителем эксплуатации труда капиталом. Крупные промышленники и торговцы, помещное дворянство и деревенское кулачество в бюрократии всегда находили оплот против пролетариата и трудового крестьянства.

Ненормальности капиталистического строя, – говорят социалисты, – могут быть устранены единственно путем уничтожения основы этого строя – частной собственности на средства производства. Это требование и выставляют в качестве своего идеала социалистические партии. Средства производства должны принадлежать обществу, государству; земля, фабрики и т. д. должны быть государственною собственностью, и никто не имеет права называть их «своими» и эксплуатировать в свою пользу. Государство, общество само организует все отрасли производства, и регулирует их согласно общественным потребностям. В современном государстве трудящиеся классы получают только часть благ, производимых их трудом; львиную долю забирают себе капиталисты, живущие на счет чужой рабочей силы. В государстве социалистическом этого не будет, так как не будет капиталистов-предпринимателей, и все выработанные блага будут поступать в распоряжение самих трудящихся. В государстве социалистическом все должны трудиться равномерно, для получения своей доли благ, и всякий труд будет оплачиваться по полной его стоимости. Этим совершенно уничтожается самая возможность эксплуатации одних другими, и разрушается основа экономического неравенства. Прогресс

техники в социалистическом государстве должен явиться не средством большего экономического закрепощения, как теперь, а действительно средством облегчения работы трудящегося населения. Невозможны будут при социалистическом строе и промышленные кризисы, так как размеры производства будут строго определяться потребностями общества. Таким образом, исчезнет главное зло современного общества – разделение людей на имущих и неимущих, противоположность богатства и нищеты, ужасные призраки безработицы и голода, обнищания и вырождения трудовых классов. Вместе с тем социалистические партии требуют уничтожения также и всякого неравенства вообще. В социалистическом государстве нет места делению на классы и каким бы то ни было привилегиям: там все равны – трудящиеся граждане, пользующиеся одинаковыми правами и самым первым из них – правом на равный труд и равное вознаграждение. В политической сфере социалистические партии провозглашают принцип самодержавия народа, полного осуществления идей народовластия. Из существующих форм политического устройства социалистическим идеалам наиболее соответствующей является демократическая республика. Главным же врагом своим социалистические партии считают самодержавие как оплот капиталистической эксплуатации и первой своей целью ставят поэтому борьбу со всеми проявлениями и остатками самодержавно-бюрократического режима.

В осуществлении своей программы социалистические партии видят залог непрерывного и свободного развития всех духовных и материальных сил человечества. Только осуществление социалистических идеалов может превратить богатство из источника зависимости и угнетения рабочего класса в источник благосостояния и всестороннего гармонического развития человеческой личности. Прекратить вырождение человечества от праздности, с одной стороны, и от чрезмерного труда и полуголодного существования – с другой. Воплотить истину, справедливость и солидарность в формы общественной жизни; прекратить взаимную борьбу людей; уничтожить всякое насилие и эксплуатацию и привести человечество к свободе, равенству и братству.

Но каким образом возможен тот коренной переворот в общественно-государственном строе, которого требует осуществление социалистической идеи? На этот вопрос не все социалисты отвечают одинаково. Одни считают социалистический строй идеалом, к которому должно стремиться человечество как к единственному выходу из ненормальностей и противоречий современности, средству удовлетворения справедливых требований трудящихся классов. Так смотрят на дело, по-видимому, социал-революционеры. Другие, именно социал-демократы, в социалистическом строе видят не идеал для современности, а необходимую новую ступень развития общества, к которой оно неизбежно приближается. Развитие хозяйственной техники, по мнению социал-демократии (научное основание этим воззрениям дали Маркс и Энгельс), делает со временем невозможным капиталистическое производство с его неплановностью и делает необходимой замену его планомерным общественным производством и общественным распределением продуктов. Но при этом разли-

чий в идейном основании своих взглядов обе наши социалистические партии сходятся в признании одного главного деятеля будущего социального переворота. Этим деятелем является рабочий пролетариат, к которому присоединяется и трудовое крестьянство, а отчасти и социалистическая интеллигенция. По мере развития капитализма в трудящейся и эксплуатируемой массе развивается недовольство существующим порядком вещей, сознание его ненормальности; отсюда обостряется борьба пролетариата с эксплуататорами, и в конце концов борьба эта должна завершиться социальной революцией. Социал-демократы – меньшевики – еще готовы отсрочить эту революцию, предоставив ее естественному ходу вещей. Но большевики требуют уже немедленного осуществления социалистического строя путем захватным.

Однако при всей смелости социалистических решений и видимом отличии социалистических программ от программы партии народной свободы, по существу, все-таки и здесь между ними много общего. И там и здесь в центре стоят идеи народовластия в сфере политической и устранения национальных и классовых привилегий и различий в сфере социальной. Разница резко выступает только в способе осуществления этих целей, в так называемой тактике. В то время как партия народной свободы стоит за закономерное и постепенное осуществление требований трудящихся классов, считает вредной коренную ломку социальных отношений без соблюдения справедливости по отношению к «имущим» и не обольщается идеей социализации – социалистические течения не смущаются никакими потрясениями и решительно настаивают на социальном перевороте.

Этим различием тактики может определяться и оценка политических программ с христианской точки зрения. По существу, христианству не противны ни идея народовластия, ни идея социальной справедливости, совсем напротив.

Вот та политическая группировка, с которой приходится считаться нашему духовенству в его общественной деятельности. Какое же политическое направление ближе всего подходит к требованиям христианского идеала?

Народовластие есть свободное самоопределение народа, устройство им самим своей судьбы, подчинение его своей собственной воле, выраженной им сознательно и ясно или непосредственно (референдум, опрос всех граждан по поводу того или иного законопроекта) или посредством свободно и прямо избранных представителей. Можно ли отрицать у народа такое право на самоопределение? Если свобода есть неотъемлемое право каждого человека, предоставляющее ему распоряжение своею личностью, то такое же естественное право целых обществ, народов – определить свою жизнь по разуму и желанию самих членов общества, самих граждан того или другого государства. Если лишение свободы самоопределения отдельной личности есть насилие, попрание законнейшего человеческого права, то для народа таким же насилием является лишение его права распоряжения своими судьбами. С точки зрения этого естественного человеческого права всякая власть, всякое правительство законны постольку, поскольку они правят сообразно с волею народа. Власть, которая в воле народа не имеет для себя нравственной опоры, неиз-

бежно превращается в деспотизм, тем более противоестественный, чем резче расходится она с действительными народными желаниями. Правда, ход исторической жизни элементы такого деспотизма сделал присущими каждому политическому строю, существовавшему или существующему на земле. Но та же история свидетельствует, как всегда ненавидели народы деспотию в ее всевозможных проявлениях, как страстно, беззаветно стремились они к свободе, дорогою ценою покупая свое право. Христианство ни в каком случае не может быть врагом человеческой свободы и свободолюбивых стремлений человечества. Менее какой бы то ни было другой религии оно может стоять на стороне насилия и освящать своим авторитетом какие-либо проявления деспотизма. Христианство берет под свою защиту все естественные права человеческой личности и все ее законные потребности и стремления. Идея царства Божия, составляющая великую мировую задачу христианской религии, необходимо включает в себя гармоническое развитие и совершенствование всех духовных сил человечества. Стало быть, христианство берет под свою защиту и человеческую свободу и своим нравственным авторитетом всегда должно ограждать ее от всяких посягательств. Если же в своем историческом развитии оно не всегда выполняло свою миссию; если церковь вместо того, чтобы быть верным другом свободы народов, иногда служила опорой насилия и угнетения; если она поддерживала господствующие классы в борьбе за их господство, была иногда союзницей реакции и врагом освободительного движения, то это лишь одна из исторических ошибок церкви как человеческого установления. Само христианство не повинно в том, что часто творилось его именем. Истинно христианский мировой идеал – царство Божие на земле – есть насколько царство христианской любви, настолько же и царство человеческой свободы. Нельзя иначе представить себе реальное воплощение этого идеала в формах жизни человеческого организованного общества как в виде полного осуществления народовластия, может быть не в той форме, в какой это народовластие рисует-ся обществу современному, но с сохранением его основной идеи.

Являясь врагом деспотизма и союзником свободы, христианство также отрицательно относится к национальным и классовым привилегиям. Этот последний принцип находится в прямом противоречии с главнейшими идеями христианской проповеди – идеями братства и равенства. «Во Христе Иисусе нет ни эллина и иудея, раба и свободного». Эти глубокие слова, начертанные на христианском знамени, можно без преувеличения сказать, покорили мир под это знамя и определили судьбу той религии, которая поставила их своим девизом. Христианство впервые провозгласило в мире великое начало общечеловеческого братства и общечеловеческой солидарности. Оно впервые идейно разрушило национальные перегородки, отделявшие друг от друга народы и служившие источником их взаимной вражды, уничтожило преграду, разделившую человека, указав на духовное родство людей и ничтожество всяких внешних различий по сравнению с тем единым, что объединяет человечество. Христианство научило видеть человека и брата в каждом человеке, уважать всякую национальность. Христианство с первых дней своих явилось

религией убогих и малых мира, приняло под свое покровительство всякую человеческую нужду и человеческое горе. Оно сразу же открыто объявило несправедливостью пред лицом нравственного закона любви противоположность богатства и бедности и указало своим последователям единственный выход из этой противоположности в отречении имущих от своего достояния в пользу неимущих братьев. Христианство своей нравственной идеологией дало духовную опору всем униженным и угнетенным, и с этим угнетенным человечеством соединило себя узами самой тесной связи, вошло с его душевным миром в самое близкое соприкосновение. Таким образом, христианство является по справедливости родоначальником идей равенства и братства в кругозоре человечества. Оно внесло эти идеи в духовную культуру христианского мира и постоянно питало их, вдохновляя всех тех благородных идеалистов, которые строили планы будущего человеческого счастья. Очевидно, и в настоящее время было бы ненормальностью разрывать связь с христианством идей, выросших на его лоне. Оставаясь верно своему исконному знамени, оно не может и нынче не быть врагом каких-либо ограничений, связанных с национальностью, взаимного угнетения народов на национальной почве, всякой эксплуатации человека, всяких привилегий, дающих основу для такой эксплуатации, не может не быть защитой для унижаемых и эксплуатируемых. Если же и здесь бывал и бывает иной образ действий со стороны служителей христианской религии, то эти человеческие ошибки не могут поколебать основ нравственной христианской идеологии.

Не следует особенно смущаться и партийной идеологией; идейное обоснование, даваемое политическими партиями своим программам, вообще не может иметь особого значения для христианских деятелей, принимающих известные политические идеи в качестве основы своей общественно-политической деятельности. Христианство имеет свою философию истории, свою идеологию, и ему нет нужды заимствовать ее от вне. Напротив, христианство поставляет задачей всем христианским деятелям христианизировать человеческие идеалы, сообщать им христианский смысл и тогда, когда по содержанию они не сходятся с идеалами религиозными. Отсюда, если известные политические идеалы отвечают задачам христианской культуры, но своим исходным пунктом имеют нехристианскую почву, то дело служителей христианства – их христианизировать. Истина всегда остается истиной, и все потоки человеческой жизни, слившись в христианскую реку, несут человечество к Царству Божию.

Но по отношению к тактике тех или других политических партий, христианская деятельность допускает только мирные приемы политической борьбы и ни в каком случае не может руководиться противоречащим этому образом действий некоторых крайних наших направлений. Ожесточение борьбы, доходящее до насилия, еще психологически понятно в людях, преследующих лишь чисто человеческие цели; но оно является полным разрывом с христианской традицией у тех деятелей, которые исходят из христианского мировоззрения. Христианство не может освятить несправедливости и насилия, какими бы

целями они ни оправдывались. И если совершенно без принуждения нельзя обойтись в политике, то, во всяком случае, христианские симпатии будут на той стороне, которая эволюцию предпочитает революции и без необходимости не вступает на путь последней.

*Всероссийский Церковно-Общественный Вестник.
1917, 3 августа. № 84.*

Рябушинский П.П.

*** «К СОЖАЛЕНИЮ, МЫ ВСЕ ИСПОРТИЛИ СВОИМИ СОБСТВЕННЫМИ РУКАМИ»**

Речь на втором Всероссийском торгово-промышленном съезде

3 августа 1917 г.

Граждане! С тяжелым чувством собрались мы на настоящий съезд. Густой сумрак повис над всей русской землей. После свержения ненавистного царского правительства появилась надежда, что русское государство выйдет на прямой путь. Перед русским народом открылись все возможности, но, к сожалению, мы все испортили своими собственными руками. На наше Временное правительство, которое представляло собой, к сожалению, какую-то видимость власти, давили посторонние люди, и у нас фактически воцарилась шайка политических шарлатанов. (*Бурные аплодисменты всего зала.*) Советские лжеводители народа направили его на путь гибели, и все русское государство стало перед зияющей пропастью. Если мы бросим беглый взгляд на предшествующие пять месяцев, то мы можем подвести следующие итоги: за это время была дезорганизована и разрушена русская армия – наша прежняя гордость. Враг наш занял новые пределы нашего государства. В это время мы потеряли громадные материальные богатства, столь нужные для продолжения войны. Наше правосудие стало действовать ослабленно. Наш продовольственный вопрос запутался окончательно, и вся экономическая и финансовая жизнь России пришла в расстройство. Все это тяжело сказалось на всех нас, и все мы увидели, что вошли в какой-то тупик, и что мы должны приложить наивысшие старания, чтобы совместно подумать, как нам быть в настоящее время. Все то, что ныне делалось, все это шло под каким-то особым углом зрения, и мы видим, что наши социалистические партии, которые ближайшим образом давили на власть, не проявили в должной мере и не могли проявить творческой и созидательной работы. Они шли и работали односторонне, партийно. Над всем царствовало какое-то хищническое вождество. Конечно, принимались меры со стороны нашей власти, делались попытки противодействовать подобному течению, делались попытки реорганизовать самую власть, но все

это носило какой-то слабый, жалкий характер. Она неизменно жила под давлением доктринерства левых групп и их сомнительных вождей.

Вот в такое-то серьезное время мы собрались здесь, чтобы вновь обсудить создавшееся положение. Те изменения, которые произошли в последнее время, и те попытки создать твердую власть, которые делались, пока еще ни к чему не привели. Правда, нам говорили о том, что создается власть спасения сначала революции, потом России и революции и, наконец, просто России, но мы думаем, что это лишь громкие слова. Они не говорят нам о возможности для правительства выйти из создавшегося положения. Чтобы работать вместе, необходима прежде всего вера и уверенность в тех мероприятиях, которые правительство себе наметило. К сожалению, создание самой власти нам свидетельствует о том, что это было лишь случайное сочетание лиц. Мы фактически видим перед собой какой-то министерский ералаш. Все это свидетельствует, что то, что произошло, не является еще последней перестройкой власти, а является лишь одним переходным моментом. Что впереди, — это вопрос. Но мы чувствуем, и мы, живущие в разных местах, оцениваем одинаково, что нас не удовлетворяет существующее положение, и мы все чего-то ждем. Вот наше общее настроение.

Если мы, как люди торговые и промышленные, посмотрим на все, что происходит в различных областях нашего государственного бытия, то мы должны заметить, что у нас не хватает всех продуктов. У нас имеется острая нужда в фабрично-заводских и других фабрикатах. Для этого имеется совершенно естественная причина — война, которая затронула производство всех необходимых продуктов, но с этой естественной причиной борются и успешно борются все наши союзники и наши враги. Не в этом одном заключаются затруднения. Все, что происходит, зависит главным образом от того, что мы, с одной стороны, не умеем государственно организоваться, а с другой стороны, производительность нашего труда страшно упала. И если мы бросим определенный взгляд на все производство, то увидим, что все отрасли производства связаны между собой, что они настолько тесно сближены, что если в основном продукте чувствуется недостаток, то это отразится и на железных дорогах, и на всех заводах. Если наши больные паровозы не будут чиниться, то это отразится также на железных дорогах и на всех наших фабриках. Все это в сумме ведет к страшному неблагополучию всего государства. Уже в обычное время мы знали, насколько низко стояла производительность труда русского рабочего, но в настоящее время, в критический момент жизни государства, и без того слабая производительность упала от 25 % до 50 % в различных производствах, и это уже является государственной катастрофой. Почему не правы Советы рабочих депутатов, которые претендуют на первенствующую и руководящую роль в России, когда весь рабочий класс, которым они руководят, не исполнил в данное время своего основного долга перед русским государством. Правда, жизнь требует больших прибавок в оплату труда, но мы понимаем в то же самое время, что рабочий класс должен был проявить необходимую заботу, чтобы та высокая плата, которую он в настоящее время получает, была

бы им вполне оправдана. Если мы бросим свой взгляд на Америку, то увидим, что там сами рабочие даже в нормальное время в состав своих союзов не принимают лиц, которые не в состоянии выработать определенного минимума количества продуктов.

Если мы обратимся к нашему торговому классу, к его деятельности, то мы увидим, что он жаждет проявить интенсивную работу, но, к сожалению, работать не в состоянии. Правительственная власть фактически не признает его и во многих случаях тормозит его работу во вновь рожденных, всевозможных наименований организациях, которые его представителей или совсем не допускают или допускают в таком ничтожном числе, что влияния на работу иметь он не может. С другой стороны, мы видим, что государство предъявляет нам повышенные требования, и в то же время чувствуем, что мы не в состоянии выполнить то, что является нашим долгом перед государством. И это нас созвало сюда, чтобы обсудить, какие меры должны быть нами приняты, чтобы дать возможность в полном объеме восстановить работу нашего торгового и промышленного аппарата.

Правительство же стало на совершенно иной путь. Оно думает, что в настоящее время путем лишь правительственных мероприятий и государственных монополий возможно вывести страну из тягостного положения. Вы сами знаете, и вся страна чувствует, насколько нас не удовлетворяет, например, хлебная монополия: она не в состоянии дать тех результатов, которых от нее все ожидают. Она разрушила лишь торговый аппарат, который бездействует и не в состоянии в этом случае выдвинуться. Но правительство, несмотря на все недочеты, которые проявились, упорно идет по одному и тому же пути. Мы видим создание целого ряда новых монополий. На днях осуществляется и монополия на торговлю мануфактурными товарами. Городские управления и другие органы в городах, в свою очередь, соревнуют вместе с правительственной властью, захватывая в свои руки работу, и не дают возможности торговать отдельным отраслям торговли. Мы видим, что во многих городах они захватили мясную и другие виды торговли. Все это заставляет нас подумать о тех мерах, которые мы должны принять, чтобы парализовать вредное течение, которое приведет лишь к большим расходам для государства. Я понимаю, что можно становиться на путь государственной монополии лишь тогда, когда государство получило полную уверенность, что оно в состоянии справиться с теми задачами, которые оно себе ставит. Нужны громадные денежные средства, чтобы вести дело, а само государство в настоящее время свободными средствами не располагает. Чтобы стать на такой путь, государственная власть должна гарантировать населению возможность получения продуктов по более низкой цене, чем может дать частная торговая деятельность. Для нас очевидно, что это, конечно, осуществлено быть не может. Если мы обратимся к хлебной монополии и тем печальным данным, которые уже опубликованы, то увидим, что для расходов была сделана ассигновка в 500 мил. рублей. Разве с частицей этих безумных расходов могли бы сравниться расходы частной

хлебной торговли, включая в них предпринимательскую прибыль. (*Шумные аплодисменты.*)

Считаясь с тем, что существует, мы должны, несмотря на все трудности, которые мы переживаем, обсудить на нашем съезде, что должны мы делать для того, чтобы противодействовать тем вредным и неверным течениям, по которым идет правительственная власть. Я полагаю, что наряду со старыми органами, будут плодотворно работать и новые торгово-промышленные комитеты, число которых возросло до 350 в настоящее время. Мы считаем, что эти комитеты являются необходимыми по объединению торговли и промышленности той или иной местности, но они являются общественными учреждениями торгового класса. Для того чтобы местные лица получили возможность большего влияния и большую силу, необходимо основать новые организации, будут ли это товарищества или кооперативы, пользуясь тем законом, который ныне существует, чтобы получить те ячейки, при посредстве которых могли бы работать наши старые торговые фирмы. Это является в настоящее время необходимым, чтобы противопоставить силе определенное объединение. Наряду с местными организациями, которые начали всюду образовываться и которые, я думаю, сослужат полезную службу всем нам и государству, мы должны подумать об организации центральных распределительных органов, которые могли бы объединить и содействовать планомерной работе местных организаций. Все это явится той серьезной работой, на которой должна быть сосредоточена все деловая работа нашего съезда.

Наряду с организационной работой мы должны будем обратить внимание на общее политическое положение, чтобы найти те исходы, которые дали бы возможность нам, торгово-промышленному классу, принять деятельное участие в жизни страны. Мы чувствуем, что наш класс, являющийся главным звеном в экономической жизни, своим долголетним опытом сослужит верную службу русскому государству. Если мы посмотрим на всю суть деятельности в области финансовой и политической, которая предпринимается правительством, кроме монополий, то здесь мы увидим, что русское правительство не составило себе определенного плана. Если присмотримся к деятельности Петрограда, то мы увидим, что там никакого порядка нет, что все находится там в каком-то хаотическом положении, что наша власть мечется за денежными средствами и не знает, как выйти из настоящего трудного положения. (*Бурные аплодисменты.*) Она продолжает лишь тот нетрудный путь, по которому следовала и старая наша власть. Она печатает кредитные билеты. Все эти накопления бумажных средств, которые разбрасываются по всей стране, которые даются в обмен на хлеб, наполняя и, конечно, не прельщая уже в настоящее время наше крестьянство, — все это более и более затрудняет ход нашего государственного корабля. В то же самое время мы видим, что заем свободы, который дал столь почтенную цифру, свыше 3½ миллиардов рублей, в котором деятельное участие принимал и наш торговый класс, движимый патриотическим чувством, не даст должного возврата денежных знаков. И, может быть, принесет лишь несколько сотен миллионов рублей

взамен тех миллиардов, которые правительство ожидало. Все это не выведет из трудного положения. И поэтому правительство обращается прежде всего к налогам. Оно считает, что налоги должны быть усилены до крайних размеров; оно считает, что торгово-промышленный класс должен в первую очередь, как класс имущий, быть подвергнут жестокому обложению. Но сознавая необходимость, чтобы торгово-промышленный класс, в пределах возможного, пошел навстречу потребностям страны, мы чувствуем, что правительство, с одной стороны, требует от нас денежной помощи для целей государства, с другой стороны, принимает целый ряд мероприятий, которые расстраивают деятельность торгово-промышленного класса, и, в конце концов, он не только не будет налогоспособным, — он будет, в конце концов, неплатежеспособным. Все это, господа, нас пугает, и если мы слышим со всех сторон, начиная с Шингарева, что нужны жертвы, жертвы и жертвы, то да, нужны жертвы, но в то же самое время нужен и разум, нужен государственный разум. (*Бурные аплодисменты.*) Нужно привлечение людей житейского опыта, которые могли бы разобраться во всем положении. Ведь недостаточно только требовать, нужно и уметь государственно давать.

И вот мы, дав все, что мы можем, и продолжая, конечно, помогать русскому государству, мы не должны скрывать, что мы уже в настоящее время слышим голоса, которые говорят:

«А целесообразно ли давать расточителю. Ведь сколько ни давай расточителю, все равно он бесполезно их истратит. (*Голоса: Правильно! Аплодисменты.*) Истратит все те деятельные капиталы, которые могли бы в иных руках принести государству большую пользу». Не лучше ли, говорят нам, во имя самозащиты наложить опеку на расточителя?» (*Голоса: Верно! Аплодисменты.*)

Признавая государственные жертвы, если мы обратим свои взоры в прошлое, к историческим примерам, ко времени великого гражданина Минина, который собрал добровольно, а частью принудительно, казну народную, чтобы противодействовать нашим врагам и спасти русское государство, то мы увидим одновременно, что Минин, собрав эту казну и оставшись при войске, наблюдал за этой народной казной. И сам ее расходовал на нужды государства. Мы же видим как раз обратное в настоящее время. Делались попытки привлечь представителей нашего класса в реорганизованное министерство, но, узнавши наши предварительные условия, все переговоры были тут же прерваны.

Мы чувствуем, что жизнь страны, запутанная уже в прошлом, становится с каждым днем все хуже и хуже. Ведь, господа, нужно на вещи смотреть трезвыми глазами. Большинство из нас понимает, что жизнь остановить нельзя, что жизнь идет вперед, что она должна иметь новые формы. Но нужно действовать целесообразно для того, чтобы новые совершаемые над Россией опыты не разрушили окончательно самого государства. Мы должны сказать, и это признается всеми левыми группами, что настоящая революция была революцией буржуазной (*голоса: Правильно!*), что буржуазный строй, который существует в настоящее время, еще неизбежен. А раз неизбежен, то из этого нужно сделать

вполне логический вывод. Те люди, которые управляют государством, должны буржуазно мыслить и буржуазно действовать. Лишь при этом условии можно при данном строе для данного государства получить наибольшее количество благ. Это не значит, что мы должны в настоящее время не иметь коалиционного министерства. Нет, сейчас необходимо не только определенное заведование всеми отраслями народного хозяйства, необходим психологический момент для того, чтобы победить врага. Нужна дружная работа всех живых сил, но проникнутая не доктринерством, а необходимостью при данных условиях вывести страну из трудного положения. Этим должно руководствоваться всякое министерство. Если мы обратимся к экономическим заданиям государства, если мы почувствуем шаги, которые принимает правительственная власть, то мы увидим, что все, что делается, недостаточно.

В настоящий момент в Петрограде создан экономический совет, который должен разрабатывать широкие государственные вопросы. В этом совете имеются представители разных групп, но мы, когда обратились с просьбой от имени нашего союза получить возможность принять участие в этом совете, от совета получили отказ. (*Голоса: Позор!*) Мы отлично понимаем, что все направление работ данного совета будет иметь, конечно, односторонний характер. Я думаю, там будут разрабатывать такие вопросы, которые практически в жизни, может быть, и не осуществляются. Надо присмотреться не только к этому совету, деятельность которого только началась, но и к разным другим организациям, которые ближе соприкасаются с местной жизнью. Вы читали резолюции, которые ими выносятся. Ведь они имеют такой детски наивный характер, и мы, тем не менее, никакого влияния в этих местных организациях иметь не можем.

Все это заставляет нас подумать о том, что, идя к организации высшей власти, мы одновременно должны стремиться к тому, чтобы и местные органы были соответственным образом реорганизованы. В противном случае, мы не в состоянии будем ничего достигнуть. Хотя мы сейчас призваны в незначительном числе, но я думаю, что вы из гражданского долга не сложите рук, а, конечно, пойдете во все эти общественные организации, чтобы, во имя высших целей государства, помочь, по крайней мере, устранить своей критикой то, что является наиболее вредным и нецелесообразным.

Наш торговый и промышленный класс будет делать свое дело до конца, не ожидая себе ничего. Но в то же самое время он чувствует, что в настоящее время убедить кого-нибудь или повлиять на руководящих лиц он не может.

Поэтому наша задача является крайне трудной. Мы должны ждать, мы знаем, что естественное развитие жизни пойдет своим чередом и, к сожалению, оно жестоко покарает тех, которые нарушают экономические законы. Но плохо, когда приходится жертвовать государственными интересами, чтобы убедить какую-то небольшую группу лиц. Это является непростительным. Это равно тем жертвам, какие мы понесли на фронте. Нужно было, чтобы было разбито несколько армий, чтобы наше доблестное офицерство пострадало до крайности для того, чтобы Советы рабочих депутатов переменили на время

свои убеждения. Поэтому, господа, мы поневоле вынуждены ждать. Эта катастрофа, этот финансово-экономический провал будет для России неизбежен, если мы уже не находимся перед катастрофой, и тогда уже, когда она для всех станет очевидной, тогда только почувствуют, что шли по неверному пути, и к этому времени мы должны деятельно готовиться, чтобы наши организации были на высоте положения.

Мы чувствуем, что то, о чем я говорю, является неизбежным. Но, к сожалению, нужна костлявая рука голода и народной нищеты, чтобы она схватила за горло лжедрузей народа, членов различных комитетов и советов, чтобы они опомнились. Стонет русская земля от их товарищеских обьятий. Народ в настоящее время еще не понимает, но он скоро их поймет и скажет: «Прочь, обманщики народа». (*Бурные аплодисменты.*) У нас большинство тех, которые кричали, что они защитники свободы, сами же уничтожают истинную свободу, утверждают, что они стоят за народ, – сами же губят народ и позорят чистое дело революции. Мы, люди торговые, понимаем, что наше положение трудное. Каждый из нас в душе мучается, потому что он не может во всей полноте исполнить своего гражданского долга перед государством в силу сложившегося положения. Невольно хочешь воскликнуть:

– Великое русское государство, ты одиноко, где твои защитники?

Все светлое и чистое поругано, все культурные люди отброшены, царствуют взаимная злоба и ненависть, не чувствуется народной ответственности даже за свое бытие, честь и единство. Когда же восстанет не вчерашний раб, а свободный русский гражданин? Пусть он спешит скорей. Его ждет Россия. Кругом лишь слышится сатанинское гоготание тех, которые стыдятся произнести слово «родина». В этот трудный момент, когда надвигается новое смутное время, все живые культурные силы страны должны образовать одну дружную семью. Пусть проявится стойкая натура купеческая. Люди торговые, надо спасать землю русскую.

*Второй Всероссийский торгово-промышленный съезд
в Москве 3–5 августа 1917 г. Стенографический отчет
о первом пленарном заседании съезда 3 августа. М., 1917. С. 3–8.*

Ефремов С.А.

НА ПОВОРОТЦІ

I

Той кризис власті, що пережила недавно російська держава, знов ставить перед нами, мешканцями й громадянами тієї держави, тривожні запитання. Аж цілих три тижні точився згаданий кризис. Люди, що стояли на чолі власті, робили надлюдські зусилля, щоб одкотити державний віз од краю безодні, яка вже зіпала своєю немірною глибиною. Знесилившись і зневірившись, одходили вони на бік, бо не видно було порятунку. Бували моменти, коли блідий

жах покривав усі свідомі лица, коли подув смерті виразно проносився [в] повітрі. Тяжко, з величезними муками народжувалося щось нове, ще невідоме, й загадкою стояло перед людьми, яким мимоволі приходило на згадку:

Сбились мы. Что делать нам?

В поле бес нас водит, видно,

Да кружит по сторонам...

Заблукані люди не знали, що почати, й справді почали були всю вину вали-ти на того чи іншого «біса», навіть у думках не покладаючи, що й власної вини тут не бракує...

Отже, ще раз вискочили. Дорогу начебто знайдено... Яку ж саме і чи надовго?

Три події надзвичайно загострили кризис. То були – дезертирство кадетів од власті через порозуміння українців з правительством, повстання в Петербурзі, викликане безглуздою агітацією за негайне встановлення соціалістичного ладу і, нарешті, ганьба й жах, оргії анархії та розбишацтва, поєднані з тяжкою невдачею на фронті. З цих подій навіть кожна поодиночці могла б справити тяжкий кризис. Легко уявити, що вони посіяли, склавшись до купи.

Отже, коли кризис нібито минув, то не зітхнення з полегкості, що одійшла біда, пронеслося по державі. Навпаки, тривога не перестає і знов стоїть те ж саме непевне запитання – «что день грядущий нам готовит?». Бо вийшли ми з кризису вже не такими, якими стояли напередодні його, бо дорогою по темних, покручених лабіринтах отих важких трьох тижнів багато чого розгубили, бо не донесли ми до цього моменту навіть того, що найдужче кріпить і сили додає – не донесли віри в те, що йдемо правним шляхом, і надії, що ним дійдемо безпечно до поставленої мети.

Поновлення кари на горло... Обмеження волі слова і зібраннів... Новий тон у заступників власті – новий, власне, у цих заступників, а дуже старий і знайомий по суті... Одверті розмови серед нічних птахів, що враз набрались сміливості й на світ божий повилазили... Ще більш одверта агітація проти українства, довершена вже й чинним способом, що кільканадцять живих людей трупом положив...

І втома, апатія, бажання, аби: як здихатись громадського діла, підмінивши його особистими справами... Ось що стріли ми, вийшовши з кризиса. Не диво, що мало не скрізь зникли бадьорі голоси медового місяця революції, й так багато пугачів пугає тепер на стріхах спустілої оселі надій, і така сила чорного гайвороння кружляє в повітрі, вичуваючи добру собі здобич... Ми виразно вийшли на поворотку, за якою почнеться, певне, і новий напрям... Реакція прилетіла й дошкульно вичепила нас холодним своїм крилом, – щонайгірше реакція в настроях, яка утворює путь і справжній, непідробній реакції у вчинках.

Це не важко було наперед угадати. «Величезна небезпека, – писав я три місяці тому, ще по першому міністерському кризисі, – була вже в самий оцій анархії думки, що зросла ще більше, коли почалась анархія вчинків. На вагу покладено самі здобутки революції, долю всієї держави. І страшні тут не ті

контрреволюційні елементи, якими так лякають неофіти революції. Далеко страшніші оці самі неофіти, що за старого ладу смирененько корились перед участком, а тепер не знають упину своїм домаганням; ще страшніша ота обивательська маса, що кінець-кінцем рішає долю всяких народних рухів. Контрреволюційні елементи самі по собі не мають сили повернути колесо історії до осоружного ладу, – і вони це розуміють, тому-то й зникли вони так усі одразу з поверху життя. Але допомогти їм можуть самі ж революційні елементи, скоро не здужають серед самих себе побороти анархічних інстинктів і зв'язати самих себе найміцнішими узами громадської повинності. Коли цього не станеться, коли анархія далі поступатиме, то реакція і контрреволюція прийдуть самі собою, навіть без реакціонерів та контрреволюціонерів. Коли не стане ніякого ладу, коли не буде забезпечено елементарних вимог порядку – край революції. Обивательська маса, перелякана анархією, вхопиться за яку хочете соломку, піде за першим-ліпшим капралом, аби тільки він обіцяв їй святий спокій – і матимемо диктатора, Наполеона, нового деспота – кого хочете на вибір» («Нова Рада», ч. 33).

Багато з того, що тут тільки на здогад писано, вже справдилося. Неофіти революції вже показують спину, а обережніші і п'ятами накивали; обивательська маса вже «одчинила фронт» перед реакцією, і в зроблений пролом вже вливається, пре лавою реакція, що враз підвела голову й набрала духу та зважливості. Другий акт російської революції одійшов у минуле, й ми стали дійсно на поворотці, на початку нового акта.

Особливо – ми, українці...

II

Місяць тому сталося порозуміння між заступництвом організованого українства, Центральною Радою та Тимчасовим правительством. Порозуміння досить несподіване, бо всі обставини, од першої делегації до Петербурга та першого ж універсалу Центральної Ради, віщували, навпаки, затяжну боротьбу, а не спокій та злагоду. Централізм державний, як видно було по тих подіях, не збирався так хутко скласти свою зброю, і можна було сподіватись, що він усі сили свої збере й напружить, щоб устояти на старих позиціях. І раптом – склалося порозуміння. Міністри, що не звертали увагу на українську делегацію, як вона була в Петербурзі, самі приїхали до Києва й запропонували згоду і владу. І власне, це, на мою думку, було початком занепаду, спускання з апогею, того високого шпилья, на який піднялось було українство під час опублікування першого Універсалу. Нехай це бринить парадоксально, але саме тінь власті, що промайнула перед органами української національної думки, позбавила її тієї справжньої, хоч і неформальної власті, яку, безперечно, здобула собі вже була й посідала Центральна Рада. Той розпад, що слідом і невідступно йде тепер за властю, позначився зараз же на органах організованого українства.

Бо власть тепер, під час революційного процесу, хоч до неї і тягнуться по інерції деякі жадібні руки, втратила прикмети організованої основи життя і вступила в якийсь хронічний кризис. Бо власть тепер стає безпорадно саме

там, де вільно ширяє приватна ініціатива, над якою не тяжить необмежена відповідальність і є змога сміливого почину, чого якраз бракує власті. Бо власть тепер зовсім не творча сила, а скручено її умовами моменту так тісно, що вона мало чим може себе виявити. Бо власть тепер – це не жодний привілей, а тяжкий хрест не на всякі плечі. Взяти її легко, бо вона, як справжня *res nullius*, лежить просто на дорозі й аж проситься, щоб її взяти – з тим, щоб враз лукаво випорнути з рук, що на неї спокусились, тим-то, щоб удержати її, треба мало не надлюдської сили. Максималізм права й надзвичайно побільшені вимоги до власті та мінімалізм обов'язків, що переходять у вульгарне неслухнянство, в зв'язку з надзвичайно скрутним становищем фінансовим – усе це зробило теперішню власть мало не тінню без жадної реальної ваги. І коли українство наблизилось тільки до такої власті, зараз же на цій дорозі спіткали його ті вовчі ями, яких так густо покопано на кожній стежечці до правопорядку.

Час, коли вийшов перший Універсал, треба вважати апогеєм, до якого дійшов стихійний розмах українського національного руху. «Самочинне», мовляв, українське національне заступництво, сконцентроване в Центральній Раді, стало великою і творчою, організованою і організаційною силою. Це не було українське правительство, як намагались поставити Центральну Раду деякі українські круги, що не розуміли природи її авторитету та впливу. Це було щось, коли хочете, більше од правительства, бо вплив та авторитет Центральної Ради виникали не з примусу, не з того одіуму кожної власті, а з її моральної сили, з абсолютного признання її авторитету, з власної волі, з добровільного обмеження, що наложило на себе само українське громадянство. Це також власть, але така, якої жодне в світі правительство не має і мати не може, хоча мати хоче. Центральна Рада, таким чином, займала надзвичайно вигідне становище – з усіма прерогативами справжньої власті, але без її тернових колючок. Власть ця не була повна вшир, бо підлягав їй тільки той, хто сам того бажав, але була глибока, бо коли вже хто підлягав, то не тільки за страх, але за совість.

Але разом з тим, як ця неформальна власть ширилась і зміцнялась, підступала спокуса й формальної, заснованої на примусі власті. Вперше це виявилось, коли установлено Генеральний секретаріат, а ще більше – з його декларації перед Центральною Радою, і тому-то я вважаю ці події за початок того пониження, того нахилу до спадання, який виразно помічається, поруч загальної реакції, і в українському рухові. Перед Генеральним секретаріатом дві стелилося дороги. Перша була – стати виконавчим органом тієї творчої, організаторської сили, якою була доти Центральна Рада, і тільки внести певний план, певну систему й порядок у той рух, що відбувався до того часу більш стихійно; надати організації й свідомості тому, що йшло від українства просто через те, що нікуди йти було – одно слово, творити ту велику організаційну роботу, через яку сильна зробилася Центральна Рада, тільки розложивши ту роботу на ряд паралельних течій, кожна під орудою відповідного генерального секретаря. Друга, занедбавши цю творчу роботу, побігти за блудним огником державної власті, сісти на коня високої політики й боротьбі за ту власть віддати

свої сили. Серед Генерального секретаріату обидва позначались напрями, і, на жаль, переважив останній. Спокуса власті показаласть дужчою од веління політичного розуму. Вже відома декларація секретаріату перед Центральною Радою, констатувавши, що українство стоїть на порозі публічної власті, ступила на цю небезпечну і хитку стежку боротьби за непотрібну власть. Центральна Рада пішла за цим закликком, – і боротьба розпочалась.

Здавалося, з одного ж разу українство здобуло тут велику, несподівану перемогу. Порозуміння з правительством 29–30 червня давало заступницьким органам українства, Центральній Раді та Генеральному секретаріатові, формальну власть, робило публічний початок тому фактичному творенню автономії, який досі мав неофіціальну природу й провадився приватними методами й особистою енергією, і готуючись до того, щоб перебрати ту власть на себе, органи українства одійшли од організаційної роботи, випустили з рук ті можливості, які дала їм попередня хвиля. І поки йшла ця перестройка, поки органи нової власті несміливо і недосвідно брались до нових обов'язків, життя круто звернуло з свого шляху. В найбільш відповідальний і тяжкий момент революції, коли не можна було й на хвилину сходити з варті, увагу вартових було одкинуто в інший бік. Спроби переймання власті, умови з правительством, дождання й хвилювання з приводу подій високої політики – і живчик життя утрачено, а разом і вплив, маліє авторитет. Органи українства випускають потроху керування з своїх рук.

Ось що принесла з собою та «воля до власті», за мінливим огником якої пішло українство. Але були й інші наслідки, які теж дають себе тепер узнаки.

Посідаючи великий авторитет і власть моральної природи, Центральна Рада немалого одіуму кожної власті, що у її відповідальності, зареволюційних часів занадто тяжкої, бо часто або й здебільшого непосильної органам власті. Тепер же прийшла й відповідальність, хоч сили та впливу не прибуло, – отже, відповідальність за те, що, по суті речей, од Центральної Ради не залежало. Те безсилля, той параліч власті, яким недугувало російське Тимчасове правительство – заразило й Генеральний секретаріат. А тим часом становище його погіршилося й ще з одного боку. Український рух, як відомо, поставив собі за мету українізацію всього життя на Україні. Поки українізація засновувалась на добрій волі громадянства, поки органи українства впливали самою моральною силою, доти на протести й обурення проти українізації можна було не зважати: моральна сила, воля народу ясно була на стороні цього руху, що не мав і тіні офіційної, ані зерна примусу. І інше стало, коли українство почало звертати на офіційний шлях, коли почав йому на допомогу ставати такий спільник непевний і зрадливий, як примус. Тепер українізація багатьом почала нагадувати недавню русифікацію, викликаючи у кого щире, у кого й зовсім нещире, але помазане миром права – обурення та протести. Хоч би як ми дивились на джерело тих протестів проти «насильственной украинизации», яких повно стало по чорносотенних і нечорносотенних органах, але вони творять закат, несуть розбрат і порухи, виховують і організують наших українських ольстерців і, кінець-кінцем, провадять до тих трагічних подій, що

кінчаються вже кров'ю і трупами. Шістнадцятеро богданівців лягли першими жертвами того заколоту, що сіє те доморосле ольстерство на Україні... Це, кажу, перші жертви, але чи останні?

Реакція перекинулась і до нас. Україна теж стала на поворотці свого життя. Куди та поворотка провадить і як на новому шляху позбутися небезпеки – про це іншим разом поговоримо.

III

Не тільки казковим героям, а й народам трапляється іноді прибитись до фатального стовпа з зловісним написом: підеш праворуч – кінь пропаде, підеш ліворуч – сам згинеш, а просто підеш – і сам згинеш, і кінь пропаде... Але таке ворожіння, що, здавалося б, лишає всякого виходу, може справдитись тільки за певних умов. Вихід завжди єсть. І вже на дотепність та догадливість героя, на його вміння викрутитися із скрутного становища й знайти той вихід треба покладатись, щоб не пропасти й самому, і зберегти вірного товариша в пригодах. Пошукавши справжньої дороги, можна знайти її хоч і на роздоріжжі.

Може бути, що народ український саме стоїть на такому роздоріжжі, на тій небезпечній поворотці, яка може справді в невдалі нетрі та пущі занести. Праворуч – темна реакція, ліворуч – розперезана анархія, а просто – просто може бути і реакція, й анархія, якщо не подбати про справжню дорогу, якщо кинутись наосліп, не забезпечивши себе од можливих пригод, і вся сила в тому, як найти те, що від таких пригод справді може забезпечити і вивести на правдиву путь до невпинного та широкого розвитку на всіх тих ділянках людського життя, якого ми бажаємо й своєму народові серед вільних народів усього світу.

Тому правдиву путь наша національна думка давно вже, в перших своїх зародках визначила, й останні часи тільки виразніше ту дорогу накреслили. Це – автономія України в федеративній республіці російській. Чому автономія, а не самостійність, чому федерація, а не сепаратизм – говорити зараз не буду, беручи саме ці форми державного життя, як такі, що на них погодилась величезна більшість організованої і свідомої громади української, і ці форми, за які нам, очевидно, доведеться ще велику боротьбу видержати, нам і треба захистити від ударів і з правої, й з лівої руки, знайшовши для того найбільш відповідні та доцільні і найменш тяжкі способи.

Способів, на мою думку, три маємо. Можна брати своє право захватним методом, силоміць видираючи, скориставшись з хвилевого знесилення тих, хто проти того повстає. Можна, далі, здобувати його переговорами та умовами і можна, нарешті, йти органічним шляхом, шляхом натурального дозрівання тих форм у загальній свідомості та їх популярності серед широких мас людності. Перший і другий способи рішають справу одразу, третій буває довгий і забарний – але він єдино певний та єдино безпечний: рано чи пізно, кінець-кінцем, доводить він до поставленої мети. Бо щодо першого, то хвилеве знесилення потроху минає, і здобуте силоміць силоміццю ж і втрачається. Умови ж... тільки теперішня війна показала, що кожна умова – то тільки аркуш паперу,

який так легко дереться: маємо у власній історії одного дотепного князька, що на докори – як наважився він хресне цілування зламати, – весело й безтурботно відповів: «А що мені якийсь там маленький хрестик»... В історії боротьби України за свою волю й вольності найбільш стріваємо якраз приклади обох цих методів, і вся боротьба нанівещь пішла, уся вона розсипалась або перед силою, або перед лукавством. І сталося це саме через те, що на третій шлях не зверталось жодної уваги. Політичні ватажки українські покладались або на саму оружну силу, або на свою дипломатичну зручність – і лишали без уваги той єдино міцний і твердий ґрунт усяких політичних комбінацій, що залежить од свідомості мас, од їхньої піддержки й допомоги. І через те незаінтересовані маси в критичні хвилини кидали своїх ватажків на божу волю, і вони гинули, а з ними й результати їхніх діл та праці. Висновок з цього один може бути: тільки демократичним шляхом будуючи автономію, тільки зв'язавши її з інтересами і потребами трудових мас, тільки прищепивши їм цю ідею як єдиний спосіб порятунку од злиднів, поставимо ми справу на такий твердий ґрунт, що вже ніяким ольстерцям його не схитнути.

Отже, насамперед треба злізти з кону високої політики, занехаяти і химерну гонитву за властю, і фантастичні мрії про захватні способи, і всякі дипломатичні комбінації та обернутись до органічної й організаційної праці серед народних мас. Напр., добре оборудована і поставлена українська школа далеко, безмірно більше може дати для справи політичної автономії, ніж сотні найкращих демагогічних трактатів. Кілька поколінь, переведених через рідну школу, дадуть таку міцну й непохитну відпору до наших політичних демагогів, якої не створити всякими гострими заходами. Автономія свідомого національно й освіченого народу сама прийде – так само натурально, як падає з дерева достиглий плід. Це може помалу робиться, але зате міцно, бо навіки. І для цього в рамках вільної держави досить морального впливу і авторитету, коли не можна впливати через формальну владу.

Поруч такої органічної роботи стоїть потреба, щоб зв'язати її з реальними інтересами мас. Вони йдуть тільки за тим, хто забезпечить їм спокій, і хто задовольнить їхні економічні потреби. Економічні постулати – це найдужчий, найвимовніший і найбільш зрозумілий аргумент за автономію, кожному він і до найбільшої глибини промовляє. Хліб матеріальний разом з хлібом духовним – то дві могучі підойми, з якими можна сміливо братись і до Архімедового завдання, – принаймні, з ними можна заходитись коло того, щоб і світ перевернути – світ упередження, ледарства думки, традиційної пошани до звичних форм, несвідомості та інертності. Політична робота серед мас, але конче зв'язана тісно з економічною та культурною, тільки й може врятувати нас на тому роздоріжжі, на яке завели нас що обставини нашого державного життя, а що й наші власні тактичні помилки.

До цього мусимо додати ще одну річ, а саме заходи коло паралізування того специфічного лиха на нашому ґрунті, яке в Галичині виявлялось під маскою москвофільства, а у нас спочатку йтиме не тільки під реакційними лозунгами. Вже органічна робота коло піднесення культури й добробуту народу це лихо,

звичайно, дуже приборкає, але не треба забувати, що національні меншості на Україні, елемент найбільш культурний, здебільшого зрусифіковані й мимоволі тягнутимуть до старого, підсилюючи тим наших чорносотенних ольстерців. Тут мало самого порозуміння з меншостями та забезпечення їхніх прав, тут треба ще утворити тісний зв'язок їхніх інтересів з автономним ладом на Україні, бо тільки тоді вони стануть громадянами землі української. Підкреслюю *землі*, а не нації, отже, треба новий автономний лад, як зазначав це ще Драгоманов, будувати не на самий національний, або не так на національний, як на територіальній основі. Ця основа, і тільки вона, може поєднати під стягом автономізму всі поступові й демократичні елементи, навіть ті, що під національним прапором не можуть іти й не підуть. Невеликий досвід щодо цього у нас уже навіть є. З того часу, як українство виразно стало не тільки на національному, а й на територіальному ґрунті, ідея автономізму дуже поширилась, і серед демократичних партій тепер, здається, нема жодної, яка не приймала принципіально автономії. Повернути принцип на практику – це буде дальшим ступенем на шляху порозуміння й об'єднання демократичних кругів. Національний український елемент у такому разі зовсім не одійде на задній план, він тільки перестане випинатись без потреби самими декларативними способами, і практично вага його може од того тільки збільшитися. А про це особливо треба дбати тепер, коли реакція починає знов прокрадатись до втрачених позицій, бо на Україні вона має охоту звести рахунки насамперед з українством.

Рахунки ці, очевидно, ще будемо зводити. І треба для цього на поворотці нашого життя вибрати таку дорогу, щоб дійти до мети з найменшою тратою національної сили – щоб не тільки зберегти всі здобутки українства, але зміцнити їх і непохитний заложити під них фундамент. Решта за цим прийде сама собою.

Нова Рада. 1917, 4, 5 и 6 августа. № 106, 107 и 108.

Мельгунов С.П.

ТРАГЕДИЯ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Тому, кто не несет бремена государственной ответственности в дни переживаемого нами морального распада, чрезвычайно тяжело выступать с критикой действий правительства. Но есть долг высший, обязывающий предостеречь от роковых ошибок. И публицист, честно выполняющий свой долг, понимающий вместе с тем всю безвыходность положения страны, которое привело революционное правительство к принятию исключительных мер, не может не возвысить своего голоса против смертной казни. Какими бы соображениями ни мотивировался смертный приговор, какими бы гарантиями ни обставлялась исключительность его применения, нельзя мириться с возрождением смертной казни в новой России. Мы слишком остро переживали

недавний ужас распада фронта, грозившего всем долгожданным завоеваниям революции; легко понять поэтому те психологические условия того момента, который привел нас к восстановлению ненавистных институтов старого режима. Но то, что могло быть сделано лишь под влиянием момента, должно быть устранено немедленно при трезвом обсуждении вопроса.

Оставим совершенно в стороне требования морали и права. Спокойная историческая оценка момента сама по себе говорит о невозможности того пути, на который вступило Временное правительство. Путь, опасный для революции; путь, который неизбежно развращает органы революционной власти; путь, почти неизбежно ведущий к последовательному развитию якобинизма. И когда мы находимся в преддверии установления военной диктатуры, этапа исторически развития реально мыслимого при сложившейся конъюнктуре, становится чрезвычайно рискованным во имя русской свободы воспринимать методы революционной якобинской политики. Придет другой, который использует эти методы и повернет колесо истории в другую сторону. И он найдет себе оправдание в изменчивом настроении массы.

Это вовсе не мнимая опасность. Поэтому революция и должна воспитать отвращение к насилию. Иначе крушение ее становится едва ли не математической аксиомой. Можно сколько угодно негодовать на своекорыстность буржуазии, можно исключительно на нее перекладывать ответственность за происходящее, но есть железные законы истории, которых не перейдешь.

Нам нужна твердая власть, без нее задохнется свободная Россия в угаре и классового корыстолюбия, и социального утопизма.

В этом нет сомнения. Но твердая власть далеко не равнозначуща политике репрессий хотя бы во имя сохранения демократических завоеваний революции. Воскрешение дореволюционных методов административного воздействия на инакомыслящих, воскрешение административных высылков, арестов, закрытия органов печати – признак, скорее, слабости власти. Так было встарь, так будет и впредь. Я глубоко презирал при старом режиме литературную деятельность рептильных органов гг. Сувориных, но как писатель, испытывавший весь гнет запрещения свободного слова, должен кричать в защиту своих врагов. Но я хочу быть только реалистом. И утверждаю, что политика репрессий не достигает, прежде всего, своей цели. Она опасна тем, что впитывает в сознании мысль о допустимости во имя общественного блага гильотины. И люди с иной идеологией, с иными навыками легко при изменчивых комбинациях общественных сил используют эту мысль в других целях. Сегодня Суворины, завтра вы – в этом опасность, с которой не хотят считаться.

Но трагедия русской революции не в том, что революционная власть, представленная вождями демократии, так страстно и самоотверженно боровшимися за политические свободы, вынуждена идти по пути ограничения элементарных гражданских прав. Здесь, повторяю, только тактическая ошибка, вызванная исключительной опасностью момента. Трагедия русской революции в том, что эта, быть может, вынужденная обстоятельствами ошибка

происходит в момент, когда правительство может иметь социалистическое большинство. Когда на социалистические партии перекладывается как бы ответственность за ближайшее будущее, ответственность, которую они принять в действительности не могут, когда, наконец, явно начался политический сдвиг в обществе в сторону от развития. Куда докатится волна этого сдвига, об этом пока еще не хочется думать. Пусть эти думы остаются пока в сфере уединенного размышления и предугадывания и не усиливают пессимизма и так уже нарастающего с каждым днем. Трагедия русской революции не в том, что ей приходится бороться с непрекращающимся обратным движением теми самыми методами, при помощи которых боролись с нею. Трагедия в том, что ей приходится уничтожать плоды собственного насаждения.

В ленинском «большевизме» повинны, в конце концов, не немецкие деньги. Не младенческий утопизм социалистов-«интернационалистов». Не малый патриотизм буржуазии, создававший благоприятную почву для восприятия в массе «крайних» идей. А та беспросветная демагогия, которая велась в так называемый «митинговый период» русской революции. Переоценка культурности толпы всегда чревата последствиями. Результат налицо – развал на фронте мы вынуждены останавливать введением смертной казни.

Путь устрашения всегда представляется некоторым верным путем воздействия на инстинкт некультурной среды. Но именно в этом и заключается трагедия русской революции. Кто достоин смертной казни? Неужели тот, кто в своей темноте и невежестве делается невольным предателем родины? Разве не приходится задуматься над такой, в сущности, ужасной дилеммой? Разве не испытываешь при таких условиях глубочайшей моральной угнетенности?

«Митинговый период революции кончился», – говорит центральный орган партии социалистов-революционеров «Дело Народа», повинное, пожалуй, более других в современном развале, ибо у кого есть много, с того много и взыщется. Но кончилась ли в действительности демагогия? Разве вся деятельность в последнее время министра земледелия не является своего рода сплошной демагогией? И если последние весьма двусмысленные инструкции г-на министра земледелия будут приводить к эксцессам и их придется ликвидировать при помощи арсенала принудительных мер, на кого тогда ляжет и моральная и фактическая ответственность?

Я не боюсь упрека в реакционности, ибо только последовательный социализм без эквилибристики вправо и влево будет социализмом истинным. Только при этой незыблемости позиции легко принимать моральную ответственность за слова и действия. В этой последовательности и определенности заключается и твердый курс государственной политики. При склонности к колебаниям никакие репрессии не придадут авторитета власти, а без него нет и не может быть власти твердой.

Канторович В.А.

БОЛЬНАЯ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ

Вот она подлинная российская общественность!.. Представитель торгово-промышленного класса, просвещенный вождь российского крупного купечества г. П. Рябушинский изложил в Москве свое политическое credo. Когда несколько месяцев тому назад антипод Рябушинского, но родственник ему по складу мысли и программе действий Ленин огласил свой план спасения революции, план, который поражал всех своей простотой и легкостью (арестовать 50 капиталистов!..), глянуло это звериное лицо нашей «общественности». Или ползком, или обухом!.. Вот и вся глубина политической мудрости. Тут и клубок экономических затруднений и неразрешимый спор социальных противоречий; тут заворошили всю нашу жизнь кризисы, кризисы без конца и железнодорожный, и продовольственный, и финансовый, и промышленный и всякие другие; тут громят страну извне и топчут ее иноземным сапогом – а ответственный вождь рабочей демократии в виде образца высшей политической мудрости предлагает арестовать 50 капиталистов.

Проходит немного времени. Общественные условия изменились так, что лидер большевизма очутился под конем, а вождь купечества как будто взобрался на коня...

С высоты своего классового благополучия он рассматривает истерзанную Россию.

И что же?

Чем собирается г. Рябушинский спасти отечество? «Может быть, для выхода потребуются костлявая рука голода, народная нищета, которая схватила бы за горло лжедрузей народа, демократические советы и комитеты»... Так и сказал: «потребуется голод и нищета»... Все помыслы просвещенного Минина направлены в сторону своего, хозяйского господства. Чтобы покончить с демократией, Рябушинский готов использовать голод и нищету народную, т. е. поражение, позор. Его зовут спасти Россию, а он зовет голод и нищету для России. Вот какие формы принимает любовь к отечеству гг. Рябушинских. До такого откровенного цинизма, до такого пораженчества еще, пожалуй, не договаривался никто...

Можно подумать, что Рябушинский озабочен образованием прочной власти. Он требует скорпионов для демократии, но сам готов снять с себя свой купеческий кафтан и положить его на алтарь гибнущего отечества. О нет! «С одной стороны, власть не поощряет промышленные классы, а с другой – предъявляет повышенные требования»...

Не трудно догадаться, о каких «поощрениях» речь ведет г. Рябушинский. Это, очевидно, такого рода поощрения, при которых жертва не жертва, а фирмам сладостный. Идеология получается у промышленников удивительно гармоничная. И отечество спасаешь, и капитал растет...

А наивная революционная власть вызывает к самоограничению, к забвению своекорыстных, классовых интересов, к национальному подвигу, к пафосу

самопожертвования. Наивная власть!.. Какие «повышенные требования» она предъявляет промышленникам. Не правда ли?..

Итак, программа Рябушинского сводится к тому, что нужно, прежде всего, схватить за горло и задушить демократию, а потом или одновременно посадить за стол правления промышленников и купцов. Будет ли спасена революционная Россия? Об этом не думает Рябушинский. Ему бы только капитал спасти.

Вот она подлинная российская «общественность». Посмотришь снаружи: европеец, просвещенный либерал, меценат и ценитель искусства, гражданин. Взглянешь пристально – дореформенный купец, с кругозором прилавка, грубый, расчетливый охотнорядец с явно выраженными чертами мародерства.

Общественность наша пребывает до сих [пор] в состоянии какой-то странной смеси новых навыков европейской политической культуры, связанных с понятиями «государственность», «историческая ответственность», и дикой, самобытной распушенности, которая классовую борьбу превращает в классовое самодурство, а свободолюбие в вольность бесшабашную. Безгосударственность парализует нашу общественность. Освобожденная от холопства, сбросив с себя опеку самодержавия, Россия не может собрать экономно все творческие силы нации и стать твердой ногой на путь новой демократической государственности.

Вчера бунтарская гримаса большевизма, сегодня циничный выверт гг. промышленников. Внешние препятствия и затруднения можно устранить; порок общественности нужно изжить, переболеть. Может быть в Учредительном собрании найдет революционная Россия исцеление.

День. 1917, 8 августа. № 130.

Гарви П.А.

ЛЕНИНЦЫ И МОСКОВСКОЕ СОВЕЩАНИЕ

Ленинский Центральный Комитет открыто призвал к бойкоту Московского совещания. Примыкающим к ЦК партийным организациям дана директива: «1) разоблачать созываемое в Москве совещание, орган заговора контрреволюционной буржуазии против революции; 2) разоблачать контрреволюционную политику эсеров и меньшевиков, поддерживающих это совещание; 3) организовать массовые протесты рабочих, крестьян и солдат против совещания».

Итак, ленинцы опять вытащили из арсенала свое старое заржавленное оружие борьбы – бойкот, казалось, осужденное всей историей революционной борьбы последних 12 лет. Они опять воскрешают эту неумную тактику невмешательства пролетариата в общественно-политическую жизнь.

Если бы даже они были правы, говоря, что Московское совещание это – готовящийся заговор контрреволюционной буржуазии против революции, но ведь к голосу ЦК на страницах «Раб[очий] и Солд[ат]» и других ленинских

газет, к речам ленинцев на митингах будут прислушиваться десятки, много-много – сотни тысяч рабочих, солдат и крестьян. А к Московскому совещанию будут обращены взоры всей России, всего крестьянства, всей армии, всего пролетариата, наконец, всего мира. Пусть Московское совещание – что, конечно, вздор! – это «контрреволюционный заговор», пусть это попытка подменить земским собором Учредит[ельное] собрание, «подделать общенародное мнение и ввести тем самым широкие народные массы в обман». Но и в таком случае долг социалистических партий, долг всех революционно-демократических организаций не бойкотировать это совещание, а пойти на него и там, перед лицом всего народа, всего мира, разоблачить заговор буржуазии против революции в минуту величайшей опасности для страны.

Неловко доказывать эти азбучные истины с[оциал]-д[емократической] тактики, но их приходится повторять, ибо ленинцы, эти сущие «социал-нетовцы», за две революции ничему не научились.

Уклонение от прямого боя с классовыми противниками ленинцы теперь, как и прежде, выдают за самую революционную тактику, наилучше якобы обеспечивающую политическую самостоятельность рабочего класса. Но, уклоняясь сами от открытого боя с воинствующей буржуазией, ленинцы, верные своей вероломной тактике, наносят удар в спину тем, кто не уклоняется от открытой встречи с врагом, кто не уединяется в свой раскольнический скит, когда на открытой арене разгорается политическая битва.

Мы с презрением проходим мимо попытки ленинского ЦК изобразить нашу, меньшевиков и эсеровскую, политику как «контрреволюционную».

Нас не может задеть злобная клевета третьейюльцев, своей авантюристской тактикой распахнувших двери подлинной, черной контрреволюции.

Но мы не можем не заклеить попытки ленинского ЦК изобразить *Советы* в роли «простых придатков империалистического механизма».

В момент, когда организованная буржуазия ведет яростный поход против Советов; накануне Московского совещания, где вопрос о роли Советов, об их деятельности, об их взаимоотношениях с правительством будет самым боевым, так недобросовестно нападать на Советы и его руководящие партии, как это делает ленинский ЦК и ленинский лейб-орган, значит, наносить удар в спину «революционному парламенту», значит, фактически играть на руку тем контрреволюционным силам, которые стараются свалить Советы.

Сегодня, как вчера, как все время революции, ленинцы, подстегивая революцию, на деле толкают страну в яму контрреволюции.

Еще не все пролетарии видят это сегодня. Но скоро они все поймут и – тогда отвернутся от «сверхреволюционеров», подкапывающихся под органы революции.

Затонский М.П.

В ЧЕМ ОПАСНОСТЬ?

О контрреволюции говорилось и писалось за истекшие пять месяцев переворота более, чем много; это и понятно, т. к. революционная демократия ни на минуту не должна себя убаюкивать ложной мыслью, что враг побежден и остается лишь закреплять победу. Кроме того, вопрос о контрреволюции сам по себе имеет крайне важное социально-экономическое содержание, и на выяснение его и следует обратить особое внимание. Дело не в том, что где-то может organizоваться кучка заговорщиков против революции и может выступить. Смешно на самом деле думать, что какая-то кучка сторонников царско-дворянского самовластия может серьезно угрожать вооруженному народу. Нет, прямого нападения на революцию нам бояться нечего. Опасность грозит совсем с другой стороны. Тот или иной исход революции главным образом зависит от того, как демократия справится с теми колоссальными трудностями, какие судьба взвалила на ее плечи. Прежде всего, хватит ли у нас ума и сил для того, чтобы в бурном океане мировой войны сохранить в целости наш государственный корабль, на котором мы плывем на пути к новой жизни? Для нас должно быть совершенно ясно, что если Россия потерпит военное кораблекрушение, то неизвестно, какие государственные обломки всплывут на поверхность жизни. Военный разгром страшен не столько потерей территории, сколько тем, что до крайности осложнит внутреннее положение в стране и поставит демократию, может быть, перед непреодолимыми трудностями.

Но еще большая опасность надвигается на революцию в виде той непрерывно растущей хозяйственной разрухи, которая с каждым днем сильнее парализует нашу экономическую жизнь. Не надо забывать того, что без материального благополучия невозможно никакое здоровое и яркое проявление общественной жизнедеятельности. Следовательно, совершаемая нами революция может развернуть творческую мощь лишь в том случае, если сумеет оборудовать себя в достаточной степени материальными ресурсами. В противном случае она начнет хиреть и вянуть, подобно всякому, недостаточно обеспеченному питанием, организму. Вот почему проблема упорядочения нашего хозяйственного механизма есть *революционная* задача первостепенной важности. Вот почему состояние нашей промышленности, степень производительности труда, — как в сельском хозяйстве, так и в городской индустрии, — должны интересовать демократию самым серьезным образом. Однако, насколько можно судить по некоторым фактам, широкие круги рабочей демократии очень мало обращают внимания на эту сторону дела и больше волнуются писаниями какого-нибудь жалкого черносотенного листка, чем тем, что мы скоро можем остаться без угля, без паровозов и т. п. Между тем многие товарищи с мест определенно утверждают, что сама трудовая армия, будучи больше, чем кто-либо, заинтересована в укреплении экономического *фундамента* революции, в этом направлении работает далеко не с должной энергией. Если это действительно так, то едва ли что-нибудь хуже можно при-

думать для нанесения вреда делу революции. Революция дала нам права, но она возложила на нас и обязанности. Революция дала пролетариату 8-часовой рабочий день, но тем самым наложила на него *обязанность* работать эти часы «не за страх, а за совесть». Добиваясь короткого рабочего дня, мы были уверены, что производительность не сократится, и вместе с тем рабочий класс получит достаточно времени и для отдыха, и для умственного развития, и для общественной деятельности. Благодетельные последствия этого завоевания огромны. Но если благодаря ложным понятиям мы станем злоупотреблять нашими великими приобретениями, то сами же подружим под собой тот сук, на котором сидим. Необходимо сознаться, что борьбу между трудом и капиталом мы очень часто понимаем слишком примитивно. Например, относительно эксплуатации многие думают так: «Чем меньше я работаю, тем меньше я даю себя эксплуатировать». По существу, эта точка зрения крайне ошибочна, ибо вопрос о степени эксплуатации лежит совершенно в другой плоскости. Суть вопроса в том, какую долю из общенационального дохода получают трудовые и нетрудовые классы. Уменьшить же долю дохода эксплуатирующих классов можно не понижением производительности труда, а увеличением трудового дохода за счет той доли, которую присваивают себе обладатели капитала. Но этого можно достигнуть не пассивным уклонением от высшей производительности, а активной и планомерно организованной борьбой.

Кроме того, нам рабочим, следует иметь в виду, что капитализм, против которого мы боремся, не есть только система эксплуатации; это в то же время есть определенная, исторически возникшая система производства, имеющая свои положительные и отрицательные стороны. Капитализм, заменивший феодализм, в значительной степени содействовал раскрепощению личности и дал огромный толчок развитию производительных сил общества. Таким образом, борьба с капитализмом ни в какой мере не должна сводиться к дезорганизации промышленности, с которой пролетариат связан самыми тесными узами своего существования и дальнейшего развития. Слабая производительность делает промышленность *только худосочной*, а стало быть, и менее способной дать нам «приличный» уровень существования.

Итак, резюмируя все сказанное, мы приходим к следующим выводам: наиболее угрожаемыми пунктами революции являются фронт и промышленность. В первом случае вместе с агитацией за мир мы должны делать все, чтобы армия стала боеспособной силой, организуя в то же время в тылу оборону страны.

Во втором – промышленность, питающая революцию материально, точно так же должна быть сохранена от распада. Таким образом, поскольку и то и другое может зависеть от трудящихся масс, они обязаны, во имя творимой ими революции, проявить максимум энергии для того, чтобы предотвратить надвинувшуюся беду. Революция есть длительный процесс, требующий высшего напряжения всех материальных и духовных сил демократии.

Мы думаем, что у нас эти силы есть, и будем надеяться, что демократия их проявит.

Мартов Ю.О.

ПЕРЕХОДНЫЙ МОМЕНТ

Представительницы петроградских солдаток в резолюции, опубликованной «Известиями Петр[оградского] Совета», очень метко охарактеризовали политику, ведущуюся в настоящее время буржуазными партиями: «Никакого мира – до победы, никаких выборов в Учредительное собрание до мира и никаких реформ до Учредительного собрания» – таков лозунг этих буржуазных партий, под которыми кадетские дамы приглашали солдаток подписываться в особой петиции.

В самом деле, что мира не должно быть до победы, это очевидно для всякого доброго патриота, считающего три проведенные солдатами зимние кампании и несколько миллионов убитых слишком скромною данью русского народа союзным империалистам. Что до мира не следует проводить выборов в Учредительное собрание – это ясно для последовательных «демократов» из к[онституционно]-д[емократической] партии: ведь в выборах должна обязательно участвовать армия, для выборов необходима свободная избирательная агитация, а эта агитация немыслима в период активных боевых операций. Вывод ясен. Наконец, столь же ясно, что до созыва Учредительного собрания не должно быть никаких реформ. То есть не всех реформ. «Реформа» вводящая военно-полевые суды и смертную казнь, может, конечно, быть осуществлена без Учредительного собрания. Ибо это – «реформа», содействующая «национальному объединению», патриотическому. «Реформа», вводящая уголовные кары за разного рода «призывы», то же самое и по той же причине. Другое дело, реформы, «продиктованные классовой или партийной точкой зрения», например, в какой-нибудь мере предпрещающие отчуждение земельной собственности или посягающие на самодержавие промышленников. Эти реформы вносят разьединение в страну, а потому должны быть отложены до Учредительного собрания, которое должно быть отложено до мира, каковой, в свою очередь, откладывается до победы.

Буржуазная программа, иронически сформулированная солдатками, представляет собою действительную сущность вожеланий бывшего «прогрессивного блока», которого авангардный отряд к[онституционно]-д[емократическая] партия, так откровенно и цинично выступила на последнем съезде этой партии.

Партия распоясалась особенно в речах провинциальных делегатов: все зло в Советах рабочих и солдатских депутатов, в социалистических министрах, в демократизации армии, в «циммервальдской» формуле мира без аннексий. Таков мотив большинства речей съезда.

А г-н Милюков, успокаивавший нетерпеливое большинство съезда, которое требовало немедленного захвата власти буржуазными партиями, объяснял, почему с этим требованием надо подождать. Новая попытка образовать коалиционное министерство, заявил он, была последней попыткой предотвратить гражданскую войну. Если социалисты не проявят готовности вести

«национальную» в смысле к[онституционно]-д[емократическую] – то есть, консервативную и угодливую перед капиталистами – политику, тогда, по его мнению, наступит момент перехода новой власти к буржуазным партиям – через гражданскую войну.

Так смотря жиды прогрессивного блока на значение нынешнего коалиционного правительства. Такую роль представляют своим партийным товарищам в министерстве – роль подготовителей захвата власти буржуазными партиями.

Как совершится этот захват – трудно себе представить. В запасе держится нераспущенная IV Дума – этот не похороненный осколок старого режима царизма. В нужную минуту она со всеми своими Пуришкевичами и Савенками возродится, как феникс среди пепла, окруженная теми штыками, которые до тех пор удастся кадетским и иным агитаторам восстановить и мобилизовать против Советов.

Для к[онституционно]-д[емократической] партии нынешнее коалиционное правительство есть переходный момент, этап на пути к новым классовым конфликтам из-за власти. К конфликтам, которые они готовы разрешить даже орудием гражданской войны.

И они правы. Все объективные условия складываются так, чтобы сделать их правительство правительством переходного момента. Либо революционная демократия постепенно без шума и соревнования, поддаваясь рассеваемой контрреволюционной панике и извещениям об отказе от классовых домогательств, будет сдавать позицию за позицией и в нужный момент окажется дезорганизованной и бессильной перед возрождающейся из пепла думой или каким-либо «генералом на белом коне». Либо же она, по примеру буржуазных партий, будет сознательно готовиться к возможному конфликту, поставит со своей стороны условием прочной коалиции требование, чтобы буржуазия честно и искренно служила делу революции и для этого дела поступалась своими классовыми требованиями, поскольку они идут вразрез с интересами общественного развития и самого существования страны; будет неусыпно работать над укреплением демократического строя армии, сама будет поражать контрреволюционные поползновения, где и в какой форме они бы ни обнаружились. Сама будет вести свою борьбу за всеобщий мир, сама отстаивать от покушений права граждан, все это будет делать, не связывая себя соображениями о наличной коалиции, как не связывают себя ими гг. кадеты, когда, после образования коалиционного министерства, ведут прежнюю «осаду власти». Тогда и только тогда – в момент, который контрреволюционные силы изберут для решительного удара, дерзнув вызвать гражданскую войну, они увидят перед собой противника, способного оказать им сопротивление.

Для того чтобы выполнить эту работу, революционная демократия должна, конечно, зорко следить за тем, чтобы не допускать в своих рядах проявлений анархии, могущих лишь питать контрреволюцию. Но чтобы успешно бороться с анархией, революционная демократия – и долг социал-демократии прежде всего напоминать ей об этом – не должна позволить никому эту ее борьбу

превратить в орудие мести и репрессий по отношению к целым частям пролетариата, к целым социалистическим партиям. Не должна никому позволить расколоть силы рабочего класса так, чтобы сделать невозможным его дружный отпор мобилизующейся контрреволюции.

*Казанская Рабочая Газета и Известия Совета
солдатских и рабочих депутатов. 1917, 4 августа. № 93.*

Раевский М. (Фишелев Л.И.)

НОВЫЙ ЛОЗУНГ БОЛЬШЕВИКОВ

Когда я писал статью, помещенную в № 1 «Голос Труда» «О роли Советов в революции», я, к сожалению, не мог еще ознакомиться с содержанием только на днях вышедшей в свет брошюры Н. Ленина «К лозунгам». Между тем после появления этой брошюры уже не приходится больше говорить только о *«тенденции»*, проявляющейся в последнее время среди большевиков в сторону замены лозунга «перехода власти к Советам» лозунгом «диктатуры пролетариата», как я писал в предыдущем номере. В своей новой брошюре вождь большевиков *категорически* отказывается от «устаревшего» лозунга; он недвусмысленно заявляет теперь: «Именно революционный пролетариат, после опыта июля 1917 года, и должен самостоятельно взять в свои руки государственную власть – вне этой победы революции *быть не может*» (курсив Н. Ленина). И теперь уже имеется налицо достаточно данных, свидетельствующих о том, что эта новая точка зрения Ленина успела стать господствующей в рядах большевиков.

Выдвигание в России лозунга захвата власти пролетариатом, т. е. относительно незначительным меньшинством населения, хотя и играющим огромную роль в экономической жизни страны, нельзя не считать показателем обратного поворота большевиков к бланкизму, от которого они – или, вернее, часть их – наполовину отреклись в период торжества народной революции и уничтожения «подполья». Стоило, однако, укрепить правительственной и общественной реакции, наполовину загнавшей большевиков обратно в подполье, заключившей в тюрьмы и изолировавшей их лидеров от масс, как прежняя бланкистская психика вновь ожила, и в массу бросаются утопические лозунги, попытки, к осуществлению которых могут только нанести непоправимый вред делу социальной революции.

Что у большевиков речь идет теперь именно о захвате власти *одним только пролетариатом* – это ясно вытекает еще и из следующего весьма определенного заявления Н. Ленина: «Власть у пролетариата, поддержка его беднейшим крестьянством или полупролетариями – вот единственный исход». («К лозунгам», стр. 14.) Единственным вершителем политических судеб страны должен, таким образом, по новейшему плану Н. Ленина, стать сравнительно малочисленный пролетариат, который, в лучшем случае, может рас-

считывать только на «*поддержку*» со стороны «беднейшего крестьянства». Тут, мы, таким образом, имеем дело с определенным стремлением к установлению диктатуры меньшинства населения, что логически ведет за собой диктатуру той политической партии, которая руководит этим меньшинством. Осуществление же такой диктатуры, естественно, предполагает не децентрализацию и распыление государственной власти, — что явилось бы неизбежным следствием перехода власти к Советам, — а, наоборот, означает захват центральной власти определенной политической партией и дальнейшую централизацию и усиление государственной власти. Ибо только при осуществлении самой беспощадной диктатуры меньшинство может надеяться *сверху вниз* навязать свои, хотя бы и самые передовые, стремления большинству, еще не доросшему до них.

Отсюда, казалось бы, вытекает неизбежность полного отказа большевиков не только от *нынешних* Советов, но и от самого принципа политической организации большинства народа, его трудящихся масс, в форме Советов. И неожиданным является поэтому следующее заявление Н. Ленина: «Советы могут и должны будут появиться в этой новой революции... *Что мы и тогда будем за построение всего государства по типу Советов, это так* (курсив мой. — М.Р.). Это не вопрос о Советах вообще, а вопрос о борьбе с *данной* контрреволюцией и с предательством *данных* Советов».

В этой нерешительности, в нежелании лидера большевиков порвать с «построением государства по типу Советов» мы видим следствие благотворного влияния нашей великой революционной эпохи, полуприоткрывшей глаза самым закоренелым централистам-якобинцам и не допускающей их к окончательному повороту в сторону своих прежних взглядов. Н. Ленин уже, по-видимому, отравлен ядом сомнений в спасительности чисто-якобинских методов революции сверху вниз и сознает необходимость опоры в широкой творческой организации народных масс. Эта-то двойственность его психики, заменившая бланкистскую цельность прежних времен, заставляет Н. Ленина и теперь, после категорического отказа от лозунга перехода власти к Советам, заявлять о своей приверженности к самому *принципу* советской организации. Но тут перед нами налицо безвыходное противоречие, ибо диктатура меньшинства неизбежно исключает «построение государства по типу Советов» и предполагает, наоборот, крайнюю централизацию государственного аппарата.

Советы не могут служить проводниками диктатуры меньшинства населения. Как я уже писал в предыдущем номере, Советы являются органами, выражающими настроение и стремления огромного большинства трудящихся масс народа. Советы не являются поэтому организациями чисто пролетарскими, они представляют собою общую организацию пролетарских, полупролетарских и мелкобуржуазных, с решительным преобладанием последних, и таковыми они неизбежно останутся и впредь, раз они должны выполнить задачу *политической* реорганизации страны. Поэтому переход власти к Советам означает только устранение от управления страной партий, выражающих ин-

тересы помещиков и империалистической буржуазии. Но переход власти к Советам не служит еще сам по себе гарантией проведения коренных социальных реформ; он создает лишь ту политическую обстановку, в которой *экономические* организации пролетариата и малоземельного крестьянства смогут более или менее свободно проявлять свое революционное творчество. Не возлагая на Советы творческой роли в регулировании и реорганизации производства и распределения, мы отводим им первенствующую роль в борьбе с контрреволюцией, в охране будущего свободного политического строя, и в этой задаче они должны пользоваться самой открытой поддержкой со стороны революционного пролетариата. Естественно, что будучи органами, объединяющими пролетариат с крестьянством и другими мелкобуржуазными по своей психике слоями населения, Советы и в будущем, как и теперь, не будут однородны по своему политическому составу. Но это вовсе и не необходимо. Те же с.-р. и меньшевики, теперь умоляющие на Московском совещании буржуазию о примирении с ними, под влиянием грядущего нового подъема народного движения будут вынуждены переменить свою тактику и отказаться от соглашательской политики, причем наиболее скомпрометированным вождям их придется уйти совсем или открыто перейти на сторону буржуазии. Изменение в настроении масс вызовет соответствующее изменение в составе Советов, но это будут по существу *все те же теперешние Советы*, т. е. органы по преимуществу мелкобуржуазные, призванные проявлять творческую роль только в политической реорганизации страны и на которые ни в коем случае нельзя будет возлагать проведение коренных экономических преобразований.

В главах Н. Ленина и его последователей Советы, не теперешние, а какие-то иные — органы диктатуры не всей «революционной демократии», т. е. огромного большинства населения страны, а одного уже только пролетариата, т. е. меньшинства — должны взять на себя разрешение всех экономических и политических вопросов. План, несомненно, утопический, ибо он предполагает устранение от участия в самоуправлении страны не одних уж только помещиков и капиталистов, но и многомиллионной массы крестьян, не принадлежащих к числу «беднейших», и других трудящихся мелкобуржуазных слоев. И помимо того, этот план, направляя пролетариат на путь не имеющих шансов на успех политических авантур, отвлекает рабочих от их важнейшей очередной задачи — самоорганизации для осуществления контроля над производством и распределением. Осуществление этой задачи вовсе не предуславливается непременно неосуществимым теперь и нежелательным захватом пролетариатом государственной власти в свои руки, — задача эта может быть осуществлена экономическими организациями рабочих и крестьян и при переходе власти к мелкобуржуазной в своем большинстве «революционной демократии».

Тыркова А.В.

ПЕРЕД ЛИЦОМ СТРАНЫ

Красивый пышный зал московского Большого театра. Всюду золото и пурпур. Для совещания первостепенной важности даже слишком много театральной пышности. Декорации, окаймлявшие огромную сцену, переполненную делегатами, вызывали смутные, раздражающие воспоминания о когда-то виденных операх, о мишурных злодеях и о героях, о театральных действиях.

А между тем в этой зале час за часом разыгрывалось действие государственное, живая трагедия огромной страны, мятущейся среди бедствий и испытаний, заслоняя все внешнее, случайное, все незначительное, пожалуй, даже все личное, т. е. все исходившее от отдельных личностей, какое бы положение они ни занимали.

С начала войны и с начала революции много слышали мы тяжелых, грозных слов. Казалось, так устало сердце, так измучен мозг, что никакие слова, самые глупые, уже не горят и не жгут. Но бывали минуты, когда по одетому в пурпур театру пробегало содрогание, похожее на стон. И если собравшиеся здесь две России, все еще не примиренные страданьем, по-разному толковали причину всенародных бедствий, то думается, что не раз одинаково испытывали они стыд и боль, и ужас.

Недаром вся зала, ложи, партер, сцена, люди в пиджаках и в серых рубашках, члены Совета и члены Думы, министры и генералы, левые и правые поднимались в одном порыве, точно приносили общую клятву, когда с трибуны раздавались слова:

– Позорного мира Россия не допустит!

И пусть германцы, которые с такой понятной жадностью следят за каждым новым проявлением нашего распада и слабости, поймут, что значит это новое единодушие. До кошмарных июльских дней оно было невозможным. А теперь только два-три человека, притаившихся среди шумного движения огромной толпы, остались вне общего настроения, не встали. И это мало кто заметил, хотя вообще зал с напряженным вниманием следил именно за внешними проявлениями, кто когда встанет, кто кому аплодирует. Вначале это раздражало. Казалось, что аплодисменты вносят всем опостылевшую митинговость. Но мало-помалу, точно в пьесе, написанной верной рукой художника, логика мысли, казавшаяся в речах и декларациях, переплелась с огнем эмоций, освещавшим сумму желаний и воли, накопившихся в тех или иных группах.

Все ехали на Совещание, не зная даже толком, для чего оно собирается и чего от него ждать, предполагали, что противоположность этих желаний приведет к резким столкновениям. Так и говорили – встретятся два электрических полюса, искры посыпятся.

Пожалуй, они посыпались. Восклипания, рукоплескания, иногда даже не особенно любезные помахивания кулаками, все это было. Да и как же иначе, когда впервые за все время революции встретились лицом к лицу все сколько-нибудь организованные политические течения. Целые горы противоречий,

споров и отталкиваний накопились между ними за эти длинные, как годы, месяцы революции. С разных концов взялись они за дело разрушения старого и за дело созидания нового, страстно обвиняя друг друга, так же страстно оправдывая себя, и на митингах, и в газетных статьях, и в полемической литературе. Теперь пришел час подвести перед лицом страны итоги, понять свое место среди других, честно и открыто признать и чужие заслуги. И свои ошибки.

Трудная, тяжкая задача. Но та страшная правда, та предельная грань всероссийских бедствий, о которых с горькой откровенностью говорило Правительство, заставила всех как бы распрямиться, приподняться над узостью кружковых и партийных делений. И прав был В.Д. Набоков, когда в своей краткой, элегантной речи, высказал благодарность Правительству, давшее возможность соборно подумать о России.

Первая из этих дум, самая тяжкая, самая гнетущая, была дума о войне. Точно вестник из древней трагедии, стойкий и вещий, явился в собрание генерал Корнилов. Он привез с фронта тяжкие укоризненные сообщения. Корнилов – не оратор в ходячем смысле слова. Говорит просто, до сухости. И это придавало его речам что-то солдатски прямое.

Угромо и недружелюбно слушала главнокомандующего левая часть зала. Когда ему устроили овацию, левая осталась сидеть. И не только штатские люди из Исполнительного Комитета, занимавшие передние ряды, но и солдаты за их спиной и часть фронтовых делегатов в ложах остались сидеть, не поняли, что они обязаны встать перед тем, кого министр-председатель назвал вождем «погибающей русской армии».

Это был первый момент острой эмоциональной вспышки, когда огромное большинство присутствующих, охваченное негодованием, кричало солдатам:

– Встаньте! Как вам не стыдно! Ведь это ваш вождь.

Солдаты сидели, ухмыляясь, отворачивались. Тяжко было. И после этого трещина, о которой все знали, зачернела резко, определенно.

Правда, потом, по предложению министра-президента, все встали, приветствуя армию в лице генерала Корнилова. Но черта уже была проведена. Тем более что Исполнительный Комитет, повернувшись спиной к сцене, где на красной трибуне виднелась неподвижная прямая фигура генерала, стал аплодировать ложах, где сидели представители фронтовых комитетов.

После этой символики рукоплесканий не только в устах Чхеидзе, но даже в устах Церетели неубедительно и бездейственно звучали речи о дисциплине.

И самые эти понятия – дисциплина, боевая способность армии, война до почетного мира, стали перебрасываться справа налево и слева направо, изменяя, при каждом перелете, свое реальное, свое жизненное, свое кровавое значение. Появление ген. Алексева, его резкая речь внесли еще новую остроту. Когда он сказал, отчетливо и медленно бросая слова, точно стараясь, чтобы их тяжелый смысл до конца проник в сознание слушателей, что среди офицерства «сильные умирают, а слабые подлеют», по правой стороне точно стон прошел, а по левой – глухой ропот.

И между тем и из среды своей, социалистической, услышала эта сторона такой же предостерегающий голос. Представитель совета офицеров, подполковник Вржосек, с подкупающей простотой и искренностью, обращаясь к тем рядам, где сидела советская делегация, говорил:

– Попробуйте понять психологию солдата. Что вы требуете от него? Вы говорите ему – борись, а другой рукой указываете на Стокгольм и обещаете, что оттуда придет мир. Разве с такой раздвоенной душой солдат может сражаться?

Левая не отозвалась. Первый ряд сидел неподвижно. Только Церетели, нагнувшись, закрыл лицо рукой, точно мучительно стараясь разрешить какие-то спутавшиеся противоречия. За его спиной не раздалось ни одного хлопка. Правда, что в этом секторе почти не было случайных аплодисментов, а только повторенье того, что делала передняя скамья, где сидел Исполнительный Комитет. Они молчат, молчит и толпа. А если, увлекшись искренностью или горячностью, или мыслью оратора, какой-нибудь из делегатов раздражался рукоплесканиями, чья-то предостерегающая рука подымалась над рядами и останавливала неосторожного. Часто это бывало даже полезно. Когда страсти вдруг вспыхивали, когда недобрые реплики перелетали со сцены в зал и обратно, когда что-то близкое к злобе загоралось в зале, тогда эти махальщики энергично подавали сигналы к спокойствию, давая знаки и рукой, и шляпой. И это укрощало. Сказывалась довольно крутая дисциплина, необходимая, но и обезличивающая.

Очень важно отметить, что главные вспышки политической страстности загорелись именно около военных вопросов: победа, дисциплина и свобода. Как примирить их и можно ли примирить? Вот что заставляло сжиматься кулаки, вот что заставляло почти с ненавистью смотреть друг на друга.

И к чести всех собравшихся, как правых, так и левых, как представителей труда, так и представителей капитала, надо сказать, что вопросы промышленные, экономические, так называемые вопросы классовой борьбы далеко не так резко раскалывали собрание, далеко не так враждебно волновали его.

Это сказалось и в том, как покорно левая часть слушала предположения правительства, касавшиеся ограничения рабочих требований. Это сказалось и в речи представителя торгово-промышленного класса г. Бубликова, который предложил рабочим гражданский мир и, подойдя к Церетели, скрепил свое предложение эффектным рукопожатием.

Но два течения, спорящих между собой о том, как восстановить армию и через нее спасти Россию, остались резко разделенными, и представители комитетов не только не склонились перед вождями, но еще несколькими ударами углубили рознь.

Устала русская земля. Устали все, большие и малые, люди труда физического и труда умственного. Всем хочется верить, что выход есть, что вражеское наваждение когда-нибудь исчезнет, что Россия хочет жить и будет жить!

Сознанием ответственности перед родиной были проникнуты все речи.

Может быть, еще никогда в России люди всех толков, в подавляющем большинстве люди левых толков, не говорили так ясно, с такой ищущей и мучительной тоской о своей любви к родине, к родине погибающей.

Но когда Брешко-Брешковская и Кропоткин выступали, то особая значительность, властность патриархов дела свободы слышались в их простых и призывных словах.

Их седые головы возвышались над толпой с революционной царственностью, их лица, окруженные ореолом долгой, подчас мученической борьбы, выступали точно живая легенда, сказка, ставшая былью. Глядя на них, так остро, даже реально почувствовалось, через какую каменную грань перенесла нас волна февральской революции. Это давало среди всего разочарования, позора и унижения последних дней бодрящую вспышку гордой радости.

Перед нами стояли живые символы нашей свободы. И, глядя на них, так мучительно, так страстно хотелось верить, что все эти люди, представители самой деятельной, самой сознательной части России нашли бы в себе такую правдивость мысли, такое напряжение воли, такое горение совести, которое спасет нашу родину и от ужасов анархии, и от срама чужеземного владычества.

Речь. 1917, 18 (31-го) августа. № 193 (3935).

Осоргин М.А.

ЛЕТОПИСЬ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ

При нынешнем удесятеренном темпе жизни и соответствующей вялости типографской машины отклик на темы дня всегда звучит отдаленным, последним эхом. Как мячик, брошенный по скату горы, российская жизнь делает причудливые прыжки порывисто вниз, эластично вверх, крутой дугой, размашистыми скачками – и кто скажет, чем кончится воздушная скачка упругой резины?

Летний зной не утомил ее бега, зачатого в марте. События по-прежнему рождаются, нарастают, раздаются вширь, прокатываются волной отголосков, иной раз оставляя глубокую борозду, значения которой мы пока еще не способны ни оценить, ни взвесить. Разрушение идет рука об руку с творчеством, сказка становится былью, быль уходит в прошлое под нестройный гул голосов радости, негодования, отчаяния, надежды и под надоедливую воркотню тех, кто любит покой и не умеет ценить быстроты течения, – тех, кто в творчество революции не верит.

А между тем великая русская революция, при возможно спокойной и объективной ее оценке, поразительна именно запасом творческой энергии. В период еще не исчерпанной паники и боязни самых неожиданных эксцессов это может звучать чуть ли не иронией. Паника пройдет, страхи рассеются, и тогда ярко выявится то положительное и прочное, что создано революцией в самый бурный ее период, в самые первые ее месяцы. Но и сейчас, едва отвлекшись от партийной полемики и борьбы, от всегда острой злобы дня, мы уже можем подметить многое, днем сегодняшним рожденное для будущего.

В лаборатории русской революции творятся формы общежития совершенно невиданные. Мы живем уже шестой месяц фактически в условиях политической свободы, и вряд ли можно объективно и чистосердечно сравнивать условия жизни при этой дезорганизованной свободе с условиями организованного произвола, нами изжитого при старом режиме, не высказавшись в пользу настоящего. Те эксцессы, с которыми нам приходится теперь считаться, пугают нас не столько своей природой, сколько намеком на возможность возврата прошлого. Эксцессы на виду; о них говорят, их сильно раздувает пресса, они пугают воображение обывателя; неисчислимые же блага молодой свободы восприимлются, впитываются незаметно, они как бы не идут в счет, их не чувствуют, как не чувствует выздоровевший человек пораженных частей тела, раньше доставлявших ему страдание при малейшем движении. Так, все наперерыв подчеркивают и подмечают злоупотребления свободой слова и печати, невольно забывая, что все это – мелочи в сравнении с той великой культурной работой, которую сейчас выполняет уличная кафедра и печатный лист. И у всех на виду и на примете дикие проявления власти тьмы, – между тем как немногим виден громадный рост в России гражданственности, удивительное просачивание сознательности в народную толщу, лежавшую годами не вспахиваемой, под паром.

Недооценка творческого проявления революции – явление общее. Перелистанные страницы русской истории, дававшие достаточно примеров быстрого крушения самых умеренных надежд, сделали нас всех пессимистами. Поэтому и теперь, воочию наблюдая *естественный* поступательный ход назад, от чрезмерных очарований к реальности, от прыжка в царство свободы к пугливому стратегическому отступлению в царство необходимости, мы ежеминутно готовы предаваться отчаянию, повторяя, что революция погибла. А между тем гибнет и, несомненно, гибнет лишь то, что, оставшись жить, было бы чудом. Чудес же история не знает.

Было бы чудом, если бы русский народ, рожденный рабом и изживший свое рабство только внешне, вдруг, в один из мартовских дней стал народом культурным и готовым к принятию таких форм общежития, которые недоступны были даже его западным братьям. Было бы чудом, если бы русская интеллигенция, этот «первый ученик» школы общественной жизни, назубок выучивший девизы передовой европейской демократии, смогла сразу наполнить их практическим, применимым к жизни содержанием. Было бы чудом, если бы Россия из отсталого государства, миновав переходную полосу, вдруг стала передовым, образчиком государственности новой, по которому должна равняться Европа.

Таким образом, все явления реакции у нас более чем естественны: они неизбежны, они, пожалуй, необходимы. И законную тревогу вызывает лишь темп этой уже начавшейся реакции, не замедляющейся, но растущей. Лишь то, что ее проводниками оказываются не вновь окрепшие, хорошо нам знакомые «темные силы», а представители той самой революционной демократии, которая взяла вожжи революции с первых дней и из последних сил до сего

дня старается направить разнесших лошадей на верную дорогу. Именно от нее исходят приказы об ограничении необузданной свободы, о подчинении чужих воль дирижерской палочке власти, о «новой железной дисциплине», о приостановке действия нашего своеобразного Habeas Corpus Act'a. Поскольку в привычных руках старой власти это являлось бы привычным для населения очередным нажимом, постольку в практике власти революционной это может означать грядущую диктатуру. Диктатура же, хотя бы временная, хотя бы кажущаяся для данного момента желательной и спасительной, есть всегда явление опасное, свидетельствующее прежде всего о крушении первоначальных надежд революции.

Но, конечно, и это явление не должно быть источником крайнего пессимизма, которому мы с такой легкостью предаемся. Творческий элемент революции никогда не гибнет. То, что свершается на наших глазах, я сравнил бы с великим и таинственным актом рождения. Мы видим муки и слышим вопли рождающей, и это зрелище заслоняет от нас красоту воплощающейся тайны в мире нового существа, призванного быть участником новой творимой миром истории. Мученья матери лишь усилят ее тесную связь с ребенком, и чем сильнее мученья, тем прочнее эта связь.

Одним из творческих проявлений русской революции является оригинальная структура органов, объединяющих революционную демократию. Можно сомневаться в том, донесет ли революция до периода успокоения эти органы в том виде, как они создались и действуют от ее имени сейчас. Но как явление переходного момента они в будущем послужат не только материалом социологических исследований, но образцами для европейских демократий, среди которых уже определяется будущее, быть может, недалекое реагирование на идею русской революции.

Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов нельзя назвать ни представительством чисто классовых организаций, ни представительством профессиональных союзов, ни органом партийных объединений, ни тем более суррогатом народного представительства. Это – революционные организации, объединяющие отдельные группы революционной демократии; и вполне естественно к ним пытается приобщиться еще одна группа того же порядка – группа революционной трудовой интеллигенции. Если до сих пор она не может создать своих обособленных «советов», то только потому, что почти вся трудовая интеллигенция разбилась по трем основным группам, взяв на себя представительство специфически ей чуждых интересов рабочих и крестьян. Впрочем, в Москве, например, уже существует особый «совет интеллигентных депутатов», хотя и не проявляет себя деятельно и не пользуется признанием широких слоев демократии.

До июньского съезда Советы рабочих и солдатских депутатов имели лишь местное значение, кроме петроградских, которые, наоборот, претендовали на всероссийский масштаб влияния. Июньский съезд впервые дает их объединению авторитет голоса всей российской демократии. Хотя к этому времени крестьянские Советы оказываются еще недостаточно организованными,

чтобы занять в этом представительстве подобающее им место, но и их голос уже принимается во внимание с тем большей готовностью, что он не вносит никакого диссонанса в общее настроение. Дальнейшим шагом организации революционной демократии явится, конечно, тесное объединение всех трех революционно-демократических групп, призванных революцией к активному участию в организации порядка.

Несмотря на то что Государственная дума, из лона которой вышло первое Временное правительство, никаким декретом не распущена и лишь – как признано на съезде Советов – перестала существовать с момента революции, фактически она, как государственное учреждение, конечно, уже не существует. Ее роль все более и более переходит к съезду Советов, являющемуся для переходного времени как бы полномочным парламентом, перед которым Временное правительство и, во всяком случае, министры-социалисты, считают себя ответственными. Так как эти строки пишутся как раз после «июльских событий», не случайно совпавших с кризисом первого коалиционного министерства, то мы еще не можем сказать, в какую форму выльются дальнейшие отношения между съездом Советов и только что сформировавшимся новым коалиционным министерством. Рано поэтому и выступать с критикой этой невыясненной формы.

Что же касается до июньского съезда, то он, конечно, в значительной степени был более «голосом революционной демократии», чем одиночные выступления петроградских Советов. И в смысле определения дальнейшего развития революции его роль очень заметна. Не говоря уже о том, что его именем удалось ликвидировать две попытки контрреволюции, исходившие из блока большевистских отбросов с германским главным штабом, – он же определил и направление политики коалиционного министерства, выразив полное доверие ему и его основным планам работы. Это ярко выражено в принятой на съезде резолюции по вопросу об отношении к Временному правительству. Мы не останавливаемся здесь на анализе этой чрезвычайно важной резолюции по той простой причине, что при современном ходе событий она уже ушла далеко в прошлое. Но нужно определенно отметить, что она была первым голосом благоразумия после отуманившего головы угара революции, первым актом пробудившегося сознания государственности. Именно так ее и приняла общество и периодическая печать.

Чем больше организуется революционная демократия, тем слышнее «правит» голос ее резолюций, тем менее шатаний в ее решениях и тем приемлемее для нее блок с партиями и организациями, представлявшими другую, чуждую ее интересам часть организованной России. И в то же время тем слышнее диссонансы распыленной революционной массы, еще не сплотившейся в организованные кадры и не способной приять принципы самоограничения во имя спасения государственности. И таким образом, вслед за июньским совещанием, казалось бы, положившим базу порядка, мы имеем события первых чисел июля, вспыхнувшие без всяких оснований и поводов и вылившиеся в форму вооруженного восстания неизвестно кого, неизвестно против кого. Кто

это восстание поощрял и думал использовать, мы знаем; но разгадка удачи этих возмутительных попыток кроется только в темноте и неорганизованности масс, идущих по первому зову и разбегающихся при первом выстреле.

Был и еще один фактор, решавший дело, который мы назвали бы неврастением революционного Петрограда, пятый месяц переживающего состояние перемежающейся революционной лихорадки. Неврастения сверху донизу. Неврастения Правительства, члены которого не знают сна и все дни проводят в метанье от инцидента к инциденту, от штыков к толпе, с заседания на митинг, из столицы в провинцию, оттуда на фронт. Неврастения представительных органов пролетариата и войска, взявших на себя не только руководство революцией, но чуть ли не управление всей страной. Неврастения войсковых частей, уставших от кипения в политическом котле, распыленных напрасным катаньем по городу, уставших от этого гораздо больше, чем могла утомлять фронтовая жизнь. И, наконец, неврастения обывателя, вконец испуганного тем строем, который лишь тогда можно будет назвать «новым свободным строем», когда он укрепится на прочной базе сознания гражданского долга еще слишком темными массами.

И чрезвычайно характерно и знаменательно, что на эту болезненную петроградскую панику ни единым жестом испуга не отозвалась Москва, менее ярко пережившая первые моменты революции и до сих пор сохраняющая самообладание. Отозвались только два-три больших провинциальных пункта, если только не более правильно будет считать нижегородские и иваново-вознесенские волнения самостоятельными вспышками тьмы народной, вне связи с бунтом петроградской уличной вольницы.

Параллель, но не прямую связь с июльскими событиями являет и наше военное поражение на галицийском фронте, конечно, представляющееся не только «результатом большевистской пропаганды», а следствием целого ряда факторов, создавших разложение сильной армии. Вообще обывательский испуг заставляет нас придавать слишком много значения деятельности маленьких безответственных сеятелей сумятицы в солдатском мозгу. Мы часто забываем о долгих годах бесправья и духовного рабства. Вовсе не требуется наличность злонамеренного смутьяна, чтобы захмелевший от свободы мозг перестал руководить движениями человека. Возможно, что позорная страничка нашего отступления была таким же естественным явлением, как и блестящий факт наступления 18 июня. Уже теперь, на расстоянии нескольких недель, мы имеем возможность не только поделить вину, но и найти более спокойное объяснение той панике, которая охватила хорошо оборудованную армию пред лицом слабейшего неприятеля.

Стратегическое значение отступления – вне настоящего обзора. Но события на фронте положили начало политической реакции по всей линии, и на фронте, и в тылу. Новое коалиционное правительство, с трудом сформировавшееся и долженствующее стать правительством деловым, взвалило на свои плечи тяжелый крест урезки революционных вольностей. Эта урезка началась еще до его образования, и она продолжается сейчас. Состав нового пра-

вительства не таков, чтобы мы могли приписать изменение курса вступлению в ряды правительства реакционных элементов. Коалиционное правительство создано с благословения органов революционной демократии, и ею поддерживается. И постольку, поскольку уклон к реакции может быть свойственен и революционным умам, мы в данный момент должны быть особенно на страже молодой российской свободы, которой угрожает опасность уже бесспорная. Кто бы ни стоял во главе России, обязанность здорового гражданского духа – поддерживать деловую программу Правительства, предостерегая его от метания от крайности к крайности. Сейчас мы переживаем именно тот момент, когда перед печатным органом независимой мысли стоит благороднейшая из задач: задача свободной критики действий революционной власти, уже вышедшей из младенчества. Уже не нуждающейся в тактическом оправдании ошибок, уже требующей к себе отношения строгого и спокойного.

Из вихря утопических надежд и неясных страхов, из метания от волюнции к самосуду и от несдержанной свободы к принуждению силой оружия вновь, как бывало, вырастают забытые нами великие и бессмертные традиции независимой и свободной политической мысли. Для которой главные основы свободного строя уже давно и прочно кристаллизованы в ясные и незыблемые формы реальной свободы: совести и слова, неприкосновенности личности гражданина, независимого суда и автономии местных самоуправлений.

Ирония жизни заставляет русскую демократию встать на защиту этих принципов против начинающих сыпаться на них ударов одновременно справа и слева, и из рядов господствующих крайних левых, и из укрывшихся за их спинами рядов давно нам знакомых представителей «темной безответственной силы». Веса политической жизни на зыбком уровне: да не перевесит их правая чашка!

* * *

Одним из первых творческих актов русской революции была отмена смертной казни. Величие этого акта революционного Правительства в том, что он был объявлен еще в разгар революционной борьбы, когда народное сознание было еще полно ненависти к представителям павшего режима и когда естественнее всего было ждать актов мести, а не акта великодушия.

13-го июля, после прорыва на юго-западном фронте и отступления революционной армии, смертная казнь восстановлена на фронте. Никогда, ни при каких условиях, ни в какой обстановке совесть гражданина страны свободной не может мириться со смертной казнью. Как бы ни был испуган наш ум, какие бы страшные перспективы пред ним ни вставали, что бы ни сулил нам ужас ближайших дней, наше внутреннее, в тайнике души скрытое чувство протестует против убийства по судебному приговору. Можно убивать, обороняясь и нападая. Можно слепо верить, что для спасения страны, ее благ и ее чести нет иных средств, как быстрый и жестокий суд смерти, но и эта слепая вера не заглушит голоса совести, который кричит, протестуя против того холодного ужаса, который носит название смертной казни.

Мы не хотим верить, что без смертной казни нет дисциплины. И неразрешимой остается трагедия нашей гражданской совести, для которой не может быть двух отношений к смертной казни – в тылу и на фронте, в нормальное и в исключительное время. Смертной казни мы не можем признать и оправдать *никогда*. Не сказать этого прямо и откровенно, значило бы умалить свою гражданскую честь. Но и *только* сказать – мало. Мы должны еще признать, что вся тяжесть возврата в нашу жизнь этого позора лежит на общей нашей ответственности, и что пока новым и последним актом не будет восстановлен величайший из творческих актов революции, – мы не можем быть носителями звания свободных граждан свободной России. Это звание должно быть нами вновь завоевано.

Законом 4 августа вводятся некоторые ограничения закона 13 июля, разъясняется подсудность дел, грозящих смертной казнью, и даются известные гарантии правосудности применения кары. Принципиально все эти поправки ничтожны, хотя юридически они, быть может, не бесполезны.

Дальнейшее умаление революционных завоеваний является уже вполне естественным скатом по той наклонной плоскости, на которую поставили Россию «июльские события» и отступление на фронте. Теми или иными способами власть должна была стать подлинной властью. Высокого морального авторитета за нею не было; с нею не считались не только те, кто объявлял ей войну, но даже и те, кто обещал ей поддержку. Та же необходимость срочных мер, которая привела к восстановлению смертной казни на фронте, вынудила коалиционное Правительство отказаться от политического творчества и обратиться к готовым мерам борьбы с политическими противниками, выработанным старым режимом и слишком ненадолго сданным в архив. За короткое время мы имеем длинный ряд постановлений Временного правительства о предоставлении военному министру права закрывать органы печати, призывающие к военному бунту и неповиновению власти на фронте, о предоставлении министрам военному и внутренних дел права не допускать, закрывать съезды и собрания, представляющие опасность в военном отношении или в отношении государственной безопасности. И, наконец, о предоставлении министру внутренних дел по соглашению с министром юстиции постановлять «о заключении под стражу лиц, деятельность которых является особо угрожающей завоеванной революцией свободе и установленному ныне государственному порядку». И «подвергать этих лиц высылке в особо указываемые для сего местности». В последнем постановлении, дополняющем постановление Правительства от 16 июля 1917 года «Об отмене исключительных положений и о внесудебных арестах», новинкой является только особая мера: «предлагать указанным лицам в особый назначенный для сего срок покинуть пределы Российского государства». Да оговорка, что «действия этого постановления прекращаются со дня открытия Учредительного собрания».

Было бы излишним выступать с критикой всех этих «временных» мероприятий. За долгие предшествующие годы, невзирая на стеснения цензуры, прогрессивная печать посвятила их критике тысячи бумажных стоп, не разой-

дьясь по вопросу о бесполезности, несправедливости и ненужности этих мер, стесняющих гражданскую свободу и не достигающих ни целей порядка, ни целей государственного успокоения. И не о том сейчас может идти речь.

Речь идет о том, где должна остановиться сдача позиций революции. Что мы присутствуем при ее стратегическом отступлении, – это ни для кого более не тайна. Безграничная свобода оказалась нам не по плечу. Сейчас уже нет речи не только об «углублении революции», но и об окопании на месте; лишь выбор новых позиций для обороны может быть предметом обсуждения.

И вот здесь-то независимая мысль, чуждая революционного якобинства и стократ чуждая реакционного малодушия, должна указать Временному правительству, что траншеи старого режима, взятые почти без боя в дни февральской революции, не могут служить базой для новой оборонительной линии. Плохи эти траншеи, в которые нас загоняет теперь паника отступления. Плохи, ненадежны, оскорбительны для воинского духа. Если правительственная мысль принуждена, забыв о творчестве, обратится к архивам, то правильнее она поступит, порывшись в архивах, хотя бы той умеренной оппозиции старому режиму, которую в дни революции революционная власть презрительно клеймила кличкой «либеральной буржуазии». Не характерно ли, что протест против явно-реакционных постановлений Правительства мы слышим, прежде всего, со страниц тех самых «Русских Ведомостей», которым еще недавно, в пылу революционного увлечения, бросался упрек не только в отсталости, но чуть ли не в противодействии революции?

«Так ли необходимы все подобные меры? – спрашивает газета. – Действительно ли Правительство не может обойтись без исключительных полномочий, без отмены основных гарантий неприкосновенности личности, для того, чтобы охранять завоевания революции? В этом можно сомневаться». В этом нельзя не сомневаться, добавим мы.

Если возможно когда-нибудь прибегать к таким исключительным мерам, веруя в их целебные свойства, то не прежде, как будут использованы все меры правовые и законные, а их Временное правительство не использовало. Разве не в его руках немедленно предать суду тех «злонамеренных лиц», для которых оно готовит теперь чрезвычайную административную ссылку и даже высылку за пределы Российского государства? Разве не от него зависит проявить ту же или большую энергию в делах о государственной измене лидеров большевистских организаций, чем какая проявлена в деле Сухомлинова? Разве не в его власти закрыть по суду те газеты, которые оно закрывает в порядке административном? Разве не его обязанность противопоставить силу права анархической вольнице, тем самым прекратив мотивы для самосуда толпы?

И вполне правы «Русские Ведомости», напоминая, что надо, наконец, считаться и с возможным будущим. Если теперешний состав Правительства дает нам известную гарантию против злоупотреблений новыми мерами, то что будет, «если настоящее Временное правительство сойдет со сцены, не дождавшись Учредительного собрания, и будет заменено Правительством, или опирающимся исключительно на Советы рабочих и солдатских депутатов,

или наоборот, Правительством, во главе которого будет стоять какой-нибудь предприимчивый генерал? Нужно помнить, — говорит газета, — что отступления от великих заветов права никогда не проходят безнаказанными».

* * *

Но есть реакция, страшнее реакции власти и страшнее всяких правительственных заблуждений; это — реакция общественная.

Зачавшись, кто знает где, быть может, в том же хвосте у булочной, в котором зачалась и революция, эта реакция в форме уныния, отчаяния, апатии охватывает широкие слои населения, интеллигентные круги, партийные организации, руководящую прессу, город, деревню, обывателя, воина, дельца. Всю Россию сверху донизу. Страшный натиск упадка духа настигает нас в то самое время, когда лишь общественный, всенародный, национальный подъем может вывести страну и революцию из тупика событий.

В частной жизни эта реакция духа сказывается в охватившей всех жажде бегства от политических интересов в уют личной жизни, к интересам возможного личного благополучия. В жизни политической она выражается в явном уклонении тех немногих интеллигентных сил, которыми Россия располагает, от прямого участия и ответственности в делах государственного управления. Но ярче всего сказывается она в настроении масс, уставших за дни революции от сумятицы идей, беспорядочно наваленных на их непривычный мозг. Прежнее целодневное внимание митинговым речам сменилось угрюмым отмахиванием от партийных проповедей и легких посул. Партийные организаторы констатируют бегство из организационных ячеек не только «мартовских» революционеров, но и более старых работников. Прекратился, наконец, рост газет-поденок; часть представителей новой прессы сумела упрочиться и развиться до «размера столичных газет», более значительная часть доживает последние дни. По инерции еще возникают издательства брошюр, но в последнее время книжные магазины отказываются принимать на комиссию брошюры новых издательств, ограничивая заказы и старым. Непомерный, исключительный рост пьянства, неистовый картеж, проникший в деревню в качестве модного «разумного развлечения», — все это характерные показатели начавшейся реакции. Вера в революцию утрачена; но реакция еще не дошла до тех пределов, когда тоска по порядку может облечь в мантию великомученичества старый режим.

Для многих эти показатели движения назад мерещатся грозными. Но правильнее признать их естественными и столь же преходящими, сколь преходящим был молодой революционный экстаз. В данную минуту мы не ближе к гибели или к спасению, чем были в первый месяц революции. Как бы ни были сложны и запутаны наши внутренние дела, первоисточником событий остается мировая война, в которой мы лишь одна из воюющих наций. Ее исход определяет наше будущее, как и будущее всей Европы.

Прилив и отлив, отход и наступление, подъем и упадок, расцвет, увядание и новое набухание живых почек после мертвого зимнего покоя, — разве не

этой весной сменой характеризуется творчество жизни? Россия – не одинокая планета, носящаяся в мировом эфире; она – живая часть культурной Европы, сплетенная с нею нитями культурных общений. И если мы действительно стоим перед перестройкой всего мира на новых началах, и если действительно не умирают великие задания, то не только удачи наши, но и наши ошибки будут вкладом в мировую сокровищницу политического опыта. Крушение социальных утопий у нас укажет верную дорогу социальному строительству Запада; но возможно, что из этих утопий мы сохраним и возродим больше, чем смели надеяться европейские реальные политики. Истории было угодно, чтобы над живым телом России была произведена вивисекция, что ее жертвами и ее страданиями были измерены завоевания будущего. Мы пошли на это. Мы не смогли дать примера легкого и свободного творчества. Слишком груб и первобытен был сырой материал, который мы хотели обработать. Но слеп тот, кто даже в нынешних жалких обломках творческих попыток революционной России не усмотрит тех редких по смелости и красоте штрихов, которые характеризуют истинного художника. То, что мы теперь, в припадке уныния и разочарования в своих силах, готовы бросить в пыльный угол, то самое, похоже, раскопает и воссоздаст творец, более сильный и менее поддающийся припадкам меланхолии.

И какие бы новые реакционные новеллы не сулил нам завтрашний день, – разве не счастье уже то, что мы не только свободно их предвидим, не только принимаем на себя ответственность за них, но и можем с недоступной для нас прежде независимостью вскрыть их сущность, дать им свободную оценку? Это не оптимизм. Это – неумирающая вера, рожденная первой победой революции.

Вестник Европы. 1917. № 7–8. С. 383–394.

Рысс П.Я.

ПОКАЯНИЕ

Московское совещание сказало все свои слова. Их было много, очень много. Были слова ударные, тяжелые. И были слова бесцветные и испаряющиеся из памяти. И после всех этих слов осталось впечатление, что совещание в Москве не было *совещанием*. Там не совещались, не делились мнениями, чтобы выработать единое. Нет, там шла тяжба, где обе стороны были прокурорами, и ни одна не хотела быть подсудимым. Иначе и быть не могло: политики – сегодня лишь прокуроры. Суд над ними творит история, превращая их в подсудимых.

Можно было заранее предвидеть, что московское совещание даст лишь один положительный результат: с полной определенностью выяснит предмет спора и облечет его в скульптурные, чеканные формы. Россия узнает доподлинно, чего хочет «революционный пролетариат», чего добивается «буржуазия». Надо было давно раскрыть скобки, надо было точно определить корен-

ные разногласия между идеологами мускульного труда и защитниками науки, искусства, промышленности, торговли. Я нарочно придерживаюсь этого разделения, чтобы остановиться на речи Церетели, с такой точностью указавшего на основную тенденцию вожakov «революционной демократии».

Я – не поклонник ораторского искусства Церетели. Излишество темперамента может увлечь всякого, но убедит вряд ли кого. Церетели говорит, не отливая мысли в слова, а словами вытягивая внезапно рождающиеся мысли. И потому его обмолвки часты и показательны, ибо вдруг раскрываются затаенные мысли и подавляемые желания.

Так случилось и в Москве. Холод отчуждения сказывался все время. «За» и «против» Корнилова, вот что зрительно разбивало совещание на две группы, одна другой враждебные. Но генерал Корнилов был лишь поводом, а не существом разногласий. Суть же в другом. Русская ре[волюция] под флагом социальных общепролетарских вопросов? И отсюда: какие силы призваны для свершения ее?

В первом случае – *все* слои населения, все национальные силы; во втором, конечно, *лишь* рабочие массы. Поставив правильный диагноз, врачи из московского совещания прибегли бы и к верным методам лечения. Лишь к вечеру второго дня совещания, в порыве красноречия Церетели нанес страшный удар себе и своим друзьям, точно установив причину незадачливости революции, и ее творческое бессилие.

Церетели зовет «цензовые элементы стать на сторону демократии», ибо это необходимо «во имя спасения страны и буржуазной организации(!)». Да разве мощная «революционная демократия», которая и есть «подавляющее большинство населения», нуждается в помощи малочисленной «буржуазии»? Церетели продолжает: «Цвет интеллигенции и цвет образования там» – и показывает «направо».

Я не думаю, чтобы Церетели получил предварительное разрешение от своих товарищей произнести эти фразы, ибо в них – полное признание тягчайших ошибок Совета р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов]. Осуждена пятимесячная тактика, в результате своем приведшая к разделению России на два лагеря и к возможности открытия гражданской войны. Кто тому виною?

Мы слышали, как на митингах, на заседаниях Исполнительного Комитета Совета р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов], в печати органов «революционной демократии» изо дня в день настойчиво повторялось, что революция сделана пролетариатом; что только последним она защищается; что «буржуазия» вся «контрреволюционна»; что пролетариат сам все умеет и все может, не нуждаясь в «буржуазии»; что поэтому «вся власть» или «все влияние» должны принадлежать Советам р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов].

Нам известны результаты этой агитации, беспощадная ненависть невежественных, но насвистанных масс к «буржуазии», и в отдаленной степени не понимающих, что такое «буржуазия». К ней отнесли всех, не занимающихся физическим трудом и мало-мальски литературно изыскующихся.

Теперь, через 5½ месяцев, безудержные сторонники силы и влияния «революционной демократии» узрели бесталанность ее вождей. И газета «День» печалуется о «серости» и «провинциальности» даже провозгласивших себя главами революции.

В революции не оказалось истинной действенности, подлинного героизма, настоящих талантов, – в этом сознается считающийся самым талантливым в соц[иал]-дем[ократии] Церетели. Ибо «цвет интеллигенции и цвет образования» насильно отбросили направо от революции, прокляли, как врагов ее («буржуазия»), и тем самым лишили движение ума, знаний и талантов.

Мы видели растерянную, барахтавшуюся, цеплявшуюся за видимость дела «революционную демократию». Она прожектировала, пыталась что-то делать – и ничего не могла, ничего не умела. И, проклиная «буржуазию», все глубже опускалась вниз, засасываемая тинной митинговых речей раболепствующих пред толпой ораторов. И обманутая «революционной демократией» могла убедиться, что она не в силах организовать власть и наладить жизнь, ибо это совсем не то, что произносить длинные патетические речи.

Круг завершен. Последние кольца цепи логики истории – в неудержимом порыве красноречия – сомкнул Церетели. Он открыто заявил, что революция наша тогда лишь станет творческой, когда «буржуазия», то есть «цвет интеллигенции и цвет образования», будет призвана к строительству.

Какой жестокий урок! Вновь понадобился экспериментальный способ, чтобы доказать нашим марксистам, как плохо понимают они Маркса. Им казалось, что все можно «ввести» и по заказу сделать. Они забыли, что власть переходит к пролетариату в момент завершения процесса развития двух враждебных начал: капитализма и оформления пролетариата. К этому моменту пролетариат будет иметь свою интеллигенцию и усвоит те знания, которыми обладает буржуазия.

Этот момент хотели форсировать наши доморощенные соц[иал]-демократы. Но они увидели полное отсутствие в своих рядах людей талантов и знаний. И в голосе Церетели звучит тоска безнадежности и вопль о спасении. Тяжкое разочарование, незаслуженное наказание!

Каков же выход? Он ясен. Революция должна быть творческой. Творить умеют знающие и талантливые. Их очень мало, почти нет – в рядах «революционной демократии». Следовательно, не класс рабочих в силах вывести судно революции из опасной зоны рифов и мелей. Пусть же творят революцию имеющие знания и таланты. Пусть «цвет интеллигенции» возьмет на себя всю огромную работу, запущенную за это время.

Таков практический вывод из речи Церетели. Иначе понять эту речь нельзя. И все выводы из нее, прежде всего, обязан сделать Совет р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов]. Да, не слова, не декларации. России нужно дело. Только – дело!

Речь. 1917, 17 (30) августа. № 192.

Спиридонова М.А.

О ЗАДАЧАХ РЕВОЛЮЦИИ

Русская революция, совершающаяся на фоне мировой катастрофы войны, в грозовой сгущенной атмосфере классового антагонизма, выдвинувшая и поднявшая множество вопросов, призванная разрубить сложный узел политических и классовых противоречий, небывалая по глубине и широте захвата, представляет явление настолько сложное, богатое непредвиденными возможностями, что всякая революционная партия принуждена с большой вдумчивостью и строгостью пересмотреть свою официально признанную программу и выработать, может быть, новую тактику, годную для действий во время самой революции и определяемую тенденциями этой революции. Мы стоим перед совершенно новыми проблемами и положениями, которые невозможно измерять прежним масштабом.

Программа всякой социалистической партии естественно распадается на две части, очень связанные друг с другом, с трудно определяемыми границами, но все же на две части. Одна выражает конечную цель всех стремлений партии, другая представляет систему очередных задач, практических требований момента, диктуемых и обусловливаемых борьбой за конечную цель.

Идеал партии освещает ее путь и помогает установить отношение ко всем запутанным и сложным вопросам настоящего. В нем залог вечного неудовлетворенного стремления, вечного движения, он делает революционную партию насквозь динамической. Каждое завоевание ставит партию перед лицом новой борьбы. Достижение конечной цели не кладет конца этому поступательному движению, потому что идеал не есть абсолют, конечная точка, последний этап, где наступает покой и отдых. Идеал это только руководящий принцип, в котором объединяются наши цели и стремления, это идея, богатство содержания которой растет по мере развития борьбы, по мере прогресса человеческой мысли, это максимум достижения. Такой руководящей идеей борьбы является для социалистических партий *социализм*.

Исходя из нашего понимания сущности исторического процесса, мы считаем, что ни одна область жизни не закрыта для непрерывного и бесконечного воздействия этой идеи.

Человеческая творческая мысль и действие, одушевленное ею, должны смело и полновластно вмешиваться в ход вещей. И разрешение всех насущных вопросов времени, вроде вопросов о политической и гражданской свободе, которые в других странах могли разрешаться буржуазно-либеральными или демократически-радикальными партиями, в России может быть совершенно только под знаком революционного социализма, только вмешательством социально-революционных сил.

Революционный социализм – это марка, которой должны быть отмечены все акты Партии социалистов-революционеров... Партия социалистов-революционеров, каковой она была до революции, это партия, наиболее глубоко воплощающая в себе динамический момент в истории – элементы движения.

Таковой она должна остаться и быть, если не хочет прийти к политическому и моральному самоубийству. Если все акты партии, вступающей в эру творчества, должны быть штемпелюемы маркой общего руководящего принципа, то они, кроме того, я скажу, должны быть и насквозь пронизаны светом этого принципа, принципа социализма как величайшей нравственной силы. С этой точки зрения наша программа не может изменяться и не должна приспособляться к условиям места и времени, наоборот, до нее должна быть поднята всякая действительность.

Урезывание этой части программы недопустимо ни при каких условиях.

«Конечные требования революционного социализма – международны, они общи для всех современных национальностей и государств, для отсталых не меньше, чем для передовых». Никакими частными соображениями не может быть оправдываемо урезывание этой части программы. Как революционеры, мы люди будущего, но должны быть переходные ступени к этому будущему и вот, в каждое данное время, в каждой отдельной стране социалистические партии выделяют некоторую часть своих требований на первый план как самые насущные, самые необходимые в ближайшем будущем. Наряду с требованиями максимальной части программы и во имя этих требований вырастают требования минимальные. Они всецело обуславливаются исторической обстановкой борьбы, могут быть всячески изменяемы из соображений практической целесообразности, но и для них обязательно быть *насквозь социалистическими*, быть в полном согласии с принципиальной частью программы. Текучесть минимальной части программы никогда не должна обозначать искажение или даже уклонение в сторону от революционного социализма¹.

Под минимальной программой разумеется лишь та сумма социально-политических требований, которые рассчитаны на период до завоевания власти рабочим классом, то есть на период буржуазной революции (аграрная реформа, 8-ми часовой рабочий день, минимум заработной платы, охрана труда, политическая свобода и т. д.). Особенностью нашей минимальной программы Партии социалистов-революционеров и ее главным отличием от социал-демократической является то, что требования первой в области социальных отношений далеко выходят из области существующего экономического строя, тогда как требования минимальной программы социал-демократической ограничиваются лишь такими улучшениями в условиях наемного труда и положении рабочего класса, которые сами по себе еще не подрывают основ буржуазно-демократического общества.

Программные различия социал-демократов и социалистов-революционеров, касающиеся минимальных требований, связаны с очень существенными различиями в общих представлениях той и другой школы о самих условиях социального развития. Что, в свою очередь, связано с более коренными различиями во взглядах на те философские и экономические предпосылки, которые должны быть положены в основу научного обоснования социализма.

¹ Ср. статьи В.М. Чернова и Шишко о программах максимум и минимум.

Если мы, социал[исты]-революционеры, могли бы вместе с социал-демократами (меньш[евиками]) в будущем работать в созидании социалистического строя, то добывать его вместе мы не можем, так как объединяться с ними сейчас – значит пригибать все содержание нашей программы к рамкам буржуазного строя, деятельными сотрудниками, новосозидателями и укрепителями которого они являются. С головой, безнадежно забитой марксистской догмой, с совестью, допускающей неслыханный в истории молодых социалистических партий политический оппортунизм (приспособленчество), они, «социалисты», вопреки историческому ходу вещей, вопреки всей общественно-экономической конъюнктуре (обстановке) своими руками загораживают дорогу широко развивающемуся народному движению, давно переросшему все рамки и тыны, и крепостные стены буржуазной революции.

В настоящее время утверждать действенно теоретически и практически, что наша революция буржуазная, опираться на пресловутые «живые силы страны», сотрудничать с буржуазией в области и политической и экономической, – это значит укреплять окончательно расшатавшийся буржуазный строй, это значит – помогать ему, продержаться годы, десятки годов на согбенных плечах трудящегося класса.

Царизм давал буржуазии весь свой боевой защитный механизм в подпору и для охраны, царизм пал, пали и защитные подпорки буржуазии. Дорога к завоеванию власти рабочим классом была расчищена, как никогда еще в истории. И вот пришли новые силы, новые защитники буржуазного строя, наско-ро чинят, клеят, подпирают. А когда эти защитники увидели свое бессилие гальванизировать умирающего, они прибегли к старому испытанному средству старого порядка. Они оперлись на боевой защитный механизм старой государственности. И с помощью его хотят затормозить грозный ход нашей революции.

Меньшевистское понимание настоящего исторического процесса определяет и всю дальнейшую политику социал-демократии (меньш[евиков]). Определяет ее отношение к войне, ликвидации ее, ее оборончество, откровенно жонглирующее (речи Дана, Либера) понятиями – родина, отечество, государство, революция, защита революции. В результате чего является необходимым интересам обороны подчинить революцию, почти задушить ее. Буржуазная аргументация партии народной свободы и др. по вопросу о войне почти буквально сходна с аргументацией наших социалистов-оборонцев. Продолжение войны при тех же условиях, что были созданы волей Николая и правящих классов, – продолжение укрепления позиций буржуазии как русской, так и западноевропейской. Нельзя отказать меньшевикам в выдержанности их тактики, в гармоничной согласованности с обоснованием их программы.

Но спрашивается, при чем тут мы, при чем тут Партия социалистов-революционеров? А она верой и правдой служит тем тактическим принципам, которые проводятся меньшевиками, она очень часто голосует меньшевистские резолюции и *всегда* объединенные, она и меньшевики, – единый голос, еди-

ный орган большинства Советов. Происходит какое-то трагическое недоразумение, чреватое опасными последствиями.

Партия социалистов-революционеров идет во главе социальной революции, ее программа в своем осуществлении взрывает один из прочнейших устоев современного строя (землевладение), нарушает один из священнейших принципов буржуазного строя – частную собственность, она откровенный и сильный враг буржуазных классов не в будущем, не готовящийся враг, а в настоящем, в своих непосредственных заданиях. Пусть же она и стоит перед нею с открытым забралом. Дело не в Чернове – «поджигателе», дело в правосознании крестьянства, которое так счастливо укладывается в теоретических черновских положениях нашей программы. Правосознание, сложившееся в народном разуме, в его неписанном кодексе, существует издавна. «Мирская сходка, раздел прибýtка и передел полей, волости, управляющиеся сами собой» ... черты народной жизни, отмечаемые Герценом. «Убеждение в том, что земля должна принадлежать только тому, кто ее обрабатывает, дележ ее по-душно – эти черты народного сознания повсеместны», – говорят в 70-х годах народники-пропагандисты после жизни в деревнях и после годов наблюдения за деревней. В строгом соответствии с вековым правосознанием крестьянства развилась и сложилась наша разрушительная по отношению к помещичьему классу аграрная программа. Она реальна, жизненна, она творчески – живая. Проект земельных комитетов – это огромной важности проект и, если бы возможно было осуществить его в чистоте в жизни, то можно бы считать, что бы ни было потом, дело революции не проигранным. И вот, имея это великое счастье служить народу, опираясь на него, исходя из его стремлений и чаяний, имея все возможности действительно быть партией трудящихся классов, Партия социалистов-революционеров под давлением заплонивших правое крыло партии обывательских, ничего общего с социализмом не имеющих элементов, отклоняется все дальше от своего единственно верного пути – тесной неразрывной связи и единения с народом. И работы *только для него и во имя его*, она включает в свою тактику меры и принципы, не только не освящаемые общими принципами нашей программы, но резко противоречащие им, посягающие на их логическую и моральную целостность.

Союз с буржуазией, нерешительность в объявлении запрещения купли и продажи земли, недостаточно гарантированное и сейчас, обхаживание буржуазии в вопросе о кризисе власти – это все ничтожные промахи в сравнении с теми крупными проступками против дела революции и против нашей программы (почти ее выражения), которые совершились и совершаются. Вопросы мира перестают быть лозунгом дня, социалистическая конференция объявляется делом «партийным», а не общенародным, оборона государства становится самоцелью и проводится в условиях английско-германско-французской обороны, т. е. очень дорогой ценой потери народной независимости. Перед лицом неслыханной экономической разрухи, угрозой неприятеля, угрозой простановки работ ряда фабрик и заводов, неурожая, транспортного, продовольственного и вагонного кризисов и т. д. и т. д., что всей неизмеримой

тяжестью ляжет на плечи трудящихся классов, начинают создавать гражданский мир. Организовывать землевладельческий и буржуазный классы, давая им в пресловутом Московском совещании трибуну на всю Россию. Решаются идти против воли демократии, которая политику мира провозглашала одним из своих главных тактических принципов. Советская делегация должна быть тесно связана с стокгольмской конференцией, и дело ее не «партийное», и даже не народное, а *общемиждународное*.

Политика официальных правящих кругов бесконечно далеко отошла от политики народной, как извне, так и внутри, и Партии социалистов-революционеров нечего там делать.

Какой пункт, какая буква программы, не говоря уже о духе и смысле ее, может допустить это позорище русской революции, смертную казнь, введенную ратованием журналиста Савинкова и К^о.

Наша революция, наша революция... Тонус ее был высок и чист, серебряными звуками звенели струны, лились песни ее. Отмена смертной казни, призыв к миру, ко всем трудящимся, все росло и поднималось творчество любви и силы уверенного в себе революционного народа...

И сим победили бы. Нельзя было сворачивать с прямого чистого пути народного творчества на грязную дорогу буржуазного строительства.

Михайловский говорил не раз по вопросу о том, «удастся ли свернуть с капиталистического пути развития на новый путь», что это «зависит от того, когда в России пробным камнем мероприятий, планов, словом, всей внутренней и внешней политики сделают интересы непосредственных производителей, представителей труда»...

Вот она политика ПСР, выразительницы классового интереса *рабочих и крестьян*. Никогда история не давала еще ни одной социалистической партии столько возможностей к осуществлению ее заветных мечтаний, как у нас в нашу революцию. Вся общественно-экономическая действительность неминуемо гонит нас в сторону переворота *по всей линии* эксплуатации. Наш государственный порядок слишком тесно и неразрывно связан с наиболее паразитическими элементами господствующего класса, чтобы можно было оторвать борьбу, как освобождение политическое, от борьбы за освобождение экономическое.

Теперь придется организовывать заново индустриальный, торговый, мертвый и др. капиталы, теперь утерялся этот стержень, на котором – хотя относительно и неполно – держался закон спроса и предложения, закон обмена. Утерялась эта внутренняя, регулирующая, стихийная сила в злостной воле отдельных спекулянтов и общемировом потрясении. Заново силами государства и народа надо будет организовывать обмен, производство, распределение.

Должны быть призваны к этой небывалой еще работе все общественно-городские организации, профессиональные союзы, кооперативы и пр. революционные демократические организации.

Вокруг лозунга спасения революции и жизни страны действительно тогда будут собраны все истинные «живые силы», под красным знаменем труда сой-

дутся для борьбы и работы не случайно столкнувшиеся толпы, а политически сознательная классовая партия, партия трудящихся.

На арену истории выступает организованное сознание рабочего класса, этот могущественнейший нововозникший фактор истории, не учтенный догмой марксистов. Этот фактор в сложном переплете человеческих интересов и отношений проложит общемировую равнодействующую, он ее уже прокладывает.

Сложное, неизмеримо трудное дело налаживания почти заново народно-хозяйственного организма не может оказаться в руках буржуазии, которая день ото дня все резче обнаруживает свое бессилие и свою коренную противоречивость с задачами экономического возрождения страны. Невозможно себе представить, чтобы русский народ отдал свои силы на воссоздание строя, который опять и опять будет давать незаработанный доход кучке бесконтрольных безответственных финансистов и капиталистов. Он уже знает, где истина, он уже постиг тайны создания своих новых жизненных форм. Советы, фабрично-заводские комитеты, целая сеть революционно-демократических организаций в атмосфере социальной борьбы прокладывают новые пути, готовя то русло, куда вольется заново организовываемая народно-хозяйственная жизнь.

Если что может спасти нас сейчас, так это только громадное напряжение всех народных сил и всенародное участие в этом спасении. Его же возможно создать не воззваниями и дидактикой (поучение) и не всей теперешней антинародной политикой, а созданием в стране истинного народовластия с широкой социально-политической программой. Сразу создастся иная политическая атмосфера, иное настроение широких масс в тылу и на фронте, взмоет высоко волна нового подъема политической энергии, и революция разовьет из себя огромную действенную силу, которая спасет, выведет, возродит...

Война, в связи с потрясением всего мира, поставила перед нами вопрос о воссоздании Интернационала как огромной действенной силы, призванной практически разрешить вопрос о войне и мире и создать действительную, а не на словах только, международную организацию трудящихся, способную своим активным вмешательством разрубить трагически узел невероятно сложных социальных противоречий.

Западноевропейская жизнь стихийно создает уже в низах своих эту организацию, жизнь выдвигает из себя все новые импульсы движения, которое может принять только один характер, характер русской революции.

И слившись в одно великое освободительное движение, революция народов подведет итоги, увенчает борьбу истории и завершит судьбу старой цивилизации, положив начало новой, великой и прекрасной, рожденной неизмеримыми страданиями всего мира.

Но на всех скорбных путях русской и мировой жизни наше место, место Партии социалистов-революционеров, должно определяться в свете нашей Идеи, в духе нашей программы всегда под знаменем социализма, всегда революционным методом, *всегда через народ, с народом и для народа.*

Касрадзе Д.И.

НАШИ НАДЕЖДЫ И РОССИЙСКИЕ РЕАЛИИ

«Граждане России, во всех речах, произнесенных с этой трибуны, слышалась священная тревога за Россию и революцию. Надвигается действительно страшная опасность, страна стоит на краю гибели. Единственное спасение – в героическом порыве всех народов, входящих в состав России, так как при наличии такого общего энтузиазма возможно укрепление завоеванных революцией свобод и достойная великого свободного народа защита фронта. Но вызвать этот порыв, зажечь энтузиазм возможно только единственным путем – путем признания и восстановления политических прав этих народов».

С такой формулой выступил наш представитель, Иосиф Мачавариани, 15 августа в Москве, на Государственном совещании. Для обобщения ее общих положений, напомнив историю попрания прав и национального достоинства Грузии после «трактата» 1783 года, оратор заметил: *«Настало время, когда русский народ, при дружном содействии вместе с другими народами и грузинским народом, разорвав цепи рабства и своею кровью отвоевав себе права гражданина, должен с негодованием отбросить от себя приемы старого правительства в отношении инородцев. И сказать, наконец, живое слово любви и братства, всенародно признать и на деле восстановить поправленные до сего дня политические права народов, входящих в состав России».*

В конце своего выступления он еще более уточнил свой призыв: *«Не бойтесь, граждане России, этой новой формы политического сожительства народов, – она ведет Россию к победе, во всяком случае, к почетному миру, она и только она может отвоевать для России почетное место среди культурных первоклассных мировых держав».*

Абсолютная истина!

Кто же, будучи в здравом уме, не подпишется под этой ясной и простой мыслью?

Политическая единица России на самом деле состоит из многоцветия составляющих ее различных народов и племен. Эти народы – своими верованиями, культурой, привычками, понятиями, заветами предков, темпераментом или мировоззрением – часто диаметрально различаются друг от друга.

Среди нас есть нации, которым проживание вместе с Россией причиняет душевные мучения, подобные душевным мучениям древних греков под игом варваров, например поляки, немцы, латыши, эстонцы, литовцы, финны и пр. Если бы не эти страны, Россия превратилась бы в неподвижного Нептуна, хотя не ошибемся, если признаем, что вряд ли Россия, вплоть до сегодняшнего дня, желает заменить свою вековую приземленность движением! Эти западные портные так и не смогли сшить для этого гиганта соответствующий его грузному телу приличный сюртук!

В составе России вместе с этими просвещенными нациями довольно много и других – народ магометанский, еврейский, так же, как и мы – грузины, армяне, да и многие другие. Большие или малые, но все они вносили свой вклад

в развитие духовной и предметной сокровищницы сегодняшней России. Грузия, в частности, если не сказать более, содействовала России хотя бы в том, что открыла, – как сказал наш представитель на Московском совещании, – России «Дарьяльские Фермотилы», без чего Россия долго, очень долго не имела бы возможности включиться в азиатскую политику. Удивительно во всем сказанном лишь только то, что звучит это сейчас, что аппетит у представителей малых наций разыгрывается не *en mangeant*, но во время полнейшего голода, когда все вокруг разваливается.

Для сохранения единства у старой российской власти был набор довольно простых, точнее – примитивных средств. Для сохранения единства проводилась политика строжайшей централизации. Им было плевать на частные устремления составляющих Россию народов: более того, проявление таких стремлений даже преследовались тогдашними законами.

Новая Россия, надо признать, не особо «сдвинулась с места» с тех времен. В первые дни революции, хоть и было громогласно объявлено о Всеобщей Свободе, однако сделано это было так, что изначально вызывало тревогу, ибо громогласностью и цветастой разнообразностью намечаемых перспектив Россия сразу перещеголяла многие европейские страны. Однако все это, как выяснилось, являлось следствием дилетантских фантазий, но не реально выполнимыми планами, продиктованным опытом мудрого управления страной. Вскоре новая Россия пошла по пути старой.

Министр-социалист Керенский, на плечи которого судьба, по злой иронии, возложила громадную ответственность перед историей, надевает на свои пухленькие ручонки бронированные рукавицы и начинает железным кулаком грозить Украине и Финляндии!

Не мог Юпитер придумать большего наказания России, чем ее полноправным властелином сделать Керенского!

И если таков один из выдающихся сынов новой России, чье духовное богатство уже перепачкано грязью его харизмы, то чего же мы должны ждать лучшего от новой, либеральствующей или хотя бы на самом деле либеральной России, которая, безусловно, придет к корме власти в России, как только останется война?

Вообще-то, возможно все. Однако изменить психику русского, европеизировать его – в наилучшем смысле этого слова – вряд ли под силу кому-либо. Благороднейшие формулы для создания всеобщего энтузиазма могут стать для него на мгновение радостной сказкой, однако в реальности эта сказка также грубо будет втоптана каблуком армейского сапога в вековую грязь, подобно втопанной ими же в ту же самую грязь всех основных положений собственной декларации.

Благодушные и чистосердечные верят, – Учредительное собрание даст нам все! Такие заверения – это вековая русская болезнь русской психики под именем «Завтра, завтра – не сегодня!». Это знают финны, это знают украинцы, и именно поэтому они в лицо хохочут Керенскому в ответ на его угрозы.

Лично для меня, для грузина, такие заверения являются Будущим без Будущего.

Сегодня настоящая Россия все еще продолжает вертеть политическую мудрость на кончике своего штыка: чего же нам ждать от них «завтра», когда им уже не понадобится не только наша вежливая обходительность, наш героизм, наше – доходящее до безумия – самопожертвование, но и наши талантливейшие соотечественники, Церетели и Чхеидзе!

Российская повседневность для всех наций, особенно же для надежд маленькой Грузии, является той самой наковальней, которая, к сожалению, и не ждет обетованного «Учредительного собрания», чтобы опустить молот и перековать на нас наши старые оковы в оковы новые – однако более изощренной формы.

Сакартвело. 1917, 27 августа. № 189.

Ленин В.И.

ЗА ДЕРЕВЬЯМИ НЕ ВИДЯТ ЛЕСА

В заседании ЦИК Советов 4-го августа Л. Мартов сказал (цитируем по отчету «Новой Жизни»), что «критика Церетели слишком мягка», что «правительство не дает отпора контрреволюционным попыткам в военной среде» и что «в наши цели не входит свержение нынешнего правительства или подрыв доверия к нему...» «Реальное соотношение сил, – продолжал Мартов, – не дает сейчас основания требовать перехода власти к Советам. Это могло бы явиться лишь в процессе гражданской войны, сейчас недопустимой». «Мы не намерены свергать правительство, – заканчивает Мартов, – но мы должны указать ему, что в стране есть силы, кроме кадетов и военных. Это – силы революционной демократии, и на них должно опираться Временное правительство».

Это – замечательные рассуждения Мартова, на которых стоит со всем вниманием остановиться. Замечательны они тем, что необыкновенно рельефно воспроизводят самые распространенные, самые вредные, самые опасные политические ошибки мелкобуржуазной массы, ее типичнейшие предрассудки. Из всех представителей этой массы Мартов, как публицист, наверное, один из наиболее «левых», из наиболее революционных, из наиболее сознательных и искусных. Именно поэтому полезнее разобрать как раз его рассуждения, чем какого-нибудь кокетничающего пустым набором слов Чернова или тупицы Церетели и т. п. Разбирая Мартова, мы будем разбирать то, что есть сейчас в идеях мелкой буржуазии наиболее разумного.

Крайне характерны, прежде всего, колебания Мартова по вопросу о переходе власти к Советам. До 4 июля Мартов был *против* этого лозунга. После 4 июля он – *за*. В начале августа он опять против, и, заметьте, как чудовищно нелогична, как забавна с точки зрения марксизма его аргументация. Он против, ибо «реальное соотношение сил не дает сейчас основания требовать перехода власти к Советам. Это могло бы явиться лишь в процессе гражданской войны, сейчас недопустимой».

Вот путаница-то. Выходит, что до 4 июля такой переход власти возможен был без гражданской войны (святая истина!), но именно тогда Мартов был против перехода... Выходит, во-вторых, будто после 4 июля, когда Мартов был за переход власти к Советам, такой переход возможен был без гражданской войны: это явная, вопиющая фактическая неправда, ибо именно в ночь с 4 на 5 июля бонапартисты при поддержке кадетов и при лакейском услужении Черновых и Церетели приводят контрреволюционные войска в Питер. Взять власть мирным путем в этих условиях было бы абсолютно невозможно.

Наконец, в-третьих, у Мартова выходит, будто марксист или хотя бы даже просто революционный демократ вправе был отказаться от правильно выражающего интересы народа и интересы революции лозунга на том основании, что этот лозунг мог бы осуществиться «лишь в процессе гражданской войны»... Но ведь это же явный абсурд, явный отказ от всякой классовой борьбы, от всякой революции. Ибо кто же не знает, что всемирная история всех революций показывает нам не случайное, а неизбежное превращение классовой борьбы в гражданскую войну. Кто же не знает, что как раз *после* 4-го июля мы видим в России начало гражданской войны со стороны контрреволюционной буржуазии, разоружение полков, расстрелы на фронте, убийства большевиков. Гражданская война, изволите видеть, «недопустима» для революционной демократии как раз тогда, когда ход развития событий с железной необходимостью привел к тому, что ее повела контрреволюционная буржуазия.

Мартов запутался самым невероятным, забавным, самым беспомощным образом.

Распутывая внесенную им путаницу, надо сказать:

Именно до 4-го июля лозунг перехода всей власти к данным, тогдашним Советам был единственно правильным. Тогда это было возможно мирно, без гражданской войны, ибо тогда не было еще систематических насилий над массой, над народом, введенных после 4-го июля. Тогда это обеспечивало мирное развитие вперед всей революции и, в частности, возможность мирного изживания борьбы классов и партий *внутри* Советов.

После 4-го июля переход власти к Советам стал невозможным без гражданской войны, ибо власть перешла с 4–5 июля к военной, бонапартистской клике, поддержанной кадетами и черносотенцами. Отсюда вытекает то, что все марксисты, все сторонники революционного пролетариата, все честные революционные демократы *должны* теперь выяснить рабочим и крестьянам коренную перемену положения, обуславливающую другой путь перехода власти к пролетариям и полупролетариям.

Мартов не привел доводов в защиту своей «мысли» о недопустимости «сейчас» гражданской войны, в защиту заявления, что в его цели «не входит свержение нынешнего правительства». Без мотивировки его мнение, особенно высказанное в оборонческом собрании, неизбежно смахивает на оборонческий довод: дескать, недопустима гражданская война внутри, грозит внешний враг.

Не знаем, решился ли бы Мартов открыто выдвинуть такой довод. Среди массы мелкой буржуазии довод этот из самых ходких. И довод этот, конеч-

но, из самых пошлых. Буржуазия не боялась революции и гражданской войны в такие моменты, когда грозил внешний враг, ни в сентябре 1870 года во Франции, ни в феврале 1917 года в России. Буржуазия не боялась ценой гражданской войны захватывать власть в свои руки в такие моменты, когда грозил внешний враг. Так же мало будет считаться с этим «доводом» лжецов и лакеев буржуазии революционный пролетариат.

* * *

Одна из самых вопиющих теоретических ошибок, которую делает Мартов и которая тоже крайне типична для всего круга политических идей мелкой буржуазии, состоит в смешении контрреволюции царистской и вообще монархической с контрреволюцией буржуазной. Это – именно специфическая узорность или специфическая тупость мелкобуржуазного демократа, который не может вырваться из своей экономической, политической и идейной зависимости от буржуазии, уступает ей первенство, видит в ней «идеал», доверяет ее крикам об опасности «контрреволюции справа».

Мартов выразил этот круг идей или, вернее, это недомыслие мелкой буржуазии, сказав в своей речи: «Мы должны в противовес давлению на него (на правительство), оказываемому справа, создать контрдавление».

Вот образчик филистерской доверчивости и забвения классовой борьбы. Правительство выходит чем-то вроде надклассового и надпартийного, на него только «давят» слишком сильно справа, надо посильнее давить слева. О, премудрость, достойная Луи Блана, Чернова, Церетели и всей этой презренной братии. И как бесконечно выгодна эта филистерская премудрость бонапартистам, как хочется им представить «глупым мужичкам» дело именно в таком виде, что вот-де нынешнее правительство борется и направо и налево, только с крайностями, осуществляя истинную государственность, проводя в жизнь истинный демократизм, а на деле именно это бонапартистское правительство является правительством контрреволюционной буржуазии.

Буржуазии выгодно (и для увековечения ее господства необходимо) обманывать народ, изображая дело так, что она представляет будто бы «революцию вообще, а справа, от царя, грозит контрреволюция». Только бесконечной тупостью Данов и Церетели, бесконечной влюбленностью в себя Черновых и Авксентьевых держится, питаемая условиями жизни мелкой буржуазии, эта идея в среде «революционной демократии» вообще.

Но всякий, кто хоть чему-нибудь научился из истории или из марксистского учения, должен будет признать, что во главу угла политического анализа надо поставить вопрос о *классах*: о революции какого класса идет речь? А контрреволюция какого класса?

История Франции показывает нам, что бонапартистская контрреволюция выросла к концу XVIII века (а потом второй раз к 1848–1852 гг.) на почве контрреволюционной буржуазии, прокладывая, в свою очередь, дорогу к реставрации монархии легитимной. Бонапартизм есть форма правления, кото-

рая вырастает из контрреволюционности буржуазии в обстановке демократических преобразований и демократической революции.

Надо нарочно закрыть глаза, чтобы не видеть, как на наших глазах растет бонапартизм в России при очень схожих условиях. Контрреволюция царистская сейчас ничтожна, ни тени политического значения не имеет, никакой политической роли не играет. Пугало царистской контрреволюции нарочно выдвигают и раздувают шарлатаны, чтобы пугать дураков, чтобы потчевать политической сенсацией филистеров, чтобы отвлекать внимание народа от настоящей серьезной контрреволюции. Нельзя без смеха читать рассуждение какого-нибудь Зарудного, который пыжится взвесить контрреволюционную роль какого-то задворочного союзника «Святая Русь» и который «не замечает» контрреволюционной роли союза всей буржуазии России, называемого партией кадетов.

Кадетская партия есть главная политическая сила буржуазной контрреволюции в России. Эта сила великолепно сплотила вокруг себя всех черносотенцев как на выборах, так (что еще важнее) в аппарате военного и гражданского управления и в кампании газетной лжи, клевет, травли, направляемых сначала против большевиков, т. е. партии революционного пролетариата, потом против Советов.

Нынешнее правительство проводит постепенно, но неуклонно, именно ту политику, которую партия к[онституционных]-д[емократов] систематически проповедовала и подготавливала с марта 1917 года. Возобновление и затягивание империалистской войны, прекращение «болтовни» о мире, предоставление министрам права закрывать газеты, потом съезды, потом производить аресты и высылки, восстановление смертной казни, расстрелы на фронте, разоружение рабочих и революционных полков, наводнение столицы контрреволюционными войсками, начало арестов и преследований крестьян за самочинные «захваты», закрытие фабрик и локауты – вот далеко еще не полный список мер, которые яснее ясного рисуют картину буржуазной контрреволюции бонапартизма.

А отсрочка созыва Учредительного собрания и «коронация» бонапартистской политики «Земским собором» в Москве, этот переходный шаг к отсрочке Учредительного собрания до окончания войны? Разве это не перл бонапартистской политики? И Мартов не видит, где главный штаб буржуазной контрреволюции... Поистине – за деревьями не видят леса.

* * *

Какую бесконечно грязную лакейскую роль сыграл ЦИК Советов, т. е. господствующие в нем эсеры и меньшевики, в деле отсрочки созыва Учредительного собрания! К[онституционные]-д[емократы] дали тон, бросили идею отсрочки, начали кампанию в печати, выдвинули *казачий съезд*, с требованием отсрочки (казачий съезд! Как же не лакействовать Либерам, Авксентьевым, Черновым и Церетели!). Меньшевики и эсеры петушком побежали за кадетами, как собаки поползли на хозяйский свист под угрозой хозяйского кнута.

Вместо того чтобы дать народу простую сводку фактических данных, показывающих, как нагло, как бесстыдно кадеты оттягивали и тормозили с марта дело созыва Учредительного собрания; вместо того чтобы разоблачать лживые увертки и уверения, будто созыв Учредительного собрания в срок невозможен; вместо этого Бюро ЦИК быстро отбросило «сомнения», выдвинутые даже Даном (даже Даном!), и послало двух лакеев от этой лакейской коллегии, Брамсона и Бронзова, во Временное правительство с докладом «о необходимости отсрочить выборы в Учредительное собрание до 28–29 октября...» Великолепное введение к коронации бонапартистов Земским собором в Москве. Кто не дошел до полной подлости, должен сплотиться вокруг партии революционного пролетариата. Без его победы ни мира народу, ни земли крестьянам, ни хлеба рабочим и всем трудящимся *не получить*.

Пролетарий. 1917, 1 сентября (19 августа ст. ст.). № 6.

Короленко В.Г.

***«ВОЙНА, ОТЕЧЕСТВО И ЧЕЛОВЕЧЕСТВО».**
ИЗ ПИСЕМ О ВОПРОСАХ НАШЕГО ВРЕМЕНИ
 в газету «Русские Ведомости»

Письмо X. «Русский мирный призыв.
Мир без аннексий и контрибуций»

Наше отечество вступило в войну рабом самодержавия. К концу ее оно подходит обескровленным, как все, может быть, более других обескровленным, но свободным. Оно пережило революцию, а во время таких переворотов народы приобретают иногда способность ясновидения. Они – плохие дипломаты, но порой являются пророками.

Россия предлагает мир без аннексий и контрибуций, т. е. без земельных захватов и карательных штрафов с чьей бы то ни было стороны.

Когда-нибудь этот кровавый сон минует. Люди оглянутся на эту войну, как на прошлое. Я не знаю, что тогда придется сказать о России. Дойдет ли наше отечество до конца свалки народов с сознанием правды свободы и чести, или наши ошибки отдадут нас во власть завоевателя, покрыв Россию позором. Это будет зависеть от наших собственных действий. Пока одно для меня несомненно: Россия сказала о мире важное и нужное слово.

В романе «Война и мир» Л.Н. Толстого есть такой эпизод. Раненый князь Андрей лежит на поле сражения и смотрит в глубокое синее небо. И в это время в его голове рождаются глубокие мысли о жизни и смерти, о войне и мире.

Многим теперь приходят в голову эти мысли, и наше отечество, как израненный боец на поле сражения, говорит народам: «Довольно войны и убийств. Ведь люди – братья!»

Кто может не согласиться с этой мыслью? Ведь это все равно, как если бы на Корсике кто-нибудь раненый в свалке родовой мести, крикнул своим друзьям и врагам: «Не надо мести! Все мы виновны в том, что терпим зверский обычай самоистребления». Приблизительно то же русский народ говорит теперь всему миру. Хотелось бы верить, что когда-нибудь наши потомки будут гордиться: это Россия, это наше отечество первое сказала среди звериной свалки истинно человеческое слово: война – трагедия. В ней виновны все народы перед высшим судом человечества. Поэтому не надо захватов и контрибуций. За общую вину не может быть ни казни, ни награды.

Я знаю: против этого восстанет много честных людей, привыкших любить отечество по-старому. Как? – скажут они. – Но разве Австрия не предъявила Сербии требования (ультиматум), которое социалисты ее и Германии единодушно признали первым вызовом? Разве, по-вашему, Россия могла оставить славян в порабощении германизму? А Франция, не должна ли была помочь нам, ее союзникам, при наглом вызове? Разве не Германия напала на несчастную нейтральную Бельгию за верность международному договору? Как же после этого не сказать, что войну начала Австро-Германия, а остальные народы только обороняются?

Да, я тоже думаю, что на Германии лежит большая доля ответственности. Она представляет давно самую воинственную страну в Европе. Ее внезапные успехи в войне на два фронта показывают ясно, что она готовилась долго и предумышленно. «У человека, который первый зажжет мировой пожар, – сказал, если не ошибаюсь, англичанин Чемберлен, – должно быть железное сердце». Да, железное сердце и безжалостный взгляд!.. В Германии, руководимой прусской военщиной, в этом недостатка не оказалось, и это она твердой рукой поднесла огонь к готовому костру всеобщей войны всех против всех.

Но скажем правду: самый костер приготовлен не одними германцами. Одни больше, другие меньше, но все государства готовили десятилетиями горючий материал, и нет ни одного самого малого народца, который не притащил бы свою вязанку, как известная вдовица на костер мученика Гуса. И когда это опасное сооружение было готово, то политики всех государств ходили вокруг него, зорко высматривая, когда именно следует поджечь костер, чтобы это было наиболее выгодно их отечествам. Все они сочли бы преступлением, каждый для себя, пропустить удобный момент. У Германии расчет оказался вернее, рука тверже. Но это-то и нужно в войне всех против всех, пока она существует. И германцы подожгли костер в нужное для них время...

В разгар франко-прусской войны 1870 года, еще до окончательной победы немцев, немецкий профессор Бидерман говорил на студенческом празднике в Лейпциге: «Мы нанесем французской нации такое поражение, что она в течение целого человеческого поколения не сможет думать о войне. Мы достигнем этого, если позаботимся, чтобы и тело Франции стало несколько меньше»¹.

¹ *Бebelь Август.* Из моей жизни. (Мемуары). Часть вторая. Выпуск первый / Перевод с рукописи Н. Рязанова. М., 1912. С. 166.

И это исполнилось. Немцы победили, наложили на Францию тяжелую контрибуцию и отхватили у нее две провинции.

Стоило это очень дорого. Уже тогда война была ужаснее всех предыдущих. Усовершенствованные ружья косили сплошь целые батальоны. Прусский король писал своей жене: «Потери так огромны, что это отравляет радость победы». А в берлинской газете «Будущее» писали по этому поводу: «Пред бледным лицом смерти склоняются рожденные в подполье. Слишком далеко захватил ее серп, слишком обильна жатва»¹.

Немецкие социалисты уже тогда предупреждали свой народ против захватов. Но их не слушали. И вот те самые юноши-студенты, которые тогда рукоплескали Бидерману, стали отцами и дедами, и теперь их дети и внуки поят своей кровью те же поля Франции в войне, перед которой даже война 1870 года представляется уже игрушечной. И опять обе стороны говорят о контрибуциях, о захватах, которые должны ослабить тело противника! Какой же вырастет посев из этого нового семени и как глубоко захватит серп смерти в следующей войне, если Европа и теперь не сумеет прекратить международную войну всех против всех!

Вот против чего предупреждает теперь голос России, пережившей переворот и одержимой припадком ясновидения. «Не надо захватов!» Это сказала сначала русская демократия народам, потом подтвердило государство государствам как первую основу для мира.

За себя Россия вперед отказывается от Константинополя и проливов, которые уже были обещаны нам нашими союзниками в случае победы. Правда, мы слышим то и дело, что Константинополь и проливы вовсе не нужны нашему народу, а нужны только капиталистам, торговцам и промышленникам. Но это совершенно не так. Правильнее сказать, что они нужны нашей торговле и промышленности. От этого капиталисты выиграли бы прежде всего, но, я уже говорил это выше, выиграл бы и весь народ. Но, говоря о том, что, владея проливами, мы были бы хозяевами на Черном море и в случае новой войны не пустили бы вражеских кораблей громить наши приморские города, как это то и дело бывало в настоящую войну, мы вдобавок могли бы уменьшить постоянные траты на дорогой черноморский флот.

Совершенно ясно, что и на случай войны, и на случай мира обладание проливами принесло бы огромную пользу всей России, и когда П.Н. Милюков, будучи министром, так упорно отстаивал эту обещанную нам долю будущей военной добычи, то он отстаивал ее не для одних капиталистов, но и для всего государства.

Это — несомненно, но какой ценой досталась бы нам эта добыча, и какой ценой пришлось бы ее отстаивать в будущем? Захват ведет к необходимости новых захватов, как война призывает войну. Мы стали бы сильнее для войны всех против всех, если ей суждено продолжаться и в будущем, но мы сами ослабили бы возможность единения и мира в человечестве. Пришлось бы тотчас

¹ Там же. С. 169.

же принимать меры, чтобы обеспечить «плоды победы». Для этого, вероятно, пришлось бы каким-нибудь захватом от Турции и Болгарии, – а может, и от союзной Румынии, – проложить на Балканском полуострове полосу, соединяющую нас с нашими новыми владениями. А это повело бы к столкновениям с теми самыми малыми народами полуострова, которых мы якобы защищаем. И т. д. Мы сделали бы большой шаг в сторону наших выгод в войне всех против всех, но вместе с тем нанесли бы удар прочному миру в Европе. Наш захват в этой войне посеял бы зародыши будущей войны, как немецкий захват 1870 года посеял нынешнюю войну.

Теперь Россия говорит: не надо захватов. Постараемся договориться так, чтобы проливы приносили пользу всем.

Восставший народ – не дипломат. Делают много возражений русскому призыву. Что такое захват и что такое контрибуция? Как быть с теми контрибуциями, которые Германия уже содрала с занятых местностей? Как быть с разоренной вконец Сербией? Кто восстановит Бельгию, пострадавшую за верность установленным всей Европой договорам о нейтралитете?..

Да, все это верно, если смотреть на русское обращение, как на дипломатическую ноту или проект международного закона. Но это ни то, ни другое. Это – человеческий голос среди звериной свалки. Это – призыв к переговорам о мире на новых началах, рука, протягиваемая во имя будущего.

Она осталась висеть в воздухе...

Ее не приняли. Это, говорят, постыдно для нашего отечества.

Нет, это не постыдно. Напоминание о высших истинах человечности, само по себе не приносит стыда. Принять протягиваемую нами руку или отвернуться – дело других, а мы отвечаем только за свои слова и поступки. И только от нашего собственного поведения зависит, во что обратится наш призыв: в великое дело или в ничтожные слова без значения и веса.

Кем сделан призыв? Какой-нибудь политической партией? Советом рабочих и солдатских депутатов? Частью армии, находящейся в Петрограде?

Тогда он стоит немного, во всяком случае, не более, чем смелый протест немецких социалистов в 1870 году. Верная мысль, честное мнение, но оно не могло остановить войны ни тогда, ни впоследствии.

Лишь после того как этот призыв повторен нашим правительством в международных нотах, он стал голосом России, который русское государство берет на поддержать на мирном совещании народов [...].

Русские Ведомости. 1917, 25 августа (7 сентября). № 194.

Погодин А.Л.

ЦЕРКОВНЫЙ СОБОР. ВПЕЧАТЛЕНИЯ УЧАСТНИКА

В дни нашей первой революции был поднят вопрос о церковном Соборе, который должен был перестроить церковное управление на началах сближения церкви с мирянами, насколько такое переустройство допускается канониче-

скими установлениями, обязательными для православной церкви. Тогда было собрано совещание для выработки основ будущего Собора, а самый вопрос об этом последнем живо интересовал общество. Революция 1905 года шла под знаменем высоких идейных стремлений, и вопросам церковного устройства, естественно, уделялось должное внимание. Поэтому реакция, наступившая так скоро после революции, отодвинула на многие годы и церковный Собор.

Революция 1917 года выросла из голодных хвостов, свергла всякую власть и всякий авторитет, не имела решительно никаких идейных вопросов, кроме грубо материальных требований, и ей, разумеется, не было никакого дела до церкви и до справедливого устройства ее, которое могло бы привести к возрождению церковной православной жизни. И самые деятели «революционной демократии» были в громадном большинстве своем, по самому своему национальному происхождению, совершенно чужды православию и церкви. В таких условиях церковный собор явился каким-то пасынком революции, едва терпимым и, во всяком случае, подозрительным по своей благонадежности.

Если бы церковный Собор проявил бессилие в устройении церковной жизни, если бы он обнаружил неомощность русской церкви, то и это было бы во все не печально для той группы, которая стала во главе русской политической жизни. Итак, Собор был разрешен, и 15 августа собрался.

Той опасностью, которой наша безыдейная, грубо хищная смута угрожала церкви, определился состав мирян, избранных епархиальными съездами для участия в Соборе. Около церкви в это смутное время остались те, кому она была дорога по религиозным или национальным основаниям, люди наиболее стойкие, крепкие и непоколебимые в своих убеждениях. Таких людей в России, к счастью, оказалось не особенно мало, и состав мирян, избранных на Собор, вышел довольно разнообразным. Здесь были и судебные деятели, и преподаватели различных учебных заведений, высших, средних и низших, и купцы, и служащие разных ведомств, и офицеры.

На епархиальных избирательных съездах, разумеется, преобладали крестьяне, так как деревенские приходы посылали именно их. От каждой епархии должно было явиться на церковный Собор по три мирянина, и следует отдать должное политическому разуму крестьянства, что оно в громадном большинстве отдало свои голоса интеллигенции, видя в ее представителях тех «лучших людей», которые наилучшим образом смогут защитить интересы церкви. Ведь поставленная нашим временем культурно-историческая проблема включает в себе и глубочайший религиозный смысл: социализм, прикрываясь христианскими лозунгами свободы, равенства и братства, но вкладывая в них совершенно не христианское содержание и исходя не из христианской любви, но из чувств ненависти и зависти, является ярко антихристианским учением. Недаром и примыкают к нему в таком огромном числе элементы, враждебные христианству.

Говоря упрощенно, но вкладывая в эти слова более глубокий смысл, мы имеем здесь борьбу Христа с Антихристом, Христа с дьяволом. Все разрушено: в высшей школе посеяна вражда между студентами и профессорами, в

деревне захваты чужой земли, в городах разложение промышленности и торговли. Начала любви и согласия вытеснены всходами «дьявольских» посевов лжи, лукавства и ненависти.

Естественно, что крестьянство, не порвавшее своей кровной, национальной связи с церковью, не выдвинуло каких-нибудь, узко сословных требований, и не отмежевалось от интеллигенции. Для тех, кто провел резкую грань между «пролетариатом» или «революционной демократией» и «буржуазией», должно быть хорошим уроком, что там, где выступил подлинный народ, крестьянство, он и не подумал отметить «буржуев». А, наоборот, их и выбрал в подавляющем числе в качестве своих представителей. Среди 250 (по крайней мере) мирян едва ли не четыре пятых принадлежат к всевозможным интеллигентным профессиям и к лицам, занимающимся торговым и промышленным трудом.

Общее настроение мирян, съехавшихся на Собор, можно определить в начале Собора как очень повышенное в нравственном отношении и как горячую готовность принести все свои силы и знания на пользу делу церковного устройства. Всякие попытки внести разделение встречались решительным протестом, и стремление к согласию и справедливости служило основным мотивом речей. К сожалению, сознательная или бессознательная тактика затягивания дела, какую принял командующий на Соборе епископат, сильно расколола первоначальное рабочее рвение. Те невозможные и невыносимые для культурного человека условия казарменного общежития, в какие была поставлена преобладающая часть лиц, съехавшихся на Собор, весьма многих из них разогнала. Затяжка и волокита, заставившая две недели потерять на пустые формальности, на обрядовую и богослужебную сторону, вынудила также многих вернуться к своим неотложным делам. Тем не менее мы были бы неправы, если бы не отметили, что состав мирян, приехавших на Собор, представлял собою в большинстве действительно «лучших людей», которые готовы были и на самопожертвование, и на серьезный труд ради дела устройства Церкви, верность которой они сохранили среди всех превратностей жизни.

Другая группа членов Собора состоит из представителей белого духовенства, по двое на епархию. Здесь довольно резко намечаются две основные подгруппы, характеризующиеся общим своим направлением. Иначе как с большим уважением и сочувствием я не могу отозваться о том течении, к которому примыкает просвещеннейшая часть духовенства во главе с профессорами А.П. Рождественским, К.М. Агеевым, Смирновым и др. На эту группу посыпались укоры, особенно резкие на столбцах «Московских Ведомостей», — укоры в том, что она ведет русскую церковь к пресвитерианству, чуть не к лютеранству, к разрушению основ русского православия и к подчинению его германизму.

Как видим, укоры серьезные, и если они справедливы, то русской церкви грозит страшный раскол, ибо не все примут эти немецкие новшества. Думаю, однако, что такая опасность нам не угрожает; если группа духовенства, примыкающая к свящ[енникам] Рождественскому и Агееву, и настроена не очень

сочувственно по отношению к властным притязаниям епископата и стремится обеспечить должную свободу священнику в его приходе, преобразованном на демократических началах, то все же ровно ничем не подтверждается склонность ее уйти от православия.

Напротив, чем ближе я знакомился с этой группой по ее выступлениям и личным беседам, тем более я проникался убеждением, что самых стойких и сознательных защитников православная церковь найдет именно здесь, среди людей, которые по уровню своей общей культуры могут занять достойное место рядом с лучшими представителями других церквей. Если они и не будут крепко держаться за те или иные обрядовые подробности, то все их внимание устремлено в том направлении, в какое вообще направлено развитие христианской жизни, – именно в сторону углубления христианского сознания, в сторону проникновения человеческой культуры христианскими началами. Разве это строительство «царства Божьего» на земле не важнее всякого внешнего обряда, и разве не священник, близкий к своему приходу, призван учить о нем?

В этом смысле может идти речь действительно о возрождении церковной жизни, и группа, во главе которой стоят названные священники-профессора, и к которой примыкают многие миряне и многие члены «Предсоборного совещания», профессора духовных академий, так и назвала себя. К сожалению, ее успехам среди членов Собора сильно препятствуют резкие выступления проф. Титлинова, может быть, и справедливые по существу, но чрезмерно нетерпимые. «Злобствование» в той атмосфере повышенных настроений, какое господствовало на Соборе в первые недели, производило удручающее впечатление и многих отталкивало от участия в группе.

Отчасти именно этими резкими выступлениями (особенно в печати, в «Русском Слове», «Утре России» и «Русской Воле»), отчасти принципиальными опасениями уклониться от канонического православия объясняется возникновение другой соборной «партии» или группы (слово «партия» всячески избегается в Соборной жизни). Эта последняя стремится удержать Собор в рамках полного единения, дружелюбия и согласия, но полагает, что в своей реформаторской деятельности Собор должен строго держаться канонических требований, между прочим, и в области, не очень-то приемлемой для «группы церковного возрождения», т. е. в области епископской власти. «Группа соборного единения» отстаивает консервативные начала в епископском управлении церковью и вообще несколько опасается нововведений в церковной жизни. Здесь, наверное, вопрос о патриаршестве, боевой вопрос Собора, получит утвердительное разрешение, тогда как «группа церковного возрождения» не скрывает своего отрицательного отношения к нему. Соответственно с этим к группе Соборного единения примыкает более консервативная часть членов Собора, как среди духовенства, насчитывающего и здесь не мало чрезвычайно симпатичных, просвещенных и высоко настроенных людей, так и среди мирян. Среди последних мы находим несколько выдающихся ученых богословов, профессоров духовных академий и т. д. Однако обе названные груп-

пы, собственно, не исключают одна другой, и было бы печально, если бы в дальнейшей соборной деятельности образовалась между ними партийная пропасть.

Как третья группа, на Соборе представлен многочисленный русский епископат. Он обособлен от остальной части Собора даже внешне: на эстраде, за председательским столом, поставлены кресла для епископов, лицом к эстраде и к председательскому столу – кресла для остальных членов Собора. За решеткой, в стороне от Собора и Соборной жизни, восседает русский епископат, и это обособление – прекрасный символ того исключительного, странного положения, какое занимает епископат в русской церковной жизни. Я скажу не обинуясь, что, по моему убеждению, именно в этом обособлении епископата лежит наибольшая опасность для необходимой церковной реформы в смысле попыток насаждения в русской церковной жизни начал клерикализма, мертвящих жизнь, не свойственных русскому народу и неприемлемых для него. Гордый, самомнительный, но, ни умственно, ни нравственно ничем не выдающийся русский епископат мало хорошего сделал для русской церкви и государственности за многие последние десятилетия, и ему нечем гордиться.

Поднимал ли он голос во время позорных лет царствования Николая II, слышим ли мы его теперь, во время смуты, готовой снести с устоев всю нашу культурную и государственную жизнь? На Соборе часто раздавались речи о патриархе Гермогене, но не видно что-то среди наших иерархов Гермогенов. Зато устраивать пышные процессии, в которых масса соборян должна участвовать, отвлекаясь от деловой работы, ради которой и собран Собор, выступать в своих золотых и серебряных мантиях, словно напоказ смирения пастырей стада Христова, – это умеет наш епископат. Не ради осуждения наших иерархов я пишу эти строки, но с душевной болью, видя, что до того настроения, в котором может быть совершена великая реформа возрождения русской церковной жизни, наш епископат в большинстве своем не дорос. Убежденных сторонников демократических реформ в церковном управлении мы едва ли много найдем среди русских епископов, и, как мне кажется, на живом дереве русской церкви епископат представляет сухую ветку, уже неспособную к росту и цветению.

Разумеется, я говорю о явлении как о целом, не касаясь отдельных личностей. Быть может, в деятельности Собора выступают и среди епископов светлые умы и нравственно возвышенные характеры. Как не быть их в коллегии, обнимающей несколько десятков человек! Мы знаем, однако, кто и как в большинстве случаев попадал в архиереи, и не предаемся особенным надеждам. Это не московская Русь 17 века, не времена Гермогенов и Филаретов.

Любопытно, что епископат тщательно охранил свой исключительный авторитет в деятельности Собора. Не довольствуясь своим нравственным авторитетом, он обусловил в Наказе свое право налагать veto на решения Собора, причем выступает, как самостоятельное целое, как епископат. И в предположенной организации Высшего Церковного управления, согласно законопроекту, внесенному Св[ященным] Синодом в Церковный собор, обнаруживает-

ся та же тенденция. Именно «Священный Синод» (так он должен называться теперь) состоит только из архиереев, и лишь в составе Высшего Церковного Собора, состоящего из 18 членов, допущено, даже в преобладающем числе, участие миряне (именно 10 из 18).

По всей вероятности, именно на этой почве столкновения монашествующего епископата с белым духовенством и с мирянами обнаружится необходимость действительного возрождения русской православной жизни, действительной реформы русской церкви. Следует отдать справедливость законопроектам о приходе, о церковных имуществах, об академиях и т. д., что они по общему своему духу стоят на высоте современных требований. Поэтому на почве практической работы нет основания впадать в какой-либо пессимизм относительно дальнейшей деятельности Собора.

Напротив, я убежден, что реформы, предложенные Собором, составят поворотный пункт в нашей церковной жизни, и что русский народ в обновленной церкви получит нужное ему нравственное и религиозное назидание. Пусть в монастырях господствуют традиционные богослужебные «уставы», но пусть в светской церкви водворится высокий дух любви и свободы, и пусть эта новая церковь станете нашим дорогим национальным достоянием.

Русская Свобода. 1917. № 3. С. 14–19.

Череванин Н. (Липкин Ф.А.)

ДВА ПОЛЮСА

«6 месяцев революции доказывают нам, что больше от буржуазии ждать нечего».

«Имущие классы в данный момент представляют контрреволюционную массу, идущую против всей демократии».

Так полагает один из докладчиков съезда, т. Мартов.

«Нам приходится судорожно (!) искать союза с буржуазией», – полагает другой докладчик, т. Потресов.

Это – два крайних полюса.

Т[ов]. Авилов, углубляя Мартова, доказывал в своем докладе, что буржуазия заинтересована и в продолжении войны, и в разрухе.

В действительности, в том, что несет смерть народному хозяйству, не может быть заинтересован класс, стоящий во главе этого хозяйства. Когда останутся фабрики и заводы, когда погаснут доменные печи и прекратится движение грузов и людей по железным дорогам, когда бумажки потеряют всякую ценность, а голодные массы предадутся грабежам и убийствам, тогда наступит мрачная и зловещая ночь для буржуазии.

Но, тем не менее, мы бы совершили грубую ошибку, если бы забыли, что классы не всегда преследуют политику, отвечающую правильно понятым их интересам. Увлекаемые классовой враждой, они могут вести прямо самоубий-

ственную политику, особенно если они стоят еще на невысоком уровне классового развития.

И наша буржуазия ведет – в лице значительных своих слоев – несомненно самоубийственную политику.

Объективно буржуазия заинтересована у нас в возможно скором прекращении войны, и тем не менее в лице своих организованных партий она твердит, как школьник заученный урок, и о войне до полной победы, и о солидарности с империалистическими замыслами союзников.

Объективно буржуазия заинтересована в контроле и регулировании экономической жизни, а в действительности она до сих пор саботировала это регулирование.

Саботировала и в рядах правительства, и в своей экономической практике.

Но если буржуазия ведет самоубийственную политику, то она не может быть единой, и от нее могут быть отколоты значительные слои для борьбы с надвигающейся катастрофой, которая похоронит и буржуазию.

Однако этот откол мы, конечно, не совершим, если будем предаваться самоунижению и «судорожно» хвататься за буржуазию.

«Мелкая буржуазия выдвинула, – говорит Потресов, – бесконечно мало творческих сил».

Творческих сил очень мало выдвинули все классы населения. Не в ораторском искусстве, не в блестящих речах проявляются эти силы, а в творческой работе. И этой творческой работы мы не видели у чисто буржуазного министерства первого состава, не видели ни в министерстве внутренних дел, ни в министерстве народного просвещения, ни в других министерствах. И только слабые проблески ее можно было видеть в министерстве земледелия, где вся работа шла как раз при деятельном сотрудничестве демократии.

Мы должны констатировать нашу общую творческую слабость перед лицом совершенно исключительных задач, которые нам приходится решать. И поэтому никаких сил, никаких слоев мы не можем отталкивать раньше, чем встретим с их стороны прямое сопротивление или прямой отказ идти с нами по пути действительного спасения страны и революции.

Но если демократия будет добиваться во что бы то ни стало союза с буржуазией, проникшись сознанием не крайней трудности только, а полной невозможности спасти страну без ее участия, то она вынуждена будет отдаться на милость буржуазии, поступаясь своей платформой, без последовательного осуществления которой спасение страны и революции невозможно.

Рабочая Газета. 1917, 22 августа. № 139.

Чернов В.М.

***ЧАС НАСТАЛ! ВОЗЗВАНИЕ В СВЯЗИ С ВЫСТУПЛЕНИЕМ ГЕНЕРАЛА Л.Г. КОРНИЛОВА**

Не ранее 25 августа

В борьбе обретешь ты право свое!

К вам, товарищи крестьяне, обращаю я свое слово и в особенности к вам, крестьяне в серых солдатских шинелях, крестьяне в армии на фронте! Вы знаете меня, вы верите мне. Вашим избранником вошел я в состав Временного правительства. Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов поручил мне быть вашим мужицким, селянским министром земледелия. Вы не раз в трудные минуты ободряли меня, требуя, чтобы я твердо стоял за землю и волю. Вы обещали встать за них, как один человек, когда им будет грозить опасность.

Этот час настал. Созрел преступный заговор с целью задушить свободу, лишить вас земли и воли. Запомните же проклятое имя человека, который стал во главе этого сговора, – имя генерала Корнилова.

Временное правительство вверило генералу Корнилову верховную власть над всеми войсками, спасающими нашу родную землю от опустошения, от огня и меча войск чужеземных императоров. Генерал Корнилов предательски отвращает их от этого дела. Подвергая смертельной опасности родину, он перед лицом внешнего врага изменнически вводит обманутых им солдат в злое и страшное дело. Он жадно протягивает руки к власти. Он хочет сделаться властелином над всей русской землей. Как волк в овечьей шкуре, он действует ложью и обманом. Он пускает в ход не волчий зуб, так лисий хвост, взводя на Временное правительство клевету и небылицы. Что бы он вам ни говорил, – не верьте ему, не поддавайтесь обману, не губите сами своего дела.

Генерал Корнилов не один. За ним – кучка старых царских генералов, от которых Временное правительство еще не успело освободить народную революционную армию. Они дрожат за свои чины, свои оклады, за свое всевластие над солдатами, за свои поместья. Если они победят, если Корнилов победит, – не видать вам ни земли, ни воли.

Крестьяне в армии, крестьяне в солдатских шинелях! Если вас куда-нибудь пошлют именем главнокомандующего Корнилова, – не идите. Арестуйте всякого, кто посмеет отклонить вас от вашего настоящего дела, от повиновения Временному правительству и от защиты границ России. Помните, что с Временным правительством – все Советы, крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. Помните, что все, кто идет с Корниловым против Временного правительства, – изменники, предатели и враги народа. Если поддадитесь им – этим убийцам и душителям народной свободы, – вся Россия проклянет ваши имена.

Товарищи-крестьяне! Пусть никто не смущается тем, что в списке членов нового Временного правительства не будет моего имени. Верьте – так нужно. Я не ушел от вас, не ушел от вашего дела. Я всегда с вами. Вместе с Исполнительным Комитетом Всероссийского Совета крестьянских депутатов я помогаю Временному правительству побороть измену. Дело земли и воли будет изложено, – надо только, прежде всего, победить заговорщиков.

Генерал Корнилов должен быть арестован и выдан Временному правительству, облеченному всей полнотой народного доверия. Это говорю вам я, крестьянский избраннык на место министра земледелия.

ГПИБ. Центр социально-политической истории. Коллекция листовок. Партия эсеров.

Зиновьев Г.Е.

ДВА ПУТИ

Две перспективы рисуются нам в данный момент, и каждая из них в момент, когда мы пишем эти строки, одинаково возможна.

Первая перспектива. Заговор Корнилова подавлен. Керенский, в июле «спасший» Россию от «мятежа» большевиков, теперь выступает в роли «спасителя» России от «авантюры» Корнилова. Буржуазия и прежде всего ее наиболее опытный, энергичный и ловкий отряд – кадеты – вовремя заключают новый союз с популярным Керенским, благо кадеты сумели вовремя спрятаться и прикинуться «нейтральными». Образуется «новое» правительство, в котором нет Чернова, но в котором есть какой-нибудь Кишкин. Корнилов низложен, но на его месте новый Корнилов, носящий фамилию Алексеев. Десяток генералов смещены, но остальные 790 из 800 Романовских генералов остаются на своих местах. «Недоразумение» с «погорячившимися» дворянскими сынками «улаживается», солдаты по-прежнему отданы на милость высшему командному составу. Земельную политику в России делают либеральные помещики. Судьбы промышленности остаются в руках контрреволюционных капиталистов, саботирующих промышленность. Дороговизна, голод, разруха царят по-прежнему. Политика войны «до конца» торжествует. Все происшедшее до сих пор объявляется печальным «эпизодом», из которого вытекает только тот урок, что Вр[еменное] правительство должно еще больше «поумнеть», взять в свой состав крупных промышленников и т. д. На этот путь тащат Керенского Плеханов, Милюков, Некрасов и К°.

Вторая перспектива. «Корниловские» дни открывают глаза большинству нашей «революционной демократии». Она убеждается – наконец! – что вне теснейшего союза с рабочим классом нет спасения революции, нет земли и воли, нет конца голодовок и разрух, нет окончания кровавой войны. Горьким опытом уже сейчас приходит она к тому выводу, что в союзе с буржуазией она лезет в хайло к Корниловым, она губит себя и страну. Она убеждается, что

борьба должна идти *против* буржуазии, а не в союзе с ней. Она поняла, что *честной* коалицией будет только коалиция рабочих, солдат и беднейшего крестьянства *против* контрреволюционной буржуазии. Из трех главных сил, действующих в революции, – 1) пролетариат, 2) мелкая буржуазия, 3) буржуазия и помещики – первые две сплачиваются *против* третьей. Пролетариат выступает застрельщиком движения. В армии происходит коренной переворот. Производится радикальнейшая чистка командного состава. Все дело в армии переходит в руки солдатских комитетов. Земля немедленно передается крестьянам. Все репрессии отменяются. Контроль над производством и над банками организуется немедленно рабочими организациями. Вводится повсюду рабочая милиция, которая берет охрану порядка в свои руки. Буржуазные газеты закрываются, и в миллионах экземпляров мы печатаем свои газеты для крестьян и солдат. Учредительное собрание созывается немедленно. Центральная власть переходит в руки рабочих, солдатских и беднейших крестьян. У крупных богачей производится частичная конфискация капитала. Под руководством рабочей милиции вводится всеобщая трудовая повинность. Тайные договоры царя немедленно распубликовываются, и Россия выступает с предложением всеобщего мира на справедливых демократических условиях.

Вот *два* возможных пути. Что мы всем сердцем стоим за второй путь – это ясно само собой.

Но по какому из этих путей действительно пойдет в ближайшее время Россия?

Это больше всего зависит от того, научились ли, и многому ли научились теперь у событий крестьяне, солдаты, Советы.

Последние казались до сих пор безнадежными. Торжество тупоумного официального эсэро-меньшевизма в Советах казалось надолго обеспеченным. Но слишком уж хорошим учителем оказался Корнилов. Слишком вопиют события.

В настоящий момент мелкая буржуазия *продолжает* торговаться с крупной буржуазией. Керенский ведет переговоры с кадетами и Алексеевым. Пальчинский получает высокий пост. Идейные вдохновители Корнилова остаются на свободе. Милюков неприкосновенен. Буржуазная печать по-прежнему творит свое мерзкое дело контрреволюции. Генералы по-прежнему считаются единственно возможными кандидатами на важнейшие посты в армии. Политические заключенные не освобождены, и преследуемые вожди рабочего класса не возвращены на свои места. «Рабочая Газета» доказывает уже, что в корниловщине виновата «пропаганда захвата власти Советами, рабочего контроля и пр.». Эта убогая газета склонна поставить дело так, что если Магомет не идет к горе, так гора должна пойти к Магомету, т. е. если буржуазия не идет к демократии, то демократия должна сдаться на милость буржуазии.

Все это достаточно грозные симптомы. И мы не удивимся, если завтра вновь начнется пошлая комедия соглашательства, если кризис власти завершится новой пляской министерских комбинаций, и если рабочим и солдатам,

сегодня спасающим революцию от буржуазного заговора, буржуазия завтра сможет преподнести «новую» министерскую комбинацию из пяти пальцев. Все возможно в этом лучшем (для буржуазии!) из миров. Надо быть готовыми и к этому...

Мы большевики, разумеется, всеми силами будем бороться за торжество второй из намеченных перспектив. Но если осуществится первая перспектива, то это будет отсрочка полного торжества наших взглядов, но — *только отсрочка*.

Вспомним, как еще 2–4 месяца мы были меньшинством даже в рабочем классе. Июльские события дали нам полное торжество среди *рабочих*. Августовские события, во всяком случае, дадут нам массы новых сторонников среди *крестьян и солдат*.

Если Керенский, если эсеры и меньшевики захотят, покончивши с «авантюрой» Корнилова, продолжать в «старом духе», солдаты и крестьяне отвернутся от них, и на этот раз уже надолго. После корниловских дней вы не заставите солдат терпеть над собой смертную казнь и невозбранное хозяйничанье генералов. После корниловских дней вы не заставите крестьян «ждать» с землей до «соглашения» с кадетами.

Вы можете сделать еще один опыт, господа. Но он будет стоить слишком дорого, и он неизбежно кончится вашим крахом.

Мы же, как представители революционного пролетариата, в нынешние исторические дни, на величайшем повороте в истории России еще раз всенародно предлагаем братский союз всем революционным силам страны для создания и упрочения власти *рабочих, солдат и беднейших крестьян...*

Рабочий. 1917, 13 сентября (31 августа ст. ст.). № 9.

Заславский Д.И.

КОРНИЛОВ

Генерал Корнилов проиграл сражение. Он побежден, и теперь все его называют авантюристом. Даже маленькая уличная «Копейка», и та презрительно третирует его. И может показаться, что генерал Корнилов это просто пустой легкомысленный человек, зрелых лет мальчишка, новейший Хлестаков контрреволюции.

Это не так. Генерал Корнилов действительно проиграл сражение, а всякое проигранное сражение кажется авантюрой. Но он мог его и не проиграть, потому что его предприятие отнюдь не было авантюрой. Он мог победить, если бы осуществился целый ряд условий. Если бы состоялось то странное выступление большевиков, которое провоцировали какие-то неизвестные люди; если бы это выступление осложнилось бы погромами, попытками захватить власть, если бы для усмирения этих беспорядков правительство должно было призвать войска; если бы в этот момент войска Корнилова оказались тут же,

под рукой; если бы правительство проявило растерянность; если бы в эту минуту явился Львов со своим ультиматумом; если бы за Львовым оказалась тут же вооруженная сила – хотя бы несколько офицеров или юнкеров; если бы в эту ужасную минуту у Керенского и выбора не было бы – или признать Корнилова диктатором или отдаться во власть большевиков... Вот если бы все эти «если бы» осуществились, то Корнилов въехал бы без особого сопротивления в Петроград как спаситель отечества, как герой порядка, и улица встретила бы его с восторгом, и кадеты преподнесли бы ему для подписи готовый список правительства.

Но, как бывает во всяких войнах, и здесь, в этой гражданской войне, не осуществился целый ряд условий. Генерал Корнилов не столько авантюрист, сколько плохой верховный главнокомандующий. Он составил, вернее, его штаб составил превосходный план гражданской войны. Но при этом обнаружились политическая ограниченность Корнилова, невежество его и неумение организовывать собственные силы. И, если таков бывший вождь армии, таковы его помощники, то что же удивительного в том, что мы терпим поражения и на фронте внешнем?.. Во всяком случае, свое поражение под Гатчиной наш боевой генерал никак не может свалить на большевиков. Винить надо собственную бездарность.

Ни одно из условий успеха не осуществилось.

Большевики не выступили, как их ни провоцировали. Не вышло искусственно создать беспорядки. Агенты генерала Корнилова проявили глупость и бездарность, присущую агентам старого режима. Им казалось, что стоит кликнуть рабочих, и они непременно пойдут за кем угодно. Но уроки июльских дней пошли впрок. Провокаторы выбились из сил, – вспомните ту тучу слухов, сплетен, непонятной тогда подпольной агитации. Рабочие и солдатские массы оставались спокойны. Роковое воскресенье прошло мирно, и на улицах было тихо и пусто. Все чувствовали, что висит в воздухе провокация и были настороже.

И вот провалилось основное условие успешного восстания. И за ним стали проваливаться все прочие. Правительство было встревожено слухами, но не было оснований ни для паники, ни для растерянности. Не было повода для выступления здесь в городе контрреволюционных организаций. Умный человек понял бы, что раз провалилось основное условие, надо немедленно изменять весь план. Но Львов все же сунулся со своим ультиматумом, а головные отряды корниловских колонн еще не успели подойти и сосредоточиться под городом. И все стало трещать и валиться, как бывает во всяких поражениях, и превосходный план оказался авантюрой.

Впервые за все время революции большевики не оправдали надежд контрреволюции. Но у героев контрреволюции было фантастическое представление о большевиках. Генерал Корнилов судил о них наверно по «Биржевке».

Нет, он не авантюрист. Он такой же неудачник, как многие наши генералы, обнаружившие такую же бездарность, такое же невежество на войне подлинной, на войне с немцами. И пусть отвернулась от него теперь уличная толпа,

и затаили угрюмое молчание кадеты. Для них он генерал, проигравший сражение, их генерал. Они жалеют о неудаче, они будут искать виновников, они будут учиться на собственных своих ошибках. Но они не могут осудить по чистой совести генерала Корнилова. Напротив, в его лице они получают своего мученика, героя, пострадавшего за дело. И демократия сделала бы ошибку, если бы стала попросту ликовать и праздновать победу. Большевики сразу поправили бы провалившееся дело корниловцев, если бы в одно из грядущих воскресений повторили то, чего с таким сердечным замиранием ждали от них корниловцы в воскресение минувшее.

День. 1917, 31 августа. № 151.

Плеханов Г.В.

И.Г. ЦЕРЕТЕЛИ

И.Г. Церетели, по болезни, покидает Петроград и едет на Кавказ. Общественные деятели страдают по временам сомнительными болезнями. Что касается т. Церетели, то в его болезни нет, к сожалению, ровно ничего сомнительного. Продолжительное пребывание в тюрьме серьезно расстроило его легкие. И можно удивляться лишь тому, что наш талантливый и самоотверженный товарищ так долго мог оставаться в Петрограде. Он сознательно ухудшал свое физическое состояние ради исполнения своего революционного долга. Этого не забудут русские пролетарии.

Т[ов]. Церетели работал не только с самоотвержением, но и с немалым успехом. Я никогда не забуду, с каким восторженным сочувствием внимало его речам большинство социал-демократических участников июньского съезда представителей Советов рабочих и солдатских депутатов. «Он лучше всех других ораторов выражает наши взгляды», – сказал мне один из делегатов юго-восточной (если не ошибаюсь) России. Это было совершенно верно. В то время речи И.Г. Церетели являлись самым ярким выражением того, к чему стремилась наибольшая часть фракции меньшевиков. И в это время его популярность достигла высшей своей точки. Потом она стала падать.

Почему? Это очень интересный вопрос, имеющий общественное значение.

Тов. Церетели вовсе не принадлежит к числу тех, которых можно назвать *теоретиками* данной партии. Мне не известно, имеет ли он глубокие теоретические запросы. Если имеет, то вряд ли имел он возможность удовлетворить их в значительных размерах. Во всяком случае, я ничего не знаю об его теоретических работах. Теоретиком грузинской социал-демократии был и остается Н. Жордания. Но, как заметил однажды сам И.Г. Церетели в одной из своих речей, у него есть известный *инстинкт*, помогающий ему разбираться в вопросах политической практики. Этому инстинкту, – Сократ сказал бы: *демону*, – он обязан очень многим. Благодаря ему он, даже исходя из ошибочных посылок, умел избегать таких выводов, которые ставили бы его в явное

противоречие с требованиями жизни. «Демон» т. Церетели сделал из него – человека открытого и прямого по своему личному характеру – довольно тонкого дипломата. Это последнее обстоятельство обусловило собою его огромную популярность, и оно же повело к тому, что эта огромная популярность его клонится теперь к упадку.

Дело вот в чем.

Когда т. Церетели, взяв за точку отправления ложные посылки, чувствует, что выводы, из них вытекающие, идут вразрез с самыми ясными указаниями жизни, он в своих речах более или менее решительно жертвует названными выводами и считается с названными указаниями. И он с таким тонким искусством совершает эту, всегда рискованную для публициста и для оратора, логическую операцию, что его слушатели по большей части совсем не замечают того противоречия, в которое он попадает с самим собою, т. е. со своими ошибочными посылками. А когда они сами одобряют ошибочные посылки, и в то же время сами ощущают известное беспокойство, ввиду вытекающих из них, слишком уже нелепых, выводов, они проникаются несказанною благодарностью к оратору, избавляющему их от беспокойства. Они награждают его «бурными, долго не смолкающими аплодисментами» и с жаром говорят: «Он лучше всех других ораторов выражает наши взгляды».

До поры до времени все идет хорошо и для оратора, и слушателей. Однако – только до поры до времени.

Дипломатия – прекрасная вещь. Но логика объективной действительности не поддается ни на какие дипломатические уловки и не довольствуется отказом от нелепых выводов. И рано или поздно она выставит суровое требование: *«откажись от ошибочных посылок, или я в порошок сотру все твои практические планы»*. Т[ов]. Церетели уже слышит это суровое требование объективной логики: его демон обладает гораздо более тонким слухом, нежели демоны его многочисленных почитателей. Поэтому наш товарищ начинает одобрять такие мероприятия, которых он не одобрил бы два-три месяца тому назад. Но это пугает его почитателей. Они смутно сознают, что их вождь подошел к отречению от таких верований, в данном случае – от веры в циммервальд-контальскую догму, – от которых им пока еще совсем невозможно отречься. И они восстанут против него, проваливают предлагаемые им резолюции и вообще обнаруживают готовность идти за другим вождем (или за другими вождями).

Т[ов]. Церетели смущается и – не даром же его демон сделал из него довольно тонкого дипломата! – идет на уступки.

Заметив, как отстали от него люди, еще вчера дружно и горячо ему рукоплескавшие, он поспешно пятится назад. На так называемом Объединительном Съезде российской социал-демократии он выступает с проектом резолюции, которая по самой снисходительной оценке представляет собою, – чтобы употребить здесь энергичное выражение Энгельса, – эклектическую нищенскую похлебку и заканчивается указанием на *необходимость продолжать «борьбу за мир»*. Согласитесь, что при нынешнем военном положении России реши-

тельно нельзя идти дальше в смысле уступок российскому Циммервальд-Кинталь. И российский Циммерваль-Кинталь ценит крайнюю уступчивость т. Церетели. Его резолюция принимается большинством участников «Объединительного Съезда». Почитатели опять ладили со своим вождем. Надолго ли? Я думаю, что нет.

Чтобы долго пребывать в любви и в согласии со своими почитателями, т. Церетели нужно было бы совершенно расстаться со своим демоном. А это едва ли возможно для него: ведь его *демон* это – его *собственное я*, время от времени пытающееся сбросить с себя узы мертворожденной догмы и действовать в согласии с логикой объективной действительности. От своего я отказаться так же трудно, как поднять самого себя за волосы. Мне сдается, что тов. Церетели сам это понимает.

Сдается мне также, что именно нежелание мучить себя бесплодной борьбой со своим собственным я и побудило его, наконец, внять советам врачей и заняться восстановлением своего сильно расшатанного здоровья.

Если мое предположение справедливо, то я могу только одобрить его отъезд на Кавказ. Не говоря уже о том, что я от всей души желаю ему восстановления физических сил. Я надеюсь, что на Кавказе он избавится от угара вредных для него рукоплесканий и окончательно выяснит себе роль вождя, которая заключается вовсе не в том, чтобы приспособляться к предрассудкам массы, а в том, чтобы смело бороться с ними.

Наконец, подышав родным воздухом Кавказа, т. Церетели, может быть, перестанет довольствоваться *инстинктом* и дойдет до ясного *сознания* насущных задач текущего момента. Его демон держался явно неудовлетворительного метода. Он чувствовал, что нельзя не считаться с действительностью, но он слишком часто попадал в заблуждение, принимая за *объективную действительность субъективные настроения* меньшевиков.

Единство. 1917, 26 августа. № 125.

Рысс П.Я.

ЮБИЛЕЙ

Шесть месяцев со дня падения старого режима минули. Победная революция свершила свой путь в двое суток. Какая была легкая победа, какое ликующее торжество! Миллионами рук было поднято знамя революции и – прежде всего – миллионами рук женщин и ребят из извивающихся «хвостов». Штык пришел потом. И в порядок дня штык поставил вопрос о старом строе. А ведь если память не изменяет, Наполеон сказал, что «революция – это идея, опирающаяся на штыки».

С тех пор прошло полгода. Тогда были ясные морозные дни. Теперь пасмурные дни слякоти. Тогда в двери русской жизни стучалась весна. Теперь наступает унылая, серая осень. Погода атмосферическая сопутствуется пого-

дой политической. И не хочется думать, что «облетели цветы», что «догорели огни». А между тем это – так.

Прекрасна была поэзия первых дней революции. Отвратительной оказалась ее проза. Нет в природе вечного праздника, и счастливы народы, умеющие увлечься буднями и будничной работой.

Да, русская революция на исходе, ибо в ней не осталось энтузиазма, энергии в работе, потому что она выговорила себя и истекла словами. В этом – ее ужас и ее поражение. Были слова, и не было дел, а слова без дел мертвы есть.

Я свыше пяти часов просматривал газеты за полгода. Сложил их – предомной сотни резолюций, тысячи речей, почти отсутствие мыслей и полное отсутствие дел. Какая-то революция резолюций, бумажная революция, серая, как листы этой бумаги. Декларация и истерика плохих актеров, рассчитывающих на невзыскательную публику. В крохотный провинциальный городок впервые прибыла труппа актеров. Ставят старинные мелодрамы, бьют себя актеры кулаками в грудь, говорят деланным басом, топают ногами о пол, но публика довольна: она видит нечто новое, она аплодирует, она увлекается...

Но через месяц актеры надоели уже, природный вкус отвергает декламацию. Так в глубоко провинциальную Россию пришла труппа провинциальных актеров. Говорили речи – слишком много речей, – выносили резолюции – слишком много резолюций, – и не видели, что жизнь требует не слов, что она гениальна, и потому гениальность творчества была необходима. А вместо этого десятки раз в день твердили об «ударе в спину», о «задачах революционной демократии», об «интернационале» и о других словах без содержания. Забывали, что всякая демократия – революционна, т. к. демос – народ и нельзя народ разделять на две части, так как тогда он разрывался живым, следовательно, превращался в труп.

Но нужны были «лозунги». Зачем? Лозунг есть один: творить и не плестись в хвосте за жизнью. И потому нужна была правда, пускай – горькая, но правда, которая сурова и не льстит никому. Но русская революция не знает Дантонов. Было много, слишком много лести и раболепства. От самодержавия сохранили его преклонение перед первенствующим сословием, и на место прежнего первенствующего сословия создали другое, непогрешимое и божественное, которое все могло «требовать», несмотря ни на что.

Что могло сделать революцию несокрушимой? Единство. А единое – не в групповом, не в классовом, а в национально-государственном. Идея же сословности – идея разъединяющая. И не было еще ни одной революции, где торжество ее было бы не в силе единения. И наоборот: гибли все революции, если они проходили под флагом сословности. Между тем, что может спаять всех граждан, как не защита общего отечества, не любовь к единому для всех дому?

Этого не было. Русским пролетариям, пролетариям случайным, вчера и завтра – крестьянам сказали, что у пролетариев нет отечества, что не нужно его оборонять. Стыдливо избегали слова «отечество» и произнесли его лишь тогда, когда отечество было в пропасти, а с ним слетела туда и революция.

И тогда «отечество» все же не было еще самодовлеющей целью. «Отечество» лишь следовало за «революцией», словно революции рождаются в безвоздушном пространстве и не нуждаются в телесных покровах.

Так вненациональная революция медленно помирала в потоке резолюций и слов провинциальных декламаторов. Так было в Петрограде, так было повсюду в России: чем меньше город, тем слабее были группы актеров революции, тем крикливее их голоса и беднее – мысли.

Происходи все это на мирном фоне – быть может, русская революция выговорила бы, вынесла еще несколько тысяч резолюций и проделала опыт «социального» переворота, чтобы убедиться, как революция не должна происходить. Была бы жестокая наука, но поправимое зло.

Однако не в такое время мы живем. Враг с запада – телесен. Он не изливается в словах, не исходит резолюциями и презирует опыты гимназического возраста. В его руках – не бумажные резолюции, а железо; на его устах нет декламационных фраз, а суровые слова принуждения. Он несет нам не отвлеченный мир «без аннексий и контрибуций», а реальный меч, наносящий смертельные раны и убивающий. И, убивая Россию, враг убивает ее всю целиком, в том числе и революцию. Как поздно уразумели эту простейшую истину, как поздно пред «революцией» стали проставлять «отечество».

Ни к чему теперь говорить, что было бы, если бы иными путями пошла революция. Прошлого не воротить, как безумного не устранить доводами от разума.

Но хочется верить, ибо – кроме веры в будущее – ничего более не остается. Хочется верить, что еще возможно чудо прозрения. Что в этот день полугодового юбилея вспомнят, *почему и как* произошла революция. Что отбросят в сторону пустые слова и пагубную самоуверенность. Что прекратят, наконец, травлю всего, что вне всяческих советов и комитетов, что произойдет естественное и потому неизбежное: политикой займутся политические органы, делом – исполнительные. Что образуется, наконец, единая и авторитетная власть, которая прекратит декламацию, а примется за работу спасения родины.

Ведь от того, что было полгода назад, почти что ничего не осталось. А еще месяц-другой такого прозябания – и совсем ничего не останется. И тогда празден будет уже самый спор: кто виноват? Неужели вновь оправдаются слова Дантона: «Революция – подобна Сатурну: она пожирает своих детей»?..

Речь. 1917, 27 августа (9 сентября). № 201 (3943).

Троцкий Л.Д.

КРОВЬЮ И ЖЕЛЕЗОМ...

Нет теперь такого государственно-мыслящего умника (а равно и дурачка), который не знал бы, что для спасения России необходима беспощадная борьба с «анархией слева и контрреволюцией справа». В этом состоит, в сущности, вся

программа «Известий», «Дела Народа», «Рабочей Газеты»... «Историческая» речь Керенского на «историческом» Государственном совещании свелась к вариациям на эту же тему. «Кровью и железом против анархии слева, контрреволюции справа!»

Это звучит очень хорошо, во всяком случае – симметрично. Но какой тут, собственно, смысл? Когда речь идет о *контрреволюции*, то имеют в виду не какие-нибудь настроения или случайные беспорядочные действия, а определенно классовые интересы, несовместимые с упрочением и развитием революции. Носителями контрреволюции являются помещики и империалистический капитал. Какие же классы являются носителями «анархии»?

На этот вопрос дал очень яркий ответ московский городской голова г. Руднев, эсер. Он приветствовал «государственное совещание» от имени «всего» московского населения – за вычетом тех «анархических элементов», которые устроили в Москве всеобщую стачку протеста. Но кто устроил стачку? Московские профессиональные союзы. Против воли правительства, московских военных властей, эсеро-меньшевистского большинства Московского Совета рабочих и солдатских депутатов профессиональные союзы постановили и провели всеобщую стачку протеста против того, что правительство навязало Москве парламент контрреволюции. Профессиональные союзы – это наиболее чистые, беспримесные организации пролетариата, т. е. того класса, который своим непрерывным трудом создает богатство и мощь Москвы. И вот эти-то профессиональные союзы, которые объединяют цвет рабочего класса, являющегося основной двигательной силой современного хозяйства, эти-то союзы эсеровский городской голова назвал анархическими элементами. И против них, против сознательных и дисциплинированных тружеников, должно быть направлено «железо» правительственного насилия.

Разве не то же самое мы видим в Петрограде? Фабрично-заводские комитеты – неполитические организации. Они создаются не на летучих митингах. В их состав масса выдвигает тех, которые на месте, в повседневной жизни завода доказали свою стойкость, деловитость и преданность интересам рабочих. И вот эти заводские комитеты, как снова показала последняя конференция, в подавляющем большинстве состоят из большевиков. В петроградских профессиональных союзах повседневная практическая работа, как и идейное руководство, целиком лежит на большевиках. В рабочей секции Петроградского Совета большевики в подавляющем большинстве. Между тем большевизм – это же и есть «анархия». На этот счет Керенский согласен с Милюковым, Церетели – с Сувориными-сынами, Дан – с контрразведкой. Таким образом, анархия – это организованное представительство петроградского пролетариата. И против этой классовой организации передовых рабочих обещает и впредь бороться кровью и железом г-н Керенский со своими Авксентьевыми, Бернацкими, Прокоповичами, Скобелевыми и прочими Салтыковыми.

«Против анархии слева, контрреволюции справа» означает, следовательно, если назвать все вещи своими именами: против пролетариата – с одной стороны, против помещиков и империалистического капитала – с другой. Это и

есть позиция мелкой буржуазии (городского мещанства, мелкобуржуазной интеллигенции, крестьянских верхов). В своем основном лозунге эсеры и меньшевики раскрывают, стало быть, дочиста свою мелкобуржуазную, анти-пролетарскую природу. Рабочий класс для них не опора и даже не союзник; нет, это враг, «анархия слева»; с этим врагом нужно бороться – и не идейно, а кровью и железом.

Было бы, однако, непростительно верить вождям мелкой буржуазии, когда они обещают с одинаковой силой бороться направо и налево. Этого нет, и этого не может быть. Несмотря на свою численность, мелкая буржуазия экономически и политически слабый класс. Она крайне разрознена, хозяйственно зависима, политически неустойчива. Вести одновременно борьбу против двух таких могущественных сил, как революционный пролетариат и контрреволюционная крупная буржуазия, мещанская демократия совершенно не в состоянии. Это доказано всем опытом истории. Для серьезной политической борьбы современная мелкая буржуазия городов и деревень нуждается не только в союзнике, но и в руководителе. Выступая на борьбу с «анархией», в лице организованного пролетариата, «демократия» Керенского-Церетели, какие бы слова они ни говорили, неизбежно подпадает под руководство империалистической буржуазии. Вот почему удары направо остаются только в проекте, а на деле заменяются униженными поклонами направо.

Временное правительство закрыло «Правду» и десяток других большевистских газет, являющихся руководящими органами передового пролетариата. Авксентьевским ударом направо было закрытие... «Народной (Маленькой) Газеты». Но разве «Народная Газета» была руководящим органом контрреволюционной буржуазии? Нет, она была лишь подзаборным органом черносотенной сволочи. Ту роль, какую «Правда» играла для революционного рабочего класса, в среде империалистской буржуазии играла газета «Речь», но не ясно ли, что при одной мысли о закрытии «Речи» у храбрейших носителей сильной власти должны трепетать все поджилки. Центральный Комитет кадетской партии является бесспорным – даже в глазах эсеров и меньшевиков – штабом буржуазной контрреволюции. Тем не менее представители этого штаба заседают в министерстве, тогда как признанные представители пролетарского штаба поставлены вне закона. Вот как на деле выглядит эсеро-меньшевистская борьба на два фланга.

Но вернемся на минуту к московской стачке. «Рабочая Газета», этот жалчайший орган, примиряющий Маркса с Авксентьевым, источает из себя очередной запас брани по адресу стачечников, нарушителей воли «революционной демократии». Тут и «предательство», и «удар в спину», и «анархия». Мы уже знаем, что нарушенная московским пролетариатом верховная воля есть воля революционной демократии минус организованный пролетариат, а это значит воля мелкой буржуазии. Таким образом, «Рабочая (!!) Газета» вменяет в преступление рабочим то, что они не подчиняют своей классовой борьбы во всех ее проявлениях воле непролетарской части Московского Совета. Команда мелкой буржуазии над пролетариатом возводится в верховный

принцип социал-демократической политики. Для коалиции с империалистической буржуазией Церетели и его партия готовы на чудовищные уступки и унижения, но коалиция пролетариата с мелкой буржуазией сводится для них к простому отказу пролетариата от своей классовой самостоятельности. Иначе сказать: вожди мещанства требуют от рабочих такого же отношения к мелкой буржуазии, какое они сами проявляют по отношению к представителям капитала.

Самостоятельная политика рабочего класса, на деле противопоставляющая интернационализм империализму, – вот где «анархия», ненавистная имущим классам во всем мире, независимо от государственной формы, под которой укрываются интересы капитала. И в то время как Авксентьев, который никого не поразил мудростью на Московском совещании, считается все же достаточно мудрым, чтобы громить рабочую печать и заточать «внесудебным порядком» большевиков; в то время как Керенский упражняет свое железо на партии пролетариата, – за ними ковыляют Церетели, Чхеидзе, Даны, кропят водой меньшевизма на репрессии бесконтрольных «диктаторов» и распространяют отвратительную клевету, будто организованный пролетариат сеет «анархию» в стране и на фронте. Но политическое возмездие не медлит. В то время как Церетели, которого меньшевистские царедворцы называли «совестью революции», униженно извиняется в Москве за демократию, которая-де по молодости и неопытности слишком поздно открыла истребительный поход против большевиков; в то время как Церетели пожинает аплодисменты матерых врагов народа, в Петрограде даже рабочие-меньшевики вышвыривают Церетели из списка кандидатов в городскую думу.

Возмездие не медлит. Гонимая, преследуемая, оклеветанная, наша партия никогда не росла так быстро, как в последнее время. И этот процесс не замедлит перекинуться из столиц на провинцию, из городов на деревни и на армию. Крестьяне видят и слышат, что одни и те же власти и по тем же самым причинам дают земельные комитеты и преследуют большевиков. Солдаты наблюдают дикое улюлюкание по адресу большевиков и в то же время чувствуют, как все туже затягивается на их шее контрреволюционная петля. Все трудящиеся массы страны научатся в новых испытаниях связывать свою судьбу с судьбой нашей партии. Ни на минуту не переставая быть классовой организацией пролетариата, наоборот, становясь ею в полной мере только теперь, наша партия в то же время превратится в огне репрессий в истинную руководительницу, в опору и надежду всех угнетенных, придавленных, обманутых и затравленных масс...

Пролетарий. 1917, 31 августа (18 августа). № 5.

Слонимский Л.З.

*** «ПЕЧАЛЬНЫЕ ДЕЛА РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ИХ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ»**

Русская революция, по общему признанию, все более спускается вниз и неудержимо тянет за собою страну и народ в область безнадежной анархии. И хуже всего, что она спускается морально, растеряв как будто все свои первоначальные возвышенные идеалы и поставив на их место непримиримые интересы и требования различных общественных организаций и групп.

Отдельные партии и их руководители борются между собою, можно сказать, на глазах торжествующего неприятеля и по мере возможности устраивают свои собственные дела, не думая вовсе о благе и пользе России. У нас нет и следа того «гражданского мира» (*Burgfrieden*), который устраняет на время войны всякую партийную рознь в Германии. Нет ничего подобного тому «священному единению» (*Union sacrée*), которое позволяет передовым французским социалистам работать совместно с типическими представителями либеральной буржуазии вроде Риббó.

В русском обществе и народе нет патриотического чувства, или оно встречается очень редко; самое слово «патриотизм» опошлено до того, что назвать порядочного человека патриотом – значит нанести ему кровную обиду. Нет и не может быть любви к государству, которое всегда было для народа источников всякого зла, угнетения и насилия; нет истинной привязанности к отечеству, потому что представление об отечестве не имело в себе ничего реального и постоянно соединялось с каким-то мифическим «престолом». Народ поневоле чуждался враждебной ему государственной власти.

Каждый в отдельности привязан к своей родине, где он провел свое детство и юные годы, но Россия в целом слишком велика, чтобы быть для кого-нибудь родиною. Русский обыватель привык считать своею родиною ту или другую местность, город или даже губернию, и если он сам – из Тверской или Курской губернии, то ему глубоко безразлична судьба Волынской, Гродненской или Ковенской губернии.

Всякий француз, кто бы он ни был по социальному положению, сознает свою принадлежность к великому целому, называемому Франциею; для него нет ничего священнее этого имени, и он не может говорить о своем отечестве иначе как с любовью и благоговением. Всякий немец – прирожденный патриот; он не знает ничего выше и лучше своего «фатерланда», и самые крайние социалисты сходятся в этом с консерваторами. Русский человек лишен этого чувства национальной гордости и национального самосознания.

Веками самовластья он был низведен на степень бесправного, покорного подданного. Не смеющего даже интересоваться делами государства. Он должен был молча переносить разорительное хозяйничанье поставленных сверху распорядителей и мириться с мыслью о жалкой доле русского народа под бесконтрольным владычеством наследственных деспотов, большею частью злобных и бездарных, хотя и именовавшихся «высочайшими» и «мудрыми».

Государство стало исключительным достоянием отдельной полунемецкой фамилии и ее многочисленных лживых и жадных слуг; охрана этой особой государственности от какого бы то ни было вмешательства русских обывателей и русского общественного мнения составляла главнейшую задачу обширного служебного класса бюрократии. Официальная Россия была воплощением самодовольной тупости и всегда искала опору в принудительно поддерживаемой темноте народных масс для борьбы с интеллигенцией и с лучшими элементами русской общественности. Ненависть к этой извращенной государственности переносилась на самое государство, и только привилегированные классы, извлекавшие всевозможные выгоды из своей близости к власти, утешались сознанием, если не величия, то величины России и обилием ее природных богатств.

Чувства и взгляды большинства обывателей и народных масс по отношению к государству не могли сразу измениться под влиянием революции. Не удивительно поэтому, что красноречивые призывы к спасению родины, раздававшиеся часто за последнее время из рядов Временного правительства, оставались гласом вопиющего в пустыне.

Быть может, эти призывы уже слишком настойчиво заявляли об отчаянном положении России, делая как бы излишними и напрасными дальнейшие заботы об ее спасении. «Россия находится на краю гибели», она «гибнет или уже погибла», «надо спасти родину» — эти и подобные возгласы вызывали только панику в обществе. Заставляли множество людей уезжать из столицы в такие области России, которые еще не погибли, — в разные внутренние губернии или даже в далекую Сибирь, — но ни в ком не возбуждали решимости содействовать спасению страны, тем более что реальные средства спасения не указывались ни Правительством, ни поддерживающими его общественными организациями.

Подобно тому, как прежде при царском режиме постоянно повторялись, вопреки очевидным неудачам, самоуверенные фразы о конечной решительной победе, так теперь стали обычными заявления противоположного характера — официальные признания неизбежности окончательного поражения и гибели. А если люди не предвидят возможности успеха, они падают духом, чувствуют себя заранее побежденными, добровольно отступают или бегут с поля битвы, и естественно требуют скорейшего заключения мира, на каких бы то ни было условиях.

Вызывать такое подавленное настроение в стране и в армии едва ли целесообразно, если не имеется в виду немедленно положить оружие. При несравненно худших обстоятельствах, когда разбитая Франция буквально лежала у ног Бисмарка, организатор национальной обороны Гамбетта призывал всех к бодрой энергии и к «подъему духа»: «sursum corda!». Правители нынешней Германии, несмотря на ее крайне тяжелое положение, постоянно твердят, что надо держаться до конца, не поддаваясь никаким внушениям малодушия и голода. Фельдмаршал Гинденбург в недавнем обращении к немецкому народу в ответ на приветствия по случаю семидесятилетия со дня его рождения пишет:

«Не заботьтесь о том, что будет после войны. Это ведет за собою лишь мало-душие и усиливает надежды врагов. Твердо уповайте, что Германия достигнет всего, что ей нужно для обеспечения ее национального бытия, на вечные времена. Напрягите ваши мускулы, крепко взнуздайте нервы и устремите взоры вперед. Мы ясно видим одну цель – создание великой и свободной Германии».

«Крепко закусим губы, – говорит он в другой телеграмме, – и ни слова больше о мире, пока не окончится кровавое состязание. Победа будет наша. Таков должен быть лозунг всего германского народа». Оттого и германский Генеральный штаб избегает сообщать подробности о своих неудачах и потерях на западном фронте и остается вообще крайне сдержанным в своих официальных сообщениях.

У нас же Ставка Верховного главнокомандующего систематически публикует во всеобщее сведение – и в том числе для сведения германцев – известия о самовольном оставлении русскими войсками своих позиций. О полном развале армии и превращении ее в «деорганизованную толпу», так что, с одной стороны, указывается германцам благоприятный момент для нанесения нам решительного удара, а с другой стороны, нашим союзникам дается повод к раздражению и негодованию против революционной России.

На московском «Государственном совещании», 13 августа, Верховный главнокомандующий генерал Корнилов, которого министр-председатель рекомендовал собранию как «первого солдата Временного правительства», заявил в своей речи, что у него «нет уверенности, чтобы русская армия исполнила без колебаний свой долг перед родиной». «Опасность новых разгромов, – говорил он, – еще висит над страной, еще висит угроза новых потерь территорий и городов, и висит опасность непосредственно над самой столицей. Враг стучится в ворота Риги, и, если только состояние нашей армии не даст нам возможности удержаться на побережье Рижского залива, дорога к Петрограду будет открыта».

Казалось бы, что при таком положении на фронте Верховному главнокомандующему следовало быть на месте и принимать все нужные меры для предотвращения угрожавшей нам опасности, а не сообщать о ней в Москве, которая в данном случае ничем помочь не могла; между тем разглашенные генералом Корниловым секретные сведения были чрезвычайно ценны для противника, который и не замедлил ими воспользоваться: неделей позже Рига была действительно занята германцами, после того как русские войска, значительно превосходившие их численностью, отступили в силу категорических приказаний начальствующих лиц. А несколько дней спустя, 26 августа, «первый солдат Временного правительства» потребовал устранения этого Правительства и передачи ему, Корнилову, всей полноты власти, как бы в награду за сознательную, если не умышленную, потерю Риги.

В подтверждение серьезности своих требований он ссылался на вооруженную силу, готовую двинуться на Петроград по его приказу. И в самом деле, какие-то военные отряды, и в том числе «дикая дивизия», были им направлены против столицы, так что вместо возвещенной им опасности германско-

го нашествия нам угрожало нападение наших собственных русских войск под командой русского Верховного главнокомандующего. «Первый солдат Временного правительства» внезапно превратился в мятежника, устроителя вооруженного восстания против существующей государственной власти, представляющей собою новую революционную Россию.

Чем объяснить это неожиданное, явно преступное предприятие человека, которого выдвинула революция и которому она доверилась с первых же дней своего торжества?

На что он рассчитывал, на что надеялся и кого имел за собою?

Нет сомнения, что в русском обществе бродила мысль о контрреволюции, о необходимости положить конец разнузданной анархии в стране и, особенно, в армии. Придать устойчивость правительственной организации, обеспечить внешний порядок и общественное спокойствие. И эта мысль, встречавшая все большее сочувствие и поддержку среди имущих классов населения, могла вдохновить какого-нибудь популярного генерала на страшно рискованное дело.

Но где у нас те генералы, за которыми слепо пошли бы преданные им войска, как за новым Бонапартом?

На этот раз оказалось спасительным существование в армии выборных комитетов, как посредствующих инстанций между командным составом и солдатской массой: эти демократические комитеты никак не могли бы согласиться принять участие в контрреволюции, направленной к восстановлению прежней военной дисциплины и к отмене приобретенных солдатами гражданских прав. Солдатская масса не находится теперь в безусловном распоряжении офицерства, и нельзя было бы заставить ее идти на Петроград иначе как путем обмана, который раскрылся бы тотчас при приближении к столице. Невозможно было бы предполагать, что войска, не желающие воевать с германцами, пойдут сражаться со своими же и притом против своих собственных интересов, только в силу явно незаконного приказа главнокомандующего.

Генерал Корнилов показал армии плохой пример дисциплины и уважения к законам. Но, как высший ответственный начальник русских войск, стоящих на фронте пред лицом победоносного врага, он совершил величайшее из преступлений. Он задумал и подготовил междоусобную войну в самый опасный момент внешнего неприятельского наступления, обессилил и парализовал оборону и открыл противнику прямую дорогу к Петрограду. К счастью, предприятие генерала Корнилова было обречено на неудачу благодаря именно той демократизации армии, против которой он так решительно восставал. Он требовал смертной казни солдат за неповиновение, за самовольный уход с фронта. И теперь, несмотря на свое высокое ответственное положение в армии, согласно римскому изречению: «*patere legem quam ipse tulisti*» (терпи закон, который ты сам установил), он на собственном примере доказал бессилие смертной казни в деле предупреждения известного рода преступных действий и замыслов. И, конечно, к нему лично не будет применена эта устрашающая карательная мера.

Нравственные мотивы поступка генерала Корнилова столь же загадочны, как и военные, и политические. Он находил, что Правительство не стоит на высоте событий; но с чего он взял, что он сам стоит на высоте и поведет дела лучше существующего Временного правительства? На чем основывал он возможность навязывать свою личную волю русскому обществу, всем его различным партиям и группам, в том числе солдатам и рабочим? Чем доказал он свою способность управлять государством и благополучно разрешать труднейшие и важнейшие вопросы данного момента? Как боевой генерал он имел, вероятно, свои достоинства и заслуги; он приобрел известность своим бегством из германского плена, но не успел одержать ни одной победы и далеко не пользовался такою репутациею и военным авторитетом, как Брусилов, Алексеев, Рузский, но с самого начала революции сделался почему-то фаворитом Временного правительства и оставался им еще накануне своего выступления.

Так называемое восстание Корнилова было легко подавлено, без кровопролития, и этим мы прежде всего обязаны благоразумию и сдержанности вовлеченных в него войск. Первым последствием этой контрреволюционной попытки было решение Временного правительства немедленно провозгласить «Российскую республику», чтобы «положить предел внешней неопределенности государственного строя»; соответственно этому решению было объявлено в акте 1-го сентября, что «государственный порядок, которым управляется Российское государство, есть порядок республиканский». Делая этот серьезный шаг – формально, может быть, неправильный, как вторгающийся в компетенцию будущего Учредительного собрания, – Правительство, в сущности, только констатировало и подтверждало существующее положение вещей, исключаящее, по-видимому, всякую мысль о реставрации. Ничего другого, кроме республики, не может установить у нас никакое Учредительное собрание, хотя бы самое консервативное, ибо старая династия окончательно себя похоронила, и о воцарении кого-либо из ее представителей не может быть и речи, а создавать новую династию было бы слишком нелепо. Само собою разумеется, что официальное признание республики ни в чем не изменит внутреннего состояния страны, не устранил партийной розни, не прибавит крепости и устойчивости Временному правительству и не предупредит дальнейших контрреволюционных заговоров. Акт 1-го сентября имеет значение главным образом для наших союзников, которые до последнего времени не считали установившегося у нас демократического государственного строя окончательным и верили еще в восстановление монархии в лице Великого князя Михаила Александровича, способности которого к роли правителя великого многомиллионного народа абсолютно никому не известны. Теперь, по крайней мере, прекратятся эти наивные толки и намеки заграничных газет по поводу неустойчивости наших внутренних дел.

Вторым последствием корниловской попытки является всеобщая боязнь контрреволюции и в связи с этим чрезвычайно усилившееся влияние крайних левых партий, преимущественно так называемых большевиков. В заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов 31 августа подавля-

ющим большинством принята была резолюция, предложенная большевиками, требующая немедленного осуществления целого ряда радикальнейших реформ, а именно:

«немедленной отмены частной собственности на помещичью землю без выкупа и передачи ее в заведывание крестьянских комитетов с обеспечением беднейших крестьян инвентарем» (т. е. скотом и орудиями насчет неисчерпаемых казенных, т. е. тех же народных, средств?);

«немедленного восстановления полной свободы агитации в армии», «объявления тайных дипломатических договоров недействительными» (с риском прямой ссоры с правительствами Англии, Франции и Северной Америки?). И т. д.

Большевики торжествовали и постепенно достигли фактического преобладания в Совете. Президиум с г. Чхеидзе во главе вышел в отставку, и 25 сентября состоялись новые выборы, которые, к общему удивлению, привели к избранию на пост председателя известного союзника гг. Ленина и Зиновьева г. Троцкого.

Откровенные демагоги завладели самым влиятельным и, можно сказать, руководящим органом революционной демократии, и такие заслуженные деятели, как гг. Чхеидзе и Церетели, должны были уступить место бесцеремонным агитаторам, соблазняющим народные массы необычайною щедростью своих программ. Они обещают немедленный мир, хотя бы и сепаратный, и в этом – секрет их возрастающей популярности в темных классах населения. Но эта популярность быстро исчезнет, когда им придется перейти от громких слов к деловой прозаической работе.

Временное правительство, с своей стороны, совершило ряд крупных ошибок, которые неминуемо должны были подорвать доверие к завоеваниям революции и к созданному ею государственному строю. Во-первых, передовые деятели, входившие в состав этого Правительства, изменили всем прежним своим принципам и традициям, допустив восстановление смертной казни, административной ссылки и произвольных насилий над печатью. Причем эти суровые незаконные меры мотивировались теми же самыми соображениями – и даже теми же словами, – какие обыкновенно приводились в защиту их при царском режиме. В-третьих, Правительство, по неизвестным причинам, допустило устранение от дел наших лучших генералов – Брусилова, Рузского, Алексеева, Лечицкого, – которых нельзя было отпускать ни в коем случае, точно так же, как в Германии правительство не могло расстаться с Гинденбургом.

Последней, не только военной, но и политической ошибкою было возложение обязанностей Верховного главнокомандующего на министра-председателя, который по своей прошлой деятельности не имел никакого отношения к военному делу. Одно из двух: или звание Верховного главнокомандующего имеет реальное значение, и тогда оно может принадлежать только лицу наиболее компетентному и авторитетному в военном деле; или же это звание есть только пустой почетный титул, а не высшая ответственная должность в управлении армией, и тогда это звание должно быть отменено. Двусмысленный

характер верховного командования не может способствовать поддержанию авторитета правительственной власти и водворению дисциплины в рядах высшего офицерства и подчиненной ему солдатской массы.

Нечего говорить о том впечатлении, какое производят печальные дела нашей новорожденной Российской республики за границей и особенно среди союзных с нами наций. Добровольное оставление Риги русскими войсками по приказу командующих генералов, не вызванное военной необходимостью, при отсутствии соответствующего напора со стороны германцев, о чем откровенно заявляется в официальных сообщениях германского Генерального штаба, принято было в западноевропейской печати как начало конца России в качестве великой державы.

Парижский «Temps» видит в оставлении Риги не только военную, но и моральную катастрофу: «Ничто, даже выигранное сражение, – по словам газеты, – не радует так сердце германского правительства, как зрелище революции, совершающей самоубийство».

Лондонский «Times» оправдывает действия Корнилова тем безысходным положением, в какое поставили Россию военные и рабочие советы и комитеты, не дающие установиться никакому правительственному порядку. «Виды (России) на будущее, – заключает «Times» свое рассуждение о наших делах, – крайне мрачны, и этот факт существенно влияет на войну на всех фронтах, и союзники приходят уже к убеждению, что даже при самых благоприятных обстоятельствах возрождение русской военной силы представляется делом более или менее отдаленного будущего».

Среди союзных стран не замечается уже внешних признаков и проявлений симпатии к русской революции и к русской свободе; напротив, все сильнее высказываются совершенно противоположные чувства, и вместе с тем все более распространяется взгляд, что бесполезно рассчитывать на дальнейшее участие России в войне, что не следует уже оказывать ей какую-либо поддержку или принимать во внимание ее интересы, а надо предоставить Россию собственной ее судьбе.

[...] Падение Риги послужило наглядным доказательством полного торжества Германии на важнейшем для немцев восточном фронте; последовавшее затем занятие германцами островов Даго и Эзеля отдаст весь Рижский залив во власть неприятеля, угрожая Финляндии и Петрограду.

Все мечтают у нас о мире, но достигнуть его при настоящих обстоятельствах можно только одним способом – подчинением воле Вильгельма II и беспрекословным принятием тех условий, которые он предпишет нам совместно с императором Карлом V. В этом случае Российская республика своими руками надолго укрепила бы монархический принцип в центральной Европе, заслужила бы презрение и вражду союзных западноевропейских наций и подготовила бы свое собственное падение.

Что же делается у нас ввиду этой грозной перспективы?

Открываются все новые говорильни. Спорят без конца о партийном составе Правительства, о буржуазии и капитализме. Предлагают сразу решить

все социальные вопросы и перевернуть вверх дном весь хозяйственный быт страны. Пристраиваются так или иначе к «общественному пирогу», предъявляют неслыханные требования к государственному казначейству и доводят государственные расходы (не считая военных) до фантастических размеров. Принимают разные широковещательные резолюции и все еще сомневаются, следует ли обороняться от внешнего врага или надо ему предоставить свободу дальнейшего движения к русской столице.

Между тем лучшие деятели нашей интеллигенции молчат или держатся в стороне, и никто не крикнет увлекающимся представителям наших многочисленных демократических и партийных организаций: «Остановитесь, одумайтесь, пока еще не поздно! Ведь вы губите Российскую республику своими бесконечными внутренними распрями и возрастающими притязаниями, губите не только материально, но и морально, и вместе с нею хороните те возвышенные идеалы, за которые боролись и жертвовали собою благороднейшие русские люди в течение многих десятилетий!»

Вестник Европы. 1917. № 7–8. С. 395–414.

Горев Б.И.

ЗАКОЛДОВАННЫЙ КРУГ

Мы живем, словно в заколдованном кругу. Большевистское восстание в начале июля ускорило открытые выступления контрреволюции. Теперь, после ликвидации корниловского заговора, снова подымает голову большевистский авантюризм.

Если в предпоследнем номере «Рабочего» мы еще видели проблески трезвого отношения к действительности, если там мы еще читали о том, чего *не надо* теперь делать, о том, что попытка повторения коммуны неизбежно привела бы к поражению пролетариата, — то во вчерашнем номере большевистской газеты перед нами снова без всяких фиговых листиков обычная демагогия Зиновьева.

Здесь нам снова предлагают диктатуру пролетариата, контроль рабочих организаций над производством и банками, переход центральной власти «в руки рабочих, солдат и беднейших крестьян» и многое другое, что кажется столь соблазнительным неискушенным в политике и в истории массам, но что неизбежно повело бы к поражению демократии и к прочному торжеству контрреволюции. Ведь именно восстание Корнилова показало, что широкие массы мелкой буржуазии *уже* подготовлены к контрреволюции, что на защиту революции поднялись лишь *организованная* революционная демократия в лице Советов, армейских комитетов и некоторых городских дум.

А если принять во внимание, что в деревне растет озлобление против города вообще и против рабочих в особенности, то фактическая диктатура пролетариата, если бы она осуществилась (так как «беднейшие крестьяне» притягиваются большевиками, конечно, лишь для красного словца), означала бы не что иное, как именно «коммуну». И притом чисто пролетарскую, кратковременное восстание рабочих, которое, несомненно, было бы задавлено буржуазией при содействии части крестьянства.

Большевики еще накануне сознавали опасность и «роковые последствия» преждевременного выступления пролетариата, попытки захвата власти рабочими. Они, очевидно, понимали, что при такой попытке Петроград был бы прежде всего отрезан от России, что здесь начались бы голодные бунты и черносотенные погромы. Они, конечно, и теперь понимают, что этим новым междоусобием прежде всего воспользуется германский империализм. Раньше, чем новое рабочее и солдатское правительство обратится с предложением о всеобщем мире, как это рекомендует Зиновьев, наша армия подвергнется но-

вым ударам и новым поражениям. И это опять сплотит все контрреволюционные элементы для нового, на этот раз гораздо более грозного выступления.

Большевики все это, несомненно, знают. Почему же они рисуют перед массой именно эту перспективу, почему же они зовут ее на губительный путь? Неужели только потому, что этого требует революционное настроение петроградских рабочих, и, как всегда в таких случаях, большевики, боясь потерять свое влияние, покорно плетутся за взбудораженной стихией или даже за теми *темными силами, которым нужно кровопролитие*, нужно поражение рабочих?

В конце статьи Зиновьева предлагается «братский союз всем революционным силам страны». Но все революционные силы страны не ограничиваются «рабочими, солдатами и беднейшими крестьянами». Мы тоже стоим за объединение всей революционной демократии. Но это объединение должно быть более широким и притом *всероссийским*, а не петроградским. И когда соберется такое всероссийское совещание всех демократических общественных организаций, тогда представители петроградских рабочих убедятся, насколько *они одиноки в своем максимализме*, тогда они увидят, что большевики толкали их к явному поражению...

Рабочая Газета. 1917, 1 сентября. № 149.

ПАТРИОТИЧЕСКИЙ ПОРЫВ

Редакционная статья

«Всероссийского Церковно-Общественного Вестника»

Потрясенную Россию начинают потрясать еще большие внутренние потрясения. В сгущенной политической атмосфере как удар грома разразилось военное восстание, хотя, к счастью, и замолкло так же быстро, как весенняя гроза. Но черные тучи не сошли с нашего горизонта. Электричество скопится не в одном, так в другом месте, и кто знает, не услышим ли мы снова раскатов грома?

В эту грозную минуту в первопрестольной Москве заседает Собор церковный, и многие, по-видимому, ждут, не откликнется ли Собор на вновь надвинувшиеся события. Сам Собор при первых звуках грозы уже приготовился откликнуться на нее. Тревожные дни он переживает вместе с Россией и пережил, пожалуй, менее благополучно, чем Россия... То внутреннее брожение, какое обозначилось в соборной среде в связи с предприятием ген[ерала] Корнилова, не могло не оставить глубокого следа для дальнейшей соборной жизни. Соборное сердце горело в уединении; при закрытых дверях велись страстные соборные дебаты. Но переживания, не обнаруживаемые вовне, бывают, порой, сильнее и чреватее последствиями, чем яркие эксцессы.

Мы понимаем, конечно, настроение участников собора, собравшихся в такую знаменательную минуту бытия Отечества и жаждущих патриотиче-

ского подвига. Исторические имена Иова, Гермогена, Минина, Пожарского, Авраамия Палицына – у многих на устах и воодушевляют на выступления. Однако следует иметь в виду и чрезвычайно ответственное положение церковного Собора, которое должно предостерегать от излишних увлечений.

Политика сейчас всюду стучится в двери; стучится она громко и в двери церкви, и церковно-представительного собрания. Но как ни властен этот стук, отзываться на него необходимо с большою осторожностью. Церковный Собор есть представительство церкви, а не государственное, и решать политические вопросы он не призван. Мы уже обращали внимание на то примечательное обстоятельство, что вотум церковных собраний часто расходится с вотумом собраний политических, хотя, казалось бы, на тех и других должно быть большинство из состава того же православного населения страны. Весьма вероятная догадка объясняет такое явление тем, что в избирательных церковных собраниях участвует фактически лишь незначительный процент избирателей и притом часто не тех, которые идут на политические выборы. Отсюда чрезвычайно рискованно по церковным собраниям делать какие-либо заключения о настроении всей массы числящегося 115 мил[лионного] православного народа. Это обстоятельство устраняет всякое право придавать церковному представительству какое-либо политическое значение. Оно существует исключительно для церковных целей и правомочно лишь в решении церковных вопросов. Как только церковное представительное собрание выходит из церковных рамок, оно уже или вступает на путь захватного права, или обязывается говорить не от лица всего православного населения, а только той его части, которая фактически участвовала в делегировании. Между тем мы наблюдаем всякий раз попытку выдать церковный голос, по какому бы поводу он ни раздался, именно за голос народного православного большинства, что не совсем соответствует действительности.

Помимо такой неуполномоченности решать вопросы характера политического, церковный собор не может забывать и общего принципа аполитичности церкви. Нельзя отрицать законность «христианской политики», т. е. такой политики, от которой не может отгородиться христианская религия. Во всяких политических программах есть свое моральное содержание: а религия и нравственность тесно связаны. Но точка зрения христианской политики неприменима к тем перипетиям политической борьбы, которые мы переживаем. Сейчас в государственной жизни нашей борются явно две основные группы – социалистическая и так называемая буржуазная. Ни одна из них, по своей идейной платформе, не стоит в противоречии с христианскими началами. Но на практике и в отдельных проявлениях обе допускают отклонения от христианских принципов. Разумеется, церковь не может стать на сторону одной из борющихся сил; а ее реальное воздействие на события и могло бы выразиться только в форме такового перехода на одну из сторон. Еще затруднительнее церковное положение пред лицом отдельных выступлений, вроде только что пережитого страной. Здесь принципиальная почва окончательно ускользает, и приходится уже выбирать лицами, а не идейными началами. Между тем для

выбора нет налицо даже достаточной фактической осведомленности о программах спорящих сторон.

Не следует упускать из виду в то же время всю опасность от неосторожных выступлений Собора, представляющего в глазах народных лиц церкви. Каждый ошибочный шаг здесь чреват неисчислимыми последствиями. Представьте, что Собор вышел бы из политического нейтралитета и встал, скажем, на сторону «корниловцев», начал бы осуждать политику «революционной демократии» и т. п. Помимо оценки той или другой силы, вообразите, какое смятение произошло бы в недрах церкви от подобного выступления. На Собор и церковь, Собором возглавленную, ополчилась бы вся демократическая масса, симпатии которой на совершенно иной стороне. Выдержала ли бы церковь этот натиск, предсказывать не беремся. Но в зависимости от хода событий один ошибочный шаг Собора мог бы неблагоприятно отразиться на всех будущих отношениях государства к церкви.

Те, кто готовы толкать Собор на путь политических выступлений, очевидно, или не понимают всей ответственности, или мало дорожат церковным благом. Личные симпатии и антипатии граждан, их партийные политические взгляды должны умолкнуть в участниках Собора пред голосом церковного долга. Единственно допустимым для церкви остается в политике дело христианской любви, не различающей своих и чужих, правых и левых, а всех объемлющей равно во имя Христово. И как бы ни были велики соблазны сойти с этой стези, соборный разум должен остаться верен своей прямой дороге.

*Всероссийский Церковно-Общественный Вестник.
1917, 2 сентября. № 107.*

Ленин В.И.

О КОМПРОМИССАХ

Компромиссом называется в политике уступка некоторых требований, отказ от части своих требований в силу соглашения с другой партией.

Обычное представление обывателей о большевиках, поддерживаемое клеветущей на большевиков печатью, состоит в том, что большевики ни на какие компромиссы не согласны, ни с кем, никогда.

Такое представление лестно для нас как партии революционного пролетариата, ибо оно доказывает, что даже враги вынуждены признать нашу верность основным принципам социализма и революции. Но надо все же сказать правду: такое представление не соответствует истине. Энгельс был прав, когда в своей критике манифеста бланкистов-коммунистов (1873 г.) высмеивал их заявление: «никаких компромиссов!». Это фраза, говорил он, ибо компромиссы борющейся партии часто с неизбежностью навязываются обстоятельствами. И нелепо раз навсегда отказаться «принимать уплату долга по частям». Задача истинно революционной партии не в том, чтобы провозгласить невоз-

можным отказ от всяких компромиссов, а в том, чтобы *через все компромиссы*, поскольку они неизбежны, уметь провести верность своим принципам, своему классу, своей революционной задаче, своему делу подготовки революции и воспитания масс народа к победе в революции.

Пример. Идти на участие в 3 и 4 Думе был компромисс, временный отказ от революционных требований. Но это был абсолютно вынужденный компромисс, ибо соотношение сил исключало для нас, на известное время, массовую революционную борьбу, а для длительной подготовки ее *надо* было уметь работать и *изнутри* такого «хлеба». Что такая постановка вопроса большевиками как партией, оказалась вполне верной, это доказала история.

Теперь на очереди вопрос не о вынужденном, а о добровольном компромиссе.

Наша партия, как и всякая другая политическая партия, стремится к политическому господству *для себя*. Наша цель – диктатура революционного пролетариата. Полгода революции с необыкновенной яркостью, силой и внушительностью подтвердили правильность и неизбежность такого требования в интересах именно *данной* революции, ибо ни демократического мира, ни земли крестьянству, ни полной свободы (вполне демократической республики) получить народу иначе нельзя. Ход событий за полгода нашей революции, борьба классов и партий, развитие кризисов 20–21 апреля, 9–10, 18–19 июня, 3–5 июля, 27–31 августа и доказали, и показали это.

Теперь наступил такой крутой и такой оригинальный поворот русской революции, что мы можем, как партия, предложить добровольный компромисс – правда, не буржуазии, нашему прямому и главному классовому врагу, а нашим ближайшим противникам, «главенствующим» мелкобуржуазно-демократическим партиям, эсерам и меньшевикам.

Лишь как исключение, лишь в силу особого положения, которое, очевидно, продержится лишь самое короткое время, мы можем предложить компромисс этим партиям, и мы должны, мне кажется, сделать это.

Компромиссом является, с нашей стороны, наш возврат к доиюльскому требованию: вся власть Советам, ответственное перед Советами правительство из эсеров и меньшевиков.

Теперь и только теперь, может быть, *всего в течение нескольких дней* или на одну-две недели, такое правительство могло бы создаться и упрочиться вполне мирно. Оно могло бы обеспечить, с гигантской вероятностью, мирное движение *вперед* всей российской революции и чрезвычайно большие шансы больших шагов вперед всемирного движения к миру и к победе социализма.

Только во имя этого мирного развития революции – возможности, *крайне* редкой в истории и *крайне* ценной, возможности, исключительно редкой, только во имя ее большевики, сторонники всемирной революции, сторонники революционных методов, могут и должны, по моему мнению, идти на такой компромисс.

Компромисс состоял бы в том, что большевики, не претендуя на участие в правительстве (невозможно для интернационалиста без фактического осуществления условий диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства),

отказались бы от выставления немедленно требования перехода власти к пролетариату и беднейшим крестьянам, от революционных методов борьбы за это требование. Условием, само собою разумеющимся и не новым для эсеров и меньшевиков, была бы полная свобода агитации и созыва Учредительного собрания без новых оттяжек или даже в более короткий срок.

Меньшевики и эсеры, как правительственный блок, согласились бы (предполагая компромисс осуществленным) составить правительство целиком и исключительно ответственное перед Советами, при передаче в руки Советов всей власти и на местах. В этом бы состояло «новое» условие. Никаких других условий большевики, я думаю, не поставили бы, полагаясь на то, что действительно полная свобода агитации и немедленное осуществление нового демократизма в составлении Советов (перевыборы их) и в функционировании их сами собою обеспечили бы мирное движение революции вперед, *мирное изживание* партийной борьбы внутри Советов.

Может быть, это *уже* невозможно? Может быть. Но если есть даже один шанс из ста, то попытка осуществления такой возможности все-таки стоила бы того, чтобы осуществить ее.

Что выиграли бы обе «соглашающиеся» стороны от этого «компромисса», т. е. большевики – с одной, блок эсеров и меньшевиков, с другой стороны?

Если *обе* стороны ничего не выигрывают, то компромисс надо признать невозможным, и тогда ни к чему говорить о нем. Как ни труден теперь (после июля и августа, двух месяцев, равняющихся двум десяткам лет «мирного», сонного времени) этот компромисс, мне кажется, есть один маленький шанс на его осуществление, и шанс этот создан решением эсеров и меньшевиков не идти в правительство вместе с кадетами.

Большевики выиграли бы то, что получили возможность вполне свободно агитировать за свои взгляды и при условиях действительно полного демократизма добиваться влияния в Советах. На словах «все» признают теперь эту свободу за большевиками. На деле она *невозможна* при буржуазном правительстве или при правительстве с участием буржуазии, при правительстве ином, кроме советского. При советском правительстве такая свобода была бы *возможна* (не говорим: наверняка обеспечена, но все же возможна). Из-за такой возможности в такое трудное время следовало бы пойти на компромисс с советским большинством нынешнего дня. *Нам* бояться, при действительной демократии, нечего, ибо жизнь за нас, и даже ход развития течений внутри враждебных нам партий эсеров и меньшевиков подтверждает нашу правоту.

Меньшевики и эсеры выиграли бы то, что получили сразу полную возможность осуществить программу *своего* блока, опираясь на заведомо громадное большинство народа и обеспечив себе «мирное» пользование своим большинством в Советах.

Конечно, из этого блока, неоднородного как потому, что он блок, так и потому, что мелкобуржуазная демократия *всегда* менее однородна, чем буржуазия и чем пролетариат, из этого блока раздались бы, вероятно, два голоса.

Один голос сказал бы: нам никак не по пути с большевиками, с революционным пролетариатом. Он все равно потребует чрезмерного и демагогически увлечет крестьянскую бедноту. Он потребует мира и разрыва с союзниками. Это невозможно. Нам ближе и вернее с буржуазией, ведь мы не разошлись с ней, а только *поссорились* ненадолго, и только из-за одного инцидента с Корниловым. Поссорились – помиримся. Притом большевики ровно ничего нам не «уступают», ибо попытки восстания с их стороны все равно так же обречены на поражение, как Коммуна 1871 года.

Другой голос сказал бы: ссылка на Коммуну очень поверхностна и даже глупа. Ибо, во-первых, большевики все же кое-чему научились после 1871 года, они не оставили бы банк не взятым в свои руки, они не отказались бы от наступления на Версаль; а при таких условиях даже Коммуна могла победить. Кроме того, Коммуна не могла предложить народу сразу того, что смогут предложить большевики, если станут властью, именно: землю крестьянам, немедленное предложение мира, настоящий контроль над производством, честный мир с украинцами, финляндцами и проч. У большевиков, вульгарно выражаясь, вдесятеро больше «козырей» в руках, чем у Коммуны. А во-вторых, Коммуна, как-никак, означает тяжелую гражданскую войну, долгую задержку после этого мирного культурного развития, облегчение операций и проделок всяких Мак-Магонов и Корниловых, а такие операции угрожают всему нашему буржуазному обществу. Разумно ли рисковать Коммуной?

А Коммуна неизбежна в России, если мы не возьмем власть, если дело останется в столь же тяжком положении, как было с 6 мая по 31 августа. Всякий революционный рабочий и солдат неизбежно будет думать о Коммуне, верить в нее, неизбежно сделает попытку осуществить ее, рассуждая: народ гибнет, война, голод, разорение идут все дальше. Только Коммуна спасет. Погибнем, умрем все, но осуществим Коммуну. Такие мысли неизбежны у рабочих, и победить Коммуну теперь не удастся так легко, как в 1871 году. У русской Коммуны будут в 100 раз сильнее союзники во всем мире, чем в 1871 году... Разумно ли нам рисковать Коммуной? Не могу также согласиться с тем, что большевики нам, в сущности, ничего не дают своим компромиссом. Ибо во всех культурных странах культурные министры очень ценят всякое, даже маленькое, соглашение с пролетариатом во время войны. Очень и очень ценят. А ведь это деловые люди, настоящие министры. Большевики же усиливаются довольно быстро, несмотря на репрессии, несмотря на слабость их прессы... Разумно ли нам рисковать Коммуной?

У нас обеспеченное большинство, до пробуждения крестьянской бедноты еще не так близко, на наш век хватит. Чтобы в крестьянской стране большинство пошло за крайними, не верю. А против заведомого большинства в действительно демократической республике восстание невозможно. Так сказал бы второй голос.

Пожалуй, найдется и третий голос, из среды каких-нибудь сторонников Мартова или Спиридоновой, который скажет: меня возмущает, «товарищи», что вы оба, рассуждая о Коммуне и ее возможности, без колебаний станови-

тись на сторону ее противников. Один в одной форме, другой в иной, но оба на стороне тех, кто подавил Коммуну. Я не пойду агитировать за Коммуну, не могу заранее обещать биться в ее рядах, как сделает всякий большевик, но я должен все же сказать, что *если* Коммуна, *вопреки* моим усилиям, вспыхнет, я скорее помогу ее защитникам, чем ее противникам...

Разноголосица в «блоке» большая и неизбежная, ибо в мелкобуржуазной демократии представлена тьма оттенков, от вполне министриабельного вполне буржуа до полунинищего, еще не совсем способного перейти на позицию пролетария. И каков будет в каждый данный момент этой разноголосицы результат ее, — никто не знает.

* * *

Предыдущие строки писаны в пятницу, 1-го сентября, и по случайным условиям (при Керенском, скажет история, не все большевики пользовались свободой выбора местожительства) не попали в редакцию в этот же день. А по прочтении субботних и сегодняшних, воскресных газет, я говорю себе: пожалуй, предложение компромисса уже запоздало. Пожалуй, те несколько дней, в течение которых мирное развитие было *еще* возможно, *тоже* прошли. Да, по всему видно, что они уже прошли. Керенский уйдет, так или иначе, и *из* партии эсеров и *от* эсеров и укрепитесь при помощи буржуа *без* эсеров, благодаря их бездействию... Да, по всему видно, что дни, когда случайно стала возможной дорога мирного развития, *уже* миновали. Остается послать эти заметки в редакцию с просьбой озаглавить их: «Запоздалые мысли»... иногда, может быть, и с запоздалыми мыслями ознакомиться небезынтересно.

Рабочий Путь. 1917, 19 сентября (6 сентября ст. ст.). № 3.

Дан Ф.И.

ЛИНИЯ СОВЕТОВ

За последние дни много говорят и пишут об изменении той политической линии, которую вело громадное большинство революционной демократии с самого начала революции.

Одни — с удовольствием, другие с негодованием отмечают, что решительный протест ЦИК-та против допущения в состав Временного правительства представителей кадетской партии означает крутой перелом советской тактики.

Так ли это? Мы думаем, что не так. Все разговоры о крушении советской линии основываются лишь на слишком узком, формальном и доктринерском понимании ее.

В чем состоит существо этой линии? В выдвигании на первый план тех задач, которые в данный исторический момент являются в подлинном смысле этого слова общенациональными, и в привлечении к разрешению этих задач всех тех сил страны без исключения, которые хотят и могут принять поло-

жительное участие в их разрешении. Постоянное стремление центральных органов революционной демократии заключалось в том, чтобы ни одну общественную силу страны не сбросить *преждевременно* со счетов революции и до дна исчерпать силы всех тех, кто действительно заинтересован в разрешении очередных задач, выдвигаемых насущными потребностями революционного государства.

Вот – основная линия, на которой твердо и неуклонно стоят руководящие органы революционной демократии. Которая давала и дает им возможность мобилизовать каждый раз все живые силы страны и избегать преждевременной изоляции крайнего фланга своего, которая повела бы только к его разгрому и к гибели революции.

В этом, а не в «коалиции с кадетами», заключается советская линия. Эта линия в определенный период революции требовала коалиции с кадетами. Теперь она так же настоятельно требует разрыва с *этой* коалицией, потому что, как вся страна имела возможность убедиться, сейчас эта коалиция не только не может способствовать разрешению насущнейшей очередной задачи – восстановления боеспособности армии на революционной основе и решительной борьбе с контрреволюционными заговорами, – а, наоборот, препятствует ее разрешению.

Это – простая и очевидная для всей страны истина. И точно так же просто и очевидно для всей страны, что и сейчас руководящие органы революционной демократии не ломают, а продолжают свою линию, когда при помощи общедемократического съезда хотят собрать и сплотить все те силы, которые способны в данный исторический момент явиться деятельными участниками возрождения боевой мощи страны и спасения революции. И решение о созыве съезда, которому предстоит сказать свое веское слово в вопросе об организации революционной власти и о формах ее работы, продиктовано все тем же стремлением сосредоточивать внимание общественности на общенациональных злобах революционного дня и всеми мерами предотвращать изоляцию революционного авангарда, оторвав его от идущей за ним, но медленно и с остановками, общедемократической массы.

Это и есть та линия, которая до сих пор вела демократию от победы к победе и посреди неслыханных затруднений, создаваемых мировой войной и хозяйственной разрухой, сохранила в неприкосновенности завоевания революции.

Это и есть та линия, которая показала в переживаемые грозные дни изумительную мощь Советов, сплотила вокруг них всю страну, сделала их центром отпора корниловщине и дала им возможность сразу мобилизовать громадные силы для борьбы с внешней и внутренней опасностью.

Сохранение этой основной линии в неприкосновенности – залог того, что революционной демократии удастся победить все трудности и пронести красное знамя революции нетронутым сквозь все испытания.

*Известия ЦИК и Петроградского
Совета рабочих и солдатских депутатов.
1917, 5 сентября. № 162.*

Набоков В.Д.

ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ РЕСПУБЛИКИ

Если признать, что 3-го сентября Россия «проснулась республикой», то приходится тут же прибавить, что едва ли она это обстоятельство особенно сильно ощутила. Пожалуй, она его даже вовсе не заметила. В акте Временного правительства «Российская Республика» провозглашена, так сказать, между прочим, мимоходом, кстати. Там говорится и о подавлении мятежа ген. Корнилова, и о необходимости принятия немедленных и решительных мер для восстановления потрясенного государственного порядка, и передаче с этой целью полноты власти пяти лицам из состава Временного правительства, и о двух главных задачах – восстановлении государственного порядка и боеспособности армии. Что касается провозглашения республики, то оно мотивируется необходимостью положить предел внешней неопределенности государственного строя и оправдывается ссылкой на единодушное и восторженное признание республиканской идеи, сказавшееся на московском Государственном совещании.

«Временное правительство объявляет, что государственный порядок, которым управляется Российское государство, есть порядок республиканский».

Нельзя сказать, чтобы эта формула блистала красотой и юридической точностью. Но к этому, конечно, и не стремились. Хотели «определенности», определенности, вероятно, по существу, а не в словах, и при этом забыли, что республика без республиканских учреждений и без народного представительства, республика без конституции – по существу не может быть определенной формой государственного строя. Провозглашение такой республики, через шесть месяцев после ее фактического осуществления, не может ни прибавить, ни убавить ни одной йоты к реальному положению вещей, к действительно существующему строю, который правильнее всего назвать «диктатурой, умеряемой бессилием власти». Оно свидетельствует только об одном – о великом фетишизме нашего смутного времени, фетишизме слов.

Нами владеют слова.

Сколько слов! «Живые силы страны», «революционная демократия», «полномочные органы революционной демократии», «великие завоевания революции», «воля всего народа» – сколько таких громких, звонких слов, и как они уже не звучат, а только трещат и барабанят, уже бессильные вызвать энтузиазм веры, порыв воли! И сейчас те, ради кого произнесена новая фраза, не склонны к ликованию.

Правда, газета Чернова называет акт объявления республики «ярким и создающим популярность», но и она пользуется этим актом лишь для того, чтобы «теснее связать» Правительство с демократией и потребовать большего его подчинения демократическому «контролю» и решениям «блока демократических организаций» – читай: грядущего «демократического совещания». А другой орган революционной демократии – газета Горького-Гиммера – подтрунивает над новорожденной российской республикой и

даже сомневаясь, появился ли этот младенец на свет, требует более веских тому доказательств.

Есть, однако, и другая сторона в этом внезапном «провозглашении» республики... «Дело Народа» напоминает, что вопрос о таком провозглашении ставился уже давно – тогда, когда в первый раз кадеты вышли из министерства. Оно утверждает, что именно коалиция «с Кокошкиным и К» помешала такому провозглашению. Но газета Чернова, – у которого есть, правда, достаточно оснований для того, чтобы без особенно нежных чувств вспоминать о Кокошкине, – в данном случае ошибается. Петербургский Совет р[абочих] и с[олдатских] депутатов еще при первом правительстве, еще в марте, устами г. Нахамкеса, члена «контактной комиссии, требовал такой декларации. Правда, это требование не было настойчивым, а тогдашнее Временное правительство было единодушно в убеждении, что если провозглашение республики не есть пустая фраза, то оно есть акт, по существу превышающий полномочия Временного правительства, акт учредительного характера, предупреждающий выражение воли Учредительного собрания.

Можно было бы, конечно, указать на исторический пример, на провозглашение республики временным правительством Ламартина и Ледрю-Роллена на другой день после февральской революции. Но правительство кн. Львова на другой день после мартовской революции объявило, что оно ставит своей первой задачей «открыть путь к выражению воли народной относительно образа правления». В одном из пунктов первой программы кабинета кн. Львова, подписанной им, председателем Гос. думы, и всеми министрами, сказано было, что Учредительное собрание установит форму правления и конституцию страны. И с тех пор настойчиво и неоднократно подтверждалась эта мысль.

Впервые в декларации А.Ф. Керенского в июле, когда ему были вручены полномочия по образованию нового кабинета, было официально употреблено слово «республика», прошедшее тогда совершенно незамеченным. Теперь эта республика провозглашена Временным правительством, и об Учредительном собрании декларация 1 сентября совершенно умалчивает.

Можно ли отсюда делать выводы, что решение будущего «полновластного хозяина» предвосхищено? Конечно, нет. И тем не менее надо категорически признать, что правильной является не точка зрения авторов декларации 1 сентября, а прежняя точка зрения, от которой декларация отказалась. По реальному своему значению декларация, повторяем, поскольку она не должна рассматриваться как пустая фраза, не связывает Учредительного собрания, но она, несомненно, должна отразиться на свободе пропаганды, на самом отношении к тем течениям, которые не примкнули к республиканской идее. Если эти течения до сих пор незаметны, то это не значит, что их не существует.

Еще серьезнее, впрочем, другое замечание, невольно приходящее в голову. Мы бы его формулировали в вопросе: уверено ли Временное правительство в том, что вывеска республики поднимет престиж теперешнего порядка? И не приходится ли опасаться совершенно другого: что, наоборот, «республикан-

ская идея» при свете этого теперешнего порядка потерпит значительный урон в своем авторитете и в своей соблазнительности?

Речь. 1917, 5 (18) сентября. № 208 (3950).

Бердяев Н.А.

ДЕМОКРАТИЯ И ИЕРАРХИЯ

I

Нравственное и эстетическое безобразие русской революции не должно мешать нам увидеть ее огромное значение. Ее духовные последствия, во всяком случае, будут велики. Русская революция – огромный опыт, который изменит у интеллигентных русских людей чувства жизни и заставит их по-новому мыслить. Традиционная история русской интеллигенции кончена, ее основные идеи проверены на жизненном опыте, и ложь их изобличена. Теперь уже навеки веков русская революционная интеллигенция не вправе будет говорить, что рай на земле водворится, когда она будет у власти: она побывала у власти, и на земле водворился ад. Поистине русская революция имеет какую-то большую миссию, но миссию не творческую, отрицательную – она должна изобличить ложь и пустоту какой-то идеи, которой была одержима русская интеллигенция и которой она отравила русский народ. Идея эта заимствована из западных учений, но она своеобразно преломилась в восточной русской стихии и доведена до небывалой крайности. Русская революция есть изобличение лжи демократии как верховного принципа жизни, опытная проверка того, к чему приводит тираническое торжество эгалитарной страсти. Русские одержимы эгалитарной страстью, жадной механического и материалистического уравниения. Эта эгалитарная страсть переживается в России с религиозным пафосом и носит характер демонической одержимости, направленной на истребление всех качеств бытия, всех различий, всех возвышений. В русской революции нарушен иерархический принцип в такой степени, как ни в одной из революций мира. Требование равенства будет в ней скоро распространено не только на низшие ступени человеческого мира, но и на низшие ступени мира природного, на животные, растения и минералы, на атомы материи. Весь космос распадется на атомы, и каждый атом потребует себе равного положения со всеми другими, каждый признает себя суверенным. Ведь выделение человека из природы, его возвышение над низшей природой есть уже аристократизм, есть уже иерархизм, которого не должна терпеть все сметающая со своего пути эгалитарная страсть.

Французская революция была кровавой и страшной, но и в ней не было полного разрушения того иерархического начала, на котором покоится *всякий* строй государства и общества, всякая цивилизация. Западная Европа и после всех революционных переворотов осталась иерархической, в ней сохранились традиции всякого цивилизованного общественного бытия. Народы

Запада признают градации, различия, ступени, признают возвышения, подбор лучших, подбор качеств. Русские революционеры эти западные свойства воспринимали как «буржуазность». Поистине на западе много «буржуазности», но дурная «буржуазность» всегда есть разрушение иерархизма, всегда есть восстание и возобладание недостойных, неблагородных, худших. И русское восстание против всякого иерархизма ведет к господству худших, недостойных, неблагородных, русское отрицание «буржуазности» легко превращается в самую худшую, самую хамскую «буржуазность», самое безобразное мещанство. В сущности, русский революционный демократизм враждебен иерархическим основам всякого цивилизованного культурного бытия, всякого государственного и общественного бытия. Это есть варварский индивидуализм, своеволие каждого индивида, который с себя хочет начинать историю мира, ничего не почитая выше себя. И это совсем не есть вопрос той или иной политики, это вопрос особой революционной морали, особого чувства жизни, особого направления религиозности. В основе русской революции лежит не столько ложная политика, сколько ложная мораль. Русские нередко делают-ся нигилистами из моральных побуждений, переживая свой нигилизм как моральную и даже религиозную правду. Они отрицают божественные ценности и духовные реальности, Бога, отечество, истину, красоту, низвергают все установившиеся качества во имя правды и справедливости, уравниения и уравненного блага людей. Русский революционный нигилизм отвергает божественный миропорядок, не принимает иерархического строя космоса. Эта эгалитарно-нигилистическая страсть глубоко антикосмична, она восстает против иерархических ступеней бытия и жаждет равного небытия, равенства в ничто, в пустоте, в нищете, в оголении от всех форм культурного бытия, в пустой свободе от всех иерархических ценностей. Достоевский гениально раскрыл диалектику русского эгалитарного нигилизма. Иван Карамазов и был адвокатом такого отвержения космического иерархизма во имя равенства и равного счастья людей. Легенда о Великом Инквизиторе очень много дает для метафизики русского нигилизма, демократизма и социализма, хотя действие ее и перенесено в атмосферу католического Запада. Очень характерно это русское отвержение Бога, мира, истории, культуры как неравенства. Да сгинет все, лишь бы было равенство!

II

Такое характерное русское явление, как толстовство, проникнуто истребляющей все богатства бытия эгалитарной страстью, в нем действует какой-то демонический морализм. И как характерно толстовство для русских людей, им отравлены и те, которые не сознают себя толстовцами и ничего общего не имеют с толстовским учением. Война и революция обнаружили, как близок русским дух толстовского непротивленства. Традиционное русское народничество всегда было вдохновлено той же эгалитарной страстью и всегда было враждебно иерархизму культуры. Социальный вопрос для русского народничества всегда был исключительно вопросом раздела и распределения, никогда

не творчества и производства. Царство Божье на земле, к которому так стремились русские люди, жившие в угнетении, представлялось прежде всего как царство равенства, как всеобщее уравнивание, как уничтожение всех исторических иерархий, всех качественных возвышений. Лучшие русские люди говорили о всечеловечности и всемирности русского духа. Но несчастье и болезнь русского духа нужно искать в смешении *всеединства*, которое заключает в себе полноту всех ступеней бытия, всех градаций, всей иерархии индивидуальностей от отдельных людей до наций, с упрощительным и уравнительным смешением, в котором тонут и погибают все ступени, все индивидуальные градации и все иерархии. Поэтому русским и представляется единство человечества упразднением наций. С этим связана глубокая антиисторичность русской интеллигенции, ее моралистическое неприятие тех жертв человеческим благом и человеческим равенством, которыми покупается история с ее творчеством культур и государств. Русских людей соблазняет мгновенное погружение в абсолютное единство и абсолютное равенство, без трудного пути истории, без ступеней, без иерархических различий и отбора лучших. Традиционная русская мораль не придает значения личной ответственности, личной заслуге, подбору личных качеств. Русская мораль не любит силы, всякую силу считает дьявольской, а не божественной, и безнравственно для нее всякое возвышение и иерархически более высокое положение, основанное на заслуге, достоинстве и качестве. С горечью нужно признать, что это не арийская мораль. Многие видят в таком моральном сознании христианскую природу русского народа. Но я думаю, что это огромное недоразумение. Христианство не отрицает личной ответственности за свою судьбу, личной заслуги, личных качеств и возвышений. На Западе все эти свойства связаны с христианской культурой личности. Цвет христианской жизни – святость есть качественный отбор, возвышение, выживание духовно сильнейших. Христианство – иерархично. Жертва – явление силы, а не слабости.

Все мироощущение и миросозерцание русской интеллигенции должно было привести именно к такой революции, какой и оказалась русская революция. В ней возобладал дух небытия, дух уравнивания, погружающий в ничто, в пустоту, дух смешения и истребления всех различий и достижений. Инстинктам народной массы, еще темной, но уже утерявшей веру, эта новая религия всеобщего уравнивания и смешения, всеобщего стирания всех иерархических различий и иерархических качеств показалась очень соблазнительной и подходящей. Низы народные, несознательные, некультурные и изменившие вере отцов, поняли демократию как низвержение всякого иерархического соподчинения, всякого качественного подбора, как торжество восставшего механического количества. В нравственном облике нашей революционной демократии восторжествовал хамизм, низвергающий всякое благородное почитание того, что качественно выше, достойнее, ценнее, духовно сильнее. Каждый самый ничтожный, самый низкий по своей духовной культуре, по своей одаренности, по своему моральному облику, почувствовал себя царем и самодержцем, ощутил себя носителем суверенной власти. Непонимание

благородства иерархического соподчинения, благородства признания и почитания высшего свойственно хамам. Рабы видят высшее состояние в бунте против всего, что выше. Солдат считает унижительным для своего достоинства отдавать честь заслуженному генералу. Он видит достоинство в уравнительном смешении, в том, чтобы каждый был сам себе генералом. Такого рода пробуждение достоинства в солдатах привело к позорному бегству и измене, т. е. к полной потере чести.

III

На этой почве нация пришла к самоубийству. На этой почве развалилась не только армия, которая может быть лишь иерархическим организмом, но разваливается государство, разваливается культура, разваливается всякий общественный лад и строй, разваливается личность. Злобная зависть к соседу, в чем-либо возвышающемуся, материально или духовно, положена в основание русской революционной демократии. Жалкое и низкое основание, на котором нельзя ничего строить, ни государства, ни культуры, ни жизни хозяйственной, ни жизни духовной! Разрушение всякой иерархии есть уродливое и безобразное смешение, отрицание космических начал общественной жизни. Поистине строй и лад общественный есть лишь неотрывная часть строя и лада космического. Анархия есть разрушение космоса, восстание хаоса и его возобладание над всякой иерархией. Русская страсть к равенству во чтобы то ни стало есть также отрицание личного начала, это – страсть к безличности, утопление личности в хаотической стихии, в хаотическом коллективизме, во всеобщем бескачественном смешении. Личное начало неразрывно связано с иерархизмом, с космическим строем вселенной, оно предполагает различия, возвышения, качественные несходства. Личность отцветает и погибает, когда ее держат в принудительном равенстве со всеми другими личностями, когда всякое нарастание ее силы, ее значительности, ее качественного своеобразия задерживается и умеряется уравниванием с соседями. Это – обида для лучших, потворство худшим. В царстве механического равенства, всех и вся смешивающего в количественной массе, возможны лишь безличные личности. Церковь – образец истинного иерархизма, – в ней личное начало, которому придается абсолютное значение, соединяется с иерархической соборностью, с мистической иерархией, но нет уравнительного смешения, нет принуждения личности к равенству со всякой другой личностью. Этот космический иерархизм проникает и всю культуру, которая есть подбор качеств и возвышение более ценного. Этот космический анархизм проникает и всякую государственность, на нем покоится всякая власть, которая, по словам Апостола Павла, от Бога, и это верно и по отношению к самым демократическим государствам. Разрушение всякого иерархизма в государстве, в обществе, в культуре, в жизни религиозной есть возвращение к первоначальному хаотическому состоянию, оно разрушает человека, который есть высший иерархический чин во вселенной, и отдает человека во власть низших хаотических стихий, которые претендуют на равенство с человеком. Да и сам человек есть иерархический организм, в ко-

тором все части должны быть соподчинены высшему центру. При нарушении же этого иерархического соподчинения человек разваливается, в нем гибнет образ и подобие Божье.

Демократический принцип понят у нас до ужаса извращенно. То, что есть истинного в демократии, и есть отыскание путей подбора лучших, устранение ложного иерархизма и установление благоприятных условий для истинного иерархизма. Аристократическое начало заключено в пожеланиях представительной демократии. И демократии ищут путей установления господства лучших. Демократия не непременно исключает высшую иерархию. Свободный, самоопределяющийся и самоуправляющийся народ может признать высшую правду иерархического строя, подбора лучших и соподчинения низшего высшему. Демократия нуждается в воспитании в истинно иерархическом духе, без этого она разлагается и духовно падает. «Буржуазность» в дурном смысле этого слова и есть нарушение истинного иерархизма, выдавание худшего за лучшее, занятие положений, не соответствующих качествам и достоинствам. Снобизм есть отрицание истинного иерархизма и рабство у ложного иерархизма. Демократия, которая признает себя верховным и единственным принципом жизни, уже ничему не подчиненным, есть, конечно, ложь и соблазн. И эта соблазнительная ложь демократии более всего выявляется в русской революции. Но в демократии есть и своя подчиненная правда, которая помогает торжеству истинного иерархизма над ложным иерархизмом. Окончательной же и высшей остается истина, провозглашенная Платоном: идеальной формой правления может быть лишь аристократия, господство лучших, благороднейших, даровитейших, духовно сильнейших. Это и есть истинный иерархизм, на котором только и могут быть основаны государства и культуры народов. Вырабатывается и преемственно передается более благородная и более одаренная раса, которая призвана определять судьбы мира и судьбы народов. Но отыскание представителей этой расы и призвание их к господству – очень сложный и мучительный процесс. Худшим слишком часто принадлежит господство. И вопрос об отношении подбора лучших к кровной, исторической благородной расе сложнее, чем это думают представители примитивной демократической метафизики.

Низвержение расы лучших есть разрушение космоса, посягательство на божественный миропорядок. Само возникновение космического бытия есть различие в славе солнца от луны, звезды от звезды. То же начало должно проникать всю жизнь общественную и должно открывать в ней пути к выявлению истинной иерархии, должно противиться духу уравнилельного небытия. В русской революции обнаружился дух завистливого и мстительно-го низвержения всякой иерархии, не только земной, но и небесной, звездной иерархии. Этот неблагородный дух подрывает духовное здоровье русского народа, обессиливает его и готовит ему печальное будущее. На этом пути невозможно творчество, ибо творчество – иерархично, а не демократично, оно предполагает возвышение и преобладание качеств. Тот, кто не хочет признать высшего, тот попадает во власть к низшему. Таков закон мировой справедливости.

вости. Восставший против Бога и не почитающий святынь, ползает на животе перед идолами и рабствует перед гадами. Человек не может освободиться от религиозного почитания и, когда он перестает религиозно почитать высшее, он начинает религиозно почитать низшее: антихрист заменяет в сердце человеческого Христа и создает свою безбожную иерархию.

Русская Свобода. 1917. № 24–25. С. 5–10.

Троцкий Л.Д.

НА ЧИСТУЮ ВОДУ!

В Московской газете «Утро России» напечатаны новые данные о переговорах Савинкова с Корниловым по прямому проводу. Эти данные представляют исключительный интерес. Из них с несомненностью вытекает то, что нам было ясно и раньше: заговор генерала Корнилова против «правительства Керенского» вырос из другого, более широкого заговора, подготовлявшегося Керенским вместе с Корниловым против революционной России.

Прежде всего – факты.

Генерал Корнилов в своих переговорах с Савинковым определенно указал на сделанное ему предложение диктатуры через посредство В.Н. Львова, который, по его словам, приезжал к нему по поручению Керенского. Львов предлагал Корнилову, по словам последнего, высказать свой взгляд на три формы диктатуры, намеченные Керенским. Первая: Керенский уходит в отставку, правительство упраздняется, Корнилов овладевает диктатурой. Вторая: Керенский с Корниловым разделяют диктаторскую власть. Третья: правительство Керенского само вручает Корнилову диктатуру, после чего добровольно устраняется.

Корнилов ответил, что, по его глубокому убеждению, единственным выходом является установление диктатуры и объявление всей страны на военном положении. Корнилов поручил Львову передать Керенскому, что считает необходимым участие в правительстве диктатуры, кроме себя, Керенского и Савинкова. Им обоим он «настойчиво» предлагал немедленно приехать в ставку для принятия окончательного решения, причем заявил, что, по имеющимся у него «точным сведениям» о готовящемся в Петрограде выступлении большевиков, нахождение Керенского и Савинкова в столице представляется крайне опасным. Далее Корнилов обсуждал «общее положение дел» с верховным комиссаром Филоненко, причем оба пришли к окончательному выводу, что для спасения страны *«необходимо немедленное установление коллективной диктатуры в виде совета обороны при непрременном участии в нем Керенского, Савинкова, Филоненко и Корнилова»*.

Таково существо разоблачений, которые – повторяем снова – совершенно не кажутся нам неожиданными. Наоборот, только в свете этих данных ход корниловского восстания и особенно его подавление становится ясным

в своих основных чертах. 22 июля Керенским была получена от Корнилова телеграмма, в которой этот последний указывал, на каких условиях он готов принять верховное командование. «Во-первых, ответственность перед собственной совестью и всем народом. Во-вторых, полное невмешательство в мои оперативные распоряжения... В-третьих, распространение принятых за последнее время мер на фронте и на (соответственные) местности тыла... В-четвертых, *принятие моих предложений, переданных телеграфно* Верховному главнокомандующему (Брусилову) *на совещании ставки 18 июля*». Таким образом, предъявлены какие-то особые требования, о которых Керенский не считал нужным ничего сообщить, когда передавал телеграмму печати.

Весь август прошел в непрерывных переговорах между Корниловым и Керенским, причем в качестве посредников выступали неизменно те же Филоненко и Савинков. В своем письме в газете «День» Филоненко совершенно не отрицает того, что он был посвящен в планы и замыслы ген. Корнилова. Да и как мог бы он это отрицать? Восстание подготовлялось в течение ряда недель, причем подбор офицеров, агитационная работа ставки и передвижение войсковых частей, отнюдь не вызывавшееся оперативными потребностями, происходили на глазах Филоненко. 2 августа в ставку прибыл Савинков, где вместе с Филоненко участвовал в совещании комиссаров и представителей армейских организаций. Это было за три дня до открытого восстания ставки. Савинков не мог не знать, что, согласно одному из вариантов, ему отводится одно из мест в военной диктатуре. Об этом прекрасно знала суворинская «Маленькая Газета», которая настойчиво повторяла, что диктатура в лице Корнилова, Савинкова и Керенского стала неизбежностью и должна осуществиться в ближайшем будущем. Другая суворинская газета «Новое Время» разрабатывала другой вариант той же темы в момент поездки Савинкова в ставку. «*Все правительство, все социалисты и не социалисты, раз они думают спасти Россию, должны предоставить все свои силы в полное беспрекословное распоряжение Верховного главнокомандующего*, чтобы ни одного протеста, ни одного препятствия он не встречал среди людей, которые держат в своих руках массы народные». Так писал 23 августа в «Новом Времени» некий посвященный, скрывшийся под буквами *Θ. Б-тъ*. Члены правительства, с своей стороны, периодически сообщали прессе о каких-то переговорах Керенского с Корниловым, причем тема этих переговоров никогда не называлась по имени.

В своем первом воззвании генерал Корнилов прямо заявил о том, что именно Керенский вовлек его в выступление; поведение представителей Временного правительства Корнилов назвал *провокацией*. Никто, разумеется, не обязан верить Корнилову на слово, хотя, скажем прямо, мы не видим никаких оснований доверять Корнилову меньше, чем его партнерам. Но суть дела в том, что слова Корнилова не встретили опровержения. Посредник Львов подтверждает, по словам газет, заявление Корнилова. Савинков молчит. Филоненко, корниловский кандидат в министры внутренних дел, откликнулся в «Дне» таинственным письмом, которое косвенно *подтверждает* худшие подозрения, вытекающие из слов Корнилова и, главное, из всей логики фак-

тов. Что же касается поведения самого Керенского в отношении корниловцев, то оно таково, как если бы он видел в них не «заговорщиков» и «мятежников», а политических деятелей, которые зашли несколько дальше, чем это считал, по условиям момента, полезным сам Керенский.

Политическая позиция председателя Временного правительства представляла, как известно, пустое место, которое в течение революции все более заполнялось империалистическим и, стало быть, контрреволюционным содержанием. Уже до дней 3–5 июля Керенский всеми своими действиями обнаруживал, насколько отягощает его не только контроль «революционной демократии», но и простой контакт с нею на пути открытого империалистического перерождения его политики. Керенскому нужен был энергичный нажим на него справа, из капиталистических клик, союзных посольств и особенно из ставки для того, чтобы помочь ему окончательно развязать себе руки. Керенский хотел использовать генеральский мятеж для упрочения своей диктатуры. В своей самовлюбленности и провинциальной простоватости он рассчитывал, что удержит генералов в рамках «благоразумия». Но бунтующие генералы отнюдь не склонны были, разумеется, изображать из себя политическое «пушечное мясо» на службе диктаторских комбинаций г. Керенского. Тем более что посредники между Керенским и Корниловым, Савинков и Филоненко, имели *свои* планы, явно играя и на сотрудничестве своих патроннов, и на их конфликтах. Корнилов и его вдохновители явно рассчитывали на Савинкова и Филоненко для окончательного приручения Керенского. А Савинков и Филоненко, как показывают факты и заявления, считали себя одинаково пригодными для диктатуры военной, как и штатской.

В то время как Керенский растерянно колебался под влиянием событий на фронте, внутренней разрухи и политических толчков, переходя от диктаторского высокомерия к плаксивой прострации, Ставка безостановочно вела свою работу и 27 августа уперлась в ультиматум, причем ни Корнилов, ни сам Керенский, ни их посредники не знали точно, есть ли это ультиматум Корнилова Керенскому или их общий ультиматум «революционной демократии».

Таким представляется ход событий из всех известных до настоящего момента обстоятельств дела. Но далеко не все обстоятельства известны. И слишком ясно, что не только обвиняемые, но и нынешние официальные обвинители слишком заинтересованы в том, чтобы обстоятельства корниловского заговора не были вскрыты до конца. И этот вопрос сейчас теснейшим образом связан с вопросом о власти. Правящие бонапартисты уже по тому одному не могут согласиться добровольно на советскую власть, что это неизбежно расширило бы рамки производимого сейчас расследования, и кое-какие репутации потерпели бы при этом не только политический ущерб. С другой стороны, кто сейчас требует полного и всестороннего расследования корниловского заговора, тот тем самым исключает возможность коалиции. Это поняли шустрые публицисты «Дня»: они поставили несколько дней тому назад ряд крайне щекотливых вопросов по поводу роли Филоненко, Савинкова и

Керенского в подготовке корниловского мятежа. Но после самоубийственно-го письма Филоненко мелкие публицистические маклера банковской газеты сразу замолчали: они мигом поняли, что их «честная коалиция» исключает не только серьезные социальные реформы, но даже и простое честное расследование военного заговора контрреволюции.

Тем решительнее будет партия революции бороться за то, чтобы вывести всех заговорщиков на чистую воду.

Рабочий Путь. 1917, 21 сентября (8 сентября ст. ст.). № 5.

Ежов В. (Цедербаум С.О.)

В ЧЕМ ДЕЛО?

В один голос «День», «Речь» и «Единство» *восстают против* предстоящего Демократического совещания. В трогательном единении они стараются заранее опорочить его перед страной, утверждая, что революционная демократия, выступив против коалиции с кадетами, тем самым стала на почву большевизма...

В чем дело? Мы привыкли уже к тому, что обывателя запугивают большевизмом. Этот прием с успехом применяли чины контрразведки, Бурцевы, Алексинские, реакционеры из Ставки, когда надо было скрыть измену или неспособность генералов, нужно было убедить страну в необходимости укреплять новую Россию при помощи смертной казни и репрессий налево. Не будем поэтому поддаваться гипнозу страшных слов, а постараемся выяснить, в чем же сущность столкновения.

Кадеты, до сих пор высмеивавшие идею коалиции, теперь распинаются за нее; отказ от коалиции «День» и «Единство» объявляют большевизмом, которым внезапно заразились Центр[альный] Исп[олнительный] Комитет, меньшевики, Церетели... Но, концентрируя все внимание читателя на самой идее коалиции, они все тщательно обходят вопрос о том, *во имя чего* необходима коалиция, *куда и какими путями* коалиционная власть должна вести страну.

Дело ведь в том, что революционная демократия отнюдь не отказывается от коалиции социалистических и не социалистических сил страны; она не отказывается и от сотрудничества с цензовыми элементами. Но опыт нескольких месяцев и особенно корниловский мятеж кое-чему ее научили, на кое-что открыли глаза. Выяснилось, что участие в коалиции *связывает* революционную демократию и, наоборот, оставляет *полную свободу действий* цензовым элементам.

Почему оказалась невыполненной программа внешней политики, борьбы за мир первой коалиции? Почему дальше бумажного разрешения не подвинулось дело радикальных финансовых мероприятий, государственного контроля над промышленностью и ее регулирования? Почему армия революционной России осталась в руках контрреволюционного Генерального штаба,

Ставки, командного состава? Почему, наконец, коалиционная власть оказалась вынужденной разить налево и быть весьма щепетильной по отношению к проидам с правой стороны, закрывая глаза на открыто подготовляющиеся мятежи, оставлять неприкосновенными очаги контрреволюции?

Не потому ли, что до сих пор коалиция покоилась на обмане – стране внушали, что во имя революции необходимо сотрудничество имущих верхов и демократии, а фактически под вывеской коалиции имущие верхи вели реакционную политику, стараясь остановить ход революции, подготовить почву для своей победы над нею?

Соучастие кадетов и близко к ним стоящих групп в мятеже Корнилова сразу осветило революционной демократии действительное положение вещей. И теперь она пойдет на коалицию – с кадетами или без них, это вопрос второстепенный – только в том случае, если это будет коалиция честная, коалиция революционная.

Довольно уже написано программ для революционной власти. Теперь речь идет о методах проведения их в жизнь. Революционная демократия пойдет вместе только с теми общественными группами, которые решительно встанут на путь революционных действий, не убоятся управлять страной, опираясь на народ, на демократические массы. Если на это пойдут кадеты, тем лучше для революции.

Но для этого они должны будут согласиться на решительную внешнюю политику, отказывающуюся от приемов царской и вообще традиционной дипломатии; они должны будут признать неотложным делом очищение армии от контрреволюционных элементов – снизу доверху, с применением действительно революционных мер; им придется признать недопустимой политику уступок и колебаний в вопросах экономических и финансовых; им надо будет силу правительства черпать в единении с революционной демократией.

А это единение, как показал опыт, создается не общими резолюциями. Корнилов одним ударом уничтожил возможность *независимой* власти. Отныне может быть сильной, поддерживаемой народными массами только та власть, которая будет *ответственна* перед страной. И до созыва Учред[ительного] собрания органа, выражающего волю громадного большинства населения, явится парламент, который в той или иной форме будет создан созываемым Демократическим совещанием. Перед ним должна быть ответственна революционная власть.

Так и только так мыслит коалицию революционная демократия. Усматривать в этом большевизм, значит сознательно затушевывать действительное положение вещей. Пусть ответят «Единство», «День» и особенно кадеты, хотят они *такой* коалиции, или для них коалиция означает *капитуляцию* революционной демократии перед цензовой Россией?

Нольде Б.Э.

МИР

Пока мы заняты довольно бестолковыми поисками формы нашего политического бытия, пока мы заполнили всю нашу жизнь политическими «заклинаниями» и окончательно, кажется, утратили всякое чувство реальности, – остальной мир, по временам оглядываясь в нашу сторону, продолжает жить своей великой жизнью цивилизованного человечества. Великие проблемы международного строительства, которые сначала мы пытались разрешить одним из столь любезных нам «заклинаний», а потом, в безнадежной суетности наших внутренних распрей, просто-напросто забыли, остались живыми. И мы лишь верным путем идем к тому, что их решат за нас и против нас, ибо снять их с очереди мы не властны, а активно участвовать в их решении, утрачиваем всякое право.

Между тем время уходит и уходит – таково мое впечатление – быстрее, чем можно было думать два-три месяца тому назад. Ряд сведений, идущих из Германии, которые мы бегло пропускаем мимо глаз в утренних газетах, говорит о том, что в Берлине зреют решения, которые могут создать для России величайшие, почти безвыходные трудности. Если верна телеграмма, полученная здесь в разгар корниловской эпопеи, о том, что канцлер Михаэлис заговорил о возможности раздела Эльзас-Лотарингии; если верно, что Германия в ответ на папскую ноту готовит изложение своей мирной программы; если эта мирная программа, как намекает разговор о разделе Эльзаса, будет состоять в том, что Германия уступит на западе, чтобы приобрести на востоке, если уступки на западе будут серьезны, – то для нас наступит час расплаты за то, как мы воевали при старом и новом режиме. Тут никакие «заклинания», даже из уст гг. Луначарского или Чернова, не помогут. Сожжет, кое-что спасет дипломатическая техника, с таким презрением отвергавшаяся, «тайные договоры» с таким негодованием бросавшиеся в мусорную корзину, но и на них идеологи «реального соотношения сил» пусть больших надежд не возлагают.

Я настойчиво приглашаю читать агентские телеграммы из-за границы. В нашей воле заставить самих себя неделями переживать, пока мы устроим себе коалиционное правительство или полноту власти органов революционной демократии, но события и решения Запада нас ждать не будут. Надо помнить, что в каждый данный момент мы можем оказаться лицом к лицу с реальностью международной жизни, и что лицом к лицу с этой реальностью, как дым, рассеется мир призраков, которым мы живем. Мне странно думать, что накануне той минуты, когда русской власти, при встрече с этой реальностью, придется пережить величайшие испытания, к захвату этой власти тянется столько рук. Ибо я не думаю, чтобы подписание продиктованных этой реальностью условий мира и все, что за сим последует, вплетет лавры в чей бы то ни было венок, революционный или контрреволюционный. Сейчас за нас воюют союзники; за нас платят долги; мы отрезаны от всякой международной конкуренции и можем позволить себе приостановку национального произ-

водства и безудержное растрачивание народного достояния; мы взяли, при помощи экспедиции заготовления государственных бумаг, на государственное иждивение пол-России. Все эти блага кончатся в день заключения мира. Те, кто, в лицемерной и обманной фразеологии, провозгласили всеобщее и явное право на праздность, вынуждены будут не только провозгласить суровую обязанность каторжного труда, но вдобавок еще принести народу мир, который удвоит эту каторгу; пусть не думают они, что обман останется нераскрытым, а слепота и легкомыслие прощенными.

На наших глазах только что приотворилась дверь этого будущего. Еще тогда, когда президент Вильсон не воевал, а убеждал воюющих помириться, он с высот нейтралитета великой страны сделал в своем послании к сенату наблюдение, которое сейчас поучительно вспомнить. Он утверждал, что воюющие ближе к миру, чем им кажется, и приводил пример Польши, относительно которой все молчаливо признали необходимость ее воссоздания. В январе этого года, когда это наблюдение высказывалось, оно, конечно, было еще далеким от истины. В России созывалась еще комиссия князя Голицына, на которой, как господствующее течение, обнаружилось стремление остаться при формуле польской автономии в составе России. Германия и Австро-Венгрия дали 5 ноября предшествующего года теоретическое обещание создать польское королевство, но все усилия направляли на то, чтобы свести на практике это обещание к простому рекрутскому набору за счет польского населения. Временный государственный совет, который они создали в Варшаве, был явной фальсификацией польской народной власти, ибо составлен был из людей, которые в стране были несомненным меньшинством и не обладали даже тенью власти.

С тех пор условия изменились. В марте русское Временное правительство признало польскую независимость, а польский народ, пользуясь даже негодной формой первого государственного совета, под напором общественного мнения, превратившегося в орган противонемецкой кампании, начал борьбу за завоевание подлинной государственности. Борьба после долгих месяцев привела к тому, что оккупационная власть решилась, через год после провозглашения самостоятельности польского королевства, признать на деле польскую государственность.

Официальное толкование, которое дается только что последовавшим актом о польском регентстве центральными империями и которое сводится к тому, что они признали «своевременным» осуществить свое прежнее обещание, не вскрывает, конечно, подлинных пружин событий. Нет сомнения, что законы о польской власти в Польше представляют собой политическое завоевание, заново совершенное самим польским народом; своими усилиями он сделал невозможным сохранение в царстве обманных и призрачных форм, за которые так держалась оккупационная власть. Но есть и другая сторона дела. Решение, которое, под влиянием из Польши, приняли центральные империи, есть решение международное. Оно свидетельствует, что так или иначе, но центральные империи сделали теперь тот шаг, который сделала Россия в начале револю-

ции. Если двусмысленные и неискренние обещания 1916 г. мало связывали центральные империи и могли, и должны были служить средством осуществления «скрытой аннексии» Польши, согласно увлекавшей всю Германию в прошлом году формуле о «скрытых аннексиях», то факт подлинного государственного бытия Польши с призыванием ко власти партий, открыто враждебных сближению с немцами, конечно, связывает и делает программу «скрытой аннексии» явно неосуществимой. Если, сознавая это, а не созная это было невозможным, Германия решилась на издание актов о регентстве, значит, она признала необходимость сделать первый серьезный шаг к миру, по крайней мере, по рецепту президента Вильсона.

У нас то, что случилось, уже не ощущается как национальное бедствие, ибо мы, бессознательно преклоняясь перед суровой действительностью наших военных неудач, мысленно примирились с отторжением русской Польши и гибелью мечты обустроить братское сожитие с поляками под одной государственной крышей. Но да послужит случившееся некоторым предостережением. За утратою Польши могут последовать такие утраты, с которыми даже сейчас мы не можем мириться. Чтобы избежать их, надо неизменно помнить, что события не ждут и что нас вычеркнут с международного счета, пока мы легкомысленно предаемся борьбе теней и миражей.

Речь. 1917, 9 (22) сентября. № 212 (3954).

Куделли М.Ф.

ДЕТИ И ВОЙНА

Поэты очень часто сравнивают детей с цветами, называя их «цветами жизни». Как красиво и верно это сравнение! В самом деле, что может быть прекраснее здорового, веселого ребенка, резвящегося в саду, в поле, в лесу в летний солнечный день! Глаза горят, щеки пылают, волосенки развеваются по ветру.

Как беззаботный птенчик, он, то щебечет что-то, а что, может быть, и сам не знает, или напевает какую-то песню, бессознательно соединяя вместе разные мотивы, какие только ему приходилось слышать. Смотришь и смотришь на резвящегося малыша и не хочется оторвать глаз от этой милой картинки.

И мысли, одна обгоняя другую, проносятся, теснятся в уме. Пройдет полтора десятка лет, и из малышей вырастет новое молодое поколение. Оно будет жить в новых условиях. Будет счастливее нас! А малыш, ни о чем не думая, гоняется за бабочками и, как живой цветок, мелькает среди полевых цветов. Но какое ничтожное количество детей живет в здоровых, нормальных условиях, несмотря на то, что жизнь их протекает среди простора полей и лугов. Возьмем нашу русскую деревню. Смертность детей в ней достигает громадных размеров. «Дети у крестьян мрут, как мухи, в особенности грудные», — так говорят

и пишут все, кому только приходилось жить в наших селах и деревнях. Отчего же это так? От плохого и неумелого ухода, от недоедания и частых голодовок.

Разве есть у нас в деревне для детей хоть какие-нибудь учреждения, которые улучшали бы хоть немного их положение?

Нет ни общественных яслей, ни детских садов, ни детских больниц, ни медицинского надзора, общественных столов. Разве читаются в деревнях какие бы то ни было лекции, хотя бы о кормлении детей, об уходе за ними и об их воспитании?

Только весна и лето оживляют крестьянскую детвору, зиму же ей очень часто за неимением теплого платья и обуви приходится проводить в душной избе без воздуха и света. Как бледнеют дети за это время! Глаза слезятся, под ними синие круги...

В духоте тесной избы развиваются заразные болезни и переносятся из одной избы в другую. Оспа, корь, скарлатина, дифтерит, как острой косой, косят ни в чем неповинных ребят, и детские гробики в деревне зимой заурядное явление. К этому так привыкли, что по малым детям в деревне мало и плачут. Есть даже особая пословица, примиряющая родителей со смертью ребенка:

Дите помирает,
Ангельчиком душенька
В небо взлетает.
Как подоле поживешь,
Грехов поболе наживешь!

И мрут, и мрут бедные цветики жизни, не успев расцвести, мрут без медицинской помощи и ухода.

Как живут пролетарские дети в городах, мы очень хорошо знаем. В одной комнатухе ютятся отец, мать и несколько ребят. Воздух спертый, пахнет сыростью и гнилью. Летом детвора без призора гуляет на пыльных панелях и в зловонных дворах. Личики бледны, ножки кривые, животы вздуты, вот как уродуются пролетарские «цветы жизни» от тех условий, в которые они поставлены современным капиталистическим строем. А что сделала с ними война? Она увеличила детскую смертность больше чем вдвое. В деревне мать занята тяжелой мужицкой работой, некогда ей смотреть за детьми и нечем кормить, муж на войне, она работает и за него, и за себя. В городе солдатка работает на заводе или на фабрике, служит на трамвае и т. п., ее дети представлены сами себе, без ласки, без ухода и даже без самого необходимого – без хлеба. Вспомним, как трудно достать теперь даже за самую высокую цену хлеба, яиц, мяса, масла, молока... А бешеная дороговизна заставляет уменьшать ежедневную порцию в обеде и ужине. И прежде всего это недоедание со всей силой отражается на слабом, нежном организме ребенка. Стоит только постоять в хвостах в ожидании молока, чтобы убедиться в этом воочию. Здесь вы всегда встретите матерей с грудными крошками на руках. Дитя плачет, мать сует ему в рот свою грудь, но ребенок не находит в ней молока и плачет еще

громче. Она дает ему другую грудь – то же самое. Он сначала принимается усердно сосать, но свистит только воздух, молока нет, и ребенок заливается громким плачем. Мать в раздражении и вне себя, бьет ребенка и кричит: «У-у! Окаянный, угомону на тебя нет. Помер бы, что ли, чем тебя кормить?»

И сколько таких матерей!

Стоят это они, стоят в хвостах, баюкая ребят. Затекают ноги, ноют руки. Наконец и до них доходит очередь, но, о, ужас! Нет больше молока, израсходовано все...

И, прижав к пустой груди голодного ребенка, идут они домой, низко опустив голову...

Что ожидает этих детей? Голодная смерть? И смерть беспощадно косит малюток. Они такие же жертвы войны, как и их отцы, погибающие на поле сражения. Смерть пирует в тылу и на фронте. Зайдите в любую церковь, и вы почти всегда найдете там несколько простых деревянных гробиков и несколько плачущих женщин. Я как-то раз проходила мимо одной церкви в то время, когда только что открыли дверь, чтобы внести гробик, и из церкви гулко хором донеслись чьи-то рыдания, причитания и вопли. Какая-то сила помимо моей воли потянула меня туда. Я поднялась по каменным ступеням и вошла. Посреди храма стояли столы, приставленные друг к другу, а на них я насчитала тринадцать гробиков. Крышки были сняты. Желтые личики, впалые щеки, полуоткрытые глаза. «Вот они, “наши цветы жизни”», пронеслось в моей голове. Монотонно поет священник, матери истово крестятся, плачут. – «Васенька! Васенька-а-а!» – надрывающим душу голосом тянет одна мать, наклоняясь к родному гробику...

Это повседневные обыденные явления. Голод, смерть и разрушение...

Растущая детская смертность наконец обратила на себя внимание Отдела охраны труда при Совете раб[очих] и солд[атских] деп[утатов], и он решил ввести особую меру в целях сокращения смертности детей. Что же это за мера? И как ничтожна она в сравнении с ужасающим общественным бедствием. Отдел охраны труда обратился к Петр[оградскому] Сов[ету] раб[очих] и солд[атских] деп[утатов], в Центральный Совет профессиональных союзов и в Общество фабрикантов и заводчиков со следующим предложением: нельзя ли на началах взаимного соглашения между предпринимателями и рабочими установить перерыв в работах женщин, имеющих грудных детей, для кормления детей...

Какое благое пожелание! Какая заботливость о грудных детях! Об одном только не подумали: может ли быть в груди кормилицы достаточно молока, когда она сама недоедает, когда ей нечего есть, когда и за деньги ничего не достанешь? Мать должна обильно питаться, только при таком условии она выкормит здорового ребенка.

Остановит ли смертность детей эта мера? Конечно, нет. Это все равно, если бы кто-нибудь пожелал ковшиком вычерпать море. Вымирают будущие работники, будущее поколение, будущие борцы здесь, на наших глазах, их отцы десятками тысяч гибнут на фронте. Перед нами неотступно стоит серьезный

и жгучий вопрос: кто губит нашу опору и надежду, нашу радость, любовь? Кто убийца наших детей? И не затуманивая свой ум никакими ничтожными мероприятиями, не прибегая к сделкам с собственной совестью, мы должны ответить на поставленный вопрос честно, правдиво и открыто: все те, кто начал эту братоубийственную войну, и кто ее продолжает, – виновники гибели двух поколений: отцов и детей. Окончание войны есть в то же время и уменьшение детской смертности больше, чем наполовину. Все силы нашего ума и воли должны быть направлены не к затягиванию губительной бойни, а к ее окончанию.

И тогда широкая работа откроется перед нами: сделать жизнь наших детей здоровой и красивой, воспитать их душу и тело, вырастить цветы «жизни», о которых говорят поэты, создать из них нового человека, достойного борца и работника за новый общественный строй, за царство социализма.

Работница. 1917. № 9. С. 3–6.

Ростовцев М.И.

НАУКА И РЕВОЛЮЦИЯ

Когда три года тому назад народы Европы столкнулись в кровавой и затяжной борьбе, перед всеми деятелями науки, под знаком которой протек XIX в. и которая, казалось, еще пышнее расцвела в XX в., встал тревожный вопрос: какая судьба ждет великую интернациональную *respublica litterarum*, где, несмотря на упорное стремление Германии к гегемонии и несмотря на здоровое чувство отдельных, даже мелких национальностей, толкавшее их на путь создания национальной науки, все же чем далее, тем более крепло сознание единства мировой научной работы, не связанности в основе науки как такой с тою или другою национальностью, с тем или другим государством.

Упорное и постоянное искание путей к тому, чтобы парализовать многоязычие науки является, может быть, наиболее ярким показателем сознания единства и цельности мирового научного творчества. Пути эти были многообразны, попытки энергичны и продуманны, но не все средства одинаково хороши и целесообразны. Панацеи найдено не было.

Одним из могучих средств международного научного общения были международные конгрессы, захватывавшие одни области за другими. Сделали они немало, главным образом в смысле личного объединения деятелей науки, знакомства ближайших специалистов одних с другими, личной взаимной оценки и смотра научным силам отдельных стран. Сильнейшим препятствием к созданию того, что официально всегда стояло на знамени конгрессов, т. е. к организации общей научной работы, была, с одной стороны, многочисленность конгрессов, куда съезжались все – призванные и непризванные, а еще больше многоязычность их. Все меры к сокращению числа допущенных на конгрессах языков не приводили к цели. Напротив, все больше и больше раздавалось

вполне законных требований расширить число языков, признанных языками конгресса, а это делало конгрессы все менее и менее действительным средством к организации международной научной работы. Не достигалась и вторая официальная цель конгрессов – восстановление единства больших научных дисциплин, обезвреживание дробления и специализации. Тяга к специализации была так велика, что конгрессы естественно распадались на отдельные группы специалистов, не растворявшиеся даже в организациях отдельных секций.

При всех этих недочетах конгрессы все-таки способствовали и достижению официальных целей. Все более укреплялась тяга к созданию общей, координированной работы, единство науки, несмотря на ее специализацию, сознавалось все сильнее.

Рождалась идея необходимости новых организаций – конгрессов небольшого числа специалистов. Создалась мощная организация союзов академий, давшая ряд благотворных результатов. Все настоятельнее ощущалась необходимость взаимного осведомления. Многие крупные журналы приобретали все более и более международный характер. Росла тяга к изучению среди групп специалистов тех языков, которые в данной области были носителям большой научной работы.

Все это движение властно приостановлено войной. Война вскрыла с неопровержимой ясностью плохо прикрытое мантией международности стремление Германии к научной гегемонии, не основанное на действительном превосходстве. Ясно стало, что Германия делала прежде всего усилия использовать все международные силы для разрешения близких и нужных ей задач и провести везде и повсюду плодотворную, с одной стороны, но губительную – с другой, тенденцию к механизации научной работы, к массовому фабричному производству в области научного творчества.

Союзные страны с огромной силой ощутили необходимость тесного взаимного общения, объединения своих сил и средств, для того чтобы после войны идти рядом с Германией в области научной работы. Без подчинения и без руководства с чьей бы то ни было стороны. Необходимость поддержания идеи единой науки ни один момент не была подвергнута сомнению, но надо было найти более здоровую почву для этого объединения, на основе свободного развития науки в недрах каждой нации с наиболее рельефным выявлением всех национальных особенностей научного творчества.

Все эти попытки остались, однако, в рамках благих пожеланий и теоретических рассуждений. Первое, что требовалось и что было предпосылкой для дальнейшего здорового развития, это было внутреннее научное самоопределение каждой страны, подсчет своих сил и здоровая организация научной работы.

Нужно это и полезно было и для стран со старой культурой и прочной организацией научной работы – для Англии и Франции, еще нужнее для тех стран, которые находились под исключительным и давящим влиянием германской науки и которые до войны тщетно пытались от этого влияния освободиться. Я имею в виду главным образом Италию и Россию, которые обе уже

давно осознали себя сильными и творческими, но не сумели дать надлежащей организации своим научным силам и надлежащей материальной базы для своего научного творчества.

Особенно тяжело было и остается положение России. Нигде так ясно не сказалось основное горе России, ее первородный грех, ее органическая беда, усиленная губительной политикой русского самодержавия. Пропасть, которая образовалась между русской интеллигенцией и массами населения, лишала и лишает русскую науку той базы, на которой она, по состоянию своих интеллектуальных, творческих сил, могла и должна была бы стоять.

Надо открыто сознаться в том, что в России наука оказалась каким-то оранжерейным цветком, расцветавшим в теплицах университетов и академий, не связанная органическими нитями даже с интеллигенцией, не говоря уже о массах населения.

В России наука, настоящая чистая наука, без интеллектуального развития, жила исключительно государством, могла существовать только постольку, поскольку ее поддерживало и питало государство.

Возьму область науки, мне близкую и знакомую, – науки гуманитарные. В Германии, во Франции, в Англии всякая научная работа, всякий научный труд, конгениальный национальному духу, находит всегда сравнительно широкий круг людей, который его воспринимает и перерабатывает в своем сознании, делает базой для дальнейшей научной работы. Создается школа со своими традициями и методами, создается среда, из которой вырастают дальнейшие научные работники. Налицо круг лиц, покупающих и читающих научную книгу, находящую себе сбыт и поэтому находящую и издателей. Мощная книжная торговля, естественно вовлекавшая в свою орбиту и заграничных клиентов, является показателем интереса к науке и базой для дальнейшего научного развития.

Носителями непрерывности научного творчества были и остаются сплошные серии научных трудов, объединенные одной идеей, научные журналы, существующие десятками лет. Все эти серии и журналы только частью живут при помощи субсидий государства, в большинстве случаев это создания частной инициативы, поддержанные сбытом.

Наряду с научными предприятиями в стране и вне ее – напомним хотя бы об археологических экспедициях и раскопках, – которые ведутся на счет государства, целая серия таковых живет самостоятельно, без помощи государства и на средства общества и частных лиц.

Почти ничего подобного мы не находим в России. У нас нет ни одного издательства, которое уделяло бы внимание научным книгам. Те, которые этим занимались, смотрели на свою деятельность, как на род просветительской благотворительности. Рассчитывать на сбыт, да и то, только в самое последнее время, могли лишь книги популярные, по большей части переводные. Вся чистая научная работа держалась исключительно государством. Правда, в этом отношении за последние десятилетия наблюдался решительный поворот. Интеллигенция все более и более подымалась до научной, национальной кни-

ги, научные исследования начали находить себе сбыт. Но деловая Россия плохо усвоила себе этот поворот, и наши издательства, как раньше, так и теперь, чуждаются и боятся научных книг, не идя дальше издательства учебников и так называемых, по большей части, переводных научных книг.

То же и в области журналов. Наши большие журналы пытались отражать научное движение, но делалось это без системы и без разбору. Все, что легко читалось, независимо от того, чужое это или свое, пережевывание ли это старого или попытка сказать что-либо новое, находило себе приют на страницах толстых журналов. Все же эти журналы сыграли свою роль и воспитали в читателях некоторый интерес к науке.

Наука, однако, отставала от требований к ней. Для потребностей в популярно-научной литературе у нее не хватало национальных сил. Приходилось прибегать к переводам и пересказам, наводнять рынок макулатурой иностранного происхождения, плохо понятой самими переводчиками и еще хуже ими пересказанной.

Не лучше обстояло дело с научными предприятиями и исследованиями. Все, что делалось государством, делалось ощупью и без системы. Поддержки себе вне государства исследовательская работа не находила нигде. Достаточно сказать, что до сих пор в России нет почти ни одного, думаю, даже буквально ни одного научного журнала, которые существовали бы без поддержки государства, да и эти последние возникли только в самое последнее время, и кто знает, долго ли они еще будут существовать.

Каковы же причины этого двойственного, неопределенного и тревожного состояния русской науки?

Коренной и основной причиной я считаю то, что наука всегда была чужда официальной России, что в составе русского государства она была только терпима, что никто не стремился и не способствовал установлению связи между наукой и населением, не хотел и боялся этой связи.

Я не говорю уже о стеснениях свободы научного творчества и научного обучения, державших в постоянных тисках русскую мысль как раз там, где проявлялась наибольшая сила ее творчества: в вопросах религии, в области философии, в сфере политических и экономических наук. Печальные плоды этого мы пожинаем теперь в том бесконечном невежестве, которое проявляют все в России, когда судьба столкнула Россию с важнейшими вопросами своего будущего строительства.

Еще показательнее отношение всей официальной, а через ее посредство и всей остальной России к науке, как таковой, независимо от цензурности или нецензурности проводимых ею идей.

Казалось, как я говорил раньше, что наука в России держится и живет только государством. Это, несомненно, так. Но какова была эта поддержка? Науку официальная Россия поддерживала только как *desoium*, а не как жизненный орган, обеспечивавший ее существование: жалкое положение университетов, которые должны были поставлять чиновников, врачей и учителей и, кроме того, людей науки только в той мере, чтобы заполнить кафедры; не менее

жалкое положение технических высших учебных заведений, поставлявших техников второго сорта; бесконечно униженное и пришибленное состояние духовных академий; все это – ясный показатель последовательно проведенного стремления поддерживать видимость науки, но не давать ей возможности укрепиться и пустить глубокие корни в народе.

Не так действует государство, которое действительно верит в науку, признает ее пользу и необходимость, видит в ней не десогит, а постоянную потребность. До сих пор, можно сказать, поддержка науки в России государством была плохо прикрытой фикцией. Государство стремилось этим путем держать науку в своих руках, пользоваться ею, как послушным инструментом. От времени до времени, под напором государственной необходимости, делались шаги вперед, но боязливо и робко, с оглядкой, как бы не перейти меры, не дать действительно науке слиться с народным сознанием.

С этим всегда и последовательно боролась интеллигенция, инстинктивно чувствовавшая необходимость и важность широкого распространения научного мирозерцания. Но не в ее силах было поддерживать науку. Бессильная в борьбе с государством в области политики, не имевшая возможности путем распространения настоящей культуры создавать здоровое будущее, она принуждена была и в области науки довольствоваться сама суррогатами и питать суррогатами суррогатов массы. Над пропастью между массами населения и собою, над пропастью между всем населением и наукой, которой ни в одном здоровом обществе не могло, и не должно было быть, перебрасывались зыбкие и легкие мостики, которые упорно разрушались государством.

Но наука, раз появившаяся и нашедшая себе центры развития, не могла пребывать в этом состоянии полужизни. Сильная творческая натура русского гения пробилась и здесь, как она пробилась и в литературе, и в пластических искусствах, и в музыке. Здесь слабее, чем там, но не надо забывать, что для науки индивидуальное творчество это только одна предпосылка: требуется организация и материальные средства, требуется научная среда соработников.

Несмотря на уродливые условия своего существования, научное творчество создало ряд гениев и ряд достижений. Сумело создать и новые дисциплины, которые, однако, до сих пор, за отсутствием надлежащей среды и подходящих материальных условий развития, у нее успешно вырывали из рук ее германские соседи: назову византиноведение и изучение Востока в области близких мне наук.

Но создать нужную для России армию научных работников русская наука не могла. Слишком неприглядна была научная карьера, слишком тяжело и материальное, и моральное положение русского ученого, чтобы к науке шли все те, кто чувствовал к ней влечение.

Чувство моральной приниженности играет здесь, конечно, главную роль. Материальная необеспеченность окупается, говорят, высоким званием профессора и ученого, почетным положением. Этот «почет» – фикция. Он еле-еле зарождается среди интеллигенции, и он абсолютно отсутствует в массах, которые не знают, ни что такое наука, ни что такое ученый, для которых это

только разновидность барина или, как теперь говорят, буржуя; его не было, и нет и в официальной России. Старая Россия боялась ученых, не верила им, ставила их в унижительное и тяжелое положение. Не велик был «почет» служить буфером между государством, которому ученая Россия не верила и с которым она боролась вместе со всей интеллигенцией, и которое в свою очередь не верило ученым, и студенчеством, которое склонно было видеть в защите учеными науки защиту ими правительства, так как борьба студенчества с государством направилась по недомыслию против науки.

Тяжелое моральное положение вырасталось и от сознания несоответствия затраченного таланта и труда результатам, от сознания отчужденности от массы своих соотечественников, с одной стороны, и от всего остального ученого мира – с другой. Упреки, бросаемые ученым в том, что они не шли и не идут к массе, бессмысленны и невежественны. Для того чтобы дать массе плоды научного творчества – а только те из них ценны, которые выращены самостоятельно, а не сорваны с чужих деревьев – нужно положить десятки лет работы, и не всякий может сам передать массам то, что он создал. Для этого нужны посредники с особым талантом и особыми навыками. Отчуждение науки от масс – ни в коем случае не вина ученых, а вина уродливого развития культурной жизни России вообще.

Не их вина и в том, что нет около них среды, из которой они могли бы черпать живые силы и сознание своей нужности и необходимости, необходимую основу морального спокойствия. Этой среды не может дать университет, в котором бушуют политические страсти и в котором многие хорошие силы поглощались политической борьбой. Этой среды не давала интеллигенция, либо опускавшаяся до маразма, либо пребывавшая в состоянии политической лихорадки. Этой среды, наконец, не давала наука, где в небольшой семье научных работников имелись сотни ученых только по званию, опустивших руки в борьбе с непониманием и отчужденностью. Не вина ученых и в том, что составляет их крест, – в том, что их мало знают в научной среде вне России. Страна, где нет мощной научной организации, не вправе рассчитывать, чтобы ее язык знали и изучали ученые других стран, и единичные научные творцы должны либо писать на чужом языке, что несовместимо с национальным самосознанием многих, либо спокойно смотреть на то, как открытые ими истины игнорируются или открываются вторично. Несмотря на эти поистине тягостные условия, наука в России не только не заглохла и не захирела, но живет и с каждым десятилетием крепнет. Весь этот процесс свидетельствует о силе русского научного гения, и больно только при мысли, каков мог бы быть научный расцвет России при нормальных условиях.

Кое-что сделано в последнее время и в области связи науки и массы населения. Часть интеллигенции поняла значение науки, научные книги начали находить покупателей, интеллектуальный уровень как будто повысился.

Все эти печальные условия существования русской науки особенно ярко осознаны были в эти годы великой войны, когда в сознании всех на первый план выдвинулись вопросы о России как таковой. О ее праве на существова-

ние как великой державы, о ее чести и достоинстве, о законности ее борьбы против попыток ее культурного и материального порабощения.

Русские ученые, в годину великих бедствий предоставленные самим себе, проявили глубокое сознание своего долга перед родиной и сумели показать свою действенную любовь к родине.

Настали грозные дни революции. Перед учеными и наукой встал ряд новых тревожных вопросов. Что несет революция русской науке? Освобождение от тисков старой государственности, надлежащую оценку ее важности со стороны государства, широкую поддержку и признание общества и государства, новое светлое и радостное будущее?

Таковы были перспективы первых моментов. Но пришли дни великой печали. Во всем строе общества и государства вскрылась и обозначилась с потрясающей реальностью пропасть, разделяющая мыслящую интеллигенцию от народных масс, в которых материальные инстинкты и животные интересы заглушили и чувство любви к родине, и сознание великого культурного единства всей России. Неожиданный стихийный успех нашла себе проповедь узких и слепых теоретиков, выбросивших за борт все культурное прошлое России, весь пройденный ею путь, и пытающихся на развалинах интеллигентной России, которую не сумело задуть самодержавие одного, построить самодержавие наименее культурных слоев – крестьян, батраков и рабочих.

Вместе со всей культурой России для достижения невозможного социального и культурного равенства выбрасывается за борт и наука, и все, что ею сделано для России и человечества. Грозит сугубое возвращение старого нашего культурного рабства, которое будет горше прежнего.

По этой колее может пойти и правительство, ослепленное выразившейся якобы волей большинства населения.

Надо ли говорить, какой губительный путь намечается для России? Спасение России не в диктатуре масс, в этом ее гибель. Спасение только в углублении и подъеме культуры России, немыслимой без сильного, богатого и единого государства. Надо искать пути к объединению русской интеллигенции и масс, к уничтожению пропасти между ними, к созданию единого культурного народа. А это будет по плечу только народу, который осознает не внешнее, материальное неравенство – прямое следствие неравенства культурного, а необходимость прежде всего культурного подъема, за которым медленно придет и уравнивание социальное и экономическое.

Таков должен был бы быть лозунг момента. Социальный и экономический мир, развитие всех производительных сил страны – моральных, интеллектуальных и материальных. Все это возможно было бы только для народа, победоносно закончившего навязанную ему войну, войну, цели которой так просты и ясны. Не Константинополь и проливы, не свобода Сербии, Польши и Бельгии, русскому народу – как ни высоки эти цели – прежде всего нужно укрепить свое государство, создать такое положение, когда никто не мог бы им командовать – ни Германия, ни Франция, ни Англия, ни Америка, ни Япония. Побежденная или даже не сумевшая победить Россия никогда не будет само-

стоятельной и сильной; при ее культурной слабости она, утратив свою материальную мощь и свой международный материальный и моральный престиж, будет материалом для культурного и экономического подъема остальной Европы. Победа Германии, равно как и победа союзников без России, одинаково грозят России унижением и слабостью на многие десятки лет. А эти десятки лет затем не вернуть!..

В деле возрождения России наука должна была бы сыграть решающую и определяющую роль. Нет основания повторять трюизмов, которых не хотят понимать только самые крайние проповедники возвращения людей к первобытному состоянию. Достаточно очевидно, что настоящий технический и материальный и не в меньшей мере здоровый моральный и культурный подъем прямо пропорциональны научному творчеству страны, силе и размаху ее научных достижений. В великой Греции и на всем протяжении мировой истории научное развитие шло рука об руку с развитием культуры вообще и, во всяком случае, обуславливало подъем материальной культуры и техники.

Но нормальное развитие науки в современных условиях возможно только в рамках сильной и свободной государственности. Науке ставятся везде и повсюду такие задачи, которые без затраты огромных материальных средств, без сплоченной армии работников и без постоянного содействия государства вне и внутри его пределов недостижимы.

Я не говорю уже о сфере так наз. точных наук, обо всем исследовании природы, о технических и так наз. прикладных науках, включая медицину. Об их потребностях в институтах, лабораториях, опытных станциях, клиниках и т. п. даже широкая публика достаточно осведомлена. Об их необходимости для общества — кстати сказать — не возникает сомнения даже в среде представителей крайних социалистических течений, включая, может быть, и ленинцев.

Иное дело вся сумма гуманитарных наук. Считаются ли и они нужными указанными партиями, не знаю. Но, может быть, и для более посвященных не вполне ясно, в какой мере и здесь необходима огромная затрата материальных средств и широкое содействие государства, в какой степени необходима и в этой сфере не только индивидуальная работа обобщения, но и коллективная — добывания, классификации и опубликования материалов.

Общей с так наз[ываемыми] точными науками потребностью гуманитарных наук является необходимость существования не в одном каком-либо центре, а во всех больших культурных городах настоящих больших научных библиотек по всем отраслям знания. Обычно таковыми являются, кроме центральной публичной библиотеки, библиотеки университетов, открытые, конечно, для пользования не только для студентов и профессоров. Подсобными к ним должны были бы быть библиотеки специальных высших учебных заведений и отдельных научных институтов.

В России до революции библиотечное дело было поставлено из рук вон плохо, и если главная научная работа, сделанная до сих пор, была проделана в значительной мере в столицах и главным образом в Петербурге, то причиной этого является существование почти в одном только Петербурге настоящим

образом оборудованных научных библиотек: Публичной, Академической, Университетской.

Вне Петербурга научные библиотеки находятся по большей части в жалком состоянии. Провинциальные ученые стонут от отсутствия книг, их руки опускаются в борьбе за получение самых нужных, часто элементарных книжных пособий.

Не лучше, однако, обстоит дело и со столичными библиотеками. За последнее время при неизменности их кредитов и расширенном книжном производстве ни одна из них не могла и думать о полноте, хотя бы относительной. Для новой России здесь предстоит огромное, в высокой степени ответственное дело, без которого развитие науки в России будет двигаться черепашими шагами.

С библиотечным делом и, конечно, с развитием научной жизни в России вообще в теснейшей связи стоит рациональная постановка в России библиографии. Надо знать, что есть, чтобы иметь возможность использовать наличный материал. Настоящая библиографическая работа по отдельным специальностям рационально могла бы быть поставлена только в рамках международных. Специалисты отдельных стран должны были бы объединиться, чтобы создать настоящую взаимную осведомленность. Общие обзоры состояния науки в той или другой стране с периодическими дополнениями могли бы быть наиболее рациональными формами осведомления. Но работа рациональной библиографии предполагает, прежде всего, наличность большой армии научных работников, существование ряда специальных научных журналов и общей организации, которая немыслима без содействия и помощи государства – как материальной, так и морально-правовой.

Развитие книги как таковой, научной книги как *porta voce* науки, главного средства науки для фиксирования добытых результатов не может быть обеспечено, особенно в таких странах, как Россия, без деятельной помощи всего народа, для которого это насущная потребность, а не роскошь, т. е. без помощи государства. В России нет ни настоящей книжной торговли, ни сколько-нибудь солидных научных книгоиздательств, как вообще нет надлежащим образом поставленной промышленности и торговли. Нет и такого класса, который мог бы помочь государству в этом деле; нет обеспеченной буржуазии, которая, работая для науки, не останавливалась бы над затратой своих личных капиталов для этой цели. Нет, наконец, и такой среды в составе интеллигенции, которая обеспечила бы верный, хотя бы и ограниченный сбыт научной книги. Незнакомство с русским языком вне России, которое объясняется слабостью русской культуры и русской науки, недостаточной авторитетностью России как культурного и научного центра, не дает русской научной книге широкого распространения за границей, т. е. закрывает для русской книги богатый zahraniчный рынок, наличие которого обеспечило книгоиздательствам Германии и Франции их мировое значение.

Я верю в творческий гений русского народа. И потому не сомневаюсь, что при деятельной поддержке государства, при свободе научного творчества и

обеспечения начинающих ученых необходимыми для работы материалами, русская наука сумеет завоевать себе национальное признание и вместе с русской литературой отвоеует для русского языка такое же положение, которое уже имеют языки французский, немецкий и английский. Я верю и в то, что при здоровой и напряженной культурной работе быстро вырастет и в России класс людей, интересующихся наукой, и русская научная книга, даже специальная, найдет себе широкий сбыт на русском книжном рынке. В этом меня убеждает то, что и теперь, несмотря на самые тяжелые условия, научные книги расходятся в сотнях, а многие и в тысячах экземпляров.

Но и на первое время необходима широкая поддержка государства, государственный книгоиздательский фонд, откуда могли бы даваться пособия и на издание научных журналов, и на публикацию отдельных научных трудов и серий таковых по отдельным специальностям.

Все это, однако, только одна сторона дела. Основная задача – это создать армию научных работников, которым были бы поставлены определенные научные задания. Эта армия не создается до тех пор, пока не вырастет сеть научных организаций с определенными целями.

До сих пор центрами научной организованной работы были, наряду с Академией Наук, почти исключительно университеты. Около них да около небольшого числа специальных высших учебных заведений группировалось то ничтожное количество исследовательских институтов, которые имеются в России.

Между тем только в развитии этих исследовательских институтов лежит будущее науки в России. Никакая творческая индивидуальная научная работа в России не будет возможна, пока мы будем принуждены опираться в этой работе исключительно на учреждения, существующие вне России.

Командировки русских ученых за границу – основная форма создания новых кадров ученых в России и обеспечения возможности работать для уже сформировавшихся ученых, как таковая, нерациональна и нежелательна. Международное научное общение необходимо, помощь одних стран другим в деле формирования специалистов нужна и желательна, но основа научной жизни каждой культурной нации должна быть национальна. Только тогда возможно будет настоящее научное сотрудничество и настоящее научное общение, когда мы не будем только учениками, только подмастерьями, а во многом – и главным образом в том, что ближе всего нашей стране и особенностям нашего научного гения – будем мастерами и учителями других.

Это будет возможно только тогда, когда русская наука в состоянии будет опереться на сеть научных исследовательских институтов, где будут формироваться на работе, на практическом деле кадры русских ученых.

Во главу угла должно быть, конечно, поставлено изучение России, которой мы совсем не знаем, но нельзя ставить и это единственной целью. В целом ряде научных дисциплин такая постановка вопроса была бы нерациональна и вредна.

Тем не менее изучение России есть очередной и существенный вопрос, и ему мы должны уделить серьезное и глубокое внимание. Изучение России во всех областях и во всех аспектах ее многообразной и сложной жизни.

Отвлекаясь, как я уже сказал, от сферы естественно-исторических наук, где много веских слов сказано уже авторитетными учеными, напомним, как мало сделано для изучения России в экономическом отношении. Как мало мы знаем правовую ее эволюцию. Как ничтожно то, что мы знаем в области религиозной жизни России. Как много предстоит еще сделать для действительного познания нашего языка и нашей литературы. Как ничтожны, наконец, наши сведения о России как таковой, о ее племенном и этнографическом составе, о ее быте и особенностях культурного уклада отдельных ее народностей.

Все это без специальных исследовательских центров останется в пределах распыленной, не координированной, случайной работы. Как обширно и ответственно то, что предстоит сделать, я позволю себе выяснить на одном близком мне примере. Познание исторического прошлого России должно было бы быть тем, чем могла и должна была бы гордиться Россия. Много ли в этом отношении сделано? Выяснен ли хотя бы в основных чертах запас наличных исторических материалов? Приведена ли в известность наличность того, что хранят в своих недрах наши архивы и другие хранилища документов? Боюсь, что здесь, где работы сделано больше всего, все-таки мы не вышли за пределы случайных попыток и отдельных начинаний. В каком жалком положении находятся наши архивные комиссии! Много ли у нас подготовленных архивных работников? Где те учебные заведения, которые могли бы их давать? Наши археологические институты не научные учреждения, а сбор каких-то случайных курсов, по большей части общеобразовательного характера.

Как обстоит дело с обследованием материальных культурных остатков Древней Руси? Дело раскопок у нас в зачаточном и кустарном состоянии, о планомерном расследовании России в этом отношении, даже одного только ее центра, не может быть и речи. Об окраинах же и говорить нечего. Археологические музеи, где должен был бы быть собран подлежащий изучению материал, у нас в зачаточном состоянии. Нет ни центрального, ни областных музеев, есть только отдельные коллекции то там, то здесь, только в ничтожном числе научно хранимые и научно организованные и пополняемые.

Вспомним при этом, что на нас исторической эволюцией нашей родины возложена ответственная задача, прийти на помощь тем национальностям, которые мы вобрали в себя, в деле изучения их прошлого. Вспомним, что судьба наша тесно связана с Востоком в его многообразных аспектах, с Византией и со славянством, в научной разработке истории которых мы не можем и не должны играть пассивной роли и где, несмотря на разрозненность усилий, мы уже так много сделали.

Новому русскому государству предстоит, таким образом, колоссальная задача по созданию всей указанной серии научных институтов, в недрах которых должно подняться в действенном содружестве со старыми носителями культурной жизни России – академией, университетами и другими высшими

учебными заведениями и разрозненными учеными учреждениями – русское научное творчество.

В тесной связи с развитием этой сети ученых институтов стоит и научное будущее наших университетов, задача которых не только давать России интеллигенцию, но и готовить и формировать кадры русских ученых. Для молодой научной рати, которая должна завоевать России почетное и равноправное место среди других великих культурных наций, емкость одних университетов недостаточна. Если у нас не хватает профессоров, то это не потому только, что положение их, как было указано, незавидно ни в моральном, ни в материальном отношении. А потому также, что молодая ученая энергия ищет широких рамок деятельности, возможности на научной организованной работе закалить свои силы в сознании, что она делает настоящее нужное для России и для человечества дело. Исследовательские институты должны взять в себя стремящуюся к научной работе молодежь, выходящую из университетов, и вернуть университетам в качестве преподавателей и профессоров настоящих научных бойцов, знающих не только теорию, но и практику научной работы.

Наша система сажать вчерашних учеников на кафедры учителей почти без стажа научной творческой работы или со стажем ее, пройденным случайно и бессистемно за границей, где на русских смотрят, как это утверждали недавно германские ученые, как на «воров чужой культуры», гибельна и неустойчива. Тот, кто сам не прошел стажа организованной научной работы, не в состоянии создать серьезного научного работника, не в силах родить школу, он даст только себе подобных начетчиков, повторяющих с кафедры то, что они вычитали из чужих книг. Не такие учителя нужны для того, чтобы создать крепкую научную молодую Россию.

Перед новой Россией стоит, таким образом, колоссальная задача. Нельзя смотреть на разрешение этой задачи, как на дело второго порядка, как на роскошь. Слышится повсюду мысль о том, что сначала нужно сделать Россию грамотной, разрешить социальные и экономические вопросы, сделать Россию свободной и богатой, а затем можно подумать и о такой «роскоши», как развитие научной жизни.

Это глубокое и коренное заблуждение. Нам нужна не грамотная Россия, а Россия культурная. Культура же это есть нечто неделимое. Германия стала грамотной и культурной одновременно с развитием широкого научного творчества. Научное и художественное творчество Эллады обусловило развитие и распространение эллинской образованности по всему миру.

Научное творчество вселяет народу уверенность и убежденность в пользе и нужности не грамотности, а умственного развития вообще. Только народ, имеющий настоящую науку, будет иметь и настоящую интеллигенцию – плоть от плоти научных творцов, а наука эта должна быть не чужая, а своя, только тогда она заразительна, только тогда она ощущается как нечто органически нужное. Как ни сильна идея международной науки, но все развитие Европы и внеевропейских стран показывает, что рождается и крепнет наука и

культура пока что только в рамках национальности. Как целое же она затем по необходимости является общим достоянием и интернациональна.

И далее, только народ, имеющий настоящую интеллигенцию, будет действительно образован и культурен, т. е. вберет в себя органически и образованность, и культуру. Гибельная тенденция смешивать понятия, диспаратные по существу, понятия интеллигенции и буржуазии, грозит страшной опасностью всему будущему России. Интеллигенция – это сконцентрированные в один фокус творческие силы страны, разрушить или ослабить ее, это значит разрушить или подорвать творческие силы народа.

Если победа над буржуазией есть предпосылка появления настоящего справедливого социального строя, – так ли это, это большой вопрос, – то победа масс над интеллигенцией, к чему зовут изуверы и фанатики революции, есть нанесение народом удара самому себе в сердце. Не начало нового справедливого строя, а разрушение всякого строя и погружение в анархию и варварство. Возможно, однако, что судьбы интеллигенции и буржуазии в данный момент довольно тесно связаны и что насильственное разрушение ее, невозможное в реальности, но грезящееся утопистам и теоретикам, грозит гибелью и значительной части интеллигенции и, во всяком случае, прекращением или ослаблением ее творческой работы.

Как бы то ни было, превращение России в культурную, а *implicite* и грамотную страну, немыслимо без параллельного и одновременного подъема ее научного творчества. Без этого настоящей культуры и образованности не будет и не может быть, поэтому ее до сих пор и нет. И если русский народ не способен к научному творчеству, а что это не так, доказывает вся его история, то он не способен и к культуре – базе всякого правильного и здорового социального строя.

Ясно, что и экономический подъем возможен только при наличии культурного, т. е. научного развития. Не прикладные знания и техника нам нужны, и не они дадут счастье и богатство России. Если они не вырастут на базе широкого и углубленного развития теоретического и чисто научного знания во всех его отраслях, а не только связанных непосредственно с техникой, то они будут мертвы и бесплодны. Не дадут России ни настоящего богатства, ни настоящей культуры, всегда будут чуждым телом, которое не переработает органически и не вберет в себя весь народ.

Конечно, сразу всего сделать нельзя, и работу культурного подъема России нужно вести постепенно и планомерно. Но работа должна вестись равномерно и исполняться должны все задачи в полном сознании насущной необходимости каждой.

И для того чтобы добиться здесь каких-либо результатов, нужно, чтобы Россия была едина, едина и как государство, и как социальный организм. Работающие над обострением розни классов работают над разрушением культуры не только в России, но и во всем мире, потому что при той стадии развития, которой достигла Россия, я не мыслю себе культурного мира без России. Надо спать, а не распяты Россию, потому что осуществить гигантскую куль-

турную работу может только гигантская страна. Никогда отдельные области России: Украина, Кавказ, Литва, Эстония и Латвия не в состоянии будут дать тот колоссальный размах, при котором только и мыслимо настоящее их культурное будущее.

Только вся Россия при полном единении всех ее классов и национальностей способна сдвинуться с места и начать или, лучше, продолжить трудный, но необходимый путь культурного развития.

И только в этой России мыслима настоящая здоровая и творческая научная жизнь. Пример Германии, Франции, Англии, Италии и Америки показал, какова сила национального и государственного единения в развитии культурной работы; не дай Бог, чтобы Россия показала, к какой слабости и маразму ведет разьединение и развал. Достаточно тех уроков, которые дала уже Европе расщепленная в момент мировой борьбы Россия. Такой роли учителя Европы Россия не заслужила. Все, кто ведут Россию по этому пути, злейшие враги России и человечества.

Русская Мысль. 1917. Книга IX—X. С. 1—16.

Сталин И.В.

ВТОРАЯ ВОЛНА

Первая волна русской революции началась под флагом борьбы с царизмом. Основными силами революции выступали тогда рабочие и солдаты. Но они не были единственными силами. Наряду с ними «выступали» еще либеральные буржуа (кадеты) и англо-французские капиталисты, из коих первые отошли от царизма из-за его неспособности проложить дорогу к Константинополю, а вторые изменили царизму из-за его стремления к сепаратному миру с Германией.

Таким образом, сложилась некая скрытая коалиция, под напором которой царизм должен был сойти со сцены. Причем на другой же день после падения царизма эта скрытая коалиция стала открытой, приняв форму определенного договора между Временным правительством и Петроградским Советом, между кадетами и «революционной демократией».

Но силы эти преследовали совершенно различные цели. В то время как кадеты и англо-французские капиталисты хотели проделать лишь малую революцию для того, чтобы использовать революционное воодушевление масс в целях большой империалистской войны, рабочие и солдаты добивались, наоборот, коренной ломки старого режима и полной победы великой революции с тем, чтобы, опрокинув помещиков и обуздав империалистскую буржуазию, добиться окончания войны, обеспечить справедливый мир.

Это коренное противоречие легло в основу дальнейшего развития революции. Оно же предопределило непрочность коалиции с кадетами.

Выражением этого противоречия являются все так называемые кризисы власти, вплоть до последнего, августовского.

И если в ходе этих кризисов успех каждый раз оказывался на стороне империалистской буржуазии, если после каждого «разрешения» кризиса рабочие и солдаты оказывались обманутыми, а коалиция в той или иной форме – все же сохранившейся, то это объясняется не только высокой организованностью и финансовой мощью империалистской буржуазии, но и тем, что колеблющиеся верхи мелкой буржуазии и их партии эсеров и меньшевиков, пока еще ведущие за собой широкие массы мелкой буржуазии нашей вообще мелкобуржуазной страны, каждый раз становились «по ту сторону баррикады», решая борьбу за власть в пользу кадетов.

Наибольшей силы достигла коалиция с кадетами в июльские дни, когда члены коалиции выступили единым боевым фронтом, обратив свое оружие против «большевистских» рабочих и солдат.

Московское совещание явилось в этом отношении лишь эхом июльских дней, причем недопущение большевиков на совещание призвано было служить залогом, необходимым для скрепления «честной коалиции» с «живыми силами» страны, ибо *изоляция* большевиков рассматривалась как необходимое условие прочности *коалиции* с кадетами.

Так обстояло дело до корниловского восстания.

С выступлением Корнилова картина меняется.

Уже на Московском совещании стало ясно, что союз с кадетами грозит превратиться в союз с Корниловыми и Каледиными против... не большевиков только, но и всей русской революции, против самого существования завоеваний революции. Бойкот Московского совещания и забастовка-протест московских рабочих, сорвавшие маску с контрреволюционного сборища и расстроившие планы заговорщиков, послужили тогда не только предупреждением в этом смысле, но призывом – быть готовыми. Известно, что призыв не остался гласом, вопиющим в пустыне: целый ряд городов отозвался тогда же забастовкой-протестом...

Это было грозным предзнаменованием.

Корниловское восстание лишь открыло клапан для накопившегося революционного возмущения, оно только развязало связанную было революцию, подстегнув и толкнув ее вперед.

И здесь, в огне схваток с контрреволюционными силами, где слова и посулы проверяются на живом деле прямой борьбы, – здесь оказались настоящие друзья и враги революции, настоящие союзники и изменники рабочих, крестьян, солдат.

Временное правительство, так старательно сшитое из разнородных материалов, при первом же дуновении корниловского восстания расплзается по швам.

«Печально», но факт: коалиция выглядит силой, когда нужно болтать о «спасении революции», – коалиция оказывается пустышкой, когда нужно действительно спасти революцию от смертельной опасности.

Кадеты уходят из министерства, открыто солидаризуясь с корниловцами. Все империалисты всех цветов и степеней, банкиры и фабриканты, заводчики и спекулянты, помещики и генералы, разбойники пера из «Нового Времени» и трусливые провокаторы из «Биржевки» – все они во главе с партией кадетов и в союзе с англо-французскими империалистскими кликами оказываются в одном лагере с контрреволюционерами, против революции и ее завоеваний.

Становится ясным, что союз с кадетами есть союз с помещиками против крестьян, с капиталистами против рабочих, с генералами против солдат.

Становится ясным, что кто соглашается с Милюковым, тот соглашается тем самым с Корниловым, тот должен выступить против революции, ибо Милюков и Корнилов – «едины суть».

Смутное сознание этой истины и ложится в основу нового массового революционного движения, в основу второй волны русской революции.

И если первая волна *оканчивается* триумфом коалиции с кадетами (Московское совещание!), то вторая *начинается* крахом этой коалиции, открытой войной против кадетов.

В этом вся суть.

В борьбе с генеральско-кадетской контрреволюцией оживают и крепнут умершие было Советы и Комитеты в тылу и на фронте.

В борьбе с генеральско-кадетской контрреволюцией возникают новые революционные комитеты рабочих и солдат, матросов и крестьян, железнодорожников и почтово-телеграфных служащих.

В огне этой борьбы формируются новые органы власти на местах, в Москве и на Кавказе, в Питере и на Урале, в Одессе и Харькове.

Дело тут не в новых резолюциях эсеров и меньшевиков, несомненно, полежавших за эти дни, что само по себе имеет, конечно, немалое значение.

Дело также не в «победе большевизма», призраком которого шантажирует буржуазная печать перепуганных филистеров из «Дня» и «Воли Народа».

Дело в том, что *в борьбе* с кадетами и *вопреки* им вырастает новая власть, в открытой схватке победившая отряды контрреволюции.

Дело в том, что эта власть, переходя от обороны к нападению, неминуемо задевает насущные интересы помещиков и капиталистов, сплачивая тем самым вокруг себя широкие массы рабочих и крестьян.

Дело в том, что, действуя таким образом, эта «непризнанная» власть вынуждена силой вещей поставить вопрос о своей «легализации», причем «официальная» власть, обнаружившая явное родство с контрреволюционными заговорщиками, оказывается без твердой почвы под ногами.

Дело в том, наконец, что пред лицом новой волны революции, стремительно охватывающей все новые города и области, правительство Керенского, вчера еще боявшееся решительной борьбы с контрреволюцией, сегодня уже объединяется с Корниловым и корниловцами в тылу и на фронте, «приказывая» в то же время распустить очаги революции, «самочинные» комитеты рабочих, солдат и крестьян.

И чем основательнее спевается Керенский с Корниловыми и Калединами, тем шире становится трещина между массами и правительством, тем вероятнее разрыв между Советами и ставленниками кадетов.

В этих фактах, а не в резолюциях отдельных партий, – смертный приговор старым соглашательским лозунгам.

Мы далеки от того, чтобы переоценивать степень разрыва с кадетами. Мы знаем, что разрыв этот пока еще лишь формальный. Но и такой разрыв, как начало, – крупнейший шаг вперед. Остальное, надо думать, доделают сами кадеты. Они уже бойкотируют Демократическое совещание. Представители торговли и промышленности, которых хотят «завлечь в свои сети» хитрые стратеги Ц[ентрального] Исп[олнительного] К[омите]та, пошли по стопам кадетов. Надо думать, что они пойдут дальше, продолжая закрывать заводы и фабрики, отказывая в кредите органам «демократии», намеренно обостряя разруху и голод. Причем «демократия», борясь с разрухой и голодом, неминуемо будет втягиваться в решительную борьбу с буржуазией, углубляя свой разрыв с кадетами...

В этой перспективе и в такой связи созываемое на 12 сентября Демократическое совещание приобретает особо симптоматическое значение. Чем кончится совещание, «возьмет» ли оно власть, «уступит» ли Керенский – все это вопросы, отвечать на которые нет пока возможности. Возможно, что инициаторы совещания постараются найти какую-либо хитрую формулу «соглашения». Но дело не в этом, конечно. Коренные вопросы революции, особенно же вопрос о власти, решаются не на совещаниях. Но одно несомненно – это то, что совещание подведет итог событиям последних дней, оно даст подсчет сил, оно вскрыет разницу между первой, отошедшей, и второй, назревающей волной русской революции.

И мы увидим, что:

там, при первой волне, – борьба с царизмом и его остатками. Здесь, при второй волне, – борьба с помещиками и капиталистами.

Там – союз с кадетами. Здесь – разрыв с ними.

Там – изоляция большевиков. Здесь – изоляция кадетов.

Там – союз с англо-французским капиталом и война. Здесь – назревающий разрыв с ним и мир, мир справедливый и всеобщий.

Таким и только таким путем пойдет вторая волна революции, чтобы там ни решало совещание.

Рабочий Путь. 1917, 22 сентября (9 сентября ст. ст.). № 6.

Саликовский А.Ф.

СЪЕЗД НАРОДНОСТЕЙ

Нам уже приходилось отмечать, что программа по национальному вопросу революционной демократии, оглашенная на Государственном совещании Н.С. Чхеидзе, представляла собою повторение резолюции Всероссийского

съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, принятой еще 12 июля, т. е. за два месяца до московского совещания. В течение этого времени для осуществления ее государственной властью не было сделано ничего, и только в настоящее время преступлено, наконец, к ее постепенной реализации. Газеты сообщили одновременно два известия: во-первых, о том, что в министерстве внутренних дел начаты работы по организации национального отдела, который, надо полагать, будет превращен в Совет по национальным делам, и, во-вторых, о делегировании Временным правительством в Киев на съезд народностей своего представителя, известного русско-украинского публициста М.А. Славинского. Это последнее обстоятельство свидетельствует, что к голосу киевского съезда правительство намерено серьезно прислушаться.

Как известно, к участию в этом съезде, созванном по инициативе Украинской Центральной Рады и открывшем 8 сентября свои занятия, привлечены представители всех тех народностей, которые добиваются автономии для своих областей и федеративного строя для всего русского государства. Задача съезда заключается в выяснении общих начал будущей российской федерации; в определении компетенции ее центральных органов; в выработке проекта размежевания федеративных единиц; в разрешении вопросов о пользовании языками государственным и местными; о правах национальных меньшинств; о путях осуществления федеративного строя и т. д.

На приглашение Центральной Рады принять участие в съезде немедленно откликнулись латыши, литовцы, белорусы, молдаване, грузины-федералисты, мусульмане Закавказья, некоторые еврейские группы, башкиры, буряты и мн. др.

Без сомнения, первый вольный съезд народов России широко отразит национальные интересы недавних пасынков великой страны. От «державной нации» на съезд приглашены представители тех политических партий, программы которых заключают в себе требования автономно-федеративного строя будущей российской республики, но, к сожалению, не приглашены – по крайней мере, я не встречал указаний на это – представители тех русских областей, которые добиваются автономии и федерации не на национальной основе. Такова прежде всего Сибирь, где, как известно, давно уже существуют автономистские течения. Таковы казачьи области, которые в лице заседающей в настоящее время в Екатеринодаре конференции Донского, Терского и Кубанского казачества, признали невозможным удовлетвориться декларацией Временного правительства о введении республиканского строя. Казачество, по словам принятой резолюции, «совместно с другими, всемерно будет стремиться к провозглашению страны республикой демократической и федеративной», причем решено предупредить Временное правительство, что «казачество в практической деятельности определит линию своего поведения, присущую сторонникам великой неделимой федеративной демократической республики».

Само собою разумеется, что в этой резолюции сказался голос лишь демократической части казачества. В то самое время, когда резолюция была при-

нята екатеринодарской конференцией, генерал Каледин в Новочеркасске, в войсковом кругу, заявил, что он противник федерации, и, конечно, у ген. Каледина найдется немало единомышленников.

Это осложняет вопрос. Быть может, еще больше осложняет его наличие в названных обширных областях России таких течений, которые стремятся не к краевой автономии вообще, а именно к национально-территориальной. Подобные стремления, несомненно, существуют или легко могут возникнуть в Сибири, существуют они и в тех, довольно обширных частях Донской и Кубанской областей, которые сплошь населены украинцами. Все это необходимо согласовать и примирить, и крайне печально будет, если заседающий сейчас в Киеве Всероссийский съезд народностей будет лишен возможности выполнить указанную задачу во всей ее полноте и со всею необходимою авторитетностью, за недостаточностью приглашенного и явившегося представительства. Тогда все недоговоренное, все возможные на этой почве трения перейдут в Учредительное собрание, т. е. в обстановку гораздо менее благоприятную для интимной согласительной работы, чем совещание заинтересованных в деле сторон.

Я склонен придавать тем большее значение этой стороне предмета, что жизнь дает немало поводов убедиться в крайней теоретичности и, я бы сказал, непродуманности федеративных идеалов некоторой части русской демократии. Свирепствовавший в России до революции так называемый зоологический национализм, создал во многих глубокое предубеждение к национальным проблемам вообще. Многие ошибочно полагают, что общие нормы политической свободы в достаточной мере обеспечивают и свободу национального самоопределения. Будучи федералистами по исповедуваемым ими политическим программам, они мыслят федерализм вне национальных связей, как деление областное, на экономической по преимуществу базе.

В некоторых случаях это, без сомнения, вполне допустимо, но далеко не во всех. Очень часто рассекают национальное тело, значит создавать незаживающую рану, которая лишь обостряет чисто национальные моменты в жизни и развитии народа. Яркий пример – Польша, в которой не умерло в течение с лишком ста лет напряженное стремление к восстановлению единства.

С другой стороны, стремление объединить в одно целое, в одну область, в одну краевую организацию территорию двух или более народностей, нередко приводит к бесконечным распрям, к обостренной борьбе на почве стремлений к преобладанию. Достаточно припомнить историю Канады с ее восстаниями и хронической междоусобицей между французами и англичанами, которая навсегда прекратилась, когда Нижняя Канада была отделена от Верхней, и из обеих образована федеративная канадская держава-колония. Еще убедительнее, быть может, та печальная картина братоубийственной польско-украинской распри, которую представляла и представляет собою Галиция благодаря австрийской политике, соединившей в одну область Восточную Галицию, населенную украинцами, с Западной, населенной поляками.

Уроки истории и современности не должны пропадать для новой, строящейся России. Перед всероссийским съездом народностей стоит трудная, но благодарная задача создать план федеративной России, в которой сами собою были бы погашены центробежные национальные стремления, задача выработать государственный уклад, который действительно превратил бы наше отечество в великую и неделимую федерацию свободных народов и областей.

Власть Народа. 1917, 10 сентября. № 144.

Вишняк М.В.

ЛЕНИН И НОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

«Победа подлинной демократии в России была бы могучим толчком к победе социализма во всей капиталистической Европе». Так пишет «Рабочий Путь» – и правильно пишет. Но рядом с этим он пишет и делает такое, что ничем иным, как «могучим толчком» к *поражению* демократии в России и тем самым к *поражению* социализма «во всей капиталистической Европе» названо быть не может.

Я имею в виду не только ту клеветническую, потакающую неизменнейшим инстинктам демократии кампанию, которая за последние дни систематически ведется на страницах ленинского органа против эсеров. Заслуживает внимания не столько та погромная психология, которая двигает пером в расчете на родственную психологию сочувствующей всяким изобличениям темной аудитории, и которая, ничтоже сумняшеся, при дневном свете взывает:

«Люди, на словах называющие себя социалистами-революционерами, на деле заключают союз с корниловцами против рабочих и крестьян!»

«Большого позора, более откровенного предательства народных интересов нельзя себе и представить».

«На всех фабриках и заводах, во всех полках обсуждайте вопрос о предательстве эсеров. Обратитесь прежде всего к рабочим и солдатам эсерам и спросите их: одобряют ли они союз эсеров с корниловцами? Клеймите предателей!»

Этот вульгарный и циничный призыв, напоминающий времена старой, недоброй памяти «Искры», позорит, конечно, не тех, против кого он натравливает «прежде всего, рабочих и солдат», а тех, кто занимается худшей разновидностью спекуляции – спекуляцией на невежестве и стихийных инстинктах толпы.

Большого внимания заслуживает теория, та система аргументов, которой авторы и идеологи большевистской прессы пытаются осмыслить в логических терминах намечаемый ими «Рабочий Путь». И тут красочнее и откровеннее своих соратников учитель всей «академии» Ленин. Он и последовательнее своих учеников, и смелее – почти безбоязненно договаривает то, на что, кроме отважного Зиновьева, рискуют далеко не все птенцы гнезда, и что справедли-

во можно было бы из неавтентичных уст принять лишь за жалкое безответственное «чириканье».

В фельетоне, посвященном «не худшему, а одному из лучших представителей мелкобуржуазной демократии» Ник. Суханову, Ленин ищет «корня зла» и находит этот «корень» в мелкобуржуазной, еще Марксом изобличенной, «воле большинства народа». «В революции, – учит Ленин, – надо *победить* враждебные классы, надо *свергнуть* защищаемую ими государственную власть, а для этого недостаточно “воли большинства народа” (последние иронические кавычки принадлежат, конечно, Ленину), а необходима *сила* революционных классов, желающих и способных сражаться, притом сила, которая бы в решающий момент и решающем месте *раздавила враждебную силу*». «Ссылка на “волю народа” была бы достойна только самого тупого мелкого буржуа».

Но для чего останавливаться подробнее на отдельных противоречиях, в которые впадает Ленин, утверждая, например, с одной стороны, что «все и каждый видят, знают, чувствуют, что в марте–апреле революция шла вперед, а в июле–августе она идет назад», а с другой стороны, что «добровольные уступки» меньшевиков и эсеров, которым принадлежала гегемония среди «революционной (простите за выражения) демократии» «начались собственно с 28 февраля, когда Совет выразил доверие Керенскому и одобрил “соглашение” с Временным правительством». Достаточно отметить это «объяснение» истории «уступок» эсерами и меньшевиками их влияния, чтобы пройти дальше, не останавливаясь подробнее на разборе. Еще не успели петухи трижды пропеть с того времени, как вспыхнула революция, еще даже Москва не знала 28-го февраля о питерских событиях, а злокозненные меньшевики и эсеры, по концепции Ленина, уже успели предать революцию и социализм.

Так пишет историю Ленин. Таков же рецепт его политической мудрости, ибо если ни при каких условиях подлинная революционная демократия без иронических кавычек политически не в праве вступать в соглашение с кем бы то ни было, как бы революционны ни были деятели определенных классов или групп, – естественно, остается лишь одна линия поведения: «свергнуть», и «раздавить» целые классы, враждебные революции. И Ленин не останавливается перед следующим за этим шагом; он признает, что поворот политики в рекомендуемую им сторону «абсолютно невозможен *без новой революции*». «Поворот здесь требуется и во всем положении власти, и во всем составе ее, и в условиях деятельности крупнейших партий, и в «устремлении» того класса, который их питает. Такие повороты исторически немыслимы *без новой революции*».

Здесь и *корень*, и *плод* всей ленинской аргументации. Здесь начало и конец замыкаются плотным, сдавливающим революцию, кольцом.

Бланкистско-якобинский заговор рекомендовался Лениным как единственно рациональный метод борьбы с самодержавием во времена революционного подполья. Тот же метод борьбы сохраняет свою силу для него и сейчас.

Что в самом деле, с точки зрения анархо-коммунизма, изменилось с революцией? Исчезла ли капиталистическая эксплуатация или необходимость классовой борьбы? Или господство мелкой буржуазии сколько-нибудь пред-

почтительнее самодержавно-вотчинного режима? А в таком случае, почему не последовать примеру, уже не раз испытанному в истории: «Сколько раз бывало в революциях, – поучительно напоминает опытный заговорщик, – что маленькая, но хорошо организованная, вооруженная и централизованная сила командующих классов помещиков и буржуазии подавляла по частям силу “большинства народа”, “плохо организованного, плохо вооруженного, раздробленного”».

Ленин отлично понимает, что лелеемая им мечта о новой революции направится против восторжествовавшего в последнюю революцию «большинства народа», но это большинство для Ленина вовсе не добро, а зло, «не революционная, а мещански подлая, трусливая, не избавившаяся от холопства демократия».

Якобинская смелость Ленина на слова не идет, впрочем, слишком далеко. Он восстает против «революционной (простите за выражение) демократии», идет против нее бунтом, но ответственности за то на себя не берет. Если он отказывается от выражения своей оценки грядущего против демократии восстания, то только потому, что твердо уверен, что устами его речется лишь исторически неизбежное: «Я вовсе не касаюсь здесь вопроса о том, желательна ли такая революция, и не рассматриваю вовсе, может ли она произойти мирно и легально (в истории, вообще говоря, бывали примеры мирных и легальных революций). Я констатирую только историческую невозможность решительного поворота без новой революции».

Стоит эту «мирную и легальную» революцию, так подозрительно близко напоминающую июльскую «мирную вооруженную демонстрацию», сопоставить с теми силами, на которые возлагает свои упования бывший социал-демократ, чтобы окончательно убедиться в том, что марксизм из него выветрился без следа. Им и не пахнет. А на его месте воцарился безраздельно черный анархизм: «надвигающийся голод, разруха, военные поражения способны необычайно ускорить этот поворот в сторону перехода власти к пролетариату, поддержанному беднейшим крестьянством».

Таковы надежды Ленина. Мрачные силы социального распада и политической анархии, являющиеся наиболее опасными бичами демократии, являются для него источником веры в осуществление большевистской утопии о диктатуре пролетариата и крестьянской бедноты. Эти же силы дают психологическую почву и к той безудержной демагогии и погромной травле, которые расцветают ежедневно махровым цветом на столбах «Рабочего Пути», «Рабочего», «Социал-Демократа» и т. п., и которые позволяют самому учителю возвещать: «Пока рабочие и крестьяне не поймут, что эти вожди (т. е. стоящие во главе огромного большинства Советов эсеры и меньшевики) изменники, что их надо прогнать, снять со всех постов, до тех пор трудящиеся неизбежно будут оставаться в рабстве у буржуазии».

Рабочие, солдаты и крестьяне, сознательные и бессознательные, остановитесь и призадумайтесь: куда ведут страну и революцию такие «учителя»? Чье дело делает Ленин? С демократией он или против нее?

И если не место апологету восстания в рядах демократии, то да извергнет она его из своей среды, ибо претендующий быть учителем народа – социалистом может и не быть, но демократом быть обязан!..

Дело Народа. 1917, 13 сентября. № 153.

Зиновьев Г.Е.

НАША ПОБЕДА И НАШИ ЗАДАЧИ

Победа нашей партии в Петроградском и Московском Советах р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов] полна глубочайшего политического смысла. Опыт 6-ти месяцев революции привел передовых рабочих и солдат обеих столиц к тому выводу, что политика соглашательства с буржуазией должна быть отброшена, что путь, предлагаемый революционными интернационалистами (большевиками) – единственно правильный путь.

Наши политические противники сделали все возможное, чтобы подчеркнуть истинный смысл нашей победы в Петроградском Совете. С похвальной решительностью Церетели, Богданов, Чхеидзе заявили на субботнем собрании, что дело идет не о смене лиц, а о смене политической линии. Они потребовали от Совета *принципиального* голосования, добиваясь ясного ответа: старая эсеро-меньшевистская политика *или* политика большевиков. Голосование произошло. Результаты известны.

Нет никакого сомнения в том, что в действительности наше преобладание в Питере еще гораздо значительнее, чем это показало субботнее голосование. Мы получили на 100 голосов больше, чем эсеры и меньшевики вместе взятые. Если бы товарищи солдаты выбирали своих представителей по той же пропорции, что рабочие, мы получили бы, вероятно, большинство не менее чем в $\frac{3}{4}$ всего состава. Правильные перевыборы от рабочих тоже наверняка увеличат силы нашей партии в Совете. Одним словом, громадная политическая победа несомненна.

Но победа обязывает. И мы должны хорошенько обдумать, какова будет наша деятельность в Совете после того, как мы из оппозиции превратились в большинство, в «правящую» партию.

Прежде всего, каково будет наше отношение к эсерам и меньшевикам?

Уже в вопросе о президиуме наша линия поведения наметилась достаточно ясно. Мы, которых так хулят за «твердокаменность», непримиримость, неуступчивость и неуживчивость, мы отнюдь не потребовали себе всех мест, как это делали эсеры и меньшевики даже тогда, когда их большинство было уже более чем сомнительным. Нет, мы предложили компромисс, мы предложили честную коалицию меньшинству, мы выдвинули план создания коалиционного президиума на основе пропорционального представительства. Политический смысл этого предложения ясен. И такую политику наша партия, по моему мнению, должна продолжать и дальше.

Мы хорошо знаем, какие чувства питают наши товарищи солдаты и рабочие к вождям эсеров и меньшевиков. Особенно нежных чувств не питает к ним и пишущий эти строки. История никогда не забудет Дану, Церетели, Чхеидзе, Гоцу, Чернову и другим их поведения в июльские дни. История не забудет, как они кричали «ату» большевикам в момент, когда на большевиков набросились все черные силы. История не забудет, что в дни, когда рабочие и солдаты вышли с требованием «Вся власть Советам!» – требованием, получающим теперь все большее признание и среди эсеров и меньшевиков, названные вожди эсеров и м[еньшеви]ков не были с рабочим и солдатским, хотя бы и стихийно вспыхнувшим, движением, а... с генералом Половцевым. История не забудет им, что в дни, когда вся буржуазия, все черносотенцы, вся контрреволюционная шваль, используя подлую клевету, сочиненную Алексинским, Бурцевым и Переверзевым, набросилась на нас, как стая жадных псов, – они формально умыли руки, а на деле оказали самую действительную поддержку клеветникам. История не забудет Церетели, что именно в бытность его министром подписан был приказ об аресте Ленина, Троцкого, Коллонтай и др. по обвинению... в измене, мятеже и германских деньгах.

Да, мы понимаем те чувства, которые питают солдаты и рабочие большевики к вождям эсеров и меньшевиков. И все-таки мы говорим им: товарищи, в политической борьбе нельзя руководиться только чувством. Политическая целесообразность, интересы движения в целом – прежде всего.

Чем больше думаешь о значении нашей победы в Питере и Москве, тем больше напрашивается вопрос: не слишком ли поздно пришла эта победа?

Мы хотим сказать следующее.

Мы глубоко убеждены, что если бы Питерский и Московский Советы стали на нашу сторону месяца четыре тому назад, когда фактически вся власть принадлежала им, развитие революции пошло бы как раз наиболее безболезненно и *мирно*. Только твердая политика рабочего класса и крестьян, отвергающая всякое соглашательство с буржуазией, заставила бы последнюю скорее отказаться от «бессмысленных мечтаний» и, главное, отняла бы у буржуазии *фактическую возможность* организовать в таких размерах контрреволюционное движение. Победа большевизма 4–5 месяцев тому назад означала бы немедленное проведение выборного начала в армии и устранение контрреволюционных генералов, немедленную чистку всех ведомств от контрреволюционных чиновников в центре и на местах, немедленное создание рабочей милиции, контроль над банками и производством, отдачу земель крестьянам, открытое предложение справедливого мира всему миру. Тогда и только тогда была бы невозможна корниловщина и калединщина, тогда и только тогда иностранная политика России не попала бы в зависимость от кучки финансовых акул, тогда и только тогда крестьяне не стали бы задерживать хлеба в закромах, тогда и только тогда мы не имели бы постыдной и губительной комедии «коалиционных» министерств, в которых социалистов и демократов водят за нос Савинков и Маклаков, Милюков и Филоненко, тогда и только тогда мы имели бы такой могучий, такой нерасторжимый братский союз рабочих, сол-

дат и крестьян, перед которым были бы смешны и бессильны какие бы то ни было контрреволюционные попытки.

Но былого не воротишь... Главный вопрос, который стоит теперь перед каждым революционером, заключается в том – существуют ли еще и сейчас какие-нибудь шансы на *мирное* развитие революции и что нужно сделать, чтобы эти шансы усилить? И тут-то надо себе сказать: если существуют, то только в том случае, если между рабочим классом, окончательно пошедшим за нашей партией, и массой мелкобуржуазной демократии, идущей за эсерами и меньшевиками, состоится известный компромисс, известное соглашение.

История никогда не забудет Дану, Церетели, Чхеидзе, Гоцу, Чернову и другим их поведения в июльские дни. История не забудет, как они кричали «ату» большевикам в момент, когда на большевиков набросились все черные силы. История не забудет, что в дни, когда рабочие и солдаты вышли с требованием «Вся власть Советам!» – требованием, получающим теперь все большее признание и среди эсеров, и меньшевиков, названные вожди эсеров и м[еньшеви]-ков не были с рабочим и солдатским, хотя бы и стихийно вспыхнувшим, движением, а... с генералом Половцевым. История не забудет им, что в дни, когда вся буржуазия, все черносотенцы, вся контрреволюционная шваль, используя подлую клевету, сочиненную Алексинским, Бурцевым и Переверзевым, набросилась на нас, как стая жадных псов, они формально умыли руки, а на деле оказали самую действительную поддержку клеветникам. История не забудет Церетели, что именно в бытность его министром подписан был приказ об аресте Ленина, Троцкого, Коллонтай и др.

Мы никогда не говорили, что один пролетариат собственными силами, да еще «при открытом противодействии других классов» (так истолковывает нашу мысль «Дело Народа») – может разрешить коренные вопросы революции. Немедленное провозглашение диктатуры одного пролетариата не пропагандируется ни одним большевиком. Этим не грешен и пишущий эти строки – вопреки неумным утверждениям некоторых «социалистических» органов, которыми (утверждениями) поспешила воспользоваться и кадетская «Речь».

Мы ни на минуту не забываем, что в нашей революции борются не две, а *три силы*. Мы знаем, что, кроме городского и сельского революционного пролетариата и контрреволюционной буржуазии, в России существует третья, мало оформленная, политически шаткая, но все же очень большая сила: мелкая буржуазия городов и деревень. В революционном лагере руководящая роль принадлежит городскому пролетариату, в контрреволюционном лагере – городской буржуазии. Но исход борьбы при известных условиях может быть решен именно названной третьей силой. *И рабочий класс должен, обязан сделать все от него зависящее, чтобы привлечь эту третью силу на свою сторону*. И, между прочим, именно для этого надо *отвергнуть* какое бы то ни было соглашательство с контрреволюционной буржуазией.

Соглашательство с контрреволюционной буржуазией – *нет*, ни в каком случае! Честное соглашение с мелкобуржуазной демократией – *да*, это и желательно, и при известных условиях возможно!

Таков наш взгляд.

И тут-то победа в Москве и Петрограде заставляет подумать о следующем.

Шесть месяцев революции, шесть долгих месяцев, богатых величайшими событиями, понадобились на то, чтобы даже в Питере и Москве – этих старейших и крупнейших революционных центрах – рабочие и передовые солдаты перешли на нашу сторону. Не ясно ли, что повести за собой крестьянскую бедноту, большинство солдатской массы, мелкобуржуазную демократию в городах – дело несравненно более трудное и требующее гораздо больше времени? А без этого мирное развитие революции явно невозможно.

Нам возразят, быть может, что, к сожалению, история не дает нам такой длительной отсрочки и заставляет делать решающие шаги немедленно? Да, это так! Да, шестимесячная политика соглашательства запутала и осложнила положение настолько, что шансы на мирный исход стали минимальны. Но они все же существуют. И открывающееся на днях всероссийское Демократическое совещание могло бы еще открыть путь для такого мирного исхода.

Разумеется, это возможно только в единственном случае: если власть немедленно и полностью перейдет к Советам. Уже на Всероссийском съезде Советов было предсказано: либо Советы возьмут власть, либо они обречены на роль жалкой, бессильной говорильни – такие организации, как Советы, не могут долго существовать, если они только «говорят». Что это указание было абсолютно верно, – это теперь ясно каждому политически грамотному человеку. Сделает ли теперь надлежащие выводы совещание? В этом сейчас вопрос всех вопросов.

Нашей победой в Петрограде создается некое «двоевластие» в лагере демократии. ЦИК ведет одну политику, Петроградский Совет – другую. Совершенно ясно, что проводить полностью свою политику *против Петрограда и Москвы* Ц[ентральному] Исп[олнительному] К[омите]ту не удастся. Необходимо соглашение. Мы на него согласны. Но – хочет ли его другая сторона? Что означал уход с собрания Чхеидзе, Гоца и других после оглашения результатов голосования в субботнем собрании Совета? Был ли этот уход символическим выражением того, что меньшевики и эсеры отряхивают прах Петроградского Совета с ног своих и намерены навсегда порвать с большинством столичного Совета? Куда ушли они? К Керенскому и к его политике... Или соглашение все-таки возможно? Ближайшее будущее даст на это ответ.

Мы не должны теперь почить на лаврах. Победу надо развить и закрепить. В Петрограде не должно остаться такой фабрики, такого завода, такой казармы, где не преобладали бы сторонники нашей партии, сторонники революционной социал-демократии.

Рабочий Путь. 1917, 26 сентября (13 сентября ст. ст.). № 9.

Ленин В.И.

ОДИН ИЗ КОРЕННЫХ ВОПРОСОВ РЕВОЛЮЦИИ

Несомненно, самым главным вопросом всякой революции является вопрос о государственной власти. В руках какого класса власть, это решает все. И если газета главной правительственной партии в России, «Дело Народа», жаловалась недавно (№ 147), что из-за споров о власти забывается и вопрос об Учредительном собрании и вопрос о хлебе, то эсерам следовало бы ответить: жалуйтесь на себя. Ведь именно колебания, нерешительность *вашей* партии больше всего повинны и в затяжке «министерской чехарды», и в бесконечных отсрочках Учредительного собрания, и в подрыве капиталистами принятых и намеченных мер хлебной монополии и обеспечения страны хлебом.

Ни обойти, ни отодвинуть вопроса о власти нельзя, ибо это именно основной вопрос, определяющий *все* в развитии революции, в ее внешней и внутренней политике. Что наша революция полгода «потратила зря» на колебания насчет устройства власти, это бесспорный факт, этот факт определен колеблющейся политикой эсеров и меньшевиков. А политика этих партий определилась в последнем счете классовым положением мелкой буржуазии, ее экономической неустойчивостью в борьбе между капиталом и трудом.

Весь вопрос теперь в том, научилась ли чему-нибудь мелкобуржуазная демократия за эти великие полгода, необыкновенно богатые содержанием, или нет. Если нет, то революция погибла, и только победоносное восстание пролетариата сможет спасти ее. Если да, то надо начать с немедленного создания устойчивой, неколеблющейся, власти. Устойчивой во время народной революции, т. е. такой, которая подняла к жизни массы, большинство рабочих и крестьян, может быть только власть, опирающаяся заведомо и, безусловно, *на большинство* населения. До сих пор государственная власть остается в России *фактически* в руках *буржуазии*, которая вынуждена лишь делать частные уступки (с тем, чтобы на другой же день начать отбирать их назад), раздавать обещания (с тем, чтобы не выполнять их), изыскивать всяческие прикрытия своего господства (с тем, чтобы надуть народ внешностью «честной коалиции») и т. п. и т. д. На словах – народное, демократическое, революционное правительство, на деле – противонародное, антидемократическое, контрреволюционное, буржуазное, вот то противоречие, которое существовало до сих пор, и было источником полной неустойчивости и колебаний власти, всей той «министерской чехарды», которой гг. эсеры и меньшевики с таким печальным (для народа) усердием занимались.

Либо разгон Советов и бесславная смерть их, либо вся власть Советам – это я сказал перед Всероссийским съездом Советов в начале июня 1917 г., и история июля и августа подтвердила правильность этих слов с исчерпывающей убедительностью. Власть Советов одна только может быть устойчивой, заведомо опирающейся на большинство народа, – как бы ни лгали лакеи буржуазии, Потресов, Плеханов и пр., называющие «расширением базиса» вла-

сти фактическую передачу ее ничтожному меньшинству народа, буржуазии, эксплуататорам.

Только советская власть могла бы быть устойчивой, только ее нельзя было бы свергнуть даже в самые бурные моменты самой бурной революции, только такая власть могла бы обеспечить постоянное, широкое развитие революции, мирную борьбу партий внутри Советов. Пока не создано такой власти, неизбежны нерешительность, неустойчивость, колебания, бесконечные «кризисы власти», безысходная комедия министерской чехарды, взрывы и справа и слева.

Но лозунг «Власть Советам» очень часто, если не в большинстве случаев, понимается совершенно неправильно в смысле: «министерство из партий советского большинства», и на этом глубоко ошибочном мнении мы хотели бы подробнее остановиться.

«Министерство из партий советского большинства» – это значит личная перемена в составе министров, при сохранении в неприкосновенности всего старого аппарата правительственной власти, аппарата насквозь чиновничьего, насквозь недемократического, неспособного провести серьезные реформы, которые в программах даже эсеров и меньшевиков значатся.

«Власть Советам» – это значит радикальная переделка всего старого государственного аппарата, этого чиновничьего аппарата, тормозящего все демократическое, устранение этого аппарата и замена его новым, народным, т. е. истинно демократическим аппаратом Советов, т. е. организованного и вооруженного большинства народа, рабочих, солдат, крестьян, предоставление почина и самостоятельности большинству народа не только в выборе депутатов, но и в управлении государством, в осуществлении реформ и преобразований.

Чтобы сделать эту разницу более ясной и наглядной, напомним одно ценное признание, которое было сделано несколько времени тому назад газетой правительственной партии, партии эсеров, «Делом Народа». Даже в тех министерствах, – писала эта газета, – которые переданы министрам-социалистам (это писалось во время пресловутой коалиции с кадетами, когда меньшевики и эсеры были министрами), *даже* в этих министерствах весь аппарат управления остался старым, и он тормозит всю работу.

Оно и понятно. Вся история буржуазно-парламентарных, а в значительной степени и буржуазно-конституционных, стран показывает, что смена министров значит очень мало, ибо реальная работа управления лежит в руках гигантской армии чиновников. А эта армия насквозь пропитана антидемократическим духом, связана тысячами и миллионами нитей с помещиками и буржуазией, зависима от них на всяческие лады. Эта армия окружена атмосферой буржуазных отношений, дышит только ею, она застыла, заскорузла, окоченела, она не в силах вырваться из этой атмосферы, она не может мыслить, чувствовать, действовать иначе как по-старому. Эта армия связана отношениями чиновничества, известных привилегий «государственной» службы, а верхние ряды этой армии чрез посредство акций и банков закрепошены полностью

финансовому капиталу, в известной степени, сами представляя из себя его агентов, проводников его интересов и влияния.

Посредством *этого* государственного аппарата пытаться провести такие преобразования, как отмена помещичьей собственности на землю без выкупа или хлебная монополия и т. п., есть величайшая иллюзия, величайший самообман и обман народа. Этот аппарат *может* служить республиканской буржуазии, создавая республику в виде «монархии без монарха», как третья республика во Франции, но проводить реформы, не то что уничтожающие, но хотя бы серьезно подрезывающие или ограничивающие права капитала, права «священной частной собственности», на это такой государственный аппарат абсолютно не способен. Поэтому и получается всегда такая вещь, при всевозможных «коалиционных» министерствах с участием «социалистов», что эти социалисты, даже при условии полнейшей добросовестности отдельных лиц из их числа, на деле оказываются пустым украшением или ширмой буржуазного правительства, громоотводом народного возмущения от этого правительства, орудием обмана масс этим правительством. Так было и с Луи Бланом в 1848 году, так было с тех пор десятки раз в Англии и Франции при участии социалистов в министерстве, так было и с Черновыми и Церетели в 1917 г., так было и так будет, пока держится буржуазный строй и сохраняется в неприкосновенности старый, буржуазный, чиновничий, государственный аппарат.

Советы рабочих, солдатских, крестьянских депутатов тем и ценны особенно, что они представляют из себя новый, неизмеримо более высокий, несравненно более демократический *тип* государственного аппарата. Эсеры и меньшевики все сделали, все возможное и все невозможное, чтобы превратить Советы (особенно Питерский и общерусский, т. е. ЦИК) в пустые говорильни, под видом «контроля» занимавшиеся вынесением бессильных резолюций и пожеланий, которые правительство с самой вежливой и любезной улыбкой клало под сукно. Но достаточно было «свежего ветерка» корниловщины, обещающего хорошую бурю, чтобы все затхлое в Совете отлетело на время прочь, и инициатива революционных масс начала проявлять себя как нечто величественное, могучее, непреодолимое.

Пусть учатся на этом историческом примере все малoverы. Пусть устыдятся те, кто говорит: «У нас нет аппарата, чтобы заменить старый, неминуемо тяготеющий к защите буржуазии, аппарат». Ибо этот аппарат *есть*. Это и есть Советы. Не бойтесь инициативы и самостоятельности масс, доверьтесь революционным организациям масс, — и вы увидите *во всех* областях государственной жизни такую же силу, величественность, непобедимость рабочих и крестьян, какую обнаружили они в своем объединении и порыве против корниловщины.

Неверие в массы, боязнь их почина, боязнь их самостоятельности, трепет перед их революционной энергией вместо всесторонней беззаветной поддержки ее, вот в чем грешили больше всего эсеровские и меньшевистские вожди. Вот где один из наиболее глубоких корней их нерешительности, их колебаний, их бесконечных и бесконечно бесплодных попыток влить новое вино в старые мехи старого, бюрократического государственного аппарата.

Возьмите историю демократизации армии в русской революции 1917 года, историю министерства Чернова, историю «царствования» Пальчинского, историю ухода Пешехонова, – и вы увидите на каждом шагу нагляднейшие подтверждения сказанному выше. Без полного доверия к выборным солдатским организациям, без абсолютного проведения принципа выборности начальства солдатами получилось то, что Корниловы, Каледины и контрреволюционные офицеры оказались во главе армии. Это факт. И кто не хочет нарочно закрывать глаз, тот не может не видеть, что *после* корниловщины правительство Керенского все *оставляет по-старому*, что оно *на деле восстанавливает корниловщину*. Назначение Алексеева, «мир» с Клембовскими, Гагариными, Багратионами и прочими корниловцами, мягкость обращения с самим Корниловым и Калединым – все это яснее ясного показывает, что Керенский на деле восстанавливает корниловщину.

Середины нет. Опыт показал, что средины нет. Либо вся власть Советам и полная демократизация армии, либо корниловщина.

А история министерства Чернова? Разве не доказала она, что всякий сколько-нибудь серьезный шаг для действительного удовлетворения нужды крестьян, всякий шаг, свидетельствующий о доверии к ним, к их собственным массовым организациям и действиям вызывал величайший энтузиазм во всем крестьянстве. А Чернову пришлось почти четыре месяца «торговаться» и «торговаться» с кадетами и чиновниками, которые бесконечными оттяжками и подсиживаниями, в конце концов, вынудили его уйти, не сделав ничего. Помещики и капиталисты на эти четыре месяца и за эти четыре месяца «выиграли игру», отстояли помещичье землевладение, оттянули Учредительное собрание, начали даже ряд репрессий против земельных комитетов.

Либо вся власть Советам и в центре, и на местах, вся земля крестьянам *тотчас*, впредь до решения Учредительного собрания, либо помещики и капиталисты тормозят все, восстанавливают помещичью власть, доводят крестьян до озлобления и доведут дело до бесконечно свирепого крестьянского восстания.

Совершенно та же самая история со срывом капиталистами (при помощи Пальчинского) сколько-нибудь серьезного контроля над производством, со срывом купцами хлебной монополии и *начала* регулируемого демократического распределения хлеба и продуктов Пешехоновым.

Дело *вовсе теперь в России не в том, чтобы изобретать «новые реформы», чтобы задаваться «планами» каких-либо «всеобъемлющих» преобразований. Ничего подобного. Так изображают дело – заведомо лживо изображают дело капиталисты, Потресовы, Плехановы, кричащие против «введения социализма», против «диктатуры пролетариата».* В действительности же положение в России таково, что невиданные тяжести и бедствия войны, неслыханная и самая грозная опасность разрухи и голода сами собой подсказали выход, сами собою наметили и не только наметили, но и уже выдвинули как безусловно неотложные реформы и преобразования: хлебная монополия, контроль над производством и распределением, ограничение выпуска бумажных денег, правильный обмен хлеба на товары и т. д.

Мероприятия такого рода, в таком именно направлении, всеми признаны за неизбежные, они начаты во многих местах и с самых разных сторон. *Они уже начаты*, но их везде тормозит, и затормозило сопротивление помещиков и капиталистов, сопротивление, осуществляемое и через правительство Керенского (*на деле* правительство вполне буржуазное и бонапартистское), и через чиновничий аппарат старого государства, и через прямое и косвенное давление русского и «союзного» финансового капитала.

Не так давно И. Прилежаев писал в «Деле Народа» (№ 147), оплакивая уход Пешехонова и крах твердых цен, крах хлебной монополии: «Смелости и решительности – вот чего не хватало нашим правительствам всех составов... Революционная демократия не должна ждать... она должна сама проявить инициативу и планомерно вмешиваться в экономический хаос... Если где, так именно здесь нужны твердый курс и решительная власть».

Вот что правда, то правда. Золотые слова. Автор не подумал только, что вопрос о твердом курсе, о смелости и решительности не есть личный вопрос, а есть вопрос о том *классе*, который способен проявить смелость и решительность. Единственный такой класс – пролетариат. Смелость и решительность власти, твердый курс ее – не что иное, как диктатура пролетариата и беднейших крестьян. И. Прилежаев, сам того не сознавая, вздыхает по *этой диктатуре*.

Ибо что означала бы на деле такая диктатура? Ничего иного, как то, что сопротивление корниловцев было бы сломлено и полная демократизация армии восстановлена и завершена. Девяносто девять сотых армии были бы восторженными сторонниками такой диктатуры через два дня после ее установления. Эта диктатура дала бы землю крестьянам и всевластие крестьянским комитетам на местах; как можно, не сойдя с ума, сомневаться в том, что крестьяне поддержали бы эту диктатуру? То, что Пешехонов только *посулил* («сопротивление капиталистов сломлено» – буквальные слова Пешехонова в его знаменитой речи перед съездом Советов), то эта диктатура ввела бы в жизнь, превратила в действительность, нисколько не устраняя начавших уже складываться демократических организаций по продовольствию, по контролю и прочее, а напротив, поддерживая, развивая их, устраняя все помехи их работе.

Только диктатура пролетариев и беднейших крестьян способна сломить сопротивление капиталистов, проявить действительно величественную смелость и решительность власти, обеспечить себе восторженную, беззаветную, истинно героическую поддержку масс и в армии, и в крестьянстве.

Власть Советам – единственное, что могло бы сделать дальнейшее развитие постепенным, мирным, спокойным, идущим вполне в уровень сознания и решения большинства народных масс, в уровень их собственного опыта. Власть Советам – это значит полная передача управления страной и контроля за хозяйством ее рабочим и крестьянам, которым *никто* не посмел бы сопротивляться и которые *быстро научились бы* на опыте, на своей собственной практике научились бы правильно распределять землю, продукты и хлеб.

Набоков В.Д.

БЕЗНАДЕЖНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

С легкой руки вечерних «Биржевых» печать занялась идеей «предпарламента». Хорошенько не известно, имеются ли какие-нибудь действительные основания для постановки этого вопроса. Приписанные Временному правительству предположения были им официально опровергнуты. Но газета, напечатавшая сенсационную новость, настаивает на своем. Как бы то ни было, орган Совета р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов] счел нужным занять позицию по отношению к предпарламенту. Позиция, правда, несколько неясная: «Известия» отрицают предпарламент как замену Учредительного собрания, но они готовы, по-видимому, принять его как «временный и компромиссный выход», считая, что будет ли предпарламент демократическим или в нем примут участие и цензовые элементы, — он может служить приблизительным выражением соотношения сил в стране и дать известную опору власти.

Если верить утверждению, что мысль о создании особого совещательного органа, перед которым Правительство могло бы «отчитываться» и от которого оно могло бы «получать указания», принадлежит самому Правительству, то этот факт являлся бы лишь новым свидетельством бесконечной трудности теперешнего положения.

Временное правительство обладает «всею полнотою власти». Оно действует по уполномочию всей «революционной демократии», охраняя «завоевания революции». Такова теория, вернее сказать, такова фикция, ежедневно и ежедневно опровергаемая жизнью. На самом деле такого *реально существующего* правительства у нас не было с самого начала революции. А то, что мы сейчас видим, скоро уничтожит всякую возможность хотя бы поддерживать фикцию.

Сейчас существующее Временное правительство — «Совет пяти» (без одного), по собственному признанию, не имеет опоры ни справа, ни слева. Оно не является объединенным в своей собственной среде. В его составе имеется только два лица из числа тех, что образовали первое Временное правительство. Если верны сведения об уходе М.И. Терещенко, окажется, что вся тяжесть власти, все безмерные затруднения падают на одного А.Ф. Керенского. Каждый из его коллег не может на себя смотреть иначе, как на временного, случайного сотрудника. Каждый из них знает, что он — калиф на час. Ровно месяц тому назад на Московском совещании мы слышали слова, желавшие вдохнуть уверенность в силе и в авторитете. Едва ли многое уцелело от этих слов к сегодняшнему дню. Стенограммы Совещания еще не вышли в свет. Каким они покажутся печальным анахронизмом!

Попытки создать правительство, крепкое собственною своею силою, правительство внушительное и общепризнанное — эти попытки как будто приходится оставить. Сведение решающего состава до пяти лиц, толки о военном «малом» кабинете, все это — результат крушения всех прежних экспериментов. Идея «предпарламента» — новый эксперимент. Это учреждение должно

извне придать правительству недостающий ему авторитет. Оно же должно служить живою связью правительства со страной.

По неисповедимым путям Провидения, республиканское демократическое правительство вынуждено возвращаться к проектам и фантазиям старого самодержавия. Там тоже искали опоры и поддержки в совещательных учреждениях. Сознание внутреннего бессилия и оторванности от народа – подлинного народа, а не одной только «революционной демократии», и тогда, и теперь приводит к тем же результатам, порождает те же бесплодные, безнадежные усилия.

Дело не в том, конечно, что какие-то выдуманнные «Известиями» хитроумные головы хотят сорвать Учредительное собрание, заменив его предпарламентом. Таких, якобы коварных, а на самом деле явно нелепых, замыслов никому даже и нельзя приписать. Ясно, что правительству нужна трибуна, нужен живой обмен с какими-то представителями общественного мнения. Нужно наполнить кислородом безвоздушное пространство. Прежде можно было отправиться в Совет рабочих и солдатских депутатов. Теперь туда путь заказан, да и трудно вернуться оттуда целым.

Но все же из «предпарламента» ничего не может выйти. Опыт пресловутой «исторической» ночи с 21 на 22 июля, да и опыт Московского совещания – достаточные тому доказательства. Представим себе только на минуту, что оба эти собрания продолжались бы не день, не три-четыре дня, а недели и месяцы. Во что бы они превратились?

Формы представительных собраний не случайны. Они не могут быть импровизированы. Собрание без решающего голоса неизбежно обречено превратиться в говорильню. А если есть сейчас несомненный, роковой, пагубный бич – это политическая словесность, фабрика резолюций.

Мы изверились в слова. Они перестали пробуждать в нас надежды. Они даже перестали пугать. И, конечно, они не приблизят ни на один час оздоровление и спасение родины.

Речь. 1917, 14 (27) сентября. № 216 (3958).

Кливанский С.А.

ЧЕСТНАЯ КОАЛИЦИЯ НА ДЕЛОВОЙ ПРОГРАММЕ

Первый день Демократического совещания, давший в речах докладчиков обычную картину абстрактно-политического мышления руководящих кругов революционной демократии, принес и свой практический результат. Совещание вплотную подведено к практически-политическому разрешению вопроса о коалиции.

В речах Церетели, Чернова, как ни расходились они в отношении к элементам, с которыми нужно и можно коалировать, звучал одинаковый основной

мотив о необходимости для демократии сначала выработать свою деловую программу на ближайшее время до Учредительного собрания.

Совершенно правильно и естественно, что демократия должна сойти с облачных высот, где так легко оперировать пустыми фразами, и очутившись на грешной российской земле в лето от Рождества Христова 1917, в месяце революции седьмом, отдать себе отчет, что нужно и что можно делать в ближайшие два месяца.

Тогда сразу поблекнет большевистская демагогия и станет перед нами во всей своей пустоте, как выступала она уже в речи Каменева.

Каменев провел грань не только между буржуазией и партией пролетариата, но и между большевиками и демократией.

И это грань выдвинута не той или иной оценкой буржуазии в данный момент, не тем или иным отношением к интересам рабочего класса, а той программой, которую себе ставят теперь, как ставили с первого дня, большевики.

Стремясь лишить капитал возможности существовать, они, естественно, не могут рассчитывать на сотрудничество буржуазии, но столь же естественно отменяются демократией, которая ясно видит в мелькающей перед массами утопией социализма реальность анархии.

Что, кроме элементов утопии и анархии, содержит в себе боевой «практический» лозунг большевиков о рабочем контроле над производством?

Своеобразный реализм заключается здесь лишь в двойном демагогическом расчете «социал-демократической» партии на социалистические и демократические инстинкты массы.

Станут ли сами большевики серьезно не перед темными массами в цирке «Модерн», а перед страной, при свете ramпы Александринского театра защищать эту идею как пункт деловой программы, способной в ближайшие месяцы облегчить экономическую разруху?

Можно ли отрицать, что другой пункт их программы о немедленной конфискации помещичьих земель за две недели до Учредительного собрания, не имея никакого практического значения в смысле улучшения продовольственного кризиса городов, ничего, кроме безумного роста в деревне анархии на почве дележа земли, не вызовет?

Разве программа объявления Россией условий мира хоть на день приблизит демократический мир?

Демагогически маня массы иллюзией мира, не несет ли этот лозунг мира за счет России.

В первый день совещания бой на почве деловой платформы не был дан, и мы надеемся, что сегодняшнее заседание нам эту картину явит.

Демократическое совещание тогда будет в состоянии провести ясную и реальную грань между демократией и большевизмом и покажет стране демагогов во всем их неприкрашенном виде.

Исходя из трезвого учета мрачной действительности, совещание должно будет остановиться на такой платформе, которая повелительно диктуется всякому, кто хочет приложить руку к спасению страны.

Эти задачи элементарно просты и сводятся примерно к обороне страны, к снабжению армии и городов продовольствием, к обеспечению минимальной защиты неприкосновенности личности и имущества и к созыву Учредительного собрания в назначенный срок. Эта программа дает огромный простор для демагогической борьбы. Она не обещает ничего массам, но кто же не согласится с тем, что, если бы Временному правительству удалось хоть как-нибудь справиться в течение ближайших двух месяцев с намеченными задачами, оно спасло бы революцию и страну.

Может ли демократия на ближайшие дни месяца выдвинуть более широкую программу специально в том отношении, чтобы обещать массам какие-нибудь блага?

Если нет, то нельзя будет отрицать, что шестимесячное развитие революции в обстановке мировой войны, на четвертом ее году до того объективно сузило возможности, что при всем желании нельзя сделать реальную деловую программу демократии неприемлемой для цензовой Руси.

Но, может быть, противоречие до того глубокое, что исключает возможности сотрудничества, вскрыется при определении методов осуществления программы?

В вопросе о восстановлении боеспособности армии демократия после долгих и мучительных исканий стоит ныне на позиции, которая не может быть отвергнута элементами цензовой Руси, трезво учитывающими положение.

После произведенной чистки командного состава, демократия может со спокойным сердцем работать над созданием дружной объединенной деятельности организаций, комиссаров и командного состава.

Демократия кровно заинтересована в беспощадной борьбе со всякими проявлениями анархии, самосудов и погромов, и демократия не может не оказать всей своей поддержки делу создания сильной общественной и правительственной власти в центре и на местах.

Здесь ли вскрывается противоречие между цензовой и демократической Русью?

Может ли демократия в интересах снабжения страны быть против привлечения торгового аппарата под общественным контролем?

Мы не думаем, чтобы соглашение с цензовой Россией со включением кадетов, было ныне объективно невозможно и объективно вредно для дела революции. В этом нас убеждают те условия, которые выставлены московскими общественными деятелями для вхождения в кабинет. Необходимо только помнить, что коалиция предполагает не единомышленников, а два противоположных лагеря, стремящихся к противоположным целям, но сошедшихся на время для строго определенной работы, которая в интересах обеих частей.

Отсутствие иллюзий и сентиментальности – первое условие честной коалиции между классовыми врагами.

Миров В. (Иков В.К.)

КООПЕРАЦИЯ НА СОВЕЩАНИИ (НА КООПЕРАТИВНОМ СЪЕЗДЕ)

В тревожные дни, в исключительный по своей трагичности момент собрался чрезвычайный кооперативный съезд в Москве.

Съезд должен был ответить, идти или не идти кооперации на Демократическое совещание?

И решая этот частный вопрос, съезд силой вещей давал решение другой, более важной проблеме: должна ли кооперация стать на путь политической борьбы? Должна ли она бросить на чашку весов всю мощь своей организованности и единства?

Ясно, почему положительный ответ вызывал серьезные опасения, почему в глубоком раздумье и нерешительности останавливались перед этим логически неизбежным ответом многие делегаты.

Ведь до сих пор путь кооперации был весьма далек от треволнений политической жизни. В годы царского гнета кооперация волей-неволей являлась центром открытой общественной и ео ipso политической борьбы, поскольку всякая иная коллективная работа натывалась на непреодолимые препятствия. Огромная хозяйственная роль кооперации, важность ее функций в производительном процессе служили своего рода щитом, прикрывающим кооперацию от ударов самодержавия.

Но по основным заданиям своим, по самому смыслу своего назначения кооперация далека от политики, и чем нейтральнее линия ее поведения, тем прочнее ее дело.

И возникало опасение, что вмешательство кооперации в политическую жизнь страны, ее открытое и решительное выступление на новую дорогу, разорвет внутреннее единство кооперативного движения, далеко разведет в стороны различные отряды общей кооперативной семьи.

«Мы не хотим заниматься политикой, но мы должны ею заниматься», – с болью воскликнул на съезде А.М. Беркенгейм. И съезд громом аплодисментов в ответ на эту фразу как бы подчеркнул, что он на свой шаг смотрит как на известную жертву, что свой новый путь он считает дорогой на Голгофу.

Но вместе с тем съезд понял, что иного выбора нет! Ибо в момент катастрофы, надвинувшейся на Россию, никто не смеет сказать «в нетях».

Никто! Тем более такая огромная организованная сила, как многомиллионная кооперация, больше чем многие иные, могущая претендовать на представительство интересов демократических масс. Ибо органическая неразрывная связь с народом создавалась десятилетиями упорной, медленной, неустанной работы. И, во всяком случае, всегда эта самая прочная организационная ячейка, выдвинутая не минутным настроением среды, а могучими и глубокими интересами массы.

И кооперация сказала свое слово. Она выступила как сила государственная, для которой исходным пунктом в деле политического творчества является признание необходимости охраны экономической и политической независимости России как целого.

Отсюда – тот наказ, который единогласно принят съездом, где дана резкая постановка всех наболевших вопросов политического момента и, где с исчерпывающей ясностью намечена линия поведения, единственно приемлемая для демократии, по мнению кооперации.

Это путь безоговорочного, безусловного признания обороны страны и продолжения войны до достижения приемлемого мира.

Это путь всенародного, общенационального строительства государственной власти, – вне которого не мыслимо ни оздоровление *народного хозяйства*, ни спасение России от разгрома и позора.

Это голос подлинной революционной демократии, не потерявшей в дни всеобщего похмелья ясности сознания, и в этом его огромное значение.

День. 1917, 16 сентября. № 165.

Иванович Ст. (Португейс С.О.)

УМОПОСТИГАЕМАЯ КОАЛИЦИЯ

Отдельные политики могут, если это им нравится, быть смешными. Могут быть смешными и отдельные фракции. Но может ли стать смешным Всероссийское Демократическое совещание? Может ли всероссийская демократия принять резолюцию о коалиции без кадетов, когда теперь окончательно уже выяснилось, что такая коалиция неосуществима?

Демократическое совещание призвано не принципы провозглашать, а реальную политическую работу делать. Если оно решит положительно вопрос о коалиции, оно должно строить коалицию, проводить ее в жизнь.

Отдельный политик, отдельная фракция могут иногда позволить себе эту роскошь и, примеряя свои принципы к жизни, прийти к выводу: тем хуже для жизни. Иначе говоря, отдельные лидеры, органы прессы, убедившись, что их лозунг – коалиция без кадетов! – фактически означает провал всякой коалиции, могут себя утешать тем, что принцип-то у них хороший, да реальное соотношение сил плохое. Это не очень лестно для авторов провозглашенных принципов, но это вполне в духе безответственного проектирования наилучших политических планов.

Но всероссийское совещание демократии нанесло бы жесточайший удар делу демократии, если бы приняло постановление, которое заведомо нельзя осуществить. А коалицию без кадетов нельзя осуществить.

Может быть, Коноваловы очень плохие люди, что они не хотят идти в министерство без кадетов. Они явно портят чертежи Богданова и других. Но

демократический съезд должен принять жизнь, как она есть, и Коноваловых, каковы они суть.

Имущие классы, если их надо включить в коалицию, надо полюбить черненькими. Что делать? – история не приготовила нам точно по нашей мерке скроенную буржуазию. Марксисты, желающие коалицию без кадетов, соглашались, вероятно, что и пролетариат приготовлен русской историей не совсем по тем меркам, с какими удобнее всего было бы обращаться.

Но удивительное дело: класс, который весь еще стихийный процесс, весь еще неоформленная масса – принимается так, как есть, со всеми пороками его исторического происхождения и со всеми его антисоциалистическими и анархистскими тенденциями, а буржуазию – подавай чистенькую, беленькую... Как это далеко от марксистского понимания общественности, как это отдаст кабинетной социологической метафизикой!

Демократическое совещание не может уподобиться этим наивным и вместе с тем лукавым политикам. Предположим даже, что это блестящее разрешение вопроса: коалиция без кадетов. Допустим, что именно так могла бы спастись Россия. Но очень жаль, чрезвычайно жаль, что этот блестящий план спасения России не поддается осуществлению.

Некоторые планы барона Мюнхгаузена тоже были в своем роде замечательны. Но только дети до 7 лет верят, что эти планы действительно осуществлялись. Дети постарше уже понимают, что это только очень смешно и столь же глупо.

Если коалиция без кадетов невозможна, не «вообще» невозможна, а у нас осенью 1917 года невозможна, то Демократическое совещание должно будет высказаться просто и ясно: за коалицию или против коалиции. Если коалиция нужна, до зарезу нужна, то она должна быть принята и теми, кто рад был бы видеть изгнанных из нее кадетов. Если же коалиция – это только дань некоторым вождям своему вчерашнему дню, то куражу побольше, куражу, большевики простят прошлое – и да здравствует однородный кабинет.

Это бессмысленно, высказываться за коалицию, которую нельзя осуществить. Недостойно всероссийскому совещанию выносить решения, которые в лучшем случае будут названы маниловскими.

Да или нет!

Нужна коалиция – так нужно ее делать. А делать ее нужно и можно не из умопостигаемого социально-политического материала, а из материала, данного реальным соотношением сил. Если для вас этот материал не подходит, если он слишком груб для ваших тонких построений, – возглашайте: долой коалицию!

Сегодня коалиции без кадетов в российской действительности нет.

День. 1917, 16 сентября. № 16.

Пешехонов А.В.

ПРЕДПАРЛАМЕНТ

Название нелепое... Но не в названии дело. Представительный орган, опирающийся на возможно широкие круги населения, по моему мнению, был бы при данных условиях очень полезен.

Он нужен прежде всего как источник государственной власти – на случай, если ручеек ее, возникший в дни переворота, иссякнет, если преемственность ее в один из кризисов, которые стали так часты, окажется прерванной, если единство ее, к счастью, пока не нарушившееся, будет нарушено, и верховная власть окажется разорванной.

Опасности эти – отнюдь не призрачные, и каждая из них может постигнуть нас совершенно внезапно. «Не вемы ни дня, ни часа»... Не забудем, что за последние два месяца уже дважды – в июле и августе – все министры вручали свои портфели Керенскому, и последний оба раза в течение нескольких дней оставался единственным носителем государственной власти. Все люди смертны, – и Керенский тоже человек. Представьте себе, что в один из этих дней нас постигло бы несчастье, и мы лишились бы единственного носителя государственной власти... *Le roi est mort, vive le roi!* – такой выход имеет на этот случай монархия. Но ведь у нас не монархия, и у Керенского не было преемника, который автоматически вступил бы на его место. Государственная власть, висевшая в эти дни на одной ниточке, оборвалась бы вместе с нею, и нам пришлось бы воссоздать ее заново. А как это сделать?

Вернуться к первоисточнику ее? Но возможно ли это? – возможно ли после того, что пережито со времени переворота? Правительство было образовано тогда по соглашению Временного комитета Государственной думы с Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов. Кто решится сказать, что и теперь между ними возможно было бы соглашение? Я не говорю уже о том, что обе эти организации утратили значительную часть своего авторитета, и образованное ими правительство едва ли было бы признано всей Россией.

Конечно, без власти мы не остались бы. Если не Петроградский Совет, то Центральный Комитет Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов поспешил бы подхватить оборвавшуюся государственную власть и дать России новое Времен[ное] правительство. Но ведь то же поспешил бы, пожалуй, сделать и Временный комитет Г[осударственной] думы, который, как известно, не считает свою роль оконченной. Этот непогребенный мертвец не раз уже пытался ожить и, конечно, не упустил бы такого случая. Тогда получились бы два правительства, две государственных власти, и которая из них настоящая – решила бы лишь борьба между ними. А тем временем объявилась бы третья – где-нибудь в Могилеве или Новочеркасске. Лиха ведь беда начать... И государственная власть не только внизу, где она и сейчас представляет собой лишь обрывки, но и вверху, где она оставалась до сих пор единой,

была бы, быть может, разорвана в клочья. Во всяком случае, без замешательства дело не обошлось бы...

Я взял крайний случай – «несчастье», которое могло нас постигнуть. Но государственная власть может оборваться и по другой причине. Временное правительство может просто распасться. И дважды мы были близки к этому. Один раз – в начале июля, когда ушли к[онституционные]-д[емократы], ушел вместе с ними, хотя и несогласный с ними, Некрасов, а спустя несколько дней – ушел кн. Львов, и с ним готовы были уйти остальные «министры-капиталисты» (другой Львов, Годнев). Хорошо еще, что тогда была группа министров-социалистов, которые были делегированы Советом и которые считали себя не вправе уйти, хотя каждый из них в отдельности охотно положил бы свой министерский портфель в общую кучу. Еще хуже обстояло дело в середине июля, – после того, как Керенский, которому с разных сторон вкладывали палки в колеса, оказался не в силах пополнить кабинет. На отставки, которые ему подавали один за другим министры, он ответил, что сам подал в отставку и уехал из города. В течение двух дней тогда правительства, в сущности, не было, и мы, знавшие это, могли лишь удивляться, как страна не догадывается об этом. Лишь после того как представители партий поручили Керенскому составить новое Временное правительство, и он принял это поручение, – государственная власть была восстановлена. Но ведь представители партий могли и не сойтись на Керенском, могли просто разбрестись в разные стороны, – и в ту ночь они, в сущности, были недалеко от этого. Откуда же тогда взялось бы новое правительство?

Мне скажут, пожалуй, что отъезд Керенского был тогда лишь жест своего рода, что бросать всерьез власть он и не думал. Пусть так...

Но ведь возможно, что этот, единственный пока деятель, выдвинутый на видное для них место революцией, деятель, энергии и выносливости которого мы можем только удивляться, придет, в конце концов, в изнеможение под непосильным бременем, какое ему приходится нести, и, выбившись из сил, уедет не на день, не на два, не для демонстрации только, а всерьез, совсем...

Я не буду напоминать других случаев, когда государственная власть была близка к тому, чтобы превратиться в «ничью», в *res nullius*. Мы не раз уже видели, как группы и деятели, взявшиеся нести это бремя, готовы были бросить его при первом же подходящем случае. И нет ничего невероятного, что в тот или иной момент не окажется ни одной революционной группы, которая согласилась бы взвалить его на свои плечи. А тогда... «Ничьею вещью» может ведь завладеть всякий, – и государственную власть, сразу же или после некоторого периода анархии, захватит какой-нибудь проходимец.

Не менее велика другая опасность, прямо противоположная. В государственную власть, которую так легко теперь бросают, можно ведь вцепиться с азартом, и вцепиться не из-за корыстных или партийных только соображений, но и из-за желания спасти страну от распада и гибели. При этом люди могут вцепиться в нее с разных сторон и потащить ее в разные стороны. Это может произойти даже внутри Временного правительства. Представьте себе, что в

его составе образуются две непримиримых между собою группы, и каждая пожелает – не уйти, как было до сих пор, от власти, – а удержать эту власть в своих руках, устранив от нее другую группу. Дело может дойти до разрыва, и в результате получатся два правительства. Если хотите, мы были недалеко от этого – в дни корниловского восстания. Министры, подавшие в отставку и передавшие всю власть Керенскому, тем не менее продолжали собираться в Зимнем дворце. В понедельник 28-го августа, когда положение было еще крайне неопределенным, а некоторым представлялось и безнадежным, в их среде ясно наметились две группы: одни склонны были идти на компромисс, вступить в переговоры и соглашение с Корниловым, другие считали единственно возможным – бороться до конца, хотя и пришлось бы погибнуть. Но эти две группы не успели оформиться и противостоять друг другу. С одной стороны, этому помешала неопределенность положения самих министров, подавших в отставку: не то они члены Временного правительства, не то нет, не то они несут ответственность, не то она вся лежит на Керенском. С другой стороны, в течение ближайшей же ночи общее положение вполне определилось: страна оказалась на стороне Временного правительства, и победа последнего над Корниловым была уже несомненна. Если бы этого единодушия в стране не оказалось и войска Корнилова не дрогнули, а продолжали бы свой поход на Петроград, то нет ничего невероятного, что Временное правительство раскололось бы. – И одна группа его членов (которые в таком случае сказали бы, что мы-де хотя и подали в отставку, но ее еще не получили, других на свое место еще не поставили) отправилась бы в Ставку, а другая – осталась бы в Петрограде. Тогда каждый гражданин должен был бы решать, где же находится настоящее правительство. И ответ на этот вопрос стоил бы стране много крови...

Я, конечно, не думаю, что «предпарламент» или как бы мы его ни назвали, безусловно гарантирует нас от тех случайностей государственной жизни, о которых речь шла выше. Такой безусловной гарантии не может дать даже Учредительное собрание, тем более не даст ее представительный орган, который по своему строению может быть лишь очень несовершенным и авторитет которого не может быть бесспорным. Но при наличии «предпарламента» каждую такую случайность все-таки легче будет пережить и скорее можно будет найти выход, чем без него, – лишь бы под этим предпарламентом была достаточно широкая основа.

Я обращаюсь мыслью к прошлому и задаю себе вопрос, как бы мы восстановили государственную власть, если бы она по той или иной причине оборвалась или раскололась бы. Не может быть сомнения, что в первые месяцы революции дело не обошлось без вмешательства Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Позднее – ту же роль взял бы на себя имеющий уже более широкую под собою основу Центральный Комитет Совета рабочих и солдатских депутатов. Еще немного позднее – он не один бы уже принял участие в воссоздании правительства, а совместно с Исполнительным Комитетом Совета крестьянских депутатов. Если бы какая-нибудь случайность нас по-

стигла сегодня или завтра, то, несомненно, дело не обошлось бы без участия заседающего сейчас Демократического совещания, в котором представлены не только упомянутые Советы, но и целый ряд других демократических организаций.

Другими словами: дело не обошлось бы без того или иного представительного учреждения. Остается признать этот факт и с открытыми глазами идти в том направлении, в котором текла все время жизнь. Нужно сделать дальнейший шаг, построить представительное собрание на еще более широкой основе и тем приблизить его к общенародному, объединяющему, хотя бы и в несовершенной форме, все живые силы страны.

Народное Слово. 1917, 19 сентября (2 октября). № 88.

Шингарев А.И.

ПО НАКЛОННОЙ ПЛОСКОСТИ

В конце августа 1914 года в совещаниях у министра финансов по поводу необходимости найти источники средств для покрытия военных расходов и замены прекратившихся доходов от винной монополии для сбалансирования обычного государственного бюджета было много горячих споров о том, в каком направлении вести финансовую политику.

Пишущий эти строки тогда же настаивал на необходимости «планомерно задуманной и неуклонно проводимой обширной финансовой реформы во всех главнейших отделах нашей налоговой системы»¹.

Тогда же в печати, в ученых обществах и в совещаниях у министра мне приходилось очень настойчиво и долго доказывать обязательность немедленной реформы прямого обложения с введением подоходного налога, неизбежность введения государственных монополий взамен повышения акцизных ставок, установления вывозных пошлин на сырье.

«Длительность и грандиозность предстоящих нам задач, — писал я, — подчеркивает скорейшую необходимость реформ и, отчасти, облегчает их проведение».

Предлагавшаяся тогда финансовая реформа встретила сильнейшее сопротивление.

Подоходного налога вводить не желали, монополий боялись не только руководители финансового ведомства, но и многие политические деятели разных течений.

Принимались всякие случайные меры, огульно повышались все существующие налоги, и никакого плана, никакой системы не было во всей финансовой политике.

¹ См. мои статьи в «Речи» за 1914 г. № 233, от 31 августа, № 235, 238, 242, 244, 247, 254 и 257.

Продолжавшаяся война приносила с собою все новые и новые тяготы для государственного казначейства. Расходы росли неудержимо, доходы долго не могли восполнить даже убыль средств в обыкновенном бюджете, происшедшую от прекращения продажи водки.

Военные расходы пришлось покрывать займами и усиленными выпусками бумажных денег. Этот выпуск стал хронической болезнью нашего денежного обращения, и хотя первое время его отрицательные свойства сказывались весьма слабо, но постепенно их влияние накапливалось, и расстройство денежной системы со всеми его вредными последствиями проявлялось все резче и резче.

Так дело продолжалось до революции. Никакой настоящей реформы финансов проведено не было. Само введение подоходного налога состоялось, наконец, только на третьем году войны, а взимание его началось уже после революции. Государственных монополий не введено и до сих пор.

И государство осталось без надлежащего финансового плана. Только Временное правительство приняло проект сахарной монополии. Когда она осуществится в жизни, покажет будущее.

Государственные займы на военные нужды наталкивались на политические препятствия. До революции это было общее недоверие к старой власти и нежелание ее поддерживать. После революции это было безумное стремление некоторых органов революционного социализма противодействовать успеху Займа Свободы и постоянные политические кризисы власти в попытках навязать буржуазной революции утопические задачи социалистических партий.

Неудачи и слабый успех государственных займов вели к усиленному использованию выпуска бумажных денег. Право эмиссии государственного банка за время войны было расширено пять раз¹ на сумму в шесть миллиардов 200 миллионов рублей, да кроме того, по соглашению с Англией в сентябре 1915 года под обеспечение английского банка было выпущено еще 2 миллиарда рублей бумажек. Итого за время войны при старом режиме за 31 месяц войны эмиссия увеличилась на 8,2 миллиардов рублей, приблизительно в среднем 264 миллиона рублей в месяц. В иные месяцы, вследствие чрезвычайных событий, выпуски бумажных денег достигали 650 млн руб. в сентябре 1915 г. и 525 млн руб. в октябре 1916 г., иногда падая до 45–100 млн руб. в месяц.

За время революции право эмиссии кредитных билетов расширено уже в четыре раза в течение полугодия², всего на сумму *восьми* миллиардов рублей, т. е. в среднем свыше одного миллиарда рублей в месяц, т. е. *в 4 раза быстрее, чем при старом режиме*. Порок денежного обращения, которому был так подвержен старый слой, совершенно овладел революционной Россией. С 1-го июля по 1-е сентября текущего года выпущено каждый месяц в среднем 1.172 миллиона руб.

¹ 24 июля 1914 г., 17 марта 1915 г., 22 августа 1915 г., 29 августа 1916 г. и 27 декабря 1916 г.

² 4 марта 1917 г., 15 мая 1917 г., 11 июля 1917 г. и 7 сентября 1917 г.

В статье А. Смирнова в одном из последних номеров «Торгово-Промышленной Газеты» имеется следующее интересное сопоставление выпусков бумажных денег на шесть месяцев 1916 и 1917 годов:

	1916 г.	1917 г.
Март	179 млн руб.	1.031 млн руб.
Апрель	135 «	476 «
Май	167 «	729 «
Июнь	248 «	869 «
Июль	248 «	1.070 «
Август	246 «	1.273 «
	1.223 млн руб.	5.448 млн руб.

Разница в использовании бумажных денег дореволюционного и революционного периода получается колоссальная. Автор совершенно справедливо указывает ряд объективных причин такого положения, отмечая влияние войны на народно-хозяйственную жизнь страны, на понижение производительности труда, рост товарных цен и вследствие того необходимость в денежном обороте более крупных сумм денежных знаков и т. д.

Вместе с тем он устанавливает, что «резко увеличившийся, в некоторых случаях на 400–500 %, денежный доход рабочего класса, обогнавший рост дороговизны, влечет за собою расширение спроса широких масс на все более ограниченное на рынке количество потребительских благ и вызывает дальнейший рост товарных цен».

Так как все это совпадает с резким падением производительности труда, продолжительным бездельем громадного количества призванных в тыловые воинские части сотен тысяч людей, с повышенным потреблением ими продуктов сравнительно с другими группами населения, а в дальнейшем грозят все новые и новые требования роста заработной платы, еще большая быстрота роста государственных расходов и дальнейшее падение производительности труда, то совершенно становится ясным, какая громадная опасность стоит перед государством.

Отравой «сладким ядом» бумажных денег, за которую так упрекали старый режим, полною чашею и безудержно напивается революционная Россия. К губельному источнику чуть не единственного способа покрытия государственных расходов с все возрастающей жаждой тянутся широкие народные массы.

У государства нет надежных способов бороться с бумажной водянкой денежного обращения. Поздно проводимые прямые налоги встречают пассивное сопротивление в населении. Чувство гражданского долга притуплено и достигло крайнего напряжения сознание личных, классовых и групповых

прав. Налоги платят плохо, займы имеют малый успех. Да и где у нас государственная власть?

По наклонной плоскости катится груз бумажных финансов государства и пока не видно, где он остановится в своем падении. Не видно еще и сил государственных, способных удержать народно-хозяйственную жизнь страны от распада и катастрофы.

Среди социалистических групп все еще идут бесплодные споры о коалиции и контрреволюции. Там все еще многим как будто непонятно, что самая страшная контрреволюция надвигается не из той или другой политической группы, не от того или другого лица, а из-за хозяйственной разрухи, бестоварья, бесхлебья и безработицы.

Гоняясь за собственной тенью, рыщут объятые утопическими мечтами большевистские авангарды «революционной демократии» в поисках контрреволюции. А она надвигается в их собственных рядах и куется их собственными руками.

Государственная власть не может справиться ни с чем, пока само государство в хозяйственном и административном отношении остается «распыленным союзом анархических, бунтующих поселений».

Речь. 1917, 19 сентября (2 октября). № 220 (3962).

Плеханов Г.В.

ЛЕНИН И ЦЕРЕТЕЛИ

В одной из своих речей, произнесенных на Демократическом совещании, т. Церетели, возражая г. Троцкому, попросил его вспомнить предсказание, сделанное «не пророком, а человеком, связанным с российской демократией и отразившим ее политику». Предсказание это заключалось в словах: «К нам контрреволюция прорвется через большевистские ворота».

Слова эти произнесены были на июньском совещании Советов рабочих и солдатских депутатов, — много у нас было таких совещаний, да только воз и ныне там! — тем же т. Церетели. Для их произнесения действительно не требовалось пророческого дара. С тех пор как Ленин, возвратившись в Россию через Германию, изложил свои пресловутые «тезисы» в Петроградском Совете, всем его противникам стало ясно, что его, с позволения сказать, тактика в огромной степени будет способствовать усилению контрреволюционных элементов. Т[ов]. Церетели выразил это общее убеждение противников Ленина на июньском совещании. И теперь, когда только слепые не видят, какие роскошные контрреволюционные всходы дает агитация Ленина и его единомышленников, т. Церетели может, пожалуй, гордиться своим «предсказанием».

К сожалению, тут приходится отметить следующее печальное обстоятельство. Человек, «связанный с российской демократией и отражавший ее политику», сам поддерживал Ленина в его вреднейшей для революции деятель-

ности. Разумеется, он поддерживал его невольно и бессознательно, но тем не менее поддерживал. И к тому же – весьма усердно. Будущий историк русской революции вынужден будет, в интересах истины, занести это печальное обстоятельство на страницы своего труда рядом с «предсказанием» т. Церетели.

Как же могло случиться, что «человек, связанный с российской демократией и отражавший ее политику», а главное – не раз выступавший противником Ленина, сам оказался его пособником? Да очень просто!

Т[ов]. Церетели грешит двойственностью своих политических взглядов.

Он, *во-первых*, марксист. В качестве марксиста он, выступая против Ленина, весьма основательно ставил ему на вид, что Россия переживает теперь не социалистическую, а буржуазную революцию. Отсюда он, – правда, не сразу и не без очень значительных колебаний, – вывел то вполне верное умозаключение, что революционная демократия может, отнюдь не изменяя самой себе, вступить в коалицию с буржуазными партиями. Он сам вошел в коалиционное министерство. Раз войдя в него, он не мог не желать, чтобы трудящаяся масса поддерживала правительство, наполовину составленное из представителей разных оттенков социалистической мысли, а наполовину из «министров-капиталистов». И он выражал в своих речах это, как нельзя более естественное, желание.

Но он выражал его лишь *«постольку, поскольку»* оставался марксистом. А он не всегда оставался таковым. Воззрения, почерпнутые им из литературы марксизма, к его великому несчастью, переплелись у него в голове с резолюциями о войне, высиженными в Циммервальде и Кинтале. Он слишком плохо осведомлен был по части истории Интернационала, чтобы заметить кровное родство этих резолюций с теми, которые предлагал когда-то *анархо-синдикалист* Домела Ньевенгайс международным социалистическим съездам в Брюсселе (1891 г.) и в Цюрихе (1893 г.). Он наивно вообразил, будто циммервальд-кинтальские резолюции о войне являются последним словом революционного марксизма. Этим коренным заблуждением порождены были все остальные его ошибки и противоречия.

На кого падает ответственность за нынешнюю войну? На буржуазию всех стран, т. е., *между прочим, и на русскую буржуазию*. Так гласит одна из глав циммервальд-кинтальского алькорана. И так же говорил сам т. Церетели, в продолжение довольно долгого времени дружески разгуливавший под ручку с наиболее выдающимся из всех циммервальд-кинтальских пророков, *Р. Гриммом*.

Но если ответственность за нынешнюю войну падает на русскую буржуазию в такой же мере, как и на австро-германских империалистов, то ясно, как божий день, что *коалиция* с нею неприемлема для людей, хоть немного способных к логическому мышлению. Вместо коалиции с буржуазией нужно восстать против буржуазии. Так говорил Ленин, вполне верный духу циммервальд-кинтальских резолюций. Надо решительно порвать со всеми требованиями буржуазии, возвестил он, отстаивая свои «тезисы» в Петроградском Совете.

В этом случае его вполне одобрил бы анархо-синдикалист Д. Ньевенгайс, дух которого возродился в циммервальд-кинтальских резолюциях. На Брюссельском и Цюрихском социалистических съездах Ньевенгайс развивал именно ту мысль, что война может и должна послужить сигналом для международной социалистической революции.

Во всяком случае, Ленин делал совершенно законный вывод из циммервальд-кинтальских резолюций, приглашая массу кричать: «*Долой министров-капиталистов!*». И, по крайней мере, в Петрограде, масса откликнулась на его призыв. Всем нам хорошо памятная демонстрация 18 июня была торжеством ленинских «лозунгов».

Во время этой демонстрации я стоял на Марсовом поле рядом с т. Чхеидзе. По его лицу я видел, что он нисколько не обманывал себя насчет того, какое значение имело поразительное обилие плакатов, требовавших низвержения «капиталистических» министров. Значение это, как *нарочно, подчеркнуто* было поистине начальническими приказами, с которыми обращались к нему некоторые представители ленинцев, проходивших мимо нас настоящими именинниками.

Но если т. Чхеидзе сознавал, что демонстрация 18 июня явилась победой ленинцев, то ему вряд ли приходило в голову, — да едва ли приходит и теперь, — что эта победа подготовлена была той проповедью циммервальд-кинтальских идей, которой он, Церетели и их единомышленники предавались не менее усердно, чем сам Ленин.

Долой министров-капиталистов! — Нельзя было отвергнуть этот лозунг, оставаясь на почве резолюций, принятых в Циммервальд-Кинтале. С этим поневоле должны были согласиться наши *министры-социалисты*, сами одобрявшие названные резолюции. Но если циммервальд-кинтальское вероисповедание осуждало коалицию революционной демократии с торгово-промышленным классом, то неизбежно возникал вопрос: почему же т. Церетели и другие социалисты уселись в министерские кресла бок о бок с «буржуями»?

Ленин отвечал на него весьма просто, недвусмысленно и вполне согласно с духом Циммервальд-Кинталя: потому что наши социалистические министры изменили своему собственному делу. С этим, понятно, не могли согласиться единомышленники т. Церетели и других министров-социалистов. И вот, они придумали хитроумный довод, по смыслу которого наши социалисты, в противоположность французским и бельгийским, согласились на вступление в министерство не с целью сотрудничества с буржуазными его членами, а единственно затем, чтоб продолжать в нем борьбу классов. Совершенно несостоятельный сам по себе, этот довод помешал нашим министрам-социалистам, — не протестовавшим против него и, следовательно, признавшим его правильным, — начертать для себя сколько-нибудь осмысленную линию поведения. Отсюда возникло множество ненужных и крайне вредных трений, сильно компрометировавших идею коалиции. А чем больше компрометировалась идея коалиции, тем более приближалось торжество Ленина. В настоящее время Ленину остается сделать только несколько шагов, чтобы восторжествовать окончательно.

Я не знаю, догадается ли он поблагодарить т. Церетели, когда будет с триумфом шествовать по широким улицам Петрограда. Вероятно, нет. Но не подлежит сомнению, что если прав был т. Церетели, предсказавший, что «контрреволюция прорвется к нам через большевистские ворота», то не менее прав будет историк, который напишет: *«Поскольку И.Г. Церетели был циммервальдистом, постольку он усердно и успешно уравнивал дорогу, ведущую к воротам ленинского большевизма».*

Единство. 1917, 21 сентября. № 145.

Шатило А.М.

ОПАСНЫЕ ИЛЛЮЗИИ

Когда мы пишем эти строки, петроградское Демократическое совещание еще занято своими «докладами», выслушивает оратора за оратором, и собирается заканчивать свои тяжелые работы.

Кто до совещания еще имел кое-какие сомнения о возможности для революции выйти через него из тупика, в котором он ныне находится, уже, наверное, потерял всякие надежды на это при самом открытии первого же заседания.

Фиаско Демократического совещания явно самому слепому. Провал его окончательный. В той или другой форме коалиция неизбежна и признана таковой даже теми крайне левыми элементами, которые, крича во все горло об однородном социалистическом министерстве, о переходе власти в руки С[оветов] р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов] и т. п., замолкли, как только почувствовали приближение роковой минуты, когда слова должны будут превратиться в дело.

Московское Государственное совещание было явным контрреволюционным совещанием; оно имело своей целью задушить революцию. Петроградское Демократическое совещание является не менее явным контрреволюционным совещанием в том смысле, что оно имеет своей целью усыпить революцию, дать ей наркотическую дозу — «демократическое» авось даже «социалистической» власти и, довольствуясь этим, уговорить рабочий класс ждать манны небесной.

Мы считаем себя такими же врагами душителей, как и усыпителей революции, ибо как одни, так и другие имеют одну общую задачу — приостановить, хотя и на равных ступенях, рост стихийного революционного строительства масс, с одной стороны, и рост организованности рабочего класса для борьбы с насилием и гнетом — с другой.

С государственной точки зрения иначе не может быть. Революция и Государство — явления различные и противоположные: первое есть прямое отрицание второго; укрепление Государства — это гибель революции. Вот почему мы антигосударственники; вот почему мы находим, что, если русский народ хочет углубить революцию, если он хочет из политической революции,

каковой она до сих пор была, сделать социальную, дающую ему всю полноту свободы и право на все человеческие богатства, он обязан отречься от принципа государственности; он должен раз навсегда прийти к убеждению, что – или Государство неизбежно и тогда надо забыть о революции, или продолжать революцию и тогда надо избавиться от Государства. Никакие социалистические или демократические подслащивания горькой пилюли власти не изменят тот факт, что власть, государство, являются институтами, враждебными ходу всякой революции. Всякая революция начинается разрушением той или иной власти. Всякая революция кончается в день воцарения новой власти.

Будем же осторожны и не поддадимся всяким Демократическим совещаниям, социалистическим министерствам и властным Советам. Слишком долго народ спал, чтобы, лишь только пробуждаясь, позволить разным «спасителям» его вновь усыпить. Нам теперь нужна главным образом более тесная сплоченность революционных рабочих сил, – через нее станет возможно расширение народной революции; к ней мы должны стремиться, на нее мы должны работать.

Голос Труда. 1917, 22 сентября. № 7.

Ган М. (Ганфман М.И.)

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗАСЕДАНИЕ

(*Из впечатлений на Демократическом совещании)

Ночь на 21 сентября будет, вероятно, в летописях русской революции названа исторической. Мы ведь так принизили требования к истории, и история принизила свои требования к русскому народу, что явления, которые заслуживали бы, может быть, других обозначений, приходится признавать крупными историческими событиями, могущими влиять на судьбы великой страны.

Я присутствовал на ночном заседании 21 сентября, которое должно было восстановить единство демократии, потерпевшее накануне такой позорный крах, и, увы, веяние духа истории не ощущал, хотя и решался вопрос о власти для России. Хотя демократия творила новое право в виде государственно-правовых институтов, которых не знает ни наука, ни опыт демократии всего мира.

Склонен думать, что не только забронированные «буржуазным мирозерцанием» и научными предрассудками свидетели исторического заседания, но и сами революционные стратеги, нашедшие выход из болота, в котором застряло совещание накануне, едва ли были воодушевлены своим открытием. Едва ли способны были возбудить тот энтузиазм или ту патриотическую тревогу, которые необходимы для действительного, а не мнимого, словесного только объединения.

Прислушиваясь к разговорам и толкам революционного улья, гудевшего еще до заседания в фойе Александринского театра, я мог убедиться, что выход,

найденный Церетели, совсем не приемлется как поворот в сторону государственности, как отказ от узко партийной политики, приведшей демократию к полному распылению. — Нет, «средство» Церетели было встречено ошарашенным революционным обывателем только как удобный тактический прием, только как замазка для того зияющего провала, который обнаружился при голосованиях о коалиции.

Имеются, конечно, и в совещании группы, которые ищут выхода в интересах страны, которые с надеждой смотрят на рецепт Церетели и искренно ждут от него спасения. Но громадное большинство видит в нем способ сохранить партийное «лицо» и выйти из конфуза, совсем не придавая особенно серьезного значения воплощению в жизнь намеченного компромисса. Произошло то, что часто бывает на российских сборищах и собраниях, когда, наговорившись досыта и бесконечно надоев друг другу своей несознательностью и беспомощностью, члены собрания приходят в состояние, свидетельствующее вообще о неспособности собрания разрешить поставленную задачу. Тогда, если кому-нибудь придет в голову счастливая и глубокая идея назначить комиссию из того же собрания для разрешения той же задачи, то такое предложение обыкновенно встречается с чувством глубокого удовлетворения. Никто не решается поставить вопроса, не очутится ли комиссия перед теми же затруднениями, какие были в собрании, будут ли члены комиссии более мудры и психологически свободны, чем само собрание.

Выход, найденный Церетели, по существу сводится к избранию комиссии, которая должна разрешить то, что оказалось не под силу всему демократическому совещанию. Сам Церетели и другие инициаторы компромисса, вероятно, видят в нем не только путь для того, чтобы вывести совещание из глупого положения, но и действительное средство для создания устойчивой власти. Но революционный обыватель, так отличившийся накануне и так горячо приветствовавший вчера ночью Церетели, устраивает овацию не государственному человеку, с определенной программой, а талантливому политическому штукатуру, сумевшему наскоро приготовить нужную для всех партий замазку.

Нужно отдать справедливость автору компромиссного соглашения, психология революционного партийного обывателя была учтена превосходно, и все было сделано для того, чтобы замазка понравилась. Формула была своего рода *mixtum compositum*: в нее были введены все вещества, могущие успокоительно действовать на партии: для большевиков были приданы такие успокоительные средства, как валерьянка «деятельной внешней политики, направленной на достижение всеобщего мира», для других введены другие соответствующие средства. Но конфликтный вопрос о коалиции, как и подобает при выходе из тупика путем комиссии, так тщательно завуалирован, что комиссия, как и собрание, стоит перед пустым местом...

Допущена возможность коалиции, и опять, для успокоения, предусмотрено обязательное меньшинство цензовых элементов, предусмотрена «процентная норма» для буржуазии в парламенте. Психологическое настроение большинства собрания и потребность принять какое-нибудь решение, с ко-

торым делегаты все-таки могли бы вернуться на места, обеспечивали быстрое прохождение компромисса.

Заседание, подготовленное всякого рода фракционными и другими соглашениями, началось, можно сказать, при предзнаменованиях самых благоприятных. Даже большевики как будто заразились общим настроением, и когда Церетели делал свой доклад, то из лож, откуда так часто за эти пять дней раздавались выкрики, откуда так часто гудел «по-зо-о-р» (для этого выкрика совещание создало своего рода ритуальный мотив) оратор ни разу не был прерван. Но это продолжалось недолго. Выступление Троцкого по мотивам голосования показало, что большевики уже оправились от конфуза или совсем не ощущали его: они решились продолжать свою политическую игру, несмотря на участие в подготовке компромисса. Так, выступление Троцкого свидетельствовало, что перемирие среди демократии весьма непрочное, и что именно успех успокоительной микстуры Церетели создает в большевистских кругах жгучую потребность сейчас же, тут же на месте продемонстрировать тем, кто за стенами Александринского театра прислушивается к их лозунгам, что «предателю» Церетели не удастся «обмануть» пролетариат. В Выборгском районе ни на одну минуту не должны думать, что вожди большевизма могут идти вместе с мелкобуржуазными элементами революционной демократии. Троцкий сохранил в своей речи апарансы: он говорил по существу формулы, он вскрывал внутренние противоречия церетелевской формулы с точки зрения большевизма. Но Каменев, Луначарский и Ногин откровенно приступили к своей задаче, как опытные специалисты по срыванию собраний, и как демагоги, играющие на личных, совершенно недопустимых нападках. Обвинения, предъявленные Церетели этими «вождями» большевизма, этими идейными вдохновителями авангарда русской революции, были отвратительные, были рассчитаны на создание скандала.

И скандал разразился, скандал типично митинговый. В воздухе раздавались ругательства, крики, поднимались кулаки, наливались кровью глаза, лица. Был предъявлен большевистский ультиматум, и совершился исход большевиков, сопровождаемый свистом с одной стороны, ругательствами и угрозами, весьма недвусмысленными угрозами – с другой. Сущность, конечно, была совсем не в том, что большевики сочли себя оскорбленными заявлением Церетели, что при разговорах с ними нужно приводить с собою нотариуса и двух писцов. Это был только повод для выявления тех партийных решений и настроений, которые вообще не могут уложиться в самый гибкий, самый резиновый компромисс, стремящийся к объединению. И с[оциалисты]-р[еволюционеры] левого крыла в более приличной форме тоже нанесли удар этому компромиссу.

Если бы «исход» большевиков был началом создания революционно-демократического блока, способного проникнуться элементарными государственными началами, то исторически скандальное заседание в Александринском театре могло бы приобрести значение если не «объединения» всей демократии, о котором говорил Церетели, то поворотного пункта в процессе превра-

щения революционной обывательщины в истинно демократическую силу. Но, увы, настроения партий и фракций (мы не говорим о кооператорах, к которым большинство относится как к скрытым контрреволюционерам и кадетам) не оправдывает этих надежд.

Когда в перерыве, устроенном по случаю большевистского скандала, я присматривался к настроению небольшевистских групп, то уже увидел, что испуг предыдущего дня, разрешенный компромиссом Церетели, заменяется новым – как бы не порвать окончательно с большевиками. Соответственно этому, в зале и в кулуарах стали циркулировать разного рода страхи. Шепотом стали передавать, кажется, без всякого основания, что часть караула, охранявшего собрание, узнав об исходе большевиков, отправилась в казармы: шепотом же комментировался выклик большевиков, раздавшийся при окончательном голосовании, что пролетариат не участвовал в нем, шепотом говорилось о всевозможных выступлениях. Ощущалось, что большевистская стихия, опирающаяся на низы, влияет на все собрание. Она не отменена, она продолжит свою разрушительную работу и в совещании, и в том предпарламенте, который явится совещанием в малом масштабе, со всеми его особенностями и революционно-обывательскими настроениями.

Речь. 1917, 22 сентября (2 октября). № 223 (3965).

Ленин В.И.

О ГЕРОЯХ ПОДЛОГА

Кончилось так называемое Демократическое совещание. Слава Богу, еще одна комедия осталась позади. Мы все же таки идем вперед, если в книге судеб нашей революции положено¹ пройти не более как через определенное число комедий.

Чтобы правильно учесть политические итоги Совещания, надо постараться определить его точное классовое значение, вытекающее из объективных фактов.

Дальнейшее разложение правительственных партий эсеров и меньшевиков, явная для всех потеря ими большинства в революционной демократии, шаг вперед в объединении и оголении бонапартизма как г-на Керенского, так и гг. Церетели, Чернова и К° – таково классовое значение Совещания.

В Советах эсеры и меньшевики потеряли большинство. Поэтому им и пришлось пойти на подлог: нарушить свое обязательство созвать через три месяца новый съезд Советов, спрятаться от отчета перед теми, кто ЦИК Советов выбирал, подтасовать «демократическое» совещание. Об этой подтасовке говорили большевики перед Совещанием, и результаты его вполне подтвердили их. Либерданы и гг. Церетели, Черновы и К° видели, что их большинство в Советах тает, а потому и шли на подлог.

Доводы вроде того, что кооперативы «имеют уже крупное значение в числе демократических организаций», а равно и «правильно» избранные городские и земские представители, эти доводы шиты настолько белыми нитками, что только грубое лицемерие может выдвигать их всерьез. Во-1-х, ЦИК избран Советами и уклонение его от сдачи отчета и должности *им* есть бонапартский... подлог². Во-2-х, Советы представляют революционную демократию постольку, поскольку в них идут те, кто хочет бороться революционно. Кооператорам и горожанам двери не закрыты. Хозяевами Советов были те же эсеры и меньшевики.

Тот, кто оставался *только*³ в кооперативах, *только* в пределах муниципальной (городской и земской) работы, тем самым выделял себя добровольно из рядов революционной демократии, тем самым причислял себя к демократии либо реакционной, либо нейтральной. Всякий знает, что в кооперативную и муниципальную работу идут *не* только революционеры, идут *и* реакционеры; всякий знает, что в кооперативы и в муниципалитеты выбирают преимущественно для работы *не* общеполитического размаха и значения.

Тайком притащить⁴ себе подмогу из сторонников «Единства» и «беспартийных» реакционеров – вот какова была цель Данов⁵, Церетели, Чернова и К° при подтасовке Совещания. Вот в чем их подлог. Вот в чем их бонапартизм, объединяющий их с бонапартистом Керенским.

Обкрадыванье демократизма при лицемерном соблюдении внешности демократизма – вот в чем суть.

Николай II обкрадывал демократизм на крупные, так сказать, суммы: он созывал представительные учреждения, но помещикам давал в сотни раз более крупное представительство, чем крестьянам. Даны и Церетели с Черновыми занимаются мелкими кражами демократизма: они созывают «демократическое совещание», на котором *и* рабочие, *и* крестьяне с полным правом указывают на урезывание их представительства, на непропорциональность, на несправедливость в пользу наиболее близких к буржуазии (и к реакционной демократии) элементов кооперативов и муниципалитетов.

С массами рабочей и крестьянской бедноты гг. Либеры, Даны, Церетели и Черновы порвали, от них они отошли. Спасение их в подлоге, которым держится и «ихний» Керенский.

Размежевка классов идет вперед. Изнутри партий эсеров и меньшевиков крепнет протест, нарастает прямой раскол вследствие измены «вождей» интересам большинства населения. Вожди опираются на меньшинства⁶ – вопреки основам демократизма. Отсюда для них *неизбежности*⁷ подлогов.

Керенский как бонапартист все более разоблачает себя. Он считался «эсером». Теперь мы знаем, что он⁸ только «мартовский» эсер, перескочивший сюда от трудовиков «для рекламы». Он – сторонник Брешко-Брешковской, этой «г-жи Плехановой» среди эсеров или «г-жи Потресовой» в эсеровском «Дне». Так называемое «правое» крыло так называемых «социалистических» партий, Плехановы, Брешковские, Потресовы, вот к кому *принадлежит* Керенский, а это крыло *ничем* серьезным не отличается от кадетов.

Керенского⁹ хвалят кадеты. Он ведет *их* политику, он *за спиной народа* советуется с ними и с Родзянкой, он изобличен Черновым и другими в сообществе с Савинковым – другом Корнилова. Керенский – *корниловец*, рассорившийся с Корниловым *случайно* и продолжающий быть в интимнейшем союзе с другими корниловцами. Это – *факт*, доказанный как разоблачениями Савинкова и «Дела Народа», так и продолжающейся политической игрой, «министерской чехардой» Керенского с корниловцами под названием «торгово-промышленного класса».

Тайные сделки с корниловцами, тайное кумовство (через Терещенку и К°) с империалистами союзниками¹⁰, тайные отяжки и саботирование Учр[едительного] собрания, тайные обманы крестьян, чтобы услужить Родзянке, т. е. помещикам (удвоение хлебных цен) – вот чем занимается Керенский *на деле*. Вот его *классовая* политика. Вот в чем его бонапартизм.

Чтобы это прикрыть на Совещании, Либеры, Даны и Церетели с Черновыми должны были подтасовать его.

И участие большевиков в этом гнусном подлоге, в этой комедии имело исключительно такое же оправдание, как участие наше в 3-ей¹¹ Думе: и в «хлеву» надо отстаивать наше дело, и из «хлева» давать разоблачающий материал в поучение народу.

Разница тут, однако, та, что 3-я Дума созывалась при заведомом упадке революции, а теперь заведомо идет нарастание *новой революции*, – мы очень мало знаем, к сожалению, о широте и быстроте этого нарастания.

* * *

Самым характерным эпизодом Совещания я считаю выступление Зарудного. Он рассказывает, что Керенскому «стоило только намекнуть» на реорганизацию правительства, – и все министры стали подавать прошения об отставке. «На другой же день, – продолжает наивный, младенчески-наивный (хорошо еще, если *только* наивный) Зарудный, – на другой же день, несмотря на нашу отставку, нас призывали, с нами советовались, нас оставили, в конце концов».

– «В зале дружный смех», – отмечают в этом месте официальные «Известия».

Веселые люди, эти участники бонапартистского надувания народа республиканцами! Мы ведь все революционные демократы, не шутите!

«С самого начала, – говорил Зарудный, – мы слышали две вещи: стремиться к боеспособности армии и к ускорению мира на демократических началах. И вот, что касается мира, то за полтора месяца, пока я был членом Вр[еменного] пр[авительст]ва, я не знаю, делало ли Вр[еменное] пр[авительст]во в этом отношении что-нибудь. Я не видел этого. (Аплодисменты и голос с места: «Ничего не делало», – отмечают «Известия».) Когда я в качестве члена Вр[еменного] пр[авительст]ва осведомлялся об этом, я не получал ответа»...

Так говорит Зарудный, по сообщению официальных «Известий». И Совещание слушает молча, терпит такие вещи, не останавливает оратора, не прерыв-

вает заседания, не¹² ставит вопроса о немедленной отставке Керенского и правительства! Куда тут! Эти «революционные демократы» горой за Керенского!

Очень хорошо, господа, но чем же отличается тогда понятие «революционный демократ» от понятия... холопа?¹³

Что холопы¹⁴ способны весело хохотать, когда «их» министр, отличающийся редкой наивностью или редкой тупостью, докладывает им, как Керенский гоняет министров (чтобы за спиной народа и «без лишних глаз» договариваться с корниловцами), это естественно. Что холопы молчат, когда «их» министр, взявший как будто всерьез всеобщие фразы о мире, не понявший их лицемерия, признается, что ему даже не отвечали на вопрос о реальных шагах к миру, это не удивительно. Ибо холопам так и полагается – давать себя надуть правительству. Но при чем же тут революционность, при чем же тут демократизм??¹⁵

* * *

И тут я подхожу к ошибкам большевиков. Ограничиться ироническими аплодисментами и возгласами в такой момент – является¹⁶ ошибка.

Народ измучен колебаниями и оттяжками. Недовольство явно нарастает. Надвигается новая революция. Весь интерес реакционных демократов, Либеров, Данов, Церетели и пр. – внимание¹⁷ народа на комедийное «Совещание», «занять» народ этой комедией, *отрезать* большевиков от массы, задерживая большевистских делегатов на таком недостойном занятии, как сиденье и выслушивание Зарудных! А Зарудные еще правдивее других!!

Большевики должны были уйти в виде протеста и для того, чтобы не поддаваться в ловушку отвлечения Совещанием народного внимания от серьезных вопросов¹⁸.

Большевики должны были, в числе ⁹⁹/₁₀₀ своей делегации, идти на фабрики и в казармы; там было бы настоящее место делегатов, съехавшихся со всех концов России и после речи Зарудного увидавших всю бездну эсеровской и меньшевистской гнилости. Там, поближе к массам, следовало бы обсудить в сотнях и тысячах собраний и бесед уроки этого комедийного совещания¹⁹.

Десять убежденных солдат или рабочих из отсталой фабрики *стоят в тысячу раз больше*, чем *сотня* подтасованных Либерданами делегатов²⁰. Использование парламентаризма – особенно в революционные времена – состоит вовсе не в том, чтобы терять дорогое время на представителей гнилья, а в том, чтобы *учить массы на примере гнилья*²¹.

Рабочий Путь. 1917, 7 октября (24 сентября ст. ст.). № 19.

¹ В виде исключения в специальных концевых примечаниях к данной статье редактор и составители тома решили дать возможность увидеть и понять характер редакторской правки, которой подверглась ленинская рукопись, когда готовилась к предполагаемой публикации в «Правде». В данном случае – слово «положено» сменило ленинское «предписано». В дальнейшем, выделяя замененные редактором слова и обороты, мы курсивом даем то, что было в ленинской рукописи. Здесь же в подстрочных примечаниях будут по-

мешены и редакционные изъятия из текста, а общий комментарий по тексту дается, как и во всех томах серии, в конце книги. Кто редактировал ленинскую рукопись, установить не удалось. Однако без внимания эту вивисекцию Ленин не оставил. Как сочли нужным отметить подготовители 34-го тома ПСС Панфилова А.А. и Жукова А.П., а также его редактор Зевин В.Я.: «По всей вероятности, этот факт прежде всего имел в виду Ленин, когда в VI главе статьи “Кризис назрел”, предназначенной для раздачи членам ЦК, ПК, МК и Советов, с возмущением писал, что Центральный Орган вычеркивает из его статей указания на “вопиющие ошибки большевиков”». См. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 282, примеч. 84 на с. 488.

² У Ленина «*бонапартистское мошенничество*».

³ Здесь и далее по тексту, согласно ремарке составителей 34-го тома Полного собрания сочинений Ленина – курсив редакции «Рабочего Пути».

⁴ Было «*протащить*».

⁵ В рукописи пять раз при упоминании Дана одного, либо вместе с Либером, Ленин употребляет словосочетание «*Либердан*», и каждый раз, за исключением первого, безымянный редактор правит данный ленинский пассаж.

⁶ В рукописи: «*меньшинство*».

⁷ У Ленина – «*неизбежность*».

⁸ Авторское «*не*» редактор меняет на «он».

⁹ После «Керенского» шло «за дело».

¹⁰ Было «с *империалистами союзными*».

¹¹ Нумерация Думы Лениным везде дана римскими цифрами.

¹² Выпущены четыре слова: «*выскакивает, чтобы прогнать Керенского*».

¹³ У Ленина было: «и *хама*».

¹⁴ Перед словом «холопы» стояло слово «*хамы*».

¹⁵ Далее следовал снятый редактором текст: «Удивительно ли было бы, если бы у революционных солдат и рабочих явилась мысль: “Хорошо бы, кабы потолок Александринки провалился и раздавил всю эту банду хамских душонок, которые могут молчать, когда им наглядно поясняют, как Керенский и К° водят их за нос болтовней о мире; – которые могут весело смеяться, когда им говорят яснее ясного их собственные министры, что министерская чехарда есть комедия (прикрывающая сделки Керенского с корниловцами). Избави нас, боже, от друзей, а с врагами мы справимся сами! Избави нас, боже, от таких претендентов на революционно-демократическое руководство, а с Керенскими, кадетами, корниловцами мы справимся сами”».

¹⁶ Перед словом «является» у Ленина было слово «*явная*».

¹⁷ Перед словом «внимание» стояло – «*отвлечь*».

¹⁸ Далее снят следующий текст: «Большевики должны были оставить из 136 своих депутатов одного–трех для “службы связи”, для телефонных сообщений о моменте прекращения гнусной болтовни и переходе к голосованию. Но большевики не должны были давать занять себя явными пустяками, явным обманом народа с явной целью притупить нарастающую революцию посредством игры в бирюльки».

¹⁹ Далее, вместо запятой, была поставлена точка. Снятыми оказались полторы страницы текста: «[...] которое явно только давало оттяжку корниловцу-Керенскому, явно только облегчало ему новые варианты “министерской чехарды”».

У большевиков получилось неправильное отношение к парламентаризму в моменты революционных (не – “конституционных”) кризисов, неправильное отношение к эсерам и меньшевикам.

Понятно, как это получилось: история сделала с корниловщиной очень крутой поворот. Партия отстала от невероятно быстрого темпа истории на этом повороте. Партия дала себя завлечь, на время, в ловушку презренной говорильни.

Надо было уделить этой говорильне одну сотую сил, а ⁹⁹/₁₀₀ отдать массам.

Надо было, если поворот предписывал предложить компромисс эсерам и меньшевикам (мне лично кажется, что он это предписывал), сделать это ясно, открыто, быстро, дабы тотчас учесть возможный и вероятный отказ друзей бонапартиста Керенского идти на компромисс с большевиками.

Отказ был налицо уже в статьях “Дела Народа” и “Рабочей Газеты” накануне совещания. Надо было возможно более официально, открыто, ясно сказать, не теряя ни минуты сказать массам: гг. эсеры и меньшевики отвергли наш компромисс, долой эсеров и меньшевиков! Совещание, под аккомпанемент такого лозунга на заводах и в казармах, могло бы “смеяться” над наивностями Зарудного!

Атмосфера некоего увлечения “Совещанием” и обстановкой его складывалась, видимо, с разных сторон. Ошибкой было со стороны тов. Зиновьева писать про Коммуну так двусмысленно (по меньшей мере, двусмысленно), что выходило, будто, победив в Питере, Коммуна может потерпеть поражение, как во Франции в 1871 г. Это абсолютно неверно. Победив в Питере, Коммуна победила бы и в России. Ошибкой было с его же стороны писать, что большевики сделали хорошо, предположив пропорциональный состав президиума в Петроградском Совете. Никогда ничего путного революционный пролетариат в Совете не сделает при таком пропорциональном допущении господ Церетели: допускать их, значит отнимать у себя возможность работы, значит губить советскую работу. Ошибкой было со стороны тов. Каменева говорить первую речь на Совещании в чисто “конституционном” духе, ставя смешной вопрос о доверии или “недоверии” к правительству. Если нельзя было на таком собрании сказать ту правду про корниловца-Керенского, которая уже сказана и в “Рабочем Пути” и в московском “Социал-Демократе”, то почему бы не сослаться на них и закрепить перед массами, что Совещание не хочет слушать правды про корниловца-Керенского?

Ошибкой было со стороны делегаций от питерских рабочих посылать ораторов на такое совещание, после речи Зарудного, после выяснения обстановки. К чему было метать бисер перед друзьями Керенского? К чему было отвлекать пролетарские силы на комедийное совещание? Почему бы те же делегации столь мирно и законно не отправить бы по казармам и наиболее отсталым фабрикам? Это было бы в миллион раз полезнее, насущнее, серьезнее, дельнее, чем путешествие к Александринке и разговоры с кооператорами, сочувствующими “Единству” и Керенскому».

²⁰ Далее шло: *«от разных делегаций»*.

²¹ В конце статьи были сняты два абзаца, в которых В.И. Ленин выступил автором двух агитационных плакатов по мотивам Демократического совещания: «Почему бы тем же пролетарским делегациям не “использовать” Совещания так, чтобы издать и показать по казармам и фабрикам, скажем, два плаката в объяснение того, что Совещание есть комедия? На одном плакате можно бы изобразить Зарудного в дурацком колпаке, пляшущего на подмостках и поющего песенку: “Нас Керенский отставил, нас Керенский оставил”. А кругом Церетели, Чернов, Скобелев, кооператор под ручку с Либером и Даном, и – все покатывающиеся со смеху. Подпись: “им весело”.

Плакат второй. Тот же Зарудный перед той же публикой говорит: “Я полтора месяца спрашивал о мире. Я не получал ответа”. Публика молчит, лицам придана “государственная солидность”. Особенно солиден Церетели, который пишет незаметно в свою записную книжку: “Этакий балбес Зарудный! Такому олуху навоз бы возить, а не министром быть! Защитник коалиции, а режет ее хуже сотни большевиков! Был министром, а не научился говорить по-министерски, что-де я полтора месяца неуклонно следил за ростом кампании за мир и что я-де убежден в окончательном успехе этой кампании именно при коалиции в связи с великой идеей Стокгольма и прочее и прочее. Ведь и тогда бы и Зарудного та же “Русская Воля” восхваляла как рыцаря русской революции”».

Мартынов (Пиккер) А.С.

КОАЛИЦИОННАЯ ПОЛИТИКА И ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ СОВЕЩАНИЕ

Когда общенациональная задача низвержения царизма и распутиновщины была решена, когда революция в своем развитии выдвинула на первый план задачи с глубоким социальным содержанием, задачи ликвидации войны, контроля над производством и непосредственной подготовки к решению аграрного и национального вопросов, открылась пропасть между вчерашними союзниками, между либеральной буржуазией, с одной стороны, пролетариатом и крестьянством – с другой. Это новое противоречие, подобно старому, могло быть разрешено лишь новым открытым столкновением сил и решительным поражением той или другой стороны, ибо революция и война обостряли это противоречие до крайней степени. Революция естественно окрылила надежды народных масс, почувствовавших свою мощь. Буржуазия, со своей стороны, получила благодаря войне сильнейшую поддержку в лице реакционных империалистических союзников, и она тем менее склонна была к уступчивости, что жизнь поставила в порядок дня жгучий вопрос – на чьи плечи должно быть преимущественно взвалено огромное бремя разорительной войны.

Открытое столкновение сил должно было роковым образом раньше или позже произойти. Но руководители Советов боязливо закрыли глаза на действительность и сделали в майские дни попытку создания коалиции социалистов с кадетами «во избежание гражданской войны». Жизнь посмеялась над этой попыткой отворратить неотвратимое.

Никакой коалиции на деле не получилось. Кадеты шли в министерство не для того, чтобы там сотрудничать с социалистами в деле осуществления советской программы, а для того, чтобы изнутри тормозить ее осуществление; и в тех редких случаях, когда им это не удавалось, они покидали правительство, создавали «кризис власти» и таким способом вынуждали отчаянно цеплявшихся за коалицию социалистов к отступлению. В результате революционное творчество правительства было совершенно парализовано, экономическая разруха и анархия неудержимо росли, борьба за мир была фактически прекращена, разочарованный пролетариат отворачивался от Советов, все более усваивая максималистскую большевистскую программу, авторитет Советов падал. Правительство же, освобождаясь постепенно от контроля Советов, превращалось все более и более в безответственную власть и в центр притяжения для разных авантюристических элементов, вроде Савинкова и Филоненко.

И гражданской войны, вопреки всем стараниям, избежать не удалось. Она пришла, эта гражданская война, но в наименее благоприятном для демократии виде. Она вылилась в форму изолированного выступления части рабочих и солдат в июльские дни, выступления, направленного не против буржуазии только, но и против Правительства и Советов. В такой форме гражданская война была лишь вода на мельницу контрреволюции. В такой форме она лишь

подготовила почву для корниловского мятежа, который уже теперь задушил бы революцию, если б Советы перед лицом грозной опасности не порвали с коалиционной политикой и не проявили в деле обороны революции полную независимость по отношению к коалиционному правительству.

Корниловский мятеж убил старую коалицию. Но на место старой, фальшивой, нам сейчас хотят поднести новую, «честную» коалицию с цензовыми элементами, путем непосредственного открытого сговора двух сторон без помощи дипломатического посредничества премьер-министра.

Но что значит «честная коалиция»?

Это значит, соглашение двух сторон, имеющих различные программы, на общей компромиссной программе. Не трудно, однако, предвидеть, что урезанная программа будет совершенно неприемлема для пролетариата и революционного крестьянства. К чему же приведет новый опыт коалиции? Очевидно, к повторению июльских событий во всероссийском масштабе с их неизбежным последствием – диктатурой корниловцев. Пусть подумают об этом наши соглашатели, собирающиеся проделывать новые эксперименты над истерзанной и измученной революционной Россией.

Чтоб спасти революцию, Демократическое совещание должно, наконец, создать однородную, твердую власть, ответственную перед организованной объединенной демократией и только перед ней до созыва Учредительного собрания. Это правительство должно будет самым решительным образом ликвидировать корниловское дело, уничтожить Госуд[арственный] Совет, Госуд[арственную] думу и все контрреволюционные гнезда, реорганизовать армию на демократических основах и приступить немедленно к осуществлению программы нашей революции во внутренней и внешней политике. Только показав всему нашему народу и всему миру, что наша организованная демократия одержала решительную победу над контрреволюционной буржуазией и что в России появился, наконец, хозяин готовый и способный твердой рукой поддержать в стране революционный порядок, можно будет остановить процесс распада в народе, можно будет безболезненно предупредить всякого рода анархические выступления крайних элементов, можно будет задержать уже начавшийся преждевременно опасный раскол между рабочими и крестьянами. Только таким путем создания твердой демократической власти можно будет также сломить сопротивление цензовых элементов в проведении неотложных демократических реформ. Маловеерам, считающим это сопротивление буржуазии непреодолимым, мы напомним, что еще недавно им также непреодолимым представлялось сопротивление командного состава делу демократизации армии, что теперь уже никто не сомневается в том, что это возможно. Итак, наш лозунг: не запугивать демократии, мелкобуржуазной в своем огромном большинстве, красным призраком социализма, не превращать ее в придаток к капиталистической буржуазии, а помочь ей в создании однородной революционной власти.

Левицкий (Цедербаум) В.О.

ДВЕ ДЕМОКРАТИИ

К итогам Демократического совещания

Только путем опыта, а часто и горьких разочарований, рабочий класс развивает свое классовое самосознание и познает те реальные общественные силы, рядом с которыми ему приходится действовать в политической жизни и соотношение которых определяет его тактику в той или иной исторической обстановке.

Пролетариат сыграл руководящую роль в первые дни революции: за ним пошли, к нему присоединились все недовольные старым режимом, все жаждавшие его изменения и политической свободы. Созданные им в пылу борьбы организации – Советы рабочих депутатов – стали органами революции, к их голосу стали прислушиваться другие силы русской революции, выдвинутые ими лозунги стали лозунгами всей русской демократии.

Но революция есть длительный и сложный процесс, во время которого происходит постепенное перемещение и изменение соотношения сил различных классов, процесс появления классовых противоположностей и борьбы между различными классами общества.

И теперь, спустя полгода после начала революции, положение пролетариата в ряду других классов и групп, участвующих в революции, сильно изменилось по сравнению с тем, что было в феврале–марте 1917 года. Пролетариат перестал уже играть ту первостепенную руководящую роль, какая выпала на его долю в первое время революции. Рядом с ним народились и выявились другие классы и общественные группы.

На московском Государственном совещании в августе пролетариату удалось еще раз собрать вокруг себя и своей программы силы всей демократии. Но уже на этом совещании ясно определилось, что из недр земли вырастают другие силы в лице кооперативов и новых демократических органов самоуправления, которые во многом расходятся с рабочим классом и пойдут с ним рука об руку только при условии некоторых уступок с его стороны. Такие уступки и были сделаны представительством рабочего класса в Государственном совещании.

Корниловщина и ее легкое подавление при активном участии Советов рабочих и солдатских депутатов внушило пролетариату новую иллюзию об его всесильности, о том, что Советы все могут. Результатом этой иллюзии, этого обманчивого миража, охватившего широкие рабочие массы, было стремительное «полевение» Советов, переход их на сторону большевиков и укрепление веры в легкое преодоление всех препятствий к закреплению революции силами одного только пролетариата и революционной демократии.

Демократическое совещание должно было, по мысли его инициаторов, засвидетельствовать единство революционного фронта, сплоченность революционной демократии перед лицом организующейся буржуазии.

Казалось – и не только большевикам, – что из Демократического совещания вырастет единая однородная революционно-социалистическая власть, «диктатура демократии».

Результаты совещания разрушили эту надежду. Разбили иллюзию о всеисилии пролетариата и единство революционной демократии, обнаружив перед взором тех, кто имеет очи, чтобы видеть действительное положение вещей и не выдуманное, а реальное соотношение общественных сил.

Демократия оказалась не единой, а расколотой на совещании. Оказалось, что нет того единого революционного фронта, который можно противопоставить всей цензовой буржуазии и на основе которого предполагалось построить однородную не то демократическую, не то социалистическую власть.

Не одна, а две демократии выявились на совещании. Одна – демократия Советов рабочих и солдатских и, лишь частью, крестьянских депутатов, готовая взять на свои собственные плечи всю ответственность за революцию и спасение страны. И другая – демократия кооперативов, обновленных городских и земских самоуправлений и других общественных организаций, которая желает эту ответственность разделить с цензовыми элементами и без коалиции с ними не мыслит себе работы по оздоровлению и спасению России.

Пусть большевики утверждают, что кооперативы и другие группы, представленные на совещании, не настоящая, а маргариновая демократия, пусть обзывают их мещанами и мелкими буржуями; от этого дело не меняется.

Ведь если подлинная демократия – только те группы населения, которые сплотились вокруг Советов, то дело их, а, следовательно, и дело русской революции совершенно безнадежно, ибо эти группы составляют меньшинство населения, бессильное против воли его большинства навязать ему свою волю, довести революцию до конца, и это тем более что и внутри Советов обнаружилось значительное число сторонников коалиции с буржуазией, вплоть до к[онституционно]-д[емократической] партии.

Но большевики ошибаются и в этом. Кооператоры, конечно, представители мелкой буржуазии, и тем не менее и даже именно поэтому нет никаких оснований вычеркивать их из рядов демократии, даже демократии революционной. Ибо мелкая буржуазия и есть в России та демократия, тот народ, который составляет большинство населения и поведение которого в конечном счете решит – быть или не быть победе революции. Пойдет эта мелкая буржуазия по одному пути с рабочим классом, хотя и отдельными колоннами, и дело революции обеспечено; оставит она его изолированным (одиноким) – и революция падет жертвой какой-нибудь корниловщины.

Но мелкобуржуазная демократия и слышать не хочет однородной власти, не хочет и не может, в силу экономической своей связи и зависимости, решительно рвать с цензовыми слоями буржуазии.

Перед вождями пролетариата на совещании стоял выбор: или отказаться от коалиции, т. е. разорвать не только с промышленниками и к[онституционно]-д[емократической] партией, но и с мелкобуржуазной демократией, и обречь тем пролетариат на политическое одиночество, т. е. гибель. Или пойти на ко-

алицию, сохранив свое влияние на эту мелкобуржуазную демократию в интересах спасения революции и доведения ее до конца.

Неудивительно, что ответственные вожди пролетариата не колебались в выборе и пошли по второму пути.

Из Демократического совещания пролетариат России должен, как и после дней 3–5 июля, извлечь серьезный политический урок.

Революционная демократия не есть единое целое, покорно плетущееся в хвосте пролетариата и резко обособленное от буржуазии. Она состоит из самых разнообразных элементов, силы которых превышают силы предоставленного самому себе пролетариата.

Пролетариат только в той мере не утратит влияния на ход революции и не превратится из ее двигателя в ее тормоз, поскольку, оценивая действительное соотношение общественных сил, сумеет построить свою тактику таким образом, чтобы не раскалывать силы демократии. Не обособлять себя от ее большинства, а вместе с ним идти к тем целям, которые в настоящее время у них одинаковы, и которые могут объединить всех тех, кто стоит за демократическую республику, отражение внешнего врага и скорейшее заключение мира на демократических основах.

Листовка Бюро печати ЦК РСДРП(о).

ГПИБ. Центр социально-политической истории. Коллекция листовок.

Рукопись, автограф. РГАСПИ. Ф. 622. Оп. 1. Д. 3. Л. 47–57.

Кикодзе Г.Д.

ПРИМЕР ФИНЛЯНДИИ

Когда Временное правительство распустило Сейм Финляндии и назначило новые выборы, тем самым оно как бы обжаловало действия национального представительства перед всем народом. Русское правительство надеялось, что финский народ проявит свою традиционную умеренность и не поддержит революционный путь, избранный Сеймом. Эту надежду русских финны оправдали полностью. Однако в нынешнем парламенте социал-демократов оказалось избранных меньше, чем в прошлом парламенте, хотя, как видно, это положение вряд ли изменит направление национальной политики Финляндии. Буржуазное большинство с еще более осторожностью продолжит предложенный социал-демократами путь свободы Финляндии.

Читатель, верно, помнит последние смелые шаги прежнего Сейма. Фракция социал-демократов под руководством председателя Сейма взломала запечатанную российским генерал-губернатором дверь зала заседания и в течение 35 минут официально приняла ряд важнейших законопроектов, значительно расширив тем самым официальную компетенцию финской автономии. Патриотически настроенные соц[иал]-демократы боялись того, на что

надеялось российское Временное правительство: того, что новый Сейм будет более буржуазный и более покладистый.

Если верить телеграммам, новый Сейм уже показал свое лицо: он намерен объявить себя национальным Учредительным собранием, а Финляндию – Республикой. Сейм берет на себя функцию законодательной власти, исполнительная же власть будет полностью в руках президента страны, которого народ изберет сроком на шесть лет. Президент также будет главнокомандующим вооруженных сил страны. Вопросы войны и мира объявлены общегосударственными вопросами, во внутренних же делах Финляндия полностью независима.

В случае, если соглашение между финским и российским Учредительными собраниями достигнуто не будет, Финляндия окажется вынужденной обратиться к будущей Мирной конференции, где у нее, несомненно, будет свое представительство. Одним словом – Финляндия больше не будет российской автономной провинцией, но станет самостоятельным союзным государством в рамках бывшей империи.

В той битве, которая происходила между Россией и Финляндией, одно было примечательным: до начала революции Финляндия, подобно Грузии, говорила, апеллируя к своим историческим правам. Для тогдашней Европы это было понятно. Финляндия вспоминала 1809 год, когда [российский император] Александр I присудил Финляндии не только Конституцию, но даже вернул ей отвоєванную ранее у нее Выборгскую провинцию. Затем финны вспоминали манифесты Александра II, вследствие которых независимость Финляндии значительно расширилась. Напротив – покушения на права Финляндии со стороны Александра III, Николая II и Третьей Государственной думы были объявлены нарушением исторических прав Финляндии и неприкрытым насилием.

Сегодня финны совершенно сознательно перешли на совершенно иную почву. Они откровенно признаются, что их цель состоит не в защите исторической конституции, но в завоевании полной независимости.

Финляндия никогда не была независимым государством: перед тем как стать частью Российской Империи, она была провинцией Швеции. Однако такое изменение политики не удивительно. Государственные мужи Финляндии справедливо полагают, что сама Россия стоит на той же позиции силы, то есть на почве революции. Историческое право было на стороне Романовых, однако восставшие войска были против династии, тем самым заготовив основу Временному Революционному Правительству. А это последнее уже не может подкрепить свои действия против Сейма Финляндии историческими правами.

На какие силы может надеяться Финляндия в борьбе с Временным правительством?

Ясно видно, что распределение сил в последнее время изменилось в пользу Финляндии. Русские войска, которые расположены в Гельсингфорсе и Выборге, настроены по-большевистски, так же, как и Российский флот, расположенный в финском заливе. Русское воинство со спокойным равнодушием

встретило взлом опечатанного зала собрания. И, по-видимому, и в дальнейшем не собирается особо напрягаться. Подавляющая часть балтийского моря в руках немецкого флота; высадка вражеского флота и возможна, и ожидаема. Симпатии Швеции явно на стороне финнов – жителей этих двух стран объединяют исторические традиции, так же как и верования и культурное наследие; кроме этого, вплоть до сегодняшнего дня одна шестая часть Финляндии считает шведский язык своим родным. И, что немаловажно, мировая война не ослабила трехмиллионный финский народ ни экономически, ни физически: Финляндия смогла сохранить свою молодежь и свою полноценную марку.

Финляндия – хороший пример для маленьких, угнетенных наций, которые жаждут свободы, однако не имеют высокого стремления начинать борьбу. Знаменательно и то, что во всей России наиболее непримиримую национальную политику проводят финские социал-демократы.

Почему же этот народ проявляет такую нетерпимость, почему он не ждет российского Учредительного собрания?

Неужели они не осознали интернационалистическую мудрость, которая гласит: решение национального вопроса возможно не в результате разброда демократических сил, но вследствие их единения?

Своим поведением финская демократия дала ясный ответ на этот вопрос и, подобно басне о здравомыслящем охотнике, – предпочла жаворонка в руке аисту в небе.

Эта мораль весьма поучительна.

Сакартвело. 1917, 26 сентября. № 211.

Дан Ф.И.

ОЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ ДЕМОКРАТИИ

Две очередных задачи стоят теперь перед всеми группами демократии.

Первая задача состоит в том, чтобы использовать до конца вновь создаваемый парламент – Временный Совет Российской Республики.

Демократия должна использовать его прежде всего для того, чтобы положить конец испытаниям и колебаниям власти, ее досадным промахам и грубым ошибкам, вытекающим из безответственности правительства, из отсутствия постоянной связи между ними и организованной демократией.

Совет Российской Республики должен сделать невозможными такие акты управления, как циркуляры министра внутренних дел Никитина в связи с железнодорожной забастовкой. Грозить арестом стачечного комитета, предписывать приказом почтово-телеграфным служащим не передавать телеграмм железнодорожников, это значит – не содействовать возможно скорой ликвидации забастовки, не побуждать железнодорожников добиваться удовлетворения их справедливых требований способами, не губящими дело револю-

ции, а, наоборот, делать все возможное для расширения забастовки и толкать взволнованных, изнервничавшихся людей на эксцессы.

Только полной оторванностью от общения с демократией министра, проводящего дни и ночи в четырех стенах различных зал и кабинетов, можно объяснить эти замашки бюрократического паши, так ярко сказавшиеся в циркулярах А.М. Никитина. Совет Республики, надо думать, очень скоро уничтожит этот бюрократизм в действиях министров.

Но кроме непосредственного влияния на практику государственного управления, демократия должна использовать Совет Республики и для спешного законодательства в демократическом духе. Оставаясь в пределах платформы 14 августа, легшей в основу правительственной программы, демократия может и должна добиться срочного проведения целого ряда мероприятий, ставших в буквальном смысле слова неотложными.

Само собой разумеется, что для выполнения этой задачи демократия должна проявить не только критический дух, но и творческую инициативу. Она не должна ждать, пока ей будут представляться правительством готовые законопроекты, чтобы потом «разносить» их, а должна взять на себя почин и побуждения правительства к более интенсивной работе и внесения собственных законопроектов.

Выполняя эту работу, сплываясь вокруг своих представителей в парламенте, все слои демократии будут тем самым подготавливаться к выполнению и второй, неизмеримо более важной задачи – подготовке к выборам в Учредительное собрание.

Менее двух месяцев отделяет нас от дня выборов в это собрание, от состава и работ которого во многом зависят судьбы революционной России. Менее двух месяцев! Срок необычайно короткий, если подумать, что демократия должна войти в Учредительное собрание хорошо организованной, сознающей свои цели и притом войти не с пустыми руками, а с хорошо продуманным и разработанным планом деятельности.

Мало ведь знать, *чего* мы хотим. Надо точно знать, *как* можем достигнуть мы выполнения наших желаний. Нам предстоит в Учредительном собрании воистину «новый мир построить» на обломках царской России. Надо знать, с какого конца взяться, и каким путем идти, чтобы эта грандиозная работа спорилась. Если у демократических партий будут только пышные лозунги и общие резолюции, а не будет ясных и точных законопроектов по самым насущным вопросам русской жизни, то пройдут месяцы, прежде чем Учредительное собрание сможет глубоко врезаться своей работой в самую толщу русской революционной действительности.

Одними лозунгами и резолюциями – не устроить контроля над промышленностью, не установить твердых цен, не организовать продовольствия и не ввести поимущественного налога. И если мы не хотим, чтобы Учредительное собрание целые месяцы тратило на речи и формулы, превращаясь в пустую говорильню, то надо теперь уже позаботиться о том, чтобы с первого же дня оно имело возможность приступить к подлинно революционной деловой ра-

боте. Ибо только от работы и дел, а не от слов, можно ждать спасения страны и революции.

Итак, за работу в Совете Российской Республики и за самую деятельную подготовку к Учредительному собранию! Вот две задачи, к выполнению которых властно зовет всю демократию голос революции!

*Известия ЦИК и Петроградского
Совета рабочих и солдатских депутатов.
1917, 27 сентября. № 182.*

Каминка А.И.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

I

А.И. Шингарев возбудил на страницах «Речи»¹ уже давно обсуждаемый во всей западноевропейской литературе вопрос о демобилизации промышленности. Чем больше война затягивается, тем острее станет этот вопрос, так как неудовлетворение насущных потребностей будет чувствоваться все сильнее. Между тем мобилизованная промышленность успеет забыть навыки мирного времени, мирный рынок, мирные пути сбыта товаров. Наоборот, все, что она научилась готовить, способ, коим эти заготовки доставлялись потребителю, все это потеряет, может быть, даже всякое значение. Вместе с тем, как это совершенно правильно отметил А.И. Шингарев, многие из предметов, заготовленных для военных надобностей (тракторы, автомобили, белье и т. п.), представляют громадную ценность, и в особенности в такой бедной стране, как Россия настоящего времени, этим имуществом пренебрегать не приходится.

Было бы, однако, совершенно неправильно, рассуждая о реконструкции промышленности, упускать из виду, что она требует в качестве необходимой предпосылки известной «конструкции», т. е. наличности действительно мобилизованной промышленности, имеющей задачей наиболее полное использование всего промышленного аппарата. В таком случае пред страной одна только задача: полным ходом работающий аппарат направить по новому пути, обратить его на новую работу.

Иная должна ставиться задача там, где мобилизация не произошла, где промышленность не работает с тем максимальным напряжением и соответствующими результатами, на которые она способна при данном оборудовании, при данной организации предпринимательского и рабочего элементов. Там, прежде всего, необходимо стремиться достигнуть максимального напряжения. И если ужасы войны, опасности неприятельского нашествия, возможные тяжелые условия будущего мира не в состоянии заставить промышлен-

¹ См.: Шингарев А. Реконструкция // Речь. 1917, 24 сентября (7 октября). № 225 (3967).

ность надлежащим образом работать, то какие есть основания рассчитывать, что демобилизация принесет в этом отношении какую-либо пользу?

А между тем после войны основная задача промышленности: производить как можно больше и как можно дешевле, превратится в «быть или не быть» русской промышленности. Сейчас, когда мы работаем на нужды войны, когда потребитель вполне обеспечен, производителю можно работать и недостаточно тщательно и даже лениво – все равно все будет принято, за все будет заплачено. По окончании войны положение промышленности станет несравненно более трудным: придется выдерживать конкуренцию всего мира. Ведь и там думают о демобилизации промышленности, и задачу будущей экономической политики усматривают в том, чтобы ввоз из-за границы (поскольку без такового обойтись нельзя) свести к ввозу сырых продуктов, вывозя в обмен готовые фабрики.

При наличности же сильной заграничной конкуренции наша промышленность должна совершенно зачухнуть, если она не будет отвечать основному требованию конкурирующей промышленности – дешевизне производства, возможной лишь при использовании в полной мере как всего оборудования, так и всей рабочей силы.

Что же мы видим пока?

Перед нами картина полного падения работоспособности. С максимальными затратами достигаются самые плачевные результаты. Мы не говорим о том, что заработная плата страшно возросла, дороговизна – явление весьма сложное, последствия повышения заработной платы сравнительно не так страшны. В нормальных условиях цены быстро выравниваются, так как предприятия в убыток долго работать не могут, и рабочие мирятся на низведении [зарплаты] до разумных пределов в интересах спасения себя от безработицы. Гораздо опаснее, что одновременно с увеличением заработной платы, угрожающим образом падает интенсивность труда. В 4-м томе официального издания «Известий особого совещания по топливу» мы находим следующие красноречивые данные относительно добычи каменноугольной промышленности Донецкого бассейна за первую треть 1917 г. Добыча с 157 млн пудов за январь месяца упала до 121 млн пуд. в апреле, т. е. упала более, нежели на 22 %, между тем как число рабочих уменьшилось с 291 тыс. до 278 тыс., т. е. менее, нежели на 5 %. Результаты получились бы еще более печальные, если бы подвергнуть статистические данные Донецкого бассейна более подробному анализу, если бы вместе с результатами добычи изучить вопрос о положении, например, подготовительных работ на рудниках. Но и этой бесспорной простой справки вполне достаточно.

Совершенно ясно, что такие печальные результаты могли получиться только потому, что наш предпринимательский строй так же болен, как больна наша армия. Оба страдают от дезорганизации. Надо раньше всего их исцелить, и до этого исцеления все, что будет предприниматься, может в лучшем случае несколько облегчить наши страдания, но не может принести нам исцеления.

А нездоровая промышленность не может конкурировать на мировом рынке, она должна быть вытеснена им и у себя дома.

Чтобы оздоровить нашу промышленность, надо вновь ее организовать, надо дать возможность ее основным элементам нормально функционировать. Наше хозяйство капиталистическое. Даже органы социалистической печати продолжают постоянно доказывать, что мы не можем пока выйти из этой стадии хозяйственного развития. Значит, предпринимательский строй должен быть сохранен и, следовательно, все, что содействует укреплению начал, на коих основано развитие и процветание предпринимательства, должно быть тщательно охраняемо государством, поскольку это совместимо с другими задачами социальной политики. Эти начала заключаются в возможности проявления индивидуальных способностей и знаний предпринимателями, в возможности применения организаторских талантов, ибо правильная организация это – первое условие предпринимательского успеха. К сожалению, вся деятельность Правительства за последние полгода сводилась к умалению этих начал. Объективно анализируя цепь мероприятий, которые привели или, точнее, позволили промышленности докатиться до ее теперешнего положения, мы должны сказать, что они разрушали предпринимательское начало в нашей промышленности. И, что самое ужасное, это разрушение производилось не во имя создания другого творческого начала в хозяйственной жизни, не потому, что предпринимательский строй должен быть сменен какой-либо другой организацией, но исключительно в угоду демагогическим требованиям, во имя искания компромисса, который дал бы возможность хоть как-нибудь работать сегодня на завтра. Но компромисс имеет спасительное значение до тех только пор, пока он не губит то, ради чего к нему прибегают. Дезорганизованная промышленность уже не промышленность, она теряет право на существование, ее лучше заменить кустарями. Поэтому нельзя уступать добровольно там, где речь идет уже не о размере прибылей, но о самой ее организации. Такой дезорганизующей мерой являются, например, опубликованные изменения правил об обеспечении рабочих на случай смерти. Мы совершенно оставляем в стороне вопрос об увеличении платежей предпринимателей, это вопрос специальный и, быть может, справедливо разрешенный новыми Правилами. Но вместе с тем эти Правила совершенно устраняют влияние предпринимателя на больничное дело, если не считать обязательных платежей. Очевидно, считая эти платежи в настоящее время совершенно неизбежным злом, составители Правил стараются не делать отсюда никаких практических выводов. Поэтому ими отменена ст. 364, согласно которой предприниматель имел, казалось бы, довольно скромное право, в случае расходования принадлежащих кассе (в значительной мере им же внесенных) средств *с нарушением закона или устава*, не приводя такого постановления в исполнение, представить о сем в Присутствие.

Все дело отдается исключительно в руки рабочих. Ими составляется проект устава кассы.

Управление делами находится в руках уполномоченных рабочих, представители владельцев предприятия исключаются. Правда, владельцу предприятия великодушно предоставляется право войти в качестве члена в состав ревизионной комиссии. Но, по-видимому, составителям Правил это право показалось слишком реакционным и, испугавшись, по-видимому, того, что в качестве члена ревизионной комиссии предприниматель может чинить препятствия революционной воле участников кассы, правила затем ограничивают эту опасность правом правления кассы «мотивированного отвода представителя владельца или владельцев предприятия». Степень основательности мотивов предоставляется определить в конечном результате Присутствию по делам страхования рабочих, причем закон не указывает, какого рода мотивы могут быть признаваемы достаточно уважительными.

Необходима ли просто политическая благонадежность для того, чтобы иметь право участвовать в ревизии, или требуется принадлежность к известной политической партии, например не левее социал-демократов меньшевиков и т. п.?

Надо полагать, что если применяющие Правила будут на высоте политического мирозерцания его авторов, то требования политической левизны от предпринимателей будут весьма значительны.

Мы оставляем в стороне реальное значение этих Правил в области больничного дела для настоящего момента. Каждый, кто хоть немножко знаком с тем, что делается в наших заводских и фабричных предприятиях, отлично знает, что не вопросы организации больниц и страховых касс реально интересуют рабочих. Знает, что не на этой почве происходили недоразумения. Знает, что и там, где больничное дело поставлено неудовлетворительно (несомненно, это во многих местах, несомненно, часто по вине предпринимателей), в настоящее время нет никакой возможности поставить это дело более удовлетворительно. Фактически невозможно строить больницы, найти врачей, получить инструменты, лекарства в достаточном количестве и надлежащего качества и т. п. Несомненно, это должны были знать составители Правил. Значит, все их значение чисто моральное. В чем же моральный их смысл? Очевидно, в одном – предпринимателю не следует доверять, с точки зрения законодателя это подозрительный в предприятии элемент, которого и в ревизионную комиссию можно пустить только с оглядкой – предоставить рабочим право его отвести...

Если такова исходная точка зрения нашего временного законодателя, то о каком же исцелении русской больной промышленности с помощью правительственных мероприятий может быть речь. Исцелять предприятие и дискредитировать движущий его нерв – предпринимателя, да что может быть абсурднее такого плана?

Речь. 1917, 28 сентября (11 октября). № 228 (3970).

Арзубьев П.Ф.

СНОВА О НЕМ

В начале прошлого мая я напечатал в «Речи» небольшую статью под заглавием «Он», причем пытался набросать силуэт будущего русского узурпатора. Статью свою я писал больше в шутку, нежели серьезно, и как шутка она была понята большинством читателей. Но с тех пор времена изменились.

Пять месяцев тому назад анархия еще только начинала показывать свои когти. Это был новый, невиданный зверь. Она пугала многих. Однако большинство людей мыслящих и уравновешенных продолжало верить в разум и совесть русского народа и в великую творческую силу новых свободных учреждений. Казалось, что злоупотребления и крайности, неизбежные на первых порах, должны мало-помалу прекратиться, после чего нормальная, здоровая государственность войдет в свои права. Эти ожидания были жесточайшим образом обмануты.

Вместо того чтобы постепенно сокращаться, анархия с каждым днем разнуждывалась и завоевывала все новые области народной жизни. Естественное состояние человеческого общества в том виде, в каком оно рисовалось государstвооведам семнадцатого века – война всех против всех, – стало совершившимся фактом, с которым, в конце концов, стали мириться, к которому привыкли, как привыкают к дурному климату или неизлечимой, хронической болезни. Руководящие деятели русской революции доказали свою органическую неспособность управлять судьбами большого государства. Теперь, кажется, они, или хотя некоторые из них, сами начинают понимать это, но просветление пришло слишком поздно, когда время безвозвратно упущено, и когда ничего уже нельзя поправить.

И потому уже не в шутку, как бывало, а вполне серьезно, с тревогой и болью, приходится говорить о будущем узурпаторе, угадывать его облик в потемках грядущего. И о нем уже говорят давно; одни утешают, другие пугают друг друга фигурой генерала на белом коне.

Месяц тому назад вся Россия пришла в волнение. Думали, что генерал на белом коне уже появился. И действительно, появился сын сибирского казака Лавр Корнилов, как будто породив безначалие и путаницу в умах еще худшие, нежели те, которые господствовали прежде. Теперь многие ждут второго Корнилова. Напрасное ожидание. Новый претендент на ту *res nullius*, какой нынче является верховная власть в России, будет человек совсем иного пошиба. В противном случае его ждет та же участь.

Нужно признать, что неудача корниловской попытки отнюдь не является случайностью. И это несмотря на то, что внешние объективные условия были, в общем, необычайно благоприятны.

Временное правительство прошлого состава, то правительство, в котором, по словам Керенского, не все министры были надежны даже в смысле простого сохранения военной тайны, ни в ком не возбуждало привязанности и уважения. Советы и комитеты, более сильные и более прочные, нежели центральная

власть, умудрились, однако, за короткое время своего господства, внушить такую ненависть к себе со стороны всех политически просвещенных элементов общества, что сам Николай II не мог бы сравняться с ними. Петербургский гарнизон, развращенный бездельем, утративший дисциплину и воинский дух, представлял собою полный нуль в боевом отношении.

Тем не менее Корнилов был побежден, и притом без боя. Очевидно, он *субъективно* не годился для того дела, которое задумал.

И впрямь, дело это такого рода, что трудно выполнить его чистыми руками. А к генералу Корнилову никакая грязь не пристала. В этом вынуждены признаться даже его враги. Корнилов не был ни проницательным политиком, ни беззастенчивым честолюбцем. Это был прямодушный и твердый солдат, дошедший до отчаяния вследствие двуличия, нерешительности и безволия, господствовавших в рядах той власти, которая возложила на него страшную ответственность верховного командования. Он прибегнул к государственному перевороту, как другие прибегают к самоубийству. Но даже в качестве бунтовщика он действовал открыто и честно. Ни одной капли демагогии или шарлатанства нельзя открыть в его мятежных воззваниях к войскам и к народу.

Можно считать исторически установленным, что внутренняя сила и идейная напряженность всякой революции соразмерны величию и героизму того лица, которое полагает конец данной революции. Действие здесь равно противодействию. Так, после пуританской революции в Англии пришел Кромвель; после якобинской великой революции появился Наполеон. Но уже парижская революция сорок восьмого года выдвинула лишь Людовика Бонапарта. А после восстания турок против Абдул-Гамида на поверхность всплыла опереточная фигура Энвер-Бея.

Энвер-Бей в русском мундире должно ожидать теперь и нам. Все мартовские эсеры падут перед ним ниц, как перед богом. Многие большевики с радостью примут места исправников, приставов и начальников охранных отделений. В палатах тоже не будет недостатка – тому порукой Выборг, Кронштадт и Гельсингфорс. А измученная, истерзанная страна, изверившаяся во всех громких словах, потому что их слишком часто повторяли перед нею, жаждущая спокойствия и мира извне и внутри, мира во что бы то ни стало и какой угодно ценою, провозгласит Энвера Наполеоном. Разница между ними скажется лишь в том, что Наполеон был героем победоносных войн, Энвер же окажется героем удачной и, если так можно выразиться, победоносной демобилизации. Спасибо ему и за это.

Во всяком случае, в высшей степени вероятным представляется следующее: наш Энвер будет излюбленным человеком Советов. При их помощи он сделает начальные шаги к возвышению. Некоторое время они будут противопоставлять его всем своим бывшим кумирам. А затем, когда наступит подходящий момент, он решительно и быстро покончит с ними, утвердив на их развалинах основы своей единоличной власти.

Петрищев А.Б.

О РАЗОЧАРОВАНИЯХ И РАСПАДЕ

Наивные восторги первых послереволюционных дней сменились жестокими, хотя также несколько наивными, разочарованиями. Широкие обывательские круги уже не говорят о великой русской революции, – она кажется им «бессмысленным русским бунтом».

И, пожалуй, не только обыватели стали склонны к этому выводу. Разочаровалась публика и в самом русском народе. Это совсем не великий народ, каким его еще недавно называли, а пошехонцы, головотяпы, глуповцы, дикари, звери, «бунтующие рабы, недостойные свободы», славянский навоз, годный лишь для удобрения немецких полей... Один из сотрудников «Нового Времени» не постеснялся печатно заявить, что он стыдится своей принадлежности к дикому и варварскому народу... Разочаровались многие российские люди и в интеллигенции. Это уже не героическая русская интеллигенция, а бездарные фантазеры...

Нельзя сказать, что такое разочарование оригинально и беспримерно. Не оригинальны и не беспримерны прежде всего жалобы на бездарность интеллигенции, на полное отсутствие выдающихся людей. Достаточно небольшой цитаты, чтобы в этом убедиться. «Существует мнение, – читаем, например, у Олара в его “Политической истории Французской революции”, – что поколение, совершившее в промежутки времени с 1789 по 1799 г. столь великие и ужасные дела, было поколением гигантов... Это не более как ретроспективная иллюзия. В 1798 году, в эпоху этих воображаемых гигантов Ролан писала в своих мемуарах: “Франция как бы обнищала людьми; недостаток их в эту революцию поистине изумителен, кругом почти только одни пигмеи...” Это – противоположная пессимистическая иллюзия, игрушкой которой обыкновенно оказываются современники»...

Сейчас мы живем в эпоху великих и ужасных дел. Поколение, совершающее их, может быть названо поколением двух революций (пятого и семнадцатого годов). Быть может, впоследствии наши потомки впадут в ретроспективную ошибку и сочтут нынешнее поколение поколением гигантов. Современники же склонные говорить:

– События велики, ужасны, а люди ничтожны, бездарны, пигмеи...

Можно подумать, что нынешнее поколение интеллигенции не так уж бездарно. Вероятно, оно не выше и не ниже среднего.

Тоже, разумеется, надо сказать и о народе... Легко представить, с каким ужасом французские образованные люди 1798 г. слушали крики голодной бунтующей толпы во время одного из острых продовольственных кризисов:

– Дайте нам такого короля, каким был Робеспьер.

С таким же приблизительно ужасом московская газета с[оциалистов]-р[еволюционеров] «Земля и Воля» пишет (20. IX):

«Горячий революционер, убеждая депутацию солдат не пользоваться раньше времени слухами о демобилизации старших возрастов и не делать само-

чинных выделений, получит в ответ на свое сравнение старых и новых порядков такую реплику: *“Да нам все одно, что царь, что Керенский...”*».

Французской толпе Робеспьер казался королем... Современная нам русская толпа говорила в первые дни революции: «Теперь у нас вместо царя Родзянко», потом вместо царя стал Львов, потом вместо царя стал Керенский... Черносотенные прокламации идут дальше, в них пишется: «Променяли немца Николая на жида Керенского...» И хоть Керенский не еврей, но приведенная фраза о замене немца евреем пользуется в народных низах большим успехом, и ее говорят с большой горечью и разочарованием...

Темные люди... Дикие суждения... Ниже мы увидим, однако, что здесь не только темнота и дикость. А поскольку тут есть и темнота, – она тоже не беспримерна. И народ русский в 1917 г., конечно, такой же народ, как и французский в 1789–1799 гг. Обыкновенный народ, – не выше и не ниже среднего. Для суждений же о его культурной высоте и культурной отсталости есть ведь некоторые объективные данные. События показали, что народ русский достиг культурной высоты, достаточной для того, чтобы самодержавие стало нетерпимым и невозможным. Он накопил силы, без которых было бы невозможно свергнуть иго царизма. Но эти силы и количественно, и качественно могли достигнуть лишь той высоты, какая вообще была возможна при режиме самодержавия и несмотря на режим самодержавия. Есть пределы, за которые перешагнуть физически нельзя. И эти пределы полагались условиями государственного строя, закрывавшими дорогу к культурному и экономическому развитию. Силы, достаточные чтобы снести преграду, повторяю, накоплены. Но они, конечно, не таковы. Чтобы сейчас же, немедленно же взобраться на социалистические или почти социалистические высоты, каких хотелось бы известной части интеллигенции.

Есть некоторая положительная сторона во всеобщем и остром недовольстве тем развалом, который наблюдается у нас во время революции и который дает основание бранить революцию, как «дикий бессмысленный бунт». Это – признак тревоги, беспокойства, гражданской боли за судьбы государства, необходимые для героических жертв. Вдумчивый наблюдатель, пожалуй, найдет нынешнее недовольство более ценным психологическим фактором, чем легкомысленные восторги первых дней и недель, когда говорили:

– Бескровная революция. Разумная... Благообразная... Стройная... Парад, а не революция...

Восторги были легкомыслием, побуждающим к гражданскому бездействию. В недовольстве и тревоге способна родиться потребность действовать. Но в уподоблении развала нынешней революции «дикому бессмысленному бунту» все-таки не меньше легкомыслия, чем в прежних восторгах. Можно даже сказать, что и восторги, и поношения исходят из одной и той же логической ошибки.

В первое время многим казалось, что вот революция упразднила известные правовые нормы, лежавшие в основе самодержавного строя, заменила царя и его приспешников Временным правительством, – а затем все останется по-

прежнему, и Россия будет жить без помех... Но упразднение нормы не простые слова на бумаге. Не одни государственные учреждения действовали сообразно им. Эти нормы оформляли известное строение общества. Они, подобно цементу, скрепляли социальную постройку соответствующего им типа. От них во многом зависел удельный вес социальных групп и классов. Старые, отжившие законы влияли и на положение каждого отдельного человека. Разумеется, не одними правовыми нормами определяется социальная ткань государства, роль каждой группы клеток в этой ткани и место каждой отдельной клетки. Но в ряду других причин основные законы, составляющие правовую суть того или иного государственного строя, – большая величина. И, раз она исчезла, глубокие социальные пертурбации неизбежны. Поскольку упраздненный закон оформлял социальную ткань, постольку она должна прийти в более или менее бесформенное и хаотическое состояние. Поскольку закон связывал определенным образом социальную пирамиду, постольку она должна прийти в бессвязное и рассыпанное состояние. Поскольку закон насильственно, наперекор естественным данным, одни части целого держал вверх, другие вниз, постольку неминуемо перемещение и блуждание. Верхние части, лишившись опоры, на которой они держались, должны стремительно полететь вниз, нижние, освобожденные от давления, державшего их у основания общественной пирамиды, столь же стремительно должны подниматься вверх... Социальная пирамида рассыпается не так, как пирамиды каменные. Каменная пирамида рассыплется на груды обломков и только. Обломки социальной пирамиды – живые тела. Они не лежат, а движутся. Ищут себе места, соответственное своему удельному весу. Сталкиваются, ведут борьбу за существование...

В дни восторгов легкомысленные современники не подозревали, что крах старого строя является лишь политической искрой, от которой неминуемо должны вспыхнуть социальные пожары. И в значительной мере по неведению своему современник был беспечен и глядел вперед без боязни. И по тому же неведению тот же самый современник приходит в отчаяние, когда увидел социальные последствия февральского переворота. Он, легкомысленный современник, считает диким, бессмысленным трагически неустранимое последствие упразднения старого строя и трагически необходимую предпосылку какого-то нового строя будущего.

Если упразднить только «политическую надстройку» и оставить неприкосновенной социальную ткань, которую эта надстройка оформляла и скрепляла, то все попытки создать новый строй обречены на бесплодие. Чтобы создать новую политическую надстройку, необходима новая социальная база. Без распада старого фундамента, без перемещения составных частей его новый фундамент не возникнет.

Иной нетерпеливый современник может сказать: если отмена прежних правовых норм так значительна по своим социальным последствиям, то надо поскорее декретировать новые нормы, и тогда все сразу станет на свое место, примет очертания, определенные разумом законодателя...

Так порою и говорят. Но этот взгляд – конечно, недоразумение. И недоразумение уже по одному тому, что возможность декретировать то или иное строение социальных тканей крайне ограничена. От бывших революций остались целые библиотеки декретов, отвергнутых жизнью.

Отвергнутых не всегда потому, что замысел законодателя был плох. Сам по себе он, может быть, был и не плохим, но жизнь идет иными путями, пусть неразумными, пусть гораздо худшими, чем указывал законодатель, но, более соответствующими реальным условиям. Эти реальные условия становятся понятными в отдалении историку. И историк может относиться к ним абстрактно, «не ведая ни жалости, ни гнева». От законодателя революционной эпохи требовать такой абстрактности невозможно.

Поскольку реальные условия законодателю не известны, – он относится к ним как современник. Одному сочувствует, против другого сознательно борется. Вообще же, современнику не дано видеть и вполне точно взвешивать те условия, среди которых он живет и действует. Одни условия он склонен переоценивать, другие недооценивать, третьи ему просто незаметны и непонятны. Сверх того, разум революционного законодателя – лишь одна из многих сил, под влиянием которых происходит разрушение старого и создание нового. Как и всякая сила, действующая одновременно с другими, он способен отклонить равнодействующую в свою сторону, но не больше, чем позволяет мощность всех других сил. Разум революционного законодателя нервно и энергически пытается внести хоть какое-либо регулирующее начало в смятенную, не находящую своего равновесия стихию. Но лишь некоторые из этих попыток оказываются удачными, принимаются жизнью к руководству, становятся правовыми нормами, способными закреплять и оформлять то, что создается внеправовым порядком. Остальное наполняет архивы мертворожденных декретов...

Современнику надо запастись терпением и ждать не только того момента, когда накопятся удачные попытки законодателя регулировать стихию. Нужно ждать также, пока сложится, хотя бы в самых грубых чертах, некая социальная база, которая послужит опорой новому праву и даст ему силу обязательного закона. А пока удачные попытки не накопились, и социальная база не наметилась, приходится жить в условиях распада и при отсутствии правовых норм. Это ужасно. Но это нельзя назвать неожиданным. Задолго до революции вдумчивые люди, ожидая ее, надеясь на нее и даже работая над тем, чтобы она пришла возможно скорее, не скрывали, однако, что очень рады были бы избежать ее, если бы это было возможно. Бывают исторические условия, при которых революция неизбежна, как единственный спасительный выход. Но она все-таки болезнь и при этом очень тяжелая.

КОММЕНТАРИИ

Герасимов П.В. «Самобытное». Статья соредактора начавшей выходить с 1 июня ежедневной газеты «Свободный Народ», органа Конституционно-демократической партии (Партии «народной свободы»). Выходила под общей редакцией членов IV Государственной думы Александрова А.М. и Герасимова П.В., а также Изгоева А.С. и члена I Государственной думы В.А. Оболенского, который числился ответственным редактором. Все члены редакционной коллегии часто выступали авторами в собственной газете. Ироничное название данной статьи, недаром помещенное в кавычки, призвано было привлечь внимание читателей к серии «Отклики», которую первоначально предполагалось сделать постоянной, призванной, по словам автора, «оценивать все очередные нелепости и опасные приключения и происшествия сегодняшнего политического дня». Републикуется впервые.

К стр. 15. *«Разве все это не оттуда, не от прошлого, не от Щегловитовых, Штюрмеров и Протопоповых?»* Все трое перечисленных государственных деятелей воспринимались российской либеральной общественностью как олицетворение «темных сил», основные виновники неудач на фронте и не решаемых проблем в тылу. В дни Февральской революции были арестованы, заключены в Петропавловскую крепость, допрашивались Чрезвычайной следственной комиссией. *Щегловитов Иван Григорьевич* (1861–1918) – министр юстиции (1906–1915), председатель Государственного Совета (1 января – 1 марта 1917), член «Русского собрания». После захвата власти большевиками перевезен в Москву и как заложник казнен 5 сентября 1918. *Штюрмер Борис Владимирович* (1848–1917) – обер-камергер Двора Его Императорского Величества, председатель Совета министров, министр внутренних дел и министр иностранных дел (январь–ноябрь 1916). Член «Русского собрания». Умер в тюремной больнице 20 августа (2 сентября) 1917. *Протопопов Александр Дмитриевич* (1866–1918) – крупный помещик и промышленник, депутат III и IV Государственных дум, октябрист министр внутренних дел (сентябрь 1916 – 28 февраля 1917). После захвата власти большевиками перевезен в Москву, содержался в Таганской тюрьме. 27 октября 1918 расстрелян в порядке «административного усмотрения».

Струженцов М.И. Об отношении к переживаемым событиям. Тезисы доклада на Всероссийском съезде православного духовенства и мирян 2 июня. Доклад прозвучал во второй день заседания съезда. См: Всероссийский Церковно-Общественный Вестник. 1917. 9 июня. № 44; Московский Церковный Голос. 1917. 29 июня. № 16. Выступление Струженцова поминается и с той или иной мерой полноты воспроизводится во многих работах по истории Русской Православной Церкви. Тезисы републикуются впервые.

Составители данного сборника при редактировании убрали круглые скобки при нумерации тезисов и выделили курсивом их заголовки, проставленные автором.

К стр. 16. *Всероссийский съезд православного духовенства и мирян* был созван по инициативе Исполнительного комитета объединенного духовенства Московской епархии и по благословению высшего органа церковного управления: см. определение Св. Синода № 2444 от 29 апреля 1917 г. (Всероссийский Церковно-Общественный Вестник. 1917. 30 апреля. № 17; Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – НИОР РГБ). Ф. 60. Папка 1. Ед. хр. 6. Л. 1–106.; Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 806. Оп. 5. 1917. I стол. Д. 10140. Л. 55). Работал в Москве с 1 по 12 июня. На съезд со всей страны от каждой сотни церквей прибыло по одному клирику и мирянину, а также по одному представителю от монашеского духовенства и духовно-учебных заведений каждой епархии. См.: НИОР РГБ. Ф. 60. Папка 1. Ед. хр. 1. Л. 1. Ед. хр. 6. Л. 1; Московский Церковный Голос. 1917. 7 мая. № 2. По общему числу депутатов он был весьма представительным: в его работе принимали участие более 1200 делегатов. Однако среди них, за исключением единиц, отсутствовали представители епископата. Причиной тому было стремление не допустить, чтобы этот съезд по своему статусу стал Поместным собором. См.: Всероссийский Церковно-Общественный Вестник. 1917. 30 апреля. № 17; *Милуков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. Т. 2. Вера, творчество, образование. Ч. 1. Церковь, религия, литература. М., 1994. С. 206–207. Съезд являлся своеобразной генеральной репетицией Поместного собора. Об этом свидетельствует хотя бы то, что определения Св. Синода о созыве съезда и Предсоборного совета были выпущены в один день – 29 апреля, а в последний день заседаний съезда – 12 июня начал работу Предсоборный совет. О съезде см.: *Каиль М.В.* Церковь в эпоху революций: состояние православного общества по материалам Всероссийского съезда духовенства и мирян 1917 г. в Москве // Государство, общество, церковь в истории России XX века. Материалы XI Международной научной конференции. Иваново, 2012. Ч. 2. С. 248–254; Церковь в революции: организация и работа Всероссийского съезда духовенства и мирян 1917 г. / Вступ. статья и публ. М.В. Каиля // Новейшая история России. 2013. № 1. С. 241–255.

К стр. 17. *«Нужно, чтобы в православном духовенстве ожил дух св. Сергия, святителя Гермогена, Авраамия Палицына, Дионисия и других, вышедших из рядов нашего пастырства, крепких стоятелей за русскую землю и миротворцев во дни бед и разделений»*. Св. Сергий – Сергий Радонежский (1314 либо 1322–1392) – один из самых известных русских святых, духовный покровитель Русской земли и основатель первого в России Троицкого храма. Гермоген (ок. 1530–1612) – патриарх Московский и всея Руси (1606–1612), святитель; с декабря 1610 рассылал по городам грамоты с призывом к всенародному восстанию против польских интервентов, за что был замучен теми голодной смертью. Авраамий Палицын (середина XVI в. – 1626) – келарь Свято-Троицкой Сергиевой лавры и преподобный архимандрит того же монастыря Дионисий (ок. 1570–1633) – одни из вдохновителей русского народа по освобождению Москвы и России от поляков в период междоусобицы 1610–1613.

– «...из мирян вновь должны явиться Минины и Пожарские». Минин Кузьма (?–1616) – деятель Смутного времени, нижегородский купец, староста, в 1611 по получении грамоты патриарха Гермогена убедил народ «стать за веру», сформировал ополчение. Пожарский, кн. Дмитрий Михайлов (1578–1641) по совету Минина принял начальство над нижегородским ополчением.

Николаевский Б.И. Знаменательная дата. 1907 г. – 3 июня – 1917 г. Одна из неучтенных А.М. Бургиной статей Б.И. Николаевского. (См.: *Бургина Анна.* Социал-демократическая меньшевистская литература. Библиографический указатель. Stanford. 1968). Републикуется впервые.

К стр. 17. *«После исторического заседания Государственной думы, во время которого кадетские вожди трусливо и малодушно торговались со Столыпиным, а вождь социал-демократической фракции И.Г. Церетели с мужеством умирающего льва отстаивал достоинство и честь народного представительства»*. 1 июня 1907 года П.А. Столыпин предъявил обвинение в антиправительственном заговоре членам социал-демократической фракции II Государственной думы и потребовал отстранить от участия в заседаниях 55 депутатов, а 16 из них лишить депутатской неприкосновенности. В связи с этим Думой была создана депутатская комиссия под председательством А.А. Кизеветтера, в состав которой вошли преимущественно конституционные демократы. Социал-демократы, заявившие о том, что все дело против них сфабриковано полицией, бойкотировали комиссию. На следующий день, 2 июня, состоялось то «историческое заседание», о котором пишет Николаевский. И.Г. Церетели в тот день выступил дважды: с предложением о прекращении прений по вопросам повестки дня и с заявлением о докладе думской комиссии. Тексты см.: *Дан Ф.И., Церетели И.Г.* Два пути. Избранное: в 2 ч. / Сост. А.П. Ненароков, П.Ю. Савельев. Ч. 2. М., 2010. С. 41–43. Заседание закончилось ничем. При чем кадеты вели переговоры с правительством и социал-демократической фракцией с целью достичь компромисса. В конце того же дня 37 депутатов социал-демократов, не пожелавшие или не успевшие скрыться, были арестованы, а 3 июня был объявлен Манифест о роспуске Думы. *Столыпин Петр Аркадьевич (1862–1911)* – государственный деятель Российской империи. В разные годы занимал посты уездного предводителя дворянства в Ковно, Гродненского и Саратовского губернатора, министра внутренних дел, премьер-министра. См.: *Петр Аркадьевич Столыпин. Энциклопедия / Ответ. ред. В.В. Шелохаев. М., 2011. Церетели Ираклий Георгиевич (1881–1959)* – российский и грузинский политик, государственный деятель. Из дворян. В 1900 поступил на юридический факультет Московского университета. Один из руководителей студенческого протестного движения, за что в 1902 арестован и исключен из университета. Содержался в Петропавловской крепости. Сослан на пять лет в Иркутск. Через год амнистирован по состоянию здоровья. В РСДРП с 1903, меньшевик. В 1904–1905 учился в Берлинском университете. Депутат II Государственной думы от Кутаисской губернии, председатель социал-демократической фракции. В 1907 приговорен к пяти годам каторжных работ. С 1913 на поселении в Иркутской губернии. 19 марта 1917 вернулся в революционный Петроград. Член Исполкома Петроградского Совета, один из лидеров «революционных оборонцев». Делегат I Всероссийского съезда Советов РСД, заместитель председателя ВЦИК первого созыва. Министр первого и второго состава коалиционного Временного правительства – почт и телеграфа (май–август) и внутренних дел (июль). Участвовал в работе Государственного совещания. Член Предпарламента и Учредительного собрания. На единственном заседании последнего 5 января 1918 выступил с речью, представляя декларацию российской социал-демократии. После разгона Учредительного собрания по настоянию В.И. Ленина выехал на родину. В Тифлисе входил в состав Закавказского сейма, один из инициаторов создания независимой демократической республики Грузия, участвовал в Парижской мирной конференции. После советизации Грузии в 1921 – эмигрант. До 1930 – представитель грузинской социал-демократии в РСИ.

– *Николай II (Романов Николай Александрович) (1868–1918)* – Император Всероссийский. Вступил на престол 21 октября 1894, короновался в Москве 18 мая 1896. 2 марта 1917 подписал Манифест об отречении от престола. 9 марта был «лишен свободы» в Царском Селе. 31 июля вместе с семьей, по решению Временного правительства, выехал в Тобольск, куда прибыл 6 августа. После прихода к власти большевиков режим его содержания резко ужесточен, а в апреле 1918 царская семья была переведена в Екатеринбург. В ночь на 17 июля 1918 Н.А. Романов вместе со всей семьей и сопровождавшими его лицами был расстрелян.

– *«...лишь в день суда над социал-демократической фракцией, когда в Таврическом дворце уже собиралась черносотенно-октябристская 3-я Дума, – любимое детище Столыпина, –*

лишь в этот день последним прощальным аккордом задушенной революции прозвучала забастовка-протест петербургского пролетариата». Суд над депутатами открылся 22 ноября 1907. Так как судебный процесс был закрытым, обвиняемые отказались защищаться и вместе со своими адвокатами покинули зал суда. Суд закончился 1 декабря, из 37 депутатов 17 были приговорены к каторжным работам на срок от 4 до 5 лет, 10 сосланы на поселение, 10, отказавшихся от своей принадлежности к РСДРП, были оправданы. В день начала судебного процесса забастовки протеста прошли в Петербурге и Батуми.

К стр. 18. «...не выдержали каторжного режима и погибли от чахотки второй вождь думской фракции Джапаридзе, а за ним Джугели. Уже незадолго до революции от полуживой в тюрьме чахотки в Саратовской богадельне умер Ломтатидзе, умер в Америке бежавший из Сибири Белоусов». Джапаридзе Арчил Леванович («Алеша») (1875–1908) – учился в Московском, Парижском и Женевском университетах, однако законченного образования не получил из-за участия в революционном движении. Неоднократно подвергался репрессиям. С 1902 – социал-демократ. В 1905 член Тифлисского комитета и Кавказского областного комитета РСДРП, меньшевик. Делегат IV (Объединительного) съезда РСДРП. Депутат II Государственной думы от Тифлисской губ. Приговорен к пяти годам каторги. Умер в Александровской каторжной тюрьме. Джугели Северьян Моисеевич (1876–1909) – социал-демократ с конца 1890-х гг. Неоднократно подвергался репрессиям. Меньшевик. Депутат II Государственной думы от Тифлисской губ. Приговорен к пяти годам каторги. Умер в Александровской каторжной тюрьме. Ломтатидзе Виконтий Бибинович (1879–1915) – член РСДРП, меньшевик, делегат IV (Объединительного) съезда РСДРП. Депутат II Государственной думы от Кутаисской губ. Приговорен к 5 годам каторги, замененной семью годами тюрьмы. Вскоре после отбытия наказания скончался. Белоусов Григорий Евменович (1876–1916) – член РСДРП с 1905, меньшевик, председатель профсоюза рабочих стекольного завода. Избран делегатом IV (Объединительного) съезда РСДРП, но на съезд не попал в связи с арестом. Депутат II Государственной думы от Екатеринославской губ. Один из 16 депутатов, выдачи которых требовал П.А. Столыпин. Приговорен к четырем годам каторги, которую отбывал в Александровском центре. В 1911 вышел на поселение и вскоре бежал. В США служил швейцаром. В годы Первой мировой войны примкнул к оборонцам. Сотрудничал в «Призыве» и «Свободном Слове».

Мякотин В.А. Очередная задача. Автор акцентирует внимание на необходимости поддержки и развития в массах, присущего им «здорового государственного инстинкта», подчеркивая, что «на обязанности всех партий и групп, отстаивающих интересы этих масс и не идущих по пути демагогии, лежит работа над развитием такого инстинкта в здоровый государственный разум». Републикуется впервые.

К стр. 19. «Революция провозгласила свободу слова и собраний, провозгласила неприкосновенность личности всех граждан России». Речь идет о Декларации Временного правительства «О преемственности власти и права» от 3 марта 1917.

– «Революция провозгласила отмену смертной казни». Декрет «Об отмене смертной казни» опубликован 8 марта 1917.

– «...«отложение» Кронштадта». 12 марта 1917, в день приезда комиссара Временного правительства В.Н. Пепеляева в Кронштадт, ему было объявлено под расписку постановление Исполкома, в котором указывалось, что руководящим учреждением в городе является Совет. Первоначально самостоятельность кронштадтского руководства сводилась к отказу выпустить из тюрьм арестованных офицеров. 13 мая между Пепеляевым и Советом разгорелся конфликт относительно кандидатуры на должность начальника милиции. 16 мая Кронштадтский Совет поименным голосованием постановил, что «по делам государственного порядка» вступает в непосредственные отношения с Петроградским Советом.

Пепеляев официально подал в отставку. Прессу заполнили статьи о «кронштадтской анархии», невольно привлекая к Кронштадту повышенное внимание. Петроградская «Маленькая газета» 16 апреля писала о всесии митингов, способных отменять решения специальной следственной комиссии, посланной Керенским в Кронштадт, лишая ее членов полномочия и отправляя обратно в Петроград. В город потянулись делегаты от различных городов и воинских частей.

– «...*требование команд отдельных судов флота о переводе бывшего царя в Кронштадт*». См: Революционное движение в России в мае–июне 1917 г. Июньская демонстрация. Документы и материалы. М., 1959. С. 340–341.

– «...*образование в различных местностях России самостоятельных “республик”*». На Первом Всероссийском съезде Советов, кроме Кронштадтской, речь шла и о Кирсановской, Нигульской, Переяславской, Урюпинской, Царицынской республиках. См.: Первый Всероссийский съезд Советов Р. и С.Д. / Подготовили к печати В.Н. Рахметов и Н.П. Мямлин. С предисловием Я.А. Яковлева. Т. 1. М.; Л., 1930. С. 101, 107, 113, 121, 201, 244.

Канторович Я.А. Принудительный социализм. Беспартийный юрист Яков Канторович в кадетской газете отстаивает фактически ту же идею необходимости первоочередного воспитания у масс «государственного разума», что и В.А. Мякотин. Републикуется впервые.

К стр. 21. *Родзянко Михаил Владимирович* (1859–1924) – русский общественный и политический деятель. Действительный статский советник, один из лидеров Союза 17 октября, председатель III и IV Государственных дум, в 1917 – председатель Временного комитета Государственной думы. После октябрьского переворота уехал на Дон, участвовал в создании Белого движения. С 1920 – в эмиграции.

К стр. 23. *Робеспьер, с отличавшей его тупою прямолинейностью доктринера-революционера, думал декретом конвента отменить в старой католической Франции католицизм и заменить его религиею разума по установленному им ритуалу*. *Робеспьер (Robespierre) Максимилиан* (1758–1794) – деятель Великой французской революции, один из лидеров якобинцев. В ноябре 1793 Конвент принял по предложению Робеспьера законопроект о введении «культа Разума», который должен был заменить католицизм.

Шульгин В.В. «Пусти, я сам!» Републикуется впервые.

К стр. 24. *«Сопилочные меломаны»* – сопилка, сопивка, сопялка, дудка, зубивка, пищалка, пищивка, манделив – укр. дух. музыкальный инструмент.

К стр. 25. *Толкучка* – барахолка, толкучий рынок, торгуют с рук.

Оболенский В.А. Буржуазия и «буржуи». Предупреждая о чрезвычайной опасности междоусобной войны «собирающихся урвать» против «уже урвавших», автор призывает всех «любящих родину» объединиться и «объявить войну этой разъедающей свободу внутренней войне». Републикуется впервые.

К стр. 27. *Буржуазия* – (фр. bourgeoisie – горожане) – общественный класс собственников капитала, получающих доходы в результате торговой, промышленной, кредитно-финансовой и др. предпринимательской деятельности; *буржуазный* – свойственный буржуазии, характерный для нее, либо выражающий, защищающий интересы буржуазии; *буржуа* – (фр. bourgeois, от bourg, происш. от др. germ. Bourg – бург, город) – член среднего сословия во Франции, затем – собственник промышленных предприятий, других средств

производства, а также недвижимости и живущего на ренту, в отличие от пролетариата, вынужденного продавать свой труд.

– *аннексия* – (лат. annexio, от лат. annexus – присоединенный) – насильственное присоединение государством всего или части территории другого государства; *контрибуция* – (лат., от contrībuere – назначать, присоединять) платежи, налагаемые на побежденное государство в пользу государства-победителя.

– *Скобелев Матвей Иванович* (1885–1938) – политический и государственный деятель, по профессии инженер. Член РСДРП с 1903, меньшевик. Депутат IV Государственной думы, зам. председателя Петроградского Совета, зам. председателя ЦИК 1-го созыва, министр труда в первом и втором коалиционном Временном правительствах. В 1922 вступил в РКП(б), с мая 1925 по июнь 1926 – председатель секции Внешней торговли Госплана Союза. С июня 1926 – член Главного концессионного комитета, председатель Концессионной комиссии РСФСР и коллегии Наркомата внешней торговли. За сотрудничество с Троцким по вопросам внешней торговли подвергался гонениям. В 1936–1937 работал во Всесоюзном радиокомитете и его научно-исследовательском институте. В конце 1937 арестован, исключен из партии и 29 июля 1938 расстрелян как «враг народа». Реабилитирован в 1957.

Смирнов Е. (Гуревич Э.Л.) Не по пути. Републикуется впервые. Подписана: Е. Смирнов.

К стр. 28. *«По поводу предстоящего открытия Всероссийского съезда Советов»*. Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, подготовленный и созванный Петроградским Советом, работал 3–24 июня 1917.

К стр. 29. *«Пред Лениным, как и в день его возвращения в Россию стоит одна непосредственная задача: провозглашение “мировой пролетарской революции”»*. См.: ленинский автореферат «О задачах РСДРП в русской революции», прочитанный им на немецком языке 14 (27) марта в цюрихском Народном доме на собрании швейцарских рабочих, а также «Прощальное письмо к швейцарским рабочим» и «Доклад на собрании большевиков – участников Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов 4 (17) апреля 1917 г.». См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 72–78, 87–94, 103–112.

– *Парижская Коммуна* – революционное правительство Парижа во время событий 1871 года, когда вскоре после заключения перемирия с Пруссией во время Франко-прусской войны в Париже начались волнения, вылившиеся в революцию и установление самоуправления, длившегося 72 дня (с 18 марта по 28 мая).

– *«Вот Мартынов. Он, видите ли, делает то открытие, что войну желательно и нужно ликвидировать как можно скорее»*. См.: *Мартынов. А.* Революционный авантюризм // *Летучий Листок* Большевиков-Интернационалистов. 1917. № 1. С. 11–12.

К стр. 30. *«Вот Луначарский. Как бывший ученик Ленина, он решителен, но не слишком»*. Речь идет о выступлении А.В. Луначарского 31 мая на заседании фракции большевиков предстоящего съезда Советов. См.: Совещание с.-д. членов Всероссийского съезда Р. и С.Д. Во фракции большевиков // *Новая Жизнь*. 1917. 1 (14) июня. № 37. *Луначарский Анатолий Васильевич* (1875–1933) – в революционном движении с конца 90-х гг. XIX в., с 1903 – социал-демократ, большевик. Участник первой российской революции 1905–1907 гг. В годы реакции отошел от большевиков. В годы Первой мировой войны – циммервальдист, межрайонец. В августе в составе межрайонцев вернулся в ряды большевиков.

Троцкий Л.Д. Двоебезвластие. К характеристике современного момента. В первый раз статья републиковалась в разгар внутрипартийной борьбы, развернувшейся в рядах большевистской партии после смерти В.И. Ленина. См.: *Троцкий Л.Д.* Сочинения. Т. III. Ч. I. М., [1924]. С. 61–69.

К стр. 31. *Гучков Александр Иванович* (1862–1936) – предприниматель, общественный и политический деятель, лидер партии «Союз 17 октября». Военный и морской министр в первом составе Временного правительства. 30 апреля вышел в отставку в знак протеста против давления Советов на принятие правительственных решений. В мае возглавил «Общество экономического возрождения России», аккумулирующего средства на подготовку военного переворота. После октябрьского переворота уехал на Юг, участвовал в антибольшевистском движении. С 1919 в эмиграции.

– *Милуков Павел Николаевич* (1859–1943) – историк, общественный и политический деятель, лидер Конституционно-демократической партии. Министр иностранных дел в первом составе Временного правительства. 2 мая отказался войти в состав коалиционного правительства. После октябрьского переворота уехал на Юг, участвовал в антибольшевистском движении. С ноября 1918 в эмиграции.

К стр. 32. *Керенский Александр Федорович* (1881–1970) адвокат, политический деятель, лидер фракции трудовиков в IV Государственной думе. С марта 1917 – социалист-революционер. Во Временном правительстве: министр юстиции (март–май), военный и морской министр (май–сентябрь). С 8 (21) июля – министр-председатель, с 30 августа (12 сентября) – Верховный главнокомандующий. В эмиграции с 1918.

– *Чхеидзе Николай (Карло) Семенович* (1864–1926) – социал-демократ, меньшевик, депутат III и IV Государственных дум, после Февральской революции – председатель Петербургского и Центрального Исполнительных Комитетов Советов, председатель Учредительного Собрания Грузии. В 1921, после вступления большевистской 11-й армии в Грузию, эмигрировал. В состоянии сильнейшей депрессии покончил жизнь самоубийством.

– *Гвоздев Кузьма Антонович* (1882–1956) – деятель рабочего движения, меньшевик, председатель рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета. Член бюро Исполкома Петроградского Совета. В первом составе коалиционного Временного правительства товарищ министра труда, в последнем составе – министр труда. После октябрьского переворота участвовал в организации антибольшевистского рабочего движения. С осени 1918 работал в кооперации, затем на хозяйственной работе. В 1930 репрессирован. Провел в лагерях и на поселении 26 лет.

– *Богданов Борис Осипович* (1885–1960) – социал-демократ с 1901, меньшевик. В 1905–1907 – член Одесского комитета, представитель военной организации. Затем сторонник создания легальной партии, оборонец. В 1916–1917 – секретарь Рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета. После Февральской революции – председатель Рабочей секции, член Исполкома Петроградского Совета и его Бюро. С апреля – председатель секции иногородних делегатов. Разработал основные принципы построения Советов рабочих и солдатских депутатов. Делегат первого Всероссийского съезда Советов, член Президиума съезда, ВЦИК, Бюро ВЦИК, Временного Военного Комитета ВЦИК, Временного Демократического Совета Российской Республики, член Организационной комиссии по созыву второго Всероссийского съезда Советов и первоначального его Президиума. Делегат августовского (объединительного) съезда РСДРП(о). Входил в состав центральных органов партии. После октябрьских событий 1917 вышел из состава ЦК в числе тех, кто считал любое соглашение с советской властью предательством интересов пролетариата. Неоднократно подвергался репрессиям, как в дореволюционный период, так и в советские времена. Участник переговоров 1922 группы правых с членами Бюро ЦК об их возвращении в руководящие партийные органы. В декабре того же года арестован НКВД. Приговорен к двум годам концлагеря. Отправлен в Пертоминск. Затем на Соловки. С тех пор непрерывно арестовывался и по окончании очередного срока (1927, 1928, 1931, 1932, 1940, 1946, 1947, 1950) вновь отбывал сроки в различных лагерях, политизоляторах и тюрьмах. Был в ссылках в Сибири, Средней Азии, Коми и др. 21 февраля 1955, уже парализованный, досрочно освобожден из Минераллага Коми АССР и привезен в Москву.

Реабилитирован 28 августа 1992 на основании ст. ст. 3 и 5 Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991.

К стр. 32. *«Эта “государственная” интеллигенция, которую Струве провидел, призывал и воспитывал в своих “Вехах”»*. См.: *Струве Петр*. Интеллигенция и революция // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909. С. 127–145.

К стр. 33. *Вандервельде (Vandervelde) Эмиль* (1866–1938) – бельгийский социалист, руководитель Бельгийской рабочей партии. С 1900 – председатель Международного социалистического бюро (МСБ) 2-го Интернационала. Член парламента с 1894. В 1914 вошел в правительство и неоднократно бывал министром (иностранных дел, юстиции и др.).

– *Гед (Guesde) (наст. – Базиль (Basil)), Жюль* (1845–1922) – французский социалист, один из основателей Французской рабочей партии, деятель II Интернационала. Последовательный защитник революционного марксизма. С началом мировой войны – социал-патриот и министр без портфеля в правительстве Франции (август 1914 – октябрь 1915).

– *Самба (Sembat), Марсель* (1862–1922) – французский социалист, адвокат, журналист, государственный деятель. Член Национального собрания Франции. Министр общественных работ в правительстве Франции (август 1914 – октябрь 1915).

– *кн. Львов Георгий Евгеньевич, кн.* (1861–1925) – политический и государственный деятель, крупный помещик. Депутат I, III, IV Государственных дум, был близок к кадетам. 2 марта – 7 июля 1917 – министр-председатель (премьер) и министр внутренних дел Временного правительства. После октябрьского переворота эмигрировал во Францию; возглавлял Русское политическое совещание в Париже, координировавшее борьбу за свержение власти большевиков.

– *«Керенский, под уютной театральностью которого заложено некоторое чутье действительности, совершенно правильно поставил русский министриализм в один ряд с западноевропейским и в своей гельсингфорсской речи поставил на вид, что, благодаря его, Керенского, примеру, русские социалисты в два месяца совершили тот путь, на преодоление которого западным социалистам понадобились десятилетия»*. В начале мая 1917 А.Ф. Керенский занял пост военного и морского министра. 9 мая он приехал в Гельсингфорс – главную базу Балтийского флота, где выступил с речью в Гельсингфорсском Совете рабочих и солдатских депутатов. Текст речи опубликован в брошюре: *Керенский А.Ф.* Об армии и войне. Пг., 1917. С. 3–7. Имеется в виду обоснование вхождения социалистов в буржуазное правительство западноевропейским опытом, начиная с «казуса Мильерана» (1898).

– *«Недаром же Маркс называл революцию локомотивом истории»*. Данное выражение – часть цитаты из статьи К. Маркса «Последствия 13 июня 1849 г.» из цикла «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.». См.: *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения. Изд. 2-е. Т. 7. М., 1956. С. 86. *Маркс (Marx) Карл* (1818–1883) – немецкий экономист, философ, социолог, поэт, журналист, общественный и политический деятель, наряду с Энгельсом создатель научного коммунизма.

К стр. 34. *«...экономический отдел Исполнительного Комитета Совета рабочих и солдатских депутатов выработал план широкой системы государственного руководства важнейшими отраслями хозяйства»*. Экономический отдел Исполкома Петроградского Совета был создан в первых числах марта 1917 г. по инициативе и под руководством В.Г. Громана. 16 мая Исполком обсуждал разработанную отделом программу радикального вмешательства государства в экономику. Подробнее о разработанном экономическим отделом Исполкома Советов плане системы государственного руководства важнейшими отраслями хозяйства см.: *Волобуев П.В.* Экономическая политика Временного правительства. М., 1962;

Галили Зива. Лидеры меньшевиков в русской революции. Социальные реалии и политическая стратегия. М., 1991.

– «Если этого не понимал министр труда Скобелев, со своими уже вошедшими в пословицу “100 процентами”, то это прекрасно понял серьезный и деловой представитель торгово-промышленных сфер Коновалов». Выступая на заседании Петроградского Совета 13 мая, министр труда первого коалиционного правительства меньшевик Скобелев заявил о возможности увеличения обложения предпринимателей до 100 % прибыли. (См.: Власть народа. 1917. 14 мая. № 14). Ленин, выступая на следующий день с лекцией на тему «Война и революция» в актовом зале Морского кадетского корпуса, ехидно заметил по этому поводу, что Скобелев на словах «идет дальше самого крайнего большевика». «Мы гораздо умереннее министра Скобелева», – заявил он, подчеркнув при этом, что большевики выступают лишь за контроль над банками и справедливый подоходный налог. «И только!» См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 94–95. В знак протеста против данного заявления Скобелева министр торговли и промышленности А.И. Коновалов 17 мая подал в отставку, мотивируя ее невозможностью «работать плодотворно в создавшихся условиях». Коновалов Александр Иванович (1875–1948) – крупный фабрикант, политический и государственный деятель. Один из организаторов Прогрессивной партии (1912) и Прогрессивного блока (1915). С августа 1917 – член партии кадетов. Один из основателей Всероссийского союза торговли и промышленности. Министр торговли и промышленности Временного правительства (март–май, сентябрь–октябрь 1917); товарищ министра-председателя (сентябрь–октябрь 1917). Был арестован вместе с другими министрами 25 октября в Зимнем дворце, но вскоре освобожден. Эмигрировал во Францию.

– Бурыйшкін Павел Афанасьевич (1887–1955) – крупный торговец, общественный и политический деятель. Член ЦК Прогрессивной партии. Член редакции газеты «Утро России», участвовал в ее финансировании. Товарищ московского городского головы, один из организаторов Всероссийского Торгово-Промышленного союза. Примыкал к кадетам. Входил в Комитет общественных организаций Москвы. Участник Государственного совещания. Возглавлял торгово-промышленную группу во Временном Демократическом Совете Российской Республики (Предпарламенте). После октябрьского переворота один из организаторов Комитета общественного спасения при Московской городской думе. В 1919 – министр финансов в колчаковском правительстве. В 1920 эмигрировал.

К стр. 35. «Г-н Рибо, главный министр Франции, не только категорически и без уловок отверг русскую формулу мира, торжественно подтвердив необходимость продолжать войну до “полной победы”, но и отказал оборонческим французским социалистам в паспортах на Стокгольмскую конференцию, организуемую при участии союзников и коллег г. Рибо, русских социалистических министров. Итальянское правительство, колониально-захватная политика которого отличалась всегда бесстыдством “священного эгоизма”, ответило на формулу “мира без аннексий” сепаратной аннексией Албании. Президент Соединенных Штатов Вильсон возразил на русскую ноту пространным посланием в свойственном ему ханжески-квакерском тоне...» В странах Антанты программная декларация коалиционного Временного правительства от 6 мая, провозглашавшая приверженность «достижению всеобщего мира без аннексий и контрибуций», была воспринята как намерение России выйти из войны. Новый министр иностранных дел России М.И. Терещенко поспешил успокоить правительства союзных держав. В ответ 27 мая Франция, за подписью Рибо, Англия, за подписью Ллойд-Джорджа, направили России приветственные ноты, в которых содержались пожелания скорейшего восстановления военной мощи и активизации военных действий против прусского милитаризма. Примерно те же пожелания содержала и декларация В. Вильсона от 28 мая. Ответом Италии на заявления России явилась аннексия Албании. Рибо (Ribot), Александр (1842–1923) – французский политический и государственный деятель, юрист. В 1890–1892 министр иностранных дел; в 1895 – премьер-министр и министр финансов. В кабинете Вивиани (1914–1915) – министр финансов

и на этом же посту остался в кабинете Бриана (1915–1917). В марте 1917, после отставки Бриана, стал премьер-министром и министром иностранных дел. Во время его премьерства во Франции, на почве возмущения войной, вспыхнули ряд бунтов на фронте и забастовок на заводах. Рибо беспощадно расправился с волнениями в армии и в тылу, но не удовлетворил требований крайних шовинистских кругов, о прекращении какой бы то ни было пропаганды мира в печати и в сентябре 1917. должен был уйти в отставку. *Вильсон (Wilson) Томас Вудро* (1856–1924) – 28-й президент США (1913–1921) от Демократической партии. С начала Первой мировой войны, когда нейтральная Америка наживала на военных заказах миллиарды долларов, Вильсон выступает апостолом пацифизма. Но 6 апреля 1917 США вступают в войну на стороне Антанты, и 18 января 1918 Вильсон выставляет свою программу мира из 14 пунктов, в которых говорится о демократическом мире без аннексий и контрибуций и т. д., а также выступает с проектом Лиги Наций, организации, целью которой является сохранение мира и развитие международного сотрудничества.

– *«Смена генерала Алексева генералом Брусиловым меняет положение этих двух генералов, но не армии»*. 22 мая 1917 генерал А.А. Брусилов был назначен Верховным главнокомандующим русской армией, сменив на этом посту генерала М.В. Алексева. При этом сама политика кабинета по отношению к армии не изменилась. *Алексеев Михаил Васильевич* (1857–1918) – русский военачальник, Генерального штаба генерал от инфантерии, генерал-адъютант. Участник русско-турецкой и русско-японской войн. В годы Первой мировой войны – начальник штаба армий Юго-Западного фронта, главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта, начальник штаба Верховного главнокомандующего. После отречения Николая Романова – Верховный главнокомандующий. Однако вскоре за критику политики Временного правительства переведен на должность начальника штаба Верховного главнокомандующего; сделал все, чтобы спасти генерала Л.Г. Корнилова от расправы, отправив его в тюрьму Быхова; после чего подал в отставку. В октябре 1917 создал в Петрограде т. н. «Алексеевскую организацию» – основу будущей Белой армии. Бежав на Дон, создал и возглавил Добровольческую армию в Новочеркасске, Верховным руководителем был при главкомах Л.Г. Корнилове и А.И. Деникине. 25 сентября 1918 умер в Екатеринодаре от сердечной недостаточности. *Брусилов Алексей Алексеевич* (1853–1926) – русский военачальник. Окончил Пажеский корпус. С 1872 служил в войсках. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878, награжден тремя орденами и произведен в штабс-капитаны. В начале Первой мировой войны командующий 8-й армией Юго-Западного фронта (под его командой служили генералы А.И. Деникин, А.М. Каледин, Л.Г. Корнилов). Одержал победы в Галицийской и Карпатской наступательных операциях (август 1914 – март 1915), удостоен звания генерал-адъютант. Летом–осенью успешно руководил оборонительными боями в Галиции. С марта 1916 – командующий Юго-Западного фронта. В мае–июле 1916 войска фронта провели блестящую наступательную операцию, вошедшую в историю как «Брусиловский прорыв». В мае–июле 1917 – Верховный главнокомандующий. Отказался поддержать Корнилова. Уехал в Москву. Во время ноябрьских событий в Москве, в которых не участвовал, ранен случайным снарядом в ногу, вынужден был долго лечиться. С мая 1920 возглавлял Особое совещание при Главковерхе Республики, с 1923 состоял при Реввоенсовете для особо важных поручений.

– *«...военно-морское министерство так же мало способно приблизить страну к победе, как ведомство г. Терещенки – к миру»*. Речь идет о неизменности политики Временного правительства, несмотря на смену его состава. *Терещенко Михаил Иванович* (1886–1956) – крупный землевладелец и сахарозаводчик, политический и государственный деятель. Со 2 марта министр финансов в первом составе Временного правительства. 5 мая назначен министром иностранных дел, 1 сентября – членом Директории, 5 сентября – заместителем министра-председателя. С 25 сентября вновь во главе внешнеполитического ведомства. В ходе октябрьского переворота арестован в Зимнем дворце; после освобождения эмигрировал.

– «...картина бессилия Временного правительства находит свое завершение в работе министерства внутренних дел, которое даже, по словам резолюции лояльнейшего Совета крестьянских депутатов, “односторонне” пополнило кадры местной администрации господами помещиками». – Первый Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов работал 4–28 мая в Петрограде. Настроение формировалось умеренными социалистами. 25 мая съезд принял постановление по аграрному вопросу, которое предусматривало передачу земли не сразу в руки крестьян, а земельным комитетам, формируемым крестьянами в противовес местной администрации, состоящей по большей части из помещиков. В составе первого коалиционного правительства Министерство внутренних дел возглавлял крупный помещик кн. Г.Е. Львов, одновременно занимавший пост министра-председателя.

Ленин В.И. Третьеиюньские зубры за немедленное наступление. Републикуется по газетной публикации, без подписи. См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 297–299.

К стр. 37. *«Господа третьешюньцы, – те, которые помогли Николаю Романову после 1905 года залить кровью нашу страну, душить революционеров, восстанавливать всевластие помещиков и капиталистов, собрались на свои совещания одновременно с съездом Советов».* 3 июня 1917 в кабинете председателя IV Государственной думы М.В. Родзянко под его председательством состоялось частное совещание членов Государственной думы по вопросам внешней политики «в связи с нотами союзных правительств и нашим внутренним положением». См.: Речь. 1917. 4 (17) июня. № 129 (3871).

– *«...последняя и самая существенная, – принятая ими единогласно резолюция о наступлении: “Государственная дума признает, что только в немедленном наступлении, в тесном общении с союзниками, кроется залог скорого достижения окончания войны и закрепления навсегда завоеванных народом свобод”».* Там же. В цитате из резолюции к словам «Государственная дума» В.И. Ленин ставит в скобках два вопросительных знака. См.: Ленин В.И. Пол. собр. соч. Т. 32. С. 297.

– *«Цертели уверял, что вопроса о немедленном наступлении нельзя даже ставить, ибо знает он, министр Цертели, о “немедленном” наступлении, он, министр, никому не сказал бы об этом».* См.: Первый Всероссийский съезд Советов... Т. 1. С. 59. Речь идет о выступлении И.Г. Цертели на вечернем заседании 4 июля в прениях по докладу об отношении к Временному правительству.

Плеханов Г.В. Революционная демократия и война. Эта маленькая заметка, опубликованная в плехановской газете «Единство», выход которой был возобновлен в марте 1917 в Петербурге (до этого она выходила в мае–июне 1914), в определенной мере, подведение неких важных жизненных уроков. Когда-то, чуть более 20 лет до июньских дней 1917 года, в 50-ю годовщину появления «Манифеста Коммунистической партии», Плеханов писал Аксельроду по поводу появления в «Die Neue Zeit» статей Эдуарда Бернштейна, направленных против Белфорта Бакса, и принадлежащих к его знаменитой серии «Проблемы социализма», что «чуть не заболел» от них. «...Всего досаднее, – заметил он тогда, – что Бернштейн кое в чем прав: так, например, на близкое осуществление социалистического идеала, разумеется, нельзя рассчитывать. Но истиной можно пользоваться для разных целей; Бернштейн пользуется ею для того, чтобы поскорее украсить себя филистерским колпаком. Или филистер-то и есть Normalmensch будущего? От этого вопроса у меня мороз пробегает по коже, и мне хочется сказать с Гоголем: скучно на этом свете, господа!» См:

Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. Издание Р.М. Плехановой. М., 1925. С. 189. И вот он снова поминает Бернштейна и украшает его все тем же колпаком за поведение лидеров немецкой социал-демократии с началом войны. Однако теперь и у Плеханова, м. б., неожиданно для него самого, в центре внимания оказываются не люди, придерживающиеся методов *Sturm und Drang*. Именно их он именует в своей статье «циммервальдской сектой». Подчеркивая, что будущее, в том числе и русской революции, зависит не от них, а от бытия ее рабочих и крестьян, он вполне «филистерски» замечает при этом, что Россия не настолько богата, как ее союзники, чтобы отказываться от военных компенсаций за тот ущерб, который нанесли ей инициаторы мировой бойни. Данная статья впервые была републикована в сб. *Плеханов Г.В. Год на Родине. Полное собрание статей и речей 1917–1918 гг. в двух томах. Том первый. Paris, 1921. С. 206–210. В России этот двухтомник никогда не переиздавался.*

К стр. 38. *«Всероссийский съезд рабочих и солдатских депутатов огромным большинством голосов принял резолюцию о войне, предложенную социал-демократами меньшевиками и социалистами-революционерами».* Доклад об отношении к войне на утреннем заседании 9 июня был представлен Ф.И. Даном. В прениях по докладу выступили В.И. Ленин, А.Ф. Керенский, Ю.О. Мартов, А.А. Виленкин, Л.Б. Каменев, С.С. Саакьян, Л.Д. Троцкий, И.Г. Церетели, А.И. Вайнштейн, Г.В. Плеханов, П.Л. Лапинский. Резолюция по данному вопросу была представлена и принята 12 июня. См.: Первый Всероссийский съезд Советов... Т. 1. С. 307–375; Т. 2. М.; Л., 1931. С. 11–20.

– *«Возьмем хотя бы то коренное положение, на котором она основывается и которым в весьма значительной степени определяется ее дальнейшее идейное содержание. Положение это гласит: “Настоящая война возникла на почве империалистических стремлений господствующих классов всех стран, направленных к захвату новых рынков и подчинению своему влиянию мелких и остальных стран”».* Там же. Т. 2. С. 11.

К стр. 40. *«...я рекомендую поучительную работу Эд. Бернштейна “Die International der Arbeiterklasse und der Europäische Krieg”».* См.: *Bernstein E. Die International der Arbeiterklasse und der Europäische Krieg. Tübingen, 1915. Бернштейн (Bernstein) Эдуард (1850–1932) – немецкий социал-демократ, идеолог реформизма и ревизионизма, один из лидеров II Интернационала.*

– Плеханов цитирует лишь вторую из двух знаменитых строк А.С. Пушкина 1830 – *«Тьмы низких истин мне дороже, / нас возвышающий обман»*, адресуя первую из них самому себе.

Изгоев А.С. Письма о свободе. Письмо первое. Републикуется впервые. Установить, подготовил ли автор хотя бы еще одно письмо по объявленной им проблеме и публиковались ли они когда-либо отдельно или в каких-либо сборниках, не удалось.

К стр. 41. *«Когда говоришь или пишешь о свободе, нельзя не вспомнить тех слов, с которыми в 1793 году взойша на эшафот знаменитая французская революционерка г-жа Ролан: “Свобода, сколько преступлений совершается во имя твое!”»* Ролан де Ла Платьер (*Мапон Jeanne Roland de la Platière*) Жанна (1754–1793) – одна из известнейших деятельниц Великой французской революции, гибель которой связана с судьбой жирондистов. 8 ноября 1793 она предстала перед революционным трибуналом, а 9-го была казнена. На эшафоте выкрикнула фразу, которую приводит Изгоев.

Мстиславский С.Д. На повороте, к подъему. Републикуется впервые.

К стр. 44. *«Успех социалистических партий, их признанное руководство массами народными злило буржуазных политиков, но они утешали себя мыслью (которую вчера с полной откровенностью высказала, наконец, “Речь”)*». См. статью Я.А. Канторовича в данном сборнике. С. 20.

– *«Русский революционный социализм утратил свою власть над человеческой душой», – констатирует со страниц еженедельника “Русская Свобода”, член Центрального Комитета партии “народной” свободы г-н Изгоев*». Здесь и далее см. Изгоев А.С. Судьбы революции // Русская Свобода. 1917. № 5. С. 23–26. Согласно газетному примечанию курсив в тексте статьи принадлежит редакции.

К стр. 45. *Переймы* – перехваты.

– выборы в петроградские районные думы – проходили с 27 мая по 5 июня.

К стр. 46. *«И многозначительно звучит поэтому письмо Родзянки членам Государственной думы, опубликованное сегодня в газетах*». См.: Письмо М.В. Родзянко // Речь. 1917. 3 (16) июня. № 128 (3870).

– *«...не случайно, конечно, многозначительно напоминает во вчерашней передовой “Русская Воля” слова Н.В. Некрасова*». См.: Накануне. Без подписи // Русская Воля. 1917. 3 июня. № 131. Некрасов Николай Виссарионович (1879–1940) – российский общественно-политический и государственный деятель. По образованию – инженер-технолог. В 1902–1907 – профессор Томского технологического института. В 1908–1917 – депутат III и IV Государственных дум, в 1916 – товарищ председателя Думы; в 1909–1917 – член ЦК партии кадетов, лидер ее левого крыла; масон. В период Первой мировой войны 1914–1918 – товарищ председателя Главного по снабжению армии комитета Всероссийского земского и городского союзов. С 27 февраля 1917 член Временного комитета Государственной думы, а затем и член Временного правительства (министр путей сообщения, зам. председателя Совета министров, министр финансов). В сентябре–октябре 1917 – генерал-губернатор Финляндии. После октябрьского переворота большевиков работал в кооперации; в 1921–1930 – зав. отделом и член правления Центросоюза РСФСР и СССР. В 1924–1930 преподавал в Московском университете и в Московском институте народного хозяйства им. Г.В. Плеханова. В ноябре 1930 арестован. В 1931 коллегией ОГПУ приговорен к 10 годам заключения по делу т. н. «контрреволюционной организации» меньшевистского «Союзного бюро». Находясь в заключении, работал в Особом конструкторском бюро по проектированию Беломоро-Балтийского канала, участвовал в его строительстве, а затем и в строительстве канала Москва–Волга. В 1939 году занимал должность начальника работ в Калязинском районе Волжского исправительно-трудового лагеря, занимался строительством гидроузлов, но в июне того же года был арестован, а затем (в апреле 1940) осужден по обвинению во вредительстве – организации контрреволюционной террористической группы с целью убийства руководителей ВКП(б) и советского правительства. Расстрелян. Реабилитирован 12 марта 1991 Прокуратурой СССР.

Гриневиц А.В. Внутренняя политика Временного правительства. Данная публикация интересна не только поднимаемыми в ней проблемами, но и тем, что является единственной статьей, написанной большевиком (он представлял на Общероссийской конференции РСДРП (7–12 мая) Пензенскую парт-организацию, объединяющую в своих рядах как большевиков, так и меньшевиков) для печатного органа меньшевиков-интернационалистов. Новое издание, по задумке Ю.О. Мартова, должно было противостоять центральному органу РСДРП «Рабочая Газета», выражавшему прежде всего точку зрения

т. н. центристов – революционных оборонцев, составлявших тогда активное большинство партии. Мартов, считавший важнейшей задачей момента консолидацию леворадикальных течений российской социал-демократии, возглавляемых им меньшевиков-интернационалистов, большевиков-ленинцев и «межрайонцев», группировавшихся вокруг Л.Д. Троцкого, в редколлегиях «Рабочей Газеты» войти отказался. Гриневиц был привлечен им к сотрудничеству для укрепления интернационалистского крыла Петроградской городской организации РСДРП.

К стр. 48. «...совещание по выработке закона об Учредительном собрании». Особое совещание о подготовке выборов в Учредительное собрание было создано Временным правительством в марте месяце. 23 мая его председателем был назначен кадет известный правовед Ф.Ф. Кокошкин. Материалы совещания о подготовке выборов в Учредительное собрание см.: Об утверждении раздела I Положения о выборах в Учредительное собрание // Вестник Временного Правительства. 1917. 22 июля (4 августа). № 111 (157); Положение о выборах в Учредительное собрание // Там же. 17 (30 сентября). № 155 (201); 19 сентября (2 октября). № 156 (202); 26 сентября (9 октября). № 162 (208). Текст с академическим комментарием см.: Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 9: Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. М., 1994. С. 136–184.

– «Наконец, под давлением ясно выразившегося на съезде Советов недовольства, издан на днях и декрет о сроке выборов и созыва Учредительного собрания». 14 июня днем выборов в Учредительное собрание было объявлено 17 сентября, а созыв Учредительного собрания назначен на 30 сентября. Однако, 9 августа Временное правительство под председательством А.Ф. Керенского постановило назначить выборы на 12 ноября, а созыв Учредительного собрания – на 28 ноября.

– Марков (Марков 2-й) Николай Евгеньевич (1866–1945) – помещик, один из лидеров право-монархического движения, председатель Главного Совета Союза Русского Народа (СРН), лидер фракции правых III и IV Государственных дум от Курской губернии, черно-сотенец. Радикальный антисемит. Требовал в Думе примерного наказания М. Бейлиса, якобы виновного в ритуальном убийстве мальчика-христианина. Участник Белого движения. С 1920 в эмиграции в Германии. Сотрудничал с нацистами.

– Государственный Совет – высший законосовещательный орган Российской империи, существовавший в 1810–1917 гг. В марте 1906, после учреждения Государственной думы, был преобразован в верхнюю палату парламента.

К стр. 49. «...министры-социалисты на Всероссийском съезде Советов на прямо поставленный вопрос: когда же вы издадите декрет о роспуске законодательных учреждений старого режима? – отвечают, что это не существенно». См. выступление М.И. Скобелева 4 июня на Первом съезде Советов в прениях по докладу об отношении к Временному правительству. См.: Первый Всероссийский съезд Советов... Т. 1. С. 93.

– «Министр Церетели на съезде обещал, что комиссары будут впредь назначаться только по соглашению с местными общественными комитетами». Там же. С. 63.

– закон о городских выборах – см.: Новый закон 15 апреля 1917 г. о выборах гласных городских дум и участковых городских управлений и Наказ городским общественным управлениям о применении Временных правил о производстве выборов 3 мая 1917 г. Полный текст закона с пред. и подстрочными примеч. В.В. Погосского. М., 1917.

– «Министерство внутренних дел, несмотря на присутствие социалистов в правительстве, продолжает вести ту же политику и сейчас и вызывает конфликты на этой почве до самых последних дней (Ново-Николаевск, Пенза и др.)». См.: Революционное движение в России в мае–июне 1917 г. С. 428–430.

Соколов В.А. Церковь и государство. Републикуется впервые. Подписана: Соколов Вас., как и его статьи о роли церкви в духовной жизни общества, церковной реформации и патриаршестве в журнале «Русская Свобода», например: *Соколов Вас. Культурные задачи свободной церкви* // Русская Свобода. 1917. № 6. С. 13–17; *его же. Реставрация или стилизация?* // Там же. 1917. № 16–17. С. 13–17; *его же. Патриарх* // Там же. 1917. № 24–25. С. 28–32.

К стр. 50. *«Прошло две недели с тех пор, как московский съезд так решительно и ясно высказал свое отношение к вопросу о взаимоотношениях между церковью и государством».* Имеется в виду Всероссийский съезд православного духовенства и мирян 1–12 июня. Им были приняты резолюции «Отношение к политическому перевороту», «Церковь и политический строй государства» и «Народоправие в отношении к церкви». См.: Московский Церковный Голос. 1917. № 14. С. 3–5; Миссионерский сборник. Рязань. 1917. № 6–7. С. 305–310. См. о съезде: *Каиля М.В. Церковь в эпоху революций: состояние православного общества по материалам Всероссийского съезда духовенства и мирян 1917 г. в Москве* // Государство, общество, церковь в истории России XX века. Материалы XI Международной научной конференции. Ч. 2. С. 248–254; Церковь в революции: организация и работа Всероссийского съезда духовенства и мирян 1917 г. / Вступ. статья и публ. М.В. Каиля // Новейшая история России. 2013. № 1. С. 241–255.

К стр. 51. *Предсоборный совет* – особая церковная комиссия, задачей которой являлась подготовка вопросов, подлежащих рассмотрению на Поместном Соборе. Решение о формировании Предсоборного совета было принято Св. Синодом 29 апреля 1917. Совет начал свою работу 12 июня. См.: Церковные Ведомости. 1917. № 18–19. С. 117; Всероссийский Церковно-Общественный Вестник. 1917. 13 июня. № 47; Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Том 1. Документы. Материалы. Деяния I–XVI. М., 1994. С. 5. Принципы представительства в Предсоборный совет, а также поименный перечень его членов см.: Церковные Ведомости. 1917. № 20–21. С. 133; Деяния Священного Собора... Т. 1. С. 5–10, 21–24, 114–115.

– *«Социалистические программы давно объявили религию частным делом, и отделение церкви от государства для них – непреложный догмат. Но так ли посмотрит на дело народ?»* В названных выше резолюциях Всероссийского съезда православного духовенства и мирян 1–12 июня приветствовался «совершившийся политический переворот, давший церкви, вместе со свободой самоуправления», возможность единения «духовенства с мирянами»; признавалось, «по возведенному христианством понятию о человеческой личности и церковному началу соборности», что более соответствует времени не «потерявший доверие народа старый режим», а «то государственное управление, при котором народоправие осуществляется во всей полноте». Вместе с тем в резолюции «Народоправие в отношении церкви» специально оговаривалось: «От народоправия, какую бы форму оно ни приняло, ожидаем для христианской православной церкви объявления и последовательного проведения свободы вероисповеданий и культа, равно предоставления всех необходимых в правовом и материальном отношениях условий к осуществлению ее задач, с признанием православной христианской веры первой между другими исповедуемыми в государстве религиями». См.: Московский Церковный Голос. 1917. № 14; Миссионерский сборник. Рязань, 1917. № 6–7. С. 305–310.

К стр. 52. *«Что народ понимает значение своего голоса в этом деле, показывают следующие слова одного крестьянина на киевском съезде».* Имеется в виду II Всеукраинский войсковой съезд, на последнем заседании 10 июня, явочным порядком провозгласивший автономию Украины.

Цаликов А.Т. Шалости реакции. Републикуется впервые. Подписана: Ахмед Цаликов.

К стр. 53. «...в течение многих десятков лет муллы являлись единственными носителями культуры, они были не только пастырями, но и судьями, советчиками во всяких затруднительных положениях, знатоками всяких вопросов». В Российской империи муллами зачастую называли всех мусульманских духовных лиц, иногда учителей медресе и даже просто грамотных людей.

– «...под шумок кем-то на пост помощника военного ахуна Петроградского военного округа назначается Сафа Баязитов, бывший Оренбургский муфтий». Муфтий – высшее духовное лицо у мусульман, наделен правом выносить решения по религиозно-юридическим вопросам, давать разъяснения по применению шариата (комплекс предписаний, определяющих убеждения, а также формирующих религиозную совесть и нравственные ценности мусульман). Военный ахун – мусульманское духовное лицо, состоявшее в военном ведомстве Российской империи, не моложе 25 лет, получившее религиозное образование и руководившее военными муллами и прочими мусульманскими духовными чинами в пределах крупного города или округа. Утверждался в звании через Министерство внутренних дел, военное ведомство и Оренбургское духовное магометанское собрание. Мухаммат-Сафа Баязитов Атауллович – тат. Мөхәммәт-Сафа Гатаулла улы Баязитов (1877–1937) – религиозный и общественный деятель, издатель газеты «Нур», последний муфтий Оренбургского духовного магометанского собрания, учрежденного в 1788 указом Екатерины II, в юрисдикцию которого входили все губернии и области России, кроме Таврической, Западных губерний и Закавказского края. По мнению современников (видных национальных деятелей писателя Гаяза Исхаки и религиозного философа Муссы Биги, а также членов мусульманской фракции IV Государственной думы Ибниамина Ахтямова, Кутлуг-Мухаммеда Тевкелева и др.), Баязитов по своим взглядам и позициям относился к ультраконсерваторам, даже к черносотенцам. После Февральской революции был смещен с поста муфтия лидерами уфимских мусульман по обвинению в доноситељстве и помещен под домашний арест. С 1918 – имам Петроградской мечети. Затем переехал в Казань и до ареста перебивался случайными заработками. Расстрелян 26 декабря 1937. Реабилитирован посмертно в конце 1950-х.

– «...в революционном Петрограде при военном министре социалисте». С 5 (18) мая по 1 сентября 1917 военным министром был эсер, трудовик А.Ф. Керенский, сохранявший этот пост за собой и после того, как в результате июльского кризиса возглавил российское Временное правительство.

– «Сыратыл Мустаким» – «Прямой Путь» – Всероссийский мусульманский союз, основан в 1914.

К стр. 54. Департамент духовных дел – полное название: Департамент духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел – центральное государственное учреждение для надзора и контроля за не православными христианскими конфессиями и др. религиями в Российской империи, называвшееся так с 2 февраля 1832 по 5 августа 1917.

– «...нынешний военный ахун Петроградского округа – ставленник Баязитова». Военным ахуном Петроградского военного округа летом 1917 года был Девлеткамов (Давлекамов) Фаттахутдин Хасанович – потомственный имам, выходец из Касимова, имам Ханской мечети этого города.

– красный фригийский колпак – у жителей древней малоазиатской страны Фригии (Phrygia) высокий мягкий закругленный головной убор из войлока, меха или шерсти, обычно красного цвета со свисающим вперед верхом, часто имел защитные клапаны на ушах. В Древнем Риме такой колпак обычно носили ремесленники и другие свободные простолудины, а также рабы, получившие свободу. Во время Великой французской революции послужил образцом для шапочки якобинцев, став символом свободы.

Горький М. *«Объективная ценность культуры и обаятельная ценность ее»: Несвоевременные мысли. Впервые опубликована в сб.: Горький М. Несвоевременные мысли и рассуждения о революции и культуре (1917–1918 гг.). Подготовлено Ассоциацией «Ротация» при Правлении Московской организации Союза журналистов СССР. Издатели С.Б. Михайлова и А.М. Симонян. М., 1990. С. 52–54. Заголовок дан составителями из текста статьи.

К стр. 54. *«Довлеет днєви злѡба єго»*. Цитата из церковно-славянского текста Евангелия (Матф., 6, 34); по-русски: «Довольно для каждого дня своей заботы» (см. Злоба дня). Жизнь людей этих [купцов]... проходит размеренным шагом, разбитая на дни и недели, где каждому *«днєви довлєет злѡба єго»*.

К стр. 55. *Кавказская армия* – общевойсковое оперативное объединение (полевая армия) на Кавказском театре военных действий во время Первой мировой войны. Действовала на Карском и Эриванском направлениях. После отстранения от командования армией (3 апреля 1917 г.) Великого князя Николая Николаевича, ею последовательно командовали: М.А. Пржевальский, Н.Н. Баратов, В.В. Де-Витт, И.З. Одишелидзе.

Мартов Ю.О. Лозунг «Вся власть Советам». Подписана Л. Мартов. Републикована: Меньшевики в 1917 году. В 3 т. / Под общ. Ред. З. Галили, А. Ненарокова, Л. Хеймсона. Т. 1: Меньшевики в 1917 году: От января до июльских событий. М., 1994. С. 602–605. Ни в один сборник избранных статей Мартова никогда не включалась, как и другие его статьи 1917 года.

К стр. 59. *«Не «Вся власть Советам!», а завоевание Советами политической независимости, завоевание ими роли организованного авангарда демократической революции, вот лозунг дня»*. В этом – главное отличие предложенной в публикуемой нами статье мартовской трактовки данного лозунга от ленинской.

Набоков В.Д. Об Учредительном собрании. Републикуется впервые.

К стр. 60. *«В конце прошлого месяца начались работы особого совещания, созванного для выработки закона о выборах в Учредительное собрание»*. См.: Вишняк М.Н. Всероссийское Учредительное собрание. / Сост., автор выступит. статьи и комментариев А.М. Медушевский. М., 2010; Выборы в Учредительное собрание. Очерки по истории выборов и избирательного права: учеб. пособие / Ю.А. Веденеев и др. Калуга, 2002; Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание история рождения и гибели. М., 1997; *его же*. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М., 2008.

– *Четвертая Государственная дума* – последняя из Государственных дум Российской империи действовала в период с 15 ноября 1912 по 25 февраля 1917.

– *Витте Сергей Юльевич* (1849–1915) – выдающийся русский государственный деятель, реформатор. См.: <http://www.aphorisme.ru/about-authors/vitte/?q=4698>

Мякотин В.А. Накануне демонстрации. Републикуется впервые.

К стр. 62. *«На воскресенье 18 июня Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов назначил мирную демонстрацию»*. Во время Первого съезда Советов большевики готовили на 10 мая демонстрацию. Руководство съезда, боясь возрастающего роста пробольшевистских настроений среди рабочих и солдат Петрограда, добилося от съезда запрещения в течение трех дней всяких демонстраций. В то же время Исполком Петроградского Совета назначил на 18 июня общую демонстрацию, рассчитывая провести ее под лозунга-

ми доверия Временному правительству. См.: От Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов // Дело Народа. 1917. 10 июля. № 71; Первый Всероссийский съезд Советов... Т. 1 С. 378.

– «Комитет петроградской организации социал-демократической рабочей партии – меньшевистская организация, не признающая, однако, для себя решений Всероссийской конференции меньшевиков, – опубликовал в “Рабочей Газете” воззвание, призывающее к участию в демонстрации 18 июня». См.: Рабочая Газета. 1917. 15 июня. № 81.

К стр. 63. «Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов обещал свою поддержку Временному правительству». См.: Первый Всероссийский съезд Советов... Т. 1. С. 291.

Сталин И.В. Демонстрация протеста. Подписана: К. Ст. Впервые опубликовалась в сб.: *Сталин И.* На путях к Октябрю. Статьи и речи. Март–октябрь 1917. М.; Л., 1925. С. 66–69. В 1946 году включена в т. 3-й собрания сочинений Сталина под заголовком «На демонстрации», которое появилось в предыдущем издании. При этом она была заново отредактирована безымянными редакторами-составителями тома, а на второй странице текста под строкой появилось, без оговорок кому принадлежит – редколлегии газеты или тома, примечание о том, что поминаемый в тексте прапорщик большевик Хаустов – однофамилец меньшевика рабочего, бывшего члена IV Государственной думы. Никаких других сведений ни о большевике Флавиане Павловиче Хаустове, ни о меньшевике – Валентине Ивановиче не имеется. См.: *Сталин И.В.* Сочинения. М., 1946. Т. 3. С. 100–103. Составители данного тома републикуют статью по «Правде», вернув первоначальный заголовок и исключив всю позднейшую правку. Вместо проставленных в собрании сочинений подзаголовков, возвращена разбивка на разделы звездочками, а сами подзаголовки даны, как и в газете, в первой строке текста, только выделенными не полужирным шрифтом, а курсивом.

К стр. 63. «Марсельезу» и «Интернационал» сменяет «Вы жертвою пали». «Марсельеза» (фр. La Marseillaise – «марсельская», «марселька») – самая знаменитая песня Великой французской революции, ставшая сначала гимном революционеров, а затем и всей страны. Автор – поэт и музыкант Руژه де Лиль. «Интернационал» – (фр. L'Internationale, от лат. Inter – между и natio – нация) – международный пролетарский гимн; гимн коммунистических партий, социалистов и анархистов, официальный гимн РСФСР (1918–1944), СССР (1922–1944), Дальневосточной республики (1920–1922), Украинской ССР (1918–1949), Белорусской ССР (1919–1952). Слова Эжена Потье, музыка Пьера Дегейтера. «Вы жертвою пали» – старинный романс, ставший в итоге революционным реквиемом. Музыка А.Е. Варламова, слова А.А. Амосова (писавшего под псевдонимом – А. Архангельский).

К стр. 64. *Военная лига* – московская офицерская организация под председательством генерал-майора И.И. Федорова.

– «...манифестация в день похорон» – речь идет о церемонии похорон жертв Февральской революции в Петрограде 23 марта 1917, которая стала самой крупной манифестацией после февральских событий. Шествие, начавшееся в 9 час. 30 мин., закончилось далеко за полночь. Мимо братских могил на Марсовом поле прошло не менее 800 тыс. человек. Присутствие членов Временного комитета Государственной думы, Временного прави-

тельства, депутатов Петроградского Совета подчеркивало особый, общегосударственный характер события.

– «...демонстранты [...] потребовали немедленного освобождения т. Хаустова, бывшего сотрудника “Окопной Правды”. Мы говорим о “Всероссийской конференции военных организаций” нашей партии, участнице демонстрации, потребовавшей от Исполнительного комитета, в лице Чхеидзе, освобождения т. Хаустова, причем Чхеидзе обещал принять все меры к освобождению “сегодня же”». Хаустов Флавиан Павлович – поручик, социал-демократ, большевик с 1917. В начале июня 1917 был арестован за свои статьи в «Окопной Правде», агитировавшие против наступления на фронте. См.: Хаустов Ф.П. «Окопная правда» (очерк) // Красная Летопись. 1927. № 3 (24). С. 108–114. Всероссийская конференция фронтовых и тыловых военных организаций РСДРП(б), требовавшая освобождения Хаустова, который был ее делегатом, работала 16–23 июня 1917 в Петрограде. На ней его избрали членом Всероссийского Центрального бюро военных организаций при ЦК РСДРП(б).

Рысс П.Я. Торжественный провал. Подписана: Петр Рысс. Републикуется впервые.

К стр. 65. «...большевики и к ним примыкающие в полной мере используют тактику Совета за апрель. Именно тогда идея всенародной революционной власти была в корне подорвана лозунгами классовой власти». Речь идет о реакции Совета на ленинские апрельские тезисы и обвинения со стороны прибывших в Россию из эмиграции меньшевиков-интернационалистов мартовцев в предательстве пролетарских интересов, определивших терминологию лидеров Совета, искажавшую политический смысл лозунгов и практической деятельности лидеров Совета.

К стр. 67. «Контрреволюция в общей психологии, созданной деяниями, диктуемыми классовым эгоизмом». Наиболее последовательно и аргументировано эту мысль о контрреволюционной сущности подмены классовой борьбы классовым эгоизмом развивал в своей публицистике один из основоположников российской социал-демократии А.Н. Потресов. Отсутствие его статей в нашем томе объясняется тем, что впервые все его статьи за 1917–1918 гг., параллельно с данным изданием, опубликованы в сборнике *Потресов А.Н.* Рубикон. 1917–1918. Публицистика / Ред-сост. Р.М. Гайнуллина, А.П. Ненароков, И.С. Розенталь. М., 2016.

Череванин Н. (Липкин Ф.А.) Урок манифестации 18 июня. Подписана: Н. Череванин. Републикуется впервые.

К стр. 68. «Недавние выборы в районные думы показали, что за ленинцами идет в Петрограде только незначительное меньшинство». См.: Трутовский В. Испуганный обыватель. (Предвыборные группировки) // Дело народа. 1917. 26 мая. № 58; Итоги выборов в районные думы // День. 1917. 2 июня. № 74 (1635); Выборы в районные думы // Речь. 1917. 2 (15) июня. № 127 (3869); там же. 3 (16) июня. № 128 (3870).

Чернов В.М. Анархистствующий бланкизм. Републикуется впервые.

К стр. 69. Бланкизм – леворадикальное революционное течение, отдающее приоритет заговорщической деятельности и террору против властей. Названо по имени своего главного идеолога – социалиста-утописта Луи Огюста Бланки.

К стр. 70. «...“Правда” конфузливо заявляет, что для них “случай с выселением анархистов из дачи Дурново был только случайным внешним поводом”». См.: О демонстрации // Правда. 1917. 24 июня (11 июня ст. ст.). № 79. Речь идет о поводе, послужившем причиной решения об организации мирной антиправительственной демонстрации 10 июня, принятого 8 июня на расширенном заседании Центрального и Петроградского комитетов боль-

шевиков. Им стало отданное накануне, 7 июня, министром юстиции П.Н. Переверзевым распоряжение об освобождении дачи члена Государственного Совета генерал-адъютанта П.П. Дурново (1835–1919), занятой после свержения монархии революционными организациями (Петроградской федерацией анархистов-коммунистов, ячейкой эсеров-максималистов, Советом петроградской народной милиции, правлением профсоюзов Выборгского района, рабочим клубом и пр.). Попытка реализовать это распоряжение вызвала 8 июня забастовку рабочих Выборгской стороны, которая ускорила т. н. июньский кризис.

К стр. 71. «Наквятать» – наиграть.

К стр. 72. *en flagrant délit* – (фр.) – на месте преступления.

– «не ведают бо, что творят» – выражение из Евангелия (Лука, 23, 24), принадлежит распятому на кресте Иисусу, который сказал, обращаясь к Богу: «Отче! Отпусти им, не веда бо, что творят», т. е. «Отец, прости им, ибо не знают, что делают».

К стр. 73. «Экзосмос и эндосмос» (биолог.) – физическое явление просачивания жидкостей, способных к смешиванию, через разделяющую их перепонку. Так, если поместить цилиндр, нижняя часть которого закрыта животной перепонкой (пузырем) и который наполнен окрашенным спиртом, в сосуд с водою, то вода будет переходить из сосуда в цилиндр (эндосмос – греч. – *endon* – внутрь, *osmos* – вытекание), а спирт из цилиндра в сосуд с водой (экзосмос – греч. – *exo* – вне). См.: Павленков Ф. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. СПб., 1907.

– *reductio ad absurdum* – (лат.) – доведение до нелепости.

– «Немезида истории». В древнегреческой мифологии Немезида (Немесиды) – богиня мщения.

Николаевский Б.И. К делу Малиновского. Продолжение майских статей, посвященных делу Р.В. Малиновского. Все без подписи. Републикуются впервые.

К стр. 73. «Опубликованное вчера в ряде газет сообщение Временного правительства по делу Малиновского, несомненно, должно привлечь к себе внимание многих». Заключение Чрезвычайной следственной комиссии по делу Малиновского опубликовано 16 июня в газетах «День», «Биржевые Ведомости», «Новая Жизнь» и др. Малиновский Роман Вацлавович (1877–1918) – с 1906 член РСДРП внефракционный. В январе 1910 пленум ЦК наметил его кандидатом в Русское бюро ЦК. Накануне кооптации был арестован и принял предложение поступить на службу секретным агентом Московского охранного отделения. На выборах в IV Государственную думу по рабочей курии Московской губернии прошел как объединенный депутат РСДРП, со второй сессии – председатель социал-демократической фракции. См.: Розенталь И.С. Провокатор Роман Малиновский: Судьба и время. М., 1996.

– «...он не только скрыл, он на ребром поставленный ему двумя представителями фракции социал-демократов и трудовиков вопрос категорически заявил, что о провокаторстве Малиновского он ничего не знает». Речь идет о заявлениях Родзянко. После того как Малиновский 8 мая 1914 подал Родзянко заявление о сложении депутатских полномочий, Джунковский сообщил Родзянко, что тот был агентом полиции («знаю, что Вы никому не скажете»). В 1917 не только меньшевики, но и Ленин требовал отдать Родзянко и Джунковского под суд за «укрывательство» провокатора. См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 222, 353. Родзянко утверждал в ответ, что не мог объявить о депутате-агенте полиции, так как это означало бы «наложить... позорное пятно на Думу». См.: Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства / Редакция П.Е. Щеголева. Т. VII. М.; Л., 1927. С. 168.

К стр. 74. «...около месяца тому назад "Рабочая Газета" подняла вопрос о необходимости назначения особой следственной комиссии из представителей социалистических партий для расследования во всей полноте дела Малиновского с его общественно-политической стороны». См.: Дело Малиновского // Рабочая Газета. 1917. 24 мая. № 63.

– «Опубликованное 16 июня в "Вестнике Временного правительства" постановление Чрезвычайной следственной комиссии о предании следствию бывшего министра внутренних дел Макарова, бывшего директора департамента полиции Белецкого и др.» См.: От министра юстиции // Вестник Временного Правительства. 1917. 16 (29) июня. № 81 (127). Макаров Александр Александрович (1857–1919) – действительный статский советник, Государственный секретарь (1909–1911), министр внутренних дел (1911–1912) и министр юстиции (1916). Белецкий Степан Петрович (1873–1918) – сенатор, директор Департамента полиции (1912–1914). После свержения монархии арестован, до ноября 1917 содержался в тюрьме Трубецкого бастиона, давал показания Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. В 1918 арестован ВЧК как заложник и перевезен в Москву, расстрелян 5 сентября в связи с покушением на Ленина.

– «Как заявил Н.К. Муравьев на съезде Советов рабочих и солдатских депутатов, комиссия эта решила бить сановников старого строя их же оружием, т. е. отыскивать совершенные ими преступления против ими же написанных законов». См.: Первый Всероссийский съезд Советов... Т. 2. С. 44–57, 58. Муравьев Николай Константинович (1870–1936) – выдающийся русский адвокат. Он выступал защитником на крупнейших политических процессах своего времени (начиная с процессов участников революции 1905–1907 и членов социал-демократических фракций первых трех Государственных дум, и кончая процессами т. н. «Тактического центра», членов ЦК правых социалистов-революционеров и др.). Временное правительство назначило его председателем Чрезвычайной следственной комиссии. При большевистской диктатуре он (в 1918–1922) возглавлял Комитет политического Красного Креста, был членом президиума Коллегии защитников. После последовавшего в 1929 отчисления из адвокатуры, несмотря на его скорую отмену, принял решение с января 1930 прекратить адвокатскую практику. В дальнейшем занялся общественной работой во Всесоюзном обществе политкаторжан и ссыльнопоселенцев.

К стр. 75. «...речи Малиновского в Государственной думе редактировались Белецким. Известно, также, что черновики этих речей с поправками Белецкого сохранились до наших дней. (Сохранилась, например, речь Малиновского при первой декларации социал-демократической фракции IV Государственной думы)». Имеется в виду ответ социал-демократической фракции IV Государственной думы (подготовленный Ф.И. Даном) на правительственную декларацию, с которой выступил глава правительства В.Н. Коковцов. Огласить ответ фракция поручила Малиновскому. Текст был «исправлен» Белецким и показан министру внутренних дел Макарову, они предполагали, что Родзянко позволит прочитать не более трети текста, сохранившего революционное звучание, но Малиновский, опасаясь возбудить подозрения, прочитал его почти целиком, несмотря на неоднократные замечания Родзянко.

– «...не допрошен никто из редакции "Нашей Рабочей Газеты" 1914 года, ведшей в свое время известную кампанию; не допрошены товарищи Л. Мартов и Ф. Дан, за свои настоячивые выступления получившие, в свое время, от Ленина и Зиновьева звание "известных клеветников"; не допрошены те большевики, которые выдвигали обвинение против Малиновского еще до его бегства из Государственной думы, в частности бывший член ленинского ЦК – Трояновский; не допрошены все те рабочие, которые первыми выдвинули подозрения против Малиновского в Москве». В действительности были допрошены в разные дни представители всех указанных групп: меньшевики А.С. Мартынов и Б.И. Гольдман; большевики Н.И. Бухарин и Е.Ф. Розмирович; бывший большевик (но не член ленинского ЦК) А.А. Трояновский; московские рабочие-меньшевики В.Ф. Плетнев и А.Г. Козлов. Последние подчеркнули, что были первыми из тех, кто заявил о своих подозрениях в адрес

Малиновского. *Трояновский Александр Антонович* (1882–1955) – с 1904 социал-демократ, большевик. С 1914 – меньшевик оборонец, член Учредительного собрания. В 1920, оппонировав Ю.О. Мартову, представившему в своем докладе «Диктатура пролетариата и демократия» проект новой Платформы РСДРП, заявил, что, признав верность лозунга «через диктатуру меньшинства к социализму», социал-демократы вынуждены будут, в конце концов, согласиться с тем, что при буржуазной демократии рассчитывать на социалистическое большинство в представительных учреждениях нет оснований и «единственно правильный путь к социализму – это путь Ленина». См.: *Меньшевики в 1919–1920 гг.* / Отв. ред. З. Галили, А. Ненароков; отв. сост. Д. Павлов. М., 2000. С. 379. С 1921 – сотрудник Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции, который возглавлял И.В. Сталин. С 1923 – член РКП (б), дипломат (в 1927–1933 – полномочный представитель СССР в Японии, в 1933–1938 – в США).

– *Ганецкий (Фюрстенберг) Яков Станиславович* (1879–1937) – с 1896 социал-демократ, в 1903–1909 – один из руководителей СДКПиЛ. В 1907 избран членом ЦК РСДРП. В 1917 – член Заграничного бюро ЦК РСДРП(б). В годы войны и после февраля 1917 жил в Швейцарии, будучи связан с левыми революционными интернационалистами. С приходом большевиков к власти работал в Наркомфине, Внешторге, НКВД. С 1935 директор Музея Революции СССР. Репрессирован, реабилитирован посмертно в 1954.

К стр. 76. «В Чрезвычайной следственной комиссии по делу Малиновского допрошены, между прочим, в качестве свидетелей двое из судей этого провокатора, вынесших ему в 1914 г. оправдательный приговор, – Ленин и Зиновьев. Из их показаний пока опубликовано очень мало, – только отдельные обрывки». Фрагмент показаний Ленина в комиссии 26 мая цитируется неточно, так же, как в других газетах. Правильный текст: «Мне не раз приходилось рассуждать так: после дела Азефа меня ничем не удивишь. Но я не верю-де в провокаторство здесь не только потому, что не вижу ни доказательств, ни улики, а также потому, что, будь Малиновский провокатором, от этого охранка не выиграла бы так, как выиграла наша партия от “Правды” и всего легального аппарата». (См.: Дело провокатора Малиновского / Составители Б.И. Каптелов, И.С. Розенталь, В.В. Шелохаев. М., 1992. С. 52.) Это объяснение своего доверия к Малиновскому Ленин повторял и позже. См., напр.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 29.

– См: От министра юстиции // Вестник Временного Правительства. 1917. 16 (29) июня. № 81 (127).

К стр. 77. «...Азеф, организовавший казнь Плеве, Сергея Александровича и др., готовивший казнь Николая II». Азеф Евно (Иона) Фишелевич (1869–1918) – российский революционер-провокатор, один из лидеров Партии социалистов-революционеров, руководитель ее боевой организации и одновременно – секретный сотрудник Департамента полиции. Названные террористические акты принесли Азефу наибольшую известность в рядах эсеров. Двадцатый министр внутренних дел Российской империи *Плеве Вячеслав Константинович* (1846–1904) был убит 15 июля 1904, пятый сын Александра II московский генерал-губернатор *Великий князь Сергей Александрович* (1857–1905) – 4 февраля 1905. После того как с осени 1907 участились слухи и подозрения относительно Азефа, он имитировал ряд попыток покушения на Николая II.

К стр. 78. *Виссарионов Сергей Евлампиевич* (1868–1918) – действительный статский советник, с 1912 до июня 1913 вице-директор Департамента полиции, затем председатель Петербургского комитета по делам печати. Расстрелян большевиками.

– «Не Джунковский, не Родзянко прогнали Малиновского из Гос[ударственной] думы». См.: Под суд Родзянку и Джунковского за укрывательство провокатора! // Правда. 1917. 30 июня (17 июня ст. ст.). № 84. *Джунковский Владимир Федорович* (1865–1938) – российский политический, государственный и военный деятель. Адъютант Великого князя Сергея Александровича, московский вице-губернатор, московский губернатор, товарищ

министра внутренних дел и командующий Отдельным корпусом жандармов, командир 8-й Сибирской стрелковой дивизии, генерал-лейтенант.

– «...не случайно, что изгнание Малиновского связано с моментом апрельской обструкции». В связи с привлечением Н.С. Чхеидзе впервые в думской практике к судебной ответственности за выступление с трибуны Думы, все левые депутаты – большевики, меньшевики и трудовики ответили 22 апреля 1914 обструкцией председателю Совета министров И.Л. Горемыкину.

– «*«Правда» в ответ на наши настойчивые указания о необходимости расследования дела о провокации Малиновского с его общественно-политической стороны пытается прибегнуть к тому самому приему, который ей удался в 1914 году*». Имеется в виду телеграмма Ленина, опубликованная 25 мая 1914 в № 4 газеты «Рабочий» (одно из названий «Правды»), в которой он потребовал от Мартова и Дана «прямого обвинения [Малиновского] за подписями». В ответной статье 30 мая редакция «Нашей Рабочей Газеты» заявила, что ей известно «только то, что отдельные правдисты считают возможным передавать товарищам из другого лагеря», и «этого недостаточно для предъявления прямого обвинения...»

Троцкий Л.Д. Наступление и наступленцы. Статья в журнале «Вперед» опубликована без подписи. Републиковалась автором. См.: *Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. III. Ч. I. С. 138–140.*

К стр. 79. «*Наступление началось*». 16 июня А.Ф. Керенский отдал приказ о наступлении. См.: Приказ военного министра. Приказ армии и флоту от 16 июня 1917 года // Вестник Временного Правительства. 1917. 20 июня (3 июля). № 84 (130).

– «*Насколько наступление было подготовлено с материальной стороны, мы не знаем. С духовной стороны оно было подготовлено резолюцией съезда Советов о войне*». См. Первый Всероссийский съезд Советов... Т. 2. С. 19–20.

– «*Наступление было продиктовано необходимостью, – объяснял самый кинтальский из министров г. Чернов. – Русская армия не могла пассивно дожидаться наступления Гинденбурга*». См.: Первый Всероссийский съезд Советов... Т. 2. С. 86. *Гинденбург (Hindenburg) Пауль, фон (1847–1934) – генерал-фельдмаршал (1914). В годы Первой мировой войны командовал (с ноября 1914) войсками Восточного фронта, с августа 1916 – начальник Генерального штаба, фактически главнокомандующий. В 1925–1933 – президент Германии.*

К стр. 80. «*Г-н Церетели, политическая ограниченность которого делает его наиболее способным к прямолинейности, заявил на съезде Советов, что наступление является могущественным ударом империализму русскому, союзному и германскому, – и в качестве такового должно приветствоваться всеми интернационалистами, в том числе и немецкими*». См.: Там же. С. 82–85.

– *Бриан (Briand) Аристид (1862–1932) – французский политический деятель Третьей республики, неоднократно в 1909–1931 премьер-министр Франции, министр иностранных дел, внутренних дел, военный и юстиции. Лауреат Нобелевской премии мира 1926.*

– *Ллойд-Джордж (Lloyd George), Дэвид (1863–1945) – английский политический и государственный деятель, лидер Либеральной партии. Мастер компромиссов, он был наиболее ярким воплощением характерной для английской политической жизни системы циничного демагогического обмана. Во время Первой мировой войны выступал за ее доведение до полного поражения Германии. В конце 1916 путем интриг и сговора с консерваторами и ценой раскола Либеральной партии, добился премьерства и возглавлял коалиционное правительство Англии до октября 1922, явился одним из главных действующих лиц Парижской мирной конференции (1919–1920) и творцов Версальского мирного договора (1919).*

– «...после массовых антимилитаристских первомайских манифестаций в Милане и других местах итальянское правительство ощутило острую потребность в наступлении [...] об этом рассказывает корреспондент “Новой Жизни”». См.: Григорьев Раф. Италия и русская революция // Новая Жизнь. 1917. 20 июня (3 июля). № 53.

– Биссолати (Bissolati) Леонида (1857–1920) – один из основателей Итальянской социалистической партии.

Семковский С.Ю. Наступление или перемирие. Полностью публикуется впервые. До этого публиковалась в извлечениях. См.: Меньшевики в 1917 году. Т. 1. С. 599–600.

К стр. 81. «...печальное положение признают и сами оборонцы. На Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов они заявили устами одного из своих вождей: “Карта, которую мы поставили на пробуждение революции на Западе, была бита”». См. выступление М.И. Либера – Первый Всероссийский съезд Советов... Т. 1. С. 276–283.

К стр. 82. «...“двуединая тактика” революционного оборончества». Речь идет о т. н. линии «двуединой борьбы» или «двуединого пути», по определению лидера меньшевиков-оборонцев А.Н. Потресова, когда «русский народ, ...собравшись с силами, ... вступит твердой ногой на путь единоборства с врагом, на тот путь, который и есть ...путь к демократическому миру». Он писал об этом во многих своих статьях, повторял в публичных выступлениях и отстаивал на партийных собраниях, конференциях и съездах. См.: Потресов А.Н. Рубикон. 1917–1918. Публицистика.

– «...с легкой руки Керенского Всероссийский съезд Советов также укрылся в своей резолюции за формулу “стратегического наступления”». Речь идет о резолюции по вопросу о войне, предложенной Ф.И. Даном от фракции социал-демократов меньшевиков и фракции социалистов-революционеров. В вопросе о наступлении она содержала формулу, ранее выдвинутую Керенским: «В частности, съезд полагает, что вопрос о наступлении должен быть решаем исключительно с точки зрения чисто стратегической». См.: Первый Всероссийский съезд Советов... Т. 1. С. 12.

Шульгин В.В. Этап. Публикуется впервые. Время написания статьи датировано самим автором, который проставил в конце газетной публикации дату – 26 июня.

К стр. 85. «Всероссийский съезд Советов солдатских и рабочих депутатов закрылся под возглас председателя: “Да здравствует великая, свободная и горячо любимая Россия!”» В записи заключительной речи Н.С. Чхеидзе здравница, произнесенная оратором, звучала так: «Да здравствует великая русская революция, да здравствует великая свободная горячо любимая Родина, да погибнет война, да здравствует международный мир, да здравствует пролетарская солидарность, да здравствует Интернационал» // «Новая Жизнь». 1917. 25 июня (8 июля). № 58; Первый Всероссийский съезд Советов... Т. 2. С. 420–412.

Ерманский А.О. Кронштадтская смута. Публикуется впервые.

К стр. 90. «История с “Кронштадтской республикой”, по-видимому, пришла к концу». «Пусть потом, даже очень скоро тот, или другой “факт” окажется фантазией, мыльным пузырем, вроде пресловутых “республик” Шлиссельбургской, Новороссийской и др.». И то, и другое см. комментарий к статье В.А. Мякотина «Очередная задача» на стр. 19 настоящего сборника.

К стр. 93. «В Кронштадте существовал комиссар Пепеляев, навязанный городу помимо воли населения». Пепеляев Виктор Николаевич (1884–1920) – юрист, педагог,

член Конституционно-демократической партии, депутат IV Государственной думы от Томска. 28 февраля назначен комиссаром Временного комитета Государственной думы в Петроградском градоначальстве. До 16 мая – комиссар Временного комитета Государственной думы и Временного правительства по Кронштадту, командир кронштадского порта. Освободил часть арестованных матросами 1 марта офицеров. Требовал арестовать и судить матросов, причастных к убийствам офицеров в Кронштадте, неоднократно вступал в конфликт с местным Советом. 16 мая Кронштадтский Совет рассмотрел вопрос «О комиссаре Пепеляеве» и постановил упразднить его должность. Накануне корниловского выступления вступил добровольцем в Сибирский стрелковый корпус. После октябрьского переворота вместе по поручению ЦК кадетов вел работу по созданию вооруженных подпольных групп из юнкеров, офицеров, буржуазной молодежи. Весной 1918 вошел в московский «Национальный центр» и в «Союз возрождения России». Летом отправлен в Сибирь по заданию «Национального центра» и ЦК кадетов. Был противником образования эсеро-меньшевистского Временного Всероссийского правительства – Директории. 9 ноября избран в Омске председателем Восточного отдела ЦК кадетов, возглавлял департамент милиции и государственной охраны в правительстве А.В. Колчака. В декабре вышел из кадетской партии. С весны 1919 министр внутренних дел, член Совета Верховного правителя. 10 ноября бежал в Иркутск. С 22 ноября – председатель Совета министров Временного российского правительства. 26 декабря поезд с Колчаком и Пепеляевым был задержан по приказу союзников и взят под охрану белочехами. 15 января 1920 передан Политцентру в Иркутске. 6 февраля ВРК, власть к которому перешла 21 января, приговорила его и Колчака к расстрелу. В ночь на 7 февраля приговор был приведен в исполнение.

К стр. 94. *Ламанов Анатолий Николаевич* (1889–1921) – председатель Кронштадтского Совета. Учился в Технологическом институте, лаборант химической лаборатории Кронштадта. От нее избран депутатом Кронштадтского Совета. 13 марта, будучи беспартийным, избран председателем Совета. 30 мая под давлением большевиков и эсеров подал в отставку. С августа 1917 до марта 1921 – товарищ председателя Кронштадтского Совета, эсер-максималист, в декабре 1919 – феврале 1921 кандидат в члены РКП(б). Один из видных руководителей Кронштадтского мятежа, фактический редактор «Известий ВРК Кронштадта». 20 апреля расстрелян.

Протопопов Д.Д. Кронштадт, Финляндия и Украина. Републикується вперше.

К стр. 96. *Радник* – сторонник Рады.

Ефремов С.А. Заклик до творчої роботи (Привіт к творчеській роботі). Публікувалася в «Новій Раді» як редакційна, без підписи. Авторство С.А. Ефремова встановлено дослідником І.Б. Гиричем на основі архівних даних. Републікувалася в виданні: *Сергій Єфремов. Публіцистика революційної доби (1917–1920 рр.). У двох томах. Т. 1. 9 березня 1917 р. – 28 квітня 1918 р. Київ, 2013. С. 149–150.*

К стр. 96. «*Універсал Української Центральної Ради до українського народу*». Універсал Української Центральної Ради к українському народу був обнародован 10 юнія 1917 на завершаючому засіданні Второго Всеукраїнського військового съїзда. Створенню Універсала передшествовали довготривала переписка і переговори делегації Центральної Ради з Временним правительством. Після того як офіційний Петроград отверг пропозицію української сторони вирішити питання про надання автономії Україні позитивно, що викликало бурю негодування і хвилю протестів в Україні, Центральна Рада вирішила на створення даного державного акту і його провозглашення явочним

порядком. Проект документа был подготовлен заместителем Председателя Центральной Рады, лидером УСДРП В.К. Винниченко и затем отредактирован при участии руководства Рады. Универсал был восторженно встречен политически активными кругами украинства, вызвал широкий позитивный резонанс в народной среде. См.: Українська Центральна Рада. Документи і матеріали. У двох томах. Т. 1. 4 березня – 9 грудня 1917 р. Київ, 1996. С. 101–105.

К стр. 97. *«Делегація Центральної Ради до Тимчасового правительства»*. В состав делегации Центральной Рады, выехавшей в Петроград на встречу с членами Временного правительства (16–21 мая 1917) входили: В.К. Винниченко (глава делегации заместитель председателя Центральной Рады), С.А. Ефремов, Н.Н. Ковалевский, Г. Одинец, Д. Коробенко, С. Письменный, А.М. Пилькевич, И. Снежный. Делегация имела полномочия добиваться от Временного правительства и Исполкома Петроградского Совета рабочих и крестьянских депутатов издания государственного акта с принципиальным согласием на право Украины иметь национально-территориальную автономию, назначения комиссара по делам Украины при Временном правительстве и комиссара правительства в Украине, ассигнования средств на культурно-национальные нужды украинской общественности. При этом речь шла о перспективе – никаких конкретных сроков не выдвигалось. Однако в качестве предостережения обращалось внимание официального Петрограда на возрастающее недовольство в среде украинского народа сознательным затягиванием с разрешением назревшего вопроса. Российской стороне стремились доказать, что украинская стихия может привести к нежелательному развитию событий и вырваться из-под контроля Центральной Рады, которая пыталась и продолжает пытаться направить стихийное национальное движение в легитимное русло. В первый же день своего пребывания в Петрограде делегация передала соответствующую официальную докладную записку председателю Временного правительства Г.Е. Львову и в Исполком Петросовета. Однако Временное правительство не согласилось с предложениями делегации Центральной Рады, которая после бесплодных дискуссий в правительственной комиссии, была вынуждена покинуть столицу ни с чем. Официальный отрицательный ответ по результатам рассмотрения вопроса на заседании правительства 30 мая был получен в Киеве спустя несколько дней и вызвал волну возмущения различных организаций и собраний (Общеукраинский крестьянский съезд, Второй Украинский войсковой съезд). В этих условиях Центральная Рада, стремясь не отстать от общественных настроений, боясь войти с ними в противоречие, решила подготовить акт, провозглашающий автономный статус Украины. См.: *Володимир Винниченко. Відродження нації. Заповіт борцям за визволення*. Київ, 2008. С. 86–134; Українська Центральна Рада. Документи і матеріали. У двох томах. Т. 1. 4 березня – 9 грудня 1917 р. Київ, 1996. С. 92–105, 536.

Плеханов Г.В. *Да здравствует автономная Украина!* Републиковалась в сб.: *Плеханов Г.В. Год на Родине. Полное собрание статей и речей 1917–1918 гг.* в двух томах. Том первый. С. 167–170.

К стр. 98. *«Центральная Украинская Рада подала Временному правительству и Исполнительному Комитету Совета р[абочих] и с[олдатских] депутатов записку, в которой она говорит о нуждах своего края и об отношении к ним "русского" общества»*. Речь идет о докладной записке с изложением решений апрельского Украинского национального конгресса. См.: Киевская Мысль. 1917. 27 и 28 мая. № 131, 132; *Бондаренко Д.Я. Взаимоотношения Временного правительства и Украинской Центральной Рады*. Одесса, 2004. С. 54, 66–63.

– *«...у председателя Киевского Совета рабочих и солдатских депутатов на совещании социалистических организаций всех национальностей вырвалась угроза разогнать итьками украинский конгресс»*. Плеханов приводит цитату из записки УЦР, переданной 16 мая Временному правительству. В ней не совсем точно обозначена должность председателя

Киевского Совета. В Киеве Советы рабочих и Советы солдатских депутатов в то время существовали раздельно, хотя и проводили иногда совместные заседания. Приведенная в записке реакция на решение Украинского национального конгресса о не санкционированном центральной властью провозглашении украинской автономии принадлежит председателю Киевского Совета рабочих депутатов социалисту-революционеру П.И. Незлобину. В одном из своих выступлений он объявил претензии Украины на автономию «ударом в спину революции». И заявил, что на это «демократия» может «ответит штыками».

– *«Только анархо-синдикалисты вроде Роберта Гримма, усвоившего себе “старую манеру” Густава Эрве, могут отрицать правомерность национальной самозащиты».* Гримм (Grimm) Роберт (1881–1958) – швейцарский социал-демократ, политик и публицист, один из лидеров социал-демократов Швейцарии и II Интернационала. С началом Первой мировой войны – интернационалист, активный участник Циммервальдской конференции (1915), председатель Интернациональной социалистической комиссии (ИСК). Эрве (Herzé) Густав (1871–1944) – французский журналист, профсоюзный деятель, политик и историк. Антимилитарист, увлекавшийся анархо-синдикалистскими идеями, в годы Первой мировой войны ультралевый активист Социалистической партии Франции СФИО. В 1919 создал Социалистическую национальную партию, явно фашистского характера. В то же время являлся противником нацистской оккупации, коллаборационизма и режима Виши.

К стр. 99. *Баллада гр. Евд. Ростопчиной «Насильственный брак»* – Ростопчина (урожд. Сушкова) Евдокия Петровна (1811–1858) – графиня. Автор лирических стихов, поэм, а также повестей, романов и пьес. В 1845 в «Северной Пчеле» появляется ее баллада «Насильственный брак», в которой иносказательно выражена резко отрицательная оценка взаимоотношений России и Польши.

– *Николай I* (1796–1855) – российский император с 1825.

– *«Ныне отпускаеши раба твоего владыка»* – приводимые в Евангелии от Луки слова Симеона Богоприимца, которые он произнес в Иерусалимском храме в день Сретения (Л. 2:29–32).

Ленин В.И. Украина. Статья в «Правде» была опубликована без подписи. Через пять дней – 20 июня (2 августа) она была перепечатана на украинском языке газетой «Робітничка Газета» – органе Украинской социал-демократической рабочей партии, одной из ведущих партий Центральной Рады. Наряду с ней в номере были помещены материалы из других социалистических органов печати, придерживающихся иных взглядов. Вся эта подборка была снабжена весьма примечательным заголовком: «Где справжні социал-демократизм?» – «Где подлинный социал-демократизм?». Впервые ленинская статья была републикована с признанием его авторства в первой части XIV тома первого издания собрания сочинений (С. 259–260). Во всех дальнейших изданиях вместо Украины употреблялось – Украина. См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 32. С. 341–342.

К стр. 100. *«Изданный украинской Центральной Радой и принятый 11 июня 1917 года Всеукраинским войсковым съездом “универсальный акт” об устройении Украины».* Речь идет о Первом Универсале Украинской Центральной Рады «К украинскому народу, на Украине и вне ее существу». Он был обнародован 10 (23) июня на II Всеукраинском Военном Съезде. Это был ответ Рады Временному правительству на его негативное отношение к идее автономизации Украины. Далее Ленин цитирует основное положение Универсала: «Не отделяясь от всей России... народ украинский должен сам хозяйничать своей жизнью», а

законы должны приниматься Всенародным Украинским Собранием. Автором Первого Универсала являлся В.К. Винниченко.

К стр. 101. *«Газета озлобленных, полуобезумевших от бешенства, буржуазных контрреволюционеров "Речь" дико обрушивается на украинцев, на их "самовольное" решение»*. См.: Петроград, 14 июня. Без подписи // Речь. 1917. 14 (27) июня. № 137 (3879).

Чернов В.М. Ложный вывод из правильной предпосылки. Републикуется впервые.

К стр. 102. *«Не отделяясь от всей России, не разрывая с российским государством, пусть украинский народ на своей земле имеет право сам распоряжаться своей жизнью, пусть порядок и строй в Украине устанавливает избранное всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием всенародное украинское собрание – Сейм»*. Этот и следующий за этим абзац и изложение основных положений цитируются и излагаются Черновым, как и Лениным (см. предыдущую статью в нашем сборнике), по тексту Первого Универсала.

– *«тысячелетняя моя отроковица...»* – «Тысячелетняя моя отроковица! / На севере своем ты так же обмерла, / Да, божьей волею, тебя уж подняла / Благословенно-мощная десница...» – строфа из стихотворения 1861 года поэта Мея Льва Александровича (1822–1862). См: Слово и Дух. Антология русской духовной поэзии (X–XX вв.) / Сост., подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. проф. И.А. Чароты. Минск, 2010; *Мей Л.А.* Избранные произведения. Библиотека поэта. Большая серия. Ленинград, 1972.

К стр. 103. *«Выражая эти чувства нетерпения, "Украинская Рада" потребовала от Временного правительства следующего...»* Далее Чернов излагает часть предложений, содержащихся в записке, переданной делегацией Украинской Центральной Рады Временному правительству. Затем лидер правой части социалистов-революционеров развернуто представит во многом противоречивую позицию партии в области национальной политики, повторяя при этом и основные аргументы, содержащиеся в официальном отказе Временного правительства от рассмотрения по существу представленных делегацией предложений. Главной из причин отказа Чернов, вслед за официальным Петроградом, объявит то, что все выдвинутые к рассмотрению проблемы относятся к компетенции не Временного правительства, а Всероссийского Учредительного собрания.

К стр. 104. *Und der König absolut, wenn er unsere Wille thut* – (нем.) – И король так много значит, если он исполнитель нашей воли.

– *«Вот в таинственном азарте, Воевода Пальмерстон / Разделяет Русь на карте / Указательным перстом...»* В оригинале – *«Вот в воинственном азарте...»* Цитата из стихотворения, напечатанного без подписи в газете «Северная пчела» (1854. № 37). Получило широкую популярность и распевалось в начале Крымской войны (1853–1856). См.: *Усов П.* Из моих воспоминаний // Исторический Вестник. 1882. № 2. С. 350. Нередко ошибочно приписывается актеру П. Каратыгину. Настоящий автор – поэт Алферьев В.П. *Пальмерстон* (1784–1865) – английский государственный деятель, премьер-министр Великобритании в 1865–1868 и с 1859, лидер вигов. В 1830–1834, 1835–1841, 1846–1851 – министр иностранных дел. Крымская война с Россией была в значительной мере делом его рук.

Винниченко В.К. Братання чи просто вже братерство? (Братание или просто уже братство?). Осенью 1917 статья была перепечатана в украинской газете г. Кливленд США. См.: Робітник (Работник). 1917. 13 октября. Републікована: *Володимир Винниченко*. Публіцистика. Нью-Йорк; Київ, 2002. С. 55–56.

К стр. 105. *«Було братання місячної хорошої ночі»* – «Было братание лунной хорошей ночью». Речь идет о прогулке на теплоходе по Днепру, организованной в ночь на 22 июня

лидерами Центральной Рады и ведущих украинских партий, на которую были приглашены представители неукраинских демократических партий и организаций г. Киева. По существу на встрече решался вопрос о реформировании Центральной Рады путем приглашения в ее состав представителей национальных меньшинств, их организаций, и, таким образом, превращения национального органа в высший территориальный орган. Данная проблема существенно актуализировалась после провозглашения Первого Универсала Центральной Рады, которое должно было положить начало внедрению явочным порядком автономного статуса Украины и созданию ее высшего исполнительного органа – Генерального секретариата, а также переговорам посланцев Временного правительства с Центральной Радой. Достигнутым соглашением, предопределенным модусом представительства (пропорционально удельному весу национальностей, проживавших в Украине) снималось напряжение, возникшее между различными организациями, партиями, национальными группами в процессе осуществления политики, направленной на возрождение украинской государственности.

К стр. 106. *Браз* – корреспондент «Киевской Мысли», сказавший в репортаже смысл речи, произнесенной В.К. Винниченко на встрече с представителями демократических кругов г. Киева. Неоднократно негативно высказывался по адресу участников национально-освободительного движения, требовал от Центральной Рады привлечения к ответственности организации, выступающие за самостоятельность Украины. Никаких иных биографических данных составителям обнаружить не удалось.

Прохоров Г.В. Церковь и социализм: о социализме вообще и социализме христианском. Републикуется впервые.

К стр. 108. *«...духовенство начинает интересоваться социализмом и даже пытается выяснить свое отношение к социализму. К глубочайшему огорчению, отношение к социализму, намечаемое некоторыми представителями Церкви таково, что оно ни в коем случае не может разделяться людьми, беспристрастно разбирающимися в фактах и отдающими себе отчет в своих заявлениях».* См.: Степанов М. Православная церковь в социалистическом государстве // Московский Церковный Голос. 1917. [11?], 14, 17 июля. № 19, 20, 21; С-й В. Об отношении христианства к социализму // Всероссийский Церковно-Общественный Вестник. 1917. 29 августа. № 105; его же. Почему социалистические газеты молчат о религиозных делах? // Там же. 17 сентября. № 113.

– *«Я уже писал в “Всероссийском Церковно-Общественном Вестнике” по вопросу о социализме».* См.: проф. Гр. Прохоров. Христианство и социальный вопрос // Всероссийский Церковно-Общественный Вестник. 1917. 22 апреля. № 11.

– *Туган-Барановский М.И.* Современный социализм в своем историческом развитии. СПб., 1906. *Туган-Барановский Михаил Иванович* (1865–1919) – известный русский экономист и историк, первоначально представитель «легального марксизма», позже перешел на либерально-демократические позиции, вступил в партию кадетов. Известен как один из организаторов и видных деятелей дореволюционного кооперативного движения. Сотрудничал в журналах «Мир Божий», «Начало», «Вестник Европы» и других.

– *Зомбарт Вернер.* Социализм и социальное движение в XIX столетии. СПб., 1902. *Зомбарт (Sombart) Вернер* (1863–1941) – немецкий экономист, историк и социолог, философ-неокантианец. В статье Прохорова Зомбарт упоминается дважды, первый раз ошибочно как Замбарт, исправлено без оговорок.

– *«Уничтожение религии, этого призрачного счастья, – писал К. Маркс, – будет началом истинного благополучия».* У Маркса: «Упразднение религии, как иллюзорного счастья народа, есть требование его действительного счастья». См.: Маркс К. К критике гегелевской философии права // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 1. М., 1955. С. 219–368.

– «Ему вторит посаженный германским правительством в тюрьму Либкнехт». Речь идет о Карле Либкнехте, сыне одного из основоположников немецкой социал-демократии Вильгельма Либкнехта. *Либкнехт (Liebknecht) Карл* (1871–1919) – в первой четверти XX в. – один из лидеров левого крыла немецкой социал-демократии и основоположников Коммунистической партии Германии. В январе 1916 исключен из социал-демократической фракции рейхстага. За призыв во время первомайской демонстрации того же года к свержению правительства арестован и приговорен военным судом к 4 годам и 1 месяцу заключения. Освобожден в ноябре 1918, убит в январе 1919 противниками углубления ноябрьской революции в Германии.

К стр. 109. *Новомирский Д.* – псевдоним, наст. *Кирилловский Яков Исаевич* (1882 – погиб в лагере или ссылке после 1936) – анархист с 1904, издатель газеты «Новый Мир» (1905, Париж), создатель Южнорусской группы анархо-синдикалистов (1906, Одесса). Участник ряда террористических актов и экспроприации. В 1909–1915 на каторге. С 1920 член РКП(б).

К стр. 110. «...фигура Великого Инквизитора из “Братьев Карамазовых” Достоевского». Имеется в виду фигура Великого Инквизитора из одноименной вставной притчи (иногда именуемой «Легенда о Великом Инквизиторе») главы пятой «Pro и contra» второй части романа «Братья Карамазовы» великого русского писателя Достоевского Федора Михайловича (1821–1881).

Струве П.Б. Иллюзии русских социалистов. Согласно авторской пометке статьи завершена 1 июня. Подписана: Петр Струве. В конце июля 1917 она была перепечатана в газете «Бессарабский Церковный Голос».

К стр. 113. «Герцен когда-то сказал, что Англия с ее крайностями капитализма, совершенно не смягчаемого государственным вмешательством, являет собою “пьяного илота цивилизации”». Илоты – (греч. heilotai) – в Спарте земледельческая часть населения, собственность государства. *Герцен Александр Иванович* (1812–1870) – российский революционер, писатель, философ. Как российские либералы, так и социалисты считали его своим предшественником.

Вишняк М.В. Русская Свобода и П.Б. Струве. Републикуется впервые.

К стр. 114. «Как заявил редактор в своей вступительной статье, – “Русская Свобода” является в политическом отношении продолжением “Освобождения” и будет отстаивать те же задачи, которые проводили в 1905–1906 гг. аналогичные еженедельники “Полярная Звезда” и “Свобода и Культура”». См.: *Струве Петр*. Наша задача // Русская Свобода. 1917. № 1. С. 4–5.

– *Франк Семен Людвигович* (1877–1950) – юрист, философ и религиозный мыслитель. Участник революционного движения с 1894. В 1899 арестован и выслан из Москвы. В том же году переехал в Германию, где продолжил обучение в Гейдельберге и Мюнхене. Первоначальное увлечение марксизмом в эти годы сменилось на критическое. По возвращении в Россию он становится активным участником деятельности конституционных демократов, руководит философским отделом журнала «Русская Мысль». Редактирует еженедельники «Полярная Звезда» и «Свобода Культуры». В годы революции и гражданской войны (1917–1921) – декан и профессор Саратовского, затем Московского университетов. Принял участие в создании и деятельности Философского института и Академии духовной культуры. В 1922 вместе с другими русскими философами, публицистами, писателями был выслан из России на печально знаменитом «философском пароходе». Жил в Германии (до 1937), Франции (до 1945) и затем в Англии.

К стр. 115. «И Петр Струве в № 1 “Русской Свободы” пишет». См.: *Струве Петр*. Наша задача // *Русская Свобода*. 1917. № 1. С. 3–5.

– *im Werden* – (нем.) – в развитии, в становлении.

К стр. 116. *Мак-Магон (Mac-Mahon) Патрис* (1808–1893) – маршал Франции. В 1873–1879 – президент Французской Республики.

– *П.Б. Струве об иллюзиях русских социалистов* – см. предыдущую статью данного сборника.

К стр. 118. «*Nous ne voulons pas la contrerévolution, mais nous voulons le contraire de la révolution!*» – (фр.) – «Мы не хотим контрреволюции, мы хотим быть противоположностью революции!» Слова *Местра (Maistre) Жозефа Мари де* (1753–1821) – французского публициста, политического деятеля и религиозного философа, одного из вдохновителей и идеологов европейского клерикально-монархического движения в первой половине XIX в.

– *Ярке Франциска (Jarcke, псев. – E. Rudorff)* – (1815–?) – немецкая писательница.

– *Мюллер (Muller) Адам Генрих* (1779–1829) – немецкий публицист и экономист.

Бенуа А.Н. О памятниках. Републикуется впервые. Подписана Александр Бенуа. Без каких-либо комментариев, кроме перевода иностранных фраз и выражений, размещена на сайте А.Н. Бенуа. См.: benua.su/art_pamyatniki-1

К стр. 119. «Еще в самом начале революции основатель “Русской Воли”, г-н Амфитеатров, разразился “пламенной” статьей против памятника Николаю I, названного им «идолом самодержавия». См.: *Амфитеатров Александр*. Идол самодержавия // *Русская Воля*. 1917. 22 марта. № 28. *Амфитеатров Александр Валентинович* (1862–1938) – прозаик, публицист, фельетонист, литературный и театральный критик, драматург, автор сатирических стихотворений. С 1916 – редактор газеты «Русская Воля».

– «В дни Великой Французской революции по милости их были низвергнуты и перелиты в пушки сотни шедевров. Среди них конная статуя Генриха IV на Pont-Neuf в Париже – шедевр Франкавиллы (от которого остались одни фрагменты в Лувре)». *Франкавилла (Francavilla) Пьер* (1548–1615) – скульптор, над конной статуей Генриха IV начал работать незадолго до смерти в 1614 по заказу Марии Медичи. Памятник был закончен его учеником и зятем Франческо Бордони и установлен на Понтонном мосту. Фрагменты памятника хранятся с 1817 в Лувре.

К стр. 120. «...конная статуя Людовика XV на Place de la Concorde – шедевр Бушердона (от которого остались лишь изображения)» – выполнена по заказу Парижа в 1748. Отлита в 1758. Установлена в 1763, через год после смерти скульптора. Стояла на площади Людовика XV (позже – площадь Согласия), уничтожена во время революции. *Бушердон (Bouchardon) Эдме* (1698–1762) – придворный скульптор Людовика XV.

– «...конная статуя Людовика XIV на Place Vendôme шедевр Жирардона (остались лишь модели)». *Жирардон (Girardon) Франсуа* (1628–1743) – самый значительный ваятель Франции последней трети XVII в. Среди лучших произведений скульптора – конная статуя короля Людовика XIV (1683), украшавшая Вандомскую площадь в Париже, и уничтоженная во время Великой Французской революции 1789–1799 (бронзовая модель в уменьшенном виде хранится в Лувре, в Париже).

– «Все также читали об актах вандализма Коммуны 1871 года. Среди них особенно при-
с-корбны свержение и продажа за границу Вандомской колонны и сожжение “притона тиранов” Тюильрийского (Tuileries) дворца». Вандомская колонна (фр. la colonne Vendôme) – парижская «колонна Побед», воздвигнута в 1806 по декрету Наполеона I на месте бронзовой статуи Людовика XIV работы Жирардона. Венчала Колонну статуя Наполеона, которая при Реставрации была расплавлена и заменена на статую Генриха IV (скульптор Лемот).

В период «ста дней» статую короля убрали. Во время правления короля Луи-Филиппа на колонне вновь установили скульптуру Наполеона (работы скульптора Сюрре). В дни Парижской Коммуны согласно декрету от 12 апреля 1871 Колонну полностью снесли. Работами по ее сносу руководил художник Г. Курбе, возглавлявший Художественную комиссию Правительства Коммуны. При Третьей республике по инициативе и за счет Курбе в 1875 колонна была восстановлена на том же месте. *Тюильрийский (Tuileries) дворец* – дворец французских королей в центре Парижа, составлявший единый дворцово-парковый комплекс с Лувром. Начиная с Людовика XVI – основная резиденция всех последующих французских монархов. Сожжен в дни Парижской коммуны и после этого не восстанавливался.

– «Вместо прекрасной статуи Генриха IV Париж все же обладает монументом этого монарха, но уже в виде очень посредственного изделия г-на Лемота, сооруженного при Людовике XVIII». Памятник французскому королю Генриху IV, автор – скульптор Лемот (Lemot) Франсуа-Фредерик (1772–1827) – установлен 25 августа 1818. *Людовик (Louis) XVIII* (1775–1824) – король Франции в 1814–1824.

– «Вместо прекрасного памятника Людовику XV (сообразно с которым и получила свою архитектурную обработку вся “Площадь Согласия”), высится памятник, не имеющий никакого к ней отношения и знаменующий тирана Фараона XIX египетской династии». Первоначально Площадь Согласия называлась Площадью имени Людовика XV, а во времена Великой Французской революции – Площадью Революции. Место статуи короля заняла гильотина. Здесь были казнены Людовик XVI и Мария-Антуанетта, затем – Дантон и Робеспьер. Свое современное название площадь получила в 1795. Луксорский обелиск в честь фараона Рамзеса II появился на площади в 1836 как подарок египетского правителя Мехмета Али.

– *Колонна Траяна* – возведена в 113 г. н. э. в честь побед императора Траяна над даками.

– *Колонна Марка Аврелия* – воздвигнута между 176 и 193 годами в память о победе над германцами в Маркоманской войне.

– *Джиованни – Джованни да Болонья (итал. – Giovanni da Bologna, 1529–1608)* – флорентийский скульптор.

– *Донателло (итал. Donatello, ок. 1386–1466)* – итальянский скульптор.

– *Верроккио – Верроккьо (итал. Verrocchio) Андреа (1435–1488)* – итальянский скульптор и живописец.

– *Шлютер (Schlüter) Андреас (1660–1714)* – немецкий скульптор, архитектор, градостроитель.

– «“Старый Фриц” *Рауха*» – речь идет о возведенном в 1851 в центре Берлина памятнике королю Фридриху Вильгельму II, скульптора *Рауха (Rauch) Христиана (1777–1857)*.

– *Иосиф (Joseph) II (1741–1790)* – германский император Священной Римской империи, реформатор, яркий представитель эпохи просвещенного абсолютизма.

– *Христиан IV – Кристиан (Christian) IV (1577–1648)* – король Дании и Норвегии, при котором датское государство достигло вершины своего могущества.

– *Собор Наумбурга* – Наумбургский собор (Naumburger Dom) святых апостолов Петра и Павла. Великолепный образец романской и готической архитектуры начала XII века. Западный хор собора – ярчайший образец синтеза архитектуры и скульптуры зрелой готики с шедеврами готической пластики, выразительными статуями донаторов и рельефами «Страсти Христовы» на ограде. Резные каменные рельефы изображают страницы Евангелия, а 12 учредителей собора увековечены в различных каменных скульптурах, среди них выделяется фигура маркграфини Утты Балленшtedской, которая по праву признана символом не только Наумбурга, но и земли Саксония-Анхальт.

– «...конное изваяние Конрада III на Бамбергском соборе» – одно из самых известных скульптурных произведений немецкого Средневековья (1235). По некоторым утверждениям, всадником является венгерский король Иштван I Святой, при котором в Венгрии было введено христианство. *Бамбергский кафедральный собор Святого Петра и Святого Георгия* (нем. – *Bamberger Dom St. Peter und St. Georg*) – семи имперских соборов Германии.

– «...важно, чтобы против “*Santo*” в Падуе, также как пять веков назад, шагал конь Гаттамелаты и заносился бы жезл оседлавшего его воина». Одной из самых значительных работ Донателло является воздвигнутая им в 1443–1453 в Падуе конная статуя кондотьера Эразмо де Нарни, прозванного итальянцами Гаттамелата («Хитрая кошка»). Колоссальная бронзовая статуя кондотьера на соборной площади в Падуе считается первым конным монументом Ренессанса и родоначальником всех конных статуй, воздвигнутых в европейских городах в последующие века.

– «Чтобы все так же гордо гарцевал Коллеоне, оглядывая сказочную площадь против церкви “*Zanipolo*”». Одна из самых больших площадей Венеции – *Кампо Санти-Джованни э Паоло* (итал. – *Campo dei Santi Giovanni e Paolo*) или Сан-Занипо ло. Она получила свое название благодаря собору апостолов Иоанна и Павла, находящемуся на ней. На северной части площади находится собор Санти-Джованни э Паоло (Сан-Зиполо на венецианском диалекте). В центре площади стоит конный памятник кондотьеру Бартоломео Коллеоне, спасшему Венецианскую республику от посягательства врагов. Автором памятника (1494) является Андреа Верроккьо.

К стр. 121. «И не менее для нас и для всего света важно, чтобы “*Медный Всадник*” вздымал своего коня над бездной». Медный Всадник – памятник Петру I, открытый в 1782 на Сенатской площади в СПб. Скульпторы: *Этьен Морис Фальконе* (Etienne Maurice Falconet) (1716–1791), *Мари-Анн Колло* (Marie-Anne Collot) (1748–1821). Змею вылепил по замыслу Фальконе Федор Гордеев.

– «...чтобы “*Николай Палкин*”, караколируя на манежной лошади, глядел из-под прусской каски на “свою” площадь с собором, имеющим тоже вид воина с золотым шоломом”. Шестиметровая конная статуя Николая I работы скульптора *Клодта Петра Карловича* (1805–1867) и архитектора Огюста Монферрана была установлена на Исаакиевской площади СПб в 1859. *Караколировать* (исп. – *caracol* – улитка) – гарцевать верхом.

– «...чтобы Екатерина II свешивала свой шлейф на беседу откормленных и ленивых сановников и искусных генералов». Памятник Екатерине II на Александрийской площади СПб, открыт в 1873, автор *Микешин, Михаил Осипович* (1836–1896) – академик живописи и скульптуры.

– «...чтобы Александр III встречал прибывающих из глубин России». Памятник Александру III по проекту кн. *Павла (Паоло) Петровича Трубецкого* (1866–1938) был установлен на Знаменской площади СПб у Николаевского (ныне Московского) вокзала. На лицевой стороне памятника была выбита надпись: «Державному основателю великого сибирского пути», т. е. Транссибирской магистрали, начинавшейся от Николаевского вокзала. Ныне памятник стоит у входа в Мраморный дворец, Миллионная улица, 51.

– «Следовало бы в первую голову убрать игрушечного Петра I в Летнем Саду». Речь идет о памятнике работы скульптора Н.Ф. Жиле.

– «...двух “Петров для начального образования” на Адмиралтейской набережной – эти печальные свидетельства вкуса Николая II». Автор имеет в виду установленные в 1900 и 1910 скульптурные композиции – «Петр I спасает утопающих в Лахте в 1724 г.» и «Петр I обучается в г. Саардоме в Голландии корабельному делу», выполненные по моделям Л.А. Бернштама и подаренные городу императором Николаем II.

– «...памятник Глинки у Консерватории». Памятник известному русскому композитору М.И. Глинке был установлен в Санкт-Петербурге на Театральной площади в 1906,

первоначально – перед консерваторией, а в 1925 его переместили в сквер справа от здания. Автор скульптуры – Р.Р. Бах, архитектор – А.Р. Бах.

– «...срамящий Пушкина памятник на Пушкинской улице» работы скульптора А.М. Опекушина и архитектора Н.Л. Бенуа был установлен в 1884 и раздражал автора статьи прежде всего надписями на пьедестале.

– «...потешный Пржевальский с его верблюдом и все убогие бюсты великих людей в Александровском саду». Памятник известному естествоиспытателю, путешественнику и исследователю Центральной Азии Н.М. Пржевальскому работы скульптора Ивана Шредера был открыт в 1892. Первоначально планировалось и открытие 14 бюстов великих деятелей русской культуры от Кирилла с Мефодием до Алексея Кольцова, но успели открыть всего четыре: В.А. Жуковскому. М.Ю. Лермонтову и Н.В. Гоголю (все работы скульптора В.П. Крейтана), а также М.И. Глинке (скульптор В.М. Пашенко).

– «Еще следовало бы убрать Суворова». Установлен по повелению императора Павла I в 1801, скульптор М.И. Козловский.

– «[памятник] Лермонтова». Речь идет о памятнике в Петербурге, установленном по инициативе начальника Николаевского кавалерийского училища генерала Де-Витта. Это училище было преобразовано из Школы гвардейских подпрапорщиков, которую в 1834 закончил поэт. Средства пожертвовали бывшие воспитанники училища, частные лица, правительственные учреждения. Решено было установить памятник перед главным фасадом училища на Ново-Петергофском проспекте. Открытие планировали в 1914, но помешала Первая мировая война. Установка памятника была делом чести для юнкеров, и в 1916 к 75-летию со дня смерти поэта состоялось торжественное открытие. В этом же году проспект был переименован в Лермонтовский.

– «...ужасный мавзолей на Кронверском». Речь идет о куполе мечети, построенной в 1913 на Кронверском проспекте рядом с Петропавловской крепостью, купол которой по замыслу художника-архитектора Н.В. Васильева и академика архитектуры А.И. фон Гогена повторял форму купола гробницы Гур-Эмира.

– «Какой победой хорошего вкуса был бы день, когда всю Siegesallee, эту ерундовую чепуху, для нас, художников, не оставляющую сомнения в коренной бездарности Вильгельма – свезли бы на городскую свалку камня!» Siegesallee – (нем.) Аллея Победы. Знаменитый в свое время бульвар в берлинском парке Тиргартен. Построен в 1895–1901 по приказу кайзера Германии Вильгельма (Wilhelm) II (1859–1941). Здесь были установлены 32 мраморных памятника всем маркграфам, курфюрстам Бранденбурга и королям Пруссии, правившим с 1157 по 1888, а также личностям, прославившимся во время их правления. В начале 1900-х на алее появились новые скульптуры, в том числе и самого Вильгельма, времен, предшествовавших его кайзерству. Помпезность и эклектичность аллеи раздражали многих. Берлинцы прозвали ее «Кукольной аллеей».

– Каменский Федор Федорович (1836–1913) – русский скульптор. Стремился внести в академическую скульптуру реалистические жанровые черты («Первый шаг», 1872).

К стр. 122. «Растреллиевский Петр на фоне фронтона Михайловского замка». Растрелли (Rastrelli) Бартоломео Карло (1675–1744) – итальянский скульптор. В 1698–1699 жил и работал в Риме, в 1700–1715 – в Париже. В 1716 приехал в Санкт-Петербург. Конная статуя Петра I была отлита после смерти скульптора, в 1800 установлена перед Михайловским (Инженерным) замком в Санкт-Петербурге.

– *ancien régime* – (фр.) – букв. старый режим.

– *Луи Каторза* – ироническое прозвище Людовика XIV.

– *Vita brevis, ars longa* – (лат.) – Жизнь коротка, искусство вечно.

– *à toutes les gloires de la France* – (фр.) – во славу Франции.

К стр. 125. *Союз деятелей искусства* – общественное объединение, образовано в марте 1917 по инициативе Общества архитекторов-художников, объединял около 200 художественных учреждений, обществ и групп. См.: *Евсеев М.Ю.* Из истории художественной жизни Петрограда в 1917 – начале 1918 гг. // Проблемы искусствознания и художественной критики. Л., 1982; *Лапшин В.П.* Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 году. М., 1983; *Манин В.С.* Искусство в резервации. Художественная жизнь России 1917–1941 гг. М., 1999; *Крусанов Андрей.* Русский авангард: 1907–1932 (Исторический обзор). В 3 томах. Том II. Футуристическая революция (1917–1921). Книга 1. М., 2003.

Смирнов Е. (Пуревич Э.Л.) Анархия или государственное строительство? Републикуется впервые. Подписана Е. Смирнов. Статья писалась в разгар третьей июльских событий и представляет собой первую попытку разобраться в основных причинах нарастающего в стране политического кризиса, внешним поводом которого была объявлена отставка министров-кадетов А.И. Шингарева, Д.И. Шаховского и А.А. Мануйлова.

К стр. 125. «...представители кадетов во Временном правительстве подали в отставку на том-де основании, что они недовольны оборотом, какой приняли переговоры правительства с Украинской Радой». Решение о выходе из состава Временного правительства было принято на заседании ЦК Конституционно-демократической партии 1 июня в знак протеста против фактической легитимизации членами правительственной делегации на переговорах с представителями Центральной рады автономии Украины.

– *Маклаков Василий Алексеевич* (1870–1957) – выдающийся русский юрист, адвокат, дипломат, один из основателей Конституционно-демократической партии, с 1906 – член ЦК партии и лидер ее правого крыла. Член Государственных дум второго, третьего и четвертого созывов.

– *Московские городские выборы* прошли в июне по семи партийным спискам. Наиболее число голосов получили социалисты-революционеры – 60 %. Из 200 гласных 117 были эсерами, 33 – кадетами, 24 – социал-демократами меньшевиками, 23 – большевиками, 3 – народными социалистами.

К стр. 127. «...хочется верить, что если вожаки кадетской партии будут упорствовать в той политике бойкота и анархии, к которой они в последнее время склоняются, – то те демократические элементы, та демократическая интеллигенция, которая остается еще в рядах партии, возмутится, наконец, и либо заставит руководящие органы партии изменить свою политику, либо присоединится к революционной демократии, чтобы совместной борьбой спасти родину и свободу». Речь идет о том, что решение об отзыве своих представителей из правительства кадеты приняли под явным давлением П.Н. Милюкова и Н.М. Кишкина. И это ни для кого не было секретом. К тому же примкнувший было к отставникам Н.В. Некрасов, в тот же день отозвал свое заявление, а на частном заседании членов правительства на квартире М.И. Терещенко сообщил, что собирается уходить из кадетской партии с группой своих единомышленников. Совместно с партией прогрессистов, возглавляемой И.Н. Ефремовым, он предполагал образовать ядро новой радикально-демократической партии, вокруг которой могли бы сплотиться те демократические, но не социалистические течения, что выражали готовность сотрудничать с большинством советской демократии. И именно в этот момент начали поступать сообщения об уличных манифестациях рабочих и солдат в Петрограде под антикоалиционными лозунгами. И это сразу переключило внимание от правительственного кризиса к разрастающемуся в столице массовому антиправительственному выступлению, которое в течение двух дней не только изменило суть кризиса, но и судьбу самой революции.

Рысс П.Я. Запоздалая истина. Републикуется впервые. Подписана Петр Рысс.

К стр. 127. *«Я очень далек от полемики не только с „Делом Народа“, из марксизма усвоившим лишь худшие его стороны. И потому зубоскальство всяких Лункевичей оставляю в стороне, тем паче что зубоскальство это лишено даже остроумия».* См.: Лункевич В. На злобу дня // Дело Народа. 1917. 4 июля. № 91. Лункевич Валериан Викторович (1869–1941) – биолог, популяризатор и историк естествознания, выпускник Харьковского университета (1888). Участник народовольческого движения в России с 1880-х. Член Партии социалистов-революционеров. На съездах партии в 1917 (III – 25 мая – 4 июня и IV – 26 ноября – 5 декабря) избирался членом ЦК, входил в состав редакционного совета «Дело Народа». После 1919 от политической деятельности отошел. Последние годы преподавал в МГПИ им. В.И. Ленина (ныне МПГУ).

К стр. 128. *«...для ответа „Дню“, объявившему мне анафему».* См.: Канторович В. «Пораженцы» революции // День. 1917. 1 июля. № 98 (1659).

«...на страницах „Дня“ (1 апреля) я писал, что «ни солдаты, ни рабочие не могут... присваивать решения всех вопросов жизни». См.: Рысс Петр. Чудо // День. 1917. 1 апреля. № 24 (1595).

– *«Разве в памятные апрельские дни Скобелев, Чернов не возглашали большевистских лозунгов? Разве не Скобелев и Чернов вели яростную пропаганду против „империализма буржуазии“, аргументируя не от логики, а от социальных инстинктов».* Речь идет об апрельском политическом кризисе, поводом к которому послужила Нота союзникам, составленная П.Н. Милюковым. Наряду с протестной демонстрацией 20 и 21 апреля, приведшей к вооруженным столкновениям и жертвам, политические конкуренты Милюкова, в том числе Скобелев и Чернов, выступали с резкой критикой Ноты Милюкова. По своей тональности эта критика мало чем отличалась от критики со стороны большевиков-ленинцев.

К стр.129. *«Свержение П.Н. Милюкова и вступление в правительство министров-социалистов, как они и сами могли предвидеть, положило начало краху авторитета Совета рабочих и солдатских депутатов».* В результате тайных интриг в самом кабинете министров России, поддержанных английским послом Д.У. Бьюкененом, были предприняты попытки перемещения Милюкова на должность министра просвещения и даже создания коалиционного правительства с социалистами. Категорически возражая и против первого, и против второго, Милюков сам 2 мая подал в отставку. После ряда весьма напряженных консультаций было составлено правительство с участием представителей советских социалистических партий. Социалисты-революционеры А.Ф. Керенский и В.М. Чернов стали министрами военно-морским и земледелия, лидер партии народных социалистов А.В. Пешехонов – министром продовольствия, трудовик П.Н. Переверзев – министром юстиции, меньшевики М.И. Скобелев и И.Г. Церетели – министрами труда и почт и телеграфов.

5 мая Петроградский Совет одобрил новый состав правительства, взяв на себя ответственность за его деятельность. Поскольку новое правительство продолжало политику прежнего, а советское большинство его поддерживало, постольку авторитет Совета снижался.

– *«Каков же вывод? Он тот, о котором я писал на страницах „Речи“ в мае. Революция, которая начинается направляется эгоизмом одного класса, обречена на гибель».* См.: Рысс Петр. Для памяти // Речь. 1917. 19 мая (1 июня). № 116 (3853); его же. Не так ли? // Там же. 31 мая (13 июня). № 125 (3867).

– *«...лишь вчера Совет уяснил себе эту истину. Соединенное заседание Центрального Комитета Советов солдатских, рабочих и крестьянских депутатов выработало воззвание, в котором есть существенная мысль: „Недостойно вооруженными демонстрациями пытаться волю отдельных частей гарнизона одного города навязать всей России“.* В против-

ном случае “всаживают нож в спину”, делаются “предателями” и пр.». Рысс в данном случае ошибается. Он цитирует не резолюцию Объединенного заседания ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов и Исполнительного Комитета Всероссийского Совета крестьянских депутатов от 4 июля, а воззвание ОК РСДРП «Об июльском восстании». Они были опубликованы в газетах одновременно. См. подробнее: В Таврическом дворце. Ночное заседание объединенных Исполнительных комитетов // Дело Народа. 1917. 5 июля. № 92; Рабочая Газета. 1917. 5 июля. № 98; Меньшевики в 1917 году. Т. 2. От июльских событий до корниловского мятежа. М., 1995. С. 94–96, 97–106.

Нольде Б.Э. Договор с Радой. Републикуется впервые. Подписана: Проф[ессор] бар[он] Б.Э. Нольде. Он входил в созданные Временным правительством комиссии по переговорам с Украинской Центральной Радой.

К стр. 130. *«Как ни в чем не бывало правительство, возглавляемое энергическим кн. Г.Е. Львовым, исправило ошибку царя Алексея Михайловича и Петра Великого: наспех, между двумя поездами, три русских министра и проф. Грушевский договорились об образовании украинского государства».* 29–30 июня в Киеве состоялись переговоры между делегацией Временного правительства (министры Некрасов, Терещенко, Церетели и примкнувший к ним военный министр Керенский) с представителями Центральной Рады (Грушевский, Винниченко, Ефремов). Министерский десант был уполномочен сообщить, что против автономии правительство возражать не будет. Со своей стороны, представители Рады должны были воздержаться от одностороннего провозглашения украинской автономии и оставить окончательное решение за Всероссийским Учредительным собранием. Иронический пассаж Нольде о скоропалительном исправлении т. н. ошибок Алексея Михайловича и Петра I – чисто литературный прием. Он призван напомнить о Земском соборе октября 1653 и Переяславской Раде января 1654, которые оформили переход Войска Запорожского на службу Алексею Михайловичу, и о решении 1707 в Жолтке, включавшем большую часть Гетмановщины в состав России. *Алексей Михайлович* (1629–1676) – русский царь (1645–1676), второй царь из династии Романовых. *Петр I* (1672–1725) – русский царь (с 1682), Император Всероссийский (с 1721). Младший сын царя Алексея Михайловича от второго брака с Н.К. Нарышкиной. *Грушевский Михаил Сергеевич* (1866–1934) – ученый-филолог. Сын учителя гимназии. Окончил в 1891 историко-филологический факультет Киевского университета им. Св. Владимира. С 1894 преподавал в Львовском университете. В 1899 организовал Галицко-украинскую национал-демократическую партию. Был близок к социал-демократам, затем – эсер, федералист. С началом Первой мировой войны переехал в Киев, был арестован и выслан в 1915 в Симбирск, затем получил разрешение жить в Казани, с 1916 – в Москве. В 1917 председатель Центральной Рады (июнь 1917 – апрель 1918), сторонник национально-территориальной автономии Украины в составе России. С 1919 находился в эмиграции. В 1924 вернулся в СССР. Академик АН СССР (с 1929). В 1931 был арестован по т. н. делу «Украинского национального центра», но был освобожден. Умер во время хирургической операции. Близкие родственники репрессированы.

– *«Договор, заключенный тремя министрами и оформленный в “декларации” Временного правительства от 2 июля и “Универсале” Рады от 3 июля, не только навязал Раду Украине, но и Украину России».* Признанием Генерального секретариата высшим распорядительным органом Украины, обнародованная 2 июля правительственная декларация, фактически легитимизировала провозглашение украинской автономии. В обмен Временное правительство получило заверения Второго Универсала Рады, опубликованного на украинском, русском, еврейском и польском языках, в том, что сторонники Рады «...всегда стояли за то, чтобы не отделять Украину от России». Генеральный секретариат объявлялся «органом Временного правительства», состав которого им и утверждается. Была признана необходимость пополнения Рады за счет представителей других национальностей, проживающих на территории Украины. По военному вопросу принималась возможность прикомандирова-

ния представителей Украины к кабинету военного министра и Генштабу. Формирование украинских войск должно было происходить под контролем Временного правительства.

Вольский С. (Соколов А.В.) Два универсала. Републикуется впервые. Подписана: Стан. Вольский.

К стр. 134. *«...Центральная Рада приступила, наконец, к практической работе и в процессе ее убедились, что автономия и отложение – вещи совершенно различные. И в результате этого нового настроения мы имеем перед собой программу, с которой не может не согласиться никакой последовательный демократ».* Это одна из распространенных среди социал-демократов-интернационалистов оценок Второго Универсала, основанная на некотором преувеличении общности трактовок основных положений достигнутого на переговорах делегации Временного правительства и Центральной Рады компромисса. В тех уступках представителей Рады, что автору казались новым настроением и даже новой программой, которые, по его мнению, базируются на том, что «автономия» и «отложение»-отделение (самостийность) – понятия разные, авторы Второго Универсала видели лишь обещание не совершать новых самостоятельных шагов в осуществлении провозглашенного ими ранее политического курса до решения кардинальных проблем государственной жизни России Учредительным собранием.

– *«...на полтавских городских выборах украинская партия из 68 мест подучила всего 8, в то время как социалистам досталось 39. К этому присоединяются еще и некоторые практические уроки, показывающие неразрывную экономическую связь Украины с остальной Россией: Центральная Рада, например, должна была телеграфно предложить украинцам-переселенцам, устроившимся в России, не слишком спешить с возвращением на родину».* Столь же завышены как оценки результатов полтавских городских выборов, где сторонники «украинской партии» получили незначительное число депутатских мест, так и уровни экономических связей России с украинскими регионами.

– *«...„Правде“, чтобы не остаться в хвосте этого нового движения, придется изобре-сти для Украины какой-либо новый лозунг. Мы позволяем себе надеяться, что после неудачных попыток творить петроградскую историю по Щедрину и киевскую по Гоголю, „Правда“ вспомнит, наконец, кое-что и из Маркса».* Адресатом данного выпада явно является В.И. Ленин, опубликовавший в это время в «Правде» несколько статей против «кадетского антидемократизма в отношении к Украине и Финляндии». См.: Ленин В.И. Не демократично, гражданин Керенский! // Полн. собр. соч. Т. 32. С. 253–254 (Правда. 1917. 15 июня (2 июня ст. ст.). № 71): *его же.* Україна (см. с. 100–101 данного сборника); *его же.* Украина и поражение правящих партий России // Там же. С. 350–352 (Правда. 1917. 30 июня (17 июня ст. ст.). № 84) и др. Салтыков (лит. псевд. – Щедрин) Михаил Евграфович (1828–1889) – русский писатель-сатирик, публицист, литературный критик. Гоголь (урожд. Яновский, с 1821 – Гоголь-Яновский) Николай Васильевич (1809–1852) – классик русской литературы. Литературную известность принесли писателю сборники «Вечера на хуторе близ Диканьки» (1831–1832), «Арабески» и «Миргород» (1835), содержавшие сатирические повести и рассказы из украинской жизни.

Парфаньяк П.А. К украинскому вопросу. Републикуется впервые. Подписана: П. Парфаньяк. Одна из первых публицистических работ молодого украинского экономиста из Галичины, привлекавшая внимание широкого круга читателей и горячо обсуждавшаяся в прессе (см. далее в данном сборнике статью видного российского медиевиста И.М. Гревса «Русским-украинцам»).

К стр. 134. *«Среди шума политической борьбы, в процессе созидания новых устоев государственной жизни, особое внимание обращает на себя решение Временного правительства*

в ответ на требования Украинской Рады. Это первый случай, когда русской демократии пришлось вплотную столкнуться с украинством не только как с определенным культурно-национальным движением, а как с ярко выраженным политическим и притом явно сепаратистическим течением». Речь идет об итогах уже упоминавшихся киевских (29–30 июня) переговоров представителей Временного правительства и Украинской Рады. Однако автор подходит к поднятому им вопросу о «создании новых устоев государственной жизни» более широко, связывая его с т. н. «украинством», которое, по его определению, выходит за рамки «определенного культурно-национального движения» и имеет «ярко выраженный политический» и «сепаратистический» характер.

К стр. 135. «...Первый Украинский съезд делегатов с фронта» – открылся 18 мая в Киеве. Он был создан для определения и координации основных направлений собственного военного строительства на Украине и подтверждения постановлений Национального Конгресса, который проходил месяцем ранее. В частности, участники съезда поддерживали требование национально-территориальной автономии Украины и назначения при Временном правительстве министра по делам Украины, а также создание особого краевого правительственного органа. Были одобрены меры по украинизации армии и военного образования, созданы – Государственный военный комиссариат во главе с Симоном Петлюрой и первая украинская воинская часть – полк им. Богдана Хмельницкого.

К стр. 136. «...Второй Всеукраинский военный съезд» – работал 5–10 июня и собрал, несмотря на запрет военного министра, депутатов без малого в два с половиной раза больше, чем Первый. 10 июня на съезде был обнародован и принят Первый Универсал, провозгласивший автономию Украины в составе России. Было решено, в возможно короткие сроки, разработать детальный план украинизации армии и принять меры к его осуществлению.

– «Существует удивительная аналогия между нашими социальными фанатиками – большевиками и не менее фанатичными большевиками национализма – украинцами». Сходство уловлено точно, а четкости в ее формулировке лишь можно позавидовать. В постсоветской историографии первым на распространенность этой аналогии в общественном сознании 1917 года указал известный историк В.П. Булдаков, подчеркнув, что тогда «“большевизация” и “украинизация” затверделись как однопорядковые явления». См.: Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 336.

Брюллова-Шаскольская Н.В. * «Демократия Украины сама выработает законы своей страны и вынесет их на согласование [...] в Учредительное собрание». Републикуется впервые.

К стр. 140. «Первый Универсал Украинской Рады, опубликованный 11 июня, вызвал крайне отрицательное к себе отношение». Справедливости ради, именно здесь стоит заметить, что, наряду с отрицательным отношением значительной части российских политиков и большинства обывателей, провозглашение явочным порядком автономного статуса Украины среди самих украинцев вызвало шквал восторга и одобрений. В работах украинских историков постсоветского периода документы подобного рода введены в научный оборот впервые. В качестве примера достаточно назвать работы нашего коллеги Валерия Федоровича Солдатенко – профессора, доктора исторических наук, члена корреспондента Национальной академии наук, лауреата международной премии им. В. Винниченко, который оказал нам неоценимую помощь в подборе и комментировании материалов нашего издания по украинской тематике. См.: Солдатенко В.Ф. Українська революція як суспільний феномен: пошук методологічних засад дослідження // Центральна Рада і український державотворчий процес. Матеріали наукової конференції. Ч. 1. Київ, 1997; Україна в революційну добу: Історичне есе-хроніки: у 4 т. Том 1: Рік 1917. Харків, 2008; Революційна

доба в Україні (1917–1920 роки): логіка пізнання, історичні епізоди, ключові постаті. 2-ге вид., доп. і перероб. Київ, 2012; Україна: 1917 рік. Київ, 2012.

К стр. 141. «...проф. Нольде (*“Речь”*, 7 июля)... иронизирует по поводу *“исправления ошибки царей Алексея Михайловича и Петра Великого”*». См. стр. 130 настоящего издания.

– «В *“Новой Жизни”* 7 июля Стан. Вольский подчеркивает, что *“между двумя универсалами лежит целая пропасть”*». См. стр. 132 настоящего издания.

– *«Пишущей эти строки пришлось уже на столбцах “Дела Народа” отстаивать ту точку зрения, что и Первый Универсал не заключал в себе ничего “страшного” и был совсем неправильно оценен»*. См.: Брюллова-Шаскольская Н. Юридическое совещание и Украинская Рада // Дело Народа. 1917. 21 июня. № 80.

К стр. 142. «...по всем правилам *четырёхвостки*» – имеется в виду всеобщее, равное, прямое, тайное избирательное право.

– «...например, Кан, Канада, Австралия, Эльзас-Лотарингия, обладают широчайшей административной и законодательной автономией; но автономия эта *“октроирована”*. Кан (фр. Саен) – город и порт в Нижней Нормандии на севере Франции, столица герцогства Нормандского, образовавшегося в 912 году по договору между предводителем скандинавских викингов Роллоном и тогдашним королем Франции Карлом Простоватым. *Октроирована (от фр. octroyer)* – даровать (конституция, «пожалованная» монархом).

– *«Иначе обстоит дело в таких государствах, где целое создано путем добровольного соединения частей, путем их федерирования, как Северо-Американские Штаты, Швейцария, Германия»*. Федерация – (лат. – *foederatio* – союз, объединение) – союзное государство, состоящее из государственных объединений (республик, штатов и т. д.), обладающих определенной юридической и политической самостоятельностью.

Гревс И.М. Русским-украинцам. Републикується вперше. Підписана: Ів. Гревс. Одна із рідких публіцистических статей відомого російського історика-медієвіста. Згідно авторської датовки в кінці журнальної публікації, вона була написана в першій половині липня і відображає його реакцію на розрастання, по його характеристиці, «самостійних» течій ...на Україні». Своєю лексикою, звичкою до аналізу, неспешністю розсуджень і разом з тим емоційною страстністю і звичкою до рідким у публіцистів підстрочним примечанням, його стаття, яку він іменує «честним убеждением к сынам Украины, моим братьям», нагадує конспект професорської лекції в дамській аудиторії. Воно і зрозуміло, занадто багато років Гревс преподавал на Вищих жіночих (Бестужевських) курсах. Але, якщо відвернутися від цього, то не можна не помітити ту щиру любов, яку він питає «к братської Україні», і біль за то загальне минуле, що приноситься в жертву заради торжества радикального націоналізму. «Українці і Великоросси, – нагадує він, – однаково страстотерпці монархії і бюрократії. На Україні тільки угнетення виражалося ще в лишній мрачній формі переслідувань мови. Але разве можна в цьому підозрювати сообщничество русских людей? Скільки раз голос російських прогресивних діячів піднімався за українську літературу. І українці, і великоросси однаково боролися, гибли і піднімалися. В загальне русло слилися їх пот і кров; нераздельно сплотила їх загальна ненависть до того, що нині пало. Неужто ж не выросла загальна любов?»

К стр. 143. «...сепаратисты – люди “австрийской ориентации”». Речь об украинских политиках (астрофилах), считавших подавстрийскую Украину, в первую очередь – Галицию, центром ирредентистского движения, этаким «украинским Пьемонтом» (от итальянского – *irredenta terra* – неосвобожденная земля), созвучным националистическому движению в Италии в конце XIX – начале XX в. за присоединение к Италии пограничных земель, частично населенных итальянцами. По их мнению, и Галиция, как Пьемонт, должна была стать инициатором вовлечения в борьбу за воссоединения в одно соборное государство и надднепрянские (российские) земли с многонациональным и преимущественно далеко не украинским населением.

– «...уродливые единицы из украинской интеллигенции, которые зловеще ждали освобождения их страны от победоносного оружия Вильгельма» – это та незначительная часть украинского политикума, которая с начала Первой мировой войны считала благом для решения вопросов украинской государственной самостоятельности победу Германии с последующим распадом России.

К стр. 144. «Помещенная в “Русской Свободе” (№ 9) статья “К украинскому вопросу”». Смотри статью П.А. Парфаныка в данном издании стр. 134. Гревс ошибся, статья Парфаныка была опубликована в двукратном номере «Русской Свободы» № 10–11.

К стр. 145. «...в 1871 году раздавшие Францию “огнем и железом” немцы готовились отторгнуть от нее Эльзас и Лотарингию». Речь идет о Франко-Прусской войне 1870–1871, в результате которой Франция потеряла Эльзас и Лотарингию, а также обязалась выплатить контрибуцию в размере 5 млрд франков.

– *Фюстель де Куланж (Fustel de Coulanges) Нюма-Дени (1830–1889)* – французский историк.

К стр. 148. См. авторское примеч. 3: «...“Рада” приглашает в Киев собраться представителей всех желающих автономии народностей России. Правда ли, что она стремится организовать все сепаратизмы? (Съезд этот уже состоялся и, конечно, не предвещает ничего хорошего. – Ред.)». Речь идет о Съезде народов России, который работал в Киеве 8–15 сентября. См. статью А.Ф. Саликовского на стр. 352 данного сборника.

К стр. 149. «Россия никогда не откажется от малорусских песен и дум, от Слова о полку Игореве, от Шевченко, от Сковороды, от Антоновича и других носителей украинской мысли». Что касается малороссийских песен и дум, то тут в первую очередь надо вспомнить И.И. Срезневского, М.А. Максимова и П.А. Лукашевича, так много сделавших для их сбора и изучения. Это и «Запорожская старина» (Харьков, 1833–1838) Срезневского, и малороссийские песни, собранные и изданные Максимовым в 1827, и, наконец, изданный Лукашевичем сб. Малороссийскія и червонорусскія народныя думы и пѣсни. СПб., 1836. «Слово о полку Игореве» – полное название «Слова о походе Игоревом, Игоря, сына Святослава, внука Олегова» – известный литературный памятник XII века. *Шевченко Тарас Григорьевич (1814–1861)* – поэт, прозаик, художник, литературное наследие которого, с одной стороны, во многом сформировало современный литературный украинский язык, а с другой – является неотъемлемой частью литературы русской, ибо значительное число прозаических произведений (повести, дневник, многие письма) написаны на русском языке. *Сковорода Григорий Савич (1722–1794)* – поэт, баснописец, философ, педагог. *Антонович Владимир Бонифатьевич (1834–1908)* – историк, археолог, этнограф, историкограф, член-корреспондент СПб Академии наук (1901).

К стр. 150. «Я счастлив, что, обращаясь так [...] могу идти по стопам благородного украинца М.П. Драгоманова». *Драгоманов (Драгоманів) Михаил (Михайло) Петрович (1841–1895)* – украинский ученый, критик, публицист, историк, фольклорист, общественный деятель, либерал социалистического толка. Возглавлял левое крыло украинской «Громады» – общественной организации просветительно-культурнического толка. Испытал преследования царского правительства, был изгнан из Украины, эмигрировал в Болгарию, где и умер. Отстаивал идею культурно-национальной автономии Украины.

Имел большое влияние на галицийскую молодежь, что привело к основанию Украинской радикальной партии Галиции. Автор множества исторических трудов по всемирной и отечественной истории, исследований в области фольклора и литературы.

– См. авторское примеч. 1: *«См. полемику между г. Муретовым и кн. Е.Н. Трубецким на страницах “Русской Мысли”, в которой приняли участие П.Б. Струве и Н.А. Бердяев»*. Муретов Дмитрий Дмитриевич (около 1880–1918) – выпускник историко-филологического факультета СПб университета, преподаватель истории Петровской женской гимназии, совмещал преподавание с научной работой. Публицист, сотрудник «Русской Мысли». Автор статей о национализме и народности, любви и морали, эросе и политике, затрагивая в связи с этим и украинскую проблему. Застрелен неизвестными весной 1918 в собственном имении. Князь Трубецкой Евгений Николаевич (1869–1920) – философ, правовед, публицист, общественный деятель. В 1906–1911 – профессор энциклопедии и истории философии права в Московском университете. Один из основателей и руководителей партии конституционных демократов, от которой баллотировался в I Государственную думу. В период своего депутатства в I Госдуме принял участие в формировании партии мирного обновления. Соучредитель Московского религиозного общества памяти Владимира Соловьева. В 1907–1908 – член Государственного Совета от Академии наук. В 1917–1918 принимал участие в работах Поместного Собора РПЦ, товарищ председателя от мирян. Приход к власти большевиков оценил как наступление «звериного царства». В правительстве А.И. Деникина занимал должность начальника Управления по делам исповеданий. Умер в Новороссийске от тифа. О полемике между ними см.: Муретов Дмитрий. Борьба за эрос. Письмо П.Б. Струве по поводу письма к нему кн. Е.Н. Трубецкого // Русская Мысль. 1916. Книга IV. С. 88–95; Кн. Евгений Трубецкой. Развенчание национализма. Открытое письмо П.Б. Струве // Там же. С. 79–87; его же. Новое язычество и его «огненные слова». Ответ Д.Д. Муретову // Там же. Книга VI. С. 89–94; Струве Петр. По поводу спора кн. Е.Н. Трубецкого с Д.Д. Муретовым // Там же. С. 95–97; Бердяев Николай. К спору между кн. Е.Н. Трубецким и Д.Д. Муретовым // Там же. Книга VIII. С. 44–48.

– В том же авторском примеч. 1: *«...разделяю замечания проф. И.А. Покровского («Юридический Вестник». 1916 г.)»*. См.: Покровский И. «Эрос» и «этос» в политике. По поводу одной полемики // Юридический Вестник. 1916. Книга XV (III). С. 5–16. Этос – (греч. ἦθος – ethos) – обычай, нрав, характер; термин античной философии, обозначающий характер какого-либо лица или явления. Покровский Иосиф Алексеевич (1868–1920) – российский правовед, профессор, доктор римского права. Окончил юридический факультет Киевского университета им. Св. Владимира, стажировался в Вене и Берлине. В 1910–1912 – декан юридического факультета СПб университета, затем преподавал в Московском коммерческом университете Шанявского, а последние годы жизни – профессор Московского университета. В 1918 написал статью «Перуново заклятье» для сборника «Из глубины».

К стр. 151. См. авторское примеч. 1: *«Текст этой пьесы я нашел в истории украинской литературы О. Огоновского»*. Речь идет об «Исторіи літератури руської» в 4 частях (6 т., Львов, 1887–1894) профессора Львовского университета О. Огоновского. Огоновский Омельян Михайлович (1833–1894) – историк украинской литературы, перевел и издал на украинском языке «Слово о полку Игореве» (Львов, 1876) со своими комментариями, в том числе и по поводу предполагаемого автора этого литературного памятника.

– В том же авторском примеч. 1: *«Лига русской культуры»* – одно из культурно-общественных начинаний П.Б. Струве, о котором он заявил в № 3 журнала «Русская Свобода» за 1917 год. Лига формировалась, по его словам, как «особое внепартийное объединение, преследующее “национально-культурные цели”, призванное удержать общество от сползания в революционную анархию». См.: Струве Петр. Лига русской культуры // Русская Свобода. 1917. № 3. С. 5.

Кикодзе Г.Д. Политический момент. Доклад на Учредительной конференции Национально-демократической партии Грузии 4 июля. На русском языке публикуется впервые. Перевод И.П. Якобашвили. Учредительная конференция НДПГ работала в Тифлисе 4–6 июля 1917. Членами Главного комитета партии были избраны: Асатиани А., Вачнадзе Д., Вешапели Г., Габашивили Р., Гвазава Г., Гордезиани Г., Журули Г., Ингило Р., Кедия С., Мачавариани И., Сонгулашвили И., Татишвили Ш., Шанишашвили С., Карумидзе Ш., Кикодзе Г. Председателем Главного комитета НДПГ стал Кедия С., товарищами председателя – Гвазава Г., Мачавариани И., Вешапели Г., секретарем – Татишвили Ш., казначеем – Сонгулашвили И., редактором партийного органа, газеты «Сакартвело» – снова избран Вешапели Г.

К стр. 153. *«...Карл Маркс еще в 1878 году утверждал, что судьба национальных революций прочно связана с судьбой грядущих социальных преобразований. И "ни венгр, ни поляк, ни итальянец не освободится до тех пор, пока рабочий остается рабом"».* Цитата из итогового вывода первой части работы К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1950 г.» (1850): «Наконец, июньское поражение открыло деспотическим державам Европы ту тайну, что Франции необходимо во что бы то ни стало сохранять мир с соседями, чтобы быть в состоянии вести гражданскую войну у себя дома. Это отдало во власть России, Австрии и Пруссии народы, начавшие борьбу за свою национальную независимость, но в то же время судьба этих национальных революций была поставлена в зависимость от судьбы пролетарской революции, исчезла их кажущаяся самостоятельность и независимость от великого социального переворота. Ни венгр, ни поляк, ни итальянец не будут свободны, пока рабочий остается рабом!». См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения Т. 7. С. 49.

– *«После произношения этих слов освободилась и Венгрия, и Италия».* Автор, пытаясь напрямую увязать процитированные им слова Маркса о судьбах национальных и социальных свобод, имел в виду возникновение в 1880 Всеобщей рабочей партии в Венгрии и проведение первых парламентских выборов в начале мая 1906, а также создание Итальянской социалистической партии – ИСП (1892) и отмену в 1895 г. н. «исключительных законов» 1894, объявлявших распущенными ИСП и профсоюзные организации, и уничтожавших добытые ранее политические свободы.

К стр. 154. *Черкёсия (Черкёссия, Черкásия, адыг. Адыгэ Хэку)* – территория исторического проживания адыгов, равно как и других народностей на Юге России. Перестала существовать в качестве самостоятельного объединения в результате поражения в русско-черкесской войне, которая длилась по разным оценкам с 1763 по 1864.

К стр. 155. *«Лазистан, Испир и Тортум».* Лазистан – область на северо-востоке современной Турции, в пределах северных склонов Восточно-Понтийских гор, обращенных к Черному морю. В Средние века являлся частью Грузии вплоть до турецкого завоевания 1578. В 1878 восточный Лазистан (включая город Батум) вошел в состав Российской империи. Испир (тур. *İspir*) и Тортум – города и районы в провинции Эрзрум (Турция).

Кускова Е.Д. Три линии. Републикуется впервые.

Троцкий Л.Д. Дни испытаний. Включалась в собрание сочинений. См: Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. III. Ч. I. С. 163–165.

К стр. 158. *«...большевистская партия, а вместе с нею и наша организация, решила: не отходить в сторону, не умывать рук, а сделать все, чтоб ввести движение 4 июля в русло мирной массовой демонстрации».* Речь идет о волнениях в Петрограде, которые начались 3 июля под влиянием анархистов. Распропагандированные ими полки и кронштадтские

матросы оказывали на петроградских большевиков и межрайонцев давление, требуя открытого выступления за передачу власти в руки Советов. Попытки большевистских агитаторов на митингах предотвратить вооруженную демонстрацию под лозунгом «Долой Временное правительство!» оказались тщетными. Вечером 3 июля на совместном совещании ЦК, ПК РСДРП и Межрайонного комитета было принято решение возглавить начавшееся движение под лозунгом «Вся власть Советам!», но придать ему характер мирной демонстрации.

– «...мы, как рабочая партия, не могли и не хотели проводить политику Пилата». Пилат Понтий или Понтийский (лат. Pontius Pilatus) – шестой римский прокуратор в Иудее (26–36 гг. н. э.). По его приговору был распят Иисус Христос. Приписываемые ему «Деяния Пилата» апокрифичны.

Горький М. * «Драма 4 июля»: Несвоевременные мысли. Впервые опубликована в сб.: *Горький М. Несвоевременные мысли и рассуждения о революции и культуре (1917–1918 гг.).* С. 67–69. Заголовок дан составителями из текста статьи.

К стр. 160. «...ресторан Палкина» – в конце XIX – начале XX в. – один из известнейших и старейших ресторанов Санкт-Петербурга, принадлежащий коммерческому советнику К.П. Палкину, представителю знаменитой династии петербургских рестораторов. См.: www.palkin.ru/history

– *Знаменская площадь* – с 1918 – площадь Восстания, одна из центральных площадей Санкт-Петербурга, расположена на пересечении Невского и Лиговского проспектов.

– *Владимирский проспект Санкт-Петербурга* – учрежден в 1739 г. См.: www.peterburg.biz

К стр. 161. «Я думаю, что иностранная провокация событий 4 июля – дело возможное, но я должен сказать, что и злая радость, обнаруженная некоторыми людьми после событий 4-го – тоже крайне подозрительна». К утру 5 июля с подачи контрразведки был пущен слух о шпионаже лидеров большевиков, прежде всего В.И. Ленина и Г.Е. Зиновьева, в пользу Германии. В связи с этим и беспорядки в Петрограде связывались с интересами наступавшей в это время германской армии. Это послужило отправной точкой массовой пропагандистской кампании по шельмованию большевиков, разворачиванию репрессий против них.

Постников С.П. Итоги. Републикуется впервые.

К стр. 161. «Еще одна такая победа, и у меня не будет войска!» Во второй битве с Римом Пирр одержал победу, но понес огромные потери. «Еще одна такая победа, и у меня не останется войска!», – воскликнул он. С этих пор слова «пиррова победа» стали поговоркой.

К стр. 162. *Фогельсон* – социалист-революционер, гласный Думы.

– *Громан Владимир Густавович (1874–1940)* – российский социал-демократ, статистик, член коллегии ЦСУ РСФСР, ЦСУ СССР, член президиума Госплана СССР. Репрессирован по делу «Союзного бюро меньшевиков» в 1930, умер в заключении. В 1917 возглавлял экономический отдел Петроградского Совета и Центральную Продовольственную Управу Временного правительства.

Суханов Н.Н. В порядке дня. Републикуется впервые. Подписана Ник. Суханов. В двух местах в квадратных скобках редактором восстановлены слова, стертые в том экземпляре газеты, с которым пришлось работать составителям.

К стр. 163. *«Победоносное движение русской демократии прервано оглушительной катастрофой»*. Речь идет о третьем политическом кризисе в постфевральской России. Он разразился 3 июля, когда произошедший накануне кадетский демарш с выходом из состава Временного правительства привел к мощной волне манифестаций под антикоалиционными лозунгами. В Петрограде во второй половине дня 3 июля с выходом на улицы вооруженных солдат 1-го пулеметного полка, заявивших, что у них «достаточно пулеметов для свержения Временного правительства», ситуация резко обострилась. Попытка большевистских лидеров вернуть солдат в казармы не удалась, и тогда они решили возглавить их выступление, чтобы ввести его в мирные рамки. Однако и это им не удалось. В российской революции 1917, как и в других великих революциях до нее, по мере развития событий все полнее проявлялось действие закона неуклонной радикализации политических и социальных требований масс. Большевистский лозунг «Власть Советам!», независимо от желания выдвинувших его, с момента как он стал лозунгом вооруженных демонстрантов, фактически стал призывом к свержению законного правительства. К этому времени поступили и известия о прорыве русского фронта германской армией. Виновными во всех этих бедах были объявлены ленинцы, против них начались массовые репрессии, обыски и аресты. Сам Ленин был вынужден перейти на нелегальное положение.

– *«В ночь на 10-е июля Объединенный Всероссийский Исполнительный Комитет Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов постановил объявить Временное правительство Правительством Спасения Революции и призвал за ним “неограниченные полномочия для восстановления организации и дисциплины в армии, решительной борьбы со всякими проявлениями контрреволюции и анархии и для проведения той программы положительных мероприятий, которая намечена в декларации”*». Суханов неверно называет орган, принявший постановление о создании Правительства Спасения Революции, Объединенным Всероссийским Исполнительным Комитетом Советов. Такого Комитета еще не было. Постановление обсуждало и принимало объединенное заседание ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов и Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов. Заседание открылось в 20 час. 30 мин. Резолюция была принята 252 голосами при 47 воздержавшихся. См.: Меньшевики в 1917 году. Т. 2. С. 120.

Ган М. (Ганфман М.И.) О революционной власти. Републикуется впервые. Подписана М. Ган, одним из псевдонимов заведующего литературным отделом газеты «Речь» М.И. Ганфмана. Одна из лучших аналитических статей того периода, посвященных природе революционной власти, ее характеру и общим свойствам. Остановливаясь на двух важнейших с его точки зрения моментах легитимности, присущих любой государственности, а именно – *признание* большинством его состава и программы, а также *единство самой революционной власти*, автор подчеркивает, что «расщепление революционной власти более опасно, чем обыкновенной, опирающейся и на инерцию и на традиции». И предупреждает: «Если во имя партийных и классовых интересов партия или организация, пользуясь фактической возможностью, присвоит себе те функции, которые могут принадлежать только государственной власти, то этим подрывается основная идея революционной власти, ее верховенство и престиж».

Мельгунов С.П. «Мы, слава Богу, марксисты». Републикуется впервые.

К стр. 167. *«Этим крайне доволен А.Н. Потресов в “Дне”*». См.: Потресов А.Н. Кризис власти // День. 1917. 4 июля. № 100; Потресов А.Н. Рубикон. 1917–1918. Публицистика. С. 82–83.

– «Надо разорвать противоестественный союз, созданный жизнью в первые месяцы революции на почве практической работы. К такому полному разрыву и призывает московский орган социал-демократов объединенцев – “Пролетарий”». Объединенцы – «объединенные социал-демократы-интернационалисты» или «новожизненцы» (по ежедневной газете А.М. Горького «Новая Жизнь») – фракция в российском социал-демократическом движении 1917 в идейно-политическом отношении занимавшая место между меньшевиками-интернационалистами и правыми большевиками. Выступали за воссоздание единой РСДРП на почве полного разрыва с «революционным оборончеством». После двух летних съездов российских социал-демократов, оформивших РСДРП (большевиков) и РСДРП (объединенная) обособились к январю 1918 в самостоятельную партию РСДРП (интернационалистов). В Москве «новожизненцы» имели крупнейшую организацию, издававшую собственную газету «Пролетарий». См.: Политический кризис. Без подписи // Пролетарий. 1917. 13 июля. № 55.

Ленин В.И., Зиновьев Г.Е., Каменев Л.Б. Письмо в редакцию «Новой Жизни». 9 июля по постановлению Временного правительства была создана Особая следственная комиссия для расследования степени участия в восстании 3–5 июля 1917 отдельных частей войск и чинов гарнизона Петрограда и его окрестностей. Одновременно в рамках комиссии было начато особое производство по обвинению лидеров большевиков в связях с германской разведкой, получившее наименование Предварительного следствия о вооруженном выступлении 3–5 июля. В прессе началась откровенная травля подозреваемых, которую В.И. Ленин окрестил «дрейфусиадой». Публикуя данное письмо, редакция «Новой Жизни», учитывая все это, сочла нужным сделать следующее примечание: «От Редакции: Помещая настоящее письмо, мы воздерживаемся от всяких комментариев в надежде, что Следственная комиссия скоро вынесет по этому делу свое окончательное мнение». Впервые в собрание сочинений данное письмо републиковалось в 1928 году в соответствующем томе второго, исправленного и дополненного издания. См: Ленин В.И. Сочинения. Т. XXI. С. 29–30. Газетная публикация была подписана: Н. Ленин, Г. Зиновьев и Ю. Каменев. В примечании редколлегии второго издания (Бухарин Н.И., Молотов В.М., Скворцов-Степанов И.И.) сообщалось: «Письмо в редакцию “Новой Жизни”, появившееся в “Н.Ж.” 24 (11) июля 1917 г., было перепечатано 26 (13) июля в газете Московского комитета большевиков “Социал-Демократ” № 106. Текст “С.-Д.” в редакционном отношении несколько отличен от текста “Новой Жизни”. По-видимому, эти изменения внесены редакцией “Социал-Демократа”». См.: Там же. С. 512. В четвертом издании сочинений В.И. Ленина письмо публиковалось по «Новой Жизни» без всякого упоминания Зиновьева и Каменева. См.: Ленин В.И. Сочинения. Издание четвертое. Т. 25. С. 160–161; в пятом издании в статье (ПСС, Т. 34. С. 6–7) появилось примечание: «Письмо в редакцию “Новой Жизни”, опубликованное в газете, было подписано так же – Г. Зиновьев и Ю. Каменев». Там же. С. 455.

К стр. 169. «“Живое Слово” сначала напечатало, что Ленин – шпион, а потом, под видом не меняющей дело “поправки”, заявило, что в шпионстве он не обвиняется!» См.: Показания прапорщика Ермоленко. Без подписи // Живое Слово. 1917. 11 июля. № 56 (409).

– «Приплетают имя Парвуса, но умалчивают о том, что никто с такой беспощадной резкостью не осудил Парвуса еще в 1915 году, как женеvский “Социал-Демократ”, который мы редактировали и который в статье “У последней черты” заклеил Парвуса как “ренегата”, “лижущего сапог Гинденбурга”, и т. под.» См.: [Ленин В.И.]. У последней черты // Социал-Демократ. 1915. 20 ноября. № 48. Парвус (Parvus, лат. – маленький, молодой, скромный, незаметный) наст. фам., имя и от.: Гельфанд Израиль Лазаревич (1867–1924) – деятель германской и российской социал-демократии, публицист, коммерсант, агент германской военной разведки. Русская контрразведка вечером 4 июля 1917 г. распространила информацию о том, что через него германское командование финансировало предприятия В.И. Ленина. Между тем не только большевики, но и меньшевики – Ю.О. Мартов, А.Н. Потресов, после 1908 прервали какие-либо контакты с Парвусом в связи с его более чем сомнительной деятельностью на Балканах. Отчуждение большевиков от него произошло много раньше, поскольку в 1904–1905 он поддерживал меньшевиков.

– «Припутывают имя какой-то Суменсон». Суменсон Е.М. – частное лицо, двоюродная сестра Я.С. Ганецкого, через которую деньги, поступающие на счет РСДРП(б), снимались в Сибирском банке в Петербурге.

– «Впутывают коммерческие дела Ганецкого и Козловского». Польские революционеры Козловский Мечислав Юльевич (1876–1927), как и Я. Ганецкий, были сотрудниками торгово-экспортной фирмы Парвуса. Часть их личного дохода от работы в этой фирме шла на счет РСДРП(б) в Стокгольм, а оттуда – в Петроград.

– «И все это – при участии или даже по инициативе Алексинского». Алексинский Григорий Алексеевич (1879–1967) – политический деятель и публицист, с.-д. В 1904–1907 большевик, член ПК РСДРП, депутат II Государственной думы. В 1908–1911 – один из лидеров группы «Вперед». Затем – плехановец, оборонец, в 1917 – член группы «Единство». 5 июля 1917 совместно с эсером В.С. Панкратовым опубликовал предоставленные ему контрразведкой материалы о причастности В.И. Ленина к шпионажу в пользу Германии. Весной 1918 арестован чекистами, но вскоре выпущен на поруки. Работал в отделе информации Центрального совета профсоюзов и Главархиве. В 1919 вместе с семьей бежал за границу.

– «Захотят ли партии социалистов-революционеров и меньшевиков участвовать в покушении на юридическое убийство? [...] Захотят ли эти партии канун созыва Учредительного собрания в России сделать началом дрейфусиады на русской почве?» Имеющиеся обвинительные материалы были случайны, малодоказательны, строились на косвенных данных и показаниях лиц, не заслуживающих доверия. Обнародование этих материалов было личной инициативой министра юстиции П.Н. Переверзева и начальника контрразведки Б.В. Никитина. Большинство членов Временного правительства и ВЦИК были против обнародования этих материалов. Г.Е. Львов лично обратился во все газеты с просьбой отказаться от их публикации. И дело было не в симпатиях к большевикам, а, как отметил в своих мемуарах И.Г. Церетели, в поверхностности и необоснованности обвинений. Однако поскольку обнародование подозрений стало свершившимся фактом, 6 июля Временным правительством была создана особая следственная комиссия и издано постановление об аресте Ленина, Каменева, Зиновьева, Парвуса и др. При этом у компетентных органов не хватило ни умения, ни политической воли арестовать всех подозреваемых (прежде всего главных фигурантов) и организовать судебный процесс. Следствие тянулось вплоть до последних дней существования Временного правительства.

К стр. 170. «Дрейфусиада» – скандальное дело А. Дрейфуса (1894–1900) – офицера французского Генерального штаба, еврея по национальности, обвиненного на основании ложного обвинения и антисемитского настроения судей в шпионаже в пользу Германии. Это дело получило широкий отклик во всей Европе, что привело к пересмотру обвинений и полной реабилитации Дрейфуса. Слово «дрейфусиада» стало нарицательным, означая

антидемократические, не подкрепленные доказательствами, политически ангажированные юридические действия.

– *Н.В. Марков (Марков 2-й)* – один из лидеров право-монархического движения, председатель Главного Совета Союза Русского Народа (СРН), лидер фракции правых III и IV Государственных дум. Радикальный антисемит. Требовал в Думе примерного наказания М. Бейлиса, якобы виновного в ритуальном убийстве мальчика-христианина.

– *Замысловский Георгий Георгиевич (1872–1920)* – помещик. Окончил юридический факультет С.-Петербургского университета. В 1894–1907 на государственной службе по ведомству Министерства юстиции. Депутат III и IV Государственных дум от русского населения Виленской губ., состоял во фракции правых и был ее ведущим оратором. Видный деятель ультраправых организаций – Союза русского народа, Русского народного союза имени Михаила Архангела. Участвовал в рассмотрении в 1913 в Киевском суде дела М. Бейлиса как представитель матери погибшего А. Ющинского и добивался обвинительного приговора. Участник Белого движения. Умер во Владикавказе.

Кубиков Ив. (Дементьев И.Н.) «Непримиримое противоречие».
Републикуется впервые. Подписана Ив. Кубиков.

К стр. 170. *«Дело шло к осуществлению лозунга “Вся власть Советам!” Шло потому, что все яснее вскрывалась неспособность всех слоев буржуазии участвовать в разрешении задач, поставленных развитием революции».* Так пишет т. Мартов в № 76 “Новой Жизни”. См. следующую статью в нашем сборнике.

– *«Диктатура пролетариата и крестьянства только может спасти русскую революцию, – всегда повторял Ленин; “перешагнув” либеральную буржуазию в целом, можно спасти революцию, – говорит т. Мартов. Никакой внешней политики, кроме империалистически-захватной, наша буржуазия вести не может, и отсюда ее реакционность, – говорит Ленин. И то же самое писал Мартов за 8 месяцев до революции в самарской газете “Наш Голос”».* См.: Эльмар [Мартов Ю.О.]. Классовая самостоятельность // Наш Голос (Самара). 1916. 1 и 8 мая. № 14 (28), 15 (29).

– *«...меньшевизм, – если взять официальных представителей его признанного большинства, – полагает, что, во-первых, объективные условия таковы, что наша либеральная буржуазия вынуждена отказаться от империалистической политики захвата; во-вторых, что ни пролетариат и крестьянство в отдельности, ни буржуазия без пролетариата спасти революцию не могут».* См.: Обращение ОК к партийным организациям «О Стокгольмской конференции» // Вперед. 1917. 21 июля. № 112; Меньшевики в 1917 году. Т. 2. С. 184–187.

К стр. 171. *«...признав необходимость этой коалиции, буржуазия вынуждена будет признать и те условия соглашения, которые были приняты ею 6 мая».* Имеется в виду Декларация первого коалиционного правительства от 6 мая. См.: Заславский Д.О., Канторович Вл.А. Хроника февральской революции. Т. 1. 1917. Февраль–май. Пг., 1924. С. 301–303.

– *«Но, быть может, пролетариат совместно с крестьянством сделает буржуазную революцию без буржуазии? Нет, это утопия. И с этой нелепостью так хорошо расправился Мартов прежний, когда, оценивая революцию 1905 г., писал в III томе “Общественного движения”. Поразительная беспомощность либеральной партии и сдача ею “левым” почти без боя всех позиций в народном движении создавала возможность той иллюзии, будто на политической арене непосредственно соприкасаются два лагеря: правительственный и социалистический, между которыми лишь путается бессильная кучка буржуазных идеологов».* См.: М–ов Л. [Мартов Ю.О.] Социал-демократия 1905–1907 гг. // Общественное движение в России в начале XX века / Под редакцией Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова. Том III. Книга 5. Партии – их состав, развитие и проявление в массовом движении, на выборах и в Думе. СПб., 1914. С. 594–595.

Мартов Ю.О. Что же теперь? Републикуется впервые. Подписана Л. Мартов.

К стр. 172. *«...мы отброшены назад, далеко назад ко времени, предшествовавшему дням 20–21 апреля».* Речь идет о днях апрельского кризиса.

К стр. 173. *«От “Нового Времени” и воскресшей “Маленькой Газеты” до “Дня” и “Воли Народа” тянется эта партия порядка, мнящая спасти Россию путем вытравления из русской революции всего того демократического содержания, которое придало ей всемирно-историческое значение».* «Новое Время» и «Маленькая Газета» – издания, соответственно, отца и сына А.С. и А.А. Сувориных. Последняя, позиционировавшая себя как «газета непартийных социалистов», 7 июля была закрыта Временным правительством за скандальные публикации. «Воскресла» она под именем «Народной Газеты» 13 июля. «День» и «Воля Народа» – органы правых меньшевиков и правых эсеров. Они, по мнению Мартова, определяли границы течения общественно-политической мысли от внепартийного объективизма до умеренного социализма, которое противостояло «пролетарской демократии», с его точки зрения, придававшей русской революции всемирно-историческое значение. В рамках этого течения он включал всех социалистов-интернационалистов, в том числе и большевиков.

– *«Уже не то чтобы “Новое Время” или “Речь”, но “День” за подписью члена Исполнительного Комитета Е. Маевского бесстыдно утверждает, что Совет бросал палки в колеса Временному правительству, вторгаясь в область управления».* См.: Маевский Евг. О правительстве спасения // День. 1917. 12 июля. № 107 (1668). Маевский Евг. – один из лит. псевдонимов Гutowского Викентия Анищетовича (1875–1918) – российского социал-демократа, меньшевика, из семьи ссыльного польского повстанца. В социал-демократическое движение он вступил во второй половине 90-х годов XIX века. Один из организаторов и руководителей Сибирского союза РСДРП. В 1905 участвовал в женевской конференции меньшевиков. Известный публицист меньшевистского направления, «ликвидатор». В годы Первой мировой войны участвовал в группе А.Н. Потресова «Самозащита». Один из руководителей рабочей группы Петроградского военно-промышленного комитета. В 1917 избирался членом Исполкома Петросовета, ВЦИК первого созыва, участвовал в работе Демократического совещания и предпарламента, сотрудник газеты «День». После октябрьского переворота вступил в «Союз защиты Родины и Революции». В конце июня 1918 переехал в Челябинск. В начале сентября 1918 возглавил редакцию газеты «Власть Народа», издававшуюся на средства кредитных кооперативов. Газета, являвшаяся общедемократическим изданием, стала выражать идеи правого крыла социал-демократии. На ее страницах Гutowский выступил против диктатуры адмирала А.В. Колчака. В ноябре группой прибывших из Сибири офицеров арестован и отправлен в Омскую тюрьму. В ходе вспыхнувшего в Омске в декабре 1918 рабочего восстания освобожден, но вскоре был убит карателями.

– *«И если Советы, следуя нагло-повелительным ультиматумам Алексинских и прочих рыцарей политической проституции, выдадут этой черни еще несколько десятков большевиков и “потворствующих им”, как деликатно выразился в заседании ЦИК-та перепугавшийся Либер, то и тогда они лишь разожгут ее аппетиты и не смот с себя основного пятна – общего с большевиками родства от международной революции».* С 6 июля 1917 по постановлению Временного правительства, санкционированного ВЦИК, начались аресты большевиков и закрытие их печатных органов. Из большевистских лидеров удалось арестовать лишь члена ВЦИК Л.Б. Каменева. Из «потворствующих» большевикам известных политических деятелей были арестованы А.В. Луначарский и Л.Д. Троцкий. Далее речь идет о публицистических выступлениях Г.А. Алексинского и выступлении М.И. Либера на объединенном заседании ЦИКов 9 июля. Мартов указывает на родство всех течений российской социал-демократии, включая большевиков, происходящих, по его мнению, от общего корня – международного социал-демократического движения. *Либер (Гольдман)*

Марк Исаакович (1880–1937) один из лидеров Бунда и видный деятель РСДРП(о). В 1917 – член Исполкома Петроградского Совета, член ВЦИК первого созыва и его Президиума, товарищ председателя ВЦИК. На августовском Объединительном съезде избран членом ЦК партии. 1 ноября вышел из ЦК, выступив против любых переговоров с большевиками. На декабрьском Чрезвычайном съезде партии – возглавил список тех, кто воздержался от голосования при выборах в ЦК. (Меньшевики в 1917 году. Т. 3. От корниловского мятежа до конца декабря. Ч. 2. От Временного Демократического Совета Российской Республики до конца декабря (первая декада октября – конец декабря). М., 1997. С. 516). На Всероссийском совещании меньшевиков (май 1920) вновь вошел в ЦК как представитель правого крыла меньшевиков. С 1923 неоднократно подвергался арестам и ссылке. В марте 1937 арестован. 14 марта осужден Военной Коллегией Верховного Суда СССР к высшей мере наказания. Приговор приведен в исполнение 4 октября того же года. 17 мая 1958 реабилитирован определением Военной Коллегии Верховного Суда СССР за недоказанностью состава преступления.

Сталин И.В. Победа контрреволюции. Данная публикация статьи была подписана *К. Ст.*, и в этой редакции вошла в соответствующий том сочинений И.В. Сталина под названием «Победа контрреволюции». См.: *Сталин И.В. Сочинения*. Т. 3. С. 130–133. Однако первая публикация ее состоялась в газете «Пролетарское Дело» – органе большевистской фракции Кронштадтского Совета под заголовком «Торжество контрреволюции». См.: Пролетарское Дело. 1917. 1 августа (19 июля ст. ст). № 5. Мы публикуем эту статью в варианте, опубликованном в газете «Рабочий и Солдат», т. к. она представляет вариант, дополненный и исправленный автором. В частности, в первом варианте отсутствуют пять важных предложений, начиная со слов: «Распустить Финляндский сейм...» и до абзаца: «А контрреволюция все наглет...». Кроме того, желая избежать тройного повторения прямого поминания кадетов, автор в первом варианте в седьмом абзаце называет их «спасителями». В абзаце «А война все идет...» Сталин в первой публикации перед словом «слепые» в первый раз вводит констатацию: «Такова воля контрреволюции», отчего в последующем отказался. Кроме того, публикуемый нами текст подвергся двойному редактированию: при перепечатке в «Рабочем и Солдате» и при включении в собрание сочинений.

К стр. 175. «*Будет исполнено, гг. помещики и капиталисты*». В газетном оригинале: «Немедленно будет пополнено, наши повелители – помещики и капиталисты». Исправлено при включении в собрание сочинений.

К стр. 176. «*Вожди пролетарской партии*». Характеристика партии как пролетарской введена при включении статьи в собрание сочинений.

– «...*есть еще на свете люди (см. “Новую Жизнь”), предлагающие нам после всего этого единство с этими господами*». См.: Базаров В. Доктринерство и сильная власть // Новая Жизнь. 1917. 20 июля (2 августа). № 79.

– «*Рабочие будут помнить все это и сделают из этого соответствующие выводы*». В газетных вариантах: «Рабочие будут помнить это и сделают из него соответствующие выводы».

Петрищев А.Б. Завершение первого периода. Републикуется впервые.

К стр. 176. «*Одним из первых декретов революционного Временного правительства был декрет об отмене смертной казни. В июле последовал обратный декрет – о восстановлении*

смертной казни (правда, лишь в районе действующей армии). Революция ввела свободу печати. В июле она пришла к декрету о представлении двум министрам – военному и внутренним дел – права приостанавливать периодические издания административным порядком... Очевидно, революция совершила какой-то цикл, в каком-то смысле вернулась к исходным положениям. Она закончила первый период своего развития. Теперь ей нужно найти новые пути. И ниже мы увидим, почему это нужно». См.: Постановления Временного правительства об отмене смертной казни // Вестник Временного Правительства. 1917. 18 (31) марта. № 12 (58); Постановление Временного правительства о восстановлении, на время войны, смертной казни для военнслужащих // Там же. 13 (26) июля. № 103 (149).

К стр. 178. «...объединенное дворянство шло на поводу у Марковых и Струковых». Объединенное дворянство – политическая организация сословного дворянства Российской империи (1906–1917). Управлялось съездами уполномоченных губернских дворянских обществ и Постоянным Советом дворянских обществ. Председателем Совета в 1913–1916 гг. (до этого с 1908 – товарищ председателя) был предводитель дворянства Екатеринославской губернии, член Государственного Совета *Струков Ананий Петрович* (1851–1922). После 1917 года эмигрировал. Умер в Софии (Болгария). *Марков 2-й* был членом Постоянного Совета.

– «мясоедовщина». Речь идет о скандальном деле полковника русской армии, ложно обвиненного в шпионаже. *Мясоедов Сергей Николаевич* (1865–1915) – инсинуации против него появились в газетах «Вечернее Время» и «Новое Время» в 1912. Они были инициированы А.И. Гучковым. В ответ Мясоедов вызвал его на дуэль, которая состоялась 22 апреля 1912 на окраине Петербурга. Мясоедов стрелял первым и промахнулся; Гучков сразу же после этого выстрелил в воздух. Проведенное расследование не выявило в действиях Мясоедова ничего подтверждающего обвинения в шпионстве. Позже, 18 февраля 1915 по инициативе генерал-квартирмейстера Северо-Западного фронта М.Д. Бонч-Бруевича Мясоедов был арестован и вновь обвинен в шпионаже. Несмотря на слабость доказательств, военный суд приговорил 18 марта Мясоедова к смертной казни. Мясоедов пытался осколками пистолета перерезать себе вены: его спасли и повесили – до получения кассационной жалобы командующим фронтом, который не утвердил приговор, «ввиду разногласия судей». Дело решила резолюция Верховного главнокомандующего Вел. кн. Николая Николаевича: «Все равно повесить!» По делу Мясоедова было арестовано 19 его близких и дальних знакомых, в том числе женщин; в шпионаже обвинили даже его жену. Жертвой этого дела стал и военный министр В.А. Сухомлинов, с которым Мясоедов был хорошо знаком: 12 июня 1915 Сухомлинов был уволен от должности и 22 апреля 1916 арестован. Дело Мясоедова повлекло усиление шпиономании и четко ориентированной подозрительности общества, приведя в том числе и к майскому 1915 немецкому погрому в Москве.

– *Самарин Александр Дмитриевич* (1868–1932) – русский общественный и государственный деятель, участник съездов Объединенного дворянства. В 1912–1917 – член Государственного Совета, входил в Правую группу. В 1915 – обер-прокурор Св. Синода. В 1914–1917 – главноуполномоченный общества по эвакуации во внутренние районы страны. В 1917 участвовал в подготовке Поместного собора Русской Православной Церкви, баллотировался в московские митрополиты, в ноябре возглавил Совет объединенных приходов Москвы. В Советской России неоднократно подвергался репрессиям.

– *Нахамкес* – настоящая фамилия *Стеклова Юрия Михайловича* (1873–1941) – социал-демократ-интернационалист, «новожизненец», в марте–мае и с октября 1917 – редактор «Известий».

– *Бобринский Алексей Александрович*, граф (1852–1927) – русский археолог, политический и государственный деятель. Член ряда правых организаций, в 1906–1912 – председатель Постоянного Совета объединенного дворянства, депутат III Государственной думы, в 1912–1917 – член Государственного Совета по назначению. С 1919 в эмиграции.

– *Панчулидзе Алексей Давидович* (1758–1834) – из грузинской дворянской семьи, действительный статский советник, в 1808–1826 – саратовский губернатор.

К стр. 179. *Победоносцев Константин Петрович* (1827–1907) – российский государственный деятель, юрист, публицист. С 1868 – сенатор, с 1872 – член Государственного Совета, в 1880–1905 – обер-прокурор Св. Синода. С конца 1870-х – вдохновитель и проводник крайней реакции.

– «...к либеральным и буржуазным слоям – может быть отнесено знаменитое выражение Апокалипсиса о тех, которые не горячи и не холодны: “имам тя изbleвати”». Полностью: Изbleвати тя от уст Моих имам. – Извергну тебя тогда из уст Моих. См.: Апокалипсис (Откровение Св. ап. Иоанна Богослова 3, 16). *Изbleвати* (изблюю) (цсл., греч. ἐμέω) – выплюнуть, извергнуть.

К стр. 180. «В “Известиях” указывалось, например, к чему привело решение Советов содействовать успеху “Займа свободы”». См.: За золотым руном. Без подписи // Известия Петроградского Совета. 1917. 29 июля. № 130.

К стр. 181. «Дворянский большевизм Маркова начал в пятом году с коленопреклонений перед Вильгельмом и уперся в мясоедовщину, штурмеровщину, булацеливщину». Характеризуя «дворянский большевизм» Маркова 2-го, автор намекал на свойственную большевизму прямолинейность, воинственность, непримиримость к инакомыслию. По его мнению, это рождало «мясоедовщину», «штурмеровщину» (связанную с деятельностью Б.В. Штурмера), «булацеливщину» (по имени Булацеля Павла Федоровича (1867–1919) – русского юриста, писателя и общественного деятеля, одного из основателей Союза Русского народа, редактора православно-монархических изданий «Русское Знамя» и «Российский Гражданин», публиковавшего статьи, обличающие союзников России в стремлении ослабить ее).

– «...скандальные разоблачения по делу Роберта Грима». В 1917, прибегнув к посредничеству главы политического департамента швейцарского правительства А. Гофмана, швейцарский социал-демократ, секретарь Международной социалистической комиссии Р. Гримм обеспечил в апреле–мае возвращение большой группы российских политэмигрантов в Россию, сопроводив их в поездке через Германию. При этом он согласился по просьбе Гофмана прозондировать в России почву для заключения сепаратного мира с Германией. Встретившись в Петрограде с рядом министров и близких к правительству политиков, он 26 мая через швейцарского посланника сообщил Гофману, что сепаратный мир представляется ему вполне возможным, и просил дать более точные сведения о целях воюющих стран. Ответная телеграмма Гофмана, в которой выражалась уверенность в том, что «при желании союзников России Германия и ее союзники готовы были бы немедленно начать переговоры о мире», была перехвачена французским социалистом А. Тома, находившимся в то время в Петрограде. Инцидент вызвал международный скандал и поставил под вопрос нейтралитет Швейцарии. Сам Гримм был объявлен германским агентом и немедленно выслан Временным правительством из России.

К стр. 182. «С легкой руки А.Ф. Керенского, газеты с весны треплют выражение “взбунтовавшиеся рабы”». См.: Речь Александра Федоровича Керенского военного и морского министра, товарища председателя Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, произнесенная им 29 апреля в совещании делегатов фронта. М., 1917. С. 5.

К стр. 183. «На совещании членов Государственной думы 17 июля нашлись сторонники любопытного взгляда: они полагают, что высшая власть должна перейти к остаткам IV Думы». См.: *Владимирова В.* Революция 1917 года. Хроника событий. Т. III. М.; Пг., 6/ года. С. 194.

Ленин В.И. Три кризиса. Статья написана В.И. Лениным для «Правды», которая к тому времени оказалась закрыта, и была опубликована без подписи, почти одновременно, в журнале «Работница» 19 июля и кронштадтской

газете «Пролетарское Дело» без подписи. 21 июля. Впервые статья опубликована по рукописи в «Правде», 1924, 23 апреля. № 93. Оказалось, что в первой публикации в «Работнице» в предложении, характеризующем нарастание третьей июльского кризиса, была оборвана фраза, касающаяся апогея контрреволюции, приходящейся на 5 и 6 июля. В собрание сочинений В.И. Ленина включается, начиная со второго издания.

К стр. 184. «В опровержение лжи и клеветы мы должны здесь лишь повторить ссылку на Листок “Правды” от 6-го июля». В номере были напечатаны воззвание ЦК РСДРП(б), военной организации партии и статьи В.И. Ленина.

– «...по признанию газеты партии социалистов-революционеров, что [...] 4-го июля мы призывали [...] мы приняли решение прекратить демонстрацию». См.: Дело Народа. 1917. 5 июля. № 92.

– «Небезынтересно отметить, что газета правящей партии социалистов-революционеров, “Дело Народа”, от 6-го июля, несмотря на всю ее вражду к большевикам, вынуждена признать глубокие экономические и политические причины движения 3–4 июля». См.: Петроград, 6 (19) июля. Без подписи // Дело Народа. 1917. 6 июля. № 93.

К стр. 185. «Третий кризис разрастается стихийно 3-го июля, вопреки усилиям большевиков 2-го и 3-го июля удержать его, и, достигнув высшей точки 4-го июля». На этом фраза в «Работнице» была оборвана. В рукописи она, после запятой, завершалась следующей жесткой формулировкой: «...ведет 5-го и 6-го к апогею контрреволюции». Восстановлена в публикации 1924.

– «Отмежеваться, – писало “Дело Народа” вчера, – глубоким рвом от всех элементов справа, вплоть до воинственно настроившегося “Единства” [...] – такова наша неотложная задача». См.: Петроград, 6 (19) июля. Без подписи // Дело Народа. 1917. 6 июля. № 93.

К стр. 186. «Сопоставьте с этим сегодняшнее “Единство” (7-го июля), где Плехановская передовица вынуждена констатировать бесспорный факт, именно, что Советы, т. е. социалисты-революционеры и меньшевики взяли себе “две недели на размышление” и что если власть перейдет к Советам, то это “было бы равносильно победе ленинцев”». См.: Плеханов Г. Две недели на размышление // Единство. 1917. 7 июля. № 83; Плеханов Г.В. Год на Родине. Полное собрание статей и речей 1917–1918 гг. в двух томах. Том второй. Paris, 1921. С. 19–22.

– «За движение 20–21 апреля и нас, и кадетов ругали за неуступчивость, за крайность, за обострение. Доходили до того, что большевиков обвиняли (как это ни нелепо) в стрельбе на Невском, – а когда движение кончилось, то те же с-р и меньшевики, в своем объединенном и официальном органе “Известия”, писали, что “народное движение” “смело империалистов Миллюкова и пр.”, т. е. восхваляли движение». См.: Стрельба на Невском. Без подписи // Известия Петроградского Совета. 1917. 5 июля. № 109.

Базаров В.А. Конфликт с Финляндией. Републикуется впервые.

К стр. 187. «Вчера ночью получено известие, что “Временное правительство, исчерпав все средства к соглашению с Финляндией и не желая употребить материальную силу, решило апеллировать к финскому народу и распустило Сейм 18-го июля”». 7 марта 1917 Временное правительство издало Манифест о Финляндии, которым объявлялось восстановление в полном объеме действия конституции Финляндии. В разгар июльского кризиса финский Сенат провозгласил независимость Великого княжества Финляндского от России во внутренних делах и ограничил компетенцию Временного правительства России вопросами внешней политики. Этот закон Сейма был отклонен Временным правительством, Сейм распущен, а его здание занято русскими войсками. См.: Манифест о роспуске сейма

18 (31) июля 1917 г. и производстве новых выборов // Вестник Временного Правительства. 1917. 21 июля (3 августа). № 110 (156).

– «...*Сейм установил автономию Финляндии в тех самых пределах и даже в тех самых выражениях, в каких она была очерчена Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов*». См.: Первый Всероссийский съезд Советов... Т. 2. С. 184–194.

Гревс И.М. Культ революции. Републикуется впервые. Подписана Ив. Гревс. Была написана, согласно авторской датировке в конце журнальной публикации, в конце июля.

К стр. 189. *Энгельс (Engels) Фридрих* (1820–1895) – немецкий философ, экономист, социолог политический и общественный деятель, друг, соратник и соавтор К. Маркса.

– «*Нельзя медлить, потому что народ больше ждет, не согласен*» – приходят на память слова героев «Нови». Речь идет о героях романа И.С. Тургенева «Новь», действие которого отнесено автором к 1868, самому началу т. н. «хождения в народ». Точно эта фраза звучит следующим образом: «...народ (тот самый народ, который не понимает слова “участие”) долгие ждать не согласен!». *Тургенев Иван Сергеевич* (1818–1883) – выдающийся русский писатель.

К стр. 190. «*Либерал-постепеновец*» – стало презренным наименованием, почти хуже, чем консерватор или реакционер». Выражение выросло из иронического определения «Искрой» 1860-х официозной газеты «Северная Почта», которую она именovala не иначе как «официально-постепенно-либеральную». Позднее возникло и понятие *постепеновцев*, имевшее еще более пренебрежительную окраску и обозначававшее отрицание решительных революционных методов.

– *Морозов Николай Александрович* (1854–1946) – революционер-народник, член «Земли и воли» и исполкома «Народной воли», участник подготовки покушений на Александра II. В 1882 приговорен к вечной каторге. Вплоть до 1905 находился в одиночном заключении в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях.

– *Фигнер Вера Николаевна* (1852–1942) – революционерка-народница, член «Земли и воли» и исполкома «Народной воли», участница подготовки покушений на Александра II. С 1882, оставшись единственным членом исполкома в России, пыталась восстановить разгромленную полицией «Народную волю». По «процессу 14-ти» (1884) приговорена к смертной казни, замененной вечной каторгой. В течение 20 лет отбывала одиночное заключение в Шлиссельбургской крепости. С 1904 в ссылке в Архангельской и Казанской губерниях, в Нижнем Новгороде. В 1906 выехала за границу, где развернула кампанию в защиту политзаключенных в России. В 1907–1909 примыкала к эсерам, после разоблачения «азефовщины» вышла из партии. В 1915 вернулась в Россию.

– «*Очень много невинных, или только поигравших с огнем, захватывалось “колесницей Джаггернаута”*». *Джаггернаут* (англ. *Juggernaut*) – термин, который используется для определения проявлений слепой непреклонной силы, для указания на кого-то, кто неудержимо идет напролом, не обращая внимания на все препятствия. Происходит от *Джаганнатха* – одного из имен Кришны. Придание этому имени такого значения связано с ритуалом Ратха-ятры, в ходе которого около 4 тыс. человек тянут огромную колесницу со статуей божества. Верующие часто бросались под колеса колесниц, т. к. считается, что тот, кто погибает таким образом – получает освобождение и возвращается в духовный мир.

– *Наполеон I (Napoléon) Бонапарт* (1765–1821) – французский полководец, вознесенный революцией, провозгласивший себя в 1804 императором.

– *terre à terre* – (фр.) – приземленный, практичный, реалистичный.

К стр. 191. «*Histoire de la révolution Française*» Луи Блана». См.: 12-томную «Историю французской революции» видного деятеля революции 1848 года во Франции, утопическо-го социалиста, историка, журналиста Блана (Blanc) Луи (1811–1882). Русский перевод и издание всех томов были осуществлены в 1907–1909.

– Олар (Aulard) Франсуа Виктор Альфонс (1849–1928) – французский историк, специалист в области истории Великой Французской революции.

– Жорес (Jaurès) Жан (1859–1914) – деятель французского и международного социалистического движения, борец против колониализма, милитаризма и войны, философ, историк. Был застрелен фанатиком-националистом накануне Первой мировой войны.

– Зибель (Sybel) Генрих фон (1817–1895) – немецкий историк и политический деятель, представитель националистической прусской малогерманской школы – ведущего направления немецкой исторической науки 2-й половины XIX в.

– Гейссер (Häusser) Людвиг (1818–1867) – известный немецкий историк.

– Тэн (Taine) Инполит (1828–1893) – французский историк, создатель культурно-исторического метода изучения литературы и искусства.

К стр. 192. Парис (Paris) Гастон (1839–1903) – французский исследователь средневековой литературы.

– *sommités* – (фр.) – светила, корифеи.

– Буассье (Boissier) Мари Луи Гастон (1823–1908) – французский историк Древнего Рима, специалист по культуре и истории раннего христианства.

– *les saletés de la révolution* – (фр.) – отбросы (мусор) революции.

– «*N'est-ce pas, Gaston?*» – обращался он за поддержкою к сидевшему рядом со мной Буассье. – «*Mais parfaitement, Hypolite, tu as raison. C'est précisément: ça*» (фр.) – «Не так ли, Гастон? Именно так, Ипполит, ты прав. Да, это именно они».

К стр. 194. *Contradictio in adiecto*. Правильно: *contradiction in adjecto* – (лат.) – внутреннее противоречие, логическая нелепость, бессмыслица.

Церковь как общественная сила. Редакционная статья «Всероссийского Церковно-Общественного Вестника». Републикуется впервые. Автором ее, возможно, был уже известный читателю профессор Г.В. Прохоров ранее, 4 июля, выступивший в № 62-м того же «Вестника» со статьей «Нужно готовиться к Учредительному собранию». Она была адресована духовенству и мирянам, призывая их сорганизоваться перед объявленными на сентябрь выборами, дабы затем иметь возможность через своих представителей отстаивать в Учредительном собрании права православной церкви. На мысль об авторстве републикуемой нами редакционной статьи наводят ее текстуальные совпадения с основными положениями указанной авторской статьи Прохорова.

К стр. 198. «...*Царство Христа “не от мира сего”*». См.: «Отвещá Иисусъ: царство мое несть от мiра сегó: áще от мiра сегó было бы царство мое, слуги мои [убо] подвизáлися быша, да не преданъ быхъ быль Иудео́мъ: ны́не же царство мое несть отсю́ду». (Ин. 18:36).

– аксиос (греч. ἄξιος) – достоин, возгласение при хиротонии (рукоположении) во диакона, иерея, епископа; а также при интронизации патриархов и при возложении иерархических наград.

К стр. 199. «...*сколько во Израиле “не преклонивших колена пред Ваалом”*». См.: 11-ю главу Послания к Римлянам св. апостола Павла (1–4), где в ответ на жалобу Илии: «Господи! пророков Твоих убили, жертвенники Твои разрушили; остался я один, и моей души ищут»,

следует ответ: «Я соблюл Себе семь тысяч человек, которые не преклонили колена пред Ваалом».

– «...народная легенда о Св. Николе Милостивом и Касьяне». Николай Угодник, Никола Милостивый – герой множества русских народных легенд, причем в них он зачастую противопоставляется другим святым – гордым и неприступным. Одно из преданий гласит, что шли как-то по земле Св. Касьян и Никола Угодник, увидели мужика, пытавшегося вытащить увязнувший в грязи воз. Касьян прошел мимо – не захотел марать райского платья, а Никола помог мужику. Когда узнал об этом Господь Бог, то положил Николе два праздника в году – весной и осенью. Это соответственно 29 июля – «Никола Вешний», называемый также «Никола с кормом» (это означает, что для скота созрели травы), и «Никола Зимний», отмечаемый 19 декабря (6 декабря по юлианскому календарю). А Касьянов день (в народе его называют также Касьян Немилостивый, Касьян Завистник, Кривой Касьян) отмечается один раз в 4 года – 29 февраля.

– «Кто хочет спасти душу свою, тот погубит ее; и кто потеряет душу свою Меня ради и Евангелия, тот спасет ее в жизнь вечную». См.: Мф. 16: 25–28.

Бердяев Н.А. Контрреволюция. Публикуется по журнальному варианту. Статья републикована в сб.: *Бердяев Николай. Духовные основы русской революции. Опыты 1917–1918 гг.* СПб., 1999. С. 109–117. В данном сборнике публикуется по журнальной вырезке с незначительной правкой автора хранящейся в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ).

К стр. 202. «Революционная стихия пожирает себя, революционная подозрительность делается силой самоистребляющей. Этот закон известен нам из хода французской революции. Революция истребила своего героя Дантона, открыв в нем контрреволюцию...» Дантон (Danton) Жорж Жак (1759–1794) – французский революционер. С 1789 проводил крайне революционные и республиканские идеи. В августе 1792 дал толчок к образованию нового, более республиканского генерального совета, был назначен министром юстиции, стал лидером в борьбе против роялистов внутри страны и обороне границ. Содействовал замене парламентского правления Жиронды временной революционной диктатурой комитета общественного спасения и стал вести борьбу с противниками революции внутри и вне Франции посредством революционных трибуналов. Период времени с апреля 1793 по сентябрь 1793 – эпоха наибольшего влияния Дантона. В марте 1794 он и его друзья были арестованы по постановлению соединенных комитетов общественного спасения и общей безопасности. Эта мера была одобрена конвентом по докладу, составленному по наброскам Робеспьера. Процесс с самого начала велся с нарушением всех формальностей. Обвиняемые были поставлены вне закона, обвинялись в заговоре с целью низвергнуть национальное представительство и республику, были осуждены и погибли на гильотине. По дороге к эшафоту Дантон, проезжая мимо дома, где жил Робеспьер, выкрикнул пророческие слова: «Максимилиан, я жду тебя, ты последуешь за мной!»

Брешко-Брешковская Е.К. Контрреволюции нет места. Републикуется впервые. Подписана: Катерина Брешковская. Петроград, 29 июля 1917.

Авилов Б.В. «Обвинительный акт» о большевиках. Републикуется впервые.

К стр. 206. «В газетах опубликовано обширное сообщение прокурора Петроградской Судебной Палаты о расследовании событий 3–5 июля». См.: Вокруг дела ленинцев. (От прокурора Петроградской судебной палаты) // Биржевые Ведомости. 1917. 22 июля

(4 августа). № 16348. Утренний выпуск; Следственное дело большевиков: материалы Предварительного следствия о вооруженном выступлении 3–5 июля 1917 г. в г. Петрограде против государственной власти. Июль–октябрь 1917 г. Сборник документов в 2 кн. Кн. 1 / Под ред. О.К. Иванцовой. М., 2012. С. 78.

К стр. 208. *Каринский, Николай Сергеевич* (1873–1948) – русский юрист, адвокат, государственный и общественный деятель. С 25 июля 1917 – Старший председатель Петроградской судебной палаты.

Ленин В.И. Политическое настроение. Републикуется по газетному варианту. Статья первоначально написана была Лениным 10 июля в виде тезисов. В рукописи она называлась «Политическое положение». В подзаголовке стояло: «Четыре тезиса». (См. фотокопию первой страницы рукописи – *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 3). 1-й из тезисов охватывал текст от первого абзаца и до абзаца «Вожди Советов и партий социалистов-революционеров и меньшевиков...». 2-й начинался с указанных слов и до утверждения о том, что «всякие надежды на мирное развитие русской революции исчезли». С них же начинался предпоследний 3-й тезис. 4-й начинался с определения основной тактической линии партии в новых условиях: «Партия рабочего класса, не бросая легальности, но и ни на минуту не преувеличивая ее...» Четыре раза повторенное в тексте словосочетание «решительная борьба» заменило в легальной публикации ленинское выражение «вооруженное восстание» и один раз (пятый) вообще нейтральным – «борьба». В легальной публикации были также вычеркнуты слова «тезиса» и «ни на йоту» и сняты два последних абзаца ленинского текста, конкретизирующие непосредственные задачи большевиков в связи с изменившейся после расстрела 4 июля петроградской вооруженной демонстрации рабочих и солдат, недовольных политикой Временного правительства, а именно:

«Тотчас всюду и во всем основать нелегальные организации или ячейки для издания листов и пр. Переорганизоваться тотчас, выдержанно, стойко, по всей линии.

Действовать так, как в 1912–1914, когда мы умели говорить о свержении царизма революцией и вооруженным восстанием, не теряя легальной базы ни в Государственной думе, ни в страховых кассах, ни в профессиональных союзах и т. д.»

Ленинские тезисы, фактически снимавшие лозунг мирного перехода власти к Советам и призывавшие к вооруженному захвату власти, обсуждались на расширенном совещании ЦК РСДРП(б) с представителями Петербургского комитета, Военной организации партии, Московского областного бюро, Московского комитета и Московского окружного комитета 13–14 июля. Републикуемая статья была опубликована в шестом номере газеты «Пролетарское Дело». Подпись под статьей: W. Впервые по рукописи републикована: Ленинский сборник. Т. IV. М.; Л., МСМХХV. С. 320–322. В Полном собрании сочинений Ленина она печатается так же по рукописи под заголовком «Политическое положение (четыре тезиса)». См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 1–5.

Мартов Ю.О. О рыцарской тактике. Републикуется впервые. Подписана: Л. Мартов.

К стр. 210. *Пальчинский Петр Иоакимович* (1875–1929) – инженер, сторонник идей П.А. Кропткина, масон. Участник первой российской революции. В годы Первой мировой

войны – активный деятель ЦВПК, в марте 1917 возглавил Комитет военно-технической помощи, назначен главным уполномоченным Временного правительства по снабжению металлами и топливом, был товарищем министра торговли и промышленности, а также товарищем председателя Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства, исполнял обязанности председателя при обсуждении вопросов, касавшихся металлов и топлива. 28 августа Керенский назначил Пальчинского помощником по гражданской части генерал-губернатора Петрограда и окрестностей, а с 30 августа в течение двух недель исполнял обязанности генерал-губернатора, руководя созданием инженерной защиты города в условиях германского наступления. В октябре – помощник Н.М. Кишкина, уполномоченного правительства по водворению порядка в столице, руководитель обороны Зимнего дворца. 25 октября в числе других членов и сотрудников Временного правительства препровожден в Петропавловскую крепость. Несмотря на большие заслуги в научной, преподавательской и практической деятельности, неоднократно (в 1918, 1919, 1922 и 1928) арестовывался. В 1929 по приговору Коллегии ОГПУ за участие в руководстве заговором и вредительством на железнодорожном транспорте и в золотоплатиновой промышленности расстрелян.

– «18 июля г-н Милюков формулирует в бывшей Государственной думе требование об устранении министра земледелия. 19-го министр земледелия произносит с трибуны Всероссийского Исполнительного Комитета боевую речь, бросая вызов конституционно-демократической партии, у которой “кто-то отнял разум, желая ее погубить”». Речь идет о выступлении Милюкова, в котором тот настаивал на необходимости вывода из состава Временного правительства В.М. Чернова. См.: Частное совещание членов Гос. Думы // Речь. 1917. 19 июля (1 августа). № 167 (3909). Объявив это непременным условием, Милюков обуславливал им саму возможность переговоров о вхождении в него кадетов. В ответ 19 июля Чернов демонстративно объявил о своем согласии на вхождение во второй состав коалиционного правительства. И был поддержан в этом публично и Керенским, и Скобелевым, и Церетели. См.: Известия Петроградского Совета. 1917. 21 июля. № 123. Именно эти выступления Мартов называет «боевой речью» Чернова и коллективной отповедью кадетам, которых «кто-то лишил разума». При этом Мартов имел в виду известный вариант латинский пословицы – *Quos Deus perdere vult dementat prius* – Кого Бог хочет погубить, того он сначала лишает разума.

К стр. 211. «А на утро в статье под названием “Лжецы” советские “Известия” с негодованием сообщили слух, переданный буржуазной печатью, о том, что “партия социалстов-революционеров постановила отозвать В.М. Чернова”». См.: Лжецы. Без подписи // Известия Петроградского Совета. 1917. 21 июля. № 123.

– «Было совестно, когда сам В.М. Чернов и за ним Церетели объяснили причины отставки министра и когда всегда готовый истолковать волю начальства тов. Исув старался убедить собрание, что он все понял и что вполне убежден в правильности этого рокового шага». Речь идет о выступлениях на объединенном пленарном заседании ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов и Исполнительного Комитета Всероссийского Совета крестьянских депутатов 19–20 июля. Именно на нем было сообщено о последовавшей отставке Чернова. Началось оно в 12 часов ночи, когда в Таврический дворец прибыли Церетели, Скобелев и Чернов. Чернов, а затем Церетели в своих выступлениях осудили попытки использовать в политической борьбе клевету и ложь, подчеркнув, что выход Чернова из правительства и его выступление в защиту своего честного имени как частного лица имеет огромное моральное значение. Мартов на том же заседании квалифицировал эту позицию как капитуляцию, заявил, что «под действием шантажа, угрозы, уходить нельзя». (См.: Меньшевики в 1917 году. Т. 2. С. 181.) Отсюда и его заявления о стыде, который он испытывал, слушая Церетели и Чернова. А выступление И.А. Исува, поддержавшего решения Чернова об отставке и новую позицию Церетели, Скобелева и Керенского, обозвал «всегдашней готовностью истолковать волю начальства». (См. там же. С. 182–183). Исув Иосиф (Андреевич) Григорьевич (1878–1920) – участник революционного движения с конца 90-х гг. XIX века,

бундовец. С 1902 – социал-демократ, с 1903 – меньшевик. Участник первой российской революции 1905–1907. Неоднократно арестовывался, провел в тюрьмах в общей сложности четыре с половиной года и около пяти лет в административных ссылках. На V съезде РСДРП заочно избран членом ЦК партии от меньшевиков. Считался выдающимся практиком. «Ликвидатор», член петербургской «Инициативной группы», участник Венской конференции 1912, на которой был избран членом ОК. В годы Первой мировой войны – оборонец. В 1917 – один из руководителей московской партийной организации. Делегат майской общероссийской конференции РСДРП (на которой вновь избран членом ОК), первого Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов (избран членом ЦИК), августовского Объединительного и декабрьского Чрезвычайного съездов РСДРП (на первом избран членом ЦК, на втором – кандидатом в члены ЦК). Захват власти большевиками накануне созыва Учредительного собрания называл «бессмысленным и авантюристическим». В 1918 возглавлял меньшевистскую фракцию Московского Совета. На партийном совещании 1920 выступил с критикой программного доклада Мартова, заявив, что «правильность посылок о несостоятельности капитализма не доказана». (Меньшевики в 1919–1920 гг. С. 379).

– *«Подвергшись той самой инсинуационной травле, от которой он в свое время не считал возможным защитить ни Роберта Гримма, ни Н. Ленина, – своих товарищей по Циммервальду, – подвергшись ей со стороны той же банды наемников контрреволюционной буржуазии, перед которой он столько раз капитулировал, В.М. Чернов считал необходимым “временно” отстраниться от правительства, чтобы в качестве свободного лица иметь свободными руки для разоблачения клеветников».* Чернов поддержал высылку Гримма и допускал возможность явки Ленина на суд Временного правительства, хотя сам, наряду с ними, являлся активным участником циммервальдийского движения. Для Мартова данная позиция Чернова была неприемлема и выглядела очередной «капитуляцией».

– *«Как стыдно было слушать Церетели, дающего своим избирателям это объяснение факту отречения его, Керенского и Скобелева, – от их коллеги. Не успел трижды пропеть петух из “Единства” после того, как Керенский и Церетели торжественно ответили буржуазной несговорчивой невторопе, что с В.М. Черновым не расстанутся, а уже отрелись от него, как Петр от Иисуса».* Речь идет все о том же выступлении Церетели на объединенном пленарном заседании ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов и Исполнительного Комитета Всероссийского Совета крестьянских депутатов в ночь с 19 на 20 июля. При характеристике «буржуазной несговорчивой» части переговорщиков Мартов использует редкое народное слово «невторопь» – обозначающее чрезмерных «торопыг». И отсылкой к разговору Иисуса Христа с апостолом Петром на тайной вечере, усиливает негативную коннотацию происшедшего, напомнив, что сказал Господь: «...говорю тебе, Петр, не проплет петух сегодня, как ты трижды отречешься, что не знаешь Меня» (Лук. 22:31–34).

– *Бурцев Владимир Львович (1862–1942) – журналист, редактор и издатель; общественный деятель. После февраля 1917 в Петрограде издавал патриотическую газету «Общее Дело», которая резко выступала против интернационалистов и, прежде всего, большевиков. За публикацию секретных материалов о выступлении Л.Г. Корнилова газета была закрыта Временным правительством.*

– К стр. 212. *«...А.Ф. Керенский, следуя рыцарской тактике, решил разоблачить, что дело в действительности идет о земле, а потому... обещал в письме к Набокову и К”, что правительство будет ответственно “только перед своей совестью и страной”».* Керенский, а за ним и Церетели, выступили с разъяснениями, что уход Чернова не знаменует собой уступки в программных требованиях. См.: Известия Петроградского Совета. 1917. 23 июля. № 125; Меньшевики в 1917 году. Т. 2. С. 183–184.

– *«Рыцарская тактика отвечает преданием Ленина и Коллонтай суду по обвинению в государственной измене и обезоруживает истинных патриотов, поручая ведение следствия ставленникам Щегловитого, судебным следователям Александрову и Серее, из коих по-*

следний вел следствие против Керенского со товарищи за их выступление по поводу дела Бейлиса». Коллонтай Александра Михайловна (1872–1952) – в социал-демократическом движении с конца 1890-х, с 1903 – большевичка, с 1906 перешла к меньшевикам. В 1908 эмигрировала. Жила в Германии, вступила в Германскую социал-демократическую партию, сотрудничала в печати и выступала с лекциями в ряде стран Европы. В Париже работала в Бюро помощи политэмигрантам. С началом Первой мировой войны арестована, но вскоре освобождена. Уехала сначала в Копенгаген, затем в Стокгольм. В ноябре 1914 вновь арестована в Швеции за антивоенную пропаганду. В феврале 1915 переехала в Норвегию. Работала в Международном женском социалистическом секретариате, участвовала в подготовке Циммервальдской международной социалистической конференции, вернулась к большевикам. В 1915–1916 выступала с антивоенными лекциями в США. В марте 1917 прибыла из эмиграции в Петроград. Член ЦК РСДРП(б) и ее военной организации, Исполкома Петросовета, делегат первого съезда Советов, на котором избрана кандидатом в члены ЦИК. Вела агитационную работу среди солдат и матросов. Газеты следили за каждым ее шагом, называя ее Валькирией Революции. Обеспечила поддержку большевикам со стороны Центробалта. При возвращении из Стокгольма, куда ездила на совещание Циммервальдского объединения, в июле 1917 арестована Временным правительством. На VI съезде большевиков заочно избрана членом ЦК. Участвовала в подготовке и проведении октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. Делегат и член президиума второго съезда Советов, член ВЦИК второго созыва. В первом составе советского правительства – нарком государственного призрения. В марте 1918, стоя на позициях «левых коммунистов», вышла из Совнаркома, затем признала свои ошибки. Была направлена на Украину, где возглавила наркомат агитации и пропаганды Крымской Советской республики, а также политический отдел Крымской армии. С 1920 – заведующая женотделом ЦК РКП(б). В 1920–1922 примыкала к «рабочей оппозиции». С 1923 – полномочный и торговый представитель СССР в Норвегии, в 1926 – в Мексике, с 1927 – полномочный представитель в Норвегии, в 1930–1945 – посланник, затем посол СССР в Швеции. Ставленниками Щегловитого Александра и Середу Мартов именует явно в полемическом запале. Александров Павел Александрович (1866–1940) – выдающийся юрист, статский советник, расследовавший многие сенсационные преступления конца XIX – начала XX века, получившие широкое освещение в средствах массовой информации. После прихода большевиков к власти использовался как профессионал. Неоднократно при этом арестовывался, вызывался на допросы, а в июле 1940 Военной Коллегией Верховного Суда СССР приговорен к высшей мере наказания. Приговор был приведен в исполнение 24 сентября того же года. Реабилитирован Главной военной прокуратурой РФ 9 ноября 1993 г. Серeda Виктор Николаевич (1877–1920) – действительный статский советник, ученый правовед. С 1898 служил по судебному ведомству. С 1911 – следователь по важнейшим делам СПб (Петроградского) суда. 2 декабря 1913 вызывал на допрос А.Ф. Керенского, подписавшего петицию 82-х адвокатов по делу Бейлиса. В 1916–1917 участвовал в расследовании обстоятельств убийства Григория Распутина. С приходом большевиков к власти от дел отошел, работал в одной из организаций Народного комиссариата просвещения, занимался библиотечным делом. Бейлис Менахем Мендель (1874–1934) – мещанин еврейского происхождения.

– «Чтобы “разоблачить”, буржуазию, рыцарская тактика предписывает издать по случаю Трехлетия войны такую декларацию, от которой разило бы духом Плеханова». Речь идет о обращении военной секции ВЦИК Советов, Всероссийской военной организации РСДРП при ОК, Союза социалистов народной армии «Ко всем солдатам и матросам фронта и тыла», призывавшем их сплотиться вокруг своих полковых комитетов, Советов и выступать в поддержку ЦИК Советов, за правительство спасения революции, за революционную дисциплину. «Духом Плеханова», по Мартову, вероятно, были пропитаны лозунги: «Все на помощь армиям фронта. Изменником и предателем будет тот, кто будет сеять смуту, кто

будет призывать к борьбе против Советов, кто будет против правительства спасения революции». См.: *Меньшевики в 1917 году*. Т. 2. С. 132; *Рабочая Газета*. 1917. 16 июля. № 108.

К стр. 213. *«Тактика, давно предусмотренная латинской пословицей: ради того, чтобы жить, жертвовать самым смыслом жизни»*. Имеется в виду афоризм римского сатирика Децима Юния Ювенала: *Et propter vitam vivendi perdere causas* – *Высший позор – ради жизни упустить смысл жизни*.

– «...эта самоубийственная политика, политика самооскопления революционной демократии, прикрывается невыносимым фразерством Либера, патетически выкликающего о «жене Цезаря, коей да не коснется подозрение»». Мартов именует политикой «самооскопления» революционной демократии заверения М.И. Либера в том, что правительство спасения революции является «единственным средством спасения страны и революции», которое может «воодушевить армию и народ для защиты страны, предотвратить хозяйственную катастрофу и вырвать почву, как у анархии, так и контрреволюции». Иронизируя над этими априорными утверждениями, он уподобляет отношение Либера к правительству фразой – *Caesaris uxorem etiam suspicione carere oportet* – *Жена Цезаря должна быть выше подозрений*, которую часто используют, когда хотят подчеркнуть безупречность чьей-либо репутации.

– *«Что делаешь, делай скорей!»* Из Библии, в Евангелии от Иоанна (гл. 13, ст. 27) слова Иисуса, обращенные к предателю Иуде, который медлил подать условный знак римским войнам, пришедшим схватить Учителя.

Горький М. *«Три года по горло в крови»: Несвоевременные мысли. Впервые опубликована в сб.: *Горький М. Несвоевременные мысли и рассуждения о революции и культуре (1917–1918 гг.)*. С. 69–70. Заголовок дан составителями из текста статьи.

К стр. 215. *Иоанн Дамаскин* (Ioannus o Damascnnos) (ок. 675 – между 749 и 753) – христианский богослов и церковный писатель. Родился в Дамаске в зажиточной христианской семье. Активно выступал против иконоборчества, а также против манихейства и несторианства. Причислен церковью к лику святых.

– *Франциск Ассизский* (Franciscus Assisiensis) (1182 – 3 октября 1226) – христианский проповедник, основатель ордена францисканцев, или миноритов (меньших братьев). Основной пафос учения Франциска Ассизского, определивший весь образ его жизни, – призыв к сознательно практикуемой бедности как христианскому нравственному идеалу.

– *Толстой Лев Николаевич, граф* (1828–1910) – великий русский писатель и мыслитель, просветитель, публицист. Его просветительская деятельность и публицистика породили в 80-е XIX в. общественное движение – «толстовство».

Засулич В.И. Верность союзникам. Републикуется впервые.

Сталь Л.Н. Кризис власти. В дореволюционной России лишь большевики-ленинцы уделили должное внимание созданию специализированного политического женского журнала, призванного способствовать развитию политической грамотности среди женщин работниц, пропагандировать партийные документы, направленные на решение женского вопроса. Именно они подготовили и обеспечили в феврале 1914 издание первого подобного легального журнала в России. Он назывался «Работница», до июня того же года вышло семь номеров (три из них были конфискованы). В мае 1917 «Работница»

оказалась в числе первоочередных изданий возобновленных по указанию ЦК РСДРП(б). Уровень статей, готовившихся редакционной коллегией (К.И. Николаева, Л.Н. Сталь, А.И. Елизарова-Ульянова, А.М. Коллонтай, К.Н. Самойлова и др.) был весьма высок. На страницах журнала неоднократно публиковались статьи В.И. Ленина и других большевистских лидеров. См.: Минаева О.Д. Журналы «Работница» и «Крестьянка» в решении женского вопроса в СССР в 1920–1930-е гг.: модель пропагандистского решения социальных реформ. М., 2015; а также Коллонтай А.М. К конференции работниц // Правда. 1917. 8 декабря (25 ноября ст. ст.). № 199; Блонина Е. (Арманд И.Ф.). Работа среди женского пролетариата // Коммунистическая партия и организации работниц. Пособие для пропагандистов. М., 1919. Статья Л.Н. Сталь, включенная в данный сборник, републикуется впервые.

К стр. 217. «Как мы писали в № 3 “Работницы”». См.: Какое правительство нам нужно. Без подписи // Работница. 1917. № 3. С. 2–3.

– «Когда наступление окончилось поражением, и кадеты позорно бежали из министерства, возмущенные рабочие и солдаты Петрограда вышли 3–4 июля на улицы, требуя перехода всей власти Совету рабочих и солдатских депутатов. Тогда еще было не поздно мирно разрешить кризис власти и спасти революцию. Но Совет поступил иначе, он пошел не по тому пути, на который давно уже его призывала наша партия». Речь идет о массовых антиправительственных выступлениях и манифестациях в Питере 3 июля. Попытки большевиков придать этому движению организованный характер привели в итоге к неконтролируемому развитию событий. В ночь на 4 июля на совместном заседании Исполкомов Советов они были единодушно оценены как большевистская авантюра. Принята резолюция поддержки Временного правительства и санкционирования разоружения участвовавших в антиправительственном выступлении частей и дружинников.

– «Керенскому была предоставлена неограниченная власть составить министерство из удобных ему лиц, не ответственных перед Советами. Это развязало руки контрреволюции. Цвет революционной демократии наполнил российские тюрьмы. Ленин и Зиновьев были принуждены скрыться от преследования подобно пролетарским борцам Великой французской революции. Наши газеты разгромлены и закрыты». 8 июля, после принятия Исполкомами Советов «Программы 8 июля» глава Временного правительства князь Львов подал в отставку, его место занял А.Ф. Керенский, сохранивший за собой пост военного министра. Исполкомы Советов 10 июля по предложению Ф.И. Дана провозгласили правительство «правительством общественного спасения» и наделили его неограниченными полномочиями. 13 июля Керенский огласил новую правительственную декларацию с определенными уступками правым и предполагающую репрессии против большевиков. Ленин и Зиновьев перешли на нелегальное положение. Большевистские газеты закрыты.

К стр. 218. «...Пуришкевич на частном заседании незаконно существующей Государственной думы заявил, что нужно, чтобы власть стала властью...» См.: Частное совещание членов Гос. Думы // Речь. 1917. 19 июля (1 августа). № 167 (3909); Революция 1917 года. Хроника событий. Т. III. Июнь–июль / Сост. В. Владимиров. М.; Пг., 1923. С. 194.

– «Другой член Думы Масленников назвал Исполнительный Комитет «кучкой сумасшедших фанатиков, проходивцев и предателей». Масленников Александр Михайлович (1858–1950) – юрист, выпускник юрфака СПб университета со степенью кандидат права (1882). В 1890–1906 – гласный Саратовской городской думы, кадет, член III и IV Государственных дум, с августа 1915 по октябрь 1916 входил в прогрессивный блок (конституционные-демократы, октябристы, «прогрессисты» и др.). Весной 1917 – комиссар Северного фронта, затем Юго-Западного. В промежутки между этими назначениями – комиссар Саратовской губернии. Член предпарламента – Временного Совета Российской республики. Один

из организаторов Добровольческой армии, затем эмигрант. Он не только назвал ВЦИК Советов «кучкой сумасшедших фанатиков, проходимцев и предателей», но и объявил Временное правительство предательским, а солдат, оказавшихся неспособными реализовать приказ А.Ф. Керенского от 16 июня о наступлении, – «скопищем трусов». См.: Там же.

– «...кадеты недовольны, что министр земледелия Чернов позволяет себе вооружать крестьян против дворян и помещиков, батраков – против крестьян своим указом о запрещении земельных сделок». См.: Постановление Временного правительства [о запрещении земельных сделок]. 12 июля // Вестник Временного Правительства. 1917. 14 (27) июля. № 104 (150).

– *Родичев Федор Измайлович* (1854–1933) – окончил естественное отделение физико-математического факультета (1872), а затем и юридический факультет (1876) СПб университета. В период войны 1876–1878 на Балканах воевал добровольцем на стороне сербов против турок. В 1879–1891 и с 1906 – предводитель Тверского дворянства, активный деятель земского движения. Выступал за утверждение правовых порядков, отмену сословного неравенства, за введение всеобщего обучения. Неоднократно подвергался лишениям, административным высылкам, домашним арестам. Один из создателей и сотрудников журнала «Освобождение», кадет, со второго съезда член ЦК партии. Депутат всех четырех Государственных дум. В марте–мае – комиссар Временного правительства по делам Финляндии. Активный защитник *права собственности*. Участник Государственного совещания, член Временного Демократического Совета Российской Республики. Затем один из организаторов Добровольческой армии, эмигрант.

– «Пусть не обманывает никого присутствие [в правительстве] Чернова. Он будет игрушкой в руках этого правительства, стоящего за продолжение войны и борьбу с революцией. Что это так – видно из передовой статьи газеты «Речь», которая заявляет, что все ее требования приняты». К этому месту в журнале дана следующая подстрочная сноска: Речь. 1917. 25 июля (7 августа). № 172 (3914).

Съезду, созванному ЦК РСДРП. Письмо Центрального Бюро меньшевиков-интернационалистов. 2 августа. Заголовок документа. Подписана – Л. Мартов, Астров. *Астров (Повес) Исаак Сергеевич* (1876–1922) – социал-демократ, меньшевик, участник первой российской революции, в последующие годы – «ликвидатор», один из основных организаторов легальной партийной работы, в 1912 арестован, в том же году сослан в Нарымский край, откуда бежал за границу. С 1914 – член заграничного секретариата Организационного Комитета. После Февральской революции – один из лидеров меньшевиков-интернационалистов, член ЦК РСДРП(о). Публикуемое письмо датируется по времени оглашения на съезде. Первая публикации в газете «Новая Жизнь». (См.: Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 года. Протоколы. М., 1958. С. 194–195.) Письму предшествовало решение, принятое ленинским ЦК на заседании от 18 июня, о созыве (во второй половине июля) очередного партийного съезда. См.: Правда. 1917. 3 июля (20 июня ст. ст.). № 86. Через полторы недели по соглашению между большевистским ЦК и Межрайонным комитетом Л.Д. Троцкого было объявлено о создании Организационного бюро по созыву съезда. См.: Там же. 12 июля (29 июня ст. ст.). № 94. В качестве одной из задач предстоящего съезда провозглашалось объединение «всех интернационалистских организаций» российской социал-демократии, включая и те из них, «которые формально не разорвали с оборонцами». (Там же.) Это стало

прямым вызовом решениям майской Общероссийской конференции РСДРП о созыве т. н. Объединительного съезда. Данный вызов во многом базировался на нескрываемом стремлении меньшевиков-интернационалистов во главе с Мартовым использовать предстоящий партийный форум для размежевания с меньшевиками-оборонцами во всероссийском масштабе. Прежде чем данное обращение поступило в президиум большевистского съезда и было зачитано, собравшихся от имени крыла меньшевиков, «которое написало на своем знамени: немедленный разрыв с оборонцами», приветствовал участник революционного движения в России с конца XIX в., меньшевик с 1903 Ю. Ларин (М.А. Лурье). Он же сообщил, по его выражению, «представителям большинства рабочих интернационалистов в России», что впоследствии «на ваш съезд явится вождь меньшевиков-интернационалистов т. Мартов и выступит официально». См.: Шестой съезд РСДРП (большевиков). С. 69. Однако этого не случилось. О причинах этого подробнее см.: *Ненароков А.П.* Правый меньшевизм: прозрения российской социал-демократии. М., 2012. С. 119–138.

К стр. 219. *«Приветствуем съезд вашей партии, собравшийся в столь тяжелое для нее время, в разгар преследований и травли, которым подвергается представляемое ею течение в русском социализме».* После событий 3–5 июля начались репрессии против большевиков, которым было предъявлено обвинение в организации вооруженного восстания. 21 июля (3 августа) было вынесено Постановление прокурора Петроградской судебной палаты о привлечении лидера партии В.И. Ленина и других ее членов к судебной ответственности по статьям 51, 100 и 108, ч. 1 Уголовного уложения, по которым обычно предъявлялись обвинения в измене и организации вооруженных выступлений против власти. Ленин вынужден был перейти на нелегальное положение.

Титлинов Б.В. Политические партии в свете христианства. Републикуется впервые.

К стр. 220. *«Читатели нашей газеты могли познакомиться на ее страницах с современными политическими программами».* В этом месте следовала следующая ссылка на источник: «См. № 26, 33, 36, 39, 41». В указанных номерах в рубрике «Политический отдел» (подрубрика «Наши политические партии») были опубликованы следующие редакционные статьи: Социал-демократическая рабочая партия // Всероссийский Церковно-Общественный Вестник. 1917. 14 мая. № 26; Партия социалистов-революционеров // Там же. 25 мая. № 33; Партия народной свободы // Там же. 28 мая. № 36; Программа трудовой группы. Ч. I // Там же. 2 июня. № 39; Ч. II // Там же. 4 июня. № 41.

К стр. 224. *«Во Христе Иисусе нет ни эллина и иудея, раба и свободного».* См. Послание к Колоссянам Св. апостола Павла, глава 3, стих 8–11: «А теперь вы отложите все: гнев, ярость, злобу, злоречие, сквернословие уст ваших; не говорите лжи друг другу, совлекшись ветхого человека с делами его и облекшись в нового, который обновляется в познании по образу Создавшего его, где нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос». Ранее эта же мысль была развита в Послании к Галатам, глава 3 стих 28: «Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе».

Рябушинский П.П. * «К сожалению, мы все испортили своими собственными руками». Речь на втором Всероссийском торгово-промышленном съезде 3 августа 1917 г. Републикуется по стенограмме первого пленарного

заседания съезда, опубликованной в 1917. Выступление Рябушинского, подчеркивающее обоюдную ответственность предпринимателей и рабочих, крестьянства и торговых людей за то, что они не могут влиять на стремление новой государственной власти вывести страну из тяжелого экономического положения «путем лишь правительственных мероприятий и государственной монополии» было направлено против влияния Советов на власть. Призывая задушить костлявой рукой голода и народной нищеты лжедрузей народа – членов различных комитетов и Советов, он напоминал, что «нельзя жертвовать государственными интересами, чтобы убедить какую-то небольшую группу лиц», ибо это может обернуться трагедией, как случилось в армии, где «демократизация» обернулась против офицерства, что привело к колоссальным жертвам на фронте.

К стр. 227. *«Мы фактически видим перед собой какой-то министерский ералаш».* Речь идет о попытках А.Ф. Керенского сформировать второе коалиционное правительство, тянувшихся с 9 по 24 июля.

К стр. 231. *«В настоящий момент в Петрограде создан экономический совет, который должен разрабатывать широкие государственные вопросы. В этом совете имеются представители разных групп, но мы, когда обратились с просьбой от имени нашего союза получить возможность принять участие в этом совете, от совета получили отказ».* Закон об Экономическом Совете и Главном Экономическом Комитете был принят 21 июня по проекту экономического отдела Исполнительного Комитета Петроградского Совета, поддержанному первым Всероссийским съездом Советов.

Ефремов С.А. На поворотці. Серия статей С.А. Ефремова под единым названием – «На повороте» – представляет лапидарный очерк развития не только борьбы за национальную самостоятельность Украины после свержения самодержавия. Одновременно она содержит также развернутую характеристику переживаемого момента российской революции и дает возможный прогноз ближайшей политической перспективы. Впервые увидела свет в трех августовских номерах газеты «Нова Рада». В наши дни републикована в сборнике: *Сергій Єфремов. Публіцистика революційної доби (1917–1920 рр.). У двох томах.* Т. 1. 9 березня 1917 р. – 28 квітня 1918 р. Київ, 2013. С. 214–221.

К стр. 232. *«Той кризис власті, що пережила недавно російська держава»* – «Тот кризис власти, который пережило недавно российское государство» – июльский кризис, апогеем которого стали события 3–5 июля 1917.

К стр. 233. *«Сбились мы. Что делать нам? / В поле бес водит, видно, Да кружит по сторонам...»* – строки из произведения А.С. Пушкина «Бесы» (1830) призваны, по мнению С.А. Ефремова, рельефно подчеркнуть весь трагизм ситуации – «дуновение смерти», пережитый руководителями страны в истекшие три недели глубочайшего кризиса. См.: *Пушкин А.С. Собрание сочинений в десяти томах.* Т. II. М., 1981. С. 179.

– *«...дезертирство кадетів од власті»* – выход из состава Временного правительства трех министров – кадетов А.А. Мануйлова, А.И. Шингарева и Д.И. Шаховского в знак несогласия с результатами переговоров делегации Временного правительства – И.Г. Церетели, Н.В. Некрасова, А.Ф. Керенского и М.И. Терещенко в Киеве 29–30 июня 1917 с Центральной Радой. Достигнутые соглашения легли в основу Второго Универсала и постановления Временного правительства по украинскому вопросу, синхронно обнародованных 3 июля 1917.

– «...повстання в Петербурзі, викликане безглуздою агітацією за негайне встановлення соціалістичного ладу» – «...восстание в Петербурге, вызванное безумной агитацией за немедленное установление социалистического строя» – так, согласно официальной версии, были восприняты С.А. Ефремовым события, произошедшие в столице 4–5 июля: организация антиправительственной демонстрации, ее расстрел, изменение законодательства, открывшее череду репрессивных мер против революционных, демократических сил.

– «...ганьба й жах, оргії анархії та розбишацтва, поєднані з тяжкою невдачею на фронті» – «...позор и ужас, оргии анархии и разбоя, соединенные с тяжелой неудачей на фронте». Имеется в виду нарастание в стране деструктивных политических тенденций, противостоять которым правительство было не в состоянии. Недовольство проводимым курсом особенно резко возросло после бесславного провала, предпринятого по распоряжению Временного правительства наступления на Юго-Западном фронте 18 июня 1917.

– «Что день грядущий нам готовит?» – парафраз слов В. Ленского из романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: «Что день грядущий мне готовит?» См.: Пушкин А.С. Собрание сочинений в десяти томах. Т. IV. С. 108.

– «Ще більш одверта агітація проти українства, довершена вже й чинним способом, що кільканадцять живих людей трупом положив...» – «Еще более откровенная агитация против украинства, увенчанная уже и действенным способом, что несколько живых людей трупами положил...» После тяжелого поражения в предпринятом июньском наступлении на Юго-Западном фронте в поисках виновников официальная российская пропаганда усилила кампанию нападков на украинское движение, в частности на разворачивавшийся процесс украинизации армии – выделения на фронте и в тылу воинов украинской национальности и формирования из них обособленных национальных частей. Глава Генерального секретариата (правительства) был объявлен германским шпионом. Результатом антиукраинской пропаганды явился расстрел 26 июля 1917 «богдановцев» – военнослужащих Первого Украинского казачьего добровольческого полка им. Б. Хмельницкого. Полк направлялся по железной дороге на фронт и в Киеве был неожиданно подвергнут обстрелу кирасирами и донскими казаками. Погибло 16 и было ранено 30 украинских воинов. Наказания никто не понес. См.: Солдатенко В.Ф. Україна в революційну добу: Історичні есе-хроніки. У 4 т. Т. 1. Рік 1917. Харків, 2008. С. 337–339.

К стр. 234. С.А. Ефремов приводит цитату из своей статьи «На початку другого акту» («В начале второго акта»), опубликованную в «Новой Раде» 7 мая 1917 (№ 33), считая, что высказанные тогда мысли и предостережения во многом позднее стали сбываться в реальной жизни.

– «...порозуміння між заступництвом організованого українства, Центральною Радою та Тимчасовім правительством» – «...соглашение между представительством организованного украинства, Центральной Радой и Временным правительством». Речь идет о результатах переговоров, проходивших в Киеве 29–30 июня 1917 между делегацией Временного правительства (И.Г. Церетели, Н.В. Некрасов, А.Ф. Керенский, М.И. Терещенка) и представителями Центральной Рады (Н.С. Грушевский, В.К. Винниченко, С.А. Ефремов), утвержденных на заседании Центральной Рады. Достигнутые договоренности, носившие компромиссный характер, легли в основу Второго Универсала и постановления Временного правительства по украинскому вопросу 3 июля 1917.

К стр. 235. «Res nullius» – (лат., восходит к «Римскому праву») – бесхозяйная вещь.

– «Час, коли вийшов перший Універсал, треба вважати апогеєм, до якого дійшов стихійний розмах українського національного руху» – «Время, когда вышел первый Универсал, нужно считать апогеєм, к которому поднялся стихийный размах украинского национального движения». С.А. Ефремов принадлежал к значительной группе публицистов и ученых, (среди них и Д.И. Дорошенко) считавших, что высшим достижением Украинской революции было самовольное провозглашение Центральной Радой автономного статуса Украины.

А ее переговоры с представителями Временного правительства и допущенные ради достижения компромисса уступки расценивали как попятное движение, отступление от достигнутого рубежа. Однако другая, тоже весьма представительная когорта политических деятелей, историков (М.С. Грушевский, В.К. Винниченко, П.А. Христюк и др.) считали легитимизацию Центральной Рады, достижение мирным путем стратегических задач концепции, определенной Украинским национальным конгрессом, шагом вперед в реализации курса Украинской революции. См.: *Солдатенко В.Ф.* Указ. соч. С. 259–336.

– *Генеральный секретариат* – исполнительный орган власти нарождающейся автономной Украины. Создан Центральной Радой 15 июня 1917 для решения организационных и практических политических задач для реализации курса Украинской национально-демократической революции. В состав правительства вошли: В.К. Винниченко (УСДРП, председатель и г. с. внутренних дел), С.А. Ефремов (УПСФ, г. с. национальных дел), Х.А. Барановский (б. п., г. с. финансовых дел), Б.Н. Мартос (УСДРП, г. с. земельных дел), Н.М. Стасюк (внепартийный социалист, г. с. продовольственных дел), С.В. Петлюра (УСДРП, г. с. воинских дел), И.М. Стещенко (УСДРП, г. с. образования), П.А. Христюк (УПСР, г. писарь). Попытка утвердить Генеральный секретариат в представленном составе в конце июля 1917 как орган управления Временного правительства в Украине, согласно достигнутой на переговорах в Киеве договоренности, закончилась безуспешно. В обнародованной 4 августа Временной инструкции Временного правительства Генеральному секретариату количество возможных секретарей сокращалось с четырнадцати до девяти, и не менее четырех из них должны были быть неукраинцами. Прерогативы Генерального секретариата ограничивались пятью губерниями (Подольская, Волынская, Киевская, Черниговская, Полтавская). Такой поворот событий вызвал правительственный кризис, привел к отставке Генерального секретариата, возглавляемого В.К. Винниченко, и лишь после долгих трений новый состав был утвержден Временным правительством 1 сентября 1917. См.: *Українська Центральна Рада. Документи і матеріали. У двох томах. Т. 1. 4 березня – 9 грудня 1917 р. Київ, 1996. С. 105–106; 116–120; Солдатенко В.Ф.* Генеральный секретариат Української Центральної Ради. // *Політична енциклопедія. Київ, 2011. С. 135.*

– *Декларация Генерального секретариата* – была подготовлена В.К. Винниченко и одобрена сессией Центральной Рады 26 июня 1917 г. В документе обосновывалась феноменальность формирования украинской власти, ее трансформация из моральной в публично-правовую, как воплощение истинного народоправия, призванного решать все социальные, политические, экономические вопросы общественного развития. Разъяснялось естественное разделение функций ветвей власти нарождавшейся автономной Украины – законотворческой, на которой концентрировались усилия Центральной Рады, и организационно-исполнительской, которой надлежало заниматься Генеральному секретариату (прообразу правительства). См.: *Українська Центральна Рада. Документи і матеріали. У двох томах. Т. 1. 4 березня – 9 грудня 1917 р. Київ, 1996. С. 157–160.*

К стр. 236. «...оди́му кожної вла́сті...» – «...одиума каждой вла́сти...» – очевидно, С.А. Ефремов имеет ввиду одиозность (от лат. *odiosus* – ненавистный, противный) власти, вызывающей, как правило, отрицательное и даже враждебное к себе отношение основного массива общества.

– «...українізацію всього життя на Україні» – «украинизация всей жизни на Украине». Одна из трех главных задач, сформулированных и обоснованных в концепции Украинской революции: народоправие, широкая национально-территориальная автономия и украинизация различных сфер жизни. Последняя имела много проявлений: создание украинских организаций, в частности, на профессиональной, корпоративной, групповой основе – образовательных, просветительных, студенческих, ученических, спортивных и т. п., создание сети украинских школ, гимназий, вузов, внедрение в образовательный процесс и общественный обиход украинского языка, выпуск на украинском языке периодических и непериодических изданий и т. д. Особый резонанс получила идущая снизу инициатива украи-

низации армии – создание на национальной основе украинских частей из военнослужащих в тылу и на фронте.

– *Українськими ольстерцями* С.А. Ефремов именує те антиукраїнські сили, які, використовуючи жупел «українізації», подібно североірландським елементам, виступавшим проти борців за незалежність Ірландії, збереження англо-ірландської унії 1801, стрималися не допустити реалізації цілей українського руху, провокували озброєні конфлікти.

К стр. 237. *«Шістнадцятеро богданівців лягли першими жертвами того заколоту...»* – *«Шестнадцать богдановцев погибли первыми жертвами того заговора...»* Речь об убитых кирасирами и донскими казаками в Киеве 26 июля 1917 воинах Первого добровольного украинского полка им. гетмана Б. Хмельницкого во время отправки на фронт. Неспровоцированная вооруженная акция сопровождалась выкрикиванием антиукраинских лозунгов и угроз по адресу всех, кто отважится бороться за национальную независимость.

К стр. 238. *«...маємо у власній історії одного дотепного князика, що на докори – як навжився він хресне цілування зламати, – весело й безтурботно відповів: “а що мені якийсь там маленький хрестик”...»* – *«имеем в нашей истории одного остроумного князика, который на укоры – как решился он крестное целование сломать (предать) – весело и беззаботно ответил: “а что мне какой-то там маленький крестик”...»* Исторический факт: так «оправдывался» галицкий князь Владимир Володаревич (Владимирко) перед послом киевского князя Изяслава Мстиславича Петром Бориславичем в 1152 г. за отказ от торжественно взятых обязательств – с целованием креста. Согласно свидетельству Киевской летописи, посол заметил, что крестик, хоть и мал, но сила его велика, как на земле, так и на небесах, а Владимир Володаревич той же ночью умер. См.: *Котляр М.Ф.* Володимирко Володаревич // *Енциклопедія історії України*. Т. 1. К.: Наукова думка, 2003. С. 622.

– *«...Архимедового завдання»* – *«...Архимедовой задачи...»* Речь идет о поиске рычага, с помощью которого можно перевернуть мир. С.А. Ефремов, как представитель либеральных кругов, сторонник постепенных демократических реформ в рамках существующего строя, ратует за демократический, не силовой путь достижения цели украинского движения – национально-территориальной автономии в федеративной республике Россия.

– *«До цього мусимо додати ще одну річ, а саме заходи коло паралізування того специфічного лиха на нашому ґрунті, яке в Галичині виявлялось під маскою москвофільства».* *Москвофільство* – общественно-политическое течение, сформировавшееся в Галиции на рубеже 30–40-х XIX в. Идеологической основой стали идеи панславизма, стремление развивать искусственный язык – «язычие» с паллиативным единением слов, заимствованных из церковнославянского, русского, украинского, польского языков. Получило довольно широкое распространение в условиях массового недовольства украинским населением австрийским владычеством, желанием части галицийской интеллигенции подчеркнуть свою значимость путем отождествления себя с великой державой – Россией. Во многом зиждилось на чувствах этнической близости украинского населения с российским народом, подкрепленного похожестью терминов «русины» – «русские». Важную роль в упрочении москвофільства играла российская правительственная политика, в частности серьезная финансовая поддержка течения. В 1900 во Львове оформилось политическое объединение «Русская народная партия», придерживающаяся принципов: сознательная национальная принадлежность галицийских украинцев («русских») к российскому народу, расчеты на то, что спасение придет из России. В Петербурге в 1902 было создано «Галицийско-русское благотворительное общество», основными направлениями деятельности которого стали образование и воспитание галицийцев, распространение среди них русских книг, издание художественных и научных произведений, материальная помощь выходцам из Галиции и т. д. Накануне Первой мировой войны Россия значительно усилила поддержку москвофильских кругов в Австро-Венгрии. В 1914 в Москве было образовано «Карпато-русское

общество» во главе с А.И. Гучковым. Только денежная помощь в это время достигла 200 тыс. рублей. С началом войны существенно возросли репрессии властей «лоскутной империи» против москвофилов. Спасаясь от неизбежного террора во время отступления российской армии в 1915 значительная часть москвофилов оставила Галицию.

С.А. Ефремов предостерегает против возможного повторения в новых формах, в новых условиях галицийского опыта, который может привести в Надднепрянской Украине к еще более масштабным общественным коллизиям.

Мельгунов С.П. Трагедия русской революции. Одна из лучших статей о перспективах развития российской революции. Републикуется впервые.

К стр. 239. *«...публицист, честно выполняющий свой долг, понимающий вместе с тем всю безвыходность положения страны, которое привело революционное правительство к принятию исключительных мер, не может не возвысить своего голоса против смертной казни».* Восстановление смертной казни на фронте летом 1917 последовало ровно через четыре месяца после того, как смертная казнь в России была отменена. Объяснялось это обострением ситуации в результате провалившегося наступления русской армии в июне, когда после Тарнопольского ответного удара германских войск началось беспорядочное отступление, сопровождавшееся отказом отдельных воинских соединений выполнять приказы командующих, массовым дезертирством, самовольным оставлением позиций, анархией и мародерством. Ситуация складывалась критическая и назначенный командующим Юго-Западным фронтом Л.Г. Корнилов в первый же день своего пребывания на этом посту выступил инициатором применения жестких мер к нарушителям воинской дисциплины. Верховный главнокомандующий генерал А.А. Брусилов поддержал это решение, хотя позже признал его бесполезность. 12 июля начальникам штабов действующей армии была разослана циркулярная телеграмма, сообщавшая полный текст постановления Временного правительства о восстановлении смертной казни и об учреждении военно-революционных судов на театре военных действий. См.: *Ратьковский И.С.* Восстановление смертной казни на фронтах летом 1917 г. // Новейшая история России. 2015. № 1 (15). С. 48–58.

К стр. 240. *«Путь, опасный для революции; путь, который неизбежно развращает органы революционной власти; путь, почти неизбежно ведущий к последовательному развитию якобинизма».* Якобинизм – радикальное революционное течение времен Великой французской революции, названное так в 1789 по религиозному ордену, чьи помещения были им конфискованы. Обосновывало теоретически необходимость и широко использовало практически для завоевания и сохранения власти весь спектр средств борьбы, включая массовый террор.

– *«Я глубоко презирал при старом режиме литературную деятельность рептильных органов гг. Сувориных, но, как писатель, испытывавший весь гнет запрещения свободного слова, должен кричать в защиту своих врагов. [...] Сегодня Суворины, завтра вы – в этом опасность, с которой не хотят считаться».* Речь идет о Суворине Алексее Сергеевиче (1834–1912) – писателе, драматурге, журналисте театральном деятеле, с 1876 и до кончины совладельце (с В.И. Лихачевым) и издателе газеты «Новое Время», а также его сыновьях: Михаиле (1860–1936) – одно время возглавлявшем редакцию «Нового Времени»; Алексее (1862–1937) – основателе издательства «Новый человек» специализировавшегося на выпуске книг по альтернативной медицине; Борисе (1879–1940) – издателе газет «Время» (Москва), «Вечернее Время» (СПб), главе правления общества издателей «Весь Петербург» и «Вся Москва». См.: *Динерштейн Е.А.* А.С. Суворин. Человек, сделавший карьеру. М., 1998.

– *«...трагедия русской революции не в том, что ей приходится бороться с непрекращающимся обратным движением теми самыми методами, при помощи которых боролись с нею. Трагедия в том, что ей приходится уничтожать плоды собственного насаждения».*

В этом – главный, но далеко не исчерпывающий аргументы автора, вывод, который он делает из уроков июльского политического кризиса в России 1917.

Канторович В.А. Больная общественность. Републикуется впервые.

К стр. 242. «...вождь российского крупного купечества г. П. Рябушинский изложил в Москве свое политическое credo». См. стр. 226 данного тома.

– «...несколько месяцев тому назад антипод Рябушинского, но родственный ему по складу мысли и программе действий Ленин огласил свой план спасения революции, план, который поражал всех своей простотой и легкостью (арестовать 50 капиталистов!..)». См.: речь Ленина об отношении к Временному правительству на I Всероссийском съезде Советов 4 июня // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 267–268.

Гарви П.А. Ленинцы и Московское совещание. Републикуется впервые. Подписана Н. Гарви.

К стр. 243. «Ленинский Центральный Комитет открыто призвал к бойкоту Московского совещания. Примыкающим к ЦК партийным организациям дана директива: “1) разоблачать созываемое в Москве совещание, орган заговора контрреволюционной буржуазии против революции; 2) разоблачать контрреволюционную политику эсеров и меньшевиков, поддерживающих это совещание; 3) организовать массовые протесты рабочих, крестьян и солдат против совещания”». См.: Против Московского совещания. Без подписи // Рабочий и Солдат. 1917. 8 августа. № 14.

– «Они опять воскрешают эту неумную тактику невмешательства пролетариата в общественно-политическую жизнь». Руководители Исполкомов Советов потребовали от большевиков солидарного действия на Государственном совещании, солидарного действия в составе советской делегации. Тогда большевики, собиравшиеся выступить со своей фракционной декларацией, бойкотировали Совещание. Они отказались войти в состав советской делегации, хотя отдельные большевики присутствовали на Совещании в составе профсоюзной, кооперативной и др. делегаций. Для давления на Совещание извне большевики организовали в Москве масштабную забастовку, в которой участвовали до 400 тыс. чел.

Затонский М.П. В чем опасность? Републикуется впервые. Подписана М. Затонский (Батрак).

Мартов Ю.О. Переходный момент. Републикуется впервые. Подписана: Л. Мартов.

К стр. 247. «Представительницы петроградских солдаток в резолюции, опубликованной “Известиями Петроградского Совета”, очень метко охарактеризовали политику, ведущуюся в настоящее время буржуазными партиями: “Никакого мира – до победы, никаких выборов в Учредительное собрание до мира и никаких реформ до Учредительного собрания” – таков лозунг этих буржуазных партий, под которыми кадетские дамы приглашали солдаток подписываться в особой петиции». См.: Контрреволюционная попытка. Без подписи // Известия Петроградского Совета. 1917. 26 июля. № 127.

– «Буржуазная программа, иронически сформулированная солдатками. Представляет собою действительную сущность возжеланий бывшего “прогрессивного блока”, которого авангардный отряд конституционно-демократическая партия, так откровенно и цинично выступила на последнем съезде этой партии». Речь идет о IX съезде Конституционно-демократической партии, который открылся 23 июля в Москве и завершил работу 28 июля в Петрограде.

– «г-н Миллюков, успокаивавший нетерпеливое большинство съезда, которое требовало немедленного захвата власти буржуазными партиями, объяснял, почему с этим требованием надо подождать». На съезде Миллюков зачитал пространный доклад, резюме которого состояло в следующих словах: «...Мы формулировали наши требования, нашу основную проблему в программе 15 июля: или Советы или Россия», призывал к созданию правительства «сильной власти», независимой от «начал классовой борьбы и лозунгов явного и скрытого циммервальдизма». См.: Речь. 1917. 26 июля (8 августа). № 173 (3916).

К стр. 248. «В запасе держится нераспущенная IV Дума – этот непохороненный осколок старого режима царизма. В нужную минуту она, со всеми своими Пуришкевичами и Савенками возродится, как феникс среди пепла». Мартов неоднократно подчеркивал опасность начавшегося похода контрреволюции против Советов, указывая на возможность «возрождения из пепла нераспущенной IV думы» с ее одиозными «проводниками контрреволюции». См. Меньшевики в 1917 году. Т. 2. С. 106, 117, 120–121, 132–133, 142–144, 158–159 и др. Савенко Анатолий Иванович (1874 – после 1920) – юрист, окончил юрфак Киевского университета имени Св. князя Владимира. Коллежский секретарь, после выхода в отставку посвятил себя журналистике, имел постоянную рубрику в газете «Киевлянин». В 1905–1906 организатор, затем председатель Партии правового порядка, в 1907 – делегат IV Всероссийского съезда объединенного русского народа. Один из инициаторов и руководителей киевского клуба русских националистов. С 1910 – гласный Киевской городской думы, а с 1912 – депутат IV Государственной думы, один из лидеров фракции националистов. Во время процесса Бейлиса в октябре 1913 приветствовал тех, «кто еще не согнул головы перед всепобеждающим еврейством», но в 1915, как и В.В. Шульгин, стал прогрессистом. В сентябре 1917 по инициативе Савенко Клуб русских националистов был переименован в Клуб прогрессивных русских националистов, председателем которого он был избран. Активный участник Белого движения. Эмигрант.

Раевский М. (Фишелев Л.И.) Новый лозунг большевиков. Републикуется впервые. Подписана: М. Раевский. Вместе с Декларацией Петроградского Союза анархо-синдикалистской пропаганды, принятой единогласно на собрании союза 4 июня и опубликованной в первом номере газеты (см. Голос Труда. 1917. 11 (24) августа. № 1) представляет собой развернутую программу петроградских анархо-синдикалистов. Авторство Декларации САСП также принадлежит М. Раевскому, который был одним из основателей Петроградского «Союза Анархо-Синдикалистской Пропаганды» и совместно с В. Волиным, В. Шатовым и А. Шапиро организатором газеты «Голос Труда», ставшей официальным изданием Союза. Именно в этих программных материалах провозглашалось наступление поворотного пункта в истории, ознаменованного полным масштабным социально-политическим кризисом, выражением которого являлась Первая мировая война. Российская революция рассматривалась в них как один из факторов развития социального переворота в международном масштабе, который, в свою очередь, должен был укрепить революционные достижения самой России. В них развивалась идея «переходного периода» к анархо-коммунистическому обществу, предложенная еще в работах Раевского-Фишелева 1915–1916.

К стр. 249. «Когда я писал статью, помещенную в № 1 “Голос Труда” “О роли Советов в революции”, я, к сожалению, не мог еще ознакомиться с содержанием только на днях вышедшей в свет брошюры Н. Ленина “К лозунгам”». Раевский по предложению своих товарищей был ведущим редактором первого номера газеты. Кроме указанной им статьи и

«Декларации», помещенных в первом номере газеты, он опубликовал во втором не только вошедшую в данный сборник статью «Новый лозунг большевиков», но и еще до сих пор не републиковавшуюся статью «Базис Нового Интернационала». Все указанные материалы имели прямое отношение к брошюре В.И. Ленина «К лозунгам», которая была написана в середине июля 1917 и опубликована Кронштадтским комитетом РСДРП(б) в виде отдельного издания. В Полном собрании сочинений эта ленинская работа воспроизводится по тексту данной брошюры. См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 10–17. После выхода первого номера газеты «Голос Труда» Раевский добровольно покинул пост редактора. По мнению одного из лидеров САСП Г.П. Максимова, причиной его ухода стала неуверенность в верности радикальной политической позиции, занятой анархистами.

– *«Именно революционный пролетариат, после опыта июля 1917 года, и должен самостоятельно взять в свои руки государственную власть – вне этой победы революции быть не может».* См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 16.

– *«Власть у пролетариата, поддержка его беднейшим крестьянством или полупролетариями – вот единственный исход».* Там же.

К стр. 250. *«Советы могут и должны будут появиться в этой новой революции... Что мы и тогда будем за построение всего государства по типу Советов, это так [...]. Это не вопрос о Советах вообще, а вопрос о борьбе с данной контрреволюцией и с предательством данных Советов».* Там же.

Тыркова А.В. Перед лицом страны. Републикуется впервые.

К стр. 253. *«...прав был В.Д. Набоков, когда в своей краткой, элегантной речи, высказал благодарность Правительству, давшему возможность соборно подумать о России».* См.: Государственное совещание. М.; Л., 1930. С. 46–50.

– *Корнилов Лавр Георгиевич (1870–1918) – генерал от инфантерии (1917). Из семьи казачьего офицера. Окончил академию Генштаба (1898). Участник русско-японской и Первой мировой войн. К началу революции – командующий войсками Петроградского Военного Округа. В июле–августе 1917 г. – Верховный главнокомандующий. В конце августа (сентября) поднял мятеж. Один из организаторов белогвардейской Добровольческой армии (ноябрь–декабрь 1917). Убит в бою под Екатеринодаром 31 марта (13 апреля) 1918.*

– *«Появление ген. Алексева, его резкая речь внесли ...новую остроту».* Речь Алексева была посвящена причинам падения армейской дисциплины: приказу № 1, который, по его словам, «разложил солдатскую массу и офицерскую массу, противопоставив одну другой», «армия превратилась в какой-то общий агитационный лагерь», «...без закона, без права осуждения виновных», она «полностью прикоснулась к политике» и др. См.: Там же. С. 198–206. Она увлекалась митингами, она прикоснулась к желанию мира и к сохранению своей драгоценной жизни. Можно сказать, что с этого времени армия обратилась во всероссийский военный митинг, с участием немецких представителей. И в этих митингах умерла или заснула здоровая большая душа русского солдата.

И теперь, господа, великая задача – разбудить эту душу и бросить армию снова на те подвиги, в доказательство которых она так много дала в недавнем минувшем».

К стр. 254. *«Представитель совета офицеров, подполковник Вржосек».* Речь идет об известном военном юристе, адвокате, выпускнике (1892) Александровской военно-юридической академии (СПб). *Вржосек Сергей Карлович (1867–1957) –* из польского рода Лелива, социал-демократ с 1896. После участия в разоблачении провокатора агента Петербургского охранного отделения П.Л. Панкратьева был арестован и выслан на три года в Астрахань. В 1904 вновь арестован, теперь уже по делу Астраханского комитета РСДРП. После февраля 1917 – член Исполкома Совета офицерских депутатов. Участвовал в работах совещаний – Государственного и Демократического. На последнем избран членом Предпарламента.

С приходом к власти большевиков от политики отошел. Занимался литературным трудом: сотрудничал с журналом «Звезда», выпустил книгу «Жизнь и творчество В. Вересаева», написал ряд статей по русской и иностранной литературе. Псевдонимы: Смоленский, Варяжский. См. выступление С.К. Вржосека: Государственное совещание. С. 208–211.

– «*Это сказалось и в речи представителя торгово-промышленного класса г. Бубликова, который предложил рабочим гражданский мир и, подойдя к Церетели, скрепил свое предложение эффектным рукопожатием*». Там же. С. 267–269. Бубликов Александр Александрович (1875–1941) – инженер путей сообщения, член IV Государственной думы от Пермской губернии, прогрессист. В сентябре 1917 эмигрировал во Францию. На совещании бывших членов Государственной думы (Париж, 1920) избран членом Временного исполнительного Комитета за границей; в 1921 участвовал в работе съезда Русского национального объединения. Позднее переехал в США.

К стр. 255. «*...когда Брешко-Брешковская и Кропоткин выступали, то особая значительность, властность патриархов дела свободы послышались в их простых и призывных словах*». Там же. С. 227–229, 229–232, 244–248. Кропоткин Петр Алексеевич (1842–1921) – князь, географ и геолог, теоретик анархизма. В 1872–1874 – член кружка «чайковцев». В 1876–1917 – в эмиграции, участник анархических организаций, член научных обществ. Вернулся в Россию 30 мая 1917, отказался войти в состав Временного правительства. Участник Государственного совещания (его выступление см.: Государственное совещание. С. 229–232). Председатель московской Лиги федералистов. С лета 1918 фактически отошел от практического участия в политической жизни.

Осоргин М.А. Летопись внутренней жизни. Эта статья, как подчеркивал сам автор, имела целью дать возможно спокойную и объективную оценку великой русской революции, избегая при этом все крайности межпартийной полемики и борьбы, акцентируя при этом свое внимание на том, что «днем сегодняшним рождено для будущего». И это ему удалось лучше, чем кому-либо другому. Републикуется впервые.

К стр. 257. *Habeas Corpus Act* – законодательный акт, принятый парламентом Англии в 1679, составная часть конституции Великобритании, определяет правила ареста и привлечения к суду обвиняемого в преступлении, предоставляет право суду контролировать законность задержания и ареста граждан, а гражданам – требовать начала такой процедуры.

– «*...в Москве, например, уже существует особый “совет интеллигентных депутатов”, хотя и не проявляет себя деятельно и не пользуется признанием широких слоев демократии*». Речь идет о Совете общественных деятелей – общественно-политической организации, избранной на проходившем в Москве 8–10 августа Совещании общественных деятелей. В него входили: Родзянко М.В. (пред.), Третьяков С.Н., Бердяев Н.А., Кишкин Н.М., Кузьмин-Караваев В.Д., Маслов С.Н., Милюков П.Н., Рябушинский П.П., Струве П.Б., Трубецкой Е.Н., Шаховской Д.И., Шингарев А.И., Шульгин В.В. и др.

К стр. 258. «*Что же касается до июньского съезда, то он, конечно, в значительной степени был более “золосом революционной демократии”, чем одиночные выступления петроградских Советов. И в смысле определения дальнейшего развития революции его роль очень заметна. Не говоря уже о том, что его именем удалось ликвидировать две попытки контрреволюции, исходившие из блока большевистских отбросов с германским главным штабом, – он же определил и направление политики коалиционного министерства, выразив полное доверие ему и его основным планам работы. Это ярко выражено в принятой на съезде резолюции по вопросу об отношении к Временному правительству*». См.: Первый Всероссийский съезд Советов... Т. 1 и 2.

К стр. 259. «...поражение на галицийском фронте». Речь идет о поражении российской армии летом 1915, когда в результате тяжелых боев та оставила Перемышль, Львов, Осовец, Брест-Литовск, Гродно. В результате последовавшего за этим вынужденного стратегического отступления были потеряны обширные территории Галиции, Буковины, Польши, части Прибалтики и Белоруссии. Сотни тысяч солдат и офицеров были убиты, ранены и взяты в плен.

– «Новое коалиционное правительство, с трудом сформировавшееся и долженствующее стать правительством деловым, взвалило на свои плечи тяжелый крест урезки революционных вольностей». Новый состав коалиционного правительства, объявившего одной из своих главных задач борьбу с радикализацией общественных настроений, был объявлен 24 июля. В него вошли: министр-председатель А.Ф. Керенский (эсер), заместитель министра-председателя и министр финансов Н.В. Некрасов (кадет), министр внутренних дел Н.Д. Авксентьев (эсер), министр иностранных дел М.И. Терещенко, министр земледелия В.М. Чернов (эсер), министр труда М.И. Скобелев (социал-демократ), министр торговли и промышленности С.Н. Прокопович, министр продовольствия А.В. Пешехонов (народный социалист), министр почт и телеграфов А.М. Никитин (социал-демократ), обер-прокурор Св. Синода А.В. Карташев (кадет), государственный контролер Ф.Ф. Кокошкин (кадет), министр государственного призрения И.Н. Ефремов (прогрессист).

К стр. 261. «Законом 4 августа вводятся некоторые ограничения закона 13 июля». Речь идет о постановлении от 4 августа «Об изменении 100 и 101 статей Уголовного уложения». См.: Собрание Узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при правительствующем Сенате. 1917. 10 августа. № 190.

– «За короткое время мы имеем длинный ряд постановлений Временного правительства о предоставлении военному министру права закрывать органы печати, призывающие к военному бунту и неповиновению власти на фронте, о предоставлении министрам военному и внутренних дел права не допускать, закрывать съезды и собрания, представляющие опасность в военном отношении или в отношении государственной безопасности. И, наконец, о предоставлении министру внутренних дел по соглашению с министром юстиции постановлять “о заключении под стражу лиц, деятельность которых является особо угрожающей завоеванной революцией свободе и установленному ныне государственному порядку”. И “подвергать этих лиц высылке в особо указываемые для сего местности”. В последнем постановлении, дополняющем постановление Правительства от 16 июля 1917 года “Об отмене исключительных положений и о внесудебных арестах”, новинкой является только особая мера: “предлагать указанным лицам в особый назначенный для сего срок покинуть пределы Российского государства”. Да оговорка, что “действия этого постановления прекращаются со дня открытия Учредительного собрания”». См.: Известия Петроградского Совета. 1917. 13 июля. № 116; 16 июля. № 119; Вестник Временного Правительства. 1917. 29 июля. (11 августа). № 117 (163); Собрание Узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при правительствующем Сенате. 1917. 10 августа. № 190; Там же. 8 августа. № 186.

К стр. 262. «Не характерно ли, что протест против явно-реакционных постановлений Правительства мы слышим, прежде всего, со страниц тех самых “Русских Ведомостей”, которым еще недавно, в пылу революционного увлечения, бросался упрек не только в отсталости, но чуть ли не в противодействии революции?» См.: Административные аресты и высылки // Русские Ведомости. 1917. 3 августа (16 августа). № 176.

– Сухомлинов Владимир Александрович (1848–1926) – военный и государственный деятель, генерал от кавалерии, военный и морской министр (1909–1915); уволен после военных неудач 1915, в 1916 и 1917 арестовывался, признан виновным в недостаточной подготовке к войне и приговорен к бессрочной каторге, замененной заключением; 1 мая 1918 амнистирован; эмигрировал.

Рысс П.Я. Покаяние. Статья посвящена выступлению И.Г. Церетели на Государственном совещании, которое обсуждалось в прессе и обществе весьма активно. Подписана: *Петр Рысс*. Републикуется впервые.

К стр. 264. *«Московское совещание сказало все свои слова»*. Государственное совещание в Москве закрылось 15 августа. На нем присутствовало 488 представителей четырех Государственных дум. 117 – армии и флота. 129 представителей Советов рабочих и солдатских депутатов. 100 – селян. 118 от земств и 147 – от городов. 150 человек представляли торгово-промышленные и финансовых круги, 99 – ученых, 176 – деятелей профсоюзов, 313 – кооператоров, 58 – национальных организаций, 24 – духовенства. А также – 33 правительственных комиссара, 15 министров и членов правительства. И т. д. и т. п. Всего более 2,5 тысяч человек. На основании особого соглашения были определены ораторы от всех этих групп. Их оказалось 91. Кроме того, оглашались и групповые декларации. На это ушло четыре дня, заполненных утренними и вечерними заседаниями.

К стр. 265. *«Я нарочно придерживаюсь этого разделения, чтобы остановиться на речи Церетели, с такой точностью указавшего на основную тенденцию вожжаков “революционной демократии”»*. См.: Государственное совещание. С. 118–128.

– *«За» и “против” Корнилова, вот что зрительно разбивало совещание на две группы, одна другой враждебные»*. Для многих выступление Верховного главнокомандующего генерала Л.Г. Корнилова с призывом к срочным мерам по восстановлению порядка на фронте и в тылу оказались «куда дороже, – как писала Марина Цветаева, – всего Керенского». Она воспедала его слова о том, что «и солдат должен чистить своих лошадей». В сборнике *«Лебединый стан»* она писала: «...Сын казака, казак... / Так начиналась речь. / – Родина – Враг – Мрак. / Всем головами лечь. / Бейте попы в набат. / – Нечего есть – Честь / – не терять ни дня! / Должен солдат / Чистить коня...»

– *«Церетели зовет “цензовые элементы стать на сторону демократии”, ибо это необходимо “во имя спасения страны и буржуазной организации(!)”*. Да разве мощная “революционная демократия”, которая и есть “подавляющее большинство населения”, нуждается в помощи малочисленной “буржуазии”? Церетели продолжает: “Цвет интеллигенции и цвет образования там? – и показывает “направо”». См.: Государственное совещание. С. 127.

К стр. 266. *«Теперь, через 5½ месяцев, безудержные сторонники силы и влияния “революционной демократии” узрели бесталанность ее вождей. И газета “День” печалуетя о “серости” и “провинциальности” даже провозгласивших себя главами революции»*. См.: Заславский Д. Сила слова и слова о силе // День. 1917. 15 августа. № 136 (1697).

Спиридонова М.А. О задачах революции. Теоретическая статья лидера левого крыла Партии социалистов революционеров, опубликованная в первом номере леворадикального журнала «Наш Путь», который левые эсеры начали выпускать в августе месяце. Наряду с критикой лидеров партии и их союзников в Советах и Временном правительстве – социал-демократов меньшевиков – Спиридонова высказывает свои суждения о перспективах русской революции, перекликающиеся со многими статьями в самых различных органах печати того времени. Републикуется впервые.

К стр. 268. Авторское примечание: «Ср. статьи В.М. Чернова и Шишко о программах максимум и минимум». См.: [Чернов В.М.] Программа-максимум и программа-минимум // Революционная Россия. 1904. № 41. С. 5–8; Шишко Л. К вопросу об аграрной программе в связи с теорией научного социализма. М., 1906.

К стр. 271. *«...позорище русской революции»* – смертная казнь, «введенная ратованием журналиста Савинкова и К⁰». Б.В. Савинков комиссар 8-й армии, а с 28 июня и комиссар

всего Юго-Западного фронта, никогда не скрывал своего положительного отношения к вопросу о необходимости восстановления смертной казни в армии для укрепления воинской дисциплины. 8 июля он открыто поддержал решение Л.Г. Корнилова о немедленной отмене запрета смертной казни в условиях продолжения войны. *Савинков Борис Викторович* (1879–1925) – один из лидеров партии эсеров, литератор (лит. псевд. – В. Ропшин). Вступил в партию социалистов-революционеров в 1903 и вошел в ее Боевую организацию, организатор и участник многих террористических актов. После падения самодержавия – комиссар 7-й армии, а с 28 июня – и всего Юго-Западного фронта. Никогда не скрывал своего положительного отношения к вопросу о необходимости восстановления смертной казни в армии для укрепления воинской дисциплины. 8 июля открыто поддержал решение Корнилова о немедленной отмене запрета смертной казни в условиях продолжения войны. Тогда же стал управляющим военного министерства и товарищем военного министра, реальным претендентом на полноту диктаторской власти в стране. В конце августа по поручению Керенского вел переговоры с Корниловым. 27 августа назначен военным губернатором Петрограда и исполняющим обязанности командующего войсками Петроградского военного округа. Именно он предложил Корнилову подчиниться Временному правительству, но уже 30 августа подал в отставку, не согласный с изменениями в политике Временного правительства. В начале октября, после проведенного партийного расследования его роли в «корниловщине», исключен из партии эсеров. В 1918 возглавил Союз защиты Родины и Свободы, позднее – представитель Колчака в Париже. В августе 1924 арестован после нелегального перехода советско-польской границы, организованного агентами ОГПУ. Приговорен к 10 годам тюремного заключения. По официальной версии, в тюрьме покончил с собой, по другим данным, убит чекистами.

– «Михайловский говорил не раз, по вопросу о том “удастся ли свернуть с капиталистического пути развития на новый путь”, что это “зависит от того, когда в России пробным камнем мероприятий, планов, словом, всей внутренней и внешней политики сделают интересы непосредственных производителей, представителей труда”». См.: *Михайловский Н.К.* Полное собрание сочинений. Т. 1. СПб., 1906. С. 461–462. *Михайловский Николай Константинович* (1842–1904) – виднейший идеолог и публицист народнического направления. В 1869–1884 главный сотрудник и соредaktor «Отечественных Записок», редактор журнала «Русское Богатство». Участвовал в подпольном органе «Народная Воля», был близок с многими видными народолюбцами. Вел непрерывно борьбу с марксистами, всячески обосновывая народничество. Эсеры считали его основоположником своей партии.

Касрадзе Д.И. Наши надежды и российские реалии. На русском языке публикуется впервые. Перевод И.П. Якобашвили.

К стр. 273. «Граждане России, во всех речах, произнесенных с этой трибуны, слышалась священная тревога за Россию и революцию. Надвигается действительно страшная опасность, страна стоит на краю гибели. Единственное спасение – в героическом порыве всех народов, входящих в состав России, так как при наличии такого общего энтузиазма возможно укрепление завоеванных революцией свобод и достойная великого свободного народа защита фронта. Но вызвать этот порыв, зажечь энтузиазм возможно только единственным путем – путем признания и восстановления политических прав этих народов». Здесь и далее все цитаты из выступления И.К. Мачавариани 15 августа – в последний четвертый день работы Государственного совещания в Москве – даны по сб.: Государственное совещание. С. 179. *Мачавариани* (მაჭავარიანი, იოსებ კონსტანტინეს ძე) *Иосиф Константинович* (1873–1937), выпускник юрфака СПб университета. С лета 1917 – член Национально-демократической партии Грузии (НДПГ), зам. председателя ее Главного комитета, делегат Национального собрания, член грузинского Учредительного собрания. После советизации – участник процесса самоликвидации НДПГ. Занимался частной юри-

дической практикой. Летом 1924 выступал адвокатом обвиненных в организации антисоветского выступления по делу о т. н. «Паритетном комитете». В 1928 и 1934 арестовывался по политическим мотивам, но был освобожден из-за недостаточности улик. 17 сентября 1937 Военной Коллегией Верховного Суда ГССР, по обвинению в контрреволюционной деятельности, приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян 18 сентября 1937.

– *«трактат 1783 года»*. Речь идет о Георгиевском договоре 1783 между Грузией и Россией, оформившем протекторат России над Картлийско-Кахетинским царством.

– *«Настало время, когда русский народ, при дружном содействии вместе с другими народами и грузинским народом, разорвав цепи рабства и своею кровью отвоевав себе права гражданина, должен с негодованием отбросить от себя приемы старого правительства в отношении инородцев. И сказать, наконец, живое слово любви и братства, всенародно признать и на деле восстановить поправленные до сего дня политические права народов, входящих в состав России»*. См.: Государственное совещание. С. 179–180.

– *«Не бойтесь, граждане России, этой новой формы политического сожительства народов, – она ведет Россию к победе, во всяком случае, к почетному миру, она и только она может отвоевать для России почетное место среди культурных первоклассных мировых держав»*. Там же. С. 180.

К стр. 274. *«Дарьяльские Фермопилы»*. Фермопилы – горный переход к Югу от Фессалийской равнины, соединяет северные и южные районы Греции. Во время греко-персидских войн, в 480 до н. э., 300 спартанцев во главе царем Леонидом стойко обороняли Фермопилы от персов, и все погибли в неравном бою. Открытое русским войскам по Георгиевскому трактату 1783 Дарьяльское ущелье с прорывающимся через него Тереком и Военно-Грузинской дорогой было для государств Закавказья столь же неприступным оборонительным валом, как Фермопилы для Греции.

– *en tangeant* – (фр.) – во время еды.

– *«...подобно втопанной ими же в ту же самую грязь всех основных положений собственной декларации»*. Речь идет как о воззвании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов «К народам всего мира» от 14 марта, так и о Декларации 8 июля, легших в основу программы, осуществления которой Совет требовал от Временного правительства.

Ленин В.И. За деревьями не видят леса. Газетная публикация подписана Н. Карпов. Впервые была републикована во второй части XIV тома первого собрания сочинений В.И. Ленина (С. 58–63).

К стр. 275. *«В заседании ЦИК Советов 4-го августа Л. Мартов сказал (цитируем по отчету “Новой Жизни”)»*. См. выступление Мартова: Новая Жизнь. 1917. 18 (5) августа. № 93.

– *«Крайне характерны, прежде всего, колебания Мартова по вопросу о переходе власти к Советам»*. См. статью Ю.О. Мартова «Лозунг “Вся власть Советам”» в данном сборнике стр. 56.

К стр. 278. *«Нельзя без смеха читать рассуждение какого-нибудь Зарудного, который пыжится взвесить контрреволюционную роль какого-то задворочного союзника “Святая Русь” и который “не замечает” контрреволюционной роли союза всей буржуазии России, называемого партией кадетов»*. См.: Программа министра юстиции. Без подписи // Утро России. 1917. 2 августа. № 187. *Зарудный Александр Сергеевич* (1863–1934) – русский юрист и политический деятель. Сын С.И. Зарудного – тайного советника, сенатора и видного деятеля судебной реформы 1864. По окончании Училища правоведения служил по судебному ведомству. В 1901 перешел в адвокатуру, выступал в ряде крупных политических процессов. После Февраля 1917 примкнул к Партии народных социалистов и вошел во Временное правительство в качестве товарища министра юстиции. В мае вышел в отставку. С 5 мая – член группы специалистов Особого совещания по подготовке проекта

Положения о выборах в Учредительное Собрание. С 24 июля – министр юстиции. 28 июля дал военному министру и министру внутренних дел санкцию на время войны не допускать и закрывать собрания и съезды, которые могут представлять опасность в военном отношении. Поддерживал дружеские отношения со многими кадетами и непримиримо относился к большевикам. Назначил комиссии по освобождению арестованных за участие в июльских событиях. В ходе выступления Корнилова заявил, что надлежит войти в переговоры с ним, и предлагал просить о посредничестве в переговорах В.А. Маклакова. 1 сентября вышел из правительства. В 1918 отошел от Партии народных социалистов, работал в советских организациях. Был членом Президиума коллегии адвокатов в Ленинграде и юрисконсультom ленинградского отделения Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Участвовал в защитах по уголовным делам. Занимался педагогической деятельностью, читал лекции на историко-революционные и юридические темы в различных городах страны. В 1933 по ходатайству Общества политкаторжан ему была назначена персональная пенсия.

– «...отсрочка созыва Учредительного собрания и “коронация” бонапартистской политики “Земским собором” в Москве». «Земским собором» В.И. Ленин иронически именует Государственное совещание в Москве, подчеркивая, что именно оно благословило и отсрочку Учредительного собрания, и корниловщину.

– «Какую бесконечно грязную лакейскую роль сыграл ЦИК Советов, т. е. господствующие в нем эсеры и меньшевики, в деле отсрочки созыва Учредительного собрания! Конституционные-демократы дали тон, бросили идею отсрочки, начали кампанию в печати, выдвинули казачий съезд с требованием отсрочки (казачий съезд! как же не лакействовать Либерам, Авксентьевым, Черновым и Церетели!). Меньшевики и эсеры петушком побежали за кадетами, как собака поползла на хозяйский свист, под угрозой хозяйского кнута». Речь идет о выступлениях И.Г. Церетели, Ф.И. Дана, М.И. Либеры, Н.Д. Авксентьева, В.М. Чернова на объединенном заседании ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов и Исполнительного Комитета Всероссийского Совета крестьянских депутатов. В них они защищали идеи предоставления правительству «...самых широких, самых неограниченных полномочий для сохранения, для спасения дела революции». См.: Меньшевики в 1917 году. Т. 2. С. 92–94, 97–102, 113–120, 128–133. В определенной мере это было подстегнуто и решениями Учредительного общеказачьего съезда, который обещал поддержку в стремлении к «прекращению анархии, приняв положение об участии казачества в выборах в Учредительное собрание». *Авксентьев Николай Дмитриевич* (1878–1943) – русский социалист-революционер. Из дворян, сын чиновника. Учился на юридическом факультете Московского университета. С 1899 в революционном движении, один из лидеров студенческого движения, был исключен из университета. Продолжил обучение в Германии, окончил университет в Галле, доктор философии. С 1902 – член ПСР. Масон (с 1913). В 1905 – член Петербургского Совета (современники отмечали его как оратора); был арестован и сослан в Обдорск, бежал за границу, возглавлял правое крыло партии. Вернулся в Россию в апреле 1917. Делегат III и IV съездов ПСР, член ЦК. Председатель Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов, министр внутренних дел Временного правительства (июль–сентябрь), председатель Демократического совещания и Предпарламента. Был арестован в декабре 1917, заключен в Петропавловскую крепость, освобожден по ходатайству левых эсеров. Избран в Учредительное собрание как обязательный кандидат ПСР. В 1918 участвовал в создании Союза Возрождения России. Сторонник широкой антибольшевистской коалиции, председатель Уфимской Директории (сентябрь–ноябрь 1918), затем выслан в Китай. В эмиграции жил во Франции, США. В 1921 председатель совещания членов Учредительного собрания в Париже. За блокирование с кадетами исключен из ПСР. Издатель журнала «Современные Записки».

К стр. 279. «...Бюро ЦИК быстро отбросило “сомнения”, выдвинутые даже Даном (даже Даном!), и послало двух лакеев от этой лакейской коллегии, Брамсона и Бронзова, во Временное правительство с докладом “о необходимости отсрочить выборы в Учредитель-

ное собрание до 28–29 октября”...» Бюро ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов рассмотрело вопрос о подготовке к выборам в Учредительное собрание 5 августа. Был заслушан доклад представителей согласительной комиссии, состоящей из представителей Бюро и Особого совещания по выработке избирательного закона для Учредительного собрания. По итогам обсуждения Бюро приняло резолюцию, в которой подчеркивало необходимость скорейшего созыва Учредительного собрания, но признавало неосуществимым ранее определенный срок созыва (17 сентября) и предлагало отсрочить выборы до 22–29 октября. Вечером того же дня члены ЦИК Л.М. Брамсон и П.В. Бронзов на заседании Временного правительства довели до его сведения решение Бюро. См.: Известия ЦИК и Петроградского Совета. 1917. 6 августа. № 137; Новая жизнь. 1917. 6 (19) августа. № 94. *Брамсон Леонтий Моисеевич* (1869–1941) – российский публицист, политический и общественный деятель, еврейский просветитель, адвокат. С 1903 по 1904 – активный член Союза освобождения (примыкал к его левому крылу), в 1905 – Центрального бюро Союза союзов. Депутат I Государственной думы (1906) от Ковенского губернского избирательного собрания. Один из организаторов и идеологов Трудовой группы в думе, автор ее программных документов, в 1907 член юридической комиссии (при ЦК), затем ЦК. После февральского переворота 1917 уклонился от ответственных постов в правительстве (в том числе от поста товарища министра юстиции), работал в комиссии законодательных предложений в составе Исполкома Петроградского Совета; также член финансовой комиссии. В мае 1917 входил в состав Особого правительственного совещания по разработке проекта положения о выборах в Учредительное собрание. Вместе с Г.Б. Слиозбергом подготовил для Временного правительства закон о политическом равноправии всех народностей России. В июне 1917 член Президиума VI Всероссийского съезда трудовой группы, участник I Всероссийского съезда Трудовой народно-социалистической партии, где выступал с докладом, был избран членом ЦК и представителем партии в Исполкоме Петроградского Совета. На I Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов делал доклад о созыве Учредительного собрания, член ЦИК Советов и его бюро. Вице-президент (товарищ председателя) Всероссийской комиссии по выборам в Учредительное собрание. Председатель Комиссии Петроградского Совета по подготовке выборов в Учредительное собрание. В 1918 эмигрировал во Францию. *Бронзов Порфирий Васильевич* – член ЦИК от объединенных фракций трудовиков и народных социалистов. 7 августа – решение о переносе выборов принято Всероссийской комиссией по выборам в Учредительное собрание. Наконец, 9 августа принято Постановление Временного правительства, переносящее срок выборов на 28 октября.

Короленко В.Г. *«Война, отечество и человечество». Из писем о вопросах нашего времени в газету «Русские Ведомости». Письмо Х. «Русский мирный призыв. Мир без аннексий и контрибуций». Одной из наиболее резонансных публицистических работ В.Г. Короленко 1917 года была, наряду с работой «Падение царской власти», серия статей-писем в редакцию «Русских Ведомостей» под общим заголовком «Война, отечество и человечество». Она была опубликована в пяти августовских номерах газеты: 1917. 15–27 августа. № 186, 188, 191, 194, 196 и перепечатана, с разрешения автора, газетами «Право Народа» и «Голос Народа». Кроме того, письма Короленко в «Русские Ведомости» выдержали 11 изданий отдельной брошюрой в Киеве, Иркутске, Самаре, Саратове, Ставрополе, Харькове, Москве (в последней это было сделано трижды). За границей за короткое время ее издали дважды: в Берне и Лозанне. Последними изданиями стали ставропольское – 1918 и харьковское – 1919. Дальнейшая судьба ее была предопределена резким отзывом В.И. Ленина,

посчитавшего позицию Короленко «мещанской, гнусной, подлой, мерзкой защитой империалистской войны, прикрытой слащавыми фразами». (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 48). См. об этом подробнее: *Короленко В.Г. «Была бы жива Россия!»* Неизвестная публицистика 1917–1921 гг. / Сост. и коммент. С.Н. Дмитриева. М., 2002.

К стр. 279. «В романе “Война и мир” Л.Н. Толстого есть такой эпизод. Раненый князь Андрей лежит на поле сражения и смотрит в глубокое синее небо. И в это время в его голове рождаются глубокие мысли о жизни и смерти, о войне и мире». См.: Толстой Л.Н. Война и мир. Том первый. Часть третья. Гл. XVI и XIX.

К стр. 280. «У человека, который первый зажжет мировой пожар, – сказал, если не ошибаюсь, англичанин Чемберлен, – должно быть железное сердце». Комментатор сборника «Была бы жива Россия» справедливо предположил, что в данном случае Короленко мог вести речь об одном из двух братьев Чемберлен. Это мог быть младший, но более известный – Невилл (1869–1940), который впоследствии в 1937–1940 был премьер-министром Великобритании, либо старший – Остин (1863–1937), занимавший ряд министерских постов в правительствах Ее Величества 1902–1929.

– «...все государства готовили десятилетиями горючий материал, и нет ни одного самого малого народца, который не притащил бы свою вязанку, как известная вдовица на костер мученика Гуса». Речь идет об эпизоде, связанном с казнью известного чешского мыслителя-реформатора священника Яна Гуса (1369–1415), которого католическая церковь за взгляды, отличные от официальной церковной политики, приговорила к сожжению. По преданию, когда отказавшийся отречься от своих «заблуждений» Гус был возведен на костер, одна из его бывших прихожанок-старушек из благочестивых побуждений подкинула свою вязанку хвороста. Увидев это, Гус якобы воскликнул: «O sancta simplicitas!» (лат.) – «О, святая простота!»

– «В разгар франко-прусской войны 1870 года, еще до окончательной победы немцев, немецкий профессор Бидерман». Франко-прусская война 1870–1871 началась после публикации сфальсифицированного Бисмарком изложения беседы французского посла с королем Пруссии по поводу приглашения на вакантный престол Испании принца Леопольда Гогенцоллерна, поступившего со стороны испанского правительства. Бидерман (Biedermann) Карл (1812–1901) – профессор Лейпцигского университета, историк, автор работ, посвященных проблемам объединения Германии, один из лидеров партии национал-либералов, выступал за объединение Германии под эгидой Пруссии. В 1871–1874 депутат Рейхстага.

К стр. 281. «Прусский король писал своей жене: “Потери так огромны, что это отравляет радость победы”. А в берлинской газете “Будущее” писали по этому поводу: “Перед бледным лицом смерти склоняются рожденные в подполье. Слишком далеко захватил ее серп, слишком обильна жатва”». К авторскому примечанию: Цитируется неточно. Приведенная цитата взята не из письма прусского короля жене, а из его телеграммы вюртембергскому королю: «Потери последнего (19 августа), как и предыдущего сражения, так велики, что они отравляют радость победы». См.: Бебель Август. Из моей жизни. (Мемуары). Часть вторая. Выпуск первый. С. 168. Цитата из берлинской газеты «Будущее» у Бебеля дана следующим образом: «Перед бледным пурпуром смерти склоняются и рожденные в пурпуре... Слишком далеко захватил серп, слишком обильно удобрено поле». Там же.

Погодин А.Л. Церковный Собор. Впечатления участника. Републикуется впервые.

К стр. 282. «В дни нашей первой революции был поднят вопрос о церковном Соборе [...] Тогда было собрано совещание для выработки основ будущего Собора [...] Революция 1905 го-

да шла под знаменем высоких идейных стремлений, и вопросам церковного устройства, естественно, уделялось должное внимание. Поэтому реакция, наступившая так скоро после революции, отодвинула на многие годы и церковный Собор». Вопрос о необходимости проведения в России реформы Православной Церкви зазвучал после обнародования с высоты престола 12 декабря 1904 указа «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка». См.: Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ–3). СПб., 1907. Т. XXIV: 1904 г. Отд. 1. Статья 25495. С. 1196–1198. В нем объявлялось о планируемых реформах в государстве, в частности свободы вероисповеданий. В высших церковных кругах стал обсуждаться вопрос о необходимости отмены синодальной формы управления, о созыве собора и восстановлении «соборности» во всей жизни ПРЦ. Государственная вероисповедная политика претерпела серьезные изменения после принятия 17 апреля 1905, в условиях нарастания массового леворадикального движения, императорского указа «Об укреплении начал веротерпимости». См.: ПСЗ–3. 1908. Т. XXV: 1905 г. Отд. 1. Ст. 26126. С. 258–262. Согласно ему всем русским подданным предоставлялось право исповедовать любое вероучение, а все религии России уравнивались в правах. В декабре 1905 на встрече с митрополитами СПб Антонием (Вадковским), Московским Владимиром (Богоявленским) и Киевским Флавианом (Городецким) Николай II заявил, что «в настоящее время, при обнаружившейся распатанности в области религиозных верований и нравственных начал, благоустройство Православной Российской Церкви – хранительницы вечной христианской истины и благочестия – представляется делом неотложной необходимости». В обращении к первенствующему члену Св. Синода митрополиту Атонию с рескриптом от 27 декабря 1905 он предложил – совместно с митрополитами Московским и Киевским – определить сроки созыва Собора. См.: Церковные Ведомости. 1906. № 1. С. 1–2. Для предварительного рассмотрения намеченных к обсуждению на планирующемся Соборе вопросов церковной реформы, 14 января 1906 Св. Синод принял решение о создании особой комиссии – Предсоборного присутствия в составе 49 представителей епископата, священников и известных богословов. Среди них были как сторонники либерализации церковного управления (в основном из числа белого духовенства и светской профессуры), так и «консерваторы» (из числа епископата). Первые готовы были отстаивать идеи церковной соборности, т. е. усиление (под скипетром императора) роли приходских клириков и мирян в жизни Русской церкви. Вторые – защищать интересы своей социальной группы, отстаивать принципы епископского единовластия.

К стр. 283. «...Собор был разрешен, и 15 августа собрался». 5 июля 1917 Св. Синод по докладу Предсоборного совета вынес определение о созыве в Москве Поместного Собора. См.: Церковные Ведомости. 1917. № 29. С. 207–211. В тот же день Св. Синод опубликовал специальное послание к пастырям и пастве, а также «Положение о созыве Поместного Собора Православной Всероссийской Церкви в Москве 15 августа 1917 года» // Деяния Священного Собора... Т. 1. С. 12–18. Торжественное открытие Собора состоялось в Москве 15 августа 1917, в день Успения Божией Матери. На открытии Поместного Собора, начавшемся в Успенском соборе Московского Кремля, на почетных местах среди молящихся присутствовали представители Временного правительства: премьер-министр А.Ф. Керенский, министр внутренних дел Н.Д. Авксентьев, министр исповеданий А.В. Карташев и его заместитель С.А. Котляревский. Торжества открытия завершились молебном на Красной площади, на который около полудня прибыли, с одной стороны, крестные ходы от 255 московских храмов, с другой – процессия из Кремля с чудотворными иконами Божией Матери Владимирской, Казанской и Иверской. Современниками Собор воспринимался как Церковное Учредительное собрание. В его состав было избрано и назначено по должности 564 человека: 80 архиереев, 129 лиц пресвитерского сана, 10 дьяконов из белого духовенства, 26 псаломщиков, 20 монашествующих (архимандритов, игуменов и иеромонахов) и 299 мирян. См.: Деяния Священного Собора... Т. 1. С. 60–133. Биографические сведения о членах Поместного Собора 1917 года см. там же. С. 60–96; Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Обзор деяний. Сессия первая / Сост.

А.Г. Кравецкий, А.А. Плетнева, Г.А. Шредер, Г. Шульц. М., 2002. С. 229–411. 18 августа председателем Поместного Собора был избран митрополит Московский и Коломенский Тихон (Беллавин). Собор работал более года. Состоялись три его сессии: первая – с 15 (28) августа по 9 (22) декабря 1917 г., вторая и третья – в 1918 г.: с 20 января (2 февраля) по 7 (20) апреля и с 19 июня (2 июля) по 7 (20) сентября. Подробнее см.: *Иакинф (Дестивель), священник, монах. Поместный Собор Российской Православной Церкви 1917–1918 гг. и принцип соборности* / Пер. с франц. иеромонаха Александра (Синякова). М., 2008; *Бабкин М.А. Священство и Царство (Россия, начало XX в. – 1918 г.)*. Исследования и материалы. М., 2011.

– «Епархиальные избирательные съезды». Весной–летом 1917 г. практически во всех епархиях Православной российской церкви состоялось по одному-двум епархиальному съезду духовенства и мирян. В апреле–мае съезды, как правило, назывались «Чрезвычайными». На них принимались резолюции об отношении к свержению монархии, продолжавшейся Первой мировой войне, политическим событиям, о свободе совести, о желательном отношении государства к церкви, и по внутрицерковным вопросам. Епархиальные съезды, проходившие в июне–июле, в большинстве случаев назывались «Избирательными», поскольку на них определялись делегаты епархий на назначенный на 15 августа Поместный Собор. См.: *Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. Материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви* / Сост., авт. предисловия и комментариев М.А. Бабкин. М., 2008 (Изд. 2-е, исправлен. и доп.).

К стр. 284. «Иначе как с большим уважением и сочувствием я не могу отозваться о том течении, к которому примыкает просвещеннейшая часть духовенства во главе с профессорами А.П. Рождественским, К.М. Агеевым, Смирновым и др.» Рождественский Александр Петрович (1864–1930) – протоиерей, писатель, богослов. Окончил СПб Духовную Академию, где впоследствии был профессором Св. Писания Ветхого Завета. С 1896 – магистр богословия, а с 1901 – доктор. Принимал участие в работе над «Толковой Библией» и «Православной Богословской Энциклопедией». Агеев Константин Маркович (1868–1921) – протоиерей, выпускник Тульской духовной семинарии (1888) и Киевской Духовной Академии (1893). С 1 сентября 1896 – настоятель прихода в г. Мариамполь Сувалкской губернии и сверхштатный законоучитель мужской гимназии. С 16 ноября 1900 – законоучитель 3-й киевской гимназии и Киевского городского училища имени К.Д. Ушинского. С 1903 жил в СПб, преподавал в Александровском институте, Ларинской гимназии, на Высших женских (Бестужевских) курсах, Высших женских историко-литературных и юридических курсах, Высших курсах П.Ф. Лесгафта, в Институте высших коммерческих знаний, Психоневрологическом институте. С апреля 1917 председатель Учебного комитета при Святейшем Синоде. Член Предсоборного совета и Поместного Собора РПЦ. 29 июля 1919 получил увольнение из Петроградской епархии, переехал на юг России. Расстрелян после занятия Крыма Красной армией. Смирнов Александр Васильевич (ок. 1858 – дата смерти неизвестна) – митрофорный протоиерей, профессор СПб университета.

– «На эту группу посылались укоры, особенно резкие на столбцах “Московских Ведомостей”». См.: К церковному собору. Редакционная статья // Московские Ведомости. 1917. 18 августа. № 180; Церковный большевизм (подписано А.А.Б.В.) и К ст[атье] Церковный большевизм (подписано А.) // Там же. 19 августа. № 181; 24 августа. № 185; Уличенный в церкви провокатор (подписано Р.П.) // Там же. 27 августа. № 188; Вниманию церковного собора (подписано Р.П.) // Там же. 29 августа. № 189; Львовцы (подписано Р.П.) // Там же. 31 августа. № 191; 1 сентября. № 192; 2 сентября. № 193; 5 сентября. № 195; 7 сентября. № 197; 8 сентября. № 198; Патриаршество в России. Редакционная статья // Там же. 20 сентября. № 206; 29 сентября. № 214; Ревнитель блага церковного. Голос профессора о соборности // Там же. 27 сентября. № 212.

К стр. 285. «...резкие выступления проф. Титлинова, [...] в печати, в “Русском Слове”, “Утре России” и “Русской Воле”». См.: Титлинов Б. Лик Христа // Русское Слово. 1917.

17 августа. № 187; *его же*. Соборный порыв // Там же. 20 августа. № 190; *его же*. Истоки соборности // Там же. 2 сентября. № 201; *его же*. Русское патриаршество // Там же. 27 сентября. № 220. *Трубецкой Е., князь*. К вопросу о патриаршестве (Ответ профессору Титлинову) // Утро России. 1917. 29 сентября. № 234; *Титлинов Б.* Все – в прошлом // Русская Воля. 1917. 3 сентября. № 209.

К стр. 286. *Филарет – в миру Юрьев-Романов Федор Никитич (1553–1633) – двоюродный брат царя Федора. В 1586–1598 – боярин, игравший выдающуюся роль при Дворе Государя. Борисом Годуновым в 1600 сослан и насильно пострижен в монахи под именем Филарета (сослана была вся семья, а его жена тоже пострижена). Лжедмитрий I «признал» в нем родственника и посодействовал его избранию митрополитом Ростовским и Ярославским. Лжедмитрий II, тоже «признавший» его родственником, провозгласил в 1608 его Патриархом Московским. В 1610–1611 участвовал в посольстве к Сигизмунду III в Смоленск, где был взят поляками в заложники. После избрания в 1613 его сына Михаила царем в соответствии с Деулинским перемирием между Россией и Польшей (1618) в 1619 освобожден из плена и интронизирован в Москве по чину Патриарха. С этого момента и до своей смерти был официальным соправителем государства с сыном Михаилом.*

К стр. 287. «...законопроекты о приходе, о церковных имуществах, об академиях и т. д.». См.: *Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Выпуски 1–4. М., 1994.*

Строго говоря, термин «законопроект» в данном случае некорректен. В церковных инстанциях разрабатывали «проекты положений» и после принятия их Поместным Собором в качестве соборных определений – «положения» о православном приходе, о церковных имуществах и проч. По согласованию с государственными инстанциями (комиссиями различных министерств и, соответственно, с министерствами) те документы в виде законопроектов надлежало внести на рассмотрение Учредительного собрания.

Череванин Н. (Липкин Ф.А.) Два полюса. Републикуемая впервые статья показывает всю сумму разногласий партийных групп и фракций российской социал-демократии, раскрывшихся с первых дней работы Объединительного съезда, открывшегося 19 августа. Статья подписана: Н. Череванин. Полярность точек зрения, о которой ведет речь автор, более всего раскрылась при обсуждении первого же из представленных докладов: «Политическое положение и задачи партии». Согласно предварительной договоренности, каждый из докладов по всем вопросам, включенным в повестку дня, должен был представлять все основные направления меньшевизма. Как правило, их представляли революционный оборонец, центрист И.Г. Церетели, меньшевик-интернационалист леворадикал Ю.О. Мартов, лидер правых оборонцев А.Н. Потресов и представитель группы «новожизненцев» Б.В. Авиллов. Подробнее о работе и итогах августовского Объединительного съезда, включая основные оценки его в ведущих органах партийной печати, см.: *Меньшевики в 1917 году. Т. 2. С. 322–570.*

К стр. 287. «“6 месяцев революции доказывают нам, что больше от буржуазии ждать нечего”. “Имущие классы в данный момент представляют контрреволюционную массу, идущую против всей демократии”. Так полагает один из докладчиков съезда, т. Мартов». Доклад Ю.О. Мартова «О политическом положении и задачах партии» см.: *Меньшевики в 1917 году. Т. 2. С. 342–351.*

– «“Нам приходится судорожно (!) искать союза с буржуазией”, полагает другой докладчик, т. Потресов». См. доклад А.Н. Потресова: Там же. С. 351–359.

– «Тов. Авиллов, углубляя Мартова, доказывал в своем докладе, что буржуазия заинтересована и в продолжении войны, и в разрухе». Там же. С. 359–369.

Чернов В.М. Час настал! Листовка Петроградского комитета Партии социалистов-революционеров. Подписана: Почетный председатель Всероссийского Совета крестьянских депутатов В.М. Чернов. Заголовок взят составителями из текста воззвания. Датируется согласно фактическому развитию событий: Чернов подал в отставку одновременно с выходом кадетов из состава правительства, который был объявлен 25 августа.

К стр. 289. *«Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов поручил мне быть вашим мужицким, селянским министром земледелия»*. Первый Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов работал 4–28 мая в Петрограде. Председателем съезда был Н.Д. Авксентьев, почетными председателями, кроме Чернова, были избраны также Е.К. Брешко-Брешковская и В.Н. Фигнер. Резолюция «О коалиционном правительстве», написанная П.А. Сорокиным, была принята 8 мая. См.: Известия Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов. 1917. 9 мая. № 1; Быковский Н.Я. Всероссийский Совет крестьянских депутатов. 1917 г. М., 1920; Гайсинский М. Борьба большевиков за крестьянство в 1917 г. Всероссийские съезды Советов крестьянских депутатов. М. 1933.

– *«Созрел преступный заговор с целью задушить свободу, лишить вас земли и воли. Запомните же проклятое имя человека, который стал во главе этого сговора, – имя генерала Корнилова»*. Взятие Риги германскими войсками 21 августа, создавшее реальную угрозу Петрограду, одновременно послужило Корнилову прекрасным поводом для реализации провозглашенных еще на Государственном совещании планов «наведения порядка». Произшедшее в связи с этим перебазирование Ставки на территорию Петроградского военного округа создавало двусмысленную и тревожную для Временного правительства ситуацию. Благодаря усилиям Савинкова между Корниловым и Керенским было заключено соглашение. Глава правительства согласился на «объявление Петрограда и его окрестностей на военном положении и на прибытие в Петроград военного корпуса для реального осуществления этого положения, то есть для борьбы с большевиками», Петроградский военный округ был выделен в прямое подчинение Ставки. Савинков назначался генерал-губернатором Петрограда. Генералу П.Н. Краснову было приказано во главе 3-го конного корпуса (генерала Крымова), Дикой (Туземой) дивизии и кавалерийского корпуса Долгорукова двинуться на Петроград. В Ставке был заготовлен проект приказа о введении в Петрограде осадного положения: военно-полевых судов, комендантского часа, цензуры, запрещения митингов и демонстраций, разоружения частей гарнизона.

– *«Временное правительство вверило генералу Корнилову верховную власть над всеми войсками, спасающими нашу родную землю от опустошения, от огня и меча войск чужеземных императоров»*. Л.Г. Корнилов был назначен на пост Верховного главнокомандующего 19 июля.

– *«...не волчий зуб, так лисий хвост»* – строка из поэмы Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». В основе лежат поговорки: *«Лисий хвост, да волчий рот»*, *«И волчий рот (зубы), и лисий хвост»*.

К стр. 290. *«Пусть никто не смущается тем, что в списке членов нового Временного правительства не будет моего имени. Верьте – так нужно»*. 26 августа, в начале выступления Л.Г. Корнилова Чернов вышел из состава Временного правительства. За неделю до этого на одном из заседаний Главного земельного комитета, созданного Временным правительством, он заявил, что бессилён выполнить одно из важнейших его постановлений по подготовке земельной реформы, и ему чинят препятствия в проведении земельных законов. См.: Меньшевики в 1917 году. Т. 2. С. 194.

– *«Дело земли и воли будет изложено»* – так в документе.

Зиновьев Г.Е. Два пути. Впервые данная статья опубликовалась в: *Зиновьев Г. Сочинения. Том VII. Часть первая. Л., 1925. С. 309–312.*

К стр. 290. *«Первая перспектива. Заговор Корнилова подавлен. Керенский, в июле “спасший” Россию от “мятежа” большевиков, теперь выступает в роли “спасителя” России от “авантюры” Корнилова».* Во многом события развивались в рамках этой «первой перспективы»: напуганный мерами, предпринятыми Корниловым, Керенский вечером 26 августа квалифицировал их как «мятеж», что было прямым нарушением заключенных ранее соглашений. Ответ Корнилова был однозначен: «...Свершилась великая провокация, которая ставит на карту судьбу Отечества. [...] Я, генерал Корнилов, – сын казака-крестьянина, заявляю всем и каждому, что мне лично ничего не надо, кроме сохранения Великой России, и клянусь довести народ – путем победы над врагом – до Учредительного собрания, на котором он сам решит свои судьбы и выберет уклад новой государственной жизни». Его поддержали: командующие Северным фронтом генерал В.Н. Клембовский и Юго-Западным – А.И. Деникин. Керенский принял командование на себя и объявил Корнилова «врагом народа».

– *«Вторая перспектива. “Корниловские” дни открывают глаза большинству нашей “революционной демократии”».* Действительно, уловив изменение настроений масс и рост влияния левых сил в дни корниловского выступления, лидеры т. н. «революционной демократии», казалось, отчетливо осознали необходимость принятия срочных мер, направленных на практическую реализацию столь широко рекламируемых ими Программ 6 мая, 8 июля и 14 августа. Однако в итоге все свелось к идее нового Совещания, подобного прошедшему в Москве Государственному совещанию, но с исключением из него представителей 4-х Государственных дум.

К стр. 291. *«В настоящий момент мелкая буржуазия продолжает торговаться с крупной буржуазией. Керенский ведет переговоры с кадетами и Алексеевым. Пальчинский получает высокий пост. Идейные вдохновители Корнилова остаются на свободе».* В итоге переговоров А.Ф. Керенского с генералом М.В. Алексеевым 30 августа «во имя скорейшего прекращения анархии в Ставке» было принято решение временно пойти на слияние должности главы Временного правительства с должностью Верховного главнокомандующего. Им стал Керенский. Алексеев принял назначение на должность начальника Генерального штаба. И именно он 2 сентября провел арест генерала Корнилова и его соучастников.

– *«“Рабочая Газета” доказывает уже, что в корниловщине виновата “пропаганда захвата власти Советами, рабочего контроля и пр.”»* См.: Слабость демократии – сила Корнилова. Без подписи // Рабочая Газета. 1917. 30 августа. № 147.

Заславский Д.И. Корнилов. Републикуется впервые.

К стр. 292. *«Генерал Корнилов проиграл сражение. Он побежден, и теперь все его называют авантюристом. Даже маленькая уличная “Копейка”, и та презрительно третировает его».* См.: Ответ народа. Без подписи // Газета-Копейка. 1917. 30 августа (12 сентября). № 3249.

– *«Он мог победить, если бы осуществился целый ряд условий».* Перечисляя эти условия, Заславский намечает канву событий, предшествующих выступлению и предопределивших антикорниловскую позицию Керенского. Это преждевременное выступление по собственной инициативе 22, 25 и 26 августа депутата Государственной думы и бывшего члена Временного правительства (обер-прокурора Св. Синода) В.Н. Львова в роли посредника между правительством и Ставкой, насторожившее обе стороны; срыв намечавшейся на 27 августа провокации с псевдобольшевистским выступлением, не позволивший правительству официально призвать войска в столицу; реальная угроза, что в этих условиях реализация идей Корнилова о введении военного положения в столице и сосредоточении власти Верховного главнокомандующего и министра-председателя в одних руках («конечно же, до Учредительного собрания») может обернуться для Керенского личной катастрофой,

привели к тому, что правительство не поддержало Корнилова, а в Ставку в ночь на 27 августа была послана телеграмма, предписывавшая ему сдать должность Верховного главнокомандующего генералу А.С. Лукомскому и немедленно прибыть в столицу. 27 августа и Керенский и Корнилов в одинаковых выражениях объявили друг друга «врагами народа».

Плеханов Г.В. И.Г. Церетели. Была включена автором в двухтомник «Год на родине». Полное собрание статей и речей 1917–1918 гг. в двух томах. Том второй. С. 116–119. На родине републикуется впервые.

К стр. 294. *«И.Г. Церетели, по болезни, покидает Петроград и едет на Кавказ».* Август месяц переломного для России и мира 1917 года действительно стал и для Церетели временем крушения многих собственных представлений о целях, задачах и смысле политических и социальных преобразований, о классовой борьбе, демократии, интернационализме и т. д. Недаром свой двухтомник «Воспоминания о Февральской революции» (Paris; Mouton & Co. La Haye, MCMLXIII) он завершил именно августовскими событиями, а заключительная глава «Причины поражения демократии» была скомпонована А.М. Бургиной по его статьям 1929 года, написанным на французском языке для шведской печати, она же выступила и их переводчиком. См.: Там же. Т. 1. С. XXX–XXXI.

– *«Тов. Церетели вовсе не принадлежит к числу тех, которых можно назвать теоретиками».* Это заявление Г.В. Плеханова вызвано тем, что основных работ И.Г. Церетели, теоретически обобщающих его собственный практический опыт, накопленный за годы первой российской революции 1905–1907, был ему неизвестен. Они были написаны и изданы исключительно на грузинском языке, как, например, «Исторические письма депутата Государственной думы Ираклия Церетели» (Кутаиси, 1907), либо так и остались в рукописи, как очерк о записках В.С. Войтинского, посвященных жертвам политических репрессий, последовавших за поражением революции 1905.

– *«Теоретиком грузинской социал-демократии был и остается Н. Жордания».* Этот вывод основан только на личном знакомстве Плеханова и Жордания. На русском языке у последнего вышла всего лишь серия из семи статей под общим названием «Война и мир». См.: Современный Мир. 1916. № 7–8. С. 27–82. *Жордания Ной Николаевич* (1869–1953) – российский и грузинский социал-демократ. Из дворян. Окончил Тифлисскую духовную семинарию, учился в Варшавском ветеринарном институте. В революционном движении с 1892. В 1894 впервые арестован. Делегат II, IV, V съездов РСДРП. Депутат I Государственной думы от Тифлиса. В 1907–1912 – член ЦК РСДРП, в 1912 – редактор газеты «Наше слово» в Баку. В 1917 – председатель Тифлисского Совета РД. Участник Демократического совещания, входил в Предпарламент. Глава правительства Грузинской республики (июнь 1918 – февраль 1921). В 1921, после ее падения, эмигрировал во Францию.

– *«...как заметил однажды сам И.Г. Церетели в одной из своих речей, у него есть известный инстинкт, помогающий ему разбираться в вопросах политической практики. Этому инстинкту, – Сократ сказал бы: демону, – он обязан очень многим».* Плеханов отсылает читателей к т. н. «демону Сократа» (*«demon de Socrate»*), иронично намекая на то, что Церетели прикрывает своим заявлением замещение «инстинктом» сознания, лежащего за пределами опыта, по Канту, трансцендентного. *Сократ* (470/469–399 до н.э.) – древнегреческий философ.

К стр. 295. *«...их возждь подошел к отречению от таких верований, в данном случае – от веры в циммервальд-кентальскую догму, – от которых им пока еще совсем невозможно отречься».* Говоря о меньшевиках – революционных оборонцах, Плеханов явно утрирует их приверженность циммервальд-кентальским догмам. Во-первых, многие из них, называя себя циммервальдистами, открыто не принимали решений Кинтальской конференции. Во-вторых, называть И.Г. Церетели и его сторонников циммервальдистами не совсем верно, ибо их позиция в годы Первой мировой войны была определена заявлениями, сделанными

почти на год ранее самой Циммервальдской конференции. Сам Церетели всего один раз позволил себе назвать себя и своих последователей «циммервальдами». Это произошло в третий день работы Общероссийской конференции РСДРП 9 мая на частном совещании с прибывшими в этот день из эмиграции ветеранами (Аксельродом, Мартовым, Мартыновым и др.). Ошеломленный грубым и недопустимо резким выступлением Мартынова, который от имени прибывших публично осудил вхождение социалистов во Временное правительство, Церетели подчеркнул: «Мы были циммервальдцами и остаемся... Но тем, кто расходился с нами, я скажу, что мы принадлежим к меньшинству, но не к большинству, исходный пункт которого борьба за социальную революцию и мир, вытекающий из точки зрения Ленина». (Меньшевики в 1917 году. Т. 1. С. 352–353).

Рысс П.Я. Юбилей. Републикуется впервые. Подписана: Петр Рысс.

Троцкий Л.Д. Кровью и железом... Подписана: Т. Первый раз републиковалась в разгар внутрипартийной борьбы. См.: *Троцкий Л.Д. Сочинения.* Т. III. Ч. I. С. 253–256.

К стр. 299. «*Историческая*» речь Керенского на «*историческом*» Государственном совещании селаась к вариациям на эту же тему. «*Кровью и железом против анархии слева, контрреволюции справа!*» См.: Государственное совещание. С. 3–16.

– «*Какие же классы являются носителями «анархии»?* На этот вопрос дал очень яркий ответ московский городской голова г. Руднев, эсер. Он приветствовал «Государственное совещание» от имени «*всего*» московского населения – за вычетом тех «*анархических элементов*», которые устроили в Москве всеобщую стачку протеста». См.: там же. С. 43–45. 9 августа заседание правлений 41 профсоюза Москвы совместно с Центральным бюро профсоюзов по докладу представителя Московского комитета большевиков И.И. Скворцова-Степанова, обсудив вопрос об отношении к московскому Государственному совещанию, приняло решение провести 12 августа однодневную забастовку и митинги протеста. В день открытия в Москве и ее окрестностях бастовало около 400 тыс. человек. Трамвайное движение было прекращено, закрыты рестораны и кафе. Весь район, примыкающий к Большому театру, где проходило совещание, оцепили тройным кольцом солдат и юнкеров.

– *Руднев Вадим Викторович* (1879–1940) – социалист-революционер. Учился на медицинском факультете Московского университета, в 1901 был исключен за организацию студенческих беспорядков и сослан в Сибирь. В 1905 – лидер московских эсеров, участник декабрьского восстания в Москве, с 1907 – член ЦК ПСР. Высылался в Иркутскую губернию, в Туруханский край. Выехал за границу, учился в Базеле. В 1914 вернулся в Россию, оборонец, работал врачом. В 1917 – председатель Московского комитета ПСР. На выборах 25 июня эсеры получили наибольшее количество мест в Московской городской думе. На заседании гласных Городской думы 11 июля он 110 голосами против 27 был избран московским городским головой. Там же сделал доклад о задачах городского самоуправления в условиях революции и высказался в поддержку политического курса председателя Временного правительства. Получив известие о вооруженном восстании в Петрограде, созвал экстренное заседание Думы, где заявил, что Дума – единственная законная власть в Москве и не станет подчиняться Советам. Для борьбы с большевиками был создан Комитет общественной безопасности во главе с Рудневым. Вооруженные отряды Комитета в течение недели, с 28 октября по 2 ноября, вели упорные бои с частями московского гарнизона, перешедшими на сторону большевиков, и отрядами матросов, прибывшими из Петрограда. Делегат III и IV съездов ПСР. Обязательный кандидат ПСР в Учредительное собрание, избран от Алтайского и Московского столичного округов. Председатель фракции ПСР в Учредительном собрании. В 1918 входил в Союз возрождения России. В 1919 эмигрировал. Редактор «Современных Записок».

– «г-н Керенский со своими Авксентьевыми, Бернацкими, Прокоповичами, Скобелевыми и прочими Салтыковыми». *Бернацкий Михаил Владимирович* (1876–1943) – экономист, профессор, гласный Петроградской городской думы. Член партии кадетов. В 1917 – один из лидеров Радикально-демократической партии. С 24 июля – управляющий Министерством финансов, товарищ министра финансов, а с 25 сентября – министр финансов Временного правительства. После октябрьского переворота был арестован, освобожден, эмигрировал. С мая 1918 – член «Национального центра». Весной 1919 – министр финансов правительства генерала Шварца в Одессе, затем начальник Управления финансов, член Особого совещания при генерале Деникине. С февраля 1920 – министр финансов Южно-Русского правительства; до принятия генералом Врангелем поста главнокомандующего Вооруженных Сил на Юге России – начальник Гражданского управления. В правительстве Юга России генерала Врангеля с 29 марта 1920 – начальник Управления финансов. Беспартийный, бывший революционный демократ. С 1920 – в эмиграции в Бриндизи (Италия), вице-председатель совета «Объединения деятелей русского финансового ведомства». С 1931 член учебного комитета Высших военно-научных курсов в Париже. *Прокопович Сергей Николаевич* (1871–1955) – российский экономист и политический деятель. В середине 1890-х гг. был близок к Г.В. Плеханову, член «Союза русских социал-демократов». В 1904 вошел в «Союз Освобождения». В 1905 – член ЦК кадетской партии, но вскоре вышел из нее. В 1906 совместно с Е.Д. Кусковой и В.Я. Богучарским издавал в Петербурге журнал «Без заглавия». Массон. Д-р философии Бернского у-та (1913). Член Вольного экономического, Русского технического и ряда др. обществ. Служил в Московском областном Военно-промышленном комитете (1914–1917). Считал себя «нефракционным социалистом». 27 марта 1917 на Всероссийском кооперативном съезде избран в Совет, чл. исполкома Комитета московских общественных организаций. С 25 мая – председатель Главного экономического комитета и зам. председателя Экономического Совета Временного правительства. С 24 июля – министр торговли и промышленности, с 25 сентября – министр продовольствия. На Государственном совещании в Москве председательствовал на ряде заседаний. 25 октября вечером организовал шествие 400 чл. Городской думы к Зимнему дворцу, которое было остановлено матросами. Входил в Комитет спасения Родины и Революции. Принимал активное участие в работе подпольного Временного правительства, его председатель на время отсутствия А.Ф. Керенского. 19 ноября арестован и отправлен в Кронштадт под надзор Исполкома Совета, но вскоре освобожден. Весной 1918 вошел в «Союз возрождения России». В 1921 вместе с Е.Д. Кусковой и Н.М. Кишкиным работал во Всероссийском комитете помощи голодающим Поволжья (Помгол). В 1922 выслан из РСФСР. *Салтыков Сергей Николаевич* (1874–1937) – социал-демократ, журналист. Член РСДРП с 1903, меньшевик. Избирался членом Государственной думы второго созыва от Вятской губернии, секретарем социал-демократической фракции, товарищем секретаря, секретарем финансового комитета второй Государственной думы. Со 2 июля 1907 находился на нелегальном положении. В декабре 1907 арестован. 26 октября 1908 приговорен к пяти годам каторги, а затем – к вечному поселению в Сибири. В июне 1917 назначен комиссаром Временного правительства по Иркутскому генерал-губернаторству, затем – товарищем министра внутренних дел Временного правительства. С 11 августа – временно управляющий Министерством. В ночь на 26 октября арестован, вместе с другими членами Временного правительства. До 26 января 1918 содержался в Петропавловской крепости. В 1919 вышел из РСДРП. В середине 1920-х – член правления кооперативов книгоиздательства в Москве. После работал заместителем заведующего сектором подготовки кадров в тресте ВСНХ СССР «Цветметзолото». По меньшевистскому процессу 1930 осужден на три года. После освобождения работал литературным сотрудником отдела техпропаганды «Главзолото». Вновь арестован 9 августа 1937 года по обвинению в антисоветской агитации. 9 декабря 1937 года приговорен тройкой Московской области к расстрелу. Был реабилитирован 30 июля 1989.

К стр. 300. «Временное правительство закрыло "Правду" и десяток других большевистских газет, являющихся руководящими органами передового пролетариата. Авксентьевским ударом направо было закрытие... "Народной (Маленькой) Газеты"». См.: В редакции «Правда». Без подписи // Известия Петроградского Совета. 1917. 6 июля. № 110; Закрытие «Народной Газеты». Без подписи // Русские Ведомости. 1917. 5 августа (18 августа). № 178.

– «Но вернемся на минуту к московской стачке. "Рабочая Газета", этот жалчайший орган, примиряющий Маркса с Авксентьевым, источает из себя очередной запас брани по адресу стачечников, нарушителей воли "революционной демократии"». См.: Митронов В. Удар по революции // Рабочая Газета. 1917. 15 августа. № 133.

К стр. 301. «...в то время как Церетели пожинает аплодисменты матерых врагов народа, – в Петрограде даже рабочие-меньшевики вышвыривают Церетели из списка кандидатов в городскую думу». Речь идет о конфликте между Комитетом Петроградской организации и оборонцами, разгоревшемся на III Общегородской конференции петроградской организации РСДРП, утвердившей обязательный список партийных кандидатов на выборах в Городскую думу, состоящий из одних интернационалистов. Попытки Бюро ОК добиться выставления списка, в котором были бы представители всех партийных фракций, успехом не увенчались. См.: Меньшевики в 1917 году. Т. 2. С. 271–272, 273–274.

Слонимский Л.З. *«Печальные дела русской революции и их политические последствия». Заголовок дан составителями из авторской аннотации к журнальной публикации, название которой было обозначено как «Политическое обозрение». В ней перечислялись основные проблемы, рассматриваемые в объявленном обозрении: – *Печальные дела русской революции и их политические последствия.* – *Партийная рознь и внутренняя анархия.* – *Дело Корнилова и ошибки Временного правительства.* – *Мирное посредничество папы.* – *Ответы на папскую ноту и вопрос о будущем мире.* (См.: Вестник Европы. 1917. № 7–8. С 395.) Судя по всему, название «Политическое обозрение» являлось, скорее всего, заголовком не статьи, а соответствующей рубрики. Исходя из этого, редакторы-составители сочли возможным вынести в заголовок первый пункт авторской аннотации, разбив в дальнейшем статью на рубрики, соответствующие объявленному Слонимским плану. Статья публикуется впервые. Исключены разделы, посвященные мирным инициативам Папы римского и Президента США, а также реакции на них со стороны Германии и Австрии. Сокращения отмечены согласно правилам публикации. Они связаны с явным несовершенством переводов и несоблюдением норм публикаций официальных дипломатических документов. Грамматическая правка и появление в основном тексте данной публикации разбивки на новые абзацы, облегчающие чтение, специально не оговариваются.

К стр. 303. «При несравненно худших обстоятельствах, когда разбитая Франция буквально лежала у ног Бисмарка, организатор национальной обороны Гамбетта призывал всех к бодрой энергии и к "подъему духа": "sursum corda!"» Речь идет об итогах 1870–1871. Бисмарк (Bismarck) Отто Эдуард Леопольд Карл-Вильгельм-Фердинанд фон Шёнхаузен (Schönhausen) (1815–1898) – с 1862 – министр-президент и министр иностранных дел Пруссии. В 1871–1890 первый рейхсканцлер германской империи. Гамбетта (Gambetta) Леон (1838–1882) – премьер-министр и министр иностранных дел Франции в 1881–1882. Лидер левых республиканцев, член «Правительства национальной обороны» (сентябрь 1870 – февраль 1871), пытался организовать отпор прусским оккупантам.

К стр. 306. «...31 августа, подавляющим большинством принята была резолюция, предположенная большевиками». См.: Известия ЦИК и Петроградского Совета. 1917. 1 сентября. № 159.

К стр. 308. Карл V. Вероятно, имеется в виду Карл (Karl) I (1887–1922) – император Австрии и король Венгрии (под именем Карла IV) в 1916–1918.

Горев Б.И. Заколдованный круг. Републикуется впервые.

К стр. 310. «Если в предпоследнем номере “Рабочего” мы еще видели проблески трезвого отношения к действительности, если там мы еще читали о том, чего не надо теперь делать, о том, что попытка повторения коммуны неизбежно привела бы к поражению пролетариата, – то во вчерашнем номере большевистской газеты перед нами снова без всяких фигурных листиков обычная демагогия Зиновьева». См.: Чего не делать. Без подписи // Рабочий. 1917. 12 сентября (30 августа ст. ст. № 8); Зиновьев Г. Два пути – в данном сборнике стр. 290.

Патриотический порыв. Редакционная статья «Всероссийского Церковно-Общественного Вестника». Судя по тексту, близкому к статьям и выступлениям Б.В. Титлинова, можно предположить, что автором данной статьи был именно он. Датируется по времени публикации. Републикуется впервые.

К стр. 311. «В сгущенной политической атмосфере как удар грома разразилось военное восстание». Речь идет о т. н. «корниловском мятеже».

– «В эту грозную минуту в Первопрестольной Москве заседает Собор церковный». Имеется в виду Поместный Собор Православной Российской Церкви, начавший свою работу 15 августа 1917.

– «Тревожные дни он переживает вместе с Россией и пережил, пожалуй, менее благополучно, чем Россия... То внутреннее брожение, какое обозначилось в соборной среде в связи с предприятием ген. Корнилова, не могло не оставить глубокого следа для дальнейшей соборной жизни». 1 сентября Поместный Собор принял Постановление по поводу угрожающей Родине братоубийственной войны. В нем, в частности, говорилось: «Русское войско перед лицом внешнего врага готово распяться на два враждующих стана. Не со вчерашнего дня началась эта междоусобная распря. За последние месяцы от руки своих же братьев погибло великое множество офицеров, преданных долгу Родины. Верная своим священным заветам, Церковь Православная не принимает участия в борьбе политических партий. И, однако, ныне, как и в дни священномученика Патриарха Гермогена, она не может оставаться равнодушной зрительницей распада и гибели Родины. Собор свидетельствует, что упавший воинский дух русской армии может быть восстановлен не прельщением вещественными благами, а только верой Христовой, которая побуждает к бескорыстным подвигам» // Бабкин Михаил. Духовенство русской православной церкви и свержение монархии (начало XX в. – конец 1917 г.). М., 2007. С. 387.

К стр. 312. Иов – в миру Иван-Иоанн (около 1525–1607) – с 1589 – первый русский патриарх, На Архиерейском Соборе РПЦ канонизирован в лике святителей 9 октября 1989. Из важных церковных событий его патриаршества – канонизация Василия Блаженного и Иосифа Волоцкого, а также распространение христианства в Поволжье и Сибири. После смерти в 1605 Бориса Годунова отказался признать самозванца сыном Ивана Грозного. Выступал за сохранение верности Федору Борисовичу, за что в 1605 был лишен патриаршества и сослан.

Ленин В.И. О компромиссах. Статья написана 1–3 сентября. Подписана Н. Ленин. Впервые републикована по тексту газеты во второй части XIV тома первого издания собрания сочинений Ленина (С. 97–102). С тех пор – как

одна из ключевых ленинских работ революционного 1917 года – входила во все издания его официальных собраний сочинений, подготовленных и выпущенных согласно решениям высших партийных инстанций. В последнем пятом издании см.: Полн. собр. соч. Т. 34. С. 133–139.

К стр. 313. *«Энгельс был прав, когда в своей критике манифеста бланкистов-коммунистов (1873 г.) высмеивал их заявление: “никаких компромиссов!”»* См.: Энгельс Ф. Эмигрантская литература. II. Программа бланкистских эмигрантов Коммуны. (Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 18. М., 1961. С. 510–517). *Примечание составителей Полного собрания сочинений.* Т. 34. стр. 480, примечание 67.

К стр. 314. *«Идти на участие в 3 и 4 Думе был компромисс».* Более развернуто об отношении В.И. Ленина к бойкоту и компромиссам см. хотя бы в брошюре «О бойкоте третьей Думы». СПб., 1907; Против бойкота (Из заметок с.-д. публициста) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 1–36.

– *«Компромисс состоял бы в том, что большевики, не претендуя на участие в правительстве (невозможно для интернационалиста без фактического осуществления условий диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства), отказались бы от выставления немедленно требования перехода власти к пролетариату и беднейшим крестьянам, от революционных методов борьбы за это требование».* Позиция В.И. Ленина в этот момент на короткое время полностью совпала с тактикой «правых» большевиков во главе с Л.Б. Каменевым.

К стр. 315. *«Меньшевики и эсеры, как правительственный блок, согласились бы (предполагая компромисс осуществленным) составить правительство целиком и исключительно ответственное перед Советами, при передаче в руки Советов всей власти и на местах».* Одновременно с данной ленинской статьей Л.Б. Каменев на объединенном заседании ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов и Исполкома Совета крестьянских депутатов 31 августа – 1 сентября призвал осудить «режим полной безответственности и единоличной диктатуры», проявившихся в способе создания Временного правительства и его деятельности (Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 141; ГА РФ.Ф. 6978. Оп. 1. Л. 122. Л. 3–3 об.) предложил внести в рассматриваемую собравшимися резолюцию декларацию Петроградского Совета «О власти». Умеренная по содержанию и тону, она требовала отстранения не только кадетов, но и всех представителей буржуазии, провозглашения демократической республики с правительством, составленным из рабочих и крестьян.

– *«Как ни труден теперь (после июля и августа, двух месяцев, равняющихся двум десяткам лет “мирного”, сонного времени) этот компромисс, мне кажется, есть один маленький шанс на его осуществление, и шанс этот создан решением эсеров и меньшевиков не идти в правительство вместе с кадетами».* См. резолюцию «О власти», предложенную на совещании 31 августа фракциями меньшевиков и социалистов-революционеров и принятую подавляющим большинством голосов. Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 143–144.

К стр. 316. *«Один голос сказал бы: нам никак не по пути с большевиками, с революционным пролетариатом».* Бескомпромиссным противником Л.Б. Каменева выступил И.Г. Церетели. Там же. С. 141–142.

– *«Другой голос сказал бы: ссылка на Коммуну очень поверхностна и даже глупа».* Действительно, выступавшие на заседании М.И. Скобелев, Б.О. Богданов, М.И. Либера и др. предупреждали о т. н. неоплаченных счетах (неудовлетворенных требованиях хлеба, мира, порядка), о том, что придется отвечать за те несчастья, которые могут произойти, и призывы умереть неверны. «Мы посланы не умирать, – заявил, в частности, Либера, – а жить и творить». Там же. С. 138.

– *Мак-Магон* – Магон (Mac-Mahon), Мари Эдм Патрис Морис (1808–1893) – французский государственный и военный деятель. Участник Крымской войны 1853–1856. За

победу при Мадженте в австро-итало-французской войне (1859) получил титул герцога Мадженты и звание маршала. В 1864–1870 – генерал-губернатор Алжира. Во время франко-прусской войны 1870–1871 бездарно командовал одной из основных французских армий, 2 сентября 1870 вместе с Наполеоном III позорно капитулировал со 100-тысячной армией при Седане. Командовал контрреволюционной армией версальцев, действовавшей против Парижской Коммуны 1871. В мае 1873 – январе 1879 – президент Французской республики. Вышел в отставку после провала подготавливавшегося при его участии монархического переворота.

– «...*третий голос, из среды каких-нибудь сторонников Мартова или Спиридоновой, который скажет: меня возмущает, “товарищи”, что вы оба, рассуждая о Коммуне и ее возможности, без колебаний становитесь на сторону ее противников*». Любопытно, что Ленин, не зная, кто выступал на объединенном заседании Исполкомов Советов, довольно точно представил себе, что мог сказать каждый из его возможных оппонентов. Мартов, в частности, действительно сказал: «Я надеюсь, что принятие предложенной вам резолюции будет переломом во всей деятельности революционной демократии, органы которой сумеют применить новые методы, проявить то революционное творчество, которое не позволит ни одной группе демократии оторваться от основного ядра ее, так как это было бы на руку врагам демократии». Меньшевики в 1917 году. Т. 3. От корниловского мятежа до конца декабря. Ч. 1. От корниловского мятежа до Временного Демократического Совета Российской Республики (август – первая декада октября). М., 1996. С. 140.

К стр. 317. *«Предыдущие строки писаны в пятницу, 1-го сентября, и по случайным условиям (при Керенском, скажет история, не все большевики пользовались свободой выбора местожительства) не попали в редакцию в этот же день»*. Статья не могла попасть в субботний номер газеты из-за сложностей с доставкой рукописи, т. к. автор находился на нелегальном положении.

– «...*по прочтении субботних и сегодняшних, воскресных газет, я говорю себе: пожалуй, предложение компромисса уже запоздало. Пожалуй, те несколько дней, в течение которых мирное развитие было еще возможно, тоже прошли*». В субботу 2 сентября многодневное заседание Исполкомов Советов завершилось принятием резолюции, откладывающей принятие решения вопроса о власти до Демократического совещания. В воскресенье вечером 3 сентября А.Ф. Керенский объявил о провозглашении России республикой, созыве нового Государственного совещания на условиях Советов («демократическое» по составу), освобождении из тюрем ряда большевиков и создании правительства – Совета пяти – Директории, без кадетов. В него входили: министр-председатель А.Ф. Керенский, министр иностранных дел – М.И. Терещенко, министр почт и телеграфов – А.М. Никитин, военный министр – А.И. Верховский, морской министр – Д.Н. Вердеревский. Это усилило позиции центристов в Исполкомах Советов. 2–3 сентября информация об этих событиях появилась во всех газетах, в частности в «Известиях», «Речи», возобновившейся 2 сентября после закрытия Временным правительством «Новой Жизни» (под новым названием «Свободная Жизнь») и др.

Дан Ф.И. Линия Советов. Републикуется впервые. Опубликована без подписи, как передовая статья «Известий ЦИК и Петроградского Совета», которые по большей части принадлежат Ф.И. Дану. См. рукописные оригиналы, которые хранятся в ГА РФ. Ф. 1244. Оп. 2. Д. 25. Его авторство в данном случае подтверждается и тем, что именно он выступал с обоснованием необходимости созыва Временным правительством «совещания, подобного Московскому совещанию». Это произошло 27 августа на экстренном заседании ВЦИК Советов и в ночь с 27 на 28 августа на объединенном заседа-

нии ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов и Исполнительного Комитета Совета крестьянских депутатов. По поручению социал-демократической фракции Дан настаивал на том, чтобы из состава будущего совещания были исключены представители четырех Государственных дум, само оно «существовало до Учредительного собрания», а правительство «должно было быть ответственно перед этим совещанием». См.: Рабочая Газета. 1917. 29 августа. № 146; Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 1. С. 109, 111.

К стр. 318. «...*решение о созыве съезда, которому предстоит сказать свое веское слово в вопросе об организации революционной власти и о формах ее работы, продиктовано все тем же стремлением сосредоточивать внимание общественности на общенациональных злобах революционного дня*». Решение о созыве Демократического совещания было принято объединенным заседанием ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов и Исполнительного Комитета Совета крестьянских депутатов 31 августа – 1 сентября. Оно было сформулировано в первом же пункте резолюции «О власти», предложенной фракцией социал-демократов и социалистов-революционеров, взятой за основу при голосовании и принятой подавляющим большинством голосов, и гласило: «Немедленно созывается съезд всей организованной демократии и демократических органов самоуправления, который должен решить вопрос об организации власти, способной довести страну до Учредительного собрания». См.: Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 1. С. 143. Вопрос о Демократическом совещании рассматривался и на заседании Бюро ВЦИК Советов 4 сентября. Отдельные ораторы считали, что совещание должно не только решить вопрос о реконструкции власти, но само сделаться первоисточником власти вообще. Предлагалось выделить из состава Демократического совещания орган, выражающий волю демократической России, являющийся ее парламентом с контрольными и инициативно-законодательными функциями. Бюро ВЦИК решило передать рассмотрение всех этих вопросов на фракционные совещания. Было также решено привлечь к совещанию представителей продовольственных организаций, железных дорог, Петроградского Совета, Кронштадта, казачьих организаций и др. Бюро ВЦИК признало желательным обеспечить представительство партийных организаций. См.: ГА РФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 185. Л. 16; Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 1. С. 143. Меньшевики-оборонцы во главе с А.Н. Потресовым, как и плехановская группа «Единство», подвергли идею созыва Демократического совещания крайне жесткой критике. Подчеркивая, что она «является крайне опасной и вредной для судеб страны и революции», потресовцы утверждали, что «это есть замаскированная форма захвата власти Советами, которая может привести только к катастрофе». Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 1. С. 146. Активными противниками созыва Демократического совещания были кадеты.

Набоков В.Д. Провозглашение республики. Републикуется впервые. Подписана: Влад. Набоков.

К стр. 319. «Если признать, что 3-го сентября Россия “проснулась республикой”, то приходится тут же прибавить, что едва ли она это обстоятельство особенно сильно ощутила». В пятницу 1 сентября, через полгода после свержения самодержавия Временное правительство приняло Постановление о провозглашении России республикой. От имени правительства его подписали министр-председатель А.Ф. Керенский и министр юстиции А.С. Зарудный. Оно было напечатано во всех газетах, породив споры о правомочности этого акта, который многие считали прерогативой Учредительного собрания. Не вызывало энтузиазма и то, что в документе специально подчеркивалось, что Временное правительство, «убежденное в том, что только сосредоточение всех живых сил страны может вывести Родину из того тяжелого положения, в котором она находится», будет стремиться прежде всего к преодолению кризиса коалиционной политики. См.: От Временного правительства // Вестник Временного Правительства. 1917. 3 (16) сентября. № 145 (191).

– Говоря «о двух главных задачах – восстановлении государственного порядка и боеспособности армии» Правительство, настаивая на «необходимости принятия немедленных и решительных мер для восстановления потрясенного государственного порядка», объявило «о передаче с этой целью полноты власти пяти лицам из состава Временного правительства». Речь идет о передаче власти Совету пяти – Директории в составе председателя кабинета А.Ф. Керенского, военного министра А.И. Верховского, морского министра Д.Н. Вердеревского, министра иностранных дел М.И. Терещенко и министра почт и телеграфов А.М. Никитина.

– «... газета Чернова называет акт объявления республики "ярким и создающим популярность"». См.: Мед и деготь. Без подписи // Дело Народа. 1917. 3 сентября. № 145.

– «...другой орган революционной демократии – газета Горького-Гиммера – подтрунивает над новорожденной российской республикой и даже сомневаясь, появился ли этот младенец на свет, требует более веских тому доказательств». См.: Вольский Стан. Республика – ли? // Новая Жизнь. 1917. 3 сентября (16 сентября). № 2. Гиммер – настоящая фамилия Суханова Н.Н., происходившего из обрусевших немцев. Драматические события семейной жизни Гиммеров (в 1895 отец, не получив развода у церковных инстанций, по договоренности с матерью инициировал самоубийство и скрылся с целью дать ей возможность повторно выйти замуж) послужили сюжетной канвой пьесы Л.Н. Толстого «Живой труп».

К стр. 320. «"Дело Народа" напоминает, что вопрос о таком провозглашении ставился уже давно, – тогда, когда в первый раз кадеты вышли из министерства. Оно утверждает, что именно коалиция "с Кокошкиным и К" помешала такому провозглашению». См.: Дело Народа. 1917. 3 сентября. № 145. Кокошкин Федор Федорович (1871–1918) – русский общественный деятель, член Конституционно-демократической партии. Из дворян. Выпускник юридического факультета Московского университета (1893). Учился в европейских университетах. С 1903 член Московской губернской земской управы, участник «Беседы», Союза освобождения. Бессменный член кадетского ЦК. Депутат I Государственной думы, подписал Выборгское воззвание. В 1911 в знак протеста против действий министра просвещения Кассо покинул Московский университет, будучи профессором. В 1917 – глава Юридического совещания Временного правительства, государственный контролер (июль–август). Убит матросами и красногвардейцами в Марининской больнице вместе с А.И. Шингаревым.

– «...газета Чернова, – у которого есть, правда, достаточно оснований для того, чтобы без особенно нежных чувств вспоминать о Кокошкине, – в данном случае ошибается. Петербургский Совет рабочих и солдатских депутатов еще при первом правительстве, еще в марте, устами г. Нахамкеса, члена "контактной комиссии", требовал такой декларации». См.: Заседание Совета рабочих и солдатских депутатов. 14 марта. (Из стенограммы) // Известия Петроградского Совета. 1917. 17 марта. № 18.

– «Можно было бы, конечно, указать на исторический пример, на провозглашение республики временным правительством Ламартина и Ледрю-Роллена на другой день после февральской революции». Речь идет о провозглашении республики на следующий день после отречения Луи-Филиппа (28 февраля 1848 года). Ламартин (de Lamartine) Альфонс Мари Луис (1790–1869) – французский писатель и поэт романтического направления, политический деятель. Ледрю-Роллен (Ledru-Rollin) Александр Огюст (1807–1874) – левый республиканец (неоякобинец) эпохи Июльской монархии и Второй республики.

– «Впервые в декларации А.Ф. Керенского в июле, когда ему были вручены полномочия по образованию нового кабинета, было официально употреблено слово "республика"». См.: От министра-председателя // Утро России. 1917. 23 июля. № 179.

Бердяев Н.А. Демократия и иерархия. Публикуется по журнальному тексту. Републикована в сб.: *Бердяев Николай. Духовные основы русской революции. Опыты 1917–1918 гг.* С. 243–253. Одна из первых после победы российской революции оценочных статей, в которой философ четко формулирует свое понимание ее разрушительной, «отрицательной миссии», призванной изменить «у интеллигентных русских людей чувства жизни» и «заставить их по-новому мыслить». Она, по его мнению, положила «конец традиционной истории русской интеллигенции», изобличив «ложь и пустоту» идеи демократии как «верховного принципа жизни». Русскую революцию он рассматривает как «опытную проверку того, к чему приводит тираническое торжество эгалитарной страсти» с разрушением органической иерархии общественной жизни, уничтожением культурной традиции, нравственным и эстетическим безобразием «жажды механического и материалистического уравниения».

К стр. 324. *«Этот космический анархизм».* В комментарии к публикации данной статьи в сб. «Духовные основы русской революции» (1999) редактор-составитель Е.В. Бронникова, которая выверяла тексты Бердяева по оригиналу, отметила, что в данном случае, как она прочла в рукописи, автор имел в виду не анархизм, а иерархизм.

Троцкий Л.Д. На чистую воду! Подписана: Л.Т. Первый раз републиковалась в сочинениях Троцкого Т. III. Ч. I. С. 270–274.

К стр. 326. *«В Московской газете "Утро России" напечатаны новые данные о переговорах Савинкова с Корниловым по прямому проводу. Эти данные представляют исключительный интерес. Из них с несомненностью вытекает то, что нам было ясно и раньше: заговор генерала Корнилова против "правительства Керенского" вырос из другого, более широкого заговора, подготовлявшегося Керенским вместе с Корниловым против революционной России».* См.: Дубовский А. Ставка и Савинков // Утро России. 1917. 6 сентября. № 216.

– **Львов (2-й) Владимир Николаевич** (1872–1930) – русский общественный деятель. Из дворян, землевладелец Бугурусланского уезда Самарской губернии (на 1912 – 4608 дес). Окончил историко-филологический факультет Московского университета. С 1906 член Союза 17 октября. Депутат Государственных дум 3-го (октябрист, в апреле 1910 вышел из фракции, затем независимый националист) и 4-го созывов (фракция центра, товарищ председателя). С конца февраля 1917 – член Временного комитета Государственной думы. Со 2 марта по 21 июля обер-прокурор Синода. После октябрьского захвата власти большевиками в эмиграции. В 1922 возвратился в Россию и работал в обновленческом Высшем церковном управлении и издательском кооперативе «Искра». В феврале 1927 арестован вместе с другими сотрудниками кооператива по обвинению в «экономической контрреволюции». По постановлению коллегии ОГПУ выслан на три года в Сибирь «с оставлением в одном из губернских городов». Отбывал ссылку в Томске, в сентябре 1929 освобожден, но остался на жительство в этом городе. Затем вновь был арестован, умер в Томской тюремной больнице.

– **Филоненко Максимилиан Максимилианович** (1885–1960) – эсер, помощник и доверенное лицо Б. Савинкова. С 1919 в эмиграции.

К стр. 327. *«22 июля Керенским была получена от Корнилова телеграмма, в которой этот последний указывал, на каких условиях он готов принять верховное командование».* См.: Митропольский И. Требование ген. Корнилова // Утро России. 1917. 22 июля. № 178.

– *«В своем письме в газете "День" Филоненко».* См.: *Филоненко Максимилиан.* Оборона Петрограда в августовские дни. (Письмо в редакцию) // День. 1917. 8 сентября. № 158 (16117).

– «...суворинская “Маленькая Газета”, которая настойчиво повторяла, что диктатура в лице Корнилова, Савинкова и Керенского стала неизбежностью и должна осуществиться в ближайшем будущем». «Маленькая Газета» издавалась в С.-Петербурге; Петрограде с 1914 по 7 июля 1917. Позиционировала себя как газета внепартийных социалистов. Издавалась сыном известного издателя А.С. Суворина А.А. Сувориным. Дважды закрывалась Временным правительством за публикацию скандальных материалов. 13 июля возобновлена под названием «Народная Газета», 23 августа – «Русь».

– «Другая суворинская газета “Новое Время” разрабатывала другой вариант той же темы в момент поездки Савинкова в ставку. “Все правительство, все социалисты и не социалисты, раз они думают спасти Россию, должны предоставить все свои силы в полное беспрекословное распоряжение Верховного главнокомандующего...”» См.: Б-ть.Θ. Единственное средство // Новое Время. 1917. 23 августа (5 сентября). № 14 (860).

– «В своем первом воззвании генерал Корнилов прямо заявил о том, что именно Керенский вовлек его в выступление». В ночь с 26 на 27 августа Л.Г. Корнилов издал свое первое воззвание к войскам в виде листовки. Наборщики отказывались его печатать. Напечатали только под угрозой расстрела. Опубликовано «Новым Временем» 29 августа (11 сентября) 1917. № 14 866. В нем, в частности, опровергалось выдвинутое против А.Ф. Керенского обвинение, будто Корнилов послал к нему с ультиматумом В.Н. Львова. По версии Корнилова все было ровно наоборот. Корнилов оценивал переговоры с Львовым как провокацию Керенского, которая поставила на карту судьбу Отечества.

К стр. 328. «...шустрые публицисты “Дня”: они поставили несколько дней тому назад ряд крайне щекотливых вопросов по поводу роли Филоненко, Савинкова и Керенского в подготовке корниловского мятежа. В «Дне» в период с 30 августа по 2 сентября на эту тему были опубликованы передовая А.Н. Потресова «Уроки событий» и статьи Д.И. Заславского, В.А. Канторовича, С.А. Кливанского.

Ежов В. (Цедербаум С.О.) В чем дело? Републикуется впервые. Подписана: В. Ежов.

К стр. 329. «В один голос “День”, “Речь” и “Единство” восстают против предстоящего Демократического совещания». См.: Иванович Ст. Демократическое совещание // День. 1917. 3 сентября. № 154 (16113); Кондурушник С. Демократическое совещание // Речь. 1917. 6 (19) сентября. № 209 (3951); Плеханов Г. К совещанию 12 сентября // Единство. 1917. 5 сентября. № 133.

– «Мы привыкли уже к тому, что обывателя запугивают большевизмом. Этот прием с успехом применяли чины контрразведки, Бурцевы, Алексинские, реакционеры Ставки, когда нужно было убедить страну в необходимости укреплять новую Россию при помощи смертной казни, репрессий налево». Имеются в виду события 5–9 июля, последовавшие за неудачной попыткой смещения Временного правительства под давлением вооруженной манифестации.

К стр. 330. «Довольно уже написано программ для революционной власти. Теперь речь идет о методах проведения их в жизнь». Речь идет о трех программах: 2 марта, 6 мая и 8 июля, разработанных Исполкомом Петроградского Совета и принятых в свое время сменявшими друг друга кабинетами Временного правительства.

Нольде Б.Э. Мир. Републикуется впервые. Подписана: Проф[ессор] бар[он] Б.Э. Нольде.

К стр. 331. «Если верна телеграмма, полученная здесь в разгар корниловской эпопеи, о том, что канцлер Михаэлис заговорил о возможности раздела Эльзас-Лотарингии; если верно, что Германия в ответ на папскую ноту готовит изложение своей мирной програм-

мы; если эта мирная программа, как намекает разговор о разделе Эльзаса, будет состоять в том, что Германия уступит на западе, чтобы приобрести на востоке, если уступки на западе будут серьезны, – то для нас наступит час расплаты за то, как мы воевали при старом и новом режиме». Речь идет о т. н. «мирных» маневрах правящих кругов Германии, отражавших усиление тенденций в пользу скорейшего окончания войны, стремление к компромиссу. Их поддерживали партии католического центра, демократы и социал-демократы. 19 июля 1917 года эти три партии провели в Рейхстаге резолюцию о необходимости мира по обоюдному соглашению и без аннексий. Однако правое меньшинство Рейхстага, состоявшее из консерваторов и национал-либералов, за которыми стояли верховное командование, юнкерство и представители тяжелой индустрии, встретило эту инициативу яростными протестами. Им не удалось сорвать ее в Рейхстаге, но за несколько дней до принятия резолюции они добились от кайзера отставки канцлера Бетман-Гольвега. Новый канцлер Михаэлис попытался смягчить последовавший негативный резонанс заявлением о возможном смягчении позиций лишь в отношении уступок на западе. Но со стороны правительств Англии, Франции и США и резолюция Рейхстага, и последовавшие за ней заявления нового канцлера, сочувственного отклика не имели. Равно как и последовавшее в августе предложение римского папы о посредничестве в заключении мира.

Михаэлис (Michaelis) Георг (1857–1936) – немецкий юрист и политический деятель. С 14 июля по 31 октября 1917 в течение трех с половиной месяцев занимал пост рейхсканцлера Германии и премьер-министра Пруссии.

К стр. 332. «...когда президент Вильсон не воевал, а убеждал воюющих помириться, он с высот нейтралитета великой страны сделал в своем послании к сенату наблюдение, которое сейчас поучительно вспомнить». Соединенные Штаты Америки объявили войну Германии 6 апреля 1917. А незадолго до этого, 22 января, президент Вильсон, придерживаясь, как подчеркивает Нольде, своих стремлений к мирному посредничеству «с высот нейтралитета великой страны», в специальном послании к сенату, излагая американские условия мира, призывал все страны установить «подлинный мир», основанный на «равенстве больших и малых народов» и «демократии».

– «комиссия князя Голицына». В январе 1917 было принято решение о проведении специального рассмотрения польского вопроса на основе предложений, содержащихся во вступившем в силу докладе императору нового председателя Совета министров князя Н.Д. Голицына (отсюда у Нольде – *комиссия князя Голицына*). Совещание начало работу в феврале, за считанные дни до крушения империи. См.: *Позняк С.В.* «Польский вопрос» во властных структурах императорской России накануне и в годы Первой мировой войны // Российские и славянские исследования. Сб. научных статей. Вып. 1. Минск, 2004. С. 171.

Голицын Николай Дмитриевич (1850–1925) – князь, воспитывался и получил образование в Александровском лицее, который окончил в 1871 с чином коллежского секретаря и был определен на службу по Министерству внутренних дел, занимал различные должности в Царстве Польском. 1885–1903 архангельский, калужский, тверской губернатор. С 1903 – сенатор. С 1915 – член Государственного Совета, председатель Комиссии по оказанию помощи русским военнопленным. С 27 декабря 1916 – председатель Совета министров. После падения самодержавия арестован, давал показания Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Освобожден с разрешением выезда за пределы России при обязательстве не участвовать в политической деятельности. От эмиграции отказался. После прихода к власти большевиков бедствовал. Зарабатывал на жизнь сапожным ремеслом и охраной общественных огородов. Хотя политическую деятельность не занимался, в 1920–1924 дважды арестовывался органами ВЧК–ОГПУ по подозрению в связи с контрреволюционерами. После третьего ареста (12 февраля 1925) в связи с «Делом лицейстов» по постановлению Коллегии ОГПУ от 22 июня 1925 был расстрелян 2 июля 1925 в Ленинграде. В 2004 по решению Генпрокуратуры Российской Федерации реабилитирован.

– «Германия и Австро-Венгрия дали 5 ноября предшествующего года теоретическое обещание создать польское королевство, но все усилия направляли на то, чтобы свести на практике это обещание к простому рекрутскому набору за счет польского населения. Временный государственный совет, который они создали в Варшаве, был явной фальсификацией польской народной власти, ибо составлен был из людей, которые в стране были несомненным меньшинством и не обладали даже тенью власти». Речь идет о провозглашенном 5 ноября 1916 императорами Германии и Австрии создании Польского королевства. Этот документ, известный как *акт двух императоров*, не уточнял ни границ, ни системы правления, кроме ее формы. Первым государственным органом объявленного королевства стал Временный государственный совет (ВГС), созданный в декабре того же года варшавским и люблинским генерал-губернаторами. Он состоял из 25 членов (15 представителей территорий, оккупированных немцами и 10 – австрийцами), назначенных из числа сторонников оккупационных государств.

– «В марте русское Временное правительство признало польскую независимость». 16 марта Временное правительство заявило о необходимости создания независимого польского государства. Два дня ранее, 14 марта, Петроградский Совет декларировал право наций на самоопределение.

– «...оккупационная власть решилась, через год после провозглашения самостоятельности польского королевства, признать на деле польскую государственность. Официальное толкование, которое дается только что последовавшим актом о польском регентстве центральными империями [...] сводится к тому, что они признали «своевременным» осуществить свое прежнее обещание». В августе 1917 из-за разлада с оккупационными властями Временный государственный совет Польши подал в отставку. 12 сентября новым актом двух императоров стало провозглашение верховной властью в Королевстве Польском некоего Регентского совета, которое призвано было продемонстрировать серьезность их намерений о признании польской государственности.

Куделли П. Ф. Дети и война. Републикуется впервые.

К стр. 334. «И мрут, и мрут бедные цветики жизни, не успев расцвести, мрут без медицинской помощи и ухода». См.: Медовиков П.С. Причины детской смертности. Пг., 1916; Новосельский С.А. Смертность и продолжительность жизни в России. Пг., 1916; Куркин П.И. Смертность грудных детей. М., 1925; Кваша Е.А. Младенческая смертность в России XX века // Социологические исследования. 2003. № 6. С. 47–55; Авдеев А. Младенческая смертность и история охраны материнства и детства в России и СССР // Историческая демография. Сб. статей под ред. Денисенко М.Б. и Троицкой И.А.М., 2010. С. 13–72; Жиромская В.Б. Младенческая заболеваемость и смертность в России в условиях глобальных экологических изменений // Адаптация народов и культур к социальным и технологическим трансформациям. М., 2010. С. 350–356.

Ростовцев М.И. Наука и революция. Осенью 1917 года, когда страна уже вступила в период резкого нарастания общенационального кризиса, вышел сдвоенный номер – 9/10 – журнала «Русская Мысль» за сентябрь–октябрь. Вступительной статьей, открывавшей этот номер журнала, стала статья известного русского археолога и историка античности, незадолго до этого, 9 мая, избранного действительным членом Российской Академии наук. Многие ее выводы не потеряли своего значения до сих пор. Первый раз републикована в сб.: *Ростовцев М.И. Избранные публицистические статьи. 1906–1923* / Подгот. текста, предисл., коммент. и биогр. словарь И.В. Туркиной. М., 2002. С. 20–40.

К стр. 336. *Respublica litterarum* – (лат.) – res publica litterarum – государство ученых.

К стр. 338. *Конгениальный* – (лат. – *con* – с, вместе + *genius* – дух) – очень близкий, сопадающий по духу и образу мыслей.

– «...за последние десятилетия наблюдался решительный поворот. Интеллигенция все более и более подымалась до научной, национальной книги, научные исследования начали находить себе сбыт». См. научные, справочные издания и учебники в сводном электронном каталоге русской книги XIX века: book.uraic.ru/poisk_katalogi/kniqa3.htm

К стр. 339. *Decorum* – (лат.) – приличие, пристойность.

К стр. 344. *Публичная, Академическая, Университетская библиотеки СПб* – Императорская Публичная библиотека (сейчас Российская национальная библиотека) основана в 1795, открыта в 1814; Библиотека Академии наук была организована по указу Петра I в 1714; университетская библиотека начала формироваться одновременно с открытием в 1724 по указу все того же Петра I самого университета.

– «С библиотечным делом и, конечно, с развитием научной жизни в России вообще в теснейшей связи стоит рациональная постановка в России библиографии». См.: Здобнов Н.В. История русской библиографии до начала XX века. М., 1995; Рожнова В. У истоков отечественной библиографии / Библиотекарь. 1990. № 4. С. 56–58.

– «...научная книга, как *porta voce* науки». В данном случае – *porta voce* (ит.) – полномочный представитель.

К стр. 348. «...превращение России в культурную, а *implicite* и грамотную страну» – в данном случае *implicite* – (фр.) – подразумеваемый.

Сталин И.В. Вторая волна. Подписана: К. Сталин. В нашем сборнике публикуется по тексту газеты. Впервые опубликована в сборнике «На путях к Октябрю». С. 204–210. В 1946 году вошла в 3-й том Сочинений. См.: Сталин И.В. Сочинения. Т. 3. С. 279–285.

К стр. 349. «...сложилась некая скрытная коалиция, под напором которой царизм должен был сойти со сцены. Причем на другой же день после падения царизма эта скрытая коалиция стала открытой, приняв форму определенного договора между Временным правительством и Петроградским Советом, между кадетами и «революционной демократией»». В этом абзаце И.В. Сталин максимально упрощает оценку расстановки политических сил к началу революции, в чем, в частности, проявляется маниакальная склонность к выявлению и разоблачению всевозможных заговоров. Бесспорно, что в февральском перевороте слились в едином стремлении свергнуть Николая II весьма разнородные политические силы, но из этого еще не следует, что «сложилась некая скрытая коалиция». Нет и объективных фактов, свидетельствующих о ее «сложении». Не было и никакого «определенного договора» между Временным правительством и Петроградским Советом. В марте никому и в голову не приходило рассматривать Совет как возможный орган власти. Для всех социалистов всех мастей в это время аксиомой была недопустимость участия социалистов во Временном правительстве, а право кадетов, как революционной буржуазной партии, формировать правительство, представлялось само собой разумеющимся.

К стр. 350. «Наибольшей силы достигла коалиция с кадетами в июльские дни, когда члены коалиции выступили единым боевым фронтом, обратив свое оружие против “большевистских” рабочих и солдат». Важнейшей составляющей июльского политического кризиса был глубочайший кризис коалиционной политики. Он начался с демонстративных отставок министров-кадетов. Затем в течение почти месяца А.Ф. Керенскому никак не удавалось сформировать новое коалиционное правительство. Не было никакого «единого боевого фронта»: кадеты не желали быть в коалиции вместе с социалистами, все большая часть социалистов, все решительнее отвергала даже сами разговоры о возможности коалиции. Не был столь сплоченным и «единый фронт» против большевиков. Размах преследований,

развернутых против них в июле, напротив, способствовал росту симпатий к ним со стороны «интернационалистов» в среде эсеров и меньшевиков и вызреванию идеи демократической коалиции.

– «*Московское совещание явилось в этом отношении лишь эхом июльских дней, причем недопущение большевиков на совещание призвано было служить залогом, необходимым для скрепления “честной коалиции” с “живыми силами” страны, ибо изоляция большевиков рассматривалась как необходимое условие прочности коалиции с кадетами*». На самом деле, фракция большевиков в ЦИК бойкотировала Московское совещание потому, что получила отказ от советской части Совещания на требование предоставить ей право выступить с собственной декларацией, идущей вразрез с единой декларацией делегации. Аналогичный отказ получили и меньшевики-интернационалисты.

– «*С выступлением Корнилова картина меняется*». Действительно, корниловский путч на короткое время свел воедино под флагом защиты революции и критиков коалиционной политики, и сторонников единения «живых сил революции», сплотив широкие слои общества и прежде всего – пошатнувшиеся было ряды самой революционной демократии.

– *Каледин Алексей Максимович* (1861–1918) – в годы Первой мировой войны командовал 12-й кавалерийской дивизией, 12-м армейским корпусом, 8-й армией. К Великой российской революции отнесся отрицательно. В речи на московском Государственном совещании потребовал в целях доведения войны до победного конца поставить армию вне политики. Поддержал выступление генерала Корнилова. 25 октября объявил захват власти большевиками преступным, заявив, что Войсковое правительство принимает на себя всю полноту власти в Донской области. С тех пор и до 29 января 1918, когда покончил с собой, пытался организовать борьбу с большевиками, но неудачно.

– «*Глас вопиющего в пустыне*» – из Библии. См.: Ветхий Завет, Кн. Пророка Исайи, гл. 40, ст. 3 (см. также Еванг. от Матфея – гл. 3, ст. 3; от Марка – гл. 1, ст. 3; от Иоанна – гл. 1, ст. 23). Иносказательно – напрасный призыв, неудачная попытка найти взаимопонимание.

К стр. 351. «*Едины суть*». Сталин использует выражение седьмого стиха пятой главы Первого послания Иоанна (1 Иоанн. 5:7).

К стр. 352. «*Представители торговли и промышленности, которых хотят “завлечь в свои сети” хитрые стратеги Центрального Исполнительного Комитета, пошли по стопам кадетов*». Речь идет о попытках создания коалиции без кадетов, но с представителями торгово-промышленных кругов. «Хитрые стратеги», вероятно, И.Г. Церетели и Ф.И. Дан.

– «*...созываемое на 12 сентября Демократическое совещание приобретает особо симптоматическое значение*». От греч. *symptōta* – совпадение, признак: *симптоматическое* – показательное.

Саликовский А.Ф. Съезд народностей. Републикуется впервые. Подписано: Ал. Саликовский.

К стр. 352. «*Нам уже приходилось отмечать, что программа по национальному вопросу революционной демократии, оглашенная на Государственном совещании Н.С. Чхеидзе, представляла собою повторение резолюции Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, принятой еще 12 июля*». См.: Государственное совещание. С. 84–85; Первый Всероссийский съезд Советов... Т. 2. С. 168.

К стр. 353. «*Газеты сообщили одновременно два известия: во-первых, о том, что в министерстве внутренних дел начаты работы по организации национального отдела, который, надо полагать, будет превращен в Совет по национальным делам, и, во-вторых, о делегировании Временным правительством в Киев на съезд народностей своего представителя, известного русско-украинского публициста М.А. Славинского*». См.: Командировка представителей правительства на съезд национальностей. Без подписи // Русские Ведомости. 1917.

6 сентября (19 сентября). № 204. *Славинский Максим Антонович* (1868–1945) – юрист, публицист, общественно-политический деятель. Выпускник юридического факультета СПб университета. После 1907 – директор Киевского политехнического института, в начале 1911 – секретарь журнала «Вестник Европы», после Февральской революции один из организаторов Республиканско-демократической партии, затем Российской радикально-демократической партии, входил в ЦК, был заместителем председателя партии, редактор газеты «Отечество». 11 июля возглавил Особое совещание по областной реформе при Временном правительстве. Делегат сентябрьского Съезда Народов в Киеве. В 1919 – посол Украинской народной республики в Чехословакии. В эмиграции жил в Париже.

– «Как известно, к участию в этом съезде, созданном по инициативе Украинской Центральной Рады и открывшем 8 сентября свои занятия, привлечены представители всех тех народностей, которые добиваются автономии для своих областей и федеративного строя для всего русского государства». Съезд порабощенных народов, или Съезд народов России, работал в здании киевского Педагогического музея 8(21)–15(28) сентября. Созван он был по инициативе Украинской Центральной Рады с целью решить цивилизованным путем коренные национальные проблемы.

– «...казачьи области, которые в лице заседающей в настоящее время в Екатеринодаре конференции Донского, Терского и Кубанского казачества, признали невозможным удовлетвориться декларацией Временного правительства о введении республиканского строя». 7 сентября 1917 в Екатеринодаре открылась конференция представителей Донского, Кубанского, Терского, Яицкого (Уральского), Оренбургского и Астраханского казачьих войск, Союза горских народов Кавказа, Кубанского областного горского исполнительного комитета. В ее работе принимал участие и комиссар Временного правительства в Кубанской области В.К. Бардиж.

К стр. 354. «...генерал Каледин в Новочеркасске, в войсковом кругу, заявил, что он противник федерации». 3 сентября в Новочеркасске открылся Войсковой круг Всевеликого войска донского. Его работа протекала на фоне острого конфликта между Временным правительством и Войсковым правительством Дона. Имелись веские основания подозревать казаков в поддержке выступления Л.Г. Корнилова, а атамана А.М. Каледина хотели предать суду. 6 сентября ЦИК отправил для переговоров на Дон В.Г. Заварзина, С.П. Мазуренко и М.И. Либера. В тот день на Круге выступил с 3-х часовой речью Каледин. В частности, он заявил: «Я по убеждению противник федерации».

Вишняк М.В. Ленин и новая революция. Републикуется впервые.

К стр. 355. «Победа подлинной демократии в России была бы могучим толчком к победе социализма во всей капиталистической Европе». Так пишет «Рабочий Путь» – и правильно пишет. Но рядом с этим он пишет и делает такое, что ничем иным, как «могучим толчком» к поражению демократии в России и тем самым к поражению социализма «во всей капиталистической Европе» названо быть не может». См.: Текущий момент. Без подписи // Рабочий Путь. 1917. 23 сентября (10 сентября ст. ст.). № 7. Далее автор ведет речь о пропагандистской кампании против советских социалистических партий, прежде всего против эсеров и меньшевиков – центристов – революционных оборонцев и правых оборонцев, которая проводилась в большевистской печати. См.: На суд рабочих и солдат! «О союзе эсеров с корниловцами». Без подписи // Там же.

К стр. 356. «В фельетоне, посвященном “не худшему, а одному из лучших представителей мелкобуржуазной демократии” Ник. Суханову, Ленин ищет “корня зла” и находит этот “корень” в мелкобуржуазной, еще Марксом изобличенной, “воле большинства народа”». Речь идет об одном из очерков «Корень зла» (См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 122–130), который входил в цикл опубликованных Лениным статей в газете «Рабочий» под общим названием «Из дневника публициста». Он начал писать и публиковать их в августе и завершил в начале 20-х чисел сентября. Первая публикация цикла включала один очерк –

«Крестьяне и рабочие» // Рабочий. 1917. 11 сентября (29 августа ст. ст.). № 6. Вторая – два, кроме указанного выше «Корня зла» – «Барщина и социализм» // Там же. 14 (1) сентября. № 10. Третья – заметки от 22, 23 и 24 сентября впервые были опубликованы по машинописной копии в 1924 году в журнале «Пролетарская Революция» № 3 под заголовком «Ошибки нашей партии». См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 108–116; 122–132; 257–263.

– «В революции, – учит Ленин, – надо победить враждебные классы, надо свергнуть защищаемую ими государственную власть, а для этого недостаточно “воли большинства народа” (последние иронические кавычки принадлежат, конечно, Ленину), а необходима сила революционных классов, желающих и способных сразаться, притом сила, которая бы в решающий момент и решающем месте раздавила враждебную силу». «Ссылка на “волю народа” была бы достойна только самого тупого мелкого буржуа». Там же. С. 124, 125.

– «Поворот здесь требуется и во всем положении власти, и во всем составе ее, и в условиях деятельности крупнейших партий, и в “устремлении” того класса, который их питает. Такие повороты исторически немыслимы без новой революции». Там же. С. 129.

Зиновьев Г.Е. Наша победа и наши задачи. Первый раз данная статья публиковалась в: Зиновьев Г. Сочинения. Том VII. Часть первая. С. 365–369.

К стр. 358. «Победа нашей партии в Петроградском и Московском Советах рабочих и солдатских депутатов полна глубочайшего политического смысла». В ночь на 1 сентября Петроградский Совет на пленарном заседании большинством голосов принял предложенную большевиками резолюцию, осуждающую политику коалиции и призывавшую к переходу всей власти к Советам. 5 сентября аналогичную резолюцию принял и Московский Совет.

– «С похвальной решительностью Церетели, Богданов, Чхеидзе заявили на субботнем собрании, что дело идет не о смене лиц, а о смене политической линии. Они потребовали от Совета принципиального голосования, добиваясь ясного ответа: старая эсеро-меньшевистская политика или политика большевиков. Голосование произошло. Результаты известны». 9 сентября, открывая пленарное заседание Петроградского Совета, Н.С. Чхеидзе от имени Президиума заявил, что тот официально слагает с себя полномочия. Основанием для данного заявления, поддержанного всеми членами Президиума, в том числе и Церетели с Богдановым, послужила принятая накануне резолюция «О власти». Она, по их мнению, «отрицает основы», на которых строилась тактика Совета. (Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 1. С. 161). Фактически Президиум настаивал на голосовании вопроса о доверии.

– «Уже в вопросе о президиуме наша линия поведения наметилась достаточно ясно. Мы, которых так хулят за “твердокаменность”, непримиримость, неуступчивость и неуживчивость, мы отнюдь не потребовали себе всех мест, как это делали эсеры и меньшевики даже тогда, когда их большинство было уже более чем сомнительным. Нет, мы предложили компромисс, мы предложили честную коалицию меньшинству, мы выдвинули план создания коалиционного президиума на основе пропорционального представительства». Большевики и меньшевики-интернационалисты (Л.Б. Каменев и Ю.О. Мартов) выступили против голосования о доверии и предложили переизбрать Президиум на пропорциональных основах. Но члены старого Президиума отказались и проиграли.

К стр. 359. «История никогда не забудет Дану, Церетели, Чхеидзе, Гоцу, Чернову и другим их поведения в июльские дни. История не забудет, как они кричали “ату” большевикам в момент, когда на большевиков набросились все черные силы». Речь идет о позиции в июле эсеро-меньшевистского большинства Петросовета и ВЦИК, стремившегося использовать в интересах укрепления своих позиций во власти неудачную попытку свержения Временного правительства, в которой участвовали большевики. Гоц Абрам Рафаилович (1882–1940) – российский политический деятель, социалист-революционер. Из богатых

купцов. Окончил философский факультет Берлинского университета, младший брат одного из основателей ПСР М.Р. Гоца. В революционном движении с 1896, в 1904–1905 – член Московского комитета ПСР. С 1906 член Боевой организации ПСР. Провел 8 лет в ссылке и на поселении в Восточной Сибири. Освобожден из ссылки в 1917, был избран в Исполком Петроградского Совета, возглавлял фракцию эсеров. Делегат III и IV съездов ПСР, член ЦК, лидер правоцентристов. Член ВЦИК первого созыва, участник Демократического совещания, член Предпарламента, делегат I и II Всероссийских съездов Советов РСД. Как председатель Комитета спасения руководил восстанием юнкеров в Петрограде 29 октября. Обязательный кандидат ПСР в Учредительное собрание. Участник заседания 5 января. Входил в военный штаб «Союза возрождения». Отстаивал тактику борьбы на два фронта – против большевиков и против Белого движения. В 1922 приговорен к расстрелу, который был заменен пятью годами тюрьмы. После освобождения работал в Ульяновском губернском госплане. В 1937 арестован, отправлен на Колыму и в 1939 осужден на 25 лет лишения свободы. Умер в Краслаге.

– *«История не забудет, что в дни, когда рабочие и солдаты вышли с требованием "Вся власть Советам!" – требованием, получающим теперь все большее признание и среди эсеров и меньшевиков, названные вожди эсеров и м-ков не были с рабочим и солдатским, хотя бы и стихийно вспыхнувшим, движением, а... с генералом Половцевым».* В ходе июльских событий руководство Петросовета вынуждено было искать поддержки у командующего Петроградским военным округом П.А. Половцева. Заявление о «все большем» признании эсерами и меньшевиками лозунга «Вся власть Советам!» – явное преувеличение. Однако интернационалисты среди эсеров и меньшевиков все больше и больше склонялись к убеждению в необходимости однородного социалистического правительства. *Половцев Петр Александрович (1874–1964)* – в годы Первой мировой войны дослужился до начальника штаба Кавказской конной туземной дивизии. 22 мая 1917 назначен главнокомандующим войсками Петроградского военного округа. Во время июльского выступления большевиков руководил его подавлением и последующим разгромом редакции большевистской газеты «Правда». С октября того же года – военный губернатор и командующий войсками Терской области. В феврале 1918, в связи с Брестским миром, покинул Россию и отправился в Персию для участия в военных действиях на стороне англичан. Затем в эмиграции.

– *«История не забудет им, что в дни, когда вся буржуазия, все черносотенцы, вся контрреволюционная шваль, используя подлую клевету, сочиненную Алексинским, Бурцевым и Переверзевым, набросилась на нас, как стая жадных псов – они формально умыли руки, а на деле оказали самую действительную поддержку клеветникам».* Формально лидеры Советов не поддерживали антибольшевистскую клевету, а фактически всячески ей способствовали. *Переверзев, Павел Николаевич (1871–1944)* – российский адвокат и политический деятель. Окончил юридический факультет СПб университета. Служил в министерстве юстиции, с 1901 – присяжный поверенный. Специализировался на защите в уголовном процессе, был защитником политзаключенных. По распоряжению министра внутренних дел В.К. Плеве выслан на три года в Архангельск. После гибели Плеве получил возможность вернуться в Петербург. Находясь в ссылке, вступил в ПСР, затем сотрудничал с более умеренной Народно-социалистической партией. В 1915 был одним из адвокатов членов большевистской фракции IV Государственной думы. И хотя большевиков реально могли приговорить к бессрочным каторжным работам, благодаря действиям защиты они были отправлены в ссылку. Во время Первой мировой войны руководил санитарным отрядом, сформированным петроградскими адвокатами, проявил себя энергичным организатором. Масон. В марте 1917 назначен прокурором Петроградской судебной палаты. В этом качестве выезжал в Кронштадт, где безуспешно требовал от матросов освобождения арестованных ими офицеров. Стремился ввести в правовые рамки вопрос об аресте деятелей царского режима, добившись, чтобы аресты производились только при наличии письменного приказа прокурора судебной палаты. В первом коалиционном Временном правительстве был мини-

стром юстиции. В июле 1917 в дни антиправительственного выступления большевиков распорядился обнародовать предоставленную контрразведкой в его распоряжение информацию об их финансовых связях с немецкими властями. Однако, когда ключевые деятели Временного правительства осудили несогласованные с правительством действия министра, подал в отставку и вскоре вновь уехал на фронт во главе санитарного отряда. После прихода к власти большевиков вынужден был скрываться, новые власти готовили над ним крупный процесс, два его сына были арестованы как заложники до возвращения отца, но освобождены при помощи друзей-социалистов. Затем жил в Крыму, откуда в 1920 вместе с семьей эмигрировал. Во Франции возглавлял различные адвокатские союзы и объединения русских адвокатов, продолжал участвовать в деятельности масонских организаций. Во время немецкой оккупации Франции участник Сопротивления.

– «История не забудет Церетели, что именно в бытность его министром подписан был приказ об аресте Ленина, Троцкого, Коллонтай и др.». И.Г. Церетели именно в эти дни, 8–24 июля, возглавлял министерство внутренних дел – наряду с министерством почт и телеграфов.

К стр. 361. «...шестимесячная политика соглашательства запутала и осложнила положение настолько, что шансы на мирный исход стали минимальны. Но они все же существуют. И открывающееся на днях всероссийское Демократическое совещание могло бы еще открыть путь для такого мирного исхода». Демократическое совещание открылось в Петрограде 14 сентября. Вопреки стремлению В.И. Ленина взять власть вооруженным путем, правые большевики во главе с Л.Б. Каменевым все еще сохраняли надежду на мирный исход.

Ленин В.И. Один из коренных вопросов революции. Статья публиковалась за подписью Н. Ленин. Впервые была републикована во второй части XIV тома первого издания собраний сочинений (С. 102–109). В этом же виде входила во все последующие их издания, включая последнее, пятое. См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 200–207.

К стр. 362. «...“Дело Народа”, жаловалась недавно (№ 147), что из-за споров о власти забывается и вопрос об Учредительном собрании и вопрос о хлебе». См.: Проблема власти и Учредительного собрания. Без подписи // Дело Народа. 1917. 6 сентября. № 147.

– «Либо разгон Советов и бесславная смерть их, либо вся власть Советам – это я сказал перед Всероссийским съездом Советов в начале июня 1917 г.» См. Первый Всероссийский съезд Советов... Т. I. С. 67–69; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 200–207.

К стр. 363. «...ценное признание, которое было сделано несколько времени тому назад газетой правительственной партии, партии эсеров, “Делом Народа”. Даже в тех министерствах, – писала эта газета, – которые переданы министрам-социалистам (это писалось во время пресловутой коалиции с кадетами, когда меньшевики и эсеры были министрами), даже в этих министерствах весь аппарат управления остался старым, и он тормозит всю работу». См.: Обновление ведомств и демократия. Без подписи // Дело Народа. 1917. 29 июля. № 113.

К стр. 364. «...Социалисты, даже при условии полнейшей добросовестности отдельных лиц из их числа, на деле оказываются пустым украшением или ширмой буржуазного правительства, громоотводом народного возмущения от этого правительства, орудием обмана масс этим правительством. Так было и с Луи Бланом в 1848 году, так было с тех пор десятки раз в Англии и Франции при участии социалистов в министерстве, так было и с Черновыми и Церетели в 1917 г.» Даже не отказывая Церетели и др. министрам-социалистам в добросовестности, Ленин возвращается к обвинениям в их адрес, сравнивая с позицией французских социалистов, начиная с Луи Блана. Блан (Blanc) Луи (1811–1882) – французский

социалист, приобретший особенную популярность во время февральской революции 1848 года, когда вошел от рабочих в состав временного правительства. По его настоянию была организована комиссия для улучшения положения трудящихся классов, пользовавшаяся большим авторитетом среди трудящихся, хотя практические результаты деятельности комиссии были весьма невелики. Среди неназванных социалистов Франции он имел в виду прежде всего А. Мильерана, Ж. Гада, М. Самба, А. Тома, лидера Лейбористской партии Англии А. Гендерсона.

К стр. 365. *«Назначение Алексеева, “мир” с Клембовскими, Гагариными, Багратионами и прочими корниловцами, мягкость обращения с самим Корниловым и Калединым – все это яснее ясного показывает, что Керенский на деле восстанавливает корниловщину»*. В назначении бывшего Верховного главнокомандующего на должность и.о. начальника штаба Верховного главнокомандующего, просто не успевшего выполнить ни одного приказа мятежника, равно как и в дружеских рукопожатиях его с командующим Северным фронтом Клембовским Владиславом Наполеоновичем (1860–1921) и офицерами туземной дивизии Гагариным Анатолием Владимировичем (1878–1920) и Багратионом Дмитрием Петровичем (1863–1919), которые, выполняя приказы Корнилова, выдвинули свои соединения, но затем явились с покаянием к Керенскому, Ленин увидел реальное восстановление корниловщины.

К стр. 366. *«Не так давно И. Прилежаев писал в “Деле Народа” (№ 147), оплакивая уход Пешехонова и крах твердых цен, крах хлебной монополии...»* См.: Прилежаев И. Крах продовольственной политики Министерства продовольствия // Дело Народа. 1917. 6 сентября. № 147. Прилежаев Иван Александрович (1881–1946) – эсер с 1902, работал в партийных организациях Киева и Одессы. Неоднократно подвергался арестам, заключению и административным ссылкам. С марта 1917 – член Киевского губкома ПСР. На III съезде партии избран членом ЦК, после чего переехал в Петроград, введен в состав редколлегии газеты «Дело Народа». В 1922 вышел из партии, завив о полном согласии с программой и тактикой коммунистов. Но почти тут же был включен Президиумом ГПУ в число тех, кому было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности по готовящемуся процессу ПСР. В 1923 выступал на съезде бывших эсеров с призывом переходить в ряды РКП(б). В дальнейшем от политической деятельности отошел.

Набоков В.Д. Безнадежный эксперимент. Републикуется впервые. Подписана: Влад. Набоков.

К стр. 367. *«С легкой руки вечерних “Биржевых” печать занялась идеей “предпарламента”»*. См.: Гессен А. Поворот в пользу коалиции // Биржевые Ведомости. Вечерний выпуск. 1917. 12 (25) сентября. № 16438.

– *«...орган Совета рабочих и солдатских депутатов счел нужным занять позицию по отношению к предпарламенту. Позиция, правда, несколько неясная: “Известия” отрицают предпарламент, как замену Учредительного собрания, но они готовы, по-видимому, принять его как “временный и компромиссный выход”»*. См.: Предпарламент и Учредительное собрание. Без подписи // Известия ЦИК и Петроградского Совета. 1917. 13 сентября. № 169.

– *«...существующее Временное правительство – “Совет пяти” (без одного), по собственному признанию не имеет опоры ни справа, ни слева»*. Указания – «без одного» связано со слухами об отставке М.И. Терещенко, которые не подтвердились.

– *«Идея “предпарламента” – новый эксперимент»*. Предпарламент – Временный Демократический Совет Российской Республики, созданный Демократическим совещанием 20 сентября. Его создание явилось результатом сложной политической игры с участием многих сил, направленной на затягивание созыва Учредительного собрания и легитимацию нового состава Временного правительства.

К стр. 368. *«Опыт пресловутой “исторической” ночи с 21 на 22 июля»*. Речь идет о совещании представителей всех политических партий левее октябристов в Зимнем дворце в ночь на 22 июля, когда большинство собравшихся отвергло программу, выработанную Исполкомами Советов и оглашенную Ф.И. Даном, равно как и контроль над правительством со стороны Советов. На этой основе было сформировано и с 24 июля приступило к работе 2-е коалиционное правительство, за которым Исполкомы Советов признали «неограниченные полномочия».

Кливанский С.А. Честная коалиция на деловой программе. Републикуется впервые.

К стр. 368. *«Первый день Демократического совещания, давший в речах докладчиков обычную картину абстрактно-политического мышления руководящих кругов революционной демократии, принес и свой практический результат. Совещание вплотную подведено к практически-политическому разрешению вопроса о коалиции»*. См. выступления В.М. Чернова, Л.Б. Каменева, Б.О. Богданова, И.Г. Церетели: ГА РФ.Ф. 1798. Оп. 1. Д. 3; Известия ЦИК и Петроградского Совета. 1917. 15 сентября. № 171; Там же. 16 сентября. № 172.

– *«В речах Церетели, Чернова, как ни расходились они в отношении к элементам, с которыми нужно и можно коалировать, звучал одинаковый основной мотив о необходимости для демократии сначала выработать свою деловую программу на ближайшее время до Учредительного собрания»*. См.: Известия ЦИК и Петроградского Совета. 1917. 15 сентября. № 175.

К стр. 369. *«Каменев провел грань не только между буржуазией и партией пролетариата, но и между большевиками и демократией»*. Речь идет об уточнении позиции большевиками, с которым выступил 20 сентября Л.Б. Каменев, председатель большевистской фракции, в отсутствие В.И. Ленина он определял ее тактическую линию. Если до этого Каменев поддерживал, пусть с оговорками, идею однородного демократического правительства (главная из них состояла в том, что он гарантировал поддержку подобного правительства, пусть не до Учредительного собрания, но хотя бы до предстоящего съезда Советов). Теперь его смутила формулировка одной из задач предпарламента: «содействие власти», что могло быть трактовано как привязка к вопросу о коалиции с ценовыми элементами. Так как последовавшая за этим первая официальная встреча А.Ф. Керенского с представителями Демократического совещания, московскими общественными деятелями и некоторыми членами ЦК кадетской партии была воспринята большевиками как еще одно подтверждение их подозрений, они покинули Демократическое совещание, заявив, что не приемля способ формирования предпарламента, впредь будут участвовать в нем лишь для борьбы «в этой новой крепости соглашательства», лишь до созыва съезда Советов и перехода власти в руки Советов, которые без дальнейших отсрочек созовут Учредительное собрание. Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 1. С. 51–55.

К стр. 370. *«Мы не думаем, чтобы соглашение с ценовой Россией со включением кадетов, было ныне объективно невозможно и объективно вредно для дела революции. В этом нас убеждают те условия, которые выставлены московскими общественными деятелями для вхождения в кабинет»*. См.: Реконструкция кабинета. Без подписи // Речь. 1917. 15 (28) сентября. № 21 (3959).

Миров В. (Иков В.К.) Кооперация на совещании. (На кооперативном съезде). Републикуется впервые.

К стр. 371. *«В тревожные дни, в исключительный по своей трагичности момент собрался чрезвычайный кооперативный съезд в Москве»*. Второй экстренный кооперативный съезд работал с 11 по 14 сентября 1917.

– *eo ipso* – (лат.) – тем самым.

– «*Мы не хотим заниматься политикой, но мы должны ею заниматься*», – с болью воскликнул на съезде А.М. Беркенгейм. И съезд громом аплодисментов в ответ на эту фразу как бы подчеркнул, что он на свой шаг смотрит как на известную жертву, что свой новый путь он считает дорогой на Голгофу». См.: Речь А.М. Беркенгейма // Власть Народа. 1917. 14 сентября. № 117. Беркенгейм Александр Моисеевич (1878–1932) – один из руководителей кооперативного движения в России и Польше, Член президиума Демократического совещания от общей кооперации. В Учредительное собрание избирался по спискам от кооперативного блока. В 1918 – один из учредителей Российского политического Красного Креста (1918), тогда же, как глава заграничного филиала Центросоюза, был направлен за границу для переговоров по закупкам товаров, в Россию не вернулся после того, как в 1920 заочно был привлечен чекистами по т. н. «делу кооператоров». Похоронен в Варшаве.

К стр. 372. «*Отсюда – тот наказ, который единогласно принят съездом*». См.: Наказ делегации // Там же.

Иванович Ст. (Португейс С.О.) Умопостигаемая коалиция. Републикуется впервые, подписана: Ст. Иванович.

К стр. 372. «*Может быть, Коноваловы очень плохие люди, что они не хотят идти в министерство без кадетов. Они явно портят чертежи Богданова и других. Но демократический съезд должен принять жизнь, как она есть, и Коноваловых, каковы они суть*». См.: Реконструкция кабинета. Без подписи // Речь. 1917. 15 (28) сентября. № 21 (3959).

К стр. 373. «*Некоторые планы барона Мюнхгаузена тоже были в своем роде замечательны*». Карл Фридрих Иероним барон фон Мюнхгаузен (Karl Friedrich Hieronymus Freiherr von Münchhausen) (1720–1797) – немецкий барон, ротмистр русской службы и рассказчик, ставший литературным персонажем. Имя Мюнхгаузена стало нарицательным как обозначение человека, рассказывающего невероятные истории. Его рассказы и приписываемые ему издавались в Германии с конца XVIII в. Литературный барон Мюнхгаузен стал общеизвестным в России персонажем благодаря К.И. Чуковскому, который адаптировал книгу Э. Распе для детей.

– «*Недостойно всероссийскому совещанию выносить решения, которые в лучшем случае будут названы маниловскими*». Маниловское, маниловщина – мечтательное и бездейственное отношение к окружающему, беспочвенное благодушие. По имени Манилова, одного из героев поэмы Гоголя «Мертвые души».

Пешехонов А.В. Предпарламент. Републикуется впервые.

К стр. 374. «*Не вемы ни дня, ни часа*». См.: Матфей 25:13.

– *Le roi est mort, vive le roi!* – (фр.) – Король умер, да здравствует король!

– «*Временный комитет Государственной думы [...] не считает свою роль оконченной. Этот непогребенный мертвец не раз уже пытался ожить*». Речь идет о том, что Временный комитет Государственной думы (обычно 50–70 человек из 442) под председательством М.В. Родзянко с 27 февраля по 20 августа провел 20 т. н. частных совещаний. На них собравшиеся в основном занимались критикой Временного правительства за уступки Советам, требовали установления «сильной государственной власти», а на последнем заседании раздавались открытые призывы к установлению военной диктатуры.

К стр. 375. «*Временное правительство может просто распасться. И дважды мы были близки к этому. Один раз – в начале июля, когда ушли конституционные демократы, ушел вместе с ними, хотя и несогласный с ними, Некрасов, а спустя несколько дней – ушел кн. Львов и с ним готовы были уйти остальные “министры-капиталисты” (другой Львов,*

Годнев»). Речь идет об июльском политическом кризисе, который был спровоцирован выходом 2 июля в отставку министров кадетов – А.И. Шингарева, Д.И. Шаховского и А.А. Мануйлова. Первоначально примкнувший к ним Н.В. Некрасов, затем послал в ЦК кадетской партии заявление о выходе из партии. Князь Львов сложил свои полномочия 7 июля. 8 июля главой правительства стал А.Ф. Керенский, сохранив за собой также министерство военных и морских дел. Некрасов занял пост заместителя премьер-министра, Церетели, министр почт и телеграфа, возглавил также и министерство внутренних дел. После серии новых заявлений об отставках стало ясно, что правительственный кризис затягивается, состояние нестабильности растягивается на неопределенный срок. *Годнев Иван Васильевич* (1854–1919) – русский общественный и политический деятель. С 1891 гласный Казанской городской думы, с 1892 почетный мировой судья. В 1900–1908 – председатель Казанского сиротского суда, с 1901 гласный Казанского губернского по земским и городским делам присутствия. Депутат III и IV Государственных дум. Октябрист; после раскола партии входил в думскую группу «Союза 17 октября». С августа 1915 – член Особого совещания по перевозке топлива, продовольственных и военных грузов. 27 февраля 1917 избран членом Временного комитета Государственной думы и назначен его комиссаром над Сенатом. 2 марта вошел в первый состав Временного правительства в качестве государственного контролера. Подал в отставку, как и ряд других министров с тем, чтобы вынудить ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов на формирование нового правительства с участием представителей кадетской партии. В следующий состав правительства не вошел. 22 сентября принимал участие в заседании Временного правительства с представителями Демократического совещания и членами кадетской партии. Затем уехал в Уфу, там и скончался.

– «Еще хуже обстояло дело в середине июля, – после того как Керенский, которому с разных сторон вкладывали палки в колеса, оказался не в силах пополнить кабинет. [...] В течение двух дней тогда правительства, в сущности, не было». Палки в колеса Керенскому вставляли руководители ряда общественных организаций и групп, а также торгово-промышленных кругов. Они требовали ограничить влияние Советов на политику, не допустить проведения каких-либо социальных реформ до Учредительного собрания, ограничить партийное влияние на входящих в правительство членов социалистических партий, отстранения В.М. Чернова. 20 июля Керенский подал в отставку и демонстративно уехал на отдых в Финляндию. На два дня Россия осталась без кабинета министров.

– *res nullius* – (лат.) – бесхозная вещь.

– «Лишь после того как представители партий поручили Керенскому составить новое Временное правительство, и он принял это поручение, – государственная власть была восстановлена». 22 июля после долгих переговоров с представителями всех политических партий (кроме октябристов и большевиков) в Зимнем дворце лидеры меньшевиков и социалистов-революционеров на объединенном заседании Исполнительных Комитетов Совета провели решение предоставить Керенскому право единоличного определения состава правительства. См.: отчеты о совещании в Зимнем дворце – ГА РФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 138. Резолюцию о доверии А.Ф. Керенскому, принятую объединенным заседанием Исполкомов Советов 22 июля см.: Меньшевики в 1917 году. Т. 1. С. 195.

Шингарев А.И. По наклонной плоскости. Републикуется впервые. Статья сопровождается авторскими примечаниями, которые сохранены и воспроизведены без изменений.

К стр. 377. «В конце августа 1914 года в совещаниях у министра финансов по поводу необходимости найти источники средств, для покрытия военных расходов и замены прекратившихся доходов от винной монополии для сбалансирования обычного государственного бюджета было много горячих споров». Согласно стратегии Министерства финансов от 1914

уже в августе 1914-го вся казенная торговля алкоголем – спиртом, вином и водочными изделиями – была прекращена. Найти на совещании у министра финансов средства для компенсации потери доходов вследствие отмены казенной монополии не удалось.

– К авторскому примечанию: «*См. мои статьи в “Речи” за 1914 г. № 233, от 31 августа, № 235, 238, 242, 244, 247, 254 и 257*». Речь идет о публикации в указанных номерах статьи «Война, трезвый бюджет и налоги» в восьми разделах.

К стр. 378. «...доходы долго не могли восполнить даже убыль средств в обыкновенном бюджете, происшедшую от прекращения продажи водки». В 1916 году казенная монополия принесла в казну всего 51 млн рублей – около 1,5 % бюджета. Для сравнения: в 1913 году казенная монополия на водку составила 26 % бюджета. Бюджет России, и так трещавший по швам из-за военных расходов, был, таким образом, совсем обескровлен.

– «...стремление некоторых органов революционного социализма противодействовать успеху Займа Свободы». Внутренний военный заем, получивший название «Заем Свободы», был выпущен Временным правительством 27 марта 1917. В этот день, названный днем «Займа Свободы» был проведен большой митинг-концерт в Мариинском театре с участием представителей творческой интеллигенции, членов Государственной думы, общественных деятелей. «Дни Займа» проводились в Петрограде и Москве регулярно один-два раза в месяц. С июня они переросли в «двухдневки», а затем в «трехдневки». С каждым разом число желающих подписаться на заем уменьшалось, хотя власти и «революционная демократия» проявляли изобретательность, стараясь поддержать интерес граждан к займу. В Петрограде 26–28 июля на «трехдневке» предлагались миниатюрные гипсовые бюсты «рыцаря революции» – Керенского, сбор от продажи которых шел, естественно, в фонд «Займа Свободы». Последний раз «трехдневки» прошли одновременно в обеих столицах 30 сентября – 2 октября. По сообщениям печати, подписка в эти дни составила в Петрограде – 35 млн руб., в Москве – 20 млн. Однако заем, который планировался как средство борьбы с эмиссией, не привел к финансовой стабилизации. Напротив, именно для нужд займа Временное правительство решило провести эмиссию и включить в сентябре 1917 года печатный станок, начав выпуск печально знаменитых керенок, полагая, что это снизит денежный голод в провинции. В стране разразился финансовый кризис.

– «...политические кризисы власти в попытках навязать буржуазной революции утопические задачи социалистических партий». Речь идет об апрельском, июньском и июльском кризисах, в ходе которых левые социалисты выдвигали все более радикальные политические и экономические требования.

К стр. 379. «...статья А. Смирнова в одном из последних номеров “Торгово-Промышленной Газеты”». См.: Смирнов Ал. Новое расширение эмиссионного права и выпуски кредитных билетов за время войны // Торгово-Промышленная Газета. 1917. 10 (23) сентября. № 198.

Плеханов Г.В. Ленин и Церетели. Данная статья впервые была опубликована в сб.: Плеханов Г.В. Годы на Родине. Полное собрание статей и речей 1917–1918 гг. в двух томах. Том второй. С. 174–178.

К стр. 380. «В одной из своих речей, произнесенных на Демократическом совещании, т. Церетели, возражая г. Троцкому, попросил его вспомнить предсказание, сделанное “не пророком, а человеком, связанным с российской демократией и отразившим ее политику”. Предсказание это заключалось в словах: “К нам контрреволюция прорвется через большевистские ворота”». См.: Выступление Церетели и Троцкого. Без подписи // Известия ЦИК и Петроградского Совета. 1917. 19 сентября. № 175; Речь Церетели // Там же. 20 сентября. № 176.

К стр. 381. Ньивенхёйс (Ньювейнгус, Ньевенгайс) Домела (нидерл. – Domela Nieuwenhuis) Фердинанд (1846–1919) – деятель голландского и международного рабочего движения,

один из первых нидерландских социалистов и пропагандистов марксизма. В 1878 основал в Амстердаме и стал лидером Социал-демократического союза (*Sociaal-Democratische Bond, SDB*), положившего начало организованному социалистическому движению в Нидерландах, Депутат голландского парламента (1888–1891). В 1891, разочаровавшись в буржуазном парламентаризме, сложил депутатские полномочия. Перешел на позиции анархо-коммунизма. Во время Первой мировой войны стоял на пацифистских позициях.

– «...*международные социалистические съезды в Брюсселе (1891) и в Цюрихе (1893 г.)*». На этих конгрессах были приняты резолюции о необходимости создания национальных социалистических партий и сочетании парламентских и внепарламентских методов борьбы.

Шапиро А.М. Опасные иллюзии. Публикуется впервые.

Ган М. (Ганфман М.И.) Историческое заседание (*Из впечатлений на Демократическом совещании). Публикуется впервые. Подписана: М. Г-н.

К стр. 384. «Я присутствовал на ночном заседании 21 сентября, которое должно было восстановить единство демократии, потерпевшее накануне такой позорный крах...» Это был седьмой день работы Демократического совещания, посвященный обсуждению вопроса о конструировании Всероссийского Демократического Совета (Предпарламента). (Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 1. С. 271–276.) Из-за затянувшихся рабочих дебатов Президиума совещания вечернее пленарное заседание открылось лишь в 23 часа. Накануне, 19 и 20 сентября, в Александровском зале Петроградской городской думы и в Смольном институте прошли заседания фракций и организаций, сторонников коалиции и расширенного Президиума совещания с представителями групп, фракций и ЦК политических партий. (Там же. С. 251–252, 257–261.) Они выявили всю глубину разногласий по вопросу, должно ли быть новое правительство коалиционным или однородно демократическим. Поскольку единой позиции по данному вопросу сформулировать не удалось, Церетели предложил в качестве «ближайшего практического шага» избрание «из своей среды органа, представляющего всю организованную демократию». Ему же предлагалось поручить организацию ответственной перед ним власти на основе общедемократической платформы, сформулированной на Государственном совещании. (Там же. С. 263–266.) Принципы конструирования Предпарламента были сформулированы В.С. Войтинским в специальном докладе. (Там же. С. 271–273.) В нем же особо оговаривалась и необходимость пополнения Предпарламента «представительством от цензовых групп». (Там же. С. 272.)

– «Прислушиваясь к разговорам и толкам революционного улья, гудевшего еще до заседания в фойе Александринского театра, я мог убедиться, что выход, найденный Церетели, совсем не приемлется как поворот в сторону государственности, как отказ от узко партийной политики, приведшей демократию к полному распылению. – Нет, “средство” Церетели было встречено ошарашенным революционным обывателем только как удобный тактический прием, только как замазка для того зияющего провала, который обнаружился при голосованиях о коалиции». Выступая по поручению Президиума Демократического совещания 22 сентября, в последний день его работы с заключительным словом, В.С. Войтинский заявил: «...Я хочу верить, товарищи, что унося с собой тяжелый урок настоящего Демократического совещания, мы на местах будем неустанно, не покладая рук, работать над тем, чтобы был, наконец, найден общий путь для российской демократии, который сплотил бы воедино все ее силы в различных областях жизни. Я хочу верить, товарищи, что этот путь будет нами найден». (Там же. С. 278. ГАРФ. Ф. 1798. Д. 12. Л. 7.)

К стр. 385. «Сам Церетели и другие инициаторы компромисса, вероятно, видят в нем не только путь для того, чтобы вывести совещание из глупого положения, но и действительное средство для создания устойчивой власти. Но революционный обыватель, так отличившийся накануне и так горячо приветствовавший вчера ночью Церетели, устраивает овацию не государственному человеку с определенной программой, а талантливому политическому

штукатуру, сумевшему наскоро приготовить нужную для всех партий замазку». В редакционной статье «Итоги Демократического совещания», опубликованной «Рабочей Газетой», об этом говорилось так: «...Демократическое совещание не разрешило, разумеется, кризиса власти. Но, приняв решение об ответственности власти и о программе ее деятельности, но, создав “Предпарламент”, на который возложена задача, предпринять необходимые шаги к образованию ответственной и революционной власти хотя бы с привлечением цензовых элементов в состав как Правительства, так и самого “Предпарламента”, совещание посодействовало мирному разрешению кризиса власти». См.: Рабочая Газета. 1917. 23 сентября. № 168.

– «Формула была своего рода *mixtum compositum*» – (лат.) – сложная смесь (в специальном смысле – фармацевтический термин).

К стр. 386. «Выступление Троцкого по мотивам голосования показало, что большевики уже оправились от конфуза». Первым на пленарном заседании Демократического совещания 20 сентября по мотивам голосования выступил Л.Д. Троцкий. Он отметил, что ввиду сложности положения фракция большевиков будет отстаивать голосование по частям. Она поддержит предложение, которое «устраняет безответственную власть» и способ этого устранения «путем создания представительного органа в принципе». Что касается непосредственного формирования такого органа – «арифметическое выделение из состава данного совещания», – фракция воздержится при голосовании, ибо она не считает такой орган «отвечающий интересам развития революции и правильно отражающим соотношение революционных сил внутри демократии». Если же пройдет та часть предложения, где допускается возможность «создания власти с цензовыми элементами», то фракция будет голосовать против резолюции в целом. См.: Известия. ЦИК и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 21 сентября. № 177.

– «Троцкий сохранил в своей речи *anapансы*». Апанансы – (фр. – *garder les apparences*) – соблюдать приличия.

– «...социалисты-революционеры левого крыла в более приличной форме тоже нанесли удар этому компромиссу». Выступивший от группы левых социалистов-революционеров В.А. Карелин занял позицию, аналогичную позиции Троцкого.

Ленин В.И. О героях подлога. Статья была написана для «Правды» в сентябре, не позднее 22 (5 октября). Поступила в редакцию в виде рукописи. Завершалась двумя любопытными авторскими указаниями. Первое из них: «Писано до окончания Совещания: первую фразу переделать – например, в “сущности, кончилось” и т. п.» Второе, на первый взгляд вроде бы шутовское, – подпись: «“Революционно-демократическое” совещание публичных мужчин». На деле – это афористичное определение ленинского отношения к Демократическому совещанию, предлагаемое, вероятно, как тема для карикатуры. Естественно, это подверглось сокращению в первую очередь. Вообще статья была отредактирована в редакции «Рабочего Пути» кем-то из близкого окружения Ленина и Каменева. Кто именно редактировал ленинскую рукопись, установить не удалось. Это могли быть и Зиновьев, и Сталин. Вместе с тем это совершенно не исключает и возможности, что редактировал текст Ленина сам Каменев, ибо в «Рабочем Пути» статья публиковалась со значительными извлечениями, касающимися критики позиции большевиков на Демократическом совещании, которую определял, как мы знаем, в основном Каменев. Эта редактура привела и к удалению из заголовка статьи второй ее половины – «...и об ошибках большевиков». Ленин, как мы уже отмечали эту

вивисекцию без внимания не оставил. Подготовители 34-го тома ПСС сочли нужным специально оговорить: «По всей вероятности, этот факт прежде всего имел в виду Ленин, когда в VI главе статьи “Кризис назрел”, предназначенной для раздачи членам ЦК, ПК, МК и Советов, с возмущением писал, что Центральный Орган вычеркивает из его статей указания на «вопиющие ошибки большевиков». См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 282, примеч. 84 на с. 488. Первый раз данная статья была републикована Л.Б. Каменевым без каких-либо комментариев во второй части XIV тома первого издания собрания сочинений. Затем по той же кальке входила и в собрания сочинений Ленина с первого по третье издания. Подпись: Н. Ленин. В 1949 году она впервые была опубликована по рукописи в 26-м томе четвертого издания ленинских сочинений, под авторским заголовком и без всяких купюр. (С. 24–31). В данном томе мы публикуем ее в том виде, как она была опубликована в газете, а в специальных сносках в конце документа воспроизводятся все редакционные купюры, позволяющие представить первоначальный авторский текст без каких-либо вивисекций.

К стр. 387. *«Дальнейшее разложение правительственных партий эсеров и меньшевиков, явняя для всех потеря ими большинства в революционной демократии, шаг вперед в объединении и оголении бонапартизма как г-на Керенского, так и гг. Церетели, Чернова и К° – таково классовое значение Совещания».* Под дальнейшим разложением правительственных партий В.И. Ленин имел в виду особую, вплоть до организационного отмежевания, позицию левых фракций, что у меньшевиков, что у эсеров. Однако заявление об «оголении бонапартизма» Керенского, несмотря на предоставление ему Советами «исключительных полномочий» при формировании нового правительства, а тем более «гг. Церетели, Чернова и К°», явно преувеличено: все они были едины в стремлении обеспечить созыв Учредительного собрания в назначенный срок.

– *«В Советах эсеры и меньшевики потеряли большинство. Поэтому им и пришлось пойти на подлог: нарушить свое обязательство созвать через три месяца новый съезд Советов».* Ленинская статья поступила в редакцию 23 сентября, в день, когда заседание ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов с представителями провинциальных Советов участников Демократического совещания рассмотрело представленный Б.О. Богдановым вопрос о созыве Всероссийского съезда рабочих и солдатских депутатов. При обсуждении большевики выступили с предложением передать созыв съезда Петроградскому и Московскому Советам. Вероятно, прежде всего, исходя из того, что именно в этих Советах они только что пришли к руководству. От них прозвучало и предложение, в случае несогласия поручить созыв съезда столичным Советам, создать для этого особую организационную комиссию. Однако в ответ представители ЦИК заметили, что вопрос о созыве Второго съезда Советов «ни разу до этого в ЦИК не поднимался», и заявили, что ЦИК «немедленно приступит к работе по подготовке съезда и ни с кем этой работы разделять не будет и никому этой работы не передоверит». После продолжительных прений сроком созыва Съезда было назначено и «принято единогласно» 20 октября. См.: *Известия ЦИК и Петроградского Совета.* 1917. 24 сентября. № 180; *Меньшевики в 1917 году.* Т. 3. Ч. 1. С. 362–365. Первоначальное предложение, согласное с решением Первого Съезда – заседать одновременно с Всероссийским съездом Советов крестьянских депутатов, с которым затем и слиться, оказалось неосуществимым. Исполком Совета крестьянских депутатов решил съезда не созывать, а разослать своих членов на места для подготовки к выборам в Учредительное собрание. *Известия ЦИК и Петроградского Совета.* 1917. 29 сентября. № 184; *Меньшевики в 1917 году.* Т. 3. Ч. 1. С. 377–378.

– «Либерданы» – ироническая кличка, которую дал меньшевистским лидерам – М.И. Либеру и Ф.И. Дану «пролетарский поэт» Демьян Бедный, опубликовавший стихотворный фельетон под названием «Либердан» // Социал-Демократ (Москва). 1917. 25 августа. № 41.

К стр. 389. «Самым характерным эпизодом Совещания я считаю выступление Зарудного». См.: Речь Зарудного // Известия ЦИК и Петроградского Совета. 1917. 17 сентября. № 173.

– «В зале дружный смех», – отмечают в этом месте официальные «Известия». Там же.

Мартынов (Пиккер) А.С. Коалиционная политика и Демократическое совещание. Републикуется впервые.

К стр. 394. «Чтоб спасти революцию, Демократическое совещание должно, наконец, создать однородную, твердую власть, ответственную перед организованной объединенной демократией и только перед ней до созыва Учредительного собрания». Лидер меньшевиков-интернационалистов Ю.О. Мартов суммировал эту точку зрения в проекте декларации советского большинства, а когда стало ясно, что при голосовании резолюции о формуле власти в целом побеждают сторонники перехода власти в руки революционной демократии, выступит за принятие резолюции центристов, предлагающих создание однородной демократической власти. Он подчеркнул: «...Именно потому, что момент чрезвычайно серьезен, я заявляю: в резолюции остается большой политический смысл, несмотря на противоречивость одной ее части к другой. Этот политический смысл – большой шаг вперед в развитии российской демократии в сторону освобождения от кадетского пленения. Вот почему, ввиду тех попыток справа привести голосования на Совещании к политическому самоубийству, мы голосуем за эту резолюцию. Надеюсь, что та часть демократии, которая вместе с нами сделала первый шаг разрыва с наиболее принципиальными врагами демократии, что она пойдет с нами в дальнейшем голосовании – для принятия действительного участия в направлении судеб страны и к завоеванию власти». Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 1. С. 255.

Левицкий (Цедербаум) В.О. Две демократии. К итогам Демократического совещания. Републикуется впервые. Подписана: В. Левицкий.

К стр. 396. «...две демократии выявились на совещании. Одна – демократия Советов рабочих и солдатских и, лишь частью, крестьянских депутатов, готовая взять на свои собственные плечи всю ответственность за революцию и спасение страны. И другая – демократия кооперативов, обновленных городских и земских самоуправлений и других общественных организаций, которая желает эту ответственность разделить с цензовыми элементами и без коалиции с ними не мыслит себе работы по оздоровлению и спасению России». Этим утверждением В.О. Левицкий одним из первых признал, что Демократическое совещание продемонстрировало невозможность создать реальную «общедемократическую власть», ибо «демократия кооперативов, обновленных городских и земских самоуправлений и других общественных организаций» не мыслит принять власть без участия в ней представителей цензовых кругов.

– «Перед вождями пролетариата на совещании стоял выбор: или отказаться от коалиции, т. е. разорвать не только с промышленниками и конституционно-демократической партией, но и с мелкобуржуазной демократией, и обресть тем пролетариат на политическое одиночество, т. е. зибель. Или пойти на коалицию, сохранив свое влияние на эту мелкобуржуазную демократию в интересах спасения революции и доведения ее до конца». Именно эту задачу и решали на 22 сентября на объединенном совещании представителей

Демократического совещания, членов правительства, московских торгово-промышленных кругов и кадетов. См.: Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 1. С. 57–64.

Кикодзе Г.Д. Пример Финляндии. Публикуется в России впервые. Перевод с грузинского языка И.П. Якобашвили.

К стр. 397. «...Временное правительство распустило Сейм Финляндии и назначило новые выборы». См.: Манифест о роспуске 18 (31) июля 1917 г. и производстве новых выборов // Вестник Временного Правительства. 1917. 21 июля (3 августа). № 110 (156).

К стр. 398. «...новый Сейм уже показал свое лицо». В июле 1917 в условиях правительственного кризиса в России парламент Финляндии провозгласил независимость Великого княжества от России во внутренних делах и ограничил компетенцию Временного правительства вопросами военной и внешней политики. Однако закон о восстановлении автономных прав Финляндии был отклонен российским правительством 18 июля, Сейм распущен, а его здание заняли российские солдаты.

– «В той битве, которая происходила между Россией и Финляндией, одно было примечательным: до начала революции Финляндия, подобно Грузии, говорила, апеллируя к своим историческим правам. Для тогдашней Европы это было понятно. Финляндия вспоминала 1809 год, когда [российский император] Александр I присудил Финляндии не только Конституцию, но даже вернул ей отвоёванную ранее у нее Выборгскую провинцию. Затем финны вспоминали манифесты Александра II, вследствие которых независимость Финляндии значительно расширилась. Напротив – покушения на права Финляндии со стороны Александра III, Николая II и Третьей Государственной думы были объявлены нарушением исторических прав Финляндии и неприкрытым насилием». В 1809 Финляндия перешла по Фридрихсгамскому мирному договору со Швецией «в собственность и державное обладание Империи Российской». Еще до заключения мира, в июне 1808, последовало распоряжение о созыве депутатов от дворянства, духовенства, горожан и крестьян для подачи мнений о нуждах страны. Александр I на Ландтаге в Порво произнес на французском языке речь, в которой между прочим сказал: «Я обещал сохранить вашу Конституцию (votre constitution), ваши коренные законы; ваше собрание здесь удостоверяет исполнение моих обещаний». На другой день члены Сейма принесли присягу Александру I. Правление Александру II стало эпохой быстрого хозяйственного и культурного развития страны. В 1858 начались занятия в первой финской гимназии. В 1863 был издан закон о языке, уравнявший финский и шведский как официальные языки, что прекратило давнее противостояние сторонников этих языков. Было введено всеобщее обязательное школьное обучение. В 1865 была учреждена национальная валюта. В стране появились собственные кадры чиновников и судей, собственная почта и своя армия. Александр III и особенно Николай II проводили политику ограничения финской самостоятельности. Александр I (1777–1825) – российский император с 1801; Александр II (1818–1881) – российский император с 1855; Александр III (1845–1894) – российский император с 1881.

Дан Ф.И. Очередные задачи демократии. Републикуется впервые. Без подписи. Авторство установлено по рукописи.

К стр. 399. «Совет Российской Республики должен сделать невозможными такие акты управления, как циркуляры министра внутренних дел Никитина в связи с железнодорожной забастовкой». Речь идет о циркуляре (от 22 сентября) министра почт и телеграфов и одновременно министра внутренних дел А.М. Никитина по почтово-телеграфному ведомству в связи с призывами к забастовке на железнодорожном транспорте. Циркуляр предписывал задерживать все телеграммы с такими призывами, т. е. забастовка в условиях войны рассматривалась как преступление, равное измене родине. 28 сентября общее собрание почтово-телеграфных служащих выразило Никитину как министру недоверие, а ЦК РСДРП(о)

предложил ему покинуть ряды партии в связи с его действиями во время ж.-д. забастовки. **Никитин Алексей Максимович** (1876–1939) – русский адвокат и политический деятель. Из купеческой семьи. Окончил Московский университет. Присяжный поверенный. В социал-демократическом движении с 1899, с 1903 – меньшевик. С марта 1917 – председатель Московского Совета РД, начальник милиции города. С апреля – член президиума Исполкома Моссовета, с конца июня – товарищ председателя Московской городской управы. С 24 июля министр почт и телеграфов Временного правительства, с 1 сентября член Директории, с 25 сентября – министр внутренних дел. Через месяц, 25 октября, арестован в Зимнем дворце, но 29 октября освобожден. Участвовал в нелегальных заседаниях Временного правительства. С конца декабря входил в Петроградский стачечный комитет городских служащих. В январе 1918 уехал в Ростов-на-Дону. В мае 1920 арестован чекистами и приговорен по обвинению в сотрудничестве с Добровольческой армией к расстрелу, замененному 15 годами лишения свободы. В 1921 помилован и освобожден. В Москве являлся одним из руководителей издательства «Никитинские субботники». В 1930 привлекался за принадлежность к антисоветской группе, но дело было прекращено. В марте 1938 был обвинен в участии в «контрреволюционной террористической организации». 13 апреля 1939 Военной Коллегией Верховного суда СССР приговорен к высшей мере наказания. Приговор был приведен в исполнение на следующий день. Реабилитирован в мае 1991 Прокуратурой СССР.

Каминка А.И. Экономические заметки. Републикуется впервые.

К стр. 401. *«А.И. Шингарев возбудил на страницах “Речи” уже давно обсуждаемый во всей западноевропейской литературе вопрос о демобилизации промышленности».* См.: Шингарев А.И. Реконструкция // Речь. 1917. 24 сентября. № 225.

К стр. 402. 4-й том официального издания *«Известий особого совещания по топливу».* См.: Приложение к Известиям Особого Совещания по топливу. 1917. № 4. Статистика. Таблица № 1. Приблизительные сведения о каменноугольной промышленности Донецкого бассейна за первую треть 1917 года; Таблица № 2. Число рабочих на рудниках в конце месяца.

К стр. 404. *Присутствия по делам страхования рабочих* – созданы на уровне губерний согласно закону от 23 июня 1912 «Об обеспечении рабочих на случай болезни». Он предусматривал получение рабочими выплат в случае временной нетрудоспособности и обязывал предпринимателей организовывать для рабочих бесплатную медицинскую помощь. Для накопления необходимых средств создавались больничные кассы, которые пополнялись за счет взносов из заработной платы рабочих и сборов с предпринимателей. Присутствия выполняли надзорные функции над кассами, имели право их ревизии. Постановление Временного правительства от 25 июля существенно расширяло представительство страхователей в Присутствиях, ограничивало их контроль над деятельностью касс и др.

Арзубьев П.Ф. Снова о нем. Републикуется впервые.

К стр. 405. *«В начале прошлого мая я напечатал в “Речи” небольшую статью под заглавием “Он”, причем пытался набросать силуэт будущего русского узурпатора».* См.: Арзубьев П. Он // Речь. 1917. 3 (18) мая. № 102 (3844).

– *«Пять месяцев тому назад анархия еще только начинала показывать свои когти».* Речь идет о т. н. апрельском кризисе.

– *«Месяц тому назад вся Россия пришла в волнение. Думали, что генерал на белом коне уже появился. И действительно, появился сын сибирского казака Лавр Корнилов».* Имеется в виду августовский военный путч генерала Корнилова.

– *«Временное правительство прошлого состава, то правительство, в котором, по словам Керенского, не все министры были надежны даже в смысле простого сохранения военной*

тайны». Речь идет о заявлении Керенского, что о конкретной дате июньского наступления российской армии знал лишь ограниченный круг лиц, ибо даже среди членов кабинета министров находились люди, готовые пренебречь т. н. «военной тайной».

К стр. 406. «...после пуританской революции в Англии пришел Кромвель; после якобинской великой революции появился Наполеон. Но уже парижская революция сорок восьмого года выдвинула лишь Людовика Бонапарта. А после восстания турок против Абдул-Гамида на поверхность всплыла опереточная фигура Энвер-Бей». Автор видит определенную общую закономерность в развитии революций, когда после периода революционной ломки старых общественных отношений и политических институтов у власти оказываются диктаторы авантюрного склада. Так, английская революция вознесла к вершинам власти Кромвеля, Великая французская революция – Наполеона Бонапарта, а реставрация 1830-х и революция 1848 – Луи Бонапарта, младотурецкая революция 1908 – Энвер-Бей. *Кромвель (Cromwell) Оливер* (1599–1658) – деятель английской революции XVII века, руководитель индепендентов, избранный в 1640 членом т. н. Долгого парламента. Один из главных организаторов парламентской армии, одержавшей победы над королевской армией в гражданских войнах. Опираясь на армию, изгнал из парламента пресвитериан (1648), содействовал казни короля и провозглашению республики (1649), власть в которой была сосредоточена в руках сторонников Кромвеля. Подавил движения левеллеров и диггеров, освободительные движения в Ирландии и Шотландии, установив с 1653 режим единоличной военной диктатуры – протекторат. *Наполеон I* – вошедший в историю как человек, заложивший основы современного французского государства – и его племянник, именовавшийся *Луи-Наполеон (Louis-Napoléon) Бонапарт* (1808–1873), вознесенный февральской революцией 1848 в законодательное собрание, а несколько месяцев спустя ставший первым президентом республики. В декабре 1852 он провозгласил себя императором Наполеоном III, чтобы, потерпев поражение в войне с Пруссией в 1871, отречься и стать свидетелем восстановления во Франции республиканского строя. Да и младотурецкую революцию 1908 года Арзубьев вспоминает лишь из-за фигуры *Исмаила Энвера (Энвер-Бей)*. Она могла появиться лишь после насильственного свержения последнего султана Османской империи. Им был *Абдул-Гамид (осм. – عثماني محمد الخامس – Abd ül-Hamîd-I sâni; тур. – İktinci Abdülhamit) II* (1842–1918).

– «Энвер-Бей в русском мундире должно ожидать теперь и нам. Все мартовские эсэры падут перед ним ниц, как перед богом. Многие большевики с радостью примут места исправников, приставов и начальников охранных отделений. В палатах тоже не будет недостатка – тому порукой Выборг, Кронштадт и Гельсингфорс». *Энвер-паша* (тур. *Enver Paşa*) – *Энвер Исмаил* (1881–1922) османский военный и политический деятель, вошедший в историю как идеолог и практик пантюркизма, установивший в Турции военную диктатуру «трех пашей», один из главных идеологов пантюркизма и панисламизма, геноцида христианского населения (в частности, армян) стал для Арзубьева образцом той «сильной личности», пред которой готовы были склониться напуганные растущей радикализацией российской революции обыватели и кому на службу с радостью пошла бы и определенная часть самих леворадикалов, будораживших народ.

Петрищев А.Б. О разочарованиях и распаде. Написанная в основном в конце сентября 1917 года статья «Хроника внутренней жизни», подводила итоги первого полугодия Великой российской революции. Мы впервые публикуем из нее вводную часть, названную автором «О разочарованиях и распаде», в которой он, отмечая изменения первоначальных восторженных оценок революции на резко негативные, и те обыденные обвинения, что предъявляются обывателем народу в целом и интеллигенции в частности, пытается растолковать их причины.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Авилов Борис Васильевич (1874–1938) – участник революционного движения с 90-х XIX века, дважды (в 1894 и 1899) арестовывался, был выслан в Калугу, затем в Астрахань. Социал-демократ, большевик, делегат III съезда РСДРП, где занял примиренческую позицию к меньшевикам. Активный участник первой российской революции 1905–1907 гг. В марте 1909 арестован по делу о военной организации и, хотя был оправдан Санкт-Петербургским Военно-окружным судом, вынужден был отбывать ссылку в Вологодской губернии за участие в харьковском восстании 1905. После окончания ссылки, сдав экстерном экзамены на юридическом факультете Харьковского университета, стал помощником присяжного поверенного. В 1912 – сотрудник большевистских изданий «Звезда» и «Правда». Принимал активное участие в выборной кампании в Государственную думу. После падения самодержавия – член первого легального Петроградского комитета РСДРП. После Апрельских тезисов В.И. Ленина перешел на платформу газеты «Новая Жизнь» и в августе участвовал в объединительном съезде РСДРП, представляя позицию «новожизненцев». Делегат I и II Всероссийских съездов Советов рабочих и солдатских депутатов. Член ВЦИК 1–3 созывов, член Временного Демократического Совета Российской Республики (Предпарламента). Член Учредительного собрания от Бессарабского избирательного округа. После его разгона вышел из ЦК интернационалистов и отошел от активного участия в политической жизни. С 1918 по 1928 работал в Центральном статистическом управлении, затем Госплане. В 1929 – сотрудник Института транспортной экономики НКПС. С началом большого террора в связи с убийством С.М. Кирова решением ОСО НКВД СССР от 7 апреля 1935 выслан в Минусинск на три года. Уже в ссылке 5 мая 1937 Авилов вновь был арестован, обвинен в антисоветской деятельности и приговорен Военной коллегией Верховного Суда СССР к высшей мере наказания. Приговор привели в исполнение 20 июля 1938. В связи с отсутствием состава преступления был реабилитирован Военной коллегией Верховного суда РСФСР 13 марта 1958. См.: Жертвы политического террора в СССР. Компакт-диск. Изд. 4-е. Составление Международный Мемориал. Руководитель проекта Я.З. Рачинский, научный руководитель А.Б. Рогинский, программное обеспечение В.А. Крахотин. М., изд-во «Звенья», 2007.

Арзубьев П.Ф. – псевдоним, наст. фам. – *Губер Петр Константинович* (1896–1940) – уроженец Киева, выпускник Полтавского кадетского корпу-

са (1904), СПб университета (1909) и юридического факультета СПб (1914). С первых дней Первой мировой войны на фронте служил по линии Красного Креста. В 1915 – военный переводчик в штабе 6-й армии, корреспондент Петроградского агентства. После прихода к власти большевиков занимался литературной деятельностью. С 1934 – член Союза советских писателей. В августе 1938 арестован. В ноябре 1939 Особым совещанием при НКВД СССР приговорен к пяти годам содержания в ИТЛ и отправлен в Кулойлаг (ст. Архангельск), где и погиб. Реабилитирован 11 июля 1961 постановлением Президиума Ленинградского городского суда.

Базаров (наст. фам. Руднев) Владимир Александрович (1874–1939) – философ, экономист, публицист, переводчик. В 1904–1907 – большевик. Пытаясь соединить марксизм с махизмом, вышел из партии. В последующем на короткое время сблизился с меньшевиками, затем занимал внефракционную позицию. В конце 1915 вместе с А.А. Богдановым и П.С. Юшкевичем возглавлял отдел философии в журнале «Летопись». После Февральской революции работал в экономическом отделе Петроградского Совета. С апреля 1917 – один из редакторов и основных авторов газеты «Новая Жизнь». Один из организаторов и идеологов партии РСДРП (интернационалистов). На ее учредительном съезде в январе 1918 выступал основным докладчиком, на II съезде в мае 1918 – содокладчиком по вопросу о текущем моменте. Отрицательно оценивал «советизацию» власти и Брестский мир. В 1919 вместе с Мартовым и др. редактировал журнал «Мысль». Во время Гражданской войны находился в Крыму. С мая 1921 работал в Госплане, в 1924 стал зампредом экономико-статистической секции, в 1927 – и председателем секции труда и культуры и членом президиума Госплана. Летом 1930 арестован по делу Союзного бюро РСДРП. (См.: Меншевицкий процесс 1931 года. Сб. док. в 2-х кн. Ред. А.Л. Литвин. М., 1999.) Приговорен к двум годам тюрьмы с последующей ссылкой в Саратов. В Москву вернулся в 1935, занимался переводами философской и художественной литературы. Умер от воспаления легких. Реабилитирован посмертно.

Бенуа Александр Николаевич (1870–1960) – живописец, график, художник театра, теоретик и историк искусства, художественный критик. В конце 1890-х – один из основателей общества «Мир искусства» и одноименного журнала. В послереволюционный период активно участвовал в реорганизации и сохранении пригородных дворцов и парков Петрограда, его памятников и музеев. Был членом коллегии по делам музеев при Народном комиссариате просвещения (1918), сотрудничал в издательстве «Всемирная литература», работал в Петроградских театрах. В 1926 выехал в командировку в Париж и по семейным обстоятельствам не вернулся.

Бердяев Николай Александрович (1874–1948) – выдающийся религиозный мыслитель, философ, публицист. Идейный противник большевизма, автор многих статей 1917–1918 годов, анализирующих истоки российских революций, смысл происходящих событий и перспективы их развития. Участник мо-

сковского Государственного совещания, член Временного Демократического Совета Российской Республики (Предпарламента) от общественных деятелей. В 1918 выступил инициатором провозглашения Вольной академии духовной культуры, официально оформленной осенью 1919. В академии читал курс лекций по философии истории и философии религии, в Государственном институте слова – по этике слова. В 1920 избран профессором Московского университета, вел курс на историко-филологическом факультете о мирозерцании Ф. Достоевского. Член правления Всероссийского союза писателей, один из учредителей Лиги русской культуры. В первый раз арестован ВЧК в феврале 1920 по делу т. н. Тактического центра, вторично – в августе 1922 по обвинению в антисоветской деятельности, после чего было объявлено решение Президиума ВЦИК о его бессрочной высылке из большевистской России. В сентябре 1922 он покинул ее навсегда.

Брешко-Брешковская (девич. фам. *Вериго*) *Екатерина Константиновна* (1844–1934) – в революционном движении с 1873, принимала участие в «хождении в народ». По процессу 193-х была приговорена к пяти годам каторги с последующей ссылкой. Поскольку до начала процесса она уже провела в заключении три года, каторжного срока ей оставалось менее полугода, которые она отбыла в т. н. Карийской каторге, после чего в 1879 отправлена на поселение в Баргузин. Весной 1881 при попытке совершить побег она с напарниками была поймана и приговорена к четырем годам каторжных работ. В 1896 попала под амнистию по случаю коронации Николая II. До 1903 большую часть времени находилась на нелегальном положении. Одна из инициаторов создания Партии социалистов-революционеров (ПСР). Активная сторонница политического и аграрного террора, принимала участие в создании Боевой организации партии. В 1903 в связи с угрозой ареста была переправлена за границу. В эмиграции вошла в руководящие органы ПСР. В 1905 вернулась в Россию и перешла на нелегальное положение. Участница первой российской революции 1905–1907, в 1907 выдана охранке Е. Азефом. В 1910 была приговорена к ссылке в Сибирь. Находилась там (Илимск, Киренск, Якутск, Иркутск, Минусинск) до Февральской революции. Энергично поддерживала Временное правительство и А.Ф. Керенского. На I Всероссийском съезде крестьянских депутатов (май 1917) избрана членом Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов, который и делегировал ее на Государственное совещание в Москве. Член Учредительного собрания от Черниговского избирательного округа. К захвату власти большевиками отнеслась враждебно. Перешла на нелегальное положение. Летом 1918 участвовала в деятельности Комитета Учредительного собрания (Комуч) в Самаре, а осенью – в Уфимском государственном совещании. Затем через Владивосток и Японию выехала в США. Проживала в Америке, Франции, а с 1924 – в Чехословакии.

Брюллова-Шаскольская Надежда Владимировна (1889–1937) – внучка архитектора и художника Брюллова А.П., выпускница историко-филологического отделения Высших женских (Бестужевских) курсов, член Партии

социалистов-революционеров с 1908. В эсеровской среде получила известность как ведущий специалист по национальному вопросу, представляет эсеров в Бюро Совета национально-социалистических партий, на III съезде ПСР (25 мая – 4 июня 1917) выступала в качестве основного докладчика по национальному вопросу. На IV съезде партии (26 ноября – 5 декабря) настаивала на ее реорганизации на федеративных началах и объединении национально-социалистических партий. Вместе с мужем П.Б. Шаскольским деятельно участвовала в работе просветительского Общества «Культура и Свобода», созданного в память о февральских событиях 1917, а также в Комитете гражданского просвещения им. Е.К. Брешко-Брешковской. В 1918, после смерти мужа, выехала с тремя детьми на Украину. Преподавала в Харьковском университете, вместе с В.Г. Короленко участвовала в благотворительных акциях помощи голодающим. По возвращении в Петроград преподавала историю религии в Географическом институте. В 1922 была арестована, на процессе ее дело выделили в особое производство, затем она была выслана в административном порядке на три года в Ташкент. В последующем арестовывалась неоднократно, ссылалась в Самарканд, Полторацк и снова в Ташкент. В апреле 1937 была арестована в Ташкенте последний раз и в сентябре постановлением тройки НКВД приговорена к расстрелу за «контрреволюционную антисоветскую агитацию и пропаганду». Приговор приведен к исполнению 9 октября того же года. Реабилитирована по всем делам в 1957 и 1989.

Винниченко (укр. – Винниченко Володимир Кирилович) Владимир Кириллович (1880–1951) – революционер, писатель, художник, политический и общественный деятель. Поступив на юридический факультет Киевского университета имени Святого Владимира в 1901, вступил в ряды Революционной Украинской партии (РУП). Однако в 1902, не успев окончить первый курс, исключен из университета и арестован за партийную агитационно-пропагандистскую работу. Отправлен служить в армейский саперный батальон. В феврале 1903 ему удается бежать за границу. В Львове он входит в заграничный комитет РУП и становится главным редактором газеты «Гасло» («Лозунг»). В годы первой российской революции выступает одним из создателей на базе РУП Украинской социал-демократической рабочей партии, входит в состав ее центральных органов, редактирует ее печатный орган – «Боротьба» («Борьба»). Ведя после поражения революции активную подпольную и полуполициальную деятельность в разных уголках империи, он неоднократно подвергался полицейскому преследованию и арестам. Это вынудило его на время эмигрировать и осесть во Франции. В Париже он в 1910 вошел в состав «Украинской громады». Перед Первой мировой войной (1913–1914) редактировал львовский журнал «Дзвін» («Колокол»). С началом войны возвратился в Россию, жил нелегально в Москве, занимаясь литературной деятельностью и сотрудничая в журнале «Украинская Жизнь». После Февральской революции был избран заместителем председателя созданной в марте Украинской Центральной Рады. Возглавлял украинскую делегацию на переговорах 16 мая с Временным правительством в Петрограде. После издания 15 июля Радой

I Универсала стал главой фактического органа украинской исполнительной власти – Генерального секретариата и одновременно генеральным секретарем (министром) внутренних дел. Когда же в январе 1918 Центральная Рада провозгласила для участия в Брест-Литовских переговорах независимость Украины, Генеральный секретариат был преобразован в Совет народных министров и Винниченко стал на короткое время первым премьер-министром формально суверенного украинского государства, но из-за межпартийных трений тут же вынужденно подал в отставку. В период гетмановщины его арестовали по сфабрикованным обвинениям в подготовке государственного переворота, однако вскоре отпустили, и он легально вошел в оппозиционный к гетманскому режиму Украинский национальный союз. После ноябрьской революции в Германии Винниченко выступил одним из инициаторов изгнания гетмана и создания Директории, превращенной в коллективный орган исполнительной власти. Но не смог противостоять стремлению Петлюры к единоличной военной и политической власти и был выведен вместе с другими левыми социалистами из состава Директории и других органов власти. В новой эмиграции пытался создать единый революционный фронт с участием Украины, но безуспешно. В Австрии Винниченко завершает один из основных своих трудов – трехтомник «Возрождение нации. История украинской революции. Март 1917 г. – декабрь 1919 г.». Покинув ряды УСДРП, он организует в Вене Заграничную группу Украинской Коммунистической партии и ее печатный орган – газету «Нова Доба», начав переговоры с представителями большевиков о возможности возвращения на родину и участия в советских органах власти. На короткое время он даже действительно отправился в Москву и Харьков, но вскоре вернулся в Европу, где и провел, большей частью во Франции, остаток жизни, отойдя от политической деятельности.

Вишняк Марк (Мордух) Вениаминович (1883–1976) – выпускник юридического факультета (1908) Московского университета. Член Партии социалистов-революционеров с 1905. Журналист, публицист, сотрудник «Дела Народа» и «Известий». Член и секретарь Учредительного собрания. В эмиграции с 1919, автор многих статей и книг.

Вольский Станислав – один из партийно-литературных псевдонимов *Соколова Андрея Владимировича* (1880 – дата смерти неизвестна) – участник революционного движения с 1899, социал-демократ, большевик. В 1904–1905 принимал деятельное участие в партийной работе в Москве и Иваново-Вознесенске, участник декабрьского вооруженного восстания. В 1906 состоял членом Петербургского комитета РСДРП, в 1908–1909 – секретарь Московского областного бюро партии. В мае 1909 арестован и выслан за границу. В последующие годы – один из лидеров отзовистов, расходился с ленинским ядром большевиков не только в области чисто-политических, в частности тактических проблем, но и в сфере общих вопросов мировоззрения. Пытался создать этическое учение марксизма на основе эмпириокритической философии. В середине 1915 нелегально вернулся в Россию, был арестован,

за отсутствием улик освобожден. После Февральской революции – меньшевик-интернационалист «новожизненец», член военной секции Петросовета. Занимал активную антибольшевистскую позицию. В 1919–1920 – в эмиграции, автор книги *Dans le royaume de la famine et de la haine. La Russie bolcheviste* (В стране голода и ненависти. Большевистская Россия). Paris, 1920. В том же году по возвращении в Россию был арестован, судим трибуналом, но затем освобожден. От политической деятельности с тех пор отошел. Работал в лесной кооперации, Госплане, Народном комиссариате торговли. С 1927 занимался исключительно литературным трудом.

Ган М. – Ганфман Максим Инполитович (1873–1934) – журналист, общественный и политический деятель. В 1891, студентом юридического факультета СПб университета, стал участником группы «Освобождение труда». После ареста исключен из университета. Заключение отбывал в тюрьмах СПб, Вильно и Ковно. В 1895 возобновил учебу на юридическом факультете Казанского университета. Студентом дебютировал в качестве журналиста в поволжских газетах. По окончании университета переехал в СПб, где вступил в ряды адвокатуры и начал работать в журнале «Право». Одним из первых заметных выступлений стало обоснование правовой несостоятельности запрещения литовской письменности на латинском алфавите. При рассмотрении этого вопроса в Сенате действовавшая в течение сорока лет практика была признана ошибочной. В конце 1905 вместе с видными деятелями кадетской партии П.Н. Милюковым и И.В. Гессеном редактировал газету «Народная Свобода» (позднее «Свободный Народ»), принял активное участие в создании газеты «Речь». В ней он возглавлял литературный отдел, выступал с аналитическими статьями и обзорами (под псевдонимом М. Ганн, М. Г-н) и оставался в редакции до закрытия газеты большевиками в августе 1918. Одновременно он редактировал популярную беспартийную газету «Современное Слово». Затем с декабря 1918 редактировал киевскую газету «Утро», а с августа 1919 – «Объединение». В ноябре 1919 переехал в Одессу, где до начала 1920 писал передовые статьи в газете И.А. Бунина и П.Н. Кондакова «Южное Слово». С приходом большевиков служил в Центросекции. В декабре 1921 покинул Россию, жил в Риге, где долгие годы возглавлял одну из самых популярных и влиятельных газет русского зарубежья «Сегодня». Похоронен на Покровском кладбище в Риге.

Гарви (наст. фам. *Бронштейн*) *Петр Абрамович* (1881–1944) – юрист, участник революционного движения с 1899, один из создателей организации «Южный Рабочий», затем – социал-демократ-меньшевик. В 1902 выслан в Восточную Сибирь. Бежал из ссылки в 1903, за границей входил в т. н. «кружок отъезжающих» (в Россию) под руководством П.Б. Аксельрода. В годы первой российской революции работал в Киеве, Петербурге, Екатеринославе, Одессе, Ростове-на-Дону. Принял участие в организации декабрьского восстания в Москве. В 1906 входил в группу сторонников созыва рабочего съезда. В 1907 арестован. На Лондонском съезде РСДРП (май 1907) избран от меньшевиков в состав общепартийного ЦК, активно участвовал в профессиональ-

ном рабочем движении, ликвидатор, в 1910 отверг (вместе с К. Ермолаевым и И. Исувым) предложение пленума ЦК об объединении с большевиками. Делегат августовской 1912 конференции в Вене. Член ОК. В 1916 арестован, был сослан в Черный Яр. В годы войны занимал умеренно-интернационалистскую, затем умеренно-оборонческую позицию. Во время революции 1917, проживая в Петрограде, входил в состав ЦК, редакцию «Рабочей Газеты», президиум Всероссийского Центрального Совета профсоюзов и т. д. После октябрьского переворота один из руководящих деятелей внутривластного правого течения, в знак протеста против политики нового партийного руководства вышел из ЦК. Годы гражданской войны провел в Одессе, при Деникине возглавлял социал-демократическую организацию, редактировал газету «Южный Рабочий», за что большевики предали его суду, был оправдан, но в 1921 вновь арестован и сослан в Чердынь (Пермской губернии). В 1923 ссылка была заменена высылкой за границу. В Берлине стал постоянным сотрудником «Социалистического Вестника», литературным представителем правого крыла российской социал-демократии. Входил в делегацию РСДРП на всех социалистических конгрессах. Публиковался в немецком «Vorwärts», нью-йоркском еврейском «Zukunft» и других изданиях. Однако в состав Заграничной делегации РСДРП был включен лишь после смены ее руководства в начале 1940-х.

Герасимов Петр Васильевич (1877–1919) – адвокат, публицист, политик, кадет, член III и IV Государственных дум. С началом Первой мировой войны находился на фронте во главе врачебно-питательного отряда Всероссийского земского союза. После падения самодержавия как глава партийной военной организации внес большой вклад в восстановления боеспособности и дисциплины в армии. Сторонник военной диктатуры, считая ее «единственным возможным выходом» из ситуации. Осенью 1917 – член Предпарламента (Временного Демократического Совета Российской Республики). После прихода к власти большевиков – один из руководителей петроградского отделения т. н. «Национального центра», координировавшего деятельность нелегальных антибольшевистских организаций. После ареста в 1919 установить его настоящую фамилию чекистам не удалось, расстрелян в Москве как «Петр Васильевич Греков», похоронен на Калитниковском кладбище. Только в 1920-м на процессе «Тактического центра» была названа его настоящая фамилия.

Горев (наст. фам. Гольдман) Борис Исаакович (1874–1937) – старший брат одного из лидеров Бунда, а затем и РСДРП Михаила Либера, участник российского революционного движения с середины 90-х XIX века, член петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В марте 1897 был арестован на встрече в Киеве представителей социал-демократических организаций Петербурга, Москвы, Киева, Иванов-Вознесенска и Вильно. Всего до 1917 арестовывался пять раз, провел в тюрьмах более пяти лет и шесть – в ссылках (Якутия, Енисейск, Туруханск). С 1903 – большевик. Член редколлегии «Голос Социал-Демократа». В 1905 – член Петербургского комитета РСДРП. На V съезде РСДРП (1907) избран кандидатом в члены ЦК от

меньшевиков. С Венской (августовской) конференции организаций РСДРП (1912) – член Организационного Комитета (ОК) партии. В годы Первой мировой войны – оборонец. 6 марта 1917 избран членом Петроградского комитета РСДРП, входил в состав первой редакции центрального органа партии «Рабочей Газеты», сторонник воссоздания единой партийной организации, поддерживал вхождение социалистов в состав Временного правительства и ответственности министров-социалистов не только перед Советом, но партией. Член ЦИК Советов первого созыва. На майской общероссийской конференции РСДРП был избран в состав ОК, а на августовском Объединительном и декабрьском Чрезвычайном съездах и ЦК партии. В августе 1920 обратился в ЦК с письмом о выходе из РСДРП и отошел от политической деятельности. Работал в Институте Маркса и Энгельса, занимался преподавательской деятельностью (в 1925–1927 – профессор Московского университета), литературной критикой. С 1922 – член Всероссийского общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев. В 1925 – один из учредителей Общества историков-марксистов. Репрессирован. Реабилитирован посмертно.

Гревс Иван Михайлович (1860–1941) – русский историк, медиевист, специалист по истории Римской империи, педагог, краевед и общественный деятель. Выпускник историко-филологического факультета СПб университета. Будучи студентом в 1881–1883 принимал участие в народовольческих кружках. В 1884 был арестован и содержался под стражей в Доме предварительного заключения, привлечен к дознанию при Петербургском жандармском управлении по делу о «Народной Воле». По распоряжению департамента полиции подчинен негласному надзору, продолжавшемуся до 1903. С 1889 – приват-доцент СПб университета, с 1892 – профессор Высших женских (Бестужевских) курсов и Петербургского (Ленинградского) университета.

Гриневиц Андрей Владимирович (1891–1938) – советский партийный и государственный деятель, член РСДРП с 1912, большевик. В 1910 окончил Черниговскую мужскую гимназию и 4 курса юридического факультета СПб университета. В 1913–1914 работал в легальных рабочих просветительских организациях. С началом Первой мировой войны арестован. После четырехмесячного пребывания в заключении выслан из Петрограда и в течение 1915 участия в партийной работе не принимал. С 1916 на нелегальном положении, вел партийную работу в Киеве, затем Пскове. После Февральской революции – один из организаторов объединенной партийной организации в Пскове, которая под его руководством приняла активное участие в блоке с социалистами-революционерами в проведении выборов в городскую думу, обеспечила партийное представительство в Псковском Совете рабочих и солдатских депутатов, наладила издание собственного печатного органа Совета – газеты «Известия». Начиная со Всероссийской майской конференции по всем основным вопросам солидаризировался с меньшевиками-интернационалистами мартовцами и был кооптирован ими в состав Комитета Петроградской организации РСДРП. Председательствовал на заключительном заседании Третьей

общегородской конференции Петроградской организации РСДРП в августе 1917, когда фактически был оформлен раскол с меньшевиками-оборонцами. Тогда же его избирают делегатом августовского Объединительного съезда от ПК по списку меньшевиков-интернационалистов. Однако на съезд не явился. Из-за срыва планировавшегося вхождения меньшевиков-интернационалистов Мартова вместе с межрайонцами Троцкого в состав РСДРП(б) прямые контакты большевиков с ними были прерваны. С тех пор и до конца 30-х гг. занимал высокие партийные и государственные должности на Украине, в Сибири, центральных промышленных областях России. Был ответственным инструктором ЦК ВКП(б), заместителем наркома земледелия СССР, избирался членом ЦИК и ВЦИК. В 1937 за контакты с меньшевиками 20-летней давности исключен из партии и 25 сентября того же года арестован. 13 апреля 1938 выездное заседание Военной коллегии Верховного суда СССР в Хабаровске приговорило его к высшей мере наказания. Приговор приведен в исполнение в тот же день. Реабилитирован определением Верховного суда СССР от 31 декабря 1955 за отсутствием состава преступлений.

Горький Максим – Пешков Алексей Максимович (1868–1936) – прозаик, драматург, публицист, литературный критик, общественный деятель.

Дан (наст. фам. *Гурвич*) *Федор Ильич* (1871–1947) – один из основателей и лидеров РСДРП. В 1917 – революционный оборонец центрист, затем сторонник мартовской линии. После смерти Мартова возглавлял Заграничную делегацию РСДРП и являлся одним из ее представителей в Рабочем Социалистическом Интернационале (с 1923 по 1940). Перед Второй мировой войной занял крайне «левые», фактически просталинские, позиции в российском и международном социалистическом движениях. При этом он отстаивал незыблемость «мартовской линии», определенной т. н. «апрельскими» тезисами Мартова 1920 и партийной платформой 1924, которые ориентировали российских социал-демократов на возможность демократизации большевистской диктатуры и легализации РСДРП, как оппозиционной партии в СССР. Впоследствии эта позиция выльется в предложенный Даном «новый путь» и новую концепцию истории и развития российской социал-демократии, изложенную в его книге «Происхождение большевизма» (Нью-Йорк, 1946).

Ежов (наст. фам. *Цедербаум*) *Сергей Осипович* (1879–1939) – брат Ю.О. Мартова, в революционном движении с 1898, социал-демократ, меньшевик. В 1906 член ЦК РСДРП. До 1917 несколько раз арестовывался, был сослан. Ликвидатор. Сотрудник профсоюзов и органов рабочего страхования. В Первую мировую войну – центрист. После февральской революции перешел от центристов к меньшевикам-интернационалистам. Член Исполкома Московского Совета. На августовском и декабрьском съездах РСДРП(о) избирался членом ЦК. С 1919 неоднократно арестовывался. После очередного ареста в апреле 1922 сослан в Вятку под гласный надзор вятского губотдела ГПУ. Затем жил в Кашине. 17 марта 1925 арестован и 3 апреля того же года

приговорен ОСО к заключению в лагерь на три года, однако, принимая во внимание его болезненное состояние, сослан в Минусинск на тот же срок. С 1928 по 1932 и с 1932 по февраль 1935 отбывал «минуса» в Саратове и Казани. В марте 1935 постановлением ОСО при НКВД за контрреволюционную деятельность сослан на пять лет в г. Камень Новосибирской области. 10 марта 1937 арестован и 25 февраля 1939 Военной коллегией Верховного суда СССР за «непрестанную борьбу против ВКП(б) и советского правительства» приговорен к высшей мере наказания. В тот же день приговор был приведен в исполнение. Реабилитирован в 1990.

Ерманский (наст. фам. *Коган*) *Осип Аркадьевич* (1867–1941) – в революционном движении с 1888, социал-демократ с 1892, меньшевик с 1903. Журналист, публицист. Один из руководителей петроградской «Инициативной группы». После Февральской революции с марта по май – редактор центрального органа РСДРП(о) «Рабочей Газеты». Активно участвовал в издании «Летучего Листка меньшевиков-интернационалистов» с момента его создания в июне 1917. Член ВЦИК. После октябрьского переворота выступал за единство социал-демократии и однородное демократическое правительство. Весной 1918 вместе с ЦК РСДРП переехал в Москву, редактировал ЦО меньшевиков – «Рабочий Интернационал». Депутат Московского Совета. Действительный член Социалистической Академии, профессор Московского университета. Трижды – в 1919, 1920 и 1921 – задерживался чекистами. В апреле 1921 обратился с письмом в ЦК РСДРП о выходе из состава ЦК и «приостановке» своего членства партии. Объяснял он это так: «...наша тактика держала курс на поддержку советской власти (при всех ее грехах), как наименьшего зла, против внутренних и внешних контрреволюционных сил, а также на возможность, неизбежность эволюции большевизма под давлением голоса жизни». Введение новой экономической политики, по его мнению, доказывало, что «неизбежное стало фактической действительностью», и «большевизм, протянувши требованиям жизни палец, должен будет отдать и всю руку». Политическая и организационная линии РСДРП, как полагал он, не в полной мере учитывают это обстоятельство, что и заставляет «временно отойти от ее нынешней партийной организации», т. к. она не способна «отстоять знамя революционной социал-демократии и донести его идейно до момента наступления более благоприятных внешних условий». (См: Меньшевики в 1921–1922 гг. / Отв. ред. З. Галили, А. Ненароков. Отв. сост. Д. Павлов. М., 2002. С. 195–200). В дальнейшем – на научной и преподавательской работе. Занимался проблемами рационализации и научной организации труда, изучал и пропагандировал передовые методы работы, написал книгу о стахановском движении.

Ефремов (укр. – *Єфремов Сергій Олександрович*) *Сергей Александрович* (1876–1939) – выпускник юридического факультета Киевского университета им. Святого Владимира. Ученый, публицист, общественный и политический деятель. Один из создателей украинской радикальной партии (1904), которая в 1905 по его инициативе объединилась с Украинской демократической

партией, получив название Украинская демократическо-радикальная партия. С 1905 возглавлял Крестьянский союз. В 1905–1907 находился в заключении по обвинению в участии в украинских общественных и политических организациях. В 1908 стал одним из основателей и активистов Общества украинских прогрессистов. Много публиковался в украинских и русских периодических изданиях. Главный научный труд – «Історія українського письменства» (Киев, 1913). В политической публицистике отстаивал федеративный строй, в частности идею украинской автономии. Принимал участие в разработке концепции украинской государственности, украинской национальной культуры и образования. В марте 1917 вошел в состав Украинской Центральной Рады, а в апреле на Украинском Национальном Конгрессе был избран заместителем председателя и членом Малого Совета Рады. После создания 15 июня первого украинского правительства – Генерального Секретариата – занимал в нем должность генерального секретаря межнациональных дел. С сентября 1917 возглавлял Украинскую партию социалистов-федералистов. После установления советской власти на Украине был вынужден перейти на нелегальное положение и некоторое время скрывался. Но уже осенью 1919 по просьбе украинской Академии наук, действительным членом которой являлся, был амнистирован и проводил большую научную и научно-организационную работу, будучи вице-президентом (1922–1928) и председателем Управы (1924–1928) Академии, руководителем ряда научных обществ и комиссий. В июле 1929 обвинен чекистами в организации и руководстве нелегальной антисоветской организации, и в апреле 1930 приговорен к 10 годам заключения со строгой изоляцией. Умер 31 марта 1939 в Ярославском политизоляторе за три месяца до окончания срока заключения.

Заславский Давид Иосифович (1880–1965) – журналист, партийный деятель (с начала 1900-х гг. – бундовец, неоднократно избирался членом ЦК Бунда; социал-демократ меньшевик. Летом 1917 активно выступал против большевиков и меньшевиков-интернационалистов, за что неоднократно весьма нелестно характеризовался как Лениным, так и Мартовым. От столкновений с Лениным уклонился, а вот Мартова на августовском Объединительном съезде РСДРП за очередное уничижительное поминание пытался даже вызвать на суд чести. В 1918 переехал в Киев, где сотрудничал в деникинских газетах, за что в 1919 исключен из Бунда. В том же году в письме в редакцию киевского «Коммуниста» и еврейские коммунистические газеты заявил, что ошибался в оценке большевизма и объявил о прекращении политической деятельности. После смерти В.И. Ленина опубликовал в «Правде» заявление о полной солидарности с большевистским курсом. С 1925 фельетонист ленинградской «Красной Газеты», затем «Ленинградской Правды», а с 1926 – «Известий ЦИК», с 1928 – член редколлегии «Правды». В 1934 принят в ВКП(б). Один из влиятельнейших партийных функционеров и идеологов сталинской эпохи.

Засулич Вера Ивановна (1849–1919) – с 1868 участница революционных кружков, в 1869–1871 находилась в заключении в связи с нечаевским делом, а потом в ссылке. С 1875 – на нелегальном положении. Член народнической

группы киевских «бунатрей», после разгрома которой (1877) переехала в СПб. 24 января 1878 стреляла в петербургского Градоначальника Ф. Трепова, по приказу которого был высечен один из политзаключенных. Суд присяжных 31 марта 1878 оправдал ее, что имело большой общественный резонанс. Вскоре после этого, не желая подвергнуться новому аресту, эмигрировала. В 1879 примкнула к «Черному переделу». В 1883 вошла в группу «Освобождение труда», в 1900 – в редакцию «Искры», с 1903 – один из лидеров меньшевизма. После поражения первой российской революции – ликвидатор. Во время Первой мировой войны занимала оборонческие позиции. В июле 1917 подписала воззвание старых революционеров с призывом к объединению всех классов и партий для спасения России. В октябре выдвигалась в члены Учредительного собрания. Октябрьский захват власти большевиками не приняла.

Затонский (укр. – Затоньский Михайло Петрович) Михаил Петрович (1882 – после 1930) – из крестьянской семьи. Окончил сельскую школу, токарь. В 1902 арестован за распространение «Искры». Сослан в Архангельскую губернию. В 1905 – член Петербургского Совета, арестован. В 1906 дело было прекращено, эмигрировал. Накануне мировой войны вернулся в Россию, возглавлял Петербургский союз металлистов. В 1917 – соредактор газеты «Знамя Труда», левый эсер. На III съезде ПСР избран членом ЦК. Член военной комиссии партии при ЦК ПСР, Временного Совета Демократической Российской Республики (Предпарламента) и Учредительного собрания. Затем работал на Украине. С 1920 неоднократно задерживался, содержался в Бутырской и Ярославской тюрьмах. В 1922 предъявлено обвинение в антисоветской деятельности.

Зиновьев (наст. фам. Радомысльский) Григорий Евсеевич (1883–1936) – один из ленинских соратников. 3 апреля 1917 вместе с Лениным вернулся в Россию из эмиграции через Германию. После событий 4 июля вместе с Лениным перешел на нелегальное положение и скрывался в Разливе. Все это не помешало ему поддержать Л.Б. Каменева в противодействии ленинской резолюции о вооруженном восстании, которая рассматривалась на закрытом заседании ЦК большевиков 10 (23) октября. Более того, они совместно открыто объявили в письме в редакцию «Новой Жизни» о том, что считают восстание преждевременным. Но тут же после прихода большевиков к власти Зиновьев возглавил питерскую организацию РКП(б). Долгие годы он был членом ЦК партии и ее Политбюро, председателем Коминтерна. За активное участие в антисталинской оппозиции расстрелян. Реабилитирован Пленумом Верховного суда СССР 13 июля 1988.

Иванович Ст. – Португейс Семен Осипович (1860–1944) – юношей вступил в социал-демократический кружок Д.Б. Гольдендаха (Н. Рязанова). С 1903 меньшевик. Активный участник социал-демократического подполья в Кишиневе, затем в Одессе. Участник российской революции 1905–1907, ликвидатор. В годы Первой мировой войны – оборонец. После Февральской революции

один из приверженцев правого крыла партии, сторонник А.Н. Потресова, поддерживал идею И.Г. Церетели о единении живых сил революции. В октябре 1917 в числе тех, кто предлагал отмежеваться от тактики ЦК РСДРП(о), взявшего курс на создание однородного социалистического правительства. В дальнейшем выступал за вооруженную борьбу с большевистской диктатурой. В эмиграции с 1920. Группируя вокруг себя внепартийных правых, издавал журнал «Заря». Одновременно сотрудничал в эмигрантской прессе. С 1931 в Париже, играет ведущую роль в издании «Записок Социал-Демократа». В 1940 после оккупации Франции нацистами перебрался в США. С ноября 1941 – сотрудник «Социалистического Вестника».

Изгоев (наст. фам. – *Ланде*) *Александр Соломонович* (1872–1935) – выпускник юридического факультета Новороссийского университета (Одесса). Юрист, публицист, политик, один из лидеров конституционных демократов, с 1906 по 1918 – член ЦК партии. В 1909 участник сборника «Вехи», хотя не во всем разделял взгляды его участников. С приходом большевиков к власти участвовал в подпольном издании газет «Борьба» и «Наш Век». Дважды (в январе и сентябре 1919) арестовывался. В сентябре 1920 откомандирован из концлагеря в распоряжение научно-технического отдела ВСНХ, а в марте 1921 освобожден. Но уже в августе 1922 арестован снова и в ноябре того же года выслан за границу. Проживал в Праге, много публиковался в газетах и журналах русского зарубежья. В конце 20-х переехал в Эстонию, умер в Хаапсалу.

Каменев (наст. фам. *Розенфельд*) *Лев Борисович* (1883–1936) – социал-демократ с 1903, большевик. С февраля по октябрь 1917 – основной оппонент В.И. Ленина по вопросам партийной тактики и практики. В марте купировал при публикации ленинские «Письма издалека», в апреле выступал против основных положений т. н. Апрельских тезисов, летом и осенью был среди тех, кто выступал против курса на вооруженный захват власти, редактируя и сокращая июльские ленинские статьи в партийной печати. На заседании ЦК РСДРП(б) 10 (23) октября 1917 голосовал против решения о вооруженном восстании. В октябре–ноябре председатель ВЦИК, активный участник переговоров 29 октября – 1 ноября представителей общественных организаций и партий под патронатом Центрального исполнительного комитета Всероссийского железнодорожного союза (Викжеля). 3 ноября ленинское большинство ЦК РСДРП(б) предъявило Каменеву и его сторонникам ультиматум, объявляющий «изменой делу пролетариата всякую попытку навязать ...партии уклонение от власти». (*Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 47.) В ответ Каменев, а с ним В.П. Ногин, А.И. Рыков и В.П. Милютин, 4 ноября объявили о выходе из ЦК большевистской партии. Согласно их заявлению, это было сделано в знак протеста против действий руководящей группы, продемонстрировавшей, что «она твердо решила не допускать образования правительства советских партий и отстаивать чисто большевистское правительство, во что бы то ни стало, и каких бы жертв рабочим и солдатам это ни стоило». Через два дня Каменев ушел с поста председателя ВЦИК (на его место Ленин рекомендовал Я.М. Свердлов). Это во многом предопределило дальнейшую судьбу Каменева. В 1936 он, осужденный по делу «антисоветского объединен-

ного троцкистско-зиновьевского центра», был расстрелян. Реабилитирован 13 июня 1988.

Каминка Август Исаакович (1865–1941) – общественный деятель, политик, юрист, издатель. Выпускник (1888) юридического факультета СПб университета, приват-доцент СПб университета по кафедре гражданского и торгового права; читал общий курс торгового права, одновременно преподавал на Высших женских (Бестужевских) курсах. Автор ряда научных трудов, статей и сборников, часть из них – в соавторстве с В.Д. Набоковым и И.В. Гессеном. Один из организаторов и лидеров партии конституционных демократов, член ЦК партии. В 1918 эмигрировал в Финляндию, с 1920 жил в Берлине, соучредитель издательства «Слово», принимал участие в основании и руководстве газеты «Руль».

Канторович Владимир Абрамович (1886–1923) – один из организаторов и активных деятелей Бунда, публицист. С 1904 жил в СПб, вел пропаганду среди студентов. После 1910 в составе группы активистов пытался объединить уцелевшие партийные ячейки вокруг оставшихся на свободе членов ЦК Бунда, входил в состав редакции и был сотрудником легального бундовского еженедельника «Еврейские Вести». После Февральской революции 1917 депутат Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, руководил его иногородним отделом, организовывал посылку делегатов на места для борьбы с антисемитскими выступлениями. Направлен ЦК Бунда в комиссию по подготовке созыва Учредительного собрания. В годы гражданской войны организовал сбор материалов о еврейских погромах на Украине. Опубликовал сборник «Стихи» (Пг., 1915), работу «Французы в Одессе» (Пг., 1923). После смерти Канторовича вышли написанные им книги: «Хроника февральской революции» (совместно с Д.О. Заславским, П., 1924) и «Александра Федоровна. (Опыт характеристики)» (Л., 1927).

Канторович Яков Абрамович (1859–1925) – выпускник юридического факультета СПб университета. Был присяжным поверенным округа Санкт-Петербургской судебной палаты. С середины 1890-х уходит в литературную работу, на свои средства печатает ряд юридических исследований научно-исторического характера о роли религии в области юриспруденции: «Средневековые процессы о ведьмах», «Процессы против животных в средние века», этноюридический очерк «Человек и животное», «Из области веротерпимости», «Клятва по современным учениям». Наиболее популярной стала его брошюра «Женщина в праве», выпущенная под псевдонимом «Я. Орович». С 1903 – редактор-издатель журналов «Судебное Обозрение», «Вестник Сенатской практики», «Вестник законодательства и циркулярных распоряжений». Его труды в области хозяйственного и трудового права, созданные в послеоктябрьский период, во многом способствовали становлению правовых норм советской юриспруденции.

Касрадзе (груз. – კასრაძე) Давид Илларионович, (1885–1965) писатель, литературовед, переводчик. Окончил Горийское духовное и Тифлисское художе-

ственное училища, в 1908–1911 учился в Париже на философском факультете Сорбонны. Публикуется в прессе с 1901. В 1917–1921 регулярно выступал в газете «Сакартвело» – печатном органе Национально-демократической партии Грузии (НДПГ), членом которой был. После «советизации» Грузии не эмигрировал, но, отойдя от политики, сосредоточился на научной и литературной работе. Автор ряда интересных исследований и критических статей по литературе, искусству, собственных художественных произведений и переводов с русского, французского итальянского и немецкого.

Кикодзе (груз. – ჯიქიძე) Геронтий Дмитриевич (1886–1960) – литературный критик и переводчик. Окончив Кутаисское реальное училище, продолжил образование на философских факультетах Лейпцигского и Бернского университетов (последний закончил в 1915). Печататься начал в 1905. За левые общественно-политические выступления подвергался арестам в 1905 и 1910. В 1917–1921 сотрудничал с газетой «Сакартвело», с июля 1917 по 1919 – член главного совета НДПГ. Был депутатом Национального Собрания Грузии и членом его Национального Совета, депутат Учредительного собрания Грузии (1919–1921). В 1921–1922 – заместитель комиссара земледелия. В 1922 отошел от политики. Автор исследований, критических статей по литературе, искусству, эстетике: «Статьи об искусстве» (1936), «История грузинской литературы» (1947), «Воспоминания, речи, письма» (1956), «Этюды и портреты» (1958). Переводил на грузинский язык работы классиков марксизма-ленинизма, а также произведения О. Бальзака, А. Стендаля, П. Мериме, А. Франса и др.

Кливанский Семен Аронович (1879 – после 1944) – делегат III съезда Бунда (1899), затем социал-демократ, меньшевик. В 1904–1905 был в ссылках – с. Ворзогорское Онежского уезда, затем в Архангельске. В дни Февральской революции – член Петроградского Совета, один из авторов Приказа № 1, журналист газеты «День» Член Учредительного собрания. В дальнейшем от политической деятельности отошел, арестам не подвергался, но в 1922 приговорен коллегией ОГПУ СССР к административной высылке в Архангельск. В феврале 1923 дело в отношении него было прекращено с освобождением из ссылки и минусами в проживании в Москве и Петрограде и их губерниях. Реабилитирован в апреле 2002.

Короленко Владимир Галактионович (1853–1921) – с юности участвовал в народнических движениях, за что в 1874 был исключен из Землевладельческой академии в Москве и выслан в Кронштадт. В 1877 поступил в Горный институт СПб. Примерно в это же время началась его литературная карьера. Первая новелла «Эпизоды из жизни “искателя”» появилась в 1879, весной того же года по подозрению в революционной деятельности вновь исключен из учебного заведения и сослан в Глазов. А после отказа в 1881 принести присягу Александру III сослан в Сибирь. Наиболее плодотворными для писателя стали 1885–1895. Он получает признание не только в России, но и за рубежом. До 1900 писатель жил в Петербурге, затем поселился в Полтаве, где и прожил до конца своих дней.

Кубиков Ив. – с 1914 года псевдоним *Дементьева Ивана Николаевича* (1877–1944) – печатника, типографского рабочего, социал-демократа, меньшевика с 1903. Он начал печататься в 1909 и постепенно достиг серьезных успехов как в постановке сложнейших проблем т. н. пролетарской культуры, так и формы подачи своих размышлений. В ряде работ самородок не уступал профессионалам литераторам. Член потресовской группы «Самозащита», он в годы Первой мировой войны – оборонец, по характеристике Ю.О. Мартова, «очень правый». (Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 344.) С марта 1917 – член Организационного и Петроградского комитетов партии, а после августовского объединительного съезда – кандидат в члены ЦК. На декабрьский Чрезвычайный съезд РСДРП был избран от Избирательного комитета меньшевиков-оборонцев вместе с А.Н. Потресовым и М.В. Мысковым. А на самом съезде оказался в числе тех, кто выступил против основных резолюций, предложенных новым партийным руководством во главе с Мартовым, воздержавшись от голосования при выборах Центрального Комитета. (Там же. С. 516.) 6 декабря избран в состав Временного Бюро меньшевиков-оборонцев делегатов съезда. В его задачи входила не только «координация оборонческой работы на местах», но и «завоевание партии», а также «выступление в случае необходимости на открытой арене общественной жизни». (Там же. С. 523.) Впрочем, вскоре большинство членов Бюро, в том числе и Кубиков, не разделявшие теоретических и тактических взглядов нового партийного руководства, вообще вышли из партии. Отойдя от политики, занялся литературной деятельностью.

Куделли Прасковья Францевна (1859–1944) – социал-демократ, большевичка с 1903, неоднократно подвергалась репрессиям. В 1904–1905 член Тульского, затем (1906) Петербургского комитетов партии. В 1912 – сотрудник газеты «Правда», в 1914 – журнала «Работница». В годы революции 1917 года сотрудничала в «Правде», «Работнице», «Известиях ЦИК и Петроградского Совета». С 1922 заведовала петроградским Истпартом и входила в редколлегия журнала «Красная Летопись». С 1933 – персональная пенсионерка.

Кускова Екатерина Дмитриевна (1869–1958) – общественный деятель: член «Союза освобождения», участница кооперативного движения, журналистка. Жена С.Н. Прокоповича. В 1917–1918 издавала газету «Власть Народа». С 1918 входила в состав руководства Лиги спасения детей, член Совета Политического Красного Креста. В 1920 арестована по делу кооператоров. Летом 1921 – одна из учредителей Всероссийского комитета помощи голодающим. Арестована 27 августа 1921, содержалась во Внутренней тюрьме ВЧК на Лубянке и в женском одиночном корпусе Бутырской тюрьмы. 8 ноября того же года сослана в Вологду, откуда в конце января 1922 переведена вместе с мужем в Кашин. В мае 1922 получила разрешение вернуться в Москву, а 1 июня была выслана в Германию. В 1922–1924 проживала в Берлине, где была избрана председателем Политического Красного Креста, затем переехала в Прагу, а в 1939 – Женеву и в США. После Второй мировой войны

вернулась в Женеву и занималась литературным трудом. Реабилитирована 4 декабря 2000.

Левицкий (наст. фам. *Цедербаум*) *Владимир Осипович* (1883–1938) – меньшевик, брат Ю.О. Мартова. Один из лидеров легального рабочего движения в период между первой и второй российскими революциями; после октябрьского переворота 1917 – внепартийный правый социал-демократ.

Ленин (наст. фам. *Ульянов*) *Владимир Ильич* (1870–1924) – один из основателей РСДРП, лидер ее большевистского крыла. В годы Первой мировой войны «пораженец», сторонник превращения ее в войну гражданскую. Весной 1917 вернулся в Россию из эмиграции. Выдвинул лозунг перерастания буржуазной революции в социалистическую с передачей власти в руки Советов. В последующем возглавляя борющуюся за власть, а затем правящую партию большевиков и, являясь главой советского правительства, выступал за обострение классовой борьбы, диктатуру пролетариата, ликвидацию оппозиционных партий и их органов печати, политику «военного коммунизма» и «красного террора», репрессии против дворянства, предпринимателей, духовенства и др., инициатор высылки из страны инакомыслящей интеллигенции.

Мартов Л. – Цедербаум Юлий Осипович (1873–1923) – один из основателей РСДРП и лидер леворадикального интернационалистского крыла меньшевизма.

Мартынов (наст. фам. *Пиккер*) *Александр Самойлович* (1865–1935) – в 1880-х гг. народоволец (вступил в «Народную Волю» будучи студентом Петербургского университета), одновременно был связан с социал-демократической группой Благоева. За участие в студенческих выступлениях два раза арестовывался. После очередного ареста в Одессе провел два года в тюремной одиночке, затем выслан в Средне-Колымск. В сибирской ссылке стал марксистом. С 1900 – член Екатеринославского комитета РСДРП, входил в редакцию газеты «Южный Рабочий». После очередного ареста в Харькове эмигрировал. В 1902–1903 – соредaktor журнала «Рабочее Дело», в дальнейшем – меньшевик, член редколлегии «Искры». Автор ряда статей и брошюр против большевизма. После октября 1905 вернулся в Россию, сотрудничал в газете «Начало», где занимал левую позицию, в частности выступал против беспартийности Советов рабочих депутатов. После первой российской революции входил в редакцию «Голос Социал-Демократа», отстаивал позиции ликвидаторов. Участвовал во всех съездах и конференциях партии, член ее ЦК и Бюро ЦК. В 1917 – меньшевик-интернационалист. После октябрьского переворота – участник совещания при Викжеле по вопросу о создании однородного социалистического правительства. С начала 20-х отошел от политической деятельности, занимался преподаванием на Украине. Позже примкнул к большевикам и в 1923 на XII съезде РКП(б) был принят в коммунистическую партию, работал в Институте Маркса и Энгельса; с 1924 – член редколлегии журнала «Коммунистический Интернационал».

Мельгунов Сергей Петрович (1870–1956) – русский историк и политический деятель, в 1906 – кадет, с 1907 – член Партии народных социалистов. В годы первой российской революции участвовал в создании издательств «Народное право» и «Свободная Россия», а также первого в России Союза свободных книгоиздателей. В 1911 основывает кооперативное издательское товарищество «Задруга», председателем правления которого оставался до ликвидации последнего большевиками в 1922. В 1913–1923 – редактор-издатель журнала «Голос Минувшего». В годы Первой мировой войны – оборонец. В марте 1917 вошел в состав организационного комитета Трудовой народно-социалистической партии, на первом съезде которой в апреле месяце избран членом ЦК и товарищем председателя. Противник классового террора и пролетарской диктатуры. Неоднократно арестовывался чекистами. По делу «Тактического центра» в 1920 приговорен к смертной казни, замененной 10 годами тюремного заключения, освобожден в феврале 1921 под давлением научной общественности и благодаря заступничеству В.Н. Фигнер, П.А. Кропоткина и др. В октябре 1922 выслан за границу. В эмиграции продолжил свою активную антибольшевистскую деятельность и как историк, и как политик.

Миров (наст. фам. Иков) Владимир Константинович (1882–1956) – в революционном движении с 1900, социал-демократ, меньшевик с 1903. Делегат IV и V съездов РСДРП. На V съезде был избран кандидатом в члены ЦК партии от меньшевиков. В годы Первой мировой войны – оборонец. Неоднократно (8 раз) арестовывался, трижды (в общей сложности 5 лет и 8 месяцев) был в административных ссылках: два раза в Восточной Сибири (1902–1903, 1914–1917) и один – в Вологодской губернии (1912–1914), из последней его освободила Февральская революция. На августовский Объединительный съезд был делегирован от Петроградской организации с правом решающего голоса. При поименном голосовании был в числе поддержавших резолюцию «Политический момент и задачи партии». В первых числах ноября, считая «гибельной с точки зрения интересов пролетариата и революции» позицию интернационалистов по вопросу о соглашении с большевиками, вышел из состава сотрудников «Рабочей Газеты». В 1917–1918 входил в состав Петроградского комитета и Бюро комитета меньшевиков-оборонцев, Комитет спасения Родины и революции, считая себя при этом членом РСДРП. С 1918 работал в системе кооперации. В 1922 после перехода партии на нелегальное положение был арестован по формальному обвинению в «принадлежности» и «контрреволюционной деятельности». И, несмотря на ходатайства руководителей ведомств, в которых работал, был выслан и 1924–1928 провел в ссылке. Затем помощник редактора отдела литературы, искусства и языкознания БСЭ. В январе 1931 был осужден на восемь лет тюремного заключения на процессе «ЦК союзного бюро РСДРП (меньшевиков)». После освобождения – библиограф Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР, сотрудник Всесоюзной государственной библиотеки иностранной литературы. Вновь репрессирован в 1951. По амнистии 1953 вернулся в Москву. Реабилитирован 13 марта 1991.

Мстиславский (наст. фам. *Масловский*) *Сергей Дмитриевич* (1876–1943) – русский революционный деятель, писатель. Окончил естественное отделение физико-математического факультета СПб университета. С 1904 – социалист-революционер, при расколе партии вошел в состав ЦК левых эсеров. Член советской делегации на Брест-Литовских переговорах 1918. После восстания левых эсеров и убийства Мирбаха из партии вышел. Был членом украинских боротьбистов, но с 1921 – беспартийный. Входил в группировку «Скифы». Один из создателей и с 1930 – член редакционной коллегии журнала «Локаф» (с 1933 – «Знамя»). С 1931 – редактор издательства «Федерация». Умер в эвакуации.

Мякотин Венедикт Александрович (1867–1937) – историк, публицист, политический деятель. Сотрудник (с 1893) и член редколлегии (с 1904) журнала «Русское Богатство». Один из организаторов и лидеров Партии народных социалистов, в 1918 был в числе основателей «Союза возрождения России». С 1918 – в эмиграции.

Набоков Владимир Дмитриевич (1869–1922) – русский юрист, политический деятель и публицист, один из организаторов и лидеров Конституционно-демократической партии. В 1917 – управляющий делами Временного правительства. Отец известного писателя Владимира Набокова. После октябрьского переворота – эмигрант.

Нольде Борис Эммануилович (1876–1948) – барон, теоретик международного права, историк русской дипломатии, специалист в области русского государственного права, профессор. Либерал, член Конституционно-демократической партии, один из разработчиков манифеста об отречении от престола Великого князя Михаила Александровича. В марте–мае – товарищ министра иностранных дел, затем – член Юридического и Особого (по выработке закона о выборах в Учредительное собрание) совещаний. Входил в состав Временного Демократического Совета Российской Республики (Предпарламента). В 1919 эмигрировал в Финляндию, затем переехал в Париж. С 1920 входил в состав Парижской группы партии кадетов. В годы Второй мировой жил во Франции, за активную антинацистскую позицию награжден орденом Почетного легиона.

Николаевский Борис Иванович (1887–1966) – социал-демократ, в 1903–1906 – большевик, затем меньшевик. Журналист, публицист, историк, архивист, публикатор. В годы Первой мировой войны – интернационалист. После падения самодержавия – один из создателей и хранителей партийного архива, один из разработчиков и создателей музея революции (ныне музей современной истории). С 1920 – член ЦК РСДРП. Стоял у истоков создания системы российской архивной службы. В феврале 1921 арестован и вместе с другими членами ЦК почти год находился в заключении. Когда через 11 месяцев им было предложено ГПУ на выбор – ссылку в Вятку или высылка за границу, выбрал изгнание. С 1922 жил в Берлине. Член Заграничной делегации РСДРП с момента ее создания и до самороспуска в начале 50-х. Долгие годы

был сотрудником Амстердамского института социальной истории, а также заграничным представителем московских Институтов Маркса-Энгельса (директор Д.Б. Рязанов) и Ленина (директор Л.Б. Каменев). В 30-е внес огромный вклад в спасение архива германской социал-демократии. В 1940 переехал в США, продолжая активную политическую и научную деятельность. В 1963 продал свою богатейшую коллекцию архивных документов по истории революционного движения в России и Европе Гуверовскому институту войны, мира и революций и до конца жизни возглавлял работу с ее материалами.

Оболенский Владимир Андреевич (1869–1950) – выпускник естественного факультета СПб университета. Земский деятель, увлекался статистикой, политэкономией. Член партии конституционных демократов с момента ее образования, с 1910 – член ЦК, член I Государственной думы, подписал Выборгское воззвание, за что привлекался к суду. Массон, член Верховного совета русского масонства. В 1916–1917 – председатель Петроградского комитета Союза городов. Поддерживал участие кадетов в коалиционном правительстве при условии «полной независимости правительства от Совета». С августа – редактор газеты «Свободный Народ». Участник московского Государственного совещания. Выдвигался кандидатом в члены Учредительного собрания. Активный противник большевизма. После октябрьских событий – член Комитета спасения Родины и Революции. С ноября 1920 – в эмиграции.

Осоргин Михаил Андреевич (1878–1942) – юрист, писатель, журналист. В 1904–1911 – эсер, русский писатель и журналист, участие в вооруженном восстании 1905, был арестован и заключен в Таганскую тюрьму. Через полгода был освобожден под залог и сразу покинул Россию. В эмиграции жил в различных городах Европы и большую часть времени уделял литературному и журналистскому творчеству. В 1911 объявил о своем выходе из партии эсеров. В 1914 стал членом масонской ложи. С началом Первой мировой войны нелегально вернулся в Россию. Один из организаторов Всероссийского союза журналистов. Противник октябрьского переворота, за резкую критику политики большевиков был арестован, выслан в Казань, а в 1921 изгнан из страны. С 1923 жил во Франции, порвал с политическими организациями, занимаясь в основном литературным творчеством, именно в этот период вышли его самые лучшие и значительные произведения. После оккупации нацистами Парижа в 1940 бежал в вишистскую зону в местечко Шарби, где и прожил до кончины в ноябре 1942.

Парфаньяк Петр Алексеевич (1895 – после 1973) – украинец, экономист. Родился в галицийском селе Подмихайле. В 1914 году, по окончании классической гимназии в городе Станислове, переехал для продолжения образования из Австро-Венгрии в Россию. Здесь он встретил начало Первой мировой войны. С 1915 – студент экономического факультета Петроградского политехнического института, который окончил осенью 1919 с правом на звание кандидата экономических наук (по представлению диссертации). С 1920 занимался преподавательской и научной деятельностью в Перми (1920–1923), Москве (1924–1930), Одессе (1930–1934). В 1933 был выслан ГПУ УССР в

Ярославль, а затем в Саратов. В январе 1944 с него были сняты все ограничения в связи обвинениями начала 30-х гг. С 1939 – профессор Саратовского кредитно-экономического, затем экономического института. На протяжении 30 лет заведовал кафедрами денежного обращения, кредита и финансов, а затем – денежного обращения и кредита. В 1947 защитил диссертацию по теме «Финансовый контроль за расходованием фондов заработной платы» и получил диплом кандидата экономических наук. В 1949 поступил в докторантуру Института экономики АН СССР. В 1954 защитил докторскую диссертацию, посвященную вопросам банковского контроля, которая в дальнейшем нашла широкое внедрение в системе Госбанка СССР. Известный ученый, был всесторонне развитым человеком, свободно владел немецким языком, прекрасно разбирался в искусстве, любил театр. Его дочь – известная актриса Вахтанговского театра – Алла Парфаньяк.

Петрищев Афанасий Борисович (1872–1951) – публицист, писатель, общественный и политический деятель. С 1901 – сотрудник журнала «Русское Богатство». В годы первой российской революции 1905–1907 – редактор журналов «Весть» и «Щит» и один из основателей Партии народных социалистов (1906). С началом Первой мировой войны – оборонец. После падения самодержавия – сторонник Временного правительства. В июне на I съезде Трудовой народно-социалистической партии избран членом ЦК, редактор газеты «Народное Слово». Октябрьский переворот не принял, с ноября издавал газету «Слово в Цепях». После ареста в августе 1922 выслан за границу. Во Франции сотрудничал в еженедельнике «Дни» и журнале «Русские Записки», в Америке в газете «Новое Русское Слово».

Пешехонов Алексей Васильевич (1867–1933) – экономист, журналист, политический деятель. Один из основателей и теоретиков Народно-социалистической партии (1906), член ее ЦК и соредактор печатного органа «Народно-Социалистическое обозрение». После падения самодержавия – член Исполнительного Комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, сторонник коалиции, министр продовольствия двух коалиционных составов Временного правительства. Член первого состава ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов. В июне 1917 – один из инициаторов объединения Народно-социалистической партии и Трудовой группы и создания Трудовой народно-социалистической партии, издатель ее газеты «Народное Слово». Товарищ председателя Временного Демократического Совета Российской Республики. После октябрьского переворота – представитель «Союза возрождения России» в Добровольческой армии. С 1922 жил в Риге, Праге, Берлине. Неоднократно обращался к правительству СССР с просьбой разрешить вернуться на родину. С 1927 работал консультантом в советском торгпредстве в Прибалтике.

Плеханов Георгий Валентинович (1856–1918) – деятель российского и международного социал-демократического движения, марксист, философ, публицист. Один из лидеров меньшевизма. В годы Первой мировой войны и

последующие, включая послефевральский период, – оборонец, лидер внепартийной группы «Единство».

Погодин Александр Львович (1872–1947) – историк, филолог, выпускник историко-филологического факультета СПб университета (1894). С 1897 – приват-доцент того же университета по кафедре славянской филологии. С 1902 – экстраординарный профессор Варшавского университета. В 1905 защитил докторскую диссертацию, а в декабре 1908 покинул Варшавский университет по собственному желанию в числе профессоров, «доказывавших, – по его словам, – справедливость польских требований». Вернувшись в СПб, преподавал на Высших женских (Бестужевских) курсах, в частных и средних учебных учреждениях. В 1910–1919 – ординарный профессор кафедры славянской филологии Харьковского университета (участник Московского Поместного Собора от мирян Харьковской епархии), редактор (с января 1918) харьковской газеты «Жизнь». С 1919 – в эмиграции.

Постников Сергей Порфирьевич (1883–1965) – сын статского советника, дворянин, окончил Архангельскую духовную семинарию (1903) и Московский коммерческий институт (1915). Член Партии социалистов-революционеров с 1906. В 1912 основал журнал «Заветы». С осени 1914 работал в Союзе городов. В 1917 гласный Петроградской думы. Секретарь редакции «Дела Народа». 5 января 1918 участвовал в работе Учредительного собрания. В 1921 эмигрировал в Финляндию, затем жил в Берлине, Праге. Член Заграничной делегации ПСР. Один из основателей Русского заграничного исторического архива, составитель «Библиографии русской революции и гражданской войны (1917–1921)» (1938). В 1945 депортирован из Чехословакии в СССР и сослан на пять лет в Североуральск. С 1950 жил в Никополе, работал швейцаром в городском ресторане. В 1957 возвратился в Чехословакию. Похоронен на Ольшанском кладбище в Праге. Реабилитирован в 1989.

Протопопов Дмитрий Дмитриевич (1865–1934) – землевладелец, потомственный дворянин, земский деятель, публицист и издатель (издавал журнал «Земское Дело», финансировал газету «Русская Молва»). Член «Союза освобождения» и Конституционно-демократической партии, с 1906 – член ее ЦК, депутат I Государственной думы от Самарской губернии. В июле 1906 подписал т. н. Выборгское воззвание. После Февральской революции – помощник комиссара над стас-секретариатом по делам Великого княжества Финляндского. В ЦК кадетов настаивал на твердости по отношению к Советам, считая, что можно допустить выход социалистов из Временного правительства. В августе поддержал идею военной диктатуры. Был выдвинут кандидатом в члены Учредительного собрания, входил в состав Временного Совета Российской Республики (Предпарламента). После прихода большевиков к власти служил в Московском Народном Банке, затем в кооперативном отделе Центрального Управления Народного Банка, был членом Финансово-экономического совета Комитета государственных сооружений и председателем Особого совещания при «Кооператопе». В августе 1919 арестован чекистами по обвинению в

участии в т. н. «Тактическом центре». В мае 1920 Верховный революционный трибунал признал его виновным «в участии и сотрудничестве в контрреволюционных организациях, поставивших себе целью ниспровержение диктатуры пролетариата, уничтожение завоеваний Октябрьской революции и восстановление диктатуры путем вооруженного восстания и оказания всемерной поддержки Деникину, Колчаку, Юденичу и Антанте». В числе других 19 обвиняемых его приговорили к расстрелу, но суд, приняв во внимание «искреннее желание работать с советской властью, а также решительное осуждение вооруженных белогвардейских выступлений и интервенции», заменил ему расстрел на условное тюремное заключение сроком на 5 лет. Однако уже в 1930 он был арестован вновь, теперь уже по групповому делу с обвинением в «организации поддержки интервенции» и летом 1931 приговорен Комиссией ОГПУ к пяти годам концлагеря с заменой ссылкой на Урал на тот же срок. В 1934 умер в заключении.

Прохоров Григорий Васильевич (1880–1942) – профессор кафедры истории русской литературы Петроградской духовной академии. Специалист по русской литературе и общественной мысли XIX в. В 1904 кончил СПб Духовную Академию. С января 1912 – и.о. доцента, с ноября того же года – доцент, с мая 1913 сверхштатный экстраординарный, а с сентября 1914 – штатный экстраординарный профессор кафедры истории русской литературы СПб Духовной Академии.

Раевский Максим (наст. фам. *Фишелев Лев Иосифович*) (1881–1931) – участник революционного движения в России с 1902, первоначально социал-демократ, с начала 1903 – анархист. Неоднократно арестовывался. Участник Лондонской Объединительной конференции анархистов-коммунистов (дек. 1913 – янв. 1914). С началом Первой мировой войны жил в Нью-Йорке, был редактором анархо-синдикалистской газеты «Голос Труда». В 1906–1910 подверг критике увлечение анархистов террором и экспроприациями, призывал активно участвовать в рабочем движении, обратить внимание на новейшие формы рабочей самоорганизации (профсоюзы и Советы рабочих депутатов). В работе 1915–1916 «Анархо-синдикализм и “критический” синдикализм» развивал идеи о «переходном периоде» на пути строительства безгосударственного коммунистического общества – государстве, построенном на основе вольных городов и федераций профсоюзов. Первым из анархистов в своих статьях этого периода предсказал ведущую роль Советов рабочих депутатов в предстоящей Российской революции. В мае 1917 вернулся в Россию. Один из основателей Петроградского «Союза Анархо-Синдикалистской Пропаганды», совместно с В. Волиным, В. Шатовым и А. Шапиро организовал издание газеты «Голос Труда». В августе 1917, из-за неуверенности в верности политической позиции своих единомышленников, отошел от революционной работы. Умер от сердечного приступа.

Ростовцев Михаил Иванович (1870–1952) – выдающийся российский историк античности и археолог, академик (с мая 1917), академик РАН, ка-

дет. Сотрудничал с журналами «Мир Божий», «Вестник Европы» и «Русская Мысль». С 1918 года – в эмиграции (работал в Англии в Оксфордском университете). В 1920 переехал в США, где в 1925 получил приглашение в Йельский университет. См.: *Аветисян К.* Ростовцев М.И. / Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. М., 1997. С. 546–548.

Рысс Петр Яковлевич (1870–1948) – журналист, публицист, социолог, писатель, участник революционного движения в России, кадет. В эмиграции с 1919.

Рябушинский Павел Павлович (1871–1924) – представитель известной русской купеческой старообрядческой династии Рябушинских – предприниматель, банкир, получивший блестящее образование (в 1890 окончил с золотой медалью Московскую практическую академию коммерческих наук), к середине 1900-х значительно приумноживший унаследованный капитал. Его политическая деятельность в годы первой российской революции была менее успешна. Он был одним из учредителей «умеренно-прогрессивной партии», разделявшей основные идеи кадетов. Затем перешел в Торгово-промышленную партию, которая на выборах в I Государственную думу выступала в блоке с октябристами, став членом партии «Союз 17 октября». В 1906 перешел в Партию мирного обновления (мирообновленцев). В 1916 избран членом Государственного Совета по квоте Московского биржевого комитета, но заболел туберкулезом и был вынужден ограничить свою политическую активность. В Февральскую революцию – один из инициаторов создания Московского комитета общественных организаций и созыва I Всероссийского торгово-промышленного съезда (19–22 мая, Москва). Выступал против участия представителей социалистических партии во Временном правительстве, обвиняя их в том, что социальное реформирование пошло не тем путем и грозит России голодом, нищетой и финансовым кризисом. После подавления корниловского выступления на короткое время был арестован, но освобожден по указанию Керенского. Переехал в Крым, откуда в 1919 эмигрировал во Францию.

Саликовский Александр Фомич (1866–1925) – сын священнослужителя, учился в духовной семинарии. Увлечен идеями революционного народничества, учительствовал, был арестован. Во время первой российской революции (1905–1907) вступил в Партию народных социалистов. Редактировал газеты «Киевские Отклики» (с 1904) и «Киевский Голос» (1906–1907). В 1912 – редактор (совместно с Симоном Петлюрой) основанного в Москве русскоязычного журнала «Украинская Жизнь», затем переехал в Ростов-на-Дону, где возглавил редакцию газеты «Приазовский Край». Благодаря его связям в газете регулярно публиковалось большое количество острых и информативных материалов по украинским проблемам, в том числе и статьи таких видных украинских деятелей, как В. Винниченко, С. Ефремов, Ф. Матушевский. В 1916 он возвращается в Москву к редакторским обязанностям в «Украинской Жизни».

После падения самодержавия возглавил созданную в Москве Украинскую национальную раду. Осенью 1917 – весной 1918 он является губернским комиссаром Киевщины; переходит в ряды Украинской партии социалистов-федералистов и в 1918 избирается членом ее ЦК. Во время петлюровщины – министр внутренних дел Украинской Народной Республики, затем в эмиграции в Варшаве.

Семковский (наст. фам. *Бронштейн*) *Семен Юльевич* (1882–1938) – социал-демократ, меньшевик. В 1908–1912 – один из редакторов газеты «Правда», издававшейся Л.Д. Троцким в Вене, секретарь заграничного центра, созданного на августовской конференции РСДРП 1912 в Вене. В 1917–1920 – член ЦК партии. В начале 1920 проходил по киевскому процессу, проведенному большевиками над членами РСДРП, обвиненными в «содействии Деникину», приговорен «к запрещению заниматься всякой общественной и политической деятельностью». Повторно был арестован в начале 1921 и выслан из Киева. На заседании Политбюро ЦК РКП(б) от 14 декабря 1922 М.В. Фрунзе было поручено передать Семковскому ультиматум «о немедленном публичном заявлении о разрыве с меньшевистской партией и осуждении меньшевистской позиции», от чего тот уклонился, но от публичной политической деятельности отошел и с тех пор занимался лишь преподаванием. Но в 1936 был вновь арестован и через два года расстрелян по смехотворному обвинению: за участие в «контрреволюционном троцкистско-меньшевистском подполье на Украине».

Слонимский Людвиг Зиновьевич (1850–1918) – сын известного еврейского изобретателя и математика. Окончил юридический факультет Киевского университета им. Святого Владимира. Публицист, юрист сотрудник и секретарь редакции журнала «Вестник Европы» с момента его основания. Выступал против либеральных народников, критикуя вместе с тем и экономическую систему К. Маркса. Его статьи против марксизма были изданы отдельной книгой «Экономическое учение Карла Маркса» (СПб., 1898).

Смирнов Е. – Гуревич Эммануил (Мендель) Львович (1866–1952) – в революционном движении с начала 80-х гг. XIX века. В 1885 после ареста сослан в Уфу. По окончании срока ссылки выехал за границу, поселился в Цюрихе и примкнул к народолюбцам. Был активным членом Социалистического клуба. В 1889 выслан из Швейцарии, осел в Париже, выступал в легальных марксистских изданиях («Новое Слово», «Начало», «Жизнь» и др.). С января 1900 – активный член Союза русских социал-демократов. С 1903 – меньшевик. В 1905 вернулся в Россию, вошел в редакцию газеты «Северный Голос». Был «сведущим лицом» («экспертом») при социал-демократических фракциях Государственной думы всех созывов. В годы Первой мировой войны – оборонец. В 1917 – редактор газеты «Власть Народа». После августовского Объединительного съезда вышел из партии. В 1918–1919 работал в кооперативном издательстве. В 1919 стал членом Политического Красного Креста. В 1920 – управляющий 2-го отделения Государственного архива (архив бывшего Министерства иностранных дел). В 1921 арестован по делу

Всероссийского комитета помощи голодающим, по настоянию Д.Б. Рязанова был освобожден, работал в Институте Маркса и Энгельса, сначала в качестве заведующего кабинетом Англии и США, затем кабинетом международных отношений и, наконец, в качестве главного редактора издательства института. В 1931 арестован. Выслан в Курск. В апреле 1932 получил разрешение на свободное проживание по всей территории СССР. В дальнейшем занимался переводами в издательстве «Academia».

Соколов Василий Александрович (1851–1918) – сын протоиерея, выпускник (1870) Московской духовной семинарии (1870) и Московской духовной академии (1874). В 1881 защитил магистерскую диссертацию «Реформация в Англии», а в 1887 докторскую – «Иерархия англиканской епископальной церкви». Богослов, писатель, редактор (1893–1897) журнала «Богословский Вестник», профессор кафедры истории и разбора западных исповеданий Московской духовной академии, где преподавал в 1881–1904. В декабре 1904 согласно прошению уволен от духовно-учебной работы и с февраля 1905 – почетный член МДА. Служил в Москве инспектором учебных заведений по ведомству императрицы Марии Федоровны, возглавлял благотворительное общество во имя преподобного Сергия и Никона, являлся одним из лидеров партии «Союз 17 октября».

Спиридонова Мария Александровна (1884–1941) – лидер партии левых эсеров. В революционном движении с начала 1900-х. В 1906 смертельно ранила жандармского полковника Г.Н. Луженовского, приговоренного эсерами к смерти за жестокое усмирение крестьянских волнений. Была схвачена, избита и подверглась жесточайшим издевательствам со стороны полицейских офицеров. Дело ее получило широкую огласку и большое общественное значение. Выездная сессия Московского окружного военного суда приговорила Спиридонову к казни через повешение, замененной бессрочной каторгой, которую она отбывала в Нерчинске. Была освобождена в марте 1917 и приступила к активной политической работе в Чите. В мае приехала в Москву, где стала играть одну из ведущих ролей среди левых эсеров. Войдя в состав Оргбюро левого крыла партии, работала в Петроградской организации, выступала в воинских частях, перед рабочими, призывая к прекращению войны, передаче земли крестьянам, а власти – Советам, сотрудничала в газетах «Земля и Воля», «Знамя Труда» была редактором журнала «Наш Путь». В октябре 1917 левые эсеры вошли в Петроградский ВРК и активно участвовали в октябрьском захвате власти, однако в состав советского правительства вошли лишь в ноябре–декабре, поддержав большевиков в вопросе заключения Брестского мира и отвергая призывы тех, кто предлагал развязать революционную войну против германского империализма. Разрыв с большевиками произошел в мае–июне 1918 из-за декретов ВЦИК о продовольственной диктатуре, комбедах и смертной казни. Последней из левых эсеров стала выступать против Брестского мира, который ранее поддерживала. Активно участвовала в лево-эсеровском мятеже 6–7 июля 1918. В ноябре того же года Верховный рев-

трибунал при ВЦИК приговорил ее за участие в мятеже к году тюрьмы, но, приняв во внимание «особые заслуги перед революцией», амнистировал. Однако она не прекратила своих выступлений против «олигархии большевиков» и еще дважды (в 1919 и 1920) была арестована, пока не была отпущена под поручительство одного из руководителей партии эсеров, что она никогда не будет заниматься политической деятельностью. Жила в подмосковной Малаховке под надзором ВЧК. В 1923 неудачно пыталась бежать за границу, за что была осуждена на три года ссылки. В 1931 этот срок был продлен сначала на три, потом на пять лет. Ссылку отбывала в Уфе. Но после последнего ареста 1937 приговорена к 25 годам тюремного заключения, которые отбывала в Орловском политизоляторе. В сентябре 1941 во время срочной эвакуации заключенных по приговору Верховного суда СССР была расстреляна. В 1990 и 1992 реабилитирована.

Сталин (наст. фам. *Джугашвили* – грузин. ჯუღაშვილი) *Иосиф Виссарионович* (1879, по другим данным, – 1878–1953) – в революционном движении с 1898, с 1903 – большевик. С 1912 – член ЦК партии и его Русского бюро. Весной 1917 выступал за поддержку Временного правительства. Но вскоре стал активным защитником идей вернувшегося из эмиграции Ленина о перерастании буржуазной революции в социалистическую, передачи власти в руки Советов. Был переизбран в ЦК и оставался членом ЦК РСДРП(б) – РКП(б) – ВКП(б) – КПСС, вплоть до кончины. С 1919 по 1953 – член Политбюро (Президиума ЦК). В 1922–1934 – Генеральный секретарь (затем до конца жизни – просто секретарь) ЦК партии, а с мая 1941 и глава правительства СССР. В годы Великой Отечественной войны – председатель Государственного комитета обороны и Верховный главнокомандующий Вооруженными силами страны.

Сталь Людмила Николаевна (1872–1939) – в революционном движении с 1897, социал-демократка, большевичка. Неоднократно арестовывалась и ссылалась. С 1907 – в эмиграции. Сотрудница газеты «Правда» и журнала «Работница» (1912–1914). После падения самодержавия – делегат 7-й Всероссийской (Апрельской) конференции большевиков. Редактор журнала «Работница». В 1918–1920 – политработник в РККА, член Уфимского, Вятского губернских комитетов партии. С 1920 – заведующая отделом работниц Кавказского бюро РКП(б), член Международного женского секретариата Исполкома Коминтерна (1921–1923), сотрудник отдела работниц ЦК РКП(б), заведующая отделом массовой литературы для работниц и крестьянок в Госиздате; одновременно с 1924 редактор журнала «Коммунистка». С 1928 на научной работе в Музее Революции СССР. Делегат VIII и XVI съездов РКП(б).

Струве Петр Бернгардович (1807–1944) – экономист, философ, историк и публицист, виднейший представитель «легального марксизма», один из теоретиков и организаторов либерально-монархического «Союза освобождения» (1903–1905) и редактор его органа – журнала «Освобождение». С образова-

нием в 1905 партии кадетов – один из ее лидеров и член ЦК партии. Редактор журнала «Русская Мысль», участник сборника «Вехи». Член Временного Демократического Совета Российской Республики (Предпарламента) от гражданских общественных деятелей. Октябрьский переворот категорически не принял. Инициатор издания «Из глубины. Сборник статей о русской революции». М.; Пг., 1918, открывая который оценил итог пережитых с февраля 1917 событий как «банкротство и мировой позор». В годы гражданской войны – член Особого совещания при А.И. Деникине и правительстве П.Н. Врангеля. В эмиграции оставался непримиримым противником большевизма.

Струженцов Михаил Иванович (? – вторая половина 1920-х) – духовный писатель. Окончил Тверскую семинарию (1886) и Московскую духовную академию (1890). Преподаватель Орловской (1891), Московской (1897) семинарий. Член-секретарь Комиссии по организации образовательных чтений для фабрично-заводских рабочих Москвы. Участник Всероссийского съезда духовенства и мирян 1917. В 1920-х гг. преподавал в светских учреждениях Москвы. Главные его труды: *Вегетарианство и православно-христианский взгляд на него*. М., 1901; *О верности своему призванию*. М., 1898; *О пастырстве Христа Спасителя*. Орел, 1899; *Православно-христианское учение о браке по поводу воззрений на брак гр. Л.Н. Толстого и некоторых современных публицистов*. Сергиев-Посад, 1902. См.: *Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов*. Т. 5: *Деяния Собора с 1-го по 36-е / Ответ. ред. свящ. А. Колчерин, А.И. Мраморнов*. М., 2015. С. 851.

Суханов (наст. фам. *Гиммер*) *Николай Николаевич* (1882–1940) – экономист, участник революционного движения с начала 1900-х, с 1903 – социалист-революционер, затем – неофициальный социал-демократ. Сотрудничал в журналах «Русское Богатство», «Современник». В своих статьях пытался соединить народничество с марксизмом. Во время Первой мировой войны – редактор интернационалистского социал-демократического журнала «Летопись». После февраля 1917 – социал-демократ меньшевик, член Исполкома Петроградского Совета. Вместе со Стекловым Ю.М. и Соколовым Н.Д. участник переговоров с Временным комитетом Государственной думы о составе первого Временного правительства, один из редакторов социал-демократической газеты «Новая Жизнь». После Октября работал в советских экономических учреждениях. Автор «Записок о революции» (в 7 т.). В 1931 осужден по процессу Союзного бюро меньшевиков.

Титлинов Борис Васильевич (1879 – после 1944) – окончил Вятскую духовную семинарию (1899) и СПб духовную академию со степенью кандидата богословия (1903). В 1905 защитил магистерскую диссертацию, в 1916 – докторскую. С 1912 – профессор Петроградской духовной академии. После Февральской революции – один из соратников нового обер-прокурора Синода В.Н. Львова. С апреля 1917 – главный редактор «Всероссийского Церковно-Общественного Вестника». Активно выступал за обновление церкви, был противником идеи восстановления патриаршества. Это прин-

ципиально расходилось с позицией церковной иерархии, в том числе большинства участников Поместного собора. За что, после провозглашения «Всероссийского Церковно-Общественного Вестника» официальным органом собора, отстранен от должности его главного редактора. После октябрьского переворота пытался найти компромисс с советской властью. Преподавал историю религии на историко-филологическом факультете Петроградского университета, работал в IV секции (бывшем архиве Синода) Петроградского отделения Центрархива. Занимался литературной деятельностью. Автор книг: «Церковь во время революции» (Пг., 1924), «Православие на службе самодержавия в русском государстве» (Л., 1924), «Молодежь и революция. Из истории революционного движения среди учащейся молодежи духовных и средних учебных заведений. 1860–1905 гг.» (Л., 1925), «Смысл обновленческого движения» (Пг., б/г.). С 1924 – профессор, а также – проректор, затем – ректор обновленческого Высшего богословского института в Ленинграде. В 1926–1928 – помощник библиотекаря Русского отделения Публичной библиотеки. В 1930 – арестован ОГПУ за антисоветскую деятельность в 1917-м. В 1932 освобожден. Жил в Луге. Во время немецкой оккупации сотрудничал с немецкой администрацией. Заслужил разрешение на эвакуацию в Германию. Дальнейшая судьба неизвестна.

Троцкий (наст. фам. *Бронштейн*) *Лев (Лейба) Давидович* (1879–1940) – социал-демократ, один из лидеров леворадикального крыла российского и международного рабочего движения. Входил в число ведущих публицистов «Искры», претендовал на роль партийного объединителя, критикуя большевиков за догматический подход к марксизму, а меньшевиков – за недооценку организационных вопросов партийного строительства. Вместе с А.Л. Парвусом (Гельфандом) выдвинул идею т. н. перманентной революции. В 1905 – руководитель СПб Совета рабочих депутатов. Во время этапирования в сибирскую ссылку бежал за границу. Один из организаторов и руководителей августовской 1912 Всероссийской объединительной социал-демократической конференции в Вене фактически оформившей противостоявших большевикам меньшевиков в РСДРП(о). В годы Первой мировой войны – интернационалист-циммервальдиец. После февральской революции вернулся в Россию, возглавив ту часть объединенных социал-демократов, которая называлась «межрайонцами». В августе 1917 «межрайонцы» вступили в ряды большевистской партии, и Троцкий был избран членом ЦК. С 25 сентября – председатель Петроградского Совета рабочих депутатов. Фактически руководил подготовкой октябрьского переворота, создав при Совете Военно-революционный комитет (ВРК). С этого момента и вплоть до поражения в противостоянии с И.В. Сталиным во внутрипартийной борьбе после смерти Ленина – один из лидеров и ведущих теоретиков коммунистической партии. Однако так и не принятый ее большинством из-за своего предреволюционного противостояния Ленину и ленинизму, претензий на особую роль в российском и мировом революционном движении и особенностей характера.

Тыркова Ариадна Владимировна (1869–1962) – журналистка, писатель, критик, общественный и политический деятель. Член ЦК Конституционно-демократической партии. В 1917 – гласная Петроградской городской думы. С 1918 – в эмиграции.

Цаликов Ахмед (осет. – Цæлыкаты Ахмæт) Темибулатович (1882–1928) – политический деятель, публицист, писатель, историк, журналист. В революционном движении вступил, будучи студентом юридического факультета Московского университета, с начала 1900-х. С 1903 – социал-демократ, меньшевик, тогда же выслан из Москвы на Кавказ. Там занялся организацией социал-демократических комитетов в Терском крае и Дагестане. В 1907 сдал экстерном экзамены на юридический факультет Московского университета. В годы первой российской революции во Владикавказе был одним из пропагандистов идеи беспартийного рабочего съезда, публиковался в крупных центральных («Русское Слово», «Раннее Утро», «Утро России», «Вестник Европы» и др.) и меньшевистских изданиях («Наше Дело», «Возрождение»). Член Бюро при Мусульманской фракции Государственной думы (1916). В марте 1917 – участник совещания мусульманских общественных деятелей, член Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, председатель Временного Центрального бюро российских мусульман. На I Всероссийском мусульманском съезде в Москве избран председателем Всероссийского мусульманского Совета и председателем его Исполкома. Главный редактор газеты «Известия Всероссийского Мусульманского Совета» (июнь–декабрь 1917). Член Учредительного собрания. После упразднения советской властью Всероссийского мусульманского Совета уехал на Северный Кавказ, где возглавил Союзный меджлис горцев Кавказа (1919). В 1921, после советизации Грузии, выехал из Батума в Турцию, оттуда – в Европу. Жил в Париже, Праге, Варшаве, являлся одним из лидеров горской эмиграции.

Череванин Н. (наст. фам. Липкин) Федор Андреевич (1869–1938) – в революционном движении с 1891, меньшевик с 1903. После первой российской революции – ликвидатор. С 1912 – член ОК. В 1917 – член Исполкома Петроградского Совета, представитель от Совета в Центральном продовольственном комитете. Делегат I Всероссийского съезда Советов, член Президиума аграрной секции съезда, член ВЦИК и его Бюро, заведующий Экономическим отделом Исполкома, делегирован Президиумом ВЦИК в состав Экономического Совета Временного правительства. Член Временного Демократического Совета Российской Республики (Предпарламента). Входил в редакции ряда изданий РСДРП. С декабрьского (Чрезвычайного) съезда – член ЦК РСДРП. 11 января 1922 по постановлению Коллегии ВЧК выслан в Рязань на два года, а 8 февраля 1924 за продолжение «активной работы» – в Калугу. Постановлением Особого совещания при Коллегии ОГПУ от 19 февраля того же года из-за «непримиримой позиции по отношению к советской власти» срок ссылки был продлен ему на три года. В 1930 арестован и в апреле 1931 приговорен к пяти годам заключения. В мае 1935 сослан

в Асмолинск. 8 марта 1938 расстрелян по обвинению в контрреволюционной деятельности. Реабилитирован в марте 1989.

Чернов Виктор Михайлович (1873–1952) – теоретик и лидер Партии социалистов-революционеров. Автор многих трудов и статей, в том числе мемуаров: «Записки социалиста революционера» (Берлин; Петербург; Москва, 1922) и «Перед бурей» (Нью-Йорк, 1953). Последней книге предпослан посвященный В.М. Чернову очерк, написанный Б.И. Николаевским.

Шати́ро Алекса́ндр (Абра́м) Моисеевич (1882–1946) – уроженец Ростова-на-Дону. В детстве вместе с родителями выехал в Турцию, где получил образование во французской школе. В 1901–1914 жил в Англии. Примкнул к анархистскому движению, участвовал в деятельности русских анархистов-эмигрантов. В течение многих лет – секретарь П.А. Кропоткина. В 1906–1907 входил в состав редакции газеты «Листки “Хлеб и Воля”», один из лидеров идишеязычной Анархистской федерации Лондона, в 1907 представлял ее на Международном Анархистском конгрессе в Амстердаме. В годы Первой мировой войны входил в число лидеров антивоенного, интернационалистского крыла анархистов. В 1915 подписал манифест анархистов против мировой бойни. За антивоенную деятельность интернирован из Англии. В марте 1917 вернулся в Россию, примкнул к «Петроградскому союзу анархо-синдикалистской пропаганды». В 1917–1918 – член редколлегии и ведущий публицист газеты «Голос Труда». С конца 1918 – лидер Союза анархо-синдикалистов «Голос Труда». Работал в Народном комиссариате иностранных дел. В 1921 за антибольшевистскую деятельность выслан из России. С октября 1922 – член Свободного рабочего Союза Германии. Делегат Учредительного конгресса Международной ассоциации трудящихся (МАТ) – международного объединения анархо-синдикалистских профсоюзов (Берлин, декабрь 1922). В 1922–1925 – один из членов Заграничной делегации Российской конфедерации анархистов-синдикалистов, соредактор и один из основных авторов газеты «Рабочий Путь». В 1925–1926 входил в состав Российского анархо-синдикалистского комитета, пришедшего на смену Заграничной делегации. В 1922–1925 и 1932–1936 входил в состав Секретариата, а в 1925–1930 и в Административное бюро МАТ, некоторое время – в качестве представителя русских анархо-синдикалистов – исполняя обязанности ее Генерального секретаря. В 1930-е жил в Париже, один из редакторов и издателей анархо-синдикалистского журнала «La Voix du Travail» («Голос труда»). В 1941 эмигрировал в США.

Шингарев Андрей Иванович (1869–1918) – земский, общественный, политический и государственный деятель, специалист в области государственного хозяйства и бюджета от либеральной общественности, врач общей практики, публицист. С 1908 – член ЦК кадетской партии. Избирался депутатом II, III и IV Государственных дум, был главным специалистом и оратором кадетской фракции по финансовым вопросам (занился этими проблемами в условиях дефицита экспертов-экономистов среди депутатов-кадетов в III Думе).

В 1915–1917 – председатель военно-морской комиссии Думы. Член Бюро Прогрессивного блока. В первом составе Временного правительства – министр земледелия, в мае–июле – министр финансов. 28 ноября (11 декабря) по постановлению Петроградского военно-революционного комитета был арестован как один из лидеров «партии врагов народа». В ночь на 7 (20) января вместе с Ф.Ф. Кокошкиным был убит.

Шульгин Василий Витальевич (1878–1976) – юрист, историк, журналист, издатель, депутат II–IV Государственных дум. Убежденный монархист, национал-прогрессист. В 1914 пошел добровольцем в действующую армию, был ранен. Входил в руководство думского Прогрессивного блока, член Особого совещания по обороне. В феврале 1917 думский Совет старейшин избрал его членом Временного комитета Государственной думы. Входил в состав делегации, принимавшей отречение Николая II. На Государственном совещании в Москве в августе выступал против отмены смертной казни, против армейских выборных комитетов, за «неограниченную власть», против автономии Украины. В октябре переехал в Киев, возглавил «Русский национальный союз», с лета 1918 – принял активное участие в создании и руководстве Добровольческой армии. По окончании гражданской войны – в эмиграции. Жил в Болгарии, Германии, Югославии. В 1945 был препровожден в Москву, осужден. Освобожден в 1956.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Абдул-Гамид (Абдул-Хамид II) 406, 526
Авилов Б.В. 206, 287, 466, 493, 494, 527
Авдеев А.А. 508
Авксентьев Н.Д. 277, 278, 299, 300, 301, 484, 488, 491, 494, 499
Авраамий Палицын 17, 312, 412
Аврелий (Aurelius) Марк 120, 442
Агеев К.М. 284, 492
Азеф Е.Ф. 77, 432, 529
Аксельрод П.Б. 421, 422, 497, 532
Александр (Синяков Д.И.) 492
Александр I 398, 524
Александр II 398, 432, 464, 524
Александр III 398, 524, 541
Александров А.М. 411
Александров П.А. 212, 469, 470
Алексеев М.В. 35, 253, 290, 291, 306, 307, 365, 420, 482, 495, 515
Алексей Михайлович (Романов) 130, 141, 447, 450
Алексинский Г.А. 169, 173, 207, 208, 211, 329, 359, 360, 457, 459, 506, 513
Алферьев В.П. 438
Амосов А.А. (Архангельский А.) 428
Амфитеатров А.В. 119, 121, 441
Антоний (Вадковский А.В.) 491
Антонович В.Б. 149, 451
Арзубьев П.Ф. (Губер П.К.) 405, 525, 526, 527
Асатиани А. 453
Астров (Повес) И.С. 473
Ахтямов И.А. 426

Б

Б-ть О. 327, 506
Бабкин М.А. 13, 492, 500
Багратион Д.П. 365, 515
Базаров (Руднев) В.А. 187, 460, 463, 528
Бакс (Вах) Эрнст Белфорт 421
Бальзак (Balzac) Оноре, де 541

Барановский Х.А. 477
Баратов Н.Н. 427
Бардиж В.К. 511
Бах А.Р. 444
Бах Р.Р. 444
Баязитов М.-С.Г. 53, 54, 426
Бebel (Bebel) Август 280, 490
Бедный Демьян (Придворов Е.А.) 523
Бейлис М.М. 212, 424, 458, 470, 481
Белеший С.П. 74, 75, 78, 431
Белоусов Г.Е. 18, 414
Бенуа А.Н. 119, 441, 528
Бенуа Н.Л. 444
Бердяев Н.А. 114, 150, 193, 199, 321, 452, 466, 483, 505, 528
Беркенгейм А.М. 371, 517
Бернацкий М.В. 299, 498
Бернштам Л.А. 443
Бернштейн (Bernstein) Эдуард 40, 421, 422
Бетман-Гольвер (Bethmann Hollweg) Теобальд 507
Биги Мусса (Бигеев М.Я.) 426
Бидерман (Biedermann) Карл Фридрих 280, 281, 490
Бисмарк (Bismarck) Отто Эдуард Леопольд Карл-Вильгельм-Фердинанд фон Шёнхаузен (Schönhausen) 303, 490, 499
Биссолати (Bissolati) Леонида 80, 434
Блан (Blanc) Луи Жан Жозеф 191, 277, 364, 465, 514
Бланки (Blanqui) Луи Огюст 429
Блонина Е. (Арманд И.Ф.) 472
Бобринский А.А. 178, 461
Богданов (Малиновский) А.А. 528
Богданов Б.О. 32, 358, 372, 417, 501, 512, 516, 517, 522
Бондаренко Д.Я. 436
Бонч-Бруевич М.Д. 461
Бордони (Bordoni) Франческо 441
Борис Годунов 493, 500

Браз 106, 107, 439
 Брамсон Л.М. 279, 488, 489
 Брешко-Брешковская Е.К. 204, 255, 388, 466, 483, 494, 529, 530
 Бриан (Brian) Аристид 80, 420, 433
 Бронзов П.В. 279, 488, 489
 Бронникова Е.В. 505
 Брусилов А.А. 35, 80, 306, 307, 327, 420, 479
 Брюллов А.П. 529
 Брюллова-Шаскольская Н.В. 140, 449, 450, 529
 Буассье (Boissier) Мари Луи Гастон 192, 465
 Бубликов А.А. 254, 483
 Булацель П.Ф. 462
 Булдаков В.П. 449
 Бунин И.А. 532
 Бургина А.М. 412, 496
 Бурцев В.Л. 211, 329, 359, 360, 469, 506, 513
 Бурышкин П.А. 34, 419
 Бухарин Н.И. 431, 456
 Буцель П.Ф. 462
 Бушердон (Boucherdon) Эдме 120, 441
 Быковский Н.Я. 494

В

Вайнштейн А.И. 422
 Вандервельде (Vandervelde) Эмиль 33, 418
 Варламов А.Е. 428
 Василий Блаженный 500
 Васильев Н.В. 444
 Вачнадзе Д. 453
 Веденев Ю.А. 427
 Вердеревский Д.Н. 502, 504
 Верроккьо, Веррокио (Verrocchio) Андреа 120, 442, 443
 Верховский А.И. 502, 504
 Вешапели Г. 453
 Вивиани (Viviani) Жан Рафаэль Андриен Рене 419
 Виленкин А.А. 422
 Вильгельм II (Wilhelm) Гогенцоллерн 11, 65, 121, 143, 159, 164, 181, 308, 444, 451, 462
 Вильсон (Wilson) Томас Вудро 35, 80, 332, 333, 419, 420, 507
 Винниченко В.К. 104, 105, 144, 436, 438, 439, 447, 449, 476, 477, 530, 531, 550
 Виссарионов С.Е. 78, 432
 Витте С.Ю. 60, 427
 Вишняк М.В. 114, 355, 440, 511, 531

Вишняк М.Н. 427
 Владимир (Богоявленский В.Н.) 491
 Владимир Володаревич (Владимирко) 478
 Владимирова В. 462, 472
 Войтинский В.С. 496, 520
 Волин (Эйхенбаум) В.М. 481, 549
 Волобуев П.В. 418
 Вольский С. (Соколов А.В.) 132, 141, 448, 450, 504, 531
 Врангель П.Н. 498, 554
 Вржосек С.К. (Варяжский, Смоленский) 254, 482, 483

Г

Габашвили Р. 453
 Гагарин А.В. 365, 515
 Гайнуллина Р.М. 13, 429
 Гайсинский М.Г. 494
 Галили (Galili) Зива 419, 429, 432, 536
 Гамбетт (Gambetta) Леон 303, 499
 Ган М. (Ганфман М.И.) (Г-н М.) 165, 384, 455, 520, 532
 Ганецкий (Фюрстенберг) Я.С. 75, 169, 207, 432, 457
 Гарви (Бронштейн) П.А. (Гарви Н.) 243, 480, 532
 Гвазава Г. 453
 Гвоздев К.А. 32, 417
 Гед (Guesde) Жюль (Базиль, Basile) 33, 418, 515
 Гейссер (Hässer) Людвиг 191, 465
 Гендерсон (Henderson) Артур 515
 Герасимов П.В. 14, 411, 533
 Гермоген 17, 286, 312, 412, 500
 Герцен А.И. 113, 270, 440
 Гессен А.И. 515
 Гессен И.В. 532, 540
 Гиммер – см. Суханов Н.Н.
 Гинденбург (Hindenburg) Пауль фон 79, 169, 303, 307, 433, 457
 Гирич И.Б. 435
 Глинка М.И. 124
 Гоген А.И., фон 444
 Гоголь (Яновский) Н.В. 134, 147, 149, 421, 448, 517
 Годнев И.В. 375, 517, 518
 Голицын Н.Д. 332, 507
 Гольдман Б.И., см. Горев Б.И.
 Гордеев Федор 443
 Гордизиани Г. 453
 Горев (Гольдман) Б.И. 310, 431, 500, 533
 Горемыкин И.Л. 433

Горький М. (Пешков А.М.) 54, 159, 214, 319, 427, 454, 456, 471, 504, 535
 Гофман (Hoffmann) Артур 462
 Гоц А.М. 359–361, 512, 513
 Гревс И.М. 143, 188, 448, 450, 451, 464, 534
 Григорьев Раф. (Крахмальников Р.Г.) 434
 Гримм (Grimm) Роберт 98, 181, 211, 381, 437, 462, 469
 Гриневич А.В. 47, 423, 424, 534
 Громан В.Г. 162, 418, 454
 Грушевский М.С. 130, 131, 136, 144, 447, 476, 477
 Гус (Hus) Ян 280, 490
 Гучков А.И. 31, 32, 45, 82, 154, 157, 417, 461, 479

Д

Дан (Гурвич) Ф.И. 32, 35, 75, 269, 277, 279, 299, 301, 317, 359, 360, 388–390, 391, 392, 399, 413, 422, 431, 433, 434, 472, 488, 502, 503, 510, 512, 516, 523, 524, 535
 Дантон (Danton) Жорж Жак 202, 297, 298, 442, 466
 Де-Витт В.В. 427, 444
 Девлеткамов (Давлекамов) Ф.Х. 426
 Дегейтер (Degeyter) Пьер 428
 Деникин А.И. 420, 452, 495, 498, 533, 549, 551, 554
 Денисенко М.Б. 508
 Децим (Decimus) Юний Ювенал 471
 Джапаридзе А.Л. («Алеша») 18, 414
 Джованни (Giovanni) да Болонья 442
 Джугели С.М. 18, 414
 Джунковский В.Ф. 73, 78, 430, 432
 Дионисий 17, 412
 Динерштейн Е.А. 479
 Дмитриев С.Н. 490
 Долгоруков А.Н. 494
 Донателло (Donatello) 120, 442, 443
 Дорошенко Д.И. 476
 Достоевский Ф.М. 110, 322, 440, 529
 Драгоманов М.П. 150, 151, 191, 239, 451
 Дрейфус А. 457
 Дубовский А. 505
 Дурново П.П. 70, 429, 430

Е

Евсеев М.Ю. 445
 Ежов В. (Цедербаум С.О.) 329, 506, 535
 Екатерина II 426
 Елизарова-Ульянова А.И. 472

Ерманский (Коган) О.А. 90, 434, 536
 Ермолаев К.М. 533
 Ермоленко Д.С. 169, 456
 Ефремов И.Н. 445, 447, 484
 Ефремов С.А. 96, 232, 435, 436, 475–479, 536, 550

Ж

Жиле Н.Ф. 443
 Жирардон (Girardon) Франсуа 120, 441
 Жиромская В.Б. 508
 Жордания Н.Н. 294, 496
 Жорес (Jaurès) Жан 191, 212, 465
 Жукова А.П. 391
 Журули Г. 453

З

Заварзин В.Г. 511
 Замысловский Г.Г. 170, 458
 Записной И.И. 93
 Зарудный А.С. 278, 389, 390, 392, 487, 487, 503, 523
 Зарудный С.И. 487
 Заславский Д.И. (О.) 292, 458, 485, 495, 506, 537, 540
 Засулич В.И. 190, 215, 216, 471, 537
 Затонский М.П. (Батрак) 245, 480, 538
 Здобнов Н.В. 509
 Зевин В.Я. 391, 522
 Зибель (Sybel) Генрих, фон 191, 465
 Зиновьев (Радомысльский) Г.Е. 75, 76, 169, 182, 218, 290, 307, 310, 311, 355, 358, 392, 431, 432, 454, 456, 457, 472, 495, 500, 512, 521, 538
 Зомбарт (Sombart) Вернер 108, 109, 439

И

Иакинф Дестивель (Hyacinthe Destivelle) 492
 Иван IV Грозный 500
 Иванович Ст. (Португейс С.О.) 372, 506, 517, 538
 Иванцова О.К. 467
 Изгоев (Ланде) А.С. 41, 44, 114, 411, 422, 423, 539
 Изяслав Мстиславич 478
 Ингило Р. 453
 Иоанн Дамаскин (Iohannes Damascenus) 215, 471
 Иов (Иоанн) 500
 Иосиф Волоцкий 500
 Иосиф II (Joseph) 442

Исув И.Г. 211, 468, 533

Исхаки Г.Г. 426

К

Кавеньяк (Kavaignac) Луи Эжен 209

Каиль М.В. 412, 425

Каледин А.М. 350, 352, 354, 365, 420, 510, 511, 515

Каменев (Розенфельд) Л.Б. (Каменев Ю.) 169, 369, 386, 392, 422, 456, 457, 459, 501, 512, 514, 516, 521, 522, 538, 539, 546

Каменев Ю. – см. Каменев Л.Б.

Каменский Ф.Ф. 121, 444

Каминка А.И. 401, 525, 540

Кант (Kant) Иммануил 496

Канторович В.А. 242, 446, 458, 480, 506, 540

Канторович Я.А. (Орович Я., Фишер С.) 20, 415, 423, 540

Каратыгин П.А. 438

Карелин В.А. 521

Каринский Н.С. 208, 467

Карл I (Karl) (Карл Франц Иосиф) 308, 500

Карл III (Charles) Простоватый 450

Карташев А.В. 484, 491

Карумидзе Ш. 453

Кассо Л.А. 504

Кваша Е.А. 508

Кедия С. 453

Керенский А.Ф. 9, 11, 12, 29, 32, 33, 79, 80, 82, 89, 141, 159, 176, 182, 183, 188, 201, 209, 211, 212, 217, 274, 290–293, 299–301, 317, 320, 326–329, 351, 352, 356, 361, 365, 366, 367, 374–376, 387–392, 405, 408, 415, 417, 418, 422, 424, 426, 433, 434, 446, 447, 448, 462, 468–470, 472, 473, 475, 476, 484–486, 491, 494–498, 502–506, 509, 515, 516, 518, 519, 522, 525, 529, 550

Кизеветтер А.А. 413

Кикодзе Г.Д. 151, 397, 453, 524, 541

Киров С.М. 527

Кишкин Н.М. 290, 445, 468, 483, 498

Клембовский В.Н. 365, 495, 515

Кливанский С.А. 368, 506, 516, 541

Клодт П.К. 124, 443

Ковалевский Н.Н. 436

Козлов А.Г. 431

Козловский М.И. 444

Козловский М.Ю. 169, 457

Коковцов В.Н. 431

Кокошкин Ф.Ф. 320, 424, 484, 504, 558

Коллеоне (Colleoni) Бартоломео 120, 443

Колло (Collot) Мари Анн 123, 443

Коллонтай А.М. 212, 359, 360, 469, 470, 472, 514

Колчак А.В. 82, 435, 459, 486, 549

Колчерин А. 554

Кондаков П.Н. 532

Кондурушник С. (Кондурушкин С.С. ?) 506

Коновалов А.И. 34, 168, 372, 373, 419, 517

Корнилов Л.Г. 12, 253, 265, 289–294, 304–306, 308, 310, 311, 316, 319, 326–328, 330, 350, 351, 352, 365, 376, 389, 405, 406, 420, 469, 479, 482, 485, 486, 488, 494–496, 499, 500, 505, 506, 510, 511, 515, 525

Коробенко Д. 436

Короленко В.Г. 279, 489, 490, 530, 541

Котляр М.Ф. 478

Котляревский С.А. 491

Кравецкий А.Г. 492

Краснов П.Н. 494

Краховин В.А. 527

Крейтан В.П. 444

Кромвель (Cromwell) Оливер 406, 526

Кропоткин П.А. 255, 483, 544, 557

Крусанов А.В. 445

Крымов А.М. 494

Кубиков Ив. (Дементьев И.Н.) 170, 458, 542

Куделли П.Ф. 333, 508, 542

Кузьмин-Караваев В.Д. 483

Курбе (Courbet) Гюстав 442

Куркин П.И. 508

Кускова Е.Д. 156, 453, 498, 542

Л

Ламанов А.Н. 94, 435

Ламартин (Lamartine) Альфонс, де 320, 504

Лапшин В.П. 445

Ларин Ю. (Лурье М.А.) 474

Лассаль (Lassalle) Фердинанд 39

Левицкий (Цедербаум) В.О. 395, 523, 543

Ледрю-Роллен (Ledru-Rollin) Александр Огюст 320, 504

Лемот (Lemot) Франсуа Фредерик 120, 442

Ленин (Ульянов) В.И. (Карпов Н., Ленин Н., W.) 11, 15, 29, 30, 37, 75–78, 100, 125, 126, 169, 170, 178, 180–182, 184, 207, 208, 209, 211, 212, 218, 242, 249–251, 275, 307, 313, 355–357, 359, 360, 362, 380–382, 387, 391, 392, 413, 416, 419, 421, 422, 430–433, 437, 438, 448,

- 454–458, 462, 463, 467, 469, 472, 474,
480–482, 487–490, 497, 500–502, 511,
512, 514–516, 519, 521, 522, 527, 537,
538, 539, 543, 546, 553, 555
- Ленин Н. – см. Ленин В.И.
- Леонид 487
- Лечицкий П.А. 307
- Лжедмитрий I (Отрепьев Г.Б.) 493
- Лжедмитрий II («Тушинский вор») 493
- Либер (Гольдман) М.И. 173, 213, 269, 278,
388, 389, 390, 391, 392, 434, 459, 460, 471,
488, 501, 511, 523, 533
- Либкнехт (Liebknecht) Карл 108, 440
- Литвин А.Л. 528
- Лихачев В.И. 479
- Ллойд-Джордж (Lloyd George) Дэвид 80,
419, 433
- Ломтатидзе В.Б. 18, 414
- Луженовский Г.Н. 552
- Луи Филипп I (Louis-Philippe) 442, 504
- Лукашевич П.А. 451
- Лукомский А.С. 496
- Луначарский А.В. 30, 331, 386, 416, 459
- Лункевич В.В. 127, 446
- Львов В.Н. 326, 327, 375, 495, 505, 506, 517,
554
- Львов Г.Е. 9, 33, 34, 80, 130, 293, 320, 375,
420, 418, 421, 436, 447, 457, 472, 517, 518
- Людовик XIV (Louis) 441, 444
- Людовик XV 441
- Людовик XVI 442
- Людовик XVIII 120, 442
- Людовик Бонапарт (Louis Bonaparte) 406,
526
- М**
- М-ов Л. – см. Мартов Ю.О.
- Маевский Евг. (Гутовский В.А.) 173, 459
- Мазуренко С.П. 511
- Макаров А.А. 74
- Маклаков В.А. 125, 359, 445, 488
- Мак-Магон (Mac-Mahon) Патрис 116, 316,
501
- Максимов Г.П. 482
- Максимов М.А. 451
- Малиновский Р.В. 11, 73–78, 430, 431–433
- Манин В.С. 445
- Мануйлов А.А. 445, 475, 518
- Марат (Marat) Жан-Поль 122
- Мария Антуанетта (Marie-Antoinetta) 122,
442
- Мария Медичи (Maria de Medici) 441
- Мария Федоровна, имп. 552
- Марков Н.Е. (Марков 2-й) 48, 170, 178,
424, 458, 461, 462
- Маркс (Marx) Карл 33, 108, 134, 153, 300,
356, 418, 439, 448, 453, 464, 499, 501, 511
- Мартов Л. – см. Мартов Ю.О.
- Мартов (Цедербаум) Ю.О. (М-ов Л.,
Мартов Л., Эльмар) 458, 56, 75, 170,
171, 210, 247, 275–278, 287, 316, 422,
423, 424, 427, 431, 432, 433, 457–459,
467, 468, 469, 470, 471, 473, 474, 480, 481,
487, 493, 494, 497, 502, 512, 523, 528, 535,
537, 542, 543
- Мартос Б.Н. 477
- Мартынов (Пиккер) А.С. 29, 30, 393, 416,
431, 497, 523, 543
- Маслеников А.М. 218, 472
- Маслов П.П. 458
- Маслов С.Н. 483
- Матушевский Ф.П. 550
- Мачавариани И.К. 273, 453, 486
- Медовиков П.С. 508
- Медушевский А.М. 427
- Мей Л.А. 438
- Мельгунов С.П. 167, 239, 455, 479, 544
- Мериме (Mérimée) Проспер 541
- Местр (Maistre) Жозеф Мари, де 441
- Мехмет Али (Mehemet Ali) 442
- Микешин М.О. 124, 443
- Мильтеран (Millerand) Александр 418, 515
- Милюков П.Н. 31, 33, 35, 59, 82, 116, 129,
130, 154, 157, 170, 174, 186, 200, 210, 211,
247, 281, 290, 291, 299, 351, 359, 412, 417,
445, 446, 463, 468, 481, 483, 532
- Милютин В.П. 539
- Минаева О.Д. 472
- Минин Кузьма 17, 230, 242, 312, 412
- Мирбах (Mirbach) Вильгельм 545
- Миров В. (Иков В.К.) 371, 516, 544
- Митропольский И. 505
- Михаил Александрович, вел.кн. 306, 454
- Михаил Федорович (Романов) 493
- Михайлова С.Б. 427
- Михайловский Н.К. 271, 486
- Михаэлис (Michaelis) Георг 331, 506, 507
- Молотов (Скрябин) В.М. 456
- Монферран (Montferrand) Анри Луи
Огюст Рикар, де 443
- Морозов Н.А. 190, 464
- Мраморнов А.И. 554
- Мстиславский (Масловский) С.Д. 43, 423,
545

Муравьев Н.К. 74, 75, 431
 Муретов Д.Д. 150, 452
 Мысков М.В. 542
 Мюллер (Muller) Адам 118, 441
 Мюнхгаузен (Münchhausen) Карл
 Фридрих Иероним, фон 373, 517
 Мякотин В.А. 19, 62, 414, 415, 427, 434, 545
 Мямлин Н.П. 415
 Мясоедов С.Н. 461

Н

Набоков В.В. 545
 Набоков В.Д. 60, 212, 253, 319, 367, 427, 469, 482, 503, 515, 540, 545
 Наполеон I (Napoléon) (Наполеон Бонапарт) 190, 234, 296, 406, 441, 464, 526, 526
 Наполеон III (Луи Наполеон Бонапарт) 502, 526
 Нарышкина Н.К. 447
 Нахамкес (Нахамкис, Стеклов Ю.М.) 178, 320, 461, 504, 554
 Незлобин П.И. 437
 Некрасов Н.А. 494
 Некрасов Н.В. 46, 290, 375, 423, 445, 447, 475, 476, 484, 517, 518
 Ненароков А.П. 13, 413, 427, 429, 432, 474, 536
 Никитин А.М. 399, 400, 484, 502, 504, 524
 Никитин Б.В. 457
 Николаева К.И. 472
 Николаевский Б.И. 17, 73, 412, 413, 430, 557
 Николай – см. Николай II
 Николай I 99, 123, 437
 Николай II 17, 24, 37, 77, 121, 123, 124, 156, 157, 164, 269, 286, 388, 398, 406, 408, 413, 420, 421, 432, 443, 491, 509, 524, 529, 558
 Николай Николаевич, вел.кн. 173, 427, 461
 Новомирский Д. (Кирилловский Я.И.) 109, 440
 Новосельский С.А. 508
 Ногин В.П. 386, 539
 Нольде Б.Э. 130, 141, 331, 447, 450, 506, 507, 545
 Ньивенхёйс (Ньювеингус, Ньювенгайс, Nieuwenhuis) Фердинанд Домела 381, 382, 519

О

Оболенский В.А. 27, 411, 415, 546
 Огановский О.М. 151, 452

Одинец Г.М. 436
 Одишелидзе И.З. 427
 Олар (Aulard) Франсуа Виктор Альфонс 191, 407, 465
 Опекушин А.М. 444

П

Павел I 444
 Павленков Ф.Ф. 430
 Павлов Д.Б. 432, 436
 Пальмерстон (Палмерстон, Palmerston) Генри Джон Темпл 104, 438
 Пальчинский П.И. 210, 291, 365, 467, 468, 495
 Панкратьев П.Л. 482
 Панфилова А.А. 391
 Панчулидзе А.Д. 178, 462
 Парвус (Гельфанд) А.Л. 169, 207, 457, 555
 Парис (Paris) Гастон 192, 465
 Парфаньяк (Парфаньяк) А.П. 547
 Парфаньяк (Парфаньяк) П.А. 134, 151, 448, 451, 546
 Пашенко В.М. 444
 Пепеляев В.Н. 93, 414, 415, 434, 435
 Переверзев П.Н. 359, 360, 430, 446, 457, 513
 Петлюра С.В. 449, 477, 531, 550
 Петр I Великий 130, 141, 142, 447, 450, 509
 Петр Бориславич 478
 Петрищев А.Б. 176, 407, 460, 526
 Пешехонов А.В. 365, 366, 374, 446, 484, 515, 517, 547
 Пилькевич А.М. 436
 Пирр (Pyrrhus) 454
 Письменный С. 436
 Плеве В.К. 77, 432, 513
 Плетнев В.Ф. 431
 Плетнева А.А. 492
 Плеханов Г.В. 38, 98, 186, 190, 200, 201, 212, 290, 294, 362, 365, 380, 421, 422, 423, 436, 463, 470, 496, 498, 506, 519, 547
 Плеханова Р.М. 422
 Победоносцев К.П. 179, 462
 Погодин А.Л. 282, 490, 548
 Погосский В.В. 424
 Пожарский Д.М. 17, 312, 412
 Позняк С.В. 507
 Покровский И.А. 150, 452
 Половцев П.А. 359, 360, 513
 Понтий Пилат (Pontius Pilatus) 454
 Постников С.П. 161, 454, 548

Потресов А.Н. 167, 168, 287, 288, 362, 365,
388, 429, 434, 455, 457, 458, 459, 493, 503,
506, 539, 542
Потье (Pottier) Эжен 428
Пржевальский М.А. 427
Прилежаев И.А. 366, 515
Прокопович С.Н. 299, 484, 498, 542
Протасов Л.Г. 427
Протопопов А.Д. 15, 411
Протопопов Д.Д. 94, 435, 548
Прохоров Г.В. 107, 439, 465, 549
Пуришкевич В.М. 53, 178, 218, 248, 472,
481
Пушкин А.С. 149, 422, 475, 476

Р

Раевский М. (Фишелев Л.И.) 249, 481, 482,
549
Рамзес II 442
Распе (Raspe) Рудольф Эрих 517
Распутин (Новых) Г.Е. 470
Растрелли (Rastrelli) Бартоломео Карло
124, 444
Ратьковский И.С. 479
Раух (Rauch) Христиан 120, 442
Рахметов В.Н. 415
Рачинский Я.З. 527
Рибо (Ribot) Александр Феликс Жозеф 35,
80, 419, 420
Робеспьер (Robespierre) Максимилиен 23,
202, 407, 408, 415, 442, 466
Рогинский А.Б. 527
Родзянко М.В. 21, 46, 59, 73, 74, 78, 82, 174,
389, 408, 415, 421, 423, 430–432, 483,
517
Родичев Ф.И. 218, 473
Рождественский А.П. 284, 492
Рожнова В.И. 509
Розенталь И.С. 13, 429, 430, 432
Розмирович Е.Ф. 431
Ролан де Ла Платьер (Roland de la Platiere)
Манон Жанна 41, 407, 422
Роллон (Ролло, Rollon) 450
Романов Николай – см. Николай II
Ростовцев М.И. 336, 508, 549, 550
Ростопчина Е.П. 99, 437
Руднев В.В. 299, 497
Руже де Лиль (Rouget de Lisle) Клод
Жозеф 428
Рузский Н.В. 306, 307
Рыков А.И. 539

Рысс П.Я. 65, 127, 264, 296, 429, 446, 447,
485, 497, 550
Рябушинский П.П. 168, 226, 242, 243, 474,
475, 480, 483, 550
Рязанов (Гольдендах) Д.Б. (Рязанов Н.)
280, 538, 546, 552
Рязанов Н. – см. Рязанов Д.Б.

С

С-й В. 439
Саакьян С.С. 422
Савельев П.Ю. 13, 413
Савенко А.И. 248, 481
Свердлов Я.М. 539
Савинков Б.В. (Ропшин В.) 271, 326–328,
359, 389, 393, 485, 486, 494, 505, 506
Саликовский А.Ф. 352, 451, 510, 550
Салтыков С.Н. 299, 498
Салтыков-Щедрин М.Е. 448
Самарин А.Д. 178, 461
Самба (Sembat) Марсель 33, 418, 515
Самойлова К.Н. 472
Семковский (Бронштейн) С.Ю. 81, 434,
551
Сергей Александрович, вел. кн. 77, 432
Сергий (Радонежский) 17, 412
Середа В.Н. 212, 469, 470
Сигизмунд III (Sigismund) Ваза 493
Симонян А.М. 427
Скворцов-Степанов И.И. 456, 497
Скобелев М.И. 27, 34, 36, 66, 128, 129, 211,
299, 392, 416, 419, 424, 446, 468, 469, 484,
498, 501
Сковорода Г.С. 149, 451
Славинский М.А. 353, 510, 511
Слиозберг Г.Б. 489
Слонимский Л.З. 302, 499, 551
Смирнов Ал. 379, 519
Смирнов А.В. 284, 492
Смирнов Е. (Гуревич Э.Л.) 28, 125, 416,
445, 551
Снежный И. 436
Соколов В.А. 50, 425, 552
Соколов Н.Д. 554
Сократ 294, 496
Солдатенко В.Ф. 13, 449, 476, 477
Сонгулашвили И. 453
Спиридонова М.А. 185, 267, 316, 485, 502,
552
Срезневский И.И. 451

Сталин (Джугашвили) И.В. (Ст.К., Сталин К.) 63, 175, 349, 428, 432, 460, 509, 510, 521, 553, 555

Сталь Л.Н. 217, 471, 472, 553

Стасюк Н.М. 477

Стеклов Ю.М. – см. Нахамкес

Стендаль (Stendhal) Анри (Анри Мари Бейль, Beyle) 541

Степанов М. 439

Стешенко И.М. 477

Столыпин П.А. 17, 18, 37, 60, 115, 413, 414

Струве П.Б. 32, 111, 114–118, 150, 418, 440, 441, 452, 483, 553

Струженцов М.И. 16, 411, 554

Струков А.П. 178, 461

Суворин А.А. 240, 299, 459, 479, 506

Суворин А.С. 240, 459, 479, 506

Суворин Б.А. 240, 299, 479

Суворин М.А. 240, 299, 479

Суменсон Е.М. 169, 207, 457

Суханов (Гиммер) Н.Н. 163, 319, 356, 454, 455, 504, 511, 554

Сухомлинов В.А. 262, 461, 484

Сюрре Ш. 442

Т

Татишвили Ш. 453

Тевкелев К.-М.Б. 426

Терещенко М.И. 35, 141, 367, 389, 419, 420, 445, 447, 475, 476, 484, 502, 504, 515

Титлинов Б.В. 220, 285, 474, 492, 493, 500, 554

Тихон (Беллавин В.И.) 492

Толстой Л.Н. 215, 279, 471, 490, 504, 554

Тома (Thomas) Альбер 462, 515

Траян (Traianus) Марк Ульпий Нерва 120, 442

Трепов Ф.Ф. 538

Третьяков С.Н. 483

Троицкая И.А. 508

Троцкий (Бронштейн) Л.Д. 31, 79, 157, 298, 307, 326, 359, 360, 380, 386, 416, 422, 424, 433, 453, 459, 473, 497, 505, 514, 519, 521, 535, 551, 555

Трояновский А.А. 75, 431, 432

Трубецкой Е.Н. 150, 452, 483, 493

Трубецкой П.П. 124, 443

Трутовский В.Е. 429

Туган-Барановский М.И. 108, 439

Тургенев И.С. 190, 464

Туркина И.В. 508

Тыркова А.В. 252, 482, 556

Тэн (Taine) Ипполит 191, 192, 465

У

Усов П.С. 438

Ф

Фальконе, Фальконет (Falconet) Этьенн Морис 122–124, 443

Федор Борисович (Годунов) 493, 500

Федоров И.И. 428

Фигнер В.Н. 190, 464, 494, 544

Филарет (Юрьев-Романов Ф.Н.) 286, 493

Филоненко М.М. 326–329, 359, 393, 505, 506

Флавиан (Городецкий Н.Н.) 491

Фогельсон 162, 454

Франк С.Л. 114, 440

Франкавилла (Frankavilla) Пьер 120, 441

Франс (France) Анатолий (Анатоль Франсуа Тибо, Thibault) 541

Франциск Ассизский (Franciscus Assisensis) 215, 471

Фрунзе М.В. 551

Фюстель де Куланж (Fustel de Coulanges) Нюма Дени 145, 451

Х

Хаустов В.И. 428

Хаустов Ф.П. 64, 428, 429

Хеймсон Л. 427

Христиан IV – Кристиан IV (Christian) 442

Христюк П.А. 477

Ц

Цаликов (Цалыккаты) А.Т. 52, 426, 556

Цветаева М.И. 485

Цезарь (Caesar) Гай Юлий 213, 471

Церетели И.Г. 17, 18, 36–38, 49, 58, 66, 80, 141, 159, 162, 178, 188, 201, 209, 211, 212, 253, 254, 265, 266, 275–278, 294–296, 299, 300, 301, 307, 329, 358, 359, 360, 364, 368, 380, 381, 382, 383, 385–390, 392, 413, 421, 422, 424, 433, 446, 447, 457, 468, 469, 475, 476, 483, 485, 488, 493, 496, 497, 499, 501, 510, 512, 514, 516, 518–520, 522, 539

Ч

Чарота И.А. 438

Чемберлен (Chamberlain) Невилл 280, 490

Чемберлен Остин 280, 490
 Череванин (Липкин) Ф.А. (Череванин Н.)
 68, 287, 429, 493, 556
 Чернов В.М. 33, 34, 37, 38, 66, 69, 79, 102,
 128, 129, 162, 168, 178, 209–213, 218,
 268, 270, 275, 276, 277, 278, 289, 290, 319,
 320, 331, 359, 360, 364, 365, 368, 387, 388,
 389, 392, 429, 433, 438, 446, 468, 469, 473,
 484, 485, 488, 494, 504, 512, 514, 516, 518,
 522, 557
 Чуковский К.И. 517
 Чхеидзе Н.С. 32, 64, 85, 90, 253, 275, 301,
 307, 352, 358–361, 382, 417, 429, 433,
 434, 510, 512

Ш

Шаляпин Ф.И. 124
 Шаншиашвили С. 453
 Шапиро А.П. 383, 481, 520, 549, 557
 Шаскольский П.Б. 530
 Шатов В.С. 481, 549
 Шаховской Д.И. 445, 475, 483, 518
 Шевченко Т.Г. 149, 451
 Шелохаев В.В. 13, 413, 432
 Шингарев А.И. 27, 33, 34, 230, 377, 401, 445,
 475, 483, 504, 518, 525, 557
 Шишко Л.Э. 268, 485
 Шлютер (Schlüter) Андреас 120, 442
 Шредер Г.А. 492
 Шредер И.Н. 444

Штюрмер Б.В. 15, 411, 462
 Шульгин В.В. 21, 24, 85, 114, 415, 434, 481,
 483, 558
 Шульц Г. 492

Щ

Щеголев П.Е. 430
 Щегловитов И.Г. 15, 212, 411, 469, 470
 Щедрин – см. Салтыков-Щедрин М.Е.

Э

Энвер-паша (Enver Pasa) – Энвер Исмаил
 406, 526
 Энгельс (Engels) Фридрих 189, 222, 295,
 313, 418, 439, 453, 464, 501, 534, 543, 546,
 552
 Эрве (Hervé) Густав 98, 437

Ю

Юденич Н.Н. 549
 Юшкевич П.С. 528
 Ющинский А. 458

Я

Якобашвили И.П. 453, 486, 524
 Яковлев Я.А. 415
 Ярке Франциска (Jarche, псев.- Rudorff E.)
 118, 441

Bernstein E. – см. Бернштейн Э.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСТОЧНИКОВ, ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

А

- Авдеев А.* Младенческая смертность и история охраны материнства и детства в России и СССР // Историческая демография. Сб. статей / Под ред. М.Б. Денисенко и И.А. Троицкой. М., 2010. 508
- Аветисян К.* Ростовцев М.И. // Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. М., 1997. С. 546–548. 550
- Авилов Б.В.* «Обвинительный акт» о большевиках // Новая Жизнь. 1917. 23 июля. № 82. 206, 466
- Административные аресты и высылки. Без подписи // Русские Ведомости. 1917. 3 августа (16 августа). № 176. 484
- Арзубьев П.* Он // Речь. 1917. 3 (18) мая. № 102 (3844). 525
- Арзубьев П.Ф.* Снова о нем // Речь. 1917. 29 сентября (12 октября). № 229 (3971). 405, 525

Б

- Б-ть.Θ.* Единственное средство // Новое Время. 1917. 23 августа (5 сентября). № 14 860. 506
- Бабкин Михаил.* Духовенство русской православной церкви и свержение монархии (начало XX в. – конец 1917 г.). М., 2007. 500
- Бабкин М.А.* Священство и Царство (Россия, начало XX в. – 1918 г.). Исследования и материалы. М., 2011. 492
- Базаров В.* Доктринерство и сильная власть // Новая Жизнь. 1917. 20 июля (2 августа). № 79. 460
- Базаров В.А.* Конфликт с Финляндией // Новая Жизнь. 1917. 21 июля (3 августа). 187, 463
- Бабель Август.* Из моей жизни. (Мемуары). Ч. 2. Вып. 1 / Перевод с рукописи Н. Рязанова. М., 1912. 280, 490
- Бедный Демьян.* «Либердан» // Социал-Демократ (Москва). 1917. 25 августа. № 41. 523
- Без заглавия – еженедельный политический журнал. Санкт-Петербург, 1906. 498
- Бенца А.Н.* О памятниках // Новая Жизнь. 1917. 2 (15) июля. № 64. 119, 441
- Бердяев Н.А.* Демократия и иерархия // Русская Свобода. 1917. № 24–25. С. 5–10. 321, 505
- Бердяев Николай.* Духовные основы русской революции. Опыты 1917–1918 гг. СПб, 1999. 466, 505
- Бердяев Николай.* К спору между кн. Е.Н. Трубецким и Д.Д. Муретовым // Русская Мысль. 1916. Книга VIII. С. 44–48. 452
- Бердяев Н.А.* Контрреволюция // Русская Свобода. 1917. № 10–11. С. 3–7. 199, 466
- Бессарабский Церковный Голос – газета. Кишинев. 1917. 440
- Библиография русской революции и гражданской войны (1917–1921). Из каталога библиотеки Русского заграничного исторического архива / Сост. С.П. Постников. Под ред. и [предисл.] Яна Славика. Прага, 1938. 548
- Библиотекарь – ежемесячный профессиональный журнал, посвященный библиотечному делу. Москва, 1910–1940, с 1946. 509
- Библия. 471, 510
- Биржевка – см. Биржевые Ведомости.

- Биржевые Ведомости – ежедневная политическая, общественная и литературная газета. Санкт-Петербург; Петроград, 1880–1917. 293, 351, 367, 430, 466, 515
- Бич – еженедельный сатирический журнал. Петроград, 1916–1918. 119
- Блан Луи. История французской революции. Т. 1–12 / Переводчик А.П. Редкин. СПб., 1907–1909. 191, 465
- Блонина Е. (Арманд И.Ф.). Работа среди женского пролетариата // Коммунистическая партия и организации рабочих. Пособие для пропагандистов. М., 1919. 472
- Богословский Вестник – ежемесячный богословский журнал, изд. Московской Духовной академией с разрешения Св. Синода. Москва, 1892–1918, с 1993. 552
- Бондаренко Д.Я. Взаимоотношения Временного правительства и Украинской Центральной Рады. Одесса, 2004. 436
- Боротьба (Борьба) – газета, орган Украинской социал-демократической рабочей партии. Киев, 1906. 530
- Борьба – газета. Петроград, 1917. 539
- Брешко-Брешковская Е.К. Контрреволюции нет места // Воля Народа. 1917. 1 августа. № 80. 204, 466
- Брюллова-Шаскольская Н.В. *«Демократия Украины сама выработает законы своей страны и внесет их на согласование [...] в Учредительном собрании» // Дело Народа. 1917. 26 июля. № 110. 140, 449
- Брюллова-Шаскольская Н. Юридическое совещание и Украинская Рада // Дело Народа. 1917. 21 июня. № 80. 450
- Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. 449
- Бургина Анна. Социал-демократическая меньшевистская литература. Библиографический указатель. Stanford, 1968. 412
- Быковский Н.Я. Всероссийский Совет крестьянских депутатов. 1917 г. М., 1920. 494
- Будущее (Берлин) – см. Die Zukunft.

В

- В редакции «Правда». Без подписи // Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 6 июля. № 110. 499
- В Таврическом дворце. Ночное заседание объединенных Исполнительных комитетов // Дело Народа. 1917. 5 июля. № 92. 447
- Вестник Временного Правительства – газета, официальный орган российского правительства. Петроград, 1917. 74, 76, 424, 431, 432, 433, 461, 464, 473, 484, 503, 524
- Вестник Европы – ежемесячный историко-политический и литературный журнал. Санкт-Петербург; Петроград, 1866–1918. 264, 309, 439, 499, 511, 550, 551, 556
- Вестник законодательства и циркулярных распоряжений – ежемесячный журнал. Санкт-Петербург, 1903–1905. 540
- Вестник Сенатской практики – ежемесячный журнал. Санкт-Петербург, 1903–1905. 540
- Весть – еженедельный общественно-политический и литературный журнал. Санкт-Петербург, 1906. 547
- Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909. 32, 114, 115, 418, 539, 554
- Вечернее Время – ежедневная вечерняя газета. Санкт-Петербург, 1912–1917. 461, 479
- Винниченко В.К. Братання чи просто вже братерство? // Рабітничка Газета (Рабочая Газета). 1917. 24 июня. 105, 438
- Винниченко В.К. Возрождение нации. (История украинской революции. Март 1917 г. – декабрь 1919 г.). В 3 т. Киев; Вена. 1920. 531
- Винниченко Володимир. Відродження нації. Заповіт борцям за визволення. Київ, 2008. 436
- Винниченко Володимир. Публіцистика. Нью-Йорк – Київ, 2002. 438
- Вишняк М.Н. Всероссийское Учредительное собрание / Сост., автор вступит. статьи и комментариев А.М. Медушевский. М., 2010. 427

- Вишняк М.В.* Ленин и новая революция // Дело Народа. 1917. 13 сентября. № 153. 355, 511
- Вишняк М.В.* Русская свобода и П.Б. Струве // Дело Народа. 1917. 30 июня. № 88. 114, 440
- Владимирова В.* Революция 1917 года. Хроника событий. Т. III. М.; Пг., 6/г. 462
- Власть Народа – ежедневная газета эсеровского направления. Москва, 1917–1918. 30, 127, 157, 168, 355, 419, 459, 517, 542, 551
- Вниманию церковного собора (подписано *Р.П.*) // Московские Ведомости. 1917. 29 августа. № 189. 492
- Воззвание ген. Корнилова // Новое Время. 1917. 29 августа (11 сентября). № 14866. 506
- Воззвание Комитета Петроградской организации РСДРП // Рабочая Газета. 1917. 15 июня. № 81. 62, 428
- Возрождение – легальный журнал меньшевиков-ликвидаторов. М., 1908–1910. 556
- Вокруг дела ленинцев. (От прокурора Петроградской судебной палаты) // Биржевые Ведомости. 1917. 22 июля (4 августа). № 16348. Утренний выпуск. 466, 467
- Волубуев П.В.* Экономическая политика Временного правительства. М., 1962.
- Вольский С.* Два универсала // Новая Жизнь. 1917. 7 (20) июля. № 68. 418
- Вольский С.* Республика – ли? // Новая Жизнь. 1917. 3 сентября (16 сентября). № 2. 504
- Воля Народа – ежедневная газета, орган правого крыла партии эсеров. Петроград, 1917. 173, 206, 351, 459
- Вперед – двухнедельный, затем еженедельный журнал, до № 9 орган Петербургского междурайонного комитета объединенных социал-демократов (интернационалистов). Петроград, 1917. 36, 81, 159, 433, 457, 458
- Время – вечерняя газета. Москва, 1914–1917. 479
- Всероссийский Церковно-Общественный Вестник – синодальная газета. Петроград, 1917–1918. 17, 52, 108, 111, 197, 199, 226, 311, 313, 411, 412, 425, 439, 465, 474, 500, 554, 555
- Второй Всероссийский торгово-промышленный съезд в Москве 3–5 августа 1917 г.
Стенографический отчет о первом пленарном заседании съезда 3 августа. М., 1917. 232
- Выборы в районные думы. Без подписи // Речь. 1917. 2 (15) июня. № 127 (3869). 429
- Выборы в районные думы. Без подписи // Речь. 1917. 3 (16) июня. № 128 (3870). 429
- Выборы в Учредительное собрание. Очерки по истории выборов и избирательного права: учеб. пособие / Ю.А. Веденеев и др. Калуга, 1002. 427
- Выступление Церетели и Троцкого. Без подписи // Известия ЦИК и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 19 сентября. № 175. 519

Г

- Газета-Копейка – ежедневная мелкобуржуазная газета бульварного типа. Санкт-Петербург; Петроград, 1908, 1914–1918. 292, 495
- Гайсинский М.* Борьба большевиков за крестьянство в 1917 г. Всероссийские съезды Советов крестьянских депутатов. М., 1933. 494
- Галили Зива.* Лидеры меньшевиков в русской революции. Социальные реалии и политическая стратегия. М., 1991. 418, 419
- Ган М.* Историческое заседание (*Из впечатлений на Демократическом совещании) // Речь. 1917. 22 сентября (2 октября). № 223 (3965). 384, 520
- Ган М.* О революционной власти // Речь. 1917. 14 (27) июля. № 163 (3905). 165, 455
- Гарви П.А.* Ленинцы и Московское совещание // Рабочая Газета. 1917. 9 августа. № 128. 243, 480
- Гасло (Лозунг) – ежемесячная газета, орган Революционной украинской партии. Черновцы; Львов, 1902–1903. 530
- Герасимов П.В.* «Самобытное» // Свободный Народ. 1917. 1 июня. № 1. 14, 511
- Гессен А.* Поворот в пользу коалиции // Биржевые Ведомости. Вечерний выпуск. 1917. 12 (25) сентября. № 16438. 515
- Гоголь Н.В.* Арабески. 448

Гоголь Н.В. Вечера на хуторе близ Диканьки. 448

Гоголь Н.В. Мертвые души. 517

Гоголь Н.В. Миргород. 448

Голос Минувшего – журнал истории и истории литературы либерально-народнического направления. Москва, 1913–1923. 544

Голос Народа – газета. 1917. 489

Голос Правды – ежедневная газета, орган Кронштадтского комитета РСДРП(б). Кронштадт, 1917.

Голос Социал-Демократа – ежемесячная меньшевистская газета. Женева; Париж, 1908–1911. 533, 543

Голос Труда – еженедельная, затем ежедневная газета, орган Союза анархистов-синдикалистов. Петроград, 1917–1918. 249, 251, 384, 481, 482, 549, 557

Голос Труда (Golos Truda) – еженедельная рабочая газета, орган Федерации союзов русских рабочих Соединенных Штатов и Канады. Нью-Йорк, 1911–1917. 549

Горев Б.И. Заколдованный круг // Рабочая Газета. 1917. 1 сентября. № 149. 310, 500

Горький М. * «Драма 4 июля»: Несвоевременные мысли // Новая Жизнь. 1917. 14 (27) июля. № 74. 159, 454

Горький М. Несвоевременные мысли и рассуждения о революции и культуре (1917–1918 гг.). Подготовлено Ассоциацией «Ротация» при Правлении Московской организации Союза журналистов СССР / Издатели С.Б. Михайлова и А.М. Симонян. М., 1990. 427, 454, 471

Горький М. * «Объективная ценность культуры и обаятельная прелесть ее»:

Несвоевременные мысли // Новая Жизнь. 1917. 9 (22) июня. № 44. 54, 427

Горький М. * «Три года по горло в крови»: Несвоевременные мысли // Новая Жизнь. 1917. 19 июля (1 августа). № 78. 214, 471

Государственное совещание. М.; Л., 1930. 482, 483, 485–487, 497, 510

Гревс И.М. Культ революции // Русская Свобода. 1917. № 24–25. С. 19–28. 188, 464

Гревс И.М. Русским-украинцам // Русская Свобода. 1917. № 20–21. С. 3–11. 143, 448, 450

Григорьев Раф. Италия и русская революция // Новая Жизнь. 1917. 20 июня (3 июля). № 53. 434

Гриневич А.В. Внутренняя политика Временного правительства // Летучий Листок меньшевиков-интернационалистов. 1917. № 2. С. 10–12. 47, 423

Д

[*Дан Ф.И.*] Линия Советов // Известия ЦИК и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 5 сентября. № 162. 317, 502

[*Дан Ф.И.*] Очередные задачи демократии // Известия ЦИК и Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. 1917. 27 сентября. № 182. 399, 524

Дан Ф.И. Происхождение большевизма. К истории демократических и социалистических идей в России после освобождения крестьян. Нью-Йорк, 1946. 535

Дан Ф.И., Церетели И.Г. Два пути. Избранное: в 2 ч. / Сост. А.П. Ненароков, П.Ю. Савельев. Ч. 2. М., 2010. 413

Дело Малиновского. Без подписи // Рабочая Газета. 1917. 24 мая. № 63. 431

Дело Народа – ежедневная политическая и литературная газета, орган партии социалистов-революционеров, с июня 1917 – орган ЦК партии. Петроград; Самара; Москва, 1917–1919. 47, 73, 105, 118, 127, 141, 143, 162, 184, 185, 246, 299, 320, 358, 360, 362, 363, 366, 389, 392, 428, 429, 446, 447, 450, 463, 504, 514, 515, 531, 548

Дело провокатора Малиновского / Составители Б.И. Каптелов, И.С. Розенталь, В.В. Шелохаев. М., 1992. 432

День – ежедневная либеральная, после февральской революции – меньшевистская газета. Санкт-Петербург; Петроград, 1912–1917, 1918. 128, 167, 173, 243, 266, 294, 327–329, 330, 351, 370, 372, 373, 388, 429, 430, 446, 455, 459, 485, 505, 506, 541

- Дзвін (Колокол) – ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал. Киев, 1913–1914. 530
- Дни – еженедельный журнал. Париж, 1928–1933. 547
- Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Т. 1. Документы. Материалы. Деяния I–XVI. М., 1994. Репринт 1918. 425, 491
- Динерштейн Е.А.* А.С. Суворин. Человек, сделавший карьеру. М. 1998. 479
- Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 5: Деяния Собора с 1-го по 36-е / Ответ. ред. свящ. А. Колчерин, А.И. Мраморнов. М., 2015. С. 851. 554
- Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы. 110, 440
- Дубовский А.* Ставка и Савинков // Утро России. 1917. 6 сентября. № 216. 505

Е

- Еврейские Вести – еженедельный легальный орган Бунда. Петроград, 1916–1917. 540
- Евсеев М.Ю.* Из истории художественной жизни Петрограда в 1917 – начале 1918 гг. // Проблемы искусствознания и художественной критики. Л., 1982. 445
- Единство – ежедневная газета, орган Плехановской группы «Единство». Петроград, 1914, 1917. 41, 64, 65, 100, 186, 211, 296, 329, 330, 383, 388, 392, 421, 463, 469, 503, 506
- Ежов В.* В чем дело? // Рабочая Газета. 1917. 6 сентября. № 153. 329, 506
- Ерманский А.О.* Кронштадтская смута // Летучий Листок меньшевиков-интернационалистов. 1917. № 2. С. 6–8. 90, 434
- Ефремов С.А.* Заклик до творчої роботи (Привез к творчеськой работе) // Нова Рада. 1917. 13 июня. № 64. 96, 435
- Ефремов С.А.* Історія українського письменства. Киев, 1913.
- Ефремов С.А.* На поворотці // Нова Рада. 1917. 4, 5 и 6 августа. № 106, 107 и 108. 232, 475
- Ефремов Сергій.* На початку другого акту // Нова Рада. 1917. 7 мая. № 33. 476
- Ефремов Сергій.* Публіцистика революційної доби (1917–1920 рр.). У 2 т. Т. 1. 9 березня 1917 р. – 28 квітня 1918 р. Київ, 2013. 435, 475

Ж

- Живое Слово – ежедневная газета, бульварно-черносотенного типа. Петроград, 1916–1917. 169, 456
- Жизнь – ежедневная газета. Харьков, 1918. 548
- Жизнь – литературно-политический журнал. Санкт-Петербург, 1897–1899. 551
- Жиромская В.Б.* Младенческая заболеваемость и смертность в России в условиях глобальных экологических изменений // Адаптация народов и культур к социальным и технологическим трансформациям. М., 2010. 508
- Жордания Н.* Война и мир // Современный Мир. 1916. № 7–8. С. 27–82. 496

З

- За золотым руном. Без подписи // Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 29 июля. № 130. 462
- Заветы – ежемесячный литературно-политический журнал эсеровского толка. Санкт-Петербург, 1912–1914. 548
- Закрытие «Народной Газеты». Без подписи // Русские Ведомости. 1917. 5 августа (18 августа). № 178. 499
- Записки Социал-Демократа – журнал. Париж, 1931–1934. 539
- Запорожская старина // Сост. И.И. Срезневский. Харьков, 1833–1838. 451
- Заря – журнал. Берлин, 1923–1925. 539
- Заседание Совета рабочих и солдатских депутатов. 14 марта. (Из стенограммы) // Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 17 марта. № 18. 504

- Заславский Д.И.* Корнилов // *День*. 1917. 31 августа. № 151. 292, 495
- Заславский Д.* Сила слова и слова о силе // *День*. 1917. 15 августа. № 136 (1697). 485
- Заславский Д.О., Канторович Вл.А.* Хроника февральской революции. Т. 1. 1917. Февраль–май. Пг., 1924. 458, 540
- Засулич В.И.* Верность союзникам. Пг., 1917. 215, 216, 471
- Затонский М.П. (Батрак)* В чем опасность? // *Дело Народа*. 1917. 9 августа. № 122. 245, 480
- Звезда* – еженедельная, затем двух-трехнедельная общественно-политическая газета, орган социал-демократической фракции III Государственной думы. Санкт-Петербург, 1910–1912. 483, 527
- Земля и Воля* – ежедневная газета, орган партии эсеров. Москва, 1918. 407, 552
- Земское Дело* – двухнедельный журнал для разработки земских вопросов и всестороннего освещения деятельности и нужд земского самоуправления в России. Санкт-Петербург, 1910–1917. 548
- Зиновьев Г.Е.* Два пути // *Рабочий*. 1917. 13 сентября (31 августа ст. ст.). № 9. 290, 495, 500
- Зиновьев Г.Е.* Наша победа и наши задачи // *Рабочий Путь*. 1917. 26 сентября (13 сентября ст.ст.). № 9. 358, 512
- Зиновьев Г.Е.* Сочинения. Том VII. Ч. 1. Л., 1925. 495, 512
- Здобнов Н.В.* История русской библиографии до начала XX века. М., 1995. 509
- Знамя Труда* – ежедневная газета, орган Петроградского комитета партии эсеров, затем орган партии левых эсеров. Петроград, 1917–1918. 538
- Знамя Труда* – ежедневная газета, орган ЦК партии левых эсеров. Москва, 1917–1918. 552
- И**
- Иакинф (Дестивель), священник, монах.* Поместный Собор Российской православной Церкви 1917–1918 гг. и принцип соборности / Пер. с франц. иеромонаха Александра (Синякова). М., 2008. 492
- Иванович Ст.* Демократическое совещание // *День*. 1917. 3 сентября. № 154 (16113). 506
- Иванович Ст.* Умопостигаемая коалиция // *День*. 1917. 16 сентября. № 165 (16124). 372, 517
- Из глубины.* Сборник статей о русской революции. М.; Пг., 1918. 452, 554
- Изгоев А.С.* Письма о свободе. Письмо первое // *Свободный Народ*. 1917. 3 июня. № 3. 41, 422
- Изгоев А.С.* Судьбы революции // *Русская Свобода*. 1917. № 5. С. 23–26. 423
- Известия Всероссийского Мусульманского Совета* – газета, орган Всероссийского Мусульманского Совета. Петроград, 1917. 556
- Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов* – ежедневная газета, орган Всероссийского Совета крестьянских депутатов. Петроград, 1917. 494
- Известия Особого Совещания по топливу* – журнал [Управления делами Особого Совещания по топливу]. Петроград, 1916–1917. 402, 525
- Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, затем ЦИК Советов, после II Всероссийского съезда Советов стала официальным органом советской власти.* Петроград; Москва, 1917–1991. 180, 186, 211, 247, 299, 318, 367, 368, 389, 401, 461, 462, 463, 468, 469, 480, 484, 489, 499, 500, 502, 504, 515, 516, 519, 521–523, 531, 537, 542
- Известия Псковского Совета рабочих и солдатских депутатов* – газета. Псков, 1917. 534
- Искра* – газета, орган меньшевиков-интернационалистов. Петроград, 1917. 394, 464, 505, 538, 543, 555
- Искра (старая)* – нелегальная социал-демократическая газета. Лейпциг; Мюнхен; Лондон; Женева, 1900–1903. 355
- Исторический Вестник* – ежемесячный историко-литературный журнал. Санкт-Петербург, 1880–1917. 438
- Итоги выборов в районные думы. Без подписи* // *День*. 1917. 2 июня. № 74 (1635). 429

Итоги Демократического совещания. Редакционная статья // Рабочая Газета. 1917. 23 сентября. № 168. 521

К

К ст[атье] Церковный большевизм (подписано А.) // Московские Ведомости. 1917. 24 августа. № 185. 492

К церковному собору. Редакционная статья // Московские Ведомости. 1917. 18 августа. № 180. 492

Казанская Рабочая Газета и Известия Совета солдатских и рабочих депутатов – газета, № 1–47 изд. Казанской инициативной группой РСДРП. Казань, 1917. 249

Каиль М.В. Церковь в эпоху революций: состояние православного общества по материалам Всероссийского съезда духовенства и мирян 1917 г. в Москве // Государство, общество, церковь в истории России XX века. Материалы XI Международной научной конференции. Иваново, 2012. Ч. 2. С. 248–254. 412, 425

Какое правительство нам нужно. Без подписи // Работница. 1917. № 3. С. 2–3. 472

Каминка А.И. Экономические заметки // Речь. 1917. 28 сентября (11 октября). № 228 (3970). 401, 525

Канторович В.А. Александра Федоровна. (Опыт характеристики). Л., 1927. 540

Канторович В.А. Большая общественность // День. 1917. 8 августа. № 130 (1691). 242, 480

Канторович В. «Пораженцы» революции // День. 1917. 1 июля. № 98 (1659). 446

Канторович В.А. Стихи. Пг., 1915. 540

Канторович В.А. Французы в Одессе. Пг., 1923. 540

[Канторович Я.А.] Орович Я. Женщина в праве. С приложением всех постановлений действующего законодательства, относящихся до лиц женского пола. СПб., 1895. 540

Канторович Я. Из области веротерпимости. СПб., 1904. 540

Канторович Я. Клятва по современным учениям. СПб., 1904. 540

Канторович Я.А. Принудительный социализм // Речь. 1917. 3 (16) июня. № 128 (3870). 20, 415

Канторович Я. Процессы против животных в средние века. СПб., 1897. 540

Канторович Я. Средневековые процессы о ведьмах. СПб. Изд. 2. 1899. 540

[Канторович Я.А.] Фишер С. Человек и животное. СПб., 1899. 540

Касрадзе Д.И. Наши надежды и российские реалии // Сакартвело. 1917. 27 августа. № 189. 273, 486

Кваша Е.А. Младенческая смертность в России XX века // Социологические исследования. 2003. № 6. С. 47–55. 508

Керенский А.Ф. Об армии и войне. Пг., 1917. 418

Киевлянин – ежедневная общественно-политическая газета, издавалась по инициативе Юго-Западного края. Киев, 1864–1919. 481

Киевская Мысль – ежедневная либерально-демократическая газета. Киев, 1906–1918. 107, 436

Киевские Отклики – ежедневная литературно-политическая, экономическая и общественная газета. Киев, 1903–1904. 550

Киевский Голос – ежедневная общественно-экономическая, политическая и литературная газета. Киев, 1906–1907. 550

Кикодзе Г.Д. Воспоминания, речи, письма. 1956. На груз. яз. 541

Кикодзе Г.Д. История грузинской литературы. 1947. На груз. яз. 541

Кикодзе Г.Д. Политический момент. Доклад на Учредительной конференции Национально-демократической партии Грузии. 4 июля // Сакартвело. 1917. 7 (20) июля. № 142. 151, 453

Кикодзе Г.Д. Пример Финляндии // Сакартвело. 1917. 26 сентября. № 211. 397, 524

Кикодзе Г.Д. Статьи об искусстве. 1936. На груз. яз. 541

Кикодзе Г.Д. Этюды и портреты. 1958. На груз. яз. 541

- Кливанский С.А.* Честная коалиция на деловой программе // День. 1917. 16 сентября. № 165 (16124). 368, 516
- Коллонтай А.М.* К конференции рабочих // Правда. 1917. 8 декабря (25 ноября ст. ст.). № 199. 472
- Командировка представителей правительства на съезд национальностей. Без подписи // Русские Ведомости. 1917. 6 сентября (19 сентября). № 204. 510
- Коммунистка – ежемесячный журнал, орган Отдела по работе среди женщин ЦК РСДРП(б). Москва, 1920–1930. 553
- Коммунистический Интернационал – журнал, орган Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала. Петроград; Москва, 1919–1943. 543
- Кондурушник С.* Демократическое совещание // Речь. 1917. 6 (19) сентября. № 209 (3951). 506
- Контрреволюционная попытка. Без подписи // Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 26 июля. № 127. 480
- Короленко В.Г.* «Была бы жива Россия!». Неизвестная публицистика 1917–1921 гг. / Сост. и коммент. С.Н. Дмитриева. М., 2002. 490
- Короленко В.Г.* * «Война, отечество и человечество. Письма о вопросах нашего времени» в газету «Русские Ведомости». «Русский мирный призыв. Мир без аннексий и контрибуций» // Русские Ведомости. 1917. 25 августа (7 сентября). № 194; 27 августа (9 сентября). № 196. 279, 489
- Короленко В.Г.* Падение царской власти. (Речь простым людям о событиях в России). Петроград, 1917. 489
- [*Короленко В.Г.*] *К-енко В.* Эпизоды из жизни «искателя» // Слово. 1879. № 7. 541
- Котляр М.Ф.* Володимирко Володаревич // Енциклопедія історії України. – Т. 1. К.: Наукова думка, 2003. 478
- Красная Газета – ежедневная газета, орган центрального, губернского, городского комитетов ВКП(б) и Петросовета (Ленсовета). Петроград; Ленинград, 1918–1939. 537
- Красная Летопись – исторический журнал, орган Петроградского (с 1924 Ленинградского) бюро Испарга, с 1930 Ленинградского института истории партии при Ленинградском обкоме ВКП(б). Ленинград, 1922–1934, 1936–1937. 429, 542
- Крусанов Андрей.* Русский авангард: 1907–1932 (Исторический обзор). В 3 т. Т. II. Футуристическая революция (1917–1921). Кн. 1. М., 2003. 445
- Кубиков Ив.* «Непримиримое противоречие» // Рабочая Газета. 1917. 18 июля. № 109. 170, 458
- Куделли П.Ф.* Дети и война // Работница. 1917. № 9. С. 3–6. 333, 508
- Куркин П.И.* Смертность грудных детей. М., 1925. 508
- Кускова Е.Д.* Три линии // Власть Народа. 1917. 4 июля. № 57. 156, 453

Л

- Лапшин В.П.* Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 году. М., 1983. 445
- Левицкий В.О.* Две демократии. К итогам Демократического совещания // Листовка Бюро печати ЦК РСДРП(б). ГПИБ. Центр социально-политической истории. Коллекция листовок. РГАСПИ. Ф. 622. Оп. 1. Д. 3. Л. 47–57. 395, 523
- Ленин В.И.* Барщина и социализм // Полн. собр. соч. Т. 34. С. 130–132. 512
- Ленин В.И.* Война и революция. Лекция 14 (27) мая 1917 г. // Полн. собр. соч. Т. 32. С. 77–102. 419
- Ленин В.И.* – *Горькому А.М.* 15 сентября 1919 // Полн. собр. соч. Т. 51. С. 47–49. 490
- Ленин В.И.* Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Полн. собр. соч. Т. 41. С. 1–104. 432
- Ленин В.И.* Доклад на собрании большевиков – участников Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов 4 (17) апреля 1917 г. // Полн. собр. соч. Т. 34. С. 98–107. 416

- Ленин В.И. За деревьями не видят леса // Пролетарий. 1917. 1 сентября (19 августа ст. ст.). № 6; Полн. собр. соч. Т. 34. С. 79–85. 275, 487
- Ленин В.И. К лозунгам // Полн. собр. соч. Т. 34. С. 10–17. 249, 481, 482
- Ленин В.И. Корень зла // Полн. собр. соч. Т. 34. С. 122–130. 511
- Ленин В.И. Крестьяне и рабочие // Полн. собр. соч. Т. 34. С. 108–116. 512
- Ленин В.И. Кризис назрел // Полн. собр. соч. Т. 34. С. 272–283. 391, 522
- Ленин В.И. Не демократично, гражданин Керенский! // Полн. собр. соч. Т. 32. С. 253–254. 448
- Ленин В.И. Не имея чистого, принципиального оружия, они хватаются за грязное // Полн. собр. соч. Т. 32. С. 222. 430
- Ленин В.И. О героях подлога // Рабочий Путь. 1917. 7 октября (24 сентября ст. ст.). № 19. 387, 521
- Ленин В.И. О героях подлога и об ошибках большевиков // Полн. собр. соч. Т. 34. С. 248–256. 521
- Ленин В.И. О задачах РСДРП в русской революции // Полн. собр. соч. Т. 31. С. 72–78. 416
- Ленин В.И. О компромиссах // Рабочий Путь. 1917. 19 сентября (6 сентября ст. ст.). № 3; Полн. собр. соч. Т. 34. С. 133–139. 313, 500
- Ленин В.И. Один из коренных вопросов революции // Рабочий Путь. 1917. 27 сентября (14 сентября ст. ст.). № 10; Полн. собр. соч. Т. 34. С. 200–207. 362, 514
- Ленин В.И. Ошибки нашей партии // Полн. собр. соч. Т. 34. С. 257–263. 512
- Ленин В.И., Зиновьев Г.Е., Каменев Л.Б. Письмо в редакцию «Новой Жизни» // Новая Жизнь. 1917. 11 (24) июля. № 71; Полн. собр. соч. Т. 34. С. 6–7. 169, 456
- Ленин В.И. Под суд Родзянку и Джунковского за укрывательство провокатора! // Полн. собр. соч. Т. 32. С. 353. 430
- Ленин В.И. Политическое настроение // Пролетарское Дело. 1917. 20 июля. № 6. 209, 467
- Ленин В.И. Политическое положение (Четыре тезиса) // Полн. собр. соч. Т. 34. С. 1–5. 467
- Ленин В.И. Против бойкота. (Из заметок с.-д. публициста) // О бойкоте третьей Думы. СПб., 1907. С. 1–24; Полн. собр. соч. Т. 16. С. 1–36. 501
- Ленин В.И. Прощальное письмо к швейцарским рабочим // Полн. собр. соч. Т. 31. С. 87–94. 416
- Ленин В.И. Речь об отношении к Временному правительству 4 (17) июня // Полн. собр. соч. Т. 32. С. 263–276. 480
- Ленин В.И. Сочинения. Изд. 2. Т. XXI. М.; Л., 1928. 456
- Ленин В.И. Сочинения. Изд. 4. Т. 25. [М.], 1952. 456
- Ленин В.И. Сочинения. Изд. 4. Т. 26. [М.], 1949. 522
- Ленин В.И. Телеграмма в редакцию газеты «Рабочий». Середина мая 1914 // Рабочий. 1914. 25 мая. № 4; В.И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922 гг. / Подготовители Ю.Н. Амиантов, Ю.А. Ахапкин, В.Н. Степанов и др. М., 1999. С. 130–131. 433
- [Ленин В.И.] Третьеиюньские зубры за немедленное наступление // Правда. 1917. 19 июня (6 июня ст. ст.); Полн. собр. соч. Т. 32. С. 297–299. 37, 421
- [Ленин В.И.] Три кризиса // Работница. 1917. № 7. С. 3–5; Полн. собр. соч. Т. 32. С. 428–432. 184, 462
- Ленин В.И. У последней черты // Социал-Демократ. 1915. 20 ноября. № 48; Полн. собр. соч. Т. 27. С. 82–83. 169, 457
- [Ленин В.И.] Украина // Правда. 1917. 28 июня (15 июня ст. ст.). № 82; Полн. собр. соч. Т. 32. С. 341–342. 100, 437
- Ленин В.И. Украина и поражение правящих партий России // Полн. собр. соч. Т. 32. С. 350–35. 448
- Ленин Н. (Ульянов В.) Собрание сочинений. Т. XIV. Ч. I. М., [1924] 437
- Ленин Н. (Ульянов В.) Собрание сочинений. Т. XIV. Ч. II. М., [1925] 487, 500, 514, 522

- Ленинградская Правда – ежедневная общественно-политическая газета, орган Ленинградского обкома и горкома КПСС, областного и городского Совета депутатов трудящихся. Петроград; Ленинград; Санкт-Петербург, 1918–1991, с 2001. 537
- Ленинский сборник. Т. IV. М.; Л., МСМХХV. 467
- Летопись – ежемесячный литературный, научный и политический журнал, Петроград, 1915–1917. 528, 554
- Летучий Листок меньшевиков-интернационалистов – журнал, орган меньшевиков-интернационалистов. Петроград, 1917. 50, 59, 85, 94, 416, 536
- Лжецы. Без подписи // Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 21 июля. № 123. 211, 468
- Листики «Хлеб и Воля» – двухнедельная газета, орган анархо-коммунистов «хлебовольцев». Лондон, 1906–1907. 557
- Листок «Правды» – ежедневная газета, центральный орган большевиков. Петроград, 1917. 184, 463
- Личные мемуары г-жи Ролан. СПб., 1893. 407
- Локаф – ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал. Москва, с 1931. 545
- Лукашевич П. Малороссійскія и червонорусскія народныя думы и пѣсни. СПб., 1836. 451
- Лункевич В. На злобу дня. // Дело Народа. 1917. 4 июля. № 91. 446
- Львовцы (подписано Р.П.) // Московские Ведомости. 1917. 31 августа. № 191; 1 сентября. № 192; 2 сентября. № 193; 5 сентября. № 195; 7 сентября. № 197; 8 сентября. № 198. 492
- М**
- Маевский Евг. О правительстве спасения // День. 1917. 12 июля. № 107 (1668). 459
- Маленькая Газета – ежедневная газета внепартийных социалистов. Петроград, 1914–1917. 66, 173, 300, 327, 415, 459, 499, 506
- Манин В.С. Искусство в резервации. Художественная жизнь России 1917–1941 гг. М., 1999. 445
- Манифест Коммунистической партии. 189, 421
- Манифест о роспуске сейма 18 (31) июля 1917 г. и производстве новых выборов // Вестник Временного Правительства. 1917. 21 июля (3 августа). № 110 (156). 463, 464
- Маркс К. К критике гегелевской философии права // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 1. М., 1955. С. 219–368. 439
- Маркс К. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 7. М., 1956. С. 5–110. 418, 453
- [Мартов Ю.] Эльмар. Классовая самостоятельность // Наш Голос (Самара). 1916. 1 и 8 мая. № 14 (28), 15 (29). 458
- Мартов Ю.О. Лозунг «Вся власть Советам» // Летучий Листок меньшевиков-интернационалистов. 1917. № 2. С. 4–6. 56, 427, 487
- Мартов Ю.О. О рыцарской тактике // Новая Жизнь. 1917. 22 июля. № 81. 210, 467
- Мартов Ю.О. Переходный момент // Казанская Рабочая Газета и Известия Совета солдатских и рабочих депутатов. 1917. 4 августа. № 93. 247, 480
- [Мартов Ю.] М–ов Л. Социал-демократия 1905–1907 гг. // Общественное движение в России в начале XX века. / Под редакцией Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова. Т. III. Кн. 5. Партии – их состав, развитие и проявление в массовом движении, на выборах и в Думе. СПб., 1914. С. 537–643. 458
- Мартов Ю.О. Что же теперь? // Новая Жизнь. 1917. 16 (29) июня. № 76. 171, 459
- Мартинов А.С. Коалиционная политика и Демократическое совещание // Искра. 1917. 26 сентября. № 1. 393, 523
- Мартинов. А. Революционный авантюризм // Летучий Листок меньшевиков-интернационалистов. 1917. № 1. С. 11–12. 416

- Медовиков П.С.* Причины детской смертности. Пг., 1916. 508
- Мед и деготь. Без подписи // Дело Народа. 1917. 3 сентября. № 145. 504
- Мей Л.А.* Избранные произведения. Библиотека поэта. Большая серия. Ленинград, 1972. 438
- Мельгунов С.П.* «Мы, слава Богу, марксисты» // Народное Слово. 1917. 8 (21) июля. № 29. 167, 455
- Мельгунов С.П.* Трагедия русской революции // Народное Слово. 1917. 8 (22) августа. № 55. 239, 479
- Меньшевики в 1917 году. В 3 т. / Под общ. ред. З. Галили, А. Ненарокова, Л. Хеймсона. Т. 1. От января до июльских событий. М., 1994. 427, 434, 497, 518
- Меньшевики в 1917 году. Т. 2. От июльских событий до корниловского мятежа. М., 1995. 447, 455, 458, 468, 469, 471, 481, 488, 493, 494, 499
- Меньшевики в 1917 году. Т. 3. От корниловского мятежа до конца декабря. Ч. 1. От корниловского мятежа до Временного Демократического Совета Российской Республики (август – первая декада октября). М., 1996. 502, 503, 512, 516, 520, 522, 523
- Меньшевики в 1917 году. Т. 3. От корниловского мятежа до конца декабря. Ч. 2. От Временного Демократического Совета Российской Республики до конца декабря (первая декада октября – конец декабря). М., 1997. 460, 501, 542
- Меньшевики в 1919–1920 гг. / Отв. ред. З. Галили, А. Ненароков. / Отв. сост. Д. Павлов. М., 2000. 432, 469
- Меньшевики в 1921–1922 гг. / Отв. ред. З. Галили, А. Ненароков. / Отв. сост. Д. Павлов. М., 2002. 536
- Меньшевистский процесс 1931 года. Сб. док. в 2 кн. / Ред. А.Л. Литвин. М., 1999. 528
- Милуков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. Т. 2. Вера, творчество, образование. Ч. 1. Церковь, религия, литература. М., 1994. 412
- Минаева О.Д.* Журналы «Работница» и «Крестьянка» в решении женского вопроса в СССР в 1920–1930-е гг.: модель пропагандистского решения социальных реформ. М., 2015. 472
- Мир Божий – ежемесячный литературный и научно-популярный журнал. Санкт-Петербург, 1892–1906. 439, 550
- Миров В.* Кооперация на совещании. На кооперативном съезде // День. 1917. 16 сентября. № 165 (16124). 371, 516
- Миронов В.* Удар по революции // Рабочая Газета. 1917. 15 августа. № 133. 499
- Миссионерский сборник. Прибавления к Рязанским Епархиальным Ведомостям. Рязань, 1891–1918. 425
- Митропольский И.* Требование ген. Корнилова // Утро России. 1917. 22 июля. № 178. 505
- Михайловский Н.К.* Полное собрание сочинений. Т. 1. СПб., 1906. С. 461–462. 486
- Московские Ведомости – двухнедельная, затем ежедневная газета, с 1756 издавалась Московским университетом, с 1863 – орган монархистов-черносотенцев. Москва, 1756–1917. 284, 492
- Московский Церковный Голос – еженедельная газета. Москва, 1917. 17, 411, 412, 425, 439
- Мстиславский С.Д.* На повороте к подъему // Дело Народа. 1917. 4 июня. № 66. 43, 423
- Муретов Д.* Борьба за эрос. Письмо П.Б. Струве по поводу письма к нему кн. Е.Н. Трубецкого // Русская Мысль. 1916. Книга IV. С. 88–95. 452
- Мысль – двухнедельный научный марксистский журнал. Харьков, 1919–1921. 528
- Мякотин В.А.* Накануне демонстрации // Народное Слово. 1917. 17 (30) июня. № 12. 62, 427
- Мякотин В.А.* Очередная задача // Народное Слово. 1917. 4 (17) июня. № 1. 19, 414, 434

Н

- На суд рабочих и солдат! «О союзе эсеров с корниловцами». Без подписи // Рабочий Путь. 1917. 23 сентября (10 сентября ст. ст.). № 7. 511

- На чужбине – журнал, издание Женевской группы социалистов-революционеров. Женева, 1916–1917. 211
- Набоков В.Д. Безнадёжный эксперимент // Речь. 1917. 14 (27) сентября. № 216 (3958). 367, 515
- Набоков В.Д. Об Учредительном собрании // Свободный Народ. 1917. 16 июня. № 14. 60, 427
- Набоков В.Д. Провозглашение республики // Речь. 1917. 5 (18) сентября. № 208 (3950). 319, 503
- Наказ делегации // Власть Народа. 1917. 14 сентября. № 117. 517
- Накануне. Без подписи // Русская Воля. 1917. 3 июня. № 131. 423
- Народная Воля – нелегальная газета, орган тайного революционно-народнического общества «Народная Воля». Санкт-Петербург, 1879–1885. 486
- Народная Газета – ежедневная газета внепартийных социалистов. Петроград, 1917. 300, 459, 499, 506
- Народное Слово – ежедневная политическая и литературная газета, орган народных социалистов. Петроград, 1917–1918. 20, 63, 168, 241, 377, 547
- Народно-Социалистическое Обозрение – журнал, орган народных социалистов. Санкт-Петербург, 1906–1907. 547
- Начало – ежемесячный научный и литературно-политический журнал. Санкт-Петербург, 1899. 439, 551
- Начало – ежедневная легальная меньшевистская газета. Санкт-Петербург, 1905. 543
- Наш Век – ежедневная газета, орган партии кадетов. Петроград, 1917. 539
- Наш Голос – еженедельная меньшевистская газета. Самара, 1915–1916. 170, 458
- Наш Путь – литературно-политический журнал революционного социализма / Под редакцией члена партии социалистов-революционеров М.А. Спиридоновой. Петроград, 1917–1918. 273, 485, 552
- Наша Рабочая Газета – ежедневная газета, орган меньшевиков-ликвидаторов. Санкт-Петербург, 1914. 75, 431, 433
- Наше Дело – ежемесячный журнал, орган меньшевиков-ликвидаторов. Петроград, 1914. 556
- Наше Слово – легальная меньшевистская газета. Баку, 1912–1913. 496
- Ненароков А.П. Правый меньшевизм: прозрения российской социал-демократии. М., 2012. 474
- Николаевский Б.И. Знаменательная дата. 1907 г. – 3 июня – 1917 г. // Рабочая Газета. 1917. 3 июня. № 71. 17, 412
- Николаевский Б.И. К делу Малиновского // Рабочая Газета. 1917. 17, 19 и 22 июня. № 83, 85 и 87. 73, 430
- Нова Доба (Новая эпоха) – еженедельная газета, орган Заграничной группы Украинской коммунистической партии. Вена, 1920. 531
- Нова Рада (Новая Рада) – ежедневная политическая, экономическая и литературная газета, с 1918 – орган Украинской партии социалистов-федералистов. Киев, 1917–1919. 98, 234, 239, 475
- Новая Жизнь – ежедневная общественно-литературная газета, орган социал-демократов (интернационалистов). Петроград, 1917–1918. 54, 56, 80, 125, 134, 141, 161, 165, 169, 170, 175, 176, 188, 208, 214, 215, 220, 275, 416, 430, 434, 450, 456, 458, 460, 473, 487, 489, 502, 504, 527, 528, 538, 554
- Новейшая история России – междисциплинарный научно-теоретический журнал. Санкт-Петербург, с 2011. 412, 425, 479
- Новое Время – ежедневная политическая и литературная газета, с 1905 орган черносотенцев. Санкт-Петербург, 1868–1917. 173, 220, 327, 351, 407, 459, 461, 479, 506
- Новое Русское Слово – ежедневная газета. Нью-Йорк, 1910–2010. 547

- Новое Слово – ежемесячный научно-литературный и политический журнал либеральных народников, затем легальных марксистов. Санкт-Петербург, 1894–1897. 551
- Новосельский С.А.* Смертность и продолжительность жизни в России. Пг., 1916.
- Новый закон 15 апреля 1917 г. о выборах гласных городских дум и участковых городских управлений и Наказ городским общественным управлениям о применении Временных правил о производстве выборов 3 мая 1917 г. Полный текст закона с пред. и подстрочными примеч. В.В. Погосского. М., 1917. 424
- Новый Мир – газета. Париж, 1905. 440
- Нольде Б.Э.* Договор с Радой // Речь. 1917. 7 (20) июля № 157 (3899). 130, 447
- Нольде Б.Э.* Мир // Речь. 1917. 9 (22) сентября. № 212 (3954). 331, 506
- Нур (Свет) – ежемесячная общественно-политическая и просветительная газета. Санкт-Петербург. 1905–1914, с 1990. 426

О

- О бойкоте третьей Думы. СПб., 1907. 501
- Об утверждении раздела I Положения о выборах в Учредительное собрание // Вестник Временного Правительства. 1917. 22 июля (4 августа). № 111 (157). 424
- От Временного правительства // Вестник Временного Правительства. 1917. 3 (16) сентября. № 145 (191). 503
- От Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов // Дело Народа. 1917. 10 июля. № 71. 428
- От министра-председателя // Утро России. 1917. 23 июля. № 179. 504
- От министра юстиции // Вестник Временного Правительства. 1917. 16 (29) июня. № 81 (127). 431, 432
- Обновление ведомств и демократия. Без подписи. // Дело Народа. 1917. 29 июля. № 113. 514
- Оболенский В.А.* Буржуазия и «буржуй» // Свободный Народ. 1917. 2 июня. № 2. 27, 415
- Общее Дело – ежедневная вечерняя газета. Петроград, 1917. 469
- Обращение ОК к партийным организациям «О Стокгольмской конференции» // Вперед. 1917. 21 июля. № 112. 458
- Объединение – ежедневная политическая и литературно-общественная газета. Киев, 1919. 532
- Огановский О.* Історія літератури руської в 4 ч., 6 т. Львов, 1887–1894. 452
- Окопная Правда – ежедневная политическая солдатская газета, орган Бюро военной организации РСДРП (б) 12-й армии при ЦК социал-демократии Латвии. Рига; Венден, 1917–1918. 64, 429
- Освобождение – нелегальный двухнедельный политический журнал, либерального направления. Штутгарт; Париж, 1902–1905. 114, 115, 440, 473, 553
- Олар А.* Политические истории Французской революции. Происхождение и развитие демократии и республики (1789–1804) / Перевод с французского Н. Кончевской. М., 1902. 407
- Осоргин М.А.* Летопись внутренней жизни // Вестник Европы. 1917. № 7–8. С. 383–384. 255, 483
- Ответ народа. Без подписи // Газета-Копейка. 1917. 30 августа (12 сентября). № 3249. 495
- Отечество – ежедневная политическая газета. Петроград, 1917. 298, 511

П

- Павленков Ф.* Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. СПб., 1907. 430
- Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства / Редакция П.Е. Щеголева. Т. VII. М.; Л., 1927. 430

- Парфаньяк П.А.* К украинскому вопросу // Русская Свобода. 1917. № 10–11. С. 14–20. 134, 144, 448, 451
- Патриаршество в России. Редакционная статья // Московские Ведомости. 1917. 20 сентября. № 206; 29 сентября. № 214. 492
- Патриотический порыв. Редакционная статья «Всероссийского Церковно-Общественного Вестника» // Всероссийский Церковно-Общественный Вестник. 1917. 2 сентября. № 107. 311, 500
- Партия народной свободы. Редакционная статья // Всероссийский Церковно-Общественный Вестник. 1917. 28 мая. № 36. 474
- Партия социалистов-революционеров. Редакционная статья // Всероссийский Церковно-Общественный Вестник. 1917. 25 мая. № 33. 474
- Первый Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д. / Подготовили к печати В.Н. Рахметов и Н.П. Мямлин. С предисловием Я.А. Яковлева. Т. 1. М.; Л., 1930. 415, 421, 422, 424, 428, 434, 483, 514
- Первый Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д. / Подготовили к печати В.Н. Рахметов и Н.П. Мямлин. С предисловием Я.А. Яковлева. Т. 2. М.; Л., 1931. 422, 431, 433, 434, 464, 483, 510
- Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. Издание Р.М. Плехановой. М., 1925. 422
- Петр Аркадьевич Столыпин. Энциклопедия / Ответ. ред. В.В. Шелохаев. М., 2011. 413
- Петрищев А.Б.* Завершение первого периода // Русское Богатство. 1917. № 6–7. С. 270–278. 176, 460
- Петрищев А.Б.* О разочарованиях и распаде // Русское Богатство. 1917. № 8–10. С. 297–301. 407, 526
- Петроград, 14 июня. Без подписи // Речь. 1917. 14 (27) июня. № 137 (3879). 438
- Петроград, 6 (19) июля. Без подписи // Дело Народа. 1917. 6 июля. № 93. 463
- Пешехонов А.В.* Предпарламент // Народное Слово. 1917. 19 сентября (2 октября). № 88. 374, 517
- Письмо М.В. Родзянко // Речь. 1917. 3 (16) июня. № 128 (3870). 423
- Плеханов Г.В.* Год на Родине. Полное собрание статей и речей 1917–1918 г. в 2 т. Т. 1. Paris, 1921. 422, 436
- Плеханов Г.В.* Год на Родине. Полное собрание статей и речей 1917–1918 г. в 2 т. Т. 2. Paris, 1921. 463, 496
- Плеханов Г.В.* Да здравствует автономная Украина! // Единство. 1917. 2 июня. № 54. 98, 436
- Плеханов Г.* Две недели на размышление // Единство. 1917. 7 июля. № 83. 463
- Плеханов Г.* К совещанию 12 сентября // Единство. 1917. 5 сентября. № 133. 506
- Плеханов Г.В.* Ленин и Церетели // Единство. 1917. 21 сентября. № 145. 380, 519
- Плеханов Г.В.* Революционная демократия и война // Единство. 1917. 14 июня. № 64. 38, 421
- Плеханов Г.В.* И.Г. Церетели // Единство. 1917. 26 августа. № 125. 294, 496
- Погодин А.Л.* Церковный собор. Впечатления участника // Русская Свобода. 1917. № 22–23. С. 14–19. 282, 490
- Позняк С.В.* «Польский вопрос» во властных структурах императорской России накануне и в годы Первой мировой войны // Российские и славянские исследования. Сб. научных статей. Вып. 1. Минск, 2004. 507
- Показания прапорщика Ермоленко. Без подписи // Живое Слово. 1917. 11 июля. № 56 (409). 456
- Покровский И.А.* Перуново заклетье // Из глубины. М.; Пг., 1918. 452
- Покровский И.* «Эрос» и «этос» в политике. По поводу одной полемики // Юридический Вестник. 1916. Кн. XV (III). С. 5–16. 452
- Политический кризис. Без подписи // Пролетарий. 1917. 13 июля. № 55. 456

- Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ-3). СПб., 1907. Т. XXIV. 491
- Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ-3). СПб., 1908. Т. XXV. 491
- Положение о выборах в Учредительное собрание // Вестник Временного Правительства. 1917. 17 (30 сентября). № 155 (201); 19 сентября (2 октября). № 156 (202); 26 сентября (9 октября). № 162 (208). 424, 488
- Положение о созыве Поместного Собора Православной Всероссийской Церкви в Москве 15 августа 1917 года // Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Т. 1. Документы. Материалы. Деяния I–XVI. М., 1994. С. 12–18. 491
- Полярная Звезда – еженедельная общественно-политический и культурно-философский журнал. Санкт-Петербург, 1905–1906. 114, 440
- Постановления Временного правительства об отмене смертной казни // Вестник Временного Правительства. 1917. 18 (31) марта. № 12 (58). 461
- Постановление Временного правительства о восстановлении, на время войны, смертной казни для военнослужащих // Вестник Временного Правительства. 1917. 13 (26) июля. № 103 (149). 461
- Постановление Временного правительства [о запрещении земельных сделок]. 12 июля // Вестник Временного Правительства. 1917. 14 (27) июля. № 104 (150). 473
- Постников С.П. Итоги // Дело Народа. 1917. 7 июля. № 94. 161, 454
- Потресов А.Н. Кризис власти // День. 1917. 4 июля. № 100. 455
- Потресов А.Н. Рубикон. 1917–1918. Публицистика / Ред.-сост. Р.М. Гайнуллина, А.П. Ненароков, И.С. Розенталь. М., 2016. 429, 434, 455
- Правда – с 1912 ежедневная большевистская газета, с 1917 – центральный орган партии. Санкт-Петербург; Москва, 1912–1991. 38, 65, 70, 76–78, 101, 134, 169, 300, 390, 428, 429, 432, 433, 437, 448, 462, 463, 472, 473, 499, 513, 521, 527, 537, 542, 553
- Правда – литературно-научный журнал, Львов, 1867–1870, 1872–1880, 1888–1898. 151
- Правда – социал-демократическая газета. Вена, 1908–1912. 551
- Право – журнал. Санкт-Петербург, 1898–1918. 532
- Право Народа – газета. 1917. 489
- Православная Богословская Энциклопедия / Под ред. А.П. Лопухина, Н.Н. Глубоковского. Петроград, 1900–1911. 489
- Предпарламент и Учредительное собрание. Без подписи // Известия ЦИК и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 13 сентября. № 169. 515
- Приазовский Край – политическая, экономическая и литературная газета либерального направления. Ростов-на-Дону, 1891–1920. 550
- Призыв – ежедневная газета, орган меньшевиков и эсеров. Париж, 1915–1917. 414
- Приказ военного министра. Приказ армии и флоту от 16 июня 1917 года // Вестник Временного Правительства. 1917. 20 июня (3 июля). № 84 (130). 433
- Прилежаев И. Крах продовольственной политики Министерства продовольствия // Дело Народа. 1917. 6 сентября. № 147. 515
- Проблема власти и Учредительного собрания. Без подписи // Дело Народа. 1917. 6 сентября. № 147. 514
- Программа министра юстиции. Без подписи // Утро России. 1917. 2 августа. № 187. 487
- Программа трудовой группы. Ч. I. Редакционная статья // Всероссийский Церковно-Общественный Вестник. 1917. 2 июня. № 39. 474
- Программа трудовой группы. Ч. II. Редакционная статья // Всероссийский Церковно-Общественный Вестник. 1917. 4 июня. № 41. 474
- Пролетарий – ежедневная газета, орган Бюро Московских объединенных организаций РСДРП. Москва, 1917–1918. 168, 456
- Пролетарий – ежедневная газета, центральный орган большевиков. Петроград, 1917. 279, 301

- Пролетарская Революция – исторический журнал, в 1921–1928 – орган Истпарта ЦК ВКП(б), в 1928–1931 – Института Ленина при ЦК ВКП(б), с 1933 – Института Маркса–Энгельса–Ленина при ЦК ВКП(б). Москва, 1921–1931, 1933–1941. 512
- Пролетарское Дело – ежедневная газета, орган фракции большевиков Кронштадтского Совета рабочих и солдатских депутатов. Кронштадт, 1917. 210, 460, 463, 467
- Протасов Л.Г.* Всероссийское Учредительное собрание история рождения и гибели. М., 1997. 427
- Протасов Л.Г.* Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М., 2008. 427
- Против Московского совещания. Без подписи. // Рабочий и Солдат. 1917. 8 августа. № 14. 480
- Протопопов Д.Д.* Кронштадт, Финляндия, Украина // Свободный Народ. 1917. 20 июня. № 17. 94, 435
- Прохоров Гр. проф.* Нужно готовиться к Учредительному собранию // Всероссийский Церковно-Общественный Вестник. 1917. 4 июля. № 62. 465
- Прохоров Гр. проф.* Христианство и социальный вопрос // Всероссийский Церковно-Общественный Вестник. 1917. 22 апреля. № 11. 439
- Прохоров Г.В.* *Церковь и социализм: о социализме вообще и социализме христианском // Всероссийский Церковно-Общественный Вестник. 1917. 2 июня. № 39. 107, 439
- Пушкин А.С.* Бесы // Собрание сочинений в 10 т. Т. II. М., 1981. 475
- Пушкин А. С.* Евгений Онегин // Собрание сочинений в 10 т. Т. IV. М., 1981. 476

Р

- Работница – легальный общественно-политический и литературно-художественный журнал для женщин, орган ЦК РСДРП(б). Москва; Петроград; Москва, 1914, 1917–1918, с 1923. 187, 217, 218, 336, 462, 463, 471, 472, 542, 553
- Рабочая Газета – ежедневная меньшевистская газета, с августа центральный орган ЦК РСДРП(о). Петроград, 1917. 18, 62, 69, 74, 76, 78, 171, 244, 288, 291, 299, 300, 311, 330, 392, 423, 424, 428, 431, 471, 495, 499, 503, 521, 533, 534, 536, 544
- Рабочий – ежедневная газета, центральный орган большевиков. Петроград, 1917. 292, 310, 357, 433, 447, 500, 511, 512
- Рабочий Интернационал – двухнедельный журнал, орган РСДРП(о). Петроград; Москва, 1918. 536
- Рабочий Путь – ежедневная газета, центральный орган большевиков. Петроград, 1917. 317, 329, 352, 355, 357, 361, 366, 390, 391, 392, 511, 521
- Рабочий Путь – журнал, орган Комитета защиты анархистов-синдикалистов при Международном Товариществе Рабочих. Берлин, 1923. 557
- Рабочий и Солдат – ежедневная газета, центральный орган РСДРП(б). Петроград, 1917. 176, 243, 460, 480
- Раевский М.* Базис Нового Интернационала // Голос Труда. 1917. 18 августа. № 1. 482
- Раевский М.* Новый лозунг большевиков // Голос Труда. 1917. 18 августа. № 1. 249, 481, 482
- Раннее Утро – ежедневная политическая и литературная газета. Москва, 1907–1918. 556
- Ратьковский И.С.* Восстановление смертной казни на фронтах летом 1917 г. // Новейшая история России. 2015. № 1(15). С. 48–58. 479
- Ревнитель блага церковного. Голос профессора о соборности. Без подписи // Московские Ведомости. 1917. 27 сентября. № 212. 492
- Революционная Россия – нелегальный журнал, орган социалистов-революционеров. Женева, 1901–1905. 485
- Революционное движение в России в мае–июне 1917 г. Июньская демонстрация. Документы и материалы. М., 1959. 415, 424
- Революційна доба в Україні (1917–1920 роки): логіка пізнання, історичні епізоди, ключові постаті. 2-ге вид., доп. і перероб. Київ, 2012. 449, 450

- Революция 1917 года. Хроника событий. Т. III. Июнь–июль / Сост. В. Владимирова. М.; Пг., 1923. 472
- Реконструкция кабинета. Без подписи // Речь. 1917. 15 (28) сентября. № 21 (3959). 516, 517
- Речь Александра Федоровича Керенского военного и морского министра, товарища председателя Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, произнесенная им 29 апреля в совещании делегатов фронта. М., 1917. 462
- Речь – ежедневная газета, центральный орган партии кадетов. Санкт-Петербург; Петроград, 1906–1917. 23, 44, 67, 101, 129, 130, 132, 141, 167, 173, 218, 255, 266, 298, 300, 321, 329, 333, 360, 368, 377, 380, 387, 401, 404–406, 421, 423, 429, 438, 446, 450, 455, 459, 468, 472, 473, 481, 502, 506, 516, 517, 519, 525, 532
- Речь А.М. Беркенгейма // Власть Народа. 1917. 14 сентября. № 117. 517
- Речь Зарудного // Известия ЦИК и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 17 сентября. № 173. 523
- Речь Церетели // Известия ЦИК и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 20 сентября. № 176. 519
- Робітник (Работник) – газета, орган Украинской федерации Социалистической партии Америки. Кливленд, 1892–1933. 438
- Робітнича Газета (Рабочая Газета) – ежедневная газета, орган Украинской социал-демократической рабочей партии. Киев, 1917–1919. 107, 437
- Рожнова В. У истоков отечественной библиографии // Библиотекарь. 1990. № 4. С. 56–58. 509
- Розеталь И.С. Провокатор Роман Малиновский: Судьба и время. М., 1996. 430
- Российский Гражданин – еженедельный политический и литературный журнал. Петроград, 1914–1917. 462
- Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. Материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви / Сост., авт. предисловия и комментариев М.А. Бабкин. М., 2008. Изд. 2-е, исправлен. и доп. 492
- Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 9: Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. М., 1994. 424
- Ростовцев М.И. Избранные публицистические статьи. 1906–1923 / Подгот. текста, предисл., коммент. и биогр. словарь И.В. Туркиной. М., 2002. С. 20–40. 508
- Ростовцев М.И. Наука и революция // Русская Мысль. 1917. Книга IX–X. С. 1–16. 336, 508
- Руль – ежедневная газета, орган партии кадетов. Берлин, 1920–1931. 540
- Русская Воля – ежедневная политическая, общественная и литературная газета. Петроград, 1916–1917. 46, 119, 285, 392, 423, 441, 492, 493
- Русская Молва – ежедневная газета, орган прогрессистов и правых кадетов. Санкт-Петербург, 1912–1913. 548
- Русская Мысль – ежемесячный литературно-политический журнал, до 1905 – либерально-народнического направления, после Первой российской революции – орган правого крыла кадетской партии. Москва; Санкт-Петербург, 1880–1918. 114, 150, 349, 440, 452, 508, 550, 554
- Русская Свобода – политический еженедельник, издаваемый редакцией журнала «Русская Мысль». Петроград; Москва, 1917. 26, 44, 90, 114–118, 140, 144, 151, 193, 197, 204, 287, 326, 423, 425, 440, 441, 451, 452
- Русские Ведомости – с 1868 ежедневная общественно-политическая газета, с 1870-х – орган либеральной интеллигенции, с 1905 – орган правого крыла кадетов. Москва, 1863–1918. 262, 279, 282, 484, 489, 499, 510
- Русские Записки – ежемесячный литературный, научный и политический журнал. Петроград, 1914–1917. 547

Русское Богатство – ежемесячный литературный, научный и политический журнал.

Санкт-Петербург, 1879–1914, 1917. 184, 410, 486, 545, 547, 554

Русское Знамя – ежедневная газета, орган Союза русского народа. Санкт-Петербург, 1905–1917. 462

Русское Слово – ежедневная либеральная газета. Москва, 1895–1917. 285, 492, 556

Русь – газета внепартийных социалистов. Петроград, 1917. 506

Рысс П. Для памяти // Речь. 1917. 19 мая (1 июня). № 116 (3853). 446

Рысс П.Я. Запоздалая истина // Речь. 1917. 6 (19) июля. № 156 (3898). 127, 446

Рысс П. Не так ли? // Речь. 1917. 31 мая (13 июня). № 125 (3867). 446

Рысс П.Я. Покаяние // Речь. 1917. 17 (30) августа. № 192 (3934). 464, 485

Рысс П.Я. Торжественный провал // Речь. 1917. 20 июня. № 142 (3884). 65, 429

Рысс Петр. Чудо // День. 1917. 1 апреля. № 24 (1595). 446

Рысс П.Я. Юбилей // Речь. 1917. 27 августа (9 сентября). № 201 (3943). 296, 497

Рябушинский П.П. *«К сожалению, мы все испортили своими собственными руками».

Речь на втором Всероссийском торгово-промышленном съезде. 3 августа 1917 г. //

Второй Всероссийский торгово-промышленный съезд в Москве 3–5 августа 1917 г.

Стенографический отчет о первом пленарном заседании съезда 3 августа. М., 1917.

С. 3–8. 226, 474

С

С-й В. Об отношении христианства к социализму // Всероссийский Церковно-Общественный Вестник. 1917. 29 августа. № 105. 439

С-й В. Почему социалистические газеты молчат о религиозных делах? // Всероссийский Церковно-Общественный Вестник. 1917. 17 сентября. № 113. 439

Сакартвело (Грузия) – общественно-политическая газета, с 1917 – орган Национально-демократической партии Грузии. Тифлис, 1915–1921. 155, 275, 399, 453, 541

Саликовский А.Ф. Съезд народностей // Власть Народа. 1917. 10 сентября. № 114. 352, 510

Свобода и Культура – еженедельный журнал, орган правого крыла кадетской партии.

Санкт-Петербург, 1906. 114, 440

Свободное Слово – ежемесячный русский журнал социал-демократической группы. Нью-Йорк, 1915–1916. 414

Свободный Народ – ежедневная газета, орган партии народной свободы. Петроград, 1917. 28, 43, 62, 96, 411, 532, 546

Священный собор Православной Российской церкви 1917–1918 гг. Обзор деяний. Сессия первая / Сост. А.Г. Кравецкий, А.А. Плетнёва, Г.А. Шредер, Г. Шульц. М., 2002. 491

Северная Почта – еженедельная газета, официальный орган министерства внутренних дел. Санкт-Петербург, 1862–1868. 464

Северная Пчела – с 1831 ежедневная политическая и либеральная газета. Санкт-Петербург, 1825–1864. 437, 438

Северный Голос – ежедневная легальная социал-демократическая газета. Санкт-Петербург, 1905. 551

Семковский С.Ю. Наступление или перемирие // Летучий Листок меньшевиков-интернационалистов. 1917. № 2. С. 1–4. 81, 434

Слабость демократии – сила Корнилова. Без подписи // Рабочая Газета. 1917. 30 августа. № 147. 495

Следственное дело большевиков: материалы Предварительного следствия о вооруженном выступлении 3–5 июля 1917 г. в г. Петрограде против государственной власти. Июль–октябрь 1917 г. Сборник документов в 2 кн. Кн. 1 / Под ред. О.К. Иванцовой. М., 2012. 467

Слонимский Л.З. *«Печальные дела русской революции и их политические последствия» // Вестник Европы. 1917. № 7–8. С. 395–414. 302, 499

Слонимский Л.З. Экономическое учение Карла Маркса. СПб., 1848. 551

- Слово в Цепях – ежедневная политическая и литературная газета, орган народных социалистов. Петроград, 1917. 547
- Слово и Дух. Антология русской духовной поэзии (X–XX вв.) / Сост., подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. проф. И.А. И.А. Чароты. Минск, 2010. 438
- Слово о полку Игореве. 451, 452
- Смирнов Ал. Новое расширение эмиссионного права и выпуски кредитных билетов за время войны // Торгово-Промышленная Газета. 1917. 10 (23) сентября. № 198. 519
- Смирнов Е. Анархия или государственное строительство? // Власть Народа. 1917. 4 июля. № 57. 125, 445
- Смирнов Е. Не по пути // Власть Народа. 1917. 3 июня. № 31. 28, 416
- Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Выпуски 1–4. М., 1994. Репринт 1918. 493
- Собрание Указаний и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате – журнал. Санкт-Петербург, 1863–1917. 484
- Совещание с.-д. членов Всероссийского съезда Р. и С. Д. Во фракции большевиков // Новая Жизнь. 1917. 1 (14) июня. № 37. 416
- Современник – ежемесячный журнал литературы, политики, науки, истории, искусства и общественной жизни. Санкт-Петербург; Петроград, 1911–1915. 554
- Современное Слово – ежедневная общедоступная политическая, литературная и общественно-экономическая газета кадетского толка. Санкт-Петербург; Петроград, 1907–1918. 532
- Современные Записки – ежемесячный общественно-политический и литературный журнал социалистов-революционеров. Париж, 1920–1940. 497, 488
- Соколов Вас. Культурные задачи свободной церкви // Русская Свобода. 1917. № 6. С. 13–17. 425
- Соколов Вас. Патриарх // Русская Свобода. 1917. № 24–25. С. 28–32. 425
- Соколов Вас. Реставрация или стилизация? // Русская Свобода. 1917. № 16–17. С. 13–17. 425
- Соколов В.А. Церковь и государство // Всероссийский Церковно-Общественный Вестник. 1917. 25 июня. № 56. 50, 425
- Солдатенко В. Ф. Генеральний секретаріат Української Центральної Ради // Політична енциклопедія. Київ, 2011. 477
- Солдатенко В.Ф. Україна в революційну добу: Історичні есе-хроніки. У 4 т. Т. 1. Рік 1917. Харків, 2008 476
- Солдатенко В.Ф. Українська революція як суспільний феномен: пошук методологічних засад дослідження // Центральна Рада і український державотворчий процес. Матеріали наукової конференції. Ч. 1. Київ, 1997. 449
- Социал-Демократ – нелегальная газета, центральный орган РСДРП, с 1912 – центральный орган большевиков. Вильно; Санкт-Петербург; Париж; Женева, 1908–1917. 169, 357, 457
- Социал-Демократ – ежедневная газета, орган Московского областного бюро, Московского комитета и Московского окружного комитета РСДРП(б). Москва, 1917–1918. 392, 456, 523
- Социал-демократическая рабочая партия. Редакционная статья // Всероссийский Церковно-Общественный Вестник. 1917. 14 мая. № 26. 474
- Социологические исследования (СоцИс) – ежемесячный научный и общественно-политический журнал РАН. Москва, с 1974. 508
- Социалистический Вестник – журнал, орган Заграничной Делегации РСДРП. Берлин; Париж; Нью-Йорк, 1921–1965. 533, 539
- Спиридонова М.А. О задачах революции // Наш Путь. 1917. № 1. С. 3–12. 267, 485
- Сталин И.В. Вторая волна // Рабочий Путь. 1917. 22 сентября (9 сентября). № 6. 349, 509

- Сталин И.В.* Демонстрация протеста // Правда. 1917. 3 июля (20 июня ст. ст.). № 86. 63, 428
- Сталин И.В.* На демонстрации // *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 3. С. 100–103. 428
- Сталин И.* На путях к Октябрю. Статьи и речи. Март–октябрь 1917. М.; Л., 1925. 428, 409
- Сталин И.В.* Победа контрреволюции // Рабочий и Солдат. 1917. 23 июля. № 1. 175, 460
- Сталин И.В.* Сочинения. Т. 3. М., 1946. 428, 460, 509
- Сталин И.В.* Торжество контрреволюции // Пролетарское Дело. 1917. 1 августа (19 июля ст. ст.). № 5. 460
- Сталь Л.Н.* Кризис власти // Работница. 1917. № 8. С. 2–3. 217, 471
- Степанов М.* Православная церковь в социалистическом государстве // Московский Церковный Голос. 1917. [11?], 14, 17 июля. № 19, 20, 21. 439
- Стрельба на Невском. Без подписи // Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 5 июля. № 109. 463
- Струве П.Б.* Иллюзии русских социалистов // Русская Свобода. 1917. № 7. С. 3–6. 111, 116, 440
- Струве Петр.* Интеллигенция и революция // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909. С. 127–145. 418
- Струве Петр.* Лига русской культуры // Русская Свобода. 1917. № 3. С. 3–5. 452
- Струве Петр.* Наша задача // Русская Свобода. 1917. № 1. С. 3–5. 440, 441
- Струве Петр.* По поводу спора кн. Е.Н. Трубецкого с Д.Д. Муретовым // Русская Мысль. 1916. Книга VI. С. 95–97. 452
- Струженицов М.И.* Вегетарианство и православно-христианский взгляд на него. М., 1901. 554
- Струженицов М.И.* О верности своему призванию. М., 1898. 554
- Струженицов М.И.* О папстве Христа Спасителя. Орел, 1899. 554
- Струженицов М.И.* Об отношении к переживаемым событиям. Тезисы доклада на Всероссийском съезде православного духовенства и мирян. 2 июня // Всероссийский Церковно-Общественный Вестник. 1917. 6 июня. № 42; Московский Церковный Голос. 1917. 29 июня. № 16. 16, 411
- Судебное Обозрение – еженедельный юридический журнал. Санкт-Петербург, 1902–1905. 540
- Суханов Н.Н.* Записки о революции. Кн. 1–7. Берлин; Пг.; М., 1922–1923. 554
- Суханов Н.Н.* В порядке дня // Новая Жизнь. 1917. 11 (24) июля. № 71. 163, 454
- Съезду, созванному ЦК РСДРП. Письмо Центрального Бюро меньшевиков-интернационалистов. 2 августа // Новая Жизнь. 1917. 3 августа. № 91. 219, 473
- Т**
- Текущий момент. Без подписи // Рабочий Путь. 1917. 23 сентября (10 сентября ст. ст.). № 7. 511
- Титлинов Б.* Все – в прошлом // Русская Воля. 1917. 3 сентября. № 209. 493
- Титлинов Б.* Истоки соборности // Русское Слово. 1917. 2 сентября. № 201. 493
- Титлинов Б.* Лик Христа // Русское Слово. 1917. 17 августа. № 187. 492
- Титлинов Б.В.* Молодежь и революция. Из истории революционного движения среди учащейся молодежи духовных и средних учебных заведений. 1860–1905 гг. Л., 1925. 555
- Титлинов Б.В.* Политические партии в свете христианства // Всероссийский Церковно-Общественный Вестник. 1917. 3 августа. № 84. 220, 474
- Титлинов Б.В.* Православие на службе самодержавия в русском государстве. Л., 1924. 555
- Титлинов Б.* Русское патриаршество // Русское Слово. 1917. 27 сентября. № 220. 492
- Титлинов Б. В.* Смысл обновленческого движения. Пг., б/г. 555
- Титлинов Б.* Соборный порыв // Русское Слово. 1917. 20 августа. № 190. 492
- Титлинов Б.В.* Церковь во время революции. Пг., 1924. 555

- Толковая Библия Ветхого и Нового Завета / Под ред. проф. А.П. Лопухина. Т. 1–12. СПб., 1904–1913. 492
- Толстой Л.Н. Война и мир. 124, 490, 496
- Торгово-Промышленная Газета. Финансы. Торговля. Промышленность. Сельское хозяйство – ежедневная газета. Санкт-Петербург, 1893–1918. 379, 519
- Троцкий Л.Д. Двоебезвластие. К характеристике современного момента // Вперед. 1917. 15 (2) июня. № 1. С. 2–4. 31, 416
- Троцкий Л.Д. Дни испытания // Вперед. 1917. 22 июля (9 июля). № 6. С. 2–3. 157, 453
- Троцкий Л.Д. Кровью и железом... // Пролетарий. 1917. 31 августа (18 августа). № 5. 298, 497
- Троцкий Л.Д. На чистую воду! // Рабочий Путь. 1917. 21 сентября (8 сентября). № 5. 326, 505
- [Троцкий Л.Д.] Наступление и наступленцы // Вперед. 1917. 11 июля (28 июня). № 5. С. 1–2. 79, 433
- Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. III. Часть I. М., [1924]. 416, 433, 453
- Трубецкой Е., князь. К вопросу о патриаршестве (Ответ профессору Титлинову) // Утро России. 1917. 29 сентября. № 234. 493
- Трубецкой Евгений, кн. Новое язычество и его «огненные слова». Ответ Д.Д. Муретову // Русская Мысль. 1916. Книга VI. С. 89–94. 452
- Трубецкой Евгений, кн. Развенчание национализма. Открытое письмо П.Б. Струве // Русская Мысль. 1916. Книга IV. С. 79–87. 452
- Труд, земля и море – ежедневная газета политической и экономической жизни в Кронштадте, орган Трудового социалистического союза. Кронштадт, 1917. 92
- Трутовский В. Испуганный обыватель. (Предвыборные группировки) // Дело Народа. 1917. 26 мая. № 58. 429
- Тургенев И.С. Новь. 464
- Тыркова А.В. Перед лицом страны // Речь. 1917. 18 (31) августа. № 193 (3935). 252, 482

У

- Україна в революційну добу: Історичне есе-хроніки. у 4 т. Т. 1 : Рік 1917. Харків, 2008. 449
- Україна: 1917 рік. Київ, 2012. 450
- Українська Центральна Рада. Документи і матеріали. У 2 т. Т. 1. 4 березня – 9 грудня 1917 р. Київ, 1996. 436, 477
- Украинская Жизнь – ежемесячный научно-литературный и общественно-политический журнал. Москва, 1912–1917. 530, 550
- Уличенный в церкви провокатор (подписано Р.П.) // Московские Ведомости. 1917. 27 августа. № 188. 492
- Усов П. Из моих воспоминаний // Исторический Вестник. 1882. № 2. С. 345–362. 438
- Утро – газета. Харьков, 1918. 532
- Утро России – ежедневная газета, орган московских промышленников, с 1912 – партии прогрессистов. Москва, 1907, 1909 – 1918. 285, 326, 419, 487, 492, 493, 504, 505, 556

Ф

- Филоненко М. Оборона Петрограда в августовские дни. (Письмо в редакцию) // День. 1917. 8 сентября. № 158 (16117). 505

Х

- Хаустов Ф.П. «Окопная правда» (очерк) // Красная Летопись. 1927. № 3 (24). С. 108–114. 64, 429

Ц

- Цаликов А.Т. Шалости реакции // Новая Жизнь. 1917. 21 июня (4 июля). № 54. 52, 426

- Цветаева М. И.* Лебединый стан. Стихи 1917–1920 гг. Мюнхен, 1957. 485
- Церетели И. Г.* Воспоминания о Февральской революции. В 2 кн. Paris; Mouton & Co. La Haye, MCMLXIII. 496
- Церетели И. Г.* Исторические письма депутата Государственной думы Ираклия Церетели. Кутаиси, 1907. На груз. яз. 496
- Церковные Ведомости – еженедельный журнал, официальный орган Святейшего правительствующего Синода. Санкт-Петербург, 1888–1918. 425, 491, 425, 491
- Церковный большевизм (подписано А.А.Б.В.) // Московские Ведомости. 1917. 19 августа. № 181. 492
- Церковь в революции: организация и работа Всероссийского съезда духовенства и мирян 1917 г. / Вступ. статья и публ. М.В. Каиля // Новейшая история России. 2013. № 1. С. 241–255. 412
- Церковь как общественная сила. Редакционная статья «Всероссийского церковно-общественного вестника» // Всероссийский Церковно-Общественный Вестник. 1917. 19 июля. № 72. 197, 465

Ч

- Частное совещание членов Гос. Думы // Речь. 1917. 19 июля (1 августа). № 167 (3909). 468, 472
- Чего не делать. Без подписи // Рабочий. 1917, 12 сентября (30 августа ст.ст.). № 8. 500
- Череванин Н.* Два полюса // Рабочая Газета. 1917. 22 августа. № 139. 287, 493
- Череванин Н.* Уроки манифестации 18 июня // Рабочая Газета. 1917. 20 июня. № 85. 68, 429
- Чернов В. М.* Анархистствующий бланкизм // Дело Народа. 1917. 13 июня. № 73. 69, 429
- Чернов В. М.* Записки социалиста революционера. Берлин; Петербург; Москва, 1922. 557
- Чернов В. М.* Ложный вывод из правильной предпосылки // Дело Народа. 1917. 15 июня. № 75. 102, 438
- Чернов В. М.* Перед бурей. Нью-Йорк, 1953. 557
- [*Чернов В. М.*] Программа-максимум и программа-минимум // Революционная Россия. 1904. № 41. С. 5–8. 485
- Чернов В. М.* *Час настал! Воззвание в связи с выступлением генерала Л. Г. Корнилова. Не ранее 25 августа // ГПИБ. Центр социально-политической истории. Коллекция листовок. Партия эсеров. 289, 494

Ш

- Шапиро А. М.* Опасные иллюзии // Голос труда. 1917. 22 сентября. № 7. 383, 520
- Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 года. Протоколы. М., 1958. 473, 474
- Шингарев А.* Война, трезвый бюджет и налоги // Речь. 1917. 31 августа (13) сентября. № 233 (2902); 2 (15) сентября. № 235 (2904); 5 (18) сентября. № 238 (2907); 9 (22) сентября. № 242 (2911); 11 (24) сентября. № 244 (2913); 14 (27) сентября. № 247 (2916); 21 сентября (4 октября). № 254 (2923); 24 сентября (7 октября). № 257 (2926). 519
- Шингарев А. И.* По наклонной плоскости // Речь. 1917. 19 сентября (2 октября). № 220 (3962). 377, 518
- Шингарев А. И.* Реконструкция // Речь. 1917. 24 сентября. № 225. 401, 525
- Шишко Л.* К вопросу об аграрной программе в связи с теорией научного социализма. М., 1906. 485
- Шульгин В. В.* «Пусти, я сам!» // Русская Свобода. 1917. № 7. С. 10–13. 24, 415
- Шульгин В. В.* Этап // Русская Свобода. 1917. № 10–11. С. 21–26. 85, 434

Щ

- Щит – еженедельный общедоступный [общественно-политический] журнал. Санкт-Петербург, 1906. 547

Э

Энгельс Ф. Эмигрантская литература. II. Программа бланкистских эмигрантов Коммуны
// Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 18. М., 1961. С. 510–517. 501

Ю

- Южный Рабочий – социал-демократическая нелегальная газета. № 1 и № 2 изданы
Екатеринославским комитетом РСДРП, последующие социал-демократической группой «Южный Рабочий». Екатеринослав, 1900–1903. 543
- Южный Рабочий – ежедневная газета, орган Одесского комитета РСДРП(меньшевиков).
Одесса, 1917–1920. 533
- Южное Слово – ежедневная газета. Одесса, 1919–1920. 532
- Юридический Вестник – журнал Московского юридического общества, издавался
«при содействии Санкт-Петербургского юридического общества им. А.И. Чупрова».
Москва, 1913–1917. 150, 452

Bernstein E. Die International der Arbeiterklasse und der Europäische Krieg. Tübingen, 1915.
40, 422

Die Neue Zeit (Новое Время) – теоретический журнал Германской социал-демократической партии. Штутгарт, 1883–1923. 421

Sokolov Andrei Vladimirovich. Dans le royaume de la famine et de la haine. La Russie bolcheviste (В стране голода и ненависти. Большевицкая Россия). Paris, 1920. 532

Le Temps (Время) – буржуазная газета, фактически официальный орган министерства иностранных дел. Париж, 1861–1942. 308

The Times (Времена) – газета, главный орган консервативной английской буржуазии.
Лондон, с 1785. 308

La Voix du Travail (Голос Труда) – анархо-синдикалистский журнал. Париж, 1930. 557

Das Vorwärts (Вперед) – газета, орган Германской социал-демократической партии.
Берлин, 1891–1933. 533

Die Zukunft (Будущее) – ежемесячный научно-популярный и литературный журнал на идиш, основан Социалистической рабочей партией в США. Нью-Йорк, 1892–1898, с 1902. 533

Die Zukunft (Будущее) – немецкая социал-демократическая газета. Берлин, 1892–1922.
281, 490

Научное издание

**РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА
ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОКОВ
В трех томах**

ТОМ 2

ИЮНЬ–СЕНТЯБРЬ

Ведущий редактор *Н. А. Волынчик*
Редактор *В. Т. Веденеева*
Художественный редактор *А. К. Сорокин*
Технический редактор *М. М. Ветрова*
Выпускающий редактор *Н. Н. Доломанова*
Компьютерная верстка *Т. Т. Богданова*
Корректор *К. В. Васильева*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 04.08.2017.
Формат 70х100/16. Усл.-печ. л. 37.
Тираж 1000 экз. Заказ 5843

Издательство «Политическая энциклопедия»
127018, Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи, д. 40, стр. 1
Тел.: 8 (499) 685-15-75 (общий, факс), 8 (499) 672-03-95 (отдел реализации)

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(499)270-73-59